ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ АРХИВ

Книга третья

К 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова
1887 г. — 13 (26) октября — 2012 г.

НИКИТА ПЕТРОВИЧ ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ

Исследования. Материалы.
Библиография. Рецензии

Под общей редакцией
А. П. Дмитриева

Росток

Санкт-Петербург
2013

ББК Ш6(2=Р)52-303
УДК 821.161.1-4«18»
Г89

ББК Ч612.3-52
УДК 002.5(09)(470-20-89)
Г89

Рецензенты:
доктор филологических наук *А. М. Любомудров*
кандидат филологических наук *Ю. М. Прозоров*

Ответственный редактор-составитель:
кандидат филологических наук *А. П. Дмитриев*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-00106а («Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: подготовка комментированного издания сочинений и писем»)

Издано при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13–04–16022)

Г89 **Никита Петрович Гиляров-Платонов**: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А. П. Дмитриева. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2013. — 944 с.: ил.

Историко-литературный сборник посвящен жизни и творчеству замечательного русского мыслителя славянофильской ориентации Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887) и приурочен к 125-й годовщине со дня его кончины. Первую часть книги составили статьи о разных аспектах мировоззрения и деятельности писателя (как историософа и мемуариста, эстетика и литературного критика, цензора и журналиста) и о взаимосвязях его наследия с творчеством Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Б. А. Пильняка. В раздел «Материалы» вошли многочисленные публикации архивных документов, освещающих все этапы творческого пути Гилярова-Платонова. Это мемуары, сочинения по эстетике и экзегетике, дневники, письма, цензорские отзывы, судебные протоколы, редакционные инструкции, служебные аттестаты, а также не переиздававшиеся газетные статьи мыслителя об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, Вл. С. Соловьеве, И. С. Аксакове, М. Г. Черняеве, А. М. Бутлерове и др. Завершают книгу выборочная постатейная роспись гиляровской газеты «Современные известия» в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова (1880—1881), рецензии на издания славянофильского наследия и указатель имен.

Сборник адресован читателям, глубоко интересующимся историей русской консервативной и религиозной мысли и литературно-общественного движения второй половины XIX в.

ISBN 978-5-94668-133-9

Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ
(1881)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Выдающемуся религиозному философу, публицисту, общественному деятелю славянофильского направления Никите Петровичу Гилярову-Платонову (23.V (4.VI).1824, Коломна — 13 (25).X.1887, Петербург) выпала судьба литературного изгнанника. Уже в начале прошлого века, когда минуло всего полтора десятка лет со дня его кончины, ему был посвящен сборник критико-биографических материалов под знаковым названием «Неопознанный гений» (М., 1903).[1] Но вот пролетело еще столетие. И уже наш современник, историк В. М. Острецов, дает сходную оценку масштабу его личности:

> ...крупнейшим мыслителем второй половины XIX века был, на мой взгляд, не компилятивный Владимир Соловьев, а Никита Петрович Гиляров-Платонов, своеобразнейший русский историк и публицист.[2]

И хотя имя этого мыслителя до сих пор не заняло подобающего ему места в нашем национально-культурном сознании и он даже не прочитан как следует,[3] в самые последние годы интерес к его творческому наследию отчетливо обозначился[4] и есть основания предполагать, что в нынешнем столетии эта досадная несправедливость по отношению к творческому наследию Гилярова[5] будет наконец преодолена.

Профессор Б. В. Никольский, автор, пожалуй, самых проницательных статей, выяснявших место Гилярова в отечественной культуре, справедливо писал о нем как об одном из наиболее глубоких выразителей именно *русской идеи*:

> Гиляров-Платонов — первоклассный ум, выдающийся писатель, которого если сравнивать, то только и можно сравнивать с Хомяковым, Киреевским, Страхо-

---

[1] Составлен его почитателем — экономистом, прозаиком и публицистом консервативного направления С. Ф. Шараповым.

[2] *Острецов В.* Самодержавие и народ // Слово. 1994. № 1/6. С. 6.

[3] Только недавно увидели свет четыре издания: *Гиляров-Платонов Н. П.* 1) «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. 720 с.; 2) *Из пережитого. 2009.* Т. 1—2; 3) Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ; Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.; 4) *Разумевающие верой.* (Здесь и далее в подстрочных примечаниях при указании на печатные и архивные источники используются условные сокращения, включенные в *Список сокращений* в наст. изд. на с. 894—896.)

[4] См., например, сб.: *Возвращение Гилярова.*

[5] В дальнейшем в нашем издании, как правило, фамилия Гилярова-Платонова будет указываться сокращенно, без второй части, — как это принято было среди его современников, в литературе второй половины XIX в.

вым. <...> Тут не только богатство мысли, роскошь ума, цвет просвещения: тут родной нам дух, тут речь, идущая прямо к сердцу русского человека. [6]

И еще:

Евангельская чистота ума и безупречная искренность мысли соединяются в нем с совершенно исключительною широтой и беспристрастием воззрений. [7]

Впрочем, и многие выдающиеся современники Гилярова — Достоевский и Л. Толстой, Фет и Лесков, отец и сыновья Аксаковы, Хомяков и Вл. Соловьев — отдавали должное своеобразию его мысли, изяществу стиля, нравственному влиянию его личности. С особым пиететом к Гилярову относился В. В. Розанов, постоянно ссылавшийся на его суждения, в 1895 г. сетовавший: «...мало понятый, мало оцененный у нас Н. П. Гиляров-Платонов», [8] а в 1899 г. писавший о нем:

Открывался чрезвычайный ум, показывался глубокий мыслитель, которого Россия не умела заметить у себя, погруженная во всяческие «измы» <...> это был философ и вместе поэт, аналитик и вместе синтетик русского духа, русской стихии... [9]

Приведем еще некоторые красноречивые оценки Гилярова, принадлежавшие довольно выдающимся его современникам и обращенные напрямую к нам, их потомкам.

Адвокат, правовед, судебный оратор Ф. Н. Плевако:

Он говорил как философ и мыслитель, а масса, простая масса, которой недоступны хитроумные соображения высшего порядка, узнавала в его глубокомысленном слове отклики своего сердца. Так писать и говорить могут только посланные народу Его посланники. [10]

Фольклорист, исследователь древнерусской письменности Е. В. Барсов:

Как мало живым соучастием мы бережем подобных людей при их жизни, так же скоро забываем их и по смерти. <...> Но вот на могилах подгниют деревянные кресты, осядут или пошатнутся каменные памятники, и в это время уже вырастут новые люди, которые воскресят эти былые наши светочи в нравственном величии их ликов для своих современников. В ряду других воскреснет тогда в потомстве и твой образ, во всем его нравственном блеске, незабвенный Никита Петрович, доблестный воин на поприще многолетнего общественного служения! [11]

Экономист, публицист, издатель С. Ф. Шарапов:

Так же незаметно для современников сойдя в могилу, как и другой великий русский мыслитель А. С. Хомяков, Н. П. Гиляров-Платонов, как и он, оживет в по-

---

[6] *Никольский Б.* <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I—II> // *ИВ.* 1900. Т. 81. Июль. С. 271, 272.

[7] *Никольский Б.* Философ духа жизни // *НВр.* 1900. 25 июля. № 8767. С. 2.

[8] *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 251. (Собр. соч.: <В 30 т.; Т. 7>).

[9] *Розанов В.* <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I> // *НВр.* 1899. 9 июня. № 8361. С. 8.

[10] Московский листок. 1887. 20 окт. № 292. С. 2.

[11] Там же.

томстве, когда русские люди научатся мыслить по-русски, т. е. вполне самостоятельно, вырастут духом и освободятся от нынешнего умственного плена...[12]

Поражает многогранность дарования Гилярова: он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и автор многочисленных статей по общественно-политическим, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью не уступают подчас творениям писателей первого ряда. Вместе с тем Гиляров явился и незаурядным деятелем культуры и ее охранителем на разных своих жизненных поприщах: и как один из самых ярких преподавателей Московской духовной академии (1848—1855) и, по выходе из нее, активный участник литературно-общественного процесса второй половины 1850—1880-х гг., и как либеральный цензор в начале царствования Александра II и — затем — управляющий Московской Синодальной типографией (1863—1868), спасший ее рукописные и книжные богатства для потомства, и как бессменный в течение двадцати лет редактор ежедневной московской газеты «Современные известия» (1867—1887), веское, исполненное высокого нравственного достоинства слово которой разносилось далеко по просторам пореформенной России.

Все эти грани творчества Гилярова, равно как и основные этапы его жизненного пути и общественной деятельности, — в центре внимания авторов настоящего сборника, основанного главным образом на новых, впервые вводимых в научный оборот материалах, выявленных в московских и петербургских архивохранилищах, а также на множестве незаслуженно забытых публикаций, затерянных на страницах периодики 1850—1880-х гг., и прежде всего гиляровской газеты.

Книга приурочена к 125-й годовщине со дня кончины мыслителя и объединяет, за единичными исключениями, труды исследователей из трех городов, с которыми была связана его судьба: *Коломны*, где он родился и жил до 14 лет; *Москвы*, ставшей ему второй родиной; *Петербурга*, где он часто бывал и где ему довелось завершить свой земной путь.

Угловые скобки означают конъектуру публикатора, квадратные — авторские вычеркивания в тексте; подчеркнутые слова передаются курсивным выделением. При публикации архивных документов орфография и пунктуация автографов максимально сохраняются, если только кардинально не противоречат современной норме. Поэтому, например, не производилось сплошной унификации в употреблении строчной и прописной букв, отображающем отношение автора к тем или иным явлениям и его оценку, а также принятую в XIX в. канцелярскую форму слововыражения.

[12] Русское дело. 1897. 11 окт. № 41. С. 1.

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Котельников

Ἱστορία-historia-история: история и эпика в их единстве и раздельности

Если нет *повествования*, нет никакой *истории*.

Нет для нас, во-первых, само́й первичной истории в смысле «того, что подлинно было» — нет совокупности событий, расположенных во времени и составлявших какую-то часть мирового процесса. Эмпирически достоверные для нас материальные следы события, деяния, созидательной и разрушительной деятельности человека еще не есть история. Очевидности рождения и смерти, строительства и сражения остаются фактами, отразившимися в случайных, легко стираемых частных впечатлениях. Разумеется, затем и в памяти — но в памяти ограниченной и сомнительной, не укорененной в реальности, если она не вербализована. Эти факты не становятся историей, пока о них не сообщили нам весть, свидетельство, предание, летопись, жизнеописание, мемуары — пока о них не *рассказано*. Словесная память индивидуума, внутрисубъектная вербализация его впечатлений, наблюдений, его соучастия в происходящем вступают в культуру, становятся Историей только в нарративном поле речи, получая направленную от субъекта к субъекту эпическую форму — эпиграфики, хроникальной записи, летописной «повести», эпистолярии, воспоминаний, романа, эпопеи и т. д. История, конечно, стара, но, вопреки мнению М. Фуко, не «столь стара, как и сама человеческая память» [1] — она младше памяти на время создания рассказа о происходившем.

Соответственно, во-вторых, без повествования нет истории и в смысле упорядоченного изложения добытых из прошлого сведений о лицах, вещах и событиях в их пространственно-временной и логико-семантической связанности; следовательно, нет рационального исторического *познания*. Достоверный, но единственный факт не историчен; только связанный с другим фактом он образует историю, связь же возможна лишь в повествовательном, хотя бы минимальном, высказывании. Факт, что существовали князья Борис и Глеб, не имеет значения; *известие* же о добровольном принятии ими смерти, на которую обрек их братоубийца Святополк, уже само по себе, без летописных и житийных распространений, имеет значение *историческое* и составляет в русской истории важнейшее религиозно-нравственное событие.

Верно и обратное: если нет истории, то нет и повествования.

[1] *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad; Талисман, 1994. С. 385. Пер. Н. С. Автономовой.

В основе всякого повествования лежит некая «история», то есть эпическая фабула, персонажи и события которой могут стоять в самых разных отношениях к свершившейся жизненной реальности, но всегда такая «история» (даже трансформированная воображением, идеологическим или творческим заданием) есть *реальность* человека во времени его природного и общественного существования, представленного как развертывающийся процесс.

Поэтому мы можем выделять *эпико-историческое повествование* как особый, стволовой в эволюции словесности тип «сказывания о мире».

Ἱστορία у греков означала исследование, расспрос, историю, рассказ, знание, науку. Заимствованная у них римлянами historia получила значение сведений, знаний, изыскания, сообщения, повествования, темы рассказа, предмета толков, сказания, мифа и собственно исторического исследования и сочинения. Семантические поля французской histoire, а также родственных между собой по латинскому происхождению английских history—story, как и нашей «истории», включают сходный спектр значений.[2] Удерживаемая в течение тысячелетий связанность значений отражает сущностную близость обозначаемых явлений, в данном случае близость истории и эпики.

Близость, и на многих этапах, *единство* истории и эпики основывается на том, что повествовательное слово в той и другой ориентировано на единую реальность, работает с ее материалом. Понятно, что между исходным фактом реальности и конечным (для данного сюжета) эпико-историческим словом необходимо возникают посредствующие звенья. Они образуют два слоя. Один — первичное слово участника, очевидца события, памятная запись, документ и т. п. — всякое слово, имевшее ближайшую связь с изначальной действительностью. (Хотя при использовании таких посредствующих слов повествователь может ставить вопрос об истинности их, может сличать разные версии рассказа, они так или иначе входят в состав повествования.) Другой слой — мифологизирующее, легендарное, поэтическое слово, молва, апокриф и пр., которые производят творческую переработку той же действительности. Промежуточное место между слоями занимал «анекдот» (ἀνέκδοτος — неизданный текст; это слово также употреблялось, когда говорили о девице, не выданной замуж).[3] Оба слоя (в разных соотношениях) составляют содержание эпико-исторического повествования.

[2] Что побуждало и к каламбурному обыгрыванию полисемии в обыденной речи и в литературе: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек»; «Я историк, — отвечает Воланд на вопрос Берлиоза, — и добавляет: — Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!»

[3] Позднее он занимает место между историей и литературой. Ср. свойственное аристократу нежелание рыться в «хронологической пыли» специальных исторических разысканий, которые были чужды живому рассказу об историческом лице и «случае», и особенный интерес к такому рассказу, например, у Онегина (и у самого Пушкина): «Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей». В XIX в. анекдотом именовался малый эпико-исторический жанр; он использовался в известных публикациях Т. Толычевой (псевдоним Е. В. Новосильцевой) «Исторические рассказы

От мощного ствола «сказывания о мире» отрастали (а потом отделялись), разрастались поблизости и поодаль умножавшиеся побеги собственно фикциональной литературы, которая использовала персонологию, сюжетику, нарративные формы эпико-исторического повествования уже в своих целях. *Вымысел* — преобладающий и принципиальный в ней способ отношения к миру. Тогда как *домысел* — вспомогательный в эпико-историческом повествовании способ реконструировать действительность, дополнить картину до необходимого в данный момент познанию смыслового объема.

На античной и средневековой стадиях его становления и движения эпико-историческое повествование долго остается *синкретичным* по содержанию и стилю. Оно рационально излагает широкое свидетельское и документальное знание о народах, нравах, лицах, событиях с той максимальной степенью фактографической ответственности и достоверности, которая тогда могла быть свойственна Ἱστορία и Historia в значении скрупулезного расследования происходившего. И одновременно ведет литературный рассказ — оформляет историческое знание с той степенью образности, занимательной сюжетности и выразительности, которой обладали у греков ἔπος (с приемами ἐπιτέχνησις), а у римлян narratus imaginalis et expressus, что позволяет говорить о творческой, художественной обработке материала в такого рода произведениях.

В литературоведческих классификациях за ними закрепилось название *исторической прозы* с внутренним разделением ее в эпоху Римской империи на *анналистическое* и *биографическое* направления.

Уже в первых греческих хрониках развертывание родословий, отражавшее генеративную динамику истории, сочеталось с эффектными детализирующими описаниями, а критика сомнительных сведений, в том числе мифологических источников (ее начал применять Гекатей Милетский), сочеталась с субъективно-оценочными суждениями.

«Установить правду» — эта задача оставалась актуальной для эпико-исторического повествования на протяжении тысячелетий; на нее работали совмещаемые в одном рассказе документально-критическое описание доступной автору действительности и литературные средства ее реалистического изображения. Оглядываясь на опыт такой работы у Геродота и особенно Фукидида и Ксенофонта, Лукиан из Самосаты около 164 г. объяснял, «как следует писать историю» (название его трактата). Бесчисленных тогдашних историков,[4] угождаю-

---

и анекдоты» в «Русском архиве». Вся ближняя (с Екатерининской, в основном, эпохи) русская история для наследующего ей по культурно-родовой линии дворянства представала «в лицах» и состояла в значительной части из «анекдотов», образующих материал для устной и письменной словесности. На том же основывались и некоторые французские сочинения на исторические темы; ср. название нашумевшей книги бывшего атташе при французском посольстве в Петербурге К. Рюльера: «Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762» (A Paris, 1797).

[4] «С тех пор, как начались теперешние события, — писал он: — война с варварами, поражение в Армении и постоянные победы, — нет человека, который бы не писал истории»

щих современности, впадающих в панегиризм или неуместное многословие, он осудил беспощадно и выдвинул идеальную фигуру исторического писателя, не зависимого ни от мнений, ни от предания, ни от поэтических образцов. «Пусть суждения его будут свободны и пусть он не боится никого и ни на что не надеется» — кроме оценки его труда потомками.

> Страх перед целым городом афинян пусть не остановит его поведать о сицилийском поражении, взятии в плен Демосфена, смерти Никия и о том, как они там страдали от жажды и какую воду пили и как большинство из них в это время было перебито. [5]

Через 1700 лет Л. Н. Толстой старался следовать рекомендациям Лукиана в своем эпико-историческом повествовании о событиях и героях Крымской войны, а затем — наполеоновских войн.

Здесь уместно заметить, что на втором (послепушкинском) подъеме русского реализма в 1840—1850-е годы значительную (и подчас решающую) роль играли лично-нравственные и социально-этические мотивы «установления правды» — вчерашней и сегодняшней, обращения литературы к жизни «как она есть», к тем ее сторонам, которые до сих пор оставались вне поэтической топики и исторических разысканий и теперь представлялись подлинным и ценным жизненным содержанием. «Честность» писателя, «правдивость» слова, отныне пренебрегающего всякой статусностью (эстетической, этикетной, государственной, исторической) ради внутренней правды вещи и человека, — это было моральным императивом деятельности Гоголя, Некрасова, Л. Толстого. [6]

Так, в апреле 1855 г. Толстой платит последнюю дань традиционному батально-патриотическому пафосу и неуклонно теснит его правдивой натуралистичностью военного быта, а «рассказы о первых временах осады Севастополя», с героем Корниловым, «достойным древней Греции», перемещает из области «прекрасного исторического предания» в область повседневной «достоверности, факта». [7] В июне того же года он вообще отменяет героический статус лица или события и на очищенный эстетический постамент возводит принцип познания и воспроизведения жизненной данности:

> Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда. [8]

(*Лукиан.* Избранное. М.: Худож. лит., 1987. С. 485. (Б-ка антич. литературы. Греция). Пер. С. В. Толстой).

5 Там же. С. 499.

6 Именно такого рода свойство отметил в реализме молодого Толстого А. Ф. Писемский. О «Севастополе в мае» он сообщал А. Н. Островскому 26 июля 1855 г.: «Статья написана до такой степени безжалостно-честно, что тяжело даже становится читать» (А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 82).

7 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.> / Под общ. ред. В. Г. Черткова. Сер. I: Произведения. М.; Л.: Худож. лит., 1932. Т. 4. С. 16—17.

8 Там же. С. 59.

Вновь возрастала в цене истинность высказывания — сравнительно с его поэтической красотой, с нормативными риторико-эстетическими качествами — «возвышенностью», «изяществом», «гармоничностью»; под истинностью же подразумевалось воспроизведение в слове все той же «правды жизни». Новоевропейский и в его потоке русский реализм знаменовал новый сдвиг от ποίησις к ἀληθές, что отвечало общему смещению в европейской культуре от ἐποπτεία к ἐπιστήμη и ὠφέλημα.

Впрочем, даже Лукиан не отвергал в историческом повествовании названных качеств и допускал (сам прибегая в этом месте к выспреннему поэтизму, несмотря на свои скептико-сатирические наклонности), что историк нуждается «как бы в дуновении поэтического ветра, попутного для его корабля, который будет гордо нести его по гребням волн». Ему же принадлежит совет: историк, собрав материал и «приведя все в порядок, пусть наводит красоту и расцвечивает свой рассказ фигурами речи и занимается ритмом»; более того: «если придется к слову, можно передать и миф».[9] Многие авторы в ту пору так и поступали, в результате чего, по замечанию А. Н. Егунова, «проза, например историография, принимала поэтическую дикцию»,[10] и это не мешало историческому рассказу быть дельным и объективным.

Собственно, отнести к разным сферам словесности историко-фактическое содержание и его эпическое оформление затруднительно уже в сочинениях Геродота, Фукидида и Ксенофонта — у них одно обязательно требует другого. Ситуация была такова, что свойственный прежним историческим трудам свод разнородных сведений, подаваемых в простом хронистическом или географическом описании, больше не удовлетворял интересам читателя и запросам культуры. С другой стороны, традиционная поэтическая эпика, неизбежно утрачивая былую уверенность в истинности (и соответственно — в ценности) мифопоэтической картины мира, лишалась укорененности в прежде незыблемой культурной почве, лишалась прежнего положительного героического содержания и рисковала, под воздействием софистики, превратиться в условно-поэтические формы литературы без весомого жизненного обеспечения. Поэтому взаимоподдержка историко-фактического материала и эпических форм была необходима и естественна для сохранения познавательной и эстетической ценности литературы в ее движении по реалистическому пути. То, что в софистике было предметом риторических упражнений — экфраза, этопея, диэгесис, — стало творческим инструментом эпико-исторического повествования.

Легендарную предримскую историю Вергилий эпически биографизировал в «Энеиде» (по аналогии с гомеровской «биографизацией» мифа в «Одиссее») на тогда еще несомненном мифологическом основании — и создал авантюрно-героическое повествование, ставшее одним из ранних шедевров литературы вы-

[9] *Лукиан*. Избранное. С. 501, 502, 505. Пер. С. В. Толстой.

[10] *Егунов А.* «Эфиопика» Гелиодора // *Гелиодор*. Эфиопика. М.: Худож. лит., 1965. С. 7. (Б-ка антич. литературы. Греция).

мысла. Эпическая биографизация истории у Плутарха складывалась из отобранных им данных о выдающихся деятелях, которые он сюжетно излагал в свете своей морально-политической концепции. Он действовал на реальной, веками слагавшейся почве греко-римского мира, при этом особенно близки Плутарху были еще сохранявшиеся культурно-родовые устои этого мира, на которые и опиралось его трезво-оптимистическое миросозерцание. Поэтому в его изображении все ясно и определенно, добро и зло возникают в силу естественного порядка вещей и занимают свое место. Поэтому так уверенно отбирается и оценивается у него материал для жизнеописаний, так сжато действие, так четки и окончательны характеристики, особенно в заключительных «Сопоставлениях». Плутарх извлекает историко-биографическое содержание из разных источников, рассказывавших о жизни его героев, и вписывает его на своем эпико-историческом языке в жизнь текущую и будущую: поток жизни и речи о ней не прекращается и не иссякает. Он течет далее, через следующие века и питает средневековую и новоевропейскую эпику. Французский столяр-художник XVI в., кламсийский гражданин Кола Брюньон с восхищением читает и пересказывает Плутарха, а Ромен Роллан в 1913 г. увлеченно описывает это на галльском языке «с бургундской солью» в биографии своего персонажа. Выработанная Плутархом рационалистическая концепция человека, центральной категорией которой является *поступок*, становящийся историческим *деянием* и получающий нравственное и общественное значение, сыграла огромную роль в эпической персонологии европейских литератур.

В римской прозе I в. до н. э. — I в. н. э. наиболее плодотворной для литературного развития была словесная работа непосредственно с материалом действительности, и происходила она по двум линиям — ораторского творчества и эпико-исторического повествования. Первое использовало ближайший по времени материал в практике морально-политического воздействия на граждан, прибегая к эффектным приемам экспрессивного описания и патетической авторской оценки. Второе развертывало материал, относящийся к крупным фигурам и событиям прошлого — отдаленного и недавнего, — в картину, где выявлялись сюжеты и смыслы действительности и обнаруживался ее закономерный общий ход, а движущие силы последнего открывались в человеческой природе.

Так, Гай Саллюстий Крисп в описании Югуртинской войны и заговора Катилины, опираясь на данные истории и собственный опыт участия в политической борьбе, показывал фатальную деградацию общества, причину которой (вслед за Посидонием) он видел в неискоренимой двойственности человека. Его знаменитая характеристика Катилины не только представляет собой увлекательный образчик тогдашней «исторической прозы» — в ней он рисует глубоко психологизированную этическую коллизию личности, имевшую серьезнейшие социальные последствия. К ней обратится впоследствии и новоевропейская эпика: приуроченность характеристики к ушедшему в прошлое «потрясателю римских устоев» Луцию Катилине забудется, а романистический интерес к подобной коллизии будет только возрастать и достигнет апогея в XIX в.

Смелый душою, был он коварен, непостоянен, лжив и притворщик, жадный к чужому, своего расточитель, пылкий в страстных порывах; много красноречия, благоразумия мало. Ненасытный дух его жаждал всегда чего-то безмерного, невероятного, недосягаемого. <...> С каждым днем все сильней и сильней ожесточался его необузданный дух от бедности и от сознания своих преступлений — и то и другое росло у него теми способами, о которых я сказал выше. Побуждали его к тому же и извращенные нравы, царившие в государстве <...>. Запятнанный дух его, богам и людям ненавистный, ни ночью, ни днем не мог успокоиться: настолько совесть терзала его потрясенный ум. Отсюда бледность его, неподвижный взгляд, походка то торопливая, то замедленная. Одним словом, и в лице и в наружности — образ безумия.[11]

Тот же Катилина стал предметом четырех знаменитых речей Цицерона. Цель их совершенно определенна и очевидна: внушить сенаторам и квиритам, что от Катилины исходит страшная угроза Риму и всему государству и что он, консул Цицерон, рискуя репутацией и жизнью, предпринимает все необходимые меры, чтобы отвратить эту угрозу. Все здесь порождено исключительно ситуацией, сложившейся в октябре—ноябре 63 г. (когда Катилина, неудачливый соискатель консульства того года, готовил мятеж), и все подчинено задаче Цицерона обезвредить (а в конечном счете и уничтожить) противника и предстать «спасителем отечества». И самая выразительная характеристика личности Катилины в первой речи (прошедшая, вместе со всем текстом речей, позднейшую авторскую обработку, но, несомненно, и в выступлении оратора 8 ноября 63 г. бывшая столь же энергичной и резкой) направлена на моральную дискредитацию Катилины.

И вот, ты, — обращается Цицерон к нему, присутствовавшему здесь же, в храме Юпитера Статора, в собрании сената, — наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. <...> Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения — лежать на голой земле не только чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей.[12]

Наиболее развернутая в первой речи (и сжато варьируемая во второй) эта характеристика сосредоточивает все черты Катилины в тесном событийном пространстве происходящего *здесь и сейчас*; выделенные свойства личности сфокусированы в главной единственной теме всех четырех речей: «Катилина опасен и должен быть устранен». Обличить и осудить Катилину вместе с набранным им

[11] *Гай Саллюстий Крисп.* Заговор Катилины // Римская литература в избранных переводах. М.: Сов. писатель, 1939. С. 119—120. (Антич. литература). Пер. С. П. Кондратьева.

[12] *Цицерон Марк Туллий.* Речи: В 2 т. / Пер. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 299. (Лит. памятники).

«бесчестным сбродом пропащих людей» — на это направлены и этим ограничиваются все умственные усилия, все литературные средства Цицерона. Эффектная (и эффективная как в сенате, так и на форуме) риторика его работала на ближайший политический результат и на прославление собственных консульских заслуг. Оставаясь в пределах своих прагматических задач, Цицерон и не стремился осветить колоритную фигуру Катилины в широком потоке римской жизни. Задавая классически высокий литературно-языковой уровень европейской риторической традиции, он действовал в стороне от развития традиции эпико-исторической.

Естественно, что работавший в последней традиции Саллюстий противостоял Цицерону (доходя до ненависти к нему и будучи им ненавидим) и в своем понимании личности в истории, и в литературной постановке ее, и в частных стилевых приемах. С юности преклонявшийся перед Фукидидом, он был, по замечанию Веллея Патеркула, «соперником греков»; это относится не только к повествовательной манере, но, в значительной степени, к способности Саллюстия вникать в человеческую природу, из которой проистекают деяния отдельных людей и сообществ, образующие движение жизни. Если Цицерон неоднократно в разных речах восклицает «О времена! О нравы!» лишь для того, чтобы патетически возвысить тон своих юридических и моральных суждений, то Саллюстий вдумчиво, эпически детализирует содержание «времен» и «нравов» в их исторической динамике.

Воспитанный на Цицероне Корнелий Тацит отчасти проникся обвинительным пафосом грозного оратора, но не утратил при этом стремления разрабатывать крупные темы и изображать замечательные фигуры в эпико-историческом ключе. Интересный характерологический и как следствие его сюжетный узел завязывает он, например, на страницах одиннадцатой книги «Анналов», посвященных Мессалине. Он рассказывает, что тогда ей «уже наскучила легкость, с какою она совершала прелюбодеяния, и она искала новых, неизведанных еще наслаждений, когда Силий, толкаемый роковым безрассудством или сочтя, что единственное средство против нависших опасностей — сами опасности, стал побуждать ее покончить с притворством: их положение не таково, чтобы ждать, пока Клавдий умрет от старости; тем, кто ни в чем не повинен, благоразумие не во вред, но явные бесчинства могут найти опору лишь в дерзости». И в ходе своего рассказа о «дерзостях», настолько чудовищных, что читателю это «покажется сказкой», Тацит говорит:

> Но ничто мною не выдумано, чтобы поразить воображение, и я передам только то, о чем слышали старики и что они записали.[13]

Извлекая из заслуживающих доверия источников свидетельства о поступках и свойствах реальных исторических лиц, Тацит связывает их в сложные по

[13] *Тацит Корнелий*. Сочинения: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. Т. 1. С. 182. (Лит. памятники). Пер. А. С. Бобовича.

нравственно-психологическому рисунку образы, вводит их в хронографическое повествование, которое местами превращается то в «мрачный и непрерывный рассказ о смертях римских граждан»,[14] то в описание козней и преступлений властителей, — так складывается трагический эпос Рима времен Нерона и Домициана. В качестве одного из главных его создателей Тацита нужно считать писателем, соединявшим в своем творчестве классическую римскую историографию с художественной литературой.

* * *

Еще более тесное слияние историографии с риторической и поэтической словесностью явили в своих трудах византийские наследники греко-римской эпико-исторической традиции. Под влиянием греческой поэзии и особенно гомеровского эпоса Никита Хониат, убежденный, что история есть «своего рода *книга живых*» (курсив мой. — *В. К.*), в своей «Истории со времени царствования Иоанна Комнина» щедро наполнял многочисленными литературными анимациями повествование об эпохе Комнинов (1118—1206 гг.). Описывая, например, взятие Андроником Зевгмина, он вводит сцену убийства одним из знатных горожан своей жены ради избавления ее от поругания римлянином и завершает описание логическим заключением и патетическим обобщением:

> Таким образом, преступный любовник, увлекаемый безумной страстью, погасил свое страстное желание, потому что уже не стало предмета его страсти, а истинно несчастная любовница не видала уже более дней веселья. О роковое сплетение дел человеческих! О какие трагедии разыгрываются на многолюдном театре мира коварным и завистливым Телхином![15]

Пером историка зачастую властно управляет чисто литературный интерес, и Хониат не может удержаться от умножения иронических уподоблений и пространных амплификаций. Так поступает он, характеризуя молодого преемника Феодора Кастамонита, логофета при Исааке Ангеле:

> И был он точно шмель или комар жужжащий в ухо льву; чернокожий карлик, управляющий громадным великаном земли — слоном; снурочек, которым тащат верблюда за нос, или, как выразился бы иной остряк, густая сера, заложившая царские уши и препятствующая доступу к ним извне живых звуков; закрытый проход, узкая дверочка, замочек на дороге к царю![16]

Хониата в равной мере захватывают и сам величественный ход политических и военных событий эпохи, и характеры деятелей, и повествовательно-

---

[14] Там же. С. 304.

[15] *Хониат Никита.* История со времени царствования Иоанна Комнина: В 2 т. Рязань: Александрия, 2003. Т. 1. С. 147. (Визант. ист. б-ка). Перевод выполнен в 1860 г. под редакцией проф. В. И. Долоцкого.

[16] Там же. Т. 2. С. 94.

изобразительное письмо, обильное тропами и риторическими фигурами, и моралистический пафос.

В гораздо меньшей степени это относится к сочинениям Иоанна Киннама и Георгия Акрополита, в большей — к первому в Византии мемуарному сочинению — «Хронографии» Михаила Пселла. Замечательным образцом хроникально-биографического эпоса, документально точного и обладающего значительными художественными достоинствами, явилась «Алексиада» Анны Комниной.

В множестве произведений такого рода историко-фактический ряд и ряд риторико-поэтический остаются равноправными частями цельного эпико-исторического повествования.

В русском летописании XII—XV вв. безусловно преобладал первый из названных рядов и единичными вкраплениями представлен второй. Редкие случаи сколько-нибудь подробных персональных характеристик ориентированы не на создание индивидуально-образного представления о человеке, а на заполнение издавна выработавшегося набора преформ для фигур, олицетворявших определенные типы воина, князя, врага, которые в силу необходимости выдвигались на арену событий.

Подобную характеристику находим в Ипатьевской летописи:

> Сий же благовѣрный князь Володимѣръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, рукы же имѣя красны и ногы; рѣчь же бяшетъ в немъ толъста и устна и исподняя дебела, глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловець хитръ, хороборъ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мъздоимѣцъ, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи отъ възраста своего. Любовь же имяѣше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестьномъ же целованьи стояше со всею правдою истиньною, нелицемѣрною; страха же Божия наполненъ, паче же милостыни прилежаше...[17]

Уплотненный во временнóм следовании событийно-предметный ряд летописания почти не оставлял места для личности деятеля в ее собственном умственном и нравственном содержании, в ее бытовом, семейном и общественном окружении. Она не была значимой величиной для летописца. Если не было существенных с его точки зрения военно-политических событий, ему просто не о чем было писать. В Галицко-Волынской летописи под 1242 и 1244 гг. помечено: «Не бысть ничтоже» («Не было ничего»). Хронографический корпус в летописании складывался из повествовательных отрезков и сопутствующих описаний, не обнимаемых большими историческими сюжетами (завоевание территорий и народов, борьба за центральную власть, устроение государственно-политической и общественной жизни) или историософской мыслью автора. В компетенцию летописца входили только осведомленность о происходящем и беспристрастное записывание его — но не развертывание причинно-следственных связей, не выявление кроющихся в характере деятеля мотивов его поведения, не создание картины движущейся действительности в каком-либо смысловом освеще-

[17] Русские летописи. Рязань: Александрия, 2001. Т. 11: Ипатьевская летопись. С. 605.

нии. Летопись признает только конечные смыслы жизни, а они принадлежат ведению Бога, поэтому все происходит или благоволением, или попущением Его. Личные интересы человека, его цели, планы их достижения, волевые устремления, страсти не играют существенной роли в движении жизни, как то и изображает летописание. Доминирующая документальность летописи, как правило, не восполнялась автором до эпико-исторического повествования, а лишь местами, по обстоятельствам, сопровождалась церковно-риторическим словом.

Однако уже в летописных массивах намечалось вычленение отдельных фрагментов, содержание которых для автора и современников имело большее, чем в других эпизодах, значение, и потому они выделялись тематически и стилистически, хотя по жанровой конфигурации они оставались еще не вполне определенными. Таковы, например, летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев. В одной из них (записанной в Ипатьевской летописи под 1185 г.) появляется покаянное признание Игорем своих грехов и преступлений против ближних, что вносит в рассказ о походе яркий нравственный мотив и момент личной экспрессии:

> Помянухъ азъ грѣхы своя пред Господомъ Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбов у Переяславля <...>. И та вся створивъ азъ, — рече Игорь, — не достойно ми бяшеть житии! <...> Се возда ми Господь по беззаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь, и прави суди его зѣло. Азъ же убо не имамъ со живыми части.[18]

Динамичное развитие подобных и сопутствующих мотивов в поэтизированном изложении данного сюжета получает авторскую эстетически завершающую форму «трудной повести» — создается «Слово о полку Игореве». Впоследствии эта форма как готовый и наилучший образец была использована автором «Задонщины» для новой разработки военно-героической темы и поэтического выражения нравственной идеи в этом произведении, закрепившей такой тип повести.

Русский героический эпос возник и развивался преимущественно на легендарно-фольклорной почве, а собственно эпико-историческое повествование получило развитие в жанре повести — исторической, военной, житийной, бытовой. В начале XIX в. единственным и самым удачным опытом широкого воссоединения исторического материала и обновленной эпической формы стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Но преромантический и романтический периоды ознаменовались уже уходом эпики в область квазиисторического повествования и стилизаций, где эстетическое задание, продиктованное меняющимися вкусами, модой, общим движением словесности, господствовало над историко-познавательным. Появляются карамзинские «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница», «Марьина роща» В. А. Жуковского, «Оскольд» М. Н. Муравьева, «Повесть о суздальском князе Симеоне» Н. А. Полевого, «Роман и Ольга», «Изменник» А. А. Бестужева-Марлинского и множество подоб-

[18] Русские летописи. Т. 11. С. 433—434.

ных им повестей, а затем и исторических романов, открывающих, под начальным влиянием В. Скотта, длительную эпоху *беллетризации истории.*

Между тем и в России уже с середины XVIII в. шла работа по собиранию, систематизации историко-фактического материала, изложение которого приняло у В. Н. Татищева не повествовательные, а описательно-аналитические формы. Ценностно-познавательный акцент в этом направлении работы решительно переносился с исторического *сюжета* на исторический *процесс*, с *героя* истории на *факторы* исторической динамики. Татищевым была отвергнута провиденциалистская точка зрения и предпринята серьезная попытка рационального объяснения именно исторического процесса, для чего был выдвинут фактор «умопросвещения», который, по мнению автора «Истории Российской с самых древнейших времен», содействовал благотворным изменениям в государственном и общественном укладе русской жизни. У И. Н. Болтина таким фактором оказывается природная среда, воздействующая через нравы людей на общество. М. М. Щербатов концептуализировал собранный им обширный материал летописания, древних юридических и дипломатических документов с позиций самодержавно-аристократической государственности и дал первую консервативную версию истории России. С этих пор историография становилась самостоятельной областью культуры, вырабатывала свой научный аппарат и язык (заимствованный из деловой письменности и отчасти скалькированный с языка французских и немецких историографов) и не нуждалась в литературном оформлении.

Но и литература все меньше нуждалась в реальной исторической почве.

Давно и неуклонно отделявшееся от стволового эпико-исторического повествования, ставшее в значительной мере автономным жанрово-стилевое развитие эпики в русле фикциональной литературы, начиная уже с «Эфиопики» Гелиодора, с «Повести о Херее и Каллирое» Харитона, вело к быстрому тематическому и техническому усложнению и обогащению прозы, на фоне чего традиционное эпико-историческое повествование стало выглядеть обедневшим, подчас упрощенным в своем слишком прямом отношении к действительности.

Бесспорно, разрывы и расхождения были неизбежны в силу неизбежных специализаций в культуре. Но они же побуждали и к восстановлению единства двух потоков словесности в силу стремления к цельности субъектного миропонимания и к цельности его выражения в слове.

Эпико-историческое повествование все-таки не было и не могло быть окончательно упразднено в ходе литературной эволюции, как упразднялись в свое время многие эпические жанры. Пушкин, в пору расцвета *литературы вымысла* отходя не только от нарядной (а подчас ряженой в исторические костюмы) романтической прозы, но и от блестящих достижений нового реализма («Хроника царствования Карла XI», «Взятие редута» П. Мериме, «Итальянские хроники», «Красное и черное» Стендаля и др.), вернулся к эпико-исторической традиции в подлинном документальном материале («История Пугачева»), в мемуарно-художественных («Капитанская дочка»), художественно-биографических («Арап Петра Великого») реконструкциях. И это вдруг оказалось не литературно-поле-

мическим (против напряженного, избыточно-образного письма) приемом стилевого упрощения, а необходимым восстановлением той естественной повествовательной речи, которая сложилась еще в греческой Ἱστορία и теперь вновь обнаружила забытое свойство рассказывать ясно и точно о реальных вещах и лицах. В этом Пушкин предстал, по-своему, не в меньшей, чем Саллюстий, степени «соперником греков», и не случайно именно в его прозе ожил «звук божественной эллинской речи», так восхищавший его в передаче Н. И. Гнедича.

Он же показал необходимость для эпического творчества той основы, которую, в порядке современных понятий, нужно назвать *эгоисторизмом*. Сам Пушкин живо чувствовал и настойчиво утверждал — общественно и творчески — свое *личное*, органическое по происхождению и культурному значению, сродство с русской историей. Отнюдь не только любознательность исследователя и уж, конечно, не дилетантское любопытство стороннего большой национальной истории разночинного интеллигента, а интимно-душевная и вместе познавательная потребность быть активно включенным через свою родственно-родовую сферу в российскую историю обнаруживается в его остром интересе к генеалогии (не только собственной), в любовном выслушиванье от московских бабушек их «толков о родне», влечение к подлинному материалу былой и современной ему действительности. Понятно, почему Пушкин так дорожил всяким живым свидетельством о ней и высоко ценил «записки», мемуары, письма, автобиографические заметки.

Этот вид словесности стал обширным резервуаром, откуда не только черпали русские писатели исторический материал для художественной обработки, но где прямо зарождались и развивались разные типы эпико-исторического повествования.

Начало этому виду словесности положил Аввакум Петров, и его резко своеобразная повествовательная манера продолжала отзываться еще в «Записках» Натальи Борисовны Долгорукой (составленных в 1767 г.).

> Теперь надобно уже иную материю зачать, — приступает она к рассказу о своей горестной судьбе после смерти Петра II. — <...> Я не хвалюсь своим терпением, но о милости Божией похвалюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрепляла.

И далее о ссылке в Березов:

> Вот уже к вечеру велят нам в кареты садиться и ехать. Я уже опомнилась и стала просить, чтоб меня отпустили на квартиру собраться; офицер дозволил. Как я пошла, и два солдата за мною; я не помню, как меня мой муж довел до сарая того, где мы стояли. Хотела я с ним поговорить и сведать, что с нами делается; а солдат тут, ни пяди от нас не отстает. [19]

---

[19] Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. СПб. О-<во> л<юбителей> д<ревней> п<исьменности>, 1913. С. 12, 24.

Сравнительно с близкими по времени создания «Записками» И. И. Неплюева, немногословно-деловитыми и лишь отчасти скрашенными «чувствительностью» в отношении автора к Петру I, мемуары Н. Б. Долгорукой являют собой исторический *эгодокумент*, перерастающий в яркое литературное повествование о драматичной судьбе человека, оказавшегося жертвой внутриполитических коллизий.

В более тесном пространстве жизненных обстоятельств и интересов развертывается родословный сюжет начатых в 1771 г. «Записок» артиллерии майора М. В. Данилова, в которых историко-документальное повествование срастается с колоритными автобиографическими эпизодами. В комических зарисовках деревенской «педагогии» проступают приемы нравоописательной и сатирической эпики XVIII—XIX вв., реальная фигура пономаря Филиппа Брудастого, учившего малолетнего Данилова грамоте, прямо предвосхищает образ Кутейкина у Д. И. Фонвизина.

Как мемуарно-биографический эпос следует рассматривать «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» — насыщенное бытовыми и общественными фактами обширное повествование о поместной и городской России с середины XVIII в. до 1812 г. (в сохранившейся части — до 1795 г.), которое Л. Н. Толстой считал «драгоценным» за его безупречную правдивость. Записки А. Т. Болотова показывают, что уже к 1780-м гг. в среде образованного дворянства выработался не только вкус к обстоятельному литературному изложению познанного и пережитого, но и *позиция* повествователя — достаточно близкая к действительности, чтобы он мог ощущать себя непосредственным ее участником, и достаточно удаленная от нее, чтобы быть независимым от ее соблазнов и влияний в своих мнениях и оценках. Любопытно, что сопровождающая рассказ моральная рефлексия привела Болотова в 1819 г. к намерению создать завершающую автохарактеристику на основании своего житейского опыта и самопознания. Это намерение он исполнил в «Краткой записке о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни <...>», которая осталась неопубликованной.

С конца XVIII в. мемуаристика становилась отраслью литературы, и по мере того как умножались создаваемые тексты (не всегда вскоре же публикуемые, но зачастую известные современникам до публикации), принадлежащие людям разного общественного положения (в том числе и крестьянам) и разного уровня образованности, определялись направления ее развития.

Одно из них можно назвать *историко-политической автобиографией* — автор таких мемуаров является обычно крупной личностью, активно действующей на государственном и общественном поприще и связанной с фигурами такого же и большего масштаба. Такова Екатерина Романовна Дашкова, дочь графа Р. И. Воронцова, крестница императрицы Елизаветы Петровны и великого князя Петра Федоровича (впоследствии императора Петра III), племянница государственного канцлера М. И. Воронцова, в семье которого она воспитывалась в либеральном и англофильском духе, затем приближенная Екатерины II, президент

Российской Академии, собеседница и корреспондентка Д. Дидро. Она рассказывает о том, что происходило, что она знала, слышала, поняла в русской и европейской политической и культурной жизни второй половины XVIII в., в ближнем ракурсе своего в ней участия и одновременно — с дистанцированной точки зрения просвещенного разума. Отстраненно-уравновешенная манера строго планомерного изложения обнаруживает европейскую умственную и литературную выучку Дашковой, и, конечно, не случайно в рукописи мемуары назывались «Mon histoire» — это именно историко-политическая ее автобиография, составленная по множеству ранних записей и автобиографическому календарю и оформленная по жанровым и стилевым канонам мемуаров. Показательно, что в том же ровном тоне рассказывает она о самых тяжелых для нее ситуациях:

> За последние два месяца каждый день, вставая, я не знала, дотяну ли я день до конца или покончу с собой. Однако самоубийство по зрелом размышлении показалось мне малодушием и трусостью, и это удержало меня от исполнения моего намерения, хотя я с радостью пошла бы навстречу смерти, если бы получила ее из других рук, а не из своих собственных. [20]

И вскоре она столь же бестрепетно доказывает графу Я. А. Брюсу, что самоубийство есть лишь выражение «недостатка мужества и терпения».

Историко-политическая автобиография в связи с придворной и политической жизнью второй половины XVIII в., только в меньшем объеме, составляет содержание «Записок» князя Федора Николаевича Голицына, который в молодости объездил Европу, служил при Екатерине II в должности обер-прокурора 1-го Департамента Сената, выполнял дипломатические поручения, был принят Людовиком XVI, Марией-Антуанеттой, Римским Папой, гостил у Вольтера (которому внушил уважение к своим религиозным убеждениям, так что «фернейский старец» в его присутствии не позволял себе обычных антиклерикальных выходок), занимал должность куратора Московского университета.

Подобные мемуары порождались эпохами интенсивного государственного и культурного строительства, в котором участвовали деятели с ярко выраженным личностным началом. В совокупности всех «записок» о том времени из повседневных подробностей, «анекдотов», характерных черт складывались образы тех, кто лично делал историю, и изображение того, как это происходило, — слагался персонализированный эпос имперской России поры расцвета. И позднее он обладал большой генеративной силой: он дал множество «персон» и сюжетов для литературы, ему многим был обязан исторический роман девятнадцатого века.

Другое направление мемуаристики — *тематическая автобиография*, когда автор развертывает свое жизнеописание в русле одной или нескольких главных для него тем, выделенных из общего исторического потока, хотя и многообразно соприкасающихся с ним.

[20] *Дашкова Е. Р.* Литературные сочинения. М.: Правда, 1990. С. 217.

К названному направлению можно отнести «Записки» сенатора Ивана Владимировича Лопухина, где жизнеописание сосредоточено на двух господствующих темах: русское масонство, в котором он играл видную роль, и служебные занятия, в которых он неуклонно следовал своим нравственно-религиозным принципам. Сужение исторического захвата у Лопухина связано с тем, что его мысли, поступки, все его весьма значительное личное участие в государственной и духовной жизни России при Екатерине II, Павле I, Александре I — и, соответственно, рассказ о том — подчинены одной моральной идее: осуществлению деятельного добра на всех жизненных поприщах, во имя чего он пытался объединить усилия франкмасонов и христиан, ради чего готов был пожертвовать собственным благополучием. Отсюда проистекает сквозной сюжет его «Записок», и мемуары Лопухина, при всей их документальной обремененности и тяжеловатом, уже несколько архаичном для 1808—1809 гг. (время создания мемуаров) языке, превращаются в целенаправленную повесть, в задачи которой входит оправдание жизни автора и поучение потомкам.

Военная тема организует автобиографический материал в «Записках» С. А. Тучкова, «Записках» Л. Н. Энгельгардта, «Записках кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой. Тема духовной драмы личности получает автобиографическую разработку в «Замогильных записках» В. С. Печерина. Литературная деятельность и гражданская служба стали ведущими темами «Взгляда на мою жизнь» И. И. Дмитриева. Деятельность на юридическом поприще определяла содержание записок и воспоминаний А. Ф. Кони.

Наконец, третье направление мемуаристики — *социокультурная автобиография*. Это наиболее распространенный свободный тип воспоминаний, в которых к собственному жизнеописанию автор по ходу рассказа присоединяет интересные ему эпизоды общественной, бытовой, культурной жизни, свои и чужие мнения и оценки, «анекдоты» и документы и т. п.

Приступая к таким воспоминаниям, Ф. Ф. Вигель оправдывал необходимость данного типа мемуаров:

> По большей части исторические записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, одним словом, действующими лицами, которые, описывая происшествия, на кои они имели влияние и в коих сами участвовали, открывают потомству важные тайны, едва угадываемые современниками: их записки — главнейшие источники для истории. Но если самим актерам ведомо все закулисное, то между зрителями разве не может быть таких, коих замечания пригодились бы также потомству? Им одним могут быть известны толки и суждения партера; прислушиваясь к ним внимательным ухом, они в то же время могут зорким оком проникать в самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умом наблюдательным и счастливой памятью, то сколько любопытного и неизвестного могут сообщить они своим потомкам![21]

[21] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. С. 9—10.

В одном из лучших образцов подобных воспоминаний автор его С. Н. Глинка определил их содержание:

> Изображение нравов, обычаев, частных мер правительства и рассказ о лицах, действовавших в свое время на театре света, или случайности: вот объем и жизнь записок. [22]

Его литературное дарование блестяще справилось и с этой задачей, и некоторые страницы его «Записок» стоят вровень с пушкинским эпико-историческим повествованием. Такова, например, характеристика князя Потемкина-Таврического:

> Память, желудок и сладострастие его все поглощали. Он метил из гвардии в монастырь и попал в чертоги Екатерины. В глубоком раздумьи грыз он ногти, а для рассеяния чистил брильянты. [23]

К названному типу мемуаристики относятся «Записки о моей жизни» Н. И. Греча, «Записки современника» С. П. Жихарева, «Главы из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева, автобиографические воспоминания А. О. Смирновой-Россет, «Воспоминания» А. Я. Панаевой, «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни» А. А. Фета, «История моего современника» В. Г. Короленко и многие подобные.

В недрах дневниково-мемуарной словесности шли процессы *эпизации* автобиографического материала; они приводили к разным результатам, и как далеко могли они заходить, видно по трилогии Л. Н. Толстого, выросшей из воспоминаний о детстве, отрочестве и юности, минуя этап их собственно мемуарной фиксации. [24] Максимально широким по историко-политическому захвату — при сохранении автобиографической конфигурации — стало мемуарно-романное повествование А. И. Герцена в «Былом и думах».

Питаемое авторской индивидуальной и семейной памятью творчество С. Т. Аксакова явило собой постепенное эпическое развертывание личной и родовой истории на природной и бытовой почве. Здесь связываются воедино не только субъектом воспоминаний, но всем естественным составом и ходом жизни, в которую был в течение полувека глубоко погружен автор, разновременные и разноместные эпизоды ученья в гимназии, болезни, пребывания в деревне, отношений с матерью, собирания бабочек, охоты, рыбной ловли, описания дома,

[22] *Глинка С. Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 22. (Унив. б-ка).

[23] Там же. С. 23.

[24] Сам Толстой дает несочиненную отсылку к воспоминаниям в XV главе «Детства»: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. Худож. произв.: В 18 т. М.: Наука, 2000. Т. 1. С. 45).

родственников, друзей, известных лиц. Неизменная ясная ровность и жизнелюбивый тон мемуарно-эпического повествования Аксакова покоятся не на частных благоприятных условиях, в которых складывалась его судьба, а на незыблемых, потому что бытийно глубоких, устоях его родового существования. О чем в равной степени свидетельствуют и «Воспоминания», и «Наташа», и «Записки об уженье рыбы», и «Семейная хроника», и «Детские годы Багрова-внука», и «Записки ружейного охотника», и «Собирание бабочек».

На всем этом фоне определенную ценность представляют мемуары тех людей, которые по происхождению и обстоятельствам их жизни не были прочно укоренены в родовой, исторической, культурной почве дворянства. Среди них получили известность некоторые разночинные авторы дневниковой, мемуарной прозы, как А. В. Никитенко, М. А. Воронов, чьи воспоминания оформились в автобиографическую дилогию «Мое детство» и «Моя юность», Г. З. Елисеев как автор воспоминаний, собранных в книге «Из далекого прошлого двух академий», Н. Г. Помяловский с его превратившимися в «Очерки бурсы» воспоминаниями о годах ученья в Александро-Невских приходском и духовном училищах и другие.

Наиболее богатыми общественным и культурным материалом, доступным автору в его социальном круге, и наиболее любопытными по субъективному жизненному опыту здесь оказываются мемуары Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого. Автобиографические воспоминания».

Автор, конечно, напрасно противопоставлял ранний период своей жизни позднейшему, зрелому периоду, приписывая первому «интерес *бытовой, педагогический и психологический*» и только второму — уже «интерес *исторический*».[25] Все повествование Гилярова-Платонова, несомненно, имеет большой исторический интерес, являясь фактографической реконструкцией его жизни, отношений, ближайшей среды, как имеет оно и значительные литературные достоинства.

Замечательно, что именно к методу своеобразных исторических «раскопок» своего прошлого прибегает он в поисках точных данных и их временно́й последовательности.

> По отношению к описываемому периоду жизни вообще я нахожу себя в положении археолога, который по сохранившимся обломкам и отрывкам пытается угадать утратившиеся части и сравнительным путем определяет хронологическую данную, в летописях умолчанную. <...> Таким-то образом восстановляю и всю историю шести лет, но восстановляю притом не само пребывание в семинарии, а обстоятельства внешние, современные семинарии, и по ним уже семинарию. Оттого это, полагаю я, что семинария во внутреннем моем росте мало участвовала; он был плодом внутренней работы.[26]

В своем «внутреннем росте» Гиляров-Платонов выделяет как весьма для него уже в юности существенные, а относительно всей умственно-духовной

[25] *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 97.
[26] Там же. Т. 1. С. 243.

биографии решающие моменты близкого знакомства с национальной историей. Родовые ее истоки автор находил на Новодевичьем кладбище в Москве, где

> погребаются знатные русские фамилии. Могильные памятники давали случай брату знакомить меня с нравственною физиономией родов, с их взаимными отношениями, рассказывать ту часть русской истории, ему известную, которая разрабатывается теперь «Русским архивом» и «Русскою стариной». [27]

Продолжение этой истории в современности он иногда узнавал вскоре же.

> Случалось встречать и лично кого-нибудь из представителей аристократии. После взаимных поклонов и пары слов, которыми перекидывался брат с барином, я не упускал любопытствовать, и мне сообщался послужной список встретившегося, родственные связи его и то, чем они важны; сообщалось и общее понятие о сравнительной силе чинов и родовитости в России и положение фамилий при Дворе. [28]

От тестя Гиляров узнал о Москве в 1812 году и, в частности, «темную историю» Верещагина. [29]

Вместе с тем, при его раннем скептико-критическом умонастроении, ему оказалось совсем нечуждым серьезное внимание к преданию, к легендарной стороне истории, источником чего были мать и бабушка — «живые носительницы преданий, а легенды — кодекс христианской нравственности в поэтической оболочке». [30] Впрочем, это не мешало его стремлению «отличать поэзию от истории». [31]

Не менее важны были и передаваемые братом не обнародованные тогда, остававшиеся достоянием небольшого круга «истории» из текущей умственной и общественно-литературной жизни России.

> То были свежие новости, и они передавались с жизнью, которой недостает печатным рассказам. [32]

Драгоценны свидетельства Гилярова о путях, которыми в его среде доходили до него подобные сведения и мнения, — таких свидетельств крайне мало в мемуарах людей образованного слоя.

> Мальчиком от десяти до четырнадцати лет я знал об адмирале Мордвинове и читал мнения, которые подаваемы были им в Государственном Совете; читал в рукописи «Древнюю и новую Россию» Карамзина, читал доклад, опять в рукописи, Ивана Владимировича Лопухина о молоканах, письма Невзорова по поводу гонений на Библейское общество. И мало ли что, в печать не попавшее по цензурным условиям! Откуда я доставал? Не от И. И. Мещанинова, а от дворовых людей Мещаниновских и Черкизовских. Обучен дворовый грамоте, чтобы быть контор-

---

[27] Там же. С. 167.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 57.
[30] Там же. С. 10.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 167.

щиком. Любознательность в нем пробуждается; она усиливается чтением книг и перепиской сочинений в роде вышепоименованных. Подслушанные разговоры господ довершают воспитание, которое назвал бы я не только литературным, но и политическим. В дальнейший период моей жизни, — однако до двадцати лет только, период отроческий, — доводилось мне беседовать с подобными самородными мыслителями; слышал суждения о проповедниках, о писателях светских, о государственных людях и политических событиях; слушал с удовольствием и дивился такту, уму и знанию.[33]

Весьма ценны и малоизвестные сведения о колоритной фигуре С. А. Хомякова, отца А. С. Хомякова, в связи с чем Гиляров вносит существенную поправку в смысл одного литературного образа.

Об отце-Хомякове брат отзывался как о человеке большого ума и образования, но с воображением, развитым до чудовищности. Например, задумал Хомяков в своем Богучарове выстроить колоссальнейший в мире храм (величественнее Петра в Риме) и не только задумал, но заложил фундамент и начал работы. Князь В. Ф. Одоевский в своих «Петербургских ночах»[34] (очень умной и талантливой книге, преданной забвению совершенно незаслуженно, тогда как она способна действовать воспитательно и возносить к идеалам, особенно юношество), — в этой книге князь В. Ф. Одоевский имел в виду Хомякова-сына, то есть известного писателя, когда изображал архитектора Пиранезе, сочинявшего пусть очень умные, даже гениальные проекты таких предприятий, как мост через Средиземное море. Известно ли было автору, что отец мыслимого им Пиранезе был подлинным Пиранезе и действительно творил гигантские проекты неосуществимых предприятий?[35]

Вдумчивая наблюдательность Гилярова, направленная и на оригинальные человеческие экземпляры, и на внешние и внутренние свойства разнообразных типов, с помощью даровитого пера его обогатила мемуары зарисовками самобытных личностей и характерных «анекдотов» того времени. Таковы фигуры старика Талистова, «светского послушника» Александра Петровича Святославского, домашнего секретаря митрополита Московского Филарета, таковы рассказы о квартальном надзирателе Петре Ивановиче, об эксцентричном любителе просвещения московском фабриканте Тимофее Васильевиче Прохорове, о судьбе Машеньки, дочери священника и воспитанницы барыни Козловой, о женитьбе офицера К—го на француженке «знаменитой во Франции фамилии». По поводу последней «истории» Гиляров восклицает: «Какая тема для романа!»[36] Таких тем, фигур, сюжетов у него оказывается очень много, и при чрезвычайно плотной и достоверной фактической основе, при углубленной нравственно-психологической рефлексии его мемуарное повествование очевидно движется в сторону настоящей автобиографической эпики.

[33] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 198.
[34] Книга В. Ф. Одоевского называлась «Русские ночи».
[35] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 206.
[36] Там же. Т. 2. С. 17.

* * *

Стоит особо отметить выдающийся факт встречи уже в XX в. огромных масс документально-исторического и автобиографического материала с новыми познавательно-художественными методами его проработки. Результатом стало монументальное эпико-историческое повествование А. И. Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАГ» и в «Красном колесе».

Вопрос о высоте, на которой действовал Солженицын, — вопрос не о социальном ранге данного деятеля, но о *статусе субъекта* исторического процесса. Солженицын в почти невозможное для этого время вновь персонифицировал *героическое начало в истории* — то начало, о котором с истинно романским темпераментом говорил (и оправдал его жизненно) Джордано Бруно, которому возвел философско-этический памятник Томас Карлейль [37] и деградацию которого в Европе констатировал врач и мыслитель Константин Леонтьев.

Более чем уместно вспомнить максиму Карлейля:

> Одно из двух: или мы должны научиться узнавать истинных героев и вождей, когда смотрим на них; или, в противном случае, нами неизменно навеки будут управлять негероические люди; а будут ли шары ударяться о дно баллотировочных ящиков на каждом перекрестке или нет — это вовсе не поможет делу. [38]

Он проницательно увидел в Книге Иова «дух благородного *универсализма*» и связал его с «*эпической* мелодией» этой книги,

> правдивой во всех отношениях: правдивый взгляд на все и правдивое понимание всего, материальных предметов точно так же, как и духовных <...>. Возвышенная скорбь, возвышенное примирение, древнейшая хоровая мелодия, исходящая из самого сердца человеческого. [39]

Если вникать в генезис мироотношения и речи Солженицына, нельзя не увидеть начальный, праисторический исток их в этом библейском писателе, потрясенном страданием, отвергшем авторитетную идеологию книжников и пошедшем на риск личного вмешательства в бытие своим вопрошанием Бога о смысле сущего. Иов — и герой, и создатель ветхозаветного эпоса.

Солженицын имел дар, силу и смелость вмешаться в ход истории по праву *эпического героя* Нового времени и сказать о том по праву *эпического писателя*. Последнее очевидно и было замечено в свое время И. Бродским. [40]

Он вмешался в основную коллизию Нового времени: коллизию человека современной цивилизации — и человека духа. Не теоретический спор о них решен

---

[37] Он же дал блестящий образец нового синтеза истории и эпики в книге «Французская революция».

[38] *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / <Пер. В. И. Яковенко под ред. Р. К. Медведевой> // *Карлейль Т.* Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 176. (Б-ка этич. мысли).

[39] Там же. С. 43—44.

[40] *Бродский И.* География зла // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 4.

Солженицыным — он будет длиться еще долго, пока Восток не вынесет первому свой приговор; нет — на «весах Иова» им взвешена внутренняя ценность того и другого и определена их внешняя участь.

Он также вмешался в опаснейшую для человека коллизию «эпохи толп» — коллизию насилия и свободы, массы и личности. И *героически* подтвердил неуничтожимость личности и свободы, и *эпически* показал их жизненное осуществление.

Историк и драматург Шекспир разложил познанное им прошлое (Англии прежде всего) на трагических персонажей мирового театра, дав каждому его меру вины и правоты, определив его существование и судьбу.[41] *Историк* и *эпик* Солженицын собрал действующих лиц реальной исторической драмы в эпическое целое, отразив в нем движущийся человеческий мир с абсолютным смысловым центром.

В «Архипелаге...» классический реализм достиг предельной, сплошь документированной полноты и не только индивидуально-авторской, но объективно-жизненной экспрессии.

Но, помимо мощно действующих на воображение и нравственное чувство фактов, он создает необычное, казалось бы, совсем не соответствующее теме и материалу ощущение *простора*. Сгущенный мрак и ужас «революционного террора», то грубо зверская, то изощренно-садистская обстановка преследований, миллионы уничтоженных, загубленные судьбы, муки, отчаяние — все это представало воочию, вызывало у читателя острые эмоциональные реакции. Но одновременно читатель двигался вместе с повествователем через все этапы гулаговской эпохи — *вдаль*. В самом этом *познавательном* движении, которое не признавало ни пределов впереди, ни ограничений вокруг, в самом темпе развертывания материала была динамика, несомненно предполагавшая выход за пределы описываемой действительности, к верховной позиции ее осмысления, конечного понимания в свете абсолютной истины.

Применительно к познавательно-художественным задачам Солженицына и речевому их решению в «Архипелаге...» это представление соответствует масштабу работы; здесь всем словам возвращены настоящий вес, подлинная цена, они вне подозрений в риторичности, «литературности», ибо обеспечены личным опытом страдания, познания, борьбы, воскресения в жизнь и страстной любви к жизни. Только такие слова в своей живой совокупности развертывают процесс *понимания*.

Когда возникает необходимость рационально обозначить род миропредставления и речи, порождаемый материалом «Архипелага...» и, в свою очередь, дающий форму «Архипелагу...», то подсказывает этот род сам автор в начале второй части («Вечное движение»):

---

[41] Шекспир только в первой из своих исторических драм — в «Генрихе VI» — придерживался принципов эпического типа драматической хроники; в дальнейшем он заостренно персонализировал и театрализовал историю. См.: *Шведов Ю. Ф.* Исторические хроники Шекспира. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.

...вступили вы в страну э п о с а. Приход и уход разделяются здесь десятилетиями, четвертью века.[42]

У Шаламова и в прозе — напряженная лирика, беспощадная к себе и к другим, с перехватом дыхания. Мотив отрицания пронизывает ее насквозь; внутренне отрицается и в любом месте обрывается само повествование — ибо: «Что толку в *человеческом опыте*?» — вопрошает он с без-надеждной скорбью («Мой процесс»).[43]

У Солженицына именно *эпос*, естественно вырастающий из опыта личного, с которым соединился опыт общий — и пережитый как опыт лагерного человеческого множества, единого «лагерного тела», и пришедший из свидетельств, из документов, из общей памяти. При иногда субъективном нравственном и политическом заострении этого опыта Солженицын не только эпический писатель, но, главное, *эпический человек*, что, с одной стороны, уводит нас к архаическим типам мировосприятия, а с другой — предвосхищает новый «протоисторизм» в литературе — может быть, уже в нынешнем, XXI веке.

В «Архипелаге...», «Красном колесе», малой эпике Солженицына улавливаются некоторые линии русского эпического миропонимания.

Уместно определить положение Солженицына относительно двух главных классиков эпических жанров — Достоевского и Льва Толстого.

Несомненно, обнаруживаются тяготения, сознательные или бессознательные, к тому и другому. Однако, при известной, не столько даже литературной, сколько гуманистической близости к сильной толстовской традиции, преимущественно морально-эпической, Солженицыну ближе — если можно так его назвать — антропологический эпос Достоевского.

У Достоевского эпическая событийность развертывается в сфере личности как уходящий вглубь сюжет психологической и идейной проблематизации человека. У Толстого эпическая событийность развертывается в природной, общественной, личной сферах как моральный и жизнестроительный сюжет. Но Солженицын идет уже *после* того, как произошли реальные исторические развязки этих сюжетов. Его деятельность приходится на ту эпоху, когда для движения к пониманию и изображению истины о человеке существенно не знаменательное когда-то противоположение Достоевского и Толстого (из чего, вслед за Д. С. Мережковским, выводили две как будто несовместимые философии человека), а возможность и необходимость связывания духовного и литературного опыта обоих, что Солженицын осуществляет на новом материале, в новом культурно-историческом пространстве.

Вместе с тем Достоевский был для него особенно дорог. Как известно, в Марфинской шарашке он вместе со словарем Даля (тогда им разрешалось выписы-

[42] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956: Опыт художественного исследования: В 2 т. [С последними поправками авт., сделанными специально для данного изд.]. М.: Сов. писатель; Журн. «Новый мир», 1989. Т. 1. С. 491.

[43] *Шаламов В.* Колымские рассказы: В 2 кн. М.: Сов. Россия, 1992. Кн. 1. С. 285.

вать из библиотеки книги почти без ограничений) выписывал Достоевского, прочитал у него всё и неоднократно к этому возвращался позже. Именно как Достоевский — и в этом плане Солженицын оказывается гораздо ближе именно к нему — как и Достоевский, он захватывал действительность в ее живых состояниях, в кризисных, в преступных, в гибельных, почти безысходных состояниях, чего Толстой избегал. Толстой установил твердое русло суждений о человеке и о жизни, широкое, но не глубокое, без омутов и донных течений, профиль и направление русла определялись этико-социальной программой писателя. За пределы этого русла Толстой не выходил. Достоевский выплескивался наружу, и Солженицын в этом ему наследует — в расплеске, в раскате беспредельно вдаль и в разные (но всегда самые важные) стороны, захватывая по ходу движения безмерно большой материал. Так ведется повествование в «Красном колесе», где разнородное содержание индивидуальной и общей жизни втянуто в мировые катастрофические процессы. Толстому эпоха «Красного колеса» была бы уже не под силу, потому что те события, которые происходили в ту эпоху и в эпопее Солженицына отразились, уже лишены былой социальной почвы, они не поддались бы толстовскому морализирующему осмыслению и на нем основанному эпическому изображению. Русло оказалось размыто, религиозные и национально-патриархальные опоры разрушены, началась абсолютно новая эра. С этой поры проблемой для мысли и творчества стали не дальнейшие интеллектуальные интроспекции в сферы личности и социума и не новое литературное оформление их, центральным стал вопрос о сохранении человека и человеческого сообщества как субъектов истории и культуры. Солженицын начинает эпически отвечать на этот вопрос с «Архипелага...» и продолжает в «Красном колесе».

Существенны возникающие именно в «Архипелаге...» как будто непредумышленные отзвуки средневекового эпоса о «погибели земли русской», о кознях, борьбе, смерти, о разорении общественного и душевного уклада людей. Трагизм героики и жертвенности соединяются здесь с всеобъемлющей основательностью летописного сказания.

Столь же эпично, как и в древнерусских повествованиях, предстает в книге вся реальность русской жизни (только шире захваченная, подробней прописанная и в фактичности своей доведенная до документальной точности, без чего современник не признает ее за истину), так же крупно и просто выступают первоначала бытия и человеческой природы — смерть, страх, страдание, любовь, свобода, труд. Все те же силы действуют в эпическом мире Солженицына, хотя политические формы, орудия действия принадлежат уже XX веку, веку нового Ирода, нового Вавилонского пленения, нового Святополка Окаянного.

Это современная эпоха и современный эпос. Не только по историческому содержанию, но и по острейшей нравственной проблемности, которой не знал эпос старый. Повсюду обнаруживается новая податливость злу, новая готовность его совершать, новая способность предать свою личность таким сверхличным формациям, которым неведомы не только высшие идеи и побуждения, но и обыкновенные чувства сострадания, жалости. В «Архипелаге...» эпически

разрастается устрашающая «картина человека», в которую, однако, автор — как сказано, человек эпический — не боится вписать и себя самого. Того требует эпос как всеобъемлющая, универсальная форма: здесь необходимо взаимосвязаны общим смыслом Иоанн Грозный, Андрей Курбский, Малюта Скуратов, Дружина Морозов, Борис Годунов.

* * *

В сущности, эпика настолько безусловно ценна, насколько она *исторична* (в отношении как прошлой, так и длящейся действительности), и классический расцвет ее приходится на те эпохи, когда в сознании и в культуре преобладало *историческое* жизне- и мирочувствование — переживание и понимание сущего как органического процесса, качественной динамики человеческого сообщества.

Б. Ф. Егоров

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК ЭСТЕТИК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК *

Из триады выдающихся русских религиозных мыслителей третьей четверти XIX в., не совсем ортодоксальных в своих идеях и потому теснимых официальной Церковью (отношу сюда еще архимандрита Феодора, в миру А. М. Бухарев, и протоиерея А. М. Иванцова-Платонова), Гиляров-Платонов является средним: и по возрасту, и по шкале ценностей, располагаясь между самым крупным из них, о. Феодором, и менее оригинальным Иванцовым-Платоновым.

Как и все самостоятельные мыслители, Гиляров был заметно одиноким. Его не принимали иерархи Православной церкви и правительственные круги, об этом еще будет речь ниже. С другой стороны, такие свободные от групповщины и от официальных схем консерваторы, как Ап. Григорьев, не менее сильно отталкивались от Гилярова, почти отождествляя его с казенным православием (в письме к М. П. Погодину от сентября 1860 г.):

> Для Гилярова, равно как для тушинцев, и равно как для попов и равно как для славянофилов — вообще для всех теоретиков, Пушкин — скорее предмет ненависти, чем любви и почтения. [1]

Тушинцами Григорьев называл радикальных демократов из лагеря «Современника», тогда весьма сдержанно, если не сказать — негативно, относившихся к Пушкину. Конечно, критик переборщил, заявляя о ненависти Гилярова к Пушкину, но нет дыма без огня — об этом тоже пойдет речь ниже. «Попов», особенно официальных церковных деятелей, Григорьев очень не любил; он понимал,

---

* Предлагаемая статья уже появлялась в печати. В сокращенном виде впервые она была опубликована на английском языке (в переводе Питера Роллберга) в сборнике в честь 60-летия профессора Вашингтонского университета им. Дж. Вашингтона Чарльза Мозера: And Meaning for a Life Entire. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1997. P. 259—267. По-русски в расширенном виде: Теоремы культуры. М.: Независ. акад. эстетики и свобод. искусств, 2003. С. 286—296. (Акад. тетради; Вып. 9). С тех пор уже прошло десятилетие нового, XXI века, творчеством Гилярова серьезно занялись российские ученые (особенно А. П. Дмитриев и В. А. Викторович). Но, кажется, моя статья может представить научно-исторический интерес, тем более что она была опубликована в относительно мало доступных (даже для специалистов) изданиях. Печатаем ее без существенных изменений русского варианта.

[1] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 234. (Лит. памятники).

конечно, что Гиляров — не казенный «поп», но, враждебно оценивая семинарское образование и воспитание, он и к Гилярову относился более чем прохладно. Вот характеристика из более раннего письма Григорьева к тому же Погодину (от апреля 1857 г.):

> Н. П. Гиляров: огромная ученость по его части, ум смелый, прямой и честный, но воспитанный в семинарских словопрениях, ради ergo готовый на всякий парадокс — и главное, с отсутствием всякого носа, т. е. всякого чувства изящного.[2]

Более всего Григорьев прав, сближая Гилярова со славянофилами, но и здесь не было полной солидарности: Гиляров значительно сильнее, чем славянофилы, критиковал недостатки Русского государства и Русской церкви, хотя, разумеется, был убежденным государственником и глубоко верующим человеком.

Гиляров не был обделен вниманием критики при жизни, еще больше о нем стали писать посмертно. Особо следует отметить фундаментальные исследования творческой биографии Гилярова, созданные кн. Н. В. Шаховским и опубликованные в 1890-х гг. в разных журналах и брошюрах.[3] Были также дважды изданы двухтомники его сочинений: «Сборник сочинений» (М., 1899—1900. Т. I—II) и «Вопросы веры и Церкви» (М., 1905—1906. Т. I—II). Еще при жизни Гилярова увидели свет его воспоминания: «Из пережитого» (М., 1886—1887. Ч. I—II). Но после 1917 г. Гиляров был прочно забыт, лишь крайне редко его имя встречалось в научных трудах. Обе советские литературные энциклопедии обошли его, и лишь в обстоятельнейшем справочнике «Русские писатели» возродилась память о нем (см. сноску 3). Имя о. Феодора стало все чаще появляться в современных статьях и книгах о XIX в., настанет очередь и Гилярова. В данной статье рассматривается лишь одна область деятельности этого универсального человека — литературная критика.

1

Никита Петрович Гиляров-Платонов родился в 1824 г. в Коломне, подмосковном городе, в семье священника. По отцу его фамилия была Никитский, но в царской России в духовных учебных заведениях часто меняли фамилии учеников, и за веселый нрав его старший брат Александр был переименован в Гилярова (от латинского hilare, веселить), а за ним и средний Сергей, и он сам, Никита. А вторую часть фамилии он получил уже в Московской духовной академии (куда поступил в 1844 г., по окончании Московской духовной семинарии), будучи стипендиатом митрополита Платона (Левшина). Уже на студенческой скамье он интенсивно занимается научной работой. К 1846 г. относится его нова-

[2] Там же. С. 129. *Ergo* — следовательно (*лат.*).

[3] Библиография основных трудов о Гилярове-Платонове приложена к статье о нем Н. И. Осьмаковой: Русские писатели, 1800—1917: Биогр. словарь. М.: Сов энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 563.

торский серьезный труд (курсовое сочинение) о Гегеле и новейшей философии. Вторую часть сочинения автор опубликовал в 1859 г. в журнале «Русская беседа» (кн. 3), а первая напечатана посмертно — в 1891 г. в известном издании «Вопросы философии и психологии» (кн. 8, 10, 11). Молодой философ критикует Гегеля за гносеологический уклон и за вненравственный рационализм с позиций христианской онтологии и этики.

В 1848 г. Гиляров окончил Академию магистром богословия (заглавие его магистерской диссертации: «О потребности вочеловечения Сына Божия для спасения рода человеческого») и был оставлен при ней преподавателем, сразу же приобретя славу самобытного и яркого лектора.

> В начале своего профессорства он преподавал патрологию не по принятому шаблону, не с одним только изложением жития церковных Учителей и Отцов, но, главным образом, с критическим рассмотрением их писаний, по способу преподавания в высших светских заведениях литературы русской и иностранной, причем он несколько свободно и резко относился к писаниям Св. Отцов, даже канонизированных Церковью. [4]

Эти вольности, конечно, стали известны коллегам, и молодому преподавателю оставалось сделать еще один какой-нибудь нестандартный шаг, чтобы оказаться под угрозой наказания.

В дальнейшем, приступив к чтению лекций о вероисповеданиях, Гиляров еще ближе подошел к опасной черте, объясняя причины возникновения раскола соответствующими историческими условиями России. В начале Восточной войны (1854) Николаю I донесли, что старообрядцы, живущие близ границы, помогли туркам, сообщая им сведения о расположении русских войск, и император приказал ужесточить репрессивные меры против старообрядцев. Гиляров, узнав про эту историю, составил записку, где критиковал эти меры и настаивал на предоставлении раскольникам свободы вероисповедания.

Тут уже разразился скандал. Митрополит Московский Филарет (Дроздов), сам талантливый ученый, ценивший молодые таланты, давно заметил Гилярова-Платонова, однако он терпеть не мог даже намеков на вольномыслие и разномыслие и уволил Гилярова из Академии. Видимо, это сильно потрясло лишенного кафедры и студентов преподавателя, и он вышел из духовного звания.

С 1856 г. он — цензор Московского цензурного комитета, естественно отличавшийся либерализмом и доброжелательством. В эти годы он сближается со славянофилами и участвует в их журнале «Русская беседа» в качестве литературного критика. За толерантность Гиляров-цензор получал взыскания и, наконец, был уволен из комитета в 1862 г. Митрополит Филарет, все-таки продолжавший ценить Гилярова, а может быть, и испытавший своеобразное раскаяние за жестокий слом учено-научной карьеры талантливого преподавателя, помог

[4] Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова: Прохождение Академического курса (1852—1856) // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М.: Изд. бывш. воспитанников МДА, 1914. С. 125.

ему стать управляющим Московской Синодальной типографии, но и здесь Гиляров не ужился с окружавшими его бюрократами церковного и светского толка; в 1868 г. ему пришлось уйти в отставку.

Еще раньше, с 1867 г., Гиляров стал издавать газету «Современные известия». Оказавшись без официальной службы, он все силы отдал своей газете, явившись главным автором статей на самые различные темы. Газета, разумеется, носила консервативный, «охранительный» характер, тираж ее был небольшой, расходы превышали доходы. Гиляров истратил все свои скудные средства, залез в долги, дожил до описи имущества и настоящей бедности. В 1883 г. он пытался еще, в добавление к газете, издавать еженедельный иллюстрированный журнал «Радуга», но и тот не принес ему успеха, он вынужден был передать журнал в чужие руки.

В газете и журнале Гиляров опубликовал самую значительную часть своего творческого наследия, проявив подлинную энциклопедичность знаний и идей, без поверхностного дилетантства. Очень много статей посвящено церковным проблемам; выступал Гиляров и как экономист, показывая ограниченность «Капитала» Маркса; опубликовал четыре интересных письма «Экскурсия в русскую грамматику» (Радуга. 1883. № 7, 22, 25, 28), где, развивая идеи К. Аксакова и предвещая будущую концепцию Сепира—Уорфа, рассматривал грамматический строй языка в связи с национальным менталитетом (если употребить современный нам термин). В структуре русского языка Гиляров обнаруживал христианское совестливое начало и разных категориях и аспектах.

Несколько статей Гилярова посвящены национальным проблемам, в том числе еврейским (кн. Н. В. Шаховской анонимно выпустил книгу: *Гиляров-Платонов Н. П.* Еврейский вопрос в России. СПб., 1906, но это труд самого Шаховского, лишь приводящего несколько цитат из статей и пространной служебной записки Гилярова; книга носит антисемитский характер, в ней явно смещены акценты, толерантный Гиляров тоже выглядит антисемитом, хотя некоторая предубежденность против евреев реально была у Гилярова).

Еще в 1857 г. по предложению гр. Д. Н. Блудова, возглавлявшего тогда правительственный Еврейский комитет, Гиляров был командирован за границу для сбора сведений об образовании евреев в Западной Европе; интересовали эти проблемы Гилярова и позднее. Основные его идеи сводятся к следующему: необходимо расширение прав еврейского народа, но нельзя механически переносить условия и формы западноевропейских стран на Россию; исторически сложилась исключительная обособленность евреев, которая мешает их сближению с христианами; лишь шаги к открытости и к поискам доверия христианских народов помогут евреям получать новые права.

После смерти М. Н. Каткова Гиляров мечтал добиться разрешения редактировать влиятельную газету «Московские ведомости». В 1887 г. он специально отправился в Петербург хлопотать о получении газеты в свои руки. Но, видимо, в правительственных кругах к Гилярову было весьма настороженное отношение. Обилие критических высказываний по разным аспектам государственной

жизни, чем отличались «Современные известия», вызвало в свое время немало грозных цензурных кар — и это, конечно, не было забыто, Гилярову отказали, мечта рухнула. Он пришел, потрясенный отказом, в гостиницу и умер от сердечной недостаточности в своем номере.

2

В обширном творческом наследии Гилярова литературная критика занимает весьма скромное место. Собственно говоря, *чистой* литературной критикой он занимался только в начале своей журналистской деятельности, в 1850-х гг. А затем отдельные литературно-критические характеристики и оценки перешли в научные исследования гуманитарного плана, в юбилейные журнальные и газетные статьи, в некрологи.

Самые крупные статьи-рецензии Гилярова 1850-х гг. напечатаны в славянофильском журнале «Русская беседа»: «Семейная хроника и воспоминания С. Аксакова. М., 1856» (1856. Кн. 1. Отд. III) и «О новой повести г-жи Кохановской» (1859. Кн. 3. Отд. V). Последняя статья — рецензия на художественные очерки Н. Кохановской (Соханской) «Из провинциальной галереи портретов», опубликованные незадолго перед этим в «Русском вестнике» (1859. Март, кн. 1). Все дальнейшие цитаты из статей Гилярова приводятся по этим журнальным публикациям, с указанием страниц.

Главные принципы обеих статей — приоритет нравственного начала, утверждение положительных основ жизни, пафос народности искусства. Наиболее подробно эти принципы изложены в первой статье.

Первая часть статьи об Аксакове — обзор русской литературы под соответствующим теоретическим углом зрения. Начинается теоретический разговор с установления известного треугольника истина—мораль—красота, но Гиляров предпочитает терминологически употреблять не «красоту», а «художественность»: «В основе искусства лежит художественное понимание истины» (с. 8), а истина жизни — «свободное ее нравственное согласие с своим высшим, общим для всего человечества духовным началом» (с. 9). При общечеловечности истины искусство, однако, народно по форме, «выражает в своих созданиях характер времени, места, иногда даже привычки немногочисленного класса людей» (с. 10). Так и хочется подумать, что Гиляров развивает вариант набившей нам оскомину формулы советского искусства — «национальное по форме, социалистическое по содержанию», только вместо «социалистическое» употребляет «общечеловеческое». Но в действительности позиция автора значительно более сложная. Не говоря уже о том, что при дальнейшем своем развитии Гиляров будет сужать общечеловеческое до христианского, а христианское — до православного и русского, он и в ранних своих статьях больше всего занимается проблемами национального своеобразия русской литературы. И все больше склоняется к анализу и содержательных, а не только формальных черт национального свойства, рассматриваемых в свете христианского нравственного идеала.

В XVIII в. Гиляров в духе славянофилов (или даже, может быть, Белинского) видит раздвоение русской жизни в свете достаточно механистического освоения западной культуры; раздваивалось и искусство: бытовали живая, жизненно правдивая сатира и скучные оды. Лишь в XIX в. возникли предпосылки истинно национального искусства: «Пушкин был первым народным поэтом» (с. 13), создавал прекрасные художественные формы. Но «он не покорял в своем поэтическом представлении жизнь ее высшей нравственной, тем менее — религиозной истине, не возводил личных проявлений к высшим духовным началам» (с. 14). Фактически, резюмирует Гиляров, у Пушкина нет нравственного суда над пошлостью жизни (за эти «антипушкинские» пассажи и не принимал Гилярова Ап. Григорьев; надо сказать, что позднее Гиляров значительно более исторично рассматривал творчество Пушкина).

Окончательное нравственное безучастие, продолжает Гиляров, проявилось у Лермонтова в образе Печорина:

> Пошлость жизни не удовлетворяет его, и он ее презирает; но он презирает вместе с тем и все, что дорого и священно человеку; презирает <...> во имя собственного эгоизма, вследствие <...> совершенного внутреннего ничтожества (с. 14—15).

Н. Страхов, продолжая Ап. Григорьева, увидел в этих отзывах эстетический «нигилизм». И не без основания. Гиляров был, конечно, сыном своего века, сыном радикальных русских десятилетий середины XIX в., когда эстетическое воспринималось как кошмарное. [5]

Интересно, что Гоголя Гиляров отделяет от Пушкина и Лермонтова, ибо к пошлости тот относится значительно глубже и строже по сравнению со своими предшественниками. Именно в связи с Гоголем критик переходит к одному из самых заветных и любимых своих аспектов — проблеме положительных начал жизни и положительных персонажей в литературе (отметим, что эта проблема была важнейшей и в творчестве о. Феодора и Иванцова-Платонова: видимо, это было существенной составной частью христианского православного мировоззрения вообще).

У Гоголя такой персонаж находится сразу — Тарас Бульба. Но этот герой взят из исторического прошлого. А где герои современности? И здесь Гиляров весьма суров (наверное, и за эти оценки невзлюбил его Ап. Григорьев):

> Ленский, существо жалко мечтательное и бесхарактерное. Татьяна, с глубокой самой по себе природой, но все-таки пустая, — сначала пустая по своей любви, обращенной к ничтожному лицу, а потом пустая, по желанию рисоваться, допущенному в выражении истинности чувств. Акакий Акакиевич — жертва <...>. Максим Максимыч — лицо, положительно высокое, но на которое, по аристократическому чувству, Печорин смотрит свысока <...> а за ним и автор обращается с обидной снисходительностью. Чацкий, с высшими, но не признанными интере-

[5] См. специальную книгу Чарльза Мозера на эту тему: *Moser Ch.* Esthetics as Nightmare: Russian Literary Theory, 1855—1870. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1989.

сами <...> бесплодный фразер, хотя и честный человек. Что ж затем перед нами появляется? «Капитанская дочка»... пожалуй. «Портрет» Гоголя... (с. 16).

Иными словами, Гиляров усматривает в современной русской литературе господство отрицательной точки зрения на жизнь. И, как к противовесу ей, он обращается к творчеству С. Аксакова.

Основную часть статьи Гилярова составляет подробный анализ «Семейной хроники». Метод анализа напоминает выработанную в 1840-х гг. систему Белинского: воспроизводится сюжет анализируемого произведения с помощью обильного цитирования, а цитаты скрепляются текстом автора критической статьи, смесью пересказа — и нравственно-психологического комментария. Например, подробно рассказывается о просьбах Алексея Степановича к родителям — получить благословение на женитьбу, о родительских отказах, цитируется письмо сына, не способного «преступить воли» старших, но и не желающего «влачить бремя» жизни: «а потому в непродолжительном времени смертоносная пуля скоро просверлит голову несчастного вашего сына». И после цитаты следует пояснение Гилярова:

Разумеется, этого не было бы, хотя сам Алексей Степанович и не сознавал своей невинной лжи. В случае нового отказа он, глубоко нравственная, тихая душа, не решился бы на самоубийство; он просто бы зачах и умер (с. 64—65).

Негативные замечания критика очень редкие и деликатные: «можем и здесь отыскать маленькое пятнышко» (с. 59), — как бы оправдывается рецензент при одном упреке. С большей суровостью, по сравнению с оценкой «Семейной хроники», отнесся Гиляров к «Рассказам ружейного охотника» Аксакова. По мнению критика, природа сама по себе не имеет «нравственного достоинства» (мнение спорное; десятки мыслителей и художников придерживались противоположного мнения), поэтому подробные описания борьбы человека с природой — «пустые», сочувствие к жертвам охоты — пустое, и постепенно все описания объективно якобы приобретают комический оттенок. Тоже, конечно, суждение спорное.

Любопытно, между тем, что Гиляров весьма осторожен и осмотрителен в замечаниях и пожеланиях. У него совсем нет нормативности демократических радикалов, и в заключении статьи читателю прямо преподносится толерантный завет:

Автор предлагаемого публике разбора далеко не считает своего мнения, особенно в общем воззрении на литературу, высказанным, развитым и доказанным окончательно, — и не удивится, а обрадуется, если изложенные им мысли подадут повод к каким-либо замечаниям (с. 69).

Статья Гилярова о Кохановской тоже заканчивается совершенно необычным обращением к писателю:

Критики читайте, замечания слушайте, но старайтесь их забыть тотчас же, — и навсегда. Мы столько ценим этот новый прекрасный талант, что, признаемся,

страшно дрожим за губительное действие внешних указаний и всякого авторского развлечения похвалой или осуждением (с. 86).

Это даже не толерантность, а полное самоустранение себя как воздействующего на писателя критика, полное доверие к писателю и его вкусу.

Статья начиналась как будто бы с противопоставления методов Аксакова и Кохановской. У Аксакова критик видит преобладающими две черты: чистая, прозрачная, невозмутимая ясность взгляда и как бы юношеское воодушевление и увлечение, когда писатель касается вызывающих его сочувствие предметов. Сочетание этих противоположностей и создает очарование.

У г-жи Кохановской, напротив, совершенная объективность взгляда (с. 69).

Однако при дальнейшем анализе возникают общие, сходные оценки. Преобладающими у обоих писателей оказываются глубокая нравственность, изображение национальных характеров, внимание к положительным началам. Последняя черта возводится вообще в эстетический принцип:

Главнейшая задача художника не казнить действительность во имя идеи, и тем раздражать чувства, а успокаивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности (с. 71).

В значительной степени этот принцип является ведущим и для самого критика: он явно не любит «критиковать», делать замечания. Недостатки у Кохановской, по Гилярову, тоже сводятся к мелочам, главным образом, к негативным моментам и фразам, которые критик попросту предлагает убрать. Изобразители позитивных ценностей жизни заслуживают, полагает критик, положительного же к себе отношения.

Наиболее частые обращения Гилярова к литературным темам во время его собственной журналистской деятельности отделяются от его первых критических опытов почти двумя десятилетиями. За это время еще более усилился нравственный пафос: вся область художественной литературы рассматривается под эгидой христианских идеалов. Но этот пафос, в свете постоянного страха Гилярова перед насильственным навязыванием своих концепций как писателям, так и читателям, совсем не усилил идеологического нажима, а лишь заставил критика более основательно углубиться в творчество и мировоззрение сложных русских классиков, чтобы обнаружить там черты христианских идеалов. Нравственное по-прежнему, если не сильнее, чем раньше, возвышается на шкале ценностей над эстетическим.

Но все-таки Ап. Григорьев глубоко не прав, отлучая Гилярова от художественных начал. Особенно заметен «эстетический» уклон критика в его статьях из «Современных известий» 1870—1880-х гг., и особенно в статьях, посвященных Пушкину (мало сказать, что все программные статьи Гилярова печатались в его газете без заглавия и подписи — они были редакционными передовицами). В одной из ранних статей,[6] как бы подытоживавшей полемику предшеству-

[6] *СИ*. 1871. 20 апр. № 106.

ющего десятилетия, когда Д. Писарев и В. Зайцев нигилистически уничижали Пушкина, Гиляров в противовес им на первый план выдвигает художественные заслуги Пушкина, особенно заслуги в создании современного русского литературного языка: поэт сплавил разнородные стили, которые пытались соединить Ломоносов и Карамзин (первый — «сочетать народный словарь и грамматику с немецким и латинским синтаксисом и с словарем славяно-церковным», второй подбавил «и понятий, и слов, и синтаксиса французского»). А Пушкин «первый заговорил по-русски, тем языком, которым доселе говорим все мы и в котором все составные исторические стихии слились так, что и швов не видно». Далее подчеркивается легкость, простота, точность пушкинского языка. Потом Гиляров добавляет еще абзац о «таланте *изобразительности»* у Пушкина.

В статье есть и пассажи этического рода, но они тоньше и глубже, чем просто рассуждения о нравственности. Критик говорит о тоске Пушкина по поводу рабства на Руси, о «теплоте, с какою он обращался к русской природе», об «образе русской няни», о «легкой иронии, с какой относился он вообще к современному светскому обществу»; более резкого отрицания «не допускала его мягкая природа; но и она, однако, в “Нулине” возвысилась до такой крепкой насмешки, которой может позавидовать самое крепкое негодование крепчайшего из новейших отрицателей».

Любопытно, что в статье автор касался споров о будущем памятнике Пушкину, ибо уже тогда горячо обсуждалось — где его ставить. Впервые вопрос был поднят в 1860 г. лицеистами, однокашниками поэта; они предлагали соорудить монумент в Царском Селе, в лицейском саду. Александр II согласился, одобрил идею и место, началась всенародная подписка. Но позднее, в начале 1871 г., соученик Пушкина, ставший адмиралом, известный мореплаватель Ф. Ф. Матюшкин предложил вместо Царского Села Москву, где поэт родился, где мало памятников, а писателям нет вообще, и с этим многие согласились (в 1872 г. Москву утвердит и Александр II). Но еще велись споры о конкретном месте в Москве; например, предлагалась Театральная площадь — напротив Большого театра. Гиляров скептически отнесся к предложениям относительно Театральной площади и воззвал к москвичам подумать о другом месте. Вскоре был избран Тверской бульвар, напротив Страстного монастыря, царь утвердил и это место.

Наиболее разнообразна по содержанию группа статей Гилярова в «Современных известиях» 1880 г., в связи с подготовкой Пушкинских торжеств и открытием знаменитого памятника. А из этого цикла самая ценная статья появилась в газете в день открытия памятника, 6 июня (№ 154). Автор изложил здесь свои главные «пушкинские» идеи, оказавшиеся удивительно созвучными, даже конгениальными идеям Достоевского, которыми тот насытит свою блистательную речь два дня спустя.

Вот краткий конспект-монтаж гиляровской статьи.

> Пушкин был гигант, обогнавший не только своих сверстников и ближайших последователей, но и паше время. Его произведения — зерна, из которых в органическое целое плоды вырастут только в будущем.

Для Пушкина характерны «всесторонность» и «необыкновенное чувство меры».

> Набожность и вольномыслие, свободолюбие и апофеоз власти, либерализм в западном вкусе и славянофильство, даже панславизм: все эти оттенки направлений найдут в гениальном поэте места и целые стихотворения. <...> Но чтобы оценить всю мощь этого титана, вчитаемся в те произведения, где выражает он не себя и свой народ непосредственно, но взгляд на другие народы и чужую историю. <...> Возьмем <...> сцены из Средних веков <...> по художественной глубине и полноте мы не найдем ни в одной из всех литератур произведения, где бы так очерчен был средневековый быт Европы. И не только очерчен, но и оценен, и осужден.

Конечно, речь Ф. М. Достоевского значительно более многопроблемная, у Гилярова нет темы о «гордом человеке» и о национальном характере Татьяны, его мысль об умении Пушкина глубоко изображать не только свой, но и чужой быт, у Достоевского доведена до грандиозного обобщения («всемирность и всечеловечность»), однако в зародыше идеи о всесторонности Пушкина были высказаны (напечатаны) Гиляровым за два дня до речи писателя.

К сожалению, статья Гилярова совершенно не введена в литературоведческий и культурологический круг: в обстоятельной книге М. Ч. Левитта[7] о ней нет ни слова, хотя газета «Современные известия» упоминается по другому поводу.

Не следует предполагать, что Достоевский мог из статьи что-то заимствовать и развить подробнее, прочитав «Современные известия» за 6 июня: ведь текст речи был в основном написан в Старой Руссе в конце мая, сохранились рукописи — можно говорить не о заимствовании, а именно о совпадении, о конгениальности: идеи уже как бы носились в воздухе, Гиляров лишь коснулся их, а Достоевский подробно обосновал в речи 8 июня.

В последующих номерах «Современных известий» (8 июня, № 156 — 10 июня, № 158) Гиляров относительно подробно, наряду с другими выступлениями, излагает речь Достоевского, попутно выражая восхищение дорогими для него мыслями писателя.

А завершает цикл статей Гилярова о русской литературе некролог о Ф. М. Достоевском.[8] Сказав о значении Достоевского-мыслителя, чьи концепции выстраданы ценой незаслуженной каторги. Гиляров переходит к эстетическому и нравственному аспектам:

> И к этому художественный талант с глубиною и проницательностью психического анализа, от которого каждому читателю его творений становилось подчас страшно! Не просто художественная, но *нравственная* сила (с. 493).

---

[7] *Левитт М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Акад. проект, 1994.

[8] *СИ*. 1881. 2 февр. № 32. С. 2. Далее цитаты из этой статьи приводятся по «Сборнику сочинений» Гилярова (М., 1900. Т. II), с указанием страниц.

Защищая Достоевского от обвинений в мистицизме, т. е. фактически от узких представлений безрелигиозной интеллигенции о православной идеологии, Гиляров считает, что так же несправедливо осуждали и Гоголя, и славянофилов; «того же прозвища несомненно дождался бы и Пушкин, если бы подольше пожил, как можно судить из направления, к которому повернулась его мысль в последние годы» (с. 494). В оценке Пушкина, как видно, Гиляров существенно переакцентировал свои прежние представления о великом писателе.

Замечательно, что Гиляров и Достоевского, и Гоголя, и Пушкина, и славянофилов называет не мистиками, а *эксцентриками,* полагая, что они (исключая славянофилов), каждый по-своему, эксцентрически обращались к христианству: «они искали внутреннего нравственного и даже прямо религиозного идеала» (с. 495). В настоящее время, считает Гиляров, эти поиски наследует Л. Толстой (позднее, в связи с появлением «Исповеди» Гиляров резко изменит свои оценки писателя и мыслителя; прежние доброжелательные взаимоотношения закончатся разрывом).

Итоговая характеристика Гилярова гласит:

> Такое тождество исхода глубоко поучительно, а в том, что каждый приходит к нему в одиночку своею дорогою, с необходимыми, благодаря одинокому развитию, уклонениями — в этом пропасть трагического (с. 495).

Трагическим был и путь самого Гилярова: он тоже оказался одиночкой, не понятым большинством современников. Он заплатил уходом из жизни, мучительными страданиями за мужественную расчистку дороги в Серебряный век русской культуры с его религиозной толерантностью и обновлением православных традиций.

В. А. Викторович

ПЕРЕПУТЬЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов)

Документальных свидетельств знакомства Ф. М. Достоевского и Н. П. Гилярова-Платонова не имеется, хотя, скорее всего, они встречались в 1860—1870-х гг.,[1] а выступлению Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в июне 1880 г. Гиляров дал в своей газете «Современные известия» едва ли не самую проницательную оценку. В других редких взаимных отсылках мы находим то холодную настороженность, то скрытое или явное раздражение. Даже в период наибольшего идейного сближения 1876—1877 гг., когда «Современные известия» Гилярова и «Дневник писателя» Достоевского вместе ратовали «за славян» (о чем речь впереди), их создатели предпочитают публично замалчивать друг друга.

Факт по-своему замечательный и выходящий за рамки личных отношений, ведь речь идет о двух фигурах самого первого плана русской консервативной мысли. Вообще говоря, интегративные начала в консервативном лагере были гораздо слабее, нежели у либералов или тем паче радикалов — недоставало клейкого духа партийности. Идейные расхождения, к тому же оттененные самобытностью той или другой личности, выходили вперед, заслоняя имевшуюся общность.

В письме к И. Ф. Романову от 12 ноября 1886 г. Гиляров припоминает характерный эпизод:

> Хомяков сказал раз, когда по обыкновению своему спорил я с ним: «А знаете ли, гг., изо всех нас Н<икита> П<етрович> всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров».[2]

Сам Гиляров не уставал настаивать на расхождении своих взглядов со славянофильскими: «они действительно тожественны, но и различны».[3]

Нечто похожее мы видим и в отзывах позднего Достоевского о славянофилах: он подтверждает идейную близость, но всегда оговаривает ее неполноту (см., например, главу «Признания славянофила» в июльско-августовском «Дневнике писателя» 1877 г.).

---

[1] Предположение об их личных контактах в эти годы высказал А. С. Долинин в комментариях: *Достоевский Ф. М.* Письма: <В 4 т.>. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т. IV. С. 428. См. также: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь: Ф. М. Достоевский и его окружение: <В 2 т.>. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. С. 185—186.

[2] *Письма к Романову-Рцы.* С. 271.

[3] Там же.

Предмет нашего исследования — идейные взаимоотношения «развивателей» славянофильства — Ф. М. Достоевского (1821—1881) и Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887), т. е. идущие рука об руку схождения и различия взглядов на современные и «вечные» проблемы.[4] Нам бы хотелось не просто собрать коллекцию взаимных перекличек двух мыслителей (что само по себе интересно), но приблизиться к пониманию проявившихся в этих перекличках общих закономерностей национального самосознания.

1

Сын коломенского священника Гиляров вполне мог бы повторить за сыном московского врача Достоевским:

> Я происходил из семейства русского и благочестивого. <...> Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства.[5]

Здесь, правда, следует отметить первое важное расхождение: с самого раннего детства Гиляров хорошо знал не столько Евангелие, сколько церковную службу (пониманием глубочайшего смысла ее Гиляров впоследствии поражал И. С. Аксакова и К. П. Победоносцева) и клировый быт. Коротко говоря, Предание более чем Слово воздействовало на склад личности будущего мыслителя. Предпочтения Достоевского были скорее обратные.

В молодости их пути резко расходятся, чтобы затем, через десятилетие, вновь сойтись. Достоевский в сороковые годы пережил увлечение белинско-петрашевскими идеями, а после каторги круто повернул «к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного» (21, 134). Путь Гилярова куда более прямой. И его в ранней юности не миновали духовно-религиозные сомнения, но они все же не привели к трагическому «разрыву преемственности» (Там же), положившему неизгладимую печать на личность Достоевского, преодолевавшего разрыв и сделавшего нас соучастниками «перерождения убеждений». Напротив, о неуклонной последовательности, «эпичности» духовного становления Гилярова свидетельствует одно важнейшее событие его ранней биографии. Весной 1848 г., когда стали доходить тревожные известия о Февральской революции в Париже, в то самое время, когда Министерство внутренних дел России заинтересовалось собраниями у М. В. Петрашевского, Гиляров дает свою «клятву на Сергиевом Посаде»: «Я про себя решил <...> я умру за старый порядок». Не отвергая принципов «Декларации прав человека и граждани-

---

[4] Нам известны только две работы, касающиеся этой темы: *Егоров Б. Ф.* Православные мыслители о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 153—155; *Дмитриев А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»? (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском) // Достоевский и мировая культура: Альм. М., 2008. № 25. С. 445—470.

[5] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 134. Далее ссылки на это издание даются в скобках с указанием арабскими цифрами номера тома и страницы.

на», он уже тогда видит в них «отвлеченное начало» наподобие «чистого азота», которым «погубишь растение, хотя азот и нужен для его жизни». [6]

В пятидесятые годы, когда формировался «новый» Достоевский, Гиляров выступил, в основном в «Русской беседе», с принципиальными статьями, развивавшими славянофильские идеи. Так, программной для всего этого направления русской мысли была статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», опубликованная в «Московском сборнике» 1852 г. Западная традиция рационализма как способа мышления, полагал автор, зашла в тупик и сама уже требует новых начал. Эти начала исторически вызревали на христианском (православном) Востоке.

> Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжести внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внутренних нужд. [7]

В этой связи фундаментальным было проведенное Киреевским разделение «мнений» и «убеждений»: «первое — вывод из логических соображений, второе — итог всей жизни». На Руси, полагал философ-славянофил, «общественность основана на коренном единомыслии», «твердости нравов», «святости преданий и крепости обычных отношений», т. е. на убеждениях, а не на мнениях «всех или некоторых». [8]

Гиляров нигде не сослался на Киреевского, но, тем не менее, хорошо усвоил им сказанное. Это в особенности обнаруживает ключевая его статья «Рационалистическое движение философии новых времен», начатая еще в 1846 г. (когда уже были опубликованы в «Москвитянине» своеобразные «пролегомены» Киреевского[9]), а законченная в 1859-м, через три года после смерти философа, когда основные труды его дошли до читателей.

Развивая и как бы сводя на землю полет мысли Киреевского, Гиляров объясняет современную кризисную ситуацию предшествующими чередованиями «теоретического» и «практического» разума: гегелевский рационализм, некогда вызванный к жизни соответствующими «религиозно-общественными началами», теперь, в свою очередь, перестает быть «системой отрешенной мысли» и обращается в новое «верование». [10] В России этот процесс, по наблюдению Ги-

---

[6] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 80—81.

[7] *Киреевский И. В.* Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 232. (Б-ка «Любителям рос. словесности»).

[8] Там же. С. 227.

[9] К примеру, вот это суждение, заявленное в 1845 г.: «до сих пор еще характер образованности европейской есть чисто рациональный, основанный не на признании высшей истины, но на совокупности личных мнений, на перевесе логики над всеми другими источниками познания...» (Там же. С. 192). Или вот такой императив в завершение статьи того же года: «не довольно думать, надобно верить. Из веры и убеждения исходят святые подвиги в сфере нравственной и великие мысли в сфере поэзии» (Там же. С. 197).

[10] *Сб. соч.* Т. I. С. 311—312. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

лярова, носит скачкообразный характер, с усечением промежуточной стадии «отрешенной мысли», т. е. от одного готового верования сразу же к другому, и тоже готовому. Эта ускоренность ведет к тому, что переживаемый европейской мыслью переход к фейербаховскому антропологизму на русской почве произошел почти мгновенно: вчерашние «идеалисты» наутро проснулись «материалистами».

Гилярову, напротив, претит всяческая торопливость в области духа. Мысль должна пройти все этапы органического роста и вызревания, нарушение этого постепенного, соприродного хода развития чревато катастрофами. Таковым был для Гилярова русский нигилизм, к которому он подошел, в отличие от Достоевского, как ученый: он поставил это явление в историко-философский контекст. Вслед за Хомяковым (или вместе с ним) Гиляров обнаружил парадоксальное перерождение гегельянства:

> Понятие о рефлективно-логическом развитии истории, рационалистическое по своему началу, вдруг стало в последние времена, без всякой оговорки и, вероятно, не без удивления для самого себя, во главе учений, объясняющих бытие мира путем химико-физиологическим (I, 312).

Новые вожди общества (Гиляров начинает их ряд с Белинского), отвергнув, как им думалось, Гегеля, оказались его последователями в самом главном, на что прозорливо указал А. С. Хомяков: «гегельянство силилось создать мир без субстрата», после чего оставалось лишь объявить, что «вещество будет субстратом...»[11]

Дополняя Хомякова, Гиляров в заключение статьи «Рационалистическое движение философии новых времен» (1859) дал прозорливый прогноз:

> Гегелизм, с полным признанием отрицания, которое лежало во глубине его, составил credo крайней левой гегелистической стороны; и кто бы что ни говорил, ближайшее будущее европейского образования несомненно принадлежит ей (I, 363).

В этом движении европейской и русской мысли гегелевская знаменитая формула о разумном и действительном, как остроумно замечает Гиляров, сократилась до констатации «что действительно, то действительно». Последствия описаны им уже не в чисто философском, а в более характерном теперь для него философско-публицистическом стиле:

> признание безграничного владычества логики, само собою, совершенно последовательно, перешло в признание безграничного владычества факта и с тем вместе, следовательно, в самый цинический атеизм в основном начале, в безграничный материализм в своих приложениях, в освящение всякого безумия и всякой без-

[11] Это сказано в «Письме к Ю. Ф. Самарину», напечатанном в первой книге «Русской беседы» за 1859 год, т. е. до публикации там же статьи Гилярова «Рационалистическое движение философии новых времен». В примечании Гиляров ссылался на «сочувственный голос А. С. Хомякова» (I, 302).

> нравственности в сфере мысли и воли, и в полнейшее освящение анархии в сфере жизни общественной (I, 364).

Переходную эпоху европейской (и русской) цивилизации, которую дано было осмыслить Гилярову и Достоевскому, первый из них увидел как сдвиг философского, а за ним следом и «обыденного» сознания. Он представил этот процесс еще и как лексический переворот: в русский язык пришли новые слова («разум», «идея», «действительность», «прогресс»), а старые быстро выцветали в глазах новых поколений («долг», «совесть», «Бог», «гражданин»...). Мир внешний стал интереснее мира внутреннего, в науках возобладали, с одной стороны, «химико-физиологические», а с другой — политэкономия. Современное направление умов Гиляров предложил назвать «инстинктуализмом», поскольку оно «преосвящает права животного инстинкта» (I, 365). В этом неожиданно, хотя закономерно сошлись социалистические теории с буржуазными: они «хотя враждебны социализму, но, сами того не зная, стоят с ним совершенно на одной почве» (I, 365). Эта почва, надо понимать, — представление о природе человека как исключительно эгоистической. Только социализм хочет обуздать своекорыстие, а капитализм делает его двигателем прогресса. Один мог узнать себя в другом, как Раскольников — в Лужине («Преступление и наказание»).

Наблюдение, высказанное в очерке о рационализме, было затем развернуто Гиляровым в статье «Личное и общественное» (1859). Термин «социализм» заменен здесь более радикальным «коммунизмом» (в выражении «призрак коммунизма» (II, 19) слышатся раскаты «Манифеста Коммунистической партии» 1848 г.). Гиляров излагает основные аргументы спорящих между собой буржуазного индивидуализма и коммунизма и приходит к выводу, что

> оба равно построены на эгоистическом начале <...> оба равно служат химерической мечте примирить исключительное самоугождение личности с идеею общественности (II, 18).

Ошибка буржуазного индивидуализма в том, что он абсолютизирует личную инициативу и «отдельному лицу в нем же предоставляет и цель его действия», отсюда неизбежно превращение общества в «стаю зверей» (II, 25), в лучшем случае за решеткой закона. Коммунизм, напротив, «инициативу общественного действия предоставляет всему же обществу» (Там же), приходя неизбежно к насилию над отдельной личностью. Выход видится Гилярову в возвращении к христианской антропологии. Христианство, по Гилярову, в его восточной первооснове, опирается на такое качество человеческой природы, которое философ называет *«дружностью»* (близко «состраданию» Шопенгауэра, но с поправкой, что солидарность предпочтительнее жалости). «Дружность» в человеке противостоит «зависти». Из христовой заповеди любить ближнего как самого себя и вослед хомяковскому определению любви как самоотрицающегося эгоизма Гиляров выводит в качестве практического руководства некий тройственный императив, исходящий из органического единства личного и общественного, природного влечения и самодисциплины.

> Жизнь есть подвиг, а не наслаждение. Труд есть долг, а не средство своекорыстия. Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть (II, 28).

Этот по необходимости беглый обзор сказанного Гиляровым в 1859 г. сопоставим с идейным движением Достоевского в 1860—1865 гг.

Исходный пункт этого движения впервые обозначен в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г. Была заявлена необходимость возвращения образованного сословия «на родную почву». Народ («почва») представляется Достоевскому обладателем «высочайшего и благороднейшего дара природы» — «способностью примирительного взгляда на чужое». Заявленная таким образом «русская идея» (кажется, первое публичное употребление этого словосочетания) вела Достоевского к борьбе на два фронта — против крайностей как западничества, так и славянофильства с целью их «примирения» в перспективе грядущего «примирения цивилизации с народным началом» (18, 36—37).

Примирения враждующих партий не последовало, да и сам Достоевский в своей публицистике быстро уходит от предпочтения динамичного западничества к открывшейся ему духовной стабильности славянофильства. В 1863 г. он предлагает читателям (и себе) задуматься:

> Ведь не с неба же, в самом деле, свалилось к нам славянофильство, и хоть оно и сформировалось впоследствии в московскую затею, но ведь основание этой затеи пошире московской формулы и, может быть, гораздо глубже залегает в иных сердцах, чем оно кажется с первого взгляда. <...> Иная живучая, сильная мысль в три поколения не выяснится... (5, 52).

Достоевский как в воду глядел, хотя он сам приложил могучие усилия для «выяснения» этой «живучей мысли». Гиляров также служил существенному развитию и дополнению славянофильства.

Смена ориентиров в мировоззрении Достоевского начала 1860-х гг. проявилась прежде всего в том, какой смысл он стал вкладывать в слова-концепты «цивилизация» (западная) и «народ» (русский). Первая все более связывается с исторически утвердившейся в умах и в институциях абсолютизацией прав личности. Русский же народ, по глубочайшему убеждению Достоевского, исторически сформировался на «основаниях общины» (20, 210). В первом случае общество составляют «лучиночки» обособленных личностей, во втором сохраняется первозданный дух «братства» (вспомним о гиляровской «дружности»).

Если Гиляров поначалу шел через осмысление философского движения, а Достоевский свое знание народа получал в школе каторги, то затем они вместе постигали современную цивилизацию в общественно-политической смуте торопливых российских реформ. Поездка в Европу завершила и подтвердила строй мыслей, сложившийся у Достоевского, памятником чего стали «Зимние заметки о летних впечатлениях», напечатанные в февральском и мартовском номерах журнала «Время» 1863 г. Замечательно-едкий «опыт о буржуа» соединяется здесь с безоглядно откровенным profession de foi, принципиально совпавшим с символом веры Гилярова («Личное и общественное»).

Как и его предшественник, Достоевский увидел в Европе борьбу «всеобще-западного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе» (5, 69). Логика этой борьбы породила социализм, поначалу «уговаривающий на братство», а затем, коль «соблазнение выгодой» братства мало кого соблазняет, провозглашающий революционное насилие: «братство или смерть» (5, 81). Саморазрушительная эволюция социализма объясняется Достоевским неразвитостью братского начала в западном человеке.

> Сделать братства нельзя, потому что оно само делается, в природе находится (5, 79).

Достоевский, с другой стороны, абсолютно убежден, что есть такой «закон природы», согласно которому сильно развитая личность находит высочайшее себе применение — «добровольно положить свой живот за всех» (Там же). Писатель дает право голоса и скептическому сомнению («Эка ведь в самом деле утопия, господа!» — 5, 80), но иного выхода из кризиса эгоцентричной буржуазной цивилизации просто не видит. На европейском Западе, замечает он, начинают складываться начала «ассоциаций», в то время как русский Восток давным-давно «имел уже *артель*» (20, 21). Сравним: в передовой статье своей газеты «Современные известия» Гиляров не в первый раз заявляет, что единственным средством предохранения Западной Европы от надвигающегося социального кризиса является кооперация. Журналист предлагает и России пойти по этому спасительному пути, тем более что в ней «ассоциации прирождены». Приводится пример в русском духе: хозяин просит «А ну-ка, братцы...» — и «братцы» понатужатся больше, нежели только за деньги. Если, предполагает Гиляров, устроится артельная организация рабочих с допущением ее к участию в прибылях (и убытках) с круговой ответственностью и артельным же страхованием (пенсии, помощь вдовам и сиротам), —

> тогда живо вся Россия покрылась бы мануфактурами, фабриками, заводами, заведениями с подобным дружно-мирным сочетанием капитала и труда.[12]

Оставшееся недосказанным в «Зимних заметках...» Достоевский фиксирует для себя как программу на все последующее творчество в дневниковой записи 1864 г. «Социализм и христианство»:

> ...распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. <...> Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели — мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. Указан Христос (20, 192).

Несколько различавшиеся пути социально-антропологического анализа современной переходной эпохи привели Гилярова и Достоевского к общему итогу. При этом оба прекрасно понимали природу предносившегося им христианского идеала: в границах исторической реальности данного общества и среднестатистического его члена он выглядит «утопией», но взятый в ином, сверхисториче-

[12] *СИ*. 1876. 10 марта. № 67. С. 2 (передовая статья).

ском масштабе, он является необходимым условием самого существования рода человеческого. К ним обоим можно применить термин, предложенный современным исследователем: «практики критического идеализма».[13] Сопоставим суждения. Гиляров:

> ...редкий охотно жертвует другим своими интересами, редкий чувствует себя <...> братом всех людей; но не говорите же, что все это так и должно быть; что это отношения истинные... (II, 32).

Достоевский:

> Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. <...> Между тем после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно, как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно должно дойти до того... (20, 172).

Последовавшие затем пять великих романов Достоевского можно рассматривать как пять актов трагедии индивидуалистического сознания, утверждающие необходимость и неизбежность указанного Христом идеала. А. П. Дмитриев, процитировав статью Гилярова «Личное и общественное» («личная свобода есть именно личное порабощение, совершенное самоотречение личности, совершенное ее самоотвержение и самопокорение Закону Божественному» — II, 14), справедливо утверждает, что «гиляровские формулировки <...> выглядят — сходство поразительно! — как экстракт художественной философии “Преступления и наказания”, хотя высказаны за семь лет до публикации Достоевским его великого романа».[14] Следовало бы уточнить, что и все последующие романы Достоевского развивали такое понимание свободы и что Достоевский пришел к нему еще до «Преступления и наказания» в своей публицистике, окончательно сформулировав в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Так что хронологический разрыв между манифестациями Гиляровым и Достоевским христианского понимания свободы сокращается до трех лет (статья «Личное и общественное» увидела свет в конце 1859 г., а «Зимние заметки...» — в начале 1863-го).

Прологом к великому пятикнижию Достоевского были «Записки из подполья», опубликованные в марте—июне 1864 г. в журнале «Эпоха». Так называемый подпольный тип героя, созданием которого автор гордился как одним из самых больших своих художественных достижений, — это предельно концентрированный сгусток индивидуализма, переходящего в эгоцентризм. Любопытно отметить, что первые наброски этого типа мы находим в том же 1859 г. у Гилярова-Платонова. В статье «Личное и общественное» в споре с искренними

---

[13] *Котельников В. А.* «Что есть истина?»: Литературные версии критического идеализма. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 50. (Б-ка Пушкинского Дома).

[14] *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. Вып. 1. С. 112.

апологетами эгоизма (чуть позже назвавшегося «разумным») автор предлагает задуматься о последствиях, к которым ведет эвдемонистическая мораль. Заостряя проблему, он использует прием, называемый в логике сведением к абсурду.

> ...чистый эгоизм <...> есть совершенная немыслимость. Отдельное лицо, в пылу горячечного воображения, может, конечно, пожелать иногда, чтоб «всем было жертвуемо для его личности»: но от бреда болезненно развитой фантазии до практического ее осуществления, а тем более — до осуществления всеобщего, до возведения ее в принцип всечеловеческих отношений — бесконечно далеко. <...> Если NN имеет свои личные интересы, то и все прочие имеют то же <...>. Итак, бесконечный эгоизм, и в одном отдельном лице взятый, не осуществим вовсе. Но как же подумать возвести его в принцип всеобщий? Это было бы верх несообразности и противоречия <...> утверждать голо такого рода эгоизм было бы самою вопиющею из несообразностей <...>. И странно было бы за кем предполагать, чтобы решился на это (II, 4—5).

Достоевский, однако, решился пойти именно по этому «странному» пути и реализовал умозрительное допущение Гилярова, сделав своего героя философом «самой вопиющей несообразности». Она, как оказалось, легко возводится во «всеобщий принцип» и затем находит «практическое осуществление». Можно сказать, что в данном случае логика уступила смелости воображения, но нельзя не заметить также, что художническая «фантазия» Достоевского открыла такие — вполне реальные! — перспективы самоутверждающейся в своем эгоизме личности, какие строго логическому сознанию казались совершенно немыслимыми.

Замечательно, что и сам Гиляров однажды вплотную приблизился к иррациональному герою Достоевского и даже произнес самое слово «подполье» за семь лет до знаменитой повести. Это произошло в статье «Новые объяснения по старому спору»,[15] когда автор вдруг уклонился в сторону от обсуждаемого им вопроса о народности в науке:

> Так чудно устроена людская природа, что в ней, в одной и той же, существуют две различные сферы, — в одних и тех же покоях существуют два жилья, и часто в одном из них совершается совсем иное, чем в другом. В парадных горницах, ярко освещенных, — в сфере, озаряемой ежедневным сознанием, ходят мысли благообразные и приличные. Приятно на них посмотреть самому; не стыдно их показать и другим. Но совсем не то совершается в темном подполье, в глубине природы, в сфере бессознательных желаний, вкусов и привычек... (I, 214).

Такого рода отклонения в сторону от главной темы бывают в статьях Гилярова иногда значительнее самой темы, что обличает органичную стихийность под мантией систематика семинарской выучки.

Объединяющий Достоевского и Гилярова антирационализм, в противоположность религии Разума русских шестидесятников, порожден общим для обоих убеждением, что иррациональное в человеке и в человеческих сообществах

[15] Русская беседа. 1857. Кн. 4. Отд. V. С. 171—194. Подп.: *Н. Г-в.*

гораздо сильнее того, что контролируется сознанием. Один из немногих вдумчивых исследователей «переходного» периода творчества Достоевского рубежа 1850—1860-х гг. замечает по поводу «Униженных и оскорбленных» (1861), подготавливающих великие романы писателя, что уже в этом произведении «рациональное и естественное вдруг парадоксально обнажают иррациональное и безбрежное».[16] Не случайно Достоевский в начале шестидесятых годов возвращается к опыту своего «Двойника» и долго не оставляет планов переработать старую повесть, не находя пока новых форм для выражения разорванного сознания.

Если гений Достоевского — прозорливый угадчик иррациональной природы личности, то Гиляров, не обошедший стороной «философию откровения» позднего Шеллинга и волюнтарность Шопенгауэра, создает начатки собственной «философии бессознательного» (пользуясь чуть более поздним термином Э. Гартмана). Важно только сделать одно существенное уточнение: его прежде всего занимают внерациональные основы гносеологии. Здесь-то он начинает расходиться не только с наиболее рационалистичным К. Аксаковым, но отчасти и с ближайшими ему Хомяковым и И. Киреевским.

Нехарактерная для славянофилов сила скептического всеразлагающего анализа ведет Гилярова, кажется, дальше пределов, до которых доходил кантовский критицизм:

> Слепой крот, я знаю только то, что мне дали знать, умственно только воображая себя самостоятельно мыслящим, когда на деле рассуждают во мне, пользуясь логическим прибором, темные, неведомо для меня вкравшиеся предрасположения. Я всегда адвокат чужого дела... (II, 179).

Не случайно это парадоксальное умозрение и исходящую из него странную вроде бы защиту «предрассудка» в статье «Откуда нигилизм?» (1884)[17] сам Гиляров называет там же «частью целого мировоззрения», им выношенного (II, 179). Дело в том, что он, в отличие от нигилистов, *согласен* быть «логическим прибором», «адвокатом» и т. п., поскольку эти «темные», «вкравшиеся предрассуждения» осознаны им как тот самый «субстрат», тщетно искомый *рассудком*, но преднаходимый *умом* (категория целостного сознания по Гилярову). Фактическим синонимом «ума» у Гилярова становится категория «сердца», столь значимая для русского любомудрия:[18]

---

[16] *Туниманов В. А.* Творчество Достоевского, 1854—1862. Л.: Наука, 1980. С. 167.

[17] Совершенно не понятую В. С. Соловьевым с высоты его рационально просчитанной веры (см.: *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1: Философская публицистика. С. 484). Философа насторожило слово «предрассудок», поднимаемое на щит, а между тем Гиляров иначе понимал самое это слово, — он шел от этимологии (его излюбленный ход): предрассудок — то, что предшествует всякому рассуждению.

[18] Мы полагаем, что Гилярову знаком был трактат П. Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия», опубликованный в 1860 г.

> Я <...> утверждаю, что каждый личный разум знает только то, что ему дано знать, и мыслит не по логическим основаниям, а по сердечным побуждениям и темным предрасположениям <...> не разум есть законодатель сердца, а сердце дает разум; практическую философию я становлю впереди умозрительной и последнюю в зависимость от первой (II, 180).

Таков символ веры Гилярова, полагавшего, что к истине ведет не рассуждение, а действие, сродни умному деланию. Да и что такое истина? Вопрос о существовании Бога его не только не мучает, как его современника Достоевского, но, кажется, даже и не интересует как «вопрос». Если я часть Божьего мира и ощущаю его в себе, то этого вполне достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов. Богословствование Гилярова направлено в другую сторону — на осознание «темных» материков религиозного опыта, доставшегося нам от предков и в русском языке называемого однокоренным словом «предание». Каким образом усваивается предание? Через быт, обряд, язык, т. е. через *деятельность*, накапливающую свои плоды в культуре. Этот способ сохранения и передачи Божественного смысла Гиляров полагает едва ли не главным в народном веровании, которое укреплялось не столько чтением священных книг, сколько церковной службой, а еще более — обычаем, повадкой, передаваемыми от отцов и дедов. Возвращаясь к слову «предрассудок» и его реабилитации у Гилярова, следует вспомнить замечательное определение поэта:

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.[19]

Сохранение народного опыта и воспитание уважения к нему — вот, пожалуй, глубинный мотив, подвигнувший «практического философа» Гилярова-Платонова к многолетней газетной каторге, этому самосожжению мыслителя. Согрелся ли кто у этого огня? Сам Гиляров, как известно, не раз потом сожалел о сделанном выборе, сочтя свою журналистскую деятельность бесплодной. И верно, ему не удалось поколебать мощь Голиафа — нигилизма. А кому удалось?

Нигилизм — крайняя точка развития тех, кто «мнение» поставил над «убеждениями» и, следуя этой логике, отрекся от «предрассудков», преданий, опыта предков. Однако никто не уйдет от общего закона, и на смену одному верованию нигилисты принесли другое:

> Материальные интересы выше всего <...> и нашлась услужливая философия, которая всему и начало и конец полагает в желудке (II, 181).

Напротив, Гиляров был убежден, что «глубочайшее основание истины знания <...> лежит в нравственном чувстве». Прививка морали к теории познания в контексте эпохи — вызов торжествующему позитивизму. Гиляров в этой оппо-

---

[19] *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 175. (Б-ка поэта. Большая сер.).

зиции имел союзников, первым из которых был тот же А. С. Хомяков, «воздушными путями» упорствующего идеализма прокладывающий мост к Достоевскому такими вот откровениями:

> ...говорили часто о законе любви, но никто не говорил о силе любви. Народы слышали проповедь о любви как о долге, но они забыли о любви как о Божественном даре, которым обеспечивается за людьми познание безусловной истины. [20]

Понимание любви как «силы», а не «закона» ведет к самым сокровенным основам мировоззрения Достоевского: его философия познания есть философия целостной жизни, а та, в свою очередь, есть опыт, проявляющий, осязающий любовь как первооснову, первопричину бытия. Любовь как категория одновременно гносеологическая и онтологическая в мире Достоевского позволяла преодолеть извечную антиномию познания и бытия. Не будучи профессиональным богословом или философом, Достоевский не ограничился ролью скромного иллюстратора. Его идеи и образы — не столько популяризация православия, сколько *развитие* скрытых до времени потенций. На такую же роль небезосновательно претендовал и Гиляров.

2

Принципиальный внерационализм Гилярова, очень рано предопределивший путь мыслителя, парадоксальным образом сделал его неугодной персоной в тогдашнем русском богословии. Как известно, причиной его увольнения из Духовной академии послужили лекции, трактовавшие раскол старообрядства как «естественный продукт нашей истории» (II, 194). Эта точка зрения, подхваченная затем А. П. Щаповым, дошла таким окольным путем до Достоевского и составила один из сильнейших аргументов его почвенничества. Церковное начальство усмотрело в позиции Гилярова еретические ноты, в то время как он видел рационалистический по сути корень в сложившейся церковной практике полемизирования с расколоучителями (ее ошибочность усмотрел еще митрополит Платон, вслед за которым и пошел Гиляров, вполне оправдывая вторую часть своей фамилии).

> *Полемический* взгляд <...> видит в расколе заблуждение и сущностью его полагает *мнения* <...> верование, — бьет в самый центр проблемы религиозный мыслитель, — вовсе не есть только мнение. <...> Коллективное верование есть уже стихийная сила, которая не слушает рассуждений (II, 199—201).

В статье «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» (1858), обозначившей принципиальные расхождения Гилярова с официальным богословием, автор предлагает изучать историю Церкви в органической (а не традиционно «механической») связи с национальной историей. Для этого необходимо было бы понять движущие факторы формирования народа как «физической и духовной целости». Гиляров называет главнейшие из факторов: «фи-

---

[20] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Прага, 1867. Т. II: Сочинения богословские. С. 96.

зическая масса народа», «ее состав и порода», «язык как сумма некогда живо кипевшей нравственно-умственной деятельности» и, наконец, «ступень, на которой стоит религиозное развитие народа, вместе с его бытовыми привычками». Эти два последних фактора, заявляет Гиляров,

> бывают обыкновенно самыми главнейшими и могущественнейшими, хотя и наименее всех заметными, двигателями в народной жизни... (I, 221—222).

Автор обещает вернуться к этому вопросу, который «слишком мало был развит доселе». В научном плане это обещание осталось невыполненным, однако вся последующая публицистическая деятельность Гилярова строилась на заявленных основаниях.

Обратим внимание на существенную деталь: «религиозное развитие» и «бытовые привычки» для Гилярова составляют одну «общую ступень». «Религиозное» проникает в «бытовое», взаимно отзываясь друг в друге и предопределяя, иррационально, действия человека и целого народа в той или другой ситуации. Примерно в таком ключе Гиляров давал генетическое истолкование русского православия:

> Прямо из непосредственного общинного, полусемейного быта <...> Русская земля неизбежно должна была усвоить себе, в виде высшего нравственного идеала, именно христианское начало любви. [21]

Естественное единство быта и религии порождает национальные добродетели («братство, человеколюбие, смирение»), но одновременно и обратную их сторону — национальные пороки («дряблость, неустойчивость, уступчивость»). Гиляров — в этом его отличительная черта, сближавшая, впрочем, с Достоевским, — в равной степени рельефно фиксирует обе стороны.

Взаимообусловленность религии и быта («правила», «привычки», «приличия», «обычаи») — системообразующая идея в миросозерцании Гилярова как наследника ранних славянофилов. Под этим углом он обозрел собственное духовное становление в мемуарной книге «Из пережитого» (1886—1887). Жизненный опыт и участие в ключевых событиях переломной эпохи привели мыслителя к итоговому заключению: «без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая». [22] Нечто похожее мы легко найдем у Достоевского, а общим предшественником и того, и другого был, несомненно, А. С. Хомяков. Он раньше всех, по наблюдению В. В. Розанова,

> выразил, что в натуре русских лежит что-то, что делает русских первым настоящим христианским народом. Русские — христиане. Вот, в сущности, главное его открытие, усиленно потом повторенное Достоевским. [23]

---

[21] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 238 (впервые — *СИ*. 1881. 25 янв. № 24. С. 2).

[22] *Письма к Романову-Рцы*. С. 302 (письмо от 23 ноября 1886 г.).

[23] *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 460. (<Собр. соч.: В 30 т.; Т. 4>). Далее Розанов в этот ряд ставит Гилярова, Антония (Храповицкого) и С. А. Рачинского «в молодую его пору».

Основание истинной религиозности, по Гилярову, — не книжная культура, а растворенное в быте как бытии предание. Показательна в этом смысле его защита Л. Н. Толстого как автора рассказа «Чем люди живы» от суровой догматической критики К. Н. Леонтьева (1882). Гиляров отверг рационалистическую ревизию христианства, предпринятую Толстым, и откровенно высказал свое мнение (см.: II, 287—291). Однако и в критике Леонтьева он обнаруживает тень религиозного рационализма, отброшенную еще митрополитом Филаретом как проповедником. Ораторскому искусству последнего Гиляров противопоставляет жизнестроительное праведничество его преемника митрополита Иннокентия (Вениаминова): «филаретовское слово — пища для мыслителя; а воспитывать и сердце и жизнь в христианстве способнее бесспорно слово Иннокентия».[24] Такое же «воспитательное» начало Гиляров находит в рассказе Толстого.

> Рассказ есть легенда <...> нашел ли эту легенду Толстой готовою в народе или создал ее? В том и другом случае это есть величайшее произведение: до такой степени воспроизвести нравственное мировоззрение народа, начиная с сущности и кончая выражением...[25]

Гиляров ярый полемист, он доводит до логического завершения позицию своего оппонента (К. Леонтьева): «догмат об иерархическом устройстве становится поверх начал правды и любви». Для самого Гилярова первое — лишь «внешнее, временное», а второе — «высшее и вечное». Поэтому для него леонтьевская критика рассказа Толстого о спасении через любовь («не достает уяснения необходимости страха») — новое «фарисейство <...> в смысле преувеличенного служения букве и форме».[26] С другой стороны, Гиляров и собственную точку зрения на сущность народного православия доводит до крайнего выражения:

> Кто его <народ> воспитывает? Поп? Но он только отправляет требы... Мать, бабушка? Но она учит только, как сложить персты в крестное знамение, приложиться к образу, снять шапку в церкви или крестном ходу. Быт, пример? Но это есть поучение внешнее и учит внешнему, не потрясая сердца внутри. Верьте, воспитывает и сохраняет христианина в народе легенда, одна легенда, и возблагодарим за это Бога. От легенды вторая ступень — святоотеческие аскетические размышления; но это уже для грамотных.[27]

Наблюдения Достоевского над особенностями народной веры во многом (хотя и не во всем) сближают его с Гиляровым. Достаточно вспомнить странни-

---

[24] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова // *РА*. 1889. Кн. III. Вып. 11. С. 425. В целом Гиляров был очень невысокого мнения о современной ему православной гомилетике: «безжизненность, преобладание риторики есть факт бесспорный русской церковной проповеди», в то время как «проповедническая деятельность есть апостольская деятельность» (*Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 363—364).

[25] Там же. С. 427—428.

[26] Там же. С. 427.

[27] Там же. С. 428.

ка и учителя жизни Макара Долгорукого («Подросток»),[28] опирающего свою веру на живые предания, давние легенды и недавние были (см.: 13, 309—322). В отличие от суховато-сдержанной наблюдательности Гилярова (составляющей основной тон его главной книги «Из пережитого»), Достоевский дает ощутить глубинно-чувственное начало в народной вере —

> порывы того самого общенародного умиления, которое так широко вносит народ сам в свое религиозное чувство (13, 312).

Краеугольной темой, к которой неуклонно стягиваются духовные искания Гилярова и Достоевского — это их своеобразная, не теоретическая, но жизненно-практическая экклезиология. Эскиз Церкви в ее исторической перспективе проступает в монументальной конструкции «Братьев Карамазовых». Гиляровские предложения по церковному строительству рассыпаны в многочисленных статьях, два десятилетия печатавшихся в «Современных известиях» и лишь после смерти автора собранных кн. Н. В. Шаховским и изданных К. П. Победоносцевым в двухтомнике «Вопросы веры и Церкви» (1905—1906). В своих экклезиологических упованиях как Гиляров, так и Достоевский исходят из учения Хомякова о Церкви-хранительнице «начала взаимной любви в Иисусе Христе», которое есть «не авторитет, а истина».[29] Гиляров в рецензии на богословские сочинения Хомякова (в переводе которых с французского на русский язык он сам участвовал) отмечает, что их автор основал «науку еще не бывалую» не только в России, но и в мире — «философию церкви». От традиционной философии религии новая наука отличается тем, что «предмет ее не умозрительный, а данный, опытный», это некий «опыт самосознания церкви».[30] Гиляров небезосновательно полагал, что он и сам, в чем-то независимо от Хомякова, а в чем-то в со-размышлении с ним, шел той же дорогой.

Философия церкви, глубоко разработанная Хомяковым в ее субстанциальных началах, обнаруживала некоторую односторонность в применении этих начал к реальной истории. Все свои усилия Хомяков направил на обличение очевидных отступлений Западной (католической и протестантской) церкви от сформулированного им идеала («церковь как синтез единства и свободы в любви»), а хранитель этого идеала Восточная (православная) церковь была освобождена от исторической критики. Заметивший это Вл. Соловьев поспешил объявить о «вырождении» славянофильства ввиду его «искусственного право-

---

[28] Интересно, что К. Н. Леонтьев высоко оценил этот образ, связав его с убеждением Достоевского, «что без веры, *без веры православной именно*, народ русский, да и вся Россия станут никуда негодными». «Правда, в религиозных представлениях своих Достоевский, — прибавляет критик, — не всегда строго держался общеизвестных катехизических оснований» (*Леонтьев К.* Избранное. М.: Рарогъ; Моск. рабочий, 1993. С. 304), что, очевидно, может быть вменено и Гилярову.

[29] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1994. Т. II: Работы по богословию. С. 43.

[30] *Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 209 (впервые — *СИ*. 1880. 11 сент. № 251. С. 2).

славничанья».[31] Вывод Гилярова был куда более взвешенным. Он исходил из того, что православие как историческая данность еще не раскрыло все свои потенции. Следует иметь их в виду точно так же, как и уклонения. Гиляров в письмах к И. Ф. Романову 1886 г. называет это: «мое различение Православия in se и — исторического».[32] Различение это полно драматизма, и потому положение Гилярова, сосредоточившегося, в отличие от Хомякова (с его «православием in se»), на критике «исторической» церкви, было еще более драматическим, чем у его старшего товарища.

Многочисленные статьи Гилярова по церковным вопросам, в основном газетные, составляют мозаичную картину повседневной жизни русской православной церкви в период жесточайшего кризиса, грозившего полным упадком веры. Такое ощущение питало бескомпромиссность Гилярова, недешево ему доставшуюся. Журналиста и редактора «Современных известий» преследовало, с одной стороны, равнодушие образованного общества к делам церковным, а с другой — раздражение задетых критикой иерархов и соратников по консервативному лагерю, требующих не выносить сора из избы.

С подобной реакцией столкнулся и Достоевский, когда принял на себя редакторство еженедельника «Гражданин» (1873—1874) и значительную часть его отдал обсуждению церковных вопросов. Так, сатирическая заметка редактора «История о. Нила» (21, 148—153) вызвала недоумение прямолинейных консерваторов, а полемика о единоверии завершилась обвинением со стороны академически-богословских кругов в потворстве старообрядцам[33] (с Достоевским повторился «казус Гилярова», упоминавшийся выше).

Гилярова все больше интересует не *идея церкви* как таковая (потому ему столь чужды отвлеченные построения Вл. Соловьева), но, скажем так, *люди церкви*. Он был твердо уверен, что люди, а не идеи в конечном счете определят судьбу этого мистического и одновременно земного установления. С самого раннего детства ему хорошо известна была повседневная жизнь духовного сословия. В изображении и понимании клира в русской литературе не было равных Н. С. Лескову и Н. П. Гилярову-Платонову. Пальму первенства Достоевский отдавал Лескову, книга Гилярова «Из пережитого» вышла уже после смерти автора «Братьев Карамазовых». Сам же Достоевский всю силу художественной

[31] *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 437. Статья «Славянофильство и его вырождение» впервые опубликована в 1889 г. Заметим, что в 1880 г. в заключении «Чтений о Богочеловечестве» Соловьев в основном еще следует за Хомяковым, солидарно с Достоевским.

[32] *Письма к Романову-Рцы.* С. 303.

[33] Подробнее см.: *Викторович В. А.* 1) Достоевский и В. П. Мещерский // Русская литература. 1988. № 1. С. 210—211; 2) Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения // Достоевский и мировая культура: Альм. СПб.; М.: Серебряный век, 2004. № 20. С. 9—21.

наблюдательности направил на так называемое черное духовенство[34] (Тихон в «Бесах», монастырь в «Братьях Карамазовых»). Белое духовенство почти не появляется на страницах его романов,[35] даже когда описывается церковный обряд (обедня и затем отпевание Илюшечки в «Братьях Карамазовых»). А когда все же появляется, то впечатление по себе оставляет двойственное. Таков в «Преступлении и наказании» священник, отслуживший панихиду по Катерине Ивановне в квартире Сони: «Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался» (6, 337). «Малую церковь» вокруг себя образует здесь «падшая» Соня, комнатка которой «чрезвычайно низкая», «уродливая», похожая на «сарай» или «весьма неправильный четырехугольник» (6, 241), производит такое подозрительное впечатление на столичного батюшку. Однако именно здесь, в этих петербургских катакомбах, и происходит близкое к литургии действо о воскресении Лазаря.

В 1864 г. Достоевский обратил внимание на статью в аксаковской газете «День» под названием «О православном духовном ведомстве в России (составлено в 1859 году по официальным источникам)».[36] Она впервые заставляет его задуматься на тему «об обеспечении духовенства» (20, 202). Статья, подписанная криптонимом «П......», очевидно, привлекла Достоевского смелостью постановки проблемы. Автор с цифрами в руках методично и решительно вел к мысли, что обнищание церкви — следствие непродуманной правительственной политики начиная с секуляризации церковных имений при Екатерине II и кончая расслоением духовного сословия на «бедных» и «богатых». В качестве автора этой статьи в авторитетных печатных источниках[37] указан археолог Дмитрий Васильевич Поленов (1806—1878), служивший на тот момент обер-контролером Хозяйственного управления при Св. Синоде.[38] Мы, однако, не исключаем участия Гилярова в написании статьи. Так, ее основные положения, «составленные в 1859 г.», были повторены затем в записке Гилярова «О первоначальном народном обучении», поданной императрице и в 1862 г. опубликованной.

Внутренняя мотивация статьи «О православном духовном ведомстве в России» приоткрывается из письма А. Д. Желтухина Гилярову от 27 сентября 1859 г., где сообщался слух,

---

[34] Интересные соображения по этому поводу были высказаны в докладе В. А. Котельникова «Философско-теологическая традиция иоахимизма в творчестве Достоевского и З. Красиньского: сходящиеся версии обновления мира» на XIV симпозиуме Международного общества Достоевского (Неаполь, июнь 2010 г.).

[35] Создатели российского фильма «Мальчики» (1990), экранизации одноименной части романа «Братья Карамазовы», восполнили «недостающее» и завершили картину долгими планами современной церковной службы с участием всех актеров. Эпизод получился, на наш взгляд, избыточным, так как роль пастыря в этой части романа возложена на Алешу.

[36] День. 1864. 29 авг. № 35.

[37] Энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXIV. С. 455; РБС. <Т. 14>. С. 475.

[38] Благодарю А. П. Дмитриева, внесшего эту поправку.

будто Синоду заданы следующие вопросы: сообразить 1) не лучше ли монастыри обратить в госпитали, 2) не лучше ли изъять белое духовенство из-под влияния черного духовенства, 3) не лучше ли причетников сделать вольнонаемными и 4) предоставить справку о ходе улучшения быта сельского духовенства.[39]

В том же 1859 г. Гиляров писал архимандриту Иоанну (Соколову), что занимается «вопросом об оживлении нашего духовенства» именно с критических позиций:

> ...тем и выше явится идея церкви и ее значение для нашего общества, когда она стряхнет с себя разный сор, отвне к ней приставший и вовсе не составляющий существа ее <...> я чувствую на себе долг высказываться <...> ужели же молчать, в самом деле, при виде безжизненности, при виде глубокого сна или механической деятельности нашего духовенства?[40]

Этот пафос, как можно убедиться, и организует интересующую нас анонимную статью, именно он и привлек внимание Достоевского.

В статье «О первоначальном народном обучении» Гиляров настаивает на том, что духовенство — «сословие, намеренно уничиженное» (II, 135) государством, которое не только поставило церковь в материальную зависимость от себя, но и встало между пастырем и паствой силою полицейского надзора. Именно государственная власть сделала духовенство «тем, чем оно есть, к сожалению, теперь, а именно сословием запуганным, но вместе жадным и завистливым, униженным, но притязательным, ленивым и равнодушным к своему высшему призванию, а вследствие того и не весьма безукоризненным в образе жизни» (II, 136). Выступление Гилярова, как видим, развивало славянофильскую критику огосударствленной церкви, наиболее принципиальную у И. Аксакова. Гиляров тогда надеялся, что если возложить на духовенство как «силу наиболее хранительную в государстве» заботу о начальном народном образовании, то это поможет ему возродиться к новой, более достойной жизни. Плата за учительский труд («посредством ли жалованья, посредством ли общественных сборов» — II, 137), как полагал тогда Гиляров, поднимет и материальное благосостояние церковнослужителей.

В «Современных известиях» 1867—1887 гг. положение духовенства стало одной из основных тем, настойчиво выдвигаемых редактором. Газета Гилярова, как и другие издания, помещала у себя жалобы священнослужителей на претерпеваемые унижения и нищету, однако реакция ее была далека от общепринятого дежурного сочувствия. В среде духовенства, особенно многочисленных бедных приходов, усиливалось требование государственной поддержки в виде гарантированного жалованья. Поначалу, как мы видели, Гиляров приближался к этой точке зрения, но в «Современных известиях» он последовательно и твердо стал проводить иную редакционную политику, серьезно отличавшую его из-

---

39 Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1897. Т. 48. Дек. С. 516.

40 *РО*. 1898. Т. 49. Янв. С. 108.

дание. С одной стороны, он продолжал настаивать на том, что причина современной церковной безурядицы кроется не в притеснениях белого духовенства со стороны черного (с подачи о. И. Беллюстина популярное в либеральной прессе объяснение), а гораздо глубже, в самой «сословности, в государственном положении духовного звания», порождающих его «отделенность и самозамкнутость».[41] Не способствуют авторитету церкви и «доспехи канцелярской тайны»,[42] превращающие священнослужителей в безгласных чиновников. С другой стороны, Гиляров понимал теперь, что обеспечение духовенства «посредством жалования», т. е. еще большее огосударствление церкви, окончательно лишит ее нравственно-духовного авторитета, невозможного без свободы вероисповедания. У правительства нет своих средств, рассуждал Гиляров, и оно возьмет их, разумеется, у народа в виде налогов. В результате церковь неизбежно должна будет «вместо непосредственных и добровольных отношений к народу стать к нему в отношения полицейские».[43]

Достоевский в данном вопросе оказался на стороне Гилярова (выступления «Современных известий» ему были известны, так как газета была в поле его зрения после возвращения на родину в 1871 г.).[44] В первом выпуске «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский встал на позицию меньшинства, отстаиваемую Гиляровым, хотя в отличие от него акцентировал не социальный, а нравственный аспект:

> Бесспорно — «трудящийся достоин платы», но этот вечный вой о прибавке жалованья режет, наконец, ухо и мучает сердце <...> как-то все мечтается притом о тех древних подвижниках и проповедниках Евангелия, которые ходили наги и босы, претерпевали побои и страдания и проповедовали Христа без прибавки жалованья (22, 24).

В подготовительных записях к «Дневнику писателя» Достоевский выразится гораздо сильнее:

> Народ у нас еще верует в истину... если только наши «батюшки» не ухлопают нашу веру окончательно (24, 99).

Впоследствии старец Зосима скажет: «виноваты наполовину мы сами» (14, 265).

Достоевский все же не терял надежды: «в среде нашего священства не иссякает дух и есть горячие деятели» (22, 24; в черновиках было: «и я знаю таких» — 24, 99). В «Гражданине» Достоевский охотно печатал известия о таких деятелях, что было большой редкостью в тогдашней журналистике. Портрет идеаль-

---

41 *Вопросы веры и Церкви*. Т. I. С. 85.
42 Там же. С. 82.
43 Там же. Т. II. С. 57 (впервые — *СИ*. 1876. 5 янв. № 4. С. 2).
44 «Современные известия» были в числе изданий, получаемых в редакции «Гражданина» времен редакторства Достоевского (1873—1874) и «Дневника писателя» (1876—1877). Ссылки на «Современные известия» были нередки в «Гражданине», как, впрочем, и перепечатки из «Гражданина» в газете Гилярова.

ного пастыря нарисовал Гиляров в мемуарно-документальной книге «Из пережитого». Он дан на фоне весьма удручающем:

> На кого ни посмотришь, всякий, поступая на священнослужительское место, опускается, начинает растительную жизнь, наращивает брюшко, засыпает умственно. При довольном доходе ленится, при малом доходе приходит в движение, но изощряясь в одном — добыть материальные средства. [45]

Причина, по Гилярову, кроется в двойственной природе самой профессии, посредничающей между земным и небесным:

> ...из всех званий духовное есть самое ложное, хотя самое высокое по идее, и именно потому ложное, что слишком высоко. [46]

Служение Богу, сделавшись вполне рутинным занятием, формирует «механизм без души». Однако есть, как уверяет Гиляров, «идеальные пастыри, каких разве только десятки наберутся в России». [47] Таким был его шурин Федор Васильевич Селезнев, в 1832—1880 гг. настоятель Богородице-Рождественской церкви в селе Кончакове Зарайского уезда Рязанской епархии, игравший роль Соломона в своем приходе. «Огонь горел в нем и продолжал гореть», — характеризует Гиляров его отношение к пастырским обязанностям. В результате долгих лет неравнодушного служения сельский батюшка «перетродил прихожан». [48] Впервые Гиляров посетил Кончаково летом 1833 г., и не лишне отметить, что в 28 верстах от Кончакова, в сельце Даровом, в это же время проводил летние вакации 12-летний Федор Достоевский.

Описанные Гиляровым оригинальные методы воспитания прихожан, применяемые Ф. В. Селезневым, свидетельствуют о незаурядной энергии веры, заключенной в личности рядового в общем-то священника. Именно этими людьми апостольского склада, по мысли Гилярова, и стоит Русская православная церковь. Показательно для Гилярова, что он идеалом ставит «практика», а не «молитвенника», предпочтя иосифлянство нестяжательству. Достоевский, как видно из его аргументации, тяготеет к другому полюсу русского православия — к последователям Нила Сорского.

Социальное христианство Гилярова (в отличие от нравственно-мистического у Достоевского) вело к тому, что он проблемы церкви видел в контексте общественных процессов, которые формировали сознание русских людей пореформенной эпохи. Таково в его глазах и пресловутое корыстолюбие духовенства, угасание апостольского духа. Это явление Гиляров связывает с происшедшей деформацией в целом общественного сознания:

---

[45] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 313.
[46] Там же. С. 314.
[47] Там же. С. 311.
[48] Там же.

> Одна из величайших ошибок допущена была в минувших великих реформах, что ими если не упразднено, то, можно сказать, затоптано понятие о безмездном общественном служении. [49]

В пример он ставит «премудрое английское устройство», где мировые судьи, члены самоуправления, депутаты парламента жалования не получают. Тем самым богатые люди своим общественным служением отрабатывают свои привилегии. Эту тему Гиляров поднимал, как видим, и вне связи с церковью. В передовых статьях 2 и 3 июля 1873 г. он сравнивает новое российское самоуправление, сменившее «право бить» на «право тащить», [50] со швейцарским и английским, где даровая общественная служба в качестве привилегии-обязанности обеспеченных людей предупреждает претензии малоимущих классов к обладателям ренты (в кою входит часть «даровая, незаслуженная, похищаемая у других классов»). В силу этого, утверждает Гиляров, Англии и Швейцарии «не страшны социальные перевороты». [51] Не то в пореформенной России, пошедшей по пути универсальной монетизации (как бы сейчас сказали) общества и утрачивающей даже те традиции, что в ней сложились исторически (дворянские обязанности-привилегии). Вознаграждение за общественную повинность, пишет Гиляров, есть «вывеска падающего общества», поскольку «никакая премия не родит добродетели, когда ее нет». [52] Популярный тогда (да и теперь) в России способ борьбы с коррупцией чиновников через увеличение их окладов может повести, твердо убежден Гиляров, лишь к возрастанию суммы взяток. Самый же факт, что «общество как бы дает откупное», производит в массовом сознании «освящение воровства».

Гиляров ходит где-то рядом с Достоевским, который в это же время выдвигает идею о новой формации «лучших людей», идущих на смену дворянству как «людям чести». Гиляров, в отличие от Достоевского, предлагает некий конкретный общественный механизм. Кстати говоря, он поначалу полагал, что дворянство вновь может взять на себя общественную миссию, [53] однако очень скоро, в отличие от К. Н. Леонтьева, признал необратимость разложения высшего сословия, да и падение сословного принципа как такового. [54]

Возвращаясь к церковной тематике как общем литературном поле Гилярова и Достоевского, следует отметить их сближение по весьма острому тогда вопросу внешней церковной политики — о так называемой греко-болгарской распре. Это был давний конфликт между Константинопольской патриархией и Болгарской церковью, страдавшей от греческого засилья. В 1870 г. турецкими властями, под юрисдикцией которых пребывала Константинопольская церковь, был

---

[49] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 58 (первоначально — *СИ*. 1876. 5 янв. № 4. С. 2).

[50] *СИ*. 1873. 2 июля. № 179. С. 2 (передовая статья).

[51] Там же. 3 июля. № 180. С. 2 (передовая статья).

[52] Там же.

[53] Раздел «Три партии» (подписанный псевдонимом Р. С. Т.) в брошюре: Три партии, мы на перепутьи / Сочинение Р. С. Т. и З. Н. П. Берлин, 1860.

[54] См. письма Гилярова к А. Д. Желтухину: *РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 462—468.

учрежден Болгарский экзархат. Сложилась парадоксальная ситуация, когда основание церковной автономии было положено светской, к тому же иноверческой властью. 11 мая 1872 г. Болгарский экзархат провозгласил независимость своей церкви, а в ответ константинопольский патриарх созвал поместный собор, 16 сентября 1872 г. объявивший болгар схизматиками. Русская православная церковь не приняла этого определения, да и общественное мнение в России склонялось на сторону «порабощенных» греками болгар. В защиту патриарха как радеющего о церковном единстве наиболее последовательно выступал Т. И. Филиппов. Достоевский, став редактором «Гражданина», активно поддержал Филиппова как ведущего сотрудника. Союзником, хотя не абсолютным, «Гражданина» в этой непростой ситуации были «Современные известия». Гиляров зрел в самый корень: болгары поставили национальный интерес над церковным, хотя грешны в том и греки. О том же писал К. Н. Леонтьев в статье «Панславизм и греки».[55] Свой взгляд на проблему Достоевский выразил в письме от 26 февраля 1873 г. к М. П. Погодину, стоявшему, как и все славянофилы, на болгарофильских позициях:

> В каноническом, или, лучше сказать, в религиозном, отношении я оправдываю греков. Для самых благородных целей и стремлений нельзя тоже и *искажать* христианство, то есть смотреть на православие, по крайней мере, как на второстепенную вещь, как у болгар в данном случае (29_1, 263).

Вернувшись к этой теме в мартовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г., Достоевский уточнил свою позицию относительно вселенского (константинопольского) патриарха, отлучившего болгар от церкви за следование «пагубному принципу национальности»:

> Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян (25, 71).

Достоевский, таким образом, принял наиболее взвешенную позицию, выражаемую Гиляровым и Леонтьевым, освободившись от однозначности Филиппова, взгляд которого он еще в 1873 г., прочитав статью Леонтьева, находил «несколько сузившимся» (29_1, 263).

Как видим, Достоевский хорошо сознавал опасность религиозного национализма, когда вероисповедание становится всего лишь орудием национальной вражды, так что совершенно напрасно современные ультра полагают Достоевского своим союзником. Говоря словами К. Н. Леонтьева (из той статьи, что произвела такое сильное впечатление на редактора «Гражданина»), они

> слишком бесцеремонно употребляют орудием своих племенных препирательств великую святыню *личного*, *сердечного* Православия.[56]

---

[55] *РВ*. 1873. Т. 103. Февр. С. 904—934. Подп.: *Н. Константинов*.

[56] *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 205.

Стоит выделить еще один эпизод из всей этой истории. В 1868 г., когда греко-болгарский конфликт стал достигать критической точки, Гиляров предложил вспомнить о соборной природе христианской церкви. Оказавшись накануне нового раскола, церковь просто обязана запустить механизм соборного общения и соборного решения накопившихся проблем:

> Собор *должен* быть, а потому он будет. Слишком много накипи наросло на внешнем здании церкви, так что и лик ее распознать теперь не легко: слишком много внутренних недоразумений накопилось...[57]

Гиляров предвидит естественное обращение болгар и греков к поддержке Русской православной церкви, как видит и желание диалога с ней у взыскующих истины западных католиков и протестантов (движение в англиканской церкви и вскоре объявившиеся так называемые старокатолики подтвердили это наблюдение). А что может дать им Русская церковь? Этот вопрос решительно и бескомпромиссно ставит Гиляров, бросая хомяковские идеи в горнило современной смуты:

> Вопрос к ней, все к ней же, к Русской церкви. Ты, величающая себя свободною, и действительно единая свободная в том смысле, что одна можешь раскрывать духовное просвещение веры во всей его христианской широте <...>: готова ли ты? Слышишь ли свое призвание? <...> Бьет ли у нас ключом живая струя или же явимся застоявшимся безжизненным болотом, воображающим, что в мертвенной-то безжизненности и заключается духовно-умная жизнь веры.[58]

Возвращение в Русскую церковь института собора, по глубокому убеждению Гилярова, вдохнуло бы в нее живое начало древней церковной демократии. Впоследствии идею созыва собора, уже как средства преодоления кризиса единоверия в Русской православной церкви, выдвинул Т. И. Филиппов в еженедельнике «Гражданин». Гиляров горячо поддержал его, хотя при этом подчеркивал более широкое значение возможного будущего собора, долженствующего не только преодолеть раскол «старой» и «новой» веры, но и остановить «падение духовенства».[59] Сделавшись редактором «Гражданина», Достоевский присоединился к этому союзу и вставил свое веское слово: без собора,

> этого великого источника божественного света <...> наша церковь представляет печальное зрелище раскола, продолжающегося два века; и конца ему не видно.[60]

И Гиляров, и Филиппов, и Достоевский, что необходимо подчеркнуть, шли «против течения» русского академического богословия своего времени. Достоевский, не будучи специалистом в этой области, в отличие от Гилярова, так же, как и он, замечает «сбивчивость общих богословских понятий» (21, 142). Один

---

[57] *Вопросы веры и Церкви.* Т. I. С. 73 (впервые — *СИ.* 1868. 25 нояб. № 325. С. 1—2).

[58] Там же. С. 75—76.

[59] Письмо Гилярова Т. И. Филиппову от 20 октября 1872 г. // РНБ. Ф. 847. № 496. Л. 2.

[60] <*Достоевский Ф. М.*>. Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия // Достоевский и мировая культура: Альм. № 20. С. 30.

из них больше полагается на интуицию, а другой, несомненно, владеет всей полнотой современных богословских знаний, но оба приходят к общему пониманию того, что впоследствии историк русского богословия сформулирует как «вопрос о духовном методе»:

> Нужно было научиться богословствовать не из ученой традиции <...> но из живого церковного опыта.[61]

«Церковь в параличе с Петра Великого» (27, 49), — печалился Достоевский, и действенным лекарством ему, как и Гилярову, представлялся скорейший созыв Собора, составляющего живую силу церкви. Эти призывания лучших людей церкви звучали с возрастающей силой вплоть до начала XX в.[62] Первый после двухвекового перерыва Поместный собор Русской православной церкви состоялся в 1917 г., когда катастрофу государства и привязанной к нему церкви уже нельзя было остановить.

3

Две болезненно-критические сферы современной жизни, где аукались Гиляров и Достоевский, — «еврейский вопрос» и «Восточный вопрос». Национальное начало, вообще говоря, представлялось обоим серьезной силой, движущей историю. При этом оба, так или иначе, ощущали себя выразителями своего народа, в той мере, в какой самосознание народа реализует себя через головы мыслителей и творцов. Характерна для обоих постоянная апелляция к гласу народа, вслушивание в него, дающее в итоге все решающий argumentum ad populum. В еврейском вопросе, в частности, этот медиумизм выражает сильные и слабые стороны «мышления народного», а не только личностные предпочтения данных авторов. Так, Достоевский подытоживал многолетние свои наблюдения:

> ...в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам, и даже, может быть, очень сильная (25, 80—81).

Эту несимпатию автор «Дневника писателя» оправдывает сложившейся исторической ситуацией, когда на острие буржуазного меркантилизма оказались евреи-ростовщики, кабатчики, арендаторы, финансисты, адвокаты... Так, в пореформенной России с их участием «мимо земледелия началась спекуляция» (24, 212).

> Еврею, — утверждал Достоевский, — до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел (24, 78).[63]

---

[61] *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Вильнюс: Б. и., 1991. С. 364.

[62] См.: *Ореханов Г., иерей.* На пути к собору: Церковные реформы и первая русская революция. М.: Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-т, 2002.

[63] Ср.: «*...гандель* еврейский, за малыми исключениями, не оплодотворяет почвы, где он производится, а истощает ее» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. I. С. 485).

На соседних страницах «Дневника писателя» автор показывает, что и многим русским нет до этого дела. Определение «жидовство» относится в равной степени и к ним, хотя, конечно, писатель не мог не отдавать себе отчета в том, что данное слово имеет такие коннотации, от которых никогда не избавится.

Комментируя в своей газете те же факты усиления еврейской буржуазии, Гиляров актуализирует архаическую первопричину: вековые гонения развили в еврейском племени чувство самосохранения, которому «их бесправность указывала единственное прибежище в деньгах».[64] Подобная точка зрения, высказываемая не одним Гиляровым, вызвала отчасти несогласие Достоевского: «тут не одно самосохранение <...> а некая идея, движущая и влекущая, нечто такое мировое и глубокое» (25, 82). Эта идея из разряда величайших — возвращение иудеев «в старый дом, в Палестину».[65] Причины формирования еврейского «самоупорного организма» (по выражению А. И. Солженицына) Достоевский видит в несокрушимой верности Сиону, в религиозных основаниях национальной личности. Здесь следует заметить, что его симпатия к ветхозаветному богобоязненному народу так же не знает границ, как и его антипатия к людям «вековечного золотого промысла». Он горячо укоряет секуляризовавшихся «высших евреев»: «слишком даже грешно забывать своего сорокавекового Иегову и отступаться от него» (24, 75). Укоризна, парадоксально сближающая Достоевского с позднейшими еврейскими мыслителями А. З. Штейнбергом и М. О. Гершензоном.

Безусловно, жупелом «антиеврейства» Гилярова и Достоевского является положение Status in Statu, государство в государстве, в силу обстоятельств и собственного характера выстраиваемое гонимым, но сплоченным еврейским племенем в России. По этому поводу и у Гилярова, и у Достоевского проскальзывают самые резкие и жесткие формулировки. И опять они выражают опасения «коренной» нации перед напором пришельцев (эта позиция в систематизированно-спокойном изложении представлена в недавней книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе»). Многовековая энергия оседлости одного народа вошла в конфликт с многовековой энергией преодоления рассеяния другого народа.[66] Еврейская буржуазия не создала, но воспользовалась меркантилизмом новой эпохи. Гиляров не уставал подчеркивать, что еврейский вопрос в его понимании — не национальный, но прежде всего социальный, составная часть более общего вопроса об эксплуатации бедных богатыми. Свою позицию Гиляров именовал «социальным христианством»,[67] нечто похожее провозглашал и Дос-

---

[64] *СИ*. 1881. 11 июня. № 159. С. 2 (передовая статья).

[65] Любопытно, что эту поэтическую формулу Н. В. Кукольника, процитированную Достоевским в мартовском выпуске «Дневника писателя» 1877 г., С. Н. Булгаков в 1915 г. ставит эпиграфом к статье «Сион» и приписывает Достоевскому.

[66] Что следует все же отличать от антисемитизма «Mein Kampf», замешанного на борьбе «высшей расы» за мировое господство.

[67] См. письмо Гилярова к Штеккеру (*РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 459).

тоевский, педалируя мотив нравственного выбора между «плотоядной жаждой *личного* матерьяльного обеспечения» («всяк за себя») и «полным братством» («неси тяготы всех»). Оказывается при этом, что идея «всяк за себя», по определению «жидовская», «стала главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире» (25, 84—87; 24, 211). Зло не имеет национальности. Точно так же и добро: убедительная во всех своих подробностях «единичная» история «общечеловека» доктора Гинденбурга, рассказанная в завершение мартовского «Дневника писателя» 1877 г., вдруг разрешает, вернее, одним махом разрубает весь сложно переплетенный клубок тупиковых взаимопритязаний:

> Бедный новорожденный еврейчик копошится перед ним на постели, христианин принимает еврейчика в свои руки и обвивает его рубашкой с плеч своих. Разрешение еврейского вопроса, господа! <…> капля точит камень, а вот эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его… (25, 91—92).

Это разрешение поднимает, наконец, и самого автора «Дневника писателя» над всеми присущими ему фобиями.

Что еще объединяет Гилярова и Достоевского, так это ощущение открытости еврейского вопроса. Гиляров считал его «неразрешимым для человеческой мудрости…» [68] Достоевский же вынужден был признать, что «окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди» (25, 81). Непроясненной оставалась для них и самая, пожалуй, болезненная тема так называемого «кровавого навета». В романе «Братья Карамазовы» Алеша на вопрос «правда ли, что жиды на Пасху детей крадут и режут?» — отвечает коротко: «Не знаю» (15, 24). Этот эпизод давно является предметом либеральных исков, предъявляемых не герою даже, но автору романа. [69] Между тем своеобразным комментарием здесь могут послужить некоторые выступления Гилярова в «Современных известиях». Работу над одиннадцатой книгой романа, где находится этот эпизод, Достоевский завершает к августу 1880 г., а за год до того Гиляров сходным образом отозвался на оправдательный приговор Кутаисского суда, снявшего с обвиняемых-евреев обвинения в ритуальном убийстве девочки-грузинки. Гилярова в данном случае интересует даже не решение суда, [70] но проявившийся в его ходе диктат либерального общества с его привычными табу: разрешается обвинять русских простолюдинов в проявлениях дикого невежества и религиозного фанатизма, но «евреев не смеем трогать: у них не может быть религиозного фанатизма». [71] Еще раньше Гиляров писал о книге М. Иоста «История иудаизма

[68] *Письма к Гальперсон*. С. 202.

[69] Обзор мнений см.: *Шраер М.* Достоевский, еврейский вопрос и «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура: Альм. СПб.: Серебряный век, 2006. № 21. С. 150—171.

[70] По поводу которого Достоевский в частном письме выразился куда как безапелляционно: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали, тут несомненно они виноваты» (30_1, 59).

[71] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 102 (первоначально — *СИ*. 1879. 9 марта. № 67. С. 2). Ср. замечание Достоевского по сходному поводу: «В России и от русских-то не осталось ни одного непроплеванного места» (25, 76).

и его сект», где автор опроверг все известные случаи еврейских жертвоприношений. Гиляров задается вопросом «Но отчего же это обвинение держится так упорно?» (похожую логику мы встретим и в мартовском «Дневнике писателя» 1877 г.) — и отвечает: «...что-нибудь есть. Конечно, это не догмат еврейского вероучения, но зверское суеверие массы...» [72] Такова, можно предположить, подкладка честного, во всяком случае, ответа Алексея Карамазова. Либеральное табу на него никак не действует.

Так называемый Восточный вопрос, а конкретно участие России в освобождении балканских славян от турецкого владычества в 1876—1877 гг. сводит Гилярова и Достоевского в стане славянолюбов и одновременно выявляет принципиальные различия в их позициях. И в «Современных известиях», и в «Дневнике писателя» этих лет славянская тема по мере развертывания событий приобретает первостепенное значение. Наблюдая широкое общественное движение в поддержку страдающих братьев-славян, Гиляров в передовой статье от 10 июля 1876 г. подчеркнул его эпохальный смысл:

> Мы вступаем в исторический момент, где политическое сознание Руси получает свое окончательное завершение; [73] где народ, и притом весь народ <...> получает ясное чувство не только своего единства <...> но и своего призвания среди других народов и племен человечества.

Статья писалась, когда уже вышел из печати июньский номер «Дневника писателя» 1876 г., где современному славянскому движению в России также придано эпохальное значение. Гиляров как будто не замечает своего единомышленника и продолжает не замечать на протяжении всех последующих полутора лет славянских событий, несмотря на яркие и сильные выступления публициста-писателя. Достоевский отвечает ему тем же. На фоне внешнего взаимоумалчивания неуклонно развертывается тихое междоусобье союзников. Однажды оно таки взрывается возмущением Достоевского, зафиксированным в его записной тетради: «“Современные известия” воруют у меня, только пишут глупо» (24, 263). Комментарий в академическом издании Достоевского указывает на статью «Два слова о настоящей эпохе», [74] в которой действительно повторяется мысль, высказанная в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя за 1876 г.» (24, 485); комментатор ограничивается глухой отсылкой к соответствующим страницам «Дневника писателя» (23; 69—70 и 102—105). Однако что же конкретно вызвало гнев Достоевского?

Начнем с того, что «подвальная» статья «Два слова о настоящей эпохе», подписанная псевдонимом «Русский», имела остро-принципиальное значение и, не

[72] *Вопросы веры и Церкви*. Т. I. С. 136 (первоначально — *СИ*. 1869. 25 мая. № 141. С. 2).

[73] Ср. в июльско-августовском «Дневнике писателя» 1876 г.: «Сознательная политическая мысль в нашем народе — для нее <Европы> совершенная неожиданность <...> это всеобщее и согласное русское движение свидетельствует уже и о зрелости национальной...» (23, 104).

[74] *СИ*. 1876. 14 сент. № 253. С. 1—2. Подп.: *Русский*.

исключено, написана была самим редактором или, по меньшей мере, при его участии. Статья развивала идеи, уже высказывавшиеся им в передовых статьях. В очень схожих с Достоевским (июльско-августовский «Дневник писателя» 1876 г.) красках и деталях описывается «воодушевление», которое «охватило всю Россию». Вот как писал Достоевский:

> Вся земля русская вдруг заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка божия — все в одно слово. И не одного звука, заметьте, об захвате, а вот, дескать: «на православное дело» (23, 101).

У *Русского* является и солдат, идущий в Сербию пешком «умирать за веру, за братьев», и «мелкие торговцы и торговки», даже нищий, отдающий выпрошенную копейку «в пользу славян», «сотни офицеров, чиновников, идущих на смерть»... Однако в «Современных известиях» этот всеобщий порыв не осенен, как у Достоевского, «главными словами» — «на православное дело». Газета Гилярова уводит в другую сторону, направив публицистический запал на значительную часть образованного общества и купеческого сословия, оставшихся глубоко равнодушными к общему воодушевлению. Впоследствии и сам Достоевский обратится к этой теме и, в частности, также будет защищать генерала Черняева от нападок «людей порядка» (23, 149), которых «Современные известия» назвали «людьми дисциплины». Продолжит Достоевский и мотив равнодушия «золотых мешков», выйдя на магистральную для себя тему формирования в России новой плеяды «лучших людей» (23, 153—162).

Таким образом, фраза Достоевского «пишут глупо», скорее всего, относится к некоторой абстрактности выступления «Современных известий», к отсутствию акцента на «православном деле». Впрочем, для раздражения Достоевского имелась более веская причина. Подхватывая его мысли (без ссылок на него) о русофобии Европы,[75] об отсутствии «алчбы завоеваний» у русского народа, о будущей победе «силою вещей», Гиляров в передовой статье от 25 июля 1876 г. пренебрежительно отверг главный тезис Достоевского «Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш» (23, 48). Он сослался на мнение Николая I, «что широта России есть отчасти элемент нашей слабости, дальнейшее расширение — дальнейшая опасность, а обладание Константинополем — начало падения империи». Гиляров едко добавляет от себя: «Это неопровержимая истина, сознание которой разделяется каждым, имеющим каплю здравого смысла». 7 января 1877 г. в передовой статье Гиляров, явно манкируя мнением Достоевского, вновь уверяет, что мысли о захвате Константинополя «нет в намерениях всех русских современников, считая сюда и правительственные власти и народ». Достоевский, в свою очередь, в мартовском «Дневнике писателя» 1877 г. повторяет «для глухих»: «Константинополь должен быть наш, рано ли, поздно ли...» (25, 73).

[75] В следующем, июльско-августовском «Дневнике писателя» 1876 г. уже Достоевский подбирает наблюдение Гилярова о «двух изданиях» русофобии — английском и немецком (23, 62—63).

Следует отметить, что Гиляров и раньше выступал в пользу территориальной неприкосновенности Турции,[76] а позднее его несогласие с глобальными построениями Достоевского (а вкупе с ним и К. Леонтьева)[77] еще обострилось. В письме к И. Ф. Романову 3 ноября 1886 г. Гиляров отпускает очередной ядовитый «комплимент»:

> С нравственной стороны стремление к Константинополю есть чувство лакея, мечтающего поспать на постели барина.[78]

Издатель «Современных известий» выставлял контраргументы практического свойства: Константинополь — слишком дорогое для России удовольствие, да и мало от него проку.[79] России, полагал он, нужны лишь «ключи от моря»:

> только Дарданелльский проход, только второй Гибралтар, который бы оберегал Черное и Мраморное море, южную Россию и турецкую столицу.[80]

Этой цели гораздо легче добиться путем мирного союза с Турцией. Впервые высказанное в 1884 г., это предположение Гилярова вызвало тогда же горячую отповедь И. Аксакова.[81] Комментируя эту полемику в 1886 г., Гиляров пояснял, что он, во-первых, опирался на известную симпатию турок к «московам», а во-вторых, полагал, что в итоге такого союза жители Порты постепенно «обратятся в казанских торговцев мылом».[82] Любопытно, как в своем несогласии с Достоевским Гиляров использовал образ, придуманный тем десять лет назад (см. главу «Халаты и мыло» в сентябрьском номере «Дневника писателя» 1876 г.).

В политическом прагматизме Гилярова есть свой (и немалый) резон. Еще 27 мая 1876 г. в передовой статье он предложил отделить национальный вопрос от территориального:

> Только этим и может быть вполне и окончательно спасен Восток от потрясений и введен в тихую пристань.

Турция, предоставив хотя бы ограниченную самостоятельность всем подвластным ей племенам, осталась бы «безразличной» владелицей и многонационального Константинополя.[83] Однако Европа, утверждает Гиляров, накрепко привя-

---

[76] *СИ*. 1870. 4 нояб. № 304; 13 дек. № 343; 17 дек. № 347 (везде с. 2; передовые статьи).

[77] См. отзыв Гилярова на первый том книги К. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» (*СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2). О ремарках Леонтьева на эту публикацию см.: *Фетисенко О. Л.* Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях // *Возвращение Гилярова*. С. 110.

[78] *Письма к Романову-Рцы*. С. 262.

[79] См. его передовую статью о «Средиземном море будущего» (*СИ*. 1886. 3 авг. № 211. С. 1).

[80] *Письма к Романову-Рцы*. С. 262.

[81] Там же. С. 266.

[82] Там же. С. 259.

[83] Достоевский, как видно, отвечал на такой именно поворот политической мысли, когда писал в марте 1877 г.: «В самом деле, неужели уж и нам желать продолжения владычества турок?» (25, 72—73).

зана к главенству территориального начала. Так, Наполеон III в присоединении Ниццы и Бисмарк в присоединении Эльзаса прибегли к национальной чистке территории от негосподствующей нации. «Еще много потрясений предстоит» на этой почве», — предрекает Гиляров.

2 ноября 1886 г. в письме к Романову Гиляров развивает политологическую идею, чрезвычайно актуальную в современном нам мире. Территориальный принцип, утверждает он, принят Европою ошибочно. «Народ как обладатель территории и народ как живая единица» — не всегда одно и то же.

> Ищут непременного совпадения народности с территориею (и отсюда — с государством). А история в этом отказала: отсюда войны...

Должно, как полагал Гиляров, произойти

> расцентрование человечества <...>: все общественные функции получат свои центры, не совпадающие с государствами...[84]

Предложение, как можно убедиться, на редкость проницательное. Однако оно ничуть не опровергает в наших глазах пророчества Достоевского, как ближний прогноз не опровергает дальнего. Гиляров поставил себя в границы политической прагматики, Достоевского же волнует «судьба будущего православия на земле» (25, 74), ради которого, а не ради проливов русский народ в 1876 г. выразил готовность пойти на великие жертвы. Другое дело, что политическая элита России избрала путь трусливых компромиссов, и уникальная возможность, предоставленная историей, не была использована.[85]

Для Гилярова сомнительна сама возможность «великодушия» в политике, предлагаемая Достоевским («политика чести и бескорыстия есть <...> самая выгодная политика для великой нации» — 23, 66). Очнувшись от недавнего славянского энтузиазма, он восстанавливает в правах максиму, горячо отвергнутую Достоевским (что «государство — не частное лицо» и потому свободно от морали — 23, 65). В 1886 г. Гиляров и здесь проводит ревизию:

> ...в задачах народных я отличаю интересы *нравственные* и интересы *политические*. В применении к Восточному вопросу весь сумбур и происходит, по моему мнению, от смешивания этих двух интересов, из которых каждый законен, но каждому свое место. Одни кричали о *реальных* интересах, игнорируя *нравственные*, другие (извините) ударились в маниловщину, представив русский народ рабочим скотом, обязанным жертвовать всем для деревенских родственников.[86]

В этих «других» легко угадывается автор «Дневника писателя».

Достоевский был прав, когда однажды заметил, что никто не бьет так больно, как «свои». То, что Гиляров полагал беззаконным «смешением» нравствен-

[84] *Письма к Романову-Рцы*. С. 249—250.

[85] См. подробнее: *Викторович В. А.* Славянский проект Ф. М. Достоевского // Россия и славянский мир: История, язык, культура. М.: Три квадрата, 2008. С. 11—41.

[86] *Письма к Романову-Рцы*. С. 249.

ного и политического, составляло сердцевину воззрений Достоевского. Гиляров, по его собственному свидетельству, постоянно упрекал И. Аксакова за то, что тот «предпочитает красивое полезному».[87] Точно такой же упрек он мог бы адресовать и Достоевскому.

Согласно позднейшей переоценке ценностей, предпринятой Гиляровым, движение 1876—1877 гг. должно быть осмыслено в отвлечении от прекраснодушного братушколюбия.[88] Согласно этому трезвому взгляду, «своекорыстная политическая задача, которая выпала на долю России и к которой она вынуждена своим преимущественно географическим положением, совпала с освобождением их от мусульманского ига».[89] С точки зрения Достоевского, напротив, этот всеобщий порыв «за други своя» открыл такие перспективы духовного возрождения нации, что «зачался бы новый период истории русской» (23, 162). Нация, полагал Достоевский, живет не «выгодами», а служением «великой идее» (23, 45). Гиляров опасался впасть в «идеализм» и, в отличие от Достоевского, предпочитал не оперировать такими категориями, как «идеал». Вряд ли он согласился бы с размашистым утверждением Достоевского, что «народам дороже всего — иметь идеалы и сохранить их» (23, 70).

Гиляров апеллировал не к идеалам народа, а к его «привычкам», «преданиям», «обычаям». Слово «идеал» предполагало уже уровень развитого *сознания*. Здесь мы сталкиваемся с разным качеством народолюбия у поздних продолжателей славянофильства. Еще в 1859 г., когда каторжный опыт Достоевского переплавился в трагически-светоносные «Записки из Мертвого дома», Гиляров с опаской всматривался в народ, «массу страшно многочисленную, молчаливую и выжидающую». «Что он думает <...> мы не знаем. <...> Это сила стихийная».[90] В конце жизни мыслитель стоял на своем: «массы всегда пассивны и всегда стихийны», они лишь «мускулы», управлять которыми должна голова — интеллигенция.[91] На фоне гиляровского же представления о «призрачности сознания и самосознания в обществе»[92] это «управление» выглядит довольно сомнительно. Гораздо больше органики было в рассуждениях Гилярова на страницах «Русской беседы» 1858 г.[93] о соотношении «вещества народа» и его «побуждений» (I, 222—223).

Коротко говоря, argumentum ad populi проявляет в Гилярове своеобразный христианский позитивизм, а в Достоевском — христианский же идеализм. «По-

[87] Там же. С. 259.

[88] Впрочем, Гиляров никогда не был славянофилом в прямом значении этого слова, а в привязанности южных славян к России видел один своекорыстный расчет. Достоевский, делая в 1876 г. оговорку о великосербской ревности к России, отчасти шел за Гиляровым (см. передовую статью: *СИ*. 1872. 27 янв. № 26. С. 1).

[89] *Письма к Романову-Рцы*. С. 258.

[90] *РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 464—456 (письмо А. Д. Желтухину).

[91] *Письма к Романову-Рцы*. С. 263 (письмо от 3 ноября 1886 г.).

[92] Там же. С. 272 (письмо от 12 ноября 1886 г.).

[93] В статье «Несколько слов о механических способах в исследовании истории».

зитивизм» Гилярова не только не отвергает, но настойчиво культивирует значение духовных (правда, спонтанных) начал народной жизни, «идеализм» же Достоевского всегда исходит из *реальной* перспективы народного бытия. Так, духовный подъем 1876 г. в его глазах, в отличие от Л. Толстого и позднего «отрезвевшего» Гилярова, не был искусственно подогретой экзальтацией, но пробуждением скрытых до времени потенций народного «логоса». Открывалась возможность воплотить эти потенции в историческую реальность, и тот факт, что народ, не поддержанный последовательной политической волей своих правителей с их «подлым» Берлинским трактатом 1878 г., был обманут в великом своем самопожертвовании, сыграл, возможно, роковую роль в дальнейшем катастрофическом понижении национального самосознания. Поднявшись на «православное дело», как оказалось, зазря, народ терял самую способность к таковым поступкам (не реализующие себя способности гаснут и в отдельном человеке, и в целой нации). Старец Зосима, назвавший русский народ «богоносцем», обозначил и непременное условие сохранения данного качества, формируемое вождями и пастырями:

> Берегите же народ и оберегайте сердце его <...> берегите веру народа... (14, 285—286).

То есть получается, зиждительная вера «богоносца» сама может оказаться проблематичной...[94]

В своем последнем высказывании в январском «Дневнике писателя» 1881 г. Достоевский провозгласил перед лицом близящихся потрясений:

> Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо... (27, 21).

Можно сказать, что Гиляров в «Современных известиях» только и делал это на протяжении двух десятилетий — давал высказаться «*безгласным* плательщикам»,[95] превратив свою газету в некое подобие народной палаты или, лучше сказать, малого земского собора. Очевидно, Достоевский имел в виду не только гласность как таковую, во всей ее неурезанной полноте (за что, собственно, боролся и немало пострадал Гиляров-журналист), но и перемену, долженствующую произойти в сознании, а не только в декларациях «людей, власть имущих» и «всего интеллигентного сословия нашего, столь гордого перед народом» (27; 21, 24). Достоевский не без оснований предполагал, что если голос народа не будет услышан или проигнорирован, как в 1877 г., он сам собою заглохнет, и взамен явятся псевдоглашатаи от его имени. Усыханию народной правды не-

---

[94] Задача сохранения народа ставилась Достоевским в ее нравственно-духовном аспекте. Ныне, выдвигая эту задачу на роль национальной идеи, А. И. Солженицын говорит уже о физическом выживании. Недавно тот же уровень проблемы зафиксировал в радиоинтервью руководитель Детского фонда А. А. Лиханов: «Народ наш дрогнул, ослаб и перестал рожать».

[95] *СИ*. 1873. 2 июля. № 179. С. 2 (передовая статья).

мало способствуют также грехи и слабости русского человека, а среди них Достоевский и Гиляров особенно выделяли пьянство, от которого «народ загноился и не может уже отстать» (14, 286). Можно было бы сопоставить взаимодополняющие меры, предлагаемые в этом отношении Гиляровым и Достоевским: первый более конкретен и вникает в мелкие бытовые подробности (например, ратует за преобразование распивочных в закусочные с целью формирования культуры пития), [96] а второй возлагает общие надежды на объединенные усилия государства и всех общественных сил независимо от их политической ориентации (21, 95—96).

4

«Духовное оздоровление великого корня» (27, 16), народа, — так обобщенно сформулировал Достоевский конечную цель подлинного русского консерватизма, вызывающе названного «русским социализмом» в январском выпуске «Дневника писателя» 1881 г., оказавшемся его политическим завещанием. Здесь мы наблюдаем возвращение публициста к основополагающим идеям почвенничества, провозглашенным ровно два десятилетия назад: единение нации, прежде всего «интеллигентного сословия» с народом, и «настоящее, заправское просвещение» (27, 20). Начиная издание «Современных известий» через два года после падения «Эпохи» Достоевского, Гиляров как будто подхватывает упавшее знамя, заявляя в самой первой передовице, что «направление русское» исходит из потребности «единства» общественных сил и их «политического образования». [97]

«Грамотность и образование» — было начертано на знамени почвенничества; как сказано было в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г., это «главная задача нашего времени, первый шаг ко всей деятельности» (18, 37). [98] Примерно через год Гиляров пишет известную уже нам записку «О первоначальном народном обучении», где с той же убежденностью заявляет:

> ...вопрос о народном обучении есть <...> вопрос о будущем целой России, вопрос гораздо более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях. Ибо как ни плохи будут учреждения, но когда дух народа цел, государство останется непоколебимо, а когда последовало в народе нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели (II, 139).

В своей записке Гиляров исходит из того обстоятельства, что

> понятие о книжном обучении у простолюдина неразрывно связывается с понятием об истолковании слова Божия (II, 129).

---

[96] *СИ*. 1876. 28 янв. № 26. С. 1—2 (передовая статья).

[97] Цит. по: *Возвращение Гилярова*. С. 183—184.

[98] В том числе и относительно лечения застарелой болезни: «Гражданин» Достоевского (1873. № 3. «Областное обозрение») даже заявлял: «школа должна сокрушить кабак». Эту мысль позднее подхватит и разовьет великий русский педагог С. А. Рачинский.

На этом основании на роль естественных руководителей народного образования он выдвигает священнослужителей. Идея формирования «особого звания сельских учителей» из среды самого народа вызывает у Гилярова сомнение: эти люди будут ведомы лишь «принуждением» да «соблазном» получить привилегии и оторваться от простого народа. «Нельзя любить дела, за которое взялся против призвания» (II, 130—131).

Тогда же в обсуждение этой проблемы, шедшее в печати, вступил и журнал братьев Достоевских «Время». В мартовском номере 1862 г. была напечатана без подписи автора (им, скорее всего, был М. И. Владиславлев) [99] статья «Откуда взять сельских учителей». Предложение поручить школу духовенству подвергается основательной критике ввиду его практической невыполнимости. Напротив, на призыв сельских учителей из народной среды автор статьи смотрит с большой надеждой. В чем «Время» и Гиляров сходятся, так это в убеждении, что хороший учитель не может быть «по обязанности», но только «по призванию». Эта мысль была особенно дорога и близка Достоевскому.

В 1863 г. в февральском номере «Времени» на ту же тему выскажется И. Г. Долгомостьев в статье «Некоторые педагогические и научные тенденции». Он признает, что в деле образования народ доверяет пока только духовенству, но очень скоро народ смекнет, что и оно не близко ему, поскольку именно оно «комплектует полчища нелюбимого им чиновничества». Однако и здесь мы обнаружим близость автора «Времени» к исходным позициям Гилярова: Долгомостьев уверяет, что народ отвергает казенную школу и ненавидит в ней «всякую регламентацию».

Гиляров впоследствии и сам не будет настаивать на всеобщей церковной школе, хотя и формирование в массовом порядке казенной сельской школы вызывало величайшее (и в конечном счете оправдавшееся) опасение. В 1879 г. он пророчил в «Современных известиях»:

> ...начало будущей великой дезорганизации лежит именно в самой постановке народного обучения и особенно в его бюрократической инициативе (II, 131).

В выпускниках искусственно созданных учительских семинарий он видел опасность «нового сословия недовольных». Их отрыв от народного быта и народной веры крайне беспокоил и Достоевского (см.: 21, 273).

В 1875 г., когда высочайшим рескриптом на имя министра народного просвещения было поддержано усиление «религиозно-нравственного образования, коего главные органы — пастыри и учители церкви православной», Гиляров совсем не обрадовался этому торжеству своей старой идеи. Он трезво оценил ее оторванность от реальной жизни. Слишком далеко зашел «неправильный», но «неизбежный» процесс отделения школы от церкви. Причина тому и в Запад-

---

[99] Предположение об авторстве Владиславлева см.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М.: Наука, 1975. С. 265—266 (примеч. 78 к библиогр. росписи журн. «Время»).

ной Европе, и теперь также в России — то, что «церковь определила себя <...> как власть».[100] Секулярная педагогика, в свою очередь, в борьбе с «клерикальным обскурантизмом» отдалась соблазнительному убеждению, что человек «есть вещь деланная, простой результат внешних влияний» и на этом-то фундаменте построилась современная школа. За «отстранением церкви» должно последовать «упразднение семьи» и неизбежное затем «одичание человечества». Гиляров предлагает кардинальное решение: получив независимость от церкви, школа теперь должна, в перспективе, получить независимость и от государства. Тогда в принципе упразднится «этот искусственный мир воспитания», все будет как у древних греков —

> без душных стен, без установки «учреждения» <...> без специальностей, без разрыва с семьей, без разобщения со свободными нравственными влияниями вообще.[101]

Школа «без стен» несколько отзывается идеями Песталоцци, во времена Гилярова ее отголоски можно обнаружить в яснополянской школе Л. Н. Толстого и в татевской сельской школе С. А. Рачинского. Но ведь и в художественном мире Достоевского убедительно реализуются образовательно-воспитательные инициативы, обращенные, солидарно Гилярову, к органической педагогии будущего: это «школа» Александры Михайловны в «Неточке Незвановой», «школа» князя Мышкина в «Идиоте» и «школа» Алексея Карамазова в «Братьях Карамазовых».

Гиляров в лучших традициях славянофильства не раз выражал недоверие ко всяким формам насилия в сфере духовно-нравственного воспитания. В 1874—1875 гг., т. е. накануне цитированного выше выступления Гилярова, Ю. Ф. Самарин защищал сходную позицию в непростых прениях с председателем Московского губернского училищного совета А. В. Мещерским. Достоевский зафиксировал этот спор в записной книжке: «О том, как преподавать Закон Божий в первоначальных школах детям (NB. Самарин и Мещерский. №№ 34 и 35 «Гражданина» и 33)» (21, 262).[102] Мимо него не прошла самаринская горячая защита школы от чрезмерной регламентации, особенно в деликатной области духовного воспитания. Он сам в таких случаях предлагал — хоть учителю, хоть священнику (22, 23 и 14, 266) — просто рассказывать и обсуждать с детьми эпизоды Священной истории, сводя к нулю всякого рода несвободу (обязательность, утилитарная назидательность и т. п.)

Реформа средней школы, утверждавшая главенство классического образования, была горячо поддержана «Гражданином» Достоевского в 1873—1874 гг. (хотя в начале 60-х в руководимых им журналах высказывались серьезные возражения). В 1875 г., накануне издания «Дневника писателя», Достоевский в за-

[100] *Вопросы веры и Церкви.* Т. I. С. 52—53 (первоначально — *СИ.* 1875. 30 дек. № 359. С. 2).

[101] Там же. С. 55.

[102] В комментариях к академическому изданию эта запись ошибочно отнесена к 1873 г. (см.: 21, 519). Полемика в Училищном совете излагалась в № 29—37 «Гражданина» за 1875 г.

писных тетрадях размышляет о полезности классической реформы для «расширения нашей русской мысли» (21; 263, 268—270). Вместе с тем он обращает внимание на полемику, которую активно вели в это время «Современные известия». Гиляров, пройдя школу древних языков, не выступал против самой идеи. «Возбуждение самодеятельности есть главная цель классического курса», — писал он.[103] Вместе с тем редактора «Современных известий» не устраивает, какими методами вводилось классическое образование: в крайней спешке, при сильнейшем бюрократическом давлении и насильственном введении механистической системы контроля знаний (балломания), жесткой регламентации всего учебного процесса. Взбешенный активным сопротивлением Гилярова «классическому террору», его главный идеолог М. Н. Катков разразился гневной статьей в «Московских ведомостях» (1873. 5 апр. № 85), назвав Гилярова «enfant terrible московской печати». Эта статья привлекла особенное внимание Достоевского, дважды обратившегося к ней в записных тетрадях (21, 261).[104] Сомнение было заронено, и в мае 1873 г. Достоевский записывает: «За неимением педагогов поневоле действуют циркулярами» (22, 147).[105] В 1876 г. он признавался, что при общем положительном отношении к нововведению «не согласен со многими применениями» (23, 166), а в 1880-м выразился еще резче: «ввели дубиной» (27, 45). Одно из таких «применений», против которого выступил автор «Дневника писателя» — сосредоточенность классической системы на изучении мертвых языков (латыни и древнегреческого) в ущерб живому родному. «Если русский язык в упадке», — предупреждал Достоевский, — то и вся развивающая сила классических языков «минует нашу новую школу» (23, 83).[106]

«Развивайте ум, но и духа не угашайте, гг. классики и реалисты!» — обращалась газета Гилярова к спорящим сторонам.[107] Для Гилярова, впрочем, как и для Достоевского, характерна идейная борьба на два фронта. В отличие от консервативной («классической»), либеральная («реальная») педагогика пустилась в сторону модного тогда наглядного развивающего обучения и сопутствующего ему звукового метода освоения грамоты. Так называемая новая русская педагогия последовала за «немецкой школой», позитивистской в своих основных принципах. «Дух подобен желудку», — поучал тогдашний кумир русских педагогов Дистервег.[108] В. В. Зеньковский назвал это направление «педагогическим

[103] *СИ*. 1873. 26 янв. № 25. С. 2 (передовая статья).

[104] Записи не прокомментированы в академическом издании сочинений Достоевского.

[105] Об уточненной датировке этой записи и о вышедшей из нее публикации «Гражданина» см.: *Викторович В. А.* «Учительство — не выучка. Учительство — апостолат»: Ф. М. Достоевский и русские педагоги // Филологические записки. Воронеж, 2005. Вып. 23. С. 220 и след.

[106] Опасения Гилярова и Достоевского за состояние русского языка, их перекрещивающиеся лингвистические интересы — особая тема, остающаяся за рамками настоящей статьи.

[107] *Д. Т. Д.* О чем забыла наша школа // СИ. 1877. 13 дек. № 343. С. 2.

[108] *Дистервег А.* Избр. пед. соч. М.: Учпедгиз, 1956. С. 168—169.

натурализмом».[109] Чисто рациональные, до педантизма, способы научения далеко уводили от первоначально провозглашенной цели развития ребенка. И Достоевский, и Гиляров (по классификации Зеньковского, их скорее можно отнести к «религиозно-педагогическому направлению»), не будучи профессиональными педагогами, нащупывали иные способы обучения, помимо рационалистической рефлексии на явления внешнего мира.[110] «Короткий поводок» либеральной педагогии в их глазах был ничуть не лучше «насаждения» классического образования. Даже пяти-шестилетнему ребенку, утверждал Достоевский,

> даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть <...> добейтесь лишь *сущности понимания* — и вы вдруг увидите, что он знает о Боге, может быть, уже столько же, сколько и вы... (23, 22).

Подытоживая в книге «Из пережитого» многолетние размышления на эту тему, Гиляров высказывает убеждение, всецело разделяемое им с Достоевским: «излишние помочи и разжевывание скорее вредны, чем полезны; всегда нужно оставлять уму место для труда, для углубления, и притом по собственному побуждению».[111] В антропологических основаниях своих идей, в том числе педагогических, они оба оказываются апологетами высшей («тайной», по Пушкину) свободы. Либерализм присвоил себе эту ценность в ее поверхностно-политическом изводе, консерватизм же в лице таких своих представителей, как Гиляров и Достоевский, берется быть хранителем ее глубинной, духовной сути.

Педагогию школьную и Гиляров и Достоевский рассматривали как естественную часть педагогии общественной. «Наша молодежь, — писал Достоевский, — так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни», в том числе не следует ей ждать поддержки и от «наших умных людей», «руководителей», всецело занятых «более практическими задачами» (24, 51). Это было сказано в декабре 1876 г., когда, согласно Достоевскому, все же намечался период духовного возрождения нации. Кстати говоря, амплитуду колебаний общественной педагогии позднее точно вычертил Гиляров. Он начинает отсчет от «времен Булгарина» с их политической и нравственной беспринципностью охранительного свойства:

> ...ими-то воспитан нигилизм с одной стороны, с другой подготовилось политическое расслабление, начавшееся севастопольским погромом, временно прерванное реформами и возбуждением народного духа в 1863 и 1876 годах и снова еще

---

109 *Зеньковский В. В.* Педагогика. М.: Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-т, 1996. С. 121.

110 См. подробнее: *Викторович В. А.* Достоевский и наука его времени <...> 2. Педагогика // Достоевский: Дополнения к комментарию. М.: Наука, 2005. С. 35—46.

111 *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 62. См. там же о «тщете строго систематического воспитания» и ориентации современной педагогики на формирование «общечеловека» (с. 125), в чем комментатор (А. П. Дмитриев) справедливо усматривает влияние Достоевского (с. 454).

в более тяжелой форме обнаруженное Берлинским трактатом и теперешним экономическим кризисом... [112]

Время загнивания, по Гилярову, сопровождается эпидемией «духовного равнодушия» и проникающей в массы «потерей веры во что бы то ни стало». Достоевский еще раньше назвал это «всеобщим индифферентизмом» (24, 51). Диагноз был поставлен, но следовало отыскать причины болезни и определить способы лечения.

Возбуждающая надежды эпоха реформ, собственно, и привела к последующему спаду, к апатии «утраченных иллюзий». Причина крылась в каких-то фундаментальных просчетах. На излете этой эпохи понимание происходящего приходит к Достоевскому:

> Главная мысль князя, которою был поражен Шатов <...>: дело не в промышленности, а в нравственности, не в экономическом, а в нравственном возрождении России (11, 196). [113]

Одновременно с Достоевским Гиляров оспаривал торжествующий дух времени:

> ...умственное человечество <...> вовсе не материальными началами, и вовсе не животными побуждениями оно движется, а началами духовными, нравственными, идеями. [114]

Это сказано при первых шагах «Современных известий», но и в самом конце журналистского поприща Гиляров сохраняет верность категорическому императиву почвенного консерватизма:

> Общественный дух есть единственная зиждительная сила. Где его нет, там общество рассыпается в волчью стаю, которая пожрет сама себя. [115]

Разлагающее начало Гиляров находит в подгнивших социальных и государственных институциях, в состоянии общественной морали. Так, он отмечает, что «не без официального покровительства и содействия арену в общественной педагогии заняли оперетка и фельетон, — орудия деморализации». [116] Наблюдение, заставляющее вспомнить поход «Гражданина» князя В. П. Мещерского 1872 г. против засилья театра Буфф. Заметим, что Достоевский, приняв бразды редакторства в «Гражданине», резко сбавляет антиопереточный пафос князя-

---

[112] *Возвращение Гилярова*. С. 193 (первоначально — *СИ*. 1885. 1 дек. № 313. С. 2).

[113] Конгениальный Достоевскому вывод из новейших наблюдений находим в статье А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию»: «Источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни, а уже потом — уровень промышленности...» Через двадцать лет после выступления Солженицына мы видим, как иссякли оба источника, но сначала один, а затем другой — в указанной писателем последовательности.

[114] *Вопросы веры и Церкви*. Т. I. С. 12 (первоначально — *СИ*. 1868. 13 мая. № 129. С. 1).

[115] *Возвращение Гилярова*. С. 191.

[116] Там же. С. 192.

издателя. Это довольно показательно, поскольку он ищет гораздо глубже залегающие причины разложения — собственно в личностной сфере. Они, по Достоевскому, в «отсутствии высшей идеи существования» у современного человека.

> Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные <...> *лишь из нее одной вытекают* (24, 48).

Гиляров, следует заметить, в своей публицистике не шел (очевидно, и не хотел идти) до сих геркулесовых столпов. Его поле деятельности — общественно-личностное, тогда как у Достоевского — личностно-общественное.

5

Как бы то ни было, т. е. какое из этих начал ни выдвигать на первый план, Гиляров и Достоевский оба настаивают на *соединении* личного и общественного. Как торжество эгоизма, так и «восстание масс» (пользуясь позднейшим термином) в равной степени чреваты разрушением самых основ общественного бытия. При этом консерватизм и Гилярова, и Достоевского исходит из естественности, органичности спасительного синтеза «я» и «мы». Это, можно сказать, *консерватизм любви*, серьезно расходящийся в стратегических установках с *консерватизмом силы.*

Второй вид консерватизма, представленный в России такими именами, как М. Н. Катков, В. П. Мещерский, К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев, опирался прежде всего на традиции исторически сложившихся сословий во главе с дворянством. Поначалу примкнувший было к этому направлению Гиляров резко меняет свою позицию, наблюдая ход подготовки земельной реформы. Как уже говорилось, это «перерождение убеждений» изложено Гиляровым в письме к А. Д. Желтухину 1859 г.[117] Сохранение сословных привилегий представляется Гилярову в современной ситуации «вещью глубочайше вредной». Однако и конституционная форма правления, о которой мечтает «просвещенная» часть дворянства, приведет, как убеждал Гиляров, лишь к «замене крепостной власти сословия на власть его в другой форме», т. е. это будет опять «власть меньшинства над народом», только еще более безнравственная, поскольку прикроется демократическими лозунгами. Через два десятилетия практически тот же вопрос поднимает Достоевский в «Дневнике писателя» 1881 г.:

> Захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным *народом*? <...> Не захочет ли, напротив, сословие опять возгордиться и стать опять над народом властию силы <...> аристократией интеллигенции, его опекающей» (27, 9—10).

Гиляров и Достоевский довольно точно описали формирующееся на их глазах тяготение различных общественных сил, консервативных, либеральных, радикальных, к общему знаменателю олигархического правления.

[117] *РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 456—468.

Дворянство, по Гилярову, утратило прежнюю «*внутреннюю* силу» и «нравственное влияние», их нет и у купечества, откуда же России ждать спасения?

> Пойдут новые свежие всходы, — пророчит Гиляров, — и явится нравственное, умственное и материальное возрождение общества из новых соков совсем.[118]

Достоевский проходит свой путь разочарования в дворянстве, в «прежних “условных” лучших людях»: «чести было много, ну, а честных людей под конец-то стало уже и не так много» (23, 155). Новые времена принесли всеподавляющий авторитет «золотого мешка», однако славянское лето 1876 г., по Достоевскому, лето народного пробуждения и покаяния, все поставило на свои места. Стало ясно: «“лучший человек” по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей...» Общее признание только таких людей «лучшими», верит Достоевский, положило бы начало «новому периоду истории русской» (23, 161—162). Увы, этот период слишком надолго задержался, так что спор двух изводов консерватизма был продолжен.

Консерватизм любви, как мы его назвали, «консервирует» значение нравственного авторитета «лучших людей» в обществе. Консерватизм силы потерял веру в действенность такого рычага и обращается к последнему способу «убеждения» через насилие. Гиляров, сочувствуя общему направлению катковских «Московских ведомостей», тем не менее констатировал их сосредоточенность на политических методах как весьма опасный для русского консерватизма изъян:

> Отсутствие нравственных начал привело их к полицейскому воззрению, из боязни впасть в грубый нигилизм...[119]

Схожие опасения высказывал Достоевский по поводу «воцаряющейся прямолинейности» в рядах консерваторов, как будто копирующих своих противников-радикалов:

> Прямолинейность их, если хотите, даже иногда была жестче, жесточе и тупее прямолинейности «новых людей». О, весьма может быть, что все это у них от избытка хороших желаний и от великодушного, но огорченного чувства новейшими безрассудствами; но все же они иногда слепее даже новейших прямолинейников (24, 45).

Гиляров в присущей ему резкой, порой даже ультимативной форме ставил вопрос об ответственности консервативной партии за будущее страны. Школа как таковая (классицизм) и школа общественная (ужесточение «надзора»[120]),

---

118 *РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 466.

119 Неопознанный гений: Памяти Н. П. Гилярова-Платонова: Статьи, заметки, письма и выдержки, собранные и проредактированные С. Шараповым. М., 1903. С. 25.

120 Слово, не случайно ставшее камнем преткновения между двумя консерваторами, В. П. Мещерским и Ф. М. Достоевским (см.: 29_1, 307).

формируемые консервативными силами, срастались в представлении Гилярова в единую систему, «забивающую» источники живой, творческой энергии. Такова тема одной из принципиальных его статей — «забивание молодежи».[121] «Забивание» — это формовка подрастающего поколения в духе силового консерватизма: «механическое упражнение и механическое повиновение, моцион мысли без труда мысли». Недальновидно, утверждает Гиляров, «настаивать на мерах, имеющих исключительно полицейское значение».[122]

Другая беда консерватизма — его пренебрежение к так называемому социальному вопросу, к поляризации бедности — богатства. История не раз подтверждала непреложную закономерность: если охранительная сила игнорирует социальный вопрос, то под его знамя встает сила разрушающая, революционная. Достоевский и Гиляров в этом контексте выражают в своем творчестве социально-христианское крыло русского консерватизма. Так, Гиляров трактует идею государства как «защиту слабого перед сильным» (I, с. XI) и включает эту мысль в экономическое понятие капитала. Гиляров не устает повторять, даже с некоторым пережимом: «социальный вопрос движет теперь историю».[123] Достоевский, сочувственно толкуя поэзию столь враждебного консерваторам Некрасова, признается: «...я ведь больше для *наших* <...> писал. Я наших хотел бы научить *Некрасову*» (26, 200). Русский консерватизм XIX—XX вв. так и не воспользовался уроками Гилярова и Достоевского. Осталась непреодоленной та «*аристократическая сытость* при решении общественных вопросов» (28_2, 53), за которую Достоевский упрекал еще ранних славянофилов.

6

Гиляров и Достоевский входят в русскую словесность, так сказать, с разных входов, над которыми сегодня красовались бы вывески «fiction» и «non-fiction». Пробовал и Гиляров войти через первый подъезд, но его юношеские опыты[124] лишь доказывают, что отмеренной ему силы и качества воображения недостаточно для создания вымышленных полнокровных характеров. Позднейший опыт, мемуарная эпопея «Из пережитого», вставшая в ряд «Семейной хроники», «Былого и дум», — это уже другой род словесности, творчество памяти (вымысел есть и здесь, но как бы противозаконный, полускрытый, периферийный).

Имея в виду природу дарования Достоевского, мы прежде ценим художника, а затем мыслителя. Он и мыслитель-то потому, что художник. В случае с Гиляровым все наоборот. Он прежде мыслитель (высказавшийся в основном в фор-

---

[121] *СИ*. 1872. 15 апр. № 104. С. 2 (передовая статья).
[122] Цит. по: Неопознанный гений. С. 43.
[123] *СИ*. 1881. 13 янв. № 12. С. 2 (передовая статья).
[124] Любовно собранные и опубликованные недавно А. П. Дмитриевым в книге: *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе, 1837—1843. СПб.: Пушкинский Дом, 2009.

мах публицистики), а художником он становится по необходимости выразить всю глубину постигнутой мысли и пережитого опыта. Так, в одной из лучших своих статей «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» (1858) Гиляров доказывает прямую выгоду для историка быть художником. Так или иначе, но дела литературные в равной степени волнуют и того, и другого. Гиляров (как и Достоевский) основательно пробовал себя в роли литературного критика. Критический отдел «Русской беседы» (1856—1860) украшен его глубокомысленными статьями. Достоевский тогда возвращался в литературу после десятилетнего каторжно-ссыльного молчания и внимательно следил за перипетиями литературной борьбы, чтобы вскоре самому вступить в нее.

Наиболее фундаментальным литературно-критическим выступлением Гилярова стала его обширная рецензия на книгу С. Т. Аксакова «Семейная хроника и воспоминания».[125] Перед нами эстетико-философское рассуждение о смысле художественного опыта писателя. Гиляров пытается противостоять эстетическим идеям Н. Г. Чернышевского, недавно взбудоражившим общество. Критик смыкает буквально в одном предложении противоборствующие (идеализм — материализм) определения:

> Красота есть выражение внутреннего во внешнем; красота есть жизнь, поелику собственно только живое выражает в своем внешнем свое собственное внутреннее (I, 80).

Дальнейший ход мысли, хотя и не развернутый вполне, обнаруживает в Гилярове наследника кантовской школы: «бесконечно прекрасен Божий мир», — говорит он, — но сия красота «для нас мало постижима и почти недоступна», потому что «мы постигаем в природе внутреннее как закон, придуманный нашею головою <...> а не как просвет внутреннего» (I, 80). Гиляров стремится доказать, что красота явлена этому миру не сама по себе, но лишь через взаимодействие внешней природы и воспринимающего ее человеческого сознания. «Мы помогаем ее <природы> бедному выражению, перенося в ее явления смысл собственной жизни» (I, 81). Отсюда тайна прелести охотничьей прозы С. Т. Аксакова «не в предмете <...> не в куличках и тетеревах <...> но в том чувстве, с каким относится к природе автор — в самом воззрении <...> на жизнь» (I, 81).

Эстетические идеи Гилярова приближаются к понятию о творческой природе красоты, выраженному тогда же в органической критике Ап. Григорьева и, чуть позднее, Достоевского. Из него, в частности, вырастает предложенное последним разделение «естественной» и «художественной правды» (9; 162, 166—167). Природа «чистой художественности» связывается Гиляровым с умиротворением «страстей» «сердечных тревог» и «эгоистических движений», отсюда его определение, вырастающее из анализа аксаковской эпики: «искусство и должно успокоивать, а не раздражать наше чувство» (I, 820). Вывод, как мы полагаем, верный относительно эстетической природы искусства, в славянофильской

[125] Русская беседа. 1856. Кн. 1. Отд. III. С. 1—69. Подп.: *Н. Г-в.*

критике чересчур прямолинейно применялся к конкретным художественным явлениям, где это качество может выступать достаточно опосредованно. На этой-то почве взросло отторжение славянофилов от натуральной школы. По поводу «фанатичной» статьи К. С. Аксакова «Наша литература» [126] Достоевский констатировал: «Чутья действительности нет. Идеализм одуряет, увлекает и — мертвит» (19, 63). [127] Это обвинение отчасти применимо и к Гилярову-критику («“День”, — замечает Достоевский, — это та же покойная, но неуспокоившаяся “Русская беседа” <...> те же мысли, те же принципы»). Он, хотя и менее агрессивно, нежели К. Аксаков, поучает молодых писателей натуральной школы в названной выше статье. Правда, он не называет их имен, что невольно притупляет остроту критического высказывания, да к тому же, в отличие от К. Аксакова, замечает в их творчестве (прочитываются намеки на Тургенева, Островского, Гончарова) поворот к «положительному содержанию», к освобождению от «влияния отвлеченного и большею частию отрицательного воззрения на жизнь» (I, 94). Гиляров, опять же в отличие от К. Аксакова, уловил намечающийся поворот всей русской литературы, а не только С. Т. Аксакова, хотя именно «Семейная хроника» предложена была в качестве точки отсчета новой эпохи.

Гиляров вскоре убедительно интерпретировал «Сказание о странствии и путешествии <...> инока Парфения» [128] и повести Н. С. Кохановской [129] как новые победы «положительного». И то, и другое явление было по достоинству оценено и Достоевским. Он даже собирался писать статью о Кохановской (28_2, 69), основной тезис которой, намеченный в записных книжках, совпадал с пафосом Гилярова:

> Мы многому научились, что бранить на Руси <...>. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, чтó хвалить на Руси (20, 178).

Интересно, что смелые отступления Кохановской от литературной рутины, зорко подмеченные Гиляровым, иногда прямо ведут к художественным открытиям Достоевского. Таковы странности любви, обнаруженные Гиляровым у Кохановской:

> ...действия самые насильственные, самые, по-видимому, оскорбительные для нравственного чувства свободы, переносятся оскорбленными не только терпеливо, но охотно и добровольно: мало того, — за эти оскорбления, и именно за них, оскорбленный еще более любит того, кто оскорбил. Тут такая художественная черта, до которой достигать удается весьма немногим (I, 452).

Удивительно, что, обладая таким пониманием, Гиляров затем умалчивал о философско-психологических романах Достоевского. Возможно, это связано

[126] День. 1861. 15 окт. № 1. С. 7—8.

[127] Статья «Последние литературные явления. Газета “День”» (Время. 1861. № 11. Отд. II. С. 64—75).

[128] Русская беседа. 1856. Кн. 3. Отд. III. С. 1—45. Подп.: *Н. Г.*

[129] Там же. 1859. Кн. 3. Отд. V. С. 65—86. Подп.: *Н. Г-в.*

с тем, что он после «Русской беседы» почти оставил стезю литературной критики. Косвенно, по литературным выступлениям «Современных известий», можно, правда, представить Гилярова как читателя Достоевского. Отметим лишь некоторые эпизоды.

В 1870-е гг. Гиляров склонялся к мысли о кризисе, постигшем не только русскую, но и западную культуру, пораженную торжествующим духом меркантилизма и утилитарности. Начиная 1876 год, он констатирует «бесплодие» русской литературы, не искупаемое даже печатанием «Анны Карениной». В свидетельство пониженного уровня читательских ожиданий Гиляров выставляет то обстоятельство, что

> даже «Волки и овцы» и «Юноша» Достоевского сочтены за что-то! (А смысл этих романов <sic!> опять красноречив: скоробогатство все-таки главная тема). [130]

«Юноша» — это, разумеется, роман «Подросток», оговорка свидетельствует то ли о пренебрежительном отношении к новому роману, то ли таит в себе иронию по поводу употребления слова «подросток»: главному герою романа Достоевского 19 лет и он в прямом значении слова, действительно, именно юноша, а не подросток. Иронично и предположение, в которое сам критик едва ли верит:

> ...если есть закон реакции, то мы должны ждать скорого проявления великих произведений в поэзии и искусствах. [131]

Однако именно так и случилось.

Критический отдел в «Современных известиях» в 1876—1877 гг. вел автор, скрывавшийся поначалу за криптонимом «L. V.», а затем подписывавшийся собственным именем, — филолог и педагог Василий Алексеевич Лебедев. Своей реакцией на сцену примирения соперников в печатающейся «Анне Карениной» он опередил знаменитую интерпретацию Достоевского в «Дневнике писателя». Изучение человеческой личности, писал L. V., дает ключ к разрешению загадок социальной и политической жизни. Поэтому роман Толстого, остро поставивший «вопросы жизни и смерти», несомненно, «составит эпоху и послужит к характеристике теперешнего периода литературы». [132] Влияние редактора на это суждение нам представляется весьма вероятным. Точно так же заметно оно и в общей оценке современной русской литературы, даваемой критиком: за исключением Толстого, утверждает он, «все наши первоклассные писатели, принимавшие участие в литературном движении этого года, выказали неоспоримые признаки ослабления их творческих способностей», чему повинен опять же «дух эпохи». [133] В их числе разумелся и Достоевский, «смело бросившийся в журнальную полемику». «Достоевский еще не отказался, как утверждают, от своей карьеры романиста», но критик не ожидает и от него великих свершений.

---

[130] *СИ*. 1876. 2 янв. № 1. С. 2 (передовая статья).

[131] Там же.

[132] *L. V.* Русские журналы // *СИ*. 1876. 5 марта. № 62. С. 1.

[133] *L. V.* Русские журналы // *СИ*. 1877. 4 янв. № 3. С. 1.

Некоторую поправку в этот прогноз внесло выступление того же Лебедева, скрывшегося под криптонимом О. N.[134] В феврале 1877 г., после годового замалчивания «Дневника писателя», «Современные известия» наконец-таки разрешились от бремени. Приведем это место без сокращений ввиду его особой значимости для нашей темы.

> Мы хотели бы на этот раз обратить внимание на журнал этого последнего «Дневник писателя». Как хотите, подобное явление — оценка одним лицом всех явлений политической, общественной и литературной жизни русского народа — довольно странное. А это именно мы находим в «Дневнике писателя». Мы уверены, что ни одна газета не напечатала бы рассуждения г. Достоевского у себя в виде передовых статей. В фельетон они также не годятся. Итак, это плод наблюдений и фантазий даровитого и талантливого писателя. Но нам жаль, что на это тратятся его силы. «Дневник писателя» читается с интересом и свидетельствует, что талант автора нисколько не слабеет. В 1 № этого журнала-газеты есть такие сообщения, которые имеют интерес всеобщий, и желательно, чтобы они получили возможно широкое распространение.

Далее приводятся большие выдержки из воспоминаний о Белинском и Некрасове и из рассказа о самоубийстве гимназиста из январского «Дневника писателя» 1877 г. (наводящего на важную для газеты Гилярова тему о «формализме в деле воспитания»).

Как видим, выражено мягкое, но довольно решительное неприятие *самого жанра* «Дневника писателя». С точки зрения автора «Современных известий», периодическое издание по определению не имеет права быть единоличным, оно должно давать место различным, даже противоположным мнениям. Именно так строил Гиляров свою газету, стремясь к возможно большей объективности (главный критерий в его оценках современной журналистики и литературы). Достоевский, как известно, также давал слово своим читателям, но лишь для того, чтобы с их помощью или отталкиваясь от них развить свою мысль. Это не означало, что «Дневник писателя» монологичен (как полагал М. М. Бахтин). Его полифонизм — не парламентского типа, как у того же Гилярова в «Современных известиях». Это диалог автора, публициста и художника, со своими современниками и нередко с самим собою, имея в виду его собственное *становление в истине* (а не утверждение готовых максим).

Очевидно, последнее качество публицистики Достоевского, смежное с его художественным творчеством, не устраивало Гилярова. Через десять лет, 13 ноября 1886 г., в ответ на предложение Романова издавать нечто вроде «Дневника писателя», Гиляров резко отвечает: «что возможно было Достоевскому <...> то недостижимо для меня».[135] Поначалу он объясняет это собственной систематичностью: любую, даже частную проблему он должен будет постепенно возводить ко все более общим вопросам, к «ходу истории вообще и смыслу прогресса».

[134] См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов: В 4 т. М.: Всесоюз. кн. палата, 1958. Т. 3. С. 327.
[135] *Письма к Романову-Рцы.* С. 281.

Рассуждение отдает семинаристской схоластикой, ведь и Достоевский возводил частные факты русской жизни к «мировым вопросам», как-то обходясь без ученого занудства. Уже в следующем письме от 15 ноября 1886 г. Гиляров выдвигает другую причину:

> Я один в мире; одиноко и своеобразно, келейным образом совершилось мое воспитание. <...> Что же Вы мне ставите в пример Достоевского? Тот был плоть от плоти общества. [136]

Наблюдение по-своему глубокое и тонкое, если изъять из него некоторый налет обидчивого отчуждения от великого современника. В этом же ключе («плоть от плоти общества») понял Достоевского младший современник Гилярова В. В. Розанов, когда утверждал, что произведения Достоевского

> образуют в целом что-то напоминающее религиозную эпопею, однако со всеми чертами кощунства и хаоса своего времени. <...> Точно кто-то, взяв наши хулящие Бога языки и ничего не изменяя в них, сложил их так <...> что уже не хулу мы слышим в окончательном и общем созвучии, но хвалу Богу. [137]

Гиляров, как мы уже много раз видели, далеко не всегда чурался Достоевского. Так и за три года до писем Романову, в связи со смертью Тургенева он позволил себе сравнить двух покойных писателей:

> Достоевский сострадал именно каждой минуте отечественной жизни, и от того он не только художник, но и проповедник, тогда как Тургенев только художник-бытописатель.

В отличие от Достоевского, Тургенев и «не пытался руководить» общественной жизнью (II, 507—508). Понятно, что самого себя редактор «Современных известий» числил явно не по тургеневской традиции.

7

Своего апогея признание Гиляровым Достоевского достигло в пору Пушкинской речи последнего. Уже замечено, что статья Гилярова о Пушкине, напечатанная в «Современных известиях» накануне московских торжеств (см.: II, 481—484), предваряла некоторые основные идеи знаменитой речи. [138] Правда, следует добавить, что для Достоевского-то эти идеи были не новы и формулировались еще в начале 1860-х гг., тогда как для Гилярова это было своеобразным покаянием, отречением от присущей ему, как и всем славянофилам, недооценки значения Пушкина.

В статьях о Пушкинском празднике 1880 г. Гиляров трактует это событие солидарно с Достоевским как «праздник действительно совершившегося единства

---

[136] *Письма к Романову-Рцы*. С. 287.

[137] *Розанов В. В.* Литературные очерки: Сб. ст. СПб.: Изд. П. П. Перцова, 1899. С. 149—150 (впервые опубликовано в 1893 г. в составе биографии Достоевского, приложенной к его собранию сочинений).

[138] См.: *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. С. 154—155.

в сознании» и сопоставляет его с «подобным же одушевлением в Сербскую войну» (II, 486—487). Происшедшее в сознании для Гилярова, как и для Достоевского, — исторический факт, открывающий какие-то новые, вполне уже реальные перспективы. Пушкинский праздник, показавший возможность объединения национальных сил, преподносится Гиляровым как «первое спасительное противоядие» против «разложения умственного и нравственного» в пореформенном русском обществе, «начало синтеза в самой жизни» (II, 490—491).

Максимальное сближение позиций предопределило то понимание и эмоциональное воодушевление, которым отмечены газетные отзывы Гилярова на речь Достоевского.

> Никогда с такою глубиною не анализирован был наш великий поэт отчасти, а отчасти и идеалы русского народа. Это была молния, прорезавшая небо (II, 486).

Однако напечатанная в «Московских ведомостях» (и на следующий день перепечатанная «Современными известиями») нашумевшая речь вызывает у Гилярова скорое отрезвление от недавнего энтузиазма, подобное тому, что он пережил по поводу славянского движения. В письме к И. Аксакову 22 августа 1880 г. Гиляров настаивает на своем несогласии:

> ...меня не привлекает *мессианизм* его. Это экзальтация, лишенная реальной основы, праздная и потому развращающая. Гадать можно о чем угодно, но решительно утверждать такое или другое историческое призвание народа можно только после пройденного им поприща. [139]

Можно было бы указать Гилярову на его собственные гадательные суждения об исторической миссии русского народа. Так, уже в 1881 г. несколько опережая «евразийский» мотив последнего «Дневника писателя», Гиляров предрекает:

> ...будущая победа России, будущее владычество ее над Азиею, обусловливается не силою оружия и не храбростью войск, не дисциплиной управления и не соблазном торговли, а беспритязательностью, с которою русский признает брата в покоренном народе, тотчас по низложении его. [140]

Об органическом братолюбии в характере русского народа, «плебея человечества», к коему льнут «другие плебеи», [141] Гиляров говорил не однажды и по разным поводам, но каждый раз «приземляя» позитивистскими мотивировками (природная среда, исторические обстоятельства, быт, предания и привычки...). «Полетность» Достоевского, сосредоточенность на категории «идеал» отпугивает трезвенного мыслителя, так что он прибегает к крайнему средству — выставлению жупела мессианизма.

Похороны Достоевского, вновь на мгновение объединившие русских людей разных партий, возвращают Гилярова к пафосу Пушкинского праздника, в духе

---

[139] *РО*. 1896. Т. 42. Дек. С. 1007.

[140] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 239.

[141] *Письма к Романову-Рцы*. С. 260.

которого он пишет некрологическую статью о Достоевском. Гиляров здесь задает такую высоту понимания целостного наследия писателя, до которой и сегодня еще надо дорасти науке о Достоевском. Он подчеркивает

> соединение в одном лице художника, страдальца и мыслителя-публициста, таланта, убеждения и жизни в нераздельной живой совокупности (II, 493).

Любопытно, что в идейном портрете Достоевского, который рисует Гиляров, мы отраженно видим... черты самого рисовальщика. Так, он называет Достоевского «самородком» в смысле человека, «создавшего себе собственную систему, без учителей» (II, 495). Через пять лет в письмах к Романову Гиляров скажет уже о себе чуть не теми же словами,[142] которые у адресата вызовут горькую ремарку: «Вечно, вечно Русь святая “вразброд идет”!»[143]

Как уже говорилось, Гиляров определил близость своих воззрений к воззрениям Хомякова как «тожественные, но различные». То же можно было бы сказать и о парадоксальном *идейном романе невстреч* с Достоевским. В некрологической статье Гиляров не в первый уже раз задумывается о разобщенности писателей и мыслителей, получивших от противников прозвище «мистиков и ретроградов» (а это Гоголь, К. Аксаков, Хомяков, И. Киреевский, Л. Толстой, Достоевский и «под конец Пушкин»!).

> Общего во всех этих мистиках и ретроградах <...> было то, *что они искали внутреннего нравственного и даже прямо религиозного идеала* <...>. И все шли порознь, каждый сам по себе (за исключением славянофилов), но *приходили* каждый к тому же с своей стороны, один *строгим мышлением, другой поэтическим чутьем правды, третий художественным чутьем, мышлением и жизненным опытом, как Ф. М. Достоевский* (II, 495, курсив Гилярова).

Нельзя лучше сформулировать сущность отношений «строгого мыслителя» Гилярова и художника-мыслителя Достоевского. Вместе с тем указанное органическое отличие совсем не обязательно должно было вести к общественно-исторической разобщенности, когда различное становится превыше общего. Такова была роковая печать русского консерватизма (Романов предлагал искать причины ее в особенностях национального менталитета), о которой Гиляров высказался в своем парадоксальном духе:

> Такое тожество исхода глубоко поучительно, а в том, что каждый приходит к нему в одиночку своею дорогою, с необходимыми, благодаря одинокому развитию, уклонениями — в этом пропасть трагического (II, 495).

Задача настоящей статьи была обозначить в широком обзоре схождений и расхождений двух русских мыслителей как трагизм конкретно-исторического взаимоотчуждения близких по духу людей, так и единение их в перспективе формирования русской культуры. Гиляров неоднократно подчеркивал единство

[142] *Письма к Романову-Рцы.* С. 248.

[143] Там же.

и целостность своего воззрения (см., например: II, 179), несмотря на мозаичность журнально-газетных выступлений. Мы не сомневаемся, с другой стороны, в целостности мировоззрения зрелого Достоевского, художника и публициста. Выскажем свое предположение относительно общего поля этих двух целостностей. Гиляров в письме к Романову от 23 ноября 1886 г. поведал о странном случае, с ним когда-то происшедшем. Он писал статью о суде присяжных (тема опять-таки общая для него с автором «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя») для газеты «День» и уже «подошел к высшим понятиям о правде, свободе, любви», как вдруг творческий процесс был прерван совершенно внешними обстоятельствами. «А это было лучшее, что я написал!» — в отчаянии восклицает Гиляров. Запомнилась ему только начальная фраза: «Свобода и любовь в своем бесконечном единстве...» [144]

Думается, что статья, вернее, основная мысль ее, выраженная в первой фразе, не погибла, поскольку она пронизывает собою все творчество Гилярова. Это его символ веры. Мы полагаем, что на этой, возможно, не вполне раскрывшейся глубине его солидарность с Достоевским неоспорима.

[144] Там же. С. 302.

А. П. Дмитриев

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И ЦЕНЗУРА (Биобиблиографический обзор)

Тему, заявленную в названии предпринимаемого нами «обзора», поистине трудно исчерпать. Ведь и прецедент в русской культуре непросто сыскать, чтоб активно публикующийся писатель был сначала в продолжение 7 лет одновременно и цензором, а впоследствии в течение 20 лет — редактором-издателем большой ежедневной газеты и, таким образом, *ежедневно* все эти 20 лет находился под взыскующим контролем недреманного цензорского ока. Потому вместо аналитической статьи, более или менее подробно характеризующей Гилярова как цензора и подцензурного журналиста, на первых порах уместнее, на наш взгляд, суховатое перечисление наиболее важных фактов его цензорской биографии и с ним связанных цензурных историй, ограниченное жанровыми рамками «библиографического обзора».

Первые «столкновения» Гилярова с цензурой отражены им в его «автобиографических воспоминаниях» — это восприятие им, любознательным подростком, разговоров отца с его приятелями и родственниками из духовной среды о громких цензурных эпизодах 1830-х гг. Впечатления были столь сильными, что «дела» эти запомнились на всю жизнь в мельчайших подробностях. Гиляров писал:

> Рассуждали <...> о цензурной истории с письмом Чаадаева в «Телескопе» и об «Истории ересей» Руднева, тоже перенесшей цензурную передрягу <...>. То были свежие новости, и они передавались с жизнью, которой недостает печатным рассказам. Ни чаадаевская, ни рудневская истории, впрочем, в печать и не проникали.[1]

И далее Гиляров воспроизводил молву тех лет:

> В чаадаевском письме видели оскорбленное тщеславие офицера, посланного к государю в Верону курьером с известием о бунте Семеновского полка, но по приезде занявшегося туалетом; предваренного вследствие этого австрийским курьером и за то подвергшегося высочайшему неудовольствию. Своею статьею он вымещает, судили так, свою заслуженную неприятность. <...> Затем винили Надеждина, который подвел Болдырева, цензора, окрутил его, заговорил, заморочил и убедил подписать одобрение к печатанию, не читая. Припоминали, что легкомыслие у Надеждина основная черта характера.
>
> В рудневской истории находили, что Филарет поступил несправедливо, обрушившись на цензора (П. С. Делицына), которого все участие ограничивалось тем, что для формы поставил он на книге свое имя.

[1] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 167. Имеются в виду события 1836—1838 гг.

<...> В самом сочинении найдены были погрешительные мнения, чуть не ереси; при перечислении заблуждений Римской церкви автор привел, как несогласное с православным, между прочим, учение о равносильности Св. Предания со Св. Писанием. Последовал запрос из Петербурга, пошла переписка, пререкаемые страницы из книги вырезаны и заменены новыми. Козлом отпущения послужил цензор. <...> Статочное ли дело, чтобы диссертация выпущена была цензором зря; чтоб ее всю не читали и не перечитывали предварительно профессор и потом конференция; чтобы не прочел ее сам митрополит? [2]

Примерно в эти же годы, с 1838 по 1842 г., Гиляров и сам попал под немилосердно въедливый «цензорский» надзор. Учась в Московской духовной семинарии, он жил в доме своего старшего брата о. Александра на Малой Царицынской улице (тот служил диаконом, а затем священником Новодевичьего Богородице-Смоленского монастыря). Брат избрал роль требовательного и взыскательного ментора, которому необходимо было показывать все письменные задания и по указке которого их приходилось не раз переделывать. При этом о. Александр настойчиво добивался от Никиты беспрекословного послушания, читал ему нотации, поучал, что и привело впоследствии к охлаждению в отношениях и разрыву.

По окончании семинарии Гиляров поступил в Духовную академию, и в 1848 г. был определен бакалавром по классу библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах, в 1854 г. назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России на Миссионерском отделении Академии. Тут его лекции, подвергнутые цензорскому досмотру митр. Филарета (Дроздова), показались тому исполненными недопустимых вольностей, и в ноябре 1855 г. Гиляров вынужден был уволиться. [3]

Вместе с тем прот. Г. П. Смирнов-Платонов, ученик, а потом и сослуживец Гилярова, вспоминал о глубоком воздействии его новаторских идей на студентов:

В нашем курсе имел решительное влияние на студентов молодой бакалавр Н. П. Гиляров-Платонов <...>. На лекциях раскрывалась идея свободы совести и в сознание слушателей вводилось начало терпимости. Лекции сосредоточивались притом на истории русского раскола и на истории русской полемики против раскола вообще и, особенно, на истории русской полемической литературы. [4]

---

[2] Там же. С. 187.

[3] См. подробнее: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // *РО*. 1895. Т. 34. Авг. С. 542—561; *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887): Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2003. Л. 51—68; *Дмитриев А. П.* История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году) // Филаретовский альманах. М.: Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т, 2008. Вып. 4. С. 158—183.

[4] *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // Смирнов-Платонов Гр., прот. «Детская помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 39. (Прил. к журн. «Детская помощь». 1885. № 1).

Филарет и поставил в вину Гилярову это предпочтение непредвзятого изучения раскола его миссионерскому обличению. 24 февраля 1855 г. Вера Аксакова сделала в дневнике запись об обедавшем у них в Абрамцеве Гилярове:

> Его очень притесняют, сверх обычного гнета Духовного управления, и он нам показывал тетрадь с помарками и замечаниями Филарета; всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению...[5]

Но все эти ранние столкновения с «цензорской» несправедливостью оказались только, так сказать, психологическим предуготовлением к тем испытаниям, что ожидали Гилярова на его пути исследователя, журналиста, издателя, чиновника Цензурного ведомства.

Перейдя из духовного звания в светское, Гиляров занимался научной, литературно-критической и публицистической деятельностью: был переводчиком и сотрудником «Прибавлений к Творениям Св. Отец» (1851—1855, 1862), сотрудником «Журнала землевладельцев» (1859), «Русского вестника» (1859), «Дня» (1861—1862), «Православного собеседника» (1863), заведующим редакцией «Русского вестника» (1862).

Получил известность как автор девяти программных статей славянофильской «Русской беседы» (1856—1860) по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии.[6] Цензурные нарекания вызвала ироничная рецензия Гилярова на первые три тома «Истории Русской церкви» митр. Макария (Булгакова) (СПб., 1857), беспримерная для своего времени по критическому пафосу (полтора года оставалась в рукописи).[7]

С 23 мая 1856 г.[8] по 11 августа 1862 г. Гиляров служил цензором Московского цензурного комитета, где снискал себе славу либерального чиновника-просветителя, находившегося в оппозиции к карательно-запретительной политике своего ведомства и руководствовавшегося интересами общественной пользы.[9] Об этом периоде он позднее вспоминал, что

---

[5] *Аксакова В. С.* Дневник, 1854—1855 гг. М.: АСТ <и др.>, 2004. С. 89.

[6] См.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 158—183. (Славянофил. архив; Кн. I).

[7] *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской церкви» преосв. Макария // *РО*. 1897. Т. 44. Апр. С. 591—619.

[8] Вакансия открылась еще 27 марта 1856 г. в связи с кончиной кн. В. В. Львова.

[9] См. подробнее: *Шаховской Н., кн.* 1) Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу // *РО*. 1895. Т. 35. Сент. С. 110—116 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 2) Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1897. Т. 46. Июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47. Окт. С. 716—783; Т. 48. Нояб. С. 99—133; Дек. С. 497—529; 1898. Т. 49. Янв. С. 98—132; Февр. С. 644—657; Т. 50. Март. С. 52—69; Апр. С. 526—539.

состоял цензором на самом переломе печати, когда от придирчивой, безумно-подозрительной цензуры правительство переходило к либеральным воззрениям на печать. [10]

В его ведении состояли (разновременно) такие журналы, как «Русский вестник» М. Н. Каткова, «Школа рисования» Д. М. Струкова, «Журнал земледельцев» А. Д. Желтухина, «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого, и газеты: «Московский вестник» Н. Н. Воронцова-Вельяминова, «Московская медицинская газета» Ф. И. Иноземцева, «Промышленный листок» М. Я. Киттары, «Русская газета» С. А. Поля, а также почти вся славянофильская журналистика: «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» А. И. Кошелева, «Молва» К. С. Аксакова, «День» И. С. Аксакова, «Акционер» Ф. В. Чижова.

Поначалу Гиляров хотя и был, как и все славянофилы, принципиальным сторонником свободы слова, однако, наряду с А. С. Хомяковым, все же видел на данном этапе развития общества необходимость в сохранении цензуры как воспитательного средства, ограждающего общество от нравственно вредной литературы, разжигающей «злое и недостойное чувство в читателе». [11] В 1859 г. Гиляров, подобно А. В. Никитенко и Ф. И. Тютчеву, составил свой проект либерального цензурного устава, большинство положений которого носило рекомендательный характер и подготавливало к будущей полной свободе книгопечатания. [12] Основу цензорской деятельности, по его убеждению, должно составлять глубокое осознание личного нравственного долга перед страной и народом, а не буквальное исполнение предписаний начальства. Гиляров выступал против административного произвола, сковывавшего развитие литературы. В этот период он писал одному из своих корреспондентов, давая нравственное обоснование цензуре и с государственной точки зрения, и с позиций «суда» своей совести:

> ...я не только уважаю свободу мнения, но даже иду в этом дальше, нежели кто другой. По моим понятиям, не только не должно насиловать чужого мнения, но даже никакое вполне образовавшееся мнение не должно насиловать чужого развития. Мнение есть капитал, развитие — труд. Безграничная свобода мнения, или, точнее сказать, безграничная свобода *проповедания* мнений среди миллиона неразвитых существ есть, в этом смысле, тоже своего рода насилие: насилие сильного над слабым, умственного капитала над умственным трудом, немногих привилегированных счастливцев над массой. <...> ...я слуга государства, — идея которого, по моему мнению, должна быть — защита слабого перед сильным; и — слуга настолько, насколько собственно его требования согласны и с моими личными убеждениями. Лучше ли было бы, если бы я запрещал те или другие книги *только* потому, что государство мне это велит? [13]

---

[10] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 10 мая // *СИ*. 1884. 11 мая. № 126. С. 1. См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году: (Речь, читанная в публич. заседании Общества 7 декабря 1886 г.) // *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 191—203.

[11] См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд., доп. М., 1900. Т. I. С. 373.

[12] См. письмо Гилярова к Ф. И. Тютчеву от 13 декабря 1859 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 18.

[13] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // *РО*. 1897. Т. 46. Июль. С. 162.

Как цензор он проявлял незаурядную смелость. В период обсуждения вопроса об освобождении крестьян отважился под свою ответственность разрешать к печати многие статьи по этой проблеме, не посылая их доверенным чиновникам в разные министерства, как того вполне определенно требовали инструкции. Благодаря этому получили возможность помещать актуальные материалы по отмене крепостного права и такие журналы, как «Русский вестник» [14] и «Русская беседа», и, особенно, специально посвященные крестьянскому вопросу консервативные издания «Сельское благоустройство» и «Журнал землевладельцев». После отказа Гилярова цензуровать «Сельское благоустройство» оно сразу, на февральской книжке 1859 г., прекратило свое существование. В том же году, с апреля по октябрь, именно Гиляров по поручению гр. Я. И. Ростовцева составлял фундаментальный «Свод печатных мнений по крестьянскому вопросу» для Редакционных комиссий.

Гиляров часто оказывался в двусмысленной ситуации, поскольку друзья-славянофилы видели в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. При этом он зачастую рисковал потерять место службы. Так, цензурование в 1857 г. «Молвы» доставило ему три административных взыскания Главного управления цензуры: 28 октября строгое замечание за пропуск статьи Я. Сахарова «О воспитании в духе народности» (№ 27 от 12 октября), 27 ноября постановку на вид за статью И. И. Железнова «Мысли казака о казачестве» (№ 32 от 16 ноября) и 23 декабря строгий выговор за статью К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ» (№ 36 от 14 декабря). Последняя публикация вызвала недовольство Александра II, и от увольнения Гиляров был спасен лишь своим покровителем гр. Д. Н. Блудовым. Тут же, 27 декабря, Гиляров вторично получил строгий выговор за разрешение для «Русского вестника» (дек., кн. 1) баллады «Дуняша: Легенда древних времен», затрагивавшей отношения помещиков и крестьян. [15] 26 ноября 1858 г. строгое замечание ему было объявлено за пропуск в печать объявления об издании газеты «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания. 21 июня 1861 г. Гиляров вновь получил строгий выговор — за разрешение статьи М. П. Погодина «Три вечера в Петербурге» в газете «Акционер» (№ 22 и 23 от 16 и 23 июня).

Важны инициативы Гилярова, способствовавшие либерализации цензуры и усилению ее нравственного влияния на общество. В конце 1857 г. по его донесению в Главное управление цензуры (в связи с изданием «Московской медицинской газеты») был сделан почин по освобождению медицинской периодики от особой цензуры медицинских факультетов. А 19 ноября 1860 г. его докладная записка о «книгах, спекулирующих на страсти известной части публики к небла-

---

[14] См.: Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова <о статьях в «Московских ведомостях» по крестьянскому вопросу, 1859> // *РВ*. 1888. Т. 195. Март. С. 422—426.

[15] См. *Приложение 1* к наст. статье.

гопристойностям»[16] позволила поставить заслон порнографической литературе, выходившей под видом гигиенических и специально-врачебных пособий.

Помимо периодики, через руки Гилярова прошло более 1100 книг и брошюр.[17] Он ставил себе за правило не пропускать лишь те рукописи, что содержали «неосмотрительные выражения» в адрес коронованных особ, нападки на веру, а также непристойности.[18] В начале 1857 г. Гиляров настойчиво добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума» и других произведений А. С. Грибоедова.[19]

Из цензора увлекающийся Гиляров нередко превращался в редактора и соавтора. Летом того же 1857 г., цензуруя 6-томные «Сочинения и письма» Гоголя, он предлагал их издателю П. А. Кулишу текстологически проанализировать разрозненные записки и заметки писателя, сохранившиеся в его посмертных бумагах, чтобы воссоздать «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла» и «обставить замечаниями» эти реконструированные произведения.[20] Летом-осенью 1860 г. Гиляров столь же неформально отнесся к переведенному К. П. Победоносцевым сочинению немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861): правил стиль, сам переписывал «неудобные» места или снабжал их подстрочными примечаниями.[21]

---

[16] См. *Приложение 2* к наст. статье.

[17] См.: *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова... Л. 74. См. отзывы Гилярова: ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118, 119, 123; Оп. 3. Д. 2, 17, 20, 28, 32, 50, 78, 91, 99, 119, 140, 189, 214, 2167—2178; Оп. 5. Д. 367, 368, 371, 372, 374, 379—382, 387, 389, 390, 393, 399, 401, 411, 413, 420, 423, 425, 430, 432, 435, 436, 438, 439, 444—446, 461, 463, 464, 466, 467, 474, 475, 477—479, 520, 523, 525, 528, 533—535, 543—546, 548, 549, 558—561, 569, 570, 574. 576, 582—587, 593, 594; РНБ. Ф. 847. № 195а, 216, 218, 225, 226, 228, 315, а также документ, опубликованный кн. Н. В. Шаховским: Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) цензора Никиты Гилярова-Платонова: <Об издании кн. П. В. Жадовского «Житейские сцены»> // *РО*. 1898. Т. 49. Февр. С. 911—917.

[18] См. о запрете Гиляровым сочинений «Путешествие к Святым местам» свящ. Ив. Лукьянова (для «Русского архива»), «Коронация, или Торжество россиян 1856 г.» Вильгельма Скаретки и стихотворений (А. В.?) Тимофеева с упоминанием императрицы: *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова... Л. 81 (со ссылками на документы ЦГИАМ: Ф. 31. Оп. 5. Д. 466. Л. 16; Д. 367. Л. 58; Д. 368. Л. 11). Позднее, правда, П. И. Бартеневу удалось найти более сговорчивого цензора, не обратившего внимания на «раскольничий дух» первой из названных рукописей и опубликовать ее под названием «Путешествие в Святую землю священника Ивана Лукьянова, московского жителя церкви Покрова Богородицы. 1711» (*РА*. 1866. Вып. 1—5/6).

[19] См.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» // *РО*. 1896. Т. 42. Нояб. С. 454—456.

[20] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Памяти П. А. Кулиша // *РО*. 1897. Т. 44. Март. С. 195—198.

[21] См. письмо Гилярова к К. П. Победоносцеву от 21 декабря 1860 г. (*Разумевающие верой*. С. 29—31).

При этом Гиляров нередко подвергал себя реальной опасности. Так, в 1856 г. он решился допустить к печати сочинение о положении России после Крымской войны, написанное молодым Ф. П. Еленевым (впоследствии секретарем председателя Редакционных комиссий гр. Я. И. Ростовцева, затем видным чиновником Цензурного ведомства, не раз выручавшим Гилярова — издателя собственной газеты). Еленев благодарно вспоминал:

> Этот человек готов был снова рисковать потерять службу, а следовательно, и средства к существованию единственно из-за того, что попавшее в его цензуру сочинение сходится с его убеждениями и могло быть, по его мнению, небесполезно для тогдашнего времени. [22]

В мемуарах «Из пережитого» сам Гиляров рассказывал, что «на свой страх» дал пропуск в печать книге доктора И. Я. Зацепина «Опыт сближения медицинских наук с верою» (М., 1858—1859. Ч. I—IV), не посылая ее, как должен был, на суд медицинской и духовной цензур, потому как счел ее вполне безобидной, хотя и «непроходимой» для упомянутых специальных цензурных ведомств. [23]

Вместе с тем Гиляров становился вполне исполнительным и строгим чиновником, когда дело касалось сочинений, которые, по его мнению, были вредны своим направлением. И это не могло не обижать литераторов, чьи произведения так и оставались в рукописях, погребенных в Цензурном архиве. Так, впоследствии историк и публицист А. А. Чумиков протестовал, не соглашаясь с распространенным мнением о Гилярове как «вполне либеральном цензоре», поскольку

> в руках этого философа красный карандаш любил иногда как бы бессознательно прогуливаться по корректурным листам. [24]

Например, в 1858 г. Московский цензурный комитет

> утвердил предложения Гилярова-Платонова — «не одобрять к печати» аморально-экстремистские, на его взгляд, рукописи «Крестьянская печатная правда. Беседа крестьянина с крестьянами о новом улучшении житья-бытья» («может служить поводом к неосновательным толкам»); запретить печатать «Разговор русских людей на постоялом дворе в первый день 1858 г.» («заключает неприличные указания на злоупотребление помещичьей власти <...> и <...> может подать повод к превратным истолкованиям предпринятого преобразования и возбудить взаимные неудовольствия одного сословия против другого»). [25]

Однако в одном 1860 г., согласно Журналу заседаний Московского цензурного комитета, Гилярову

---

[22] *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III. Вып. 12. С. 571—572.

[23] *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 62.

[24] *Чумиков А*. Мои цензурные мытарства // *РС*. 1899. Т. 100. Дек. С. 599.

[25] ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 399. Л. 42, 56 об.—57; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х—начала 1860-х гг. М.: Книга, 1974. С. 58.

было сделано шесть строгих замечаний за разрешение напечатать в журналах «Вестник промышленности» и «Русский вестник» различных «непозволительных рассуждений» о правительственной деятельности и «насмешек» над чиновниками и администрацией.[26]

К лету 1862 г. на Гилярова уже было наложено 15 взысканий (2 замечания, 5 строгих замечаний, 2 выговора, 3 строгих выговора и 3 раза поставлено на вид), он неоднократно оказывался на грани удаления из Цензурного ведомства. Впрочем, Гиляров был настроен оптимистически. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский в то время записал в своем дневнике:

1862 г., февраля 19. <…> Гиляров говорит, что месяца через три будет уничтожена цензура.[27]

С немотивированным бессмыслием цензуры как тормоза для полнокровной жизни страны Гиляров в этот период столкнулся и сам как автор и даже пострадал от своих же коллег. В марте 1860 г. он издал для представления в цензуру два печатных листа своего отчета о поездке за границу летом 1857 г. по изучению системы еврейского образования — под названием «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах. На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860). Однако Главное управление цензуры, перестраховываясь, в апреле 1861 г. не допустило книгу к печати, причем не потому, что существовали на сей счет какие-то специальные указания, а потому, что оно *пока не имело* правительственных указаний, в какой мере предполагается расширить права и свободы евреев в России, и не решалось инициировать общественное обсуждение этого вопроса.[28]

К началу 1860-х гг. взгляды Гилярова на цензуру претерпели изменение: он стал ее принципиальным противником. 21 ноября 1861 г. он исповедовался гр. А. Д. Блудовой в своих новых убеждениях:

Несколько раз сказал я слово «цензор», «цензоры», — и каждый раз меня коробит, при произнесении этого слова: так опротивело мне одно воспоминание о моей несчастной должности, которая в настоящее время потеряла всякий смысл. Было

[26] См.: ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 435. Л. 31; Д. 436. Л. 24—24 об.; Д. 438. Л. 27—28; Д. 442. Л. 28—28 об.; Д. 443. Л. 21—21 об.; Д. 444. Л. 9—9 об.; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати… С. 109. Не все эти замечания были, однако, «строгими» в буквальном казенно-канцелярском смысле слова. Исследовательница называет Гилярова «наиболее либеральным цензором» того времени (см.: Там же).

[27] *А. А. Б. <Беляев А. А.>.* Недавнее прошлое по письмам современника // Православное обозрение. 1883. Т. II. Июль. С. 504.

[28] См. подробнее: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43. Янв. С. 148—185; *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

время, когда порядочный человек мог идти в цензоры для того, чтоб помочь, разумеется — в известных границах, литературе и избавить ее от сторожей бессмысленных. Но теперь? — Теперь литература не скажу — свободна, но необуздан<н>а, как никогда. Нет сомнений, что если б у нас уничтожили совсем цензуру, литература в тысячу раз сделалась бы приличнее. Я в том убежден, как в собственном существовании.

Долой цензуру, дайте суд над книгопечатанием, какой-нибудь; обратите хотя цензурные комитеты в суды и сделайте jury [29] хотя из цензоров: вот единственное спасение. Этим развяжутся руки людям благонамеренным, той консервативной массе, которая у нас еще так многочисленна и так еще сильна, в которой много людей и мыслящих, и сильных умом, но которая теперь не смеет возвысить голоса, единственно потому что у нас есть цензура. Я не говорю о том, справедливо ли такое рассуждение консерваторов; но оно есть, оно — факт, и его надобно принимать в соображение. [30]

В марте 1861 г. Гиляров участвовал в собрании литераторов и издателей, которое состоялось по инициативе Н. Г. Чернышевского на квартире М. Н. Каткова, и высказал, по свидетельству сотрудника «Русского вестника» Д. И. Каменского (позднее цензор), немало «практических мыслей» по отмене цензуры и замене ее гласным судом над книгопечатанием, а также сумел удержать «прения в пределах возможности, не дав им перерасти в бесплодный спор». [31]

В июле 1862 г. новый министр народного просвещения А. В. Головнин отстранил Гилярова от цензуры на том лишь основании, что

неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе. [32]

Любопытно, что именно этот факт председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин выдвигал как достоинство своего подчиненного, защищая его в письме к А. Г. Тройницкому от 13 июля 1861 г.:

...он мне еще необходим тем, что пользуется особенным доверием здешних журналистов и, служа мне медиатором в моих непрестанных с ними столкновениях, значительно облегчает мои с ним сношения. Удаление его из Комитета была бы моя невозградимая потеря... [33]

Гиляров с горечью вынужден был признать:

Мое имя крайне неприятно министрам <...> к статьям, мною подписанным, придираются за одно мое имя... [34]

---

[29] суд присяжных (*англ.*)

[30] РНБ. Ф. 847. № 377. Л. 6—6 об.

[31] Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М.: Журн.-газ. об-ние, 1948. С. 141. (Летописи Гослитмузея; Кн. 9).

[32] РНБ. Ф. 847. № 378. Л. 10 об. (письмо Гилярова к гр. А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г.).

[33] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XVI.

[34] РНБ. Ф. 847. № 378. Л. 10 об.

Взамен ему была предложена должность чиновника особых поручений V класса при министре (Высочайший приказ по Министерству народного просвещения подписан 11 августа 1862 г.).

М. П. Погодин со свойственной ему горячностью писал в эти дни министру народного просвещения А. В. Головнину (в связи с запрещением аксаковской газеты «День», продолжавшимся со 2 июня по 1 сентября 1862 г.):

> И вот, я перехожу к отличному московскому цензору Гилярову, которого вам надо бы отыскивать с огнем, а вы требуете, чтоб он вышел в отставку. Это испытанный и теперь единственно возможный председатель Цензурного комитета в Москве, как Крузе в Петербурге. Литераторы все имеют к нему доверенность, вменяемую, впрочем, вами ему в преступление, и он своими убеждениями, своими доводами мог бы остановить всякое уклонение, — с условием, разумеется, чтоб вы прежде объяснили ему ваши желания и требования, с коими б он мог согласиться. Гиляров может говорить с любым литератором, может спорить и может доказывать свои мысли, а много ли цензоров укажете вы мне с такими способностями? <...> Неприкосновенность религии, верховной власти и личности — вот основания цензуры в наше время, и разобрать, что оскорбляет и что не оскорбляет эти основания, могут только Гиляровы, а не дюжинные агенты, которые уже много у нас набедокурили.[35]

О том же писал и И. Аксаков гр. Блудовой:

> Если бы Вы знали, что за состав у нас цензуры: один другого гаже и пошлее. Без Гилярова они хуже тупоголовых баранов...[36]

7 февраля 1863 г. Гиляров был включен в состав Комиссии по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, причем Головнин, назначая его, призвал

> стараться <...> изыскать средство к большему ограждению интересов литературы и ко введению большей законности вместо административного произвола.[37]

Однако за месяц до этого П. С. Казанский записал в дневнике со слов близкого к Гилярову А. Ф. Кирьякова:

> *1863 г., января 14.* <...> ...либеральный проект лопнул <...> Головнин нашел вредным для государства ту свободу печати, которую давал проект.[38]

С 19 февраля[39] по 18 мая Гиляров принимал участие в заседаниях Комиссии в Петербурге, где убеждал смягчить административные наказания, признав их

[35] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: <В 22 кн.>. СПб., 1905. Кн. XIX. С. 418, 419.

[36] Там же. СПб., 1904. Т. XVIII. С. 474.

[37] Письмо А. В. Головнина к Гилярову от 29 января 1863 г. цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXII. См. полностью: РНБ. Ф. 747. № 619. Л. 4—5.

[38] *А. А. Б. <Беляев А. А.>.* Недавнее прошлое по письмам современника. С. 511.

[39] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 кн. М.: Захаров, 2005. Т. II. С. 406—407. (Биографии и мемуары).

временной мерой при переходе к преследованию печати исключительно по суду. Кроме того, он высказывался против права императора и министра закрывать издания и за создание коллегиального Совета, правомочного выносить подобные решения только после трехкратного осуждения направления печатного органа, что частично получило отражение во «Временных правилах о цензуре и печати» 1865 г.[40] При обсуждении ряда вопросов Гиляров, по его признанию, «не соглашался, оставаясь с отдельным мнением». Он вспоминал позже:

> Случилось, однако, что я отвергнул и провалил мнение, поданное одним моим товарищем по поручению министра,[41] при котором я состоял. Дня через три министр мне очень любезно объявил, что место мое, по случаю преобразования, должно остаться *за штатом*.[42]

То есть Головнин остался недоволен независимым поведением Гилярова, и 1 июня 1863 г. тот был уволен.

С 1863 по 1868 г. он служил управляющим Московской Синодальной типографией, сотрудничал в «Москве» И. С. Аксакова (1867), где некоторые его статьи по церковному вопросу, в частности о реформировании системы духовного образования, вызывали раздражение как цензоров, так и его синодального начальства. 21 марта 1867 г. Гиляров жаловался гр. Блудовой:

> Директор, которому я непосредственно подчинен, спрашивает меня полуофициально, не я ли автор статей, печатаемых в «Москве» о духовных училищах, и замечает мне, что я не должен был бы себе этого позволять, что я имею *один только путь высказывать мнения* (буквально), то есть представлять по начальству! Тогда как этот вопрос нисколько к моей должности не относится, тогда как этот вопрос открыт для публичного обсуждения, тогда как с особенною скромностью старался я высказывать свои замечания на проект, заслуживающий замечаний самых едких. Итак, я не должен сметь свое суждение иметь![43]

С 1 декабря 1867 г. по 13 октября 1887 г. Гиляров был издателем-редактором первой ежедневной московской газеты «Современные известия»,[44] а в 1883 г.

---

[40] Поданное Гиляровым в Комиссию «Мнение о порядке административных взысканий» он позднее, только основав свою газету, опубликовал: *СИ*. 1867. 8 дек. № 7. С. 26—27. В архиве хранится и более пространный проект Гилярова 1863 г., озаглавленный «Об изменениях в Цензурном уставе» (ИРЛИ. Ф. 71. № 21. 86 л.).

[41] Помимо Гилярова, от его Министерства членами Комиссии для разработки проекта Устава о книгопечатании стали И. Е. Андреевский и Е. М. Феоктистов. Возможно, однако, что речь идет о В. Я. Фуксе, настаивавшем на внесении в проект Устава о книгопечатании ряда положений полицейско-запретительного характера (см.: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. III. С. 32—33, 57, 63, 66, 74).

[42] Письмо Гилярова к А. С. Суворину от 29 октября 1872 г. цит. по: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 211.

[43] РНБ. Ф. 847. № 381. Л. 2 об.—3.

[44] *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова... Л. 104—171; *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва.

и иллюстрированного еженедельника «Радуга»[45] (оба издания были освобождены от предварительной цензуры); в 1884—1885 гг. Гиляров также публиковал свои историко-философские и мемуарные очерки в газете И. Аксакова «Русь», в журналах М. Н. Каткова «Русский вестник» и И. С. Дурново «Дело».

«Современные известия» с первых же номеров приобрели в цензурном ведомстве репутацию газеты благонамеренного направления, в которой, однако, нередки вызывающе резкие, бестактные выражения, хотя зачастую и справедливые по сути, однако недопустимые в дешевом массовом издании. Регулярно многочисленные представления в Главное управление по делам печати о непозволительных публикациях в «Современных известиях» делала первая административная инстанция — Московский цензурный комитет, где за газетой надзирали цензоры: В. Я. Федоров (1867—1872), Ф. И. Рахманинов (1870, 1873—1885), Я. И. Прибыль (1873), П. Н. Воронцов-Вельяминов (1873—1874), К. Н. Леонтьев (1881), К. И. Воронич (1886—1887) и др. По большей части эти донесения не служили поводом к цензурным карам, а только принимались к сведению, — во многом благодаря лично благожелательно настроенным к Гилярову членам Совета, в чьем ведении в разное время оказывалась его газета: Ф. Ф. Веселаго, В. Я. Фуксу и Д. И. Каменскому, а также в особенности Ф. П. Еленеву.[46] Много делали для того, чтоб предотвратить или смягчить цензурные наказания, высокопоставленные друзья Гилярова: в 1870-х гг. К. П. Победоносцев,[47] в 1880-х — Т. И. Филиппов.[48]

2008. № 5. С. 209—215; *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева // Коломенский альманах. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 353—382 (продолж. см. в наст. изд. на с. 486—514).

[45] См. цензурное дело «По изданию г. Гиляровым-Платоновым в Москве журнала, под названием “Радуга”» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 156. 70 л.). Этот период отразился в интенсивной переписке 1883 г. с журналисткой и переводчицей А. М. Гальперсон: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 171—251.

[46] См. архивные материалы раздела «Отзывы цензоров о газете “Современные известия” (1869—1871)» в наст. изд., на с. 267—323, а также: РГИА. Ф. 722. Оп. 1. Д. 3728, 4144, 4239, 4303, 4308, 5630; Ф. 776. Оп. 1. Д. 6, 8, 10—12, 14, 24; Оп. 2. Д. 5—12, 14—21; Оп. 3. Д. 146, 147, 800, 801а, 801б; Оп. 5. Д. 15, 38а; Оп. 11. Д. 2а, 108, 154; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 678; Ф. 1405. Оп. 534. Д. 826; ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 26.

[47] См. об этом: *Дмитриев А. П.* 1) К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, С.-Петербург, 1—3 июня 2007 г. СПб.: С.-Петерб. митрополия, 2007. С. 127—136; 2) *Разумевающие верой.*

[48] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник’2008. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

За свою 20-летнюю историю издание получило сравнительно мало взысканий: 6 предостережений, 3 приостановки, 11 раз на разные сроки (от двух недель до девяти месяцев) запрещалась розничная продажа. Первые три предостережения — 14 марта 1870 г., 18 мая 1872 г. и 11 апреля 1874 г. — и приостановка на *три недели* были получены за статьи Гилярова и ряд помещенных им корреспонденций из провинции, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства,[49] отмечались упущения в работе полиции и приводились факты безнаказанного хулиганства солдатских чинов,[50] указывалось на недостатки земского и городского самоуправления и не одобрялась система налогообложения.[51] На второе запрещение, считая его необоснованным и прямо беззаконным, Гиляров в передовой статье отозвался так:

> Правда, по существу проступок подлежал бы скорее судебному преследованию; предостережениями караются не одиночные выражения, которых недозволительность легко формулировать, а целое направление, последовательно проводимое и не всегда доступное осязательному изложению. Но правительство решило предостережением взыскать с нас и за отдельные выражения. <...> ...большинство правительственных неудовольствий против нас <...> возбуждалось не нашими мнениями, и даже вообще не редакционными статьями, а корреспонденциями. Правительство карает в нас не столько писателя, сколько именно редактора, и даже ближе — цензора статей, нам присылаемых. Нам обращается во вред снисходительность наша к откровенности корреспондентов, к своеобычию даже их выражений. Может быть, как на этот раз случилось, уважение наше к чужому мнению и слову действительно иногда чрезмерно. Но мы следуем вековечному правилу общечеловеческой нравственности: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Мы признаем свободу слова и держимся ее, уважая в себе и других одинаково. Мы убеждены с целым светом, что легче достигнуть пользы разъяснениями, чем запрещениями. Наконец, самая цель нашего издания, с первоначала поставленная, была такова, чтобы предоставить себя по возможности в общественное распоряжение; чтобы в печатном органе слышался действительный общественный голос, а не мнение каких-нибудь литературных олигархов, поддельно выдаваемый за общественное. Полагаем, что самому правительству печатный орган окажет тем бóльшую услугу, чем менее лукавя передаст ему выражения общественные.
>
> Рано или поздно, это и будет. Теперешнее колебание самой печати и теперешняя строгость правительства суть переживаемые последствия прежнего, подцензурного времени. <...> ...без жертв невозможно. Мы на сей раз в их числе.[52]

Первое запрещение розничной продажи — с 7 августа по 30 октября 1871 г. — последовало за публикацию в составе передовой статьи корреспонденции одно-

---

[49] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1–2.

[50] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 12 мая // *СИ*. 1872. 13 мая. № 129. С. 1.

[51] *П—ский В. <Пелешевский В. Ф.>*. Причины неудобных налогов // *СИ*. 1874. 29 марта. № 87. С. 2.

[52] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 21 мая // *СИ*. 1872. 22 мая. № 138. С. 1.

го из читателей (булочника Г. Г. Урусова, активно сотрудничавшего с газетой и дружившего с Гиляровым) о холере в Москве и о мерах борьбы с нею,[53] с призывом помогать беспомощным и беспризорным, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны с голосистыми иподиаконами. Во второй раз газета была так же наказана с 28 января по 20 октября 1872 г. за передовую статью, критикующую деятельность пореформенных судов с участием присяжных,[54] в третий — с 27 марта 1874 г. по 14 января 1875 г. — за перепечатку выдержек из статьи «Нового времени» о русском самоуправлении,[55] за которую последняя газета была приостановлена. Гиляров, не считая эти кары справедливыми, неоднократно разъяснял свою позицию в передовых статьях и письмах в Главное управление по делам печати;[56] подавал прошения о прекращении действия кары.

Следующие два предостережения постигли газету в 1875 г.: первое (2 апреля) — за критику законодательного отделения Министерства юстиции в связи с новыми правилами для присяжных[57] и за обнародование скандальной истории ухода Е. А. Салиаса-де-Турнемира с поста редактора «С.-Петербургских ведомостей»[58] и — второе (16 октября) — за корреспонденцию из городка Шенкурска, из которой следовало, что правительство игнорирует нужды этого отдаленного края.[59] Не дожидаясь третьей такой кары, Главное управление по делам печати 22 декабря 1876 г. приостановило издание газеты на две недели (по Распоряжению от 16 июня 1873 г. — за обсуждение в печати вопросов государственной важности): вменялось в вину воспроизведение из «Русского мира» корреспонденций из Брест-Литовска и Варшавы о фортификационной деятельности в этих районах,[60] содержащих, с точки зрения Цензурного ведомства, сведения, представлявшие военную тайну. В результате хлопот друзей срок был сокращен наполовину и с января издание возобновилось.

Оба предостережения были сняты с «Современных известий» (в числе 13 других газет и двух журналов) 16 декабря 1877 г. — в честь 100-летия со дня рождения Александра I и в связи с успехами России в Русско-турецкой войне.[61]

В продолжение этой войны — когда периодика читалась особенно интенсивно и могла приносить неплохой доход издателям — газета Гилярова была наказана троекратным запрещением розничной продажи за статьи по разнообразным вопросам: 1) о порочной политике синодальных властей по отношению

---

[53] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2.

[54] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 января // *СИ*. 1872. 17 янв. № 16. С. 1.

[55] <*Без подписи*>. По очередным вопросам // *СИ*. 1874. 23 марта. № 81. С. 2.

[56] См. *Приложение 3* к наст. статье.

[57] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 28 марта // *СИ*. 1875. 29 марта. № 87. С. 2.

[58] <*Без подписи*>. Из Петербурга. *26 марта* // *СИ*. 1875. 28 марта. № 86. С. 3.

[59] <*Без подписи*>. Из Шенкурска. *12 сентября* // *СИ*. 1875. 9 окт. № 278. С. 3.

[60] <*Без подписи*>. Оборонительные работы // *СИ*. 1876. 12 дек. № 342. С. 2; 13 дек. № 343. С. 2.

[61] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 годах // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 274.

к «протестующему» против нарушений канонов епископату [62] — с 9 по 24 февраля 1877 г.; 2) о злоупотреблениях при призыве на военную службу, выражающихся в подкупе врачей детьми богатых купцов (за обнародование стоустой молвы об этом городской голова С. М. Третьяков инициировал судебное преследование Гилярова), [63] — с 16 августа по 19 ноября 1877 г.; 3) о вреде толерантного отношения к побежденной Турции и за «избыток патриотизма», проявившийся в «резких суждениях», [64] — запрещением с 17 января по 1 ноября 1878 г., продленным затем на полтора месяца — до 14 декабря — за балагурный фельетон о начальстве одной из московских гимназий, исключившем пять гимназисток «за любовь к туркам», [65] — и очередным предупреждением (18 февраля 1878 г.) за высказывания опять же о взаимоотношениях России с Турцией, в связи с обнародованием «предварительных условий мира», [66] а также о трениях с Румынией по поводу бессарабских территорий. [67] После запрета розницы с 31 января по 28 мая 1879 г. за статьи о недостатках солдатского быта, [68] а также о просчетах во внешней политике [69] долгое время на «Современные известия» взысканий не налагалось.

С 8 по 22 апреля 1885 г. газета была приостановлена за корреспонденцию из Грузии, [70] в которой сочувственно изображался семинарист С. В. Джибладзе (впоследствии известный меньшевик-ликвидатор, наставник молодого Сталина), доведенный до отчаяния своим ректором прот. П. И. Чудецким и избивший его (назначенная газете Гилярова месячная кара была сокращена вдвое благодаря заступничеству Т. И. Филиппова). Теперь газета, по закону от 27 августа 1882 г., как издание «возобновленное после временной приостановки», должна была каждый номер представлять в цензуру не позднее 23 часов накануне выхода в свет, из-за чего терялась оперативность в освещении событий (после 23 часов никакие материалы не могли попасть в номер) и издание как бы вновь подчинялось предварительной цензуре. [71]

На две недели в 1884 г. (с 10 по 24 марта), а также на разные сроки в 1886 г. (с 8 апреля по 5 июля) и в 1887 г. (с 19 мая по 9 июня) запрещалась продажа газеты в розницу. В первый раз — за воскресные фельетоны под названием «Между делом. Картинки общественной жизни» (особенно в № 54 и 61), которые, по отзыву Московского цензурного комитета,

---

[62] *<Гиляров-Платонов Н. П.?>*. По поводу архиерейских перемещений // *СИ*. 1877. 31 янв. № 30. С. 2.

[63] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 6 августа // *СИ*. 1877. 7 авг. № 215. С. 2.

[64] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 11 января // *СИ*. 1878. 12 янв. № 11. С. 1–2.

[65] *Берендей <Сбруев П. А.>*. На лету // *СИ*. 1878. 11 окт. № 280. С. 1–2.

[66] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 28 января // *СИ*. 1878. 29 янв. № 28. С. 2.

[67] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 4 февраля // *СИ*. 1878. 5 февр. № 35. С. 2.

[68] *Не служащий*. Мысли об улучшении солдатской пищи // *СИ*. 1879. 28 янв. № 27. С. 3–4.

[69] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 25 февраля // *СИ*. 1879. 26 февр. № 56. С. 2.

[70] *К. К.* Из Тифлиса // *СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1.

[71] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати... С. 275.

имеют характер обличительный, касаются не только общественной, но и политической жизни России и, главное, по тону своему бывают иногда крайне резки и даже грубы.[72]

Во второй раз (в 1886 г.) газета была наказана за сатирический рассказ о незадачливом священнике, попадающем в разные неблаговидные передряги.[73] Все это больно ударяло по бюджету издания, и оно не раз оказывалось на грани полного разорения: по настоянию кредиторов с аукциона были за бесценок проданы типографские станки, писчебумажная фабрика, дача в Петровском-Разумовском.

За 20 лет редакторской деятельности Гиляров поместил в своей газете, по нашим подсчетам, около 120 передовых статей, где специально рассматривалось положение печати в России. В них излагался идеальный взгляд на периодику как на союзницу правительства в деле преуспеяния России и под этим углом зрения осуждались случаи отхода журналистики от нравственных критериев, ее коммерциализация. Но больше всего волновала Гилярова не всегда оправданная правительственная репрессивная политика по отношению к печати. Так, он акцентировал положительные моменты даже в прекращении Государственным советом аксаковской «Москвы»:

> ...дорого то, что последнее издание <...> судимо было хотя без присяжных, но, по крайней мере, верховным судом империи: ибо, конечно, то был суд, а не произвол. Не лишено значения и то, что дело прошло чрез департамент Сената, общее собрание Сената и дошло в общее собрание высшего из государственных учреждений, на всех ступенях встречая законное препятствие к запретительному решению. Слишком довольно обеспечений для печати! Но поэтому-то и надобен для нее суд присяжных.[74]

В «Современных известиях» всесторонне комментировались все новые, в том числе только планировавшиеся, постановления по цензурному вопросу. Так, в связи с работой Специальной комиссии для подготовки нового Устава о печати под председательством кн. С. Н. Урусова Гиляров призывал правительство не идти на попятную, возвращаясь к предварительной цензуре, а, напротив, двигаться в направлении дальнейшего освобождения журналистики. Он утверждал:

---

[72] Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 3 от 6 марта 1884 г. // РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 24. Л. 28 об. Интересно, что Совет не предлагал в данном случае никак наказывать газету, а высказался за предупреждение редактору, что в будущем его «издание подвергнется строгому административному взысканию» (Там же. Л. 30 об.). Министр же гр. Д. А. Толстой, прочитав протоколы, поставил на верхнем поле свою резолюцию: «Исполнить, с запрещением розничной продажи “Современных известий”. 10 марта» (Там же. Л. 28).

[73] *Трын-трава.* Проклятая кобыла // *СИ*. 1886. 2 апр. № 90. С. 1–2.

[74] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30 апреля // *СИ*. 1869. 1 мая. № 117. С. 1.

Расширение прав предупредительной цензуры было бы обратным вызовом тех печальных болезней, которыми страдала общественная жизнь в былые времена...[75]

Ужесточение цензурных правил в 1872—1873 гг., по убеждению Гилярова, порождало в Европе представление о ликвидации свободы печати в России и вредило ей вообще, поскольку учет оппозиционных мнений полезен правительству. Неоднократно Гиляров порицал практику цензурных предостережений (особенно выносимых благонамеренным консервативным изданиям): в глазах населения они выглядели не как наказание за отдельные промахи, а как осуждение всего направления охранительного органа печати. В связи с предостережением, вынесенным «Московским ведомостям», Гиляров предлагал вместо предостережения в таких случаях помещать в официозном «Правительственном вестнике» подробный разбор статей, вызвавших недовольство властей, что служило бы полезным уроком для всей печати и демонстрировало бы, что правительство

изъявляет недовольство не на все направление издания, а на случайные его промахи, выражалось в официальном органе простое осуждение укоризненных статей, то было бы — веха, маяк; издание знало бы, чего избегать, чтоб не подвергнуться каре. Публике кажется, что правительство осуждает направление издания, злонамеренность его, выражается недоверие к изданию.[76]

Чтоб привлечь внимание общественности к вредной политике административных взысканий, Гиляров регулярно публиковал в своей газете сведения о карах в отношении различных органов печати.

В 1880 г., во время работы Комиссии по пересмотру цензурных законов под председательством П. А. Валуева, Гиляров в очередной раз возвысил голос за полную отмену цензуры и выступил с развернутой критикой нововведений 1870-х гг. карательного характера: права негласных временных распоряжений, принуждавших печать молчать по насущным общественно-политическим вопросам; права запрещать розничную продажу изданий и печатание объявлений и др. Он утверждал:

Печать должна быть освобождена от произвола. Она должна быть подчинена закону. <...> В чем была наша беда?

1) В том, что печать подчинена была *единоличной* власти министра или, пожалуй, даже начальника Главного управления.

2) В том, что цензура действовала безгласно.

3) В том, что обвиняемому и наказуемому не дано было права защиты, — ему не объявлялось даже, за что он подвергается наказанию.[77]

---

[75] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 8 ноября // *СИ*. 1869. 8 нояб. № 307. С. 1—2.

[76] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 января // *СИ*. 1870. 12 янв. № 11. С. 2

[77] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 июля // *СИ*. 1880. 23 июля. № 201. С. 2

Гиляров доказывал, что все эти стеснения и породили нелегальную печать, пропагандировавшую терроризм:

> Стеснения породили зло — тайную печать, свившую постоянное гнездо внутри России.[78]

Будучи приглашен П. А. Валуевым на заседание Комиссии в ноябре 1880 г., Гиляров призвал правительство смотреть на печать как на друга, а не как на врага. Спустя три месяца он требовал в своей газете максимальной гласности при обновлении цензурного законодательства и сетовал:

> Новые законы о печати заготавливаются в удивительной тиши. <...> Неоднократно было заявлено желание о возвращении печати хотя к положению 1865 года. Жестокий закон о сожжении книг остается еще в силе; отчеты об общественных собраниях подлежат еще предварительной цензуре; ее иго не снято с коммерческих объявлений, и притом в изданиях даже, изъятых от предварительной цензуры.[79]

Об административном произволе по отношению к журналистике Гиляров неоднократно высказывался в 1870—1880-х гг. в письмах к К. П. Победоносцеву.[80] Гиляров проводил мысль, что гласный суд над журналистикой должны творить не случайные присяжные и не юристы и чиновники разных ведомств (как предлагалось многими в то время), а несменяемые, специально ведающие дела печати независимые лица, политически и нравственно образованные, для чего предлагал учредить особый департамент Сената как высшую инстанцию для печати.

В отличие от большинства консервативных издателей Гиляров печатно осудил Закон 27 августа 1882 г., по которому вопрос закрытия периодических изданий решался не в судебном порядке, а Особым совещанием четырех министров (внутренних дел, просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода). Еще до его публикации он с тревогой передавал молву о предполагавшемся «четырехэтажном управлении печатью и возвращении газет под цензуру», убеждая, что «печать нужно не придавить, а, напротив, поднять и возвысить».[81] При этом Гиляров весьма скептически оценивал возможности цензуры остановить реальное зло, распространяемое печатью:

> Тенденция может сказываться не только в отзывах о лицах или в критике событий, но в самом выборе известий, в их окраске, иногда в самых умолчаниях: всё

[78] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 5 мая // *СИ*. 1880. 6 мая. № 123. С. 2.

[79] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 19 февраля // *СИ*. 1881. 20 февр. № 50. С. 2.

[80] См.: *Разумевающие верой*. Например, в письме от 19 февраля 1872 г. Гиляров так отзывался об очередных цензурных взысканиях, обрушившихся на его газету: «Нужно иметь много самообладания, чтобы быть спокойным при распоряжениях, которые положительно безумны» (с. 82).

[81] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 20 августа // *СИ*. 1882. 21 авг. № 230. С. 2.

такие вещи, которые цензура в редких случаях способна предупредить или остановить.[82]

Когда же Закон увидел свет, Гиляров разочарованно писал, что его

существо <...> состоит собственно в двух пунктах: 1) в возврате бесцензурных изданий под цензуру, и 2) в обязательстве открывать административной власти имена авторов.

Особенно возмущал его этот второй пункт, поскольку

редактор в этом случае есть своего рода духовник: даже ближайшие автору лица остаются в неведении о писавшем, и иногда именно от ближайших-то лиц имя и укрывается.[83]

По поводу же первого пункта Гиляров писал как о давно наболевшем:

О том, что предварительная цензура не составляет ограждения, писано так много, что повторять эту истину излишне, тем более когда она засвидетельствована самым наглядным опытом: нигилизм есть порождение подцензурной печати. Остается пояснить, отчего так происходит. От того, что по общему правилу dubia benignius inter pretantor; судья в сомнительных случаях должен предпочитать благоприятное истолкование. Цензор не может не следовать этому правилу. Цензор затем неизбежно останавливается на отдельных частностях: на отдельных фразах, на отдельных статьях, на отдельных нумерах.[84]

Потому и подвергнутые наказанию издания, вопреки замыслу законодателей, караются за частности, а «не за направление, которое выражается не в частностях»:

...мы не знаем примера административной кары за направление и утверждаем решительно, что с самым красным, самым радикальным направлением периодическому изданию у нас существовать возможно без цензуры, не подвергаясь каре, а и того удобнее — под крылом цензуры. Все дело в своего рода дипломатии и стратегии: прямота, будь она самого охранительного направления, более всего подвержена опасности.[85]

Как видим, Гиляров не изменил идеалам своей молодости и, так же как в 1850-х гг. его друзья-славянофилы ратовали за свободу печати, так и он в конце своей жизни выступал за возможно бóльшую независимость печатного слова, в чем смыкался с публицистами либерального направления. Протестом против засилья цензуры в России была и предсмертная публикация Гиляровым за границей его книги «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (Лейпциг, 1887; под криптонимом «Р. С. Т.»).

---

[82] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 20 августа. С. 1—2.

[83] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 сентября // *СИ*. 1882. 17 сент. № 257. С. 1.

[84] Там же.

[85] Там же. С. 2.

Скончался Гиляров в Петербурге, в гостинице «Belle-vue» («Бель-вю»), что находилась у арки Генерального штаба на Большой Морской (д. 3). В столицу он выехал хлопотать о передаче ему в аренду «Московских ведомостей» после кончины М. Н. Каткова. Однако, чтобы такой авторитетный орган печати, имевший при прежнем редакторе немалое государственное значение, стал трибуной для независимого и в будущем, возможно, весьма влиятельного слова публициста-философа, — конечно же, это показалось властям неудобным. Особенно препятствовал этому назначению бывший приятель Гилярова Победоносцев, в течение последних 6 лет то и дело требовавший от Главного управления по делам печати наказать «Современные известия» за ту или иную публикацию. Говорили, будто, разволновавшись после встречи с ним, Гиляров нечаянно выпил увеличенную дозу морфия,[86] подозревали даже самоубийство[87]... Так и обстоятельства, ускорившие кончину мыслителя, были во многом вызваны тянувшейся всю его жизнь тяжбой с Цензурным ведомством.

Приложение 1

А. С. Норов, А. А. Берте

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ[1] В МОСКОВСКОМ ЦЕНЗУРНОМ КОМИТЕТЕ ОТ 27-го ДЕКАБРЯ 1857 ГОДА <О СТИХОТВОРЕНИИ «ДУНЯША»>

По предложению г. министра народного просвещения о помещенном в первой декабрьской книжке 1857 г. журнала «Русский вестник» стихотворения «Дуняша. Легенда древних времен». Тут же циркулярное предписание о недопущении к печати статей и стихотворений, касающихся отношений помещиков к их крестьянам.

Начато: Декабря 27-го дня, 1857 года.
Окончено: Декабря 27 дня, 1857 года.

[86] Историк и педагог Н. П. Розанов передает в своих мемуарах, что говорили в Москве о смерти Гилярова: «...получение доходного редакторского места в “Московских ведомостях” спасло бы его от окончательного краха, но петербургская консервативная бюрократия предпочла иметь на месте Каткова никому не ведомого профессора <С. А. Петровского>. И вот человек с пламенной любовью к родине, честный, даровитый публицист, так долго работавший на посту редактора, был отвергнут, что, как носились слухи, даже заставило его прибегнуть к сильнейшему приему морфия для успокоения расходившихся под влиянием полученного отказа нервов, а этот огромный прием опасного наркотика повел за собою смерть газетного бойца» (*Розанов Н. П.* Воспоминания старого москвича. М.: Рус. міръ, 2004. С. 199. (Большая моск. б-ка)).

[87] См.: Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Литературное наследство. М.: Журн.-газ. об-ние, 1935. Т. 22/24. С. 533 (примеч. И. Я. Айзенштока). Однако версия суицида, как неопровержимо свидетельствует совокупность всех фактов, имевших место в день смерти Гилярова, совершенно безосновательна.

№ 2390 от 27.12.57

В первой декабрьской книжке текущего года «Русского вестника» напечатано стихотворение «Дуняша, легенда древних времен».[2] По общему содержанию своему и по многим отдельным стихам оно таково, что никогда не должно было бы явиться в печати. Особенно же в нынешнее время, когда всеобщее внимание возбуждено и направлено на благие предпринимания <так!> и меры Правительства, одновременное напечатание подобного стихотворения доказывает совершенное отсутствие приличия и такта как в издателе,[3] принявшем это стихотворение в свой журнал, так и в цензоре, который позволил оное напечатать.

Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Сиятельство сделать *наистрожайший выговор* тому и другому, внушив им, что подобные явления в нашей журнальной литературе терпимы быть не могут. Если же это направление, которым увлекаются некоторые из писателей наших, не будет остановлено в безрассудном развитии своем предусмотрительностью и осторожностью самих издателей журналов и цензоров, то Правительство будет вынуждено принять меры более действительные против редакторов и цензоров, которые окажутся неспособными пользоваться доверенностию Правительства. Первые — не должны забывать, что право, предоставленное им издавать журнал, было основано на личном доверии Правительства к их благоразумию и благонамеренности; другие — что на них возложена важная и священная обязанность оберегать литературу от предосудительных уклонений с той стези, на которой может она действовать в пользу Правительству и Обществу.

Министерству прискорбно видеть, что некоторые из писателей и журналистов наших не умеют ценить облегчений, которые в последнее время были им оказаны. Но, не переставая охранять эти облегчения и содействовать благоразумному развитию деятельности во всех отраслях литературы, тем строже и решительнее М<инистерст>во будет действовать против легкомыслия и злоупотреблений печати.

Министр народного просвещения А. Норов[4]
Директор А. Берте[5]
Верно: Ск<репил> Секретарь П. Янкевич[6]
Секретно

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4308: Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры. Л. 1—4 (копия: л. 8—9 об.).

[1] Председательствующим в МЦК по должности (т. е. попечителем Московского учебного округа) в тот период, с 26 мая 1856 г. по 23 марта 1858 г., был Евграф Петрович Ковалевский (1790—1867).

[2] *Кугушев Г., кн.* Дуняша: Легенда давних времен // *РВ*. 1857. Т. XII. № 23 (Дек.; кн. 1). С. 640—642. В оглавлении, напечатанном на 1-й с. обл.: Легенда давнишних времен. Сюжет баллады, написанной четырехстопным анапестом, таков: барин полюбил свою крепостную, дочь буфетчика Дуняшу, а та уже была помолвлена с коробейником

Семеном. Девушку, не пожелавшую стать любовницей помещика, заперли во флигеле. Когда к ней как-то ночью пробрался Семен, влюбленных выдала старуха, приставленная стеречь девушку. Разъяренный барин убил обоих, но потом «не знал ни покоя, ни сна». Кн. Григорий Васильевич Кугушев (1824—1871) — посредственный прозаик, драматург, поэт, комедии которого, однако, пользовались в свое время успехом у публики.

[3] Подразумевается М. Н. Катков.

[4] Государственный деятель, историк, путешественник и литератор Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) занимал пост министра народного просвещения, а значит, и председателя ГУЦ, с 7 апреля 1853 г. по 23 марта 1858 г.

[5] Цензор Александр Александрович Берте (1809—1893), с 1826 г. служил канцелярским чиновником в Департаменте народного просвещения, с 1844 г. — его вице-директор, с 1853 г. — директор, с 1854 г. — директор Канцелярии министра народного просвещения, заведовал цензурой; с 18 января 1860 г. по 10 марта 1861 гг. член ГУЦ.

[6] Прохор Иванович Янкевич (1818—?), с 1847 г. служил в Департаменте народного просвещения; с мая 1851 г. был старшим секретарем Канцелярии министра народного просвещения, 25 января 1860 г. занял пост правителя дел ГУЦ.

Приложение 2

Н. П. Гиляров-Платонов

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОТ 19 НОЯБРЯ 1860 г. <О «БЕЗНРАВСТВЕННЫХ» КНИГАХ>

Предположения, здесь изложенные, Комитетом одобрены, и определено: войти о том с представлением в Главное управление цензуры, для испрошения утверждения и сделания тех распоряжений, которые Главным управлением признаны будут по сему удобными.

В Московский ценсурный комитет
ценсора Никиты Гилярова-Платонова

Докладная записка

В числе произведений, представляемых для одобрения в Цензурный комитет, с некоторого времени особенно часто стали появляться книги, спекулирующие на страсти известной части публики к неблагопристойностям. Общие признаки такого рода книг суть следующие: 1) *По содержанию* все оные касаются непременно половых отправлений: говорят о соитии, о зачатии, об устройстве детородных органов или же об извращении половых чувств и о неумеренном их удовлетворении, как-то — об онанизме и любострастной болезни и т. п. К этому присоединяются иногда гигиенические наставления; но соображение духа всей книги дает обыкновенно понять слишком ясно, что не эти наставления составляют цель, для которой неизбежно допускаются неблагопристойности в описа-

ниях, напротив, дабы иметь предлог дать публике эти неблагопристойные описания и прибавлены кой-какие, большею частию ничтожные, наставления. 2) В *изложении* не только не соблюдается требуемая существом дела скромность и краткость выражений; не только не принимается правилом называть известные части и процессы организма латинскими именами, напр<имер> genitalia, coïtus, menstruation, hymen [1] и т. п., что почти в общем обычае даже у книг специально учено-медицинских; напротив, с заметным усилием и с особенною подробностию и излишнею ясностию книги, о которых говорю, распространяются в оскорбительных для приличия описаниях и, притом, по-русски до последнего слова. 3) По *внешнему виду* все эти книги непременно малообъемисты и носят притом длинное заглавие, с обыкновенными приемами шарлатанских изданий, т. е. с перечислением подробностей содержания и часто — с разными обещаниями необыкновенной пользы и неслыханных достоинств книги. 4) Наконец, книги эти являются или без имени автора, или с сомнительным именем какого-нибудь доктора, непременно иностранной фамилии.

Книги такого рода большею частию получали цензурное одобрение. Основанием к нему служило, без сомнения, частию свидетельство медицинской цензуры о их медицинской безвредности, а частию тот наружный прилик благонамеренности, который они стараются себе придать. Знаю, впрочем, два исключения. Во-первых, несколько лет назад определением здешнего Комитета была запрещена книга об онанизме, на основании особенного отзыва медицинской цензуры, в котором последняя, подтвердив безвредность рассмотренного ею сочинения, в чисто медицинском отношении, выразила, однако ж, уверенность в его нравственном вреде и изъявляла сожаление, что, по ограниченности своего полномочия, она не может запретить сочинения сама, на этом основании. В другой раз одно из произведений подобной книжной промышленности было запрещено по его безнравственности Комитетом, вследствие донесения г. Прибыля, [2] несмотря даже на полученное книгою полное медицинское одобрение.

В последнее время два из подобных произведений поручены Комитетом моему рассмотрению. Одно уже заглавие достаточно поясняет их характер. Первое из них носит титул: «Разоблачение тайн женского пола и супружеского ложа. Половая жизнь женщины во все периоды ее существования как девицы, супруги и матери. О первом и последующих появлениях месячных очищений и о соблюдении себя в здоровом состоянии в это время. О первом разрешении девичества. Объяснение таинственного процесса зачатия младенца в материнской утробе и произвольного деторождения. Сохранение красоты, свежести и стройности талии после родов и при ежемесячных отправлениях женских производительных органов. Лечение и предупреждение женских болезней. Соч. доктора Албрехта». [3] Другая книга носит название: «Всегда ли должно считать разрыв девственной плевы непременным нарушением девственности? Новейшие исследования и наблюдения о девственной плеве и о ее видоизменениях после лишения девства, с приложением 40 изображений, снятых с натуры и извлеченных из древних и новых монографий Девильером, доктором медицины и пр.». [4]

Первая из этих книг, без всяких околичностей, даже и сама прямо назначает себя не для руководства врачам, а для непосредственного общественного употребления — для чтения девицам и дамам. А как притом содержит она в себе, с одной стороны, неблагопристойные описания, с другой — наставления, частию непристойные, частию даже и прямо безнравственные: то о ней, по моему мнению, не может быть и сомнения, что она должна быть запрещена по ст<атье> Ценс<урного> уст<ава> букв<ально>. Вторая же книга хоть и хочет, по-видимому, трактовать вопрос ученым образом, но дает видеть, что издается собственно с целию предложить публике сорок срамных изображений, которые притом не замедлят, без сомнения, быть иллюминованными.[5] Поэтому в виде отдельной брошюры она никоим образом не может быть одобрена.

Испрашивая от Комитета подтверждение своему мнению, считаю долгом присовокупить следующее. Так как книги, подобные двум мною рассмотренным, начинают являться довольно часто, составляя, по-видимому, предмет обширной задуманной спекуляции, а следовательно, угрожая появлением в значительном количестве и на будущее время: то не мешало бы, по моему мнению, условиться в общих правилах ценсирования подобных книг. А именно, мне кажется, необходимо было бы принять за правило, чтоб *подробные описания половых органов и отправлений, излагаемые не как частный трактат среди общего учено-медицинского исследования и не как частная статья в специально-медицинском журнале, а издаваемые в виде отдельной брошюры*: 1) Запрещать безусловно, коль скоро оные назначаются прямо для общественного чтения, а не для руководства врачам, хотя бы они и сопровождались гигиеническими наставлениями. 2) Коль скоро же они имеют вид специального исследования, назначенного для врачей, то, по одобрении со стороны медицинской ценсуры, допускать их к печати не иначе, как когда на заглавном листе выставлено будет имя и звание составлявшего или переводившего книгу *русского врача.* 3) Срамных изображений при мелких брошюрах, в виде особых к ним приложений, ни в каком случае не одобрять, хотя бы потребность в них и оправдывалась, по-видимому, содержанием самой книги. 4) Равным образом ни в каком случае не допускать неблагопристойных подробностей в заглавии книги, хотя бы самая книга и удостоивалась одобрения.

Ноября 19 дня 1860 г. Ценсор *Никита Гиляров-Платонов.*

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 226. Л. 1—2 об.

«Докладная записка <о безнравственных книгах>», составленная Гиляровым в период его службы в МЦК и поданная им по начальству, затрагивает вечно актуальный вопрос охранения общественной нравственности путем запрета порнографического чтива, мимикрирующего под учено-медицинские пособия. Попытки беспринципных коммерсантов в период либерализации цензуры во второй половине XIX в. поставить изготовление такой книжной продукции на поток не могли не возмущать Гилярова. Так, в 1857 г. он запретил сочинение «Ревнивый муж и своенравная жена», полное «неблагопристойных намеков» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 387. Л. 12).

Вероятно, именно данная Докладная записка и инициированные ею распоряжения ГУЦ позволили поставить надежный заслон порнографической литературе, существовавший вплоть до начала XX в.

[1] Hymen — девственная плева, гимéн (*лат.*).

[2] Яков Иванович Прибыль (?—1892), цензор МЦК (с 1859 г.), наблюдал от Комитета за «Современными известиями» в 1873 г.

[3] Эта книга немецкого врача Иоганна Фридриха Эрнста Альбрехта (Albrecht; 1752—1814), очевидно, с подачи Гилярова, так и не увидела свет в рассматриваемый период. Альбрехт ради литературной деятельности оставил практику, в 1792 г. стал книгопродавцем в Праге, в 1802 г. — директором театра в Гамбурге. Его жена актриса Софи Альбрехт (ур. Баумер; 1757—1840) первая исполнила роль Луизы в «Коварстве и любви», ее пламенным поклонником с 1784 г. некоторой время был Фр. Шиллер. И только в начале XX в. были напечатаны переводы двух небольших книг Альбрехта: 1) Тайны и болезни женщин и девушек: С прил. письма опыт. матери к своей замуж. дочери: Необходимая настол. кн. / Пер. с 16-го нем. изд. д-ра мед. А. Б. Андреева. СПб., 1903. 199 с.; на обл. перед загл.: Катехизис женщины; 2) Женские груди: О женской красоте вообще; Женская грудь; Грудь девочки-ребенка; Грудь молодой девушки; Грудь молодой супруги; Грудь матери: О болезнях грудей / Пер. с нем. д-ра А. Б. Головина. СПб., 1904. 145 с.

[4] Об авторе этого опуса историограф порнографии адвокат М. Хайд писал, имея в виду события конца XIX в.: «...основным поставщиком “жесткой” порнографии стал немец, называвший себя “доктор Роланд де Вильер” — настоящее его имя неизвестно, он жил в Кембридже, где и печатал свои довольно забавные книги. Полиция в конце концов добралась до него и после отчаянного сопротивления арестовала в тайнике под крышей дома. Он умер в тюрьме “от апоплексии”, не успев дать показаний» (*Хайд М.* История порнографии / Пер. с англ. М. Д. Жарницкого. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 185).

[5] Т. е. раскрашенными, иллюминованными красками.

Приложение 3

Н. П. Гиляров-Платонов

ПИСЬМО В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1872 г. <О ЦЕНЗУРНЫХ КАРАХ>

Из «Правительственного вестника» вычитал я, а потом получил и полицейское уведомление, что «Современным известиям» запрещена розничная продажа.[1]

Совершенно случайное обстоятельство довело мне до сведения,[2] что Московский цензурный комитет обратил неблагоприятное внимание на руководящую заметку в № 21-м.[3] Это дает мне предполагать, что, должно быть, здесь и причина запрещения.

Припоминаю и две предшествующие кары, которыми «Соврем<енные> известия» уже подвергались. Им дано было предостережение (1870 г.),[4] вызванное такою статьей, после которой редактор тотчас по ее напечатании получил благодарственные изъявления из публики, что разъяснение обрядов анафемы[5]

и омовения ног примирило их с Великим четвергом [6] и первым великопостным воскресеньем и что они не смущаясь пойдут теперь в церковь в эти дни: тогда как прежде уклонялись, будучи не в состоянии преодолеть некоторого отвращения. А после, как стало публике известно предостережение, я получал письма соболезнования не простого, как жертве произвола (что получает, без сомнения, каждый, более или менее, в подобных обстоятельствах), но соболезнования с грустью о том, что «предостережению подверглось именно то, за что следовало бы, по-видимому, ожидать благодарности от правительства».

Цензурную власть смутили тогда главным образом выражения в корреспонденции, на которую редактор отвечал; — выражения смущения, испытываемого благоговейным верующим, когда в апостоле Петре он узнает знакомого ректора семинарии или протоиерея [7] и т. п. Корреспондент только указывал чувства большинства. Ссылаюсь на состав самого Главного управления, если и он не скажет одного с корреспондентом. Эти недоумения ни для кого не были новостью; всякий прочитал у корреспондента только то, что вставало не раз в его собственной душе. Редактор напечатал эти выражения смущения, смущения, впрочем, которое не осуждало церкви, но лишь указывало потребность в законном пересмотре соблазнительных обрядов. Редактор напечатал это недоумение и это заявление потребности и успокоил недоумевавших положительным разъяснением и за это получил предостережение. Нужно ли подвергнуть каре всех богословов и запретить даже отеческие сочинения, [8] где при опровержении сообщаются самые возражения?

Вторая кара (запрещение розничной продажи в августе 1871 года) [9] последовала, сколько мне известно, за статью московского обывателя Урусова (№ 209), [10] мимоходом сказать — простолюдина, лично редактору известного глубоким благочестием, честнейшим направлением, безукоризненною жизнью и редким примером самовоспитания, что доказывает его язык, в котором редакция не нашла ни одного слова для поправки. [11] Урусов восстал против тех, которые даже при эпидемии, когда требовалось бы действительное общественное самоисправление и разумное вспомоществование страдающему и унывшему населению, бросают деньги на тщеславие под видом молебствий, ища «здоровенной глотки» протодиакона. [12]

«Здоровенная глотка» смутила цензурный надзор, как смутила и некоторых из публики, преимущественно духовных. [13] Этим показалось посягательство на доходы. Урусова-булочника смешали с Урусовым-адвокатом. [14] В обличении фарисейского отношения к религии, в скорби о посмеянии, которому она предается искателями «здоровенных глоток», в этом обличении и в этой скорби старались поискать оскорбления для религии. Цензура не обратила внимания на кавычки («—»), которыми отмечено было и выражение «здоровенная глотка», и выражение «бранится с апостолом», принадлежавшие — одно самим чтителям громогласных диаконов, другое — даже Митрополиту Филарету. [15]

Впрочем, смущение, которое наряду с цензурою испытано было некоторыми из духовенства, достаточно было разобрано в газете, в дальнейших №№, [16] и я не

знаю, что еще можно было возразить против «Современных известий» и в чем можно было бы их еще упрекнуть с правительственной точки зрения, после данных разъяснений. Я *каждому* возражению против себя даю место,[17] если оно имеет в виду дело, а не личности, не пересыпает из пустого в порожнее и не превышает размеров газеты. Это раз постановленное, твердое правило «Современных известий», от которого они еще не отступили ни разу. Но после двух возражений против статьи Урусова, на которые и были ответы (№№ 235-й и 236-й), новых уже не поступало. Читатели, очевидно, удовлетворились и успокоились. А воспитательный плод обозначился в следующем: редакция в начале сентября получила письмо, что в приходе Неопалимой Купины[18] храмовый праздник[19] отправили, *не нанимая* громогласного диакона и пр., и что прихожане остались очень довольны этим, доселе непривычным благообразием тишины служения. Письмо сохранилось у меня и в случае нужды может быть предъявлено.

Однако за статью против тщеславия религиозных парадов, ложно возбужденного и ложно направленного, служащего лишь к посмеянию над верою, за эту статью, сказавшуюся положительным воспитательным действием, документально доказанным, редакция подвергнута была каре, тяжесть которой измеряется не одною тысячью рублей. — Осмелюсь изъявить недоумение: что же найдено цензурою и в статье, вызвавшей эту, теперешнюю, свежую кару, которую мне еще предстоит перенести? Сказывают, что найден непозволительным известный анекдот о хохле и москале в статье, где говорится о русской политике.[20] Заметка редактора вызвана письмом ксендза, простирающего руки к русскому правительству, ищущего в нем, в русском правительстве, опоры против ультрамонтанства;[21] подоспели современные насмешки иностранных газет, что будто бы русская дипломатия заискивает перед папою, на которого перестали обращать внимание даже дома. «Современные известия» передают, что и к ним дошел слух, будто некоторые склоняются на возобновление конкордата и потому будто отказано Гиацинту читать лекции.[22] «Современные известия» ввиду расположения, обнаруживаемого польским духовенством, ищущим, напротив, почти отложиться от папы и притом стать прямо под крыло русского же правительства и действовать за него против папы и ультрамонтанства, «Современные известия» ввиду таких обнаружений находят сближение с папою прямо противоречащим собственной выгоде России. Желать величия и силы русскому правительству цензурою не воспрещается; скорбь о неблагоприятных толкованиях, раздающихся против России за границею, есть только логическое последствие этих желаний. Предупредить правительство о том, что по добросовестным соображениям является прямым ущербом для России, есть даже верноподданнический долг.

Что же возмутило цензурный глаз и что подвергло журнал каре? *Форма изложения.* Чтобы не бездействовать, цензура, за неимением чем упрекнуть содержание, принимает на себя опекунство над литературною формою и находит в журнальной статье непростительным отступление от идеалов, которыми измеряется изящество и приличие канцелярских бумаг.

Редактор «Современных известий», бывший сам некогда цензором [23] и членом Комиссии по пересмотру законов о печати, [24] полагал, что в рассмотрении каждого сочинения нужно смотреть прежде всего прямую цель, затем общий дух и взвешивать вероятное воспитательное действие на читателя. При безукоризненности и даже прямой благонамеренности общего взыскивать за частности и притом за литературную форму это есть или придирчивость, или (осмелюсь говорить это, потому что говорю не публике, а прямо власти) узкоглядость. Цель вне сомнения. Общая мысль: русская политика дает себя эксплуатировать пустым страхам. Это и не ново, исторически подтверждено, сто раз сказано и нимало никому не оскорбительно, потому что не только лично ни к кому не относится, но даже не относится ни к какому особенному периоду. Это общая историческая характеристика. Цензорский глаз не заметил очень существенного места в заметке: «Впрочем, может быть, и в этом сказывается свой мудрый закон истории». Читающему же газету постоянно, следящему за нею, должно быть притом известно, что эта прибавка поставлена не даром, а принадлежит к существенным воззрениям редакции, к тем воззрениям, которыми известная часть публики недовольна, находя, что «редактор обыкновенно все сводит к примирению».

В довершение говорилось о мере только еще предполагаемой, по слухам, где предостеречь с особенною силою тем позволительнее. Заметка даже спрашивает с сомнением: «Верить ли?» Не могу доселе представить себе сочетания мыслей, которым цензура приведена к отысканию чего-нибудь и кому-нибудь оскорбительного в общей характеристике, высказанной притом лишь в виде опасений и притом за меру, которой еще нет, которая будет ли, неизвестно, и о которой в статье выражается прямо желание, чтобы ее не было, и сомнение, чтоб могла быть. Не устоять бы против столь внимательной цензуры покойному Гоголю, жаловавшемуся, что нельзя сказать о коллежском асессоре, чтобы не приняли все коллежские асессоры на свой счет. [25] А в заметке «Современных известий» даже ровно ни о ком не было сказано и поистине никого не имелось в виду, кроме «мудрецов» так названных, [26] вообще лиц противоположного воззрения.

Надобно иметь больное или слишком досужее воображение, чтобы и в читателе, вместо легкой улыбки, возбуждаемой сопоставлением великана с бегущей кошкой и хохла с москалем, предположить усидчивое доискивание: а не разумеет ли кого тут редактор в частности? И предположить кроме того, что читатель, доискавшись, чего не было у автора, воспылает неблагонамеренными наклонностями и чувствами. Редактор не надеется такой чести от читателей и в читателях предполагает более простого и здравого к себе отношения и более внимания к общему смыслу своего служения. Он знает, что частности и мелочи в летучих листках, бросаемых через полчаса после прочтения, и читаются-то поверх строк, даже не в строках, не только что не под строками.

Общее правило юридическое: *dubia benignius interpretantur*. [27] Оно и по существу дела, и по Цензурному уставу должно сохранять силу и для произведений печати. «Современные известия», к несчастию, испытывают противное. Подозрительно настроенное внимание находит в них поводы к сомнениям, истолко-

вывает сомнительное в худшем смысле, на который не дают права ни весь четырехлетний опыт издания, ни образ мыслей редактора, известный Цензурному ведомству не по одним «Современным известиям».

Без суда не наказывают. Не предъявляю требования на непременность судебного разбирательства в пререканиях между наблюдателями над печатью и издателями. Но самое простое чувство справедливости подсказывает, что от обвиненного следует, по крайней мере, выслушать оправдание. В состязательном процессе судебное следствие по делам печати дает обеим сторонам равные права. В предостережениях, даваемых административною властью, указываются, по крайней мере, основания, почему министр нашел нужным прибегнуть к карательной мере. Запрещение розничной продажи даже не объявляет оснований ни публично, ни даже конфиденциально. С вещественным разорением оно оказывает и нравственное пренебрежение к издателю: власть как бы говорит общественному деятелю, что не считает его стоящим даже объяснений; как бы имеет намерение оставить его именно в неосмысленном страхе пред силою, которую как бы и должен он признавать темною, стихийною, не имеющею разумных оснований и не имеющею на это притязания. Осмелюсь высказать, что в такой обстановке кроется оскорбительное не только для печати, но и для самого правительства.

Цензурное управление есть тоже своего рода суд присяжных, суд по убеждению. Цензор есть своего рода прокурор. Самые священные основания справедливости требуют, чтобы выслушана была и обвиняемая сторона. Цензура не обладает даром непогрешимости. [28] Нельзя утверждать, чтобы простой логический смысл был развит во всех с достаточностию, тем менее — чтоб высота и обширность образования соответствовали у всех желаемым требованиям и чтобы общественный смысл и настроение были им всегда известнее, чем редакциям. Наконец, где ручательство, чтоб не было пристрастий, внушаемых темными и явными предрасположениями? От Главного управления, которое замещает собою присяжных в данном случае; от г. министра, который является здесь supremus arbiter, [29] верховным решителем этого третейского суда: от них будет зависеть во всяком случае приговор, но приговор, составленный по выслушании обеих сторон. Тогда, может быть, и пощадила бы судьба тех и то от неожиданной кары, в ком и в чем публика видит, напротив, право на благодарность за охранительную благонамеренность.

В заключение прошу Главное управление не поставить мне в новую вину мое прямое объяснение. Иначе выражаться не умею. А все сказанное внушено не личными только ощущениями (как ни тяжелы они мне по чрезвычайным ущербам, мне наносимым, притом мне кажется — несправедливо), но внушено соображениями общественного блага и желаниями нравственной силы самому правительству. Лучшим доказательством этому служит, что ни в первый, ни во второй, ни, наконец, в этот настоящий раз я не вступаю в объяснение с публикой о несправедливости невзгод, постигающих «Современные известия». Предшествовавшие строки доказывают, что сказать было бы что и было бы, за чем погнать-

ся, если бы популярность легкомыслия предпочитать долгу общественного служения. Многие ли из издателей устояли бы против этого искушения, об этом Главному управлению должно быть известно даже лучше, чем самому издателю «Современных известий».

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 456. Л. 12—21. Впервые опубл. с неточностями в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XLV—LI. Другой вариант, опубл. нами: *Разумевающие верой.* С. 83—95.

[1] Приведем текст этого «Распоряжения министра внутренних дел»: «На основании Высочайше утвержденного 14-го июня 1868 г. Положения Комитета министров и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, 28-го января 1872 г. министр внутренних дел признал необходимым воспретить розничную продажу номеров газеты “Современные известия”» (*ПВ.* 1872. 29 янв. № 24. С. 1). Гиляров получил такое взыскание уже во второй раз, и оно продолжалось без малого 9 месяцев.

[2] Очевидно, Гиляров неофициальным путем узнал подоплеку дела у цензора В. Я. Федорова, официально надзиравшего за «Современными известиями» от МЦК с самого рождения издания (1868) по 1872 г. В бытность Гилярова цензором тот служил секретарем МЦК (с 1858 по 1865 г.). Позднее, в августе 1893 г., кн. Н. В. Шаховской, составлявший «Материалы к биографии Н. П. Гилярова-Платонова» как подспорье для написания подробной биографии мыслителя, побеседовал с Федоровым и записал: «Вениамин Яковлеви<ч> Федоров — начальник Москов<ской> цензуры — отлично знал Н<икиту> П<етровича>. Был его товарищем по цензуре и цензор<ом> “С<овременных> изв<естий>”, — преклоняется перед его умом и восхищается им. Часто приходил<ось> у него сиживать и, конечно, не был молчал<ив> и поучался. — Когда И<ван> С<ергеевич> [начал свою издател<ьскую> деятельность] издав<ал> газе<ту> “День”, то ему неоднократно приходилось беседовать с Фед<оровым>, и между прочим о Гилярове. О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: “Посмотрите на это лицо — совсем славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутренности у него расцарапал”.

У Федорова есть записка Н<икиты> П<етровича>, и между прочим о спиритизме, кот<орым> Н<икита> П<етрович> очень увлекался одно время» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 43).

[3] На деле — за передовую статью, критикующую деятельность пореформенных судов (№ 16). Вероятно, московский цензор и сам не знал точной причины взыскания, но помнил, что представлял статью из № 21 в Главное управление по делам печати.

[4] 14 марта 1870 г. «Современные известия» получили первое предостережение за передовую статью Гилярова и помещенную им корреспонденцию из Нижнего Новгорода, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства (№ 60 за 1870 г.).

[5] Имеется в виду чин анафематствования лиц, виновных в тяжких прегрешениях перед Православной церковью, совершающийся в ходе службы Тожества Православия в первое воскресенье Великого поста.

[6] В Православной церкви этот обряд (чин умовения ног) совершается на Страстной неделе, в Великий четверг, архиереем, который омывает ноги двенадцати священникам или монахам в воспоминание омовения, исполненного Спасителем над апостолами пред

Тайной вечерей (Ин 13: 3—17). На Древнем Востоке это был обычай гостеприимства (см.: Быт 30: 18; 40: 30; 43: 24; Суд 19: 21).

[7] Т. е. настоятель городского собора. *Протоиерей* — священник (иерей) высшего чина (*греч.* πρoσoς — первый) из числа белого духовенства; то же, что и *протопоп* — устаревшее наименование, к концу XIX в. приобретшее иронически-пренебрежительный оттенок смысла.

[8] Сочинения Святых Отцов, святоотеческие.

[9] Это было первое запрещение розничной продажи для «Современных известий» (с 7 августа по 30 октября 1871 г.); оно последовало за публикацию упоминаемой статьи Урусова о холере в Москве и о мерах борьбы с нею (№ 209). «Распоряжение управляющего Министерством внутренних дел» гласило: «На основании Высочайше утвержденного в 14-й день <июля> 1868 года Положения Комитета министров и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, 27-го сего августа управляющий Министерством внутренних дел признал необходимым воспретить розничную продажу нумеров газеты “Современные известия”» (*ПВ*. 1871. 29 авг. № 206. С. 2).

[10] Приведем выписку из «Материалов...», составленных Шаховским: «Из бумаги *<М. Р.> Шидловского*, завед<ующего> Гл<авным> упр<авлением> по дел<ам> печ<ати> о ст<атье> *209* № —

“путем разных выходок можно постепенно развить в массе народа неуважение к форме и обрядам религии, тем более что наш простой народ при своей *неразвитости* держится преимущественно именно этой самой *внешности обрядов, о которых неприлично отзыв<ается> автор*”.

За отм<еченную> стат<ью> = воспрещение розничной продажи» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 34).

[11] Булочник Герасим Гаврилович Урусов (1843—1900) был известен Москве как публицист благодаря своим корреспонденциям на страницах «Современных известий». После кончины Гилярова Урусов дал покойному другу такую яркую характеристику: «Безнравственно веселящееся невежественное общество ему напоминало всегда пир во время чумы. Нравственности без Христова света он не признавал» (*СИ*. 1887. 20 окт. № 287. С. 2).

[12] *Протодиакон* — главный диакон епархии, состоявший при кафедральном соборе; так как его роль при священнослужении епископа весьма значительна, в протодьяконы посвящали обыкновенно лишь обладателей мощного сильного баса. Протодьяконами также назывались дьяконы из придворного духовенства, иногда этим саном наделяли в виде награды. Приведем соответствующий фрагмент статьи Г. Г. Урусова: «Вот где-нибудь у Сухаревой, у Калужских ворот, на Смоленском рынке, в Рогожской начинается сбор денег на устройство молебна. Молебен должен быть большой; духовенство, хоругви и образа приходов из пяти соединяются вместе. Приглашается хор певчих; нанимается (?) протодиакон (здоровенная глотка). <...> Молебен поглощает триста, четыреста рублей. <...> Может быть, в ту самую минуту, когда громогласный диакон, с налитыми кровью глазами и напряженными жилами на лбу, облитый потом, страшно исказив физиономию, “бранится с апостолом”, или при многолетии, когда певчие под председательством диакона производят штурм какой-то крепости, в ту самую минуту, может быть, повторяем, какая-нибудь сирота-девочка девяти лет или 80-летняя старушка, пережившая всех родных, умирает в темном углу подвала от голода и судорог, без священника (все заняты на молебне), без пищи и какой-либо помощи и отрады. <...> Еще мысль: много ли в Москве священников, которые по собственной инициативе, *бесплатно* помо-

лились, неразряженные и с нераздушенными прихожанами, в своем храме, тихо, просто, поискреннее об отвращении гнева Господня? Не слыхать что-то» (*СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2). Гиляров высоко оценил эту статью, считая, что ей бы «место было раздасться собственно с церковной кафедры»: «Действительно, потрясающее впечатление способна произвести эта художнически очерченная противоположность, где, с одной стороны, во всем блеске совершается спектакль под именем моления и, с другой, во всей силе продолжает царить — бездушность, алчность, копеечный расчет. <...> Сказать к слову, наша печать даже немного представляет произведений, нравоучительных и чисто проповеднических, в которых бы в такой гармонии сочетались верность мысли, глубина верующего чувства с осязаемостью изложения» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 26 августа // *СИ*. 1871. 27 авг. № 235. С. 1).

[13] Имеются в виду письма в редакцию «Современных известий» некоего В—ского и пребывавшего на покое в Москве еп. Никодима (Казанцева). Первый из них писал, что Г. Г. Урусов «употребил очень неделикатное выражение: “Протодиакон, здоровенная глотка”...» (Там же). Гиляров защищал своего автора: «Г. В—ский, может быть, не знает, но мы ему объясним, что эти вои, возносимые вместо возглашений, положительно воспрещены соборными правилами. А что публика, и в особенности купечество, делает себе из диаконских многолетий действительно потеху и, следовательно, посмеяние, это г. В—му и без наших объяснений, наверное, достаточно известно. Должен бы он понять также, что выражением “здоровенная глотка” автор клеймит не столько самих священнослужителей <...> он клеймит именно эти невежественные требования и кощунственные вкусы, заимствуя из их словаря наименование, которым они чествуют любимых диаконов. Напоминанием об этом прозвище он внушает с тем вместе косвенно и самим диаконам, до чего унизительно им заслуживать, из-за денег, такие аттестации, унижающие их сан и обращающие священные обряды в кощунство» (Там же. С. 2).

[14] Следует иметь в виду, что как раз в этот период талантливый адвокат, присяжный поверенный кн. Александр Иванович Урусов (1843—1900) оказался не у дел. Вскоре после Нечаевского дела (слушалось в С.-Петербургской судебной палате с 1 июля по 27 августа 1871 г.), на котором он особенно блистал и добился довольно мягких приговоров для привлеченных к делу, Урусов надолго прервал адвокатскую деятельность по не зависевшим от него обстоятельствам. Он должен был поселиться в Вендене (Лифляндской губ.), затем в Варшаве, потом в Петербурге; вернулся в адвокатуру только в 1881 г. Гиляров был знаком с Урусовым; в конце 1860-х гг. охотно помещал его судебные речи в своей газете, — см. два письма Гилярова к нему от 12 и 18 сентября 1868 г. (РГБ. Ф. 311. Карт. 15. № 34. Л. 2, 4), где он благодарит князя, предложившего вместо искажающего стенографирования напрямую передавать в редакцию тексты своих речей.

[15] Гиляров привел слова В—ского: «Далее: не нелепость ли есть, что “диакон бранится с апостолом”? Лучше бы было, если бы автор объяснил нам это. По-нашему, брань есть с сердцем произносимые оскорбительные слова; думаем, что этого не было. Хорошо понимаем, что такие фразы пущены были автором в виде остроты, посмешить и потешить публику; но, милостивый государь, искажать священные обряды и обращать их в смех есть “кощунство”» (*СИ*. 1871. 27 авг. № 235. С. 2). Гиляров возражал: «Наконец, если угодно знать г. В—му, то выражение “браниться с апостолом”, смутившее его, принадлежит даже не самому автору. Автор даже обвел их в ознаменование этого чужесловными знаками (“ ”). Не можем сказать, откуда их слышал г. Урусов, которого, при всем нашем полном к нему уважении, не имеем чести знать лично, но смеем уверить почтенного В—ского, что таким наименованием отмечал непомерные выкрикивания священ-

ного текста блаженной памяти митрополит Филарет. Это — его слово, его выражение, строгое и вместе меткое. “Что ты, бранишься, что ли, с апостолом?” Может быть, не одна “здоровенная глотка” слыхала от него это. Это значит: “ты кричишь, а не читаешь; возвышаешь голос далее того, сколько нужно для слышания предстоящим и сколько обычно бывает только при ссорах; ты выходишь из себя; ты забываешь благоговение, подобающее совершаемому действию и чтомому писанию; ты возбуждаешь смех, оскорбляешь молитвенное чувство, соблазняешь, а не поучаешь, кривляешься, а не молишься”. Вот, что сказывалось этим кратким, метким словом архипастыря, которого, конечно, не посмеет даже г. В—ский обвинить в кощунстве» (Там же.).

[16] Помимо письма В—ского, прокомментированного в № 235 от 27 августа 1871 г., Гиляров имеет в виду свои возражения против отклика еп. Никодима (Казанцева) в № 236 от 28 августа 1871 г., представлявшего собой 26 «вопросных пунктов», в том числе: «В нынешнем 1871 году был ли г. Урусов у святой исповеди и причащался ли Святым Тайнам? А если в сем году не был, то когда был в последний раз; у какого священника; в какой церкви?» (с. 1). Приведя «с стесненным сердцем» этот отклик, Гиляров, отвлекаясь от его «допросной формы», так говорит о сути претензий владыки: «По мнению преосвященного Никодима, “гласность напрасно распространяется на дела веры и Церкви”. Преосвященный не объясняет, каким образом он соглашает это свое мнение с заповедью и обетованием Спасителя о проповедании Евангелия всей вселенной» (с. 2). И далее: «...выходит именно: если г. Урусов не докажет, что он подавал милостыню, ходил в церковь, принимал к себе по праздникам духовенство, платил духовенству за требы, тогда он окажется “не засвидетельствовавшим своей веры и благочестия пред Богом и людьми, пред церковью православною, пред собственною совестью”. Даже — “пред совестью и пред Богом”? — Трудно верится. Но именно так выходит из прямых слов преосвященного. <...> Преосвященный усмотрел в размышлениях г. Урусова нападение на духовенство, которого не было, и покушение в особенности против доходов духовенства, которых г. Урусов не касался. <...> Не досмотрел преосвященный одного, впрочем, самого существенного: воззвания к вере и благочестию, которым дышат все размышления г. Урусова. <...> Г-ну ли Урусову, другому ли кому не прибавить ни на иоту прав, не уменьшить ни на волос обязанностей христианской любви, сольет ли он даже в тысячу пудов колокол или не даст ничего вещественного. Нравственные права не покупаются и христианские обязанности не продаются. Слово увещания ценится по внутренней истине и силе, а не по внешнему положению лица увещающего. Обращаться к другому с требованиями доказательств его милосердия есть даже оскорбление христианскому чувству нравственности» (Там же).

[17] В одной из передовых статей Гиляров писал о «правиле “Современных известий”»: «...всякое возражение против себя, лишь бы это не было простое ругательство или голые слова, печатаются в этом издании с своей полною готовностью» (*СИ*. 1872. 6 окт. № 275. С. 2).

[18] Церковь, освященная в честь иконы Божией Матери, называемой Неопалимая Купина (возведена в 1680 г., в 1707 г. перестроена в камне, разрушена в 1930 г.), находилась в центре Москвы в Хамовниках — в Неопалимовском переулке, расположенном между Смоленским бульваром и Плющихой. Главной святыней храма была чудотворная икона Неопалимой, перенесенная сюда из сеней Грановитой палаты Кремля.

[19] Празднование иконе Богородицы, называемой Неопалимая Купина, приходится на 4 (17) сентября. Этот день особо торжественно отмечался в указанном церковном приходе.

[20] Речь идет о передовой статье «Москва, 21 января», в которой Гиляров иронизировал по поводу подготовлявшегося дипломатией конкордата с Римской курией: «Пробегая недавно цифры учащихся на богословских факультетах в итальянских университетах, мы заметили красноречивые: в нескольких университетах 0, в других 1, кажется, ни в одном — более 3. Такова сила папства на собственной своей, исконной территории! И при этом-то заискивать пред папою и торжествовать победу заключением конкордата, когда сами католические державы разрывают конкордаты? — Хохла спрашивают: "Чему ты смеешься?" — "А как же, москаля обманул!" Москаль спрашивал, сколько галок он сосчитал пред собою и знает ли, что с каждой галки нужно платить по копейке. — "Пятьдесят", — отвечал хохол и выложил деньги. И торжествует: "А их насчитал я целых полтораста!"» (*СИ*. 1872. 22 янв. № 21. С. 2).

[21] Гиляров сообщал о публикуемом им письме ксендза, одобрявшего позицию газеты в вопросе осуждения целибата: «Нижеследующее письмо прислано нам одним из ксендзов Привислинского края, с просьбою не обнародовать имени автора: ему несдобровать, если высшее духовенство конгрессовой Польши доведается, что один из клевретов папского воинства осмеливается порицать макиавеллистическую систему ультрамонтанства и воззывать к устройству клира, более соответственному началам христианства, а вместе более соответственному и требованиям русского патриотизма <...> обидно подумать, что русская правительственная власть до того слаба в собственных владениях, что выражение доброжелательства к ней и протест против ее врагов должны накидывать на себя таинственность из опасения гонений, против которых нет защиты» (Там же).

[22] Гиляров об этом писал, не скрывая горькой иронии: «Верить ли? Знаменитый патер Гиацинт, как известно, изъявил желание принять православие. Но вместе с тем, как нам сказывали, он изъявил желание и сказать (в Петербурге) несколько бесед о причинах, побудивших его бросить не только ультрамонтантов, но разойтись и со старокатоликами. Говорят, что власти колеблются в своем согласии, если не прямо отказали. Почему так? А чтобы не раздражать папу. За папой нужно ухаживать теперь, — говорят мудрецы; нужно воспользоваться его стесненным положением, чтоб заключить наиболее уступчивый с его стороны — *конкордат*! Если бы мы не были уверены, что слух, нам сообщенный, имеет основание; если б не читали мы к тому же единодушные предвещания в иностранных газетах о предстоящем сближении России с папою (вместе с единодушными над этим и насмешками, прибавим мы): мы (и вероятно, с нами миллион русских людей) подумали бы, что подобные слухи выдуманы. <...> Само собою разумеется, желаем мы, чтоб слух оказался несправедливым и чтоб не теряли мы, что дается нам прямо в руки само собою. О. Гиацинт есть знаменитое имя; имея его, мы держим в руках полкатоличества, грозим ультрамонтанству; приказываем, а не повинуемся» (Там же). См. также: Отзывы журналов о письме патера Гиацинта // *СИ*. 1869. 20 сент. № 258. С. 3; Отец Гиацинт // *СИ*. 1869. 1 окт. № 269. С. 4; Письмо патера Гиацинта // *СИ*. 1869. 22 нояб. № 321. С. 3.

[23] Гиляров был определен цензором МЦК Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 23 мая 1856 г., а Высочайшим приказом по МНП от 11 августа 1862 г. уволен от этой должности.

[24] Гиляров, состоя чиновником особых поручений V класса при министре народного просвещения, 7 февраля 1863 г. был назначен в Комиссию по пересмотру проекта Устава о книгопечатании с дополнительным содержанием в 100 руб. в месяц; с 19 февраля по 18 мая принимал участие в заседаниях этой Комиссии в Петербурге, а 1 июня 1863 г.

в связи с преобразованием центрального управления МНП был уволен от службы, «с оставлением за штатом на общем основании».

[25] Имеется в виду фраза из 2-й главки повести «Нос»: «Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.>. <М.; Л.>: Изд-во АН СССР, 1938. Т. III. С. 53).

[26] См. цитату из статьи Гилярова в примеч. 22 к наст. письму.

[27] сомнительное истолковывается в благоприятном смысле (*лат.*)

[28] Тут можно усмотреть иронический намек на провозглашенный Римской церковью незадолго до этого письма, 18 июля 1870 г., догмат о *непогрешимости* папы с кафедры.

[29] верховным судьей (*лат.*) Вероятно, выражение из католического гимна «Hora novissima» («Самые поздние часы», XII в.), который, между прочим, цитирует А. С. Хомяков в своей брошюре «Еще несколько слов православного христианина о западных исповеданиях, по поводу различных религиозных изданий, латинских и протестантских, о предметах веры» (Leipzig, 1858), переведенной с французского именно Гиляровым для 2-го тома Собрания сочинений мыслителя (Прага, 1867). Ср.: «Ecce minaciter imminet Arbiter ille supremus...» («Се грозно грядет Судия верховный...»).

О. Л. Фетисенко

«...СКОЛЬКО РУССКИХ ЛИЦ ТАМ БЫЛО СПИСАНО ПОЧТИ С НАТУРЫ» (Утраченная романная эпопея К. Н. Леонтьева «Река времен» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого»)

Грандиозное историческое полотно Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого», тщательно и с любовью изданное теперь как *литературный памятник*,[1] несомненно, станет предметом многих и многих штудий, в том числе и как образец сложного синтетического жанра, вобравший в себя многие черты романной прозы. Возможно, появятся и сравнительно-исторические исследования, рассматривающие это произведение в самых широких и разнообразных контекстах. Одним из аспектов при этом могло бы стать сопоставление с образцами популярного во второй половине XIX в. жанра эпопеи и, конкретнее, семейной саги, в русской литературе намеченного С. Т. Аксаковым (напомним, что Гиляров откликнулся на появление его «Семейной хроники» обширной статьей). Почти одновременно с Аксаковым и, вероятно, не без ориентации на его «Детские годы...» и «хронику», но с мыслью о более широком историко-социальном фоне задумал свою семейную сагу современник (и, кстати, знакомый) Гилярова, Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891).

Это произведение (точнее: ряд произведений) не сохранилось, поэтому было бы несколько абсурдно в небольшой статье пытаться выстраивать какую-либо, хотя бы условную, модель для сопоставительного анализа. Цель работы — дать представление об этом замысле и его творческой истории и (как сверхзадача) обратить внимание исследователей творчества Гилярова на возможный «объект сравнения».

* * *

Мыслитель, публицист и писатель К. Н. Леонтьев до сих пор мало известен как беллетрист.[2] До второй половины 1870-х гг. дело обстояло иначе. Если его и знали, то преимущественно как автора повестей, напечатанных в «Русском вестнике» (на появление двух произведений откликались, между прочим, гиля-

---

[1] *Из пережитого. 2009.*

[2] Сейчас положение может исправиться, потому что собран и издан весь корпус сохранившихся художественных текстов, вошедший в первые пять томов академического Полного собрания сочинений и писем Леонтьева (СПб.: Владимир Даль, 2000 — издание продолжается). Примыкает к этой части издания том мемуарно-автобиографических произведений в двух книгах.

ровские «Современные известия»[3]). Самые же ранние произведения, некогда вышедшие в «Отечественных записках» (а один из романов — еще и отдельным изданием), были уже в 1860-е гг. основательно забыты. Но именно в то десятилетие Леонтьев и обратился к новому замыслу — романному циклу.

Своему замыслу Леонтьев дал название «Река времен», за которым стояла давняя культурная традиция, восходящая еще к Средним векам. Такое название носили исторические карты, наглядно изображающие картину развития человечества и отдельных народов и государств — с наиболее замечательными событиями и лицами различных эпох. Самый полный вариант («Река времен, или Эмблематическое изображение Всемирной истории от Сотворения мира по конец XVIII столетия»), неоднократно переиздававшийся в разных странах, был создан немецким историком Ф. Страссом в начале XIX в. В России эта именно «Река времен» была впервые переведена в 1805 г. А. Н. Варенцовым, существенно переработавшим и дополнившим ее содержание материалами российской истории. Первое русское издание вышло с посвящением Александру I, предназначалось оно для обучения великих князей и воспитанников привилегированных учебных заведений. Впоследствии «Река времен» получила более широкое распространение в русских образовательных учреждениях. Так, возможно, познакомилась с ней сначала Феодосия Петровна Леонтьева (ур. Карабанова; 1794—1871), учившаяся в петербургском Екатерининском институте, а потом и ее младший сын. С данной исторической картой связывают и последнее, предсмертное, стихотворение Г. Р. Державина, начинавшееся строкой: «Река времен в своем стремленьи...» (1816). Этот источник несомненно был известен Леонтьеву и поддержал выбор названия для эпического цикла.

Замысел романов, основанный на истории семьи писателя, возник еще во время работы над первым романом («Подлипки»), т. е. сразу после Крымской войны. «...Я думаю о “Реке времен” уже 10 лет тому назад...» — писал Леонтьев из Адрианополя своему молодому другу, секретарю российского посольства в Константинополе К. А. Губастову в сентябре 1867 г.[4] Это подтверждается еще одним свидетельством. Желая пользоваться подлинными семейными летописями, в 1857 г. (те же десять лет, если начинать «обратный отсчет» от 1867 г.) Леонтьев обратился к своей бабушке со стороны матери, Александре Епафродитовне Карабановой (ур. Станкевич) с просьбой прислать ее дневники. Та отвечала письмом, которое хочется привести целиком, так колоритен его слог:

Любезнейший Мой
Константин Николаевич

На письмо Ваше я долго Вам не отвечала, ибо уже так слаба, что не встаю с постели; по желанию Вашему хотела бы послать мои журналы, но с 12 по 17 год у меня

[3] См.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой трети XX в. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 188.

[4] Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 194. Далее сокращенно: *Сборник*.

уже их отняли мои знакомые писатели, а с 17 только по 28 год еще существует и тех мой милой друг не имею способа послать, ибо живу Христовым именем. Богатый мой внук Федор Коробанов[5] отложился от меня и даже по требованию правительства не дает мне положенного от отца содержания; вот мой милый мои обстоятельства и я уже ожидаю часы смерти сердечно Вас обнимаю любящая бабка

А. Коробанова

20 марта 1857 года.[6]

Тем не менее «журналы» за 1817—1828 гг. были посланы внуку. Леонтьев сохранил их, а после его смерти они оказались в архиве одного из его учеников, А. А. Александрова, который сделал беловую копию этих колоритных дневников, желая, по-видимому, опубликовать их в своем журнале «Русское обозрение», что, к сожалению, не успел сделать (издание было прекращено в 1898 г. после скандальной финансовой истории). Подлинник утрачен (по описанию нового владельца, рукопись Александры Епафродитовны составляла 953 страницы), копия представляет собой 364 листа большого формата, плотно исписанных мелким почерком Александрова).[7]

По просьбе сына в Кудинове в конце 1850-х — начале 1860-х гг. стала писать воспоминания и Ф. П. Леонтьева. Но бóльшая часть записок пропала в дороге вместе с отрезанными чемоданами. Об этом рассказано в ее письме к внучке М. В. Леонтьевой от 14 июня 1867 г.:

Ты спрашиваешь — «о моих записках или воспоминаниях» — все пропали! <...> Об записках моих я не очень жалею, и не ценю их очень. Конечно, я жила в значительные времена, и в самом лучшем или как говорится, в высоком кругу; но никогда не была политической женщиной как la C-sse de Genlis, la M-le de Créquis, la D-sse d'Abrantès. Их записки могут интересовать каждого, а мои никого. Сам Константин, по просьбе которого больше я начала писать, вероятно, отбившись, так сказать, от семейства и от родины, не может уже ими интересоваться. Жаль только потерянного времени; лучше бы было это время писать чулки; кому-нибудь пригодились бы (6_2, 521).

Сохранились и были опубликованы Леонтьевым в «Русском вестнике» записки Ф. П. Леонтьевой о событиях 1811—1812 гг.[8] Тетрадь «Мои воспомина-

[5] Федор Владимирович Карабанов (? — до 1881) — сын генерал-майора Владимира Петровича Карабанова (1797—1842) от его первой жены, Елизаветы Федоровны (ур. Тургенева; ?—1838), унаследовавший родовое имение, с. Спасское в Вяземском уезде Смоленской губернии, но промотавший его в годы Великих реформ и кончивший жизнь в лечебнице для душевнобольных.

[6] Цит. по: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 5. С. 778. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома (при необходимости — книги) и страницы. Сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника.

[7] РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. № 273а.

[8] *РВ*. 1883. Т. 167. Окт. С. 815—847; Т. 168. Дек. С. 878—902. 1884. Т. 169. Февр. С. 670—721.

ния» была использована Леонтьевым для написания обстоятельного очерка «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» (1883—1885). Большую ценность представляют еще не изданные автобиографические повести Ф. П. Леонтьевой «Марфочка» и «Процесс».

Важное признание Леонтьева находим во вступлении к «Рассказу моей матери...»:

> ...я — тогда (т. е. в 50-х годах) 20-тилетний студент медицины, читавший в часы досуга Белинского, Герцена, Жорж-Санда, — уже чувствовал себя в силах относиться почти исторически, полу-сочувственно, полу-снисходительно, полу-надменно не только к тем, мне казалось, уже далеким преданиям времен, когда мать моя отроковицей ходила по коридорам закрытого училища, на берегу Фонтанки, но даже ко многознаменательному пятилетию, от 26 года до 31-го, от кончины Императора Александра I в Таганроге до Адрианопольского мира и до первого усмирения Польши (6_1, 552—553).

Здесь переданы чувства по-либеральному еще настроенного в начале 1850-х гг. Леонтьева. К концу десятилетия в нем постепенно подготавливается перелом, к которому окончательно подтолкнет близкое соприкосновение с демократизированной петербургской литературной средой в начале эпохи Великих реформ, породившее желание быть как можно меньше подобным этой среде. Теперь уже на давнее и недавнее (включая только что отошедшую «николаевскую эпоху») Леонтьев смотрит отнюдь не «полу-снисходительно, полу-надменно», но все с большим и большим сочувствием и «вживанием». Отсюда и обращение к исторической романистике. Тогда же был сделан и решающий жизненный шаг — Леонтьев в 1863 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел и уже в конце года отправился на Крит. В Турецкой империи он провел целое десятилетие, переводимый с места на место.

Обдумывание романного цикла длилось почти десять лет, а сама работа началась параллельно с окончанием повести «Ай-бурун» («Исповедь мужа»), в Адрианополе. 1866 год — год Австро-прусской войны и начала Критского восстания, время первого самостоятельного управления консульством (в связи с отъездом консула М. И. Золотарева) — в леонтьевской «хронологии»[9] обозначен двумя произведениями: «“*Ай-Бурун*”. “*Река времен*”» (6_2, 31).

Сформировался план цикла. Он изложен в письме Леонтьева к Губастову от 29 сентября 1867 г.:

> ...план и подробности его совсем уже созрели.
>
> 1-я часть (1812—1830 г.) будет зваться «Заря и Полдень». Героиня мать Андрея и Дмитрия Львовых.
>
> 2-я часть (1848—1853 г.) «Записки Херувима». Герой (Херувим) Андрей Львов юношею.
>
> 3-я часть (1853—1857) «Мужская Женщина». Герой совершенно особое лицо. Некоторые из лиц 1-й и 2-й части будут являться здесь на втором плане, в том числе Андрей Львов военным доктором.

---

9 Автобиографическая записка «Хронология моей жизни» (1883).

Часть 4-я «В Дороге». — Герой Консул русский (1859—1862).
Часть 5-я «От осени до осени», герой третий брат Львовых Николай.
Часть 6-я «Глинский». (1861—1865 г.).[10]

Возможно, с первым романом цикла связан составленный Леонтьевым список, левый столбец которого составляют «фамилии вымышленные», а правый — «настоящие». Тот же ряд имен мы встретим в воспоминаниях Ф. П. Леонтьевой, опубликованных ее сыном. Она, судя по сохранившимся в Государственном литературном музее автографам, писала фамилии сокращенно, и Леонтьев мог составить список во время подготовки воспоминаний к публикации. Но тем же самым материалом он пользовался и работая над автобиографическими романами. Здесь и Кутузов, и великий князь Константин Павлович, и граф Д. И. Хвостов, и семья Хитрово, и Станкевичи, и кн. Ухтомские, и Энгельгардты, и Васильчиковы (см.: 5, 579—580).

Андрей Львов — это сам Леонтьев. Дмитрий — его брат Владимир (1818—1873), отец племянницы Маши, либеральный публицист, сотрудник «Современного слова» и «Голоса». Затем — это чрезвычайно интересно — автобиографический прообраз расслаивается на несколько героев (жизненных ипостасей Леонтьева на это хватает). Ведь «русский консул» — это, вероятно, тоже он,[11] как и таинственное «особое лицо» в романе «Мужская женщина», появляющееся параллельно с тем же Андреем Львовым в роли эпизодического персонажа. Подтвердить это можно ссылкой на позднейшее незавершенное произведение — роман «Подруги» (1890). Его герой, дипломат Александр Матвеев, в детстве появлялся «в дамской шляпке и газовом шарфе с зонтиком в руке» и говорил о себе: «Я “мужская женщина”!» (5, 510). Все это, несомненно, автобиографические детали.

Что же касается «русского консула», то он (только в другую эпоху «своей» и «авторской» жизни) будет сделан главным героем романа «Пессимист» (1878—1879), начатого в период, когда автору вновь захотелось писать «из русской жизни» (5, 906). Здесь это дипломат в отставке, удалившийся в свое именьице, Владимир Львов (ср. с Владимиром Ладневым из «Подлипок» и «Египетского голубя»[12]). От фамилии «Львов» Леонтьев не может отказаться, потому что в ней зашифрована его собственная, образованная также от «льва» (leon).

Наконец, Николай Львов (в романе «От осени до осени») совмещает в себе детали характера и биографий двух братьев — Бориса (1817—?) и Александра (1819—?) Леонтьевых.[13]

---

[10] *Сборник.* С. 194—195.

[11] Хотя время действия в романе заставляет предположить существование еще одного прототипа — консула Н. Д. Ступина (ок. 1819—1866), как раз в обозначенный период служившего в Адрианополе и оставившего по себе дошедшие и до Леонтьева яркие предания.

[12] В «Египетском голубе» Ладнев тоже консул в Адрианополе.

[13] Об А. Н. Леонтьеве см. в записках «Моя литературная судьба» (1875; 6_1).

В том же сентябрьском письме к Губастову находим и сообщение о том, на какой стадии находится работа:

> «В Дороге» за исключением двух, трех вставок, кончен весь и секретарь мой его уже переписывает. «Глинский» отдыхал около месяца в ящике; после отправки «От осени до осени» я возьмусь за него; в нем написано почти все, но многим я не доволен и хочу переменить. Сам роман будет называться не «Глинский», а «Два Полковника» (гусарский Вейслинген и артиллерийский, публицист Дмитрий Львов). <...> ...план и подробности его совсем уже созрели. [14]

Не исключено, что к этому времени первые три романа существовали хотя бы в набросках.

Сохранилось письмо еще одного сослуживца Леонтьева, болгарина Найдена Герова, [15] русского вице-консула в Филиппополе, относящееся еще к периоду службы писателя в Адрианополе, — оно датировано 4 апреля 1866 г. Можно предположить, что произведение, о котором в нем идет речь, это первая редакция романа «В дороге»:

> Возвращаю Вам при сем Ваш роман, который Вы имели доброту послать ко мне на прочтение и который я прочитал с большим удовольствием. <...> ...ограничусь теперь тою мыслию Вашего сочинения, которая больше всего заинтересовала меня. Мысль обратить внимание русских на Болгарию мне очень понравилась, но в Вашем романе, кажется мне, недостаточно развита. Вы прекрасно сделаете, если будете продолжать развивать ее. Сначала, может быть, она встретит мало сочувствия, но, по пословице, капля по капле и камень пробивает (5, 779).

О романе «Глинский» Леонтьев писал Губастову 23 апреля 1868 г.:

> Он давно уже почти кончен — две, три поправки и если оторвать его от «Реки времен» — можно сейчас в печать, но корни его так далеки и я боюсь его печатать, пока все не будет кончено. Однако быть может обстоятельства вынудят. [16]

Летом 1868 г. Леонтьев отправил в Петербург рукопись «Глинского», о чем сообщал тому же корреспонденту 26 июня. [17] Вероятно, в это же время возникает замысел еще одного романа — «Последнее звено».

В октябре 1868 г. Леонтьев приехал в отпуск в Петербург. Одним из важнейших планов было — «пристроить» новые большие произведения. «Куда и *за сколько* отдали Ваши романы?» (5, 780) — спрашивал его Губастов 24 ноября и вскоре получил письмо, написанное 15 ноября, в котором Леонтьев говорил о своем трудном материальном положении:

---

[14] *Сборник*. С. 194. 12 декабря 1867 г. Губастов отвечал: «Вы мне позволите сказать Вам мое мнение насчет заглавия некоторых частей “Реки времен”? Мне кажется, что названия II-й и III-й части придуманы не совсем удачно, главное — они бьют ужасно на эффект. Я бы тоже не переменил “Глинский” на “Два полковника”!» (5, 779).

[15] Найден Герович Геров (1823—1900) — педагог, поэт, филолог. Вице-консульский пост в Филиппополе (Пловдиве) он занимал в 1857—1876 гг.

[16] *Сборник*. С. 199.

[17] Там же. С. 202.

...если не устроюсь выгодно с редакциею нового журнала «Заря» — так просто беги с этого света.[18]

«Почвеннический» журнал «Заря» начал выходить с января 1869 г. Обратиться именно туда для Леонтьева было тем естественнее, что редактора «Зари», Н. Н. Страхова, он знавал еще в пору издания журнала братьев Достоевских «Время». Другим «экспертом» стал П. В. Анненков, с которым Леонтьев через брата Владимира также был знаком с начала 1860-х гг.[19] В записках «Янина» (1883) М. В. Леонтьева рассказывала:

Во время своего трехмесячного отпуска в зиму 68—69 годов он читал в Петербурге гг. Анненкову и Страхову отрывки, и отрывки очень большие, из ряда нескольких больших романов разного названия — соединенных под общим названием *Река времен*, которые должны были бы составить род эпопеи из русской жизни от времени Александра Благословенного до начала царствования Александра II-го. <...> ...он хотел доказать этим рядом романов, что русская жизнь гораздо богаче, чем можно было видеть из ее литературы до той поры; но совершенная отделка их им была оставлена в то время. <...> С любовью он вызывал на бумагу своим талантом два прошлых великих царствования с милыми и немилыми образами как близких ему, так и чуждых людей... (6_2, 88).

В позднейшем варианте воспоминаний М. В. Леонтьева также упомянула о чтении романов в Петербурге:

В эту зиму (68—69 г.) он читал *Реку времен* (хотя и не все романы, составлявшие ее, были окончены; много было недоделанного) Страхову и Анненкову; вещь эта была вполне оценена Страховым; об отзыве Анненкова — ничего не могу сказать — не помню его (6_2, 94).

Речь шла прежде всего о романах «В дороге», «Глинский» и «Последнее звено». Первый из них Леонтьев в декабре с успехом читал в доме издателя «Зари» В. В. Кашпирева. Однако редакцию несколько смутили условия, поставленные им (см.: 5, 781—782).

В январе 1869 г. Леонтьев съездил в Москву, встретился с М. Н. Катковым, предложил ему для «Русского вестника» один из романов цикла и получил 800 руб. аванса, за что пришлось потом расплачиваться «восточными повестями» (см.: 6_2, 355).

Пробудь Леонтьев подольше в России, дела бы устроились, но внезапно он получил новое назначение. Пришлось забирать рукописи назад и отправляться в путь. Перед самым отъездом Леонтьев написал Страхову, который уже успел прочитать первую часть «Глинского»:

---

[18] Там же. С. 205. «Почвеннический» журнал «Заря» начал выходить с января 1869 г.

[19] 4 или 5 января 1869 г. Леонтьев писал П. В. Анненкову: «Когда бы мне у Вас быть для прочтения моего романа, который я не хотел бы печатать без Ваших замечаний. — Вы знаете, как я ими дорожу» (5, 782). Прочитанная Анненковым первая часть романа «В дороге» заинтересовала его «в высокой степени» (Там же, 783).

Я еду в четверг и вечером во вторник или в среду приеду с Вами еще проститься и посоветоваться; я все еще не понял, *чего Вы от меня критически хотите*, — я все боюсь, что Вы слишком думаете о *читателях*. — Я нахожу, что для них не стоит делать *ничего*. — *Пусть учатся* (6_2, 783—784).

2 февраля Страхов отвечал:

Увы, Константин Николаевич, Кашпирев говорит, что после всех затрат, он уже не может больше ничего давать вперед.

Я дочитал 1-ю часть Глинского и препровождаю Вам ее при сей второй оказии. Скажу Вам все то же.

Искусство есть некоторый *обман*, умение производить иллюзию. Об этом обмане сказано

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман. [20]

И нам нельзя не думать о читателях; нужно употреблять все старания, чтобы обмануть их как можно незаметнее; для этого в каждой картине, которую Вы им представляете, все должно быть ясно и отчетливо.

Впрочем, авось еще удастся поговорить с Вами. В эту минуту я занят по горло: 2-я книжка выходит (Там же, 784).

М. В. Леонтьева вспоминала:

Хотя и ему не хотелось уезжать так скоро, но он очень был весел и доволен результатами своего пребывания в России относительно литературы. — Ему хотелось скорее приняться за окончание *Реки времен*; в Петербурге же писать было немыслимо; все-таки очень суетно было.

Но и в Янине весной «романы очень мало подвинулись, ибо много было забот и хлопот по устройству нового дома и всего порядка жизни», да и летом Леонтьев «не дотрогивался до русских романов» (Там же). [21] Нет сведений и о следующих двух годах. С «Зарей» отношения были разорваны из-за отказа публиковать статью «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» и долгих промедлений с напечатанием статьи «Грамотность и народность». Для «Русского вестника» между тем по-прежнему писались «восточные повести». Тем не менее, к лету 1871 г. было написано пять романов (вероятно, на разной стадии отделки и завершенности).

А затем на даче под Салониками Леонтьев переживает смертельную болезнь, чудесное исцеление и христианское «обращение», после чего 25 июля 1871 г. уезжает на Афон. В августе, приехав ненадолго с Афона, он сжигает «Реку времен». По свидетельству М. В. Леонтьевой, гостившей тогда у дяди, это произошло совершенно неожиданно для нее.

Здоровье его было плохо и более всего оттого, что упорная лихорадка южная расшатала его организм. — Литературой он заниматься, конечно, в таком состоя-

[20] Цитируется стихотворение Пушкина «Герой» (1830).

[21] Ср.: «Здесь, в Янине, он, к сожалению, оставил совсем эти романы...» (6_2, 88).

нии не мог. При этом он ничего не высказывал против своих прежних сочинений, т. е. про *Реку времен*; эти несколько романов лежали у него в особом чемоданчике, к<ото>рый был у меня на хранении во время его отъезда на Афон. — По приезде своем он опять его взял в свой кабинет. — Более недели К<онстантин> Н<иколаеви>ч все искал какой-то очень важный документ;[22] искала и я его; но теперь не помню какой именно. — Вздумал К. Н—ч взглянуть в этот чемоданчик, поискать между рукописями. — Неожиданно для себя он его находит между ними, и почему-то в это же мгновение К. Н—ч все рукописи бросил в камин и зажег их. — Позвал меня он, когда рукописи уже горели, а он объявил мне свою радость, что документ нашелся между ними. — Был конец августа (6_2, 110).[23]

У этого поступка была не только духовная (желание полного «отречения»[24]), но и эстетическая причина. В исповедальном письме Вс. С. Соловьеву от 18 июня 1879 г. Леонтьев рассказывал:

Я вознесся в своем уединении до того, что мнил положить конец — *Гоголевскому влиянию*, которое я признаю *во всех*, исключая пожалуй Толстого, который по крайней мере давно уже борется против гоголевщины — отрицанья, комизма и т. п. в самом *содержании* своем. <…> …я мечтал в гордости моей, в моем уединенном самолюбии, что я *призван* — обновить и *форму*… Напомнить *простые* и *краткие* приемы <…> «Капитанской дочки», «Наташи» Соллогуба; «Валерии» Г-жи Крюднер,[25] «Вертера», «Гоффмана»… Выбросить все эти *разговоры*, все эти *хихиканья* и т. п. … <…> Вот каковы были мои мечты, мои цели, мои безгласные и надменные надежды в Турции… Я *сжег* там отчасти от гордости, отчасти от тоски 8-летний труд мой, который должен был обнять жизнь русского среднего и отчасти высшего дворянства, за полвека, от 10-го — 12-го года — до первых 60-х годов. — Эта *эпопея* задумана была почти так же как романы Бальзака и Эмиля Зола — в *связи*. — Написано было уже 3 романа сполна, а другие начаты. — Всех должно было быть 6 или 7 и все *большие*. — И все я хотел непременно *разом* издать. — Сколько русских *лиц* там было списано почти с натуры, лиц мне извест-

---

[22] Выше говорится, что ради этого документа, который был как-то связан с Афоном, Леонтьев и вернулся в Салоники (см.: 6_2, 109).

[23] Об этом же событии М. В. Леонтьева вспоминала в письме к о. И. Фуделю от 20 октября 1912 г.: «В этот же приезд свой он сжег пять романов — *Реку времен*. — Я совершенно была вне себя от этого» (7_2, 581). По-видимому, со слов М. В. Леонтьевой описал этот эпизод А. М. Коноплянцев (*Сборник*. С. 77).

[24] Ср. в письме к Страхову от 16 июля 1875 г.: «По-настоящему мне бы не следовало более писать для печати, не по бессилию, не по усталости, не по недостатку содержания, а из отречения, из борьбы, и из самобичевания за прежние слишком сладострастные оттенки и цинизм моих повестей и романов из Русской жизни…

Под влиянием подобного чувства — я в 71 году перед отъездом на Афон сжег 5 частей *Реки Времен*, которую Вы знали… и думал, что кроме духовных и пожалуй политических статей (да разве одной большой повести — в которой я бы представил историю моего *обращения*) — уже не буду ничего писать…» (5, 785).

[25] Речь идет о романе «Valérie» (1803) жившей в России (1764—1784 и с 1818 г.) немецкой писательницы баронессы В. Ю. фон Крюденер (ур. Фитингоф; 1764—1824).

> ных, близких, оригинальных, сильных, разнообразных, собирал матерьялы, мать моя трудилась, писала для меня свои Записки несколько лет... Я все не спешил печатать — я хотел, вообразите — всех и все сразить сразу... Года проходили; — я, между тем храня этот запас в столе моем, хотел попробовать себя на этих «акварелях, на этих фарфоровых чашечках» Хризо, Пембе [26] — и т. д. ... *Никто не сказал ни слова.* — Видите, вся бы моя деятельность, может быть, сложилась бы иначе, если бы в то время лет 10—12 тому назад критика сказала бы мне: «Мы понимаем Вас; мы знаем, чего Вы хотите! — Вы ненавидите реализм и содержания и формы. — Мы рады, мы благодарны Вам за ваши усилия и попытки, *но*... Вы не справитесь *с веком*; платите ему дань... Пишите яснее, грубее, подробнее <...>». — Пусть бы печатно критика сказала бы мне тогда то, что по возвращении моем в Россию сказал мне Ф. Н. Берг: «Я согласен, что в *коляске лучше, чем в вагоне*, но попробуйте ездить в коляске, когда все другие ездят в вагонах. — Что будет с вами?» <...>
>
> Пусть бы мне хоть один человек, напр<имер> хоть бы Страхов, лет 10 тому назад это сказал бы печатно... <...> Но все молчали, как дураки тогда — и никому и в голову не пришло подумать, что это *человек затевает*, что он думает, о чем мечтает...
>
> Это молчание не смирило меня и только усилило мою гордость, мое самолюбие, хотя и погрузило меня постепенно в неисцелимую тоску... <...>
>
> В глубоком одиночестве моем — я в припадке тоски *сжег* большой мой труд из русской жизни и вернуться к нему уже не могу (5, 785—787).

Характерно, что о «Реке времен» Леонтьев даже не упомянул в автобиографической записке «Где разыскать мои сочинения после моей смерти» (1883).

Единственный сохранившийся роман из цикла «Река времен» — «От осени до осени».

> ...Хоть эта вещь далеко не обработанная, — но все же оконченная; — писала М. В. Леонтьева о. И. Фуделю 6 января 1912 г., отправляя ему только что выполненную копию романа, — притом, дядя почему-то ее очень любил, ибо 2 раза жег и 2 раза вновь писал (5, 776).

Первый раз «жег» этот роман Леонтьев еще в 1865 г. 29 сентября 1867 г. он писал Губастову из Тульчи:

> В полторы недели начал и почти уже кончил особый роман «От осени до осени» (5 часть «Реки времен», между «Глинским» и «В Дороге»). На днях отправляю его к племяннице, чтобы она его переписала к моему приезду в Петербург. Он был уже готов 2 года тому назад, но тогда я его сжег. [27]

О времени второго уничтожения рукописи сведений нет. Если это произошло до августа 1871 г., то, следовательно, сохранившийся автограф чудом уцелел, не попавшись на глаза автору. Если это не так, то, значит, текст романа был восстановлен уже после салоникского жеста самоотречения, что менее вероятно.

---

[26] «Восточные повести» Леонтьева (1867—1869).

[27] *Сборник*. С. 194.

Насыщенность этого текста автобиографическими деталями позволяет предположить, что такого же принципа придерживался Леонтьев и в утраченных романах. Место действия романа «От осени до осени» — сельцо Куреево (это же название Леонтьев перенесет и в роман «Подруги», а впервые оно использовалось еще в романе «В своем краю»), за которым угадывается мещовское имение Кудиново.[28] Марья Павловна Львова — несомненный портрет Ф. П. Леонтьевой. В некоторых случаях Леонтьев даже сохранил реальные имена: Катерина Борисовна (тетушка Е. Б. Леонтьева; 1787—?), няня Матрена. Николай, как мы уже упомянули, это Борис Николаевич Леонтьев с некоторыми деталями биографии брата Александра Николаевича; Дмитрий Львов — Владимир Николаевич; его дочь Катя — Мария Владимировна, а «сухо-богомольная жена» — Мария Николаевна Леонтьева (урожденная Шредер, сестра известного скульптора); Алексей (Александр) Львов — Александр Николаевич (в романе сначала названы два брата, и тот, что похож на Александра Леонтьева, так и назван Александром, в последних главах его зовут Алексей, имя же Александр исчезает из повествования); Лидия — Александра Николаевна (в замужестве Гемельман; 1822—?); и наконец, Андрей Львов — это сам Константин Николаевич, во время Крымской войны — «молодой военный лекарь» (5, 36), а его «добрая, но ветреная и необразованная жена» имеет прообразом Лизу Политову (Е. П. Леонтьеву; 1842?—1918).[29]

Роман не принадлежит к лучшим произведениям Леонтьева-беллетриста. С точки зрения «историко-бытописательной», произведение интересно как эпизод из тревожного для русского дворянства времени подготовки крестьянской реформы. Для общей же картины творчества Леонтьева гораздо важнее автобиографические и автопсихологические мотивы этого произведения, вроде любовной линии дяди и племянницы. Надо признать, что это, действительно, «вещь далеко не обработанная». Не случайно Страхову и Анненкову давались на прочтение другие части эпопеи.

О мастерстве Леонтьева-«историка» (автора, передающего одной деталью «стиль и веяние» времени) можно судить по его мемуарно-автобиографическим произведениям и, конечно, по историческим сценам в его эпических произведениях (рассказ о взятии Адрианополя войсками Дибича в романе «Одиссей Полихрониадес», мимолетные, но яркие «напоминания» о Греческом восстании 1821 г. в «восточных повестях»). Зная подобные примеры, можно лишь гадать о том, что ждало читателя в «Реке времен» и что, соответственно, могло бы привлечь внимание автора «Из пережитого».

---

[28] Но и романный топоним не выдуман писателем: по соседству с Кудиновым было село Куреево, которым владели Н. и М. Языковы.

[29] См. о ней: 6_2, 298—300.

И. В. Ясюкевич

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ДУХОВНОГО ПЕНИЯ В ПОНИМАНИИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА

В некоторых своих работах Н. П. Гиляров-Платонов обращается к такой области искусства, как церковное пение. Философ понимает и высоко оценивает его роль:

> Русское церковное пение, равно как и русское пение вообще, есть еще неизвестный в музыкальной науке, своебычный, оригинальный факт, еще доселе не исследованный вполне. Можно сказать, что край завесы только приподнят, проблема только поставлена такими умами и талантами, как покойные князь Одоевский и М. Глинка, оба решившие, что ключа к русской народной музыке следует искать, между прочим, в музыке церковной, и оба веровавшие, что с открытием законов русской музыки настанет новая эра и для музыки вообще.[1]

Основы теории и истории русской церковной музыки действительно были разработаны кн. В. Ф. Одоевским и прот. Д. В. Разумовским.[2] Позже к ним примкнул целый ряд исследователей: Ю. К. Арнольд, И. И. Вознесенский, С. В. Смоленский, свящ. В. М. Металлов, И. В. Преображенский и другие. Нам же представляется интересным выяснить особенности русского духовного пения в понимании Гилярова.

В своих статьях о церковном пении он, несомненно, опирался на исследования и замечания кн. В. Ф. Одоевского. Тот разрабатывал музыку как науку.[3] Он обратил внимание на систему средневековых церковных ладов и отметил их сходство с древними церковными мелодиями и народными песнями.[4] Вот о большом значении народного песенного творчества и пишет Гиляров:

> Обычное церковное пение есть произведение народного гения; с записыванием народных церковных напевов и должно было случиться <то>, что продолжает<ся> с другим видом народного песнетворчества, т. е. с песнями: правильно записанной русской песни нет, и мужик поет и несомненно вернее, нежели записал, пусть с его же голоса, ученый композитор.[5]

Русский философ очерчивает свой круг проблем, которые волнуют его как публициста:

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Церковное пение // *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 148.

[2] *Разумовский Д., прот.* Церковное пение в России: (Опыт ист.-техн. изложения): Из уроков, чит. в Консерватории при Моск. муз. о-ве. М., 1867—1869. Вып. I—III.

[3] *Преображенский А. В.* Культовая музыка в России. Л.: Academia, 1924. С. 38.

[4] *Одоевский В. Ф., кн.* К вопросу о древнерусском песнопении // День. 1864. 28 апр. № 17. С. 6—9. Подп.: *К. В. О.*

[5] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 290—291.

Но само церковное пение сохранило ли свою чистоту? Верно ли оно своим музыкальным законам? Не уклонилось ли оно от своего характера и назначения? Тысячу раз *да*. Если народ забывает свою песню, по крайней мере, он не искажает ее строя. Церковное же пение, хотя хранит в обиходе неприкосновенный, или, по крайней мере, мало тронутый запас действительных церковных мелодий, на практике совершенно распростилось с ними и, в особенности, с их строем. Трудно решить, что дальше отошло, русские ли романсы от русской песни, или новейшие церковные композиции от подлинно церковных песнопений. Да, наконец, не решен вопрос даже о том: откуда наше церковное пение? Наше ли оно или унаследованное от чужого народа, то есть греков? [6]

Почему же возник в XIX в. столь важный вопрос о «чистоте церковных напевов»? Это объясняется историческими условиями и, в частности, большим влиянием западноевропейской музыки, по большей мере итальянской, на русскую духовную музыку.

Первый историк русского церковного пения прот. Д. В. Разумовский на основании древних рукописей выделил три вида певческих текстов, а вместе с тем и три периода: первый — с XI по XIV в., второй — с XV по XVII в., и третий — с середины XVII в. Третий период был особенно противоречивым, потому что в это время происходит важное событие в области пения: замена «крюковой» системы «линейной». Дело в том, что простая крюковая система к XVII в. настолько усложнилась, что приводила в недоумение не только переписчиков, но и профессиональных певцов.

С другой стороны, с XVII в. усиливается влияние западноевропейской музыки. В Московском государстве наступал период больших перемен в общественной и культурной жизни, и в искусство стали проникать новые формы. Сначала духовное пение испытывает влияние польской музыки, пусть мягко, опосредованно, через Украину, но испытывает. Южнорусская Церковь, защищая Православие от католического влияния, вынуждена была бороться равносильным оружием. При монастырях учреждают профессиональные школы и певческие хоры. Стройное, торжественное, благоговейное пение братских хоров должно было противостоять сладким звукам католических органов. Отсюда многоголосное, как говорили, партесное пение (то есть пение по партиям) быстро вводится в богослужебную практику и утверждается в южнорусской Церкви. [7]

С XVIII в. русская духовная музыка поддается итальянскому влиянию. Так, императрица Анна Иоанновна в 1735 г. пригласила в качестве придворного капельмейстера известного композитора-итальянца Франческо Арайя, который на протяжении 25 лет руководил придворной музыкой и пением. Его сменили опять же итальянцы: Б. Галуппи (с 1764 г.), затем Дж. Сарти (до 1801 г.).

Блестяще даровитые и отлично ученые итальянцы увлекли всех своими произведениями, вполне новыми тогда в наших храмах, эффектно-звучными, чувстви-

[6] Там же. С. 148—149.

[7] См.: *Металлов В., прот.* Очерк истории православного церковного пения в России. 4-е изд., испр. и доп. М., 1915.

тельно-мелодичными, изложенными во всей силе тогдашнего мастерства писать для голоса,[8] — указывал С. В. Смоленский.

Церковному пению в России пришлось испытать от итальянцев столь сильное влияние, что даже теперь, почти через 200 лет, приходится серьезно считаться с сочувствием этому чуждому нам пению, утвержденному у нас своими же русскими людьми. Тогда же дело доходило до курьезов. Прот. Д. В. Разумовский приводит такой пример:

> Развязность композиторов дошла до того, что мелодиями для церковных православных песнопений стали служить оперные арии. Так, ария жреца из оперы «Весталка» была приложена к священным словам «Тебе поем, Тебе благословим», а «Херувимская» выкрикивалась из оперы Вебера «Волшебный стрелок».

Разумовскому вторят кн. В. Ф. Одоевский и А. И. Пузыревский.

> В то время услышать в церкви какой-нибудь слащавый романс, положенный на богослужебный текст, было случаем самым обыкновенным. Дело дошло до того, что в церквах «слушатели» забывались и аплодировали.[9]

Вот почему было создано Общество любителей церковного пения. Гиляров предлагает свой способ сохранения духовной культуры: «чтобы открыть пение истинно народное и истинно древнее <...> необходимо его записывать с живого голоса, и случайные разнообразия исполнения возводить к идеальному единству»[10] путем сличения напевов, то есть использовать способ, применяемый для изучения древних рукописей, когда сличают несколько разных списков. Фиксировать напевы необходимо с голосов дьячков, как представителей именно народного, правильного пения, — таково мнение Гилярова. Только так, «церковное пение не только вполне исправится и облагообразится, но, что может быть еще важнее, вполне выяснятся и законы русской музыки».[11]

Блестящий публицист, Гиляров использует очень яркое образное сравнение. Он указывает на недостаток внимания к церковному пению и сравнивает церковное пение с зипуном, а итальянскую манеру пения — с фраком:

> ...церковная нота и обычное пение считались своего рода зипуном, итальянская — фраком. Со времени Львова,[12] церковному обычному пению оказано снисхождение, но только снисхождение: зипун удостоили внимания, перекроив его, однако, на фрак. На фабриках, где к чести фабрикантов заводятся хоры, употреб-

[8] *Смоленский С.* О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901. С. 4.
[9] *Разумовский Д., прот.* Церковное пение в России. С. 25.
[10] *Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 291.
[11] Там же. С. 292.
[12] Алексей Федорович Львов (1799—1870) — композитор, дирижер, с 1836 по 1861 г. был директором Придворной певческой капеллы. Как композитор духовной музыки Львов положил начало новому направлению гармонического пения, выдвинув на первый план священный текст и подчинив его музыке. Он также первый ввел несимметричный ритм, о чем изложено в его теоретическом трактате «О свободном или несимметричном ритме».

ляется львовское пение. Иначе не может быть: кто поусердствует, тот заведет даже вполне партесное пение, добродушно воображая, что это и есть совершенство. Да ведают, однако, все усердствующие о хоровом церковном пении, не жалеющие иногда больших средств на обучение хоровому пению мастеровых, учеников, и т. п., что приучение народа к итальянскому хоровому пению есть разучение пению, а не обучение. Собственно в русском пении хорал никогда не употребляется. В русском хоре каждый пропоет со смыслом, если его оставить и одного без хора исполнять свою партию. Но попытайте тоже сделать с партесным хоровым пением: бас, тенор, альт пусть исполнят свою партию без содействия других голосов: выйдет чепуха, бессмыслица. В этом-то и состоит одно из существенных отличий русской музыки, и потому-то партесное хоровое пение отучает русского человека от искусства петь, а не приучает к нему. Будем надеяться, что господствующий предрассудок рассеется со временем. [13]

И далее философ надеется на преодоление этой проблемы:

...пожелаем народу-песнетворцу выбиться из пут, которые на него наложили и накладывают. [14]

Как видно из цикла статей «Церковное пение», Гиляров обладал очень тонким и взыскательным музыкальным вкусом, эрудицией, позволяющей ему делать точные сравнения и интересные догадки в области музыки. Так, например, он описывает впечатление от обиходного пения,

исполненное унисоном, испытано было в исполнении на греческий образец, где мелодию выводит только один или два певца, весь же остальной хор, в продолжение всего песнопения, ведет одну основную ноту или гласовой ключ песнопения. [15]

Гиляров указывает на ошибку ученого начала XIX в. Виллото, считавшего, наоборот, что в греческих церквах мелодию исполняет весь хор, а одну ноту тянет певец. И далее Гиляров высказывает музыкальную гипотезу, что даже то пение, что он слышал, когда певец тянет один звук, без текста

ведение однообразного гласового звука, без слов, слишком искусственно, — более органно, сценично, если угодно, нежели приличествует пению живой молитвы. Оно образовалось, как мы полагаем, из обычая греческой церкви сопровождать певца живым аккомпанементом вполголоса, а затем регулировано и приведено в систему под влиянием теории гласов. [16]

Несомненно, что духовная музыка — это значительный пласт общехоровой национальной культуры. Она пользуется сегодня большой популярностью и среди любителей классической музыки. Аналога российскому церковно-хоровому стилю в мире не существует (так, выразительностью сложной хоровой фактуры изложения и изобретательностью голосоведения концертов Бортнянского, на-

---

[13] *Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 292—293.

[14] Там же. С. 293.

[15] Там же. С. 105.

[16] Там же. С. 106.

пример, восхищался один из самых «оркестровых» композиторов Европы Гектор Берлиоз [17]). В духовной музыке находит отражение идея живой связи времен, преемственности поколений, когда произведения глубокой старины как прекрасные памятники национальной музыкальной культуры гармонично сочетаются с реалиями наших дней, обретают среди наших современников благодарных слушателей.

Как нам кажется, значение проблем, поднимаемых Гиляровым в статьях «Современных известий», связанных с церковной музыкой, с духовной культурой, огромно. Они — отражение тех вопросов, которые занимали передовых деятелей культуры и музыки того времени. Эти же проблемы представляются весьма важными и в период повышенного интереса к русской культуре в гуманитарной науке рубежа XX—XXI вв.

Круг проблем только очерчен. Как метко выразился сам писатель, «можно сказать, что край завесы только приподнят». [18] Необходимо вести исследование основных направлений деятельности Общества любителей церковного пения, определить состав его участников, выявить значение этого творческого объединения в культурном контексте эпохи, осознать значение церковной музыки в духовном мире самого Гилярова.

---

[17] *Владышевская Т. Ф.* «Партесный хоровой концерт в эпоху барокко» // Традиции русской музыкальной культуры XVIII века. М., 1975. С. 72—112. (Тр. Гос. муз.-пед. ин-та им. Гнесиных; Вып. 21).

[18] *Вопросы веры и Церкви*. Т. II. С. 148.

А. А. Аксенов

ЦЕННОСТНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА

Изучение творчества Н. П. Гилярова-Платонова особенно интересно в психолого-педагогическом аспекте. Раскрыть особенности сознания творческой личности — значит показать ценность ее творчества.

Гениям в отличие от менее значимых в творческом отношении людей свойственно не просто предлагать миру какую-то новую идею, а создавать импульс для развития мысли в определенном направлении. Как правило, этот импульс вызывают вскрытые гением противоречия. Признанными мастерами парадоксов были А. Эйнштейн, З. Фрейд, Л. С. Выготский, великие поэты и писатели. Парадоксальность — стимул для мыслящих людей разрешать противоречия.

Г. В. Ф. Гегель в «Логике» писал о единстве и борьбе противоречий как об одном из законов развития. Вслед за ним психологи утверждают, что кризисы, насыщенные конфликтами, — наиболее важные периоды развития человека, а противоречия являются движущей силой психического развития (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.).

Работы культурологов В. С. Библера, С. Ю. Курганова и др. показывают в качестве особенности сознания современного человека возможность сопрягать противоположные точки зрения, различные культуры, далекие друг от друга эпохи. Не воинствующе отвергать и отрицать, а выстраивать с ними диалог. На смену *монопарадигмальному* сознанию, признающему единственность правды и истины, приходит сознание *полипарадигмальное*, утверждающее, что эта правда и истина могут иметь разные и иногда взаимоисключающие по смыслу стороны. Иногда смысл даже не в какой-либо точке зрения и не в их объединении, а в сложном взаимодействии. Человек с полипарадигмальным сознанием может рассматривать различные способы решения задачи без категорического отвержения каждого из них. Конечно, для себя он принимает единственное решение, но позволяет *другому* решать проблему по-своему. А поскольку он сам провел свою мысль по пути, с которым он не согласен, то сможет понять тех людей, которые думают иначе. Не согласится с ними, но и не осудить их.

Ярким представителем полипарадигмального сознания и был Гиляров. Еще в 1880-е гг. он писал своему корреспонденту:

> Как бывает часто, обе стороны были правы и обе виноваты, потому что односторонни. Как часто припоминается в таких случаях указание Гегеля, что истина не в «или — или» и не в экономически отвлеченной середине, а в живом взаимодействии «и» и «и».[1]

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Откуда нигилизм? // *Сб. соч.* Т. I. С. 189.

В своих работах Гиляров тщательно исследует точки зрения, с которыми не согласен не только для того, чтобы критиковать, а чтобы их понять. У Гилярова есть замечательное выражение: «муки внутреннего разделения». [2] Он был с ними знаком сам и познакомил нас в своих работах, тем самым активизируя работу сознания своих читателей.

Творчество Гилярова развивает мышление человека, побуждает его задумываться и искать собственные решения проблем. Вот яркий пример из педагогической практики Гилярова. Руководя студентами, он так формулирует задачи процесса обучения: изобразить диалектику, не навязывать свои мысли, а побудить решать вопрос самого слушателя лекций:

> Все старание было приложено к тому, чтобы, не сказав от себя ни слова, словами раскольников, с одной стороны, православных богословов — с другой, *изобразить диалектику самой истории* (курсив наш. — *А. А.*). [3]

Для этого сам он всесторонне рассматривает проблему, анализирует разные точки зрения на нее.

Актуальность изучения творчества Гилярова сегодня связана с осознанием важности освобождения от стереотипов и однозначности суждений для развивающейся, формирующейся личности. Именно в условиях многомерного общества и современных социальных проблем следует учиться думать полипарадигмально. Тогда будет решена проблема толерантности, когда человек научится сам анализировать различные точки зрения. Мыслящий полипарадигмально человек толерантен и в сознании, и в деятельности. Уяснение механизма мышления Гилярова, на наш взгляд, может помочь человеку в XXI в. стать более терпимым к *иному*. В этом, думается, основной ценностно-педагогический смысл наследия Гилярова.

---

[2] Письмо к С. А. Юрьеву об «Исповеди» гр. Л. Н. Толстого // *РА*. 1889. Кн. I. Вып. 3. С. 288.

[3] *Гиляров-Платонов Н. П.* Урезанный документ: Отрывок из воспоминаний // *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 181.

Роман Славацкий

«КОЛОМЕНСКИЙ ИСТОРИЗМ» У ЛАЖЕЧНИКОВА, ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И ПИЛЬНЯКА

Термин «коломенский историзм» взят у меня в кавычки неспроста. В самом сопоставлении торжественного слова «историзм» с провинциальным подмосковным городком уже содержится нечто ироническое. И как это удачно ложится на традицию характерного российского самоосуждения!

Хотелось бы сказать несколько слов о «коломенском историзме» как тенденции. Взгляд на историю города, и притом взгляд иронический, — характерная особенность коломенской литературной традиции. Причем началась эта традиция еще в долажечниковские времена, и не кончилась вместе с Пильняком, а благополучно здравствует и по сей день.

Вот что пишет в своих «Сатирических ведомостях» Н. И. Новиков в 1769 г.:

> Из Коломны.
>
> *Забылчесть*, дворянин, находясь в некотором приказе судьею, трудами своими и любовию к ближним нажил довольное имение... он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав: «*Во святой час*» и не прочитав молитву *Пресвятой Троице*, водки никогда не пьет, хотя б то было и в гостях, дела подписывает перекрестясь, говоря: «Честной де Крест на враги победа», не смотря, что те враги бывают иногда законы, истина, правосудие, честь и добродетель. [1]

А вот уже Карамзин, 1801 год:

> Вообще имя Коломны встречается в истории по двум причинам: или татары жгут ее, или в ней собирается русское войско идти против татар.

Чеканная формулировка! И далее:

> Что же касается до имени города, то его *для забавы* можно произвести от славной италиянской фамилии Colonna. Известно, что папа Вонифатий VIII гнал всех знаменитых людей сей фамилии и что многие из них искали убежища не только в иных землях, но и в других частях света. Некоторые могли уйти в Россию, выпросить у наших великих князей землю, построить город и назвать его своим именем! Писатели, которые утверждают, что Рюрик происходит от кесаря Августа и что осада Трои принадлежит к славянской истории, без сомнения, не найдут лучших доказательств! [2]

---

[1] *Новиков Н.* Избранное. М.: Правда, 1983. С. 132.

[2] *Карамзин Н.* Путешествие вокруг Москвы // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. М.: Изд-во журн. «Москва», 2007. Вып. 11. С. 241.

А вот и Лажечников.

> Случались однако ж в городе важные происшествия, возмущавшие спокойствие целого населения. То появлялся оборотень, который по ночам бегал в виде огромной свиньи, ранил и обдирал клыками прохожих; то судья в нетрезвом виде въезжал верхом на лошади и без приключений съезжал по лесам строившегося двухэтажного дома; то зарезывался казначей, обворовавший казначейство. Полицейские личности в городе были то смирные, то сердитые; большею частию их отличали не по уму и честности, а по степени огня в крови...[3]

Такое ощущение, что новиковский судья *Забылчесть* неожиданно запил и поскакал на белом коне штурмовать строительные леса. Кстати, Лажечников мог читать, и наверняка читал Новикова. Великий просветитель не раз бывал в Коломне, они были знакомы с Лажечниковым-старшим, у Новикова были свои книжные агенты в городе: Коломна славилась не только «пузатыми купцами», но и книжными собраниями, и Коломенской семинарией (это древнейший вуз Подмосковья, возрастом более 280 лет), и кругом свободно мыслящих людей и литераторов. Впрочем, все это не помешало Лажечникову, ради иронического самоуничижения, нарисовать свою родину в виде «темного царства».

Не будем останавливаться на гротескных коломенских образах в комедиях Островского. Перейдем сразу к Н. П. Гилярову-Платонову, который достойно принял эстафету от Лажечникова.

Легкая ирония чувствуется уже с первых строк его мемуаров.

> Уездный город, бывший епархиальный, следовательно старинный, а потому, согласно этим двум качествам, со множеством церквей (до двух десятков счетом); река средняя, впадающая за три версты в большую. Но, впрочем, зачем же говорить обиняками? Это — Коломна. Крепость полуразвалившаяся, но с уцелевшей частью стен; уцелело также несколько башен и одни ворота с иконописью на них и с вечною лампадой. Как подобает старине, город потонул в легендах. В одной из башен содержалась Мария Мнишек — это исторический факт. В той же башне кроются несметные богатства — это легенда. В одной из церквей венчался Димитрий Донской и осталось его кресло. Это тоже история (сохранилось ли кресло доныне, не имею сведений).

А дальше идет несусветная история о Мотасовой башне и коломенском черте Мотасе, который философски говорит сатане из соседнего Бобренева монастыря:

> — Э, голубчик, я тут уже четыреста лет от нечего делать мотаю ногами; здесь нас с тобой поучат грешить...

Чуть ниже Гиляров замечает:

> Самоосуждение свойственно не одной Коломне, а вообще русским городам, особенно древним <...>. Замечательна эта народная черта. <...> ...передавали мне, что преподобный Сергий проходил некогда через город и его прогнали «колом»,

---

[3] *Лажечников И.* Беленькие, черненькие и серенькие // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. М.: Изд-во журн. «Москва», 2002. Вып. 6. С. 273—274.

он тогда прошел в Голутвин. <...> ...несомненно, что Сергий преподобный проходил через Коломну, и там, где теперь Голутвин, благословил Димитрия Донского; посох Сергия остался в Голутвине. Но Коломна по меньшей мере двумя, а то и всеми тремястами лет старше Донского; тем не менее коломенцы воспользовались историческим событием, чтобы сочинить самоуничижительную легенду. [4]

Как тут не вспомнить пильняковские «Машины и волки»!

Коломна лежит на трех реках... Город доминами белыми подпер к Москве-реке, жил крупичато в Запрудах, в Кремле, в Гончарах, щеголял перед Рязанью. Очень все интересовались узнать — откуда пошло слово *Коломна*? — объясняли, что от прилагательного колымный — обильный, широкий, сытный; от римских патрициев Колоннов, ушедших в Скифию и поселившихся здесь (это толкование отразилось и в гербе коломенском, где на синем поле три звезды и колонна); от существительного каменоломня (недаром сами коломенцы рязанским наречием называют Коломну — Коломня); но толковали и так, будто Сергий Радонежский проходя по Коломне строить Голутвин монастырь, попросил попить, а ему ответили колом по шее, и он объяснял потом:

— Я водицы попросил, а они колом мя — —

Голутвин монастырь, на стрелке, где сливаются Ока и Москва, был заложен, правда, Сергием Радонежским, и там хранится его посошок, — и Коломна жила за пятью монастырями, в двадцати семи церквах, колымная, как коломенская пастила — сладкая. [5]

Сразу видно, что человек читал Линдемана и еще более внимательно — Гилярова. К слову сказать, традиция списывать целыми абзацами, не указывая источников, жива в Коломне и до сих пор.

Заметим, что и новиковско-лажечниковская интонация не чужда Пильняку, как это видим, например, в романе «Голый год».

События в городе бывали редки, и если случались *комеражи* вроде следующего:

Мишка Цвелев — слесарев — с акцизниковым сыном Ипполиткой привязали мышь за хвост и играли с нею возле дома, а по улице проходил зарецкий сумасшедший Ермил-кривой и — давай в окна камнями садить. Цвелев — слесарь — на него с топором. Он топор отнял. Прибежали пожарные, — он на пожарных с топором; пожарные — теку. Один околоточный Бабочкин справился: Мишку потом три дня драли, —

— если случались такие комеражи, то весь город полгода об этом говорил. Раз в два года убегали из тюрьмы арестанты, тогда ловили их всем городом. [6]

Если не знать, откуда взяты отрывки, то временами может возникнуть ощущение, что их писал один человек. А между тем это очень разные люди по происхождению. Лажечников — дворянин из купцов, Гиляров — попович, Пильняк —

[4] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 8—9.

[5] *Пильняк Б.* Машины и волки // Сочинения: В 3 т. М.: Изд. дом «Лада М», 1994. Т. 1. С. 183—184.

[6] *Пильняк Б.* Голый год // Там же. С. 9—10.

разночинец. Различны эпохи, в которые они жили, а взгляд на город — сходен. Любопытно, что эта традиция прослеживается и позднее. Достаточно прочитать первые главы «Истории парикмахерской куклы» А. В. Чаянова, начало «Авы» И. С. Соколова-Микитова. Эти же мотивы встречаются и у наших современников: В. В. Королева, С. В. Малицкого; я уж не говорю о Р. В. Славацком.

Откуда это странное сходство? От знакомства с трудами предшественников? От иронически-пренебрежительного отношения к «провинции»? Думается, что причина лежит глубже. Кстати говоря, нелишне заметить, что и Лажечников, и Гиляров, и Пильняк отлично понимали величие коломенской древности. У каждого из них найдутся строки, в которых Коломна предстает эпически-прекрасной, величавой, таинственной крепостью.

Особенно показателен в этом отношении Пильняк. Зловещий образ «мертвого города» в «Голом годе», устрашающая поэзия «Волги...», где Коломна предстает в предсмертном, почти библейском, величии, говорят об очень серьезном отношении к предмету повествования.

Тогда откуда же эта ирония? Мне кажется, что внешний облик города вызывает улыбку сам по себе. Коломна — это не просто типичный, а, пожалуй, типичнейший подмосковный город. При первом же взгляде на него возникает эффект «узнавания», как будто ты уже встречал что-то подобное: то ли по телевизору видел, то ли в книге вычитал. Поглядел в одну сторону: ба! Да это же Московский Кремль. Глянул в другую — да это же Замоскворечье Островского; никакой декорации строить не надо! Все — древнее, историзм так и прет, но какой-то забавный, провинциальный, «коломенский историзм». И чувствуешь себя «столичной штучкой», которая невольно улыбается наивности «аборигенов».

А на самом деле...

На самом деле жуткое чувство охватывает при мысли о бездне протекших лет, о потоках крови, пролитой на этих полях, об этой земле, пронизанной следами пожарищ и человеческими останками. И кажется подчас, что ты видишь не город, а древнего дремлющего дракона, который вот-вот приоткроет глаза...

И от этого становится как-то не по себе. Давайте не будем тревожить Прошлое. Давайте прикроем его забавной личиной. В самом деле — невозможно жить без ощущения родства и уюта. Покров иронии дарит веселое спокойствие и человеческое тепло. А то, что скрывается за покровом «коломенского историзма», — не так уж важно.

А. Г. Юшко

ЗА КУЛИСАМИ ПУБЛИЦИСТИКИ (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова)

Незадолго до кончины знаменитого московского публициста К. П. Победоносцев в письме Александру III сокрушался, что, когда Каткова не станет, «решительно некем будет заменить его».[1] Трудно не согласиться с оценкой высокопоставленного современника: деятельность Михаила Никифоровича на посту редактора-издателя «Московских ведомостей» (1863—1887) представляла собой уникальное явление в истории русской публицистики пореформенного времени. И дело здесь не только в полемическом таланте Каткова. По его собственному признанию, «Московские ведомости» были «не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались».[2] Благодаря связям и знакомствам в среде высшей бюрократии Катков был посвящен в закулисную сторону процесса согласования важных правительственных решений. К обсуждению и принятию некоторых из них он имел непосредственное отношение.

Лейтмотивом большинства статей Каткова со времен Польского восстания 1863 г. было обличение сановников у трона в отсутствии или недостатке у них здорового «государственного духа».[3] В этом смысле он всегда пребывал в принципиальной оппозиции «проникнутому космополитизмом» чиновному Петербургу. Твердо отстаивая свои убеждения в печати, проявляя решимость идти ради них на конфликт с министрами в ущерб собственному спокойствию, общественному и материальному положению, он завоевал авторитет и уважение своих читателей. Его противостояние в 1866 г. министру внутренних дел П. А. Валуеву ставилось ему в заслугу не меньшую, нежели статьи его по польскому вопросу, принесшие ему славу публициста. «Хамскую русскую публицистику, — писал по этому поводу младший его современник, — Катков возвел в потомственное дворянство».[4] Личные доверительные отношения, сложившиеся у Каткова с Александром II и Александром III, не сомневавшимися в его искренней преданности престолу, служили главной и последней гарантией его независимости. Таким образом, «Московские ведомости» при нем удачно сочетали оба качества, необходимые солидной политической газете: информированность, предполагавшую в условиях отечественных политических реалий тесную, «интимную», близость к власти, и самостоятельность.

---

[1] Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. II. С. 141—142.
[2] Вождь реакции 60—80-х годов // Былое. 1917. № 4 (26). Окт. С. 21.
[3] *Катков М. Н.* Имперское слово. М.: Изд-во журн. «Москва», 2002. С. 354—355.
[4] РНБ. Ф. 847. № 144. Л. 6 (письмо И. В. Павлова к кн. Н. В. Шаховскому).

Самым ценным для Каткова читателем «Московских ведомостей» был император. Выдержки из них неизменно ложились ему на стол в составе так называемых «царских обозрений» — ежедневных обзоров прессы, заслуживающих монаршего внимания, которые составлял начальник Главного управления по делам печати.[5] Отдельные номера передавали государю высокопоставленные поклонники московского публициста. Александр III сам регулярно просматривал «Московские ведомости».

> Когда Михаил Никифорович писал какую-либо статью по тому или другому важному государственному вопросу, — вспоминал по свежим следам Н. А. Любимов, — первая мысль у него была, что статью прочтет Государь. Для него старался он ставить вопросы и предлагать решения с возможной ясностью и убедительностью. На него желал он прежде всего подействовать своими аргументами и разъяснениями.[6]

С 1866 г. Катков имел прямой доступ к императору и часто пользовался правом писать ему о том, о чем пришлось умолчать на страницах издания, а при случае мог рассчитывать на беседу с ним с глазу на глаз.

Читательская аудитория «Московских ведомостей» составляла на протяжении четверти века стабильную цифру в 6—8 тысяч подписчиков. Подавляющее большинство их имело московскую «прописку». До петербуржцев номера доходили с опозданием на полдня по сравнению с местными изданиями. Поэтому столичное чиновничество, ценившее газеты за оперативность, неохотно подписывалось на «Московские ведомости», в отличие от москвичей, до которых они доходили первыми.[7] Этот факт, по-видимому, не смущал Каткова: обращаясь к публике, он, как убежденный государственник и человек практического склада ума, апеллировал к читателю влиятельному и притом не к безликой массе столичной бюрократии, а к вполне конкретным лицам у кормила власти.

В 1880-е гг. репутация Каткова и его газеты в правительственной среде была как никогда высока. Ключевые министерские посты занимали люди «партии порядка», идейно близкие ему: Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев, И. Д. Делянов, М. Н. Островский.[8] С ними и их советниками он был коротко знаком и под-

---

[5] В 1883 г. главой цензурного ведомства был назначен Е. М. Феоктистов, которого, не без основания, считали ставленником Каткова.

[6] *Любимов Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С. 346. Николай Алексеевич Любимов (1830—1897) — ученый-физик, профессор Московского университета, соратник Каткова по «Московским ведомостям», в описываемое время — член Совета министра народного просвещения.

[7] В Петербурге «никто “Московских ведомостей” не только не читает, но и в глаза не видит, а судят о них лишь по извращенным цитатам “Новостей”, “Вестника Европы” или “Наблюдателя” или же по легкомысленным отзывам “Нового времени”» (из письма В. А. Грингмута А. В. Половцову от 9 октября 1886 г. // РНБ. Ф. 601. № 367. Л. 10).

[8] *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. С. 188—189.

держивал тесные или даже приятельские отношения. По выражению Е. М. Феоктистова, Михаил Никифорович «завоевал себе положение государственного деятеля без государственной должности».[9]

Катков не раз подчеркивал, что «Московские ведомости» являются его *личным* органом.[10] Далеко не все передовые статьи принадлежали его перу, но и те, что он поручал составлять своим сотрудникам, им просматривались, редактировались и выходили только с его одобрения.[11] Преемника себе он не искал, не указал его и перед смертью, последовавшей 20 июля 1887 г. В некотором смысле, «Московские ведомости» походили при нем на большинство «идейных» газет, исчезавших с уходом их главы-вдохновителя. Хотя формально, как старейшему изданию при Московском университете, подобная участь им не грозила. После Каткова остался редакционный коллектив, члены которого, правда, не играли при нем самостоятельной роли как публицисты. Лишившись Каткова, газета оказалась в крайне неопределенном положении.

Дальнейшая судьба издания волновала не только сотрудников газеты и претендентов на ее аренду. Прежде всего, она заботила правительство, которое не могло бросить на произвол случая орган печати, на протяжении четверти века отстаивавший интересы самодержавия и приобретший в России и за границей репутацию едва ли не единственной частной газеты, удостоенной доверия со стороны властей предержащих. Очевидно было и другое: поддержанная властями кандидатура на место Каткова будет воспринята как лицо, пользующееся высочайшим доверием и покровительством. Самим фактом назначения на этот пост правительство невольно присваивало кандидату особые достоинство и вес во мнении общества.

---

[9] Оценивая влияние Каткова на правящие круги, один из представителей высшей бюрократии государственный секретарь А. А. Половцов утверждал, что в лице редактора московской газеты и его «многочисленных пособников» в верхах, к которым он относил Делянова, Островского, Победоносцева, Вышнеградского и Пазухина, «создалась какая-то новая, почти правительственная сила». «Весь этот двор, — жаловался он на исходе 1886 г. вел. кн. Алексею Александровичу, имея в виду петербургских почитателей московского публициста, — собирается у Каткова на Захарьевской <где тот обычно останавливался, приезжая в Петербург>, открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждение и похвалу и, в конце концов, достигает своих целей». Он просил великого князя открыть глаза Государю на создавшееся положение, поскольку тот «недосягаем, а слышит то, что Победоносцев и компания до него доводят, причем, конечно, “Московские ведомости” и делаемые Феоктистовым, прислужником Каткова, газетные выписки служат лучшими проводниками». Половцов предлагал обуздать Каткова, «завербовав» его в чиновники (см.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 461—462).

[10] До 1874 г. соредактором Каткова был его друг и единомышленник Павел Михайлович Леонтьев.

[11] Передовицы не подписывались и, по традиции, формально считались принадлежащими перу редактора.

Вопрос о будущем газеты сводился, в сущности, к одному: кому быть во главе ее.

Сколько я ни думал, — вспоминал Феоктистов, которого печальное известие застало в Зальцбурге, где он проводил летний отпуск, — вопрос этот представлялся мне неразрешимою загадкой <...>. Такие публицисты, как Михаил Никифорович, родятся веками, было бы совершенно бесплодно мечтать о сколько-нибудь достойной замене его, но, по крайней мере, следовало озаботиться, чтобы газета сохранила усвоенное ею направление и чтобы новые руководители могли с твердостью и посильным уменьем служить государственным интересам. Но где же было найти их? [12]

Не вовремя он умирает, — вторил Феоктистову министр народного просвещения Делянов, — теряем мы умелого защитника самодержавия. Заместим его, но не заменим. [13]

7 июля 1887 г. истек срок второго 12-летнего контракта, заключенного Катковым с правлением Московского университета на аренду университетской типографии и издание «Московских ведомостей». Подписание уже подготовленного нового контракта было отложено ввиду тяжелой болезни Каткова, испросившего Высочайшее соизволение на продление срока аренды до 1 января 1888 г. По условиям соглашения в случае кончины издателя оно сохраняло свою силу по отношению к наследникам арендатора. [14] Таким образом, до конца года право на издание «Московских ведомостей» сохранялось за вдовой покойного — Софьей Петровной, а пост ответственного редактора — за С. А. Петровским, [15] занимавшим ее при Каткове. За это время университету предстояло заключить новый контракт с будущим издателем, подлежавший утверждению министра народного просвещения. Ответственного редактора издатель назначал по своему выбору с одобрения министра внутренних дел. Ожидалось, что участие университета в подписании соглашения станет простой формальностью; решение об издателе и условиях нового договора примут в высших сферах.

После похорон мужа С. П. Каткова обратилась через Победоносцева с письмом к государю, в котором просила оставить за ней «Московские ведомости»

---

12 Воспоминания Е. М. Феоктистова: За кулисами политики и литературы, 1848—1896. Л.: Прибой, 1929. С. 266.

13 К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. Т. I, полутом 2. С. 674.

14 РГБ. Ф. 120. П. 59. № 5. Л. 3.

15 Сергей Александрович Петровский (1846—1917) окончил Московский университет по юридическому факультету. Служил в архиве Министерства юстиции, занимался приготовлением к печати, по поручению ИАН, протоколов правительствующего Сената за 1711 и 1712 гг. С 1873 по 1878 г. читал в Московском университете лекции по русскому праву; в 1875 г. получил степень магистра государственного права за диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого». Издал лекции И. Д. Беляева по истории русского законодательства. С 1880 г. — в «Московских ведомостях», с 1883 г. — ответственный редактор, а после смерти М. Н. Каткова до 1896 г. — редактор-издатель газеты.

и на будущее время.[16] Об этом же она хлопотала через Делянова. Но в Министерстве внутренних дел на прошение Катковой смотрели скептически. Уже 1 августа правитель канцелярии министра А. Д. Пазухин доверительно сообщал обер-прокурору Синода:

> Я думаю, что просьба эта не будет уважена, во-первых, потому, что представление ей права издавать газету возбудило бы глумление в лагере политических врагов покойного Михаила Никифоровича и, во-вторых, потому, что едва ли благовидно для правительства вознаграждать вдову за заслуги мужа такими обходными кривыми путями. Мне кажется, что оставление за семьей Каткова издания «Моск<овских> вед<омостей>» нежелательно и в интересах самого дела, так как при этом газета потеряет всякое значение, да не будет иметь и подписчиков.

Вместо этого Пазухин предполагал вознаградить Каткову от имени Государя пожизненной пенсией в размере 50 тысяч рублей — суммой, которая была назначена в свое время семейству Н. М. Карамзина.[17]

В свою очередь, большинство редакционных сотрудников, для которых Катков был непререкаемым авторитетом, опасаясь перемены политического курса издания и серьезных кадровых изменений, не желало видеть во главе газеты постороннего человека. 29 июля они выступили с заявлением, в котором доводили до сведения читателей, что если и «погас светильник», то «отражения его остались», и что эти отражения суть не что иное, как они, то есть члены редакции, те, «кого сам почивший собрал вокруг себя содействовать в его многотрудной деятельности», те, «с кем он в течение многих лет, до последних дней своих, ежедневно беседовал, разъясняя им свои взгляды, убеждения и намерения», те, «кто до конца были орудиями его мыслей и целей». Далее в передовице говори-

---

[16] «Выпавшие ныне на меня заботы о многочисленной семье моей и людях, усердно [помо<гавших>] трудившихся в деле покойного мужа моего, — писала Каткова Государю, — налагают на меня обязанность всеподданнейше просить Ваше Величество оставить за мною издание “Москов<ских> ведом<остей>” и с 1 января 88-го года... Все лица, составляющие ныне редакцию “Москов<ских> ведом<остей>”, тщательно покойным мужем подобранные и под непосредственным его руководством работавшие, единодушно изъявили желание продолжать свой труд при моем издательстве; точно так же, как и состоящий ныне редактором Сергей Петровский, человек испытанного благомыслия, заменявший вполне покойного мужа моего во время его отсутствия и болезни, вполне соглашается и впредь руководить издание» (цит. по черновику прошения, хранящемуся в РГБ: Ф. 224. П. 3. № 8. Л. 1—1 об.).

[17] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 705. «Хорошо то будет, — язвил Феоктистов в письме к Любимову от 2 августа, — если Софья Петровна возьмет “Московские ведомости” и вкупе с Петрушей и Павлушей <Петром и Павлом Михайловичами — сыновьями М. Н. Каткова> будет назначать редактора. Ведь, пожалуй, назначат Лентовского, что содержит “Эрмитаж”. Приходила ли Михаилу Никифоровичу мысль о возможности подобного сумбура. Дрянные “дети Каткова” (по выражению Адикаевского <В. С. Адикаевский — член Совета, управляющий делами Главного управления по делам печати>), транжирившие заработанные им деньги при его жизни, хотят и по его смерти его эксплоатировать» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 291).

лось, что сотрудники «Московских ведомостей» «действительно получили от своего почившего руководителя драгоценный завет, который они обязаны свято хранить, дружно защищая то знамя, вокруг которого их собрал покойный, и продолжая по мере сил своих долголетнюю службу его на страже православия, самодержавия, единства, целости, достоинства, могущества и просвещения России».[18] Это был недвусмысленный намек правительству на возможное решение проблемы.

Декларируемое единство редакционного коллектива было, на поверку, не столь прочным. С уходом Каткова вспомнились прежние счеты и обиды, взыграли амбиции. Одни, как, например, старожил редакции К. Н. Цветков, предпочитали отныне единоличному управлению газетой коллегиальное, другие, как бывший личный секретарь покойного С. И. Соколов, мечтали основать собственное издание.[19] В этот момент сплочению редакции вокруг С. А. Петровского способствовал конфликт между ним и семьей покойного. Присущая С. П. Катковой авторитарность характера и поведения отпугнула постоянных сотрудников, оказавшихся, за исключением С. И. Соколова, на стороне временного редактора. По словам Феоктистова,

> они могли неутомимо работать для Михаила Никифоровича, но никак не для его семьи, с которою вовсе не находились в близких отношениях; Софья Петровна Каткова, обольщавшая себя мыслью, что ей принадлежит место в рядах московской аристократии, смотрела на них свысока, считала их не более как рабочею силой.[20]

Сведения о происходившем в это время в стенах редакции московской газеты дополняет письмо сотрудника «Нового времени» Е. Л. Кочетова[21] своему патрону А. С. Суворину от 24 сентября из Москвы.

> Как Вам известно, — доносил Кочетов, — С. П. Каткова отказалась от дальнейшей аренды, и о том, что она должна будет отказаться, Петровский знал давно и повел свою линию очень ловко <...>. Сказание о мифической редакции[22] <...>

---

[18] *МВед*. 1887. 29 июля. № 206.

[19] Катков не приветствовал подобные затеи своих сотрудников, как показал опыт с издававшейся чуть больше года газетой «Голос Москвы» под редакцией ушедшего на время из «Московских ведомостей» Н. В. Васильева.

[20] Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 271—272.

[21] Евгений Львович Кочетов (1845—1905) — литератор и публицист, в начале 1880-х гг. был сотрудником «Московских ведомостей», затем перешел в суворинское «Новое время», но сохранил хорошие отношения с Катковым, который предоставлял страницы своей газеты его статьям и корреспонденциям о польских и болгарских делах. Трудно представить, чтобы Кочетов, по натуре — интриган и любитель ловить рыбу в мутной воде — не имел своего интереса в ситуации с «Московскими ведомостями», хотя сам он всячески от этого открещивался. В цитируемом ниже письме он признавался, что Грингмут предлагал ему сотрудничество, но получил отказ. Возможно, не сошлись на размере жалованья и гонорара. Источником информации для Кочетова служил, надо полагать, все тот же С. И. Соколов.

[22] Имеется в виду приведенное выше заявление от лица редакции.

было всецело перенесено в «Рус<ский> вест<ник>» под громким названием «“Московск<ие> вед<омости>” по смерти М. Н. К<аткова>»,[23] но чтобы всецело убедить публику и заинтересованных в этом высших лиц, что Катков не умер в своей редакции, были приняты и другие меры. Были пущены <в ход> все старые заметки, деланные по приказу М. Н. и накопившиеся за его болезнью… и, наконец, по настоянию Петровского (но на деньги Катковой) было предложено единственным бывшим под рукой талантливым людям — бывшему передовику[24] «Моск<овских> вед<омостей>» госп<одину> Васильеву и старш<ему> учителю Лицея[25] Грингмуту… по 500 руб. в месяц, кроме построчных,[26] и они день и ночь писали и пишут передовые и *правят* писание других.[27] Получилось в публике и наверху впечатление… благоприятное, хотя Вы сами согласитесь, что так можно работать только *по свежим следам* и *только на показ*, особенно Грингмуту, который в отставку уходить не желает, а работая таким образом, должен поневоле манкировать своими обязанностями.[28]

На первых порах все наличные силы редакции были брошены на то, чтобы уверить читателей и правительство в дееспособности и сплоченности редакционного коллектива, его готовности «следовать по стопам» Каткова. Это должно было стать веским аргументом в пользу будущего редакторства Петровского.

[23] *РВ*. 1887. Т. 190. Июль.

[24] Т. е. автору передовых статей.

[25] Речь идет о Лицее в память цесаревича Николая, иначе — «Катковском».

[26] Для сравнения: в 1886 г. Н. В. Васильев в месяц получал 150 рублей жалованья и около 60 рублей построчных; В. А. Грингмут, соответственно, 100 и 36 рублей (РГБ. Ф. 120. К. 55. № 16. Л. 1). «Покойный Михаил Никифорович держался цен, бывших 25 лет тому назад, — писал два года спустя С. А. Петровский, — он мог это делать, привлекая своим именем, но я должен был руководствоваться установившимися в настоящее время ценами на умственный труд» (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. № 261. Л. 300).

[27] Большинство передовых статей «Московских ведомостей» за вторую половину 1887 г. было посвящено внешней политике. В центре внимания оставался болгарский вопрос и отношение к нему великих держав. Болгария приковала к себе взгляды современников в связи с событиями последних двух лет: свержением Александра I Баттенберга, политической борьбой периода «междуцарствия» и последовавшим избранием на болгарский престол Тырновским великим народным собранием принца Фердинанда Кобургского. Автором передовиц по внешней политике был, вероятно, Грингмут, придерживавшийся в них ранее высказанных Катковым взглядов. Васильев отвечал за составление корпусов (так называли блоки статей на одну тему) по финансовым вопросам, которым также отводилось много места на страницах газеты. Основным мотивом его статей было сравнение финансово-экономических планов И. А. Вышнеградского с политикой Министерства финансов при Н. Х. Бунге, разумеется, не в пользу последнего. Упомянем еще серию статей под названием «Университет в 1884 году», написанных, очевидно, Грингмутом в прежнем, катковском, ключе. Впрочем, внимание читателей и властей привлекали не только сквозные темы, но и отдельные яркие или скандальные статьи, как это случилось, например, с резкой отповедью в адрес Т. И. Филиппова и кн. Мещерского в № 209 от 1 августа, за их попытку критиковать Каткова.

[28] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 2033. Л. 150—151.

Между тем, объявились первые претенденты на аренду газеты со стороны. Поначалу неплохие шансы были у И. Ф. Циона, парижского корреспондента «Московских ведомостей», редактора прорусской «Nouvelle Revue», утверждавшего впоследствии, что именно его Катков предназначал себе в преемники.[29] Во всяком случае, у Победоносцева, предложившего эту кандидатуру, был повод так думать. Ведь еще в начале июня Катков аттестовал ему Циона самым положительным образом.

> Он физиолог, — писал ему Катков, — был сильным противником материалистического направления, которое, особенно через эту науку, проникало в умы и приобретало силу, благодаря либеральному режиму того времени, завладевая и кафедрами в университетах, и печатью. Он очутился в антагонизме с этим режимом.[30]

В другом письме Катков добавлял:

> Что касается Циона, то я чувствую себя близким к нему уже потому, что был его восприемником по крещению, хотя и заочным. Он по своему образу мыслей и настроению давно уже сблизился с христианством и не находится ни в каких связях с еврейством. Его политический образ мыслей высказался как нельзя более явственнее в блестящей статье о Французской республике, где он, быть может, в слишком сильных красках раскрыл все прелести так называемого либерального режима. Затем ряд статей о нашем нигилизме и анархизме по поводу сочинений его вожаков Кропоткина, Тихомирова и проч. Статьи эти по силе и убедительности улик принадлежат к лучшему, что было у нас когда-либо писано по поводу этой язвы. Это истинная заслуга...[31]

В конце июля Цион примчался в Петербург, дабы лично оповестить министров, какое серьезное значение придает сам германский канцлер его вероятному назначению на пост редактора «Московских ведомостей».

> Каков плут Бисмарк! — сообщал Победоносцеву Делянов. — Он всячески хочет завербовать Циона в свое войско, опасаясь, как бы Цион не захватил в свои руки «Московских ведомостей».[32]

Единственным, но исключительно важным условием своего согласия принять на себя звание редактора московской газеты Цион ставил личное доверие Государя.

> Я мог бы продолжать с успехом дело Каткова только при одном условии, — писал он впоследствии, — уверенный в том, что Государь сам Высочайше изъявил

[29] Цион не первый раз пытался возглавить русскую газету: с ведома Каткова в начале 1880-х гг. он хотел завладеть «Голосом» Краевского, а всего за год до описываемых событий чуть не стал редактором «С.-Петербургских ведомостей».

[30] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 715. Илья Фаддеевич Цион (1843—1912) был профессором физиологии Медико-хирургической академии, ушел в отставку после враждебной ему студенческой демонстрации в октябре 1874 г., принял французское подданство с целью получить обещанную ему там кафедру физиологии.

[31] Там же. С. 719.

[32] Там же. С. 797.

желание видеть меня во главе «Московских ведомостей»; только Государь, объявив открыто свою волю видеть меня преемником Каткова, мог дать мне вместе с авторитетом, необходимым для того, чтобы взять на себя такую большую нравственную ответственность, надежду на возможность посвятить России остаток моих сил и ума.[33]

Именно этого безусловного доверия со стороны монарха не смогли гарантировать Циону его влиятельные заступники.

Передал я Его Величеству... разговор Ваш со мной о Ционе, — извещал Делянов обер-прокурора Синода. — В этот раз Государь выражался гораздо мягче о Ционе и даже очень хвалил его способности. Я думаю, что если Цион напишет несколько передовых статей в надлежащем смысле, то Его Величество выразит еще лучшее о нем мнение. Впрочем, Государь выразил мысль, что не мешало бы «Ведомостям» иметь Циона сотрудником.[34]

Но о его возможном редакторстве не было и речи. Недоверие, которое испытывал Александр III к кандидатуре Циона, подогревалось близким к государю князем В. П. Мещерским, пугавшим императора призраком «жидовской интриги», которая якобы давно ведется в отношении катковской газеты.

До сих пор, — писал ему Мещерский, — на устах Ивана Давыдовича Делянова имя Циона, как умнейшего человека, всякий раз, что рождается вопрос: кому вести дело после Каткова. А Цион действительно умнейший и даровитый человек, но Цион *жид*. В день, когда он взойдет на трон «Московских ведомостей», придется проститься с мечтою видеть этот орган добросовестным охранителем русских государственных интересов; незаметно главные русские идеалы отойдут на второй план, редакция заполнится евреями, и через год или через два консервативная газета превратится в мнимо русский орган еврейского вероучения.

В том же письме Мещерский советовал

просто предоставить Университету решать этот вопрос [в чьи руки передать «Московские ведомости»], так как эта газета — его газета, с тем, чтобы министру оставалось произносить *свое veto* в том случае, если кандидат Университета оказался бы ненадежным, или же избрать лицо прямо и безусловно независящее от еврейских комбинаций, как, например, Иловайский.[35]

---

33 Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 270—271.

34 К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 675.

35 Неприязнь издателя «Гражданина» к редакции «Московских ведомостей» объяснялась, отчасти, политическими разногласиями его с Катковым, взгляды которого, как думал Мещерский, будут унаследованы и канонизированы его сотрудниками, если редакция сохранится в прежнем виде, отчасти же — опасениями, что газета станет послушным орудием в руках его недоброжелателей в правительстве. На фоне потока хвалебных речей в адрес покойного, «множества напыщенных слов и напускных чувств» диссонансом прозвучал некролог, написанный Тертием Филипповым на следующие сутки после смерти Каткова и опубликованный в «Гражданине» пять дней спустя. В нем говорилось, что, обличая действия органов печати и правительственных учреждений, Катков «нередко забывал меру, обобщая частности и придавая иным явлениям такое значение, какого они

Всерьез помышлял об аренде «Московских ведомостей» известный философ и писатель, издатель «Современных известий» Никита Петрович Гиляров-Платонов. Полагая, что с уходом Каткова он остался единственным публицистом «с охранительным, но, вместе, независимым образом мыслей», [36] Гиляров решал дилемму: превратить свою газету в большой орган или заступить место покойного в «Московских ведомостях».

> Дни М. Н. Каткова, говорят, сочтены, и мне советуют многие искать издательства «Московских ведомостей» после него <…> — делился он с родственником последнего, своим почитателем князем Н. В. Шаховским, 6 июля. — Едва ли допустят новую аренду на чисто коммерческом основании: потребуется имя редактора серьезное. Научите, что делать, к кому обратиться. А может быть, преемник уже предопределен? Я и этого не знаю, хотя генерал-губернатор [37] ответил мне на этот вопрос отрицательно. Посоветуете ли ехать к Толстому в деревню? Кроме того, нужно заручить Делянова, как главного хозяина «М<осковских> вед<омостей>». Об этом я похлопочу… [38]

Сразу по смерти Каткова Гиляров списался со всеми своими петербургскими влиятельными знакомыми, которые могли замолвить за него словечко перед министрами.

> Вот, мы схоронили Каткова; кто будет ему преемником? — делился он 27 июля ходившими по Москве слухами с И. П. Корниловым, занимавшим высокий пост в Министерстве народного просвещения. [39] — Разумею преемничество не влияния

не имели» (Гражданин. 1887. 26 июля. № 60. С. 2). В «Дневнике издателя» Мещерский писал о Каткове: «Смерть… застала его в минуту увлечения идеею, по-моему, неверною, в том историческом смысле, коего чутье у Каткова было сильнее, чем у кого-либо очень долго, — идеею, что Россия Православная и Самодержавная может, кроме помощи от Бога и от своего по-божески живущего народа, дорожить помощью отвергнувшего Бога народа <т. е. французов>; не впадал ли он тут в двойное противоречие: в историческое, мечтая о призвании России на Востоке с помощью французской анархии, и в противоречие с самим собою, мечтая про союз с Франциею в минуту, когда он, по поводу страха германо-австрийского тройственного союза, так верно требовал для России свободы от всяких союзов» (Там же. 1887. 23 июля. «Дневник издателя» за 21 июля. № 59. С. 12). См. также: Переписка князя Мещерского: (Публ. И. Дронова) // Новая книга России. 2000. № 11. С 46. И. Е. Дронов полагает, что Мещерский, оказывая протекцию Иловайскому, стремился его посредством завладеть «Московскими ведомостями» (*Дронов И. Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 72).

[36] Из письма Гилярова к Я. К. Гроту // РНБ. Ф. 847. № 406. Л. 2.

[37] Московский главнокомандующий кн. В. А. Долгоруков.

[38] РНБ. Ф. 847. № 503. Л. 7—7 об.

[39] Иван Петрович Корнилов (1811—1901) — государственный деятель, географ, историк школьного образования в России; в 1864—1868 гг. — попечитель Виленского учебного округа, в 1870-е гг. — председатель С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, на протяжении долгих лет — член Совета министра народного просвещения. С Корниловым Гиляров был лично знаком и поддерживал приязненные отно-

государственного, а преемничество по изданию «Московских ведомостей»? Здесь достоверно известно, что еще не дожидаясь срока контракту, которому истекает, говорят, конец в декабре, уже закидывают *евреи* виды на старейший в России орган печати. Поляковы хотят взять «Ведомости» в руки, поставив *Мейна*, бывшего правителя дел канцелярии здешнего генерал-губернатора, недавно уволенного, говорят, по негласному Высочайшему повелению. Отношение Мейна к литературе определяется тем, что он управлял прежде московским отделением «Голоса». По-видимому, вероятностей мало, но чего не добьются евреи! Лазарь Поляков, говорят, нарочно вернулся для того из-за границы в Москву и отсюда поехал в Петербург *в одном поезде с Иваном Давыдовичем Деляновым*. Нужно отдать честь уменью вести дело. По Вашему положению в министерстве Вы можете узнать положение дела <…>. Здесь, помимо Мейна,[40] называют следующих кандидатов: Н. А. Любимова, кн. Мещерского, Цитовича, Циона и Гр. П. Данилевского. В какой мере все это верно, и в какой мере могло бы *мое* искательство надеяться на успех? Будьте добры, уведомьте меня и научите, а кстати и посодействуйте с своей стороны в пределах, Вам возможных. Здешний генерал-губернатор, сколько мне известно, за меня; да и вообще, я полагаю, нужен москвич.[41]

Получил подтверждение, что меня желает генерал-губернатор, — сообщал он Корнилову несколько дней спустя, — <…> Слышу, что рекомендуют В. К. Саблера и изумляюсь, чем можно это объяснить. Говорят, что эту кандидатуру отклоняет Толстой. Скажите: какое или, точнее, сколь великое влияние будет иметь Толстой на решение вопроса?[42]

По-видимому, Петровский на первых порах даже не рассматривался публикой в качестве возможного преемника Каткова. На его место прочили лицо, более известное в Москве.

В начале августа Гиляров напомнил о себе нижегородскому генерал-губернатору Н. М. Баранову, которого «Современные известия» поддержали в бытность его петербургским генерал-губернатором в несчастные для него мартовские дни 1881 г.

шения еще с конца 1850-х гг., когда тот был инспектором казенных училищ Московского учебного округа.

[40] Александр Данилович Мейн (1836—1899) в 1887 г. был удален с должности управляющего канцелярией московского генерал-губернатора (ходили слухи, что под его влиянием кн. Долгоруков благоволил евреям, что вызывало недовольство в верхах, выразившееся в отставке Мейна) и возглавил один из частных московских банков. Мейн являлся московским обозревателем петербургского «Голоса», заведовал неофициальной частью «Московских губернских ведомостей», сотрудничал с «Русскими ведомостями».

[41] РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 1—2. Братья Поляковы (Самуил, Яков и Лазарь Соломоновичи) — крупные предприниматели и банкиры, железнодорожные магнаты. Самуил Поляков оказал Каткову существенную финансовую поддержку при основании Лицея цесаревича Николая.

[42] Там же. Л. 3—3 об. Владимир Карлович Саблер (1845—1929) в описываемое время был управляющим канцелярией Св. Синода. Д. А. Толстой был в отпуске по болезни, жил в своем имении и не мог лично принять активное участие в решении вопроса о «Московских ведомостях».

Если купечество министру финансов, в случае его прибытия на ярмарку,[43] выскажет желание, ввиду моего направления, чтобы «Московские ведомости» перешли ко мне, — писал он Баранову, — этим облегчится переход их, отчасти уже намеченный, а вместе расстроит подходы евреев, говорят, уже начавшиеся. Голос министра финансов будет особенно важен при решении вопроса: ставить ли чиновника в редакторы или передать газету уже известному публицисту на прежнем праве аренды?[44]

Из Нижнего жду подробностей, — уведомлял он Корнилова 20 августа, — Вышнеградскому говорено было обо мне несомненно. Он ответил, что может иметь значение в данном деле, но небольшое. Главное значение принадлежит, разумеется, Делянову, но еще главнейшее, по его словам, Константину Петровичу. Это и должно быть так, и это меня смущает. Победоносцев, хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай перед властями, теперь имеет против меня зуб... А родные-то братья, когда поссорятся, знаете — бывают злее чужих.

В преддверии своей поездки в Петербург и визита к Победоносцеву Гиляров просил, «чтобы проложена была до того времени к его сердцу дорога».[45]

30 июля к Т. И. Филиппову[46] обратился за поддержкой его давний протеже, профессор Варшавского университета А. С. Будилович. Во главе издания он предлагал поставить своего тестя Адольфа Ивановича Добрянского, деятельного сотрудника венского «Parlamentar'а», «как самого выдающегося и заслуженного русско-славянского мыслителя и деятеля». «Как громко и авторитетно заговорил бы этот патриарх современного славянства с высоты Кремля!..» — уверял Будилович.

Правда, — добавлял он, — А. И. Добрянский провел свою жизнь в среде западноевропейской и более знаком с нею, чем с русскою жизнию, условиями русской печати, вкусами наших читателей и с нашим литературным языком. Но пробелы эти мог бы восполнить один из русских публицистов. Я сам не прочь в таком случае оставить на время свою университетскую кафедру и стать соредактором Адольфа Ивановича по «Московским ведомостям», как некогда Леонтьев был соредактором Каткова... Если бы встретились формальные или дипломатические затруднения к гласному редакторству Адольфа Ивановича, как австрийского подданного и ославленного «панслависта», то я мог бы... взять газету на свое имя, конечно, при негласном, но столь же деятельном соучастии моего тестя. Надеюсь,

---

[43] Имеется в виду проходившая ежегодно в июле — августе знаменитая Нижегородская (бывшая Макарьевская) ярмарка.

[44] РНБ. Ф. 847. № 370. Л. 2 об.

[45] РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 4—7 об. Первая поездка Гилярова в Петербург состоялась в последних числах августа — начале сентября.

[46] Тертий Иванович Филиппов (1825—1899) — государственный и общественный деятель, писатель, публицист. В то время занимал должность товарища государственного контролера. Был убежденным сторонником возвращения русской церкви к каноническим основаниям церковной жизни. На этой почве имел неприязненные отношения с Победоносцевым. По целому ряду вопросов внешней и внутренней политики расходился с Катковым. Близкий приятель И. П. Корнилова и Гилярова.

что он не откажется прибыть со мною в С.-Петербург для личных объяснений по этому делу, если это окажется нужным.[47]

12 октября Будилович сообщал Филиппову, что, последовав его совету, отправил при частном письме формальное прошение на имя Делянова.

Я не решился бы на столь смелый шаг, — писал в прошении Будилович, — если бы в их <претендентов> числе находился второй Катков; но так как, судя по газетным сообщениям, его нет между соискателями, а вследствие того «Московские ведомости» становятся оброчною статьею, на которую каждый может торговаться, то, быть может, и мое скромное имя найдет место в означенном списке.

Касаясь вопроса арендной платы, он соглашался заключить контракт на тех же условиях, что и Катков.[48]

Также в конце июля заявил о своем желании стать издателем московской газеты М. Г. Черняев. Действовать при этом он решил через министра Двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова, с которым Михаил Григорьевич был связан еще со времен издания «Русского мира» и сотрудничества в нем близкого к Воронцову Р. А. Фадеева.

«Московские ведомости» не есть частная собственность, а государственная, — писал он Воронцову, — издаются под государственным гербом и передавались всегда лицу по выбору самого правительства. Едва ли удобно будет отдать их, когда они приобрели европейское значение, безымянной артели сотрудников, так как всем известно, что сыновья Каткова слишком молоды, чтобы продолжать деятельность отца на поприще, к которому он их и не готовил. Мне кажется, что И<ван> Д<авыдович> не имеет определенного взгляда по этому вопросу, решение которого будет, как мне кажется, более зависеть от его советников, чем от него самого, если ему не будет дано указание свыше.[49]

Письмо Черняева министр Двора тогда же (28 июля) передал Государю. «От себя могу добавить одно, — замечал он, — что Катков оставил детям очень крупное состояние». На полях записки Воронцова Александр III собственноручно приписал, по обыкновению, карандашом: «Делянов будет у меня завтра, так что переговорю с ним о Черняеве. — По-моему, Черняев мог бы вести дело, если не слишком начнет фантазировать и увлекаться».[50] Делянов отреагировал на просьбу Черняева без энтузиазма. «Правду сказать, — писал он на следующий день Победоносцеву, — кандидат неважный. Брульон и сумасброд».[51]

В разговорах с министром народного просвещения Александр III ставил непременным условием, чтобы «характер газеты по возможности не изменял-

[47] ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1500. Л. 17—18 об.

[48] Там же. Л. 25 об.

[49] РГБ. Ф. 58/II. К. 142. № 34. Л. 1—2.

[50] Там же. Л. 6.

[51] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 675. *Брульон* — здесь: баламут; возможно, Делянов обыгрывает созвучие фамилии Черняева и основного значения французского «брульон» — черновик.

ся».[52] Каким образом истолковать и реализовать желание Государя — зависело от его ближайшего окружения. Очевидно, что на первых порах ни у монарха, ни у его министров не было однозначного ответа, кем заменить или, по выражению Делянова, «заместить» Каткова. Было, однако, лицо, которое, уже хотя бы в силу занимаемой им должности, имело непосредственный интерес в сложившейся ситуации. Этим человеком был начальник Главного управления по делам печати.

Еще до своего возвращения из-за границы Феоктистов списался с Деляновым и навел того на мысль, что дело Каткова могут с успехом продолжать члены его редакции.

> Правда, — замечал он, — эти люди никогда не были самостоятельными деятелями, они лишь в точности исполняли то, что требовал от них Михаил Никифорович, вполне усвоили себе его идеи, обладали недюжинными сведениями, — зачем же было разорять это гнездо? Я видел немало примеров того, что значило побывать в школе Каткова и Леонтьева: на всех она оставляла неизгладимый отпечаток.[53]

По словам Феоктистова, ему удалось тогда же склонить Делянова на свою сторону, а тот, в свою очередь, замолвил слово за Петровского перед Победоносцевым. Дабы нейтрализовать влияние Мещерского, всячески старавшегося дискредитировать имя Петровского в глазах царя, ими был поднят скандал вокруг странных отношений князя с горнистом одного из гвардейских полков. Мещерский в письмах Победоносцеву и царю решительно отвергал возводимое на него обвинение в мужеложстве, разоблачая в той же манере своих противников.

> Допустив даже, что все возводимые на меня клеветы правдоподобны, — писал он Александру III, — что они значат сравнительно с тою мерзостью, про которую Победоносцев отлично знает, — продажи Феоктистовым Островскому жены и сожития втроем, при условии, что за это Феоктистов пользуется милостями Островского. По-моему, нет мерзости на свете мерзее этой, и что же? Тот же Победоносцев, который отлично знает, что летняя история моя — это клевета и ложь... этою клеветою чернит меня и смущает Вас, и тут же, все зная про Феоктистова, находит согласуемым с Вашими интересами поддерживать сделку Феоктистова с Петровским.[54]

Феоктистову, как главе цензурного ведомства, было удобнее иметь в своем ведении издание, возглавляемое человеком знакомым, предсказуемым, покладистого нрава (не чета Каткову),[55] к тому же обязанным своим местом его за-

---

[52] Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 267.

[53] Там же. С. 266—267.

[54] Цит. по: *Дронов И. Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский... С. 72.

[55] «О Каткове можно сказать, — писал Феоктистов, — что он был, как выражаются французы, un mauvais coucheur (неудобный сожитель). Обладал он натурой деспотическою и в высшей степени страстною, не допускал никаких компромиссов и уступок в ущерб делу, которое близко принимал к сердцу» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 105).

ступничеству. Ходили слухи и о его материальной заинтересованности в этом деле.

По приезде в Петербург Феоктистов узнал, что на газету уже претендует несколько кандидатов. Помимо вышеназванных лиц, в качестве претендентов выступили историк Д. И. Иловайский, поэт гр. А. А. Голенищев-Кутузов, редакторы: «Киевского слова» А. Я. Антонович, «Варшавского дневника» П. А. Кулаковский, «Кавказского вестника» Шавров.[56] Феоктистов немедля списался с Петровским, вызвав того к себе из Москвы.

> Николай Алексеевич <Любимов>, сидящий в эту минуту у меня, — писал он ему 2 сентября, — просит сообщить Вам его адрес <...>. Любимовы теперь переезжают на новую квартиру и в четверг, то есть завтра, уже окончательно там устроятся. Просят они Вас, когда приедете, остановиться у них <...>. Приезжайте, приезжайте. Очень ждем. Найдется многое, о чем потолковать.[57]

Понимая, что судьба издания решается теперь в Петербурге, Петровский, оставив Васильева и Грингмута писать передовицы, отбыл в Северную столицу, где его с нетерпением ждали его влиятельные заступники. За сентябрь предстояло согласовать с Феоктистовым и Деляновым условия будущего контракта. Изначально предполагалось заключить его, как и с Катковым, на 12 лет, в обоснование чего Петровский писал:

> Ведение большой политической газеты дело очень сложное и трудное. От желающего принять на себя подобное бремя потребуется не только напряжение всех его умственных и нравственных сил, но и крупные денежные затраты (покупка типографии, внесение 45 000 руб. залога, необходимость новому арендатору, еще не приобретшему кредита, иметь достаточный оборотный капитал, все это заставляет вложить в дело от 100—150 тысяч рублей).[58] Кроме того, ясно созна-

[56] РГБ. Ф. 224. П. 3. № 9. Л. 2. Николай Николаевич Шавров (1858—1916) — кавказский промышленник, шелковод, издатель. Неполный список претендентов приводит Ю. Г. Оксман в примечаниях к воспоминаниям Феоктистова (см.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 289).

[57] РГБ. Ф. 224. К. 2. № 52. Л. 73.

[58] Источник финансирования этих затрат неясен. В 1893 г. в письме к Победоносцеву Цион утверждал, что «Московские ведомости» спустя несколько месяцев после смерти Каткова были подкуплены французским правительством: «Знаменитый чек в полмиллиона франков действительно был выманен у Панамского общества для покупки “Московских ведомостей”, — писал он. — ...Не знаю, кто возымел мысль обратиться к французскому правительству, но переговоры велись одним корреспондентом “Московских ведомостей”... Сколько досталось Петровскому, сколько его посредникам — мне, разумеется, неизвестно. В первый момент я даже полагал, что Петровский тут был не при чем. Но страх, объявший его при одной мысли, что я занялся разъяснением этого дела, служит для меня несомненным доказательством, что у него “рыльце в пуху”» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 984—985). Узнав из французских газет об истории с чеком, Е. Л. Кочетов увидел в ней происки мирового еврейства во главе с парижскими банкирами, хотевшими, якобы, завладеть «Московскими ведомостями» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 753.

вая, что смерть такого издателя, как М. Н. Катков, должна неизбежно невыгодно отразиться на «Московских ведомостях», будущий арендатор, при добросовестном отношении к делу, должен озаботиться, не жалея расходов, усилением состава редакции и повысить заработную плату, крайне низкую в настоящее время. Действительно, я имею в виду, сохранив весь прежний состав сотрудников... пригласить, кроме того, несколько новых талантливых сотрудников, занимающих места на коронной службе. Но они соглашаются оставить службу и всецело посвятить себя тому делу и знамени, которому так доблестно служил покойный издатель, лишь в том случае, если они будут уверены, что передача мне «Московских ведомостей» гарантирует их, по крайней мере, на двенадцать лет.[59]

В крайнем случае редактор соглашался на 6-летний срок аренды.

В сентябре или начале октября предполагалось обсудить вопрос о «Московских ведомостях» в частном совещании из высших чиновников в составе Делянова, Победоносцева, Вышнеградского, Островского, Феоктистова и государственного контролера Д. М. Сольского.[60] Они должны были рассмотреть все кандидатуры и определить условия нового арендного договора. Но еще загодя кандидатура Петровского была согласована и одобрена большинством сановников. 28 сентября Делянов в письме испросил согласия на нее у Д. А. Толстого. Перечислив претендентов на пост редактора, министр пояснял:

Следя за духом и направлением «Московских ведомостей», руководимых последнее время г. Петровским, *обер-прокурор Святейшего Синода, министр государственных имуществ, управляющий Министерством финансов и начальник Главного управления по делам печати*, а равно и я полагали бы оставить издание «Московских ведомостей» за г. Петровским. Он человек во всех отношениях благонадежный, пользовался уважением и полным доверием со стороны покойного Каткова и представляет сам по себе полное ручательство того, что серьезный и имеющий большое значение орган будет и впредь издаваться в том же духе, в каком издавался до сего времени. Притом все настоящие сотрудники редакции «Московских ведомостей», из коих некоторые, весьма опытные и даровитые, находятся с Петровским в самых дружественных отношениях, по всей вероятности, не прекратят своего участия в газете до тех пор, пока он будет состоять во главе редакции.[61]

Толстой, которого, по всей вероятности, уже успели ввести в курс дела Пазухин и Феоктистов, не возражал. Однако, несмотря на единодушие большинства министров, интрига вокруг газеты не успокоилась.

Благодаря отъезду Петровского мы располагаем письмами и телеграммами, которые регулярно посылали ему из Москвы его сотрудники, снабжавшие его

Л. 1—2 об.). Упомянутое в письме Циона акционерное общество по строительству Панамского канала было тесно связано с французским правительством. Банкротство кампании в конце 1880-х гг. вызвало во Франции грандиозный скандал. Состоявшийся тогда же громкий судебный процесс вскрыл факты нецелевого расходования денежных средств акционеров, подкупа должностных лиц и органов печати.

[59] РГИА. Ф. 733. Оп. 150. № 261. Л. 37—38.

[60] РГБ. Ф. 224. П. 3. № 9. Л. 1.

[61] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. № 126. Л. 1—2.

сведениями о предпринятых конкурентами шагах и циркулирующих в обществе слухах. 10 октября, накануне совещания, ему писал Цветков:

> Сообщаю для сведения сплетню, которая идет из сфер московской аристократии. Говорят, что П. И. Бартенев[62] хлопочет о получении «М<осковских> в<едомостей>» чрез Воронцова-Дашкова и имеет надежду на успех. А что министры вырабатывают контракт, это, он полагает, избавит его от лишних хлопот. Контракт может быть взят им уже готовый. Говорят еще, что затеи этой не чужда наша *дама.*[63] О хлопотах Иловайского, через Рихтера,[64] и Гилярова, кажется, через Копрова <?>[65] или вместе с ним Вы, вероятно, сами знаете. Но Бартенев смущает Грингмута, которому я это сообщил и который просил выразить Вам его огорчение.[66]
>
> Интересно лишь знать, — вторил Цветкову Н. В. Васильев, — в какой мере будет Вам серьезным конкурентом этот издатель «Русской старины» <так!>, г. Бартенев? Предполагается, однако, что все ваши хлопоты о контракте обратятся в его пользу, как облупленное для него яичко. Помимо всякой комиссии и других министров о Бартеневе сделает де доклад Воронцов-Дашков прямо Государю и тем отблагодарит его за труды по составлению монографии о роде Воронцовых.[67] Катковская семья тоже, будто бы, работает в пользу Бартенева. Цветков говорит, что Грингмут очень смущен этою вестью. Я пока не смущаюсь, но желал бы иметь от Вас положительное успокоение. Сознаюсь, впрочем, что меня больше беспокоят Сольский с Тертием <Филипповым>... Еще: из кого-то Бартенев рассчитывает составить редакцию?[68]

В ответ на успокоительную телеграмму Петровского Васильев сутки спустя сообщал:

> Вообще, фонды наши, кажется, понизились, а не повысились. Грингмут говорил мне: «Если действительно за Бартеневым стоит семья Катковых, дело плохо». А что если, в самом деле, дело будет обделано прямо при Дворе чрез Воронцова-Дашкова, благоволящего к Бартеневу? Если туда будут направлены все ложные жалобы на Вас? Кто их будет проверять?... Я как-то заметил Цветкову, что влияние Воронцова-Дашкова может быть парализовано К. П. Победоносцевым. Цветков ответил, что едва ли Победоносцев принимает дело к сердцу, и притом неизвестно, что он думает.

---

[62] Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — издатель исторического журнала «Русский архив». Его имя, если верить информации, которой снабжали Петровского его сотрудники, всплыло перед самым совещанием. По этой причине или потому, что конкуренты Петровского на последнем этапе сознательно решили действовать в обход комиссии, кандидатура издателя «Русского архива» официально даже не рассматривалась министрами.

[63] Т. е. С. П. Каткова.

[64] Оттон Борисович Рихтер (1830—1908) — генерал-адъютант, начальник Комиссии прошений на Высочайшее имя, сановник, имевший, по словам С. Ю. Витте, большое влияние на Александра III, но редко им пользовавшийся (см.: *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 204).

[65] Вероятно, не Копрова, а Корнилова.

[66] РГБ. Ф. 224. К. 2. № 59. Л. 2—2 об.

[67] Васильев имеет в виду 40-томное издание «Архива князя Воронцова».

[68] РГБ. Ф. 224. К.1. № 18. Л. 9.

В том же письме Васильев упоминал о расхожих толках по поводу личности Петровского.

Особенно играют на том, — писал он, — что Вы будто бы сказали, что вопрос о пенсии вдовы[69] будет зависеть от ее поведения. Другая легенда, что как издатель «Московских ведомостей» Вы только подставное лицо, что Вы будто бы сами сказали вдове, что за Вами стоят Любимов и Феоктистов.[70]

Толкуют о каких-то генерал-адъютантах, — сообщал пять дней спустя Васильев, — которые под покровительством близкого Государю Рихтера хотят взять газету, чтоб издавать ее под редакцией если не Бартенева, то Иловайского. Нечто подобное толковал барон,[71] который, по его словам, состоит в хороших отношениях с Тертием. Против Вас, будто бы, сильно действуют Корнилов с друзьями.[72]

Семья Катковых до последнего момента не расставалась с надеждой тем или иным способом сохранить контроль над «Московскими ведомостями» или, хотя бы, не допустить перехода издания в руки Петровского. Были приложены усилия к тому, чтобы расколоть редакцию изнутри[73] и дискредитировать Петровского и его сотрудников в глазах правительства.

Оказывается, что Сергей Иванович <Соколов> пишет некоторое сочинение для посылки к К. П. Победоносцеву, — сообщал 1 октября редактору Васильев, — ...оно есть нечто среднее между жалобой, обвинительным актом и доносом. Цель сочинения — очернить Вас пред Победоносцевым и убедить его, что Вы в издатели «Московских ведомостей» не годитесь.[74]

Кроме Серг. И. Соколова, — предупреждал Васильев десять дней спустя, — есть у Вас и у нас еще деятельный и крикливый враг — Кочетов. Он письменно уговаривает Грингмута отстать от Вас и от Вашей «клики». Пускает в ход всю ту легенду, которая изложена в известном «сочинении» Соколова, уверяет, что это сочинение уже в руках Победоносцева, и что Победоносцев всем его показывает и т. д.[75]

На следующий день Васильев телеграфировал:

Гиляров был приглашен в Знаменское <подмосковное имение Катковых>, потом поехал в Петербург. Ждите в «Современке» <«Современных известиях»> кочетовской статьи о Вас и каждом редакционном, не щадящей домашнего очага.

---

[69] Эта пенсия была обещана Софье Петровне министром народного просвещения за заслуги ее покойного мужа, см. выше.

[70] РГБ. Ф. 224. К.1. № 18. Л. 11—11 об.

[71] Вероятно, здесь имеется в виду бар. Александр Ричардович Энгельгардт (1859—?), зять Каткова, женатый на его дочери Софье Михайловне.

[72] РГБ. Ф. 224. К. 1. № 18. Л. 14.

[73] «Она <С. П. Каткова> очень горюет, что арендатором газеты будете Вы единолично, а не в товариществе с несколькими из сотрудников, — передавал Васильев Петровскому. — Ей хотелось бы, чтобы выгоды от издания делились между членами редакции и т. д. Когда нечто подобное говорит К. Н. Цветков — это совершенно понятно; но какой смысл могут иметь такие речи в устах Софьи Петровны?» (Там же. Л. 2—2 об.).

[74] Там же. Л. 3.

[75] Там же. Л. 11—11 об.

Пущен ли в ход пасквиль Кочетова, неизвестно. — сообщал он 16 октября. — Но между наборщиками всех типографий идут толки об его содержании.[76]

В записке, о которой идет речь,[77] написанной в виде письма к издателю, Кочетов утверждал: заверения сотрудников «Московских ведомостей» о преемственности между ними и Катковым не имеют под собой решительно никакого основания и являются умышленной ложью с целью ввести правительство в заблуждение относительно настоящего состояния редакции. За последние пять лет состав редакции почти полностью обновился: не считая умерших, выбыло 16 старых сотрудников, притом, что редакционный коллектив никогда не превышал 15-ти человек. Из числа тех, кто успел более или менее продолжительное время проработать при Каткове, в нынешней редакции, не считая Петровского, остаются Н. В. Васильев, С. И. Соколов и К. Н. Цветков. Два последние, впрочем, не являются «пишущими» сотрудниками: Цветков при Каткове исполнял должность старшего корректора, а Соколов,

кроме обязанности писать под диктовку усопшего и ведать его бумаги... делал только выборки из провинциальных газет, так что личная журнальная его деятельность в газете имела второстепенное значение.

Что касается Васильева, сочинявшего при Каткове передовицы по финансово-экономическим вопросам, то, решив в 1884 г. издавать на купеческие капиталы собственную газету «Голос Москвы», он вышел из редакции «Московских ведомостей». В своей газете он не раз нападал на идеи, высказывавшиеся «Московскими ведомостями». Успев за полгода провалить свое издание, Васильев впал в нищету, и лишь за два месяца до своей кончины Катков простил его и, снисходя к его бедственному положению, снова принял в свою редакцию. Тем не менее, по словам автора записки, это «не дает ему еще права объявлять о себе как о носителе традиций покойного». Самым способным из членов редакции Кочетов признавал Грингмута. Однако Грингмут стал постоянным сотрудником газеты лишь недавно,[78] так что и он не мог быть отнесен, по мнению Кочетова, к тем «мифическим лицам» из пресловутого заявления редакции, с кем «в течение многих лет до последних дней своих ежедневно беседовал» Катков, «разъясняя им свои взгляды, убеждения и намерения», кто был посвящен «во все его планы».

Главным же объектом нападок в записке оказался Петровский. Мотивом к его принятию в редакцию в 1880 г. были, писал Кочетов, «доброе сердце покойного, а также безвыходное положение вновь вступившего», в течение двух

[76] РГБ. Ф. 224. К. 1. № 18. Л. 13, 14 об.

[77] Ее писарская копия, а также подготовленные к печати в «Современных известиях» гранки хранятся, в частности, в ОПИ ГИМ: Ф. 83. Оп. 1. № 192. Л. 110—122 об.; Ф. 2. Оп. 1. № 60. Л. 38—46.

[78] По свидетельству К. Н. Цветкова, В. А. Грингмут был внештатным сотрудником «Московских ведомостей» с начала 1880-х гг. Катков поручал ему составление передовиц по проблемам гимназического и университетского образования. См. также письма Грингмута к А. В. Половцову // РНБ. Ф. 601. № 367.

недель проигравшего на московской бирже, как гласила молва, почти стотысячное состояние своей жены и, задолжав при этом крупную сумму на стороне, оставшегося без средств при жене и детях. Вначале Катков пробовал поручать ему составление передовых статей, но, по словам Кочетова, тот «оказался неспособным к какому бы то ни было писательству». Тогда в его ведение передали редакционную корреспонденцию. Усердие, с которым новый сотрудник занимался возложенным на него делом, его тихий нрав и мягкость обращения доставили ему год спустя место секретаря редакции, что дало ему возможность несколько раз в день являться в кабинет издателя за приказаниями. С тех пор Петровский все более усиливался, выживая непокорных сотрудников и, за спиной Каткова, умело использовал возможности газеты для личного обогащения. Разумеется, все вокруг

> волновалось и роптало, но жалобы не доходили до окруженного надежной стеной Михаила Никифоровича. За последние годы он почти не заходил в редакцию, в которой теперь имеются сотрудники, его почти никогда не видавшие. <…> Из всего вышесказанного, — заключал автор записки, — кажется, должно быть ясно, что в последние годы при покойном издателе… была не редакция, а канцелярия с экзекутором во главе, этим и объясняется, что «Московские ведомости» в последние три-четыре года кроме блестящих передовых статей и статей случайных со стороны по остальным редакционным отделам блистали отсутствием содержания, сплошь и рядом заменяемого перепечатками из петербургских газет.

Первоначально Кочетов намеревался опубликовать свою записку в «Новом времени», но Суворин, не желая портить отношения с Феоктистовым, отказался ее принять. Тогда Кочетов решил действовать через Гилярова-Платонова. 8 октября тот направился в Петербург добиваться «Московских ведомостей» и составил докладную записку,[79] в которой, полагаясь на сведения враждебной Петровскому «партии», попытался открыть глаза министрам на истинное, как он думал, положение вещей. К своей записке Гиляров приложил гранки кочетовской статьи.

> Не знаю, что и думать, — писал Делянов Победоносцеву 3 октября, ознакомившись с запиской, — но мне с первого взгляда кажется, что изложенное в письме Гилярова есть махинация людей, желающих захватить «Московские ведомости» в свои руки. Я уже слышал, будто бы Энгельгардт[80] говорил, что он употребит все от него зависящее, дабы «Московские ведомости» не попали в руки Петровского. Впрочем, посылаю теперь же за Любимовым, который в течение 20 лет был alter ego Каткова. Не думаю, чтобы он был на стороне разбойника. Сам Катков в течение многих лет отзывался мне с похвалою о Петровском и вполне ему доверял. Отчего бы, кажется, скрывать свои мнения в продолжительных и неоднократных разговорах со мною. На Васильева Катков несколько рассердился, когда он писал в редакции «Голоса Москвы». Когда эта газета прекратилась, и я спросил Каткова, каким образом случилось, что он опять Васильева взял к себе, Катков отвечал:

[79] РГИА. Ф. 733. Оп. 150. № 261. Л. 32—33 об.
[80] См. выше сноску 71.

«Ну, Бог с ним, в самостоятельные деятели он не годится, а как деятель второстепенный он может почитаться дельным». Наконец, при дружественных связях Каткова с Феоктистовым, Георгиевским, Ивановым (Гавриилом Афанасьевичем), братьями Поляковыми, Архиповым, неужели мог он никогда не обмолвиться о черной, по письму Гилярова, душе Петровского?.. [81]

Ознакомив министров с содержанием кочетовской статьи, Гиляров не решился предать ее широкой огласке. [82] Ее публикация нанесла бы репутации Петровского серьезный удар независимо от того, насколько верны были эти факты сами по себе. [83]

Давление на министра народного просвещения пытался, тем временем, оказать Тертий Филиппов. Получив письмо Добрянского с просьбой похлопотать за Будиловича и извещая об этом 6 октября Делянова, он выражал надежду, что вопрос о «Московских ведомостях» «еще не решен окончательно, а только наклонен в пользу лица без имени и прав на преемство К<атко>ва».

Когда имеешь выбор между Б<удиловиче>м, Г<иляровы>м <может быть, Голенищевым — ?> и И<ловайски>м, то мудрено будет оправдать перед совестию и Государем избрание человека, который годился для посылок и который только тем и держится, что нюхает кое с кем табак. Не поддавайтесь дурным и низким советам; отечество наше находится не в таком положении, чтобы шутить с ним такие шутки, — увещевал министра Филиппов. [84]

Действовать через своего непосредственного начальника Филиппов, видимо, не решался: Сольский весьма неодобрительно взирал на его сотрудничество в «Гражданине», ставящее его под удар общественной критики как публициста и, одним этим, роняющее его престиж как высокопоставленного чиновника Государственного контроля. [85] На совещании государственный контролер собирался отстаивать исключительно казенный интерес.

Первое заседание Совещания по вопросу аренды университетской типографии и издания «Московских ведомостей» состоялось 12 октября на квартире

[81] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 675—676. Г. А. Иванов в то время был ректором Московского университета. А. И. Георгиевский — член Совета министра народного просвещения, председатель Ученого комитета МНП, убежденный сторонник классического образования, постоянный корреспондент и приятель М. Н. Каткова. И. П. Архипов — член Совета министра государственных имуществ и Ученого комитета МНП.

[82] 10 октября Гиляров писал заведующей редакцией «Современных известий» А. М. Гальперсон, что накануне решающего совещания министров он передал гранки статьи своему давнему знакомому Т. И. Филиппову, а тот дал их прочесть С. М. Сольскому и И. А. Вышнеградскому. Однако сын Каткова Павел уговорил Гилярова не публиковать скандальный материал — набор был рассыпан (см.: *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 240—241).

[83] Пять лет спустя Кочетов в письме Петровскому признавался в своем искреннем дружеском расположении к нему, выставляя бывшее между ними ранее недоразумением и сваливая вину за это на Грингмута с Цветковым // РГБ. Ф. 224. К. 1. № 77 (1). Л. 3—6 об.

[84] ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 1164. Л. 1—1 об.

[85] Там же. № 2644. Л. 13—14, 22, 24.

М. Н. Островского.[86] На нем присутствовали все приглашенные лица. Вкратце познакомив собравшихся с обстоятельствами дела и назвав имена претендентов на издание, Делянов подчеркнул, что Петровским, помимо официального прошения о передаче ему газеты, поданного далеко не всеми кандидатами, был представлен и проект условий, на которых он желал бы заключить контракт, причем эти условия лишь немногим разнятся от договора с прежним арендатором. Со своей стороны министр, заметив, что издание «Московских ведомостей», ведется в прежнем, охранительном, направлении и «с прежнею серьезностью воззрений», полагал, что было бы полезно сохранить существующую редакцию и потому остановиться на Петровском как ее представителе. При этом Делянов обратил внимание членов совещания и на ученые заслуги Петровского, который получил степень магистра гражданского права и состоял доцентом Московского университета и труд которого о Сенате в царствование Петра Великого был удостоен премий Академии Наук и С.-Петербургского университета. Делянова поддержали Островский и Победоносцев, прибавив, что

> в настоящем деле надлежит прежде всего руководствоваться уверенностью в сохранении новым издателем прежнего здравого направления и того же патриотического духа, коими доселе был проникнут этот важный орган печати.

Затем Феоктистов доложил, что Министерство внутренних дел не имеет ничего против кандидатуры Петровского и что Делянов уже сносился по этому поводу с Толстым, который дал ему свое согласие.[87]

---

[86] Копии журнала совещания имеются в ОР РГБ: Ф. 224. П. 3. № 9. Л. 1—10, а также в ГАРФ: Ф. 1099. Оп. 1. № 266.

[87] В своих воспоминаниях Феоктистов следующим образом описывает происходившее на совещании: «Кем заменить Каткова? Никто не дал на это определенного ответа; только И. А. Вышнеградский заявил, что он считает долгом указать на писателя весьма талантливого, безупречного относительно своего образа мыслей, а именно на Голенищева-Кутузова; но ведь Голенищев пользовался известностью как весьма талантливый поэт, никогда не пускался он в область политики, не написал ни единой статейки, посвященной обсуждению общественных вопросов: на каком же основании можно было бы предположить, что он справится с возложенною на него задачей? Вышнеградский не настаивал. Тогда я решился высказать, что если Катков скончался, то сохранилась в полном составе его редакция, подобранная им из людей образованных, способных, привыкших к журнальному делу, и которая, конечно, будет идти по следам своего бывшего руководителя; работать с Михаилом Никифоровичем было чрезвычайно трудно; каждая статья, заготовленная тем или другим из его сотрудников, подвергалась тщательному его просмотру; малейший неудачный оттенок в ней сильно раздражал его; словом, это были люди, как нельзя лучше вышколенные им. Почему же не остановить выбор на том или другом из них, но на ком же именно? Разумеется, на Петровском, ибо и при Михаиле Никифоровиче он носил звание редактора "Московских ведомостей"; превосходил он своих товарищей тем, что по окончании курса в Московском университете подвергся испытанию на степень магистра, защитил диссертацию "Сенат при Петре Великом" <...> затем начал читать лекции на юридическом факультете <...> но так как он был обременен семьей, нуж-

Сольский и Вышнеградский, «не возражая по существу» против предложения Делянова, находили, однако, что продолжать издание «Московских ведомостей» «если не с тем же талантом, которым отличался покойный их издатель, но в том же направлении, с теми же руководящими мыслями и воззрениями», можно не при одном Петровском, но «и при другом способном и благонадежном лице, на которое было бы возложено руководство редакцией». Вышнеградский предложил кандидатуру гр. Голенищева-Кутузова, человека «высоконравственного направления», отличающегося «и поэтическим талантом, и патриотизмом, и той чистотою воззрений, которая никогда не допускает во всем, им создаваемом, ничего низкого».

Отвечая Вышнеградскому, Феоктистов указал на отсутствие у Голенищева-Кутузова опыта издания ежедневной газеты. Островский же заметил, что Голенищев-Кутузов, подобно большинству конкурентов, не представил официального заявления о своем намерении арендовать «Московские ведомости», «а на одних слухах ничего основывать нельзя». Кроме того, министр считал неудобным заново входить в соглашение об условиях аренды с другими претендентами, поскольку это могло на неопределенное время затянуть заключение контракта и тем самым приостановить выпуск газеты в новом году.

> Газета и теперь находится в неблагоприятных обстоятельствах, — сетовал Островский, — редакция ее временная, до сих пор нет объявления об условиях подписки, и это должно, без сомнения, повлиять на количество подписчиков, которых и теперь только 6 т<ысяч>. Таким образом, каждый день промедления отзывается вредно на том органе печати, который вполне служит идеям Правительства и должен быть им поддержан.

После «дальнейшего всестороннего обсуждения вопроса», не нашедшего отражения в журнале, решено было согласиться с предположением министра народного просвещения и сдать газету в аренду Петровскому. Через неделю решено было собраться снова, дабы обсудить сроки аренды и финансовую сторону дела.

Узнав в подробностях о происходившем на Совещании (от Вышнеградского либо Филиппова), Мещерский на следующий день коснулся этой темы в своем очередном письме к царю.

> Делянов совсем, а Победоносц<ев> отчасти совсем одурачены и обойдены в этом деле гаденькою денежною интригою, — объяснял он императору. — Они стоят горою за отдачу «Моск<овских> вед<омостей>» Петровскому... Как человек это *дрянь* в полном смысле слова, как писатель — он бездарен...

дался в средствах для жизни, то предложил свои услуги Каткову. Петровский был человек весьма уживчивый, спокойный, обладавший большим тактом; следовало безошибочно ожидать, что он сумеет сохранить при себе весь прежний редакционный персонал. <...> Никому из правительственных лиц не пришлось раскаяться в выборе такого рода» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 267—268).

Министрам он «говорит о своей преданности Государю, а своим говорит: вот, дайте мне только забрать в руки газету, я тогда покажу им (Победоносцеву, Делянову и К°), что я ни в чьей опеке не нуждаюсь!» Выбор пал на него

> по простой причине: его выдвигает Феоктистов, начальник печати, а Феоктистов получал от Каткова содержание как корреспондент в Петербурге «Московских ведомостей», а Петровский обещает ему платить втрое больше. Вот и все... А так как Островский живет с мадам Феоктистовой, то и Островский горой за Петровского... Сольский и Вышнеградский против этой агитации и интриги, но она их не касается с нравственной стороны, а касается только с денежной.

Мещерский подсказывал Александру III, «чтобы никого не обижать», два возможных с его стороны решения: первый —

> в виду неизвестности — кто такой Петровский, дать ему в заведование «Моск<овские> вед<омости>» еще на год или на два года, но не больше, и тогда посмотреть, как он поведет дело. А другой исход еще проще: почему же Петровскому, спросить Вы бы могли, а не талантливым людям!

Не услышав веского, вразумительного ответа, писал Мещерский,

> Вы бы смело могли настоять на желании видеть «Моск<овские> вед<омости>» в руках более известного и талантливого издателя. Но главное в этом деле было бы, если Вы не допустили бы на 6 лет отдавать Петровскому «Моск<овские> вед<омости>» без этого опыта 1-го или 2-х лет. Тогда вся интрига рухнет...[88]

На втором заседании 19 октября усилия Сольского и Вышнеградского были направлены на то, чтобы уменьшить предполагаемый срок аренды и финансовые льготы новому арендатору. Ими было сразу заявлено, что контракт не следует заключать на двенадцать лет, как то предполагалось в проекте, и что срок договора должен быть сокращен. Сольский предложил отдать «Московские ведомости» Петровскому на три года, объяснив свое мнение тем, что

> новый предполагаемый издатель еще недостаточно известен правительству как полный распорядитель газеты, каковым он может быть вполне оценен только тогда, когда поведет издание в течение некоторого времени самостоятельно.

В том же духе высказался Вышнеградский, назвав максимальным сроком аренды шесть лет. Выступавший вслед за тем Победоносцев, сославшись на вред, который частая смена издателя наносит ежедневной газете, посчитал возможным заключить контракт на восемь лет. Обсудив эти доводы, остановились на том, что арендный договор должен быть заключен на шесть лет, но если по истечении первых двух-трех лет министром народного просвещения будет признано, что издание «ведется безукоризненно», аренда может быть им «без дальнейших сношений» продлена еще на три года сверх шестилетнего срока.[89]

---

[88] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. № 895. Л. 353—354.

[89] Спустя два с небольшим года министр народного просвещения во всеподданнейшем докладе специально остановился на работе новой редакции: «От нынешней редакции

Затем Совещание приступило к обсуждению финансовой стороны договора. Послабления, допущенные в его проекте, по сравнению с контрактом Каткова, вызвали возражения Сольского и Вышнеградского. Ими был отвергнут пункт, по которому за право издания «Московских ведомостей» арендатор вместо прежних 11 тысяч рублей в год платил по 6 тысяч в течение первых шести лет.[90] Проектом предполагалось, что издатель в 1888 г. будет освобожден от платы за пользование типографией (12 тысяч рублей), с тем чтобы он произвел ремонт ее зданий. Поначалу и этот пункт соглашения решили убрать, но затем согласились с мнением Вышнеградского, полагавшего возможным не взимать плату за первый год, с условием, что арендатор обязан будет отремонтировать здания в полном объеме на свои средства, причем даже в том случае, если смета по ремонту превысит оные 12 тысяч.[91] Наконец, Вышнеградский убедил Совещание

нельзя, конечно, требовать такого могучего слова и такой силы суждения, какими отличался Катков <...>. Но обязанности журналиста по отношению к правительству, оказавшему ему доверие, нынешним издателем “Московских ведомостей” исполняются в высшей степени добросовестно. Все важные правительственные мероприятия последнего времени находили в “Московских ведомостях” верное и вполне благонамеренное истолкование; русские государственные интересы постоянно защищались. Были при защите этих интересов и преувеличения и ошибки, обличавшие недостаток такта, но они нередко бывали и при огромном таланте прежнего редактора, да и вообще более или менее неизбежны в спешном ежедневном журнальном деле» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 290).

[90] В очередном письме Суворину Кочетов, передавая ходившие в обществе слухи, писал за несколько дней до совещания: «Петровскому обещали “Моск<овские> вед<омости>” большинство министров, и так как их продолжает читать и верить им Государь, и он (Петровский) обещал проводить все, что ему укажут министры, то ему сбавили 20 т<ысяч> против Мих<аила> Н<икифорови>ча» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 2033. Л. 154).

[91] Сформулированное подобным образом, это условие обернулось вскоре против издателя. В начале 1888 г. по осмотре зданий типографии (редакция и типография находились на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара) комиссией, назначенной Правлением Московского университета, оказалось, что речь должна идти об их капитальном ремонте, включающем подведение фундаментов и возобновление стен. Весь ремонт оценивался приблизительно в 60 тыс. рублей, причем его следовало произвести в ближайшие два—три года. Петровский обратился за помощью к министру народного просвещения, прося либо взять казне ремонт на себя (при этом издатель готов был лишиться льготы, освобождавшей его от взноса 12 тыс. рублей арендной платы за 1888 г.), либо позволить ему не вносить арендную плату в течение стольких лет, пока не покроется сумма, затраченная им на ремонт. Причем Петровский уверял, что до осмотра зданий университетской комиссией он находился в неизвестности относительно возможной его стоимости, поскольку не имел права ни входить в помещения, занятые семьей Каткова, ни пригласить архитектора для их осмотра (см.: ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 266. Л. 1—3).

Летом 1888 г. просьба Петровского была передана Деляновым на заключение Департамента гражданской отчетности Государственного контроля, т. е. Тертия Филиппова. В официальном письме министру Филиппов отвечал, что не считает себя вправе изъя-

изменить в интересах казны порядок уплаты издателем суммы за сбор с казенных объявлений. Ранее ее размер был фиксированным и не превышал 27 тысяч в год. Вышнеградский полагал, что эта плата, составляющая «всю выгоду аренды» «Московских ведомостей», должна составлять известный процент с годового дохода от казенных объявлений, уменьшаясь по мере увеличения количества подписчиков. По самым скромным расчетам такой порядок приносил государству больший доход, чем платил издатель прежде, заставляя последнего, с другой стороны, всячески заботиться о привлечении возможно большего числа читателей, а значит, по мнению Вышнеградского, о большем разнообразии и содержательности газеты.[92]

Доклад, представленный министром народного просвещения Александру III по завершении работы совещания, был утвержден императором, но с существенной оговоркой:

> Осторожнее передать ему <Петровскому> на год «Московские ведомости», а потом увидим. Я слышал о нем не особенно благоприятные отзывы.[93]

Главным виновником этой резолюции был, вероятно, Мещерский. Делянов, сообщая о ней 29 октября Победоносцеву, пояснял:

вить от имени Государственного контроля согласие на просьбу издателя. Обосновывая свое мнение, он утверждал, что условия аренды «и без того для казны очень убыточны, а для арендатора крайне льготны». Филиппов обращал внимание Делянова на то, что, подписывая контракт, Петровский, как давний редактор «Московских ведомостей» и вообще как человек, близкий к бывшему арендатору газеты и типографии, не мог не знать действительного положения зданий типографии. «И эта льгота, — возмущался товарищ государственного контролера, — предполагается в ту пору, когда министр финансов изнемогает под бременем облежащих его забот и часто бывает принужден, наступя на сердце, урезывать и без того скудные пенсии сиротам и бедным вдовам» (Там же. Л. 4—6).

Одновременно Филиппов написал Вышнеградскому, поделившись с ним тем соображением, что затруднения Петровского не должны составить проблему для правительства. Ведь другие соискатели «с чистыми и во всей России чтимыми именами» по-прежнему готовы взять в аренду газету и типографию в случае несостоятельности нынешнего издателя. «И конечно, — замечал он язвительно, — ни Будилович, ни Иловайский, ни граф Голенищев-Кутузов не придут на другой день по заключении с ними договора просить о его изменении, ссылаясь на мнимое недоумение». Филиппов надеялся, что в случае разногласия с ним министра народного просвещения вопрос будет решаться в Государственном совете, где не жаловали «Московские ведомости» (Там же. Л. 12—16). В 1889 г. дело еще тянулось и должно было рассматриваться в Комитете министров (Там же. № 1255. Л. 5—5 об.). Нерешенность финансовой стороны дела заставляла Петровского надеяться на заступничество своих высокопоставленных покровителей, что не могло не поставить редакцию в еще большую зависимость от них.

[92] В 1885—1887 гг. сумма, получаемая издателем за печатание казенных объявлений, равнялась в среднем 75 тыс. рублей в год.

[93] РГИА. Ф. 733. Оп. 150. № 261. Л. 49б.

Понятно, что интрига залезла в Данию и там сумела бросить свои семена.[94] Спасибо Государю за его открытое сердце, а то при существующих интригах и всяческих происках нельзя было бы и жить. Посоветуемся, как теперь поступить.[95]

Подобная резолюция не могла удовлетворить покровителей Петровского, и в итоге им удалось склонить Александра III к тому, чтобы утвердить предположенный Совещанием шестилетний срок аренды. Более того, Петровскому все-таки сделали отмененную было Совещанием поблажку в отношении платы за право издания, составившей, согласно первоначальному проекту, 6 тысяч рублей.[96]

21 ноября на первом листе «Московских ведомостей» была, наконец, помещена программа будущего издания. Новый издатель обещал следовать стопами Каткова и сделать все от него зависящее, дабы оправдать «высокое правительственное доверие», оказанное всей «редакционной семье» покойного. Говорилось также и о том, что, подобно Каткову и Леонтьеву, новая редакция не связана ни с какими кружками и «партиями». Отмечая, что «интерес» газеты ранее «сосредоточивался, главным образом, в отделе передовых статей», Петровский объявлял о своем намерении усилить и другие отделы, как того желал Катков. Александр III на поднесенной ему Деляновым программе издания написал: «Надеюсь, что он сдержит свое слово до конца».[97]

В продолжение второй половины 1887 г. главное цензурное начальство действовало в отношении газеты весьма дружелюбно и деликатно. Феоктистов в письмах к Петровскому никогда не брал тон распорядителя, но всегда — союзника, благожелательно, иногда настоятельно, советовал. Так, в начале сентября глава цензурного управления предостерегал Петровского от слишком рьяного подражания Каткову в его отношении к Германии:

Обратите внимание на следующее — как говорится у нас в канцеляриях — «совершенно доверительное» сообщение. Гирс препроводил к гр. Д. А. Толстому письмо, в котором сильно жалуется на печать. Мотив письма следующий: переговоры по Болгарскому вопросу в полном ходу; Германия поддерживает наши интересы; надежды наши опираются на нее; следовало бы всячески стараться об успехе дела, а между тем наши газеты именно теперь усиленно доказывают, что Бисмарк мошенничает, и что ему ни на грош доверять нельзя. При таких условиях вести переговоры крайне затруднительно. Из всех газет Гирс указывает исключительно на статьи, появившиеся в №№ 214, 217 и 219 «Московских ведомостей». Граф Дмитрий Андреевич переслал мне письмо Гирса «для соответствующего распоряжения». Распоряжение будет заключаться в том, что я завтра созываю у себя здешних редакторов и объясню им, что ввиду важности теперешнего момента им необходимо быть сдержаннее и не травить германского канцлера. Во всяком случае, следовало бы выждать, как выяснятся теперешние переговоры... Сообщаю

[94] Александр III в октябре — начале ноября гостил в Копенгагене.
[95] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. С. 676.
[96] ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. № 266. Л. 4—6.
[97] РГИА. Ф. 733. Оп. 150. № 261. Л. 72.

Вам это и надеюсь, Вы примете мои слова во внимание. Боюсь, что <как бы> в противном случае Гирсу не удалось раздражить Государя.

В декабре Феоктистов напоминал:

Надеюсь, Федоров (председ<атель> Ценз<урного> комит<ета>) сообщил Вам о *настоятельном* желании правительства, чтоб в настоящее время наша печать была особенно воздержна относительно Германии. Пожалуйста, помните это и не ссорьтесь с нами. [98]

Здесь же он передавал замечание Победоносцева, что «Московским ведомостям»

не следует вдаваться в *постоянную* полемику с «Гражданином», достаточно лишь изредка грянуть на него статьей... но колоть его беспрерывно, исподволь — это ослабляет впечатление. [99]

Одновременно покровителями газеты принимались меры, чтобы защитить «Московские ведомости» от критики со стороны других органов печати и отдельных авторов. Как сообщал Иловайский в письме к Бартеневу,

Феоктистов лично являлся в редакцию «Нового времени» для того, чтобы благодарить ее за сочувственные статьи о Каткове и вместе (главное) просить щадить Петровского. Поэтому «Новое время» и не смеет выступать слишком решительно против Петровского, тем более что оно имеет уже два предостережения и состоит под страхом третьего.

Статья самого Иловайского о Каткове, [100] носившая остро полемический характер, была по решению министра внутренних дел и с одобрения Победоносцева исключена из декабрьской книжки «Русского архива». Дабы избавить «Московские ведомости» от лишних конкурентов, С. Ф. Шарапову было отказано в просьбе превратить «Русское дело» в ежедневную газету, о чем Феоктистов с удовлетворением сообщил Петровскому, [101] а уже в следующем году не был допущен к изданию затевавшийся Иловайским общественно-литературный и политический журнал «Московская летопись». Феоктистов по-прежнему

[98] Для сравнения приведем докладную записку Феоктистова министру внутренних дел от 29 ноября на ту же тему, но касательно «Гражданина»: «Считаю своею обязанностью доложить Вашему Сиятельству, что наша печать соблюдала в последнее время весьма умеренный и сдержанный тон относительно Германии. Первым исключением из этого является “Гражданин”, в котором сегодня напечатана резкая статья под заглавием “Игра немецкой дипломатии”, и очень может, что примеру его последуют и другие издания. Это одно из многочисленных доказательств, что личные внушения на кн. Мещерского не действуют». На полях начертана резолюция министра: «Укажите на это князю Мещерскому» (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. № 1189. Л. 5).

[99] РГБ. Ф. 224. К. 2. № 52. Л. 1–2, 71–71 об.

[100] «М. Н. Катков как политик и публицист. Историческая поминка». Статья увидела свет десять лет спустя в собрании «Мелких сочинений» Иловайского.

[101] РГБ. Ф. 224. К. 2. № 52. Л. 2.

включал статьи «Московских ведомостей» в царские обозрения, а Александр III продолжал оказывать газете предпочтение.

Расплатой за поддержку со стороны властей и созданные ими для газеты тепличные условия стала фактическая утрата «Московскими ведомостями» прежней самостоятельности. Первые годы С. А. Петровский и его сотрудники будут действовать с ежечасной оглядкой на своих высокопоставленных покровителей. Власти в лице сановников, принявших решение о судьбе газеты, сумели извлечь пользу из ситуации, сложившейся по смерти Каткова: в их руках оказался формально независимый послушный орган печати, ставший проводником их интересов и мнений.

В. А. Викторович

ОТ НИКИТЫ ДО НИКОЛЫ... (Посадские люди Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк)

Есть времена и пространства, о которых мы кое-что знаем и можем при случае поговорить о них, но они-то с нами не разговаривают, а только молча слушают наши догадки. Это оттого, что не долетели до нас голоса их поэтов и художников (а может, их и не было). Целые эпохи и страны канули в безмолвие, что уж говорить о городах и улицах. Поэт-гиперболист и урбанист зримо представил, как «улица корчится безъязыкая».

Коломне повезло. Еще можно расслышать «застывшую в камне музыку» давних лет, а отзвучавшие человеческие голоса записаны на самых лучших носителях — в книгах замечательно чутких писателей. Это то, что можно назвать «коломенским текстом». Его энергетика благодаря в основном И. И. Лажечникову долгое время стягивалась окружностью кремля, однако на рубеже XIX—XX вв. произошла очевидная децентрализация художественного пространства «словесной» Коломны. Этой перенастройке мы обязаны прежде всего двум жителям-выразителям коломенского Посада — Никите Петровичу Гилярову-Платонову (1824—1887) и Борису Пильняку (1894—1938).

Сын священника Никитской церкви (и первоначально носивший по отцу фамилию Никитский) Гиляров-Платонов, можно сказать, возрос на Посаде, проведя здесь первые двадцать четыре года своей жизни. Они встают со страниц его мемуарно-философской книги «Из пережитого» (1886). Сын земского врача Борис Вогау, он же Пильняк, явился в Коломну мечтающим о литературе юношей (1913) и уехал отсюда знаменитым писателем (1924). Коломна, выступающая в его произведениях под разными именами, получила от автора полномочия представлять всю глубинную Россию.

Но кажется, что кроме этого надвременного соседства (дом от дома на расстоянии несильного голоса) [1] между нашими героями нет ничего общего. Один (Гиляров) всю жизнь сознательно противостоял надвигающейся революцион-

[1] Дом Пильняка — № 7 по улице Арбатской, а Гилярова — № 30 по улице Посадской. Голосовая мерка задана самим Гиляровым, уверявшим в мемуарах, что басовое пенье дядьев, раздававшееся в Подлипках, было слышно у Никиты. Сегодня верится с трудом еще и потому, что нам трудно представить тогдашний *уровень тишины*. Приехав в первый раз из Коломны в Москву, Гиляров был поражен прежде всего шумом конских экипажей. Нынешний коломенский Посад, удаленный от транспортных артерий, пока еще немного напоминает о той «вековой тишине», от которой, впрочем, шалели пильняковские герои, требовавшие, «чтоб Россия шумела машиной».

ной смуте, другой (Пильняк) отдался ей и был сбит с ног бешеным потоком. «Охранитель» и «попутчик» революции — что общего между ними? Ходили по одной и той же мостовой? Но один выступал размеренным шагом, а другой все спешил куда-то взвинченной походкой. Если и тот и другой представляют Посад, то это два его «конца» в идейном плане. На одном устремленность к высшему (духовному) Покою, на другом — самозабвенное ускорение жизни. Эдакие Обломов и Штольц коломенского Посада. Хотя есть у них свои замечательно значимые имена: Гиляров-Платонов — веселая мудрость, Борис Пильняк звучит как «бор спилен». Как будто обыгрывая им же самим придуманное имя, Пильняк, по воспоминанию коломенского старожила, экстравагантно знакомился с соседом: «не нужен ли вам дровосек? — произнес он громким голосом и, не дожидаясь ответа, взял из рук отца топор».[2]

ЧЕЛОВЕК КОЛОМЕНСКИЙ

Любопытно, что и Гиляров, и Пильняк свои коломенские штудии начинают с прочтения главного предшественника — И. И. Лажечникова. У истоков мемуарной эпопеи Гилярова в ее конструктивных идеях лежит юбилейная речь о Лажечникове 1869 г., а «коломенский текст» Пильняка прямо начинается с очерка «На родине Лажечникова» (1918).

Гиляров взялся доказать, что писатель Лажечников — производное от его родины, Коломны. Более привычно утверждение, что художник — сын своего времени. «Но и местность имеет свои права», — заявляет Гиляров, и далее конкретизирует:

> Первые впечатления детства: очертания, которыми окружен ребенок, особенность гор, рек, лес или степь; исторические памятники, которые на него глядят; говор, к которому он прислушивается; обычаи, которых он участник или свидетель, местные предания, рассказываемые нянькой или бабушкой, — все это ложится впечатлением на нежный мозг, более или менее памятным, и образует свой тип, более или менее заметный. Этот тип перейдет в более или менее явственных чертах в мыслителя, писателя, художника и отразится в его произведениях...[3]

Соображения, высказанные Гиляровым, напоминают модные ныне постулаты так называемой культурной географии. Однако известны они были под другими вывесками уже во времена Гилярова: это статья К. Бэра «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (1848), развивавшая ее положения речь Т. Н. Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852), книга Бокля «История цивилизации в Англии» (1857—1861), наконец, громогласная теория француз-

---

[2] *Денисов А. Е.* Борис Пильняк в воспоминаниях современников // Б. А. Пильняк: Исслед. и материалы: Межвуз. сб. науч. тр. Коломна: Изд-во КГПИ, 1991. <Вып. I.> С. 115.

[3] *Гиляров-Платонов Н.* Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И. И. Лажечникова 4 мая 1869 года // Дом Лажечникова: Ист.-лит. сб. Коломна: Изд-во КГПИ, 2004. Вып. I. С. 194.

ского искусствоведа Ипполита Тэна о трех факторах генезиса культуры (раса, среда, момент). Гиляров, скорее всего, читал тэновские пассажи, вроде следующих рассуждений об искусстве Нидерландов, страны, образованной речными наносами:

> вода дает травы, трава — скот, скот — сыр, масло, мясо, а все они вместе с пивом образуют жителей <...>. Из этой обильной жизни и этой физической организации, насыщенной влажным воздухом, вырабатывается фламандский темперамент с правильными привычками, спокойным духом и телом, с удивительною способностью смотреть на жизнь практически и благоразумно... [4]

Гиляров высказывался о взаимовлиянии «географической почвы» и «состава народа» в принципиальной статье 1858 г. «Несколько слов о механических способах в исследовании истории».[5] Впоследствии он завершил эту тему в самоаналитическом эпосе «Из пережитого»:

> Вырасти и воспитаться в виду Кремля или в виду казарм, — совсем другой человек выйдет, не менее того, как совсем разные люди выходят из жителей долины, где взор упирается в стену, сокращающую кругозор, и из жителей горных, степных, наконец, приморских. Иначе складываются не только характер, но и ум; он приобретает свойства и направление, родственные особенностям природы или искусства, которыми был окружен глаз с детства.[6]

В «Пережитом» природная и бытовая среда коломенского Посада описаны как строительный материал, из которого еще в годы детства и отрочества складывается натура созерцательная и пытливая одновременно. Домашний уклад, неизбежно зацикленный на церковных службах, суровый быт коломенского духовного училища, жестоко испытующий нравственную крепость формирующейся личности, мизерность «общественной жизни» («понятие же о городском обществе отсутствовало»[7]) — и в этих условиях жив человек, какие-то тайные источники питают жизнь и веру души неунывающей, поднимающейся над всем житейским мороком. Посад детства и юности Гилярова — спрямленная Екатериной улица, ушедшая от отцовского дома (Посадская), мощенная крупным булыжником, осененная перезвоном четырех Божьих храмов, подобравшая чудные диковины Мещаниновского дома и сада. Сколок последнего — «наш крохотный садик у Никиты Мученика» с «разнообразием яблонь»,[8] так что По-

---

[4] *Тэн И.* Лекции о искусстве, читанные в Парижской школе изящных искусств в 1865 г. / Пер. и изд. В. Чуйко. СПб, 1866. С. 28. В книге ошибочно указаны инициалы Г. О.

[5] *Сб. соч.* Т. I. С. 221—223 (первоначально опубл.: Русская беседа. 1858. Кн. 1). Выражением «вещество народа» Гиляров предвещает представление о материализованной духовности у своего почти однофамильца в XX в. — Андрея Платонова, запустившего в оборот «вещество существования». В свою очередь, Пильняк, бывший однажды соавтором Платонова, мог прекрасно понять смысл этого выражения, да, в сущности, и реализовал его в художественном воплощении национальной субстанции.

[6] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 85.

[7] Там же. С. 117.

[8] Там же. С. 28.

сад — сиречь Сад, радующий население (невольно припомнился один пильняковско-коломенский мечтатель, убежденный, что в недалеком будущем «весь земной шар будет садом»). Гиляровский Посад, что неоднократно акцентировано в «Пережитом», открыт замоскворецким просторам: глаз не «упирается», но стремится одолеть границы житейского. Вроде окского («очного») льда, идущего весною по Москве-реке *против течения*.[9] Уникальное, «специально коломенское» природное явление, колоритно описанное Гиляровым, — едва ли не символ его собственной жизни и судьбы. Любопытно (случайное ли?) совпадение: герои романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» строят под Коломной плотину, чтобы окская вода погнала вспять москворецкую. Если это случайность, то, как у Пушкина, — «бог изобретатель».

Попутно заметим, что слово «посад» ни разу не употреблено Гиляровым в его книге. Центр, т. е. кремль, очевидно, обозначался словом «город» (как и сейчас) — отсюда прозвание Никольской церкви в кремле, в отличие от соседнего Николы, — «Никола в городе». То, что «не город», Гиляров иногда называет слободами, но перед необходимостью назвать Посад — Посадом его язык будто немеет. В словаре коломенца XIX в. это слово едва ли не затеряно. Следующее столетие его снова отыщет и пустит в оборот. Борис Пильняк многие свои произведения и письма будет помечать по-старинному — «Коломна. Никола-на-Посадьях». Обновленный вариант 1922 г. — «Пильняк-на-Посадьях» звучал довольно двусмысленно в открывающейся перспективе «посадок» в места не столь отдаленные (в лучшем случае).

В очерке «На родине Лажечникова» Пильняк поначалу как будто подхватывает тему Гилярова: «здесь, под сенью исторических башен, складывался характер писателя, автора исторических романов». Но далее, в описании Коломны, происходит нечто странное. Город как будто впал в летаргию («Сон давних дней» — звучит рефрен). Дома и улицы Посада, кремль, монастырь — и над всем «раскаленное солнце». «Не мираж ли это?» Являются потом и люди, какие-то безымянные «общественные деятели» и «старожилы» с напрочь отшибленной исторической памятью (это в родном-то городе знаменитого исторического романиста!): никто не знает, где находится дом Лажечникова. Спасает положение 103-летний старичок, на мгновение очухавшийся от всеобщей дремоты.

На следующий год (1919) Пильняк печатает рассказ «Коломна», продолжая и развивая образ очарованного града. Теперь это краткая история купеческого рода Ратчиных:

> …двести лет — прадед, дед, отец, сын, внук, правнук на одном месте, на углу Астраханской (теперь Красная) и Репинской (теперь Советская), в Торговых рядах — каждый день стояли за прилавком, щелкая на счетах, принимали покупателей, шугали приказчиков, пили из чайников чай…

Устойчивость коломенского бытия вновь переходит в дремотный застой и получается, что есть только одно средство пробуждения — революция.

[9] См.: *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 96.

Пильняк создает контрастный и нарочито упрощенный (оголенный) образ, из которого вырастает затем весь его «коломенский текст»:

> По древнему городку, по тихому Кремлю, что стоял над Москвою-рекою на холме, ходили со знаменами, пели песни, — ходили и пели, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами и кремлевскими башнями, торжественно спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот.

Еще через год, в 1920-м, Пильняк выпустит рассказ «Колымен-град» (пролог «Голого года»), где образ провинциального города раскроется в новых подробностях. Из них становится понятно, почему последний отпрыск купеческого рода Ратчиных Донат кинулся в революцию и остервенело громит старый мир: этот мир иссушил его душу и зажег огонь мстительной ненависти.

Человека, в том числе человека коломенского, как полагал Гиляров, формирует время и пространство в равной степени. Пильняк резко свернул в сторону исключительно темпоральности бытия. В старом, отходящем времени живут угрюмый догматик Иван Ратчин (отец Доната), околоточный-садист Бабочкин, ко всему, кроме рыбалки, равнодушный поп Левкоев, поэт-доносчик Миряев, учитель «в футляре» и также доносчик Бланманжов, ярыга Огонек-Классик, пропивший свое «светлое»... В новом, приходящем на смену времени... да, собственно, оно только предполагается, поскольку Донат «нового не знал», и все его устремления сводятся к тому, что «старое он хотел уничтожить».

А как быть со старинно-православной Коломной, что так правдиво и светло описана Гиляровым? Кажется, что Пильняк не знает ответа и потому во *вневременное* измерение уходит единственный увиденный им праведник — городской юродивый с поступью некрасовского Власа.

> ...Один человек остался в стороне от всех, — Данилушка. Иконописный, рыжий, синеокий, ходит в веригах, наг и бос. Данилушка принял революцию, ждет и верит, верит: придет истинный, подлинный — в лаптях — Христос, которого встретят красным звоном. [10]

У пильняковского Данилушки имеется реальный прототип — блаженный Данилушка Коломенский, собиравший деньги на храмы и колокола, о нем писатель мог не только слышать от местных жителей, но и прочитать в книге И. Прыжова «26 московских пророков, юродивых...» [11] Странен был — на фоне ходивших с песнями и знаменами — этот неубывающий интерес Пильняка к народным «святым людям», тогда же проявившийся в рассказе «Праведница Юлиания» [12]

---

[10] *Пильняк Б.* Колымен-город // *Пильняк Б.* Былье: Рассказы. М.: Звенья, 1920 (обл.: 1919). С. 20.

[11] См.: *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.; Л.: Academia, 1934. С. 46—49.

[12] Подробнее см.: *Маслова А. Ю.* «Повесть о Юлиании Лазаревской» в переложении Б. А. Пильняка («Праведница Юлиания») // Б. А. Пильняк: Исслед. и материалы. <Вып. I.> С. 27—35.

(1919), а в позднейшем творчестве оформившийся в целой коллекции юродствующих чудиков. Старорусских праведников он спешил поставить в революционную шеренгу, пристроив к ним новейших мучеников идеи равенства и всеобщей справедливости, вроде первого председателя Коломенского исполкома, а теперь «юродивого советской Руси», «охломона» Ивана Ожогова в компании таких же, как он, «людей остановившейся идеи» военного коммунизма.

«ГОРОД ПОТОНУЛ В ЛЕГЕНДАХ...»

Эта фраза — одна из первых в начальной главе («Родной город») гиляровской книги «Из пережитого». Рядом с географией, архитектурой, историей Коломны, и даже чуть выступая вперед, существует духовное пространство народной мифологии. По Гилярову, оно не менее, а может быть, и более важно, чем природная и бытовая среда, для формирования личности отдельного человека и всего народа в целом.

Однажды, защищая от догматической критики легендарную природу величайшего из народных рассказов Л. Н. Толстого «Чем люди живы», Гиляров высказался со свойственным для него максимализмом: «...легенды суть пока единственное христианское училище для народа». [13] Эту мысль, несколько смягчая, Гиляров проводит и в «Пережитом».

Однако странными, никак уже не «высокими» легендами встречает нас Коломна в книге Гилярова. Вот черт летит из Бобренева монастыря и на Мотасовой (Свибловой) башне кремля видит коллегу: «Откуда и куда, друг?» — «Да вот бобреневских монахов соблазнял. Там кончил, теперь к вам в город». — «Э, голубчик <...> я тут уже четыреста лет от нечего делать мотаю ногами: здесь нас с тобой научат грешить...» [14] А вот «преподобный Сергий проходил некогда через город и его прогнали “колом”», откуда, якобы, и пошло имя Коломны. Город назывался так задолго до появления Сергия Радонежского, но коломенцы, говорит Гиляров, «воспользовались историческим событием, чтобы сочинить самоуничижительную легенду». [15] Еще одну, но зачем, какой смысл был в этом самоосмеянии?

Тургеневский Базаров снисходительно замечал, что «русский человек только тем и хорош, что он сам о себе прескверного мнения». Салтыков-Щедрин, отбиваясь от обвинений в глумлении над русским народом в «Истории одного города», отсылал критиков к язвительным народным самохарактеристикам, собранным в книге В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа». Действительно, там в разделе «Русь — Родина» мы найдем довольно едкие сужде-

---

[13] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова // *РА*. 1889. Кн. III. Вып. 11. С. 428. Наблюдение это подкрепляет Некрасов, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» колоритно описывающий, «как слушает своих захожих странников крестьянская семья».

[14] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 8.

[15] Там же. С. 9.

ния: «русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь», «в русском брюхе и долото сгниет», «московские люди землю сеют рожью, а живут ложью», «в Москве толсто звонят, до тонко едят». Особенно живучи местные прозвища: «рязанцы — кособрюхие», «коломенцы — чернонебые» (то ли от красящих ягод, то ли от не красящих слов).

> Самоосуждение, — замечает в своей книге Гиляров, — свойственно не одной Коломне, а вообще русским городам, особенно древним... Замечательна эта народная черта. Не хвалятся, чем даже основательно хвалиться; не помнят героев, забывают о своих исторических заслугах, а помнят Божиих святых людей и им противопоставляют себя, как негодных и грешных; рассказывают, что город основан «на крови», [16] изводят на своих предков небывалые преступления. [17]

Как и в других старинных городах, показывали в Коломне место, где провалилась церковь «по случаю страшного преступления». Это место находится на Посаде, о чем свидетельствовал задолго до Гилярова (в 1843 г.) первый собиратель коломенских легенд Н. Д. Иванчин-Писарев:

> Близ Пятницких ворот есть небольшая земляная впадина. В старину тут стоял довольно глубокий болотистый водоем, впоследствии иссохший. На этом месте, сказывают, некогда провалилась церковь, и до сих пор в дождливое время, наполняющее эту впадину водою, матери спешат купать в ней своих детей. [18]

Что церковь провалилась «по случаю страшного преступления» — деталь, добавленная Гиляровым. И он же прибавил еще одну подробность: здесь «по ночам слышится звон из-под земли». [19] Святость, скрывающаяся под землю или под воду, [20] — многозначительный сюжет в миропонимании русского человека. Замечательно также, что «инобытие» напоминает все же о себе звуком невидимых колоколов. Что-то, значит, говорят эти звуки русскому сердцу?

Реальную основу имеет другое коломенское предание:

> Рассказывали об архиерее святой жизни, который велел де похоронить себя на паперти, чтобы «все его топтали». [21]

Справа от входа в Успенский кафедральный собор и сегодня можно видеть надпись:

---

[16] Это выражение в романе Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» делается навязчивой идеей инженера Полторака, последователя философа Вл. Соловьева и по совместительству вредителя на социалистической стройке.

[17] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 8—9.

[18] См.: *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду // Коломенский альманах. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2005. Вып. 9. С. 470.

[19] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 9.

[20] Легенда получила литературную обработку в рассказе П. И. Мельникова-Печерского «Гриша» и в поэме А. Н. Майкова «Странник», где также утверждается, что подобных сокровенных мест на Руси великое множество.

[21] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 9.

На сем месте погребено тело преосвященного Феодосия, епископа Коломенского и Каширского, который управлял епархиею 23 года, а преставился сего 1787 года...

Народное объяснение («чтобы все топтали») свидетельствует, что коломенскому православному человеку очень желательно было видеть такое самоумаление в своем архипастыре.[22] Потому, как вспоминает Гиляров, это событие «рассказывалось эпически, торжественным тоном, полунараспев, и я впитывал его в себя».[23]

Читая Гилярова из нашего далека, поневоле задумаешься о том, какие предания питают современного человека. Кое-что может объяснить... Борис Пильняк, стоящий между нами и Гиляровым (век туда, век сюда), — как правдивый свидетель Великого Перелома. Корни происходившей на его глазах революционной смуты он искал и находил в той же самой «почве» русской провинции, которая некогда взрастила светлую мудрость Гилярова. Народная мифология играла и в этом случае не меньшую роль, нежели наблюдения над бытом и нравами.

У себя «на Посадьях» Пильняк слышал те же сказания, что и Гиляров. И так же, как у Гилярова, его «коломенский текст» питался ими наряду с обращением к известному литературному предшественнику. В 1918 г., когда вышел очерк «На родине Лажечникова», печатается и рассказ Пильняка «Монастырское предание». В его основу положена легенда о происхождении названия Голутвина (Староголутвина) Богоявленского монастыря от слова «голудьба» (голытьба), зафиксированная в XVIII в. любознательным русским немцем Г. Миллером.[24] Однако если Миллер под голытьбой подразумевал нищих, то Карамзин вскоре предположил, что это были разбойники, которые «не боялись в старину близости городов, в самых окрестностях Москвы имели станы и были нередко ужаснее самых чужеземных неприятелей».[25]

Пильняку оставалось сделать еще один шаг и приписать основание монастыря раскаявшемуся разбойнику, что вполне согласовывалось с народными понятиями. Так, по преданию, знаменитую Оптину пустынь в XIV в. основал разбойничий атаман Опта, в монашестве Макарий. Народные понятия сродни евангельской истории о благочестивом разбойнике, которому был обещан рай самим Христом (Лк 39: 43); в легендах этого типа отразилось глубоко христианское представление о возможности спасения даже для закоренелых злодеев. Пильняк сделал свой вывод: ему важнее было обозначить парадоксальное чередование злодейства и святости, проявляющее контрастность национального характера, не жалующего постепенности. Полюбившуюся легенду писатель припомнит

[22] Об этом предании см. также: *Смирнов А. А.* Детство, отрочество, юность, годы ученья и учительства <...> митрополита Филарета. М., 1893. С. 16.

[23] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 9—10.

[24] См.: *Миллер Г. Ф.* <Описание городов Московской провинции>. 1. Езда в Коломну // *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М.: Наука, 1996. С. 228.

[25] *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 267.

в своих «коломенских» романах и глубокомысленно заметит: «Легенд таких много на Руси, где разбойник и бог — рядом» («Волга впадает в Каспийское море»).

Через роман «Голый год» (1922) в русскую литературу впервые прорвалось многоголосие революции, ничем, кажется, не ограниченное — ни сюжетом, ни авторской идеей. По аналогии с романами-диспутами Достоевского я бы определил жанр «Голого года» как роман-митинг, где, в отличие от реальной митинговщины, тихие голоса бывают слышнее самых громких. Таково суждение Глеба Ордынина о тупиковости западной цивилизации: «Механическая культура забыла о культуре духа», — заставляющее вспомнить о славянофильском крыле русской мысли и, в частности, о наиболее страстном и глубоком отрицателе «механицизма» — Гилярове. Глеб Ордынин полагает даже, что революция была способом вернуться на круги своя — в допетровскую самобытную Русь. И как бы в продолжение (подхватывание идей — ненавязчивый способ композиционного выражения авторских предпочтений в стихийно-вихревом романе), в ту же точку, хотя и каждый по-своему, бьют мыслитель из народа знахарь Егорка, археолог Баудек, экзистенц-минималист Андрей Волкович. Это им дано услышать, что соборные колокола «бьют успокоенно, как в Китеже», и понять, что никуда не ушла Россия «со старыми церквами, иконами, былинами, обрядицами, с Иулианией Лазаревской <...> водяными и лешими».[26] И не уйдет — наперекор коммунисту Лебедухе, мечтающему вырвать «гнилые зубы»[27] коломенских церквей, якобы мешающих техническому прогрессу.

Если «Голый год» — роман-митинг, то «Машины и волки» (1925) — долго вызревавший роман-миф, причем с оголенными несущими конструкциями. По аналогии с пильняковским «Рассказом о том, как создаются рассказы» можно сказать, что здесь мы имеем роман о том, как создаются мифы. Так, будто услышав сетования Гилярова, что уходят из языка древние названия русских городов, Пильняк («старые слова мне как монета нумизмату») выстраивает художественное пространство романа между Коломной и Ростиславлем, ушедшим под землю древнерусским городом на берегу Оки (кстати говоря, с 1994 г. здесь, на

[26] *Пильняк Б. А.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Терра — Книж. клуб, 2003. Т. 1. С. 90.

[27] Интересно, что на следующей странице Пильняк употребляет тот же эпитет в отношении мороженых антоновских яблок: «...яблоки казались *гнилыми* <...> и яблоки пахли *древним* вином» (Там же. Т. 2. С. 40). Заданный контекст подсказывает нам: можно пробросаться тем, что почему-то кажется гнилым. Подтверждая нашу догадку, Пильняк сокрушенно продолжает: «...эти яблоки, как дома в переулках, белые дома с колонками, ушли в отошедшую сотню лет <...> в закоулки старых российских зим» (Там же). Что же касается компрожектов Лебедухи, мы не можем не заметить, что они дословно повторяют пролеткульто-разухабистые агитки самого Пильняка в «Отрывках из дневника», опережающе напечатанных чуть раньше «Машин и волков» **(**«Кремль, как гнилой рот зубами, полон соборами и церквенками. <...> ...у нас колокольни вместо заводов, — Бог, черт бы его побрал, не берет их на небо, они трезвонят, как при царе Горохе» (Там же. С. 38)**)**. Однако в романном контексте, принадлежа Лебедухе и в соседстве с антоновскими яблоками, они значат не совсем то, что в задорной дневниково-публичной реплике.

территории Озерского района, ведутся археологические раскопки). О его существовании имеются документальные свидетельства начиная с Никоновской летописи, но писатель нарочито игнорирует их, опираясь лишь на устные сказания:

> Больше я ничего не знаю об этом <...> можно строить новый Китеж, ибо история — не наука мне, но поэма.[28]

В следующих строках предлагаемый метод построения истории как поэмы переносится на средоточие художественного мира романа:

> Я же сидел в Коломне, в Гончарах, у Николы-на-Посадьях, в избе о пяти окон, в комнате с книгами, за столом против окна, откуда был виден Никола, в котором молился Дмитрий Донской перед Куликовым полем <...> Никола — был моим Ростиславлем...[29]

Пильняк, разумеется, хорошо знал, что Дмитрий Донской не мог молиться в гораздо позднее построенном Николопосадском храме[30] (мы не можем допустить мысли о столь дремучем невежестве писателя, не раз проявлявшего историческую осведомленность). Но ему *надо* было оказаться в средостении русской истории — и он сделал это силою воображения. И, кажется, сам поверил настолько, что сообщал о сем «факте» не только в художественных произведениях, но и в письмах. Сотворенный миф, видно, имеет обратную силу воздействия на своего творца.

Другой сюжет. В романе «Волга впадает в Каспийское море» пересказывается народная легенда о Маринкиной башне коломенского кремля как месте заточения Марины Мнишек. Но романисту этого мало, и вот он до-сочиняет: душа Маринки, обернувшись вороной, оказалась разлучена с телом и теперь кружится над башней, над Коломной, над Россией, «неся разрушение». Есть основания полагать, что легенда, дописанная Пильняком, вернулась «в народ» и теперь живет своею, отдельной от автора (соавтора) жизнью.[31]

Подхватывает Пильняк — с особенным даже усердием — те самоосудительные коломенские легенды, о которых писал Гиляров. И опять же от себя добавляет: о Екатерине II, которую коломенцы «верстой обманули», о Николае I, назвавшем то ли жителей, то ли управителей города скотами. Статистик Иван Александрович Непомнящий, любовно выведенный в романе, своим педантизмом напоминающий то Пильняка, то Гилярова (он сосед и того, и другого), довольно-таки выборочно коллекционирует осколки народной мудрости: «одиннадцатая заповедь (только для России) — не зевай!», «трудом праведным не

[28] *Пильняк Б. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 216.

[29] Там же. С. 216, 217.

[30] Как не мог он проходить и через Пятницкие ворота еще не построенного каменного кремля. У Пильняка вполне проходит.

[31] См.: *Прохоров С. М.* Символ Маринкиной башни в стихотворении А. А. Ахматовой «Поздний ответ» и литературный контекст эпохи // Б. А. Пильняк: Исслед. и материалы. <Вып. I.> С. 57–61.

наживешь палат каменных». И далее как снежный ком: стыд не дым, брань на вороту, закон что дышло, баба не человек, моя хата, веселие Руси, век учись...

Докатил снежный ком, завалил Ивана Александровича, а из-под глыб несется его долгое-долгое проклятие:

> На коломенских землях можно было купить и продать: честь, совесть, мужчину, женщину, корову, собаку, место, право, девичество. На коломенских землях можно было замордовать, заушить: честь, совесть, ребенка, старика, право, любовь. На коломенских землях пили все: и водку, и денатурат, и политуру, и бензин, и человеческую кровь. На коломенских землях матершинничали: во все, — в бога, в душу, в совесть, в печенку, селезенку, ствол, в богомать и мать просто, длинно, как коломенская верста. На коломенских землях молились (отцу, сыну и духу), черту, сорока великомученикам, десятку богоматерей, пудовым и семиточным свечам, начальству, деньгам, ведьмам, водяным, недостойным бабенкам, пьяным заборам.[32]

Что можно сказать после такой «статистики»? Только одно: «Коломна легла во мраке». Народная самокритика переступила границу, за которой началось — самооплевание. Так говорят, когда дошли до края и нет смочи терпеть. Русские люди так говорят в сердцах, но не в сердце.

ПРЯМАЯ ИЛИ ВОЛНИСТАЯ?

В чем существенно сходятся Гиляров и Пильняк, так это в том, что Коломна обоим представляется уходящей натурой. До боли жалко, и нет сил остановить этот уход. Таков очевидный структурообразующий аспект «коломенского текста». В прощальном с Коломной романе Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» (1930) старый город опускается под воду, не нужный строителям новой жизни.[33] Как новый Китеж (или как Ростиславль, «погибший в смутное время»)... Пильняк будто реализует гиляровскую метафору «город потонул в легендах»: и сам город-легенда идет на дно рукотворного моря.

Почему? Как такое вообще может случиться (и случается, даже на наших глазах, буднично и просто)? «Город Коломна... — николаевский, Николая I город, ибо с лет Николая умирала Коломна» — таков диагноз Пильняка. По его мнению, город умирал вместе с Астраханским трактом, терявшим смысл в эпоху железных дорог.

---

[32] *Пильняк Б. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 17.

[33] Автор чуть скрашивает картину: «Коломна заливалась наполовину и оказывалась на полуострове». Как такое может быть, если в конце романа мы узнаем, что под воду уходит вся Маринкина башня? К тому ж еще один странноватый, самый последний аккорд романа: в час затопления «мальчик Мишка <...> был у Маринкиной башни». Или что-то не сходится в топографии, или — страшно представить! — мальчик Мишка ушел из жизни вместе с Маринкиной башней, где он был зачат. Но тут уже начинается Валентин Распутин, его и наше «Прощание с Матерой».

Что касается Гилярова, то он начало оскудения относил на более ранний рубеж — ко временам Павла, когда Коломна перестала быть центром епархии и вместе с епископом в Тулу отправилась семинария. Нанесен был удар по духовному потенциалу города, а позднее (по Гилярову, в эпоху царя-реформатора Александра II) и по торговому. В этом Гиляров был склонен видеть проявление общей закономерности, все сильнее подчиняющей себе ход русской истории. Так, он пишет в «Пережитом»:

> Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое.[34]

В словах Гилярова мы находим отзвуки когда-то громких споров противников и сторонников централизации. В пореформенной России, особенно в связи с трудно протекавшей земской реформой усилилось и укрепилось умственное движение, названное областничеством. Замечательно энергичные деятели (Гацисский, Ядринцев, Потанин, Чубинский и др.) обнаружились в разных провинциальных местностях и рьяно взялись изучать экономические, социальные, этнографические особенности именно этих местностей. Пенза не похожа на Калугу, а нижегородский мужик отличается от тамбовского, это только на глаз столичного жителя они на одно лицо. Благодаря усилиям областников в 1870 г. состоялся первый русский статистический съезд.

Думаю, что не случайно Пильняк сделал главным героем своего романа «Машины и волки» (alter ego автора) статистика Ивана Александровича Непомнящего. В 1920-х гг. оформилась новая волна сопротивления обезличивающей централизации, получившая название краеведения. Линия преемственности вела к Гилярову, областникам, славянофилам. Так, близкий им Н. Д. Иванчин-Писарев сетовал по поводу того же ухода епископа из Коломны, ко всему прочему забравшего с собою и великие коломенские святыни:

> Каждый город, каждое село должны иметь свои воспоминания, свои памятники; в противном случае мы навсегда разрушим их действие <...>. Скажут: это местные, частные привязанности! Правда; но они звенья, коими связуется общенародное. Не всякий может непосредственно, непостепенно исполниться духом высшего патриотизма; но я ручаюсь за того, кто имеет свои местные привязанности...[35]

Опасность, которую таили в себе эти скромные люди, областники и краеведы, всегда ощущалась централизованной властью, и старой, и новой. Если вспомнить судьбу первых советских краеведов, зловеще-провидчески звучит реплика все того же Лебедухи в адрес Непомнящего: «Вас, Иван Александрович, надо бы расстрелять». Бедный статистик, не дожидаясь исполнения пророчества, в последних строках романа замертво падает «на Советской площади в Коломне».

---

[34] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 32.

[35] *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. С. 462.

Обуревающая власть имущих боязнь децентрализации, в общем, понятна, но нет простых решений в таком сложном и тонком вопросе. Абсолютный центризм, в свою очередь, губит местную инициативу, вызывает анемию конечностей. Это вредно для той же целостности территории, ради которой бьются централисты. В истории русской государственности, в силу разных причин, победила тенденция к подавлению местных, земских начал. Если когда-то, давно, эта тенденция была прогрессивна, то уже в XIX в. и тем более в XX-м требовалось отыскать разумную меру соотношения центра и провинции, дать разумную свободу местному самоуправлению и саморазвитию. Нерешенность этой проблемы сыграла роковую роль в новейшей русской истории, о чем убедительно писал А. И. Солженицын.

Глубинную причину происходившей нивелировки провинции Гиляров усматривал в захватившем русские умы духе *упростительства*. По поводу ослабления Коломны и других провинциальных центров автор «Из пережитого» замечает:

> …во всех этих проектах и мероприятиях действует фронтовой идеал, который заседает в душе русских умников. Разнообразие коробит, волнистые линии колют глаз, личная самостоятельность, местная особенность приводит ум в замешательство. Безотчетное чувство понуждает приводить все к одному уровню, превращать, хотя бы насильно, всякий органический процесс, если возможно, в механический. Между прочим и мысли спокойнее. Она приучается к общим местам, следовательно, к безмыслию; жизнь совершается по общим формам, следовательно, двигается, а не живет.[36]

Озабоченность Гилярова господством прямой линии разделяли некоторые дальновидные его современники, не обязательно из славянофильско-почвеннического лагеря. Находившийся на другом полюсе общественной мысли М. Е. Салтыков-Щедрин создает незабвенный образ великого нивеллятора Угрюм-Бурчеева, сочетавшего «идею прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления»: «вытянутые в струну дома» при этом почему-то стремятся обратиться в пустыню («История одного города»). Гиляровские (и, как видим, щедринские) соображения о национальной геометрии по воздушным путям русской культуры передались Пильняку, живущему в эпоху беспощадного торжества прямой линии над волнистой. Ведь что такое революция, как не максимальное спрямление (упрощение) жизни? Здесь, на коломенском Посаде, когда-то вычерченном по екатерининской линейке и всячески сопротивлявшемся этой линейке, у Пильняка формируется способность оказывать художническое сопротивление тотальной прямолинейности. В его произведениях набирают силу природные аналогии: движение истории он сравнивает то с жизнью дерева («Машины и волки»), то с течением реки («Волга впадает в Каспийское море»). Последний роман начинается с программного заявления: «Природа не знает прямых движений… Прямое движение абстрактно, как нуль». В дальнейшем эта мысль, как бы сама

[36] *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 33.

собою, будет всплывать в ключевые моменты романного действия. Разумеется, громко звучит главный лозунг эпохи «Время, вперед!», но, включенный в общее многоголосие, получает такую вот поправку на нуль.

В романе «Волга впадает в Каспийское море» на фоне футурологического строительства монолита под Коломной, долженствующего повернуть вспять течение рек, развертываются истории человеческих жизней, так или иначе захваченных этим революционным событием. Уходит, должна уйти в прошлое старая Коломна, эта «баба провинция», что незримо восседает среди «врагов социализма». На смену, как полагается, идут новые люди и строятся новые отношения.

Пильняк обращается к вечному от «Евгения Онегина» до «Анны Карениной» и «Дамы с собачкой» сюжету любовного треугольника (даже четырехугольника, поскольку распадаются две семейные пары). Когда-то в романе «Что делать?» было дано *простое* и *прямое* решение этой задачки. Наследник новых людей Чернышевского инженер Федор Иванович Садыков находит «честно-коммунистический» выход: он отпускает жену к другому, не разобравшись в тонких психологических хитросплетениях характеров всего четырехугольника. «Он знал, что в жизни все просто, все должно быть простым и люди должны быть честными в своей простоте, в своих делах и мыслях». Все бы хорошо, да только приводит эта простота к еще большей и уже непоправимой трагической ошибке в расчетах. [37] Вот что по этому поводу говорит нам автор:

> В природе нет движений геометрически прямых, ничто в природе не движется геометрически прямыми <…>. Федор Иванович воспринимал Марию <жену> геометрически прямой. [38]

Жизненный крах прямизны заставляет читателей романа, вопреки победно звучащей коммунистической риторике, иначе взглянуть и на грандиозно-революционный, но в основании своем противо-природный, упрощающий природу проект поворота рек. Над ним — воскрешенная упрямой памятью русской словесности — встает тень Угрюм-Бурчеева, злополучного гонителя живой стихии старого города Глупова (переименованного им в Непреклонск) и протекающей рядом реки. Так и пильняковский роман всей логикой сюжета убеждает: волнистую линию жизни и природы не удается спрямить никакими даже самыми точно рассчитанными усилиями и никакими даже самыми оправданными жертвами.

---

[37] Об опасности такой простоты, увлекавшей русскую «передовую» интеллигенцию, предупреждал, параллельно Гилярову, еще Ф. М. Достоевский: «от этой чрезмерной упрощенности воззрений <…> иногда ведь проигрывается собственное дело. <…> Простота не меняется, простота прямолинейна и сверх того — высокомерна. Простота враг анализа. <…> …в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе…, ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический» (Дневник писателя за 1876 год. Октябрь. Несколько заметок о простоте и упрощенности).

[38] *Пильняк Б. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 4. С. 391.

Так надо ли гнать со двора «бабу провинцию», топить древнюю Коломну? Прямого и простого ответа Пильняк не дает. Несимпатичен старый коломенский обыватель Яков Карпович Скудрин, затевающий взорвать плотину и в связи с этим прямо (на манер несимпатичных литературных героев восемнадцатого столетия) называющий себя мерзавцем. Но вот именно ему, по логике волнистого художественного бытия, автор отдает сокровенную свою мысль:

> Что, по-вашему, движет миром, — цивилизацией, наукой, пароходами? — труд? Знание? Любовь? — нет <...>. Память — память движет миром. [39]

А раз так, нельзя отдавать колокольную Коломну «людям прямых идей и прямых действий». В этом Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк, во всем столь различные между собой, оказываются действительно соседями в «большом времени» русской литературы и в ее малой частице — «коломенском тексте».

Кажется, что один другому подает реплику в продолжающемся до сей поры диалоге, формирующем *философию Посада*:

> Бесконечно пошл и пуст, и, наконец, гадок покажется вам город с правильно нарезанными улицами, с симметрично расположенными домами и окнами, со всею гармониею в своем внешнем устройстве, если за всем этим вы не слышите жизни, или слышите самую жизнь, исполняемую, как машина. [40]

---

39 Там же. С. 293.

40 *Сб. соч*. Т. I. С. 81.

МАТЕРИАЛЫ

Ф. А. Гиляров

<ГЛАВЫ О КОЛОМЕНСКОЙ СТАРИНЕ ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»>

Публикация А. П. Дмитриева

КАЛЕНДАРЬ ДЕДУШКИ

Родословная наша с достаточною полнотою, на основании семейных преданий изложена родным братом моего отца [1] в его прекрасной автобиографии «Из пережитого». А потому, не повторяя здесь известного уже, попытаюсь отчасти дополнить, отчасти проверить сведения «Из пережитого». Основанием послужат мне те бумаги, которых не было под рукою у покойного Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Здесь на первом месте стоит семейный [a] календарь моего деда священника Петра Матфиева, [b] собственноручно прекрасным почерком и вообще по-тогдашнему грамотно написанный по чистым листам «Месяцеслова на лето от Рождества Христова 1798». [2] Этот рукописный календарь, [c] по обычаю того времени, [d] состоит из кратких заметок о рождении и кончине ближайших родственников, преимущественно 13 человек детей, [3] из коих уцелело-то шесть, [e] о семейных происшествиях и, наконец, [f] из фактов и мыслей, обративших на себя особенное внимание владельца книги. Календари тогда покупались не ежегодно, а может быть, [g] только раз в жизни, а потому в печатном [h] месяцеслове одного года поместился [i] весь семейный календарь [j] с 1775 по 1844 год.

Воспроизвожу из этого календаря всё сколько-нибудь любопытное, опуская записи о рождении детей, умерших в малолетстве.

Дед мой, очевидно, не чужд был вопросов политических, а потому на первом же чистом обороте обертки своего Месяцеслова нашел нужным поместить следующие определения:

---

[a] *Далее зачеркнуто*: собственноручный.

[b] *Далее над зачеркнутым*: разбросанный — *7 слов вписаны сверху между строк.*

[c] *Далее зачеркнуто*: этот.

[d] *Далее зачеркнуто*: наполнен краткими заметками.

[e] *Далее зачеркнуто*: человек.

[f] *Далее зачеркнуто*: фактами и мыслями, обратившими.

[g] *Далее зачеркнуто*: один.

[h] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: календаре.

[i] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: помещался.

[j] *Далее зачеркнуто*: за десятки лет.

«*Монархия*, где власть находится в руках одного».

«*Аристократия*, где власть в руках дворянства или богатых людей».

«*Демократия*, где власть в руках народа».

Тотчас за этим заметка о предмете, по-видимому вычитаная из какой-либо книги: «*Амиант*[4] есть вещество, не сгораемое, из коего делают род полотна. Находится в Норвегии».

За «Амиантом» следует таблица из букв, другим, по-видимому ученическим, почерком. Вот она:

м и з а й
х е м о х
т а т л о
в е з в л.

Долго в детстве рассматривал я эту таинственную таблицу, пытаясь вскрыть ее смысл, ибо Месяцеслов этот перешел в наследство к моему отцу. Теперь понимаю: это ключ к карточному фокусу:[a] из 20 карт предлагается выбрать две, потом эти 20 карт раскладываются в порядке приведенной таблицы,[b] наблюдая, чтобы каждые две карты клались на место одинаковых букв, напр<имер>, 1-я на 1-е место первого ряда, 2-я на 3-е место второго ряда, 3-я на[c] 2-е место первого ряда, 4-я на последнее место первого ряда и т. д. Затем[d] спрашивают: в каких рядах задуманные карты? положим, ответит: «в 1-м и 3-м». По сходству двух букв *а* ясно, что задуманные карты лежат в 1-м ряду на 4-м месте, в 3-м на 2-м.

Более употребительный ключ к подобному фокусу: «наука много умеет гитик».[5] Но этот ключ уже позднейший, а приведенный выше, по-видимому, древнейший.[e]

На следующем свободном листе латинское изречение с переводом:

«Vive honeste,[6] bibe modeste, januseris»

«Живи честно, пей умеренно, здоров будешь».

Далее сведение из физики:

«Теплоту производит не близость солнца, но перпендикулярно упадающие лучи оного, и в великом количестве отражающиеся в воздухе на землю».

В генваре чистая страница занята данными о кончине и рождении:

«1801-го года генваря 17-го дня умер погоста Старкова[7] диакон Симеон Матфиев».[f]

---

[a] *Далее зачеркнуто*: раскладывается.

[b] *Далее зачеркнуто*: предлагается выбрать.

[c] *Далее зачеркнуто*: последнее.

[d] *Далее зачеркнуто*: предлагается.

[e] *Далее зачеркнуто*: В генваре месяце одна чистая страница занята каким-то хозяйственным счетом, а оборот ее — данными о кончине и рождении.

[f] *Далее зачеркнуто*: Кто это? Брат ли деда моего? Но тогда было бы сказано «брат». Вероятнее, просто хороший знакомый, по близости села Старкова из Коломны. / Далее:

Далее под тем же месяцем: «1807-го года генваря 27-го дня в 3-м часу пополудни преставилась матушка Анисья Феодоровна: жития ея было < >[a] вечная ей память».

Об этой своей бабке, а моей прабабке Н. П. Гил<яров>-Плат<оно>в[b] ничего не упоминает.[c] Но она значится у него в черновой генеалогии,[d] при одной из наших бесед написанной им на большом конверте,[e] хранящемся у меня.

Далее следует наставление: «Неотменно нужно для благорассудительного человеколюбия, чтоб быть в состоянии помогать настоящим бедным, но не вдаваться в обман хищным тунеядцам».

За этим, по-видимому собственным, соображением следует красивое изречение:

«Юдоль сна непробудного — *кладбище*».[8]

В феврале за хозяйским счетом записано: «1800-го года февраля 5-го Преосвященный Мефодий Епископ[9] отправился в Тулу».

Этим отмечено важное событие в жизни Коломны и в частности ее духовенства — перевод Коломенской епархии в Тулу.[10]

«1807-го года февраля 12-го в 3-м часу пополудни умер дед Михаил Исидоров».

Это мой прапрадед, по прозвищу «Болона», священник Успенской соборной церкви в селе Черкизове,[f] лежащем в 10 верстах от Коломны («Из пережитого», т. I, стр. 20—21).[11] Об нем не раз[g] слышал я от отца следующее предание:

Был у Болоны работник, и уродился[h] у Болоны горох,[i] которым в заговенье пред Петровками и объелся работник;[j] раздуло несчастного, идти не может, хоть сейчас умирать. Когда таким образом объедается скотина, ее обыкновенно гоняют по двору для ускорения ее пищеварения.[k] Так, помню, гоняли, и именно скалкою, и у нас под Девичьим[l][12] корову. Конечно, тот же способ лечения скота

«1802-го года генваря 30-го дня родилась дочь Анна». / Впоследствии дед мой сдаст ей свое священническое место при выходе ее замуж за Павла Ивановича Богословского и сам останется доживать свой век в своем родном коломенском приходе Никиты Мученика. (*Про Анну — явная ошибка: эта Анна умерла в полугодовалом возрасте. — А. Д.*)

[a] *В рукописи оставлено незаполненное место для цифры.*

[b] *Имя вписано сверху над зачеркнутым*: Никита Петрович.

[c] *Далее зачеркнуто*: в своей автобиографии. (*Имеются в виду «автобиографические воспоминания» «Из пережитого». — А. Д.*)

[d] *Далее зачеркнуто*: написанной им [на большом] для моего наставника.

[e] *Далее зачеркнуто*: даже с лицевой его стороны!

[f] *Далее зачеркнуто*: Москов<ской губернии>.

[g] *Далее зачеркнуто*: я.

[h] *Ранее было*: уродились.

[i] *Слово вписано сверху над зачеркнутым*: огурцы.

[j] *Далее зачеркнуто*: раздался несчастный.

[k] *Далее зачеркнуто*: через моцион.

[l] *Исправлено; в рукописи*: под Девичьем.

употреблялся и во времена моего прапрадеда. Вот и просит больной работник Михаила Сидоровича Болону:

— Сидорыч! Сидорыч! погоняй меня по дво́ру.

Сидорыч запер передние и задние ворота своего дома, взял хворостину и начал ею гонять работника по двору, конечно сам бегая за ним и подхлестывая его. Долго гонял его, утомился, а работник все пристает:

— Сидорыч, Сидорыч! погоняй меня еще по дво́ру.

Тем работник и излечился.

В том же феврале записи:

«1810-го года февраля 18-го дня утра в половине второго[a] часа родилась дочь Мария».

Эта старейшая моя тетка Марья Петровна была потом замужем за Федором Васильевичем Селезневым, священником села Кончакова Рязанской губернии Зарайского уезда.[13]

Этого дядю Селезнева я не помню, но он, рассказывали мне, видал меня в детстве и полюбил.[b] Совершенно трезвый и трудолюбивый, он развел у себя в приходе огромный плодовый сад, вырастил большие дубы, чуть не сорок с лишним лет оставаясь на одном месте, развел также у себя липы и выгодно продавал их степнякам на лыки;[c] в то же время был своеобразный мыслитель, от которого дошло до меня много высоколитературно написанных писем. Он любил детям задавать головоломные вопросы.

Он был в Москве только раз, в 1845 г., судя по его благодарственному письму к моему отцу за гостеприимство.

Бывало, в тот приезд подзовет он меня к себе, уставит себе указательный палец в лоб и спросит:

— Что́ есть Бог?

Не помню, конечно, своего ответа, но, впрочем, он своеобразному мыслителю сельского захолустья показался удовлетворительным; потому что в письме своем к отцу в 1849 году он еще вспоминал обо мне: «Каков мой фаворит Фединька Ваш, такой же ли умненький и сметливенький?» и даже еще позднее, уже в 1858 году, писал он отцу: «У Вас,[d] ... были, как мне помнится, детки-малютки, из коих не забыл пока умника мальчишку Федю. Если эти ребята еще не велики, то я советую им, чтоб были умны и, если попадут в сочинители-журналисты, не забывали бы в сочинениях своих религии святой православной, а если Ваши дети вышли из ребят и большие, то я молчу, ничего им не говорю, но желаю всякого благополучия и милости Божией».

Следующая заметка Месяцеслова деда: «1816-го года февраля 20-го числа родилась дочь Авдотья пополудни в восемь часов».

---

[a] *Далее зачеркнуто*: 2.

[b] *Далее зачеркнуто*: Своеобразный сельский мыслитель.

[c] *Далее зачеркнуто*: он.

[d] *Далее зачеркнуто*: любезный.

Эта тетка моя Авдотья Петровна вышла потом замуж за Петра Григорьевича Доброва, диакона Коломенской Богословской церкви.[14] Это был самый практический человек во всей отцовской родне. Хотя он всю жизнь оставался дьяконом, но ухитрился выстроить себе дом в 2 этажа и каменный низ отдавал внаймы под лавку и лабаз. По цвету своих волос назывался он у нас «ореховый зять».[15] Этот «ореховый зять» с такою же, как и он, практическою своею женою всё торопили деда сдачею своего места своей младшей дочери Анне, чем причинили немало неприятностей старцу.[a]

После записи о рождении сына Федора,[b] смерти свояченицы Акулины Федоровны,[c][16] смерти[d] сына Михаила[e] и кончине архиепископа Августина[17] 1819 года марта 3 пополудни в 3-м часу,[f] записа<на> мысль или самого деда, или откуда-либо им заимствованная:[g]

«Для женщины единственные наряды, которые могут быть приятны Богу, суть стыдливость, непорочность и скромность».[h]

«1802 года апреля 24-го, как значится в апрельской записи, стали порознь есть с свояком Васильем, а с 26-го того ж месяца получать поручной доход».

Этот Василий Михайлович был муж старшей внучки Болоны,[i] Акулины, тогда как на младшей, Мавре, был женат автор Календаря.

От этого Василья Михайловича пошел род Смирновых; а именно Василий Васильевич, по родственному прозванию «Фугуй». «Фугуй»[j] был причетником в Москве на Ильинке у церкви Большого креста.[18] Отчасти по врожденной[k] наклонности, отличавшей эту линию нашего родства, отчасти по самому жилью своему среди Толкучего рынка[19] «Фугуй» отличался практичностью,[l] он умел отыскать деньги для родственника и даже постороннего, нуждающегося в займе, невероятно дешево купить на Толкучке сюртук семинаристу-родственнику и т. д.

— Мы вам, Василий Васильевич, вот этот сюртук не рекомендуем, у него сейчас же на спине кусок отвалится, стоит поносить дня два. Вот сами извольте посмотреть. А возьмите вот этот.

И торговец Толкучки посвящал «Фугуя» во все тонкости вклеивания и заштуковывания[20] заплат в старом подновленном платье.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: этому. / В феврале же записано рождение.

[b] *Далее зачеркнуто — сначала*: в 1820 г.; *затем*: 12 февраля 1820 г., и смерть.

[c] *Далее зачеркнуто*: 14 февраля 1844 г. / В марте — смерть.

[d] *Далее зачеркнуто*: 17-недельного.

[e] *Далее зачеркнуто*: 14 [числа] марта 1815 г. и кончина.

[f] *Далее зачеркнуто*: следует изречение.

[g] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: слышанная или вычитанная.

[h] *Далее зачеркнут начинавший новый абзац предлог*: В.

[i] *Далее зачеркнуто*: на младшей.

[j] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: Он.

[k] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: практичности.

[l] *Далее зачеркнуто — сначала*: никто как он не умел; *затем*: не умел так быть посредником в.

Раз лет 15 от роду я вздумал было без помощи «Фугуя» купить на Толкучке панталоны. Нашли вещь великолепую <?> из толстого драпа с полосами и лампасами и очень дешево — 2 р<убля>, — и что же? Дня через два на коленках вывалилось по куску вершка в два квадратных.

Сестра Фугуя Акулина Васильевна была дьячихою в селе Мячкове близ Коломны. Я видел ее в детстве: она[a] ни видом, ни костюмом почти не отличалась от простой крестьянки.

За нею следовал брат ее Иван. Он был учителем Никиты Петровича в Коломенском училище[21] и большим другом моего отца. Он был священником у Воздвиженья на Овражках и умер в 1848 г. от холеры в один день с своею женою, оставив несколько малолетних детей. Помню ужас, произведенный[b] в нашем доме этою внезапною двойною кончиною: оба[c] были совершенно здоровы, но 9 июня вечером скончался муж, а 11 утром жена.[d]

Следующих за Васильем брата его Дмитрия и сестру Дарью я не помню; Дарья упоминается же и раз в 1 письме деда к Серг<ею> Петровичу; но младших из семьи Анну и Авдотью знал хорошо. Анна была за причетником на М. Дмитровке при церкви Успения,[22] Андреем Петровичем Смоленским.[e] Это был высокий сухощавый брюнет, которого мы почему-то прозвали «Дичь». Но эта семья заслуживала с родственной точки зрения похвалы: люди с малым достатком, они постоянно держали на очень льготных условиях какого-либо бедного родственника семинариста. Это была как бы гостиница для[f] родных, приезжающих в Москву из Коломны. Это нахлебничество условливалось между прочим близостью их квартиры к Духовной семинарии.

Младшая сестра Авдотья Васильевна прожила «вековушей». Она часто и долго гащивала у моего отца. Это была очень худая брюнетка. Она картавила и слово «галка» произносила *галька*. Мы и прозвали ее «галькою», не зная еще четверостишия:

Суха как лавка,
Черна как галка,
О, как мне жалко,
Тебя, весталка!

Следующая отметка календаря: «1803-го года, апреля 3-го, в Великий пяток, перешли жить в новый дом».

Постройку этого нового дома в селе Черкизове и самый план дома читатель найдет у Н. П. Гилярова («Из пережитого»,[g] т. I, стр. 51—56).

---

[a] *Далее зачеркнуто*: ничем тогда не отличалась.

[b] *Далее зачеркнуто*: этою внезапн<ою>.

[c] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: утром.

[d] *Часть фразы от слов «но 9 июня» до конца предложения вписана сверху над зачеркнутым*: вечером оба лежали на столе.

[e] *Далее зачеркнуто начало предложения*: Этого.

[f] *Далее зачеркнуто*: приезжающих из Коломны.

[g] *Далее зачеркнуто*: стр.

Затем апрельская страница календаря занята скорбными записями:

«1805-го года апреля 7-го в 9-м часу утра умерла тиоща Мария Михайловна,[23] в Великий пяток».[a]

«1844-го года апреля 8-го числа в час 11 пополудни умер брат Феодор Матфиевич».[24]

Здесь на одной странице две пометки, разделенные почти сорока годами.

Эта теща деда Марья Михайловна, дочь Болоны, была замужем за Федором Андреевичем Рудневым, который был сначала дьячком, потом солдатом. Подробную историю его излагает «Из пережитого» (т. I, стр. 24, 26—29).

В мае одна только заметка: «1824-го года мая 23-го числа родился сын Никита пополуночи в 40 минут 12-го часа».

Это Никита Петрович Гиляров-Платонов, о котором будет много говорено ниже.

В июне следующие отметки:

«1778-го года июня 23-го дня родился я, священник Петр Матфиев».

«1807-го года июня 30-го родился сын Сергей в первой половине четвертого часа пополуночи».

Этот родной брат отца Сергей Петрович Гиляров[25] был на четыре года[b] моложе моего отца и частию по этой разнице лет, частию по меньшему успеху в ученье (дядя[c] окончил курс в семинарии по 2-му разряду, тогда как отец[d] — по 1-му) питал к[e] старшему брату чувства почти сыновнего уважения. По окончании семинарского курса он даже довольно долго жил у моего отца. Он всю жизнь прожил священником в селе Черкизове Московской губернии, Коломенского уезда, в родовом нашем гнезде. Из всех наших двоюродных братьев и сестер «Черкизовские» были самыми для нас близкими. Я был особенно близок с старшим его сыном Владимиром,[26] а сестры мои[27] — с его двумя барышнями дочерями.[28]

Далее[f] читаем: «1789-го года июня 13-го числа отдан я в Кол<оменскую> семинарию».

В июле[g] значится: «[h] 1799-го года июля 28-го подавал прозбу[i] к преосвященному,[29] по которой и начал производиться во священники».

---

[a] *Далее зачеркнуто*: 1819-го года апреля 15 числа пополудни в половине одиннадцатого часа умер сын Иван.

[b] *Слова «был на четыре года» вписаны сверху над зачеркнутым*: был родоначаль<ник> ближай<ший> моего.

[c] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: Сергей.

[d] *Слово написано сверху над зачеркнутым*: Александр.

[e] *Далее зачеркнуто*: отцу чувств<а>.

[f] *Далее зачеркнуто*: между заметками о рождении сына Ивана и [уже и смертью] смерти сына Федора.

[g] *Далее зачеркнуто*: означены следующие события. *Сверху вписано и тоже зачеркнуто*: после заметки о рождении дочери Евдокии читаем.

[h] *Далее зачеркнуто*: 1800-го года июля 29 родилась дочь Евдокия.

[i] *Так в рукописи. Эти слова (после кавычек) вписаны над зачеркнутым.*

Как памятник аккуратности 21-летнего священника деда моего дошел до меня через отца следующий рукою деда написанный счет:

«Щет денгам, издержанным во время производства моего во священника:
За четыре листа герб<овой> бумаги — 1 р. 31 к.
За пять листов г<ербовой> бумаги —— 1 р. 60 к.
За справку повытчику Соколову ——— 25 к.
Семинарскому комис<сионеру> за справку — 10 к.
Печатных пошлин на бил<ет> ———— 50 $^{1}/_{2}$ к.
За два листа на допрос и присягу —— 64 к.
За написание дела писчикам ———— 1 р. 20 к.
Итого — 5 р. $^{1}/_{2}$к.
За выстрижение гуменца[30] --------------- 25 к.
Пошлин --------------------- 5 р. -------------»

Далее в июле следует запись:

«— Того ж месяца 29-го дня сошло поданное прошение с надписанием резолюции: Студент свидетельствован нами, и по свидетельствовании найден способным к священству; — представить справку с допросом».

За нею заметка:

«1821-го года июля 15-го дня пополуночи первого часа в 10 минут родилась дочь Анна».

Эта Анна Петровна впоследствии вы<й>дет за Павла Ивановича Богословского, которому тесть сдаст свое[a] священническое место у церкви Никиты Мученика в Коломне и сам останется жить у зятя до самой своей кончины.

В августе запись: «1799-го года августа 5-го дня получен мною билет из духовной консистории для вступления в брак».

Таким образом, между началом производства во священники и получением этого билета прошло более года.

Далее[b] записано, что «1802-го года августа 23 дня наняты плотники, а 25-го, т. е. в понедельник, начали работу, расчищая место».

Это уже известное читателям великое событие в жизни деда — постройка нового дома.

Понятно при этом волнение 24-летнего хозяина, только что приступившего к такому великому делу. Память об этом сохранилась в следующей записи:

«1802-го года, августа 28-го, отворял кровь, напустивши глубокую тарелку».

Далее следует запись о рождении моего отца: «1803-го года августа 15-го поутру, во время всенощного бдения,[31] родился сын Александр».

После этого заметка: «1799-го года августа 25-го вступил в брак с Маврою Федоровою в селе Черкизове».

Этот брак деда моего подробно описан Н. П.[c] Гиляровым-Платоновым («Из пережитого», I, стр. 21, 24—25). Но у меня сохранился ветхий на синей бумаге

---

[a] *Далее зачеркнуто*: место.

[b] *После этого слова зачеркнуто*: после заметки о смерти полугодовалой дочери Анны.

[c] *Инициалы подставлены позднее сверху над строкой карандашом.*

в лист документ,[a] относящийся к этому бракосочетанию, подписанный каракулями самого Михаила Исидоровича, т. е. Болоны, на внучке коего женился мой дед. Вот он:

«1798-го года февраля 5-го дня Коломенской округи села Черкизова церкви Собора Пресвятыя Богородицы священник Михаил Сидоров даю сию мою обязательную роспись Коломенской семинарии студенту Богословии Петру Никицкому в том, что я, священник, уступая ему священническое свое место и желая отдать[b] в замужество ему,[c] студенту, родную мою внучку Мавру Федорову, обязуюсь в приданое оной моей внучке дать следующее, а имянно:

Образ Казанския Божия Матери в окладе и в венце сребряном,
Образ Николая Чюдотворца в окладе и венце сребряном,
Серги сребряные и перстень сребряной,
Два платка гарнитуровые[32] новые,
Три платка шелковые тавтяные,[33]
Три платка бумажные,
Шуба гарнитуровая новая, на заячьем меху,
Другая китайчатая[34] синяя новая на заячьем меху,
Третья китайчатая новая синяя на авчинах,
Душагрейка штофная новая с золотым позументом,
Другая гарнитуровая новая,
Третья тавтяная новая,
Четвертая китайчитая новая,
Юпка гарнитуровая новая,
2-я коноватая[35] новая,
3-я ситцовая новая,
4-я выбойчатая,[36]
Епанечка[37] штофная новая холодная,
Другая горнитуровая новая,
Две телогреи китайчитые,
Две телогреи крашенинные,[38]
Постеля, а имянно:
Перина с четырми подушками,
Одеялы: теплая и холодная и занавес бумажные.

Сверх сего я, священник, даю ему, студенту, в награждение лошадь, корову, три авцы и из всех нужных для дому вещей третью часть.

Все же оное писанное мною, священником, приданое заключаю моим священством и чистою совестию, в чем и подписуюсь своеручно.

У сей розписи означен<н>ой священник Михаил Исидоров руку приложил».

В сентябре следующие заметки:

---

[a] *Далее зачеркнуто*: подписанный.
[b] *Далее зачеркнуто*: ему.
[c] *Это слово подставлено сверху над строкой.*

«1799-го года сентября 1-го преставился дедушка Феодор Никифорович».

Это дед моего деда по мужской линии, священник Черкизовской «ружной» церкви, т. е. состоящей на «руге» или довольствии у кн. Черкасских. (О нем подробно см. «Из пережитого» I, стр. 19, 21—22.) [a]

Далее замечание: «1799-го года, сентября 12, на память святого священномученика Автонома, в коломенском Успенском соборе посвящен я в стихарь, иподиакона и диакона. А сентября 14-го того ж года рукоположен в Троицкой крестовой церкви — во священника, на 21 году от рождения, Мефодием епископом».

Посвящению в иерея предшествовать должна служба чтецом, [b] иподиаконом и диаконом, но практика давно обратила это условное требование в одну формальность; потому-то мой дед и пробыл чтецом [c] <и> диаконом только два дня.

Затем печально<е> для деда событие: «1830-го года, сентября 24-го дня, в 40 минут 5-го часа пополудни, преставилась супруга моя Мавра Феодоровна на 51-м году от рождения; а погребение 27 числа» (Из переж<итого>. I, 93—95).

В октябре заметки:

«1799-го года, октября 22, свидетельствован в Троицкой крестовой церкви в священнослужении».

«А 24-го был у преосвященного и получил граммату» (т. е. ставленную во священники).

«27<-го> выехал из дома родительского в село Черкизово».

Отец моего деда Матвей Федорович был священником в гор<оде> Коломне у церкви Никиты Мученика. Там, в Коломне, дед мой и учился священнодействиям в этот промежуток с 12 сентября по 27 октября, когда отправился к месту своего назначения в село Черкизово. Впоследствии он перейдет в Коломну на место своего отца к Никите Мученику и сдаст место своей дочери Анне, это и значится тут же в октябре [d] уже старческою рукою вместо прежнего красивого и четкого почерка:

«1844-го года октября 14-го уволен я от занимаемой мною должности».

Тут же в октябре еще заметки:

«1816-го года октября 3-го числа Никита Федорович Руднев и Иван Егорович Беляев приехали в Коломну; а 8-го числа в 10 часов утра отправились в места своих назначений».

Никита Федорович Руднев — это сын Федора Андреевича Руднева, брат моей бабушки Мавры Федоровны. О Федоре Рудневе уже была речь выше.

Дед мой был «кавалер»: «В 1821-м году, августа 30-го», он, как значится далее, был «пожалован орденом Св. Анны 3-го класса. “Моск<овские> вед<омос-

---

[a] *Фраза в скобках вписана позднее карандашом.*

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Далее зачеркнуто начало фразы*: «1844-го года.

ти>", № 81».[39] Этого обстоятельства не знал Никита Петрович или позабыл упомянуть в своей книге.[a]

Декабрь занят только четырьми заметками общего характера:

«*Прозелит* — новопринятый в вероисповедание».

«*Песнь песней* Сол<омона> изображает таинственный союз Мессии с Церковию».

«Когда детская привязанность принужденна, она в глазах моих более не добродетель».

«*Удочка* — орудие, оканчивающееся с одной стороны поплавком, а с другой — дураком».

Последнюю «дефиницию» дед заимствовал у помещика В. Л. Похвистнева, соседа по селу Черкизову (Из переж<итого>, I, 49), относя ее, конечно, насчет помещика своего кн. Черкасского, страст<ного> рыболова.[b]

Не от Похвистнева ли также, человека Новиковской школы, заимствовал дед и последнюю в календаре «дефиницию»: «Суд есть колючий куст, в коем Овца ищет прибежища от Волка, но не выходит из него, не оставив части своей шерсти».

Чтобы покончить с нравственными заметками деда, приведу еще две сохранившие<ся> у меня на отдел<ьных>[c] клочках бумаги:

«В сердце человеческом находится зародыш разврата, производящий то, что со времен нашего праотца запрещенный плод имеет для нас какую-то неописанную прелесть».

Другое изречение: «Женщина, потерявшая целомудрие, ни от чего уже не отречется».

А вот, кстати, его же две фактические заметки: «Церквей в Москве 375. При них приделов 612. Монастырей 21».

Вероятно, это записано в опровержение известного мнения, будто в Москве «сорок сороков» церквей.

Но есть предрассудки и не столь невинные, напр<имер>, верование в домового, беспокоящего лошадей. Это тоже занимало Петра Матвеича, а потому он[d] описывает подробно насекомое Гиппобоску (Hippobosca), которая[e] для лошадей есть «непримиримый враг». «Они издали или ночью или днем, приметив летящую к ним (гиппобоску), рвутся, стучат ногами и бегают по всем тем местам, где чают ее присутствия избавиться. Держащие лошадей в конюшнях для

---

[a] *Далее зачеркнут целый абзац*: В ноябре записа<ны> две смерти и три рождения: «1800-го года ноября 5-го преставилась дочь Евдокия, 1802-го года ноября 4-го преставился зять Никифор Дмитриевич». Затем означено рождение трех детей, умерших в малолетстве: сына Николая (1804 г.), дочери Татьяны (1812 г.), сына Михаила (1814 г.).

[b] *Фраза от слов* относя ее *вставлена позднее чернилами*.

[c] *Эта часть слова вписана сверху над строкой карандашом*.

[d] *Далее зачеркнуто*: и записал.

[e] *Далее зачеркнуто*: называется есть «непримиримый враг».

избавления их от оного беспокойства, держат нарочно в конюшнях козлов,[a] которых дурные испарины принуждают гиппобоску улетать в дальние стороны... Итак, не домовой ездит ночью на лошадях, но оная муха лошадей принуждает беситься, для отвращения которой должно иметь смердящего козла».

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 740. Л. 1—33. Ряд фрагментов был опубликован нами в комментариях к изданию: *Из пережитого. 2009.*

Автор воспоминаний — Федор Александрович Гиляров (1841—1895) — племянник Гилярова, филолог, педагог, публицист и издатель; преподаватель русского языка в 5-й Московской мужской гимназии, Елизаветинском институте и Александровском военном училище (1866—1881); библиотекарь Московского славянского комитета, временный секретарь ОЛРС (1875—1878); соредактор «Современных известий» (1878—1883), издатель-редактор «Вестника литературного, политического, научного, художественного с афишами» (1883—1895; до 1.IX.1884 г. — «Афиши и объявления»). Составитель изданных в Москве учебных пособий: «Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию)» (1866; 5-е изд., испр.: 1872; в соавт. с А. И. Кирпичниковым), до 1918 г. не перестававшая выходить новыми изданиями (последнее — 47-е); «Русская хрестоматия для низших классов гимназий» (1869; 4-е изд., значит. доп.: 1884; в соавт. с А. И. Кирпичниковым); «Сборник для чтения и письменных упражнений» (1871); «Исторические и поэтические сказания о Русской земле в хронологическом порядке событий. Пособие при изучении отечественного языка и истории» (1872); «Этимология церковнославянского языка» (1876; 6-е изд., испр. и доп.: 1903); «Предания русской начальной летописи» (1878), «Школа народного языка. Азбука (преимущественно для сельских школ)» (1878; в соавт. с Н. Я. Клыковым); автор очерков «Царство Сербское» (1877), «15 лет крамолы (4 апр. 1866 г.—1 марта 1881 г.)» (1883; изд. запрещено цензурой).

Его «закадычный приятель» в годы обучения в Московском университете (1862—1866), а затем и муж его старшей сестры Веры (1839—1913) академик Н. П. Кондаков впоследствии писал, сравнивая Ф. А. Гилярова с его дядей Никитой Петровичем: «Еще большим неудачником был его племянник, а мой приятель Федор Александрович Гиляров, отличавшийся поразительным трудолюбием и крайним недоверием к себе. Исполняя свою давнюю мечту посвятить себя русской истории, он, однако, и не подумал пойти обычным путем профессуры, а сосредоточился в своем кабинете, занимаясь день и ночь и никому не показывая своих работ. Плодом этих занятий были любопытные материалы, им сведенные по Начальной летописи и отпечатанные как приложение к ее исследованию. Исследование не вышло, а приложение составляет ныне большую библиографическую редкость. В последнее время своей жизни он издавал “Театральный вестник”, что было уже окончательной странностью, так как сам он в театре совсем не бывал и дело это было ему совершенно чуждо» (*Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Prague, 1927. С. 43).

Публикуемые воспоминания хранятся в архиве кн. Н. В. Шаховского и были переданы ему младшим братом Федора Александровича Александром, который служил тутором и преподавателем Московского лицея. Приведем письмо, предшествовавшее передаче вдовой мемуариста Анной Ивановной Гиляровой его бумаг кн. Шаховскому:

[a] *Это слово вписано сверху над строкой.*

«12 января
1897 года
Милостивый Государь
Князь Николай Владимирович,

С покойным дядею моим Никитою Петровичем Гиляровым-Платоновым я никогда не был в близких отношениях, так что, к сожалению, не могу сообщить Вам тех сведений, которые Вам нужны для приготавливаемой Вами к печати биографии Никиты Петровича. Но покойный мой брат Федор Александрович Гиляров стоял к нему очень близко, и бумаги, которые находятся у Анны Ивановны, могут дать Вам много материала для означенной биографии. Эти бумаги суть:

1) *Воспоминания* Федора Александровича, писанные им перед смертью;

2) *Дневник* Федора Александровича, который он вел в юности, когда готовился к поступлению в университет;

3) *Письма* Никиты Петровича;

4) Наконец, вообще *все* бумаги Федора Александровича, в которых *очень могут* случайным образом находиться также нужные Вам сведения.

Если у Вас найдется время и *хватит терпения прочесть* все упомянутые бумаги, то Вы извлечете оттуда, *я уверен*, много сведений, полезных для Вашей цели.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком к Вам уважении

Ваш покорнейший слуга *А. Гиляров*»
(РНБ. Ф. 847. № 111. Л. 1).

Значительная часть мемуарного наследия Ф. А. Гилярова (о его детстве и обучении в МДС) была позднее опубликована: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. I. Вып. 1. С. 175—188, Вып. 2. С. 326—364; Вып. 3. С. 465—496; Вып. 4. С. 604—621; Кн. II. Вып. 5. С. 60—134; Вып. 6. С. 238—299.

[1] Речь идет о священнике Александре Петровиче Гилярове. По окончании Коломенского ДУ (1822) он обучался в МДС, из которой был выпущен в 1826 г. в первом разряде 27-м по общему списку (см.: *Кедров Н. И.* Московская духовная семинария, 1814—1889: (Крат. ист. очерк). М., 1889. Прил. С. 54). Служил диаконом, а затем священником московского Новодевичьего Богородице-Смоленского монастыря. В его доме на Малой Царицынской улице в 1838—1842 гг. жил Никита Петрович, обучавшийся тогда также в МДС. В ноябре (?) 1853 г. о. Александр был переведен настоятелем в Крестовоздвиженскую церковь на Пометном Вражке (Воздвиженья на Овражках), а в сентябре 1854 г. — в приход Князе-Владимирской, что в Старых Садех, церкви (см.: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. II. Вып. 4. С. 606, 607; Вып. 5. С. 63). Был женат (с 17 февраля 1829 г.) на Татьяне Федоровне Островской, тетке драматурга. Их сыновья Петр (1830—1876) и Федор (1841—1895) активно сотрудничали в гиляровских «Современных известиях», старшая дочь Вера, как упоминалось, была первой женой академика Н. П. Кондакова. По утверждению последнего, о. Александр был «полный алкоголик», обладавший, помимо «пристрастия к вину», еще и «непокорным нравом» (*Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. С. 44, 42). Скончался о. Александр в возрасте 67 лет 18 февраля 1871 г., похоронен на Пятницком кладбище (см.: Московский некрополь / Сост. В. И. Саитов и Б. Л. Модзалевский. М., 1907. Т. I. С. 269).

[2] Точное название: Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1798, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской им-

перии. В Санктпетербурге: При Имп. Акад. наук, <1797>. 139 с, 3 л. ил. Месяцесловы издавались Академией наук с 1731 г.

[3] См. ниже «Записку священника Петра Матфиевича Никитского с указанием дней рождения его детей» (наст. изд., с. 228—231).

[4] *Амиант* — мягкий, волокнистый камень жироземной (тальковой) породы, вид асбеста, горного, или каменного, льна; это ископаемое можно прясть и даже ткать, при этом образуется несгораемая ткань.

[5] Известны по крайней мере еще три сходные ключевые фразы для этого карточного фокуса, которые целиком образованы из действительно существующих слов: «макар ножом режет нитки», «крупу, табак берем оптом» и «лирик лемех рахат кутум».

[6] Первая часть афоризма — из знаменитых «трех римских юридических обязанностей»: Honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue (Живи честно, никому не вреди, воздавай каждому свое).

[7] Имеется в виду часть бывшего Черкизовского имения; названа по боярской фамилии Старковых, ведущей начало от внука царевича Серкиза — Федора Андреевича, по прозвищу Старко. В погосте Старки находилась церковь Святителя Николая Чудотворца («Красная», по местному наименованию). Поначалу, в 1641 г., тут был возведен деревянный Никольский храм; в 1759—1763 гг. его перестроил в камне в псевдоготическом стиле предположительно В. И. Баженов или К. И. Бланк. В советское время не закрывался. *Погост* — зд.: расположенная в стороне от поселения церковь с кладбищем, принадлежащим ей земельным участком и домом причта.

[8] Источник выражения — «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола (СПб., 1823). Включающая его «Выписка» из этого произведения приложена Пушкиным к его поэме «Бахчисарайский фонтан»: «За мечетью, вне двора, кладбище ханов <...>. Прежде нежели оставить сию юдоль сна непробудного, я укажу тебе отсюда на холм...»

[9] Преосвященный Мефодий (в миру Михаил Алексеевич Смирнов; 1761—1815), епископ Воронежский и Черкасский (с 1795 г.), Коломенский и Тульский (в 1799 г.), Тульский и Белевский (с 1799 г.), Тверской и Кашинский (с 1803 г.), архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский (с 1814 г.).

[10] Коломна стала центром обширной епархии (церковного округа) в 1350 г. Перед упразднением епархии (в соответствии с Высочайшим указом от 31 июля 1799 г.) ее глава носил титул епископа Коломенского и Тульского (в 1551—1787 гг. Каширского). Гиляров писал в воспоминаниях: «С плачем проводили коломенцы архиерейский двор, консисторию, учителей и учеников семинарских. Отселе они живут в городе исключительно торговом» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 33).

[11] Здесь и далее авторские ссылки даются на прижизненное отдельное издание мемуаров (М., 1886—1887).

[12] Родительский дом Ф. А. Гилярова с 1826 по 1853 г. находился на ул. Малой Царицынской, близ московского Новодевичьего Богородице-Смоленского монастыря (см. примеч. 1 на с. 211).

[13] Мария Петровна Никитская вышла замуж за Ф. В. Селезнева (ок. 1812 — не ранее 1882) в 1832 г. — в год окончания им Рязанской ДС, тогда же рукоположенного во священники к Богородице-Рождественской церкви в с. Кончаково Зарайского уезда Рязанской епархии, впоследствии благочинного, протоиерея. Скончалась 12 декабря 1881 г.; см. письмо ее внука, которому по наследству досталось место настоятеля кончаковской церкви, свящ. Алексия Теплова, к Гилярову от 4 января 1882 г.: «На мою долю выпало извес-

тить Вас о смерти нашей бабушки: она скончалась 12-го декабря в половине третьего утра. Страдала она долго и тяжело. <...> Дедушка сам собирался писать Вам, но, по слабости здоровья, едва ли и соберется; поэтому я до сего времени и не писал Вам. Дедушка стал очень плох ногами; по комнате ходит с палочкой» (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 48. <№ 25>. Л. 1). В книге «Из пережитого» супругам Селезневым посвящена глава XLV («Раздумье»).

[14] Авдотья Петровна Никитская в 1839 г. вышла замуж за П. Г. Доброва (ок. 1818 — не ранее 1863), выпускника Вифанской ДС (1838), служившего диаконом при коломенской церкви Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Этот каменный храм был возведен в 1756 г. В 1846 г. его перестроили в стиле ампир в связи с сооружением ансамбля торговых рядов, окруживших храм со всех четырех сторон. Колокольня, построенная при этом (67 м), стала самым высоким зданием Коломны. В 1929—1997 гг. церковь была закрыта.

[15] Так называется третья глава воспоминаний Ф. А. Гилярова, пока не опубликованная (РНБ. Ф. 847. № 740. Л. 64—132).

[16] Имеется в виду А. Ф. Руднева, старшая внучка прадеда Гилярова-Платонова — Михаила Исидоровича («Болоны»), вышедшая замуж за В. М. Смирнова, дьячка Успенского собора в с. Черкизово Коломенского уезда.

[17] Упомянут преосвященный Августин (в миру Алексей Васильевич Виноградский; 1766—1819), ректор Лаврской ДС (с 1795 г.), МДА (с 1801 г.); епископ Дмитровский (с 1804 г.), архиепископ Московский и Коломенский (с 1818 г.).

[18] Церковь Николая Чудотворца Большой Крест, или «что у крестного целованья», была возведена в 1680—1697 гг. Здесь приводили к присяге лиц, участвовавших в тяжбах в царских приказах. В 1933 г. храм был снесен, ныне на его месте порожний пустырь между домами 15 и 21 на ул. Ильинке.

[19] Толкучий рынок, или Толкучка, располагался на Старой и Новой площадях. Интересное определение этой московской достопримечательности было дано в юмористическом журнале Ф. Б. Миллера: «*Толкучка* — находится в центре Москвы в Городской части, между Ильинскими и Воскресенскими воротами. Знаменита рынком для сбыта краденого; бо́льшая часть торговцев этого рынка сидела по нескольку раз в острогах, а некоторые не только что принимают краденое, а и сами занимаются этим промыслом; лавки отпираются с трех часов ночи и запираются зимою в 10 часов, летом — в 12 часов. <...> Толкучка — единственный рынок в Европе, торгующий краденым явно» (Указатель московских достопримечательностей для иностранцев, посещающих Москву // Развлечение. 1872. № 7. 16 февр. С. 30). Ср. воспоминания Гилярова-Платонова: «Любил я посещать еще Толкучку, смотреть на “царскую кухню”, где за грош можно пообедать на открытом воздухе; любопытствовал о покупках и продажах старья и краденого, всматривался в лица многочисленных торговых дельцов, живущих исключительно обманом. Их притон здесь, и орудуют они в лавках и на открытом воздухе. Личные наблюдения свои проверял я и дополнял рассказами двоюродного брата, дьячка от Николы Большого Креста» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 263).

[20] От *заштуковывать* — зашивать, заштопывать так, чтобы были незаметны шов, штопка.

[21] Об И. В. Смирнове см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 5, 67, 68, 71, 72, 77, 83, 85, 86, 102, 108, 121, 236, 316, 327, 371, 413, 416, 430, 431, 434, 526, 578, 584; Т. 2. С. 101.

[22] Каменная церковь Успения Богородицы в Путинках, близ Малой Дмитровки, была построена на месте деревянной ок. 1676 г. в стиле московского барокко. Закрыта в 1930 г., богослужения возобновлены в 1992 г.

[23] О М. М. Рудневой, дочери Михаила Исидоровича («Болоны»), бабке Гилярова-Платонова по матери, см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 19—21, 31, 395.

[24] О Ф. М. Никитском, подьячем, губернском секретаре; дяде Гилярова-Платонова, см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 14, 19, 24, 26—28, 379, 387; Т. 2. С. 340.

[25] По окончании Коломенского ДУ (1824) Сергей Петрович Гиляров обучался в МДС, из которой был выпущен в 1830 г. во первом разряде 54-м по общему списку (см.: *Кедров Н. И.* Московская духовная семинария, 1814—1889: (Крат. ист. очерк). М., 1889. Прил. С. 60). По родственной протекции (Т. Ф. Островская, тетка драматурга, была замужем за А. П. Гиляровым) за год до окончания курса поступил приходящим домашним учителем в дом Николая Федоровича Островского на Малой Ордынке и в течение 6 лет давал уроки чтения и письма племянникам своего брата: будущему драматургу (ему было всего 6 лет) и его сводному брату Михаилу (2 года). В мемуарах Гилярова-Платонова о. Сергию дана колоритная характеристика: для него «обычаи светского и именно высшего общества были верховным кодексом»; «конец своей учебной жизни он проводил в приятном и приличном обществе; знаком был, между прочим, с артистами театров и с артистами-музыкантами. Он нравился женщинам...» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 203), но вряд ли правомерно отсюда заключать, будто Н. Ф. Островский «имел основание быть недовольным им как учителем и стал приискивать сыновьям другого наставника» (*Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 20): Сергей, окончив в июне 1830 г. семинарию, пять лет жил у брата, однако в сентябре 1835 г. должен был ехать к месту новой службы и потому оставил своих воспитанников. Отец Сергей был настоятелем Успенской (княжеской) церкви, впоследствии стал благочинным своего округа. Был женат на некоей Марье Ивановне (девичью фамилию установить не удалось). Скончался в 1850-х гг.

[26] Владимир Сергеевич Гиляров занимался в Москве врачебной практикой.

[27] Упомянуты Вера и глухая от рождения Любовь (1847—?). Н. П. Кондаков вспоминал о своей первой жене Вере Александровне: «Жена моя в первую половину своей жизни была бодрая, веселая и легкого, отзывчивого характера женщина, скромных привычек и довольствовалась очень малым. Она была из семьи Гиляровых старшею дочерью и была немного старше меня годами, любила чтение, была в своем роде передовой женщиной по тому времени и аттестована профессором Тихонравовым на экзамене, по ответам и сочинению, лучшею из всех им встреченных дотоле» (*Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. С. 42). О свояченице же он писал в связи с тещей Татьяной Федоровной: «Любимой же дочерью была у нее Любовь Александровна, которая истолковывала ей все дела и события, она же и вразумляла ее, успокаивала, поправляла на ней сбившуюся наколку» (Там же. С. 44).

[28] У С. П. Гилярова было три дочери: Авдотья, Дарья и Алена (умалишенная).

[29] Подразумевается епископ Мефодий (Смирнов). См. примеч. 9 на с. 212.

[30] *Гуменцо* (тонзура) — выбритый круг на голове православного священника, символизировавший терновый венец; выбритое место покрывалось небольшой шапочкой, называвшейся гуменцо или скуфья (она отличалась по форме от современной). Факт, отмеченный в этом документе, замечателен, поскольку считается, что обычай выстригать гуменцо существовал на Руси только до середины XVII в.

[31] 15 августа 1803 г. приходилось на субботу.

[32] *Гарнитуровый* — изготовленный простым ткацким переплетением, иногда называемым также граденаплевым, полотняным, миткалевым, суконным.

[33] *Тавтяной* (тафтяной) – из тафты, плотной шелковой или хлопчатобумажной глянцевитой ткани с поперечными мелкими рубчиками.

[34] *Китайчатый* — сделанный из китайки, первоначально, шелковой, затем хлопчатобумажной легкой ткани, производившейся в Китае, и массово ввозившейся в Россию в XVIII — начале XIX в.

[35] *Коноватый* — из коновата, азиатской шелковой ткани, шедшей на фаты и покрывала.

[36] *Выбойчатый* – из выбойки, бумажной или льняной ткани с отпечатанными на ней узорами в одну краску.

[37] *Епанечка* (епанча) — широкий, безрукавный круглый плащ с капюшоном у мужчин, а у женщин — короткая, безрукавная шубейка.

[38] *Крашенинный* — из грубой крашеной ткани домашнего изготовления, обычно синего цвета.

[39] Ср. в источнике: «Всемилостивейше пожалованы кавалерами нижеследующих орденов истекшего августа в 30-й день <...> *Св. Анны 3-й степени* <...> Троицкого пехотного полку лекарь Руднев» (*МВед.* 1822. 8 окт. № 81. С. 2309, 2310).

ПИСЬМА ДЕДА П<ЕТРА> М<АТВЕИЧА>

Нравственный облик деда моего отчасти выглядит уже из календаря, где отразился умственный и нравственный его обиход, важнейшие события его семейной и домашней жизни. Многие ли и из теперешнего уездного духовенства, через сто лет, объяснят, почему летом теплее, чем зимою, хотя летом Земля находится в афелии, т. е. в ближайшем, а зимою в перигелии, т. е. в дальнейшем расстоянии от Солнца? А ведь этому учат в теперешних семинариях и [a] такие вопросы очень возможны в церковно-приходских школах. Многие ли из сельского духовенства назовут вам эту гиппобоску и объяснят необходимость помещения «смердящего козла» в конюшне? Основательно подмечает дед «зародыш разврата» в душе человеческой, верно определяет истинно нравственные отношения детей к родителям, строго, но не ложно оценивает женскую природу, тонко различает истинную бедность от тунеядства. А эта тщательность в записывании важнейших событий в жизни: и когда стали есть порознь с свояком и чего при посвящении стоило выстрижение гуменца? Это едкое остроумие в определении хищничества суда и бездельничества рыболова-князя, всесильного владыки всей округи и т. д.? В очень немногих словах сказано все на целое полстолетие жизни без треволнений и суеты.

Но этот образ деда выяснится еще больше, когда мы прочитаем [b] его письма к своим старшим сыновьям Александру и Сергею.

Самые ранние из писем писаны были ко второму сыну Сергею.

Извещая его, что его мать, «издержав вторую бутылку бальзама, присланного Александром, совершенно избавилась от ломоты», Петр Матвеич в письме от

---

[a] *Слова* этому учат в теперешних семинариях и *вписаны позднее поверх строки.*

[b] *Первоначально было*: почитаем.

2-го июня 1827 года на требование Сергеем 15 р<ублей> асс<игнациями> посылает эти по-тогдашнему очень не малые деньги, с тем «чтобы употребить на покупку шляпы и сапогов», но «на пустяки не тратить». В прошлом месяце он послал к Александру письмо, но теперь сожалеет, что оно его не застанет; посему, сходивши в дом господина Киреевского,[1] ежели тебе отдадут, возьми его себе или попроси об отсылке оного в с. Красинó.[2]

24-летний отец мой в это время уже окончил курс и жил «на кондиции» у Киреевских, кажется, двоюродных братьев известным славянофилам, и потому не только не обращался к отцу за деньгами, но еще помогал своему брату Сергею, о чем горячо напоминает дед Сергею.

Далее следует бытовая черта, свидетельствующая, насколько близко тогда духовенство стояло к низшим трудящимся классам, нисколько не гнушаясь ими. «Спешу уведомить о новости: черкизовскую Дарью Васильевну (т. е. родную племянницу деда по жене) на прошедшей неделе сговорили Митяевской слободы[3] кол<оменского> купца Трофима Иванова Белоусова за сына Гаврилу Трофимова. Жених живет в Коломне под Зоткиной квартирой в подклете, в котором восемь человек работников пекут хлебы, пшеничные булки и крендели; не забудь, что тут же живет с женою брат его, который сим заведением и управляет. Второй его брат с Петрушкой-сбитенщиком в товарищах торгует сбитнем и бешеным медовым квасом при двенадцати разнощиках. Третий, женатый же, с отцом в Митяеве управляют шестью работниками при Кирпичном заводе».

В заключение извещает, что Акулина Федоровна,[4] мать невесты, родная сестра по жене, не решается играть свадьбу до приезда Ивана Васильевича Смирнова, брата невесты, самого ученого во всей семье (он был учителем Коломенского дух<овного> училища), а потому, конечно, наиболее уважаемого.

В следующем от 16 июня 1827 г. письме Сергей Петрович получает строжайший выговор от своего отца за непочтение к своему брату Александру, «благодетельствующему» ему. Письмо любопытно как доказательство особенной прочности тогдашних семейных и родовых отношений. Отцу моему было тогда 24, дяде — 20 лет.

«Мне что-то кажется удивительно, что ты пропустил не одну уже почту, а ко мне не отпишешь о получении письма и денег 15 р<ублей> ассигнациями, по просьбе твоей посланных тебе. Я начинаю думать, не хочешь ли ты иметь и ко мне такое же отношение, какое, при всей твоей грубости, оказываешь брату, тебе благодетельствующему. Пора уже себя переменить и слушать и с покорностию повиноваться старшему себя. Если случится слышать упрек или укоризну от него, в таковом случае должно стараться исправить себя и что-либо неприличное покинуть. Но ты не хочешь и слышать иногда, сказавши: “прощай! мне некогда”. Перемени себя в отношении к нему. Ему это больно, а особливо ему и нам неприятно сообщество твое с худыми товарищами. Прерви всякую с ними связь, чтобы я о сем более не слышал, поелику в полученном 7-го июня нами от него из Красина письме он на тебя за сие сильно жалуется и скорбит; о данных же тебе деньгах ни слова в письме нет. В письме оказываешь себя ему благодар-

ным, но видно на деле выходит совсем иное: по приказу его, ты должен к нему чаще писать; но, как слышу, он от тебя ни одного еще не получил письма. Вот благодарность и вежливость! Перемени себя и веди добропорядочно; с худыми людьми не знайся. В противном случае, по словам Давида: "с беззаконным беззаконен будеши и со строптивым развратишися"». [5]

Совсем другим характером отличаются письма деда к отцу моему: дедушка с своим старшим сыном говорит, как равный с равным, что особенно кидается в глаза при тогдашней семейной дисциплине, доказательство чего мы видели в предыдущем письме, по которому 24-летний брат может своему 20-летнему брату «приказывать».

Первое письмо деда к моему отцу от 31 октября 1829 года начинается приветствием: «Любезные дети, здравствуйте!», ибо отец мой в этом же году 17 февраля (число заимствую [a] из календаря моего отца) был уже женат на матери моей Татьяне Федоровне Островской. [6]

Дед благодарит моих родителей «за угощение и ласковый прием», по-видимому на свадьбе моих родителей. [b] «Сестры [c] [7] также Вас благодарят за присланный гостинец; а Никита (ему тогда шел 6-й год) Татьяну Федоровну, как он говорит, любит очень, очень-преочень, да только не видал ее и не знает, какая она; братца же Сашу немного поменьше».

Дед на свадьбе сына познакомился с [d] роднею его [e] жены, ее [f] родными братьями Геннадием и Николаем Федоровичами и [g] с их женами. [8] Впрочем, жена [h] Геннадия Варвара Иродионовна сама из Коломны, вероятно, старая знакомая: она ведь дочь Иродиона Степановича Сергиевского, [9] коломенского священника, учителя [i] в тамошнем училище, женатого на сестре Митрополита Филарета. [10] Новопосвященный дьякон Новодевичьего монастыря Александр Петрович Гиляров был в училище учеником этого «попа Родивона», как называет его Н. П. Гиляров-Платонов (Из пережитого, I, 68—76). [11]

«Мы очень сожалеем, продолжает дед, что по двукратном зове не успели быть у Геннадия Феодоровича и Варвары Иродионовны. Кажется, мы поступили не так учтиво; а посему, увидевшись с ними, постарайтесь оправдать нас пред ними и извинить. Письмо Ваше мы получили 5-го октября, за чтó благодарим, а Николаю Феодоровичу и Любови Ивановне (его жене) свидетельствуйте наше почтение».

---

[a] *Эти два слова надписаны сверху над зачеркнутым*: как значится.

[b] *Далее зачеркнуто*: где он познакомился.

[c] *Далее зачеркнуто*: (т. е. мои тетки).

[d] *Далее зачеркнуто сначала карандашом*: его; *затем чернилами*: жениною.

[e] *Это слово вставлено поверх строки карандашом.*

[f] *Далее зачеркнуто*: брат<ьями>.

[g] *Это слово вставлено поверх строки.*

[h] *Далее зачеркнуто*: одно<го>.

[i] *Далее зачеркнуто*: тамошнего училища.

Эту политичную вежливость прилагает дед и к своему старшему сыну, — и какая разница в его отношениях к тому и другому сыну! — «Может быть, — продолжает он, — Вам казалось удивительно, что мы на Ваше письмо так долго[a] не отвечали. Сему причиною Алексий Львович Белоусов (кто-нибудь из новой смирновской родни), который намеревался ехать в Москву по своему делу и лично Вам доставить как письмо, так и деньги вдобавок на покупку известного Татьяне Феодоровне платка; но все откладывал день за день и неделю за неделю, так что мы, не дожидаясь его отъезда, теперь пишем к Вам. Деньги же в скором времени и, может быть, с ним, Вам доставим».

У наших коломенских родных в большом обычае было «гостить» у кого-либо из родных. «Гостили», конечно, преимущественно девицы, которых без всякого ущерба можно было отпускать из дому на недели и месяцы. В доме моего отца гостили преимущественно «черкизовские», т. е.[b] дочери Сергея Петровича. Но в Коломне, Черкизове и Кончакове это гощение было разнообразнее: «коломенские» «гостили» в Черкизове и в Кончакове, «черкизовские» «гостили» в Коломне и в Кончакове, «кончаковские» «гостили» в Черкизове и в Коломне: вечно кто-нибудь у кого-нибудь гостил. Иногда даже менялись: коломенская, напр<имер>, девица гостит в Кончакове, а кончаковская — в Коломне. Чистая путаница женского персонала, — и это новое доказательство весьма прочных родовых связей.

Так, в приписке и к этому письму дед сообщает: «Маша гостит в Черкизове, которую в прошедшее воскресенье Душа и Даша черкизовские взяли с собою».

В письме от 20 сентября 1830 г., написанном в часы смертной агонии своей жены, умершей, по-видимому, от холеры[c] (от «жестокой болезни», по словам календаря моего отца), дед, сколь ни тяжело было для него это испытание, не пропускает случая написать старшему сыну о каком-то деле: «Сим Вас уведомляю, пишет он, что мать Ваша, под праздник наш (т. е. Никиты Мученика, 15 сентября), бывши у молебна и всенощной, вдруг в первом часу пополуночи сделалась больна. Ныне исповедована, Св. Таин приобщена и особорована. Помолитесь о ее здоровье. Не знаем, переживет ли нынешнюю ночь. Ноги мои не ходят и руки не владеют. Впрочем, по городу все благополучно и особой смертности нет. О чем в последнем письме к Вам писано было, не упускайте и старайтесь, потому что в Москву поехал с заручным прошением (т. е. коллективною просьбою будущих прихожан), чтобы проситься к Воскресенью[12] во диакона».

Эта деловая приписка тем удивительнее, что бабушка моя[d] действительно[e] 24 сентября, как значится в календарях деда и отца моего, скончалась. Кончина ее подробно описана Н. П. Гиляровым-Платоновым (Из пережит<ого>, I, 93—95).

---

[a] *Далее зачеркнуто начало фразы в скобках*: (т. е. всего.

[b] *Далее зачеркнуто*: дети Сер<гея>.

[c] *Далее зачеркнуто*: которая.

[d] *Далее зачеркнуто*: через.

[e] *Далее зачеркнуто*: скончалась.

Письмо от 11 февраля 1831 года знакомит нас с Никитою Михайловичем, священником коломенской Зачатской церкви,[13] родным братом митрополита Филарета, и с матушкою владыки Авдотьею Никитичною, тоже коломенскою попадьею.[14]

«Сим спешу Вас уведомить, что Никита Михайлович нынешнего утра отправился в Москву. Ныне в начале утрени он присылал ко мне в церковь женщину спросить, не имею ли я какой посылки для отправления в Москву. Посему вскоре по утрени я у них был и просил их о известном деле; он же во уверение показал мне и письмо Матушкино к Владыке,[15] содержащее прошение, что подтвердила и она и уверила о содержании оного. Причем просил их и к Вам; он же надеется видеться с Вами, по словам Вашим, и у Григория Ивановича (московский священник, женатый на сестре митрополита).[16] Более писать некогда. Спешу на биржу к ямщикам. 15 минут десятого часа. О месте для Сергея (т. е. сына) постарайся похлопотать».

Здесь все характерно: и священник, переговаривающийся чрез женщину[a] с другим священником «в начале утрени»; и родной брат митрополита, предлагающий себя в почтальоны между Коломною и Москвою;[b] и письмо матери митрополита к сыну с какою-то просьбою, которое[c] показывает митрополичий брат своему собрату; и это «Спешу на биржу к ямщикам», через которых обыкновенно пересылалась корреспонденция.[d]

Потом через большие промежутки следуют два письма (1835 и 1841 гг.)[e] и оба о болезни черкизовской невестки, жены сына Сергея. В одном письме он ожидает приезда из Черкизова своих двух дочерей[17] или какого известия. Больная горячкою невестка, «при отъезде моем от них чувствовала большую слабость и глухоту, а, по замечанию моему, и не малый жар, чтó приметно было на ее щеках». По вызову кн. Николая Борисовича Черкасского,[18] помещика, у черкизовских был доктор Сабинин,[19] прописал то-то и то-то. «Не знаю, чем кончится. Ныне, как торговый дом, спрошу у черкизовских», т. е. крестьян, приезжающих в Коломну на базар.

В письме от 21 июня 1841 года после известий о новой болезни той же невестки и[f] болезнях у себя в доме посылает «требуемые для Никиты (жившего тогда у моего отца)[20] деньги, 25 рублей ассигнациями. Поспеши употребить их по назначению. За содержание же Никиты прислать не иначе могу, как только после праздника Петрова дня. Теперь же у меня их более нет, несмотря на то что к имянинам надобно что-либо приготовить лишнее».

---

[a] *Слова* чрез женщину *вписаны поверх строки.*

[b] *Слова* Коломною и Москвою *вписаны поверх зачеркнутого*: двумя попами.

[c] *Слова* с какою-то просьбою, которое *вписаны поверх зачеркнутого*: с каким-то ходатайством о месте.

[d] *Слово* пересылалась *вписано поверх зачеркнутого*: велась коррес<понденция>.

[e] *Уточнение в скобках вписано поверх строки.*

[f] *Далее зачеркнуто*: сво<их>.

Затем любопытное место, свидетельствующее, что сын-дьякон был постоянным поставщиком проповедей для своего отца. Вообще, родитель мой во всю свою жизнь постоянно поставлял проповеди на всю свою поповскую и дьяконскую коломенскую родню. Вот это место письма: «Как я и прежде просил, да и теперь прошу прислать мне проповедь, назначенную говорить июля 22 в день тезоименитства их Императорских Высочеств [21] и не более, как на листе моего письма».

Сколь ни образован был мой дед, но в деле сочинительства проповедей должен был он, 63-летний старец, признать полный над собою авторитет моего 38-летнего отца.

Письмо это заканчивается так: «По отдаче на почту письма, спешу соборовать маслом прихожанку».

Итак, Коломна начала сноситься с Москвою уже через почту!

Впрочем, почта была и раньше, но жить тогда не спешили, как теперь. В печатном дедовском календаре 1798 г. в «известии, в которые дни в Императорском столичном городе Москве почта приходит и отходит», [22] значится, что С.-Петербургская легкая [23] отходит по понедельникам и четвергам, Киевская — по вторникам и субботам, Белогородская по вторникам, Рижская и в чужие края по понедельникам и четвергам, Сибирская — по средам и т. д. Для сношения с Коломною была важна почта Астраханская. Она «из Москвы отходит по пятницам; из Астрахани приходит по воскресеньям, а иногда по понедельникам». Письма она привозила «из губернии Астраханской, частию Саратовской, Тамбовской и Рязанской». О Коломне нигде не упомянуто. Может быть, для нее и не стоило распаковывать багажа с письмами. Впрочем, я еще помню, как иногородные письма принимались только в почтамте с платою деньгами гривенника, [24] ибо почтовых марок и штемпельных конвертов еще не было. Последние явились благодеянием для нас, хотя дьячки, ходившие из-под Девичья с письмом в почтамт, не решились бы, конечно, присвоить себе гривенника. Тогда получатель иногородного письма обязан был отдавать почтальону 3 коп<ейки> сер<ебром>, без чего письмо не вручалось. Доброе старое время!

14 октября 1844 г. дед сдал свое священническое место своей младшей дочери Анне и поселился у зятя, ее мужа священника Павла Ивановича Богословского. С этого времени для 66-летнего старца началась жизнь, судя по его письмам, исполненная лишений.

13 февраля 1845 г., сообщив важнейшую во всем родстве новость, именно, что у кончаковских пред Рождеством Христовым увели лошадь, «стоящую по меньшей мере сто пятьдесят рублей», дедушка «просит покорно» моего отца «прислать обещанные мне на вспоможение деньги. Вам, — говорит он, — может быть, неизвестно, что с 7-го генваря для меня совершенно прекратился всякой доход. Сверх того, по причине Анюшиной свадьбы я некоторым лицам остался должным. Пожалейте о мне и не допустите до того, чтобы стали жаловаться в Духовное правление (Духовное правление в уездном городе — низшая инстанция Духовной консистории в губернском городе). Поверите ль? При подаче

сего письма я отдал в почтовой конторе последний гривенник. К тому же пред свадьбой у некоторых из прихожан я забрал за годовой помин общий доход, из которого по миновании срока я должен отдать причетникам принадлежащую им часть. Прошу покорно — не оставьте моей просьбы.

«Татьяне Феодоровне [25] от меня кланяйтесь и другой Татьяне Феодоровне в монастыре [26] также. А детей всех за меня поцалуйте, а Федора Александровича (т. е. автора этой книги) трижды».

О крестной матери отца дед ничего не пишет, «потому что она в Черкизове гостит у Сергия, — тому уже неделя, как она там. Ее взяла Марья Ивановна» (т. е. жена Сергея Петровича).

13 апреля 1845 г. после предпраздничных благопожеланий [27] дед пишет: «Письмо Ваше и вложенный государственный кредитный билет в три рубля серебром я получил, за что покорно благодарю, и тем более, что Вы меня ими пред наступлением праздника порадовали».

Мой дядя Сергей Петрович часто страдал припадками ипохондрии, или, как называли в родстве эту болезнь, — «хандрою». Эта «хандра» была следствием несоответствия его светских наклонностей с положением сельского священника, а может быть, и просто лени и праздности; но он очень страдал от [a] воображаемых недугов. Отец мой основательно не верил в эти недуги, ибо вид дяди и во время «хандры» был весьма здоровый. Но дед не понимал этой тонкой болезни. И вот теперь он «с прискорбием» уведомляет отца, что «сын Сергий очень болен», как он пишет, «самою смертельною болезнию — онемением желудка, а потому воспалением во всем теле и совершенною бессонницею. Потом просит, чтобы я пожаловал к нему. Ныне я приказал с его прихожанином, если есть необходимость, то бы прислал за мною лошадь, и я бы справил служением Святую неделю».

Приписка к письму запечатлевает житейскими подробностями момент написания письма: «Не осуди на негодное марание. Очинить перо некому. Сам не так-то и в очки вижу; зять [28] пошел в лавку, а Анюша в бане».

30 апреля 1846 г. сообщив о рождении у Анюши дочери, а его внучки, дед начинает понимать болезнь своего среднего сына. «Вчера черкизовские, — пишет он, — были в Коломне, но у нас была только Марья Ивановна, а Сергий, по словам ее, пошел с зятем Богословским к лекарю. [29] Это у него или привычка, или он помешан на лекарствах». Затем дедушка вторично обращается к своему стесненному положению. «Вам, говорит он, известно, что полтора года тому, как я отказался от занимаемой мною должности; следовательно, не имею никакого ниоткуда дохода; а посему и прошу прислать, за получением мною трех рублей серебром, остальные. Сергий заплатил за меня 30 рублей, которыми я был должен по случаю свадьбы».

В приписке: «Возлюбленному Феодору Александровичу мое благословение и заочное целование».

[a] *Далее зачеркнуто*: этой.

Этим кончаются письма деда, умершего 27 октября 1854 года, 76 лет от роду.

Чтобы покончить историю деда, сообщу о его кончине и погребении.

Своевременно,[a] именно 25 или 26 октября,[b] «ореховый зять» послал отцу моему печальную весть; но[c] сын покойного Сергей Петрович Гиляров собрался уведомить о том отца только 2-го ноября, а младший зять священник Богословский — только 11 ноября, хотя покойный скончался у него в доме.

Вот что писал Сергей Петрович: «Ты, может быть, уже и получил от кого-либо из зятьев наших известие о смерти нашего батюшки; но я, несмотря на это, уведомляю с своей стороны тебя, что он, после пятидневной болезни, скончался октября 27-го дня в первом часу пополуночи, а похоронен 30-го дня. Я ожидал, что ты наверное приедешь к похоронам, а потому самому и отложено было погребение до четвертого дня. Я тем более еще был уверен в твоем приезде в Коломну, потому что тебе уже писано было зятем Петром от 25-го дня чрез ямщика письмо и тогда, когда в батюшке заметны уже были признаки близкой смерти». После разных догадок о причине неявки отца Сергей Петрович продолжал: «А между тем и самому покойному батюшке хотелось, чтобы мы все, по возможности, были при его погребении; а это видно из того, что он не раз говорил, чтобы всех известить о его болезни; кроме того, часа за два до смерти даже просил известить всех нас о его смерти. А потому очень жаль мне, что ты не исполнил последнего его желания... Что касается до похорон, то все было сделано так, как должно: к погребению приглашены были мною семь священников и многие из прихожан, но которые, вероятно, и без того пришли бы отдать последний долг прослужившему у них несколько лет священнику; даже некоторые из прихожан, по особенной любви к покойнику, несли его на себе до самого кладбища; и после того все те, которые приглашены были мною, не отказались помянуть его, в числе шестидесяти с лишком человек. Но при такой печали и тогда, когда тело покойного батюшки лежало еще в гробе, открылись было разные неудовольствия от одного человека». Имени этого человека дядя не сообщает; но заявляет, что «эти неудовольствия прекращены были» им, Сергеем Петровичем.[d]

А вот что 11 ноября 1854 г. писал к моему отцу[e] младший зять его священник П. И. Богословский, вдовец Анны Петровны: «27[f] октября после 8-дневной болезни скончался наш батюшка Петр Матфиевич, не успевший разделить с нами удовольствия жить в устроиваемом мною доме. Трудны были обстоятельства, сопровождавшие погребение старца на тесной квартире, не имеющей никакого

---

[a] *Далее зачеркнуто*: (накануне смерти деда) именно 25 октября, именно.

[b] *Слова* именно 25 или 26 октября *вставлены поверх строки*.

[c] *Далее зачеркнуто*: зять П. И. Богословский Серге<й?>.

[d] *Далее зачеркнут абзац, состоявший из одного предложения*: Чтобы покончить историю деда, приведу два письма о его кончине и погребении.

[e] *Далее зачеркнуто*: зять его.

[f] *Первоначально было*: 28.

удобства, на которой я проживаю 5-й месяц! Впрочем, Бог устроил все порядком: кроме родных коломенских и черкизовских, на похоронах были все знакомые наши и прихожане, которые также почтили своим посещением память бывшего их священника».

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 740. Л. 34—63.

[1] Подразумевается московский помещик Степан Алексеевич Киреевский (1779—1835), гвардии поручик (с 1801 г. в отставке), дядя А. С. Хомякова по матери. В его доме в 1824—1826 гг. жил на правах домашнего учителя детей старший брат Гилярова Александр Петрович (он тогда обучался на Богословском отделении МДС).

[2] Имеется в виду знаменитая усадьба Киреевских на севере Тульской губернии — Красино-Убережное, расположенная на берегу Оки, западнее Каширы (ныне на территории Ясногорского р-на Тульской обл.). Сохранились монументальный главный усадебный дом 1750-х гг. (первый дом европейского образца во всей округе) и Троицкая церковь. Видимо, к тому времени А. П. Гиляров с детьми уже выехал на лето в эту усадьбу.

[3] Бывшая Митяевская слобода г. Коломны — ныне район Митяево у Москва-реки; раньше в этом пригороде добывали качественную глину и селились тут кирпичники.

[4] Об А. Ф. Смирновой (ур. Рудневой), тетке Гилярова по матери, см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 64, 371, 391, 395, 402, 410.

[5] Пс 17: 26—27; ср.: Пс 7: 10; 2 Цар 22: 26—27.

[6] Н. П. Кондаков писал о своей теще: «...я лично ее обожал и, приходя, целовал много раз ей руки и щеки. Правда, все дети этой семьи также обожали мать, и я никогда не видывал столько любви в действительности, так как в то же время Татьяна Федоровна напоминала собою заботливую наседку и, неподвижно сидя при этом на диване — она страдала сердечной болезнью, — клохтала и кукарекала при появлении каждого члена семьи, наседая на него с укорами, попреками, заботами и хлопотами, а все они в то же время к ней лезли, как к маменьке» (*Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. С. 44).

[7] Мария, Авдотья и Анна Петровны Никитские.

[8] Названы Островские: коллежский советник Геннадий Федорович (1797—1852) и его жена Варвара Иродионовна (ур. Сергиевская), племянница митр. Филарета (Дроздова); отец драматурга Николай Федорович (1796—1853), чиновник Общего собрания московских департаментов Сената (с 1819 г.), штатный секретарь Московской гражданской палаты (с 1825 г.), присяжный стряпчий Московского коммерческого суда (с 1842 г.) и его жена Любовь Ивановна (ур. Саввина).

[9] Прот. И. С. Сергиевский (1780—1830) был смотрителем Коломенского ДУ; настоятелем коломенского Успенского собора. См. о нем: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 47, 49—52, 71, 84, 86, 127, 133, 178, 403, 408, 416, 423, 480, 522; Т. 2. С. 333.

[10] Подразумевается Ольга Михайловна Сергиевская (ур. Дроздова).

[11] См. название главы VII «Из пережитого» — «Поп Захар и поп Родивон». Отец Захар — свящ. Захарий Семенович Ильинский, учитель Коломенского ДУ (1801—1814).

[12] Подразумевается Церковь Воскресения Словущего, что в крепости, — одна из старейших в Коломне (известна с нач. XIV в.). В 1780—1789 гг. храм реконструирован в формах провинциального барокко. В 1929—1990-х гг. храм был закрыт. О ком идет речь, выясняется из дальнейшего изложения: это только закончивший МДС Сергей Гиляров, которого его отец, П. М. Никитский, хотел устроить на вакантное место диакона Воскресенской церкви. Известно, что за год до событий, о которых говорится в письме, в 1829 г.,

диаконом здесь состоял 33-летний Иаков Алексеевич Смирнов (см.: *Пэнэжко О., прот.* Храмы г. Коломны и окрестностей. Владимир: Б. и., 2006. С. 77). Не исключено, что он умер в холеру 1830 г.

[13] Прот. Никита Михайлович Дроздов (1799—1839), настоятель коломенской Богоявленской церкви с 1821 по 1839 г. «Зачатской» (или «Зачатиевской») Богоявленскую церковь, возведенную в 1680—1689 гг., называли в Коломне по старой памяти: первоначально, с 1470-х гг., на ее месте стоял деревянный храм Зачатия праведной Анной Пресвятой Богородицы — центр Гончарной слободы (древнего села Бабышева). Историк-дилетант Н. Д. Иванчин-Писарев отмечал: «Зачатие Св. Анны. Этот храм переименован Богоявленским. Вот предание: супруга Иоанна III, София Палеолог, долго молилась в обителях о чадородии, молилась о том и в коломенских храмах. <...> ...вышив хоругвь для здешнего соборного храма, она поставила на сем месте деревянный Зачатейский» (Прогулка по древнему Коломенскому уезду: Сочинение Николая Иванчина-Писарева. М., 1843. С. 149—150).

[14] Мать митр. Филарета Авдотья (Евдокия) Никитична Дроздова (ок. 1763 или 1768—1853) была замужем за прот. Михаилом Федоровичем Дроздовым (1760—1816), настоятелем коломенского Успенского собора.

[15] Подразумевается письмо А. Н. Дроздовой, матери митр. Филарета, к нему.

[16] Речь идет о прот. Григории Ивановиче Богоявленском (1792—1851), настоятеле московской церкви Троицы на Листах (с 1824 г.), женатом на Аграфене Михайловне Дроздовой, сестре митр. Филарета (Дроздова).

[17] Имеются в виду Авдотья и Дарья Сергеевны Гиляровы.

[18] Кн. Н. Б. Черкасский (1804—1837), коллежский асессор, владелец с. Черкизово Коломенского уезда.

[19] Коломенский уездный доктор Федор Егорович Сабинин (1798—1848), коллежский советник и кавалер.

[20] Как и в большинстве цитат ранее и далее, здесь в скобках — примеч. Ф. А. Гилярова.

[21] 22 июля 1841 г. праздновалось тезоименитство (именины) детей Николая I: вел. кн. Марии Николаевны (1819—1876) и вел. кн. Михаила Николаевича (1832—1909).

[22] Это «Известие» (название приведено с буквальной точностью) находится на с. 135—137 Месяцеслова и далее цитируется не вполне точно.

[23] Была еще и «Санктпетербургская тяжелая» почта, отходившая из Москвы по вторникам и пятницам (см.: Там же. С. 136).

[24] *Гривенник* — разменная 10-копеечная серебряная монета, выпускавшаяся в России с 1701 г.

[25] Т. Ф. Гилярова (ур. Островская), жена о. А. П. Гилярова.

[26] Татьяна Федоровна (?—1853) — старица в московском Новодевичьем монастыре. В «Из пережитого» ей посвящена глава XXVII («Прозорливица») (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 177—184). О монахине Татьяне Федоровне Ф. А. Гиляров рассказывал в своих мемуарах, опубликованных в 1904 г.: «Об этой знаменитой старушке говорит Н. П. Гиляров-Платонов в своих “Воспоминаниях”. Я скажу, что сам о ней помню. Жила она в маленькой келейке в задних монастырских воротах над церковью Покрова. Это была очень древняя старушка. Происходила она из крестьянского сословия, была неграмотна, но обладала редкою, можно сказать, чудесною силою бесхитростного слова. К ней часто приезжала из Москвы самых громких фамилий аристократия посоветоваться о каких-либо семейных делах, поскорбеть о несчастиях своих; поссорившиеся супруги искали чрез нее примирения. Довольно было нескольких слов святой старицы, чтобы

сомнения улегались, аристократическая гордость преклонялась, болящее сердце успокоивалось. Иных “чудес” она не творила и была совершенно чужда каких-либо чудодейственных (вроде юродства) выходок. В моем воспоминании она представляется в высшей степени простою, самою обыкновенною из обыкновенных старушек. Из всего причта с отцом моим она была в наилучших отношениях. Они помогали друг другу духовно: а вещественное выражение их дружеских отношений ограничивалось подарком Татьяны Федоровны отцу иконы, писанной, по преданию, императрицею Елисаветою Петровною до вступления ее на престол. Это большой образ Трех радостей живописного письма. Икона эта очень почиталась отцом и сейчас хранится у меня. С своей стороны мать моя каждое воскресенье и праздник посылала к Татьяне Федоровне небольшой горячий пирог с капустою или морковью. Пирог этот всегда носил я. Татьяна Федоровна развязывала тарелку, вынимала пирог, тарелку, сложа от пара салфетку, возвращала мне и каждый раз дарила несколько медных монет, какие оказывались у этой бессребреницы. Иногда это был медный пятак, иногда копеек семь серебр<ом>. Из этих грошей я сделал первые сбережения, которые лет через 8—10 достигли рублей 20, на что я и сшил себе впервые на свой счет теплую на вате, с фланелевою подкладкою да еще с собачьим воротником, шинель» (*РА*. 1904. Кн. I. Вып. 2. С. 350). Чудотворная икона Божией Матери, именуемая «Трех радостей», прославилась в Москве в XVII в., возвратив по молитве одной несчастной женщины все утраченное ею: честь мужа и сына, а также ее имение.

[27] 15 апреля 1845 г. праздновалась Пасха.

[28] Свящ. Павел Иванович Богословский.

[29] Имеется в виду, вероятно, Ф. Е. Сабинин. См. примеч. 19 на с. 224.

Приложение

Протоиерей П. М. Никитский

ПИСЬМО К СЫНУ Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ И НЕВЕСТКЕ ВЕРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ОТ 17 ИЮЛЯ 1851 г.

Любезные дети, здравствуйте!

Письмо ваше от 26-го июня с приложением денег пяти рублей я получил, за что Вам спасибо. С новорожденным сыном[1] Вас поздравляю и желаю, чтобы он был жив и здоров и служил Вам утешением, а в старости подпорою. Мы все, как черкизовские, так и кончаковские, живы и здравствуем. Марья Ивановна в последних числах мая родила сына Петра, а Анюта 2-го июня тоже родила сына — Ивана. Что касается до недоразумений, изъявленных в твоем письме, то они были с твоей стороны. Женившись,[2] не избрать времени о уведомлении отца. Это как назвать? Леностию, небрежением или невниманием. Вот недоразумение! Положим, что в тот самый день ты не мог сего сделать, а по приезде в Посад[3] и по сие время? Неужели ты думал, что я, от посторонних услышавши в скором времени о женитьбе твоей, вздумал писать к тебе? Этот поступок с моей стороны был бы не похвален. Впрочем, Бог всех да простит: бросим все это и ни

слова вперед. Теперь время вакации и можете приехать к нам. Как говорится, себя показать и нас посмотреть. Приезжайте, мы все Вам будем рады. Впрочем, да будет благословение Божие и мое над Вами.

Остаюсь Отец Ваш Священник

Петр Матфиев. Июль 17-го 1851-го года.

<*Адрес на конверте*:> В Сергиевском Посаде в Московской духовной академии Никите Петровичу Гилярову.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 658. Л. 1—1 об.

[1] В июне или в начале июля 1851 г. у Гиляровых родился первенец Николай, вскоре скончавшийся.

[2] 24 сентября 1849 г. Гиляров женился на Вере Алексеевне Богдановой (ок. 1821—1904), дочери настоятеля московской церкви Флора и Лавра на Зацепе о. Алексея Ивановича Богданова (венчал тесть).

[3] Т. е. Сергиев Посад, где жили Гиляровы в тот период.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА из петербургских архивов

Публикация А. П. Дмитриева

Волею судьбы основные документы, связанные с жизнью и творчеством Гилярова, родившегося в Коломне и прожившего всю жизнь в Сергиевом Посаде и Москве, ныне находятся в архивохранилищах Санкт-Петербурга. Не говоря уже о том, что его воспоминания «Из пережитого» можно назвать распространенным на два тома восторженным признанием в любви двум родным городам — Коломне и Москве, — которые в его изображении воспринимаются как средоточие русского традиционного быта, духовной культуры и исторической памяти, напомним сказанное им о Белокаменной (в передаче одного из сотрудников «Современных известий»): «Россию не променяю на всю Европу, вместе взятую, говаривал он, а из Москвы, которая для меня второй Рим, не поеду ни за какие тысячи». [1]

Петербург же Гиляров — и в этом он оказывался истым славянофилом — всегда не любил. Думается, что и все предлагавшиеся ему в первой половине 1860-х гг. возможности блестящего карьерного роста — стать редактором официального органа Министерства внутренних дел газеты «Северная почта», возглавить Духовно-учебное управление Св. Синода, получить кафедру философии или церковной истории в С.-Петербургском университете — были отвергнуты им во многом из-за нежелания переезжать из своей уютной Москвы в имперскую столицу, несмотря на то что там, даже при Дворе, у него были верные друзья и ходатаи за него: гр. Д. Н. Блудов с дочерью Антониной, К. П. Победоносцев, гр. И. Д. Делянов и др.

В самом же конце жизни Гиляров дважды совершил недельные поездки в Петербург (из последней вернулся уже в гробу) — в августе—сентябре и октябре 1887 г., дабы в коридорах власти исхлопотать себе право на аренду «Московских ведомостей» и таким образом стать преемником умершего М. Н. Каткова. В ежедневных письмах к близкому ему в те годы человеку, публицисту, критику и переводчику Анне Михайловне Гальперсон, возникает образ бездушного, холодного, хотя и удивительного по красоте города. Характерна гиляровская оговорка: «...у меня, никогда не уважавшего Петербург». [2] Противопоставление чужого, официозного города на Неве родной и домашней Москве проходит через всю эту переписку. Гиляров с некоторой брезгливостью отмечает: «В Петербурге

[1] *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов: Из воспоминаний сотрудника // Родная речь. 1897. № 4. 1 марта. С. 10.

[2] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 221.

полная анархия и царство личных эгоизмов»,[3] «Ну, скажи, Аня, нельзя с ума сойти в этом столпотворении Вавилонском?»,[4] «Разве так в Петербурге делается, чтобы в одно заседание порешено было?»[5]

Но так получилось, что после кончины Гилярова практически весь его личный архив перекочевал в Петербург, так как здесь начиная с 1890-х гг. постоянно жили основной гиляровский биограф и редактор его сочинений кн. Н. В. Шаховской (собранные им материалы хранятся в Публичной библиотеке, или, по-нынешнему, — в Российской Национальной, в фонде 847) и любовь его последних лет А. М. Гальперсон, пережившая Гилярова на 15 лет (ее дети сдали личные бумаги Гилярова в Пушкинский Дом при его основании в 1905 г., они составили фонд 71).

Помимо самих гиляровских текстов, большую ценность представляют хранящиеся здесь документы, которые проливают свет на разные обстоятельства его жизни и творчества, в частности, письма к нему разных лиц, деловые бумаги, аттестаты, дипломы, мемуары родственников (прежде всего старшего сына Н. Н. Гилярова[6] и племянника Ф. А. Гилярова,[7] важны и упоминания о нем в переписке его знакомых и учеников, друзей и недругов.

Настоящая публикация объединяет документы, имеющие отношение к раннему, коломенскому, периоду жизни Гилярова, и тем временем, когда он в течение последних двух десятков лет издавал в Москве ежедневную газету «Современные известия», а кроме того, связанные и с первыми посмертными годами, когда его ученики и последователи начинали сбор его произведений, оставшихся в рукописях, и писем, переписывали газетные статьи, задумывая издание Собрания сочинений и мемуарного сборника его памяти.

I. ЗАПИСКА СВЯЩЕННИКА ПЕТРА МАТФИЕВИЧА НИКИТСКОГО С УКАЗАНИЕМ ДНЕЙ РОЖДЕНИЯ ЕГО ДЕТЕЙ

Матфиев Петр, свящ.
рождение детей моих:

1800-го года июля 29-го родилась дочь Авдотья.
1802-го года генваря 30-го родилась дочь Анна.

---

[3] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 221.

[4] Там же. С. 233.

[5] Там же. С. 245.

[6] *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты <«Современные известия» (публикация мемуарного очерка Н. Н. Гилярова «Краткая история газеты “Современные изв<естия>”» со вступ. ст. и коммент.)> // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 353—382, ил.

[7] Частично опубликованы в комментариях к последнему переизданию воспоминаний «Из пережитого» (см. примеч. 2). См. также публикацию двух глав в наст. изд., с. 199—225.

1803-го года августа 15-го родился сын Александр. [1]
1804-го года ноября 25-го родился сын Николай.
1807-го года июня 30-го родился сын Сергей. [2]
1810-го года февраля 18-го родилась дочь Мария. [3]
1812-го года ноября 30-го родилась дочь Татьяна.
1814-го года ноября 14-го родился сын Михаил. [4]
1816-го года февраля 20-го родилась дочь Авдотья. [5]
1818-го года мая 20-го родился сын Иван. [6]
1820-го года февраля 12-го родился сын Феодор.
1821-го года июля 15-го родилась дочь Анна. [7]
1824-го года мая 23-го родился сын Никита. [8]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 818. Л. 1. Хранится под названием «Записка о рождении детей у отца Н. П. Гилярова-Платонова».

Записка отца мыслителя священника Петра Матфиевича (Матвеевича) Никитского «Рождение детей моих» не датирована. Предположительно можно приурочить ее создание к концу 1840-х — началу 1850-х гг., когда Гиляров, будучи бакалавром МДА, задумал по примеру близкого друга Василия Сперанского писать мемуары о своих предках, детских годах и обучении в духовном училище и семинарии и, по его же, Гилярова, признаниям Аксаковым (в абрамцевской гостиной в 1854—1855 гг.) и А. С. Суворину (в одном из писем к нему 1872 г.), приступил к осуществлению своего замысла (см. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 308—310).

Отец Петр (23.06.1778—27.10.1854) в тот период, точнее в 1844 г., передал настоятельство в коломенской церкви Никиты Мученика, продолжавшееся целых 35 лет, своему младшему зятю священнику Павлу Ивановичу Богословскому, мужу его дочери Анны, о которой в своих мемуарах Ф. А. Гиляров писал: «Эта Анна Петровна впоследствии вы<й>дет замуж за Павла Ивановича Богословского, которому тесть сдаст свое священническое место у церкви Никиты Мученика и сам останется жить у зятя до самой своей кончины» (наст. изд., с. 206). Он же сообщал точную дату: «14 октября 1844 г. дед сдал <...> место» мужу Анны Павлу Ивановичу Богословскому (наст. изд., с. 220). (Отец же Петр вступил в алтарь родовой церкви в иерейском облачении только после смерти своего отца Матфея Федоровича Никитского, случившейся 9 августа 1809 г.) Помимо публикуемой Записки, нам известны несколько писем о. Петра к старшему сыну священнику Александру Гилярову за 1829—1854 гг., включенные Ф. А. Гиляровым в его воспоминания, а также письмо к Никите Петровичу от 17 июля 1851 г. (РНБ. Ф. 847. № 658), публикуемые в настоящем издании.

Как видим из Записки, сам о. Петр, судя по всему, не любил свою казенную фамилию Никитский, присвоенную ему «по церкви», и предпочитал подписываться по старинке: «свящ<енник> Петр Матфиев». Никита, как выясняется, был по общему счету тринадцатым ребенком в семье, но, когда он появился на свет, в живых оставались только два его брата и три сестры. В мемуарах он упомянет о своем особом положении всеобщего любимца, положении как бы библейского Вениамина или Давида: «Я был младшим в семье, “поскребышем”, как называл меня отец с улыбкой прихожанам, “Давид Иессеев”, как шутил со мною Иван Евсигнеевич: старший брат обогнал меня на двадцать один

год и ко времени рождения моего уже оканчивал курс; ближайшая по возрасту сестра была старше меня тремя годами» (*Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 59).

Семья Никитских заметно выделялась в купеческой Коломне своей «несветскостью», обособленностью и приверженностью к традиционному для строго благочестивого духовенства прежних времен укладу жизни. Об этом тоже пишет Гиляров, причем с немалым сочувствием: «Духовенство же есть вообще особенный мир; а семья, среди которой я вырос, была и среди особенных особенная: она жила в XVII веке, по крайней мере на переходе в XVIII. Консерватизм моего родителя был чрезвычайный: он жил вполне, как его отец, и с очень малым отличием от того, как жили дед и прадед. <...> Дом наш был своего рода скитом, где царил угрюмый, вечно молчаливый патриарх, и при нем мы, подрастающая девичья молодость и полуребенок сын» (Там же. С. 6).

Вместе с тем священник П. М. Никитский, духовные запросы и интеллектуальные потребности которого не могли удовлетвориться пустопорожними разговорами с соседями и родственниками о погоде и текущих хозяйственных нуждах, — всю жизнь томился в глуши провинциальной Коломны от нравственного одиночества. Жертвенно заботился он о детях: доходы его, «ребенка в практической жизни», всегда были невелики, но всем троим сыновьям он сумел дать образование в столичной семинарии, трех дочерей обеспечил достаточным для хорошей партии приданым. Его любовь к чтению как «отдохновению от непривлекательной действительности», внутренняя сосредоточенность на духовных, возвышенных предметах, тяга к мечтательности, уединенному времяпрепровождению, а также его нравственное обаяние и склонность к изящному остроумию, особенно проявлявшемуся в меткости его оценочных суждений и характеристик, — все это в полной мере будет унаследовано Никитой Петровичем.

Слушатель Гилярова в МДА, а позднее его приятель, протоиерей Петр Алексеевич Смирнов (1831—1907), в своей «речи пред панихидою» по усопшему учителю восхищался его «выходящими из ряда», редкостными дарованиями: «Какая необыкновенная гибкость мысли, какая роскошь фантазии, какое ясное и живое слово!» (Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. СПб., 1897. Вып. II. С. 259) — и при этом справедливо подчеркивал, что их развитию и сбережению до преклонного возраста «способствовало первоначальное воспитание в духовной, нравственно-чистой семейной обстановке»: «Его охранили в детстве и юности от опасных увлечений, от плотских пороков, а после сам он уже охранил себя от бурных порывов страстей; а это сберегло у него свежесть и мысли, и памяти, и воображения, и чувства. Вот что значит это целомудрие!» (Там же. С. 260). Важно, что такова была и гиляровская самооценка. П. А. Смирнов продолжал: «Так за несколько дней до кончины сам покойный мне объяснял, почему так ясно и живо вспоминалось ему его прошедшее...» (Там же).

Из публикуемой Записки мы узнаем имена всех родившихся в семье о. Петра и Мавры Никитских детей, семеро из которых — Авдотья, Анна, Николай, Татьяна, Михаил, Иван и Федор — умерли во младенчестве (во всяком случае — до рождения в мае 1824 года Никиты Петровича) и каких-либо иных сведений о них не имеется.

[1] Священник Александр Петрович Гиляров. См. примеч. 1 на с. 211.
[2] Священник Сергей (Сергий) Петрович Гиляров. См. примеч. 25 на с. 214.
[3] Мария Петровна Никитская. См. о ней примеч. 13 на с. 212—213.
[4] Скончался 14 марта 1815 г. в 17-недельном возрасте (см. наст. изд., с. 203).
[5] Авдотья Петровна Никитская. См. о ней примеч. 14 на с. 213.

[6] Скончался 15 апреля 1819 г. в 11-месячном возрасте (см. наст. изд., с. 205).

[7] Анна Петровна Никитская. Замужем за священником Павлом Ивановичем Богословским (?—1863), настоятелем коломенской церкви Никиты Мученика с 1844 г. Скончалась не позднее 1854 г.

[8] Никита Петрович Гиляров-Платонов. В левом нижнем углу листа карандашная помета кн. Н. В. Шаховского:

«1887
24
63», т. е. вычисление прожитых Никитой Петровичем лет.

II. ИНСТРУКЦИИ, ВЫДАННЫЕ НИКИТЕ ГИЛЯРОВУ В КОЛОМЕНСКОМ ДУХОВНОМ УЧИЛИЩЕ КАК КЛАССИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ И СВОЕКОШТНОМУ (1836)

1. Инструкция Классическому журналисту,[1] ученику высшего отделения Уездного училища Прохору Никольскому

Должность Классического журналиста состоит в следующем:

I.

Держать в надлежащей исправности тетрадь, называемую классическим журналом и данную для записки по показанной форме классических занятий и отсутствующих и бесчинствующих учеников.

II.

В сем журнале в известных графах под конец класса записывать со всею точностию: 1) Чем ученики были занимаемы в продолжение класса; 2) Кто и почему не был в классе; 3) Кто шумел или каким-нибудь образом препятствовал другим заниматься делом или выходил из класса без нужды и надолго при Учителе.

III.

Учеников шумевших или производивших какое-либо бесчиние в классе до учителя вносить в особую записку, которая должна быть представляема Учителю немедленно по его приходе, и только по его приказанию записывать их в журнале.

IV.

Об отсутствующих учениках, для точнейшего означения в журнале их отсутствия, справляться у старших: почему они не пришли в класс?

V.

По пробитии звонка журнал подавать учителю для подписа в классе, а отнюдь не носить журнала для сего к нему на дом ни в каком случае. Журнал пред-

ставлять на рассмотрение Ректору и Инспектору попеременно через день после всех классов, а по истечении трети года оставлять у Ректора.

Ректор Училищ [2] Протоиерей Александр Невоструев [3]

№ 199.
Сентября 21го дня
1836го года

Печатается впервые полностью по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 69. <№ 6>. Л. 1—1 об. Подпись ректора под документом, а также имя и фамилия Прохора Никольского начертаны собственноручно этими лицами.

Две инструкции, выданные Никите Гилярову в Коломенском ДУ как классическому журналисту и своекоштному (1836), упомянуты им в главе XXIII «Из пережитого» («От тиранства к сердоболию»): «По низвержении соседа я облечен был, сверх прочих преимуществ, еще прерогативой цензорства, на что (как и на звание старшего) получил грамоту за № и подписью ректора, проще сказать — “инструкцию”. Обе эти инструкции у меня сохранились и обнаруживают несколько канцелярский взгляд А. И. Невоструева; старший, например, обязан был наблюдать, между прочим, чтоб ученики вставали в 6 часов утра; это я-то за учениками, рассеянными по вольным квартирам!» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 150). Благодаря обнаруженным в архивохранилище Пушкинского Дома документам, выясняются имя и фамилия «низверженного соседа» — Прохор Никольский. Обе инструкции, особые положения которых требовали постоянно оповещать начальников о проступках поднадзорных сотоварищей, с одной стороны, ярко характеризуют навязываемую начальством «конституцию» духовной школы в Коломне, а с другой — самоочевидно свидетельствуют о заведомой неисполнимости большинства позиций «фискального» свойства, вступавших в резкое противоречие с представлениями бурсаков о товариществе.

[1] Судя по вышепроцитированному фрагменту главы XXIII мемуаров Гилярова (см. преамбулу к комментариям), на «классического журналиста» в Коломенской бурсе, помимо заботы о классном журнале, ложились и обязанности цензора.

[2] Имеются в виду Коломенские духовные училища — двухлетнее приходское и четырехлетнее уездное. Они являлись подготовительной ступенью к получению среднего образования в семинарии с шестилетним курсом обучения.

[3] Александр Иванович Невоструев (1806—1872), магистр МДА (1830), профессор Вифанской ДС (с 1830 г.), бакалавр МДА (с 1832 г.), был коломенским протоиереем, благочинным и ректором духовных училищ в 1834—1841 гг. Впоследствии служил законоучителем московского Александровского училища (с 1841 г.), был протоиереем московского Казанского собора (с 1848 г.). В мемуарах «Из пережитого» Гиляров дает ему довольно нелицеприятную характеристику, упрекая его в душевной грубости, полном безразличии к нравственному состоянию учащихся (см.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С.126—134, 137, 150, 154, 155, 215, 221).

2. Инструкция своеко<ш>тному[1] старшему Никите Гилярову

Своеко<ш>тный старший должен исполнять следующие пункты:

I.

Требовать, чтобы подчиненные ученики во всякое время года вставали не позже $6^{\text{ти}}$ часов,[2] обедали в $1^{\text{м}}$, ужинали по выучении заданных им уроков в $9^{\text{м}}$, а спать ложились в $10^{\text{м}}$ часу, читая при каждом случае определенные Церковию молитвы.

II.

Наблюдать, чтобы на квартирах, особенно многолюдных, ученики в определенное время, т. е. в $6^{\text{м}}$ часу вечера, садились на места и каждый в тишине и со вниманием занимался бы своим уроком.

III.

При посещении квартир наведываться о занятиях каждого ученика и о нерадивых, особенно препятствующих другим заниматься делом, доносить на другой день Инспектору; наказанных по сему доносу записывать в особую тетрадь с означением как вины, так и самого наказания; тетрадь сию по истечении трети года представлять Ректору.

IV.

Строго наблюдать, чтобы в часы учебных занятий никто из учеников не отлучался с своей квартиры, разве в случае особенной нужды и то на определенный срок с позволения Инспектора или по крайней мере с ведома старшего, который должен подробно донести о том Инспектору; а имеющие необходимую надобность их поступок, добрый или дурной, особенно замечательный, записывать в вышеупомянутую тетрадь, которая должна быть представляема каждодневно Инспектору, а в важных случаях Ректору, и из которой Инспектор будет делать ежемесячные извлечения для внесения их в книгу о поведении учеников.

Ректор училищ протоиерей Александр Невоструев
Инспектор А. А. Сергиевский[3]

Печатается впервые полностью по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 69. <№ 7>. Л. 1—1 об. Подписи ректора и инспектора под документом начертаны собственноручно этими лицами.

На этой инструкции, подписанной не только ректором А. И. Невоструевым, но и инспектором А. А. Сергиевским, исходящий номер и дата не проставлены, но, по всей видимости, документ был выдан в том же 1836 г., что и предыдущий.

[1] *Своекоштный* — ученик, не состоящий на казенном содержании (коште), живущий на квартире за свой счет.

[2] О неудобоисполнимости этого требования Гиляров особо упоминает в мемуарах (см. преамбулу).

[3] Александр Алексеевич Сергиевский (ок. 1802—1877), служивший учителем греческого языка и инспектором Коломенских духовных училищ, впоследствии принял священнический сан, был протоиереем, настоятелем московской Воскресенской церкви на Семеновском кладбище.

III. ИЗ УЧЕНИЧЕСКИХ РАБОТ НИКИТЫ ГИЛЯРОВА

1. Почему Церковь ветхозаветная ограничена была в одном народе еврейском, тогда как Бог всем хощет спастися и в разум истины прийти? [1] (1843—1844?)

<I вариант>

История ясно свидетельствует, что всеблагий Бог и в ветхозаветные времена, подобно как в новозаветное, собственно ни один народ не лишал права вниманием к Закону, богослужению и обетованиям снискивать веру в Искупителя рода человеческого, а сею верою достигать своего спасения. Права евреев и язычников, в сем отношении, были совершенно одинаковы. Сонме [2] Господень, — объявлял Господь народу Израильскому, — закон един да будет вам, и пришельцем прилежащим в вас, закон вечный в роды ваша. Якоже вы, тако и пришлец да будет пред Господем. Закон един да будет, и оправдание едино да будет вам, и пришельцу прилежащему в вас [3] (Числ. 15, 15. 16). Все преимущество народа Израильского состояло только в том, что, как говорит Апостол, [4] *вверена быша им словеса Божия* (Рим. 3, 2): то есть им одним поручено хранение тех руководительных средств к приобретению веры в Обетованного.

Итак, очевидно, для разрешения вопроса, почему Церковь ветхозаветная заключена была в одном народе еврейском, требуется собственно объяснить только, почему надлежавшее ко всеобщему исполнению вручено было, однако ж, одному народу еврейскому.

1. Основанием сему служили частию свойства самых тех народов, кои лишены были чести хранить словеса Божии. Стоит только проследить постепенное отделение избранного Богом народа от прочей части людей, — сперва отделение сынов Божиих от сынов человеческих, [5] потом отделение Ноя, Авраама, Исаака и наконец Иакова, дабы видеть, что сколько избранное Богом племя было способно внимать внушениям Божиим, столько же другая часть людей была упорна и нечестива. Таким образом, безразличное внимание Божие и к евреям и язычникам, очевидно, могло иметь следствием даже совершенное погашение веры, так как и действительно, у язычников, впоследствии, почти не осталось даже и следа обетований и заповедей Божиих, данных до потопа всем, [a] и вскоре

[a] *Это слово вписано над строкой позднее.*

после потопа — Ною. Напротив того, очевидно, что дарование[b] всех обетований и заповедей Божиих одному народу еврейскому должно было вести к сохранению их в большей чистоте и полноте.

2. С целию самых законов и обетований Божиих согласнее было даровать их одному народу еврейскому. Ибо если и закон и пророки главнейшею своею целию имели собственно возбудить в людях потребность Искупителя и готовность к принятию Его: то не неприлично было сосредоточить и то и другое в одном народе, и именно том, в коем должен явиться сам Искупитель. Вручение закона всем и как бы раздробленность его не столь ясно показывала бы недостаточность естественных сил к исправлению человека, поколику давала предлог находить основание естественного бессилия в слабости побуждений к исполнению требований религии; а сосредоточение всех законов и обетований Божиих не в том народе, в коем должен явиться Искупитель, препятствовало бы надлежащему принятию Его, поколику, в самом начале, не представляло удобного места для Его служения.

Итак, в самом желании Божием всем спастися и в разум истины прийти заключается основание к тому, что Церковь ветхозаветная заключена была в одном народе еврейском.

Никита Гиляров.

<**II вариант**>[6]

Церковь ветхозаветная, собственно, никогда и не была заключена в одном народе еврейском. Церковь патриархальная есть Церковь ветхозаветная; а между тем мы находим в ней Иова и Мельхиседека, которые не принадлежали к еврейскому племени, но тем не менее не только были чтителями истинного Бога, но даже для самой новозаветной Церкви послужили, один — образом деятельности членов ее (Иак. 5, 11),[7] другой — прообразом служения Самого ее Основателя (Евр. 5, 6).[8] Церковь подзаконная есть Церковь ветхозаветная; а между тем в числе членов ее мы находим не одних потомков Авраама и Иакова. Рабы из остатков племени хананского, из коих некоторые, под именем нетинеев,[9] служили даже при скинии и храме, — пришельцы из всех племен и народов, — число коих не могло быть малочисленно, судя по замечанию Иисуса Христа о фарисеях, *преходивших море и сушу, сотворити*[10] *единого пришельца* (Мат. 23, 15), — наравне с коренными евреями пользовались данным от Бога законом, обрядами и пророчествами.

Все преимущество евреев пред иноплеменниками, в сем случае, состояло только в том, что, как говорит Апостол, *вверена быша им словеса Божия* (Рим. 3, 2): то есть они одни были хранителями *внешнеположительных, руководительных средств ко спасению,* — у них был и Богом данный закон, и Богом установленное богослужение, и Богом дарованные обетования. — А это, очевидно, не за-

[b] *Слово* дарование *написано поверх слова* сосредоточение.

ключало в себе никакого противоречия с желанием Всеблагого всем спастися и в разум истины приити.

1. *Быть* исключительными хранителями внешнеположительных, руководительных средств ко спасению не значит еще быть исключительно и безусловно *предназначенными* к такому хранению.[a] Всему роду человеческому[b] непосредственно объявлял волю свою[c] и не прежде от всех обратился к одному Ною, как когда ставший *плотию* род человеческий сам удалил от себя *Духа Божия* (Быт. 6, 3).[11] Всему роду человеческому в лице Ноя, после потопа Он[d] дал положительный закон: и[e] из всех потомков Ноя избрал Себе Авраама, как когда *служением Богам иным* (Нав. 24, 2) сами они нарушили союз с Богом. Всему потомству Авраама в лице родоначальника Бог дарует обетования и учреждает обряд (обрезания): и не прежде ограничивает непосредственное руководительство одним племенем Иакова, как когда Исав сам отвр<ащается>[f] бракосочетания с хананеянками и удалением из земли, с коею связаны были данные Аврааму обетования[g] его. Итак, если не все народы *были* хранителями положительных руководительных средств ко спасению, причиною тому была собственная их невнимательность. А желание Божие всем спастися, конечно, не в том обнаруживается, что все принимают предлагаемые средства ко спасению, но в том, что всем они предлагаются: иначе, и в бесспорно соборной Церкви Новозаветной желанию Божию всем спастися было бы противоречие в том событии,[h] что, несмотря на всеобщую проповедь, не все еще народы обратились к вере Христовой.

2. Быть единственными *хранителями* внешнеположительных средств ко спасению не значит еще быть полными их *обладателями*.[i] Израильтянам непосредственно дан был закон, сообщены<[j]> обетования, вверено богослужение: но[k] покорность дан<ным>[l] законам, богослуж<ению> и об<етованиям> было рав-

[a] *Далее зачеркнуто*: Одни евреи приняли непосредственное руководительство Божие, но предназначаемо оно было всему роду человеческому. Всему роду человеческому, в лице Адама, Бог даровал первое обетование и установил первое богослужение (в учреждении жертвоприношений): и не прежде часть рода человеческого лишилась благоволения Божия, как когда в лице предка своего Каина, и вслед за ним удалилась *от лица Божия* (Быт. 4, 16)].

[b] *Далее зачеркнуто*: снова Бог.

[c] *Далее зачеркнуто*: пред потопом.

[d] Он *написано сверху над зачеркнутым*: Бог.

[e] *Далее зачеркнуто*: не прежде от.

[f] *Далее зачеркнуто*: браками.

[g] *Далее зачеркнуто*: отвергает.

[h] Событии *написано сверху над зачеркнутым*: явлении.

[i] *Далее зачеркнуто*: Иудеям.

[j] В этом месте соскоблена одна строка.

[k] *Далее зачеркнуто*: вниманием к данному закону, богослужению и обетованиям снискивать веру в Искупителя рода человеческого, а сею верою достигать спасения было равно предоставлено всем народам.

[l] *Далее зачеркнуто*: сим.

но предоставлено всем народам. Сонме Господень, — объявлял Он народу Израильскому, — закон един да будет вам, и пришельцем прилежащим в вас, закон вечный в роды ваша. Якоже вы, тако и пришлец да будет пред Господем. Закон един да будет, и оправдание едино да будет вам, и пришлецу прилежащему в вас (Числ. 15, 15. 16). А в деле спасения, именно, важно <...>. [12]

<**III вариант**>

Церковь ветхозаветная, собственно, никогда и не была заключена в одном народе еврейском. Церковь патриархальная есть Церковь ветхозаветная; а между тем мы находим в ней Иова и Мельхиседека, которые не принадлежали к еврейскому племени, но тем не менее не только были чтителями истинного Бога, но даже для самой новозаветной Церкви послужили, один — образом деятельности членов ее (Иак. 5, 11), другой — прообразом служения Самого ее Основателя (Евр. 5, 6). Церковь подзаконная есть Церковь ветхозаветная; а между тем в числе членов ее мы находим не одних потомков Авраама и Иакова. Рабы из остатков племени ханаанского, из коих некоторые, под именем нетинеев, служили даже при скинии и храме, — пришельцы из всех племен и народов, — число коих не могло быть малочисленно, судя по замечанию Иисуса Христа о фарисеях, *преходивших море и сушу, сотворити единого пришельца* (Мат. 23, 15), — наравне с иудеями пользовались данным от Бога законом, обрядами и пророчествами. И, — что особенно замечательно, — за исполнение закона, за внимание к обрядам и обетованиям Господь обещал как иудеям, так и иноплеменникам права совершенно одинаковые. *Сонме Господень*, — объявлял Он народу Израильскому, — *закон един да будет вам, и пришельцем прилежащим в вас, закон вечный в роды ваша. Якоже вы, тако и пришлец да будет пред Господем. Закон един да будет, и оправдание едино да будет вам, и пришлецу прилежащему в вас* (Числ. 15, 15. 16). Итак, очевидно, что хотящий всем спастися Господь никого не исключал из своей Церкви и во времена ветхозаветные.

Все преимущество евреев пред иноплеменниками, в сем случае, состояло, таким образом, только в том, что, как говорит Апостол, *вверена быша им словеса Божия* (Рим. 3, 2), то есть им одним непосредственно дарованы были и поручены для хранения и закон, и обряды, и обетования.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 350. Л. 1—5 об., — и в том порядке вариантов, в каком они находятся в архивной единице хранения.

Настоящее сочинение написано в семинарском жанре «рассуждения» (см. опубликованную нами подборку таких гиляровских письменных упражнений, выполненных по заданию профессоров МДА и ими проверенных: *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинар. опыты в стихах и прозе, 1837—1843. СПб., 2009. С. 117—152, 335—352). В воспоминаниях Гиляров писал о себе: «Я одержим был какою-то графоманией. <...> Сохранилась часть черняков; они состоят из полуслов, из первых букв и трудно восстановимы; рука, очевидно, не успевала записывать. Но эта лихорадка в передаче мыслей на бумагу била меня только два года. С Философского класса наступил период реф-

лексии <...>. Черняков, вроде сохранившихся от Риторического класса, не могло быть. В Риторическом классе, напротив, бежала мысль, и я ее не останавливал, спеша уловить и хотя кратким знаком закрепить на бумаге» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 264, 265). Публикуемая рукопись, казалось бы, представляет собой красноречивейшее свидетельство этого периода некоей писательской одержимости юного Гилярова (окончание «Варианта II» практически не поддается расшифровке). Однако, судя по содержанию «рассуждения», по существу богословскому, написано оно позднее, уже в период обучения в Богословском классе, приблизительно в 1843—1844 гг. За более позднюю датировку говорит и тот факт, что в работе над текстом вполне проявились дотошная скрупулезность и напряженная до самоистязания тщательность в логическом развитии темы, названная Гиляровым «болезнью о формальной истине» (Там же. С. 269).

Любопытно и то, что Гилярова так рано и довольно глубоко взволновала еврейская тема, а точнее — феномен Богоизбранности, как он отразился в Ветхом и Новом Заветах. Начинающий богослов тщательно подбирает аргументы из Писания против представлений о племенном эгоизме евреев, роль которых в Домостроительстве Божием, по его убеждению, состоит лишь в том, что они удостоены были «чести хранить словеса Божии»; тем не менее это не ограничивает сотериологических перспектив других народов, которым также предопределено спастись, живя в Церкви. Ход авторской мысли здесь предвозвещает одну из отличительных черт мировоззрения зрелого Гилярова — его демократизм, причем в том изводе, который так метко охарактеризовал сотрудник «Современных известий», публицист и прозаик С. К. Эфрон: «...по своим симпатиям и по своему мировоззрению <Гиляров> был склонен к демократизму, но к демократизму не на западный лад, а к демократизму чисто русскому, исторически и оригинально выработанному русским народным гением» (*Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начетчики. М., <1908>. С. 21). 20-летний Гиляров напряженно уяснял богословский смысл еврейства; позже, став летом 1857 г. правительственным экспертом по этому вопросу, он написал, как известно, историко-философскую книгу «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860), не увидевшую света в свое время и не вполне дошедшую до наших дней. Начало работы, сохранившееся в деле ГУЦ, публикуется ниже, на с. 245—264.

[1] Тим 2: 4.

[2] Т. е. сонм, общество.

[3] Цитата точна, если не считать орфографических особенностей; например, в источнике: «...пришелцем прилежащым...» (Числ 15: 15).

[4] Апостол Павел.

[5] Сынами Божьими в Ветхом Завете именуются добродетельные потомки Сифа, а сынами человеческими — самонадеянные потомки Каина (см.: Быт 4: 8—24; 6: 1—6).

[6] Начиная с этого л. 3 (на нем вытеснено: «Из лавки В. А. Зверева») и до конца почерк более мелкий.

[7] «Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец оного от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен» (Иак 5: 11).

[8] Подразумеваются слова Бога Отца Христу: «Ты священник по чину Мелхиседекову» (Евр 5: 6).

[9] *Нетинеи* (нефинеи; букв. «посвященные») — из жителей ханаанского города Гаваона, являлись низшими церковнослужителями (носили воду, рубили дрова для храма).

См. о них: 1 Ездр 2: 33—58; 8: 17, 20; 1 Пар 9: 2. Нетинеями названы после Вавилонского плена (см.: Неем 3: 26; 7: 46; 10: 28)

[10] В Синодальном переводе — «обратить».

[11] «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт 6: 3).

[12] Далее идут шестнадцать крайне неразборчивых строк, над которыми вписаны еще шесть строк; все они включают большей частью сокращенные и частично зачеркнутые слова.

2. О достоинстве искусства как чувственной формы знания

Генв<аря> 11. 1845.

Die Kunst, o Mensch, hast du allein!
Nur durch das Morgentor des Schönen
Drangst du in der Erkenntnis Land.
Schiller [1]

При решении вопроса о достоинстве искусства, как чувственной формы знания, должно доказывать не превосходство этой формы знания пред другими формами, имеющими одинакое с ней содержание. Одинакое с искусством содержание имеют философия и религия. Но странно было бы думать, что бы [a] способ представления идеи самой в себе, во всеобъемлющей форме мысли, иначе, форма знания философская, или прилична была самой идее, или удовлетворяла духу человеческому менее, нежели образ представления идеи, под покровом чувственного явления. Еще страннее так думать о всецелом проникновении нашего существа всем Божественным или форме знания религиозной. — Искусство скорее имеет нужду в своем оправдании, чем в возвышении, с унижением прочих форм знания. Призрачность творений искусства скорее заставляет сомневаться, есть ли в искусстве хоть какое-нибудь соответствие между образом представления идеи и самою идеею. Свобода художественной деятельности скорее заставляет думать, что искусство есть следствие чистого произвола, не основывающееся ни на каком требовании духа человеческого познать идею именно в этой форме. А тожественность содержания с содержанием других форм знания дает даже повод думать, что и образ выражения его также есть одно излишнее повторение других форм, не прибавляющее ничего нового.

Для доказательства высокого достоинства искусства, как формы знания, довольно и того, что искусство есть следствие и удовлетворение существенных требований как самой идеи, так и познающего духа, — не удовлетворимых прочими формами знания.

Если истинным знанием идеи может назваться только совершенно верное и полное представление ее существования: то идея имеет нужду, чтобы не толь-

[a] *Частица вписана над строкой.*

ко содержанием ее знания было ее существование, но и самой формой — форма ее существования. В другой форме, идея может представляться нам яснее, нежели как представляется она в собственной своей форме: но, представляя идею яснее, эта форма, как чуждая собственной форме идеи, будет согласнее только с субъективными началами знания, а не достигнет чрез то совершенной объективной верности, совершенного согласия с действительным существованием идеи. — В другой форме, идея может выразиться даже полнее, нежели как выражается она в действительности, покажет нам ее во всей длине и широте ее. Но и при этой широте содержания, форма знания, чуждая форме бытия, не достигнет полноты. Мы увидим, и что такое идея, и даже, в каких формах она может проявлять свое существование; но все еще будет оставаться нерешенным вопрос: как же она проявляется в этих формах? — Единственная форма, в которой идея проявляет свое бытие, есть явление. Идея как идея не существует, и только в явлении достигает бытия определенного (Dasein). И если можно вообразить существование идеи вне явления, то она представляется чем-то мертвым: ибо где жизнь, там действие, а действие и есть уже явление. — Следовательно, идея, чтоб знание ее достигло верности и полноты, имеет существенную потребность быть познанной в форме явления; и именно, поелику она имеет нужду, чтобы форма ее знания была ее собственная форма, этой формой должно быть ее собственное явление, ее собственное определение.

Это требование идеи есть вместе существенная потребность человеческого духа. Это объясняется необходимостью примирения между главными силами человеческого духа — разумностью и чувственностью. Ум человеческий стремится обнять идею саму в себе, чувственность, напротив, привязана к одним явлениям; и, как всякая сила старается сохранить свою самостоятельность, то каждая из сих сил, в стремлении своем, ограничивает другую. Ум, в стремлении своем обнять идею, как нечто свободное, простое и общее всем явлениям, старается уничтожить всякую случайность, всякое разнообразие и всякую индивидуальность, препятствующие ему видеть идею, как она есть сама в себе. Чувство, стремясь к явлениям, которые представляются ему как случайное, разнообразное и индивидуальное, хочет, чтоб и познаваемое умом — свободное было ограничено случайностью, простое являлось как разнообразное, общее принадлежало какой-либо индивидуальной личности. И чувство столько же отвращается свободности,[a] общности и единства, сколько ум отрицает все случайное, индивидуальное и разнообразное. — Такая борьба требует примирения: и в возможности его уверяет нас сколько, с одной стороны, единство нашей личности, столько же с другой — единство, с каким являются в действительности идея и явление, как дух и его существенное определение. Но, как нельзя оставить ум и чувство без примирения, так же нельзя и достигнуть этого примирения чрез совершенное уничтожение деятельности какой-либо из двух противоречащих сил. С одной стороны, каждая сила старается сохранить свою самостоятель-

[a] *Это слово вычеркнуто преподавателем и сверху им надписано*: необходимости.

ность, и потому не может совершенно перестать в своей деятельности: с другой — самое понятие примирения противоречит такому действию, которое есть не соглашение, а уничтожение взаимнопротиворечащей деятельности. Остается одно средство к примирению: чтобы предмет знания явился нам, как такая целость, в которой была бы и идея, и явление, в его конкретности.[a] И, как только, под условием совершенного единства, возможно примирение, а достижение единства между духовным и чувственным возможно, только под условием их взаимного ограничения: то идея и явление должны иметь между собою такое единство, чтобы явление было формою, не под которою, а в которой является содержание; и чтобы, как чувственное возвысилось до духовного, так и духовное низошло до чувственного. Таким образом, одно и то же, действуя непосредственно на чувство, доводило бы до ума идею, и в одном и том же и ум, и чувство находили бы совершенное удовлетворение.

Потребности идеи представиться духу человеческому в форме собственного своего явления и потребности духа человеческого представить идею в совершенном единстве с ее явлением, — не может удовлетворить философия. — Философия представляет идею, как она есть сама в себе. Следовательно, представляет не в объективной форме бытия, согласно с изложенным выше требованием идеи,[b] а в субъективной форме мысли. И не только не старается об единстве между идеею и явлением, как нужно для примирения ума и чувственности; но, чтобы представить идею во всей ее общности, с намерением отвлекает ее от явления, выражающего ее односторонне, в известной только личности, при известных обстоятельствах. — Правда, в идее, как представляет ее философия, заключаются уже все возможные ее определения, и представляются с ней в совершенном единстве. Но все сии явления заключаются в идее, как нераскрытая действительность, только в будущем возможно или необходимо существующая; а не определяют идеи, как конкретно обнаружившаяся в настоящем действительность. И единство идеи и ее возможных определений, в каком представляет их философия, есть только равенство идеи самой себе и самой в себе, удовлетворяющее одному уму, без непосредственного действия явлений на чувство, а не ограничение идеальной пустоты и общности чувственным разнообразием и индивидуальностью, согласно с требованием чувственности.

Если указанной нами потребности идеи и духа не удовлетворяет философский способ знания: то не более удовлетворяет ей знание эмпирически-философское. Под эмпирически-философским способом знания мы разумеем или представление фактов, освещенное философским умозрением, или философское умозрение, опирающееся на фактах. — В таком способе знания идея и явление не представляются, как дух и его самоопределение: но и идея, как идея, сама по себе, имеет свою субъективную форму мысли, и явление, как явление, само по себе, есть содержание. — И вместо единства, потребного для примирения ума

[a] Слово зачеркнуто преподавателем.
[b] *Эти шесть слов вписаны между строк позднее.*

и чувственности, философско-эмпирическое знание представляет идею и явление в совершенной друг от друга отдельности; так что как духовное вполне сохраняет свою идеальность, так и явление нисколько не теряет своей чувственности. Такое знание есть не более, как изложение процесса умственного познавания: каким образом ум отвлекает идею от явления, или к возникшей в нем самом субъективной мысли, приискивает, для удостоверения в ее объективной действительности, существующие факты?

Более прочих форм приближается к требуемой форме религия. Религия, рассматриваемая как известный способ знания, содержание свое, идею в собственном смысле, то есть Существо Бесконечное, представляет в форме Его отношения к нам, как Существа достопоклоняемого. Такая форма представляет нам и идею, и ее определение; и идея представляется не в совершенной отдельности от своего определения, но только чрез него и познается нами. — Впрочем, несмотря на эту близость к требуемой форме, религия еще не составляет требуемой формы. Хотя воля самой Идеи определяет себя для нас отношением своим к нам; впрочем, сие отношение есть только внешняя определяемость Существа бесконечного, а не раскрытие Его сущности. Из него мы узнаем не то, что Идея есть в своей сущности, а только что она в отношении к нам. — Равным образом, если мы и знаем Идею, представляемую религиею, только чрез ее отношение к нам; впрочем, это отношение не есть выражение духовного в чувственном, чего, по существу самой Идеи, быть не может и что, однако ж, по требованию примирения между умом и чувственностию, должно быть в требуемой форме. Отношение Идеи к нам не есть что-либо чувственно-конкретное, и образ Ее приятия есть проникновение сердцем, постижение верою, а не приятие чувством.

Итак, при всей необходимости этих трех способов представления идеи, нужна еще особая форма знания, которая бы служила к восполнению знания, доставляемого прочими формами, раскрыв идею в ее собственном явлении; и, представив их во взаимном единстве, служила бы к примирению разнообразных требований ума и чувственности. Этою формою и признает себя искусство.

Если что может препятствовать искусству в выполнении заданной им себе задачи, то именно его главный, отличительный от прочих форм знания, характер свободной деятельности. Все, что производит человек свободно, он износит из самого себя; а такие произведения, по необходимости, носят на себе печать субъективности: следовательно, искусство, по-видимому, не может представить идею в объективной форме явления. Свободною деятельностию человек не может создать живого явления; оттого творения искусства, по необходимости, должны быть одним призраком, не представляющим ни идеи, ни явления: а вместе с тем, по-видимому, не могут примирить разнородных требований ума и чувственности, лишая свои творения самого главного условия примирения — понятности. — Но, имея способность сознавать идею, человек вместе с тем необходимо сознает и явления, как ее определения, — хотя в возможности; а, при сознании явлений, может избежать субъективности в своих творениях, и представить идею в ее собственной форме явления. — И, если чувственные знаки,

слова, употребляемые философиею, для выражения отвлеченной мысли, могут доводить до нашего сознания выражаемую ими мысль: то и чувственные знаки, употребляемые искусством для означения явлений, слова, звуки, фигуры, равным образом могут возбуждать в нас представления об явлениях, ими изображаемых, а вместе с тем доводить до сознания и идею, выражающуюся в этих явлениях. И это тем более, что материал, служащий знаком для изображения явлений, в искусстве бывает столько освобожден от материальности, что не может не показывать, что он только знак, служащий для выражения чего-то другого, нежели он сам. — Итак, нет невозможности для искусства выполнять требование идеи представлением идеи в ее собственном явлении и примирять разнородные требования ума и чувственности представлением идеи и явления во взаимном единстве.

Искусство действительно выражает идею в ее собственном явлении, представляя идею действующею в известной личности и таким образом определяющею себя своими действиями. — И, как очень немного в действительности людей самостоятельных, которые бы сами определяли себя, а не действовали под влиянием каких-либо внешних обстоятельств: то свобода художественной действительности, по-видимому препятствующая искусству представить идею в ее явлении, здесь даже способствует ему выполнить это требование идеи. Искусство берет только такую личность, которая определяет сама себя, — и отрицает все действия совершаемые под влиянием чуждой силы. Если искусство и не может представить в собственном явлении идею в собственном смысле, Духа бесконечного, изображая в своих творениях только дух человеческий: впрочем, это бессилие не унижает достоинства искусства. В собственном смысле, у Бога нет явления; Его явление тождественно с самой Идеею, есть само Божество. Но, с одной стороны, бессилие вполне обнять эту идею у искусства обще с философиею и религиею; с другой — обязанность выражать не принадлежит собственно искусству: ибо искусство есть следствие потребности идеи быть представленной в форме явления, не в смысле совершенного тождества с идеей, а в смысле определения или ограничения идеи. *

Искусство действительно представляет идею и явление во взаимном единстве, чувственное возвышая до духовности и духовное низводя до чувственности. И в этом отношении свобода художественной деятельности способствует искусству достигать в своих творениях единства между духовным и чувственным. Искусство представляет идею действующею в индивидуальной личности; но, как свободная деятельность, оно мирит общность с индивидуальностью, уничтожая все исключительно-возможное в одном только лице и оставляя в своем творении настолько индивидуальности, сколько нужно для того, чтоб идея могла явиться определенной личностью. — Искусство представляет идею в разнообразии; но, как свободная деятельность, оно уничтожает яркость различия между единством и разнообразием, настолько оставляя в своем творении разно-

* Здесь везде берется в рассмотрение только идеальное искусство. <*Примеч. Гилярова.*>

образия, сколько нужно для выражения каждой стороны простой идеи в соответственной ей стороне разнообразного явления. — Искусство представляет идею в случайности; но, как свободная деятельность, оно представляет эту случайность тождественною с истинною свободою, изображая лицо исполняющим требования закона, — но не по требованию закона, а по произволу собственной своей личности. — Если искусство чрез такой образ действия и удаляется от действительности; впрочем, как оно берет для себя содержанием не мир чувственно-разнообразного в его мельчайших подробностях, а идею в ее собственном выражении: то искусственное творение чем более удаляется от действительности, в смысле точного изображения исключительных подробностей явления, тем более приобретает верности, в смысле истинного изображения идеи.

Итак, если искусство есть следствие и удовлетворение существенной потребности идеи и познающего духа, то мы справедливо можем отвергнуть мнение дилетантов науки, уверяющих, будто искусство есть форма знания, приличная только детскому возрасту человечества. И это тем с большею уверенностию можем отвергать, что искусство не всегда предупреждало науку, но, в самом цветущем своем состоянии, часто бывало современным науке. Фидиас[2] и Платон, Моцарт и Кант были современниками. И даже искусство вправе сказать, что самая наука иногда может более из него[a] прояснять для себя идею: так Гизо признается, что, по прочтении романов Вальтера Скотта,[3] он яснее стал понимать эпоху рыцарства Средних веков.

Никита Гиляров

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 846. Л. 1—9 об.

Сочинение по эстетике, в котором заметно влияние идей Шеллинга и Гегеля, написано Гиляровым на первом курсе МДА и проверено преподавателем. При публикации подчеркнутые последним слова и выражения выделены подчеркиваниями же. В конце текста — отзыв профессора: «Предмет раскрыт полно и весьма основательно; ход мыслей строен; тон в опровержении и защищении спокоен и благороден; язык соединяет сжатость с ясностию, силу с простотою. Весьма хорошо».

[1] Цитата (стихи 33—35) из программного стихотворения Фр. Шиллера «Die Künstler» («Художники», 1788). В классическом переводе Д. Е. Мина: «Искусство, человек, имеешь ты один. / Лишь светлого прекрасного вратами / В мир чудный знанья вступишь ты...» (Художники: Стихотворение Фридриха Шиллера / Перевел Д. Е. Мин. СПб., 1857. С. 8).

[2] Фидий (Φειδίας, ок. 490 — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий скульптор и архитектор, один из величайших художников периода высокой классики.

[3] Франсуа Пьер Гийом Гизо (Guizot; 1787—1874) — французский историк, критик, политический и государственный деятель; в его исторических трудах заметно влияние творчества В. Скотта.

[a] *Слова* из него *вписаны над строкой.*

IV. *Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ <к книге «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в Христианских государствах? На основании сочинений Паулуса[1] составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.»> (1861)

Настоящее сочинение вызвано появлением интересной брошюрки, под заглавием: «Голос об эманципации исповедников Моисеевой веры в Бадене».* Брошюрка издана с целию облегчить успех прошений, поданных в баденское собрание государственных чинов. Автор, уже прославившийся искусством защищать спорные права, выставил в ней все, что можно было, с *правдоподобием*, сказать в защиту еврейства. По способу изложения брошюра в особенности должна была подействовать на тех из членов собрания, которые лишены логического образования. Она способна была произвести в них, так сказать, *призрак убеждения.*** Написано остроумно, кратко, по-видимому — сильно: но стоит быть немного внимательным в чтении, — каждый почувствует, хотя, может быть, и не сумеет себе этого ясно высказать, что в сущности дело рассматривается односторонне и с неверной точки зрения.

Устанавливаю *наперед* главную точку зрения, с которой по-надлежащему следует смотреть на этот предмет, но которую обыкновенно затмевают не идущим сюда понятием о веротерпимости. Вот она в кратких словах:

Ни в каком государстве евреям нельзя дать прав полного гражданства, доколе они будут смотреть на себя как на иудеев, в смысле раввински-фарисейском.

Им нельзя дать этих прав именно потому, что они сами чрез это хотят оставаться среди всех отдельно стоящею нациею, и эту свою отдельность возводить для себя даже на степень религиозной задачи.

Очевидно, что ни от какой нации нельзя ни просить, ни получать таких прав, с которыми связана необходимость принадлежать именно к ней, а не к другой, — коль скоро сам к ней не только не принадлежишь, но и считаешь священною обязанностию не принадлежать.

---

* Подлинное заглавие брошюры, против которой пишет Паулус: Ein Wort über die Emancipation der Bekenner des Mosaischen Glaubens in Baden; von einem christlichen Badenser. <Paris: M. Lipschütz>, 1831.

** Люди с натуральным здравым смыслом, но не приученные к правильному, логическому различению понятий, должны в особенности остерегаться этих «призрачных» убеждений. Дело в том, что бывают понятия, по-видимому, сходные и родственные, но в сущности совершенно различные. Так и здесь. Почти все воображают, что евреи не допускаются до полного равенства с прочими гражданами за их «религию». Нет, они не допускаются к этому, — и сами себя не допускают, — потому что держатся своего особого «законодательства», и это законодательство, совершенно «национальное», а не религиозное, считают за свою «религию». <*Здесь и далее подчеркивания цензора. — А. Д.*>

А евреи именно считают священною обязанностию смотреть на себя как на такую нацию, которая, хотя и рассеяна по всему земному шару, должна, однако ж, навсегда быть отделена от всех прочих и соединена только между собою, посредством разных, своеотличительных, внешних законов, а равно, — только между собою же должна и вновь связываться посредством браков.

Отсюда очевидно, что всякая другая нация может принять евреев к себе, на праве подданных, или, по большей мере, на праве граждан, только *под свое покровительство*, — но не более. Права полного гражданства могут быть им даны только тогда, когда они сами перестанут держать себя особым, самостоятельным народом. Для этого, пожалуй, им нет надобности переменять свою религию. (К такой перемене не должно склонять никакими преимуществами и выгодами.) Но они должны фактически отказаться от подчинения своим особым, *государственно-национальным* законам; они должны доказать, — и доказать убедительно, — что в каждой стране, которая принимает их под свое покровительство, они принадлежат именно к народу этой страны, а не к одному какому то избранному народу.

Положение, сейчас высказанное, требует ограничения. Иост,[2] в своей известной книге (Geschichte der Israeliten, X B<an>d, 1 Abth<eilung>, Berlin, 1846, S. 201), по поводу слов Паулуса, справедливо замечает, что «чуждая народность, сама по себе, не составляет еще законного препятствия к получению гражданства» и что «таким препятствием может служить только подданство *чужому государству*». Многие государства, говорит он, составлены из различных наций, и это, однако, не мешает последним пользоваться среди них полным гражданством. Прибавим с своей стороны, что даже подданство чужому государству не всегда служит препятствием к получению гражданства в другом. История представляет не один пример, что иностранцам, оказавшим особые заслуги или вообще возбудившим к себе чем-нибудь любовь и уважение, были предлагаемы дипломы на полное гражданство совсем в другом государстве. Все дело здесь зависит, очевидно, от *доверия*, какое оказывает господствующий народ лицу или племени, требующему у него гражданства. —

Условие, предлагаемое Паулусом, заключает в себе требование, само в себе даже невыполнимое. Народность не дается по доброй воле. Она прежде всего есть дело физического происхождения и потом — результат целого ряда исторических условий, которых нельзя воспроизвести в себе по произволу. С другой стороны, такое требование есть, в то же время, нарушение прав господствующего народа. Вступить в среду чужого народа как народа — это то же самое, что быть приняту в чужую семью. Народ, как и семья, при единстве крови, есть союз по преимуществу нравственный, основанный на любви и, следственно, на взаимности. Чтобы принадлежать к нему, недостаточно заявить одно свое желание, или принять известные народные внешности, ни даже — проникнуться духом народа. Нужно прежде всего согласие самого народа; нужно, чтоб он признал

вступающего полным своим собратом. Без этого мы отнимем у него нравственный элемент, служащий опорою его существования; отнимем у него право быть тем, чем он хочет и, следовательно, чем он есть, — словом, уничтожим самое бытие его как народа. Как же после того, без нарушения самых существенных народных прав, можно сказать какому-нибудь инородцу: «Докажи фактически, что ты принадлежишь именно к этому народу»?

Но, несмотря на все вышесказанное, или, лучше сказать, потому именно самому, мысль Паулуса, в сущности, все-таки справедлива; и Иост и другие защитники евреев слишком поспешно хотят вывести отсюда заключение, что евреи во всяком государстве имеют право требовать себе полного гражданства.

1) Государство есть союз, составляемый для взаимного ограждения интересов, как при внутренних сношениях собственных его членов между собою, так и при внешних отношениях их к членам прочих государств. В этом смысле могут вступать в него различные национальности; но это далеко не безусловно. При этом необходимо требуется, чтобы интересы, для ограждения коих различные национальности собираются в один общий союз, во всяком случае представляли собою взаимность и чтобы единство их непременно пересиливало ту разнородность, которая заключается в национальностях. Без этого, очевидно, самая идея союза становится невозможна. И опыт показывает, что коль скоро при различии племенном и кровном вступает сверх того различие во всех прочих интересах, как-то: в религиозных и хозяйственных, — в таком случае государственный союз, сам собою, рано или поздно неминуемо распадется. Пример тому в новейшие времена — Голландия и Бельгия.

Приложим теперь это к евреям. Различие своей крови от прочих народов они сохраняют очень строго: по их закону воспрещается даже брак с инородцами. В некоторых государствах, как, например, в России, присоединяется к этому еще различие языка, усвоенного евреями и ставшего для них природным. Религиозные интересы евреев тоже совсем другие. Интересы *политические* не только другие, но именно противуположные, — если будем судить о них по признанным основаниям еврейского вероучения. (А по каким же другим основаниям мы и имеем право судить?) Наконец, интересы хозяйственные являются даже совершенно враждебными интересам других народов. Еврейский «шахр», о котором подробнее сказано будет после, есть именно не что иное, как эксплуатация чужого труда, возведенная в догмат, в идею, всосавшаяся чрез привычку в плоть и кровь еврея и пользующаяся, при всяком удобном случае, на счет чужого простодушия. А из всего этого, очевидно, следует, что в случае даже совершенно равноправной национальности евреи никогда не могли бы составить вместе с другими общего государственного союза на условиях полного равенства. При отсутствии взаимности интересов, какое мы в них видим относительно прочих народов, такой союз был бы просто немыслим.

2) Но, в сущности, редко случается, чтобы государство представляло ту искусственность, какую имеет оно в идее: чтобы оно составляло из себя совершенно случайное сочетание лиц для взаимного ограждения интересов, основанное

чисто на договорном начале и совершенно безразличное к народностям; чтобы каждая народность, вследствие того, по самой идее союза, искони имела в нем совершенно одинаковое с другими право. Пример такого искусственного государства представляют разве только Североамериканские Штаты, да и то собственно в законе, а не в факте. В действительности обыкновенно бывает наоборот, что *один* какой-нибудь народ собственно составляет зерно государства, более или менее крупное. Он один обыкновенно бывает исконным туземцем в стране, которую населяет. Он один нес все тягости и весь подвиг своего исторического развития. Ему одному принадлежит вся честь выработки государственных учреждений, в которых он живет. Прочие народности, являющиеся среди него и около него в государстве, бывают обыкновенно или случайные пришлецы, или необходимые приростки, во всяком случае имеющие силу и значение, при господствующем народе, только от него и чрез него. Вместе с этим, очевидно, — только сему последнему и принадлежит исключительно право распоряжения гражданством в своем государстве. О праве собственно какой-нибудь другой народности, деятельно не участвовавшей в государственном созидании, очевидно, тут не может быть речи. Как мы сказали выше, одно *доверие* господствующего народа может служить здесь решающим началом, принять или не принять в согражданство то и другое лицо или то и другое племя. (О *выгодах* принятия мы не говорим: коль скоро принимают при этом в расчет выгоды, тогда является опять то же искусственное сочетание народностей, о котором говорено выше. Тут возможны опять два случая: выгоды для обеих национальностей, либо взаимные, либо односторонние. В первом случае нормальное отношение есть равноправность, как во всех государствах, отнесенных нами к первой категории. В последнем — союз опять становится невозможным; сам по себе он ненормален.) Лицо или племя может *искать* доверия у господствующего народа, может его *заслуживать* и в таком случае получать от него права гражданства; но ни в каком случае не могут они этого себе *требовать,* ни даже тогда, когда, по всем видимостям, они заслуживают полного доверия. Гражданство всегда будет уступкою со стороны дающего народа и никогда — правом со стороны получающего. Как мы видели, господствующий народ может дать у себя права самого полного гражданства даже тому, кто принадлежит другому государству,<*> и состоит в чужом подданстве; и в то же время может не допускать ровно ни до какого гражданства даже тех, у кого совсем нет другого своего государства и кто не состоит доселе ни в чьем другом подданстве. Случается, что народ отдает власть иль даже вполне поддается совершенно чуждому для него доселе лицу или народу: и в то же время может давно сидящему у него чужеродцу и состоящему в его подданстве уступить права гражданства только условные. На все это — его добрая воля.

Прилагая сказанное опять к евреям, мы находим, что ни в каком государстве они не участвовали деятельно в его созидании. Всюду они случайные пришель-

* Оказавшие особые услуги или возбудившее любовь и уважение.

цы, и не более. Крови своей, при трудной организации государства, они не проливали, трудов своих не клали; финансовыми средствами помогали, сравнительно, весьма мало, и то большею частию — только побочно и косвенно. Что же касается до самого духа государственных учреждений и до выработки всех благ, которые доставляет обеспечиваемая государством цивилизация, — этому, разумеется, они содействовали всего менее. Итак, выходит, что, по своему пришлому, случайному значению в каждом государстве, евреи нигде не имеют права требовать себе больше того, что им уступлено господствующими народами, — даже в таком случае, когда бы существо их национальности, по отношению к народному доверию, стояло совершенно в одинаковых условиях, как и все прочие, случайно примкнувшие национальности.

3) Но дело в том, что условия-то эти вовсе не одинаковы. При всей свободе, какую, по самому существу своему, имеет доверие, нельзя, однако ж, не сказать, что тем скорее оно оказывается, чем бóльшими и очевиднейшими фактами заслуживается. В этом смысле доверие господствующего народа не может оставаться одинаково равнодушным ко всем национальностям, каковы бы они ни были. Черемисы, мордва, чуваши — тоже народ. Но народность их простирается только на отличие от других в происхождении и в языке: это *народ,* не восходящий далее *племени.* Всеми элементами для своей духовной жизни он питается исключительно из того народа, среди которого поставлен. Сверх того, вся целость каждого из этих племен помещается в пределах одного и того же государства: для <н>их нет других центров тяготения. Естественно, что такому племени господствующий народ может оказывать наиполнейшее доверие и, вследствие того, не отличать его ни в каких правах даже от себя самого. —

С другой стороны, особую также народность представляет и семья, вышедшая из другого государства, где ее соплеменники сами составляют господствующую нацию. Доверие к такой семье, особенно при ее относительной малочисленности, тоже не встречает затруднений, коль скоро она отрекается от своего прежнего подданства. Отрекаясь от подданства чужому государству, она тем самым отрекается и от народа, которому это государство служит представителем. Она не в силах изменить свою кровь; она сохраняет, пожалуй, и свой прежний язык; она остается таким образом в старом *племени,* не выходит из целости *народа* как единицы нравственной. По крайней мере, принятие нового подданства служит свидетельством и гарантией этого выхода. Таким образом и здесь господствующий народ, не стесняясь, может дать пришлой народности гражданство у себя, с тою же полнотою прав, с какою владеет им и сам. Но евреи лишены и того и другого преимущества, встречающегося в обоих сказанных видах чуженародности. Целость племени их помещается не в одном государстве, а рассеяна во всех, и в то же время нет у них нигде и своего собственного государства. Ни одно государство, где они ни живут, не составляет для них центра нравственного тяготения; и в то же время нет у них видимого органа, отречением от которого они могли бы засвидетельствовать свой действительный выход из целости своенародной. Вместе с тем народность их не только не лишена самостоятель-

ного духовного начала, — напротив, оно давно вызрело, выработано и окостенело даже крепче, чем, может быть, во всяком другом народе, и притом — враждебно всякой другой народности. И при всем том, что нет у них государства видимого, у них есть оно, невидимое, идеальное, будущее, которого они ждут и которому они служат. Вдобавок, наконец, племя не столь малочисленно, чтоб особенность его могла быть оставлена совсем без вниманья. Все это, очевидно, условия, не слишком благоприятные для приобретения народного доверия. Принятие евреями подданства нисколько здесь не помогает; ибо оно ничего не доказывает. Подданство будущему, идеальному государству одинаково может сохраняться и при видимом подданстве другому, теперь существующему государству. Таким образом, очень естественно, что государство если и допустит такой народ до гражданства в своих пределах, то не иначе, как на условиях, более или менее ограничительных, не доводя его до полного равенства с собою, а тем менее до возможности быть каким бы то ни было *органом государственной власти.*

После всего сказанного и выходит, что требование, предлагаемое Паулусом, в своей отрицательной половине — справедливо *безусловно,* а в положительной — оно должно быть только точнее выражено. Должно бы сказать, что евреи могут получать право полнейшего гражданства не тогда, «когда докажут, что *принадлежат* к господствующему народу», — что было бы невозможно и незаконно, но тогда, «когда докажут, что они связывают все свои интересы и все свое нравственное сочувствие с покровительствующим народом, — что они ему вполне и безусловно *преданы*».

Дальнейшие соображения подтвердят и уяснят указанную основную точку зрения.

Прежде всего заметим, что к вопросу о расширении прав евреев совсем нейдет слово *эманципация.* Евреи вовсе не *манципии,* т. е. не рабы (mancipia), а свободные граждане, хотя и состоящие только *под покровительством* государства. Кто просит себе чего-нибудь под ложным названием, тот тем самым заранее дает подозревать, что он либо сам не знает ни своих прав, ни того, чего просит, либо хочет только обмануть других, пользуясь намеренно придуманным, фальшивым названием.

Вообще нужно сказать, что при решении столь важных вопросов, каков рассматриваемый, должно по преимуществу избегать неточных названий: они затемняют дело. А более всего тут не годятся подобные чужестранные слова, как, например, эманципация, громкие по-видимому, но, в сущности, мало кому понятные в своем точном смысле. Часто случается, что под прикрытием подобных громких фраз в важнейших человеческих интересах производятся такие изменения, которые вовсе не ведут к добру тех, в чью даже пользу, по-видимому, они направлены. Название обольщает, но в сущности ничего не дает. Пример тому видим в бедных ирландцах. Лучше ли им стало после так называемой тоже *эманципации*, о которой они столько хлопотали? [3]

Эманципируемым, в собственном смысле, называется тот, кто прежде находился во власти, или, точнее, в руках другого (как manu capiendus), а потом выходит из чужой зависимости и становится сам себе господином — господином своего имущества и своей воли. — В этом смысле, евреи в Германии давно уже эманципированы.

Евреи эманципированы с тех самых пор, как перестали быть крепостною собственностию германского императора, чем они были прежде (тогда они, действительно, были манципиями). Евреи эманципированы с тех пор, как вместе с безмездным освобождением своим, получили не только *человеческие* права, и не только права *чужестранцев*, но и равные со всеми коренными еврейскими общинами права *промыслов* и права *собственности*.

Евреи эманципированы с тех пор, как не платят ничего лишнего против других за то только, что они евреи; с тех <пор,> как за свое исповедание не отстранены ни от какого честного промысла, — с тех пор, наконец, ни их происхождения, ни их религии не смеют ставить им в вину ни пред каким судом.

Мало того. Так как евреям оставляют еще своих судей и свои законы, то они эманципированы даже более, чем сколько может быть это допущено в благоустроенном государстве. В делах гражданских — в браках, разводах, в обращении с женским полом, в разделах имуществ между мужским и женским поколением, в завещаниях, в контрактах, в присяге, а также и в способах образования — евреям дозволено руководиться не общими для всех граждан, а своими, особенными законами. Для всех этих законов дозволено им притом иметь своих юристов, в лице фарисейски-талмудических раввинов. Таким образом, среди государства допускается совершенно чуждая ему юрисдикция. Очевидно, что только беззаботностию государства и незнанием существа своеобразных еврейских законов может объясняться такое странное право для части граждан, состоящей не более как под покровительством, — руководиться, кроме общих, еще своими, совершенно чуждыми государству законами и судом.

Стало быть, скорее государство имеет, напротив, основание желать уменьшения прав, с какими дарована евреям эманципация, и стремиться к уничтожению их юридических особенностей. И надобно сказать, это принесло бы им гораздо более благодеяний, чем права на участие в народном представительстве и в народном управлении, чего они так горячо теперь добиваются. В самом деле, нелегко, конечно, еврейскому населению стоять под тяжестию двойных законов и суда. В этом смысле, полное слияние их с коренными жителями скорее можно бы было назвать их эманципациею: ибо, при настоящем порядке, большинство бедняков, действительно, суть манципии педантически самовластных, чуждых справедливости раввинов.

Положение евреев в России несколько разнится от того, в каком описывает здесь Паулус евреев германских. Во-первых, закон наш допускает для них изъятия из общих гражданских прав далеко не в той мере, в какой это было в Гер-

мании. Из многих случаев, здесь поименованных, в большей части евреи обязаны у нас руководствоваться общими законами. Во-вторых, некоторые из прав, которых евреи просили себе в Бадене и которые Паулус признает еще не заслуженными с их стороны, у нас уже давно им даны. Именно, по II т<ому> Св<ода> Зак<онов> изд<ания> 1857 г., учрежд<ение> Управл<ения> Инор<одцев>, ст<атья> 812, «Евреи купцы, мещане и ремесленники городские имеют право в судебные и хозяйственные над ними управления (т. е. магистраты, думы и ратуши) избирать из среды своей известное число членов...» [4]

Но при этих двух разницах, представляющих у нас бо́льшую равноправность евреев с коренными жителями, чем, как было это в тридцатых годах в Германии, у нас встречается и третья, по-видимому более стеснительная для евреев. Это — ограничение их места жительства. На это обстоятельство защитники евреев могут в особенности указывать как на доказательство, что последние у нас еще не вполне эманципированы: они являются у нас *прикрепленными* к местности. В ответ должно сказать следующее:

1) Нужно принять в расчет, допущена ли эта мера законом собственно для стеснения евреев и для эксплуатации их труда или, наоборот, только для ограждения коренных жителей от стеснения их законных интересов и от эксплуатации, какую производят над их трудом евреи. Никто не станет спорить, что ответ утвердительный должен быть на последнее. А в таком случае закон является совсем в другом свете. Если из двух стеснений непременно приходится выбирать одно, слишком странно было бы требовать от государства, чтоб оно из ложно понимаемой гуманности осудило на стеснение непременно коренных своих жителей, ближайшую плоть и кровь свою.

2) Должно припомнить и то, что в губерниях, где евреев теперь нет, их и искони не было. А те губернии, где им жительство дозволено, хотя и составляют органическую часть Империи, но, по отношению к коренной России, составляют все-таки недавнее приобретение. Итак, вопрос и здесь переменяется. Он должен быть поставлен не так: «Можно ли исключать евреев из права на жительство в таких-то местностях?» — а: «Должно ли быть им дано право жительства вне тех местностей, которыми искони они были ограничены и далее которых никогда не простирались?» Словом, вопрос получает тот самый смысл, какой он имел для России во время самостоятельного существования Польского государства. И как тогда, конечно, никто не мог оспаривать у России права принять или не принять к себе евреев, так и теперь, и совершенно в том же смысле, никто не может оспаривать точно такого же права пустить или не пустить их во внутренние губернии. И как в прежние времена, недопущение евреев в Русское государство вовсе не было закрепощением их в рабство со стороны русского правительства, а было простым обнаружением общего всем международного права, — точно также не имеет смысла закрепощения и теперешнее их недопущение в великороссийские губернии.

Что же касается предоставления евреям прав на участие в народном представительстве и управлении, то, конечно, никто не назовет этого эманципациею, если только под эманципацией будет понимать, как и следует, выход из несвободного состояния. Но, кроме того, какая же и вообще отсюда польза для еврейства, в целом его составе?

Какая польза для большей части бедных ирландцев из того, что, вследствие так названной эманципации, несколько богачей из них получили право заседать в парламенте и занимать другие важные места? Скажем ли, что чрез это доставление выгод нескольким облегчилось угнетение и зависимость большинства иль уменьшилась необразованность всего народа?

Точно так же, не очевидно ли, что если б и из евреев несколько богачей получили возможность быть среди нееврейского населения судьями, начальниками местечек или же народными представителями, — еврейскому большинству от этого не было бы легче, коль скоро оставалось бы оно по-прежнему, все-таки замкнутою нациею, в своем отчуждении? Не оставалось ли бы оно стадом все тех же манципиев по отношению к немногим счастливцам, стоящим во главе?

Если на то пошло, надобно сказать чистую правду — не из того ли собственно и хлопочут эти последние об увеличении своих прав? И теперь, *с нами* они умеют себя держать *неевреями*: а массу своих соплеменников держат в прежнем *национальном отчуждении*, под предлогом, будто это предписывается *религиею*. Зачем? Затем, конечно, чтоб сохранить над ними свою власть, чтоб тем легче распоряжаться ими, как «своими», для своих исключительных выгод. А такое преобладание необходимо еще более увеличится, коль скоро дать евреям права, которых они требуют. Большинство, оставаясь при своей изолированности, тем крепче примкнет к богачам и тем более им подчинится, что те к прежнему своему влиянию присоединят еще новое, доселе не принадлежавшее им в государстве значение.

Было бы самым странным смешением понятий представлять, что, требуя всех прав *гражданских, государственных*, евреи просят себе чрез это прав *человеческих*. а) *Человек* обладает своим правом, когда, не делая вреда другим, сам обеспечен от всякого вреда. б) Сохраняя свои человеческие права, он может оставаться *чужестранцем*, доколе общество не примет его под свое покровительство. в) Когда примет оно его под покровительство: он становится *покровительствуемым*. г) Покровительство, которым он пользуется, *обязывает его исполнять все законы* покровительствующего общества. Но чрез это, — д) вовсе не возникает для него права участвовать в самом *составлении законов для покровительствующего народа* и тем самым приобретать над ним правительственную власть. — Настоящие притязания евреев, на этой лестнице прав, хотят с первой и второй ступени прямо перескочить на высшую. Приписать ли это невежеству раввинов или невообразимо детской притязательности?

Подати, уплачиваемые государству еврейскими общинами и фамилиями, суть справедливое вознаграждение за покровительство, какое оказывается их личности, промыслам и собственности, посредством суда, полиции и войска. Но на том основании, что евреи, нисколько не более других, платят за покровительство, им оказываемое, каким образом следует, чтобы они могли быть участниками в законодательстве или — членами государственного управления? В этом и состоит различие между гражданином, который состоит под покровительством, и — полным гражданином государства. Принять или не принять покровительствуемого гражданина в полные сочлены и сограждане государства — это вполне зависит от доброй воли коренных граждан. Покровительствуемый не имеет никаких законных оснований требовать от них этого.

Во всяком случае, покровительствуемому гражданину не может быть дано полное гражданство, доколе он принадлежит другой нации и даже считает обязанностию смотреть на себя как на представителя особого, чуждого народа, — будет ли то вследствие его предрассудков или по каким особенным соображениям. Пусть даже религия будет причиною такого отчуждения (хотя по отношению к евреям это мнение будет совсем неосновательно), положение сохраняет полную силу: кто принадлежит одной нации, тот не должен порываться в начальники, судьи и законодатели над другой. Если же он порывается, следует ему указать те единственные права, при которых ему прилично оставаться.

Но сущность в том, что причиною национального отчуждения евреев служит не Моисеева *религия*, т. е. не вера в то или другое отношение к Богу, а чужестранные законы и обычаи, которых они держатся, а затем и различие в воспитании, и вместе с ним разные предрассудки, всосанные привычкою.

По самому закону Моисееву, для иудея каждый неиудей есть *чужестранец*, «гой», который, хотя и может жить в земле иудейской, но только на правах покровительствуемого поселенца (Лев. 19, 33. Втор. 10, 19). Таким образом, у евреев, в их иудейском государстве, если б оно теперь существовало, мы сами пользовались бы только терпимостию, много, если на правах покровительства. Как же хотят они теперь, чтобы мы, напротив, смотрели на них, как на полных государственных сочленов?

Оба места, на которые здесь делается ссылка, вовсе, впрочем, не уполномочивали иудеев отличать в своем обращении приходящих к ним иноплеменников от своих соотечественников. Напротив, и там, и здесь иудею заповедуется оказывать чужим такую же любовь и такое же попечение, как и туземцам, как и самому себе. Ни там ни здесь они не называются даже «гоями», что в переводе передается обыкновенно словом «язык», т. е. язычники, — а называются просто «пришельцами» («гер»). Вот эти места, по славянскому переводу:

Лев. 19, 33. 34: «Аще же кто придет к вам пришлец в землю вашу, не стужите[5] ему. Яко же туземец будет в вас пришлец, иже придет к вам, и возлюбиши его яко сам себе: яко и вы пришлецы бесте в земли египетстей».

Втор. 10, 19. «И возлюбите пришелца: пришелцы бо бесте в земли египетстей».

Есть и третье подобное место в законе, Исх. 22, 21: «И пришелца не озлобите, ниже оскорбите его: пришелцы бо бесте в земли египетстей».

Паулус принимает здесь во внимание ту *отрицательную* сторону заповедей, по которой неиудеи в иудейской земле оставались все-таки не более, как *пришельцами*, и хотя пользовались одинаковою с туземцами защитою и судом, но не имели, однако, прав, например, на недвижимую собственность или, как сказано будет сейчас, — не могли быть также членами народных собраний. Совершенно справедливо и то, что сами евреи, особливо позднейшие, при истолковании этих заповедей тоже имеют в виду собственно их отрицательную сторону, и ее, главным образом, делают предметом нравственного приложения. Конечно, они поступают таким образом вопреки существу и духу закона. Напротив, следовало бы поглубже вникнуть им в тот положительный смысл, которым заповедуется любовь к чужим, совершенно равная, как и к своим, даже — как к самому себе. Что же касается до смысла отрицательного, то очевидно, что, вместе с падением иудейского государства, сам собою он должен бы потерять в глазах евреев всякое приложение.

По Моисееву гражданскому закону, невозможно также, чтобы неиудей, обитающий в иудейской стране, сделался иудейским начальником или даже выборным в народное собрание, вроде тех, какими избраны были Саул и Давид на царство. А евреи требуют себе от нас именно этих самых прав и утверждают, что мы не имеем основания им отказывать.

По Неемии и Эздре (2 Ездр. гл. 8—9. Неем. 13, 23—25), ни один иудей не может брать себе в супружество неиудеянку, ни выдавать свою дочь за иностранца (гоя). И между тем защитники евреев говорят: «Они приравнялись к нам во всех отношениях гражданской жизни и, следовательно, исполнением одинаковых обязанностей заслужили и одинаковые права»!

Для пояснения — вот выдержки из глав, на которые делается ссылка:

2 Ездр. 8, 81: «и ныне дщерей ваших не сопрязите сыном их, и дщерей их не приемлите сыновом вашым. И не взыщите мира имети с ними во все время, да укрепившееся ядите благая земли, и достояние разделяете сыновом вашым даже до века».

Неем. 13, 25: «и запретих им, и проклях их, и поразих от них мужей, и оплеших их, и заклях их Богом, аще дадите дщери вашя сыновом их, и аще поймете от дщерей их сыновом вашым и себе».

Всех этих законов евреи держатся до сих пор и почитают их вполне для себя обязательными. Не очевидно ли, что только тогда и могут они требовать, чтобы мы признали *за ними* полное равенство с собою, когда сами отвергнут те законы, которые не признают *нашего* равенства с ними?

В учении раввинов, которые в теперешнее время суть то же самое, что в прежние времена были фарисеи, является еще большее разнообразие этих особенностей законодательства. Они ввели в силу пропасть своеобразных правил касательно подробностей домашней жизни, касательно контрактов, свидетельств, прав наследства, присяги и проч. Старому положению: «все необрезанные (“гои”)

должны быть нечисты пред вами» — дана еще бóльшая сила; и таким образом исключительность евреев утверждается еще крепче.

Отсюда выходит, что прежде всего необходимо совершенно уничтожить все сословие раввинов, которые собственно суть не учители религии, а именно — толкователи и блюстители фарисейски-талмудических законов и, следовательно, как бы тайные приверженцы одного государства в другом. Если где-нибудь и воображают видеть в них что-то вроде церковно-иудейского деканства и если где-нибудь, как, например, в Бадене, и существует их учреждение в этом смысле, признанное государством: то само собою разумеется, что невежество теологов-советников, растолковавших значение раввинов таким образом, не может служить поводом к тому, чтобы терпеть долее это учреждение, и дорого стоящее государству, и совершенно противное его благоустройству.

Что же касается всех прочих евреев, то, конечно, одно из двух: или они должны довольствоваться покровительством государства, в той мере, в какой оно им оказывает; или же должны фактически и формально отказаться от всей части своего законодательства, которая противна нашему государственному порядку и нашим законам, — будет ли оно заимствовано из бредней раввинских, или даже непосредственно почерпнуто из самых книг Моисеевых. Сюда принадлежат не только постановления о том, что каждый неиудей должен быть чужд, нечист для иудея, и не может вступать с ним в брачные сношения, но и некоторые другие: относительно разводов, различий в пище, а также — дней, назначаемых для отдохновения. От всех такого рода законов евреи каждой страны *могут* отказаться, если убеждения их сколько-нибудь разумны: ибо все это были законы, более или менее территориальные — установленные на тот конец, чтоб народ жил в известной стране разрозненно от прочих.

Если же так называемые чтители Моисеевой религии почитают себя не вправе отказаться от этих законов, без согласия всех своих единоверцев, и в особенности — раввинов: то этим самым именно и доказывают они, что смотрят на себя как на особенную, единственную нацию, которая, где б ни была, должна оставаться как status in statu, и не должна отличать своей религии от своего законодательства. А тем самым они лишают и государство возможности дать им больше прав, чем сколько они имеют. По относительной малочисленности их, государство может оставлять их под покровительством из человеколюбивого сострадания, как людей заблудших: но в то же время, оно имеет право и обязанность там, где их чуждое законодательство оказывается вредным, препятствовать его применению и путем образования внушать более справедливые убеждения.

Наконец, весьма сомнительно и то, чтобы общество, члены которого считают необходимым иметь фактически на своем теле *печать отделения от всех прочих народов*, было способно к соединению с другими гражданскими обществами. Мог ли бы француз, не потеряв здравого смысла, сказать: «Прошу вас считать меня за немца; но французской кокарды я снять не хочу и не могу: она знак моей национальности. Впрочем, я желаю быть у вас судьею, начальником, народным представителем...» Не то же ли самое будет и желание еврея достигнуть всех

прав полного гражданства в наших государствах, с сохранением за собою права *обрезания*? И напрасно стал бы уверять еврей, что это — знак религиозный. Во времена Авраама установление обрезания было действительно знаком посвящения себя Богу как Богу. Но теперь это — символ подданства Богу как *национальному еврейскому царю*.

Впрочем, вполне символом национальности обрезание может служить для евреев только в Германии и в других странах, где нет магометан. Где последние находятся, там, по самому существу дела, обрезание перестает быть отличительным знаком еврейского племени. Этим отчасти ослабляется сила замечания, сделанного Паулусом относительно этого обряда. Но, с другой стороны, то же обстоятельство может не мешать самим евреям смотреть на обрезание, хотя и несправедливо, все-таки как на символ своей народности. Равным образом это обстоятельство нисколько не уменьшает силы тех замечаний, чисто медицински-полицейских, которые представляет Паулус относительно обрезания в одной из дальнейших глав настоящей книги.

Не сгладятся ли еврейские особенности сами собой, коль скоро мы, с своей стороны, высвободим их из того исключительного положения, в каком они находятся в государстве? — Невероятно. Недавний пример Ирландии и той части католической Франции, которая не сочувствовала конституции, поучительно доказывает, как ошибочно желание одними парламентскими постановлениями *приравнять* к обществу *сомкнутую массу, которая очевидно хочет оставаться при своем различии в обычаях и национальных воззрениях*. Какие европейские постановления в состоянии бы сделать хоть, например, бельгийцев — голландцами? Имеющие всю силу закона своеотличительные обычаи общественной и домашней жизни должны сперва *фактически уничтожиться сами собою*: только тогда буква закона может признать и утвердить этот факт. Можно и должно ускорять его совершение. Но никакие уступки со стороны закона не могут *произвести* его. Напротив, если такие уступки будут сделаны прежде, чем в самой жизни последует изменение или уничтожение различий, затрудняющих национальное уравнение, тогда они только воспрепятствуют им измениться.

Говорят: «Да разве обращенный в христианство еврей становится нравственно лучше и потому способнее быть полным гражданином?»

Ответ: обращенный иудей, пожалуй, не лучше, может быть — даже хуже лучших своих братий, оставшихся в иудействе. Но он отверг *национальную обособленность,* в которой те продолжают оставаться. И поэтому собственно, а не потому, что он отверг одни верования и принял другие, — его следует *признать вполне вступившим в гражданское общество страны*. По крайней мере, дети его чрез одинаковое с другими воспитание, сравняются, во всяком случае, с остальными гражданами.

Могут сказать, что полное применение сейчас высказанного правила будет *косвенным религиозным принуждением.* Это значит — перспективой будущей

полноправности манить к перемене веры. Действительно, по отношению ко *всякому другому,* кроме еврея-талмудиста, такое возражение было бы совершенно справедливо. Нет ничего обыкновеннее и, надобно сказать, нет ничего возмутительнее, как слышать от фанатиков в защиту религиозного насилия оправдания вроде следующего: «Правда, что отец присоединится вопреки убеждению. Но что ж за важность? Зато дети его будут искренно убежденными». — Но при этом именно надобно иметь в виду опять-таки основное различие, существующее между еврейскою и всякою другою народностию. Всякая другая, как мы уже говорили выше, имеет где-нибудь свое коренное государство, к которому она принадлежала, — или, по крайней мере, имеет какие-нибудь свои национальные обычаи и учреждения, *безразличные к религии,* отречением от которых она может, не изменяя своей вере, засвидетельствовать полноту и искренность своего вступления в новое государство — своей приверженности к нему. А у евреев-талмудистов нет никакого своего государства; у большей части их нет даже своего отличительного языка. А *национальные учреждения* их составляют, вместе с тем, и их *религии.* Какого же теперь другого отречения, как не отречения от того, что они называют своею религиею, может требовать от них государство как свидетельства искренности их подданства? Положение безвыходное, — и не государство тому виной. Государство не имеет нужды и не должно указывать им <на> ту или другую определенную религию как на условие их полноправности: это было бы, действительно, религиозным принуждением. Но оно имеет право требовать, чтобы они, когда хотят полноправности, не держались религии в том виде, какая у них теперь есть, как несовместной с государственными нравами. Пусть они изменяют ее как хотят.

В этом отношении другие государства были довольно счастливы, что внутреннее развитие еврейства в новейшие времена само собою пришло отчасти к этой благодетельной перемене в воззрении на свою религию. Россия далеко не была так счастлива. Тому причиною было много обстоятельств, как внутренних, так и внешних, о которых говорить здесь не место. Но, во всяком случае, нашей стране более, чем всякой другой, важно в настоящее время желать от евреев той же самой перемены, какая в других государствах отчасти уже выполнилась сама собою.

Говорят: «Во всех религиях самое существенное для общественной жизни составляет праведность, основанная на согласии с святою волею Божиею».

Ответ: Совершенная правда. И поэтому, я желаю каждому еврею, коли он хочет, искренно оставаться при том, что было *религиею* Авраама, Моисея и Пророков. Но при нашем вопросе, дело не в том, что во всех религиях возможно и необходимо. И для нас, христиан, основанием служит *вера* Авраама, Моисея и Пророков, но — не Моисеево же национальное законодательство, не чаяние, что иудейское племя некогда будет господствовать во всем мире и потому должно навсегда сохранять свою исключительную национальность. А в этом вся

и сущность. Повторяем опять: не основания религии, не религиозная ненависть или фанатизм секты разделяет нас от совокупности евреев в том виде, в каком они теперь находятся и желают оставаться. Дело все-таки в том, что евреи крепко держатся особенностей национальных, особенностей таких, которые годны были только в известной стране и которые противоречат духу общительности. Дело в том, что, желая быть представителями народа, великодушно принявшего их под свою защиту, сами они хотят быть все-таки не более, как *иудеями*.

Но говорят: «Дозволение выбирать из евреев представителей, судей, народных депутатов и проч. не может повредить коренным туземцам. Они будут выбирать только тех, кому доверяют. А эти последние сумеют, если того потребует служебное положение, отказаться от исполнения иудейских особенностей, например: будут иметь заседания в субботу, вести войну, вообще — рассуждать не по иудейским понятиям и законам».

На это отвечаем следующими замечаниями:

а) Евреи желают полного уравнения своего с прочими гражданами не как уступки, а как законного права. А в этом-то смысле, как мы видели, и несправедливо поступило бы государство в отношении к своим коренным подданным, если б стало возвышать в судьи, законоведы и администраторы людей, воспитанных в иных законах, обычаях, постановлениях и воззрениях и даже считающих такие свои особенности обязательными для себя.

б) Если б за евреями и было признано законным образом право на избрание в представители иудейской нации: то всему свету известно, что *не одно доверие* решает выбор. Каждый наперед скажет: «Всем известно корыстолюбие, хитрость и упорство этого тесно сомкнутого и отчужденного племени». Нужно быть ребенком, чтоб уверять себя и других, что выбиратели устоят против денежных подкупов и других происков. Дворянские дипломы, придворные титулы, которыми украшаются некоторые из евреев, — получены ли они за государственные заслуги или за государственные кредитные бумаги? — Мендельсон [6] не был сделан бароном.

в) Положим, что еврей будет, по доверию, выбран на какую-нибудь гражданскую или военную должность. Тут является следующая дилемма: иудей он? или нет? Для своей должности субботу обращает он в рабочий день: [7] хорошо! Следовательно, он различает Моисееву религию от законодательства. Хранить первую в чистоте и неизменности он почитает своею обязанностию; от последнего — *решается отказаться*. Таким образом, он выходит из иудейской нации, поколику она хочет быть повсюду особенною нациею. Тогда для доверия нужно, чтоб он объявил эти свои убеждения, перешел вполне открыто, — пожалуй, не к церкви, но к нации страны. Или же — хочет он все-таки оставаться в иудейской национальности, — в неразрывной связи с нею полагает самые прочные свои выгоды? И только ради должности допускает некоторые исключения? — Но в таком случае, как же он может изъявлять притязания на *доверие* к себе? Только на-

сильно отданный в солдаты может найти для себя извинение в принуждении. Но в должность представителя никого не выбирают насильно. И может он, после того, законно оставаться, в одно и то же время, и евреем и неевреем? И смеет этого хотеть? И требует к себе доверия?

г) Когда просвещенно-мыслящий пфальцский курфирст пригласил Спинозу на кафедру философии в Гейдельберг,[8] философ, без сомнения, более чем кто другой, был свободен от общееврейского заблуждения и вовсе не полагал нужным из-за *религии* пребывать в *национальном отчуждении*. Несмотря на то, Спиноза отказался от места, потому что сомневался, будут ли многие иметь достаточно доверия к его беспристрастию. Да и точно, трудно поверить, чтоб люди, выросшие в других нравах и практических понятиях, могли быть вполне беспристрастными судьями и советниками — даже при всем своем добром желании. Как часто случалось мне самому видеть, на своих товарищах по суду, всю трудность, например, судьям католического исповедания, даже самым благонамеренным, давать правиль-[9]

Печатается по: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630: «Дело Главного управления цензуры: О рукописи Коллежского Советника *Гилярова-Платонова*, под заглавием: “В каком смысле могут принадлежать Евреям права гражданства в Христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.”. Начато: Февраля 25 дня, 1861 года. Окончено: Апреля 21 дня, 1861 года». «Предварительные замечания» (л. 4—19 об.) представляют собой два сброшюрованных печатных листа с незначительной правкой автора, просмотренные цензором (его подчеркивания сохранены при публикации документа). Прилагавшееся к отпечатанному тексту рукописное продолжение не сохранилось: оно упомянуто Гиляровым, но при формировании архивной единицы хранения его уже не было в наличии. Сохранившаяся часть книги опубликована с неточностями в составе статьи: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43. Янв. С. 148—185; то же, в сокращении и без указания публикатора, вышло в виде брошюры: Еврейский вопрос в России / Сост. на основании ст. и писем Гилярова-Платонова. СПб., 1906. 63 с.

Недописанная книга Гилярова является отчетом о командировке за казенный счет в Германию. Ее выхлопотали для Гилярова покровительствовавшие ему гр. Д. Н. Блудов и кн. П. А. Вяземский. Последний, занимавший пост товарища министра народного просвещения, в мае 1857 г. во Всеподданнейшем докладе отмечал: «При основательном ученом своем образовании, Г<иляров>-Пл<атонов> имеет познания и в древнем еврейском языке. Посему и нахожу весьма удобным возложить на него, при настоящей поездке его в чужие края, поручение собрать точные сведения об устройстве заграничных училищ еврейских, и особенно раввинских, а также о литературной деятельности евреев. Эти сведения могут быть полезны М<инистерству> Н<ародного> Пр<освещения> при настоящем развитии у нас умств<енного> образования евреев и учреждении для них училищ» (цит. по копии, выполненной кн. Н. В. Шаховским: РНБ. Ф. 847. № 212. Л. 1—2. Очевидно, в подлиннике нет сокращений). Хотя командировка была придумана только ради того, чтоб Гиляров, чье здоровье пошатнулось от напряженной литературной и цензорской работы, получил средства для поездки с женой на европейские курорты, — он, пожив с конца июня до начала сентября 1857 г. в Германии, всерьез заинтересовался

еврейским вопросом и впоследствии, вместо формального отчета-отписки, в течение трех лет работал над своей историко-публицистической книгой, представлявшей собой глубокое историософское истолкование этой темы. Тут отвлеченно-богословский анализ (см. выше ученическую работу о евреях) сменился социально-психологическим и даже политическим и провиденциально-телеологическим, заложив основы славянофильского видения еврейского вопроса. Гилярова четырежды специальными уведомлениями из Министерства торопили, но он понимал, что, если отчитается официальным порядком, то ему уже будет неловко опубликовать тот же текст, поскольку он составлял бы собственность правительства, пусть и никчемно пылящуюся в министерском архиве. А так как его сочинение, особенно в своей общефилософско-исторической части, имело прежде всего научный интерес, Гиляров и собирался, отпечатав именно эту его вводную часть, представить ее начальству, а специально-административные выводы препроводить только в рукописном виде.

Оформил он свою книгу как перевод сочинения немецкого протестантского теолога Генриха Паулюса (Паулуса), которое представляло собой полемический отклик на брошюру либерального правоведа Генриха Цёпфля (Zöpfl; 1807—1877) «Голос об эмансипации исповедников Моисеевой веры в Бадене» (Paris, 1831), выступавшего против отлучения евреев от чиновничьих должностей. Паулюс в том же 1931 г. в издаваемом им в Гейдельберге сборнике «Sophronizon» (Bd. XIII) утверждал, что евреи, составляя государство в государстве (status in statu), не желают подчиняться общенациональным законам, а потому и не могут претендовать на равноправие в Германии, но, подобно любым иностранцам, имеют право лишь находиться под защитой закона. В целом соглашаясь с такой позицией, Гиляров вместе с тем и сомневался, не слишком ли вызывающе и категорично прозвучат выводы Паулюса в их приспособлении к предреформенной России конца 1850-х гг., и советовался с Ю. Ф. Самариным в одном из писем к нему: «Знакомил ли я Вас когда-нибудь с брошюрой о евреях, мною составленной? Эта брошюра составлена была некогда в Германии *Паулусом*, знаменитым главой известной отрасли рационализма, называемой *натуральною*. Воззрения его мне показались здравыми и тем более замечательными, что его-то уж никак нельзя заподозрить в *фанатизме*.

Много, однако, пришлось все-таки переделать; исторические исследования пришлось даже написать вновь, так что брошюра вовсе не есть перевод. Да кроме того, я счел нужным разбавить ее собственными примечаниями... Прочитайте посылаемое и на основании этой меньшей частицы произнесите приговор: печатать ли мне? Сто́ит — или не сто́ит? сдается мне и теперь, что рассуждения как Паулуса, так и мои собственные довольно дельны. А вы не скажете ли чего-нибудь: совета, возражения, указания?» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 155—156).

Об этом же Гиляров писал и графине А. Д. Блудовой, тоже не скрывая при этом, что своего перелицованного Паулюса считает вполне оригинальным произведением: «...я взял одно готовое немецкое исследование, весьма замечательное. Я взял именно готовое, немецкое затем, чтобы отнять у моих размышлений слишком местный характер, а следовательно, и ту некоторую резкость, которую они могли бы получить от этого. Впрочем, исследование это до того мною переделано, что, если бы следовать мне примеру большей части наших ученых, я мог бы его назвать и своим. Сверх того, я добавил к нему собственные замечания, которых больше, нежели самое исследование. Эти мои замечания и должны были послужить первою частию изготовляемого мною целого труда о еврейском вопросе» (цит. по: Там же. С. 155).

Гиляров ставил перед собою и публицистическую задачу — исходя из государственных интересов, как он их понимал, противостоять легковесному и вместе с тем заразительному филантропическому возбуждению, совершавшему «под прикрытием громких фраз» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 9 об.), потому как подобное фразерство только камуфлировало трагизм вопроса. В том же письме к Блудовой он объяснялся: «В последнее время послышались в литературе безусловно-защитительные голоса в пользу евреев: как-де угнетать у нас это несчастное, а между тем столь прекрасное и во всех отношениях достойное и полезное еврейское народонаселение; и какие-де несомненные права имеет оно на полное уравнение свое со всеми прочими сословиями. Голоса эти внушаются не столько знанием дела, сколько общею теперь модой щеголять в литературе гуманностью и либеральностью. И признаюсь, как вообще я считаю оскорблением для нравственного чувства эту моду играть в самые высшие и священнейшие истины; как вообще возмутительно видеть это желание дешевым образом составить себе славу гуманного и образованного: так, в частности, грустно мне было видеть наклонность к провозглашению громких, но в сущности пустозвонных фраз о евреях. Мне хотелось поэтому поставить вопрос на ту единственно верную точку, с которой, по моему мнению, должно его рассматривать. Предполагая в рукописной, практической части отчета указать меры, благоприятные для евреев, я хотел в то же время печатно засвидетельствовать, что неблаговидные качества евреев зависят не от одного угнетения; что причиной нашего разделения с ними служить прежде всего их, а не наша исключительность; что, во всяком случае, каков бы народ этот ни был, как случайно пришлый, он может искать и заслуживать доверия от господствующего народа, и затем получать новые права, но никак он не может этого *требовать* как права, себе прирожденного. Такого рода мысли, печатно выраженные, были бы, по моему мнению, полезны и в том отношении, что они вынудили бы образованных евреев также печатно отрекаться от своей исключительности, и даже протестовать против меня. Но пусть их! Тем, однако, самое дело подвигалось бы: они увидали бы себя в необходимости уверять нас в своей к нам близости» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 154—155).

После того как книга была запрещена цензурой, Гиляров поначалу расстроился, тем более что понес убытки, приступив к изданию книги, но позднее уже иначе смотрел на это, считая свои выводы и рекомендации слишком жесткими и нетерпимыми. В 1872 г. он писал А. С. Суворину, попросившему дать биографические сведения в его «Русский словарь»: «По еврейскому вопросу действительно я работал, ездил даже за границу с этою целью, составил исследование и даже *напечатал* несколько листов, но по обстоятельствам, как говорится, не зависящим принужден был бросить». И оговаривался: «...о судьбе моего исследования о евреях, о которой я, впрочем, и не очень жалею» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 212, 213). А в 1884 г. даже предлагал готовить для «Нового времени» статьи на эту тему: «Я некогда занимался еврейским вопросом, и у меня остались материалы» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 915. Л. 13 об.). Впрочем, и в издававшихся самим Гиляровым «Современных известиях» еврейский вопрос был всегда в центре внимания, при этом мыслитель с годами все более отмежевывался от юдофобствующих собратьев по перу.

Важно, однако, учесть, что гиляровское сочинение еще до его запрещения уже было известно по авторскому чтению в дружеских кружках и литературных салонах и запомнилось. Так, близкий к славянофилам С. М. Сухотин записывал в 1860 г. в Дневнике: «В прошлый вторник, 22-го марта, на вечере у Кошелева Гиляров читал свою весьма любопытную статью, переделанную из сочинения немецкого ученого Паулюса, о евреях,

где он объясняет причины всеобщей к ним антипатии, и что гражданство не дается даром иностранцу: надо заслужить это гражданство длительным участием в жизни того государства, которого хочешь быть гражданином» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. Кн. I. Вып. 2. С. 228—229). Позднее наиболее последовательным и подчас прямолинейным пропагандистом этих паулюско-гиляровских идей стал И. С. Аксаков-публицист — в передовицах «Дня», «Москвы» и «Руси» на каждом шагу встречаются даже текстуально близкие выражения.

Подробно о цензурной истории гиляровского сочинения о евреях, с публикацией архивных документов, см.: *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

[1] Генрих Эбергард Готтлоб Паулус (Паулюс, Paulus; 1761—1851) — немецкий протестантский теолог рационалистического направления; профессор Иенского, Вюрцбургского, Гейдельбергского университетов.

[2] Иост (Iost) Исаак-Маркус (1793—1868) — немецкий историк еврейства, автор трехтомного труда «История иудаизма и его сект» (1857—1859), первое издание которого цитируется Гиляровым. Известно русское сокращенное изд.: Религиозные секты евреев, от падения Иерусалима до наших времен, и описание их религиозных обрядов / По Иосту. М.: Изд. А. И. Манухина, 1864. 306, II с.

[3] Подразумевается Билль об эмансипации католиков (они составляли подавляющее большинство населения Ирландии) — законодательный акт, принятый Британским парламентом 24 марта 1829 г. Он позволил католикам занимать государственные должности, кроме некоторых высших. Вводились и иные ограничения, например, католическим священникам запрещалось носить свои облачения за пределами церквей и частных домов; в Ирландии был резко увеличен имущественный ценз, необходимый для участия в голосовании, и др.

[4] Цитата из Свода законов не вполне точна. Помимо пунктуационных разночтений, в оригинале: «...в вышеозначенные судебные...»

[5] *Стужать* — притеснять, угнетать (*церксл.*).

[6] Якоб Людвиг Феликс Мендельсон Бартольди (Mendelssohn Bartholdy; 1809—1847) — немецкий композитор-романтик, пианист, дирижер, педагог еврейского происхождения.

[7] Речь идет об иудаистском почитании шаббата (субботы) — седьмого дня недели, в который предписывается воздерживаться от работы.

[8] Имеются в виду события 1673 г. Нидерландский философ-рационалист и натуралист Бенедикт Спиноза (имя при рождении Барух, Spinoza; 1632—1677) аргументировал свой отказ занять кафедру философии в Гейдельбергском университете боязнью потерять свободу в высказывании мыслей.

[9] На этом текст на отпечатанных листах обрывается. Далее в том же архивном деле, видимо по требованию цензоров, Гиляровым был представлен список использованной им немецкой литературы по еврейскому вопросу:

«Ein Wort über die Emancipation der Bekenner des Mosaischen Glaubens in Baden; von einem christlichen Badenser. <Paris,> 1831 (Паулуса).

Lehrbuch der Mosaischen Religion, bearbeitet von Dr. Alexander Behr, unter Aufsicht und Leitung der Oberrabbiners Abraham Bing zu Würsbug, etc. München, 1826.

Ueber die Stellung der Bekenner des mosaischen Glaubens in Deutschland, an die Deutschen aller Confessionen, von Gabriel Riesser, Dr der Rechte. Altona, 1831.

Die Juden und ihre Wünsche <von Rudolph Moser>. Stuttgart, 1828».

Ниже следовала резолюция: «Поименованные три сочинения считаются в Комитете Цензуры Иностранной неизвестными.

Старший Цензор Л. Роде.

Февраля 3 дня 1861 года» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 20).

V. *Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА <О СТАРШИНСТВЕ ПО СЛУЖБЕ> (1861)

13 декабря 1861 г.

Его Сиятельству, господину Обер-Прокурору
Святейшего Синода, Генерал-Лейтенанту,
Графу Александру Петровичу Толстому [1]
Цензора Московского цензурного
комитета коллежского советника
Никиты Гилярова-Платонова [2]

Докладная записка.

В 1856 году, при переходе моем из духовного ведомства в светское и переименовании в чин, [3] Духовно-учебным управлением ошибочно было вычислено мое старшинство. Я обращался к своему начальству с просьбою об исправлении этой ошибки; Главное управление цензуры входило в сношение с Духовно-учебным управлением; но Духовно-учебное управление признало свое вычисление правильным.

Сущность дела состоит в следующем. В 1848 году я кончил курс в Московской духовной академии, с предназначением к степени магистра; 5 ноября того же года назначен был в ту же Академию на должность бакалавра; а 4 октября 1850 года был утвержден Святейшим Синодом в степени магистра. Духовно-учебное управление полагает, что права, присвоенные в чинопроизводстве бакалаврам-магистрам, начались для меня не ранее как со дня утверждения меня в магистерской степени, то есть с 4 октября 1850 года, и что вычисление моего старшинства, сделанное на этом основании, правильно.

Осмеливаюсь против этого представить следующее.

Общий закон, относящийся ко всем наставникам духовных училищ без различия, говорит прямо, что, при производстве их за выслугу лет в чины, «отдается им старшинство со дня поступления в учительские обязанности» (Св<од> зак<онов>. Т. III, Уст<ав> о сл<ужбе> по опр<еделению> от Прав<ительства>, ст<атья> 743, изд<ания> 1857 г.). Способ, по которому исчислено старшинство мое

Духовно-учебным управлением, прямо противоречит этому закону: ибо время, проведенное мною в должности бакалавра, до утверждения в степени магистра, именно 1 год, 10 месяцев и 29 дней, оставлены *совершенно вне зачета для чинопроизводства*. Справедливо, что, сверх общего закона, производство мое подлежало и другим, более частным правилам; но столь же справедливо, что частные правила не должны быть применяемы так, чтобы ими нарушался общий закон.

Впрочем, правила, которыми определялось чинопроизводство мое частнейшим образом и на которых основывалось само Духовно-учебное управление в своих вычислениях, нисколько не противоречат вышеприведенному общему закону. Эти правила относятся собственно к бакалаврам, имеющим степень магистра. А я был и бакалавром и, вместе, магистром все время моей духовно-училищной службы, начиная с самого поступления на оную 5 ноября 1848 года. Следовательно, ко всей моей службе и должны быть приложены означенные правила, а не к тому только времени, которое последовало за 4-м октября 1850 года.

1. Самое определение Святейшего Синода от 4 октября 1850 года было ничем иным, как признанием, что,[4] согласно представлению Академической конференции,[5] степень магистра состоит за мною с самого окончания академического курса. Для доказательства достаточно привести одно то, что тем же определением Святейшего Синода назначено выдать мне и прочим моим товарищам-магистрам магистерский оклад (присвоенный именно *степени*, а не должности) за это время нашей службы, с первого дня поступления на оную.

2. Право получать степень магистра чрез два года службы, подобное тому, каким ограничивает меня Духовно-учебное управление, составляло и составляет принадлежность особого разряда воспитанников, так называемых *старших кандидатов*. Но я Академическою конференциею предназначен был к магистерской степени непосредственно, а не к старшим кандидатам; равно и Святейшим Синодом из предназначенной мне степени не был низведен в старшие кандидаты, о чем может быть наведена справка.

3. Известно, что скорое или медленное утверждение академических воспитанников в ученых степенях Святейшим Синодом нисколько не зависит от их успехов или ученых достоинств, а единственно от скорого или медленного чтения студенческих диссертаций членами Святейшего Синода.[6] Бывали примеры, что это чтение замедлялось на четыре года, так что воспитанники, кончившие курс двумя годами позже, получали иногда утверждение в степенях двумя или даже тремя годами ранее, чем их предшественники. В высшей степени несправедливо было бы принимать столь случайное промедление за основание к определению действительных прав.

Прошу покорнейше Ваше сиятельство взвесить представленные мною доводы и, если признаете их справедливыми, каковы они действительно суть, уведомить господина Министра народного просвещения о сделанном в исчислении моего старшинства пропуске 1 года, 10 месяцев и 29 дней, дабы это обстоятельство могло быть принято в соображение при представлении меня к следующему чину.

К сему, в облегчение справок, честь имею присовокупить, что дело о переименовании меня в чин производилось в Духовно-учебном управлении между 10 и 13 апреля 1856 года.

Цензор Московского цензурного комитета
Коллежский советник Никита Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 19204. Л. 7—8 об. На обложке заглавие: «Дело Духовно-учебного управления при Святейшем Синоде, 2<-го> Стола, 1<-го> Отделения. По отношению Министра народного просвещения Норова о правах по службе бывшего бакалавра Московской академии Гилярова-Платонова.
Начато: 7 апреля 1856 года.
Кончено: 13 июля 1863 года.
На 61-м листе. № 89».

На верхнем поле Докладной записки Гилярова — пометка на печати: «пол<учено> 14 декабря».

До написания публикуемой Докладной записки, летом 1860 г., Гиляров по случаю выслуги срока на чин коллежского советника входил в МЦК, где служил, с тою же просьбой считать ему старшинство по службе с момента защиты магистерской диссертации, а не утверждения ее в Св. Синоде. МЦК ходатайствовал об этом в МНП (см.: Там же. Л. 2—4 об.). Однако, когда 18 июля 1860 г. обратились в Синод, исправляющий должность обер-прокурора кн. С. Н. Урусов ответил (в письме к Е. П. Ковалевскому от 17 августа 1860 г.), что просьба Гилярова не может быть уважена, поскольку противоречит сложившейся практике «считать старшинство только со дня утверждения в ученой степени» (см.: Там же. Л. 5—6).

Поначалу и Докладная записка от 13 декабря 1861 г. не возымела действия — ее результатом было Предложение Св. Синоду, подписанное гр. А. П. Толстым и И. С. Гаевским (за директора Духовно-учебного управления) № 413 от 18 января 1862 г., в частности гласившее: «...просьбу Гилярова-Платонова о зачете ему в старшинство на чин того времени, которое проведено им в духовно-училищной службе до утверждения в степени магистра, как несогласную ни с существующими положениями, ни с бывшими до сего времени постановлениями Св. Синода и Прав<ительствующего> Сената, оставить без удовлетворения, о чем ему и объявить установленным порядком» (Там же. Л. 12). Здесь же отмечалось, что и прежде (в 1850 г.) в Синод поступали подобные просьбы.

Вскоре Духовное ведомство возглавил А. П. Ахматов, благоволивший к Гилярову, и к просьбе последнего отнеслись более внимательно — к тому же и в духе эмансипационного времени. Во все четыре духовные академии 29 июня 1862 г. из Синода были разосланы отношения (№ 4353—4356) за подписью А. П. Ахматова и И. С. Гаевского с просьбой высказать мнение о возможности изменить выпускникам академий срок отсчета старшинства по службе (Там же. Л. 13—14). 20 августа ответили из Киевской академии, 15 сентября — из С.-Петербургской, 2 октября — из Московской и 25 октября — из Казанской (см.: Там же. Л. 15—23 об.). Профессора посчитали, что академические конференции должны получить право утверждать в степенях «немедленно по окончании испытаний». Казанцы при этом полагали, что диссертации вообще не нужно посылать в Синод. В итоге в Предложении Св. Синоду № 3062 от 5 мая 1863 г. констатировалось: «...все конференции единогласно признают излишним существовавший до сих пор по этому предмету порядок» (Там же. Л. 38).

Гиляров же дождался «Определения Святейшего Синода от 13/31 мая 1863 г. за № 1042 о зачете коллежскому советнику Гилярову-Платонову в старшинство на чин 1 года 10 месяцев и 29 дней, и о проч.» (Там же. Л. 43—48 об.). Любопытно, что чиновники, составлявшие это Определение, отыскали в Синодальном архиве документ о прецеденте — Высочайший приказ № 230 от 21 ноября 1851 г. «о производстве в чины лиц по Гражданскому ведомству»: «...бывший профессор Тверской семинарии Волков, окончивший в 1848 году, вместе с Гиляровым-Платоновым, курс наук в Московской духовн<ой> академии и утвержденный на должность и в степени магистра теми же определениями Св. Синода, как и Гиляров-Платонов, при переходе на службу по ведомству Правительствующего Сената произведен, независимо от духовного ведомства, в следующий ему по степени магистра чин со старшинством со времени вступления на должность, а не со времени утверждения в степени...» (Там же. Л. 47—47 об.).

Кроме того, можно сказать, с легкой руки Гилярова 10 июня 1863 г. во все духовные академии были отправлены отношения от Синода (№ 4021—4024), определяющие «в степени считать от утверждения Конференциею» (Там же. Л. 50—57).

А 25 июня 1863 г. последовало Высочайшее разрешение считать Гилярова в чине коллежского советника, как он и просил, с 18 мая 1858 г. (см.: Там же. Л. 49).

[1] Гр. Александр Петрович Толстой (1801—1873) занимал пост обер-прокурора Св. Синода в 1856—1862 гг.

[2] Напротив этих слов карандашом на левом поле написано, по всей видимости, гр. А. П. Толстым: «Нельзя ли / сделать [какое-/либо] удовлетворение / просьбе Г. Гилярова?» (Там же. Л. 7).

[3] До точки подчеркнуто карандашом (вероятно, гр. А. П. Толстым), на полях до конца абзаца проведена вертикальная полоса.

[4] На полях напротив оставшейся части предложения (до точки) карандашом проведена вертикальная линия и поставлен вопрос (Там же. Л. 8).

[5] Академическая конференция — высший орган ее управления с 1814 г.

[6] На полях напротив оставшейся части абзаца карандашом проведена вертикальная линия и помечено: «***NB***» (Там же. Л. 8).

VI. ОТЗЫВЫ ЦЕНЗОРОВ О ГАЗЕТЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ» (1869—1871)

1. Протоколы заседаний Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (1869—1871) <Доклады Ф. Ф. Веселаго, Д. И. Каменского, В. Я. Фукса и др. о «Современных известиях»>

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 5 от 24 января 1869 г.

II

Представление Московского цензурного комитета и отзыв члена Совета Веселаго о передовой статье № 8 газеты «Современные известия». [1]

Московский цензурный комитет, в донесении своем от 13 января за № 27, доводит до сведения Главного управления, что в передовой статье № 8 газеты

«Современные известия» находится несколько таких рассуждений, об отношениях Духовенства к своему Начальству, которые Комитет не считает уместными в газете дешевой и доступной массе читателей и находит рассуждения эти, в сущности довольно резкие, преждевременными, так как поводом служит один только слух о предполагаемой правительственной мере об уничтожении кастовой замкнутости духовенства. По замечанию Комитета, самые резкие из фраз означенной статьи следующие: «Оно (порабощение Духовенства) держится на том, что у вас есть семейство и что это семейство, в силу своей сословности, точно так же в руках вашего начальства, как вы сами». — «...Скажем жесткое слово: вы крепостные, как эсты в Эстляндии.[2] Но те могут перейти от барина к барину, хотя и не могут оставить края. А вы не можете оставить своей Эпархии и не можете отойти от своего Эпархиального начальства, без его позволения, — вы, — это еще ничего, это так должно быть, — но ваша жена, ваш сын, и почти — ваша дочь».[3]

По отзыву члена Совета Веселаго, эти выражения, выхваченные отдельно из текста статьи, кажутся действительно весьма резкими и заставляют согласиться с мнением Комитета о неуместности их в дешевой газете; но при чтении всей статьи они получают значительное смягчение, и общее впечатление остается весьма благоприятное и даже для самого Духовенства едва ли оскорбительное. Статья написана по поводу слухов о радикальных изменениях в быте Духовенства и с горячностию восстает против той части Духовенства, которая относится к этой реформе неблагосклонно и не видит в ней благодетельных целей Правительства, направленных не к стеснению, а к улучшению быта Духовенства. Преследуя эту мысль, автор статьи, в защиту проекта реформы, рисует мрачными красками настоящее положение Духовенства и употребляет резкие вышеприведенные фразы. Таким образом, статья написана для объяснения и в защиту предположений правительства и против лиц, не сочувствующих реформе, «в числе которых есть, по словам автора, даже одно из высокочтимых духовных лиц,[4] намеревающееся всею нравственною силою, присущею его положению и имени, противодействовать осуществлению реформы».[5]

При таком состоянии вопроса, по мнению действительного статского советника Веселаго, разъяснение сущности дела и горячая защита действий Правительства, в такой газете, как «Современные известия», заслуживают полной похвалы и заставляют оставить без внимания те, действительно резкие, фразы, вырвавшиеся в защиту такого серьезного дела.

На основании вышеизложенного, член Совета полагал бы, относительно означенной статьи, ограничиться принятием донесения Московского цензурного комитета к сведению.

Совет *полагает*: исполнить согласно заключению члена Совета Веселаго.

Впервые печатаются все протоколы заседаний ГУДП за 1869—1871 гг., имеющие отношение к «Современным известиям». Приведем краткие сведения о тех чиновниках цензурного ведомства (за исключением председателя МЦК И. В. Росковшенко, это всё

члены ГУДП в рассматриваемый период), которые решали судьбу «Современных известий» в 1869—1871 гг. и упоминаются в публикуемых Протоколах. Учтены данные, приведенные в исследовании: *Гринченко Н. И., Патрушева Н. Г.* Центральные учреждения Цензурного ведомства (1804—1917) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2008. Вып. 14. С. 185—298.

Платон Алексеевич *Вакар* (1823—1899) — младший цензор Комитета цензуры иностранной (с 21.VII.1867 г.); одновременно, с 13.XII.1868 г., состоял сверхштатным членом ГУДП; с 10.XII.1871 г. в штате; скончался, состоя на службе.

Николай Васильевич *Варадинов* (1817—1886) — тайный советник, доктор прав (1847) и философии (1858), экономист, филолог, историк; в 1845 г. причислен к МВД и служил при рижском военном генерал-губернаторе, столоначальник Хозяйственного департамента МВД (1849—1858), редактор «Журнала Министерства внутренних дел» (1855—1862), член ГУДП (30.VIII.1865—18.II.1883), цензор либеральных взглядов; затем — член Совета министра внутренних дел.

Феодосий Федорович *Веселаго* (1817—1895) — историограф Морского министерства; лейтенант, преподаватель Морского кадетского корпуса (с 1837 г.), майор, инспектор студентов Московского университета (с 1853 г.), полковник, и. д. помощника попечителя Казанского учебного округа (с 1857 г.), либеральный цензор СПбЦК (с 26.X.1860 г.), член Совета ГУДП (28.X.1866—22.VI.1881), наблюдал от Совета за «Современными известиями», одновременно, с 14.XII.1869 г., член Комитета морских учебных заведений; генерал-лейтенант, директор Гидрографического департамента и председатель Учебного отделения Морского технического комитета (с 22.VI.1881 г.); член-корреспондент (с 1879 г.) и почетный член (с 1884 г.) Императорской Академии наук; автор учебных пособий.

Федор Павлович *Еленев* (1829—1902) — публицист, педагог; преподавал в Туле, Смоленске, Москве, Петербурге (1849—1857); и. о. цензора СПбЦК (с 2.XII.1860 г.), в штате с 31.III.1862 г.; член ГУДП (с 9.II.1868 г.) и Совета министра внутренних дел (27.IV.1889—11.IX.1896); член Комиссии С. Н. Урусова для пересмотра постановлений по цензуре и печати (1869—1871), и. о. начальника ГУДП (1884—1887, 1895); знакомый Гилярова с конца 1850-х гг., автор воспоминаний о нем (*Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. 3. Вып. 12. С. 571—575).

Дмитрий Иванович *Каменский* (1818—1880) — переводчик, журналист; цензор иностранных книг в Киеве (1838—1841), правитель дел Канцелярии Комиссариатского департамента Военного министерства (1850—1857); редактор газеты «Северная почта» (1863—1868); член ГУДП (сверхштатный с 13.XII.1868 г., штатный — 11.XII.1878 г.), и. д. председателя Комитета цензуры иностранной (с 1.VIII.1873 г.).

Василий Матвеевич *Лазаревский* (1817—1890) — беллетрист, переводчик У. Шекспира; служил в Харьковской палате гражданского суда (с 1841 г.), при председателе Оренбургской пограничной комиссии (с 1847 г.) и с.-петербургском гражданском губернаторе (с 1848 г.); секретарь Канцелярии министра уделов (с 1852 г.), вице-директор Департамента общих дел МВД (с 1863 г.), член Совета министра внутренних дел и член Совета ГУДП (с 30.VIII.1866 г.).

Михаил Николаевич *Лонгинов* (1823—1875) — библиограф, мемуарист, критик, поэт-любитель, библиофил; служил по Военному министерству (с 1843 г.), при МВД (с 1849 г.); орловский губернатор (с 1867 г.), начальник ГУДП (19.XI.1871—23.I.1875).

Александр Григорьевич *Петров* (1803—1887) — тайный советник; преподавал и возглавлял ряд учебных заведений в Киеве (с 1820 г.), попечитель Одесского учебного округа

(1844—1846); цензор МЦК (с 21.VII.1860 г.), и. о. председателя МЦК (с 3.VI по 10.X.1864 г.), председатель СПбЦК (с 30.VIII.1865 г.); и. д. начальника ГУДП (с 15 по 30.VI.1869 г.), член Совета ГУДП (24.I.1884—31.VII.1887).

Михаил Николаевич *Похвиснев* (1813—1882) — виленский гражданский губернатор (1858—1863), цензор МЦК (1852—1854), начальник ГУДП (2.XII.1866—24.IX.1870), директор Департамента исполнительной полиции МВД (1870—1878); коллекционер гравированных портретов.

Иван Васильевич *Росковшенко* (1809—1889) — переводчик, поэт; тайный советник (1880); помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1837 г.), инспектор Тифлисской гимназии (с 1839 г.), директор училищ Подольской губернии (1848—1850), директор Ровенской гимназии (1853—1855), цензор (с 1859 г.; вместе с Гиляровым) и председатель МЦК (1865—1879).

Петр Дмитриевич *Стремоухов* (1828—1918) — служил при Министерстве финансов (1849—1854), предводитель дворянства Нижегородской губернии, депутат от Губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян; рязанский гражданский губернатор (1862—1867), член Совета ГУДП (8.III.1868—16.IV.1881) и, одновременно, Совета министра внутренних дел (23.V.1871—16.IV.1881).

Феофил Матвеевич *Толстой* (1809—1881) — музыкальный критик, композитор и беллетрист; паж Высочайшего Двора (1823—1827), служил чиновником в Государственном контроле (с 1828 г.), при МВД (с 1836 г.) и Военном министерстве (с 1843 г.); член Совета ГУДП (29.VIII.1865—26.XI.1871).

Виктор Яковлевич *Фукс* (1830—1891) — тайный советник, юрист; служил канцелярским чиновником в Костроме и Москве (с 1852 г.); чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1861 г.), заведующий делопроизводством Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (с 21.VI.1863 г.), член ГУДП (с 30.VIII.1865 г.), одновременно и. д. председателя Варшавского цензурного комитета (17.II.1870—12.II.1871); публицист; знакомый и корреспондент Гилярова в 1860-х гг.

Михаил Романович *Шидловский* (1826—1880) — сенатор (с 1873 г.), генерал-лейтенант Генерального штаба; служил по военному ведомству (с 1857 г.), тульский гражданский губернатор (с 1860 г.), начальник ГУДП (24.IX.1870—15.XI.1871), товарищ министра внутренних дел (1871—1874); соученик Ф. М. Достоевского по Инженерному училищу.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 6. Л. 23 об.—25.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 9 января // *СИ*. 1869. 10 янв. № 8. С. 2.

[2] Хотя крепостное право в Эстляндии было отменено еще в 1816 г. и в 1863 г. тамошние крестьяне получили удостоверяющие личность документы и право на свободу передвижения, они продолжали находиться в полукабальной зависимости от немецко-лютеранских властей. Гиляров намекает главным образом на преследования православных эстов.

[3] Точная цитата, если не считать таких мелочей, как замена «епархии» на «Эпархии» и знаков препинания.

[4] Скорее всего подразумевается митрополит Исидор (в миру, до 1825 г., Иаков Сергеевич Никольский; 1799—1892), с 1868 г. возглавлявший Новгородскую, С.-Петербургскую и Финляндскую епархию и, следовательно, бывший первоприсутствующим в Синоде. В переписке и статьях Гилярова содержится немало негативных характеристик этого иерарха. Так, в книге «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносце-

ва» (Лейпциг, 1887) Гиляров писал: «В 1869 г. под председательством митрополита Исидора выработался проект о закрытии в России десятка тысяч церквей, построенных и содержимых православноверующим народом. В продолжение 15 лет митрополит Исидор был председателем Комитета по сокращению приходов и духовенства и под его руководством закрыто до 3000 храмов» (с. 49).

[5] Цитата не вполне точна.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 8 от 11 февраля 1869 г.

II[a]

Заявление члена Совета Веселаго о № 32 газеты «Современные известия».

В передовой статье № 32 газеты «Современные известия»[2] обсуждается определение Св. Синода о суммах, какими могут распоряжаться приходские попечительства. В этом определении Св. Синод изъясняет причины, по которым он не может согласиться с ходатайством некоторых земских собраний и приходских попечительств, желающих распоряжаться всеми церковными суммами. Удовлетворение подобного ходатайства, по мнению Св. Синода, несогласно 1) с самым положением об этих учреждениях (т. е. попечительств), 2) с действующим русским Церковным законодательством и 3) с каноническими правилами.

Автор статьи г. Дм. Самарин,[3] в сдержанных выражениях, но довольно резко по существу дела, доказывает неосновательность всех трех причин, приводимых Св. Синодом, и указывает на препятствия другого рода, именно то, что в случае удовлетворения ходатайства, местные епископы лишатся возможности распоряжаться большею частию церковных сумм по своему приговору, как это делается теперь. Находя, что подобное безотчетное распоряжение не требуется существом епископской власти, г. Самарин заключает, что «не было ли бы согласно с каноническими правилами, чтобы периодически, один или два раза в году, собирались в разных местах Церковной области, т. е. России, местные (по митрополиям) Соборы, которые бы рассматривали действия епископов, восстановляли происшедшие уклонения от правил и вообще имели умеряющее влияние на власть епископов».[4]

Признавая, конечно, состоявшееся определение Св. Синода безусловно обязательным для приходских попечительств, г. Самарин спрашивает: не вправе ли, на основании *Инструкции* церковных старост, попечители, в звании почетнейших граждан, «принимать участие в ежемесячном свидетельстве церковных сумм и подписывать акт свидетельства и изъявлять согласие или несогласие на производство из этих сумм расходов?»[5]

Находя, что подобная статья в дешевой и сильно распространенной газете может принести известную долю вреда доказательствами кажущейся автору не-

[a] Напротив на полях написано: «Г. Председательствующему / в Московском ценз<урном> ком<итете> / 1 марта № 809».[1]

состоятельности определений Св. Синода и указанием на полезность ограничения власти епископов, так как читатель мало развитой, продолжая идти по указанной автором дороге, может дойти до таких результатов, осуществления которых, конечно, не мог желать и сам автор, член Совета Веселаго признает подобные статьи, терпимые в серьезном журнале, весьма не желательными в газетном листке, попадающем в руки самых разнообразных читателей, но, с другой стороны, не находит в означенной статье достаточных оснований для преследования судом и даже для предостережения. Поэтому единственным практически возможным средством остается, по мнению действительного статского советника Веселаго: 1) сделать известным редактору, что продолжение подобного рода статей должно повести к административному взысканию, и 2) в случае настойчивого продолжения этого рода статей прибегнуть к административным взысканиям.

Совет *полагает*: исполнить согласно заключению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 6. Л. 41—42.

[1] Эта запись (резолюция начальника ГУДП) свидетельствует, что данный раздел протокола был переписан и в виде отношения за указанным исходящим номером отправлен в МЦК.

[2] *Самарин Дм.* Москва, 2 февраля: По поводу определения Св. Синода о суммах, какими могут распоряжаться приходские попечительства // *СИ*. 1869. 3 февр. № 32. С. 1—2.

[3] Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901) — общественный деятель, гласный Московского земства; публицист, сотрудник «Современных известий», «Московских ведомостей», «Руси»; издатель сочинений своего старшего брата Ю. Ф. Самарина.

[4] Точная цитата (*СИ*. 1869. 3 февр. № 32. С. 2).

[5] Цитата не точная, а скомпонованная из фрагментов двух предложений.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 12 от 7 марта 1869 г.

I[a]

Заявление члена Совета Веселаго о № 60 газеты «Современные известия».

В передовой статье № 60 «Современных известий», по поводу скопческого Моршанского дела,[1] редакция, порицая таинственность в делах, относящихся ко всем русским сектантам,[2] рассуждает следующим образом: «Будь полная свобода обсуждению религиозных вопросов, возможно ли было бы такое чудовищное направление потребности в вере? И нам кажется, что еще не совсем поздно, хотя многое потеряно. Пусть выскажутся, хотя бы даже скопцы; пусть передадут они, и передадут откровенно, весь логический ход своего учения, все радости, почерпаемые ими при своем богослужебном радении»... И далее: «Побудить

[a] Напротив на полях написано: «Исполнить по II и III ст<атьям> М. И. У.».

к откровенности могла бы уверенность в безнаказанности, уверенность в безнаказанности могла бы быть вызвана освобождением от обязанности открывать свое имя. Предполагаем желающим скопцам свои столбцы. Говорим совершенно искренно. Поделитесь с нами, *люди Божии,* и своим горем и своими радостями. Каждый может остаться при своем мнении; но обмен мыслей может принести пользу во всяком случае, не вам, то нам, или не нам, то вам и кому-нибудь из ваших...» [3]

Так как секта скопцов, — замечает член Совета Веселаго, — принадлежит к числу вредных сект, преследуемых Правительством, [4] то подобное заявление со стороны редакции должно быть названо противозаконным. Очевидно, в основании заявления лежит желание общественной пользы, и редакция, в свободном обмене мыслей, видит наилучшее средство вразумления заблудших сектаторов; но выбор и приведение в действие такого средства принадлежит не редактору газеты, а Правительству. Важность этого заявления обусловливается его практическими результатами. Вероятнее всего, что ни один из сектаторов, принадлежащих к секте, преследуемой законом, не обратится для защиты своих верований к газетной полемике; но может случиться, что найдутся лица, которые, из каких-нибудь побуждений, воспользуются предлагаемым средством и попробуют защищать в печати и тем пропагандировать самые фанатические верования сектаторов. На основании этого член Совета Веселаго полагал бы полезным в настоящем случае ограничиться каким-либо официальным заявлением г. редактору «Современных известий», о противозаконности сделанного им воззвания к сектаторам.

По поводу заявления действительного статского советника Веселаго член Совета Фукс заявил с своей стороны, что рассуждение о скопцах в России, за подписью г. Липранди, было на днях напечатано в газете «Голос» [5] и что по содержанию сей статьи нельзя не ожидать появления в «Голосе» новых рассуждений по этому предмету. Но так как редакция «Современных известий» бесспорно обладает способностью сообщать более зрелые и основательные сведения о скопцах, [6] то, по мнению члена Совета Фукса, едва ли следует стеснять ее заблаговременно на этом поприще, оставляя свободное поприще другим изданиям, менее компетентным. Потому, признавая бестактность сделанного «Современными известиями» заявления, член Совета Фукс полагал бы воздержаться пока от принятия какой-либо меры и прибегнуть к ней только в том случае, когда в последующих статьях о скопцах в какой бы то ни было газете будет уже прямо нарушен какой-либо действующий закон.

Соглашаясь с таким заключением статского советника Фукса, Совет *полагает*: принять заявление действительного статского советника Веселаго к сведению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 6. Л. 72—73 об.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 2 марта // *СИ*. 1869. 3 марта. № 60. С. 1. Имеется в виду громкий судебный процесс, по которому проходили 40 моршанских сектан-

тов-скопцов во главе со своим «кормщиком» миллионером Максимом Кузьмичом Платицыным. Начало следственному делу положил обыск в его доме, произведенный по распоряжению властей Тамбовской губернии 24 декабря 1868 г. До этого времени решительность всех предпринимаемых против скопцов мер разбивалась о всегдашнюю готовность купцов щедро одаривать местных чиновников и священников.

[2] Гиляров восклицал: «О, какое зло в этой доселе сохранявшейся таинственности относительно скопцов и всех русских сектантов!»

[3] Буквально точные цитаты.

[4] Не совсем точно. По узаконению 1835 г., подтвержденному и уточненному в 1842 г. обер-прокурором Св. Синода гр. Н. А. Протасовым, было выделено три категории сект: шесть «вреднейших», одна «вредная» и одна «менее вредная». Скопчество относилось к вреднейшим сектам и характеризовалось так: «*Скопцы.* Также <как и хлыстовщина> богохульная ересь, потому что начальника секты почитает Христом. Вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство» **(**цит. по: *Мельников П. И. (Печерский Андрей)*. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 8. С. 30**)**.

[5] Имеется в виду публикация: *Липранди И.* Несколько слов о скопцах по поводу Моршанского дела // Голос. 1869. 2 марта. № 61. С. 1–2. Генерал-майор (с 1864 г.) Иван Петрович Липранди (1790–1880) — военный историк, мемуарист, этнограф, публицист — одно время был председателем скопческой комиссии.

[6] Намек на то обстоятельство, что Гиляров с 5 ноября 1848 г. преподавал в МДА учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с 21 сентября 1854 г. по 10 ноября 1855 г., — русскую церковную археологию и историю раскола в России на Миссионерском отделении МДА.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 29 от 24 июня 1869 г.

I [a]

1) Представление Московского цензурного комитета о письме торговцев, помещенном в № 164 «Современных известий». [2]

2) Письмо московского генерал-губернатора г. министру внутренних дел о том же.

3) Отзыв члена Совета Веселаго по этому предмету.

Московский цензурный комитет в представлении своем объясняет, что в напечатанном в № 164 «Современных известий» письме к редактору, подписанном «разоренные торговцы разоренного Сухаревского рынка», речь идет о недавнем распоряжении московской полиции, в силу которого торговые палатки, устроенные около Сухаревой башни, должны быть перенесены на другое место,[3] и письмо, в сущности, есть не что иное, как протест против этого распоряжения, но протест крайне неумеренный по способу изложения и крайне оскорбительный для полицейского управления Москвы. Прибегая к посредству печати, составители письма питают надежду, как сами говорят, что, авось, кто-либо из

---

[a] На полях приписано: «Его Сиятельству Князю В. А. / Долгорукову 21 июля за / № 2209». [1]

петербургских приезжих прочтет их заявление и, задумавшись над описываемым, скажет: «Бедный люд! тебя же стригут, тебя же и дерут пастухи». «А наши московские пастыри, — продолжают торговцы, — вправду до такой степени забыли нас и справедливость, что уничтожают наши палатки и нашу торговлю, несмотря на то, что Дума взяла и держит наш залог за места 1869 г., взяла арендную плату за них же по 1-е июля, а с некоторых и по 1-е января 1870 года. Невольно спрашиваем самих себя, — говорится далее в письме, — за что же взяты с нас деньги? Уж не за право ли жить на свете? Но тогда бы мы нашли себе более дешевое и безопасное от набегов ревностной полиции место».[4] Затем, применяя к себе басню Крылова об овце, обиженной волком,[5] торговцы выражают полную безнадежность найти какую-либо защиту в постигшем их *погроме*. «Нам не привыкать терпеть и выносить, — заключают они свое письмо, — а оставь нам отцы наши тысячи в наследство, мы были бы в ладах с полициею и в уважении у Думы».[6] По мнению Московского комитета, сила и резкость вышеприведенного письма умеряются отчасти самим редактором газеты в статье, которую он предпосылает письму,[7] но за всем тем Цензурный комитет полагает, что означенное письмо влечет за собою ответственность перед судом, на основании ст<атьи> 1035 Уложения о наказ<аниях> и примечания к этой статье; самое же возбуждение судебного преследования в настоящем случае, по смыслу ст<атьи> 6 Высочайше утвержденного мнения Государственного совета 12 декабря 1866 года,[8] не составляет прямой обязанности Цензурного ведомства, а зависит от усмотрения начальства московской полиции.

Г. московский генерал-губернатор, в конфиденциальном письме г. министру внутренних дел, указывая на вышеизложенное «письмо торговцев» и на передовую статью в том же № 164 названной газеты, выражает свое неудовольствие по поводу напечатания этих статей, как весьма оскорбительных для полицейских властей, опровергает факты, сообщаемые торговцами, и просит г. министра о принятии мер к удержанию редактора «Современных известий» от печатания статей, неприличных по тону и вредных по направлению, каковые не раз уже появлялись на столбцах названной газеты.

Наблюдающий за газетою член Совета Веселаго, рассмотрев «письмо торговцев» и передовую статью газеты, находит, что последняя не представляет повода к взысканию, так как она имеет целию, указывая на сообщаемые торговцами факты, внушить им чувство законности и направлена, главным образом, не против полиции, а против городского управления, относившегося к настоящему делу без должного внимания. Авторитет генерал-губернатора огражден выражением полного доверия к его справедливости.[9] Что касается до самого письма, то, кроме резкости фактов, оно заключает в себе, по мнению члена Совета, и резкое, голословное обвинение полиции и всего московского начальства и представляет достаточный повод к судебному преследованию, которое однако член Совета не находит в настоящем случае удобным, ввиду известного нерасположения московского общества к полиции: судебное преследование может возбудить весьма нежелательные судебные прения, а, в случае оправдания редактора,

послужило бы только к ущербу значения местной власти. Впрочем, если бы начальство московской полиции признавало судебное преследование необходимым, то член Совета, согласно заключению Московского цензурного комитета, предлагает предоставить возбуждение такового преследования самой полиции. Предостережение в настоящем случае было бы, по мнению члена Совета, совершенно неудобным, по причине неясностей подробностей изложенного дела и значительной разницы между фактами, сообщаемыми в письме торговцев и в письме князя Долгорукого;[10] но член Совета полагал бы необходимым сделать редактору строгое внушение, с предупреждением, что в случае повторения чего-либо подобного газета подвергнется предостережению.

По выслушании передовой статьи и «письма торговцев», напечатанных в № 164 «Современных известий», и согласно с оценкою их, сделанною членом Совета Веселаго, находя письмо торговцев крайне предосудительным, но вместе с тем не признавая удобным объявление газете предостережения, так как, с одной стороны, Совет находится в невозможности сделать заключение о совершенной неверности фактов, а с другой стороны, газета «Современные известия» обнаруживает вообще направление весьма одобрительное, погрешая лишь резкостью суждений, Совет *полагает*: обязать редактора «Современных известий» напечатать в своей газете официальное сообщение, с опровержением ложных показаний в письме торговцев,[11] для чего просить князя Долгорукого доставить проект статьи, предоставив его усмотрению возбуждение судебного преследования, если он признает таковое необходимым.

Сверх того, большинство членов Совета (председательствующий[12] и члены Совета Веселаго и Фукс) признают нужным предупредить редактора, что помещение упомянутого письма, по резкости выражений выходящего за пределы дозволенного законом обсуждения административных распоряжений, составляет нарушение закона о печати и в случае повторения[a] вызовет административную меру взыскания.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 6. Л. 155—158 об.

[1] Это свидетельство, что копия изложенного здесь о «Современных известиях» отправлена в виде официального отношения с исходящим номером московскому генерал-губернатору.

[2] *Разоренные торговцы разоренного Сухаревского рынка*. Письмо редактору // *СИ*. 1869. 17 июня. № 164. С. 2. В конце статьи приписка: «Следуют 11 подписей».

[3] Как говорится в «Письме редактору», 8 июня 1869 г. полицейские чины предъявили торговцам бумагу, в которой повелевалось «перевести все торговые палатки, устроенные около Сухаревой башни, все в одно место, именно на Малую Сухаревскую площадь, к стороне Самотецкой Садовой». Переселение, напоминавшее «столпотворение вавилонское: с шумом, гамом», состоялось 10 июня.

[4] Цитируется с незначительными неточностями.

[a] *Далее зачеркнуто*: (несмотря на *видимую* благонамеренность издания). *На полях против вычеркнутой даты написано: «Это совершенно лишнее».*

[5] В «письме редактору» помещена неточная цитата из басни И. А. Крылова «Волки и Овцы» (1833):

Как скоро
Обижать волк овцу станет;
То волка тут властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот
И в суд тотчас представить.

[6] Цитата скомпонована из фрагментов двух предложений.

[7] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 июня // *СИ*. 1869. 17 июня. № 164. С. 1—2.

[8] По Закону от 12 декабря 1866 г., в делах печати обвинительной властью признавалось специальное административное учреждение, наблюдающее за печатью (ГУДП, цензурные комитеты), а за прокурорским надзором оставалась судебная защита взглядов и мнений, выработанных этими учреждениями.

[9] Имеются в виду слова Гилярова по поводу поданного и ему прошения торговцев: «Г. генерал-губернатором просьба во всем, что в ней есть справедливого, будет принята в уважение, в этом мы не сомневаемся, и позволяем себе уверить гг. торговцев» (Там же. С. 1).

[10] Кн. Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891) — московский генерал-губернатор (1865—1891).

[11] Такой статьи на страницах «Современных известий обнаружить не удалось. См., однако, очередное возмущение кн. В. А. Долгорукова газетным выступлением Гилярова по этому вопросу (в докладе А. Н. Юферова и примеч. 7 к нему; наст. изд., с. 315—318).

[12] *Председательствующий* — А. Г. Петров, и. д. начальника ГУДП с 15 по 30.VI.1869 г.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 54 от 11 ноября 1869 г.

I

Заявление члена Совета Веселаго о № 305 газеты «Современные известия».

В передовой статье означенного нумера [1] разбираются причины исключения из Московского университета 20 студентов, [2] отказавшихся слушать лекции профессора Полунина. [3] Находя, что «выходка молодых людей не может быть одобрена» и что ответ, данный ими на приглашение посещать лекции, «даже забавен», — газета ставит вопрос, заслуживает ли подобный забавный ответ такой «жестокой кары, губящей будущность юноши?» «Кара совершена, однако, — говорится в статье далее, — университетское начальство не решилось даже отложить своего мщения до экзаменов и предпочло действовать дисциплиною и требовало только дисциплины». Этим «Университет исповедал свое нравственное бессилие. Не стыдно ли за Университет?» [4]

Хотя, по мнению члена Совета, статья не выходит из границ приличия и не дает никакого основания для принятия какой-либо карательной меры, тем не менее помещение ее должно признать весьма несвоевременным и могущим подействовать на молодежь возбудительно. Член Совета полагал бы необхо-

димым поставить редактора в известность о неудобстве помещения подобных статей.

Совет *полагает*: исполнить согласно мнению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 6. Л. 304—304 об.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 5 ноября // *СИ*. 1869. 6 нояб. № 305. С. 2.

[2] В статье буквально сказано так: «...до двадцати студентов IV-го курса медицинского факультета исключено».

[3] Доктор медицины, тайный советник Алексей Иванович Полунин (1820—1888) был деканом медицинского факультета и профессором Московского университета. Гиляров осуждал позицию этого ученого — он писал: «Г. Полунин ученый трудолюбивый, добросовестный, знающий; он несомненно выше своих слушателей: но желает ли он читать лекции только для упражнения легких, и довольно ли ему, чтоб сидели пред ним и числились слушатели с ушами, заткнутыми ватой? Вас не слушают: <...> ищите аудиторию более подрослую; не найдете, довольствуйтесь литературными трудами. Предложите другого на свою кафедру; ищите приват-доцентов. Станьте выше мелочных перекоров с молодыми людьми, которых сами считаете ребятами <...>. Невнимание к лекциям не всегда обида, иногда — почесть профессору».

[4] Все цитаты точны только по сути, но не буквально.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 2 от 13 января 1870 г.

V [a]

Представление Московского цензурного комитета о газете «Современные известия».

Московский цензурный комитет сообщает, что в № 358 «Современных известий» напечатано письмо из Вологды,[1] заключающее в себе сетования и жалобы автора на упадок местной женской гимназии, незадолго перед тем находившейся в цветущем состоянии и сделавшейся насущною потребностью общества. В упадке этом обвиняется местная же администрация и во главе ее губернатор. Вот, между прочим, что говорит по этому поводу автор письма:

«В последнее время Вологда и проживающее в ней губернское чиноначалие привыкли удовлетворять свои вкусы и прихоти насчет безответного губернского земского сбора. Это делалось и просто, и на законном основании. В данном случае губернатор, если бы его интересовала участь *русского* учебного заведения, велел бы городскому голове отпустить в пособие гимназии известную сумму из городских доходов, и деньги были бы отпущены; городскому же обществу Его Превосходительство, при каком-нибудь торжественном случае, пожал бы руку двумя пальцами и в то же время предложил бы особому о земских повинностях присутствию принять на счет губернского земского сбора содержание

[a] На полях напротив написано: «К сведению».

городских мостов и т. п. И было бы для всех безобидно, а главное — законно. Но прибегать к подобному маневру для женской гимназии как-то странно: это не перилы около парадного места. Во-вторых, губернские власти, несмотря на свою замечательную близорукость в известных случаях, понимают, что представители уездов в открывающиеся ныне земские учреждения Вологодской губернии принесут с собою уже готовые предубеждения против существовавшего до сих пор способа расходования земских денег...» [2]

В той же газете, в №№ 360 за 1869 г. и 1 за 1870 г., обратили на себя внимание Комитета две статьи: 1) «У мирового судьи», [3] 2) «Из московских наблюдений, — виноторговцы и слепые лошади». [4] Первая из названных статей заключает в себе жалобу автора на неправильные по отношению к нему действия мирового судьи в Москве, г. Багриновского, [5] но, не ограничиваясь резким порицанием одних этих действий, автор не щадит и вообще мировой суд, возбуждая к нему недоверие общества. «В литературе, — говорит он, — уже появляются сетования, что суд мировой начинает несколько напоминать прежние суды, нескорые и неправые, и мы должны сознаться, что подобное сетование имеет основание. Главным образом оно заключается в том, что судьи, подолгу сидящие, очень присматриваются к должностям своим и, пользуясь значительными правами и неподсудностью, относятся к делу своему спустя рукава». [6] Во второй статье обличается московская полиция в слабом надзоре за правильностью торговли вином в праздничные дни, [7] причем содержателей ренсковых погребов [8] и питейных домов автор называет доходною статьею для полиции, такою же доходною, какою была для одного цыгана-барышника его слепая лошадь. [9]

Доводя до сведения Главного управления о вышеизложенных статьях, Московский цензурный комитет находит в статье № 358 резкость тона и желание оскорбить власть, равно как восстановить земство против администрации; в статье № 360 обобщение отдельного факта злоупотреблений и резкое порицание действий целого судебного учреждения, а в статье № 1 крайне неприличное уподобление неправильных действий полиции мошенничеству цыгана.

Наблюдающий за газетою член Совета Веселаго, совершенно разделяя мнение Комитета о всех вышеприведенных статьях и принимая во внимание повторяющиеся, не раз заявленные Совету, промахи редакции, отличающейся особенною грубостью и неприличием тона некоторых статей, полагал бы принять означенные статьи к сведению на случай принятия какой-либо карательной меры.

Совет *полагает*: исполнить согласно мнению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 25—27.

[1] *<Без подписи>*. Из Вологды. *19 декабря*: Банкротство женской гимназии. — Надежда на земство // *СИ*. 1869. 29 дек. № 358. С. 2.

[2] Цитата не точна: пропущены некоторые фрагменты фраз, есть элементы краткого пересказа.

[3] *Надеждин Н.* У мирового судьи // *СИ*. 1869. 31 дек. № 360. С. 2.

[4] <*Без подписи*>. Из московских наблюдений: (Виноторговцы и слепые лошади) // *СИ*. 1870. 1 янв. № 1. С. 2.

[5] Михаил Яковлевич Багриновский (Багряновский, Богряновский) — мировой судья Стрелецкого участка Москвы.

[6] Цитата не точна.

[7] Имеется в виду распоряжение обер-полицеймейстера (в 1866—1876 гг.) генерал-майора Николая Устиновича Арапова (1825—1884) открывать торговлю спиртными напитками в табельные и праздничные дни «не ранее 12 часов пополудни» (*СИ*. 1870. 1 янв. № 1. С. 2).

[8] Официально принятое в тот период наименование погребов с продажей виноградных вин.

[9] В заметке цитируется письмо «одного из виноторговцев», свидетельствующего, что полицейские чины не воспрещают раннюю торговлю вином за определенную мзду, и «для примера» рассказывающего следующее: «...один цыган имел у себя лошадь, которая была совершенно слепая. Хотя глаза у ней были и открыты, но в них была темная вода, и этот-то цыган кормил и холил свою лошадь лучше против прочих своих лошадей. Когда он ее выводил на базар, тотчас выискивались на оную покупатели и, купивши, приведя домой, раскрывали свою ошибку, что купили слепую лошадь. Но цыган тотчас на эту беду подвертывался и брал свою лошадь обратно, разумеется с большой уступкой, а иногда совершенно чуть не даром. Но раз как-то один сметливый покупатель, на предложение явившегося к нему цыгана с надеждою опять получить свою слепую лошадь за бесценок, ответил отказом. Цыган был ужасно огорчен, что купивший лошадь ему ее не возвращает. Как ни старался цыган разуверить владельца лошади, что она никуда негодная, но все-таки обратно ее не получил. Тогда цыган ему покаялся, что эта лошадь была его кормилица. Кому бы он ее ни продал, но ее опять к нему возвратят как негодную, а потому, говорил цыган, я на всех моих лошадях не мог наживать столько денег, сколько мне давала пользы эта одна слепая лошадь.

Вот эти-то именно торговцы, — прибавляет корреспондент-виноторговец, — в заключение, — и есть слепые лошади для полиции!» (Там же).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 3 от 16 января 1870 г.

IV[a]

1) Представление Московского цензурного комитета о № 3 газеты «Современные известия».

2) Отзыв члена Совета Веселаго по тому же предмету.

Московский цензурный комитет сообщает, что в № 3 «Современных известий»[1] редактор рассказывает читателям о двух случаях отступления от закона, допущенных московским епархиальным начальством, — случаях, порождающих, как говорит он, печальное недоумение на это начальство. Первый случай, сравнительно мелкий, состоит в том, что в одном из духовных училищ допущено к состязанию и утверждено в должности учителя лицо, которое законом за-

[a] На полях напротив: «К сведению».

ранее лишено этого права.[2] По поводу сего редактор ограничивается только следующим замечанием: «И если позволительно пренебречь закон начальству, — говорит он, — виноват ли будет подчиненный, если он тоже посмеется над уздою, которую думает закон положить на его "произвол"?»[3] На второй случай редактор обращает более серьезное внимание; это — по словам его — «случай потрясающий, случай, где попран коренной закон, попраны коренные основания гражданских прав, те основания, которых не решается преступать сама верховная власть, которые уважаются везде, где только есть закон».[4] Сущность дела этого изложена редактором в следующем виде: В пользу одной из московских церквей завещавается денежная сумма.[5] Завещание утверждено и вошло в силу; но является совершенно со стороны, как бы с неба, игуменья постороннего монастыря[6] и выпрашивает у епархиального начальства[7] приказание, чтобы сумма эта была ей выдана заимообразно на другое учреждение, о котором не думал завещатель. Приказание последовало. Староста и священник отклоняют от себя исполнение невозможного приказа и затем первый отказывается от своей должности, второй же лишен места и переведен на другое.[8] «Не знаем, — говорит редактор, изложивши сущность дела, — сговорчивее ли были другой староста и другой священник; не знаем, последовал ли наконец, хотя письменный, в законной форме, указ об этом неслыханном насильственном займе, или мать игуменья успела достигнуть своего желания чрез посредство одного словесного архипастырского приказа; не знаем и того, чем Высокопреосвященный[9] объяснит Святейшему Синоду перевод священника без прошения с одного места на другое, но случай, нами передаваемый, достоверен и ведет к самым прискорбным размышлениям». «За что же, после того, можно поручиться? — спрашивает редактор. — Какое основание остается духовенству сетовать, когда бы те же основания в распоряжении собственностию приложены были к нему самому? А наконец, неужели ничего не значит и то: за соблюдение закона, за страх перед вверенным достоянием, за благоговение к посмертной чужой воле, за честную стражу двора Господа наказывать изгнанием, поношением лишениями? Нет сил, как это прискорбно! — заключает редактор свою статью. Ненавистники духовенства, враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь!»[10]

Московский цензурный комитет, находя, что статья «Современных известий» написана тоном далеко не спокойным; что обличения в ней направлены против лиц, стоящих во главе духовной администрации Москвы; что, помимо обличений, лица эти подвергаются даже укорам; наконец, что подобного рода обличения могут порождать соблазн в публике, — доводит об этом до сведения Главного управления по делам печати.

Наблюдающий за газетою член Совета Веселаго объяснил, что вышеприведенная статья, в целом, не носит того резкого характера, на который указывает Московский цензурный комитет. Несмотря на это, член Совета не может не повторить того, что уже неоднократно было заявляемо им в Совете о способах выражения и тоне статей редакции «Современных известий». В журналах Совета за 1869 год было сделано 10 заявлений, в которых внимание Совета обращено

было на резкость и грубость выражений. Хотя во всех этих статьях, основаниями служили действительные факты, хотя в главных мыслях этих статей лежало направление честное, тем не менее форма их, и только форма, была до такой степени груба и бестактна, что не могла не вызывать внушений, сделанных редактору со стороны Главного управления по делам печати.

Последняя статья нисколько не отличается от предыдущих своим характером, и член Совета полагал бы нужным принять ее к сведению как материал для карательной меры, имеющей быть принятою, если редакция не будет осторожнее в выражениях и останется при прежнем грубом и бестактном способе изложения статей.

Совет *полагает*: исполнить согласно мнению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 34 об.—36.

[1] Имеются в виду публикации: 1) <*Без подписи*>. Из московских наблюдений: (Противозаконные выборы в духовном училище); 2) <*Гиляров-Платонов Н. П.*> Москва, 3 января // *СИ*. 1870. 4 янв. № 3. С. 2.

[2] Речь идет о замещении вакансии учителя латинского языка в Перервинском училище второразрядным, а не перворазрядным воспитанником семинарии — в нарушение § 66 Устава духовных училищ.

[3] Цитата точна, если не считать того, что в источнике слово «произвол» не заключено в кавычки. Здесь и далее приводятся выдержки из передовицы Гилярова.

[4] Цитата не буквально верна.

[5] Речь идет о церковном приходе Николая Чудотворца на Пупышах (Пупышевский пер., д. 1). Ныне здесь место разобранного дома № 40—42 по Комиссариатской набережной. Завещатель (денег на приходскую школу) — староста храма купец В. И. Палшков. На его средства в 1840-х гг. были построены церковная трапезная с приделами и колокольней. Гиляров вспоминал об этой истории: «...я предложил одному московскому протоиерею дать совет благотворителю, недоумевавшему, как употребить капитал, назначенный им на церковь: “Советуйте учредить церковно-приходскую школу”. Совет принят, и я достиг, что сама Императрица присутствовала при открытии заведения. Тот же совет подан мною был потом и Ивану Николаевичу <Александровскому>, состоявшему священником в одном из замоскворецких приходов. Староста, безнадежно больной, составил завещание и обратился к батюшке, чтобы надоумил, как распорядиться частию имущества, предназначенного им на богоугодные дела. Совет и здесь принят. Купец умирает; дела его принимают душеприказчики. Но прознала о завещании известная мать Митрофания; уговорила дать ей капитал, назначенный на церковь и школу; заручилась разрешением митрополита (Иннокентия). Иван Николаевич, сохраняя всю почтительность к архипастырю, противостал этому хищению, нарушавшему волю завещателя, и поплатился за ревность о правде и о доме Божием: он немедленно переведен был с достаточного прихода в бедный. Я уже издавал газету. Стороною услышал о происшествии, навел справки и написал заметку, оканчивавшуюся словами: “Враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь”» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 78).

[6] Подразумевается мать Митрофания (в миру бар. Прасковья Григорьевна Розен; 1825—1899), бывшая фрейлина Императорского двора; игуменья Владычне-Покровского монастыря (1861—1875); после разоблачительных публикаций в прессе попала

под следствие и была осуждена за подделку векселей и духовных завещаний, совершенных пусть и ради упрочения экономического благополучия своей обители. Именно Гиляров первый из русских журналистов начал писать о финансовых аферах игуменьи в своей газете «Современные известия» (с 4 января 1870 г. по 8 мая 1873 г. — 7 передовых статей). В рассматриваемой статье имя игуменьи еще не было названо, однако указывалось: «мать игуменья Владычного монастыря».

[7] Имеется в виду просветитель алеутов свт. Иннокентий (Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797—1879), с 1868 г. до своей кончины занимавший Московскую и Коломенскую кафедру.

[8] Свящ. Иоанн Николаевич Александровский (1824—1886), один из ближайших друзей Гилярова с семинарской скамьи, был переведен к церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной слободе (Староконюшенный пер., д. 19), известной с 1546 г. Храм снесли в 1933 г. и на его месте построили жилой дом.

[9] Подразумевается митр. Иннокентий (Попов-Вениаминов).

[10] Цитата не точна: выпущены отдельные словосочетания и целые предложения, изменен ряд словоформ. Заключительная фраза являлась перепевом традиционных акафистных песнопений: «Ненавистники духовенства, враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь!» После этого еще следовали слова сожаления: «А как хотелось бы нам сказать: “Нет, что-нибудь не так! Тут какая-нибудь ошибка!”» (*СИ*. 1870. 4 янв. № 3. С. 2).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 4 от 21 января 1870 г.

V[a]

1) Донесение Московского цензурного комитета о № 10 и 11 «Современных известий».

2) Мнение члена Совета Веселаго об этих нумерах газеты.

Московский цензурный комитет доносит, что в №№ 10 и 11 «Современных известий» помещены передовые статьи, из коих I имеет темою для рассуждений Герцена и вообще издания наших эмигрантов,[1] II — предостережение, данное на днях «Московским ведомостям».[2] I статья наносит последний удар авторитету заграничных наших публицистов,[3] II как бы сопоставляет факт постигшей «Московские ведомости» административной кары с заслугами издателя «Ведомостей» на журнальном поприще. Обе статьи были бы вполне безупречны в цензурном отношении, если бы в них высказывалась несколько умереннее жажда свободы мысли и слова в России; в настоящем же их виде, статьи, по мнению Московского цензурного комитета, производят слишком тяжелое впечатление на читателя и поселяют в нем полное предубеждение против цензуры как правительственного учреждения.[4]

Далее в № 11 той же газеты, в письме из Казани,[5] рассказывается происшествие с одним из крупных местных землевладельцев, который едва не сделался

[a] На полях напротив помечено: «К сведению».

жертвою злобы крестьян за то, что не позволял им пользоваться мохом в своих владельческих дачах. «Все восемь Геркулесов, — рассказывает корреспондент, — повалили землевладельца на землю, сели на него и начали душить. Храбрый владелец пролежал довольно долго в постели с поврежденным горлом, но в настоящее время здоров. Повод к происшествию наводит, однако ж, на грустные размышления: кажется, остается только один воздух, по невозможности произвести из него "крестьянского надела", за который крестьяне еще ничего не платят и не спрашивают дозволения дышать им, а затем все запрещено, даже мох, который нужен только на конопатку крестьянских изб!» [6] Передавая вслед за этим факт небрежного лечения в Казанском госпитале солдата, который истек кровью, [7] тот же корреспондент говорит по этому поводу: «Сильная натура 17 дней упорно боролась с смертию и наконец пала *бескровною жертвою* предрассудка, что доктора ни за что не отвечают!» [8] По мнению Комитета, оба приведенные рассказа положительно неуместны в газете и обнаруживают в редакторе, по меньшей мере, неразборчивость в отношении к печатаемым им корреспонденциям, о чем Комитет и доводит до сведения Главного управления по делам печати.

Наблюдающий за газетою член Совета Веселаго объяснил, что, по мнению его, Московский цензурный комитет отнесся слишком строго к передовой статье № 10, рассуждающей о Герцене; в статье этой нет ничего предосудительного. Что касается до письма из Казани, то фраза о том, будто «остается только один воздух, по невозможности произвести из него крестьянского надела», — весьма недоброкачественна и должна послужить крупным материалом для определения характеристики газеты. Также и слова «бескровная жертва», [9] примененные к истекшему кровью солдату. Обе означенные выходки газеты, глубоко честной в своем направлении, совершенно подходят, впрочем, к тому, о чем было говорено в последнем заседании Совета, и член Совета полагал бы достаточным ограничиться еще и на этот раз принятием означенной статьи к сведению.

Совет *полагает*: исполнить согласно мнению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 54 об.—56.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 10 января // *СИ*. 1870. 11 янв. № 10. С. 2. Здесь Гиляров писал в связи с кончиной Герцена: «Пожалеем о несомненном таланте, погибшем для России и вместо громадной пользы, которую способен был принести, доставившем вред, вред существенный, ощущаемый доселе».

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 января // *СИ*. 1870. 12 янв. № 11. С. 2. Вступаясь за «Московские ведомости», собрата по лагерю консервативной журналистики, получившего первое предостережение, Гиляров словно бы заранее писал апологию себе — спустя два месяца, 14 марта 1870 г., он тоже получит первое предостережение, причем за вполне благонамеренную за передовицу, в которой обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и в этой связи критиковалась система духовного руководства (№ 60 от 2 марта 1870 г.) (см. подробнее наст. изд., с. 120—121, 286—288). Гиляров писал: «"Московские ведомости" — серьезный орган и искренний, вот что важно. Предостережение — мера сильная: это также немаловажно. Кто же, неужели ка-

кой-нибудь лакейственный орган, мнение которого притом может быть куплено всяким с улицы, может чем-нибудь сослужить службу государству? А служба печати не лишняя и ею можно дорожить» (*СИ*. 1870. 12 янв. № 11. С. 2).

[3] Гиляров объяснял влиятельность заграничной пропаганды главным образом в способах достижения ею адресата, преодолевающих административные запреты, и еще в незрелости умов, на которые она могла эффективно воздействовать. Отсюда его риторические вопрошания: «Наш народ разве не консервативнейший народ в мире? <...> Разве не рискует публицист остаться с читателями одного своего кабинета, если бы вздумал восставать против основ нашего общественного устройства, и разве не запрещение или таинственный подстрочный смысл дают единственную силу рассуждениям, которые кажутся столь страшными?» (*СИ*. 1870. 11 янв. № 10. С. 2).

[4] Гиляров так заканчивал первую из названных передовиц: «Ужели не ясно, в чем одном, в одном и ни в чем другом, действительное предохранение от заразы революционного бреда, спасение от увлечений фальшивым блеском дерзости, столько же безнравственной, сколько беззаконной: в свободе слова, в полном просторе совести и убеждений» (Там же).

[5] *<Без подписи>*. Из Казани. *5 января*: Краденый мох и избитый землевладелец. — Жертва пиявок. — Магазин каменных изделий. — Хорошо быть артисткой. — Смертные случаи // *СИ*. 1870. 12 янв. № 11. С. 3.

[6] Цитата не вполне точна. В статье указаны инициалы «землевладельца» — А. Н. Б.

[7] Речь идет о «молодом солдате Никите Егорове», подхватившем лихорадку в ненастье, находясь в карауле на посту. Корреспондент сообщал: «Его отвезли в госпиталь перед вечером. Доктор велел поставить ему 18 банок. Поставили, показалось мало; велено припустить 22 пиявки. Доктор ушел. Была уже ночь; фельдшера-мальчики завалились спать. Пиявки насосались и отстали; кровь из ранок шла всю ночь; пиявки, отдохнув, собрались все под боком больного и давай снова сосать кровь из одного места. Поутру нашли больного в бесчувственном состоянии; кровь из первых 22 ран уняли, но из боку, где в одно место впились все пиявки, кровь лила полторы суток...» (Там же).

[8] Цитата буквально точна.

[9] Неприличие употребления этого выражения цензоры усматривали прежде всего в том, что оно является одним из обозначений таинства Евхаристии.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 8 от 17 февраля 1870 г.

II [a]

Заявление члена Совета Веселаго о газете «Современные известия».

В № 41 означенной газеты помещена корреспонденция из Варшавы,[1] сообщающая о тревожных слухах в последнее время, о предстоящих переменах в служебных сферах: «У нас тут, говорит корреспондент, не служба, а конская скачка, даже не конская скачка, а травля людей людьми». «По деревням, говорит далее, крестьяне, особенно обратившиеся католики, постоянно обуреваются разными темными и злокачественными слухами о предстоящих переменах» и проч. Со-

[a] Напротив на полях отмечено: «К сведению».

общая об этой корреспонденции, отличающейся тем же бестактным агитационным характером, который присущ редакции «Современных известий», член Совета полагает принять и эту корреспонденцию к сведению, на случай принятия какой-нибудь карательной меры.

Совет *полагает*: исполнить согласно мнению члена Совета Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 83 об.—84.

[1] Город указан ошибочно. Имеется в виду неподписанная корреспонденция: Из Вильны. *2 февраля*: Впечатление рекрутского набора. На чем сходятся евреи и раскольники. Тревожные слухи // *СИ*. 1870. 11 февр. № 41. С. 3.

[2] Цитата буквально точна.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 11 от 9 марта 1870 г.

I [a]

Заявление члена Совета Веселаго о № 60 газеты «Современные известия».

Из многочисленных и частых представлений Совету известно, что в газете «Современные известия», в грубых и не всегда приличных формах, являлись осуждения различных частей администрации. Для основания своих обвинений редакция пользовалась обыкновенно отдельными частными случаями, обобщала их и тем бросала тень на образ действий целой отрасли администрации. Преимущественно нападениям газеты подвергались московская полиция и различные части Духовного управления. Несмотря на несколько предупреждений, сделанных г. редактору чрез г. председательствующего в Московском цензурном комитете, [1] форма и содержание статей газеты нисколько не изменилась. Наконец, в № 60-м, от 2 марта, [2] по поводу сохранившихся в нашей Церкви обрядов «омовения ног» и «провозглашения анафемы», редакция доказывает существенную необходимость Собора или, по крайней мере, разрешения собраний Епископских, «освобожденных от всякого вмешательства посторонней власти». В кратком историческом очерке, представляя положения Св. Синода в разные царствования, Редакция указывает на вредную для Церкви и благоприятную для расколов зависимость Св. Синода от светской власти и грубо намекает на существенное бессилие этого высокого учреждения, сохраняющего только в своей коллегиальной форме некоторое наружное подобие собора. После царствования Екатерины II, по мнению Редакции, «Синод стал преданием, и чтобы прибегнуть к воскрешению старой соборной формы, оказывается необходимым некоторое мужество, которого, однако, никак не наступает, нужды нет, что вся опасность основывается единственно на смутном предании, идущем из времен Петра и Анны, с которыми мы давно не имеем общего». [3] В настоящих отно-

---

[a] Напротив на полях отмечено, что копия данного документа выслана по назначению: «Г. моск<овскому> обер-полицеймейстеру 10 марта за № 184».

шениях между Церковью и правительством редактор находит основание обвинений нас иностранцами в цезаропапизме[4] и также причину распространения молоканов и духоборцев, которое объясняется тем, «что богослужение наше, утомительно продолжительное, не исполняемое в точности самими служащими, представляется ищущему живой веры, но необразованному люду бессмысленным сбором заклинаний, и нет власти, которая бы пересмотрела состав богослужения и развязала совесть освобождением от обязанности исполнять Устав “одним несвязным бормотанием”».[5] Обсуждение подобных вопросов, в такой форме, газетою, по своей цене доступной малоразвитому классу читателей, по мнению члена Совета, может принести положительный вред и не должно быть терпимо в печати, а потому, несмотря на несомненную благонамеренность и честное направление газеты, ввиду упрямого повторения статей, с такою грубою бестактностью обсуждающих важнейшие общественные и религиозные вопросы, и ввиду безуспешности внушений, уже деланных редактору, член Совета находит нужным дать газете первое предостережение.

С этим мнением согласились председательствующий[6] и члены Совета Петров, Еленев, Лазаревский, Стремоухов и Варадинов.

Член Совета Каменский находит, что упоминаемая статья не может быть подвергнута судебному преследованию, потому что содержание ее не нарушает ни узаконений, кои указывают, что именно подлежит предварительной духовной цензуре, ни тех, в коих исчисляются преступления печатным словом. Дать за нее предостережение по существу едва ли удобно, когда направление «Современных известий», за что собственно предостережения по закону назначено давать, не признается предосудительным и вредным. С другой стороны, объявление предостережения дало бы еще большую огласку статье, особенно если принять в соображение *право редакции, которым она может воспользоваться, а именно подвергнуть обсуждению это самое предостережение*. Так как единственная вина редакции заключается в употреблении резких выражений по отношению к предметам, требующим серьезного и уважительного обсуждения, то было бы, по мнению члена Совета, целесообразнее запретить розничную продажу отдельных номеров газеты.

Член Совета Вакар, не соглашаясь с обоими вышеизложенными мнениями, полагает более удобным преследовать газету судом, на основании IV § Указа 6 апреля 1865 года, ст<атьи> 199 п<унктов> 1 и 7 Уст<ава> ценз<уры> (изд<ания> 1857 г.), так как, по мнению члена Совета, статья «Современных известий», рассуждающая о необходимости собора для пересмотра устава богослужения Православной церкви и для отмены обрядов анафемы и умовения ног, должна быть представлена редакциею на рассмотрение духовной цензуры. Нарушение этой формальности делает возможным начать против редакции судебное преследование и применить к ней ст<атью> 1024 Улож<ения> о нак<азаниях> изд<ания> 1866 г. С этим мнением согласился член Совета Толстой.

На основании всего вышеизложенного большинство членов Совета (председательствующий и шесть членов) *полагает*: объявить газете «Современные из-

вестия» первое предостережение.

Члены Совета Каменский, Вакар и Толстой остались при вышеизложенных своих мнениях.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 94—96.

[1] Председательствующий в Московском цензурном комитете — И. В. Росковшенко.

[2] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1—2. В статье приведено «заявление <…> от одного корреспондента, из Нижнего Новгорода».

[3] Цитата буквально точна.

[4] Гиляров писал: «Иностранная же печать, в свою очередь, целые двести лет не устает обвинять нас в цезаропапизме. Все мы, русские, знаем, что это обвинение нелепо, но тем не менее и нам одинокие личности Запада, решающиеся признать истину Востока, кажутся таким же невероятным чудом, каким невероятным ослеплением представляются они Западу. Мы знаем, что если синодальная бумага начинается словами: “По указу Его Императорского Величества” или даже богослужебная книга начинается указанием на то же Высочайшее повеление <…> это есть не более как приказная формула. Но иностранец этого не понимает и придает формуле существенный смысл, воображая, что в нашей Церкви и богослужение и даже догматы истекают из государственной власти» (Там же).

[5] Цитата содержит незначительные неточности.

[6] *Председательствующий* — М. Н. Похвиснев, начальник ГУДП с 2.XII.1866 г. по 24.IX.1870 г.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 16 от 25 апреля 1870 г.

I [a]

1) Заявление г. председательствующего о газете «Современные известия».

2) Отзыв наблюдающего за газетою члена Совета Веселаго.

Г. председательствующий обратил внимание Совета на статьи №№ 104, 105 и 106 «Современных известий» о московской полиции,[1] возбудившие неудовольствие главного местного начальства.

Наблюдающий за газетою член Совета Веселаго объяснил, что статьи №№ 104, 105 и 106 составляют продолжение тех же нападок, какие помещались в газете и прежде. В них действительно обвиняется полиция, но без всяких указаний отдельных фактов. Разбирая состав ее и недостаточность высшего надзора за нижними чинами, автор, в выражениях, далеко не резких, перебирает установленные временем обычаи, к числу которых относит взятки и другие задабривания, но опять-таки без указания на тот или другой выдающийся случай. Резче прочего выражается автор о Санитарной комиссии в № 106. Передавая разговор свой с одним из обывателей, он, со слов последнего, утверждает,

[a] Напротив на полях пометка об отправке двух копий: «Его Сиятельству князю В. А. Долгорукову. 15 мая 1870 г. № 1521. / Председательствующему в Москве в Ценз<урном> ком<итете>. 7 мая. № 1468».

будто лекарь и фельдшер,[2] помимо «самого частного», имеют особенно сильное и вредное влияние на полезное действие Комиссии, уведомляя торговцев заранее об имеющем быть осмотре и давая им таким образом возможность приготовиться к осмотру. Член Совета находит, что означенные статьи «Современных известий», как по сдержанности тона, так и по общности своих рассуждений, едва ли могут подать достаточный повод к принятию какой-либо карательной меры. Но ввиду сделанного председательствующим заявления, для предупреждения появления впредь подобных статей, было бы уместно сделать новое внушение редактору, а самые статьи принять к сведению, наравне с другими, прежде доложенными статьями, представляющими гораздо большие резкости и неуместности и все-таки не вызвавшими со стороны Совета преследования газеты тем или иным путем. С этим мнением согласился член Совета Вакар.

Член Совета Варадинов, находя, что упорные и резкие нападки на полицию, подрывающие ее значение, не должны быть терпимы в печати и принимая в соображение безуспешность внушений, которые делались редактору неоднократно, находит целесообразным воспретить розничную продажу нумеров газеты.

Члены Совета Лазаревский и Каменский находят, что помещенные в «Современных известиях» письма о полиции, по содержанию своему, не выходят из пределов дозволенного печати обсуждения действий административных учреждений. Указанные злоупотребления низших чинов полиции сходны с фактами, которые беспрестанно печатаются в журналах, и доселе в виду Совета не имеется жалоб на подобные заявления, кроме некоторых случаев, в которых было со стороны местных властей возбуждаемо судебное преследование за диффамацию или клевету. Известно даже, что начальство с.-петербургской полиции бывало благодарно за указание в печати полицейских беспорядков и злоупотреблений. По тону изложения «Письма о полиции» весьма умеренны, и два-три попадающиеся в них выражения иронического характера далеко не так жестки, как многое, что пишется в журналах о полиции теперь и что было писано о ней даже во время исключительного существования предварительной цензуры. Письма не обвиняют полицию поголовно, а указывают на частные случаи злоупотреблений, хотя и не упоминают положительно тех местностей, где злоупотребления совершаются. Самое крупное обстоятельство указано в 3<-м> письме (№ 106) и относится к злоупотреблениям полицейских врачей и фельдшеров, парализирующим полезные мероприятия Санитарного комитета; но это указание представлено в виде рассказа частного лица, и потому его нельзя признать за обобщенное порицание действий всех врачей и фельдшеров, а тем менее всей московской полиции. По этим причинам не представляется возможным объявить предостережение, тем более что подобное взыскание было бы почти равносильно воспрещению обсуждать действия полиции, что едва ли согласно с видами правительства, которое только посредством частных заявлений и жалоб и может узнавать о полицейских злоупотреблениях. Но письма, помещенные в «Современных известиях», могут обращать на себя внимание со стороны верности или неверности изложенных в них фактов. Если факты верны, то[3] от на-

чальства московской полиции зависит, принять или не принять их к сведению; но во всяком случае, при верности фактов, немыслимо налагать кару на редакцию газеты. Если же факты неверны, то оглашение их в печати составляет клевету, преступление, предусмотренное законом, по которому может быть начато преследование судебным порядком. По всем этим соображениям члены Совета Лазаревский и Каменский полагали бы предоставить начальству московской полиции, если оно признает нужным, возбудить установленным порядком судебное преследование против автора писем, или редактора, или обоих вместе.

Председательствующий[4] выразил мнение, что хотя общее направление «Современных известий» и не было признаваемо советом злонамеренным в полном смысле, тем не менее постоянное стремление редакции этой газеты указывать недостатки и злоупотребления в административных сферах и усвоенная при этом форма выражений, отличающаяся оскорбительною резкостью и грубостью, обращали на себя внимание Совета как предосудительные и не могущие быть терпимыми в русской печати и служили поводом к многократным внушениям редактору, а наконец даже вызвали объявление, в минувшем марте месяце, первого предостережения названной газете.[5] Но меры эти, очевидно, не возымели надлежащего действия. Статьи в №№ 104, 105 и 106 отличаются прежними качествами, свидетельствующими об упорстве редакции и неуважении ее к внушениям и авторитету установленной власти, что не может быть оставлено, по мнению председательствующего, без нового взыскания, особенно ввиду крайнего неудовольствия, выраженного против деятельности означенной газеты местным главным начальником. По этим соображениям председательствующий полагал бы необходимым объявить газете «Современные известия» второе предостережение. — С этим мнением согласились члены Совета Толстой, Стремоухов и Петров.

На основании вышеизложенного большинство членов Совета (председательствующий и три члена) полагает: объявить газете «Современные известия» второе предостережение.[6]

Прочие же члены остались при выраженных ими мнениях.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 123—126 об.

[1] Все три статьи объединены одним названием и напечатаны в качестве передовиц: *Д. П.* Из доброжелательства порядку и охранителям порядка: (Письма редактору): I. Москва, 17 апреля; II. Москва, 18 апреля; III. Москва, 19 апреля // *СИ*. 1870. 18 апр. № 104. С. 1—2; 19 апр. № 105. С. 1—2; 20 апр. № 106. С. 1.

[2] Имеется в виду служащий при полицейском участке медперсонал, который заблаговременно оповещался Санитарной комиссией о запланированных ревизиях. Лавочник в разговоре с корреспондентом отвечает на его вопросы: «...за что же платить лекарю и фельдшеру? Какое они имеют отношение к овощной лавке?» — «А такое, сударь, отношение, что они теперь для нас больше значат, чем сам губернатор. Видите, теперь вот с самого холерного года уж, чай, четвертый год пошел, устроены такие комиссии, что ходят по лавкам смотреть, все ли чисто, нет ли негодного товара, и ежели что найдут

неисправное, то штраф большой взыскивают, а то и вовсе лавку могут запечатать» (*СИ*. 1870. 20 апр. № 106. С. 1).

[3] Это слово, оказавшееся на границе л. 125 об. и 126, в оригинале по оплошности повторено дважды.

[4] *Председательствующий* — М. Н. Похвиснев.

[5] Первое предостережение газета получила 14 марта 1870 г. за передовую статью, в которой шла речь о морально устаревших церковных обрядах: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1—2.

[6] Наказание в виде второго предостережения, однако, тогда не вступило в силу, поскольку его не утвердил министр гр. Д. А. Толстой.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 29 от 4 августа 1870 г.

III [a]

Представление Московский цензурный комитет о передовой статье в № 205 газеты «Современные известия». [1]

Рассуждая в означенной статье о политических последствиях настоящих событий в Европе и касаясь, в частности, судьбы Императора Наполеона [2] в случае полного торжества Германии, редактор «Современных известий» говорит, между прочим, следующее: «Останется ли тогда Наполеон? Успеет ли он тогда вернуться и не суждено ли ему как своему дяде после Ватерлоо бежать куда-нибудь с своим сыном с французской почвы, во избежание уже не расстреляния, а виселицы?» [3]

Находя до крайности бестактным такое резкое и неприличное суждение его о судьбе коронованного лица, Совет полагает: чрез председательствующего в Московский цензурный комитет обратить на это внимание редактора «Современных известий» и настоятельно пригласить его воздерживаться от подобных выходок, под опасением принятия карательной меры.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 233 об.—234.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 27 июля // *СИ*. 1870. 28 июля. № 205. С. 2.

[2] Наполеон III (Napoléon, Луи Наполеон Бонапарт; 1808—1873), французский император (1852—1870).

[3] Цитата не вполне точна. Упомянуты Наполеон I (Napoléon, Наполеон Бонапарт; 1769—1821), французский император (1804—1814, 1815), и его единственный законный ребенок Наполеон II (Napoléon II, Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт; 1811—1832), король Римский.

[a] Напротив на полях помета: «Его Сият<ельст>ву князю В. А. Долгорукову. 19 августа за № 2633. (См. следующего журнала № 30-й статью 1-ую)».

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 30 от 11 августа 1870 г.

I[a]

Представление Московского цензурного комитета, от 7-го августа, за № 471, о корреспонденции из Петербурга, помещенной в № 212 газеты «Современные известия»,[1] и заключение по настоящему предмету наблюдающего за этой газетой члена Совета Веселаго.

Московский цензурный комитет донес следующее:

В № 212 «Современных известий» помещена корреспонденция из С.-Петербурга, автор которой, между прочим, передает, что француз<ские> парикмахеры в С.-Петербурге, следя с жадностью за ходом политических событий, ругают Наполеона: «Ce triple canaille, de Napoléon, — будто говорят они, — cest lui qu'il faut chasser le premier et puis les Prussiens».[2] Относя вновь к бестактности редактора распространение в читающей публике подобных оскорбительных отзывов об Императоре Наполеоне, Московский цензурный комитет счел долгом довести об этом до сведения Главного управления.

Член Совета Веселаго с своей стороны заявил, что в этом случае редактор-издатель «Современных известий», г. Гиляров-Платонов, остается верен тем приемам, которые усвоены им в последнее время при обсуждении текущих политических событий и которые показывают его литературную бестактность и неспособность руководить изданием политической газеты. Однако же действительный статский советник Веселаго не признает возможным по поводу настоящей выходки этого редактора принять против него какую-либо карательную меру, установленную законом, потому что это могло бы повести к нежелаемым толкам в публике и печати тем более, что уже во многих газетах встречались и до сих пор еще встречаются подобные, резкие отзывы, по поводу которых, однако, не было признано возможным объявлять предостережения. Но, ввиду уже сделанного редакторам повременных изданий конфиденциального сообщения о необходимости большей сдержанности в изложении и обсуждении политических известий, оставить настоящий случай без всяких последствий, по мнению члена Совета, также не представляется возможным, а потому он полагал бы полезным сделать Гилярову-Платонову как по поводу этой статьи, так и статьи, указанной в журнале Совета от 4 сего августа, строгое внушение, но не чрез председательствующего в Московском цензурном комитете, как это предложено в журнале от 4 августа, а чрез г. московского генерал-губернатора.

По выслушании сего Совет *полагает*: испросить разрешение г. управляющего Министерством на приведение в исполнение предложенной меры, причем просить г. генерал-губернатора объявить Гилярову-Платонову, что при дальнейшем появлении в его газете подобных выходок против нее будут приняты строгие карательные меры.

---

[a] Напротив на полях помечено: «Его Сият<ельст>ву князю В. А. Долгорукову. 19 авг<уста> № 2633».

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 237—239.

[1] <*Без подписи*>. Из Петербурга. *1 августа* // *СИ*. 1870. 4 авг. № 212. С. 2—3.
[2] Приведем перевод «Современных известий»: «Этот бездельник Наполеон! Надобно сперва его прогнать, а потом уже пруссаков» (Там же. С. 3).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 41 от 6 октября 1870 г.

V

Заявление члена Совета Веселаго о корреспонденции из Макарьева, напечатанной в № 270 «Современных известий» [1] (при сем прилагаемом), в которой самыми мрачными чертами изображаются качества и положение нашего духовенства: [2] «Трудно себе представить, — говорит корреспондент, — что-нибудь несчастнее выбора наших священников; в большинстве это люди, имеющие о призвании своем самое жалкое понятие» [3] и т. д.

Совет *полагает*: занести настоящее заявление в журнал, для доведения об означенной корреспонденции до сведения г. министра внутренних дел.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 382 об.

[1] <*Без подписи*>. Из Макарьева. *18 сентября*: Макарьевский уезд и его житье-бытье // *СИ*. 1870. 1 окт. № 270. С. 3.
[2] См., например: «Храмы Божии находятся в пренебрежении, служба отправляется редко, так что народ отвыкает от церквей, предпочитая молиться у себя дома. <...> Редкие свадьбы и похороны обходятся без пререканий самого возмутительного содержания, вследствие чего трупы умерших остаются долго без погребения» (Там же).
[3] Цитата не буквально точна.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 44 от 20 октября 1870 г.

I [a]

Заявление члена Совета Веселаго о передовой статье в № 281 «Современных известий». [1]

Статья эта, указывая на неизбежность войны России с Германией, на замыслы прусской политики против славянства, на разъединенность между частями последнего, убеждает в необходимости взаимного соглашения и руководительстве со стороны России, которая, однако, по мнению автора, обнаруживает полную бездеятельность и безучастие в этом отношении. «Тщетно обратились бы, — говорит статья, — западные и южные племена с ожиданиями — хотя намеков о какой-нибудь программе от России. Пороются в дипломатических но-

[a] Напротив на полях отмечено: «К сведению».

тах, пошевелят официальные статьи, перелистуют статьи официозные (да их почти и не видится совсем). Нет ответа, за неимением обратятся с отчаянием даже к генералу Фадееву... И это печально, если б так было действительно; и можно желать, просить, молить, ввиду грядущих рано или поздно неминуемых событий, чтобы сказан был хотя намек: что же в будущем, в окончательном будущем, предполагается сообразным с выгодами России по общеславянскому вопросу? "Мы не думаем о завоеваниях": это сто раз сказано, и повторено, и этому, разумеется, не верят, нужды нет, что это говорится искренно. Что же, однако, думаем мы? Соглашается Россия, что ли, что так и должны Турция и Англия существовать, как теперь, навеки? — Молчим, должно быть, искренно; но именно потому-то нам и не верят, и потому-то строят нам ковы, и кажется, — не без основательной надежды». [2]

Член Совета, находя не вполне удобным подобный настойчивый тон в рассуждениях, относящихся к образу действий Правительства, полагал бы принять означенную статью к сведению, как материал к характеристике издания.

Прочие члены Совета, признавая статью благонамеренною, находят, что отличаясь рельефностью мысли, но сохраняя тон умеренный и приличный, она не выходит из пределов, естественно принадлежащих политической печати.

Председатель Совета [3] находит, что за статью эту редакция не может быть привлечена к ответственности.

А потому Совет *полагает*: заявление действительного статского советника Веселаго принять к сведению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 424—425 об.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 октября // *СИ*. 1870. 12 окт. № 281. С. 2.

[2] Цитата точна, но на месте многоточия опущено четыре предложения. Упомянут генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883), историк.

[3] *Председатель Совета* — М. Р. Шидловский, начальник ГУДП с 24.IX.1870 г. по 15.XI.1871 г.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 47 от 30 октября 1870 г.

III [a]

Представление Московского цензурного комитета о статье в № 292 «Современных известий», посвященной памяти архимандрита Епифания, [1] и отзыв члена Совета Веселаго по этому предмету.

Московский цензурный комитет в представлении своем объясняет, что, посвящая означенную статью памяти одного из замечательных деятелей на поприще миссионерства и припоминая время личного своего знакомства с покойным, когда тот, обратившись из католичества в православие и уже будучи магистром Киевского университета и учителем Раввинского училища, садился простым

[a] Напротив на полях помечено: «К сведению».

студентом на скамьи Московской духовной академии, редактор «Современных известий» проводит следующую характеристику той новой среды, в которой затем предстояло действовать о. Епифанию: «Живая, откровенная, честная природа его никак не умела примениться к особенному складу, который господствовал в новой среде и который может быть вкратце выражен словами: "уменье понимать, что удобно и что неудобно". Кто знает близко мир духовенства, особенно монашества, и особенно высшего, тому известно, что это словцо "неудобно" есть господствующее в их словаре. Это есть то же "смотрение", о котором мы некогда говорили, рассуждая по поводу о. Пафнутия об отношениях к расколу; это есть высшая осторожность, уменье таить и временить, пускать в ход действия и намерения в единственном случае, когда обстановка благоприятна. Это есть нечто, занимающее середину между софистикою в рассуждениях и лицемерием в деятельности, у иных даже прямо переходящее в то и другое, как давно оно перешло в западном духовенстве, умевшем возвести и лицемерие и софистику в теорию и даже освятить ее разными богобоязненными доводами. У нас это явилось последствием необеспеченности положения; не всякому хватает силы на подвиг мученичества, хотя, по-видимому, и зовет долг сказать смелое слово, оказать противодействие сильным лицам... Но "неудобно"! Это прекрасное словцо спасает и выводит в люди, а усмотревший "неудобства" про себя тут рассуждает: своею погибелью ничего же я не достигну и наделаю, пожалуй, только соблазн, а остерегшись и выждавши, могу достигнуть того же путем более тихим и для всех безопасным... Инспекторство о. Епифания в Петербургской академии и его ректорство в Ставропольской семинарии были непрерывными неловкостями, и притом в противоположных смыслах. Там он думал исполнять волю начальства слишком буквально, не зная, что можно выслушивать что "угодно" и выполнять что "удобно"; а здесь думал, стоя на строгой почве законности, побороть начальственное благоусмотрение...»

По мнению Цензурного комитета, нарекания, которые содержит в себе поименованная статья на духовенство наше вообще и, в частности, на монашество, притом высшее, не могут не быть признаны крайне неприличными, неуместными и в высшей степени оскорбительными для духовного сословия; тяжестью своею нарекания эти даже превышают все то, что до сих пор было сказано редактором нелестного о нашем духовенстве, ибо в статье только что не договаривается последнее слово, довольно ясно, впрочем, понимаемое, а именно — обвинение духовенства в иезуитизме. Посему Цензурный комитет находит, что редактор по содержанию статьи подлежит ответственности на основании 1040 ст<атьи> Улож<ения> о наказ<аниях>. К сему Комитет присовокупляет, что означенная статья получает еще более предосудительный характер, если принять во внимание последние строки из извещения г. Аксакова, которое следует за рассуждением самого г. Гилярова-Платонова. Перечисляя ряд статей о. Епифания, которые были помещены в газете «День», и останавливаясь на последней из них — «Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства», г. Аксаков говорит: «Из статьи видно, как высоко ставил Епифаний идеал монашества и как противны были его честной,

искренней, пылкой душе — условность, пошлость, мщение, ложь и мертвенность, водворившиеся у нас, к сожалению, на месте святе». [2]

Член Совета Веселаго находит заключение Московского цензурного комитета о статье «Современных известий» преувеличенно строгим, так как заключающиеся в ней резкие отзывы относятся не ко всему духовенству, а лишь к тому кружку, в котором вращался покойный архимандрит Епифаний, а две резкие фразы, имеющие более общий смысл, не заслуживают особого внимания. Потому член Совета полагал бы принять означенную статью к сведению.

Соглашаясь с этим мнением и, с своей стороны, усматривая в вышеозначенной статье не осуждение всего духовного сословия, а лишь указание на некоторые неудобные отношения, в коих находятся иногда отдельные члены оного, и потому не находя достаточных поводов к какому-либо распоряжению со стороны Главного управления по делам печати, Совет *полагает*: принять статью № 292 «Современных известий» к сведению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 485 об.—489.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 октября // *СИ*. 1870. 23 окт. № 292. С. 1. Гиляров вспоминает о душевно близком ему архим. Епифании (в миру Евстафий Избицкий; 1821—1870), бывшем католике, учителе Житомирского раввинского училища, затем магистре Киевского университета и МДА, инспекторе С.-Петербургской ДА (с 1856 г.) и ректоре Ставропольской ДС (с 1859 г.), насельнике Симонова монастыря (с 1863 г.) и начальнике Иркутской миссии (с 1866 г.), причем на всех этих поприщах, по словам Гилярова, он, исполненный идеальных представлений о монашестве, был принужден «двоиться и сдерживаться».

[2] И. С. Аксаков отсылал к выражению «мерзость запустения <...> на месте святе» (Мф 24: 15).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 56 от 4 декабря 1870 г.

VIII [a]

Представление Московского цензурного комитета о №№ 319 и 320 «Современных известий» и отзыв члена Совета Веселаго по этому предмету.

Московский цензурный комитет доносит о следующих предосудительных явлениях в означенной газете:

В № 319, в корреспонденции с места военных действий, [1] корреспондент, извещая об успехах французов, между прочим, говорит: «после злополучных сражений при Орлеане, кажется, как будто бы совсем изменило Королю Вильгельму Божие провидение, которое, как здесь выражаются, он взял “на аренду”». [2]

Передовая статья № 320 газеты, [3] посвященная рассуждениям о затруднениях, которые должна встретить декларация России по Парижскому трактату на

[a] Напротив на полях отмечено: «К сведению».

Европейской конференции, по общему направлению своему возбуждает недоверие к политике прусского Правительства по отношению к интересам России.

В том же № 320, в корреспонденции из Триеста,[4] сообщается из местных газет, что «его савойское величество хворало вследствие чрезмерных напряжений телесных сил на охоте, да и слишком продолжительных аудиенций с хорошенькими просительницами, которым ни в чем не может отказать Ré galant'uomo[5]».[6]

Наблюдающий за газетой член Совета Веселаго дал следующий отзыв об указанных статьях:

Обратившие внимание Комитета рассуждения газеты (№ 320) о затруднениях, которые должна встретить декларация России о Черном море на ожидаемой Европейской конференции, — по мнению члена Совета, не представляют ничего предосудительного и в сущности заключают[a] желание содействовать намерениям Правительства.

Что же касается до отзывов о Королях Прусском и Итальянском (в №№ 319 и 320), то они, по своему крайнему неприличию и цинизму, не должны быть терпимы в печати и заслуживали бы взыскания. Но, обращая внимание на то, что эти отзывы, составляющие две-три строки в целой статье, положительно противоречат общему направлению газеты и, по заслуживающему доверия свидетельству самого редактора, вкрались в газету случайным образом, против его желания, член Совета в настоящем случае полагал бы возможным ограничиться занесением, о таком важном просмотре редакции, в журнал Совета.

Совет *полагает*: исполнить согласно заключению действительного статского советника Веселаго.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 7. Л. 592 об.—594.

[1] <*Без подписи*>. С места военных действий: Из Базеля. *19-го (7-го) ноября*: Между Орлеаном и Парижем. — Злополучный «поворот дел». — Его причины. <...> Шамберские дамы // *СИ*. 1870. 19 нояб. № 319. С. 3.

[2] Цитата не совсем точна. Упомянут Вильгельм I (Wilhelm I. Friedrich Ludwig; 1797—1888), из рода Гогенцоллернов; король Пруссии в 1861—1888 гг., император Германии в 1871—1888 гг.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 19 ноября // *СИ*. 1870. 20 нояб. № 320. С. 1.

[4] <*Без подписи*>. С итальянской границы: Из Триеста. *19 (7) ноября*: Поездка министров к королю. — Выборы в новый парламент. <...> Важное заявление официозного органа // *СИ*. 1870. 19 нояб. № 319. С. 3.

[5] «Король-джентльмен» (*итал.*) Ré galant'uomo — известное прозвище короля Виктора-Эммануила II (Vittorio Emmanuele II; 1820—1878), большого дамского угодника; короля Сардинского королевства (Пьемонта) с 1849 г., из Савойской династии; первого короля единой Италии Нового времени с 1861 г.

[6] Цитата приведена с выпуском после слова «хворало» вводного предложения «как пишут из Турина в здешние газеты».

[a] *Испр., в оригинале*: заключает.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 7 от 26 января 1871 г.

III [a]

Заявление члена Совета Веселаго о помещенной в № 19 газеты «Современные известия» статье, под заглавием «Из Кадома». [1]

В этой корреспонденции из Кадома, очевидно написанной простым крестьянином, рассказывается о жалком во всех отношениях положении нашего сельского духовенства, причем автор в резких красках описывает действия полиции в церквах, не допускающей в большие праздники в соборы простой народ и выгоняющей его из храмов с обыкновенными ругательствами, а подчас и побоями, отчего происходят возмутительные сцены; [2] жалуется на вредность сокращения приходов, приводящую к тому, что у крестьян по нескольку дней лежат покойники не отпетыми [3] и, в заключение, сетуя вообще на повальное пьянство нашего духовенства и разврат монахов, предлагает некоторые меры к уничтожению этих пороков. [4]

По мнению члена Совета Веселаго, статья эта, будучи весьма благонамеренною по сущности своего содержания, не может, однако, быть одобрена по форме выражения, чрезвычайно резкой и в некоторых местах даже грубой и циничной, [5] — почему действительный статский советник Веселаго полагал бы принять ее к сведению как материал для определения характера газеты.

Совет, соглашаясь с приведенным мнением члена Совета Веселаго, *полагает*: исполнить согласно его заключению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 8. Л. 113 об.—114.

[1] <*Без подписи*>. Из Кадома. *12 января*: Защита хождения со святыней. — Нужно более строгости в духовенстве. — Мысль о попечительствах. — Что такое полиция в церкви. — Мужичок, не знающий, куда деваться с покойником. — Какое покаяние в монастырях // *СИ*. 1871. 20 янв. № 19. С. 2—3.

[2] См., например: «...одна бедная женщина, прилично одетая, вела в храм за руку свою пятилетнюю дочку, больную, чтобы приобщить ее Св. Таин. Полиция зверски остановила ее, чуть не кулаком в грудь. Женщина была догадлива: вынула пятачок и подкупила верную стражу, чтобы ей дозволила она в уголке назади постоять в храме; но страже, верно, хотелось и за малютку взять выкуп. Оторвав за ручонку от матери малютку, ее спихнули долой с паперти, а испуганную и взволнованную мать пихнули в храм. Мать, разумеется, после слезных молений допустить к ней малютку, воплями раздиравшую душу видевших, была вытолкнута из храма и напутствована кулаками с прибавкою непечатных слов» (Там же. С. 3).

[3] Приведен случай, когда у крестьянина с. Старый Кадом умер младенец, а его приходской батюшка «за нетрезвую жизнь осужден духовным начальством на покаяние почти на год в монастырь» (Там же), священник соседнего села Преображенское оказался в отъезде, а семь городских кадомских священников отказались отпевать «чужеприходного» покойника.

[a] Напротив на полях помечено: «К сведению».

[4] Корреспондент рекомендовал: «По нашему понятию: коль пьяное духовенство, то оно неисправимо; его следует тотчас заменять новым. А в кандидаты на эти места недостатка не будет» (Там же).

[5] Очевидно, прежде всего подразумевается следующее место: «Видал я многих священников, диаконов и причетников в монастырях под наказанием. Они там, вместе с братиею подобострастною, находят все роды удовольствия, при содействии духовных сестриц милосердия, этих рабочек Божиих, которые частенько живут по келиям у св. отцев то в качестве прачек, то поломоек, то блинопекарок, то чайных разливалок, то духовных дочек, то родственниц (мнимых, конечно), то странниц и тому под<обных>. Здесь-то корень зла в монастырях и источник пьянства. У редкого монаха нет духовной сестрицы» (Там же).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 11 от 16 февраля 1871 г.

VI [a]

Заявление члена Совета Веселаго о № 34, 38, 39 и 41 «Современных известий».

В № 34 означенной газеты, в статье под заглавием «Из местных размышлений по общим вопросам», [1] автор, обвиняя местное духовенство саратовское в загрубелости и пьянстве, способствующих распространению раскола, [2] между прочим говорит: «Итак, вот этому-то духовенству Синод поручил вскоре после освобождения крестьян позаботиться о заведении школ и обучении грамоте. Это распоряжение вызвало тогда в народе опасения и толки, что его хотят обратить насильно в церковников. Само же духовенство, зная свое бессилие, и не думало выполнять предписание Синода, потолковало между собою о несообразности распоряжения, да тем это и кончилось: все осталось по-прежнему». [3]

В № 38 газеты, о котором доносит и Московский цензурный комитет, и в № 41-м помещены статьи о приданом принцессы Луизы, [4] автор которых вдается в описание народных демонстраций и дебатов по сему предмету в Палате лордов и между прочим приводит следующие подробности оных (в № 41): «Лорд Кранмор позволил себе в этот раз прочитать внушение Королеве, правда очень почтительное. Содержание его речи было то, что Королеве не мешало бы чаще являться народу и принимать поболее участия в общественной жизни, так как в настоящее время народ смело обсуждает и оценивает все политические, общественные и духовные учреждения… Стало быть, заключают газеты, настоящая опасность для Королевы действительно велика, когда одни из благородных членов Верхней палаты решился так необычно дать совет своему Государю, с прямо притом высказанною целью предохранить монархию от падения, по крайней мере от опасностей». [5]

Член Совета Веселаго, не усматривая в этих двух статьях намеренной тенденциозности, так как они представляют перевод из иностранных газет и сопро-

[a] Напротив на полях помечено: «К сведению».

вождаются отзывами других газет о преимуществах монархического правления, и, находя лишь бестактным со стороны редакции помещения приведенных рассуждений в газете, распространенной в среднем и низшем классах публики, а равно и в помещенной в № 34 статье о духовенстве, находя лишь неловким способ выражения автора о Св. Синоде, полагал бы принять все три статьи к сведению, для характеристики газеты.

В № 39 той же газеты напечатана статья, под заглавием «Из наблюдений над волостным судом»,[6] о которой доносит Московский цензурный комитет, по мнению которого, статья эта неуместна, по резкости приводимых в ней фактов. Но, по мнению члена Совета Веселаго, статья эта, будучи посвящена рассуждениям о крайней неудовлетворительности волостных судов и описывая происходящие в них безобразия,[7] — не представляет собою ничего особенного, так как содержание ее состоит из действительных фактов, а потому член Совета полагал бы представление об этой статье Московского цензурного комитета оставить без последствий.

Совет, соглашаясь с изложенными соображениями действительного статского советника Веселаго, *полагает*: исполнить согласно его заключениям.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 8. Л. 180 об.—183.

[1] Из местных размышлений по общим вопросам: I. Письмо к редактору / *Саратовский помещик*; II <*Без подписи* и названия> // *СИ*. 1871. 4 февр. № 34. С. 2.

[2] Корреспондент сообщал: «Официально раскол был неизвестен или с умыслом скрываем. Духовенство начальству доносило ежегодно, что столько-то крестилось, столько-то браком сочеталось, столько-то было у исповеди и причастия. Раскольники расплачивались за это, разумеется, и пред духовенством, и пред полицией» (Там же).

[3] Цитата не точна: есть пропуски отдельных слов.

[4] <*Без подписи*>. 1) Великобритания: (Приданое принцессы Луизы) // *СИ*. 1871. 9 февр. № 38. С. 3; 2) Билль о приданом // *СИ*. 1870 12 февр. № 41. С. 3. (Иностр. известия). Речь шла о четвертой дочери королевы Виктории принцессе Луизе (Louise; ур. Луиза Кэролайн Альберта; 1848—1939), герцогине Аргайла, вышедшей замуж 21 марта 1871 г.

[5] В начале цитаты опущено словосочетание «при обсуждении вопроса» и далее — целое предложение (на его месте многоточие).

[6] *Надеждин Н.* Москва, 9 февраля: Из наблюдений над волостным судом: (Письмо из Зарайского уезда) // *СИ*. 1871. 10 февр. № 39. С. 1—2.

[7] В частности, рассказывается о молодом крестьянине, которого пьяные судьи секли за недоимки его умершего отца: «Староста ударял сильно, все тело секомого вздрагивало, брызгала кровь; наконец, секомый начал молить, крича: буду платить, буду платить! Ему дали ударов больше, чем следовало (суд имеет право только на 200)...» (Там же. С. 2). Вероятно, члены МЦК были возмущены и «моралью» автора (вполне в гиляровском духе осуждения социальной неправды): «Вы, прекраснейшие барышни, так мило порхающие в дворянских клубах, в крепеовых платьях, бросающие по 50 и больше рублей для одного вечера. Посмотрите, сколько мужицкой крови на платьях ваших; — сколько народу пересечено для того, чтобы соорудить ваше изящное платьице» (Там же).

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 30 от 18 мая 1871 г.

VI

Заявление члена Совета Фукса о № 123 «Современных известий» и № 122 «С.-Петербургских ведомостей».

В № 123 «Современных известий» помещена передовая статья,[1] посвященная безусловному осуждению состоявшегося по Ведомству православного исповедания распоряжения о замене свечного сбора процентным. Написанная весьма резко, статья эта направлена к возбуждению недоверия и неуважения к высшей церковной администрации, как бы посягнувшей, посредством *невиданного произвола на законные права приходских церквей.*[2] Находя, что повторение подобных заявлений должно иметь последствием принятие относительно «Современных известий» карательной меры, действительный статский советник Фукс полагал бы настоящую статью принять к сведению, для определения дальнейшего направления этой газеты. <…>[3]

Совет, соглашаясь с таковым мнением действительного статского советника Фукса, *полагает*: исполнить согласно его заключению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 8. Л. 544—545.

[1] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 6 мая // *СИ*. 1871. 7 мая. № 123. С. 1.

[2] Гиляров пояснял свою мысль так: «Свечной сбор был также произволен; но там было благовидное основание, что берутся не прямо приношения, а уже прибыль от оборотов, производимых церковными суммами, и только она одна. <…> Уверенность в праве распоряжаться благочестивыми приношениями независимо от воли приносящих стоит именно в связи с другим воззрением, — что церковь в смысле прихода не есть юридическая личность» (Там же).

[3] Исключаем фрагмент о фельетоне, помещенном в «С.-Петербургских ведомостях».

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 36 от 15 июня 1871 г.

IV[a]

Заключение члена Совета Каменского по представлению Московского цензурного комитета о №№ 154 и 155 «Современных известий».

Московский цензурный комитет, ввиду последовавшего 5 июня минувшего года за № 1715 предписания Главного управления по делам печати, вследствие которого редакторы бесцензурных изданий обязаны воздерживаться от печатания рассуждений и вообще статей, касающихся несогласий между рабочими и хозяевами, доносит ныне Управлению о ряде статей в «Современных известиях», посвященных подобным рассуждениям об отношениях содержателей фаб-

[a] Напротив на полях отмечено: «Оставить без последствий».

рик к рабочим людям, причем вопрос этот, по мнению Московского цензурного комитета, рассматривается редакциею слишком односторонне и пристрастно, т. е. в интересах одних только рабочих, хозяева же их изображаются не более как безжалостными эксплоататорами. Комментируя, например, в № 154,[1] доводы, приводимые в защиту содержателей фабрик, редактор, как видно, плохо верит в филантропические чувства последних и вот что говорит между прочим о фабрикантах в России: «Несомненно, что гг. фабриканты умеют пользоваться выводами западных экономистов в свою выгоду, и умеют отклонять те же выводы, когда они смотрят к ним в карман. Когда дело заходит о применении начал свободной торговли, встают соображения об особенных условиях, по которым Россия должна забыть Адама Смита. Но зашло дело о положении рабочих, тоном безапелляционного приговора, с хладнокровием, достойным лучшего случая, объявляется, в виде незыблемого положения, экономический закон, что средний размер рабочей платы всегда сводится на безусловно необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения».[2] Тот же намек на эгоистические чувства фабрикантов и на недостаточное вознаграждение рабочим за их труд виден в конце поименованной статьи.[3] В статье № 155,[4] начав снова с системы продовольствия на некоторых из наших фабрик, редактор подходит еще ближе к вопросу об имущественных отношениях между нашими фабричными и их хозяевами, и отношения эти признает неправильными и во многом несогласными с простым здравым смыслом. По мнению редактора, «не будь за нашими рабочими земли в родном селе, фабричная жизнь обратилась бы в крепощизну: рабочий — оказался бы вполне и совершенно в руках хозяина, вынужденный выбирать между голодною смертью и тем скудным вознаграждением, которое ему предлагают». «В каждом промышленном заведении, — продолжает несколько далее редактор, — участвуют два деятеля: труд фабричных и капитал фабриканта. За вычетом их, излишек, остающийся в рыночной цене фабричных изделий, есть процент, столько же принадлежащий фабриканту за его капитал, сколько фабричным за их труд». «За взаимную услугу два деятеля не только должны взаимно расплачиваться, но должны взаимно уплатить вместе и процент за обоюдную ссуду. Мнение, что процент вообще принадлежит только капиталу, есть выдумка пролетариатствующих стран, истекшая из болезненных социальных условий, пытающаяся освятить, возвести в законный принцип то, что есть выражение уродливости».[5]

Прямого нарушения вышеприведенного предписания Главного управления статьи эти, по мнению Комитета, не представляют, так как они не касаются явных несогласий между рабочими и хозяевами, притом рассуждения редактора о наших фабриках имеют в основании своем не предосудительную какую-либо цель, как это видно в особенности из конца статьи № 155,[6] а доброе желание обратить административное и законодательное внимание на внутренний быт наших фабрик, желание посильно послужить правильному решению вообще фабричного вопроса, желание, наконец, чтобы в России окончательно стали немыслимы те смуты между рабочими, те экономические спазмы «Запада», кото-

рые и без того не имеют условий для своего проявления в нашем отечестве. Принимая тем не менее во внимание, что, помимо желания редактора, рассуждения его о положении фабричных наших могут в результате возбудить в последних неосновательные притязания и неудовольствия по отношению к хозяевам их и что в дешевом и доступном массе читающей публики газетном листке едва ли уместно поверхностное обсуждение законов экономической науки, Московский цензурный комитет счел обязанностью о поименованных статьях «Современных известий» довести до сведения Главного управления по делам печати.

По мнению члена Совета Каменского, с этим воззрением Московского цензурного комитета на означенные статьи нельзя согласиться. Ни одна из этих статей отнюдь не имеет в виду возбуждения несогласий между рабочими и хозяевами; ни одна из них не выходит из пределов умеренности и строгого, серьезного отношения к предмету. Сколько известно, статьи эти возникли в нашей литературе по поводу открытых полициею недостатков на некоторых фабриках, как например Носовых, Исакова[7] и др. Вследствие обнаружения этих недостатков возникла полемика, и газета «Современные известия», более всех других принявшая горячее участие в возбужденном вопросе, отнеслась к нему наиболее осторожно. Не говоря уже о том, что она дала у себя место всем возражениям на помещенные в ней статьи, в самых этих статьях, как это признано и самим Московским цензурным комитетом, редакция руководилась добрым желанием обратить общественное внимание на внутреннем быте наших фабрик и посильно послужить правильному разрешению фабричного вопроса. Поэтому, по мнению члена Совета Каменского, эти статьи никак не могут считаться возбуждающими какие-либо притязания в среде рабочих и должны, напротив, считаться благонамеренными; очевидно, Комитет не понял их и приписал им совершенно иное значение, чем какое они имеют на деле. На основании сего действительный статский советник Каменский полагал бы означенное заявление Комитета об указанных статьях оставить без последствий.

Совет, соглашаясь с таковым мнением действительного статского советника Каменского, *полагает*: исполнить согласно его заключению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 8. Л. 657—661.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 июня // *СИ*. 1871. 7 июня. № 154. С. 1—2.

[2] Цитата почти точна (фрагмент в конце со слов «средний размер...» в источнике взят в кавычки).

[3] В конце статьи приводится неподписанное «Письмо в редакцию» о «проделках фабрикантов в отношении к рабочим», где рассказывается о нарочитой выдаче денег московским фабричным «не более четырех раз в год», причем к моменту такой выдачи обыкновенно работники уже выбирают почти все будущие деньги по запискам от артельного старосты, относимым в кабаки; в результате барыш делят между собою фабриканты и кабатчики, а рабочий люд остается в убытке (см.: Там же. С. 2).

[4] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 7 июня // *СИ*. 1871. 8 июня. № 155. С. 1.

[5] В цитатах имеются отдельные неточности.

[6] Здесь содержится призыв к улучшению фабричного законодательства; чем скорей оно состоится, тем, по словам Гилярова, «с большею и вполне справедливою гордостью можем тогда говорить иностранцам: “Смотрите и учитесь”...» (Там же).

[7] Упомянута текстильная фабрика, основанная в 1829 г. московскими купцами братьями Василием, Дмитрием и Иваном Носовыми (после национализации — фабрика «Освобожденный труд»), а также мануфактурное предприятие потомственного гражданина Сергея Григорьевича Исакова.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 64 от 2 ноября 1871 г.

I

Заключение члена Совета Каменского по представлению Московского цензурного комитета о № 279 «Современных известий» и заявление члена Совета Фукса о № 295 той же газеты.

В № 279 «Современных известий» напечатана передовая статья о духовно-судебной реформе,[1] о коей Московский цензурный комитет донес Главному управлению по делам печати. Указывая на то, что в этой статье, во-первых, полновластие, которое, по слухам, Комиссия о духовно-судебной реформе предполагает предоставить епископам, сравнивается с непогрешимостью папы[2] и, во-вторых, собор епископов противополагается военным советам, где генералы рассуждают, потому что командуют,[3] — Московский цензурный комитет находит, что это сравнение и противоположение неприличны и оскорбительны для иерархов Православной церкви, что подобные рассуждения могут быть уместны в серьезном сочинении, но не могут считаться таковыми в легкой и дешевой газете, распространенной среди полуобразованных читателей; что они могут вызывать превратные толки в известной среде общества и подорвать заранее доверие общества к предстоящей реформе. Потому, принимая в уважение, что редактору «Современных известий» — были делаемы со стороны Главного управления по делам печати неоднократные напоминания в этом смысле и что в этой газете продолжают печататься статьи в прежнем духе и направлении, Цензурный комитет доводит об означенной статье до сведения Главного управления.

По мнению члена Совета — Каменского, из всех заявлений по поводу «Современных известий» нельзя не вывести того заключения, что эта газета, с одной стороны, признавалась всегда благонамеренною по своему направлению, и с другой — заслуживала упреки в неприличии тона. Если упомянутая статья № 279-го нисколько не уступает прежним в благонамеренности, то далеко не отличается тем неприличием тона, который был замечаем прежде. Благонамеренность этой статьи заключается в том, что она проникнута духом православия, почему автор ее, проводя параллель между Православною церковью и Римско-католическою и Протестантскою церквами, выставляет на вид превосходство отношений между православными епископами и Церковью над таковыми же в западных Церквах, отношений, основанных в Православной церкви на вере

как свободном воспринятии истины и на любви как свободном применении истины.[4] Исходя из этого основного начала, автор доказывает несовместимость полновластия епископов с этими свободными отношениями верующих к своей Церкви.

Указанное Цензурным комитетом как неприличное противоположение собора епископов военным советам, могло бы действительно быть неприлично, если бы автор имел какое-либо намерение глумиться, осмеивать и т. п.; но ничего подобного нельзя усмотреть в том месте статьи, где то противоположение приведено. Вот это место вполне:

«Разумеется, церковные правила не могут утверждать и таких положений, которые сами в себе противны здравым логическим выводам, непоследовательны и нерешительны. Не могут они противоречить и церковной практике, которая заявляла себя согласно коренным понятиям о Церкви как о теле, где есть круговращение соков, а не как о машине, где от главного привода все остальное вертится. Бывали епископы, обличенные паствами, лишенные общения и затем отлученные от всей Церкви, как бывали и частные Церкви, а тем более отдельные лица, по обличении, лишаемы епископского, а за ним и всецерковного общения. Собору епископов не придавалось значения военных советов, где генералы рассуждают, потому что они командуют. Соборами поверялось лишь предание, хранимое всею Церковью во всем составе. Если обычай ввел потом наименование “отцов-архипастырей” и “владык”, то даже в худшие времена не усвоивалось епископам названия “отцов-командиров”. Если отдельные христиане и малые Церкви относились к епископам *сыновно*, то епископы в своих приветствиях, отдельным ли Церквам, отдельным ли христианам, не восходили далее *братского целования*. Церкви, лишенные епископов, признавались *вдовствующими*, но не *сиротствующими*».[5] Это наглядное сравнение, в ряду других сравнений, употреблено совсем не в оскорбительном смысле, а для уяснения тех же свободных, основанных на вере и любви, отношений, требуемых духом православия. Действительный статский советник Каменский полагал бы представление Московского цензурного комитета оставить без последствий.

Член Совета Фукс, которому передано ныне наблюдение за означенною газетою, заявил с своей стороны, что в № 295 оной напечатано, с оговорками редакции, безымянное письмо из Угрешского монастыря,[6] имеющее очевидный характер доноса от подчиненных на высшее начальство. Письмо это совершенно бездоказательное, но в нем между прочим заключается следующая тирада, которую редакция считает особенно замечательною: «Станет правдивое Правительство смотреть и будут учить по правилу монастырскому; консистории и архиереи своими наградами будут меньше развращать и губить души, из-за лакомства потачки делать». Редакция позволяет себе заметить по поводу этой тирады: «Уж не есть ли это протест низшей братии монастырской против внешних отличий, раздаваемых монашествующим, мало действительно соответствующим духу монашества и, как видится, по сознанию самой братии, приносящих более вреда, нежели пользы». Удивляясь далее упоминанию письма об архиерейском доме,

стоящем 40 тысяч, тогда как в монастыре архиерей не живет, редакция газеты заключает: «Разве для временных только приемов архиерея строят дома в 40 тысяч? Выходит что-то более чем сомнительное. А если бы была правда, это было бы в своем роде красноречиво, особенно в сопоставлении с “наградами развращающими” и “потачками за лакомство”». [7]

По мнению действительного статского советника Фукса, печатание безымянных доносов о злоупотреблениях должностных лиц не составляет одобрительного направления, особенно же ввиду резкости, которая допущена в письме и которая повторяется в пояснительной оговорке самой редакции. Потому член Совета Фукс полагал бы нужным принять как эту статью, так и указанную Московским цензурным комитетом, к сведению для определения направления газеты.

Член Совета Каменский, принимая во внимание резкость выражений и тенденциозное значение означенного письма и замечаний редакции, присоединился к заключению действительного статского советника Фукса, принятому и членами Совета Петровым, Стремоуховым и Вакаром.

Член же Совета Еленев выразил мнение, что первая из указанных статей не только не заслуживает какого-либо замечания, но, напротив, написана в духе христианства и православия и, скорее, заслуживает одобрения, чем порицания. Что же касается до второй статьи, то предмет ее — монастырские дрязги, которые могут обратить на себя внимание обер-прокурора, но усматривать в ней вредное направление решительно невозможно. «Развращающие награды», о которых она говорит, не касаются *Высочайших* наград, а имеют лишь в виду те награды, которые даются самою Консисториею, как-то: возведение в разные монашеские звания и степени и т. п. Поэтому, не усматривая в означенных статьях выражения вредного направления газеты, член Совета Еленев полагал бы оставить заявления об оных без последствий.

К этому мнению присоединился член Совета Лазаревский.

Председатель Совета [8] присоединился к мнению большинства, усматривая в означенных статьях крайнюю бестактность газеты и находя, что вопрос о духовенстве, который с особенным рвением разработывается этою газетою, требует большой осторожности и не может быть обсуждаем в таких резких выражениях, какие постоянно допускает редакция. Подобный способ обсуждения, и притом в издании, исключительно почти обращающемся в низших слоях публики, вместо пользы, может приносить только вред, так как легко может поколебать в народе доверие к такому важному и серьезному учреждению, как духовенство.

На этом основании *большинство* членов Совета (председатель и пять членов) *полагает*: принять означенные статьи к сведению, как определяющие предосудительное направление издания; меньшинство же (2 члена) *полагает*: заявления об означенных статьях оставить без последствий.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 9. Л. 493—498.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 9 октября // *СИ*. 1871. 10 окт. № 279. С. 1—2. Передовица представляет собой довольно обстоятельный трактат о границах и сущности епископской власти.

[2] Имеются в виду начальные строки статьи: «И у нас ведется разговор о непогрешимости, только не папской, а епископской, — по поводу предстоящей духовно-судной реформы». И далее Гиляров поясняет свою мысль: «И епископский чин есть не власть, а дар и служение; дар, получаемый преемственным рукоположением от апостолов <...>. Епископ, лишенный общения верующих, перестает быть епископом, — не по своему праву (в строгом смысле *право* есть понятие еще менее церковное, чем понятие *власть*), а по существу: с лишением общения он теряет дар...» (Там же. С. 1).

[3] См. ниже в Протоколе контекст этого образного уподобления.

[4] Ср.: «Церковные правила (каноны), в собственном смысле взятые, не могут утверждать ничьего и ни в чем полновластия. Они определяют отношения внутри самой Церкви независимо от соотношений ее с другими общественными телами, каково, например, государство. А внутренние отношения Церкви все добровольны. Жизнь Церкви есть выражение веры и любви, то есть свободы в обоих ее применениях, умозрительном и деятельном. Вера есть свободное воспринятие истины, любовь — свободное ее применение. Вера поневоле будет — *опыт* <...>. А насильная любовь — это есть нелепость, которая трудно даже выговаривается» (Там же. С. 1).

[5] Цитата точна (см.: Там же. С. 2).

[6] Полученное редакцией письмо «из монастыря Николы на Угрешах» Гиляров в отрывках (опустив «размышления о монашеском житии») перепечатал в составе своей передовицы: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 25 октября // *СИ*. 1871. 26 окт. № 295. С. 1.

[7] Все цитаты точны.

[8] *Председатель Совета* — М. Р. Шидловский.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 72 от 25 ноября 1871 г.

IV

Заявление члена Совета Веселаго о «Современных известиях».

В № 305 «Современных известий», в статье под заглавием «По земским делам»,[1] автор оной, рассказывая вопиющие злоупотребления некоторых из земских деятелей и указывая на необходимость печатного протеста против их противозаконных действий, между прочим приходит к следующему заключению: «Без пособия печати все законоположения окажутся подкидышами или детьми, отданными на наемные руки кормилицам, которые будут находить выгоду в возможно дешевом воспитании».[2]

В № 313, в корреспонденции из Праги,[3] передаются слова Палацкого[4] о записке, будто бы поданной Государю Императору,[5] в которой чехи представлены опасными заговорщиками, социалистами, опаснейшими для славянского мира, нежели сама международная. — «Вот как, господа (приводятся слова Палацко-

го), — нас называют[6] революционерами; меня, смирного старика, и Ригра[7] причисляют к бунтовщикам, нигилистам!» И далее говорится о том огорчении, какое произвел этот донос везде в чешском обществе.

В № 316, в передовой статье,[8] резко осуждаются распоряжения почтового ведомства относительно платы за пересылку газет и журналов. Обсуждая дороговизну этой платы, автор позволяет себе выразить, что объяснением такой дороговизны может служить: или несообразительность, соединенная с пренебрежением даже казенных интересов, или намеренный расчет подавить грамотность, помешать умственному преуспеянию.[9] Автор заканчивает статью словами: «Нам остается только: заявить пред правительством печаль сельского бытия, собственное недоумение и два обоюдно неказистых заключения, к которым приходишь, рассматривая почтовый налог на умственные произведения».[10]

Член Совета Веселаго, указывая на означенные статьи как на обличающие бестактность газеты, но находя их недостаточными для принятия какой-либо карательной меры, полагал бы принять оные к сведению, для определения характера газеты.

Совет, соглашаясь с таким мнением действительного статского советника Веселаго, *полагает*: исполнить согласно его заключению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 9. Л. 604—606.

[1] <*Без подписи*>. По земским делам: (Из местных размышлений по общим вопросам) // СИ. 1871. 5 нояб. № 305. С. 2.

[2] Цитата точна.

[3] <*Без подписи*>. Из Праги. *4 ноября*: Королевский рескрипт и революция чехов. — Последнее заседание сейма. — Из клуба чешских депутатов. — Заявление Палацкого. — Деятельность пангерманской пропаганды в России и в Австрии. — Пруссаки — единственные друзья чехам. — Славянский федералистский конгресс в Праге // *СИ.* 1871. 13 нояб. № 313. С. 3.

[4] Франтишек Палацкий (Palacky; 1798—1876) — чешский историк, философ, общественный деятель.

[5] Подразумевается Александр II.

[6] В корреспонденции: «обзывают».

[7] Так в оригинале. Имеется в виду Франтишек Ладислав Ригер (Rieger; 1818—1903), чешский политический и общественный деятель.

[8] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 15 ноября // *СИ.* 1871. 16 нояб. № 316. С. 1. В составе передовицы напечатано письмо «сельского жителя» Е. М.

[9] Гиляров писал: «...пошлина удвоена на произведения, именно дающие подозрение, что они ищут проникнуть в народ, приучить его грамоте, научить первоначальным сведениям. <...> Нужно было бы предположить мало того несообразительность, — явную безрасчетность, прямое действование во вред казенным интересам...» (Там же).

[10] Цитата точна.

Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 78 от 28 декабря 1871 г.

II

Заявление члена Совета Веселаго о № 351 «Современных известий».[1]

В означенном нумере редакция газеты «Современные известия», по поводу возбужденного «С.-Петербургскими ведомостями» вопроса о монастырских имуществах,[2] говорит, между прочим, следующее: «Личная собственность у нас, правда, охранена, но зато общественные учреждения легко принимаются за государственные, и история не с одними монастырями показывает, как неверно рассчитает благотворитель, если предположит вечную несокрушимость дара, когда завещает капитал, и даже недвижимый, на заведение, предположим, благотворительное или учебное. Где ручательство, что дар останется навеки, что капитал не присвоится казною путем насильственного займа (благо тягаться некому), что недвижимая собственность не превратится по произвольной оценке в деньги, которые, как и следует, не замедлят подешеветь и представить, вместо нарицательного рубля, существенный гривенник? В необеспеченных общественных имуществах (не казенных) мы усматриваем даже одно из самоглавнейших препятствий развитию у нас просвещения ли самостоятельного, или презрения правильно организованного. То ли было бы, когда бы ни церкви, ни монастыри, ни благотворительные и просветительные заведения, основанные на средства частные и общественные, не причислялись к "казенным" и не состояли под казенным управлением? У нас негодуют, что благотворение любит золотить церковные крыши, строить дорогие колокольни и лить большие колокола, туго подаваясь на учреждение училищ и прочих заведений с разумно-духовною целию. Но благотворитель уверен, по крайней мере, что колокольня останется цела. В Петербурге Троицкой лавре между прочим принадлежит земля на бойком месте, около Чернышева моста. Слышали мы, что там лавра возводит теперь огромное здание.[3] А в прежнее время слыхали мы, митрополит Филарет решительно отказывал в благословении на подобное сооружение, несмотря на предвидимый значительный доход; "отнимут!" Это опасливое предвидение нельзя было обвинять в неосновательности, после красноречивых опытов не только старины, но и новейших времен. Дом на Невском проспекте, в том же Петербурге, принадлежащий Духовно-учебному ведомству[4] и приобретенный на духовно-учебные капиталы, без разговоров был замещен, да и теперь замещается квартирами чиновников: а вероятно, на его доходы могла бы существовать добрая семинария! Доход с имуществ здешней Певчей,[5] доход с Синодальной типографии идут ли в назначение, сообразное с волями первоначальных учредителей? Указываем примеры, которые сейчас на виду, не трогая других».[6]

Член Совета Веселаго находит изложенную мысль о произвольном отчуждении монастырских имуществ в казну резкою и особенно неуместною в такой дешевой и общедоступной газете, как «Современные известия». Но относя настоящую статью лишь к бестактности редакции, член Совета не находит нужным

предложить какую-либо за оную меру взыскания и потому полагал бы записать об ней в журнал и иметь в виду для определения направления издания.

Совет, соглашаясь с таковым мнением действительного статского советника Веселаго, *полагает*: исполнить согласно его заключению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. № 9. Л. 711—714.

[1] Имеется в виду передовая статья: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 20 декабря // *СИ*. 1871. 21 дек. № 351. С. 1. Она интересна, между прочим, мемуарным элементом — свидетельствами о доходе Троице-Сергиевой лавры и ее архимандрита при жизни митр. Филарета (Дроздова).

[2] В начале статьи Гиляров отмечал: «Недавно, со слов "Петербургских ведомостей" высчитывались доходы архиереев, причем особенная дана сила тому, что богатейшие из монастырей повторяют собою у нас пребенды или бенефиции Западной церкви, говоря проще — даются архиереям в виде аренд или оброчных статей» (Там же). Имеется в виду неподписанный материал, помещенный под рубрикой «Хроника»: *СПбВед*. 1871. 6 нояб. № 306. С. 1; позднее он дважды дополнялся сведениями: Там же. 1871. 15 нояб. № 315. С. 2; 17 нояб. № 317. С. 1.

[3] Имеется в виду здание, занимаемое ныне Центральной городской публичной библиотекой им. В. В. Маяковского и построенное на участке, в 1814—1917 гг. принадлежавшем подворью Троице-Сергиевой лавры (наб. р. Фонтанки, 44). Фасад был переделан в 1856—1857 гг. в неорусском стиле А. М. Горностаевым, а в 1870 г. дом подвергся капитальной перестройке С. В. Садовниковым с возведением церкви.

[4] Имеется в виду пятиэтажное здание Духовно-учебного управления, построенное в первой четверти XIX в., перестраивавшееся в 1851—1856 гг. А. С. Кудиновым и в 1873—1874 гг. К. И. Реймерсом. Нынешний адрес: Невский пр., д. 59.

[5] Синодальная певчая — устаревшее уже и в XIX в. название Синодального хора.

[6] Цитата точна.

2. *А. Н. Юферов*
Опыт краткой исторической оценки направления повременных изданий (1871)
<Фрагмент>

«Современные известия» выходят в Москве без предварительной цензуры с 26 октября 1867 года, под редакциею бывшего цензора Гилярова Платонова. Направление этого издания в политическом смысле благонамеренное и патриотическое, — убеждения газеты честные и независимые, но тон грубый и способ выражений до крайности резкий и оскорбительный. Содержание статей всегда довольно разнообразное; сообщая о всех событиях нашей общественной жизни и разрабатывая государственные и общественные вопросы, редакция «Современных известий» обыкновенно относится к ним критически, но без предвзятой роли и без вредной тенденциозности, кроме вопросов о духовенстве и московской полиции; в этом отношении замечалось постоянное стремление редакции «Современных известий» указывать недостатки в некоторых сферах администрации, так, «Современные известия» в течение последних двух лет поместили

целый ряд статей против московской городской полиции, в которых они не только порицали ее действия, но упрекали ее во взяточничестве, нераспорядительности и т. д. Эти статьи неоднократно обращали на себя внимание Главного управления по делам печати и вынуждали его делать редактору «Современных известий» соответствующие внушения. Но главное больное место этой газеты — это вопрос об интересах Православной церкви: в этом отношении редакция касается не одной внешней стороны Церкви, ее благоустройства, воспитания духовенства, его материального обеспечения, благосостояния Церкви, школы, приходов и т. п., но касается религиозной, догматической и политической стороны вопроса; требуя полной свободы совести, газета постоянно выставляет на вид недостатки нашего духовного и церковного законодательства, указывает на вредную для Церкви, но благоприятную для расколов зависимость Св. Синода от светской власти и на совершенную утрату этим высоким учреждением своего должного значения; но и на этом газета не останавливается — считая некоторые обряды, сохранившиеся в нашей Церкви (омовение ног, анафема и др.), несостоятельными, а наше богослужение неисполнимым по своей трудности для самих служащих и неудобопонятным бормотанием для молящегося народа, газета требует созвания Собора Епископов, освобожденного от всякого вмешательства светской власти;[1] описывая быт духовенства, газета порицает низкий уровень его образования, неподготовленность его в большей части случаев к высокой христианской миссии. Свою пропаганду свободы совести «Современные известия» довели до того абсурда, что требовали, чтобы скопцы обнародовали свои верования и богослужение, и взывали к ним о том в следующих выражениях: «поделитесь с нами, люди Божии, и своим горем и своими радостями».[2] Цель, конечно, была благонамеренная — свободным обменом мыслей вразумить заблудших сектаторов, но при этом редакция упустила совершенно из виду, что скопчество — секта не только не терпимая, но даже преследуемая законом, и что поэтому обнародование скопческого учения не только не может быть допущено, но и неминуемо будет преследоваться. В текущем 1870 году, кроме того, было обращено внимание Совета Главного управления по делам печати на несколько не совсем удобных и возбудительных для молодежи выходок «Современных известий» относительно Московского университета, по поводу исключения из него 20 студентов,[3] и на несколько мрачных корреспонденций из внутренних губерний России. Эти последние упущения не представляли, впрочем, ничего цельного, так как между ними не было связи, постоянное же преследование московской полиции и антиправительственная разработка вопросов религиозного и о быте духовенства были предметом постоянного внимания Главного управления и вызвали вышеупомянутой газете предостережение (10 марта 1870 года), под давлением которого она остается еще и поныне. К этому не лишним будет присовокупить, что разработка сказанных вопросов в том виде, как это делается в «Современных известиях», еще более потому должна быть нежелательна, что издание это при своей дешевизне находит себе читателей преимущественно в низших слоях общества. В остальных случаях «Современные известия» ни в чем нельзя упрекнуть, равно как нельзя отрицать, что это издание, преподавая

низшим классам здравые понятия о различных общественных и государственных вопросах, приносит значительную образовательную пользу. В делах внешней политики, как и большая часть отечественных журналов, газета более сочувствует Франции, с недоверием смотрит на объединение Германии и на замыслы Пруссии против славянства, которому советует слиться в одно целое под руководительством России на случай неизбежной в будущем войны славянского и германского племени. [4]

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. № 38а. Л. 24 об.—28.

Александр Николаевич Юферов (1843—1886) — выпускник Училища правоведения (1863), младший помощник столоначальника 1-й департамента Министерства юстиции (с 1863 г.); и. д. судебного следователя в Одессе, в Херсонском уезде (с 1865 г.); кандидат на судебные должности при прокуроре С.-Петербургского окружного суда (с 1867 г.); член Тифлисского окружного суда (с 1868 г.); директор Тифлисского губернского попечительного о тюрьмах комитета (с 1869 г.). 29.X.1870 г. причислен к МВД с откомандированием в ГУДП; с 4.VII.1871 г. и. д. чиновника особых поручений при ГУДП; 27.XI.1873 г. утвержден в должности. С 16.IV.1874 г. и. д. цензора СПбЦК; 13.XII.1878 г. был утвержден в должности. См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 696; Ф. 777. Оп. 2. Д. 52.

В цензорском деле, помимо справки «Опыт краткой исторической оценки направления повременных изданий» (50 л.), где характеризуются 22 издания и откуда публикуется нами фрагмент о «Современных известиях», находятся «Рапорт начальнику Главного управления коллежского секретаря Юферова» (1 л.), адресованный М. Р. Шидловскому, и составленные Юферовым же «Материалы для характеристики направления отечественной бесцензурной печати» (218 л.). Окончил он свой труд 13 января 1871 г. При этом основывался прежде всего на Протоколах заседаний Совета ГУДП.

[1] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 11 от 9 марта 1870 г. и примеч. 3 к нему.

[2] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 12 от 7 марта 1869 г. и примеч. 3—5 к нему.

[3] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 54 от 11 ноября 1869 г. и примеч. 2—4 к нему.

[4] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 44 от 20 октября 1870 г. и примеч. 3 к нему.

3. *А. Н. Юферов*
Материалы для характеристики направления отечественной бесцензурной печати (1871)
<Фрагмент>

«Современные известия»

1868 <г.>

В № 29 «Современных известий» помещена была статья под заглавием: «Причины недостаточной жизни духовенства». [1] Автор заметки в довольно резкой форме старается доказать, что недостатки и пороки, приписываемые наше-

му духовенству, происходят от постоянного угнетения и излишней правительственной опеки, которым со времени Петра Великого подвергалось православное духовенство. Далее автор задает себе вопрос, к какому заключению должно приходить духовенство? — и отвечает: «К тому, без сомнения, что оно есть сословие, намеренно уничиженное, на которое сама государственная власть смотрит с презрением, и единственно за то, что оно осталось вернее других священным началам своей родины! Какой же после этого ждать уверенности или одушевления в действиях духовенства?» [2]

Совет Главного управления положил: иметь эту статью в виду, как матерьял для оценки направления газеты: «Современные известия».

В № 85 того же издания, в статье о продаже Николаевской дороги, [3] редакция в весьма резких выражениях высказывалась против продажи этой дороги Главному обществу Северных железных дорог; статья говорит между прочим: «Страна и правительство уже уронили себя тем, что обществу, эксплуатирующему Россию, оказана казенная помощь; со страхом стыда ждет русское сердце, что будет дальше?» [4] и т. п.

Совет положил принять означенную статью к сведению для оценки будущего направления газеты «Современные известия», а редакцию предупредить чрез Московский цензурный комитет, что подобные рассуждения о государственных делах не могут быть терпимы и на будущее время могут вызвать против издания карательные мероприятия.

В № 214 «Современных известий» в корреспонденции из Петербурга [5] выражалось неудовольствие по поводу устраиваемых для народа увеселений в табельные дни. [6]

Совет положил принять эту статью к сведению.

В № 278 той же газеты был помещен весьма оскорбительный отзыв о московском обер-полицеймейстере и его действиях, по поводу жалобы, поданной ему на редакцию «Современных известий» одним из подписчиков этой газеты на недоставление ему ее. [7]

Совет положил статью принять к сведению, а возбуждение судебного преследования предоставить г. московскому обер-полицеймейстеру.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. № 38а. Л. 229—230. Год указан на полях рукописи напротив первого абзаца.

[1] <*Без подписи*>. Причины недостаточной жизни в духовенстве // *СИ*. 1868. 30 янв. № 29. С. 2. Существенно, что положения этой заметки оспариваются Гиляровым в передовой статье (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30-го января // Там же. С. 1—2), где он вспоминает о своем опыте обращения в 1861 г. «с изъяснениями причин упадка жизни в духовенстве» к императрице и митр. Филарету (Дроздову), которые были «уже по его желанию напечатаны» (под названием «О первоначальном образовании народа»).

[2] Цитата не точна: есть перестановка слов, последнее слово добавлено.

[3] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 27 марта // *СИ*. 1868. 27 марта. № 85. С. 1—2.

[4] Неточно процитирован самый конец статьи (см.: Там же. С. 2). Гиляров обосновывает свое мнение так: «Главное общество дурно строило дороги, дорого строило дороги,

оказалось во всех отношениях неисправно, и правительство, вместо того чтобы поступить с ним по всей строгости контракта, само же оказало ему помощь. <...> ...разорились сотни тысяч людей, воображавших, что правительство сохранит свое достоинство перед лицом иностранной компании, бесцеремонно разорявшей страну» (Там же. С. 1—2).

[5] *К—ский П.* С.-Петербург, 28 июля // *СИ*. 1868. 6 авг. № 214. С. 2.

[6] Очевидно, неудовольствие цензоров вызвали такие ламентации: «...в нашей Думе уже давно заброшен вопрос о народном образовании, и в то время, когда о народных гуляньях, с лазанием на шест и скачкой под ведром, говорится по нескольку добрых часов, о печальном положении народного просвещения не слышно ни слова... Можно подумать, что мы живем в век Домициана, когда считали нужным задобривать народ конными ристалищами и играми в цирке, стараясь по возможности отучить его от всякого поползновения мыслить» (Там же).

[7] Речь идет о «подпередовой» статье Гилярова «Москва, 9 октября», которая начинается так: «Г. московский обер-полицеймейстер принимает, по-видимому, конторы редакций за будки или за конторы кварталов. Некто г. Дуплицкий из Тамбова, на основании, вероятно, именно такого мнения о конторах журналов, издаваемых частными лицами, нашел нужным и приличным пожаловаться г. об<ер>-полицеймейстеру на то, что газета “Современные известия” ему не высылается (тогда как она ему высылалась)» (*СИ*. 1868. 9 окт. № 278. С. 2). Заканчивая статью, Гиляров, в связи с неоднократными вызовами заведующего конторой к квартальному надзирателю, резонно вопрошал: «Если к редакции, если к органу печати, если к тому, что еще имеет некоторый голос, полиция обращается с такими законными требованиями, что́ предположить мы можем о требованиях, обращаемых ею к другим, безгласным жителям города?» (Там же). Обер-полицеймейстер — генерал-майор Н. У. Арапов.

1869 г.

В №№ 350 за 1868 г. и 3 и 4 за 1869 год было помещено несколько статей по поводу объявления о книге проповедей Орлова,[1] напечатанных во многих газетах; в статьях хотя, строго говоря, не содержалось выражений прямо оскорбительных для Московской духовной академии и Святейшего Синода, но впечатление, оставляемое ими в читателях, тяжело; за всеми почтительными фразами, с которыми редакция говорит о Святейшем Синоде, проглядывает порицание и ирония; хотя редакция обвиняет, по-видимому, один формальный порядок — но обвиняется этим и все духовное ведомство, допускающее такой порядок.[2]

Совет положил: предупредить редактора «Русских ведомостей»,[3] что подобное порицание действий установленных властей не может быть терпимо.

Московский цензурный комитет донес, что в № 8 «Современных известий»,[4] по поводу предполагаемой правительственной меры об уничтожении кастовой замкнутости духовенства, допущено несколько не совсем уместных выражений об отношениях подчиненных к своему начальству в духовном сословии, так, *напр<имер>*: «...Скажем жесткое слово: Вы крепостные, такие же крепостные, как эсты и латыши. Но те могут перейти от барина к барину, хотя и не могут оставить края, а вы не можете оставить своей епархии и не можете отойти от своего епархиального начальства без его позволения, — вы, — это еще ничего, это так должно быть; но ваша жена, ваш сын и почти ваша дочь».[5]

Совет положил принять донесение Цензурного комитета только к сведению, так как общий благонамеренный тон статьи смягчает совершенно резкость этих выражений.

В № 32 «Современных известий», в передовой статье, обсуждалось определение Святейшего Синода о суммах, какими могут распоряжаться духовные попечительства.[6] В этом определении Св. Синод изъяснил причины, по которым он не может согласиться с ходатайством некоторых земских собраний и приходских попечительств, желающих распоряжаться всеми церковными суммами. Удовлетворение подобного ходатайства, по мнению Св. Синода, не согласно с действующим законодательством и с каноническим правом. Автор статьи[7] в сдержанных выражениях, но довольно резко по существу дела, доказывает неосновательность причин, приводимых Святейшим Синодом, и указывает на препятствие другого рода, именно на то, что в случае удовлетворения ходатайства, местные епископы лишатся возможности распоряжаться большею частью церковных сумм по своему произволу, как это делается теперь.

Совет, признавая подобные статьи нетерпимыми в журнале серьезном и вовсе не желательными в газете дешевой и потому распространенной в наших классах, положил:

1) сделать известным редактору, что продолжение подобного рода статей должно повести за собою административную кару; 2) в случае настойчивого продолжения этого рода статей прибегнуть к административным взысканиям.

В передовой статье № 60 «Современных известий»[8] редакция этой газеты в видах общественной пользы и видя в свободном обмене мыслей наилучшее средство вразумления заблудших сектаторов, взывает к скопцам: «пусть выскажутся они и передадут весь логический ход своего учения, все радости, почерпаемые ими при своем богослужебном радении», — и далее предлагает желающим скопцам столбцы своей газеты: «Говорим совершенно искренно: поделитесь с нами, люди Божии, и своим горем и своими радостями».[9]

Признавая бестактность этого заявления, ввиду того что скопчество — секта, нетерпимая законом, Совет положил: воздержаться от принятия какой-либо меры до появления новых статей, касающихся скопчества и которыми, как заключающими пропаганду вредного учения, будет нарушен действующий закон.

В № 164 «Современных известий» было напечатано письмо к редактору, подписанное «разоренные торговцы разоренного Сухаревского рынка».[10] В письме этом шла речь о распоряжении Московской полиции, в силу которого торговые палатки, устроенные около Сухаревой башни, должны быть перенесены на другое место; письмо это в сущности не что иное, как протест против этого распоряжения, но протест, крайне неумеренный по способу изложения и крайне оскорбительный для полицейского управления Москвы. Г. московский генерал-губернатор в письме г. министру внутренних дел, указывая на это письмо и на передовую статью № 164, просил принять меры к удержанию редактора «Современных известий» от печатания статей, неприличных по тону и вредных по содержанию.

Совет Главного управления по делам печати положил: 1) обязать редактора «Современных известий» напечатать в своей газете официальное сообщение с опровержением ложных показаний в письме торговцев, для чего просить князя Долгорукова прислать проект статьи, предоставив его усмотрению возбуждение судебного преследования, если он признает таковое нужным, и 2) предупредить того же редактора, что помещение вышеприведенного письма, по резкости выражений выходящего за пределы дозволенного законом обсуждения административных распоряжений, составляет нарушение закона о печати и в случае повторения вызовет административную меру взыскания.

Затем генерал-адъютант Долгоруков сообщил министру внутренних дел, что редактор «Современных известий» продолжает печатать свои рассуждения о перемещении торговых палаток от Сухаревой башни и отрицает право администрации распоряжаться благоустройством города.[11]

Совет, по рассмотрении этой статьи, нашел, что хотя тон ее не совсем спокоен, но что за пределы дозволенного законом она отнюдь не переступает. Главные нападки статьи направлены отнюдь не против администрации, а против Думы и ее управления. Статья не отрицает права полиции распоряжаться, «права, против которого никто и не спорит и которому не окажут ослушания».[12] Статья сетует на выборных вообще, находя, что они часто хуже чиновников, и на выборных от земства в особенности.

Не находя возможным принятие какой-либо карательной меры, Совет ограничился принятием ее к сведению.

1) В № 175 той же газеты, в статье «Письмо к редактору»,[13] проводится мысль о лицеприятии московской полиции, строгой «с мужиками и армяками» и снисходительной «с баричами и купчиками».

2) В № 244 «Современных известий» редакция этого издания, относясь критически к управлению виленского генерал-губернатора, приводит письмо из Северо-Западного края,[14] обращающее особое внимание на то, что корреспонденция, идущая из этого края в Россию, распечатывается и что не раз корреспонденты уличались их собственными перехваченными письмами.

Совет положил принять статьи эти к сведению.

В № 305 той же газеты разбирались причины исключения из Московского университета 20 студентов, отказавшихся слушать профессора Полунина. Хотя выходка молодежи не одобряется, но и университетское начальство порицается в довольно резких выражениях за принятие подобной дисциплинарной меры, доказывающей по мнению редакции нравственное бессилие университета.

Совет, признавая настоящую статью несвоевременною и могущею подействовать на молодежь возбудительно, положил: поставить о сем редактора в известность.

В № 320 та же газета, рассуждая о земстве, говорит, что управы, видя свое бессилие к ограждению общественного достояния, «ропщут до отчаяния». «Боже мой! — восклицает газета, — к чему все это поведет? И до чего общий грабеж мешает осуществлению великих целей! У нас не действует и критика: брань

на вороту не виснет, собака лает, а дворянин идет... С такими цивилизаторами прогресс идет быстро, но куда, один черт знает! Господь от такой картины отворачивается!»[15]

Находя подобную форму изложения неприличною — Совет положил принять к сведению имеющие проявляться в «Современных известиях» погрешности против приличия.

В № 342 той же газеты, в корреспонденции из Рязани,[16] весьма резко осуждались действия местного архиепископа и епархиального съезда по отношению к семинарии.

Совет положил: на случай возбуждения дела со стороны затронутых лиц принять статью эту к сведению.

В № 346 «Современных известий» весьма резко осуждается обычай духовенства требовать даяний при выставке икон.[17]

Совет положил принять эту статью к сведению для характеристики газеты.

1) В № 358 «Современных известий» было напечатано письмо из Вологды,[18] заключающее в себе сетования и жалобы автора на упадок местной женской гимназии, незадолго перед тем находившейся в цветущем состоянии и сделавшейся насущною потребностью общества. В упадке же этом обвиняется местная администрация и во главе ее губернатор.

2) В № 360 той же газеты, в статье под заглавием: «У мирового судьи»,[19] заключалась жалоба автора на неправильные по отношению к нему действия мирового судьи Багряновского; не ограничиваясь резким порицанием одних этих действий — автор не щадит и вообще мировой суд, возбуждая к нему недоверие общества.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. № 38а. Л. 230—235 об. Год указан на полях напротив нижеследующего абзаца.

[1] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. 1) Москва, 19 декабря // СИ. 1868. 20 дек. № 350. С. 1—2; 2) Москва, 3 января // *СИ*. 1869. 4 янв. № 3. С. 1 (с пометкой в конце: «Сообщено», т. е. статья представляет собой официальное разъяснение по поводу предыдущей передовицы Гилярова); 3) Москва, 4 января // *СИ*. 1869. 5 янв. № 4. С. 1—2. Речь идет о книге проповедей Василия Григорьевича Орлова (1810—1871), рекомендованной Св. Синодом для приобретения в семинарские библиотеки: Собрание слов бывшего инспектора и профессора Ярославской семинарии Василия Орлова. 2-е изд., испр. и доп. Вятка, 1869 (часть тиража: М.: Синод. тип., 1869).

[2] Имеется в виду порядок составления отзывов о книгах в Духовно-учебном комитете Св. Синода — в отличие от Академии наук — анонимным «каким-нибудь одним чтецом», который «для публики является закованным в двойную, а теперь в тройную броню известных и достоуважаемых заведений» (т. е. Духовно-учебного комитета, Св. Синода и МДА). Гиляров писал в последней из названных передовиц, повторяя сказанное в первой (и тем самым настаивая на своей правоте): «Мы рассматривали отзыв сам в себе и находили его неблагопристойным, потому что выражениями своими он напоминает гостинодворские рекламы; находили его обидным, потому что такими отзывами подрывается уважение к высшей российской иерархии; находили его сомнительным, ибо по

этому отзыву сочинения г. Орлова должны быть выше и Филарета, и Иннокентия, и Златоуста, и Демосфена» (*СИ*. 1869. 5 янв. № 4. С. 1).

[3] Случайная ошибка. Надо: «Современных известий».

[4] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 5 от 24 января 1869 г. и примеч. 3 к нему.

[5] См. там же и примеч. 4.

[6] Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 8 от 11 февраля 1869 г. и примеч. 3—6 к нему.

[7] Д. Ф. Самарин.

[8] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 12 от 7 марта 1869 г. примеч. 3 к нему.

[9] См. там же и примеч. 5.

[10] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 29 от 24 июня 1869 г. и примеч. 3—8 к нему.

[11] Речь идет о передовой Гилярова (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 24 июня // *СИ*. 1869. 25 июня. № 172. С. 1—2), посвященной Московской думе и вопросам, выносимым на повестку дня ее заседаний. В частности, Гиляров писал: «...где стоят палатки, около ли Сухаревой башни или невдалеке от нее, для всех кроме самого города, его обывателей и его управления, решение этого вопроса может быть только потехою праздности. Закон это должен предвидеть и потому уволить администрацию от забот, которые никому не могут принести пользы, и правительству не более чем кому-нибудь. <...> Нравственная связь между властью и подвластными есть истинная основа порядка. Право, утверждающееся только на силе, есть основание хрупкое, и притом постыдное» (Там же. С. 1).

[12] Цитата буквально точна (см.: Там же).

[13] *Фланёр*. Письмо редактору // *СИ*. 1869. 28 июня. № 175. С. 1—2. Опубликовано в качестве передовой статьи «Москва, 27 июня».

[14] <*Без подписи*>. Северо-Западный край // *СИ*. 1869. 6 сент. № 244. С. 3.

[15] Цитата (с пропусками отдельных выражений) из публикации: *Уездный житель*. Письмо к редактору // *СИ*. 1869. 21 нояб. № 320. С. 2.

[16] <*Без подписи*>. Из Рязани. *17 ноября*: Бедствие семинарии // *СИ*. 1869. 13 дек. № 343. С. 2—3. Речь здесь идет об отчислении из семинарии 60 воспитанников (всё «ученики способные и любившие заниматься наукой») из-за недостатка средств на ее содержание у епархиальных властей.

[17] <*Без подписи*>. Еще о выставке икон // *СИ*. 1869. 17 дек. № 346. С. 2.

[18] См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 2 от 13 января 1870 г. и примеч. 3, 4 к нему.

[19] См. там же и примеч. 5, 7, 8.

1870 г.

3) В № 1 за 1870 г. того же издания обличалась московская полиция в слабом надзоре за правильностью торговли вином в праздничные дни,[1] причем содержателей ренсковых погребов и питейных домов автор называет «доходною статьею для полиции, такою же доходною, как... была для одного цыгана его слепая лошадь».[2]

Совет положил происки редакции, отличающиеся особенною грубостью и неприличием тона, принять к сведению на случай принятия какой-либо карательной меры.

В № 3 «Современных известий» редактор рассказывает читателям о двух случаях отступления от закона, допущенных московским епархиальным начальством;[3] статья эта написана тоном далеко не спокойным и подвергает укорам высшую духовную администрацию Москвы.

Совет положил принять эту статью к сведению, на случай принятия каких-либо карательных мер, если редакция «Современных известий» не будет осторожнее в выражениях и останется при прежнем грубом и бестактном способе изложения статей.

В №№ 10 и 11 «Современных известий» помещены были передовые статьи, из которых первая имела темою для рассуждений Герцена и вообще издания наших эмигрантов; вторая — предостережение, данное «Московским ведомостям».[4] Первая статья наносила последний удар авторитету заграничных наших публицистов; вторая — как бы сопоставляет факт предостережения с заслугами редактора «Ведомостей» на журнальном поприще. Обе статьи были бы безупречны, если бы в них несколько умереннее высказывалась жажда свободы мысли и слова в России. В № 11 же, в корреспонденции из Казани,[5] допущена была следующая неуместная выходка: «Кажется, остается один воздух, по невозможности произвести из него “крестьянского надела”, за который “крестьяне не платят и не спрашивают позволения дышать им”».[6] Передавая вслед за этим факт небрежного лечения в Казанском госпитале солдата, который истек кровью, тот же корреспондент говорит: «Сильная натура 17 дней упорно боролась со смертью и наконец пала *жертвою бескровною* предрассудка, что доктора ни за что не отвечают!»[7]

Совет положил принять все эти статьи к сведению.

В № 41 «Современных известий» была помещена корреспонденция из Варшавы,[8] отличающаяся агитационным и бестактным характером; в ней сообщались тревожные слухи о предстоящих переменах в служебных сферах: «у нас тут», говорит корреспондент, «не служба, а конская скачка, травля людей людьми».[9]

Совет положил принять эту статью к сведению на случай принятия какой-либо карательной меры.

В № 60 «Современных известий»[10] по поводу сохранившихся в нашей церкви обрядов «омовения ног», «провозглашения анафем» — редакция доказывает существенную необходимость Собора или, по крайней мере, разрешения собраний епископов, «освобожденных от всякого вмешательства *посторонней* власти». В кратком историческом очерке изображая положение Свят<ейшего> Синода в разные царствования, редакция указывает на вредную для церкви и благоприятную для расколов зависимость Святейшего Синода от светского власти и грубо намекает на существенное бессилие этого высокого учреждения, сохраняющего только в своей коллегиальной форме некоторое наружное подобие собора.

После царствования Екатерины II, по мнению редакции, «Синод стал преданием, и чтобы прибегнуть к воскрешению старой соборной формы, оказывается необходимым некоторое мужество, которого, однако, никак не наступает; нужды нет, что вся опасность основывается на смутном предании, идущем из времен Петра и Анны, с которыми мы давно не имеем ничего общего». [11] Далее редакция порицала наше богослужение, находя его утомительным и неисполнимым для самих служащих, и наконец называет его несвязным бормотанием.

Совет положил объявить «Современным известиям» первое предостережение.

В №№ 104, 105 и 106 «Современных известий» были сделаны нападки на московскую полицию, без всякого, однако, указания отдельных фактов. [12] Разбирая состав ее и недостаточность высшего надзора за нижними чинами полиции, автор, в выражениях далеко не резких, перебирает установленные временем обычаи, к числу которых относит взятки и другие задобривания, но опять-таки без указаний на тот или другой выдающийся случай. Более резкие нападки сделаны были на Санитарную комиссию, относительно которой утверждалось, что торговцы заранее предуведомляются об имеющем быть осмотре и тем дается им возможность приготовиться к нему. [13]

Совет полагал объявить газете второе предостережение, но г. министр внутренних дел не нашел достаточного повода для принятия карательной меры и счел возможным на этот раз ограничиться строгим внушением, так как от начальства московской полиции будет зависеть возбуждение судебного преследования, если оно признает его удобным.

В №№ 205 и 212 «Современных известий» были сделаны резкие, не только оскорбительные, но прямо ругательные нападки на императора французов, тогда еще не лишившегося престола. [14]

Совет положил: по случаю неуместности и бестактности подобных выходок сделать г. Гилярову-Платонову внушение чрез московского генерал-губернатора.

6-го октября 1870 г. член Совета Веселаго заявил Совету о корреспонденции из Макарьева, напечатанной в № 270 «Современных известий», [15] в которой самыми мрачными красками изображаются качества и положение нашего духовенства. [16]

«Трудно представить, — говорит корреспондент, — что-нибудь несчастнее выбора наших священников; в большинстве это люди, имеющие о призвании своем весьма жалкое понятие». [17]

Совет положил занести настоящее заявление в журнал для доведения об означенной корреспонденции до сведения г. министра внутренних дел.

В № 281 «Современных известий» [18] редакция, указывая на неизбежность войны с Германией, на замыслы прусской политики против славянства, на разъединенность между частями последнего, убеждает в необходимости взаимного соглашения и руководительства России, которая, однако, обнаруживает полную бездеятельность и безучастие в этом отношении.

Совет, находя статью эту благонамеренною и сдержанною, оставил ее без последствий.

В № 294 «Современных известий», в статье, посвященной памяти отца архимандрита Епифания,[19] были допущены некоторые нарекания на духовенство наше вообще и в частности на монашество, притом высшее.

Совет, усматривая в вышеозначенной статье не осуждение всего духовного сословия, а лишь указание на некоторые неудобные отношения, в которых находятся некоторые члены оного, положил: принять приведенную статью к сведению.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. № 38а. Л. 236—240. Год указан на полях напротив нижеследующего абзаца.

1 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 2 от 13 января 1870 г. и примеч. 6, 9, 10 к нему.

2 См. там же и примеч. 11.

3 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 3 от 16 января 1870 г. и примеч. 3—11 к нему.

4 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 4 от 21 января 1870 г. и примеч. 3—6 к нему.

5 См. там же и примеч. 7.

6 См. там же и примеч. 8.

7 См. там же и примеч. 9, 10.

8 Название указано ошибочно, имеется в виду корреспонденция «Из Вильны» от 2 февраля 1870 г. См. подробнее примеч. 1 к Протоколу заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 8 от 17 февраля 1870 г.

9 Цитата неточна: выпущены четыре слова. Ср. точную цитату в том же Протоколе (см. предыдущее примеч.).

10 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 11 от 9 марта 1870 г. и примеч. 3 к нему.

11 См. там же и примеч. 4.

12 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 16 от 25 апреля 1870 г. и примеч. 3 к нему.

13 См. там же и примеч. 4.

14 См.: Протоколы заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 29 от 4 августа 1870 г. с примеч. 3—5 и заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 30 от 11 августа 1870 г. с примеч. 3, 4.

15 См. примеч. 1 к Протоколу заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 41 от 6 октября 1870 г.

16 См., например, примеч. 2 к тому же Протоколу.

17 Цитата не буквально точна.

18 См.: Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 44 от 20 октября 1870 г. и примеч. 3, 4 к нему.

19 См. Протокол заседания Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 47 от 30 октября 1870 г. и примеч. 1 к нему.

4. *Ф. Ф. Веселаго*
Отчет за 1871 г.
<Фрагмент>

«Современные известия», также [1] сохраняли прежнее честное благонамеренное направление, при грубоватой, часто бестактной форме изложения. Впрочем, в продолжение 1871 г. сравнительно с предшествовавшими ему двумя годами, характер газеты, относительно резкости формы ее изложения, изменился несколько к лучшему. Что же касается до бестактных выходок, то они продолжали проявляться по-прежнему. При известной солидности и образовании редактора, а также несомненном желании его не выходить из пределов, дозволяемых законами о печати, отдельные бестактные фразы остается объяснять своеобразностию слога редактора и тем обстоятельством, что, увлекаясь желанием выразить рельефнее какую-нибудь мысль, редактор не замечает, что употребленная им фраза не всегда уместна и прилична.

«Современные известия» по-прежнему обращали исключительное, и не всегда сочувственное, внимание на действия Духовного ведомства и на отношение Церкви к Государству, держась, относительно последнего вопроса, мнений издававшейся г. Аксаковым газеты «Москва». [2] Затем практически полезная деятельность газеты проявлялась в возбуждении и развитии мыслей, об устройстве различных заведений, обществ и т. п., могущих способствовать поднятию уровня образования и вообще благосостояния бедных классов жителей Москвы. Все вопросы, относящиеся до этого предмета, обсуждались без всякой вредной тенденциозности, с единственною целию ожидаемой от них непосредственной пользы.

Несмотря на общее, весьма хорошее, направление газеты, отдельные бестактные статьи заставили приостановить, с 24 августа по 30 октября, розничную продажу ее номеров. [3]

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 15б. Л. 12 об.—13 об.

На обложке написано:
«Дело 15б с отчетом за 1871 г. члена Совета Веселаго.
Начато: 12 января 1872 года.
Решено: ——».

[1] На предыдущих страницах (л. 11—12 об.) характеризовались «Московские ведомости» и «Литературная летопись», в которых отмечались «обычные тенденциозные увлечения в обсуждении общественных, государственных и политических вопросов и также в рассмотрении действий административных деятелей».

[2] Многие передовые статьи на темы Церкви и веры писал для «Москвы» как раз Гиляров — по договоренности с И. Аксаковым.

[3] Неточность: первое запрещение розничной продажи последовало не с 24-го, а с 7 августа по 30 октября 1871 г. — за публикацию в составе передовой статьи корреспонден-

ции Г. Г. Урусова о холере в Москве и о мерах борьбы с нею, с призывом помогать немощным москвичам, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны (см.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2).

VII. СЛУЖЕБНЫЕ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ КОРРЕКТОРОВ И ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ ГАЗЕТЫ «СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ». ЖАЛОБА В ПОЛИЦЕЙСКУЮ ЧАСТЬ (1873—1876)

1. <М. С. Скоронская>

Октябрь 1873.

ЗАМЕТКИ

Правило относительно употребления большой буквы

При затруднениях относительно большой буквы преимущественно в именах прилагательных, произведенных от собственного имени (напр<имер>, петербургский, Судебная палата и т. п.), надо придерживаться следующего правила. Если подобное прилагательное может быть отнесено ко множеству предметов, как, напр<имер>, названия по именам городов, рек, стран, то, принимая их уже за имена нарицательные, конечно, пишется маленькая буква. Напр<имер>, кавказское вино, тульские пряники, донские лошади. Если же прилагательное в соединении с существительным или два существительных выражают понятие об одном исключительном предмете, то, принимая это соединение двух, трех слов за *одно* имя собственное, следует писать первое слово большой буквой по общему правилу о собственных именах, а остальные имена — маленькой. Напр<имер>, Московский окружной суд, Петропавловская крепость, Коренная ярмарка, [1] Общество страхования, Большой театр, Тульский литейный завод, Марьинская [2] больница, Парламент, Верхняя палата и т. п.

О знаках препинания

В случае затруднения при постановке знаков препинания не мешает принять общим правилом, что всегда следует отдавать предпочтение долгим знакам пред краткими, т. е. точка и точка с запятой предпочтительнее запятой; вообще длинные периоды, испещренные запятыми, как затруднительные для чтения и понимания, должны быть избегаемы.

В видах облегчения типографщиков не надо без нужды ставить кавычек, вносных знаков, тире и т. п.; особенно тире, столь часто употребляемое ни к селу ни к городу, показывает неуменье отделять мысли.

Замечание относительно двоеточия

После слова *следующий* нет надобности ставить двух точек, потому что само оно уже заключает в себе идею о том, что должно быть продолжение начатого, и двоеточие будет ненужным повторением той же идеи. Напр<имер>: «Обратите внимание на следующую мысль, — или: он мне задал следующий вопрос», [3] —

литтература[4] должна быть руководителем общества или не более как его верным отголоском? В первом случае она непременно идеальна, потому что все, еще не проведенное в жизнь, есть идеал; во втором — только она может быть чисто реальной, о чем так хлопочет современное направление; но еще вопрос, насколько реальность тут необходима: мы завалены мизерными описаниями будничной обыденности без всякой руководящей светлой идеи; это напоминает дрянного школьника, который, проделывая при всех какую-нибудь отвратительную шалость, самой этой наготой выражает, что гордится ею: «Видите, господа, вот я что способен сделать!.. что же, нешто дурно?.. знать хорошо, когда вы все видите, слышите и молчите»... Это ли обличение? Если в этом только сила реальности, то провал ее возьми.[5] Мы ли не хвалим новое судопроизводство и между тем ежедневно сами приводим и от других слышим факты, как адвокаты буквально *дерут* деньгу (только открыто), не брезгают защитой самых возмутительных дел, как мировые судья равнодушно гоняют и правого и виноватого, зажимая рот справедливым жалобам, как присяжные рады только оправдывать из-за гуманности, потворствуя таким образом всяким деяниям... Так где же тут польза? много ли лучше?.. не все ли равно, что я прежнему судье-взяточнику совал в кулак надлежащий куш, посылая его к чертям,[a] а теперь преподношу Г-ну адвокату с высоким почтением сумму вдвое и втрое за то же самое округление и замазыванье моих скверных делишек?.. Правда, теперь много доброты и снисхождения во всем, но справедливости и истины ни на грош не вижу. Как и прежде — деньги, деньги и деньги; только об этом теперь мы кричим с гонором, как о должном естественном, а прежде из-за угла прятались от самих себя. Это еще не есть поворот куда-нибудь, а только перемена декораций... И вы еще громите незыблемый авторитет умов, говоривших языком всех времен, стоявших за одну и нераздельную истину!.. Вы низвергаете с высоты все идеалы и авторитеты, и за то ваша современность пресмыкается у ног вечной истины, собирая крохи, одни ее крохи; облекшись в радужную мишуру павлиньих перьев, она кричит: «Всё это мы, всё это *наше*, и до нас никто лучше нас ничего не знал и не сделал».

Я увлеклась интересным вопросом и забыла начатое правило.

После слова *следующий* часто приходится ставить точку вместо двоеточия, когда далее идет длинный рассказ чего-нибудь, сплошная передача виденного и слышанного.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 60. <№ 1>. Л. 1—4 об. Атрибуция неподписанных «Заметок» М. С. Скворонской несомненна: идентичный почерк — на ее рукописях (письма, рассказы, повести), которые хранятся в ИРЛИ, РГИА и РНБ. Следует отметить, что все документы этого подраздела (находящиеся в больших делах 60 и 65), как и другие, хранящиеся в гиляровском архиве в ИРЛИ, в настоящее время прошли пока только предварительную научную обработку, а потому указанные в комментариях в угловых скобках номера единиц хранения условны и обозначают порядковый номер временного расположения документов в названных делах.

[a] *Далее зачеркнуто*: или.

Служебные инструкции для корректоров и печатных мастеров газеты «Современные известия» составлены, как можно судить с большой степенью вероятности, по просьбе самого Гилярова его заместительницей по редакции М. С. Скворонской и его старшим сыном Николаем для последующей обработки и окончательного утверждения документов редактором-издателем. Кроме того, два черновых варианта инструкций написаны самим Гиляровым (первая, для корректоров, — по «заметкам» Скворонской). Первый документ датирован октябрем 1873 г.; инструкция, составленная Николаем Гиляровым, может быть предположительно датирована 1875 г., когда он поступил на службу в типографию «Современных известий» корректором. Отсюда вероятные хронологические границы — 1873—1875 гг.

Известно, что Гиляров, еще будучи управляющим Московской Синодальной типографией (1863—1868), относился к своим обязанностям администратора весьма ответственно и по своей инициативе составлял служебные инструкции для подчиненных. Так, он вспоминал в письме к К. П. Победоносцеву от 8 ноября 1883 г.: «Типография работала крепостным трудом особенного сословия типографских рабочих. На мою долю досталось перевести ее на вольнонаемный труд, а для того составить новое Положение для типографии, новые табели с расценкою работы. Это сделано; кроме того, составлены новые штаты для конторы, упрощено ее делопроизводство, перетряхнут состав служащих» (*Разумевающие верой*. С. 208).

Вместе с тем несомненно, что Гиляров, стремившийся создать вполне удовлетворяющие его авторитетные инструкции (прежде всего для корректоров, которые нередко увольнялись и приходилось им искать замену, что угрожало снижением уровня грамотности в газете), явно был недоволен теми, что сохранились в его архиве и ныне публикуются нами. В письме к Анне Гальперсон от 27 января 1883 г. он писал: «А вот мысль какая: сто лет собираюсь привести в систему мои орфографические правила, поручал десяти корректорам; заводили, и все нет толка. Хоть бы с Вами это удалось. То есть: я скажу замечание, Вы его запишете. В другой раз другое, и Вы опять запишете. И так далее; потом приведем в порядок и издадим. По рукам?» (*Письма к Гальперсон*. С. 204). Судя по всему, этот проект так и не был воплощен в жизнь.

Приведем некоторые сведения об авторе публикуемого документа.

Вдова губернского секретаря Мария Саверьевна (Каверцовна) Скворонская, во втором замужестве Богуславская (1840 — не ранее 1903), — прозаик, журналист. С февраля 1868 г. была корректором «Современных известий», а впоследствии — переводчиком иностранных телеграмм и составителем политических обозрений. Это была высокообразованная женщина, с весьма смелыми современными взглядами, однако, по описанию О. Н. Балашевой, сотрудницы «Русского архива», «очень беспорядочная, с коротко обстриженными волосами, в костюме неглиже» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 18 об.). К тому времени совсем разладилась семейная жизнь Гилярова; он женился 24 сентября 1849 г. (дата сообщена Г. С. Прохоровым — по документам, хранящимся в ЦИАМе) на болезненной и далекой от его научно-культурных интересов Вере Алексеевне Богдановой, дочери настоятеля московской церкви Флора и Лавра (иначе — Всех скорбящих Радость) на Зацепе. По свидетельству той же Балашевой, в 1856 г. «после последнего ребенка у Веры Алексеевны Гиляровой молоко бросилось в голову и она была очень больна. Доктора, исследовав болезнь ее, решили, что она больше детей не должна иметь, и вследствие этого *запрещено было ей быть на деле женой Гилярова* — отсюда связь Гилярова со Скворонской состоялась отчасти не без ведома и согласия самой Веры Алексеевны» (Там же. Л. 51). Он безгранично доверял Скворонской, которая стала для него не только

любимой женщиной, но и товарищем, советчиком, единомышленником. 15 октября 1874 г. он даже составил духовное завещание, которым объявлял ее своей наследницей, а жену устранял.

Эта связь принесла Гилярову много горя. Вскоре оказалось, что эмансипированная Скворонская была одновременно любовницей и его младшего сына Алексея, а также сотрудника редакции, студента университета К. Ф. Экземплярского (см. об этом в письме кн. Шаховского к Победоносцеву от 17 января 1897 г.: Там же. № 75. Л. 11). Когда весной 1877 г. дело дошло до выяснения отношений и Скворонская была вынуждена оставить редакцию, то в отместку она 25 ноября подала прокурору донос, обвиняя Гилярова в беззаконном присвоении денежных сумм, присланных читателями газеты «на славян», т. е. на помощь правительству в Русско-турецкой войне. 4 декабря 1877 г. было начато производством уголовное дело «О статском советнике Н. П. Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян» (см. подробнее в публикуемых ниже в настоящем издании документах, скопированных кн. Шаховским и озаглавленных им «К материалам для жизнеописания Н. П. Гилярова-Платонова: Секретные документы»).

Скворонская передала следствию уличавшие Гилярова его откровенные записки и письма, адресованные ей, поэтому, несмотря на защиту друзей — протоиерея И. Н. Александровского, И. С. Аксакова, генерала М. Г. Черняева и др., — дело принимало угрожающий оборот, а в допросах свидетелей всплывали унизительные подробности интимной жизни. Оно было закрыто только через два с лишним года, 10 января 1880 г., по личному распоряжению московского генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова, покровительствовавшего Гилярову (см. об этом в письме сына Гилярова, Алексея, к кн. Шаховскому от 17 сентября 1893 г., — РНБ. Ф. 847. № 112. Л. 2).

О том, что вынес он в эти два года, дает представление письмо Ф. А. Гилярова к кн. Н. В. Шаховскому от 9 февраля 1894 г., в котором тот упоминает о Скворонской: «Горячо любя покойного, я долго и тяжко страдал через ее донос. *Не раз отговаривал я Н<икиту> П<етрови>ча от самоубийства.* Раз даже отнял у него револьвер» (Там же. № 756. Л. 6 об.). См. подробнее в наст. изд., с. 336—428.

Впоследствии Скворонская сотрудничала в таких изданиях, как «Дело», «Русский курьер», «Север», «Русский листок», «Наблюдатель» и др., о Гилярове оставила мемуарный очерк «За четверть века (Из воспоминаний)» (Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239). В 1882—1884 гг. редактировала журнал «Друг женщины» — первое русское издание с отчетливо заявленной феминистской программой. Позже опубликовала две книги прозы: «Из жизни и фантазии» (М., 1895) и «Были и думы» (М., 1900), значительная часть вошедших в них произведений имеет автобиографический характер.

[1] *Коренная ярмарка* — находившаяся в ведении Курского Знаменского монастыря знаменитая ярмарка, впервые упоминаемая в 1708 г.

[2] *Марьинская* — точнее, Мариинская больница в Петербурге (Литейный пр., д. 56), основанная в 2 июля 1803 г. по решению имп. Марии Феодоровны.

[3] В последующем «лирическом» отступлении от основной темы (формулирования «скучных» орфографических правил) — вся Скворонская, с ее непредсказуемостью, капризами и, вместе с тем, начитанностью, стремлением щегольнуть своими «передовыми» взглядами и бойкостью пера.

[4] *Литтература* — такое правописание этого и других иноязычных слов, сохраняющее этимологическую «память» (ср. *лат.* litteratura), последовательно отстаивал в своем издании и Гиляров.

[5] *Провал ее возьми!* — Провались она! Выражение встречается, например, в комедии Я. Б. Княжнина «Скупой» (ок. 1782). См.: *Княжнин Я. Б.* Комедии и комические оперы / Сост., вступ. ст., коммент. А. Ю. Веселовой и Н. А. Гуськова. СПб.: Гиперион, 2003. С. 348. (Рос. драматич. б-ка; III).

2. <*Н. П. Гиляров-Платонов*>

<**Наброски орфографических правил для корректоров**>

1) Большой знак всегда предпочитать малому: точку с запятой — простой запятой; двоеточие — точке с запятой; точку — двоеточию.

2) Тире употреблять только в крайних случаях. Оно всегда может быть заменено. Это признак безграмотности.

3) Пред чужими словами должно быть двоеточие, хотя бы в середине; не ставить его после самых кратких вводных предложений: «сказал я» и т. п.

4) Указательные с относительными местоимения считать за одно и ставить знак *пред* ними, напр<имер>: так как, то что... Исключение, где упирается на указательное, напр<имер>: я сделал *потому*, что...

5) Не производить произвольных пожалований в наречия, напр<имер>: «вслед» и тому под<обных>. Существительное не заслуживает того, чтобы его разжаловали.

6) Предложения отделять запятыми, несмотря на союз *и*.

7) Союз *и* относить всегда к последующему предложению, а не к предыдущему. «Я ушел, и после того как совсем скрылся, вошел он».

8) Слово *большинство* и тому подобные выражения допускают в сказуемом и множественное, и единственное число.

9) Прилагательные при существительных разного рода во множественном числе сочиняются[1] с тем, возле которого стоят непосредственно. Напр<имер>, «дни и ночи холодныя».[2]

10. Если придаточное предложение, начинающееся с деепричастия, может быть объяснено одинаково и как предложение, и как развернутое наречие, то предпочитать последнее и не отделять его запятыми.

11.[3] В собственных именах, состоящих из нескольких слов, прописная буква пишется только в начальном слове, например: Общество взаимного кредита.

12. Между двумя названиями чисел ставить запятую, например: *через два, три года*; в тех же случаях когда между ними подразумевается предлог *до*, ставить тире, например: ценой 4—6 рублей.

13. Причастия страдательные двусложных глаголов на *ить* пишутся все с одним *н*; напр<имер>: пареный, раненый, жареный и др. В многосложных глаголах *н* удваивается; напр<имер>: выпаренный, пораненный и др.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 60. <№ 1>. Л. 6—6 об. Текст на половине чистого листа, вырванного из Книги подписки (имеющей рубрики: «Число месяцев», «Срок подписки», «Сумма наличными», «Сумма на счетах», «Фамилии»,

«Адрес»), написан чернилами рукой Гилярова; последние пункты добавлены впоследствии, причем разновременно.

Следует учитывать тот факт, что орфографическое своеобразие некоторых текстов Гилярова, равно как и отредактированных им материалов его газеты, имеет принципиальные авторские обоснования. Ведь, как известно, он «по-славянофильски считал русский язык совершенно исключительным явлением — органическим и творческим, в отличие от всех других языков. Об этом он подробно высказывался в своих «Экскурсиях в русскую грамматику» (1883), неоконченном лингвистическом исследовании о русском глаголе и в переписке с академиком Я. К. Гротом за 1884—1885 гг. (см. в наст. изд., с. 437—465). Во всяком случае приходится признать, даже основываясь только на публикуемых 13 пунктах «<Набросков орфографических правил для корректоров>», что Гиляров обладал тонким языковым чутьем и большинство предлагаемых им новшеств, призванных унифицировать правописание, впоследствии прочно вошло в обиход и было узаконено...

[1] Зд.: сочетаются. Ср. значение термина «сочинительные союзы».

[2] *Холодныя* — устаревшая форма множественного числа женского рода (по сочетанию со словом *ночь*).

[3] Пункты 11—13 приписаны позднее, причем другими чернилами; пункт 11 более мелким почерком, 12 — более крупным.

3. <*Н. Н. Гиляров*>

Правила для корректоров

§ 1. Газетная и книжная корректура читается тремя корректорами ежедневно по два.

§ 2. Эти 2 корректора обязаны заниматься в помещении типографии; первый от 1 час<а> до 2-х пополудни и от 6—10 вечера; второй сверх того выпускает корректурой № газеты.

Прим<ечание>. Коррект<урой> заним<ается> до 10 ч<асов> вечера наз<наченный> поддежурным; вып<ускает> № наз<наченный> дежурным.

§ 3. Если <корректор> по какой-либо причине, уважительной в глазах заведующего типографией, не может исполнить следуемого ему дежурства или поддежурства только однажды, то он обязан заявить об этом не позже 10 час<ов> утра того же дня заведующему типографией, а также корректору, накануне дежурившему, который обязан его заменить в этот день.

§ 4. На следующий день проманкировавший корректор должен: в первом случае быть дежурным, а во втором сменить дежурного корректора с 8 ч<асов> вечера.

§ 5. Манкировки более 3-х раз в месяц влекут за собой вычет из жалованья по расчету дней.

§ 6. Корректор, заменяющий проманкировавшего, должен записывать манкировку в особую книгу с означением года, месяца и числа.

§ 7. Все манкировки, в этих правилах не означенные, допускаются лишь с разрешения заведующего типографией и общего согласия корректоров.

§ 8. Книжная корректура, если ее немного (не более 5 гран<ок>) и притом по свойству своему не требующая особенно медленного чтения, читается обоими корректорами вместе в свободное от газетной корректуры время; в противном случае одним поддежурным корректором.

Прим<ечание>. Но если газетная корректура будет содержать в себе множество собственных имен, названий, цифр, то поддежурный корректор должен помогать в чтении ее дежурному, несмотря на количество книжной корректуры.

§ 9. Книжная корректура с надписью на гранках «спешная» должна быть непременно прочитана к сроку. Для этой цели в особенных случаях с разрешения завед<ующего> типографией корректора могут ее брать на дом по собственному желанию за особую сверх жалованья плату, но с тем, однако, условием, чтобы это не приносило ущербам <так!> их обыкнов<енным> занятиям.

§ 10. Сверки читает тот только корректор, который читал соответствующую им корректуру.

§ 11. Полосы читаются не более $^{1}/_{2}$ часа.

§ 12. Неисправности наборщиков должны быть в тот же день, когда произошли, объявлены дежурным корр<ектором> метранпажу. [1]

§ 13. Вместе со второй полосой, которая подается обыкновенно последней, корректор получает лист, в котором отмечает время прочтения последней полосы, а также причину позднего окончания корректуры.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 65. <№ 20>. Л. 1—2 об. (подпись отсутствует). Атрибутировано по почерку. Ср.: *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные изв<естия>» (РНБ. Ф. 847. № 357).

Сведения о жизни автора Правил, Николая Никитича Гилярова, старшего сына мыслителя, крайне скудны. Родился он 26 ноября 1854 г. Восприемником от купели у него стали С. Т. Аксаков, в семье которого супруги Гиляровы одно время были свои люди, и его супруга Ольга Семеновна. По окончании гимназии Николай год проучился в Киеве, в знаменитой Коллегии Павла Галагана, откуда был отчислен в июне 1875 г. за неуспеваемость. С того же года служил корректором в типографии отца, а позднее выполнял обязанности его секретаря. Здесь, по свидетельству современника, он «отличался необыкновенной добротой и прекрасным отношением к сотрудникам. Сотрудники в те времена имели положительно грошовый заработок, и Н<иколай> Н<икитич> всегда старался сделать все возможное в пользу своих товарищей» (Русское слово. 1909. 8 янв. № 5. С. 4).

После кончины отца Николай жил с матерью, Верой Алексеевной, безумно его любившей (младший сын Алексей проживал с семьей в Киеве, где занимал кафедру философии в Университете Св. Владимира). Наступили годы нужды. Сначала, в 1888 г., была продана дача в подмосковном Черкизове, но вырученных денег хватило только на три года.

Николай всегда отличался болезненностью (в детстве почти каждое лето проводил с матерью на курорте в Старой Руссе), вдобавок им овладел куда более серьезный недуг, нежели телесная хворь: уже к концу 1880-х гг. он вполне превратился в горького пьяницу, страдавшего продолжительными запоями. В такие дни в полубезумном виде, иногда с револьвером, он бегал за матерью, отбирая у нее остатки сбережений и небольшой пенсии. Ученики Никиты Петровича и его друзья (кн. Н. В. Шаховской, А. М. Гальперсон и др.) отдавали семье гонорары от публикаций материалов гиляровского архива, добивались в разных общественных и государственных фондах выделения пособий.

Скончался Николай Никитич 7 января 1909 г. Автор неподписанного некролога, помещенного в газете «Русское слово», писал о нем: «Всегда слабый здоровьем, нервный, он положительно не в состоянии был работать и существовал на 20 рублей, получаемых ежемесячно из фонда Академии наук. Он снимал небольшую квартиру в д<оме> Федорова, на <Большой> Грузинской улице, где-то на дальнем дворе, в старом деревянном флигеле. Квартира, без всякой обстановки, холодная, с промерзшими стеклами, состоит из трех комнат, две из которых он сдавал беднякам студентам, и в одной, маленькой, ютился сам вместе с таким же бедняком, провинциальным актером И. А. Фаворским» (Там же). В другой газете назывался его предсмертный недуг: «Н. Н. Гиляров заболел две недели тому назад — острым воспалением почек» (Голос Москвы. 1909. 8 янв. № 5. С. 4).

[1] *Метранпаж* (от *фр.* metteur en pages — верстающий в страницы) — старший наборщик или руководитель группы наборщиков в типографии, верстающий полосы (страницы) набора или контролирующий эту операцию; устаревшее название верстальщика.

4. *<Н. П. Гиляров-Платонов>*

<**Инструкция для печатного мастера**>

1. Бумагу <так!> для печатания газеты,[a] выдается под расписку печатному мастеру счетом.

[b]III. По отпечатании № газеты, печатный мастер выдает, в соответствующем числе, экземпляры, следующие[c] подписчикам, а именно: а) на городскую почту, б) иногородную, в) разнощикам[d] «Современных известий» и г) бездоставочно подписавшимся розничным торговцам.

Примеч<ание>. 1) О количестве экземпляров, следующих подписчикам,[e] ежедневно выдается печатному мастеру накануне выхода № приказ с означением, кому сколько должно быть выдано.

2) Следующие на городскую и иногородную почту сдаются под расписку заведующему отправкой на почту; следующие к раздаче разнощикам и торговцам[f] — заведующему разнощиками.

[a] *Далее зачеркнуто*: а равно и частных заказов.
[b] *Зачеркнуто:* 2.
[c] *Далее зачеркнуто*: на городскую по<чту>.
[d] *Вписано сверху над зачеркнутым*: розничное.
[e] *Вписано сверху над зачеркнутым*: на городскую почту, разнощикам и на иногородную почту.
[f] *Вписано сверху между строк после зачеркнутого*: а равно.

3) Печатный мастер может выдавать торговцам и прямо в руки, но не иначе как по предварительному соглашению редакции с[a] теми торговцами; б) по дневному приказу редакции и в) в числе экземпляров, означенном в приказе.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 65. <№ 20>. Л. 3. Текст черновой, набросанный самим Гиляровым.

5. *Н. П. Гиляров-Платонов*

<**Предуведомление корректорам**>

Павлу Александровичу Лебедеву.[1] Прошу Вас напомнить гг. корректорам, что при принятии их на должность условлено было: 1) чтобы двое очередных из них являлись на должность ежедневно два раза; в первый раз ко времени обеда наборщиков, то есть к первому часу пополудни, причем прочитывали бы и сдавали весь утренний набор и затем являлись бы во второй раз в шесть часов вечера, причем поддежурный остается до окончания набора, а дежурный — до опущения № в машину; 2) что каждая из статей должна быть сверяема с оригиналом и читана вдвоем, причем один из корректоров заменяет чтеца; 3) что сверх корректуры газетной на них лежит корректура книжного набора.[2]

Ныне я уведомился, что гг. корректоры: 1) являются на должность поздно; 2) по ошибкам, которых в газете появилось беспримерно много, и притом искажающих смысл, заключаю, что или корректура читается без сверки с оригиналом, или же не читаются сводки после сверки, то есть корректор не удостоверяется, исправлены ли отмеченные им ошибки.

По поводу вышесказанного прошу объявить гг. корректорам, что в случае дальнейшего появления грубых ошибок и в случае вообще уклонения от принятых обязанностей, будет мною производим вычет в размерах от суточного до трехсуточного жалованья за каждый раз, смотря по важности допущенных ошибок и по степени уклонений от принятых обязанностей. По прочтении гг. корректоры имеют на сем подписать удостоверение, что они читали настоящее предуведомление. Подлинный лист возвратите после того мне 1876 года января 27 дня.

Н. Гиляров-Платонов.

Должен я еще прибавить, что корректуры должны быть сохраняемы, равно как и оригиналы, причем предупреждаю, что за потерю оригиналов и корректур корректоры, по закону, отвечают перед судом, так как сохранение и тех и других вменено в обязанность законом.[3] Каждая корректура и сверка должна быть подписана читавшим ее корректором.

Н. Гиляров-Платонов.[4]

[a] *Далее зачеркнуто*: подписчиком.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 65. <№ 14>. Л. 1—1 об.

[1] Павел Александрович Лебедев — заведующий редакцией «Современных известий» в первой половине 1870-х гг.

[2] Речь идет о книгах, печатавшихся в типографии «Современных известий», по заказу частных клиентов либо самого Гилярова.

[3] Эти правовые нормы связаны с ограждением авторского права, впервые в России юридически зафиксированного в Уставе цензурном, изданном 22 апреля 1828 г. См.: *Табашников И. Г.* Литературная, музыкальная и художественная собственность. СПб., 1878. С. 345.

[4] Ниже в столбик — подписи корректоров, ознакомленных с «предуведомлением»:

«Н. Гиляров

Ю. Эпштейн

А. Эпштейн», т. е. старшего сына Н. П. Гилярова-Платонова и двух сестер Эпштейн, приехавших в Москву из Херсона и принятых на службу по протекции М. С. Скворонской: Анны Михайловны (в замужестве Гальперсон) и Юлии Михайловны (в замужестве Денисова).

6. <*Н. П. Гиляров-Платонов?*>

<**О соблюдении грамматических правил при переводах**>

При переводе необходимо соблюдать следующие правила:

а) В предложении нужно искать прежде всего сказуемое, которое может быть или глагол, или прилагательное с глаголом; после сказуемого нужно искать подлежащее, которое или стоит отдельно, или заключается в глаголе.

б) Нужно смотреть, какой глагол составляет сказуемое, действительный или страдательный, и если сказуемое есть действительный глагол, то тотчас после отыскания подлежащего и сказуемого нужно искать винительный падеж или предмет действия, т. е. тот предмет, на который распространяется действие.

в) Если встречается местоимение, то нужно смотреть, на что оно указывает.

г) Если встречается прилагательное, то нужно смотреть, к какому существительному оно относится.

д) Нужно различать предложение, самостоятельное оно или зависящее.

ж) <так!> Зависящее предложение нужно согласовать с тем предложение<м>, от которого оно зависит, а для этого нужно отыскать, с каким предложением главным оно согласовано.

Печатается впервые по автографу (почерк неустановленного лица): РНБ. Ф. 847. № 905. Л. 1. Текст не озаглавлен, название дано архивистами.

7. Н. П. Гиляров-Платонов

<**Жалоба в полицейскую часть**> **(1869?)**

Г. Мировому судье Александровского участка г. Холмскому
Издателя-редактора «Современных известий» Никиты Петровича Гилярова-Платонова

Прошение

В типографии «Современных известий», помещавшейся прежде Городской части второго квартала в доме Купеческого общества № 8, а ныне Тверской ч<асти> квартала, в Ваганьковском переулке, д. Игнатьевой, [1] № [a], состоит на жалованье, тринадцать наборщиков, и в том числе два метранпажа. Обязанность последних: раздавать работы наборщикам, наблюдать за ними и верстать газету. Наборщики, совокупно с метранпажами, обязались мне с прошлого апреля месяца и до января будущего за получаемое помесячно жалованье набирать в совокупности до тысячи вос<ь>мисот строк в сутки, при достаточно сданном оригинале, и притом с таким условием, что каждый №, при своевременно сданном оригинале, сверстан был к осми часам вечера и помещен в скоропечатную машину к один<н>адцати часам, подвергая себя в противном случае взысканиям до пятидесяти копеек за каждые просроченные полчаса. Притом обязались являться к работе неукоснительно в исправном виде и не допуская сыпаться шрифту, за неисполнение чего каждый также подвергал себя взысканиям.

Несмотря на аккуратную с моей стороны выдачу жалованья; несмотря на мое ласковое обращение, несмотря на поощрения, которые старался я оказывать им при первом случае, как возрождалась во мне надежда на добросовестность моих мастеровых; несмотря на все снисхождения и льготы, какие оказываемы были много: все восемь истекших месяцев, изо дня в день были для меня рядом мучений, истощивших мои силы и расстроивших мое здоровье; рядом убытков, которые наносимы были мне недобросовестностью мастеровых, их невнимательностью к обязанностям, их небрежным обращением с главнейшим имуществом типографии — шрифтом, и их нетрезвым поведением.

1. Обязательства, ими данные относительно верстки № и опущения в машину, не были ими исполнены ни одного раза. Иногда отговаривались они позд<н>о сдаваемым оригиналом, большею частию, впрочем, неосновательно. А в тех же случаях, когда их жалобы на запоздавший оригинал имели вид основательности, запаздывание это происходило опять вследствие их же неисправности. Подавая мне набор для последнего редакторского просмотра постоянно в три, четыре и даже пять часов утра, они тем самым лишали меня физических сил заготовлять им материал заблаговременно в надлежащем количестве, хотя я, тем не менее, ежедневно и после этих бессонных ночей, я не давал еще себе сна на несколько часов, именно чтобы только заготовить оригинал, насколько могла выдержать природа дальнейшую бессонницу.

[a] *В рукописи пропуск для цифры. Надо*: № 9.

2. Самое количество набора также только в редких случаях поставляемо было в условленном количестве, часто и по недостаточному количеству оригинала, который, однако, самим мною потому и уменьшен был, чтобы не было рабочим даже нравственных прав жаловаться на тягость. Но, по-видимому, чем больше мною было оказываемо снисхождения, чем легче предполагалась работа, тем неисполнительнее оказывались мастеровые. Бывало, что они ограничивались половиною урочного количества, хотя оставался еще оригинал для набора. Бывали случаи, что мною весь оригинал за исключением телеграмм, даваем был даже накануне, и это не мешало им исполнять только часть урока и даже запаздывать более обыкновенного.

3. Типография держится в беспорядке, и шрифт, бережное соблюдение которого лежит на обязанности наборщиков, не только сыплется и держится в беспорядке, но еще самый этот беспорядок служит для них отговоркою других неисправностей.

4. Являются несвоевременно; среди самой работы из трезвых превращаются в выпивших; пропадают по целым дням, особенно в первые числа.

Я в самом начале увидел, что проводить условленные денежные взыскания в полных размерах почти бесполезно: приходилось бы взять более того, чем могут дать. Я старался действовать увещаниями, вниманием и ласками, надеясь, что это возбудит нравственное чувство, пособит сознанию достоинства, которое заглохло в мастеровых. Ограничивался удалением некоторых, впрочем, тех собственно, которые сами переставали являться; но эта мера нисколько не помогала; большинство оставалось то же, и новопоступающий подчинялся его духу. Переменял метранпажей, но после нескольких дней улучшения снова наступал тот же порядок. Сменить же всех лишала меня возможности ежедневность издания, которого я не могу остановить ни даже на день, не нарушив своих обязательств пред подписчиками.

Наконец, я нахожусь вынужденным обратиться к защите закона. Вышесказанные обстоятельства дают ясно понять, что круговая порука, которою, по-видимому, связали себя наборщики моей типографии, есть, напротив, организованная стачка против меня, силу которой при срочности моих обязательств пред подписчиками они хорошо понимают и которою пользуются в поощрение своего бездействия и недобропорядочного поведения, и к нарушению моих законных выгод, моего даже нравственного кредита, к разрушению моего здоровья, наконец, которое подвергается чрез все это постоянным истязаниям. Действительность стачки доказывается между прочим и тем, что при моих исследованиях о причине беспорядков метранпажи ссылаются на рабочих, рабочие — на метранпажей, все на каждого и каждый на всех, и все дружно стоят на взаимном укрывательстве. Наконец, то же доказывается и тем обстоятельством, что неимоверные опаздывания, и ошибки в наборе (даже после поправок), являющиеся в самых важных местах, где они издателя подвергают наибольшей неприятности, все это усиливается именно пред сроками подписки. Так было пред началом

полугодия; так особенно теперь. Это последнее обстоятельство давало бы мне повод заподозрить даже в действующем подкупе. Но, не имея других данных, не смею этого утверждать.

Видя выходящую из всех пределов неисправность, в такое критическое для меня время, и опасаясь, что работы с получением жалованья могут окончательно остановиться благодаря обычной в такие дни гульбе и тем совершенно подорвать издание, я впредь до решения сего дела, удержавшись выдачею жалованья (не способного покрыть даже штрафы), спешу заявить о существующей стачке с просьбою, чтобы законными мерами ограждены были мои интересы: чтобы наборщики понуждены были к добросовестному исполнению своих обязанностей; чтобы на время, потребное мне для найма новых наборщиков, не был я усиленною стачкою совсем лишен возможности выпускать свое издание; и чтобы, наконец, шрифт и все наборные материалы сданы были настоящими наборщиками новым в исправном виде.

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 49. <№ 10>. Л. 1—9.

Прошение можно датировать концом 1869 г. — по упоминанию в его тексте переезда гиляровской типографии в дом гр. Е. Л. Игнатьевой как о событии недавнем (Гиляров даже не помнил номер дома по Ваганьковскому переулку). Сын мыслителя, Н. Н. Гиляров вспоминал: «К 1869 году помещение для типографии, особенно для наборной, оказалось недостаточным при увеличенном формате газеты и числе наборщиков. Осенью сего года Н<икита> П<етрович> снял целый дом Игнатьева в Ваганьковском пер<еулке>» (Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты / Публ. А. П. Дмитриева // Коломенский альманах. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 372—373). Кроме того, в прошении упоминается об апрельском договоре Гилярова с работниками типографии, после которого прошло восемь месяцев. Таким образом, прошение скорее всего написано в декабре 1869 г. Спустя пять лет у дома сменился владелец, о чем Гиляров 13 ноября 1874 г. сообщал сыну Николаю, обучавшемуся тогда в Киеве: «Нового у нас ничего нет, кроме одной, очень серьезной новости: Игнатьевский дом продан за 55 000. Предлагали купить мне, и это было бы выгодно, но по безденежью и с расходами, которых требует фабрика, еще затевать новое предприятие, было бы страшно» (РНБ. Ф. 874. № 397. Л. 3).

Адресат прошения — Александр Александрович Холмский (см.: Московский календарь на 1872 г.: Путеводитель по Москве и ее окрестностям, с адресными справочными сведениями. М., 1872. Ч. III. С. 12).

[1] Владелицей дома № 9 в Ваганьковском переулке была жена дипломата графа Николая Павловича Игнатьева (1832—1908), в тот период посла в Константинополе (1864—1877), позже — министра внутренних дел (1881—1882), Екатерина Леонтьевна (ур. княжна Голицына; 1842—1917).

VIII. ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ПО ДОНОСУ М. С. СКОВРОНСКОЙ О РАСТРАТЕ СУММ, ПОЖЕРТВОВАННЫХ НА СЛАВЯН (1877—1879)

1. К материалам для жизнеописания Н. П. Гилярова-Платонова. Секретные документы. Составил кн. Н. В. Шаховской [a]

ТЕТРАДЬ № 1 [1]

Письмо *Скавронской* [2]

15 авг<уста> 1877.

Никита Петрович, убедительно прошу дать леснику Смирнову из Кускова [3] — 100 рублей или вексель. Он завтра придет ко мне; он начал настойчиво требовать денег. Это ужасно в моем положении, когда я не могу встать с постели. Я с радостию дала *тебе* [b] деньги, полученные с залога своей дачи для *тебя*.

Письмо к Скавронской *Гилярова*

Вместе со счетом лесника, из которого видно, что я выдал вексель в триста рублей, посылаю и письмо, мною полученное по городской почте. Приписка к нему сделана не мной, а очевидно, тем, кто первый прочитал его.

Я больше ничего не прибавлю. Пусть совесть, если она осталась у *Вас*, доскажет остальное.

Согласно обещанию посылаю обещанных марок на 16 рублей. Я было приготовил их, чтоб послать с кем-нибудь из метранпажей, верный своему желанию как-нибудь *замять позор*. Но после этого несчастного письма, само собою разумеется, я должен отменить решение.

Что касается денег на прожиток, то я уже не знаю, что предпринять. *Предоставляю Вам определить наши отношения* и в заключение рассудить: судя по тому, что я читаю в прилагаемом письме, чему я должен верить: тому, что Вы о себе рассказываете, или тому, что о Вас другие рассказывают.

Письмо М. С. Сковронск<ой> к Н. П. Гилярову

Никита Петрович, я начала писать подробную свою исповедь, но вижу, что телесных сил моих не хватит, пожалуй, ее кончить. Ведь я давно ничего не ем,

---

[a] *На «титуле» крупно написано*: Кн. Н. Шаховск<ой> / К материалам / для жизнеописания / Н. П. Гилярова-Платонова. / *Секретные документы* / 1893 г.

[b] Здесь и далее курсивом обозначено подчеркнутое кн. Шаховским (как правило, карандашом и, следовательно, скорее всего не при переписывании, а позднее). То, что, вероятно, было выделено подчеркиванием в тексте документов, им переписанных, и в копии продублировано чернилами, отмечено нами курсивной разрядкой.

не сплю и даже перестаю пить и курить, меня всю шатает и беспрестанно останавливается пульс. Святой человек, провидение ты мое, дай мне умереть с покаянием перед тобою. Окажи последнюю милость, не погнушайся приехать ко мне, ведь я идти не могу. Письмами говорить нельзя: *ведь вот ты написал же, что меня мучит ревность*. Клянусь последними часами своей *позорной жизни,* что я искренно желаю, чтоб Душа[4] и Конст<антин> Фед<орович>[5] *сошлись*. Меня убивает, что ты не допускаешь меня перед тобой покаяться. Умоляю Христом Богом, дай на себя взглянуть, упасть перед тобой на колени и умереть. *Святой, ты не можешь себе представить, как мучаются грешники*. Письмá Христа ради не пиши; *умру*, не распечатав, а мне хочется умереть, взглянув на тебя. Не погнушайся приехать как можно поскорее; заклинаю теми *минутами, которыми тебе когда-нибудь было хорошо со мною.*[a]

Рукою Гилярова написано:

1) А<лексей> Никитич[6] подарил картину. М<арья> С<аверьевна> спрашивает: а вам не жалко этой картины?

А<лексей> отвечает: мне моя жизнь дороже картины.

2) Она мне говорит: «Я бы ничего не пожалела, если бы кто мне родил сына от Константина».

— Так родите.

— Да вот не родится.

— Давайте 15 000: я вам рожу к завтраму, будет готов.

Не говорила, что с Томиловым[7] целовалась.

Никаких «Москов<ских> ведом<остей>» не читала, и никаких громких вздохов не слыхала.[8]

Что будто в мае проспала со мною — ложь, и совсем этого не рассказывала.

О Поле[9] не говорила.

3) Сказала, что близка с К<онстантином> Ф<едоровичем>, вовсе не в последнее время, а *давно*. Сперва говорила, что ходила пить с ним шоколад, потом — что *спать в «Одессу»*.[10]

4) Я заверну его и брошу. В роде этого было сказано вовсе не по возвращении в Перово, а в Петровск<ом>-Разумовск<ом>,[11] когда очень тосковала, и сказано об утешении, ввиду того, что М<арья> С<аверьевна> сказала, что К<онстантин> Ф<едорович> влюблен в Душу.

5) Раз как-то было: не трогай его пока. А там после, пожалуй, и с ним благословлю.

6) Напротив, мечтала она, М<арья> С<аверьевна>, поехать в деревню к Константину, и как они вдвоем будут там, и Душа в красном сарафане...

---

[a] На полях напротив этих слов стоит пометка «NB».

Письмо М. С. Скавр<онской>
к Н. П. Гилярову

Я опять не сомкнула глаз, думала о тебе и *молилась*. У меня осталась какая-то частичка привязанности к тебе, и мне тебя жаль. Не давай себя на посмеяние. Ведь тобой играют по молодости, по глупости. Ты не спишь, не ешь, — и я не сплю, не ем; мы измозжаемся, а над нашими могилами строятся жизненные планы. Сообрази: ты ли посылал эти три утра Душу в Контору или она пошла по своему желанью; вероятно, с Гаврилой-тискальщиком или с каким-нибудь корреспондентом ей послано было сказать, чтоб она приходила. И ты сделал то, чего я боялась, желала предупредить. Заранее я сказала Ан<не> Алекс<андровне>, [12] — когда Душа сказала Федору, [13] что писал К<онстантин> Ф<едорович>, то я сказала Ан<не> Алек<сандровне>: она напишет ему про Алексея; вероятно, Н<икита> П<етрович> сказал: *«Ужасно, если и тут растление»,* то она внушит К<онстантину> Ф<едоровичу> сказать, что *я растлила и его*. Мне он в первый раз сказал, что был один раз в публичном доме, потом несколько раз проговаривался, и между прочим так: «Нет хуже иметь дело с деревенской девушкой: ты горячишься во время сообщения, а она из стен мох выковыривает». Я при этом подумала: значит, у них избы мшоны, а не на пакле. Я заметила ему, зачем он лгал, что он не знал женщин; он засмеялся. Я знала, что он скажет тебе, что я его рассмешила, после Душина письма. Об Алексее я никогда не проговаривалась. Я говорила Ан<не> Ал<ександровне>: боюсь, что Н<икита> П<етрович> доведет до того времени, что они свидятся и сговорятся. Душа, зная характер Н<икиты> П<етровича>, научит К<онстантина> Ф<едоровича> сказать, что он горит нетерпением исповедаться; так и случилось. Теперь чтó им мешает разглашать Алексееву историю, а я тогда еще сказала: надо это предупредить, а то они оторвут у Н<икиты> П<етровича> *меня, единственную преданную ему, хотя и грешную против него*. К<онстантин> Ф<едорович> не был искренен с тобою. Вероятно, Душа сказала ему: «Говори как можно хуже; он про нее теперь слушает все дурное». К<онстантин> Ф<едорович> мог тебе сказать, что часто, бывало, я сижу невесела, он спрашивает: «Отчего?» Я отвечаю: «Нам предстоит платеж». Он говорит: «Какое тебе дело?» — «Не могу не печалиться: *я и Н<икита> П<етрович> одно нравственное*». Не раз я ему говаривала: «Неужели тебя не мучит совесть перед Н<икитой> П<етровичем>, он отвечал: «Нет». Я говорю: «А *я вся* истерзалась». Он успокаивал, что такие обстоятельства раз были, и принес мне для успокоения «Исповедь» Ж. Ж. Руссо, в которой говорится, что Г-жа Варренс, живя с Анесом, сошлась с Ж<ан> Ж<аком>, [14] который по отношению к ней был в таких годах, как я к К<онстантину> Ф<едоровичу>, и жила долго с обоими, а Ж<ан> Ж<ак> не перестает называть ее высоконравственной. [15]

Я прочла и говорю ему: «Но вы не Jean, ни Jacque, ни roux, [16] ни sot, [17] и уж ни в каком случае не Ж. Ж. Руссо; [18] поэтому вы назовете меня потом безнравственной и жестоко надо мной посмеетесь».

Жалею, что ты не даешь мне говорить даже *с образом в руках*. Я все еще долго не верила, что тебя можно так обойти. Вчера ты наговорил еще столько новых

клевет, что я увидала, что Душа действует теперь отчаянно — без узды, так как ты ее слушаешь; и не может остановиться. А как она над тобой же посмеется с тем же К<онстантином> Ф<едоровичем>. Теперь он, вероятно, у брата в Богородске,[19] вот почему он никуда не идет. Будь, Никита Петрович, судья праведный и не слушай одну только сторону. Я ведь полагаю, что они тебе про себя во всем признались. Жаль мне тебя. Мне сегодня в Псалтири вышло, что обличителем лжи будет самый ничтожный человек. Я подумала: Федор, а теперь мне пришло в голову: Никита. Может быть, ты решишься спросить его обо всем, чтобы он сказал тебе только правду; не советую в присутствии Души: она его запугает. Я думаю о тебе, чтоб не посмеялись над тобой. Лично же я даже не имею злобы на простоту Души, ни против К<онстантина> Ф<едоровича> по отношению ко мне, мне досадно на них по отношению к тебе: *они отняли у тебя меня*. Я предоставляю их гневу Божию, п<отому> ч<то> Он сумеет наказать их так, как я и не придумала бы своей слабой головой. Да не исполнится над тобой пророчество Давида.[20]

I

8 июля 1877 г.

Прошел вчерашний день; я бодрилась. Проходит сегодняшний, и я опять не в состоянии сидеть, есть и пить. Значит, ты еще не в состоянии меня видеть. Между тем как я вполне наказана за свои преступления. Клянусь Богом, тобою и памятью отца, что ни одного слова неправды не будет в этом письме. Ты мог бы его прочесть Душе, но лучше ты тихим тоном скажи ей его содержание, где будет говориться, как она меня обманывала и закрывала глаза.

Я грешна перед Богом и пред тобою относительно *Ал<ексея>*.[21] Повторяю, что с моей стороны была жертва, а он чувствовал свое преступление и страдал от него, но был мне благодарен за «спасение жизни», как выразился он раз в присутствии Души, и она меня спросила: «Чем вы ему спасли жизнь?» Я ответила какие-то пустяки. *Ал<ексей>* мучился, и когда пришел мне сказать о намерении жениться, сказал: *«Хоть этим очищусь»*. Страдала и я и вешала веревку, чтоб удавиться. Имя твое поминалось как святое или совсем не упоминалось. За это мое преступление Бог меня наказал теперь. *Он послал мне испытание в виде влечения к К<онстантину> Ф<едоровичу>*. Я, повторяю, боролась, и если ты помнишь, как я прибегала к тебе ночью и просила спасти меня и как просила отказать ему; то теперь, когда твой гнев смягчился, поверишь этому. Как на исповеди говорю, что если б ты немножко был ласковее тогда ко мне, я не споткнулась бы. Ты стал ласковее уже поздно. Я не Калинишна[22] телесного разврата и была бы честной женой, если б был жив муж.[23] Теперь послушай, как велико было мое наказание. У меня сын и дочь, называющие меня мамой.[24] Я об них сердечно забочусь. Себе не делаю к весне обнов; стараюсь, чтобы дочь моя была прилично одета, чтобы она пользовалась удовольствиями, думаю, как бы сделать, чтобы она кончила курс в университете, о чем убедительно просит ее брат. Они беспрестанно шутят, дерут друг друга за уши, возятся, ходят вдвоем гулять.

Дочь начинает мне поговаривать: «А ведь вы очень будете рады, если у меня от *Кости* будет сынок.[a] Вы его ужасно будете любить». Я ей отвечаю: «Не режь меня по сердцу. Погоди пока до Константина дотрогиваться. *У меня чувство к нему сойдет на нет, тогда как знаешь*. Во всяком случае рано думать об этом». В это время в 4 № еще жил тот студент Шалимов,[25] с которым она, как сама на даче мне призналась, сильно целовалась. (Это после того, как я на студента этого раз закричала, что он ее в темноте останавливает, и она дала мне слово, что не будет с ним останавливаться.) В это время ты отказал Оглоблину[26] в даче; он, как водится, разозлился на меня. Потом просил у меня взаймы денег; я отказала, а сама заняла у Маши Маршак и дала К<онстантину> Ф<едоровичу>. Через день или два после этого приходит К<онстантин> Ф<едорович> и говорит, что брат его ужасно его ругает за деньги, которые он от меня берет, за то, что он со мною хорош и хочет переехать ко мне на дачу, что деньги эти я ворую и что Ник<ита> Петр<ович> меня прогонит. Раз уж я валялась на коленях и просила, чтоб меня не выгоняли из редакции. К<онстантин> Ф<едорович> говорит: «Это мог сказать только Оглоб<л>ин, п<отому> ч<то> он один злится на Мар<ью> Сав<ерьевну>». Брат признался, что это говорил Оглоб<л>ин, стал очень добр к К<онстантину> Ф<едоровичу> и ничего не имел против переезда его в Перово. Я до конца не верила, что он переедет, п<отому> ч<то> ему не понравилось в Перове. Не знаю, говорила ли и Душе, но про себя я решила прекратить всё, когда он уедет в деревню, но не обрывать, но продолжать только знакомство и сойти на нет. К<онстантин> Ф<едорович> переехал. Душа поехала к нему на несколько часов. Нет, я послала ее получить с жильцов деньги. При этом строго наказала вернуться непременно в этот же вечер и, как только заметит, что он начинает громко вздыхать, так отойти от него подальше. Душа вернулась в этот же вечер и вызвала меня в коридор, сказав, что Костя просит взглянуть на маму. Скверно было у меня на сердце: я не доверяла им уже давно. Я вышла. Тот чувствительно спрашивает, легче ли руке, и, заметив, что я не в духе, спросил отчего. Я говорю: «Душа в последнее время меня беспрестанно режет по сердцу, твердя, что принесет мне сына от тебя. Мне лучше скажите всё прямо».

Он говорит: «Я не знаю, с чего это она болтает».

Тяжело мне было. Я сказала, что сейчас принесут телеграммы,[27] и ушла.

Душа показывает мне[b] серьги и говорит, что он сам их ей вдевал за то, что она приехала к нему на дачу. Чуть ли не с Пасхи[28] он обещал ей серьги, если она приедет к нему на дачу. Далее Душа говорила, что он просил ее ночевать, а когда они читали вместе «Моск<овские> вед<омости>», то она заметила, что он начал громко вздыхать, и отошла. Это я рассказываю в доказательство, что серьги подарены не за меня. Душа меня все дразнила, что ей серьги, а мне — ничего.

Собралась я ехать на дачу и мучусь, что всё лжем. Душа убеждает меня не раскаиваться и рассказывает, что когда в мае я была в Перове, то она всю ночь

---

[a] Напротив этих слов, на чистом обороте л. 16, кн. Шаховской написал карандашом: «Дочь отбивает любовника у матери».

[b] *Далее зачеркнуто*: деньги. *Очевидно, нечаянная описка.*

проспала с тобою. Ты ее обнимал и целовал, а она отвернулась и говорила сквозь сон: «Оставьте, Иван Васильевич,[29] я барину скажу». Уверяла, что ты очень ласкаешь ее и Полю. Я говорю: «Не верю, п<отому> ч<то> барину всё это время не до ласки, он и меня не ласкает». Она говорит: «А нас ласкает; и с Полей непременно имел дело в 26 №; это уж я наверное знаю».

Я почувствовала отчаянное одиночество, потерю веры в святое; совсем пала духом и говорю: «Не верю». Она говорит: «Хотите докажу. Уезжайте в Перово. Только мне жаль вас, п<отому> ч<то> после меня вас барин в тряпку сотрет. Я теперь умею обращаться с мущинами». Я говорю: «О нет, это уж будет очень дурно». А потом раздумалась и говорю: «Ну, пожалуй!» Я пошла к Авдотье Ривокатовне[30] и рассказала ей. Она говорит: «Это возможно: мущины все одинаковы. Александр Петрович[31]...» Я прервала: «Не сравнивайте его, пожалуйста, с Никитою Петровичем».

В этот вечер я поехала в Перово. За чаем я передаю К<онстантину> Ф<едоровичу> слова Души и говорю: «Но я все-таки не верю». Он говорит: «Пожалуй, это она соврала; я тоже не верю». Потом молчал, молчал, схватился за сердце и говорит: «Зачем все это говорила. Ой, ой, ой, как мне жалко Душу». Я воображала, что он пожалеет меня, мне стало страшно грустно. Я пошла на балкон, заплакала и говорю: «В прошедшем году, сидя здесь на балконе, я чувствовала грусть, а теперь тяжелое одиночество». К<онстантин> Ф<едорович> начал стонать, зачем он брал у меня деньги, когда мог обходиться 15 р<ублями>. Я говорю: «Так вот, когда уедешь, тогда все и кончится. Французская пословица говорит: далеко от глаз, далеко и от сердца.[32] Оттуда вернешься, возьми, а долг выплатишь исподволь».

Когда я уезжала, он говорит: «Ради Бога, мама, пришли ко мне Душу; мы с ней в тот раз так хорошо гуляли». Я говорю: «Да ведь теперь ей придется ехать вечером».

— Ну да, ночевать.

— Нет, это не годится.

— Ради Бога, даю честное слово, что не трону.

Я приехала и сказала Душе. Назначен день ее поездки. Я призываю ее и говорю: «Позволяю тебе ехать, п<отому> ч<то> умолял Константин. Но, зная его несдержанность и твою бессовестность относительно мущин, прошу тебя всем, что для тебя свято, приехать с самым ранним поездом, а проспишь, беги пешком. Знай, что я всю ночь не усну».

Ночь я почти всю не спала. Наутро в 9 часов сижу за самоваром. Души нет. Приходит время второго и третьего поездов; ее все нет. Ты сердишься. Я тревожусь до изнеможения. Подкашиваются ноги. В 12 часов ночи она приходит и подходит ко мне. Я вздрогнула и говорю: «Взгляни на мое лицо, убийца матери. Ведь я умоляла тебя приехать с самым ранним поездом или бежать пешком. Ты видишь по лицу, как я тревожилась».

— Я сама тревожилась. Но весь день шел дождик, а с 5-часовым поездом опоздала, т<ак> к<ак> там часы врут.

(По приезде в Перово я узнала, что только рано утром кропил дождик, а в 5 ч<асов> она спала с К<онстантином> Ф<едоровичем> на одной кровати, о чем Матрена [33] клялась перед образом.)

И все это говорится с дутьем на меня, со злобой и потом, круто повернувшись от меня, сердито уходит в переднюю. Я подхожу и спрашиваю: «Приехал К<онстантин> Ф<едорович>?»

— Нет.

Я поверила. Весь вечер я не говорила с ней, не пила из ее рук кофе, не допустила укладывать меня в постель, наутро не позвала подавать кофе и одевать.

Ты говоришь, что она старается отыскивать карточки и хочет угодить за прогулку. Между тем она условилась с К<онстантином> Ф<едоровичем>, что придет рассказать ему, как я ее встретила, и, никому не сказавши, оделась и пошла. Я выхожу в коридор и вижу, что в конце его перед зеркалом очень долго кто-то охорашивается. Мне блеснула мысль, что К<онстантин> Ф<едорович> приехал вчера с ней и она теперь идет к нему. Это предположение оказалось верным. К<онстантин> Ф<едорович>, приехавши в Перово, сказал, что долго пробыл с Душей. Она пропадала от 12 утра до 8 ч<асов> вечера (вероятно, в «Одессе», о которой она говорила при мне) и пришедши сказала, что была у Наст<асьи> Ив<ановны>; [34] она действительно была там перед вечером и условливалась перейти к ней — жить у нее, а между тем К<онстантин> Ф<едорович> обещал к ней туда ходить, подготовлять к университету, сойтись с ней и потом на ней жениться. Не думай, Никита Петрович, что это мои предположения. Из дальнейшего ты увидишь, что это правда. Рука ужасно устала писать, но необходимо показать тебе, защитником кого ты взялся быть против меня, давно беззащитной против этой ужасной девушки.

Когда она вернулась, я, подозревая, что она была на свидании с К<онстантином> Ф<едоровичем>, спрашиваю: «Теперь К<онстантин> Ф<едорович> в Перове?» Она грубо отвечает: «Вчера остался там, а сегодня не знаю».

Я приезжаю в Перово. К<онстантин> Ф<едорович> не подходит здороваться. Мечется по дивану, хватается за сердце, стонет, что потеряет любовь брата из-за меня. Я утешаю, что любви брата он не потеряет, или вскоре уедет в деревню и больше не будет со мною знаться и брать от меня денег. Он начинает резко высказывать мне, зачем я с ним сблизилась. Мне бы хотелось всю эту нравственную пощечину рассказать тебе, но рука устает; передам когда-нибудь на словах. Я отвечаю ему, что он до сегодняшнего дня так был доволен этой близостью и брата не хотел слушать и что вообще в его тоне слышится фальшивая нота; что, очевидно, он брата не видал, а наговорился с Душей против меня; она жаловалась на свою жизнь и разжалобила. Прошу убедительно сказать правду, сблизился он с ней или нет. Он клянется, что нет; что пощадил ее из того только, что, сошедшись с ним, она не захотела бы учиться, а теперь мечтает о семинарии [35] и он не хочет лишать ее хоть этой мечты.

Я говорю: «Близости телесной я не желаю с Вами, но я всегда просила отстраняться не резко, хотя бы за мою доброту к Вам».

— Нет, я так решил, так повелевает долг.

— То есть долг, наложенный Вами на себя: сойтись с Душей. Вы и не проститесь со мной?

— Я могу целовать только ту, которую полюбил, которая может быть моей женой.

— Вам еще рано думать о женитьбе. А всё, как Вы меня оскорбляете, подстроила девушка, о которой я так заботилась.

— Не мстите ей! Но что если она не будет любить меня?!

— Она сама себе отомстит, п<отому> ч<то> вы, узнавши ее хорошенько, не женитесь на ней. Теперь она вас разжалобила и вам кажется, что вы ее любите; ведь вам казалось, что вы и меня любите.

— Вольно вам было всё принимать за чистую монету, вы могли этого ожидать.

— Я ожидала каждый день, но не ожидала таких оскорблений. Я даже часто думала, как может молодой человек так ласкать не любимую им женщину.

Он в это время лежал на диване. Я села в ногах; взяла его ноги, поцеловала и говорю: «Вот как умоляю Вас сказать: сошлись вы с Душей или нет?»

— Какое вам дело, если между нами что и было!

— Как, какое дело? Она моя воспитанница, и вся пока зависит от меня. Ее жизнь не должна устраиваться без моего ведома. Я на нее положила много забот; но она бесчувственная; напрасно вы думаете, что она вас будет любить.

— Нет, у нее доброе сердце.

— Нет, если она со мной так поступает, то и с вами будет так. Я вас прошу сказать, что́ вы намерены относительно Души?

— Вы обещали незаметно отстраниться, если мы с ней сойдемся.

— Никогда. Я говорила, если Вы кого полюбите, то скажите мне прямо и я незаметно отстранюсь.

— Нет, ее надо вырвать оттуда.

— Вырывайте, но только вы нарветесь.

— Зачем вы говорите мне дурно об Душе? Зачем вы заставляли меня вставать перед Ник<итою> Петр<овичем>?

— Об Душе я плакалась Вам как ее брату, а просила вставать перед Ник<итою> Петр<овичем>, п<отому> ч<то> мне больно было видеть, что вы, оскорбляя этого человека, сидите перед ним, когда он к вам подходит.

— Душина жизнь у вас нехороша. И вы не дали ей никакого образования.

— Я сделала много для крестьянской девушки, которую взяла почти Христа ради.

— Мне очень больно, что между вами и ею нет дружбы.

— Я очень бы ее любила, если б она была не так беспечна, не такая растрепа и трудолюбива.

Я забылась на одну минутку и видела в бреду, что Ив<ан> Фед<орович>[36] привязал меня к столбу и прибил надо мною какую-то записку. Я закричала, проснулась и вышла в сад; потом велела ставить самовар. Когда я выпила,

К<онстантин> Ф<едорович> нагло, значительно и смеясь говорил мне, что у него спазмы в животе и зубы распухли (это с ним всегда бывало, когда он очень ласкался). Мне припомнилось, что накануне Душа пропадала несколько часов.

Я села на балкон и тихо плакала очень долго. К<онстантин> Ф<едорович> говорит: «Мне вас очень жаль; но долг прежде всего». Я говорю: «Я ничего не прошу; впрочем, прошу, чтобы вы за мое искреннее к вам чувство и за мою доброту не позорили меня. Дворянин всегда щадит имя женщины, даже не такой, как я». —

Приехавши в Москву, я вызываю Душу в коридор и говорю: «Хочешь знать, как обошелся со мною К<онстантин> Ф<едорович> после твоего пребывания в Перове?» Я рассказала ей подробно всё и говорю: «Знай, что я была близка с ним». Она всплеснула руками с видом удивления. Радостно бросилась ко мне на шею и говорит: «Ах, какой он подлец! Этак он и меня бросит! Я, мамаша, отплачу ему за вас. Я заверчу его и брошу».

— Сделай это, Душа, дочь моя; впрочем, ты его не бросишь, п<отому> ч<то> таких ласковых мущин женщины не бросают.

— Ай, мамаша, я хочу испытать, как он ласков.

Потом начинает уверять, что он ко мне вернется. Говорит с насмешкою о нем подробности, как он вспомянет обо мне, когда ему нечего будет перекусить.

— Он хочет тебя вырвать у меня.

— Куда это вырвет; в Ляпинку,[37] что ли? Я его всегда глубоко ненавидела за то, что он, бравши у вас деньги, отнимал их у меня; отнимал ваше сердце. Я так была рада, что он тогда не спал всю ночь, оттого что я на него дулась. Какой он подлец. Мой милый Ив<ан> Як<овлевич>[38] оказывается лучше всех.

— Я очень, очень рада, что он уедет и все кончится, п<отому> ч<то> меня совесть истерзала всю; но я не хотела, чтобы он оборвал с такими оскорблениями и приписываю все тебе. —

— Клянусь Богом, матерью и всем, что для меня свято, что я ненавижу его; дурно об вас ничего не говорила и не только не целовалась с ним, но даже не сидела близко возле него. —

— Отчего ты такая бледная?

— У меня от всех этих тревог низ живота оч<ень> болит.

(У меня после его ласки всегда болел живот.)

Авд<отья> Рив<окатовна> говорит, что Душа жалуется на низ живота.

Душа страшно клянется, что опоздала на поезд, что шел дождь и что К<онстантин> Ф<едорович> в Москву с нею не приехал. Потом вдруг радостно говорит: «А ведь вы нас благословите, когда мы будем вместе?»

— Нет, если б он не так расстался, то благословила бы. Я часто думала, что приготовила бы тебя в образовании и, может быть, он бы на тебе женился; но теперь вижу, что он не женится.

— А ведь вот Лизавета, которая жила у Наст<асьи> Ив<ановны>, вышла замуж за того студента, от которого каждый год рожала двойни. Я от Кости очень

скоро забеременˆ<е>ю. Он очень чувствителен, очень любит маленьких детей и женится. Ведь хорошо будет: Авдотья Ивановна *Экземплярская*.

— Нет, не совсем складно. Да еще ему придется получить от барышень отказ за свою фамилию.

— Поэтому ему лучше всего жениться на мне.

— И ты, лежа с ним, смеялась бы надо мною?

— Очень возможно и даже непременно. Ты помнишь, как я была расстроена пред отъездом в Петровское-Разумовское. Выразить не умею, как я терзалась. Обида за оскорбления от К<онстантина> Ф<едоровича>; совесть мучила, грызла перед тобою, терзалась Душиною неприкаянностью. В воскресенье я хочу послать письмо к Ив<ану> Фед<оровичу> и говорю, чтобы она в адресном столе узнала его адрес. Она предлагает узнать в Ляпинке от Ив<ана> Яков<левича>; рассказывает подробно, как он с нею встретился, как проводил по Газетному переулку. Я спрашиваю, где же она ждала?

— «Там на дворе; одна сидела. Говорят, Костя был в Ляпинке и пошел к брату в Богородск».

— Приехавши в Перово, К<онстантин> Ф<едорович> говорил Федору, что виделся в воскресение с Душей. Она имела святое лицо и повторяла: бедная мама и Душа; у них нет их Кости. В Богородске К<онстантин> Ф<едорович> дождался моего письма. Ив<ан> Фед<орович> удивился, что означают мои слова: «Ваш брат еще не испортился. Я сама беспокоюсь, как бы он не избаловался, получая от меня деньги; но теперь все кончено, а мне утешительно знать, что есть такая высокая братская любовь, которая может удержать на скользком пути. Меня не карайте, п<отому> ч<то> женщина чаще слушается сердца, нежели рассудка. Вашему же брату посоветуйте, чтобы ему не пришлось еще когда-нибудь сказать искренно любящей его женщине: “Вольно было мои добрые поступки принимать за чистую монету”».

Прочитавши это, Ив<ан> Фед<орович> назвал его подлецом и хотел с ним вместе ехать ко мне извиняться. К<онстантин> Ф<едорович> позвал его в портерную [39] и, напившись сильно, начал ему рассказывать про меня. Только тут он рассказал все, а не прежде, как уверял меня, и рассказывал так, что Ив<ан> Фед<орович> говорит, что у него полголовы поседело.

Это мне рассказывала Душа, бывшая у Ив<ана> Фед<оровича> в Иванов день. [40] В среду я получила от К<онстантина> Ф<едоровича> следующую записку: «Мама, я уезжаю в четверг утром, в 11 часов утра. С воскресенья на понедельник был у брата. Читал твое письмо. Крайне обидны некоторые места этого письма. Если приедете, сделаю выговор».

Душа искренно грустила, что он ей не прислал письма, и утешала меня, что меня он продолжает называть мамой. Ан<на> Ал<ександровна> говорит, что Авд<отья> Рив<окатовна> говорила ей со слов Души, что Душа в это время тоже получила письмо от К<онстантина> Ф<едоровича> ругательное на меня. Зачем же не показала она мне этого письма? Не сказала об нем ни слова? Меня это подвинуло бы на раскаяние перед тобой и раскрыло бы глаза еще больше.

В Петр<овском>-Разумов<ском> я мучусь. Душа веселится. В Иванов день, когда она была у Ив<ана> Фед<оровича>, пришел Федор и говорит, что проводил К<онстантина> Ф<едоровича>

Я говорю: «Очень рада, что он уехал».

Федор говорит: «Да, а то бы нехорошо пошло».

— Что же?

— Приедете в Перово, и расскажу.

— Нет, расскажи теперь.

— Я было дал слово не говорить, да уж очень вас жалко. Матрена в 5 часов внесла в горницу № газеты и положила на столик. Думала, никого нет в горнице; подошла к кровати и увидала, что они рядом спят. Пришла в кухню и говорит: «Ведь Душа спит с К<онстантином> Ф<едоровичем> на кровати». Я хотел разбудить, да думаю, неловко. Потом К<онстантин> Ф<едорович> спрашивает: Кто вносил №? Я говорю: я. Он меня потом два раза Христом Богом просил не говорить вам. Когда Душа вернулась от Ив<ана> Фед<оровича>, я говорю тихо: вот Федор говорит, что ты лежала на кровати с К<онстантином> Ф<едоровичем>.

Она вся побелела и закричала на Федора, что он врет. «Начались клеветы, когда уехал Константин». Потом напустилась с укором на меня. «Как гадко! У вас только дрязки <так!>, сплетни, клеветы». Федор сначала смутился, а потом тихо начал ей говорить, что это правда. Она легла на постель и заснула сном праведницы.

Всю ночь я молилась на балконе, что Бог дал мне испытать в наказание, что испытывал ты, когда узнал о моих отношениях к *А<лексею>*. Я просила Бога со слезами, чтобы он ребенком прикрепил меня к тебе; давала перед Богом клятву, что ты всегда для меня останешься самым дорогим существом. Потом разбудила Душу, велела ей молиться Богу. Она встала и нагло закурила папироску. Потом положила несколько крестов и опять легла и заснула спокойно. Рано утром мы пошли с ней к Ивану пить кофе. За кофием она мне говорила, что Ив<ан> Фед<орович> меня не карает, а бранит К<онстантина> Ф<едоровича>, что он мущина и не удержался. Что напрасно я полагаю, что К<онстантин> любит Душу. Об ней он ничего не говорит, между тем как когда увлекался мной, то все уши ему прожужжал, какая я добрая и благородная женщина. Душа просила у меня очной ставки с Матреной. Я поняла, что она надеется перенаглять. Ведь она меня назвала бессовестной в ту минуту, как сама спала. Она испугалась, что ты дашь мне возможность говорить, и решилась сказать, что я бессовестная. У меня в эту минуту корни волос поднялись. Напрасно ты думаешь, что я на даче зверски к тебе относилась. Нет, я никогда так горячо тебя не любила, как в это время, но я терзалась и не знала, как приступить, п<отому> ч<то> ты был расстроен. Помнишь, я все твердила, что простой народ совесть не мучит, что я молилась всю ночь, что Бог наказывает человека тем, в чем он согрешил. Я терзалась. Душа рядилась в красный сарафан и мечтала так: «Представьте, в конце июля я поехала в деревню. Костя приехал в гости к А. Ф. Тихомирову (сыну ка-

раваевского священника,[41] с которым он в Москве живет на квартире и который просил его приехать погостить в Караваево). Они подходят к хороводу, и вдруг в хоровод выхожу я».

Иногда она тревожилась, что К<онстантин> Ф<едорович> увидит ее убогую избу.

Я в это время думала: роет мне могилу и пляшет над этой могилой.

Накануне отъезда К<онстантина> Ф<едоровича> у него был Ив<ан> Яковл<евич>. Федор, подавая самовар, слышал, что они всё разговаривали о том, чтобы вырвать Душу. Вероятно, Ив<ану> Яковлевичу К<онстантин> Ф<едорович>, рассказывая, представлял все в ужасном виде и подробно говорил, как наносил мне нравственную пощечину. Уезжая, К<онстантин> Ф<едорович> дал Федору 5 рублей передать Душе на поездку в деревню.

Последнюю ночь, проведенную мною с Душей, я заставляла ее каяться и божиться и молиться и себя хотела лишить жизни. Я ей говорила: «Много забот я на тебя положила. Когда ты приехала из деревни, я не допустила тебе остаться у Ек<атерины> Сав<ерьевны>;[42] взяла к себе; обула, одела, доставляла удовольствия и просила погодить дотрогиваться до Константина. Недаром у меня резнуло по сердцу, когда я тебя ему представляла. Как ты мне отплатила, и тебе не жаль, что я готова лишить себя жизни».

На ней задрожала рубашка. Она начала умолять меня отпустить на две недели в деревню отдохнуть. Говорила, что ей тяжело оставаться при мне. В воскресенье она поспешила от меня уйти. В понедельник я получаю от нее записку, что она видела Ив<ана> Фед<оровича>. Тот говорит, что в Ляпинке так дурно обо мне слышал (вероятно, от Ив<ана>[a] Як<овлевича>), что решается написать Никите Петровичу. Просто ужас!

Я ей отвечаю запискою с Ильинской:[43] «Меня не ужасает письмо Ив<ана> Фед<оровича>, а убивает твоя безраскаянность. Приезжай ко мне». Авд<отья> Рев<окатовна> говорит, что, прочитавши эту записку, Душа сказала дерзким тоном: «Скажите мамаше, что если она будет писать мне такие записки, то я никогда к ней не приеду». Вечером приезжает Авд<отья> Рев<окатовна> и передает мне, чтобы я ехала в Перово, не заезжая в Москву. Я принимаю это за твою заботу обо мне, что в Москве душно. Наутро я получаю по почте письмо от Души, в котором она говорит, что ты все узнал, зверски зол, заставил ее сказать все под страхом отсылки в деревню и она раскаялась во всем.

До получения этого письма я писала с половкой,[44] умоляя тебя приехать, искренно решившись тебе все рассказать, настоящую правду. Я этого жаждала. Получаю ответ от Души: «Барин велел вам сказать, что вы наглая женщина, даже теперь не сознаетесь, и чтобы вы уезжали с его дачи». Я опять пишу, умоляя дать мне возможность излить всю мою душу. В ответ Душа говорит, что он этого письма не принял и велел уезжать скорее в свое Перово. От себя она прибавляет совет, чтобы я не заезжала в Москву.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Фед<оровича>.

Меня брало отчаяние, что мне завязывают рот, и я решилась поехать. Она меня уговаривала не ездить к Ив<ану> Фед<оровичу>, вероятно, опасаясь, что я расскажу ему правду; он, как видно, знает факты в искаженном виде. Предполагаю не без оснований, что он не допускает до меня Настасью Ивановну, которая, к удивлению, несмотря на мои просьбы, до сих пор у меня не была. Душа очень хорошо знает, что Нас<тасья> Ив<ановна> не примет ее, узнавши правду. Никита знает оч<ень> много про Душу, но она его запугала наглостью. Если у тебя будет время, допроси его без нее.

Как ты ни выпусти Душу — в деревню ли, к Наст<асье> Ив<ановне>, она сойдется с К<онстантином> Ф<едоровичем>. Это было бы ей лучшее наказание за клятвопреступления и неблагодарность ко мне, п<отому> ч<то> он ее бросит; но нехорошо, что между студентами она будет распускать ложь. Ведь она после всего способна сказать, что ты ее обесчестил или что я ее продала. Вот почему я тогда сказала, что я пала, но дно есть, а она пала бездонно. Видит Бог, что я ее дурному ничему не учила. Ей стало нужно во что бы то ни стало отвязаться от меня, и она решилась на всё против меня. За что она меня возненавидела? За то, что оскорбила. К ней это изречение применимо. В моем же характере зализывать наносимые мною раны, и потому, греша, я ласкаюсь, но, клянусь Богом, искренно, сознавая свою вину перед оскорбляемым мною человеком.

На днях должен приехать К<онстантин> Ф<едорович>, и Душа будет или убегать, или убежит. Мне бы хотелось, чтобы Ив<ан> Фед<орович> прочел это письмо, хотелось бы, чтоб ты Душе прочел это письмо, но ведь она безраскаянна.

Перед тобою искренно раскаиваюсь и прошу прощения. Нетерпеливо, с отчаянием жду, когда ты позволишь повидаться. Этот месяц терзаний в корне подкосил мое здоровье. Не слушай эту девушку ни в чем; всё у нее лукавство. Если ты еще гневаешься на меня, вызови меня и избей в кровь, только позволь взглянуть на тебя.

Кроме презрения к К<онстантину> Ф<едоровичу> у меня ничего не осталось к нему.

Перечитавши, я вижу, что пропустила много такого, что хотела сказать на словах. Искренно скажи, желаешь, чтобы я осталась жива или нет? Я оскорбила тебя глубоко, а ты наказываешь меня жестоко.

Душа всем твердит, что она уже отрезанный ломоть. И эта дурная девушка каждый день тебя видит.

Письмо М. С. Скворонской к Н. П. Гилярову

В последнем письме ты мне говоришь, зачем я к тебе писала такое большое и грязное письмо? Я хотела доказать, что за свой обман я достаточно наказана *обманом* же. Ты говоришь, зачем я в своих письмах упоминаю Душу. В письме

с дачи я просила тебя позволить излиться перед тобой и в помышлениях не имела затрогивать ее. Тогда у меня на нее было только подозрение. С такою же целью я приехала к тебе, но, когда я услыхала ее преувеличенные намеренно показания, тогда я сначала удивилась, а потом, узнавши много, убедилась, с какою целью она меня позорит, и после этого мне трудно было удержаться, чтобы не упоминать об ней, не стараться доказать, кто раскаяннее.

Невольно придется упомянуть об ней еще раз. Неоднократно она мне говорила, что ты меня не любишь и стоит ей сказать про меня тебе что-нибудь, как ты от меня отвернешься. Я вижу, она была права. Я вижу, доколе она при тебе, ты мне верить не будешь. Но здоровье мое до того расшаталось, что мне нужно спешить своими показаниями.

Ты спрашиваешь, что я намерена предпринять? Не только намерена, но желаю и даже *требую* открытой исповеди в своей десятилетней жизни с тобою. Но не в трактире, не в роще, не на дебаркадере,[45] а у себя, п<отому> ч<то> я более получаса сидеть не могу. Я поняла, что мой единственный защитник — Бог, в Которого я теперь страстно верую. Он единственное упование мое, и утешение мое — очиститься перед Ним. Поэтому я требую для себя исповеди в присутствии Его представителя — священника с крестом и Евангелием, в присутствии тебя, Алексея Никитича, Константина Федоровича, Души, Поли и одного постороннего лица, хотя бы Бердникова.[46] *Я требую* этого, и если мне будет отказано, я потребую в силу еще не отнятых у меня гражданских прав, а в крайнем случае просьбою к митрополиту,[47] чтобы мне дано было право открыто исповедаться. Я не хочу умирать с позором и жить не хочу опозоренной.

Тогда я попрошу тебя прихватить с собою все мои последние письма.

Первый листок был написан до приезда Анны Александровны. Она находит, что открытая исповедь выйдет умнична. Поэтому я прошу, чтобы ты приехал ко мне и Ал<ексей> Никит<ич>. Скажи ему, что я очень больна и прошу видеть вас вместе. Во-вторых, я прошу тебя приехать ко мне с обоими Экземплярскими или попросить их приехать ко мне, но непременно обоих. Младший лгун. Ан<на> Ал<ександровна> говорит, что тебе приходило в голову просить его бывать у меня. Не строй насмешек над полуживою уже женщиною. Довольно надо мной посмеялись уже в твоей квартире, когда ты говорил содержание моих писем. Не делай этого хоть во имя *того чистого чувства, которое ты имел ко мне*.

В-третьих, я попрошу тебя приехать ко мне с моим духовником, чтобы я перед ним исповедалась при тебе в своей десятилетней жизни с тобою.

Если ты этих просьб моих не исполнишь, то и я потеряю веру в тебя, как ты потерял в меня. Ты сказал Ан<не> Ал<ександровне>, что я не хочу рассказать правду про себя; все время я только и молю о том, чтобы ты дал мне возможность показать под присягою. Ты не хочешь верить ни одному моему слову; не хочешь допустить меня покаяться и в то же время, так сказать, ловишь все, что скажут про меня дурное. Это ли называется воскресить граждански? Я обращусь

к Зернову,[48] чтобы он доставил мне случай исповедаться пред тобой. Экземплярских попроси от твоего имени письмом к Ив<ану> Фед<оровичу>, чтобы они приехали ко мне, или одного Ив<ана> Фед<оровича> (по моей просьбе они не приедут). Если ты этого не сделаешь, я обращусь к Варвинскому.[49]

Что я предприму? До осени просуществую в Перове. Осень пролежу в больнице и зимой уеду в Петербург. Ты знаешь, что я работать умею. И если ты последних моих просьб не исполнишь, то у меня хватит духу поступить в другую газету. Тогда и увижу, что ты никогда меня не любил.

Потому еще не показывай моих писем и не пиши ко мне, что ведь с улыбкой скажут или говорят: «Наши старички всё переписываются. Он ее ревнует и упрекает в измене, а она божится, что его любит». Я людей знаю лучше, нежели ты. Письма твоего с почты не получала; да и не принесут мне: на чай нечего давать. Газету перестали носить. Прекрати.

Горько мне было, как вчера одна дачница обратилась к моему ходатайству, что ей неверно сделано прекращение. Она годовая подписчица и хотела получать на даче до июля, а ей прекратили. Надо продолжать до половины августа.

— Больно сжалось также сердце, когда Иван Петрович[50] пожелал мне скорого выздоровления, говоря, что *в типографии крестятся, когда я возвращаюсь с дачи.*

Позволь по вчерашнему письму добавить несколько строк. Ты говоришь, что я конфиденткой[51] делала прислугу. Для меня Душа была не прислуга, а *воспитанница.* Между тем как для тебя она прислуга, и ты от нее принимаешь приказания, а меня и выслушать и на глаза пустить не хочешь. Ты говоришь, что я не раскаиваюсь и с оскорбленным видом явилась. Перед моим появлением было два письма, в которых я просила позволения приехать и излить душу. Я приехала не с оскорбленным видом, а с отчаянием, что меня не хотят выслушать. Вспомни, я только и просила, чтобы мне позволено было говорить. Ведь я поставлена в положение преступника, которому зажали рот и везут на каторгу за нераскаяние. В письме своем ты припоминаешь только дурное; неужели не помнишь ни одной моей хорошей стороны? Ты сам говорил, что я необходима для газеты.

Точно так же ты продолжаешь говорить, что Душа получает подарки за меня. Верь мне, что в то время как я терзалась, что не хватает духу тебе все сказать, меня морочили так нагло и так спокойно обманывали. На дачу К<онстантин> Ф<едорович> переехал не для меня; он даже ни разу не просил меня приехать, а <просил> присылать Душу, говоря, что мне некогда.

Если она тебе, как покровителю своему, показала полученное *ею от него письмо,* то ты сам мог убедиться, каким посмешищем я служила. Она говорила Федору, что уже ответила на это письмо. Крайне горько, если ее устами будет распространяться история с Алексеем Никитичем. Федор говорит: «Что это, М<арья> С<аверьевна>, уж как что-то Душа вас позорит, просто страсть слушать».

Не вели, пожалу<й>ста, ей это делать. Мне страшно за нее, п<отому> ч<то> я теперь страстно верую в справедливость Божию. А ты в своем гневе несправедлив.

Я пригласила Федора Александровича,[52] потому что чувствовала, что окончательно схожу с ума, и даже давала себе при этом слово не начинать разговора о тебе. Пойми мое положение: месяц почти не сплю, ем один огурец или одно яйцо в день; при этом мучительная дума и как гвоздь во лбу вбилось и не выбито еще слово *воровка*. Были минуты, в которые я вскакивала, несмотря на свою слабость, с постели и бежала к Ан<не> Ал<ександровне>, чувствуя, что я с ума схожу. Ведь больше месяца я одна и ничто не рассеивает. Прошу тебя, если можно, приехать 30 июля, п<отому> ч<то> 1 авг<уста> начну говеть[53] хоть сидя, а ты пойми, как тяжело говеть, не покаявшись и не успокоивши<сь>. Напрасно ты откладываешь благое намерение навестить меня. Я давно вся в Боге и лгать не могу, поэтому должно бы успокоить тебя. Я только и живу Псалтырем; если б не он, я давно сошла бы с ума.

Мне бы хотелось одного посредника — моего духовника в твоем присутствии. Если 30 числа не приедешь, не ручаюсь, что <не> сойду с ума. Слишком тяжело.

Лежу совсем больная. Матрена и Федор ушли в деревню. Пришла сидеть Калинишна и та того гляди запьет. Из лавки вчера прислали отобрать книжку и сказали, что больше верить не станут, так как я сошла с места. Вот мое положение. А десять лет преданно служила. Прошу в счет залога дачи заплатить некоторые мои долги. В две лавки по 40 р<ублей> — в каждую и пололкам 13 р<ублей>.

Если когда-нибудь прорвется и распадется тот заколдованный круг лжи, которым окружили себя эти бессердечные молодые люди, и ты не будешь знать, как поступить, спроси в последний раз в жизни моего совета. Только я знаю, что сделать. Я верно отгадывала все время каждый ход их игры. Не желая верить мне, ты делал промах за промахом даже не в свою пользу.

Ты говоришь, что допустишь только мое покаяние перед всей Ляпинкой. С радостью встала бы я, старая женщина, на суд перед молодыми людьми, чтобы разоблачить перед ними свой разврат, если б я наверно знала, что, сказавши последнее слово, я буду иметь силу воли лишить себя жизни, чтобы не слыхать, как они надо мной засмеются, будучи пока в себе уверены, что сами так не поступят. Во-вторых, я согласилась бы каяться перед ними, если б там не было служащих в редакции, которые, как тебе известно, всегда бывают предубеждены против меня; но там остались или бывают только те, которые обо мне беспристрастно судить не могут и посмеются над самым искренним раскаянием. Там Иван Яковлевич, который очень зол на тебя и, следовательно, на меня; там Павел Михайлович,[54] который, хотя беспристрастнее других, но все-таки предубежден против меня Елизаветой Алексеевной Сусоровой;[55] наконец, там Иван Алексеевич,[56] который и прежде, будучи предубежден против меня, возненавидел меня после отказа Павлу Ларионовичу,[57] а потом после ссоры со мной. Но

я тебе ведь говорила, что он дал слово, что ты меня прогонишь. (В это время ругая тебя и меня, он признавался Душе, что искренно ее любит, и целовал ее, а она, чтобы получить поцелуи, уходила со свечкой провожать его. Когда она мне сказала, что он ее целует и просит не говорить мне, так как я расскажу Конст<антину> Фед<оровичу>, а тот разболтает всем. Я ей заметила: если любит, то целовать можно, а если нет, то это безнравственно. Я рассказала об этом К<онстантину> Ф<едоровичу>; он сказал товарищам: те смеялись над Оглоблиным, и Былинский сказал: горяч, да бессилен и т. д.)

Душу свою излить, разоблачить себя всю хочу только перед тобою, моим святым бывшим другом, опозоривши которого, я вдесятеро оценила и полюбила. Жалею, что на бумаге нельзя принести присягу, но клянусь памятью моего отца; клянусь всем, что для меня когда-либо было свято; клянусь справедливым Богом, что все, что я здесь буду писать — искренно и правда.

Со мной случилось что-то фатальное. Кажется, 1 ноября я сидела с Полей и мотала нитки на угольном диване. В это время вошел Оглоб<л>ин, а за ним Былинский и Экземплярский. Взглянувши на него, я выронила клубочек и сказала: «Ах, вот он». Поля спрашивает: «Кто это?» А я и сама не знаю, почему так сказала. Весь вечер я, чего-то опасаясь, не входила в залу, где ты с ним сидел. Когда потом ты вошел с ним ко мне, где я сидела за самоваром, и стал диктовать телеграмму Оглоблину, а мне предложил диктовать другую телеграмму Экземплярскому, — то я подумала: «Нет уж, лучше сама напишу», — и ушла в залу писать. Всю ночь кошмаром давил меня его образ. На другой день у меня была Ан<на> Алекс<андровна>, тебя не было дома. Пришел К<онстантин> Ф<едорович> и сказал, что ты ему велел тут заниматься и просил показать, как в Красной книге[58] вписывать. Я попросила, чтобы Ан<на> Алекс<андровна> ему показала, и подумала: «На грех же этому-то и придется здесь заниматься» — и опять не входила в залу. На следующий день он пришел, — ты в это время уезжал. Я, опять-таки чувствуя, что меня непреодолимо к нему влечет, не захотела остаться одна с ним, но просилась у тебя гулять. Ты сказал: «Попроси К<онстантина> Ф<едоровича>, чтобы он тебя проводил». Я тебе ответила: «Ни, ни, ни за что». Взяла Полю, пошла к Саше Зеленовой и сказала ей: «Не знаю, что со мною делается; у нас поступил служить один студент, и как только он входит, меня всю бросает в жар и сердце бьется страшно. Я нарочно ушла, чтоб не остаться с ним вдвоем». Она, кажется, ответила мне, что у меня болезненная фантазия.

После этого всякий раз, как он приходил, у меня горела грудь. Я жаловалась на эту боль. Не помнишь ли? Все просила отворять фортку, говоря, что мне дышать нечем; потом заболела спина. Я решилась не входить в залу при нем, и неделю не входила; разве только когда ты меня звал. Чтобы развлечься, я начала сочинять повесть под заглавием «Мальчик». Образ представлялся К<онстантина> Ф<едоровича>. От удерживания себя и от борьбы я не спала ночи, и раз дошло до того, что, заснувши на короткое время к утру, я увидала сон, будто в толпе я ищу кого-то. Показался К<онстантин> Ф<едорович>, и я закричала ему: ко мне, ко мне! — и проснулась. Ты мне говоришь: «Ты что-то крикнула».

Я ответила: «Да я уж начинаю бредить». В это время у меня беспрестанно была пол<л>юция и представлялся образ К<онстантина> Ф<едоровича>. Я решилась наглядеться на него вдоволь, чтобы подметить что-нибудь противное и сойти на нет. Каждую свободную минуту выходила в залу и садилась против него; но на нет не сходило. Была ли я или ослеплена, или он кокетничал, заметив мое к нему влечение.

Так прошел ноябрь. 1 декабря, когда я приехала с тобою с обеда, он попросил меня счесть принятые им от конторщицы деньги. Я подошла и сказала: «У меня голова мутна от вина; посмотрите по моим глазам. Не правда ли, как нехороши глаза у пожилой женщины, когда она выпьет?» Он ответил: «Я знаю, у одной молодой женщины глаза бывают хуже, когда она выпивши».

Я села на кресле возле него; расспрашивала, как он нашел редакцию, тебя и меня. Он сказал, что ты ему очень понравился; он в тебе увидал что-то родное, т. е. одинаковое происхождение и воспитание. Меня нашел лучше, нежели ему представляли, т<ак> к<ак> ему говорили про меня с крайним предубеждением. Ты, Никита Петрович, знаешь, как меня мучит несправедливый взгляд служащих на меня.

Я пожала ему руку и сказала: «Так позвольте любить вас, как сына; вы мне понравились больше всех ваших товарищей». Расспрашивала его про деревню, про мать, про братьев; потом разговор пошел об отвлеченных предметах. Он к чему-то сказал: «Хорошо все, что нравственно». А я в сторону тихонько сказала: «А иногда и безнравственное кажется хорошо». И испугалась своих слов. Когда головокружение прошло, я подошла и сказала: «Теперь я совсем трезва; не сказала ли я давеча что-нибудь, что могло оскорбить вашу юношескую чистоту?» Он говорит: ничего.

После этого он начал каждую свободную минуту под пустыми предлогами входить ко мне, и, если свое дело кончал, то просил, нет ли у меня какого дела.

Должно быть, через неделю после разговора 1 декабря, когда я писала за конторкой, К<онстантин> Ф<едорович> подошел поздороваться; я взяла его руку и бессознательно поцеловала ее. Мне стало очень стыдно. Я говорю: «Верьте мне, что нечаянно в рассеянности».

Он говорит: «Верю, но только это дает мне право делать то же самому». Я увидела, что споткнулась, и повлекло меня без удержу. Закипела вся. Если он пел, у меня зуб на зуб не попадал, и я принимала валериановы капли. Я уверена, что это было чувственное влечение, п<отому> ч<то> до его прихода я оставалась спокойной и волновалась, когда он входил и ночь.

Не помнишь ли (припомни), я часто приходила к тебе ночью и иногда плакала и говорила: «Милый, спаси меня от меня». Слышал ли ты это сонный? Боже избави, чтобы я, грешница, обвиняла тебя, но часто я думала: если б Никита Петрович был капельку ласковее со мной, я не споткнулась бы. Когда я к тебе прибегала ночью, мне ужасно хотелось рассказать тебе, что со мной происходит, но в то же время я думала: меня до этого состояния доводит *до болезненности развратное мое воображение*; а я буду рас-

страивать этим человека, всегда расстроенного делом. Обманывал ли меня мозжечок, не знаю. Припоминалось мне, что, узнав историю с Алексеем, ты сказал: «Лучше бы я не знал». Заметив, что несколько дней он реже заходит ко мне в комнату, я написала на бумажке: «Dauert noch das Gute Gefühle zu mir?» [59] Он отвечал: «Ich liebe Sie mehr, als Mutter, Schwester, Frau; [60] — словом, не знаю как, но только стесняюсь при Оглоблине». Меня это испугало, и я сказала: «Ну, так и вижу, что это только практика в немецком языке» — и отошла, мучась горячим чувством, я со всеми говорила об этом не для того, чтобы, как ты говоришь, всем живот свой показывать, а искала совета, подпоры, объяснения непонятного для меня до тех пор чувства. Почти все говорили, что это болезнь. В конце декабря... [a]

Вариант.

Н<икита> П<етрович>, нельзя ли объяснить, почему с таким гневом ты сказал Авд<отье> Рев<окатовне>, что требуешь, чтобы я ехала в Перово; также скажи Душе, что ей стыдно и грешно, что, зная мое расстроенное здоровье, она дерзко присылает сказать, что никогда ко мне не приедет, если я буду писать неприятные записки. Попрошу тебя, пожалу<й>ста, завтра приехать. Сегодня опять проведу, как и вчерашнюю ночь, без сна. [b]

Никита Петрович, друг мой, за что же доводить меня до умопомешательства? Авд<отья> Рев<окатовна> вчера таинственно сказала мне, что ты требуешь, чтоб я переехала в Перово, и не хочешь ни сам приехать, ни Душу прислать. А Душа будто бы сказала, что никогда не приедет, если я буду писать неприятные записочки. Не спавши вчера, я и нынче не спала. Нервы натянулись до последней степени, и еще несколько часов — и я помешаюсь. Я хотела ехать, но Авд<отья> Рев<окатовна> говорит: «Ты хочешь, чтобы вышел скандал, если он не желает, чтобы ты приезжала в Москву». Никита Петрович, я никогда в трудные минуты тебя не оставляла. Не оставь и ты меня. Мне необходимо тебя видеть. Вспомни, как я бывала тебе полезна и могу быть полезной и вперед. Если тебе самому нельзя, то хоть Душу пришли как можно скорее с разъяснением. Ведь ужасно быть одной во многих комнатах, разбитой душой с совершенно расстроенной головой.

Никита Петрович, я не притворяюсь, и в письме ничего объяснять не стану, но зову тебя убедительно приехать сегодня для того именно, чтобы рассказать тебе все, все. Не горячо я люблю тебя, но очень глубоко. Дай излить тебе душу свою; ведь ты выслушал одну враждебную мне сторону. Выслушай меня. Убедительно прошу приехать сегодня же. В Перово я ехать не могу и не поеду. Ради Бога не бросай зря моих записок.

---

[a] Далее текст написан карандашом.

[b] Далее — снова чернилами.

Благодарю Бога, что Он смягчил твой гнев, и молю, чтобы Он склонил его на милость. Но я вижу, что ты решительно не понимаешь моего состояния, если спрашиваешь, что я намерена предпринять. Ведь тебе, вероятно, говорили, что я с самого приезда сюда нахожусь в полусознательном состоянии, гляжу и не вижу, слушаю и не слышу. Не понимаю, что вокруг меня делается. Вставши с постели, натыкаюсь на стол, на шкап. Даже глаза трясутся. Даже не могу думать, принуждаю себя проглотить что-нибудь, чтобы дожить до свиданья с тобою. Всю ночь, несмотря иногда на свежий воздух, я обливаюсь крупным потом. Грудь горит; горлом иногда идет кровь. Я не сплю, а забываюсь и потом вскакиваю с ужасом, не сошла ли я с ума, ничего не случилось. Не думай, Христа ради, что я стараюсь тебя разжалобить. Я пишу как есть. Тупое, бессознательное сознание сменяется безвыходным отчаянием, что проходит день, а я тебя еще не видала, не сказала всю правду. Что уж тут говорить, что я страстно всегда желала и желаю быть порядочной женщиной, но я ведь не живая уже. Что я намерена предпринять? Могилу, если вскоре или в июле тебя не увижу. Не запугиваю, а говорю правду. С каждым днем силы слабеют от отчаяния, что не вижу тебя.

Не говори об этом моем письме и не делай допросов. О том, что меня будут срамить и что будет письмо от Ив<ана> Фед<оровича>, и я, и Душа знали. Только я ждала, что ты позовешь меня и этим дашь возможность излить тебе свою тяжесть. Ведь Ильинская передала ей письмо мое, в котором я говорила, что письма Ив<ана> Фед<оровича> не боюсь прежде получения его тобою. Теперь я тебе наперед скажу, что она будет просить у тебя на платье, а потом устроит поездку в деревню, а оттуда перейдет жить к Наст<асье> Ив<ановне>, о чем она условилась давно. Меня пугает эта девушка. Ради Бога не думай, что я ревную ее, но я смотрю на нее, как на змия, подавшего Еве яблоко. Не она открыла мне глаза; она старалась их закрыть с своими целями, а глаза мне открыла Матрена.

Взявши ребенка на руки, она перед образом поклялась и рассказала, как меня обманывали Душа с К<онстантином> Ф<едоровичем>. Верь, что с этих пор у меня не осталось и дыма от того жара, который я к нему чувствовала. Глубоко, искренно раскаиваюсь, что не устояла в борьбе. Стыжусь вспомнить об этом времени.

Мыслить о том, что предприму, решительно не в состоянии... Буду пока лежать или бродить и ждать с тобой свиданья. Доживу — счастлива и оживу. Не доживу — так и быть. Стараюсь теперь поддерживать силы, и поэтому прости Бога ради, что не решаюсь прочесть твоего письма, присланного с почты. Опять там, пожалуй, будет что-нибудь, отчего сделается такое сердцебиение, что я думаю, что умираю, а мне еще хочется увидать тебя.

В воскресенье неожиданно мне подали пакет от Ек<атерины> Сав<ерьевны>; в пакете была серия [61] и написано: подарок на именины. Она пила чай у Дуняши [62] и рассказала, что накануне у нее была Душа и говорила ей, что я влюбилась в Экземплярского, которого она ненавидит, и я будто клеветала на нее. Ек<атерина> Сав<ерьевна> уверяет, что, вглядевшись в лицо Души, она замети-

ла фальшь и решилась послать мне денег. Эту серию я отдала в расчет Федору и Матрене, а то бы дело было очень плохо.

Ивану Петровичу отдавай, пожалу<й>ста, понемногу или поручись. В сентябре Ек<атерина> Сав<ерьевна> обещала дать мне сто руб<лей>. Прощай, упование мое. Душá моя жестоко тоскует о тебе, невыразимо тоскует о тебе.

Не говори, пожалуйста, Душе, что гнев твой ко мне смягчается, и если когда в состоянии будешь видеть меня, не говори ей, что едешь видеться со мною. Она устроит препятствие. Во всяком случае в деревню ее нельзя отпускать до тех пор, пока <не> увидишься со мною. Она очень боится, что я расскажу тебе все и расстроятся ее планы. Меня ужас берет при мысли, что этот змееныш, клеветавший мне на тебя, так нагло все еще при тебе; быть может, разговаривает с тобою обо мне; ради Создателя не допускай этого святотатства. Держи ее вдали от себя. Неужели ты ей читал какое-нибудь мое письмо или говорил, что я пишу? Ведь она давно мне сказала: «Вы мне еще поклонитесь», и теперь осмеливается присылать гостинец мне.

Если когда назначить повидаться с тобою, то, пожалуйста, назначь для этого твою дачу и пришли за мною шарабан. А я постараюсь подкрепить свои силы. Смягчи Господи твое сердце.

Никита Петрович, в справедливости своей ты сам вспомнишь, что плотникам ты сам велел прийти делать загородку; они тогда у меня еще не кончили, как я послала их к тебе. Они и у меня летнее время работали по 1 р<ублю> 10 к<опеек> в день. Счет этот верен. Прежде дано было Федору в твой счет 5 р<ублей>, потом 10 р<ублей>, потом 5 р<ублей;> от Забелиной 22 р<убля> и за вычетом харчевых 28 р<ублей> 10 к<опеек>, — приходится 82 р<убля>. У них теперь страдное время, и они[a] идут с моего двора. Требуют. Я без копейки и едва шевелюсь.

Хотя лежачего не бьют, но прошу, лучше убей меня, нежели жить на медленном огне. Виновата. Каюсь и десятерицею Бог меня покарал за тебя. Вмилостивься.[63] Яви последнюю христианскую милость. Позволь привести меня куда-нибудь, где бы я раскаялась перед тобою. Всегда и теперь глубоко тебя любила. Со мною случилось что-то фатальное. Я долго боролась. Вспомни, я умоляла перевести К<онстантина> Ф<едоровича> в Контору, прибегала к тебе каждую почти ночь со слезами и просила: «Спаси меня от меня». Ездила к Ек<атерине> Вас<ильевне>[64] и просила, чтобы ты ее взял опять. Самые деньги я решилась давать К<онстантину> Ф<едоровичу>, чтобы он он ушел от нас. Праведным Богом, справедливо карающим людей, клянусь, что меня уговаривала сблизиться Душа, клялась мне, что имела с тобой дело, чтобы совесть моя не терзала меня; уверяла меня, будто ты ее и Полю очень ласкаешь и что ей ничего не стоит отнять тебя у меня, только жаль меня.

Как только я это услыхала, я пошла к Авд<отье> Рев<окатовне> и рассказала ей, что слышала от Души, но не верю, будучи уверена, что ты не такой, как

[a] *Далее зачеркнуто*: не.

другие мущины. Авд<отья> Рев<окатовна> справедлива и припомнит, если ты ее спросишь. Конечно, смешно, что я могла послушать девочку, но клянусь Богом, твердо решила, как К<онстантин> Ф<едорович> уедет в деревню, все покончить и раскаяться. И прежде я несколько раз намеревалась сказать тебе, что происходит во мне, но думала: расстрою своей болезненной фантазией делом расстроенного человека. Клянусь, что все правда, что теперь говорю, мне ведь больше не жить. Одной ногой я уж стала в могилу. Прости, прости по христианству искренно перед тобой кающуюся. Ведь ты знаешь, что, несмотря на то, что я кругом со всеми была добра, мое положение при тебе делало то, что в пользу мою никто не заикнется. Ты знаешь, как всегда относились ко мне служащие. — Пололки у тебя работали с 25 июня за 8 р<ублей> в месяц.

Получила 4 р<убля> и пирожное.

С постели вставать не могу и потому не поеду. Кроме того, я одна в Москву не въеду. Мне даже стыдно и здесь выходить на улицу. Не пиши ничего, письма твои убивают меня.

Я просила давно дать мне в июле 100 р<ублей> леснику. Тогда ты обещал. Теперь ко мне пристают, а ведь тебе говорили, как я больна.

Никита Петрович, присланные тобою 100 р<ублей> на исходе, а на разные поездки, о которых мы вчера говорили, и на покупки, а также на подарок Саше [65] за гостеприимство мне нужно, как я разочла, никак не менее 30 р<ублей>. Прошу одолжить их. Завтра уеду. Все эти деньги, начиная с векселя Маршака, я зачисляю в уплату тысячи руб<лей>. Может быть, нынче или завтра пришлю список наших денежных расчетов.

Спасибо за икру. Когда ее принесли, я была у доктора. Прошу дать Настасье Ивановне 9 р<ублей> процентов. Хотела написать список наших денежных расчетов, но голова слишком дурна.

Вчера ночь и день были легче. Сегодня ночь была так ужасна, что я решилась, чтоб меня отвезли к Варвинскому. Он находит, что при таком расстройстве нерв ни под каким видом в больницу ложиться нельзя, но по приезде от него я чувствую такой упадок сил, что готова ложиться куда угодно. — Перед отъездом в Перово хотелось бы взглянуть на тебя, но к<а>к тебе будет угодно. Плохо мне. Еду завтра.

Вот сколько я получила за должную тобою тысячу рублей — 305 р<ублей> 60 к<опеек>. — Остается уплатить мне 694 р<убля> 40 к<опеек>.

Мне все чувствуется, что Иван Петрович не п<е>редал тебе посланный мною с ним 8 июля пакет с моею исповедью. Не знаю, обманывает меня мое чувство

или нет. За последнее время оно сделалось слишком верно. Если не передал, то возьми у него. Читать уж теперь незачем. Я попрошу тебя все мои письма запечатать и прислать ко мне. Через долгое время мы их прочтем.

Прошу также принять на себя уплату моего долга Стриженову и сколько-нибудь отдать леснику в Кускове.

Убедительно прошу:

1) прекратить высылку «Сов<ременных> известий».

2) Сказать Николаю Никитичу,[66] что ты мне должен 694 р<убля> 40 к<опек>, или дать какой-нибудь документ.

3) Сойтись с Алексеем Никитичем.

Пришли мне образа, а в Петровском-Разумовском остались: моя подушка, корзинка с работой и несколько штук белья в среднем комоде, а также желтое тканевое одеяло.

Вчера, когда меня везли в Перово, со мной был сильный нервный припадок; после него настала сильная слабость. — Когда я выехала за заставу,[67] часу, должно быть, в 5-м или 6-м, и забылась от слабости на воздухе, мне шепнуло: «Душу уже потянуло вон». Замечай и не говори ей. Сегодня ночью видела удивительное виденье о часах с кукушкой.

Сентября 6.

Никита Петрович,

Попрошу Вас прислать документы, по которым Вы уплатили моим кредиторам, а также расписку в остающемся за Вами долге.

Вы обещали мне пенсию от «Современных известий». Я согласна получать по 50 р<ублей> в месяц, на что также попрошу Вас дать документ на получение мною этой пенсии пожизненно. Вам лучше всех известно, сколько моих трудов и жизни потрачено на «Современные известия».

Теперь я прошу дать вперед за три месяца, т<ак> к<ак> намерена на несколько времени уехать из Москвы.

Образа и прочие мои вещи пришлите теперь.

Марья Сковронская

Больно слышать, что я перебрала больше, нежели заслуживала. Во всяком случае тысяча рублей, полученных от Зенкевича,[68] отдана Вам и Вы обещали ее мне уплатить. Я желала только знать, сколько уже уплочено и сколько остается, т<ак> к<ак> надо купить дров и заплатить по векселю 7 сент<ября>, а также выкупить теплые вещи, поэтому я и просила прислать мне 25 р<ублей>. Настасья Ив<ановна> передала мне, что Вы желаете, чтобы я проехалась, и я готова была исполнить Ваше желание. Письма мои Вы читаете не тем мягким тоном, каким я обыкновенно говорю.

Благодарю Вас за деньги, Никита Петрович; только Вы прислали не 16, а 15 р<ублей>. Напрасно Вы предполагаете во мне злобу: ни малейшей — ни против Вас, ни против Души, ни против Экземплярского. Я многое поняла и не сержусь. За Душу молюсь так, как едва ли молится за нее родная мать.

Завтра я пробуду в Москве до 5 часов. Хотите со мной и еще с кем-нибудь третьим завтракать у Тестова?[69] Тогда и поговорите о моей поездке куда угодно и об условиях моего обновления.

Я готова на все, лишь бы получить одно небольшое нравственное удовольствие.

Никита Петрович, я и забыла про обещанные Вами проценты по векселю Степаниды Алекс<еевны?>. Будьте милостивы, как всегда, и дайте 9 рублей. Я извиняюсь, если что сделала Вам неприятное; но я лично довольна, что по крайней мере *в и д е л а* Вас здоровым.

Не можете ли одолжить и марок?

Я из Перова больше не приеду. Успокойтесь: ни с кем про Вас говорить не буду и писать точно также. Попрошу только уплатить следующие мои долги (119 р<ублей>). Еще нужно будет сколько-нибудь отдать Стриженову и выкупить в октябре или, если можно, в сентябре шубку и платье.

Затем будьте здоровы, а я предоставляю себя и Вас Промыслу Божию.

Письмо М. С. Сковронской к Александре Петровне

Милая *Александра Петровна*, сегодня был у меня Никита Петрович и очень долго просидел. Он то *мечтал о новой жизни со мною, то грозил,* что попросит генерал-губернатора[70] выслать меня из Москвы. Наконец сказал, что если я подам в суд жалобу на него, то он не отдаст мне должных им мне денег. Узнавши, что я была у Вас, он испугался и начал бранить меня, что я ходила к такой колотовке,[71] как[a] Вы. Он несколько раз спрашивал, что́ я Вам говорила. Я сказала, что упомянула о легкой размолвке. Или не принимайте его, или скажите, что по отъезде моем Вы узнали в Москве, что он меня избил и выгнал, а на мое место взял воспитанницу мою. Какой это *страшный человек! Он клялся, что не имел с нею никакого дела;* плакал, вспоминал, как мы прежде жили хорошо и т. д.

Любящая вас
Марья Сковронская

P. S. Повторял неоднократно, будто Плевако будет соредактором,[72] очевидно запугивая меня.

---

[a] Испр.; слово «как», оказавшееся в конце л. 113, нечаянно продублировано и в начале л. 114.

Внизу письма другою рукой приписано:
«Беру смелость препроводить к вам образец лжи».

На конверте написано: Прошу вскрыть до 6 недель после моей смерти.

Марья Сковронская. Окт<ября> 15 д<ня> 1874

Я, нижеподписавшаяся, желаю предоставить свое недвижимое имущество, состоящее в деревянных домах в селе Перове, Моск<овских> губ<ернии> и уезда, находившимся у меня в услужении: крестьянской девочке Авдотье Ивановой Буровой и мещанке Сергие-Троицкого посада Авдотье Николаевой Тягалиной; им же оставляю после своей смерти все мое носильное платье, а также вещи и мебель.

Золотую медаль и золотые часы оставляю сыну статского советника Алексею Никитичу Гилярову.

Вдова губернского секретаря Марья Саверьевна Сковронская.

Октября 15 д<ня> 1874 года

Дело по доносу Сковронской [a]

Показание М. С. Сковронской *по делу о растрате Н. П. Гиляров<ым> сумм, жертвованных на славян*

I

1877 г., декабря 4 д<ня> на допросе у Глобо-Михаленко. [73]

«От роду имею 37 лет, исповедания православного; под судом не бывала. О растрате Гиляровым-Платоновым жертвованных на пользу славян денег знаю *достоверно* потому, что *жила с ним в одной почти комнате*. Видевши на отчетах конторщиц, что в Конторе получались такие деньги, я ни разу не видала и не слыхала, чтобы эти деньги высылались по назначению. Меня это очень тревожило.

Когда весною 1876 года он давал деньги полковнику Измайлову [74] (помнится, 200 р<ублей>) в счет его будущих корреспонденций из Сербии, то я упрашивала его послать хоть 100 рублей из пожертвованных денег; он мне сказал, что все равно он дает из них Измайлову. Я ответила, что это софизм. Затем, помнится, высылались деньги (р<ублей> 200) на имя Ипполита Александровича Пашкова, который писал корреспонденции в «Сов<ременные> изв<естия>» из Сербии. [75] Эти деньги посылались, помнится, на имя митрополита Сербии Михаила. [76] Не отправлялась даже и доставленная в редакцию корпия. Тревожась этим, я воспользовалась приходом артельщика из Славянского комитета и отправила ее с ним. Когда г. Гиляров-Платонов возвратился домой и узнал об

---

[a] Этот заголовок вписан позднее карандашом и дважды подчеркнут.

этом, то бранил меня, что я т<аким> о<бразом> даю понять, что и деньги должны были быть отправлены этим же путем.

Записывались ли пожертвования в конторских книгах, наверно не знаю; но, помнится, один господин приносил квитанцию в нашу квартиру и жаловался, что не видит в печати своего имени. Некоторое время даже не печатались в газете имена жертвователей, а если вначале и печатались,[77] то, тем не менее, деньги самые тогда не были высланы (с осени 1875 по 29 июня 1877 года). Получались, как видно, пожертвования и по почте. Об этом я заключаю из того, что раз в 1877 уже году служивший в редакции студент медицинского факультета Константин Федорович Экземплярский показал мне письмо от одного волостного правления, которое очень жаловалось, что не видит в газете, что от него посланы и получены деньги. Я взяла это письмо от Экземплярского и показала Гилярову-Платонову, который поспешил запереть его в свой письменный стол.

Правильной отчетности в редакции не было (не было гросс-буха), а приходо-расходы[a] писались конторщицами на отдельных ежедневных отчетных листках. Деньги от конторщиц принимал сам Гиляров-Платонов, а в его отсутствие или когда он бывал занят, принимали: я, Экземплярский и даже моя воспитанница Авдотья Иванова Буренкова. Принимавшие от конторщицы деньги расписывались в тетрадке, которая хранилась у конторщицы.

В Конторе тогда занимались: 1) Варвара Васильевна Тимковская; живет на Тверской, д<ом> Голяшкина.[78] 2) Екатерина Васильевна (помнится, Волкова — места жительства не знаю). 3) Родственник Гилярова-Платонова Сергей Дмитриевич Тихобразов;[79] адрес его можно узнать в редакции «Сов<ременных> изв<естий>». 4) Наталья Францовна Пабуковская; адрес ее можно узнать от нотариуса Сухомлинова;[80] 5) Елизавета Ларионовна Чижова.

Я вела для себя тетрадку домашних расходов, из которой видно, что более 50 р<ублей> в месяц не получала с декабря 1876 г. по май 1877 года. С осени 1875 г. до декабря 1876 года я никакого жалованья не получала, а мне давалось даже по 15 руб<лей> в месяц. Секретарем редакции до 1876 года был Павел Александрович Лебедев, имеющий свою типографию на Донской улице.

Я лично часто говорила сыну Гилярова-Платонова[81] про эти деньги, упрашивая его сесть в тюрьму или яму, но их отослать по назначению. Денежные дела его со времени покупки им писчебумажной фабрики[82] были очень туги, и все жертвованные деньги шли в оборот.

В июне текущего года между им и мною произошел разрыв, как видно из его же писем ко мне, врученных мною г. Прокурору 23 ноября. В июле я вспомнила об этих деньгах и сказала и даже написала к нему, что, вероятно, ему грозит большая напасть и потому Бог меня вовремя оторвал от него. До меня действительно дошли слухи, что еще весною наряжалось следствие о растрате им жертвованных денег, но в Петербурге кто-то остановил.

[a] *Испр., в рукописи*: приходо-расходо.

В августе я сказала об этой растрате сотруднику Палешевскому[83] <так!>, который на это мне сказал, что весною пришел к нему Сергей Яковлевич Маурер и сказал ему: «Какому человеку Вы посоветовали дать взаймы деньги? Говорят, что Гиляров-Платонов затратил 12 т<ысяч> жертвованных денег».

Лично я не могу сказать, как велика эта сумма. Г. Пелешевский написал о моих словах Гилярову-Платонову. Тот приехал ко мне 19 августа и просил примириться и предлагал мне *пенсию.*[84] Я отказалась, сказав, что если он будет продолжать выставлять меня женщиной свободного поведения, то я в свою очередь вынуждена буду про него сказать все, что знаю. Он и я знали, о чем идет дело, и потому он спросил меня: «Что же мне остается? безумие или револьвер?» Я ответила: «Если еще осталась маленькая доля чести, то револьвер».

Затем, в начале сентября, он присылал мне сказать через мою портниху (Настасья Иванова Козлова, живет на Плющихе в д<оме> Шевалдышева[85]), что готов дать и мне и денег и пенсию. Я написала ему, что возьму небольшую пенсию, на которую прошу документ.

Главное же я просила, чтобы он восстановил мою репутацию. 7 сентября, завтракая с ним и с сотрудником Пастуховым[86] в трактире Тестова, я поняла из слов Пастухова, что ему известно о растрате Гиляровым-Платоновым денег. После этого разговора я получила от Гилярова-Платонова записку, в которой он говорит, что не может запретить рассказам о потаенной высылке денег. Об этой высылке денег я до сих пор ничего не поняла, а слышу, что он выставляет меня умопомешанной.

Из писем ко мне Гилярова-Платонова, переданных мною г. Прокурору, видны намеки на растрату, а именно в письме, где он говорит, что приготовился ко всему и что я злодей.

Документы, представленные мною: 1) письма ко мне Гилярова-Платонова; 2) мое заявление г. Прокурору от 23 ноября текущ<его> года и 3) мое письмо, начинающееся словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа...» Это письмо я хотела передать Гил<ярову>-Пл<атонову> через моего духовника и говорила о нем доктору Ивану Петровичу Постникову 2 августа, прибавив: «Уж не хочет ли он, чтоб я умерла или сошла с ума». Экземплярский живет на Большой Дмитровке в д<оме> Ляпина.

Жительство мое в селе Перове, 1<-го> стана Моск<овского> уезда, на собств<енной> даче.

Письмо М. С. Сковронской
к суд<ебному> следователю 14 д<ня> 1877 г.

II

К моим показаниям, данным мною Вам письменно 7 дек<абря,> прошу присоединить следующее: До 29 июня текущего года мне, как *жившей в одной комнате с Гиляровым-Платоновым,* достоверно было известно, что жертвованные

на славян через редакцию деньги не были им до того времени ни подсчитаны, ни отосланы по назначению, о чем я ему часто выговаривала. 7 сентября в трактире Тестова, по уходе Пастухова, он мне сказал: «Как же Вы говорили Пелешевскому о пожертвованных деньгах, когда, быть может, я напечатал рублей на 700 публикаций для Славянского комитета». Ответив, что тогда можно было публикации эти печатать и даром, я поняла, что и до 7 сентября жертвованные деньги не были даже подсчитаны Гиляровым-Платоновым и, таким образом, находились в его обороте в продолжение двух лет, когда уже прекратились и Герцеговинское восстание,[87] и Серб<ск>о-турецк<ая> война.

В одном из его писем ко мне сказано, что у меня была полная доверенность на заведывание делами редакции. Доверенность такая действительно дана была им мне; но вынута из моего портфеля была 26 сен<тября> 1876 года для получения денег с почты. Тогда оказалось, что получить по ней денег я не могла, т<ак> к<ак> в ней не было упомянуто о праве получать из почтамта деньги.

Соприкосновение мое с редакционной кассой ограничивалось тем, что Г<иляров>-Пл<атонов> давал мне ключ, просил вынуть столько-то и столько-то денег. Поручения такие давались и служившим у нас двум девочкам: Пелагее Ивановне Богуш и Авдотье Ивановне Буренковой. Имела я также право выдавать ордер на получение из Конторы небольших сумм; помнится, свыше 25 р<ублей> не приходилось. Наконец, как указано в прежних моих показаниях, мне случалось принимать деньги от конторщиц для передачи их редактору.

За последние 2 года я ни раза <так!> не выдавала жалованья служащим; не производила уплат по векселям, хотя на мне лежала обязанность, впрочем добровольно мною из дружбы на себя взятая, просить кредиторов отсрочить платеж или передать редактору, что такой-то сотрудник просит денег.

За последние два года три раза мне поручалось учитывать векселя в Коломенском банке. Отправка же или отсылка денег никакая не поручалась мне ни устно, ни письменно. Этим делом давно заведует служащий там давно из отставных солдат Степан Тимофеев Кац. Лично от меня за десять лет сделаны, помнится, две высылки: в 1868 г. 3 р<убля> в Петербург в красильню Франка и в 1871 г. в Прагу на имя А<н>дрея Викентьевича Гюнтера[88] — образцы русских круп на 5 р<ублей> через существовавшую тогда в Москве контору Ациенда Ассикуратриче.[89] Последнее письмо от этого Гюнтера я получила в 1872 г. из Пражской тюрьмы, куда он был посажен за политическую телеграмму в «Сов<ременных> изв<естиях>».[90] Я ему не ответила, и переписка прекратилась навсегда. Летом 1876 г. он приехал по делу Струсберга[91] референтом от «Neue Freie Presse» и просидел у нас часа три в присутствии Пастухова и Сергея Андреевича Юрьева,[92] при этом все заметили, что у него расстроена голова.

За эти же два года мои собственные денежные дела были в таком положении: от октября или сентября 1875 г. по декабрь 1876 г. я жалованья не получала, т<ак> к<ак> денежные обстоятельства самого Гил<ярова>-Пл<атонова> были очень плохи. Поэтому я не переставала занимать и сделала следующие долги (перечисляются, и в их числе Смирнову 600 р<ублей>). Смирнову Г<иляров>-

Пл<атонов> вызвался заплатить 19 авг<уста>, когда был у меня на даче и предлагал пенсию, а я отказалась, сказав, что, во-первых, на сделку с совестью не пойду, а во-вторых, сама приму решительные меры, если он, Г<иляров>-Пл<атонов>, будет распространять клеветы о моем поведении. На это-то он мне и сказал, что же ему остается: безумие или револьвер.

В моем письме, оставленном при деле и начинающемся словами: во имя Отца и Сына и Св. Духа, которое я хотела в начале августа передать Гилярову-Пл<атонову> через моего духовника на исповеди, я говорю: «Ты, положивший в свой карман все пожертвованные деньги, сказал, что я воровала». Это слово «воровала» относят к тем 30 р<ублям>, о кот<орых> 29 июня моя воспитанница сказала, будто я взяла их в счет жалования себе, а в расходную книжку не записала. 30 июня я вспомнила, что я действительно взяла 30 р<ублей> и в свой счет не записала, но не записала потому, что тут же отдала их на квартиру артельному старосте. Об этом я 30 июня написала Г<илярову>-Пл<атонову> и письмо послала с Ан<ной> Ал<ександровной> Лебедевой. Г<иляров>-Пл<атонов> ответил, что не в 30 р<ублях> дело, которые я имела право взять, а дело в том, что я была близка с другими лицами, а главное — с его сыном.[93] А. А. Лебедева, возвратившись ко мне, удивлялась только, что теперь говорится о том, что было в 1874 году, и почему употребляется слово «растление».

В одном из писем Г<илярова>-П<латонова> ко мне вырваны три строчки. Я вырвала их, когда еще не предполагала, что представлю эти письма г. Прокурору. В этих трех строчках г. Г<иляров>-Пл<атонов> требовал, чтобы я письменно созналась в своей связи с его сыном.

До какой степени я не властна была распорядиться не только рублем из кассы Г<илярова>-Пл<атонова>, но и своею особою, могли бы показать и некоторые служащие, с которыми я иногда просилась пройтись по бульвару, и бывшая у нас прислуга. Но за нынешнее лето я увидала, до какой степени Г<иляров>-Пл<атонов> умеет направлять волю окружающих. Замечу только, что бывший секретарь Пав<ел> Ал<ександрович> Лебедев должен быть на меня в неудовольствии за то, что я обещала мстить ему за его неблагодарность к Г<илярову>-Пл<атонову>.

Бывшая конторщица Екатерина Вас<ильевна> Львова должна быть в неудовольствии на меня за то, что я делала ей по требованию Г<илярова>-Пл<атонова> замечания относительно почерка на отчетах.

Все служившие из студентов недовольны были моим расположением к Экземплярскому, опасаясь, как бы это не подействовало дурно на его нравственность.

Лакей Иван Васильев Попов находится[a] <так!> под судом за продажу водки и просил Г<илярова>-Пл<атонова> взять на поруки; тот сначала не хотел, теперь Попов опять взят лакеем.

---

[a] *Так в автографе. Вероятно, надо*: находился.

Бывшая моя воспитанница Авдотья Иванова Буренкова и служившая у нас девушка Пелагея Иванова Богуш тоже восстановлены против меня Г<иляровым>-Пл<атоновым> и живут теперь в занимаемом им доме.

В 1875 и 1876 <г>г. денежные пакеты распечатывала В. В. Тимковская. Не помнит ли она, не бывало ли в этих пакетах денег в пользу славян? После нее этим делом занимался студент К. Ф. Экземплярский. Не попадались ли и ему в пакете деньги в пользу славян.

Приходо-расходы за предшествовавшие два года сводил в конце 76 и 77 гг. студент Ив<ан> Алекс<еевич> Оглоб<л>ин, не помнит ли он статью о деньгах в пользу славян и об отсылке этих денег или передаче их кому-либо для отправки? При сем представляю листок моих беллетристических набросков, к которым Г<иляровым>-П<латоновы>м приложена была записка, начинающаяся словами: «Даже ужас охватывает при чтении этой исповеди».

М. С. Сковр<онская>

1877. 21 дек<абря>.

Показани<я> М. С. Сковронской 1878 г. 28 марта.

III

Газета начата была издаваться в долг с декабря 1867 г. Во время Фр<анко>-прус<ской> войны [94] долгов на газете не было и даже остававшиеся от расходов деньги лежали в Обществе взаимного кред<ита>. [95] Со времени покупки Г<иляровым> фабрики в Рузском уезде у Шумова денежные дела пошли туго. [96] На покупку фабрики употреблены были деньги, лежавшие в Об<ществе> вз<аимного> кр<едита>; затем взято было Г<иляровым> взаймы: у купцов Фроловых [97] через Виллуана [98] 12 т<ысяч>; заложена его дача в Петров<ском>-Разумовском — Крылову за 18 т<ысяч>; у Васильевой взято взаймы 3 т<ысячи>; у Кошелева [99] — 5 т<ысяч>; у Катынской 3 т<ысячи>; у Троицкого — 3 т<ысячи>; Гил<яров> дал векселя купцу Каменскому на 6 т<ысяч>; эти векселя Г<иляров> посылал меня учитывать в Коломенский банк. Я ездила туда три раза: 1) в мае 1876 г., 2) в декабре 1876 г., 3) в марте 1877 г. Переговоры об учете с директором Буфеевым [100] вела не я, п<отому> ч<то> я не знаю директора, а он не знает меня. Дело происходило так: я приезжала в Коломну прямо в дом племянника Гилярова священника Иоанно-Богосл<овской> церкви Андрея Ив<ановича> Смирнова; [101] он ходил к Буфееву и просил учесть векселя. В первый раз я даже не была в банке, а свящ<енник> Смирнов принес мне пачку денег и на ней написал сумму; в 76<-м> раз я ходила со свящ<енником> Смирновым в банк и, помнится, там расписывалась. Точно так же деньги были мне уложены св<ященником> Смирновым и надписано сколько. В последний раз директор банка Буфеев отказался учесть, ссылаясь на недостаток денег в самом Банке. В феврале 1877 <г.> Г<иляров>-Пл<атонов> сам ездил в Коломну благодарить Буфее-

ва. С векселями, кот<орые> Буфеев отказался учесть, Г<иляров> посылал в Коломну своего сына Ник<олая> Ник<итича>, кот<орый> точно так же вернулся без денег, оставив векселя на всякий случай у св<ященника> Смирнова. Вскоре после этого, помнится весной 1877 г., купец Каменский обанкрутился и Г<иляров> д<олжен> был оплатить векселя, учтенные Каменским.

Весною 1877 г. Г<иляров>-Пл<атонов> обменял<ся> таким же образом векселями с купцом Скворцовым. Слышала потом зимою от моей сестры, что Г<иляров> говорил ей, что ему пришлось платить 9 т<ысяч> 2 раза.

Весною 1877 г. Г<иляров> показывал мне табличку его долгов, писанную им самим красными чернилами. Я забыла цифру долгов, но помнится, 160 т<ысяч>. В мае этого же года он занимал на вексель у купца Маршака 500 р<ублей>. Маршак просил меня подписаться на этом векселе, что я и сделала. Точно так же я брала на вексель у Маршака 225 р<ублей>, и Г<иляров> подписался на моем векселе.

Вообще, денежные дела Г<илярова> оставались запутанными, как мне известно, до конца моего пребывания в редакции с начала покупки им фабрики. С того времени сокращено было жалование секретарю П. А. Лебедеву и мне. Семейству своему точно так же Г<иляров> сократил выдачу денег, и жена его, случалось, даже нуждалась.

Пожертвованные в пользу славян деньги Г<иляров> употреблял на нужды газеты и свои частные нужды, и случалось, что жертвованные деньги немедленно по принесении из Конторы он употреблял на уплату своих долгов и на свои расходы. Мне лично известно, что мне наедине он говорил: «Если б не пожертвования, то обанкрутился бы».

Фабрика куплена Г<иляровым> за 50 т<ысяч> — остался долг 25 т<ысяч>.

Показание М. С. Скворонс<кой>
29 марта 1878 г.

IV

Во вчерашнем моем показании я сказала, что Г<иляров>-Пл<атонов> мне говорил, что «если б не пожертвования, то он обанкрутился бы». Я не утверждаю, что таково доточно было выражение, но таков был смысл его слов. И действительно Г<иляров>-Пл<атонов> опасался всегда, чтобы его векселя не поданы были ко взысканию; векселя бывали и мелкие — в 300—400 р<ублей> и м<огли> б<ыть> протестованы, а в неделю, в самое горячее время пожертвований, думаю, такая сумма могла поступить в Контору «Сов<еменных> изв<естий>». И этими-то деньгами он и оплачивал векселя, которым приходил срок. Я не говорю, что Г<иляров>-Пл<атонов> рад был присвоить жертвованные на славян деньги, но он был в безвыходном денежном затруднении.

Жена губ<ернского> секр<етаря> Ан<на> Ал<ександровна> Лебедева была посредницей между мной и Г<иляровым>-Пл<атоновым> после нашей размолвки. Она может показать, что ссора шла не о деньгах, а о моем поведении; неко-

торые письма Г<иляров>-Пл<атонов> писал прямо к ней. С ней я послала к нему письмо, в котором припоминала ему, что 30 р<ублей>, которые моя воспитанница сказала, будто бы, взявши их в счет жалования, я не записала их в свою расходную книжечку, что эти 30 р<ублей> я отдала артельному старосте за квартиру артели, о чем ему (Г<илярову>-Пл<атонову>) тогда не сказала.

Об отношении Г<илярова>-Пл<атонова> к архимандриту Савве[102] мне известно, что в промежуток времени от осени 1876 до весны 1877 г. чрез посредство Ник<олая> Ник<олаевича> Дурново[103] Савва дал из находившихся у него жертвованных денег Г<илярову>-Пл<атонову> взаймы под расписку несколько сот рублей. Затем, помню, Г<иляров>-Пл<атонов> говорил мне, что по одной расписке он расквитался с Саввой.

На столе, на котором занимался Оглоблин, я видала книгу кофейного цвета, помнится склеенную моей воспитанницей[104] в то время, как она зимою 1875 г. жила вдвоем с Г<иляровым>-Пл<атоновым> на его даче.

На столе, на кот<ором> занимался Экземплярский, я видела оч<ень> большую книгу, помнится красного цвета, в которую он вписывал деньги, полученные с почты.

Письмо я писала Экземплярскому в ноябре 1877 г. и в этом письме говорила о пенсии и о кошельке.

Летом и осенью 1876 г. я видала, что к Г<илярову>-Пл<атонову> приходили болгары, фамилии кот<орых> не помню; знаю, что один из них рекомендовал болгар<ин>а Вымовлукича <?> как корреспондента; этому болгарину Г<иляров>-Пл<атонов> дал 25 р<ублей> на дорогу. Еще было дано одному раненому сербу 2 раза по 5 руб<лей>; этот серб бывал в типографии «Сов<ременных> изв<естий>», п<отому> ч<то> желал обучиться скоропечатному ремеслу.

Корреспонденту Измайлову в моем присутствии Г<иляров>-Пл<атонов> дал 200 р<ублей> в апреле 1876 г. Отношений особых между ними не было; познакомились вследствие предложения И<змайлова> быть корреспондентом.

Чиновник М<инистерства> и<ностранных> д<ел> Пашков давно был знаком с Г<иляровым>-Пл<атоновым>, когда, еще бывши студентом М<осковского> ун<иверситета>, писал об учреждении студенческой кассы. После того он был корреспондентом «Сов<ременных> изв<естий>» из Петербурга, а летом 1876 г. поехал в Сербию и оттуда писал корреспонденции,[105] за кот<орые> ему посланы были деньги не то через митр<ополита> Михаила, не то через секретаря Сербского Мин<истерства> ин<остранных> дел Миловука. Помню только, что в моем присутствии об этой присылке денег шел разговор между Г<иляровым>-Пл<атоновым> и Дурново.

Сербу раненому, желавшему учиться скоропечатанию, дано было без меня 5 р<ублей>; в другой раз он просил; Г<иляров>-Пл<атонов> его не принял. Я разговаривала с этим сербом и потом пошла просить Г<илярова>-Пл<атонова>, чтобы он что-нибудь ему дал; он ответил мне, что раз ему дано было 5 р<ублей>, а теперь у него, Г<илярова>-Пл<атонова>, денег нет. Я упрекнула, что он затратил чужие деньги, и просила позволения дать в Контору ордер на 5 р<уб-

лей>, что и сделала. Серб этот прислан был с запиской из Слав<янского> ком<итета> в типографию «Сов<ременных> изв<естий>». С ним об обучении скоропечатному ремеслу разговаривали Малышев, машинист «Сов<ременных> изв<естий>», и сын Г<илярова>-Пл<атонова> Николай Никитич.

Корр<еспондент> Фермор вскоре по отъезде в Сербию был убит и, кажется, не писал ни одной корреспонденции.[106] Денег ему не было дано. Ф<ермора> лично я не видала, а слышала о нем от Г<илярова>-Пл<атонова>.

Добровольца Денисова, за недосугом Г<илярова>-Пл<атонова>, принимала я. Д<енисов> спросил меня: может ли его семейство получать из редакции 15 р<ублей> в месяц, если он будет писать корреспонденции. Я отвечала, что может. Д<енисов> денег не просил; он прислал только одну неразборчивую телеграмму и был убит в первом сражении.

Знавший меня понаслышке П. П. Ходнев прислал мне письмо, в котором убедительно просил похлопотать в редакции, чтоб ему дали денег на отъезд в Сербию в качестве добровольца. Я просила Г<илярова>-Пл<атонова>, чтоб он дал из жертвованных денег хотя на этого одного добровольца; он ответил, что не может. Я погрозила, что сама стану собирать и этим обнаружу затрату. Х<одневу> я написала, что жертвованных денег я не касаюсь и их, кажется, передают в Слав<янский> ком<итет>, что сама собирать не могу, п<отому> ч<то> не имею ни знакомств, ни времени, но прошу его высчитать, сколько потребуется на <н>его одного денег. Не помню, писала ли я, что дам из своего жалования. Помню только, что Х<однев> мне ответил, что не желает вводить меня в расход. Я сказала Г<илярову>-Пл<атонову> о том, как ответила Х<одневу,> и прибавила, что займу и дам Х<однев>у, чтоб хоть этим успокоить себя, что я знаю о затрате им — Г<иляровым>-Пл<атоновым> — жертвованных на славян денег. Он на меня за это сердился. Х<однев> рекомендовал конторщицу Львову, которая была мной недовольна за то, что я делала ей замечания о дурном ее почерке.

М. С.

30 марта 1878 г.
Продолжение

V

Вчерашнее свое показание о 30 р<ублях> я желаю разъяснить. Помнится, в мае месяце 1877 г. я попросила у Г<илярова>-Пл<атонова> денег, в счет моего жалования. Он мне сказал, что, кажется, осталась только медная мелочь, т<ак> к<ак> ассигнации все он связал в пачку и приготовил эту пачку для уплаты по векселю на завтра. Он дал мне ключ к денежному ящику, чтобы я посмотрела, сколько мелочи, и взяла себе на мелкие расходы. Я отперла ящик в присутствии моей воспитанницы Авд<отьи> Буровой; вынула мелочь; подняла пустую белую бумагу в четвертку, чтобы поискать, нет ли под ней денег. Из этой бумаги, сложенной пополам, выпали ассигнации на 30 р<ублей>. Я сказала моей воспи-

таннице: «Н<икита> Петр<ович> и не знал об этих деньгах; так другой кто взял бы и не записал в счет своего жалования». Воспитанница сказала мне: «Не записывайте и Вы». Я ответила, что непременно запишу. Г<иляров>-Пл<атонов> был в это время в другом №, в котором он находился с февраля или января больше, нежели в нашем общем №. Только что я положила эти 30 р<ублей> к себе, как вошел староста артели рабочих в «Совр<еменных> изв<естиях>» и убедительно просил дать 34 р<убля> за квартиру артели, т<ак> к<ак> квартирный хозяин оч<ень> требует денег. Я отдала старосте эти 30 р<ублей>, кот<орые> взяла, было, себе, и еще отсчитала ему 4 р<убля> меди. Эти деньги я вписала в книжечку артельного старосты. Как зовут этого старосту, не помню. После этого я вышла к Г<илярову>-Пл<атонову> и сказала: «Я сейчас выдала 34 р<убля> арт<ельному> старосте за квартиру артели». Он спросил, откуда же я взяла эти деньги, когда в ящике кроме связанных пачек была только медь. Я ответила, что в бумажке было 30 р<ублей>, кот<орые> я неожиданно нашла. В расходной книжечке, в кот<орую> мелкие расходы записывали и Г<иляров>-Пл<атонов>, и я, и моя воспитанница, она не видала эти 30 р<ублей,> а когда я выдавала их старосте, воспитанницы моей не было в комнате, и, вероятно, она подумала, что по ее совету я решилась их не вписать. Об этих 30 р<ублях> не было и помину до 29 июня. Когда 29 июня я приехала с дачи Г<илярова>-Пл<атонова> спросить, почему он сказал сотруднице Яньковой Авдотье Ривокатовне, чтобы она передала мне, чтобы я, переезжая с его дачи к себе на дачу, не заезжала бы в свою московскую квартиру, — то Г<иляров>-Пл<атонов> начал упрекать меня, что я была близка с несколькими мущинами, обманывала его, который от меня ничего не скрывал. Я ответила, что я от него тоже, как он сам знает, ничего никогда не скрывала и прошу меня выслушать. Он начал меня сильно бить ногами в грудь и требовал, чтобы я ушла. Я села и сказала, что не уйду, пока он не выслушает от меня правды. Тогда он сказал: «Ты воровала». Я вскочила и сказала, что позволю налгать на себя что угодно, но относительно денег я не позволю лгать и требую, чтобы он указал, что́ я взяла. Тогда он подозвал мою воспитанницу и сказал ей, указывая на меня: «Она воровала?» Ты побледнела и отвечала: «Да». — Я сказала: «Укажи, жалкая девочка, что́ я взяла?» Она сказала: «30 р<ублей> в бумажке». Г<иляров>-Пл<атонов> положил ей руку на плечо и сказал: «Молодец Душа». У меня промелькнуло подозрение, и я сказала Г<илярову>-Пл<атонову>: «В июне месяце она мне сказала, что близка с тобой; поклялась даже и просила молчать и говорила потом, что если захочет, то ты меня отбросишь. Тогда я не верила ей, а теперь вижу, что так оскорбляешь меня, чтоб отделаться от меня». Я не помнила о 30 р<ублях> и поняла, что моя воспитанница выдумала об этих деньгах, чтобы оскорбить меня как можно сильнее, т<ак> к<ак> именно относительно денежной честности я была строга очень с ней и с Полей Богуш. Приехавши к себе на дачу, я старалась сообразить, почему моей воспитаннице пришло в голову сказать «30 р<ублей>», и наконец припомнила все относительно их и написала Г<илярову>-Пл<атонову>, чтобы он припомнил, как я ему сказала, что выдала на квартиру артели. Это письмо

я послала к Г<илярову>-Пл<атонову> с А. А. Лебедевой. Это мое письмо он возвратил с приложением пространного от себя письма, в котором говорил, что не в деньгах дело, а дело в том, что я его обманывала, показывая вид, что расположена к нему, а любила других. Лебедева и я начали читать его письмо вместе, но я вскоре бросила читать, сказавши, что тут все неправда, а Л<ебедева> дочла письмо до конца. Где делось это письмо, не знаю. Быть может, осталось у Лебедевой.

На предложенный мне вопрос: не брала ли я денег из присланных пакетов, — отвечу: денежные пакеты я никогда не распечатывала, а раза два распечатала не денежную почту и в некоторых письмах нашла марки почтовые, присланные для перемены адресов. Помню относительно этих же пакетов такое обстоятельство: лежало много писем нераспечатанных. Я сказала моей воспитаннице, что Ник<ита> Петр<ович> не любит, когда распечатывают эти письма, а ведь тут могут быть жалобы на недосылку газеты. Она взялась распечатать эту почту, не знаю, спросивши на это позволения Г<илярова>-Пл<атонова> или нет. По окончании она подала мне почтовые марки и, помнится, купон,[107] причем сказала: «Берите себе хоть эти деньги, если он вам не дает». Я ответила, что у Г<илярова>-Пл<атонова> у самого нет денег и брать, не записывая, не стану. Помню, я прибавила ей: «Надо хоть в денежном-то отношении иметь чистую совесть, чтобы иметь право смотреть всем прямо в глаза». Я удивлялась про себя, почему моя воспитанница убеждала меня неоднократно в этом мае брать деньги сверх положенных мне 50 р<ублей,> и объясняла это тем, что девочке хотелось иметь весенние обновки. Когда 28 июля Г<иляров>-Пл<атонов> был у меня и сказал мне, что 30 р<ублей>, данные мною артельн<ому> старосте, он вспомнил, я упрекнула его, как же он, зная мою честность в денежном отношении, мог позволить девочке сказать, что я утаила 30 р<ублей,> и притом такой девочке, про которую он мне постоянно твердил, что она окончательно погибшая, то он мне сказал: «Она говорит, что ты брала из денежн<ых> пакетов». Я заметила ему, что я, во-первых, никогда денежн<ых> пакетов не распечатывала, а во-2-х, в них м<огло> б<ыть> только несколько марок, кот<орые> мне не нужны, т<ак> к<ак> я ни с кем не переписываюсь.

Через несколько времени я припомнила случай, к<а>к, распечатав не денежные пакеты, воспитанница подала мне купон и марки приблизительно на 4 р<убля> 75 к<опеек> и просила в письме к Г<илярову>-Пл<атонову,> чтобы он справился — в расх<одной> книжке, есть ли там такая цифра, записанная в счет моего забора денег.

Относительно желаний моей воспитанницы приписать мне утайку денег приведу еще следующий рассказ бывшей моей горничной Авд<отьи> Ник<олаевой> Тягалиной. Когда я летом 1877 года послала Т<ягалину> с письмом к Г<илярову>-Пл<атонову,> то Т<ягалина>, увидав мою воспитанницу, сказала: «Дуня, Дуня, разве можно сказать, что мамаша утаила себе 30 р<ублей>?» На это моя воспитанница ответила: «Я должна была так сказать: так было писано мне в письме».

1878 г. Апр<еля> 1
Продолжение

VI

На предложенный мне вопрос, получала ли я от Экземпляр<ского> деньги, полученные им по почте, отвечу «да». С того времени как Г<иляров>-Пл<атонов> начал более времени проводить в др<угом> №, Э<кземплярский> почти всегда отдавал эти деньги мне для передачи редактору. Иногда эти деньги я тут же при Экз<емплярском> клала в денежн<ый> ящик, а если ключ бывал у Г<илярова>-Пл<атонова>, то деньги лежали на моем письменном столе или на столе у Экз<емплярского> до тех пор, пока в наш общий № <не> входил Г<иляров>-Пл<атонов>. Последние месяцы бывало почти всегда так и я не раз получала от Г<илярова>-Пл<атонова> замечания, что деньги валяются на столе; я могу на минуту отлучиться из №, в кот<орый> м<ожет> войти чужой человек. Помнится, вследствие этого я просила Эк<земплярского>, уходя домой, заходить к редактору и отдавать деньги ему. Эк<земплярский> на это раз заметил мне, что не станет заходить к редактору, п<отому> ч<то> раз или два так сделал и не мог долго вырваться от него, п<отому> ч<то> Г<иляров>-Пл<атонов> задерживал его разными справками в адресах.

На вопрос: покупалось ли для сербов Г<иляровым>-Пл<атоновым> оружие, отвечу: за все время Сербско-турецкой войны я и Г<иляров>-Пл<атонов> работали и постоянно находились не только в одном №, но в одной комнате, и я всегда слышала все его разговоры с служащими в редакции и с приходившими к нему посторонними лицами и поэтому знала все, что касалось дел Г<илярова>-Пл<атонова>. Т<аким> о<бразом> я знала о займе им денег у арх<имандрита> Саввы. О покупке же Г<иляровым>-Пл<атоновым> оружия для сербов я никогда не слыхала вокруг себя и от него самого. Раза 3 в лето я отлучалась на один день к себе на дачу; по[a] приезде в Москву я всегда слыхала от Г<илярова>-Пл<атонова> подробные рассказы о том, чтт он без меня делал, кто у него был, что говорили. Об оружии же я никогда не слыхала ни полслова от него, а об этом он непременно рассказал бы мне, т<ак> к<ак> я постоянно просила, чтобы он с своей стороны что-либо сделал для сербов кроме ободрительных для них слов. Я непременно спросила бы, где оружие было куплено, какое, кому поручено переслать; я попросила бы взглянуть на это оружие, как попросила показать отсылавшуюся с Измайловым Черняеву серебряную братину, из кот<орой> даже пила воду. Меня интересовали все мелочи, и не могла я не обратить внимания на такое для меня приятное дело, как покупка Г<иляровым>-Пл<атоновым> оружия для сербов.

О волост<ных> правления<х>[b] добавляет показание, утверждая, что Г<иляров>-Пл<атонов> прикрывался публикациями Сл<авянского> комитета.

---

[a] *Испр., в рукописи*: про.

[b] Напротив, на чистом обороте л. 169, чернилами приписано: «Пореченское и Приреченское (25 р<ублей>)».[108]

Относительно вносимых Дурново сумм ар<химандриту> Савве или в Сл<авянский> ком<итет> замечу, что Д<урново>, вероятно, много приносил пожертвований, им самим собранных, п<отому> ч<то> он чрезвычайно деятельный член Сл<авянского> ком<итета>. Если же бы Г<иляров>-Пл<атонов> давал ему эти суммы для передачи Сл<авянскому> ком<итет>у, то, вероятно, я слышала бы об этом хоть один раз или видела бы на конторских отчетных листках написанное рукою Г<илярова>-Пл<атонова>, что столько-то выдано Д<урново> для передачи туда-то. Этого я никогда не видала на упомянутых листках, на верху кот<орых> Г<иляров>-Пл<атонов> собственноручно писал свой расход. Наконец помечены ли эти деньги, вносимые Д<урново> ар<химандриту> Савве, что он, Д<урново>, получил их из «С<овременных> и<звестий>»? Полагаю, что эта помета была обязательна для Д<урново>, и предполагаю, что этими взносами своими он решился только по начатии дела против Г<илярова>-Пл<атонова> прикрыть его.

— О знакомстве Маурера и Г<илярова>-Пл<атонова> через Пелешевского.[109]

Что причиной моего увольнения из редакции было не потерянное ко мне доверие в денежном отношении, я могу доказать тем, что увольнение мое произошло 29 июня, а 7 сент<ября> Г<иляров>-Пл<атонов> просил меня в присутствии Н. И. Пастухова съездить в Симбирск и занять для него денег у знакомых нам обоим симбирск<их> корресп<ондентов> «Сов<ременных> изв<естий>». Думаю, что нельзя делать денежное поручение человеку, к кот<орому> потеряно доверие. Замечу еще, что увольнение мое произошло 29 июня, а о том, что меня уволят, Экзем<плярский> сказал мне еще 1 июня, между тем в промежуток этого времени Г<иляров>-Пл<атонов> при всех и наедине выражал ко мне, как и всегда, полнейшее доверие.

Об отношениях к Г<илярову>-Пл<атонову> его племянника Федора Александровича мне известно, что при поступлении моем в редакцию отношения между ними были натянуты. Г<иляров>-Пл<атонов> объяснял мне это тем, что Ф. А. Гилярову он настойчиво советовал погодить еще один год поступлением в Университет, и совет этот крайне не понравился его племяннику, кот<орый> с того времени стал относиться к нему хуже. Затем с 1872 года или даже несколько раньше между Г<иляровым>-Пл<атоновым> и Ф<едор> А<лександрович> появилась бульшая дружба. Ф<едор> А<лександрович> живал на даче у своего дяди; проводил с ним большие праздники, чему Г<иляров>-Пл<атонов> и я очень радовались. За последний 3<-й> год Ф. Г<иляров> стал деятельно сотрудничать в «С<овременных> из<вестиях>» и каждый день приходил в редакцию. Между им и Г<иляровым>-Пл<атоновым> завязалась оч<ень> тесная дружба. За все время моего пребывания в редакции Г<иляров>-Пл<атонов> оч<ень> горевал, что все Гиляровы не хотят взглянуть на меня беспристрастно и с предвзятым убеждением каждый мой даже хороший поступок толкуют в дурную сторону. В последнее время Ф. Г<иляров> стал относиться ко мне

хорошо и доверчиво; дядя его оч<ень> этому радовался. Помню даже, как Ф. Г<иляров> и я тревожились, что не выкупается от Овчинникова[110] заказанный для Черняева образ, и когда Пороховщиков[111] собрал деньги, чтобы выкупить этот образ, то Ф. Г<иляров> выражал мне свое удовольствие[112] и говорил, что его этот образ тревожит. Я сказала ему, что от тревоги я не спала по ночам, и прибавила: «Есть еще вещи, которые меня тревожат». Он спросил: «Что?» Я не ответила, но подразумевала жертвованные деньги. Мне известно, что Ф. Г<иляров> внес 50 р<ублей,> собранные им на образ Черняеву. Эти деньги он отдал Г<илярову>-Пл<атонову> в моем присутствии.

1878 г. 5 апр<еля>
Продолжение

VII

На вопрос, предложенный мне о самоваре, замечу, что, когда я жила вместе с Г<иляровым>-Пл<атоновым> и когда он сердился на меня всякий раз, как я какие-нибудь *наши* вещи называла *твои* или *мои*, в это время нами вместе куплен был для нашего общего хозяйства мельхиоровый самовар. Весною 1877 года я неоднократно просила у Г<илярова>-П<латонова> денег на мои личн<ые> расходы. Он отказывал, ссылаясь на неим<ение> денег. Я просила у него позволения заложить мельхиоровый самовар. Он мне ответил: «Хочешь — заложи, хочешь — продай; я его совсем тебе отдаю». Я всех приходивших к нам спрашивала, как они посоветуют: продать или заложить. Помню особенно, что с этими же вопросами я обращалась к Пастухову и Экзем<плярскому>. Когда пришла ко мне моя портниха Козлова, я попросила ее заложить мой самовар за 10 р<ублей>, чтобы мне легче было его выкупить. Думаю, что это было около 7 мая и я нуждалась в 10 р<ублях> для уплаты процентов по одному векселю в 100 р<ублей>, по кот<орому> я и теперь продолжаю уплачивать 10 р<ублей> в месяц. Когда 29 июня Г<иляров>-Пл<атонов> бил меня, упрекая в измене, то между прочим он сказал: «Заложила самовар, чтобы купить будильник Экземплярскому». Я ответила, что будильник я подарила Эк<земплярскому> в феврале и он стоил оч<ень> мало, а самовар я заложила в мае. Затем в июле или в августе Козлова сказала мне, что она получила от Г<илярова>-Пл<атонова> 10 р<ублей> для выкупа самовара, но т<ак> к<ак> была больна и ко мне на дачу ехать не могла, а женщина, которой я должна 100 р<ублей>, не дает ей покоя, требуя процентов, то она эти 10 р<ублей> отдала ей, полагая, что выкупом самовара еще можно обождать. К<озлова> тогда не знала о моем разрыве с Г<иляровым>-Пл<атоновым>. Затем Г<иляровым>-Пл<атоновым> дано было еще раз 10 р<ублей> на выкуп самовара; но у закладчика так наросли проценты на другие мои вещи (шубка и платье), что для того, чтобы он не продал этих моих вещей, К<озлова> опять употребила 10 р<ублей> на уплату процентов за вещи.

В начале сент<ября> К<озлова> пошла к Г<илярову>-Пл<атонову> и просила его уплатить за меня 100 р<ублей>, за кот<орые> я ежемесячно плачу по 10 р<ублей>. Г<иляров>-Пл<атонов> обещал уплатить эти 100 р<ублей> через несколько дней; сказал ей, что даст мне и денег, и какую хочу пенсию и просит ее, чтоб она уговорила меня выехать на это время из Москвы для моего рассеяния. Поэтому, когда я в сент<ябре> приехала к К<озловой>, то она поздравила меня, что я буду получать большую пенсию. Я ответила ей, что соглашусь на условия Г<илярова>-Пл<атонова> тогда, когда он согласится на мои условия. Большую пенсию не возьму, а р<ублей> 30 в месяц согласна брать, а выехать из Москвы соглашусь тогда только, когда он попросит молодых людей, не знавших меня хорошо лично, но вследствие наветов моей воспитанницы сказавших, что не протянут мне руки, когда Г<иляров>-Пл<атонов> попросит этих людей протянуть мне обе руки, т<ак> к<ак> он лучше других знает меня. Я сказала К<озловой>, что едва ли, впрочем, мой отъезд состоится, т<ак> к<ак>, очевидно, Г<иляров>-Пл<атонов> желает меня выпроводить из Москвы, п<отому> ч<то> я знаю о растраченных им жертвованных деньгах. Я слышала, что в Москве пошел уже говор об этой растрате, и если меня позовут в качестве свидетельницы, то я сочту священной обязанностью сказать правду и не возьму от него никаких денег для отъезда с целию избежать этих показаний или молчать. Потом я написала Г<илярову>-Пл<атонову> записку, в которой говорила, что соглашаюсь принять небольшую пенсию и прошу его дать мне документ на имя газеты для получения этой пенсии, а также прошу его дать мне вексель в 1000 р<ублей> как ручательство с его стороны, т<ак> к<ак> моя дача заложена для него на эту сумму. Эту записку я послала с К<озловой>. Она принесла мне ответ, что моя записка напоминает тон моей сестры и чтоб я написала помягче. Я написала. После этого я завтракала с Г<иляровым>-Пл<атоновым> и Пастуховым в ресторане Тестова и по возвращении оттуда сказала К<озловой>, что между мною и Г<иляровым>-Пл<атоновым> произошел окончательный разрыв. В это время К<озлова> получила в моем присутствии записку от моей воспитанницы, кот<орая> писала ей: «Выкупите, пожалу<й>ста, самовар за те 10 р<ублей>, кот<орые> Вы получили, а то Н<икита> П<етрович> хочет подавать явку о пропаже у него самовара». К<озлова> испугалась этой угрозы, а я ей заметила, что ведь в присутствии Г<илярова>-Пл<атонова> самовар дан был ей для залога. Думаю, что в июле и августе так упорно требовался из залога самовар по настоянию моей воспитанницы. В августе Пелешевский мне сказал: «Приезжаю к Ник<ите> Петр<овичу>; в зале в белом капотике с розовым бантиком сидит Ваша Дуня». Психологически понятно, что, сделавшись хозяйкой на моем месте, девочка захотела сидеть за мельхиоровым, а не медным самоваром.

— Тихобразова и Николая Гилярова, как мне известно вследствие их разговоров со мной, тревожат жалобы жертвователей на то, что они не видят своих имен в списке вносивших жертвы. Помню, особенно тревожили Тихобразова, что жертвованным деньгам и корпии не дается ник<акого> движения.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 47. Л. 1—189.

[1] На обороте обложки — овальный штамп: «Книжный и писчебумажный под фирмою И. И. Смирнов магазин А. Ф. Рохманиновой. Бол. Никитская, д. № 10, в Москве».

[2] Третья буква в фамилии М. С. Скворонской — «о», но — по аналогии со знаменитыми Скавронскими — ее фамилию часто писали с «а» и в печатных источниках.

[3] Подмосковное село Кусково к востоку от Первопрестольной известно по документам с 1573 г. После открытия в 1870-х гг. станции «Кусково» село стало дачной местностью. В 1925 г. и Кусково, и соседнее Перово получили статус города, а в 1938 г. Кусково вошло в состав г. Перово. С 1960 г. вся эта территория находится в черте Москвы.

[4] *Душа* — Авдотья Ивановна Буренкова (или Бурова; в замуж. Орлова), сирота, воспитанница М. С. Скворонской; работала в конторе «Современных известий».

[5] Константин Федорович Экземплярский — студент-медик, сотрудник редакции «Современных известий».

[6] Младший сын Гилярова Алексей Никитич (1856—1938), историк философии, литературовед, переводчик.

[7] Неустановленное лицо, служившее в редакции «Современных известий». Ниже, в письме Скворонской от 8 июля 1877 г., он упомянут как Шалимов.

[8] В этих и других словах данного письма — реакция на факты, сообщенные в письме от 8 июля 1877 г.

[9] *Поля* — девушка Пелагея Ивановна Богуш, прислуга в квартире Гилярова.

[10] Название меблированных комнат.

[11] В Перово находилась дача Скворонской, а в Петровском-Разумовском — Гилярова.

[12] Анна Александровна Лебедева — знакомая Гилярова и Скворонской.

[13] Федор Громов — слуга на даче у Скворонской.

[14] В 1728 г. в возрасте 16 лет Жан-Жака Руссо (Rousseau; 1712—1778) отдали под покровительство 29-летней пансионерки сардинского короля, баронессы Франсуазы Элеоноры де Варанс (Варренс, de Warens или Vuarrens, ур. де ла Тур дю Пиль, de la Tour du Pil; 1699—1762), которую он стал называть «мамой», «маменькой» (как и Экземплярский — Скворонскую). Клод Анэ (Anet; 1706—1734), крестьянин из швейцарского кантона Монтре, был сначала лакеем, позже управляющим и любовником г-жи де Варанс. В 1732 г., когда Руссо исполнилось 20 лет, она сделала любовником и его, и эта жизнь втроем продолжалась 2 года, пока Анэ не отравился, и еще около 5 лет вдвоем, пока г-жа де Варанс не заменила Руссо новым, более юным возлюбленным, Жаном Самюэлем Родольфом Винценридом (Wintzenried, позднее переменил на де Куртий, de Courtilles; 1716—1772), а будущий писатель не устроился учителем в Лион.

[15] Несмотря на необычность их интимной связи, Руссо всегда называл г-жу де Варанс «большой любовью своей жизни».

[16] рыжий (*фр.*) Руссо был рыжеволосым.

[17] глупый, дурак (*фр.*)

[18] Скворонская отсылает к известному французскому каламбуру, связанному с некоим тезкой Руссо, который имел обыкновение хвастаться этим обстоятельством; ему отвечали: «Tu es Jean, tu es Jacques, tu es roux, tu es sot, mais tu n'es pas Jean-Jacques Rousseau». Игра слов строится на омонимии фамилии Rousseau со словами roux и sot. Каламбурный перевод с французского: «Ты и Жан, ты и Жак, ты и рыжий дурак, но не Руссо Жан-Жак» (см.: *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1986. С. 378). Подобный каламбур с той же фамилией И. П. Липранди

приписывал Пушкину, так якобы отозвавшемуся о молдавском писателе-дилетанте И. П. Руссо (ок. 1790 — не ранее 1853): «Это правда, что он Иван, что он Яковлевич, что он Руссо, но не Жан-Жак, а просто рыжий дурак» (*Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: Акад. проект, 1998. Т. 1. С. 340—341. (Пушкин. б-ка); впервые опубл.: 1866).

[19] Богородск — до 1930 г. название г. Ногинска в Московской области. Брат — Иван Федорович Экземплярский.

[20] Возможно, подразумевается одно из пророчеств, предвещавшее страдания грядущего Мессии, например: «Разделили ризы Мои между собою, и об одежде Моей бросали жребий» (Пс 21: 19).

[21] Младший сын Гилярова. См. выше примеч. 6.

[22] Знакомая Сковронской; жительница, по-видимому, с. Перова, упоминаемая и далее.

[23] Губернский секретарь Сковронский, скончавшийся до 1867 г.

[24] Подразумеваются К. Ф. Экземплярский и А. И. Буренкова (Душа).

[25] Вероятно, это тот же студент, который ранее назван Томиловым. В каком случае кн. Шаховской неверно прочел его фамилию, выяснить не удалось.

[26] Иван Алексеевич Оглоблин (или Оглобин) — сотрудник редакции «Современных известий».

[27] Сковронская переводила для «Современных известий» телеграммы с европейских языков и составляла «Иностранное обозрение». Их доставляли ей на дом посыльные информационных агентств.

[28] В 1877 г. Пасха приходилась на 27 марта.

[29] Не исключено, что это упоминаемый далее лакей И. В. Попов, пойманный на противозаконной продаже водки и взятый Гиляровым на поруки; позднее он занимал важное место в редакции; помощница издателя А. М. Гальперсон в 1887 г. писала о нем: «*Иван Васильевич Попов*, раздатчик газет для городских подписчиков и розницы, в то же время и кассир» (ИРЛИ. Ф. 71. № 65. <№ 1>. Л. 1).

[30] А. Р. Янькова, сотрудница редакции «Современных известий». Правильно: *Ревокатовна*.

[31] Неустановленное лицо.

[32] В оригинале: loin des yeux, loin du cœur. Русский эквивалент: с глаз долой — из сердца вон.

[33] Крестьянка с. Перова, жена Федора Громова, была в услужении у Сковронской.

[34] Настасья Ивановна Козлова, портниха, жила в Москве на Плющихе.

[35] Имеется в виду Филаретовское епархиальное женское училище, где в тот период обучались не только дочери священнослужителей; по окончании заведения девушки получали право работать в должности учительниц народных школ. Училище было открыто в 1832 г. под названием Воспитательного отделения при Горихвостовском доме призрения. В 1865 г. переведено в специально выстроенное для него в 1861 г. здание в бывшем владении Чудова монастыря (так называемом Заборовском подворье), в Харитоньевском пер., д. 5. (Ныне здесь Военно-морской штаб.)

[36] И. Ф. Экземплярский.

[37] *Ляпинкой* в московском обиходе называли бесплатные квартиры на Большой Серпуховке для вдов и учащихся девиц, устроенные купцами-благотворителями братьями Ляпиными. Так именовали и бесплатное общежитие для студентов университета и учеников Училища живописи и ваяния, оборудованное в бывшем складе Ляпиных.

[38] Неустановленное лицо.

[39] *Портерная* — питейное заведение с продажей портера — крепкого темного пива.

[40] *Иванов день*, или Иван Купала (рождество Иоанна Крестителя), — 24 июня.

[41] Прот. Федор Михайлович Тихомиров — настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Караваево Покровского уезда Владимирской епархии. А. Ф. Тихомиров — родной дядя новомученика о. Иоанна Петровича Тихомирова (1876—1938) (см.: *Федотова М*. Неизвестный святой: Из истории Меленковского края // Коммунар: Меленковская районная газета. 2008. 30 янв. № 6. С. 3).

[42] Сестра Сковронской Екатерина Саверьевна Васильева.

[43] Александра Степановна Ильинская, сотрудница Конторы «Современных известий».

[44] *Пололка* — полольщица, корчевательница.

[45] *Дебаркадер* — зд., очевидно: здание железнодорожной станции.

[46] Иван Дмитриевич Бердников (1827—1880), инспектор Московской школы синодальных певчих, помощник хранителя Румянцевской библиотеки; под идейным руководством Гилярова работал над 5-томным изданием Творений свт. Тихона Задонского (М., 1875). См. поминальную статью о нем Гилярова, в которой, в частности говорится: «И. Д. Бердников был отчасти педагог, отчасти изыскатель, но более всего вдохновитель и споспешествователь всякому чистому гражданскому начинанию. <...> И повсюду он оставлял себя на заднем плане, не выдвигаясь, но хоронясь и выступая с резкостью лишь там, где нарушалась, по его мнению, христианская гуманность и правда, и во имя этой гуманности и правды. Без преувеличения он был миссионер и подвижник; миссионер и подвижник не в пошлом значении этого слова, с внешними атрибутами миссионерства или аскетизма; но в том современном смысле, в каком каждый из граждан может быть для непосредственно окружающей среды: наставником любви и правды и живым образцом служения высоким идеалам знания и нравственности» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 9 января // *СИ*. 1880. 10 янв. № 9. С. 2).

[47] Имеется в виду высокопреосвященный Иннокентий (в миру свящ. Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797—1879), свт.; просветитель алеутов; еп. Камчатский и Алеутский (с 1840; архиеп. с 1850), митр. Московский и Коломенский (с 1868); духовный писатель.

[48] Прот. Стефан Иванович Зернов (1817—1886), магистр МДА (1844), бакалавр библейской истории и греческого языка в МДА (1844—1846); настоятель московской церкви Свт. Николая на Студенцах, затем — Свт. Николая Явленного на Арбате; духовник Сковронской; вместе с Гиляровым принимал активное участие в деятельности Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания (Братства св. Николая). См. подробнее о прот. С. И. Зернове ниже нашу статью «К истории благотворительности в России».

[49] Иосиф Васильевич Варвинский (1811—1878) — известный московский врач, профессор госпитальной терапевтической клиники.

[50] Иван Петрович Малышев, работник типографии «Современных известий».

[51] *Конфидентка* — женщина, с которой ведут интимные разговоры, которой поверяют секреты, сердечные тайны.

[52] Племянник Гилярова и его соредактор Ф. А. Гиляров. См. преамбулу на с. 210.

[53] 1 августа — начало двухнедельного Успенского поста, когда принято говеть и причащаться.

[54] Неустановленное лицо. Сотрудник редакции «Современных известий».

[55] Е. А. Сусорова (ур. Богданова; 1820—1898), свояченица Гилярова, старшая сестра его жены.

[56] И. А. Оглоблин (Оглобин — ошибочное написание).

[57] Неустановленное лицо.

[58] Одна из редакционных регистрационных книг. Была еще Синяя книга (см.: *Письма к Гальперсон*. С. 250). Эти названия, вероятнее всего, восходят к известным сборникам дипломатических документов. Гиляров писал в одной из передовых статей: «...европейские населения имеют пред нами преимущества в том отношении, что там повсюду есть разного цвета книги, заведенные наподобие английской синей, в которой обнародываются подлинные документы дипломатических сношений за известный период времени» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 29 декабря // *СИ*. 1880. 30 дек. № 359. С. 2).

[59] «Сохраняется ли еще доброе чувство ко мне?» (*нем.*).

[60] «Я люблю вас больше, чем мать, сестру, жену...» (*нем.*).

[61] *Серия* — разряд, категория ценных бумаг (денежных знаков, облигаций).

[62] *Дуняша* — вероятно, мещанка Сергиева Посада Авдотья Николаевна Тягалина, близкая подруга Сковронской.

[63] *Вмилостивиться* — смилостивиться (*юж.-рус.*).

[64] Е. В. Львова, одно время служившая при конторе «Современных известий».

[65] Видимо, упоминавшаяся ранее Александра Зеленова.

[66] Старший сын Гилярова (1854—1909), служивший в конторе «Современных известий». По воспоминаниям проведшего в его доме свои детские годы С. И. Уманца, «Николай, ввиду врожденной слабости здоровья на почве общего рахитизма, выразившейся в довольно значительной хромоте, очень во многом, конечно, уступал своему исключительно талантливому младшему брату и, к сожалению, не мог докончить своего образования, ограничившись гимназией. Однако и он был по природе развитой молодой человек и помогал отцу по конторе и редакции "Современных известий"» **(***С. У.* Мозаика: (Из старых записных книжек) // *ИВ*. 1912. Т. 130. Дек. С. 1057**)**.

[67] Подразумевается Спасская застава Камер-Коллежского вала, с 1922 г. на этом месте — площадь Крестьянская Застава.

[68] Неустановленное лицо.

[69] Имеется в виду «Большой Патрикеевский трактир» (точнее, ресторан), которым с 1868 г. владел московский купец Иван Яковлевич Тестов.

[70] Кн. В. А. Долгоруков.

[71] *Колотовка* — драчливая, сварливая женщина.

[72] Со знаменитым адвокатом и судебным оратором Федором Никифоровичем Плевако (1842—1908) у Гилярова завязались приятельские отношения, видимо, с процесса известной игуменьи Митрофании (Розен) — судебное заседание происходило в Московском окружном суде 5—18 октября 1874 г.; подробнейшие отчеты публиковались, в частности, и в «Современных известиях». Плевако постоянно консультировал Гилярова, защищал его на одном из процессов (см.: *Плевако Ф. Н.* Дело Гилярова-Платонова и Дубенского, обв<иняемых> в диффамации // *Плевако Ф. Н.* Речи. 3-е изд. М.: Изд. М. А. Плевако, 1912. Т. I. С. 277—281). В одной из передовых статей (посвященной нашумевшему делу «о бунте крестьян», попавших в ростовщические кабальные силки к своему бывшему помещику гр. А. А. Бобринскому) Гиляров писал: «Ф. Н. Плевако, который, — русские люди должны отдать ему эту заслуженную честь — является всегда готовым, безмездным защитником для всех подобных настоящему дел, где угнетенное человечество вопиет к высшей правде, взял и на сей раз несчастных разоренцев под свою юридическую защиту, и даже кормил и поил их на свой счет во время пребывания их в Москве» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*> Москва, 21 декабря // *СИ*. 1880. 22 дек. № 353. С. 2). Позд-

нее Гиляров предоставил приятелю столбцы своей газеты для публикации его открытого письма в связи с нападками либеральной прессы за оправдательный приговор по делу товарища прокурора Московского окружного суда В. И. Росковшенко, ставшего жертвой алчных ростовщиков и чуть ими не погубленного (см.: *СИ*. 1885. 20 нояб. № 302. С. 2), и призывал «издать замечательнейшие из своих “принципиальных” речей, — не ради похвальбы ораторским талантом, а ввиду того высшего правосудия, которого оратор является чтителем» (Там же). Однако соредактором Гилярова по «Современным известиям» стал в этот период (с № 52 за 1878 г. по № 1 за 1883 г.) его племянник Федор Александрович.

[73] Петр Михайлович Глобо-Михаленко — губернский секретарь (с 1874 г.), судебный следователь Московского окружного суда для производства следствий по особо важным делам; впоследствии, в 1894—1895 гг., председатель Сарапульского окружного суда.

[74] Возможно, полковник Андрей Михайлович Измайлов (1819—1895), в период Русско-турецкой войны командир 18-го Донского казачьего полка.

[75] И. А. Пашков (1847—1889), дипломат и журналист, знакомый Гилярова с конца 1860-х гг. Именно он автор многочисленных «Сербских писем», печатавшихся в «Современных известиях» в годы войны (начиная с августа 1876 г.) под криптонимом «Влад—ов» (не упомянут в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова). На рубеже 1870—1880-х гг. под той же подписью он публиковал в гиляровском издании «Петербургские письма». Заведующая редакцией «Современных известий» А. М. Гальперсон после кончины Гилярова, 1 декабря 1887 г., писала А. И. Елишеву, выкупившему права на издание газеты: «…Ипполит Александрович прекраснейший человек, очень уважал Никиту Петровича…» (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 44б. <№ 10>. Л. 2 об.).

[76] Высокопреосвященный Михаил (в миру Милое Милованович Йованович; 1826—1898), выпускник Киевской ДА (1853), епископ Шабацкий (с 1854 г.), митрополит Сербский (с 1859 г.). Тепло относился к Гилярову; в 1887 г. отпевал его в Москве.

[77] См., например, большие, почти на всю полосу, такие списки жертвователей под названием «От Славянского комитета»: *СИ*. 1876. 10 сент. № 249; 12 сент. № 251; 16 сент. № 255; 19 сент. № 258; 25 сент. № 264 (везде с. 1).

[78] Сергей Николаевич Голяшкин (1829—1903), выпускник Демидовского лицея (1854), московский чиновник; собиратель живописи, домовладелец.

[79] Племянник Гилярова по жене, сын его свояченицы Марии Алексеевны Тихобразовой (ур. Богданова); журналист, корреспондент «Современных известий», чиновник акцизного ведомства.

[80] Петр Алексеевич Сухомлинов — нотариус Московского окружного суда; жил против Английского клуба, на углу Малой Дмитровки.

[81] Очевидно, Николаю Никитичу Гилярову. См. выше примеч. 66.

[82] Писчебумажная фабрика была куплена Гиляровым в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя). См. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 66).

[83] Владислав Францевич Пелешевский (ок. 1832—1887) — публицист, экономист.

[84] Как объяснение к подчеркнутому кн. Шаховским слову «пенсия» напротив, на чистом обороте л. 124, карандашом приписано: «По пост<ановлению?> г. Гл<обо>-Мих<аленко>, о пенсии подтверж<дает> письмо Н<икиты> П<етровича> к Сковр<онской>».

[85] Московский домовладелец почетный гражданин Виктор Николаевич Шевалдышев в тот период служил бухгалтером Правления Русского общества рельсового производства (см.: Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1877 год. <М., 1877.> С. 915).

[86] Николай Иванович Пастухов (1831—1911), журналист, беллетрист, издатель-редактор ежедневной газеты «Московский листок» (с 1881 г.).

[87] Герцеговинско-боснийским восстанием современники называли события второй половины 1875 г., когда из-за увеличения турецкими властями десятинного сбора с населения началось стихийное возмущение герцеговинских крестьян, переросшее в вооруженные столкновения. Повстанцы подвергли блокаде ряд крупных городов и турецких крепостей в Герцеговине и Боснии.

[88] А. В. Гюнтер, выступавший под псевдонимом «Прелучев», по словам Гилярова, — «бывший наш корреспондент из Славянских земель, помещавший два года сряду (1870 и 1871) свои письма, прекратившиеся лишь с изданием “Славянского мира”, которое, в видах славянского единения, предпринял он на двух языках сразу — русском и чешском» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 15 мая // *СИ*. 1872. 16 мая. № 132. С. 2).

[89] Страховое общество, конторы которого в нач. 1870-х гг. находились в обеих российских столицах.

[90] В упомянутой выше передовой статье (она посвящена аресту А. В. Гюнтера) Гиляров, однако, не упоминает, что причиной взятия под стражу послужила публикация Гюнтера именно в «Современных известиях», но цитирует «Московские ведомости», сообщавшие, что поводом к аресту «послужила телеграмма, отправленная г. Гюнтером в Москву во время чешских выборов, в которой он говорит о необходимости для Чехии в нравственной поддержке России; слова эти объявлены были воззванием к чужому государству о вмешательстве в дела империи и, стало быть, государственною изменою» (Там же).

[91] Речь идет о знаменитом еврейском финансисте и промышленнике («железнодорожном короле»), немецком подданном Бетеле Генри (до крещения в 1833 г. Барух Гирш) Струсберге (Strousberg, 1823—1884), составившем громадное состояние путем беззастенчивого биржевого мошенничества и подкупа должностных лиц и представителей прессы; его именовали «новейшим Крезом» и, вместе с тем, «одним из самых смелых и бесцеремонных творцов этой жидовствующей системы денежного азартного рынка», «воплощением буржуазного лицемерия» (*Шашков С. С.* Биржевые вакханалии в Германии // Дело. 1876. № 12. Отд.: Соврем. обозрение. С. 34, 35). Арест и судебное преследование Струсберга начались в 1875 г. — после того, как ему удалось, под видом строительства в России железной дороги Брест—Гараево, прикарманить 7 млн руб., доведя до полного банкротства Московский ссудный банк: «...дело не выгорело, явились на сцену полиция и прокурорский надзор, банк лопнул, а Струсберг, еще недавно живший в своем роскошнейшем поместье Сбиров, очутился в московской яме» (<*Без подписи*>. Струсберг // Иллюстрированная неделя. 1875. № 45. 16 нояб. С. 717). См. его автобиографию: Doctor Strousberg und sein Wirken, von ihm selbst geschildert: Mit einer Fotographie und einer Eisenbahnkarte. Berlin, 1876; а также литературу рассматриваемого периода о нем: *Remember.* Доктор Струсберг: Из путевых воспоминаний врача // Новороссийский телеграф. 1875. 25 нояб. № 257. С. 1—3; 28 нояб. № 260. С. 2—4; Доктор Г. Б. Струсберг и его прошлое. СПб., 1876; *Л. А—в* <*Полонский Л. А.*>. Как люди деньги наживают: Берлинский «крах» и доктор Струсберг // *ВЕ.* 1876. Т. 3. № 6. С. 603—638; *Р. И.* <*Ильш Р. Ф.*>. Доктор Струсберг: (Автобиография) // *СПбВед*. 1876. 28 сент. № 268.

С. 1—2; *С.* Автобиография доктора Струсберга // *МВед.* 1876. 25 авг. № 217. С. 4; <*Без подписи*>. Автобиография Струсберга // Там же. 1876. 30 сент. № 249. С. 3; 1 окт. № 250. С. 4—5; *С. С.* <*Сычевский С. И.*>. Книга Струсберга // Одесский вестник. 1876. 29 окт. № 237. С. 1—2; *Эн.* Доктор Струсберг и его книги // Пчела. 1876. № 41. 24 окт. С. 8—10; <*Без подписи*>. Генри Бетель Струсберг от колыбели до скамьи подсудимых. СПб., 1876; *Glogau O.* Der Börsen und Gründungs-Schwindel in Berlin. Leipzig, 1876.

[92] Друг Гилярова критик и издатель С. А. Юрьев (1821—1888), председатель ОЛРС (с 1878 г.).

[93] Подразумевается Алексей Никитич Гиляров. См. выше примеч. 6.

[94] Продолжалась с 19 июля 1870 по 10 мая 1871 г.

[95] Гиляров хранил свои сбережения именно в Московском купеческом обществе взаимного кредита (находившемся недалеко от редакции «Современных известий», в Юшковом переулке), очевидно, потому, что с ним была связана деятельность его приятелей: И. С. Аксаков был членом Совета Общества, а Ф. В. Чижов — председателем его правления.

[96] См. выше примеч. 82. Сын Гилярова Николай Никитич позднее вспоминал, что покупка фабрики не обошлась без грязной интриги: «Жил да был в Москве прогорелый помещик Шумов, растранжиривший свое состояние картежничеством и сладострастием. Сей бонвиван одумался, когда остался кусочек мяса, две дочери в поре замужества и развалющая фабрика с допотопной конструкции машинами. Служила в редакции переписчицей такая Анна Александр<овна> Лебедева: <П. А.> Лебедев и Лебедева, только однофамильцы, сделались друзьями по какой-то причине закадышными. Два приятеля решили во что бы то ни стало "всучить" Гилярову фабрику и для этой цели просили "представительницу женского труда" закинуть удочку на Ник<иту> Петр<овича>. Удочка была закинута, и Лебедева была приглашена в кабинет редактора.

— Давно я думала предложить вам приобрести за бесценок писчебумажную фабрику от одного знакомого разорившегося помещика.

— Я только что типографию свою завел. Типография отвлекает от прямого дела. Лучше бы было печатать газету в чужой, меньше хлопот, а тут еще фабрика.

— Ах Никита Петр<ович>! — заговорила Лебедева густым басом. — Если бы я имела хоть небольшой капитал и кредит, купила бы эту фабрику и перепродала бы хоть ее. Одной земли 30 десятин. Фабрика — клад. Мы с Павлом Александр<овичем> высчитывали, сколько вы переплачиваете бумажным торговцам, и пришли в ужас! <...> С вашим умом да не справиться с фабрикой на полном ходу! На фабрике есть управляющий, служащий более 25 лет. Если вы съездите на фабрику, ахнете и попомните Анну Лебедеву, преданную вам, как и все мы, живущие под вашим крылом угнетенные женщины... Фабрика находится в одной только версте от города Рузы и от станции железной дороги в 21 версте. Благодарности за сватовство я не потребую, я не комиссионер.

— А вы видели фабрику?

— Видала не раз. Я, как женщина, в машинах толку не знаю; а местоположение восхитительное... Я бывала в имении Шумова.

Удочка была закинута, и удачно. Н<икита> П<етрович> решился съездить посмотреть фабрику в один прекрасный и морозный день, когда путь был очень удобен от станции ж<елезной> д<ороги>. Фабрика, по всей вероятности, очень понравилась во время действия; вырабатывалась оберточная бумага. Н<икита> П<етрович> принялся по приезде высчитывать барыши от собств<енной> бумаги» (*Гиляров Н.* Краткая история газе-

ты «Современные изв<естия>» / Публ. и примеч. А. Дмитриева // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 375).

[97] Ювелиры, с 1860-х гг. торговавшие золотыми и серебряными изделиями.

[98] Вероятно, известный музыкальный педагог и композитор Александр Иванович Виллуан (1804—1878).

[99] Александр Иванович Кошелёв (1806—1883), публицист и журналист славянофильского направления, мемуарист; общественный деятель, состоятельный помещик.

[100] Купец Григорий Яковлевич Буфеев, представитель целой династии коломенских заводчиков и благотворителей, возглавлял Общественный банк в этом городе.

[101] Свящ. А. И. Смирнов являлся настоятелем коломенского храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова с 1874 по 1891 г. (см.: *Славацкий Р.* Церковь апостола Иоанна Богослова: Очерк истории. Коломна, 2008. С. 35). Он был сыном Ивана Васильевича Смирнова (?—1848), двоюродного брата Гилярова и его учителя в Коломенском ДУ, позднее дьякона московской церкви Михаила Архангела, скончавшегося в эпидемию холеры.

[102] Архимандрит Савва (?—1880) — первый управляющий Сербским подворьем на Солянке — с мая 1874 г. по октябрь 1880 г. Ранее был настоятелем Горнякского (в Белградской митрополии) монастыря. Благовещенский храм-памятник подворья был центром сбора денежных и других пожертвований в пользу сербских церквей.

[103] Н. Н. Дурново (1842—1919) — публицист и общественный деятель славянофильской ориентации, издатель-редактор газеты «Восток» (1879—1886), друг Гилярова.

[104] Подразумевается А. И. Буренкова (Душа). См. выше примеч. 4.

[105] Вероятно, ему принадлежат многочисленные обстоятельные «Белградские письма» и корреспонденции из разных сербских городов (Лукова, Бани Княжевецкой, Алексинца, Смедерева и др.), публиковавшиеся в «Современных известиях» летом-осенью 1876 г. под псевдонимом «Влад—ов».

[106] Речь идет о Владимире Федоровиче Ферморе (1831—1876), до 1862 г. служившем в Оренбургском казачьем войске, откуда вышел в отставку ротмистром, а позднее — на железной дороге и в «Саратовском справочном листке». В июле 1876 г. выехал в Сербию, 11 августа во главе своего летучего отряда прибыл к Черняеву. Участвовал в ряде кровопролитных сражений. 13 августа был ранен в обе ноги и вскоре удостоен Таковского ордена. 25 сентября умер после операции. 31 июля в письме из Сербии к родным он писал: «Буду корреспондировать “Современным известиям”, и, пока там будут мои статьи, — до тех пор я жив» (цит. по: *<Без подписи>*. Славянские мученики. I. Доброволец Владимир Фермор // Пчела. 1876. № 49. 19 дек. С. 10). Скорее всего его перу принадлежит корреспонденция: *Ф.* Из Кладова. 1 августа: Сведения о городе. — Волонтеры // *СИ*. 1876. 15 авг. № 223. С. 3.

[107] *Купон* (*фр*. coupon — отрезной талон, от couper — резать, отрезать), часть ценной бумаги (облигации или акции), владелец которой имеет право на получение определенного дохода в форме процента или дивиденда.

[108] Предположительно это волостные правления, соответственно, Воронежской и Смоленской губерний.

[109] Очевидно, Шаховской тут уже не копирует документ, а в двух словах передает его суть.

[110] Вероятно, Алексей Петрович Овсянников, московский купец-старообрядец 2-й гильдии, владелец фабрики церковной утвари в Москве, на Басманной улице (см.: ЦИАМ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 354. Л. 8; Ф. 450. Оп. 8. Д. 366. Л. 9 об.).

[111] Александр Александрович Пороховщиков (1809—1894), московский купец-миллионер, общественный деятель, член Московского благотворительного комитета.

[112] Частично средства на эту икону поступали и через посредство Ф. А. Гилярова: см. сообщение о том, что он передал в редакцию 50 руб. серебром, пожертвованные 16-ю лицами, четверо из которых пожелали остаться неизвестными (*СИ*. 1876. 19 авг. № 227. С. 1).

ТЕТРАДЬ № 2 [a]

Из Дела суд<ебного> следователя Моск<овского> окр<ужного> суда по особо важным делам Глобо-Михален<ко> О Ст<атском> сов<етнике> Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян

нач<ато> 4 дек<абря> 1877 г.
окончено 1880 — Янв<аря> 10

Копии с указа:
(при прок<уроре> Капнисте [1])
Слушали:
1) доклад члена Палаты Цветкова. [2]

Дело это началось 25 нояб<ря> 1877 года по заявлению вдовы губ<ернского> секр<етаря> Марьи Саверьяновой Сковронской прокурору Моск<овского> окр<ужного> суда о растрате редактором «Сов<ременных> изв<естий>» Гиляровым-Платоновым денег, полученных им от разных лиц в пользу славян Балк<анского> полуостр<ова>, причем Сковронская объяснила, что, живя в течение нескольких лет, до весны 1877 года, почти в одной комнате с Гиляровым, находясь с ним в близких отношениях и занимаясь в редакции, она хорошо знает, что с того времени [b]

Показание К. Ф. Экземплярск<ого>

Бывшу<ю> сотрудницу «С<овременных> и<звестий>» по иностр<анному> отд<елу> М. С. Сковронскую я знаю. Что заставило ее удалиться из Редакции, хорошенько не знаю. Были слухи, что она потеряла доверие в глазах редактора и он ее отставил. Когда она была отставлена, я уже не служил в Редакции. В ноябре месяце 1877 года я получил от нее письмо, в кот<ором> она горько жаловалась на свою судьбу и обвиняла Гил<ярова>-Пл<атонова> в том, что он воспользовался с пользой для себя (неточные слова письма) каким-то кошельком, который неизвестно из ее письма, кому принадлежал; что она просила его отдать этот кошелек куда следует, что она нравственно страдала за то, что он не отдавал; что она будто бы говорила ему: «Садись в яму, в тюрьму, а чужие деньги отдай».

[a] *На «титуле» написано*: К материалам для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. / *Секретные документы* / Кн. Н. Шаховск<ой>.

[b] *На этом запись обрывается*.

Госпожу Скавронскую ни в чем предосудительном не замечал, ничего особенного против нее не имею и считаю ее женщиной здравого ума. С Гил<яровым>-Плат<оновым> Сков<ронская> жила в одной квартире во все время моих занятий в Редакции. Не сомневаюсь, что она, т. е. Ск<овронская>, была с ним в близких отношениях, хотя этого доказать не могу.

В том же частном письме, о коем я упомянул, Сков<ронская> говорит что редактор Г<иляров>-Пл<атонов> ездил к ней и предлагал ей пенсию, лишь бы она *молчала*. Но она отказала-де и предпочла жить в голоде и холоде. Слово *молчала* относится к кошельку, которым будто бы, по сл<овам> Ск<овронской>, воспользовался Гил<яров>-Плат<онов>. Письмо это, не знаю, сохранилось ли; но то, что в нем содержалось, может подтвердить г. Оглоблин, кот<орый> читал это письмо.

Показание Е<лизаветы> Лар<ионовны> Чижовой [3]

Сковронскую я встречала в квартире Г<илярова>-Пл<атонова>. В близких отношениях я с ней не находилась и потому не могу судить о ней, но слухи ходили, что она имела большое влияние на Гилярова и пользовалась большим доверием с его стороны, но злоупотребляла его доверием, но в чем заключалось это злоупотребление, я не знаю.

Показ<ание> *Измайлова* [4]

Слышал, что во все время С<лавяно>-тур<ецкой> войны 1876 <г.> он сильно помогал означенной войне, а также не оскудевала его рука помощь<ю> на пособие страждующ<им> семействам прав<ославных> христиан на Бал<канском> полуострове, а также на пособие добровольц<ам>. Гил<ярова>-Пл<атонова>, несмотря на мои холодные отношения к нему, я считал всегда человеком честным.

Показ<ание> П. А. Лебедева

Сков<ронскую> я знаю: она занималась у Г<илярова>-Пл<атонова>; в последнее время, при мне, жила с ним в одной комнате; находилась ли с ним в связи, сказать утвердительно не могу; но пользовалась его неограниченным, полным доверием, ссор и неприятностей при мне у них не было.

Показ<ание> *Ав<доты> Ив<ановны> Буровой,* 17 лет

Я сначала жила при отце Сковронской; когда он умер, то его дочь М<арья> Сав<ерьевна> отдала меня в ученье к портнихе Корсовой, а от нее С<ковронская> меня определила к Гилярову, у кот<орого> она и сама жила. При Сковронской я жила у Г<илярова>-Пл<атонова> года 4 и во все это время я жила

с ней в одной комнате. Только один раз, а именно, кажется, летом 1876 г. Г<иляров>-Пл<атонов> жил с Ск<овронской> в одном № в д<оме> Арманда; в этом же № жила и я с ними; жили мы т<аким> о<бразом> месяца три или 4, пока не была приискана квартира. С<ковронская> наз<ывала> меня воспитанницею, п<отому> ч<то> она взяла меня 4-х лет к себе на воспитание.

Что за отношения были у С<ковронской> с Г<иляровым>, я хорошо не знаю; знаю только, что она занималась переводами и он имел к ней большое доверие. Но летом Н. П. Г<иляров>-Пл<атонов> узнал, что Ск<овронская> тихонько берет из его кассы деньги; о чем сказала ему и я, т<ак> к<ак> один раз видела, как она взяла в отсутствие Гил<ярова> из кассы приблизительно 30 р<ублей>, просила меня об этом никому не говорить; а потом видела, что она берет себе деньги, присланные по почте.

Вследствие этого Г<иляров>-Пл<атонов> отказал ей от должности и она больше не живет у нас.

Ключа от кассы мне никогда не давал Г<иляров>-Пл<атонов>, а таковой он доверял одной Ск<овронской>.

Показ<ание> Оглоблина

По слухам, С<ковронская> с Г<иляровым> была в самых близких отношениях, в чем, впрочем, не сомневаюсь и я. Койки Г<илярова> и С<ковронской> стояли в одной комнате и были разделены лишь небольшой перегородкой. В Редакции и Конторе С<ковронская> не пользовалась особенно хорошей репутацией; она слыла за женщину двоедушную, старавшуюся угодить и редактору, и служащим у него: неизменно с первым она всегда говорила в его пользу против служащих, а последним — в их пользу против Гилярова. Бурова говорила мне, что она иногда пользовалась деньгами из кассы Гилярова. Причиной удаления Сковронской считают ее разнузданность, именно то, что она бросалась на шею, как говорится, всем и каждому, что наконец и вывело Г<илярова>-Пл<атонова> из терпения.

По расходе с Гиляр<овым> Ск<овронская> писала письмо студенту Экземплярскому, которое последний читал мне; в нем она пишет о пожертвованных деньгах; точных выражений я не припомню, но помню одно рельефное место: я не раз говорила Н<иките> П<етрови>чу — садись в тюрьму, садись в острог, а деньги отдай. В письме этом тоже упоминалось о том, что Г<иляров> приезжал к Сков<ронской> и предлагал ей пенсию, чтоб она молчала, но С<ковронская> не согласилась на предложение.

Показ<ания> Пелагеи Богуш, 15 л<ет>

Отошла я от Гиляр<ова>, п<отому> ч<то> Сков<ронская> меня била, мучала за дело, а большею частью по пустякам.

Гил<яров> ей не доверял ключи от денеж<ного> ящика.

Экземпл<ярский> деньги отдавал не Гил<ярову>-Пл<атонову>, а Сковронск<ой>.

Показание Е. В. Барсова

Я жил у г. Гилярова на квартире несколько лет. Не принадлежа к составу редакции и не имея никакого отношения к его издательским делам (кроме печатания книги в его типографии), я, однако, часто виделся с Г<иляровым>, часто проводил с ним время и был непосредственным свидетелем того, как определялись его отношения с г-жой Сковронской. Факты, мною подмеченные, вполне характеризуют эти отношения.

Гиляров, по своей натуре, человек непосредственный, твердый в своих понятиях и весьма склонный к рассеянности.

Как человек непосредственный, он не мог относиться критически к поведению Сковронской и потому не мог разглядеть тех мотивов, в силу которых она определяла свои отношения, постепенно снискивая его внимание и стремясь овладеть его безусловным доверием. Мелкая хитрость ее представлялась ему проявлением ума; ревность к делам редакции, обнаруженная ею на первых порах, показалась ему личным к нему уважением. Гиляров был рад и очаровался тем, что нашел в ее лице не только ревностного сотрудника, но и еще преданного ему почитателя. Он начал советоваться с нею по делам редакции, чаще с нею видеться и через то открыл ей возможность опутать себя; считал ее женщиной умной, притом искренно ревнующей об его интересах, он доверялся ей безусловно, предоставив ей почти все свои редакционные дела.

Как человек твердый в мысли, он, составив о ней понятие как о женщине самой умной и благонадежной, уже решительно не позволял никому сказать о ней дурного слова: обманувшись в ней раз, он обманывался ею до конца, и чем менее позволял себе слушать других, тем больше подпадал под власть г-жи Сковр<онской>. —

Не такова сама Сковр<онская>: она женщина лукавая и двоедушная. Внимание, которое на первый раз выказал ей Гиляров за ее усердную работу, подало ей повод к целому плану, который она, как женщина хитрая, проводила от начала до конца. Скоро задалась она мыслию во что бы то ни стало овладеть им, овладеть безусловно и завязать такую петлю, чтобы держать его в своих руках. Являясь на лицо к Гилярову как самая скромная сотрудница, она старалась подделаться под его образ мыслей, льстила ему, хвалила его статьи и т. п. Изредка при этом закидывала слова, как много она, одна она работает в Редакции и как мало работают другие; добившись в глазах его первенства в составе редакции, она также мимоходом и как будто не намеренно, во время чаю или стола заговаривала о том, что хозяйство у него идет плохо, что у него всего много выходит, что нет никакой экономии, и постепенно т<аким> о<бразом> добилась до того, что в ее руки перешло домашнее хозяйство; ей поручено было следить за покупкой провизии, заведывание столом и т. п. Но при этом естественно д<олжен> б<ыл> сталкиваться интерес действительной хозяйки с распоряжениями доверенной экономки. Сковронская вторгалась в семью и продолжала добиваться еще большего значения в доме. В моем также присутствии, за столом или за чаем, она

также мимоходом начинала заговаривать, что В<ера> А<лексеевна> за хозяйственность ее на нее сердится, что она ей не кланяется, затем, что она ходит к колдунам, что она будто бы хочет ее испортить и наконец стала решительно заявлять, что она боится, чтоб В<ера> А<лексеевна> совсем ее не отравила и т<аким> о<бразом> постепенно расстроила Г<илярова> с своей женой.

Сделавшись полновластной в доме, она, скромная по-прежнему в глазах Гилярова, на стороне окружающим намекала иногда на свою исключительную преданность и близость, но грубый цинизм, с которым она высказывалась при подобных случаях, обличал вполне всю лживость ее натуры. Точно также и самого Г<илярова> она старалась держать в обмане; она пользовалась всяким случаем, чтобы льстить ему; ради той же цели, для поддержания его самообольщения и возбуждения его к себе сочувствия, прибегала к разным средствам: то притворялась больною, то устроивала поднесение кренделя, будто бы от лица его почитательниц за какую-то статью и т. п. На мой взгляд, ни в одном ее слове не было правды, каждое движение ее было ложь и обман.

Но и на этом не остановилась Ск<овронская>. Сделавшись полновластной в редакции, полновластной в доме, расстроив мужа с женой, она еще дальше простерла свои виды: она захотела овладеть правами наследства и расстроила отца с детьми. Выставляя на вид Гилярову, что он слаб здоровьем, что дети его еще недоростки, что со смертию его газета его может погибнуть, она уговорила его написать два письма, в которых бы все права на газету, по его смерти, переданы были лично ей.[5] Одно из таких писем вручено было ей, а другое было отдано старшему сыну Николаю[a] Гилярову с тем, чтобы он распечатал его не ранее, как после смерти родителя. Но, будучи еще гимназистом, он, конечно, распечатал его в тот же вечер. Семейные последствия понятны сами собой.

Наконец, просказывалось в Ск<овронской> жалкое стремление завязать такую петлю, чтобы постоянно, в избежание скандала, держать его в своих руках; так, она не раз заявляла, «как бы дорого дала она, чтоб нажить ей ребенка в ее обстоятельствах».

Вот к чему направлялись и как далеко простирались виды Ск<овронской> в ту самую минуту, как она уверяла Г<илярова> в своей безграничной преданности и личном уважении.

Время и показало, что Г<иляров> был человек, весьма склонный к рассеянности. Эта рассеянность более всего отражалась на его финансовых делах и издательских операциях. Кому что давал и от кого что брал, он весьма часто не записывал. Я печатал одну из своих книг в его типографии; деньги уплачивал в разное время, но т<ак> к<ак> правильной отчетности не велось, то, признаюсь, я и до сих пор точно не знаю, окончены ли между нами счеты или нет. Гиляров и верит другим и сам доверяется всего чаще на слово. Все показанное готов подтвердить под присягою.

Кол<лежский> сов<етник> *Барсов*

---

[a] *Испр.; в автографе:* Алексею.

Показание А. Н. Гилярова
22 г. Студент

27 дек<абря> 1877 г. ездил я в Перово к Ск<овронской> с целью разузнать подробности об отцовском деле. Толком добиться я ничего не мог, т<ак> к<ак> слышал одни лишь восклицания, вроде: «Боже мой, Боже мой», «видит Бог, что я не вру», и затем ругательства, направленные против отца. На мой вопрос, с какою целью она сделала донос, по убеждению ли или вследствие страстности, она отвечала, что никакого доноса не делала, что она просто «пожаловалась прокурору Окр<ужного> с<уда> на то, что ее притесняют, что ей нечего есть, и спросила: неужели возможно, чтобы на Руси люди умирали с голоду? На это прокурор ей ответил, что в России всякий живет своим трудом и что он ничего не может сделать». Я переспросил ее, но она отвечала почти то же, причем свои слова пересыпала разными сильными выражениями касательно отца. На мой вопрос: «Неужели вы в состоянии предположить про отца такие вещи вроде утайки денег и неужели вы не убеждены, что ваши показания — чистая клевета?» — она сказала: «Вы, вероятно, сами не сомневаетесь». На вопрос «почему?» она отвечала, что я мог убедиться, как отец притеснял ее, когда она жила у нас в доме: если же он мог притеснять несчастную женщину, «которая за него положила душу», то, конечно, мог отнять деньги и у сирот, жалобы которых доходят до небес. На этот софизм я ей сказал, что я вообще замечал со стороны отца к ней ласки, что никаких притеснений не видел, что, напротив, она жила слишком свободно и просторно, чего, вероятно, в другой раз сама не отвергла бы. Касательно же отца, прибавил я, я нисколько не сомневаюсь: его честность мне вполне известна, да вы и сами прежде много говорили мне о ней. Больше ничего я от нее не мог узнать. Она начала рассказывать историю своей разлуки с отцом, разливая целые потоки грязных ругательств, прерывая их восклицаниями: «светик ты мой», «голубчик ты мой». Я принял ее за помешанную, т<ак> к<ак> слова ее были вообще бессвязны и часто бессмысленны, поэтому стал с ней прощаться, причем она попросила оставить ей 20 к<опеек>. Я ей дал 3 р<убля>, кот<орые> были у меня в кармане, и извинился,[a] что не могу дать ей более. При этом я заметил, что и прежде слышал о ее нищете от семейства Ф. А. Гилярова, но этим слухам не верил, т<ак> к<ак> не мог предположить, что, живя в редакции столько лет, она не нажила денег. На это она сказала, что все получаемые из редакции деньги она употребляла на постройку дач, котор<ые> она потом заложила; полученные под заклад деньги отдала отцу, котор<ый> ей выдал векселя, но потом их разорвал при Авдотье Ивановне («Душке», по выражению Ск<овронской>), говоря: «Вот как надо поступать с дрянью». Дольше оставаться в Перово у меня не стало сил, и я простился, сказавши «до свиданья», но она попросила протянуть ей руку, т<ак> к<ак> она считает меня честным человеком.

[a] *Испр.; в автографе*: извинившись.

При этом свидании со Ск<овронской> я ей не говорил, что уверял всех в ее честности, в том, что она не могла брать денег потихоньку от отца, что при себе не позволяю этого говорить.

При свидании были две женщины — одна старуха, другая молодая.

Во время службы в редакции Ск<овронская> распоряжалась кассою по своему усмотрению, брала денег, сколько хотела, принимала отчет из Конторы и прятала деньги в своей комнате, в черной конторке. Отец ее вообще не контролировал, но иногда делал ей замечание, из-за чего С<ковронская> делала сцены.

Около 1875 г. отец взял кассу к себе. Когда однажды я обратился к С<ковронской> с просьбой денег на книги, она мне заявила, чтоб я шел к отцу, что теперь деньги лежат у него и что он ей не доверяет.

Что было в 1876 и 1877 г<одах>, я не знаю. Настоящей причины разрыва между отцом и Ск<овронской> я не знаю, но слышал, что она воровала деньги и связалась со студентом Экземплярским. Этому студенту она платила пенсии 25 р<ублей> в месяц. (Последнее слышал и от самой Ск<овронской> при свиданьи с нею 27 дек<абря> 1877 г.).

Показание Сковронской
1878 г. 5 апр<еля>
Продолжение

В Конторе почти никогда за это время не бывала, а слышала от конторщиц, что там навалены груды корпии, и приходящие в контору смеются, что корпия отправлена будет, д<олжно> б<ыть>, тогда, когда кончится уже Сербско-тур<ецкая> война. Я попросила Г<илярова>-Пл<атонова>, чтоб он позволил корпию перенести в нашу квартиру. Он охотно на это согласился. Помнится, в сент<ябре> 1876 г. в отсутствие Г<илярова>-Пл<атонова> пришел из С<лавянского> ком<итета> артельщик и просил от И. С. Аксакова отрядить <?> корпию Сербии. Я воспользовалась этим случаем и просила артельщ<ика> взять с собою корпию. При этом я послала с ним записку, что из ред<акции> «Сов<ременных> изв<естий>» отправлена корпия в Слав<янский> ком<итет>. На этот или на другой день получена была записка о поступлении в Сл<авянский> к<омитет> корпии из «С<овременных> из<вестий>». Если я не ошибаюсь, записка эта была писана рукой г-жи Аксаковой.[6] Когда Г<иляров>-Пл<атонов> приехал домой и в передней узнал об отправке корпии, то, проходя мимо меня, тихонько сказал мне: «Зачем вы отправили корпию; т<аким> о<бразом> поймут, что и деньги я д<олжен> б<уду> отправлять этим путем». Я ответила: «Тем лучше: это по крайней мере заставит тебя отправить деньги».

Об отношениях Г<илярова>-Пл<атонова> к Славянскому ком<итету> знаю, что он оч<ень> давно состоит членом этого Ком<итета> и всегда с самого основания газеты публикации о заседаниях и отчет Ком<итета> печатался даром. Поэтому меня оч<ень> удивило, когда 7 сент<ября> 1877 г. в ресторане Тестова по уходе Пастухова Г<иляров>-Пл<атонов> сказал мне: «Как же Вы рассказы-

вали Пелешевскому, что я растратил пожертвованные деньги, когда, б<ыть> м<ожет>, руб<лей> на 700 я напечатал за это время публикаций для Сл<авянского> ком<итета>». На это я ответила, что эти публикации за это время м<огли> б<ы> печатать gratis [7] как содействие Сл<авянскому> к<омитет>у.

О том, что арх<имандрит> Савва [8] выражал Г<илярову>-Пл<атонову> благодарность, я узнала от Ал<ексея> Ник<итича> Гилярова следующим образом. 27 дек<абря> 1877 года ко мне на дачу приехал А. Н. Гил<яров>. Увидавши его, я сказала двум сидевшим со мной женщинам: «Не отходите от меня». Он засмеялся и спросил: «Чего же вы испугались?» Я ответила, что теперь от Гилярова я м<огу> ожидать всего, т<ак> к<ак> из уст его отца я слышала сама, что он желает моей смерти. А<лексей> Н<икитич> сказал мне, что слышал от семейства Ф<едора> Ал<ександровича> Г<иляров>а, что я в большой крайности: это им говорила нищенка, котор<ая> ходит к ним из Перова, и он пожелал сам видеть, в каком я нахожусь положении. Я ответила, что никакой нищенки я не знаю, а в каком положении я нахожусь, он сам может увидеть: «Сегодня 27 дек<абря>, — сказала я, — а Вы посмотрите, у меня только летние рамы. Мне помогает сестра, [9] несмотря на то, что Ваш отец старается восстановить и ее против меня; по ночам у меня нет ни керосина, ни свечки, ни 2 коп<еек> на фунт хлеба; вот видите, эта старуха принесла мне картофелю».

А<лексей> Н<икитич> сказал, что Ф<едор> А<лександрович> поручил ему спросить меня, с какою целью я донесла прокурору на Г<илярова>-Пл<атонова>? Сделала ли я это вследствие страстности, мести или твердого убеждения? Я ответила, что не понимаю, к чему и о какой страстности тут говорится; точно также нисколько не желаю мстить, но нахожу, что отец его, оставив при себе на моем месте мою воспитанницу, [10] достаточно отомстил себе за 2х-летнее жестокое обращение со мною, а относительно тверд<ых> убеждений скажу, что самым твердым образом знаю, что отец его воспользовался для своих личн<ых> целей жертв<ованными> в пользу славян деньгами; наконец, я не нахожу донесеньем свое заявлень<е> прокурору о притеснении меня Г<иляровым>-Пл<атоновым>. Заявление же это, из кот<орого> выяснилась затрата, я сделала с тою целью, что не хочу ни жить, ни умирать с напрасно наносимым на меня позором вместо обещанной мне награды за мою безграничную ему преданность. А<лексей> Н<икитич> сказал: «В том, что отец затратил эти деньги, я сам вполне уверен, но неужели он дошел до Дуняшки? Я у отца не бываю, а бываю у матушки: они теперь живут в одном доме и Ваша Дуняшка ведет себя невыносимо нагло. Там теперь все говорят, что Вы брали у отца без спроса деньги. Я уверяю всех, что это невероятно; что я Вас в этом отношении оч<ень> хорошо знаю и при себе не позволю это говорить. Я даже знаю, что Вы свою дачу заложили для отца». Я поблагодарила его и сказала, что я крайне радовалась, когда своими личными средствами помогала его отцу, а он вытащил у меня векселя, данные им как ручательство за заложенную для него дачу, а теперь, вероятно, отец его всем рассказывает, что я брала у него без спросу деньги и, вероятно, велел это, когда узнал о моем заявлении прокурору. Я рассказала ему весь ход разрыва мо-

его с отцем; как он невыносимо жестоко поступал со мною. А<лексей> Н<икитич> сказал: «Как отец может бывать жесток, это-то мне хорошо известно, но зачем Вы решились донести? Ведь Вам очень достанется, а отец выйдет победителем: Черняев писал в “Русском мире” ему благодарность за содействие славянам. Кошелёв взял его на поруки, а арх<имандрит> Савва напечатал ему благодарность». Я ответила, что по просьбе Дурново арх<имандрит> Савва может печатать сколько угодно благодарностей, но у него следователь попросит показать книги и квитанции. А<лексей> Н<икитич>, жалея, что с ним только 3 р<убля>, положил их на стол и, уезжая, просил протянуть ему руку. Женщины, при кот<орых> посетил меня А<лексей> Н<икитич>, — бывшая у меня в услужении Матр<ена> Мок<еевна> Громова и мещ<анка> Троиц<кого> посада, Пелагея Калинишна Тягалина, живущая в селе Перове.

20 апр<еля> 1878 г.
Продолж<ение>
пок<азаний> М. С. Сковронск<ой>

Делая прокурору заявление о невыносимом для меня притеснении со стороны Г<илярова>-Пл<атонова>, я представила прокурору все письма, полученные мною от Г<илярова>-Пл<атонова> от первых чисел июля 1877 г. по 8 сент<ября> того же года. Т<аким> о<бразом>, виден весь ход моего разрыва с Г<иляровым>-Пл<атоновым>, кот<орый>, как доказывают эти письма, сначала обвинял меня в дурном поведении со слов моей воспитанницы, а кончает даже намеком на какую-то тайную высылку денег. Из *первого* его письма видно, что он отвечает на мою просьбу приехать ко мне и выслушать от меня правду, а не слушать мою воспитанницу, которая в досаде на меня наговаривает ему. Он отвечает, что «долгое время не может видеть Перова», просит оставить «в покое и словами и помышлением» мою воспитанницу, которая «слава Богу, было отцепилась от меня». А главное — просит молчать о том, как он оскорблял меня со слов и в присутствии моей воспитанницы, про которую он за несколько дней говорил мне, чтоб я не заботилась, не болела об ней, т<ак> к<ак> она окончательно погибшая. Последние слова его в этом письме: «Собери последние капли сожаления ко мне, не подвергай меня истязаниям, дай мне успокоиться и отнестись объективно к моей разорванной жизни. Кто сильнее страдает — неизвестно». Слова эти стали понятны мне только после 7 сент<ября>, когда он признался, что находится в близких отношениях с этой девочкой. Тогда только понятно стало, что тяжело видеться со мною человеку, виноватому в слишком свободном поведении моей воспитанницы, на которую я не переставала плакаться ему последний месяц моего совместного с ним жития.

Из *второго* письма Г<илярова>-П<латонова> видно, что я настойчиво просила его объясниться со мною. Мне совестно было за него, что такой пожилой человек поддался убеждениям полуграмотной 16-тилетней девочки, о которой он всегда так дурно отзывался. И вот в ответ на это мое письмо он удвоенно приводит ее рассказы обо мне, не допуская, что она говорит неправду, и повто-

ряет, что оба мои письма — «ложь от начала до конца. Это, как мертвой, писал мне человек, знавший оч<ень> хорошо мою правдивость. Я замечала тогда, что чем правдивее и искреннее были мои письма к нему, тем жесточее получала я ответ от человека, которому безгранично предана была в продолжение 10 лет. Мое желание доказать, что моя воспитанница наговаривает на меня неправду, он называет «намерением, достойным дьявола» и предлагает объяснение между мною и им в присутствии нескольких студентов, моей воспитанницы и его сына, желая таким образом унизить меня до крайности перед молодыми людьми, которые не знали за ним самим тех поступков, которые он приписывал мне. Г<иляров>-Пл<атонов> молит в этом 2-м письме «милосердого Бога, чтоб Он простил мне бесчеловечную жестокость, которою он был жертвою». Вся же моя жестокость состояла в том, что моя воспитанница наговорила на меня, будто я имела многих друзей. Правда же в ее словах была только та, что Экземплярский наговорил мне дерзостей и притом, как сказалось впоследствии, с ее же слов. Далее в этом же письме Г<иляров>-Пл<атонов> пишет: «Напрягаю все свои мысли, чтоб чем-нибудь осветлить тебя в моих глазах: увы, к глубочайшему, смертельному прискорбию, никак не обретаю, на каждое *за* встает мгновенно мильон *против*». Так писал человек, говоривший мне за несколько дней перед этим, что самое мое присутствие и дыхание в его квартире в редакции очень полезно; в моем присутствии говоривший за неделю самым серьезным тоном Федору Ал<ександровичу> Гилярову, что я заслужила пенсию в 100 р<ублей> в месяц, п<отому> ч<то> долгое время выносила газету на своих плечах. Из этого же письма видно, до какой степени постоянно Г<иляров>-Пл<атонов> нуждался всегда в деньгах. Письмо писано было в первых числах июля, следовательно, в самый разгар полугодичной подписки, а у него из конторы принесено было накануне только $1^{1}/_{2}$ р<убля>, а на понедельник предстоял еще платеж по двум векселям. И он не мог рассчитать плотника. И это во время войны, когда газета сильно расходится. В конце письма он говорит: «Пощади свою, Бог видит, невинную жертву», а 19 августа признался мне, что в сентябре 1875 г. нашел мою воспитанницу девушкою; в сентябре же 1877 года в ресторане Тестова признался мне, что находится в близких отношениях с моей воспитанницею.

Из *третьего* письма видно, что Г<иляров>-Пл<атонов> в июле месяце «не в состоянии» выдать даже жалования наборщикам. Т<аким> о<бразом>, он сам подтверждает, что был в безвыходном денежном положении и, если станет утверждать, что жертвованных денег не присвоил, п<отому> ч<то> не нуждался в деньгах, то этой запиской опровергнутся его слова. Из этого же письма видно, что все служившие в семействе Г<илярова>-Пл<атонова> относились ко мне всегда неискренно и недоброжелательно и я считала его только своим единственным другом, а также видно, что ему известна была неискренность моей воспитанницы относительно меня.

Из письма, помеченного *№ IV*, можно убедиться, что Г<иляров>-Пл<атонов> убежден был всегда в моей искренности и правдивости перед ним и потому просто спрашивает: какой у меня был разговор с машинистом Малышевым,

приезжавшим ко мне на дачу 18 июня. Г<иляров>-Пл<атонов> советует мне не верить льстивым речам машиниста, сказавшего мне: «Разве возможно, что вы совсем ушли из редакции? Без Вас как без рук: метранпажи всегда крестятся, когда Вы возвращаетесь с дачи». Эти слова Г<иляров>-Пл<атонов> часто слыхал от служащих и всегда радовался, а тут вдруг уверяет, что эти слова неискренние. Затем в письме же IV он перечисляет по пунктам три лжи, сказанные ему моей воспитанницей и в заключение говорит: «Простительно ли это? Да разве в самом деле Федор плотник может быть таким другом, которому изливается Душа?» Г<иляров>-Пл<атонов> упрекает меня т<аким> о<бразом> в выдуманной моей воспитанницею дружбе с плотником, а сам не замечает, что из его же этого самого письма видна дружба с дочерью плотника, которая наговаривает ему на меня; он охотно выслушивает ее, верит ей, и т<аким> о<бразом> делятся душою — дочь плотника, шестнадцатилетняя девочка, с г. Г<иляровым>-Пл<атоновым>.

Письмо V есть ответ на мой искренний рассказ о моих отношениях к Экземплярскому, о том, как он наговорил мне при прощании неприятности, и о том, как моя воспитанница успокоивала меня, чтобы совесть меня не мучила за мое расположение к Экз<емплярскому>, и говорила, что Г<иляров>-Пл<атонов> сам не чист передо мною и близок с ней и девочкой Богуш. В ответ на это-то свое письмо и получила записку от Г<илярова>-Пл<атонова>, в которой он безапелляционно говорит, что я пала безвозвратно», что я «несчастная, потерянная во всех отношениях женщина», что это он увидал из моего письма; опять предлагает объяснение в присутствии нескольких человек, участников моего поведения. В этом месте письма вырван мною клок, когда я еще не предполагала, что представлю письма прокурору. На этом клоке было сказано, что все знавшие меня близко рассказывают обо мне. Поэтому я и просила прокурора допросить, кто те, мне неизвестные, но известные Г<илярову>-Пл<атонову>, кот<орые> говорили ему, что были близки со мною. Из этого же письма видно, что я просила его не писать ко мне. Действительно, на меня убийственно действовали письма, в которых мне упорно навязывались дела и помыслы, каких я за собой не чувствовала, и притом навязывал человек, которому я привыкла верить и взглядам которого я приучила себя подчиняться.

Из записок, помеченных мною №№ VI и VII, видно, что у Г<илярова>-Пл<атонова> утихло неудовольствие на меня за мое расположение к Экземп<лярскому>, утихло до такой степени, что он сам предлагает быть посредником между мной и Экземп<лярским>, исповедовав которого, он успокоился и даже посылает мне гостинец. В записке же № VI Г<иляров>-Пл<атонов> сам сознается, что я с трудом десятью годами создала себе положение. Так он и говорил всегда всем приходившим к нам, которые, кроме того, сами видели и удивлялись, как трудно было мне, не разгибаясь до поздней ночи, сидеть за письменным столом. Особенно в жаркое лето 1875 г., когда я не могла за множеством работы даже ходить гулять по улицам и в июне у меня от писания сводило пальцы на правой

руке, т<ак> к<ак> во время болезни Г<илярова>-Пл<атонова> я работала вдвойне — и за себя, и за него.

В письме № VIII Г<иляров>-Пл<атонов> повторяет ложный рассказ моей воспитанницы о плотнике Федоре; пишет, как нуждается в деньгах, что не имеет 80 р<ублей> для уплаты плотнику, а наутро предстоит уплата 1000 р<ублей> моей сестре, у которой я выхлопотала для него 5000 р<ублей>. Уведомляет меня, что машинист Малышев хочет подать ко взысканию мой вексель. Это удивило меня тогда, т<ак> к<ак> Г<иляров>-Пл<атонов> должен был мне 1000 р<ублей>, п<отому> ч<то> я заложила для него свою дачу. Отрицает, что мое десятилетнее служение было преданно, п<отому> ч<то> я принудила себя сочувствовать «Сов<ременным> изв<естиям>» и их делу. Говорит, что гнев его почти прошел, и предлагает ультиматум доброжелательного человека. В письме этого ультиматума он не говорит, а 28 июля на словах предложил мне: полежать 2 недели в больнице, чтобы все навестили меня и увидели, что причина моего отсутствия из редакции — болезнь, затем чтобы я ехала в Болгарию в качестве корреспондента «Сов<ременных> изв<естий>», а по возвращении из Болгарии продолжала бы службу в редакции, как будто между нами не было размолвки. В конце записки № VIII пишет, что посылает мне марками 15 р<ублей> 4 к<опейки> и деньгами 20 р<ублей>.

В той же записке № VIII Г<иляров>-Пл<атонов> напоминает, что дал мне доверенность на всё и назначил помощницею в деле. О доверенности я уже писала и прибавлю, что весною 1876 г. Г<иляров>-Пл<атонов> написал завещание в мою пользу и всем говорил, что я помощница в деле. Это он сделал вследствие убедительной моей просьбы в апреле 1876 г., чтобы он отпустил меня, т<ак> к<ак>, говорила я, силы у меня ослабевают... я работала непосильно ради его, а давно уже не слышу от него доброго слова. Проситься отпустить меня заставляло то, что я услыхала ночью его голос на постели моей воспитанницы. Мне припомнились тогда некоторые ее намеки, ее непослушание и суровые когти жестокого обращения со мной Г<илярова>-Пл<атонова>. Поэтому я спросила: «Что мне делать, чтобы ты меня отпустил?» Он ответил: «Гнусную измену». Я сказала: «Мне кажется, довольно гнусно, если я скажу, что была близка с твоим сыном». Он ответил: «Ну так убей меня, тогда только расстанусь». И написал завещание. Помнится, что свидетелями он приглашал Плевако и Кучина.[11]

Показ<ания> М. С. Сковронск<ой>
24 апр<еля> 1878 г.
Продолжение

До 19 августа 1877 года я все еще поражалась письмам Г<илярова>-Пл<атонова> ко мне, который, не слушая никаких моих правдивых речей, писал мне письма, полные неправд мне на меня, именно как на мертвую. Так, в том же письме № VIII он пишет, что поднял меня и познакомил с почтенными лицами. Я нахожу, что я отнюдь не была похожа на упавшую, когда поступила в Редакцию, т<ак> к<ак> жила при отце, человеке почтенном и заслуженном, чтобы

иметь средства на мои личные расходы, я давала уроки в двух почтенных домах и переписывала бумаги у г-на Пикатова,[12] который и по сие время выражал ко мне глубокое уважение и не переставал бывать у меня все время, как я жила с Г<иляровым>-Пл<атоновым>. Знакомые мои до поступления моего в Редакцию — всё семейства почтенные из хорошего круга. Почтенные лица, знакомые Г<илярова>-Пл<атонова>, узнавали о моем существовании возле него или потому, что заставали постоянно в его кабинете женщину, не поднимавшую голову от письменного стола, или потому, что обращали внимание на статьи, кот<орые> писала я.

Записка № IX доказывает, до какой степени Г<иляров>-Пл<атонов> был властен во мне и во всех моих вещах. Он перебрал все мои бумаги в моей конторке и уложил их — которые в сундук, которые в конторку, которые в портфель. Замечу при этом, что портфель мой прислан был мне запертым, а ключ не прислан. В августе я пожелала взглянуть, целы ли там два векселя, данные мне Г<иляровым>-П<латонов>ым как ручательство за залог для него моей дачи. Я велела плотнику Федору вскрыть стамескою портфель и векселей не нашла, а нашла только закладной билет из Государств<енного> банка на мою медаль и записку № X, приложенную Г<иляровым>-Пл<атоновым> к моим давнишним беллетристическим наброскам, единственному документу, найденному им безнравственным среди множества моих бумаг. Конторка моя никогда не запиралась, так же как сундук, шкатулка и шифоньерка. Запирался только портфель, но 27 июля, когда я отъехала на дачу Г<илярова>-Пл<атонова>, моя воспитанница, приславши мне с мальчиком Никитою гостинцев, просила прислать с этим мальчиком ключик от портфеля. Я полагала, что вышел срок некоторым вещам, заложенным в Товариществе ссуды,[13] билеты на которое хранились в портфеле, и потому доверчиво отдала мальчику ключик. В шифоньерке моей вещи уложены были без моего спроса моей воспитанницей, которая, как видно, не нашла нужным досылать мне всего, и оставила для себя черное шелковое платье, а также мелкие вещи из белья и некоторые вещи, подаренные мне Г<иляровым>-Пл<атонов>ым. Тоже записка № IX свидетельствует, в какой крайности находился редактор «Сов<ременных> изв<естий>»: *его часы карманные* были заложены.

Записка № XI может служить доказательством, как недоброжелательно относился ко мне всегда Федор Александрович Гиляров, и потому если почему-либо Г<иляров>-Пл<атонов> пожелает выставить против меня свидетелем Ф. А. Г<илярова>, то я попрошу принять к сведению подлинные слова Г<илярова>-Пл<атонова>, подчеркнутые мною в этой записке. В этом же письме Г<иляров>-Пл<атонов> говорит, что он единственный доброжелательный для меня человек; умоляет молчать о нашей ссоре и просит затушевать мой прежний разговор с Ф<едором> А<лександровичем>. В заключение сообщает мне, что на него подано к протесту векселей суммою до 4 т<ысяч> р<ублей>.

После получения мной записки № XI, или, лучше сказать, после посещения меня Г<иляровым>-Пл<атонов>ым 28 июля, со мною произошел переворот, т<ак> к<ак> я убедилась, что у него нечиста передо мною совесть. И из даль-

нейших его записок виден этот переворот во мне и более мягкости с его стороны. 28 июля, выслушав от него перечисление нетвердым голосом небывалых моих друзей и надменные слова: «Как прикажешь тебя устроить». Я ответила: «Нет, уже я вижу, что не тебе придется устроивать меня твоими грешными руками. Меня устроит Бог. За это время я забыла о растрате тобою жертвованных денег, а они вопиют на небо. Поэтому я советую *тебе* молиться и каяться». Таковы были и последние мои слова ему в тот день. Затем я получаю от него записку № XII, в которой он высказывает готовность заплатить за меня леснику Смирнову вексель и выражает желание приехать перетолковать со мною лично об этой уплате и опять сообщает о своей денежной нужде: «В кассе 8 копеек», — говорит он.

В записке № XIII он высказывает сожаление, что я не проехалась к Троице;[14] советует выздоравливать и просит не верить сновидениям. Эта записка есть ответ на мое письмо, в котором я просила его счесться со мной и разойтись в мире, а также просила его сойтись с женой и сыном Алексеем, а мою воспитанницу определить в женскую семинарию.[15]

В промежуток времени между получением мною записок № XIII и XIV я приезжала в Москву и была у нашей общей знакомой Ал<ександры> Петр<овны> Уманец,[16] которая очень жалела меня, советовала не сходиться опять с Г<иляровым>-Пл<атоновым>, про которого она слыхала нехорошо от П. А. Лебедева, и даже сказала, что, вероятно, не примет Г<илярова>-Пл<атонова>, если он к ней приедет. Затем я была у Пелешевского, которому рассказала, как меня оскорблял Г<иляров>-Пл<атонов>, и между прочим сообщила, что Г<иляров>-Пл<атонов> затратил в свою пользу все жертвованные на славян деньги. П<елешевский> заметил на это: «Значит, Маурер[17] говорил мне правду и т. д.». П<елешевский> и жена его очень меня обласкали. Результатом моего посещения Пелешевских был приезд ко мне Г<илярова>-Пл<атонова> 19 авгу<ста>, о котором расскажу завтра.

Продолжение
25 апр<еля> 1878 г.

19 ав<густа> 1877 г. приехал ко мне на дачу Г<иляров>-Пл<атонов>. Заботливо спрашивал меня о здоровье; просил протянуть ему руку; пройтись с ним в Москве по улице; позавтракать в ресторане, чтобы видели знакомые, что между нами не было размолвки. Просил опять возвратиться к нему, указывая на пример размолвки у наших знакомых; предлагал каждонедельно мне пенсию и предложил пришедшему ко мне леснику Смирнову дать ему за меня вексель в 300 р<ублей>. Я протянула руку и приняла предложение уплатить леснику, но советовала уплатить только 150 р<ублей>, чтобы не затруднить его. На остальные же предложения Г<илярова>-Пл<атонова> я отвечала отрицательно и сказала даже, что если услышу, что он или моя воспитанница меня позорят, то приму решительные меры и напишу прокурору про все, что знаю дурного за ним.

Тогда он сказал мне: «В Петров день [18] я уверен был, что это с твоим самолюбием, коли бросишься в Москву-реку, или околеешь, или с ума сойдешь. Околевала и не околела. Сходила с ума и не сошла, и так живот любила, что не бросилась в Москву-реку, а прибежала к себе в Перово». Страшно было в это время лицо Г<илярова>-Пл<атонова>: страшны были его слова, и страшно мне стало оставаться с ним вдвоем. Я выбежала и попросила выйти и остаться при самоваре гостившую тогда у меня московскую мещанку Авд<отью> Иван<овну> Завитееву. Когда Г<иляров>-Пл<атонов> уехал, я написала А. П. Уманец письмо, в котором повторила страшные слова Г<илярова>-Пл<атонова> и советовала ей не принимать его. Через день я получила от Г<илярова>-Пл<атонова> записку № XIV, в которой он уведомляет меня, что мое письмо к А. П. Уманец передано ему Уманцами же. Об этом-то письме и говорит Г<иляров>-Пл<атонов> в последних 3-х записках ко мне и просит, чтоб я открестилась и отплевалась от этого письма к А. П. Уманец, и крысится <?>, что я спокойно взглянула на это письмо, когда он показал его мне 7 сент<ября> в ресторане Тестова.

6 сент<ября> я приехала в Москву и остановилась у своей портнихи Корсовой; она рассказала мне, что виделась с Г<иляровым>-Пл<атоновым> и он просил ее, как мою давнишнюю знакомую, уговорить меня, чтобы я взяла от него денег и уехала бы из Москвы. Я написала ему сухую записку, в ответ на которую получила от Г<илярова>-Пл<атонова> письмо № XV, где он говорит мне, что «принял меры и приготовился ко всему»; последние слова подчеркнуты им самим. В этот же день я получила от Г<илярова>-Пл<атонова> записку № XVI, в которой он перечисляет уплоченные им за это лето 1877 г. мои долги; перечисляет и всё, что давал мне еще в 1876 г., когда я не получала жалованья, а также упоминает про самовар, про корову и пр. и приходит к заключению, что не остается мне должным по залогу для него моей дачи. Далее предлагает мне проехаться с пользою для «Сов<ременных> изв<естий>», проветриться и снова начать полезную жизнь, а в заключение пишет, что придумал отличное место для моей поездки, только бы я не упорствовала. Это место, как оказалось на другой день за завтраком, был Симбирск, куда он посылал меня, чтобы достать ему денег. Предложение это сделал мне Г<иляров>-Пл<атонов> в присутствии Н. И. Пастухова, которого я позвала, т<ак> к<ак> жутко чувствовала себя, оставаясь с Г<иляровым>-Пл<атоновым> вдвоем. Когда Г<иляров>-Пл<атонов> говорил о том, что у него все нет денег, Пастухов посмотрел на него и сказал: «В этой же комнате я завтракал с покойным Суховым». И я и Г<иляров>-Пл<атонов> поняли намек Пастухова, т<ак> к<ак> Сухов был редактор «Будильника» [19] и пострадал за растрату денег, жертвованных в пользу голодавших самарцев. [20] Затем Г<иляров>-Пл<атонов> заговорил о том, что скоро умрет; а Пастухов опять намекнул словами: «И. С. Аксаков напишет о вас статью». Потом Паст<ухов> обратился ко мне со словами: «Как Н<икита> П<етрович> тревожится, что вы расстроились... головой». Я ответила ему, что голова у меня, напротив, свежа, т<ак> к<ак> я отдохнула. Я заметила из этого, что Г<иляров>-Пл<атонов> выставляет меня помешавшеюся умом. Когда Паст<ухов> вышел, я сказа-

ла Г<илярову>-Пл<атонову>, что поеду в Симбирск[a] только тогда, когда он скажет Ив<ану> Фед<оровичу> Экземплярскому, чтобы он протянул мне обе руки, т<ак> к<ак> мне передала моя воспитанница, будто Эк<земплярский> сказал, что не протянет мне руки. При Пастухове я только упомянула, что соглашусь на поездку в Симбирск только с одним небольшим нравственным условием; самого условия Паст<ухов> не слыхал; мне это неловко было при нем сказать. После завтрака или на другой день я получила от Г<илярова>-Пл<атонова> записку, в кот<орой> он пишет: «И эта женщина еще в претензии, почему я не остановил тех, кто рассказывал о потаенной высылке денег». Сначала я совсем не поняла смысл этих слов, а потом догадалась, что ему пришла в голову мысль, будто была какая-то тайная высылка, вероятно, жертвованных денег. Поэтому в заявлении своем прокурору я просила допросить: кто, что, сколько денег, когда и по какому адресу высылал.

Из показаний Н. П. Гилярова-Платонова
от мая 20. 1878 г.

Он просит о вызове новых свидетелей и отобрании дополнительных показаний от уже спрошенных. В числе их

1) П. А. Лебедева допросить о следующем:

а) Не подтвердит ли он, что пожертвования принимались в Конторе «Сов<ременных> изв<естий>» лишь по особым настояниям жертвователей. Хотя об этом уже значится в показаниях Тимковской[21] (л. 100) и Трескина[22] (л. 16), но свидетельство бывшего секретаря редакции должно послужить новым доказательством, что у редактора не было в виду даже временно пользоваться жертвуемыми деньгами, равно послужит новым опровержением извета доносщицы, что если пожертвования отклонялись, то лишь якобы Тихобразовым и Ник<олаем> Гиляровым, и притом из опасения, будто пожертвования будут растрачены.

б) спросить подтверждение о 2-х фактах: аа) как я сделался жертвою обмана на 800 р<ублей> вследствие того, что не оградил себя документами от Савинова,[23] и бб) как с меня требовал г. Фабрициус[24] вторые деньги за квартиру, пользуясь тем, что мною не взята была расписка с него. — Эти два факта, из которых последний доходил даже до суда, должны выяснить, что не только в таких случаях, где взятие расписок не представляло нужды и по политич<еским> обстоятельствам не представлялось даже безопасным, но даже в личных коммерч<еских> делах я не ограждал себя документами.

— Я утверждаю (вопреки словам Ск<овронской>, что после покупки фабрики дела пошли туго), что дела мои, т. е. редакции «Совр<еменных> изв<естий>»,

---

[a] Пастух<ов> отрицает, упоминая о пред<ложении> Г<илярова>-Пл<атонова> послать ее корр<еспондентом> в Слав<янские> земли. П<астухов> сове<товал> Г<илярову>-Пл<атонову> порвать с Ск<овронской> всяк<ие> отнош<ения>, ибо замечал в ней по отношению к нему что-то недоброе. — Ск<овронская> тронулась: она много пила вина и все время истерич<ески> смеялась. <Примеч. Шаховского, написано карандашом на л. 75 об.>

не ухудшились со времени покупки фабрики (1873 г.): число подписчиков, напротив, прибывало с каждым годом; годовой доход с объявлений продолжал быть в постоянном количестве 15 000 р<ублей>; типография находила возможность принимать частные заказы, чего прежде не было, входить для того в затраты, брать подряды и вносить по оным залоги. Долги увеличились, но кажущиеся, п<отому> ч<то> предложено было на сумму, бóльшую того, значительное недвижимое имущество. На долги выплачивались не только проценты, но постепенно и самый капитал, в пример чего укажу долг в 9 т<ысяч> Феоктистову, в 5 т<ысяч> Николаеву, не считая других. — Расширение оборотов потребовало расширения кредита, и в этом состояла единственная перемена моего денежн<ого> положения со времени покупки фабрики. Денежные дела мои могут прийти в расстройство, и я опасаюсь, что придут: но этим я буду обязан не покупке фабрики, а настоящему производимому обо мне следствию. Оно уже повредило мне в кредите, подтверждение чего нахожу в том, что г. Шумов, два года довольствовавшийся процентами с 22 т<ысяч> р<ублей>, в котор<ых> осталась заложенною моя фабрика, нынешним годом по возникновении настоящ<его> дела, потребовал капитал и представил закладную ко взысканию. А недавний вызов разных лиц, имевших со мною денежные дела, д<олжен> навредить моему кредиту и еще более. Непричастные вопросу о пожертвованиях, лица эти, быв привлечены, без ясной для них причины, к показаниям о моей денежной перед ними исправности, не м<огут> не поколебаться в мнении о моей состоятельности. Ввиду легко могущ<их> проистечь от сего материальных для меня последствий, не могу не протестовать против означенной меры, к которой приступлено было:

а) на единственном основании голословного поименования, найденного в показании донощицы, ничем не подкрепленного, без ясных следов даже того, все ли названные лица существуют в действительности; б) приступлено без взятия с меня предварительных объяснений; в) приступлено после того, как оговор донощицы в существе уже опровергнут и положительными показаниями, и отрицаниями со стороны тех, на кого она ссылалась; г) приступлено, несмотря на то, что показан<ия> лиц, имевших со мною денежные дела, ни в каком случае не обещали новых материалов к заключению по настоящему делу. Испытывал ли я нужду в деньгах, делал ли займы, исправен был в уплатах или нет, стеснялся уплатами или нет: ни в том, ни в другом случае ничего не следует в употреблении денег, жертвованных лишь на славян, если не вооружиться заранее пристрастною решимостью верить доносу во что бы то ни стало.

— У Ал<ександры> Ст<епановны> *Ильинской* спросить: одно из пожертвований, ею принятых в конце ноября 1877 (на раненых в 100 с чем-то рублей), не было ли направлено к ней от меня вместе с жертвователями? Это обстоятельство, достоверность которого я утверждаю, должно служить подтверждением заботливости моей, чтобы ни одна копейка пожертвований не оставалась без записи на приход, а равно опровержением показаний, данных Экземплярским, будто к<акие>-то деньги были им переданы мне без записи в повесточную книгу.

Экземплярского спросить, к какому месяцу и, если можно, к какому числу относится письмо, полученное им от Сковрбнской, в котором, по словам его, значился намек на присвоение якобы мною чужих денег; была ли до того и прежде между ними переписка после каникул и не было ли в этом письме фразы: «Константин, возвращаю Вам на время Вашу карточку» или однозначащей с нею.[a] Эти сведения будут мне важны для обличения доносщицы.

— Сковрбнская показывает: «За все время Сербско-турецкой войны я и Г<илляров>-Пл<атонов> работали и постоянно находились не только в одном №, но в одной комнате». И далее, что «не разгибаясь сидела летом 1876 г. и даже не имела возможности выходить на воздух». Подобное говорится и в первоначальном доносе. Я утверждаю противное: что именно в Серб<ско>-тур<ецкую> войну и именно летом 1876 г. Ск<овронская> отлучалась гораздо более 3-х раз и гащивала в Перове не по одному, а по нескольку дней, выговорив себе еще весною условие, что будет жить попеременно, неделю в Москве и неделю в Перове. Равномерно утверждаю, что в бытность в Москве она не опускала пользоваться прогулками на бульваре; что в этом именно году, равно как и далее, Ск<овронская> занималась менее, нежели когда-нибудь, так что для исполнения ее работы принято было, именно летом 1876 г., лишнее лицо, некий Райский[25] — (спрос<и>ть Янькову).

— Я утверждаю сверх того, что работал со Сковрбнской *не* в одной комнате, а, напротив, уединялся; посетителей же принимал, кроме самых близких, непременно в другой комнате. Утверждаю, что Ск<овронская> вообще, когда я принимал посторонних, в эту комнату не входила, разве по особому призыву. Об этом точнее и подробнее всех может засвидетельствовать девица Бурова, находившаяся в квартире безотлучно все лето 1876<-го> до сентября. Та же Бурова д<олжна> объяснить:

а) причину шумной сцены, которая, по показ<аниям> Пастухова, происходила на даче моей летом 1877 г. между ею и ее воспитанницей. Разъяснение этого обстоятельства обличит в истинном свете многие показания Ск<овронской>.

Ту же Б<урову> допросить вообще о совместном ее жительстве со Ск<овронской> в течение 10 или 12 лет. Показания об этом[b] д<олжны> выяснить, насколько уверения доносщицы вообще м<огут> заслуживать доверия.

Та же Б<урова> д<олжна> дать объяснение о моем жительстве в одном № со Ск<овронской>. Я утверждаю: а) что обстоятельство это, которому Ск<овронская> придает особое значение и на которое набрасывается тень и Оглоблиным, было временное и случайное; б) что по истечении срока аренды моей в д<оме> Игнатьева[26] я поселился у себя на даче, где и жил с лета 1875 г. до февр<аля> 1876 г., а для облегчения сыну Алексею сношений с 4-ю гимназией, где он до-

[a] *Фраза была*, письмо получено было в ноябре 1877 г. О *фразе* подтвердил и Оглоблин. <Примеч. кн. Н. В. Шаховского, написанное карандашом напротив соответствующей записи, на чистом обороте листа — л. 84 об.>

[b] *Далее зачеркнуто*: вообще.

учивался,[27] нанял семейству с осени 1875 г. квартиру в Сретенской части; в) что, приезжая с дачи по делам, я зимою (1875—1876) первоначально лишь останавливался на несколько часов в нумерах Кузнецова[28] у Сковронской, к<а>к ближайшего к редакции лица и по своим занятиям, и по месту жительства; г) что, когда увидел невозможность ограничиваться кратковр<еменным> приездом в Москву, я нанял себе в тех же мебл<ированных> комн<атах> Кузнецова постоянное пристанище, а Ск<овронской> — особый №, кот<орый,> однако, она обратила в кухню, поселившись у меня же; д) что весною 1876 г. в ожидании, пока вблизи откроется удобная общая квартира для всего семейства, я нашел нужным, во всяком случае, переменить свою личную квартиру и переселился в д<ом> Арманда, куда в числе других сотрудниц газеты последовала и Ск<овронская>. Здесь я неоднократно рекомендовал ей приискать, подобно другим сотрудницам, совершенно отдельное помещение: но она уклонялась, отговариваясь то недостатком свободных №№, то необходимостью быть вблизи для перевода телеграмм и для обережения моего спокойствия по редакционным и хозяйств<енным> делам; е) наконец, в конце того же года или начале следующего я нанял добавочный № через коридор, где, как показывает сама Ск<овронская>, и проводил время по преимуществу.

Заявление Гилярова

I. При предъявлении мне подлинных писем Ск<овронской> и писем моих, которыми она донос свой сопроводила, я усмотрел между прочим, что тогда как бумаги, от меня отобранные, прошнурованы и припечатаны, писания же Ск<овронской> и бумаги, представленные ею в смысле документов, т. е. мои письма, оставлены в виде отдельных лоскутов, хотя донос послужил существенным началом настоящему делу, а письма мои — основанием к снятию с доносчицы целого особого показания. В видах предосторожности считаю правом требовать, чтобы представленные Ск<овронской> доносы и письма равномерно были прошнурованы и припечатано пронумерованы.

— Все, что Ск<овронская> говорит о моих с нею каких-то разговорах о первой выдаче Измайлову, есть ложь. В первое и второе посещение меня Из<майловым> ее не было в Москве; разговоры мои с ним и выдача денег происходили в ее отсутствие, и если я мог передать ей что-нибудь, то, вероятно, что-нибудь вроде выражения удовольствия, что представился случай пристроить 200 р<ублей> (первого пожертвования).

— Доносы Ск<овронской>, письма мои и конверты в моем присутствии прошнурованы и припечатаны.

Выдержки из писем Н. Г<илярова-Платонова> к Ск<овронской>, сделанные следовател<ем> в проток<оле> 52 для доказательства их близости — (в<ыдержка> ***17***) № II — «Улыбнись тебе снова этот юноша, скажи, что он сожалеет о происшедшей размолвке, помани одним мизинцем, ты бросишь все, все снова забудешь»; «Сильно опасаюсь, чтоб не сделала ты нового неосторожного шага» (XI). — В VIII письме Г<иляров-Платонов> пишет: «У тебя была полная дого-

воренность; ты назначена была половинною наследницей всего моего имущества; я презрел своею репутациею, поднял тебя, познакомил с почтенными лицами. Не мог предложить роскоши, п<отому> ч<то> сам нуждался; но никогда не считался, и беззаветно отдавался сам и отдавал все свое в твое распоряжение».

— Во втором письме, упрекая ту же женщину в обмане, в связи с другим, автор, по поводу ее оправданий, пишет: «Было ли *когда-нибудь*, чтобы ты боролась в таких случаях? И с кем же ты боролась в настоящем случае, когда зачин, когда ухаживанье, когда само предложение тесной связи последовало не от него, а от тебя же ***(все равно как и со мной)*** [а]».

— Во 2-м письме Г<иляров-Платонов> пишет: «Я Федора не могу вполне рассчитать, по простой причине, что у меня денег нет, кроме $1^{1}/_{2}$ р<ублей>, принесенных вчера из Конторы. А в понедельник платеж по двум векселям»;

в III письме: «Я не в состоянии выдать даже жалованья наборщикам»;

в VIII письме: «80 р<ублей> сейчас у меня нет, хотя завтра предстоит платеж 1000 р<ублей> Катерине Саверьевне»; «Так как лавочники принимают марки, то посылаю марками и купонами 15 р<ублей> 4 к<опейки> и денег 20 р<ублей>, больше не имею»;

в XI письме: «Ты писала о 100 р<ублях>. Я не отвечал, п<отому> ч<то> ты просила не писать писем. Ответ: денег нет, а векселей представлено к протесту до 4 т<ысяч> р<ублей>»;

в XII п<исьме>: «Денег у меня нет, в кассе 8 копеек, и Федор выманил последние...»; «Остались у меня еще карманные часы. Свои я выкупил и отдал часовщику; когда часовщик принесет, тогда я отдам теперешние, какие ношу, Анне Алекс<андровне Лебедевой> при первом ее посещении».

10 июля 1878

Из показаний Авд<отьи> Буровой — подтверж<дая> слова Гилярова о том, что он занималс<я> и принимал посетит<елей> в отдел<ьной> комнате, в коей Ск<овронской> не было, она говорила: «Сцена на даче Г<илярова>-Пл<атонова> летом в прошедшем году заключалась вот в чем: до разрыва Ск<овронской> с ним она гостила с неделю на даче Г<илярова>-Пл<атонова>. Вместе с нею гостила и я. Мы с ней жили вверху, а внизу жил с своей семьею сотрудник Пастухов. Надобно вам сказать, что Ск<овронская> раньше этого созналась мне в своем увлечении Экземплярским и в связи с ним. Но летом произошел между ними разрыв. Причину разрыва Ск<овронская> приписывала мне и говорила прямо, что будто я завлекла Эк<земплярского> и в связи с ним. Это и было причиной шумной сцены, сделанной мне Ск<овронской>. Несмотря на мои уверения, она не переставала упрекать меня, и притом в сильных выражениях. При этом я с своей стороны высказывала ей, что она лукавит перед Г<иляровым>-Пл<атоновым>, обманывает его и что если бы он знал о ее связи с Экз<емплярским>, то

[а] *Выражение в скобках подчеркнуто Шаховским карандашом два раза.*

не думаю, чтобы он был этим доволен. А Г<иляров>-Пл<атонов> не знал еще тогда о связи Ск<овронской> с Экз<емплярским>. Во время сцены Ск<овронская> взволнованная ходила по комнате, повторяла, что я разбила ее кумир, искала револьвер, с тем чтоб застрелиться, т<ак> к<ак> ей ничего больше не оставалось делать, а мне советовала утопиться. Вся эта история, вся эта грязь была до того противна мне, что утром я ушла с дачи в Москву к Г<илярову>-Пл<атонову> и объявила ему, что на даче я не намерена оставаться больше.

В руки Ск<овронской> попала я, когда мне было 4 года. Попала я к ней потому, что отец мой, по ремеслу плотник, строил ей дачу в Перове. У Ск<овронской> не было детей, и она выпросила меня у отца. Ск<овронская> была в то время в связи с г. Завалишиным.[29] Впоследствии, как она сама мне потом говорила, она была в связи с инженером Прохоровым, а когда он уехал из Москвы, она вошла в связь с неким Седовым. С Седовым она приезжала в нашу деревню и уверяла отца, что она заменит мне мать, будет меня воспитывать, оставит мне свою дачу в наследство и др. После некоторого колебания отец решился наконец уступить Ск<овронской> — меня. После этого она начала обращаться со мною ужаснейшим образом и бить меня каждый день чем попало сделалось для нее как бы обязательным. А один раз за какой-то вздор, за то, что ей показалось, что я долго проходила куда-то по ее поручению, она едва было меня не зарезала в порыве бешенства. Это было в 1873—74 г<одах>, когда она состояла уже при Конторе редакции. Несмотря на обещание быть для меня матерью, она держала меня как горничную на черной работе. Дурное обращение ее со мною продолжалось до связи ее с Экз<емплярским>. Когда она вошла в связь с ним, она через опасение, что это дойдет до тех, кому не следовало это знать, начала льстить мне и вообще подличать передо мною. Всего я прожила на услуге у ней 12 лет.

Они жили в д. Игнатьева, поз<же — в?> № Арманда,[30] в кон<це> 1877 г. — в д. Бетлинг.[31]

Показание Попова[32]

У Г<илярова>-Пл<атонова> Ск<овронская>[a] хотя и была полной хозяйкой и всем повелевала, но интересов его не берегла. Когда строилась ее дача, она, бывало, без ведома его и даже потихоньку от него, закладывала летом зимнюю его одежду, а зимой — летнее платье. Кроме того, закладывала другие вещи, именно: самовар, печурку, и все деньги получала сама. Когда, бывало, потребуются деньги на содержание семейства Г<илярова>-Пл<атонова> — она вечно восстает против того, что тратится много. А на лакомства для себя и на угощение своих подруг, посещавших ее по праздникам, ей ничего, бывает, не стоит бросить 3—4 целков<ых>.

В денежных делах, в домашней жизни Г<иляров>-Пл<атонов> крайне неак<к>уратен. Никаких записей о приходе и расходе у нас и не ведется. Что ни

[a] *Далее зачеркнуто*: жила.

истрачено, то и истрачено. Много раз приходилось платить по 2 раза по одному и тому же счету. Принесешь ему счет из какого-нибудь магазина и попросишь посмотреть. «Положи, — скажет, — на стол, после посмотрю». Случается, по счету этому не все заплачено. Напомнишь ему через несколько дней о счете; но он уже исчез: или окажется с коррект<урой> под столом, или еще где-нибудь. Лавочники и подрядчики отлично знали эту слабость Г<илярова>-Пл<атонова> и злоупотребляли ею. Знала ее хорошо и Ск<овронск>ая. Зная его отвращение ко всяким денежным счетам, та возьмет, бывало, плотника к себе на дачу, заставит его сделать все, что ей нужно, а потом того же плотника поставит и к Г<илярову>-Пл<атонову>. Плотник ставит в один счет как его работу, так и работу Ск<овронской>, не упоминая о последней, и получает с него деньги за обе работы. А ему сколько ни поставят в счет, он все платит, не торгуясь, не проверяя расчет. Смотрит лишь на итог. Что стоит в итоге, то и платит.

Из показания Г<илярова>-Пл<атонова> от 23 ав<густа> 1878 г., *есть* такое место (№ *360*):

а) «Если из денег, хотя бы и жертвованных, производились расходы в тот же день на редакционные нужды, этим лишь избегалось напрасное движение сумм и лишнее письмо (пришлось бы иначе, хотя деньги есть в Конторе, присылать новые из главной кассы с тем, чтобы вечером получить их обратно и притом с записью этого холостого приходо-расхода в Жур<нале>)».

В показаниях своих Ск<овронская> касается между прочим вопроса о корпии, которая прислана была в редакцию, причем выставляет себя, по обыкновению, пламенно радеющею правде, но, по обыкновению же, излагает обстоятельства превратно. Распорядиться корпиею просил я в свое время Ф. А. Гилярова, которого и прошу допросить об этом пункте, к<а>к в опровержение баснословия Ск<овронской>, так и в пояснение, куда была употреблена эта часть пожертвований.

Из показаний Н. П. Г<иляро>ва

М. С. Сковронская состояла на службе в редакции «Сов<ременных> изв<естий>» с 1868—1877 г. июня. Поступила первоначально на корректуру, затем по возвращении из Петербурга, после временного перерыва занятий, занималась составлением иностранных известий для газеты, с некоторыми б<олее> или м<енее> продолжительными перерывами, состоявшими в отдыхах и поездках за границу и на Кавказ, в Конторе она состояла лишь короткое время в конце 1869 г. при специальной обязанности вести иностранные известия; она в последнее время уполномочена была на время моих отлучек вообще на наблюдение за редакцией по всем ее частям, причем вверялась ей и касса. С апреля 1875 г. нравственное доверие к ней поколебалось; а в конце нынешнего года я вынужден был совершенно удалить ее вследствие возникших серьезных подозрений в злоупотреблении моим доверием.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 48. Л. 1—110.

[1] Граф Павел Александрович Капнист (1842—1904) — юрист, педагог; с 1865 г. был товарищем прокурора Орловского суда, затем, до 1880 г., прокурором Московской судебной палаты. В 1880—1895 гг. попечитель Московского учебного округа, с 1895 г. сенатор.

[2] Григорий Павлович Цветков (1830—1884), действительный статский советник, член Московской судебной палаты.

[3] Е. Л. Чижова — сотрудница Конторы «Современных известий».

[4] Вероятно, полковник А. М. Измайлов. См. примеч. 74 на с. 379.

[5] См. это Духовное завещание Гилярова в Приложении к наст. публикации.

[6] Анна Федоровна Аксакова (ур. Тютчева; 1829—1889) — фрейлина (с 1853 г.) вел. кн. (с 1856 г. императрицы) Марии Александровны; мемуаристка, жена И. С. Аксакова (с 1866 г.).

[7] безвозмездно, даром, бесплатно (*лат.*)

[8] См. об архимандрите Савве примеч. 102 на с. 382.

[9] Очевидно, упоминавшаяся ранее Катерина Саверьевна Васильева.

[10] Речь идет об А. И. Буровой (Буренковой), Дуняше.

[11] Д. Ф. Кучин — метранпаж «Современных известий».

[12] Неустановленное лицо.

[13] Московское товарищество для ссуды под заклад движимых имуществ было основано в 1869 г.

[14] Т. е. к Троице-Сергиевой лавре.

[15] Очевидно, имеется в виду епархиальное училище — одно из средних женских учебных заведений созданных в России с 1843 г. для дочерей священников, которые обучались бесплатно на церковные средства. Девочки из других сословий должны были оплачивать свое содержание. Вероятно, Сковронская надеялась, что Гиляров, воспользовавшись своими связями в Духовном ведомстве, устроит Авдотью Бурову в епархиальное училище на льготных условиях.

[16] А. П. Уманец (1834—1904) — родственница С. И. Уманца, опекуном которого был Гиляров.

[17] Сергей Яковлевич Маурер — знакомый Гилярова и его кредитор.

[18] *Петров день* — день святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня).

[19] Алексей Петрович Сухов (1839—1876) — беллетрист, карикатурист, издатель юмористического журнала «Будильника» (с 1872 г.).

[20] В 1871—1873 гг. Самарскую губернию постигли катастрофические неурожаи, вызвавшие сильнейший голод. Особенно критическими оказались засуха и неурожай 1873 г., усугубившиеся нераспорядительностью властей. См.: *Леонов М. М.* Русское консервативное общество и голод 1873 г. в Самарской губернии // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 132—136. В газете Гилярова сочувственно было прокомментировано опубликованное в «Московских ведомостях» известное письмо Л. Н. Толстого (от 28.VII.1873 г.) «о бедственном положении крестьян Самарской губернии, вызванном неурожаем и близком к голоду» и отклики газет на него (<*Без подписи*>. По очередным вопросам // *СИ*. 1873. 25 авг. № 233. С. 2). См. также: Там же. 27 авг. № 235. С. 2; 29 авг. № 237. С. 2). Важна также одна из передовых статей, которую Гиляров начал словами: «Голодающие самарцы — вопрос не одного сострадания, а предмет для размышления: каким образом это возможно? Всякий согласится, что голод в Архангельской гу-

бернии не представляет ничего удивительного; но <...> чтоб житница России и пол-Европы дошла до таких бедствий...» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 сентября // Там же. 24 сент. № 263. С. 2).

[21] Варвара Васильевна Тимковская, сотрудница Конторы «Современных известий».

[22] Василий Иванович Трескин (ок. 1844—1883) — выпускник Московской практической академии, политэконом и публицист; сотрудничал в журнале «Развлечение» и газете «Русский»; с конца 1869 г. до начала 1882 г. составлял для «Современных известий» отдел «Внутренние известия», а с 1870 г. вел там новаторский для русской периодики того времени отдел под рубрикой «Отзывы печати» и, кроме того, опубликовал ряд фельетонов. Скончался от «острой болезни мозга» (см. некролог, составленный Гиляровым: Москва, 9 марта // *СИ*. 10 марта. № 67. С. 2).

[23] Вероятно, московский купец Дмитрий Дмитриевич Савинов (ок. 1830—1886) либо титулярный советник Петр Гаврилович Савинов (1826—1876).

[24] Неустановленное лицо. Судя по контексту, московский домовладелец.

[25] Неустановленное лицо.

[26] Точнее: в доме гр. Екатерины Леонидовны Игнатьевой (см. примеч. 1 на с. 335).

[27] Алексей Гиляров был гимназистом 27-го выпуска 4-й Московской гимназии (1876). С 1861 г. она размещалась в бывшей усадьбе кн. Трубецких на Покровке (ныне д. 22).

[28] Имеется в виду доходный дом И. П. Кузнецова (Знаменка ул., д. 9/12, стр. 2).

[29] См. об отношениях декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина (1804—1892) со Скворонской четыре его обстоятельных письма к прозаику и публицисту Ф. В. Ливанову за октябрь—декабрь 1868 г. (Ф. 847. № 955. Л. 1—8), в которых автор через него пытался предостеречь Гилярова (Ливанов тогда был его приятелем) от связи со Скворонской. 26 ноября 1868 г., Завалишин, в частности, писал: «Я не брал с нее расписок, когда под предлогом, что она по болезни не может трудиться, она в теченьи целого года выпрашивала у меня деньги на все свои потребности: и на лечение, и на квартиру, и на стол, и на разные вещи, — уверяя, что она ведет всему счет и непременно расплатится, как только будет иметь средства, так как ничто ее будто бы так не мучит, как мысль о том, что я могу подумать, что все ее уверения в преданности могут истекать из корыстного источника» (Там же. Л. 4 об.). Между прочим, Завалишин глухо упоминал о каких-то неблаговидных поступках Скворонской в прошлом: «Женщина, признававшаяся мне, что ей ничего больше не остается, как бежать в Сибирь, так как ей в Москве и глаз показать уже нельзя, эта женщина, чрез посредство людей, от которых скрыла свое прошедшее и которых ввела в заблуждение на счет свой, силится теперь втереться даже в общественную деятельность, где она, разумеется, ничего, кроме соблазна и вреда, причинить не может; и уже скорее, что самую безнаказанность за зло, ею уже сделанное, она, видимо, принимает только как поощрение к новому злу; а пощаду, до сих пор ей оказанную, изворачивает в средство вредить людям, пощадившим ее и благотворившим ей» (Там же).

[30] Вероятно, доходный дом М. Ф. Арманд (Старая пл., д, 6), построенный в 1870 г. по проекту архитектора А. С. Каминского (в 1912 г. перестроен).

[31] Речь идет о доме на углу Знаменки и Малого Знаменского переулка (теперь дом № 11 — Академическая библиотека по естественным наукам). Жена врача Ольга Ивановна Бетлинг (во 2-м браке Малютина) владела им с 29 января 1877 г. по 6 июня 1892 г.

[32] Об И. В. Попове см. примеч. 29 на с. 376.

Приложение

Духовное завещание Н. П. Гилярова-Платонова (1874)

Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года января семнадцатого дня, на случай смерти моей объявляю детям моим следующую мою волю. Право издания газеты «Современные известия» и распоряжение Брынковской писчебумажной фабрикой, которая с изданием «Современных известий» и их типографиею должна быть нераздельно, предоставляю вдове губернского секретаря Марье Саверьевне Скворонской впредь до того, когда найдет она возможность передать издательское право кому-нибудь из сыновей моих Николаю или Алексею Гиляровым[a] или обоим. Право избрания редактора для газеты, с разрешения правительства, принадлежит ей же, Марье Саверьевне Скворонской. С переходом издания, типографии и фабрики, по назначению Марьи Саверьевны Скворонской, к кому-либо из моих сыновей, она остается соиздательницею, с равным правом голоса по делам редакции, типографии и фабрики, и с правом на третью долю доходов (а равно и долгов) от соединенных типографии, фабрики и газеты. Два остальные пая принадлежат моим сыновьям Николаю и Алексею Гиляровым, от которых зависит и успокоить свою мать, а мою жену Веру Алексеевну Гилярову, причем, однако, право распоряжения делами фабрики, типографии и газеты не распространяется на моих сыновей, впредь до назначения кого-либо из них соиздателями, а на Веру Алексеевну Гилярову — ни в каком случае. Право на две трети доходов остается за моими сыновьями и до назначения их соиздателями, причем до достижения ими совершеннолетия предоставляется им избрать для себя законного попечителя или попечительницу. Эта третья доля доходов должна служить к содержанию их вместе с их матерью. К тому же назначается Высочайше пожалованная мне аренда в размере восьмисот рублей в год. Прочее же мое движимое и недвижимое имущество должно составлять нераздельную часть газеты «Современные известия»[b] и соединенных с нею типографии и фабрики.

Статский советник *Никита Петров сын Гиляров-Платонов*.

Писал все вышеозначенное собственноручно.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 266. Л. 1—1 об.

[a] *Испр.; в автографе*: Николая или Алексея Гиляровых.
[b] *Испр.; в автографе*: «Современных известий».

2. *Н. А. Манасеин.* Письмо к К. П. Победоносцеву (1877)

Веч<ер> 27 декабря <18>77 г.[1]

Душевноуважаемый Константин Петрович, сегодня я получил два Ваши письма, касающиеся дела Гилярова, и спешу сообщить Вам то, что знаю об этом деле, сущность которого, как мне кажется, передана Вам далеко не точно. Начну с оговорки, что Лицкой, прокурор Моск<овского> окр<ужного> суда,[2] всего менее может быть отнесен к разряду башибузуков; это человек очень умный, солидный, *осторожный* и хороший юрист; он десять раз подумает прежде, чем возбудить какое-нибудь следствие и наверное, если обвинение сколько-нибудь сомнительно, не даст предложения привлечь в качестве обвиняемого лицо, на которое такое обвинение взведено.

Гиляров обвиняется в присвоении и употреблении на свои надобности сумм, пожертвованных разными лицами в 1875—1877 гг. в пользу сербов, черногорцев, других славян, на нужды наших раненых и т. д. Обвинительницею Гилярова выступила его любовница (недавно им брошенная, — как видно из его писем, — потому что она устарела и заболела), жившая вместе с ним лет десять, если не более, и заведовавшая в течение этого времени всеми делами по редакции. Она подала прокурору письменное объявление, в котором, как очевидец преступления (ст<атья> 298 Уст<ава> уг<оловного> судопр<оизводства>[3]), указала факты, обвиняющие Гилярова.

Прежде возбуждения следствия Лицкой три раза посылал к Гилярову своего товарища Фукса,[4] — человека крайне *сдержанного*, — переговорить о деле и дать Гилярову возможность представить разъяснения, которые устранили бы необходимость возбуждения следствия, но он, хотя выходил из квартиры и занимался в редакции, отказался принять г. Фукса, ссылаясь на болезнь. Пришлось начать следствие, и оно было возложено на одного из самых скромных и деликатных следователей Глобо-Михаленко,[5] причем Гиляров сначала был спрошен как *свидетель* и оставался в этом положении несколько недель, пока собранный материал, достаточно его обличающий, не вызвал постановления о привлечении его к следствию уже в качестве обвиняемого (последовало это в бытность мою в Петербурге, между 16 и 24 декабря).

Гиляров, получая пожертвования от разных лиц (лично и по почте) только *о самой незначительной* части оных помещал известия в своей газете, — что не раз вызывало запросы жертвователей, — а также *бóльшую часть* пожертвований не вносил и в книги, ведение которых для пожертвований обязательно для редакторов по распоряжению мин<истра> внутр<енних> дел, последовавшему, если не ошибаюсь, в 1861 или 1862 г., одновременно с разрешением им принимать пожертвования.[6]

В настоящее время, когда следствие еще в начале, имеются уже доказательства на то, что Гиляров получил более 5000 р<ублей> пожертвованных сумм и их никуда не отправил, а также не имеет решительно никаких доказательств

в передаче их кому-либо в Москве: почтовых расписок у него нет, да он и сам показал, что по почте сумм не пересылал и через банкиров их никому не переводил; затем хотя он говорит, что выдавал деньги на руки добровольцам и покупал им оружие, но прибавляет, что расписок не брал и счетов на покупку оружия — также; значительную часть пожертвованных сумм, по его словам, он употребил на печатание (кажется, в числе 100 тыс<яч> экземпляров) воззваний Славянского комитета, но он сам же печатно объявлял, что *печатает* их *даром*, в виде пожертвования с своей стороны.

Вообще, кажется несомненно, что Гиляров почти все поступавшие к нему пожертвования употребил на свои личные нужды и на издание газеты, так как дела его были крайне запутаны и он нередко нуждался в нескольких рублях.

Вот все, что я пока знаю из переданных мне словесно фактов дела (следствия я не видал) и, воля Ваша, не могу не видеть в данном случае со стороны Гилярова уголовного преступления. Вы полагаете, что в данном случае на Гилярова могли бы жаловаться только жертвователи, да и то гражданским порядком, и что на нем, как на редакторе, лежит ответственность только нравственная; я, напротив, думаю, что Гиляров так далеко перешагнул за черту поступка просто безнравственного или предосудительного, что он должен подлежать каре уголовного закона и что преследовать его прокуратура обязана, не останавливаясь пред тем соображением, что, привлекая Гилярова и обнаруживая его преступление, она может повредить стремлению к пожертвованиям. Притом же и относительно последнего соображения можно весьма сильно спорить, что лучше и что более может усилить пожертвования: уверенность ли для жертвователей в том, что их жертвы доходят по назначению и что[a] имеются достаточные гарантии против прикарманивания оных, или же неуверенность в употреблении пожертвований по назначению, при признании за редакторами особого, исключительного права на бесконтрольность, открывающую, как показывает случай с Гиляровым, широкий простор злоупотреблениям.

Во всяком случае следствие пойдет в Суд<ебную> палату, а новый председ<атель> Угол<овного> департамента Постельников,[7] один из наиболее сведущих юристов и притом также человек *крайне* осторожный в обвинениях, *наверное* не допустит обвинения Гилярова, если бы по отношению к нему оказалось какое-либо увлечение со стороны прокуратуры в смысле неправильного преследования ни в чем неповинного человека. — Тем не менее с Лицким я на днях переговорю, хотя заранее уверен, что после этого разговора мне придется еще многое передать Вам, неблагоприятное для Гилярова.[8]

Ваш душой
Н. Ман<асеин>

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 963. Л. 1—2 об.

[a] *Союз вставлен позднее над строкой.*

Николай Авксентьевич Манасеин (1835—1895) — московский знакомый Константина Петровича Победоносцева, при поддержке которого впоследствии (1885—1894) занял пост министра юстиции. Манасеин был хорошо осведомлен в ходе судебно-следственных дел, разбиравшихся в Москве, поскольку с 1866 г. служил товарищем прокурора Московского окружного суда, затем, с 1870 г. — прокурором Судебной палаты, а в 1877 г. возглавил департамент Министерства юстиции.

Ученый-правовед, крупный государственный деятель и религиозный мыслитель Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), в 1868 г. ставший сенатором, а в 1880—1905 гг. занимавший пост обер-прокурора Св. Синода, был знаком с Гиляровым еще с 1860 г. После переезда Победоносцева в Петербург они регулярно переписывались. По смерти Гилярова, с 1899 по 1906 г., Победоносцев — случай для него исключительный! — издал на свои личные средства 8 сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля, подготовленных к печати кн. Н. В. Шаховским: два двухтомника — «Сборник сочинений» (М., 1899—1900) и «Вопросы веры и Церкви» (М., 1905—1906), а также книги и брошюры: «Университетский вопрос» (СПб., 1903), «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?» (обе — М., 1904) и «Еврейский вопрос в России» (СПб., 1906). Обстоятельства подготовки гиляровских произведений к печати содержатся в сохранившейся в РНБ переписке Победоносцева и Шаховского (РНБ. Ф. 847. № 75—78, 147—155).

Гиляров был знаком с Манасеином. 23 марта 1876 г. Победоносцев передал через последнего Гилярову письмо со вложенными в него деньгами — оплатой объявления в газете о поступившей в продажу новой книге: «Недоумеваю, любезнейший Никита Петрович, дошло ли до Вас письмо с известием о Вашем деле, посланное к Вам через Манассеина. Меня приводит в сомнение то, что в письме между прочим я послал Вам деньги на публикацию, а она до сих пор не появлялась, хотя письмо мое послано было еще 11 марта» (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 53. Л. 9). Манасеин, как видно из содержания письма, отвечает на вопросы Победоносцева, который высказывался о юридической уникальности этого дела, не подпадавшего, по его мнению, под категорию уголовного преступления, и, осведомленный о начавшемся следствии самим Гиляровым, подозревал злонамеренную пристрастность прокурора и следователя по отношению к последнему.

[1] Ниже Победоносцев пометил карандашом: «Пол<учено> 29 дек<абря>».

[2] Владимир Романович Лицкой (в 1877 г. коллежский советник), помимо того что занимал пост прокурора Московского окружного суда, являлся в рассматриваемый период и одним из «светских директоров» Попечительного о тюрьмах комитета.

[3] Статья 298 Устава уголовного судопроизводства, утвержденного 20 ноября 1864 г., гласила: «По получении объявления <о чьем-либо преступлении. — *А. Д.*> судебный следователь немедленно расспрашивает объявителя об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния и, в случае явного обвинения им кого-либо в преступлении или проступке, предупреждает его о наказании за лживые доносы» (Устав уголовного судопроизводства. <СПб., 1864.> С. 37). См. также статью 296: «Объявление о преступном деянии, при коем объявитель был очевидцем, может служить достаточным поводом к начатию следствия, хотя бы в виду следователя и не было никаких других улик» (Там же). (В отличие от этого Устава современным Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрена специальная процедура, в соответствии с которой предварительное расследование начинается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.)

[4] Владимир Яковлевич Фукс (в 1877 г. коллежский асессор), один из 22-х помощников прокурора Московского окружного суда.

[5] О П. М. Глобо-Михаленко см. примеч. 73 на с. 379.

[6] Разрешение принимать пожертвования через газеты последовало 14 декабря 1860 г. — распоряжением Департамента общих дел МВД «Об открытии подписки для сооружения памятника Пушкину».

[7] Александр Иванович Постельников (ок. 1839—1888), тайный советник; товарищ прокурора Московской судебной палаты, председатель ее Уголовного департамента; выпускник Училища правоведения (1859).

[8] Другие письма Манасеина к Победоносцеву о деле Гилярова нам неизвестны. Данное письмо отложилось в архиве кн. Шаховского, поскольку, несомненно, было передано последнему адресатом, Победоносцевым, в 1890-х гг., когда Шаховской подготавливал к печати сочинения Гилярова.

3. *Ф. А. Гиляров* <Передовая статья в защиту М. Г. Черняева от нападок либеральной прессы> (1877)

Где же Черняев? Куда от взоров народа сокрылся герой, вождь излюбленный, тот, кто первый высоким подвигом самоотреченья напомнил русскому народу о священном завете предков, кто год тому назад приковал к себе изумленные взоры всего мира, кто еще прежде к русскому царству самовольно присоединил целое царство, — Ермак XIX столетия? Подобными вопросами засыпали и засыпают нас отовсюду. Чувство деликатного уважения к М. Г. Черняеву заставляло нас молчать.

И вот тот, кого простое русское сердце поставило превыше современников,[1] кому беспристрастные внуки наши не будут знать, где воздвигнуть памятник: в призванном ли им к гражданской жизни Ташкенте,[2] на освобожденном ли по его почину Балканском полуострове,[3] или в другом каком месте, где Черняев, твердо верим, успеет еще, как человек почина, сорвать новые лавры и полководца и исторического деятеля, — и вот сам Черняев отзывается наконец. И не загорятся краскою стыда, не отвернутся с презрением от самих себя самооплеванные выродки народа, вызвавшие Черняева из Суворовского уединения[4] на помещенный ниже ответ?[5] Спешите же покрыть лавровый венец венцом терновым,[6] несите цепи Колумба,[7] зажигайте костер Иоанны д'Арк!

Вы хотите аршином мерить подвиг, на счетах сосчитать цену мученичества. Меряйте. Считайте. История уж пишет позорную о вас страницу. Черняев, оставивший семью,[8] обзываемый «искателем приключений», преследуемый какими-то насчитываемыми на него долгами, приемлющий на себя подвиг не миниатюрного Гарибальди, не Колумба даже, внесшего рабство к счастливым дикарям, — принимающий тот подвиг, где смерть от вражеской пули или даже от подкупного кинжальщика представлялась еще лучшим исходом (теперь уж можно говорить об этом), чем тот конец, который мог грозить человеку, самовольно, хотя и во имя высшей правды, государством потом признанной, всколебавшему ев-

ропейский мир; — и этого-то человека заставляете вы пересчитывать теперь гроши, — и не для того, чтобы дать отчет тому крестьянину, который того не требует, который никого на то не уполномочивал, который первый оскорбится этим, который беззаветно отдавал свою последнюю копейку Черняеву, который пред глазами Черняева добровольно умирал мучеником за братьев, который поместил под образами портрет Черняева, указав на него детям и внукам, — и этого-то героя вызвали теперь вы давать отчет вам, вам, самозванцам, бессмысленно полагавшим ничтожные препоны грозному ходу исторических событий, теперь глумящимся, имеющим дерзость из-за угла законности и благонамеренности кощунствовать над тем святым делом, во главе которого стоит теперь Тот, Кого потомство сравнит разве только с Петром Великим!

«У тебя были деньги: *следовательно*, ты их расхитил». Позорные времена, неслыханное растление, способное возводить в правило такое заключение!

Будьте последовательны: пытаясь бросить тень подозрения на Петербургский славянский комитет, вызывая теперь показания самого Черняева, не передал ли под градом пуль отважный полководец или храбрые его сподвижники лишней гривны, не вами жертвованной в безусловное их распоряжение, — отчего не пошлете квартальных поверять конторские книги митрополита Сербского Михаила, [9] князя Милана, [10] Николая Черногорского, [11] не «расхитили» ли славянские государи денег, не вами пожертвованных на славянское дело? Или, может быть, вздумаете вызвать тени русских добровольцев, — святые мученики при жизни не «растратили» ли своего скудного жалованья! Почему не явиться вам во всем уж ореоле безумного своего позора перед Европою, когда правительство всею заботою, народ — кровью, даже царственною кровью, запечатлевает свое освободительное и просветительное призвание на Востоке?

Русским ли литературным квартальным и журнальным сыщикам поверять лиц, облеченных доверием и русского народа, и славянских государей?!..

И какое гражданское мужество! Все знаем: есть сферы, где расходуется народное богатство непроизводительно, нецелесообразно, хотя бы в туркестанских комиссиях над комиссиями, усчитывавшими покорителя Ташкента. Здесь вы молчите. Здесь не хватает у вас духу возвысить голос. Храбры вы только пред теми политическими деятелями, путь которых усыпан терниями. Плутократия вас закормила. Аристократии вы боитесь.

И какое знакомство с делом! Хотя бы взглянули в отчеты Славянского комитета, перепечатанные во всех газетах.

Нет, видно, «грязь сторожит» каждого нашего деятеля. Как бы ни был он высок, гребнем мутной воды хлестнет и его.

В заключение заметим: не имеем права гордиться близкими личными отношениями к М. Г. Черняеву. Есть органы, ближе нас к нему стоящие, [12] и потому присылку именно к нам обнародуемого ниже такого важного исторического документа, как *Письмо Черняева в редакцию «Современных известий»* признаем лучшею наградою за свои посильные труды на пользу освобождаемого ныне славянства.

Печатается по единственной публикации: + <*Гиляров Ф. А.*>. Москва, 22 декабря // *СИ*. 1877. 23 дек. № 353. С. 1. Несмотря на предваряющий публикацию символ «+», указывающий на авторство Ф. А. Гилярова, следует предположить активное участие Гилярова-Платонова в написании (или хотя бы редактировании) этой передовой статьи: об этом свидетельствуют как ее стилистические особенности (прежде всего ораторский пафос), так и несомненный акцент на сходстве жизненных ситуаций, в которых оказался Гиляров-Платонов из-за доноса Скворонской и Черняев из-за травли либеральной прессы.

Генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898) сблизился со славянофильским кружком на рубеже 1860—1870-х гг., когда после ухода с поста военного губернатора Туркестанского округа справедливо ощущал себя жертвой военно-канцелярского режима и пронемецки настроенного дипломатического корпуса. Письмо генерала М. Г. Черняева, опубликованное в «Современных известиях», было вызвано клеветнической кампанией, развернутой против него представителями либерально-демократической прессы. Эти нападки на заслуженного, нравственно безупречного героя, ставшего в глазах русских людей символом общеславянского единства, показались Гилярову слишком похожими на преследование его самого со стороны М. С. Скворонской, поддержанное судебными властями. Приведем начало «Письма» Черняева, где процитирована одна из статей против него: «В октябрьской книжке “Отечественных записок” в статье “Внутреннее обозрение” между прочим сказано: “Какие злоупотребления делались в Сербии, какие именно злоупотребления совершались в штабе Черняева, а также различными агентами, расходовавшими русские деньги, — это останется для нас навсегда покрыто мраком неизвестности, благодаря усердию, с которым русская пресса прикрывала неисчислимые злоупотребления во время Сербско-турецкой войны”» (с. 312).

[1] См., например, публиковавшиеся в «Современных известиях» в 1876 г. адреса: Михаилу Григорьевичу Черняеву и русским сподвижникам его <из Калязинского и Переславского уездов> // 27 июля. № 204. С. 1; Михаилу Григорьевичу Черняеву от москвичей; Михаилу Григорьевичу Черняеву и русским его сподвижникам <из Рязанской губернии> // 4 авг. № 212. С. 1.

[2] Ташкент был взят Черняевым штурмом в ночь с 14 на 15 июня 1865 г., и до июля 1866 г. он занимал пост военного губернатора Туркестанской области.

[3] После того как весной 1875 г. произошло восстание в Герцеговине, Черняев частным образом вступил в сношения с сербским правительством и был приглашен для руководства военными действиями. Несмотря на противодействие российских властей, Черняеву удалось выехать за границу, и в июне 1876 г. он был уже назначен главнокомандующим основной сербской армией, благодаря чему в Белград потянулись сотни добровольцев из России. Вскоре по требованию австро-венгерского правительства Черняев был вынужден вернуться в Россию. При начале Русско-турецкой войны Черняев пытался попасть в действующую армию; но был оставлен за штатом.

[4] Имеется в виду уединенная деревенская жизнь А. В. Суворова в опале при Павле I с февраля 1897 г. по март 1899 г. (в его имениях Губерния у белорусского города Кобрин и Кончанское Боровичского уезда Новгородской губернии).

[5] Письмо М. Г. Черняева // *СИ*. 1877. 23 дек. № 353. С. 1. Датировано 6 декабря, отправлено из Пятигорска. Автограф на 6 л. см.: РНБ. Ф. 847. № 840.

[6] Реминисценция из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837): «И прежний сняв венок, — они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него...»

[7] Колумб был арестован, препровожден в цепях в Испанию и по суду лишен звания вице-короля и губернатора открытых им колоний, как предполагалось до самого последнего времени, — по ложному доносу. В 2006 г. в Испании в архиве города Вальядолида были обнаружены материалы следствия 1500 г. по делу Колумба и его братьев Диего и Бартоломео, которые, как оказалось, были осуждены за неимоверную лютость, беззаконие и алчность, но впоследствии помилованы за заслуги перед короной.

[8] В 1867 г. Черняев женился на Антонине Александровне фон Вульферт. У них родилось шесть девочек и мальчик.

[9] О митр. Михаиле (Йовановиче) см. примеч. 76 на с. 379. 20 мая 1893 г. Михаил писал Шаховскому: «Хорошо помню Никиту Петровича, ценил я патриотизм и чистую любовь его к России и к славянам...» (РНБ. Ф. 847. № 141. Л. 1).

[10] Милан IV Обренович (1854—1901), сербский князь (с 1868 г.), король Сербии (1882—1889), отрекся от престола в пользу старшего сына.

[11] Николай (Никола) I Петрович Негош (1841—1921), князь Черногорский (с 1860 г.), король (1910—1918), был низложен.

[12] Вероятно, подразумевается газета «Русский мир», которую в 1873—1875 гг. издавал Черняев (совместно с генералом Р. А. Фадеевым).

4. *Н. П. Гиляров-Платонов*
Письмо к М. Г. Черняеву

Высокоуважаемый
Мих<аил> Григ<орьевич>!

Поместив Ваше письмо в № 353 «Совр<еменых> изв<естий>» с некоторым предисловием от редакции, на которое[a] ни Вы, ни другой кто из наших друзей, надеюсь, не посетует, и сделав распоряжение о высылке Вам «Совр<еменых> изв<естий>», которые Вам в Вашем невольном уединении, вероятно, редко попадаются, очень извиняюсь, что до сих пор не благодарил Вас за то глубоко тронувшее меня предпочтение, которое Вы присылкою Вашего письма оказали моему изданию пред прочими, ближе моего к Вам стоящими.

Обстоятельства, мешавшие мне благодарить Вас,[b] в то же время и причина того, что решаюсь обратиться теперь к Вам с просьбою. Счастлив и несчастлив я тем, что и мне приходится пить ту же, что и Вам, горькую чашу незаслуженных подозрений, клеветы. Дело в том: лицом, удаленным мною из редакции,[1] сделан на меня[c] извет в растрате якобы тех злосчастных менее 4000, которые в разное время, без приглашений с моей стороны, присылались в Контору моей газеты. Разумеется, прокурорский надзор возрадовался,[d] враги славянского дела возликовали. Хотя форм<альное> следствие, назначенное надо мною, и не может добыть ни единой данной при самых возмутительных натяжках, тем не ме-

[a] *Далее зачеркнуто*: надеюсь.

[b] *Далее зачеркнуто*: были.

[c] *Далее зачеркнуто*: до<нос>.

[d] *Далее зачеркнуто*: враги нашего <дела>.

нее литературные и не литературные враги славянского дела торжествуют. Израсходовав не только пожертвованные через меня деньги, но и часть своих, на [a] помощь болгарской агитации, [b] добровольцам в Сербии и т. д., я, разумеется, частию не брал, частию не сохранил оправдательных документов, против чего [c] я был в принципе. Великую [d] услугу оказали бы Вы не только лично мне, но и славянскому делу, на пользу которого посвящал и намерен посвящать свои силы, если бы Вы потрудились припомнить, не слыхали ли Вы от кого-либо из бывших под Вашим командованием добровольцев, от кого-либо из медиков, болгарских агитаторов или вообще от кого-либо из деятелей славного 1876 года о тех затратах, которые в той или другой форме делались [e] мною на славянское дело. Слово Черняева, которого знает вся Россия, легло бы тяжелою гирею на весах правосудия, если бы, разумеется, дело дошло до суда. [2]

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. № 498. Л. 1—4. Датируется по содержанию (упоминанию напечатанного 23 декабря 1877 г. письма Черняева и сопроводительной передовицы) самым концом 1877 г. или началом 1878 г. (Гиляров не сразу после упомянутой публикации написал Черняеву: он извиняется, что «до сих пор не благодарил» за «предпочтение» его газеты перед другими).

[1] Подразумевается М. С. Сковронская.

[2] Известно, что Черняев обращался в судебные органы с поддержкой позиции Гилярова в его деле со Сковронской.

5. *Н. П. Гиляров-Платонов* Письмо к гр. В. И. Капнисту

Многоуважаемый князь,
Василий Иванович,

Благодарю вас за душевные строки, которыми Вы меня почтили. Вы прочитаете сегодняшний №; благодарность, в нем помещенная, относится и к Вам [1]. Я переживаю очень тяжелое время; меня хотят стереть; это очевидно, надеюсь, даже для постороннего, хотя бы из двух судебных решений, положительно небывалых, за статьи, из которых одна по крайней мере совершенно невинна, а другая вызвана справедливым негодованием на толстосума [2].

В сегодняшнем же № Вы найдете краткое упоминание и о третьем деле, уже самом возмутительном, где хотят меня обвинить в мошенничестве и предать суду присяжных [3]. Любопытно, что чины судебной власти открыто говорят, что

---

[a] *Далее зачеркнуто*: вооружение.

[b] *Далее зачеркнуто*: на помощь.

[c] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: которых.

[d] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: Большую.

[e] *Испр., в автографе*: делалось.

«конечно, в этом нет сомнения, что оправдают», но ведут дело вот уже почти два года и раздувают, не прекращая, несмотря на все мои жалобы. У меня внутренность поворачивается, когда я подхожу к этому предмету.

В статье, которую Вы сегодня прочитаете, упоминается о доносе. Донос принадлежит той даме, которая занималась иностранными известиями [4] и отсутствие которой Вы заметили в посещение меня в 1877 году. Я тогда сказал Вам, что она больна и, по-видимому, близка к умственному расстройству. По-видимому, я не совсем ошибался, но психическое расстройство ее произошло от того, что она связалась с студентом, который занимался у меня в редакции и который презрительно ее бросил. [5] Подробности я узнал [a] едва ли не после того, как Вас видел, но, вникая в дело, узнал еще такие обстоятельства, что у меня волосы стали дыбом. Я узнал, что был жертвою самой гнусной эксплуатации, услышал притом из уст самой героини, что она [b] растлила моего сына!!! [6] (Это между нами, достоуважаемый князь.) Понятно, я прогнал ее, впрочем сохраняя еще к ней сожаление, приписывая физической болезни чудовищное ее поведение. Вот от нее-то и пошел донос самого грязнейшего содержания, и следственная власть ухватилась за него обеими руками. В доносе между прочим она повествует, что я растратил славянские деньги. Этого было достаточно для прокуратуры, чтобы наслать на меня следователя с товарищем прокурора, чтоб сделать выемку. Напрасно я возражал, что это есть незаконное вмешательство в частные отношения, что в суммах, которые мне поручались, я полновластный распорядитель, отчетом обязанный только жертвователям. Следствие пошло. Если Вам рассказывать все натяжки, все притеснения, наконец все подтасовки, до которых низошел следователь, когда я, жалуясь на него, просил прекратить неправильно вчиненное следствие: если Вам рассказывать эти подробности, Вы с трудом поверите. Им хочется дотащить меня до скамьи подсудимых; им хочется моего позора, и вероятно, они доведут. Обвинение в растрате, разумеется, нелепо в самом существе. Вы это чувствуете, не входя даже в подробности. Если бы я даже решительно ни копейки не расходовал, какая же растрата, когда деньги есть? Но расход далеко превышает приход. Да дело и не в том; это мои друзья очень понимают; им желательно вывести другие обстоятельства на свет, и притом со своим освещением, произвести скандал. Если бы не третьи лица, чести которых касается грязь, частию выведенная, частию измышленная доносчицею, ничего не желал бы так и я, как полного оглашения. А кстати, я просил, чтобы мне выдали копию с доноса, дабы жаловаться на клевету (имею полное основание). Отказали, дав только прочитать.

Да, мне тяжело, многоуважаемый князь, и только сочувствие близких, знающих меня, меня подкрепляет.

Черняев поселился в Москве.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: уже.

[b] *Далее зачеркнуто*: оболь<стила>.

А в политике что делается? Итак, Англия получит порт в Черном море, близ Батума![7] Как Вам это покажется?

Ваш *Н. Гиляров-Платонов*

29 октября 1879
Москва.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. № 516. Л. 1—2 об. Василий Иванович Капнист (1829—1893) — граф (с 1876 г.), статский советник (1873), камергер, весьма влиятельное в Москве лицо; старший сын московского гражданского губернатора (1844—1855) И. В. Капниста. Обратиться к нему посоветовал Гилярову А. И. Кошелёв в письме от 27 октября 1879 г. (РНБ. Ф. 847. № 641. Л. 9—10).

[1] Речь идет о передовой статье: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 28 октября. Дневное обозрение // *СИ*. 1879. 29 окт. № 298. С. 2. Она начинается так: «Мы тронуты выражениями сочувствия, которые получаем по поводу последних двух наших процессов и небывало тяжкой кары, нам присужденной в первой судебной инстанции. Нам выражают уверенность, что правда восторжествует наконец и что независимо от всего читатели наши совершенно иным образом оценивают нашу общественную деятельность, нежели состоявшиеся судебные решения».

[2] Гиляров писал, обращаясь к судебному процессу против него, начатому по жалобе миллионера Н. М. Бостанджогло и его служащего Антоновича из-за довольно невинного фельетона П. А. Збруева, где, по убеждению Г.-П., нельзя было усмотреть «ни одного элемента клеветы и вообще оскорбительности в неопределенном указании фельетониста»: «Когда минуя путь разъяснения пред обществом, обращаются к суду против журналиста, закрываясь одною личною неприкосновенностью, этим доказывают прежде всего неуважение к обществу и его голосу». При этом защитник Бостанджогло, отмечает Гиляров, «в обвинение против нас приводил между прочим, зачем фельетонист осмелился называть его купчиной, тогда как он есть почетный гражданин, а нас между тем тот же защитник обозвал в публичной речи “пристанодержателями”, вероятно полагая, что название “пристанодержатель” есть безразличное для чести человека, а “купчина” — оскорбительное». Антонович же, жаловавшийся, что его оклеветали, приписав ему приобретение имений в период службы на Курской железной дороге, как оказалось впоследствии, обманул суд, ибо действительно в то время «приобрел в одной их южных губерний 762 десятины земли» (Там же).

[3] Гиляров сообщал: «Мы поступили бы непростительно пред сочувствующими читателями, если бы миновали еще одно судебное дело, о котором с некоторою торопливостью извещает публику фельетонист «Нового времени» в полученном сегодня нумере. От него мы узнаем, что Судебною палатою на днях утвержден обвинительный акт, которым предается суду с участием присяжных заседателей Н. П. Гиляров-Платонов по обвинению в растрате части сумм, собранных им в пользу славян. Самому Н. Гилярову-Платонову об этом факте еще неизвестно: нам известно пока одно, что подобное обвинение действительно возбуждено доносом одного из служащих лиц, уволенного из редакции, и из этого доноса, голословного, во всех частях опровергаемого, заведено дело». Далее Гиляров говорит, во-первых, о логической нелепости обвинения в *растрате* (а не, например, в присвоении, утайке, краже) двух тысяч рублей владельца газеты «с годовым доходом свыше ста и до двухсот тысяч рублей», а во-вторых, о том, что «денег на славян

в редакцию “Современных известий” не поступило и четырех тысяч, а израсходовано ею на славянское дело, по ее счету, свыше 11 тысяч» (Там же).

[4] Речь идет о М. С. СкоВронской. См. преамбулу на с. 325—326.

[5] Имеется в виду К. Ф. Экземплярский. См. примеч. 5 на с. 375.

[6] Упомянут Алексей Гиляров. См. примеч. 6 на с. 375.

[7] Эти опасения Гилярова не оправдались, однако Батум, полученный Россией от Турции в 1878 г., вплоть до 1886 г. эксплуатировался в режиме порто-франко (территории свободной торговли), приведшем к появлению контрабанды и социальной напряженности.

6. Н. П. Гиляров-Платонов
О показании Н. П. Гилярова-Платонова судебному следователю по обвинению его в растрате сумм, пожертвованных через редакцию «Современных известий» на славян и раненых (по доносу Ско承ронской, служившей в ред<акции> «Современных известий») (1879)

Дело по обвинению меня в растрате сумм, жертвованных чрез редакцию «Современных известий» на славян и раненых, начато по доносу Скоронской, состоявшей долгое время при редакции в качестве составительницы иностранных известий и в 1877 году за неблаговидные поступки мною уволенной. Выступила она первоначально с жалобами на мои притеснения и с клеветами на мое нравственное поведение; но когда эти жалобы, как видится, не приняты были в уважение, последовало объявление о растрате, якобы мною произведенной.

Дело характеризуется отчасти уже этим началом. Беспристрастному человеку достаточно прочесть эти доносы, исполненные путаницы, чтобы усомниться даже в нормальном состоянии умственных способностей писавшей и во всяком случае видеть, что они писаны раздраженным лицом, под единственным внушением мести, лицом вдобавок не имеющим чего терять и вследствие того не задумывающимся в способах. * Тем не менее, на основании этих доносов, совершенно голословных, следственная власть произвела у меня выемку книг, потребовала отчета и приступила к следствию, несмотря на возражения мои, что к настоящему делу понятие о растрате неприложимо по самому существу, что счет пожертвованных денег есть еще текущий и что отчетностью в них я во всяком случае никому не обязан, кроме жертвователей, и несмотря на удостоверение, в том же смысле полученное от Славянского Комитета. Вытребовано от меня поручительство в десяти тысячах рублей, допрошены свидетели, осмотрены книги, произведены экспертизы.

Минуя подробности следствия, которого, можно сказать, каждый шаг ознаменован односторонним желанием отыскать основание к моему обвинению, перехожу к результатам.

* Мимоходом сказать, доносы эти, во время производства следствия, <п>оказаны были мне для прочтения, но в выдаче копий с оных, несмотря на просьбу мою, мне было отказано.

Всего, по приему пожертвований на славян и на раненых, следствие насчитало на меня, в период времени от половины 1875 года до конца 1877, с небольшим четыре тысячи рублей; а именно при первом обзоре представленных к делу записей (протокол 20 дек<абря> 1877 г.) 4133 р. 20 к., при втором (обзор, произведенный экспертом г. Розенталь 22 мая 1878 г.) 4252 р. 75 к. Не стану входить здесь в подробный анализ этой разницы, которая, как я объяснял уже (23 авг<уста> 1878 г.), произошла от того, что г. эксперт некоторые цифры сосчитал вдвойне, некоторые приписал относящиеся к другим статьям, а иные основал на ошибках черновой выборки из документов. Достаточно сказать, что сумма, мною принятая от посторонних жертвователей, во всяком случае не превосходила выведенной г. экспертом, а несомненно была ниже ее. Других источников получения пожертвований, кроме предъявленных (почта и контора редакции) не было у меня; лично пожертвований я не принимал, и если иногда жертвователи даже являлись, я обращал их в контору, как это подтверждено фактом, засвидетельствованным г-жею Ильинскою (Показ<ание> 28 авг<уста> 1878 г.).

Из общей суммы, пусть она будет принята согласно преувеличенному счету эксперта, прежде всего нужно исключить 216 р. 50 коп., пожертвованные на раненых.* Эти взносы с излишком покрыты 225 рублями, внесенными мною 4 февраля 1878 г. в центральный склад Общества попечения о раненых (квитанция при деле имеется). За вычетом 216 р. 50 к. остается собственно на славян почти круглые четыре тысячи; четыре тысячи невступно, если держаться первого осмотра, или четыре тысячи с несколькими десятками рублей, если остановиться на преувеличенном счислении г. Розенталь. К расходам, которыми покрывались взносы на славян, как объяснил я в своих первых показаниях (9 и 23 дек<абря> 1877 г.), я отношу: А) печатание объявлений и отчетов для Славянского Комитета; Б) вспомоществование болгарам и добровольцам, отправлявшимся на Сербскую войну; В) передачу денег чрез г. Дурново на Сербское подворье. В настоящее время присоединяю еще Г) непосредственную отсылку денежной помощи в Черногорию (последовавшую уже в период следствия). Разберу каждую статью порознь.

А) *Славянский комитет.* В деле имеются три к нему счета, в сложности на сумму 3647 р. 90 к. Совет Славянского общества (в отношении от 15 мая 1878 года) признал их все правильными и из них 600 руб. «несомненно обязательными к платежу». Колебание, с которым говорит Совет об обязанности платить остальную сумму, не колеблет моего права считать ее за ним: а) когда он же нашел все счета правильными; б) он же удостоверяет, что о безвозмездности печатания не было условия; в) когда колебание его основано на его же благодарности за безвозмездность печатания, объявленной мне без моего ведома и притом ранее

* Именно 1877 г., апр<еля> 15-го 100 р., 4 июня из Ельца от Степанова, 0, 75, 26-го от Митрофанова 3 руб., и Лебедева 2 руб., 27-го от Тезейкина 0,30 к., 30-го от неизвестного 10 руб., 20 июля от Щурова 1 р. 35 к. и ноября 12 — 101 р. 20 к.

того печатания, на которое представлен счет, а именно 12 янв<аря> 1876 г. (проток<ол> 12 апреля), и относившейся следовательно к предшествующему времени. Во всяком случае, если бы Совет утвердился в своем мнении о необязательности платежа, это был бы гражданский спор, и пока он не решен судом, цифру 3647 руб. 90 коп. я считаю твердою.

Б. *Вспомоществование болгарам и добровольцам*. О факте удостоверяют очевидцы: 1) Ф. А. Гиляров, видевший, что я выдавал болгарину деньги на вооружение (показ<ание> 7 янв<аря> 1878 г.); 2) В. И. Трескин, тоже видевший выдачу денег восточным славянам (янв<аря> 27); 3) С. А. Юрьев, на глазах которого, как он выражается, выдал я болгарину «довольно крупную пачку ассигнаций» (11 марта); 4) С. Д. Тихобразов, бывший свидетелем выдачи добровольцу Фермору денег, как он предполагал, на экипировку (янв<аря> 28); 5) Бурова, видевшая, что я выдавал деньги добровольцам (17 марта); 6) Н. И. Пастухов, видевший, что одному из болгар выдал я 200 руб., а другому 100 или 150 руб., и другим выдавал, хотя и невдомек сколько (3 мая); 7) М. Г. Черняев письмом и подтвердительным показанием вспоминает о получении им 2500 рублей чрез Фермора и о том, что Фермор снаряжен на средства редакции «Современных известий»; 8) Экземплярский (марта 13) и Оглоблин (марта 18) говорят о сербе, получавшем из редакции жалованье и пособие; 9) Измайлов (16 марта) передает слышанное им, что рука моя «не оскудевала в помощи на пособие страждущим семействам православных христиан на Балканском полуострове, а также на пособие добровольцам». Во сколько считать эти пособия, о которых удостоверяют столько свидетелей-очевидцев? Не считая 2500 рублей, отправленных с Фермором М. Г. Черняеву, я полагаю свои расходы на вспомоществования болгарам и добровольцам свыше 2000 р. Как бы мы ни стали уменьшать эту цифру, во что бы ни класть толстую пачку, виденную Юрьевым, во что бы ни ценить выдачу денег на вооружение, свидетелем чего был Ф. А. Гиляров, и все прочие выдачи, о которых говорят другие свидетели, их в сложности никак уже не может быть менее хотя 1000 руб., если не считать, что пособия выдавались гривенниками и рублями. Итого следовательно с 2500 р., о которых свидетельствует г. Черняев, на эту статью 3500 рублей.

В. *Сербское подворье*. Г. Дурново определенно свидетельствует о 527 рублях, но прибавляет, что и сверх того он получал для Сербского подворья от меня, хотя и менее значительные суммы. Кроме того, на 1000 рублей представлен документ. Следовательно всего от меня передано на Сербское подворье, во всяком случае, свыше 1527 рублей. Но не буду класть ни мелких сумм, счет которых забыт г. Дурново, ни 27 руб., значащихся у г. Дурново от 1875 г., которые по совести признаю поступившими не от меня: без сомнения они доставлены одним из тех жертвователей, которым контора редакции отказывала в приеме пожертвований, направляя в другие места (как свидетельствуют Трескин, Лебедев, Тихобразов, Тимковская). Во всяком случае 1500 рублей, поступивших от меня, несомненны.

Г. Об отсылке 1500 рублей в Черногорию имеется при деле документ.

Слагая всё вместе, получаем (3647,90 + 3500 + 1500 + 1500) = 10 647 руб. 90 к. расходов на помощь славянскому делу, во всяком случае вычисленных уменьшенно, а не преувеличенно.

Сообразив теперь порядок и время расходования с раскрытыми следствием данными, убедимся, что упомянутые цифры, а равно и все мои показания вполне подтверждаются и обстоятельствами дела. В 1875 и до весны 1876 г. пожертвований почти не поступало; часть их, как известно из показаний Лебедева, Трескина и Тимковской, даже отклонялась. След тому находим в заметке г. Дурново о полученных 27 рублях. К половине апреля набирается с небольшим 170 рублей, и около этого времени отъезжает в Сербию подполковник Измайлов, первый по времени доброволец после Черняева. Ему выдается 200 рублей, «для расходов в Герцеговине», как показано на отчете в расходной заметке. * С мая начинаются предвестия Сербской войны и содействия ей болгар. Пожертвования усиливаются. В редакцию являются болгары, являются добровольцы за советами и вспомоществованиями. То и другое им выдается, по мере средств, и выдается, выражусь так, безрасчетно, не справляясь, достаточно ли чужих денег в распоряжении, или переходят и свои. Редактор «Современных известий» не считал себя только поверенным лицом от других, но нравственно призванным помогать и собственными средствами. Да и когда было рассчитывать или дожидаться? Время не ждало.

К этому периоду наибольшего притока пожертвований относится и снаряжение Фермора и отправка с ним 2500 рублей, в июле или августе.

С сентября приток денег уменьшается, в октябре почти уже иссякает. Производятся выдачи чрез г. Дурново, в менее значительных суммах сравнительно с летними вспоможениями.

Рядом со вспоможениями болгарам и добровольцам, идет печатание для Славянского комитета, причем опять не рассчитывая, покрываются ли издержки полученными деньгами посторонних жертвователей, или точнее сказать — в полной нравственной уверенности, что мои личные приношения давно превзошли все полученное. Но именно вследствие этой-то, как я сказал, безрасчетности и оставался счет открытым как со Славянским комитетом, так и с жертвователями. Я во всяком случае не намерен был, как объяснил в показании от 9 дек<абря> 1877 г., пользоваться от Славянского комитета излишками, которые перешли на него уже с моего счета и даже не представил бы счета, если бы не вынужден был настоящим следствием и его формальным воззрением, способным удовлетвориться только формальными документами и формальною отчетностью.

* Г. Измайлов совершенно верно показывает, что «на славян он денег не получал»; он получил их как доброволец à fond perdu <безвозвратно, *фр.*>, и если он считает себя отплатившим за эту помощь корреспонденциями, я против этого не спорю. Но во всяком случае он получил не за корреспонденции, которых он тогда еще не писал, о платеже за которые мы не условливались и о которых помина нет в заметке о выдаче 200 рублей.

Оставляю без внимания возражение, которое противопоставил мне протокол о привлечении меня к следствию, уверяя меня, что я не имел права зачитать жертвованных на славян денег за Славянским комитетом, а обязан был их внести в Славянский комитет и затем дожидаться получения с него денег. Вносить пожертвования в Славянский комитет, за исключением 47 рублей, прямо назначенных, и притом в «*один из* славянских комитетов», жертвователи меня не обязывали. Да потом возражение это равносильно уверению, что я обязан был употреблять пожертвования на славянское дело именно не иначе как в виде той определенной монеты или ценности, какою я получал, а всякий обмен одного знака на другой, хотя бы с целью, соответствующей воле жертвователей, есть преступление. Да и во всяком случае, это есть возражение гражданского характера, нисколько не уполномочивающее на обвинение в растрате.

Оставляю без опровержения и осмотр записей Сербского подворья, произведенный при содействии эксперта. Что бы там ни найдено было и какие бы сомнения относительно почерков ни были заявлены, считаю это до меня не касающимся, когда г. Дурново удостоверяет сам, что он получал от меня деньги для Сербского подворья, а архимандрит Савва (в показании 14 февр<аля> 1878 г.) подтверждает, что при вносе сумм в 1876 году, от Дурново он слышал, что некоторые идут от редакции «Современных известий». *

---

* Считаю не лишним прибавить однако: 1) что в сборе денег на славян чрез Сербское подворье г. Дурново был главным действующим лицом: им составлялись и печатались воззвания от Сербского подворья; он же составитель отчетов и изъявлений благодарности и редактор прочих официальных бумаг подворья; 2) что в 1876 году г. Дурново, быв главным деятелем по Сербскому подворью, состоял одновременно и сотрудником «Современных известий», причем между мною и им были личные денежные счеты, выдачи от меня и получения от него, независимые от пожертвований. Этими двумя обстоятельствами объясняются: а) показание архимандрита Саввы, забывшего об официальной бумаге, напечатанной от его же имени в «С.-Петербургских ведомостях» (с благодарностью «Современным известиям» между прочим); б) недоразумение о тысяче рублей, полученной через г. Дурново от меня в 1877 году и принятой архимандритом Саввою за уплату долга. Во всяком случае, недоразумения эти касаются отношений между г. Дурново и о. архимандритом Саввою, а не меня. С моей стороны тысяча рублей, подавшая повод к недоразумению, выдана была двукратно; которая из выдач должна быть причислена к пожертвованиям и которая к уплате долга, это — дело совести самих представителей Сербского подворья.

Добавлю еще, что для меня непонятно, в силу каких соображений г. следователь в объяснении, поданном суду в ответ на мою жалобу, умолчал о показании о. Саввы от 14 февраля, что г. Дурново при взносе пожертвований 1876 года упоминал ему о поступлении некоторых от редакции «Современных известий», а выставил другое показание (8 марта) о. архимандрита, относившееся к пожертвованиям *конца 1877 и начала 1878 г.,* что при взносе этих пожертвований г. Дурново не упоминал о поступлении их от «Современных известий». Тем не менее для меня понятно, на каком основании это показание (14 февраля), данное очевидно в ответ на подозрение, не поступило ли от меня пожертвование на Сербское подворье после следствия, — не понятно, говорю, почему это показание представлено суду как безусловное, относящееся ко всему периоду пожертвований.

Какие же доказательства или улики против меня нашло или открыло следствие? Первоначальный протокол, с которым к нему приступлено (18 дек<абря> 1877 г.), выходит из предположения, что на расход жертвованных денег я должен иметь оправдательные документы; протокол 21 декабря находит уликою, что обязательных, по его мнению, документов у меня нет. Теперь, по окончании следствия, правильнее будет сказать, что оправдательных формальных документов я не имею лишь на часть расходов, а именно на вспомоществование добровольцам и на часть выдач Сербскому подворью. Но формальная отчетность в пожертвованиях для меня не обязательна. Она не требуется законом, как видно из имеющихся при деле отношений Инспектора по делам печати, Главного управления по делам печати и Департамента общих дел полиции исполнительной. Она не поставлена была мне в обязанность и жертвователями, главными и единственными судьями. Она, как неоднократно объяснял я (подробнее в показ<аниях> 23 декабря 1877 г.), была и по существу не надобна, неудобна и почти невозможна. * Во всяком случае, если бы формальная отчетность была для меня и обязательна, отсутствие ее давало бы повод к моему обвинению лишь при существовании других, положительных доказательств или улик. Где же эти доказательства?

Единственным доказательством и уликою против меня послужил для следственной власти, оставаясь единственным и до сих пор, донос г-жи Сковронской.

Что же она говорит?

В показании 23 марта Сковронская заявляет: «Я не говорю, что Гиляров-Платонов рад был присвоить жертвованные на славян деньги». Заметим это признание, высказанное самою обвинительницею, единственною свидетельницею, которую отыскало против меня следствие и донос которой послужил началом производящемуся делу.

В чем же она меня после того обвиняет, когда сама свидетельствует, что я не желал присвоить вверенные деньги?

1) Сковронская была свидетельницею, утверждает она о себе, что пожертвования, полученные в конторе, обращаемы были мною в тот же день на редакционные нужды, в уплату по векселям, как определеннее выражается доносщица. Допустим полную точность этого показания, и притом допустим, что так бывало с каждым без исключения пожертвованием: отсюда следует не более того, что кредитные билеты или монета, поступавшие чрез контору ко мне от жертвователей, не откладывались отдельно на отсылку и не расходовались на нужды славян непременно в таком виде, в каком получались. Иначе сказать, ровно ничего не следует.

* Возможно ли, например, взятие формальных документов и хранение их при таких выдачах, как на вооружение для организации восстания в дружественном соседнем государстве? Или какой имели бы смысл расписки добровольцев, иногда пожалуй и безграмотных, крестьянина Сидора Ефремова, мещанина Ивана Яковлева и отставного солдата Григорьева, которых и адресы затем неизвестны? И чем удостоверить подлинность таких расписок?

2) Обвинительница выставляет в виде улики против меня, что она не видала, не знает, чтобы я расходовал жертвованные деньги по назначению. Допустим опять полную правдивость и этого показания. Оно имело бы силу, когда бы обвинительница была и хранительницею и расходчицею кассы «Современных известий», и притом единственною. Но она не была ни кассиром, ни бухгалтером. По собственному ее показанию, единогласно подтвержденному и другими (Экземплярским и Буровой), ей только иногда даваемы были ключи от кассы для выема и вклада денег.

3) Обвинительница уверяет, что должна была знать все расходы, что я как бы давал ей отчет во всех своих действиях. Предоставляю всякому здравомыслящему судить о силе такого уверения, даже если бы дано было оно по искреннему убеждению. Но уверение это даже прямо недобросовестно; данные, добытые следствием, доказывают это неопровержимо. Из них мы видим:

а) что период лета 1876 года обвинительница проводила на даче у себя в Перове (показания Пастухова, Буровой, Трескина, Гилярова, Яньковой);

б) что хотя она жила на одной квартире со мною, но при появлении посторонних обыкновенно оставалась в своей комнате, намеренно уклоняясь (Бурова, показ<ание> 10 июня);

в) что к этому периоду времени доверие мое было к ней порвано;

г) сама обвинительница сознается, что она не знает суммы пожертвования; что о количестве ее слышала от посторонних редакции лиц, не знает, сколько выдавал я на фабрику; Фермора не видала, хотя слышала о нем и проч. и проч. Неведение ее относительно дел редакции сказывается прямо в каждом ее показании.

4) Я претерпевал безвыходную нужду, завален был долгами и боялся ежедневно, что векселя мои будут протестованы; у меня бывало в кассе только по полтора рубля и по 80 копеек. В доказательство обвинительница представляет мои письма и указывает моих кредиторов, рассказывает историю дорого обошедшейся мне фабрики.

Допустим, что и здесь все полная правда, что ж бы доказывалось этим? На десятки тысяч долги, на сотню свыше тысяч годового оборота, и я, беспокоясь протестом векселей, тороплюсь оплачивать их; оплачиваю прочие редакционные нужды (очевидно, из опасения жалоб и скандала); но не нахожу средств покрыть с небольшим четыре тысячи, переданных мне, и притом по частям, в течение целого года, на славянское дело и раненых! Я, находивший кредит на десятки тысяч, затруднялся четырьмя тысячами. Я, опасающийся скандала и жалоб со стороны неудовлетворенных кредиторов или служащих, не опасаюсь гораздо большего скандала быть обвиненным чуть ли не в краже чего же? четырех тысяч рублей. Я, который, однако, по признанию самой обвинительницы, не желал присвоивать жертвованные деньги.

Такая чудовищная невероятность вытекает, если допустить, что действительно, как уверяет доносчица, я терпел нужду до того безысходную, что не в состоянии был обращать на прямое назначение рубли и десятки рублей, поступавшие

от жертвователей. Что же, однако, открывается следствием, которое не упустило допросить всех, кого могло, о состоянии моих средств, и даже тех, чей допрос не мог вести ни к чему, кроме подрыва моего кредита?

Оказывается: а) что денежные затруднения, на которые упирает обвинительница, относились не к 1876 г., времени главного прилива и расхода пожертвований, а к 1877 г., когда пожертвований почти не было (платежи Мауреру, Фроловым, Васильевой, Катынской).

б) письма, представленные обвинительницею, вдобавок не заключающие ни одного слова о пожертвованиях, подтасованы в числах, со скрытием некоторых, с отрезанным углом от одного, с предупреждением (в предварительном доносе), что могут в опровержение ее быть представлены ее письма, но она заранее предсказывает, что они будут подложными и притом будут написаны таким-то лицом (Буровой). *

в) Кредиторы, указанные ею, говорят противное тому, чего она ожидает.

аа) Маурер говорит, что я с ним расчелся;

бб) Крылов говорит, что совершенно мне верит и по требованию своему получил часть капитала, которую желал;

вв) Каменский — что я был всегда честнейшим плательщиком и что ко времени допроса остается он мне должным шесть тысяч, а не я ему;

гг) родная сестра обвинительницы, Васильева, показывает, что она по требованию получила от меня свои деньги, а часть их сама отсрочила;

дд) Буфеев свидетельствует о моей исправности и о доверии ко мне Коломенского банка;

ее) Фролов и Катынская точно так же, что я расплатился с ними, хотя и не соблюл аккуратно сроков;

жж) Маршак показывает, что деньги занимал у него не я, а сама Скворонская, которой он не верил без моей поруки, и что я же этот долг обвинительницы уплатил.

зз) Шумов показал, что в 1878 году подал ко взысканию закладную, состоявшую на фабрике, дабы получить капитал, которого я, по требованию его, внести оказался не в состоянии. Показание, по-видимому неблагоприятное для меня, но во всяком случае доказывающее, что если не капитал, то проценты во все года, пока фабрика была в залоге, платились исправно. О том же, если не прямо свидетельствуют, то дают разуметь кредиторы, даже те, перед которыми я оказывался неисправным в сроках относительно взноса капитальной суммы.

Словом, оказывается, что я, с кассою, истощенною до полутора рублей и 80 копеек, нашел возможным, в течение с небольшим полугодия, уплатить более 29 500 рублей по своим обязательствам (Мауреру 5, Катынской 3, Васильевой 4, Фроловым 12, Коломенскому банку 2, Крылову $3^1/_2$ тысячи).

---

* Все эти признаки явной злостности в подборе писем и г. следователем, и г. прокурором оставлены без всякого внимания, что и побудило меня просить о прошнуровании писем.

г) Оказывается еще, что вопреки показаниям доносщицы, дела мои по редакции не упали со времени фабрики, а число подписчиков с того времени, как городских, так и иногородных, постоянно умножалось (показания Каца и Лебедева 8 и 15 июня 1878 г., и удостоверение Газетной экспедиции); что жалованья по типографии я не задерживал (показание Лебедева), а на фабрике платил рабочим даже во время приостановки фабрики, за что они называют меня кормильцем и прибегли с готовых мест ко мне снова, когда после роспуска их, я возобновил работы на фабрике (проток<ол> 94, показание Маркова).

д) Оказывается сверх того, по конторским записям, что в период, обнимаемый следствием, в мое распоряжение, за вычетом произведенных расходов, поступило более 80 000 р. *

Такова была моя безысходная нужда и таково отсутствие средств, не позволявшее мне, по обвинению доносщицы, исполнить поручение, возложенное на меня жертвователями.

Г. следователь в объяснении, поданном окружному суду в опровержение моей жалобы, миновав все свидетельства, доказывавшие мою состоятельность устами свидетелей, выставленных самою обвинительницею, остановился на одном показании Катынской, живущей в Александровском уезде, что по слуху, до нее дошедшему, я нуждался в деньгах и обстановка моя была бедна; другими словами, что я кредитовался и жил в 1876—1877 год<ах> в меблированных комнатах. Трудно объяснить, почему г. следователь сослался на это единственное, да к тому же ничего не доказывающее свидетельство, минуя все данные, прямо доказывающие противное, данные, причем взятые не со слуха.

Умалчивая о других обстоятельствах подобного же отношения следственной власти к настоящему делу, о чем по временам я и заявлял, считаю себя уполномоченным сказать в заключение:

1) что ни доказательств, ни улик в растрате мною пожертвованных денег не открыто;

2) что материальные расходы мои на славянское дело, как я и показывал постоянно, далеко превышают ту сравнительно незначительную сумму, которая ко мне поступила от жертвователей;

3) что все настоящее дело есть плод личной мести, надеющейся достигнуть клеветою если не обвинения, то позора моего и избравшей судебную власть в орудие грязной цели.

Печатается по печатному экземпляру: РНБ. Ф. 847. № 273. VIII с. В конце текста: «Дозволено цензурою: Москва, 20 октября 1879 г. Тип. “Совр<еменных> изв<естий>”, Воздвиженка, Ваганьков<ский> пер., Александровское подворье».

Черновой автограф: Ф. 847. № 270. Л. 1—22. Озаглавлен архивистами: «Просьба о прекращении дела, возбужденного против Гилярова-Платонова по обвинению его в ра-

* А именно (проток<ол> 91) в рассматриваемый период, конторою, за вычетом произведенных ею расходов, передано мне 131 661 руб. 75 коп. Исключая из них возвращенные от меня в контору 59 980 руб. 80 к., получается остаток 80 580 руб. 85 коп.

страте денег, собранных Славянским благотворительным комитетом в помощь воюющим славянам. Отрывки. <После 1877>» (извлечения публикуются в Приложении к наст. публикации). Содержание рукописи значительно отличается от печатного текста, хотя описываются в основном те же факты; многие слова, выражения и целые фрагменты перечеркнуты.

Приложение

Н. П. Гиляров-Платонов
Объяснение (Из рукописного варианта)

В числе свидетелей прошу вызвать Василия Алексеевича Андреева (содержащего магазин на Тверской и жительствующего там же в своем доме). Он должен подтвердить следующий факт. К 1876 году в «Современных известиях» была публикация одного студента, желавшего ехать в Сербию и обращавшегося к публике за пособием. По поводу этой публикации г. Андреев обратился ко мне с письмом, в котором предлагал[a] от себя выдавать упомянутому студенту по триста рублей ежемесячно. Предложение это я отклонил, оставив оное без ответа.[b]

Показание г. Андреева нахожу нужным по следующему основанию. Г-жа Сковронская ссылалась между прочим на г. Ходнева, обращавшегося к ней за пособием для поездки в Сербию и не получившего. В деле находится и показание самого Ходнева, подтвердившего показание Сковронской. Факт, на который ссылается Сковронская, во всяком случае не может дать никаких оснований ни к каким выводам по настоящему делу, и мне оставалось бы[c] недоумевать,[d] ввиду каких возможных заключений найден нужным допрос Ходнева,[e] который не мог служить ровно ни к чему, кроме лишней огласки дела.[f] Но так этот допрос есть не единственный, из которого обнаруживается, что производимое обо мне[g] следствие одушевлено предвзятою верою во всякое произвольное объяснение, которое дает она фактам, то я вынуждаюсь[h] показанию г-жи Сковронской противопоставить упомянутое происшествие с г. Андреевым. Сношения с Ходневым касаются самой Сковронской, а никак не меня. Она ничем не доказала, чтоб я даже знал о переписке ее с ним, чего я действительно и не помню. Но если б я и[i] знал, и если б[j] отказал г. Ходневу именно я, а не она, ничем не доказано,

---

[a] *Далее зачеркнуто*: через меня.

[b] *Далее зачеркнуто начинавшее новый абзац слово*: Вызов.

[c] *Далее зачеркнуто*: только.

[d] *Далее зачеркнуто*: какие заключения.

[e] *Далее зачеркнуто*: представлявший.

[f] *Далее зачеркнуто*: Могу предположить основанием этому допросу только предвзятое решение верить всякому голословному уверению доносчицы и всякому ее толкованию, хотя бы оно вполне было голословно.

[g] *Далее зачеркнуто*: следует.

[h] *Далее зачеркнуто*: вымыслу.

[i] *Далее зачеркнуто*: действительно.

[j] *Далее зачеркнуто*: действительно.

чтоб я обязан был помочь г. Ходневу в поездке в Сербию, всякому иль вообще всякому, кто ко мне за этим обращался. Я и помогал действительно только по выбору, на который имел полное право, и отказывал в помощи по усмотрению, на которое тоже имел полное право,[a] а не потому, чтобы присвоивал себе[b] фонд, из которого могли[c] выдаваться мною пособие. Студент,[d] публиковавший о себе в «Современных известиях», не заслуживал доверия по собранным мною справкам, и на этом основании я отклонил[e] пособие. По логике Сковронской и той логике, которою руководствуется следствие, принимающее клеветы за основание, выходило бы, что и г. Андреева я удержал из желания присвоить себе его пожертвование, столь щедро им предложенное.

Представляя при сем свидетельство врача Постникова о[f] причине, не дозволяющей мне явиться по вызову на сие число, прошу г. следователя составить, с выдачею мне копии, протокол, в коем объяснить: в силу каких соображений он, в упомянутом вызове, отменил формулы, более соответствующие[g] делу, которые в подобных вызовах прежде употреблял, обращается ко мне так: «в качестве обвиняемого по делу о *растраченных вами суммах*, собранных на славян», утверждая сими слова<ми>, и приписывает мне факт растраты,[h] когда меня в оном еще только обвиняют.

Печатается впервые по черновому автографу: Ф. 847. № 270. Л. 17—18 об., 20—21.

IX. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК ПЧЕЛОВОД*

1. *Н. П. Гиляров-Платонов*
Письмо к А. М. Бутлерову от 16 мая 1880 г.

Душевно благодарю Вас, многоуважаемый Александр Михайлович, за присылку 4-го издания Вашей «Пчелы».[1] Со своей стороны, я, в качестве издателя довольно популярной газеты, готов и желал бы содействовать чем могу Вашей

---

[a] *Далее зачеркнуто*: а не по жадности или по неимению денег.

[b] *Далее зачеркнуто*: чужие сум<мы>.

[c] *Далее зачеркнуто*: быть выданы.

[d] *Далее зачеркнуто*: поме<стивший>.

[e] *Далее зачеркнуто*: поручение.

[f] *Далее зачеркнуто*: осно<вании>.

[g] *Далее зачеркнуто*: положению.

[h] *Далее зачеркнуто*: бытие которого еще есть вопрос.

* Фрагменты предварительно опубликованы нами: Популяризаторы русского пчеловодства: К 125-летию со дня кончины А. М. Бутлерова: <Н. П. Гиляров-Платонов> 1) Передовая статья о «пчеловодстве как источнике народного дохода»; 2) Письмо к А. М. Бутлерову от 16 мая 1880 г. / Вступит. зам. и публ. А. П. Дмитриева // Пчеловодство. 2011. № 7. С. 58—60.

пчеловодственной идее. Вашу заметку из «Нового времени» [2] я поспешил перепечатать, как Вам, вероятно, известно, сопроводив ее своим комментарием. [3]

«Пчела», при несомненных ее достоинствах, страдает недостатком, — последствием ее первоначальной редакции. В первом издании Вы имели в виду популярность, но избрали средство не подходящее: излишнее разжевыванье, проповеднический тон и «маленько-мужицкий» слог. Все это была ошибка; она исправляется Вами, но след ее остается. Популярное издание требует не более как *точности* и возможной *краткости* изложения. Всякая применительность к крестьянскому слововыражению положительно вредна; простолюдин не уважает ее, да и хуже понимает. Разжевывать тоже не следует: оно запутывает мысль. Вся применительность выражения должна заключаться в старании избегать *периодической* речи. Простой человек легче всего понимает и усвояет речь отрывистую, ляпидарную. Разъяснения при этом, где неизбежны, должны быть отделены от главных положений.

Впрочем, душевно уважаемый Александр Михайлович, Вы, вероятно, теперь сами убеждены, что читатели Вашей книги не простолюдины. Мужик не станет учиться пчеловодству из книг; ему нужна не книга, а пример. Книга полезна для тех, кто может служить простолюдину примером. Очевидно, это Вы сознали, но следы первой редакции остались. Простите за мои замечания. Вы понимаете, что они продиктованы истинным к Вам уважением и желанием Вашей книге еще большего успеха. В следующем издании я бы выкинул из текста все полемические места, вынесши их частию под строку, частию в предисловие. Тогда будет книга тем, чем она должна быть, — настольным руководством к рациональному пчеловодству.

Первоначальная цель книги привела Вас к изложению ее в форме вопросов и ответов. Вы ее сохранили; это ничего, но форма эта уже недостаточна, потому что книжка разрослась. Не полезно ли было бы присоединить впоследствии алфавитный указатель? Между прочим, я мечтаю об издании пчеловодственного Указателя или Словарика, который считаю положительно необходимым, особенно для начинающих подобно мне. Наталкиваешься на вопросы и затрудняешься, где отыскивать на них ответы: извольте перебирать всю литературу! Словарик должен быть по возможности краток и точен, без поэтических разглагольствий. Как Вы об этом думаете?

В своем письме ко мне от прошлого года Вы поручали мне доставить сведения о моем пчеловодстве. Какое оно! Оно будет разве только нынешним, а не то следующим годом. Я приобрел с Измайловской (образцовой) пасеки [4] прошлым годом, в половине июня, всего *два* улья. Лето было отвратительное. В Петровской академии считают, всего настоящего взятка было только шесть дней. Ульи поставлены были на моей даче, четыре версты от Москвы, по дороге к Петровской академии, шесть десятин земли. [5] За исключением десятин двух или даже полутора, вся земля занята ягодным огородом клубники (преимущественно), смородины, крыжовника, малины, барбарисом и вишневым садом. Кругом моей дачи тоже сады и лес, преимущественно сосновый и дубовый. A priori [6] ме-

стность очень удобная; но пчеловод из образцовой пасеки, ставивший ульи, пришел даже в изумление, сравнивши состояние моих ульев через полтора месяца с тем, чем они были, и с своими Измайловскими. Надо заметить, что рои поставлены были очень слабенькие, фунта по три, и без меда. Несмотря на их возрастание, давшее мне возможность увеличить число рамок почти вдвое, осенью я счел нужным сильно кормить сахаром, который брали пчелы жадно. На зиму поставил их в одну из дач. Не топил. Перезимовали отлично. 10 апреля выставил, и здесь случился казус, достойный быть занесенным в летописи. На дворе, кроме лозины и орешника, не трогалось еще ничто. Правда, корм у пчел оставался; но, имея в виду главным образом умножение пчел, я предложил им сахара. Не взяли. Полагая, что причиною холод, препятствовавший пчелам спускаться вниз, на дно, где поставлен сахар, я повторил опыт в теплую погоду. Результат был тот же; и наконец, в третий раз, чрез неделю, все то же: до сахара пчелы не дотронулись. Работа между тем шла деятельная; цветень таскали усердно; по подбавлении лишней рамки, в одну ночь ее заложили восчиной.[7] Силой ульи не одинаковы. Один, кажется, потерял матку, при самой постановке; по крайней мере тогда ее не нашли. Это, вероятно, и было причиною, что он не может догнать своего сверстника до сих пор.

Выписал чрез И<мператорское> В<ольное> Э<кономическое> Общество кавказских пчел[8] и жду их с нетерпением. Но сколько понимаю, в чистоте их удержать будет невозможно. Как избежать помеси? Книжки об этом не говорят.

Вопрос, с которым я к Вам обращался прошлым годом, объяснен в Берлепше,[9] но неудовлетворительно. Почему принята такая, а не иная ширина рамок? Берлепш поясняет, что нормальная ширина найдена квадратурою дупла; по крайней мере я так понял. Но ведь дупло может иметь диаметр разной величины: что же это за мера и что за основание? Я понимаю, где он говорит об опытах плодоносности более или менее широких рамок, но рационального основания все-таки не вижу. У Дзержона[10] рамки шире. К Берлепшу Вы имеете пристрастие; может быть, он его заслуживает; не спорю, потому что еще профан. Но против Долиновского у Вас предубеждение, хотя соглашаетесь сами, что в России большею частию придерживаются Долиновского.[11] Если придерживаются, то есть какое-нибудь основание к предпочтению, не рутина; ведь Долиновского ульи не пень и не колода. Поэтому мне кажется, Вам и в «Пчеле» своей не следовало бы игнорировать Долиновского. Это уж пристрастие, воля Ваша; да кроме того, и лишает многих отчасти пользоваться Вашей книгой. Начинающий, например, подобно мне, случайностью осужденный иметь ульи Долиновского (измененные Борисовским)[12] отправляется в «Пчелу» поруководствоваться насчет обхождения с ульями, и находит везде $5^{1}/_{2}$ вершков ширину сота, и выдвижные линейки или рамки, и ни слова о подъемных. Это — пробел, который необходимо заполнить. Глава об ульях вообще у Вас бедна, и, что меня удивляет, Вы и в переводе Берлепша опускаете описание ульев, находя, что об этом предмете литература достаточна. Но для меня она не только недостаточна, а положительно не существует. Но мое еще и положение и образование не таковы, что тысячи начи-

нающих. (Между прочим, вот необходимость Словарика или Энциклопедии пчеловодства.) Каково же положение остальных! Берлепш подкупает Вас собственно как профессора; очень понимаю. Но для огромного большинства он блюдо не по желудку; оно еще нуждается в более элементарных познаниях. Судите сами: я, например, не могу найти ответа на такой, по-видимому элементарный вопрос: какой лучше занос, холодный или теплый, [13] то есть где предпочтительнее леток, [14] сбоку или впрямь, и почему?

Но я Вас утомил своим длинным письмом. Примите уверение снова в моем душевном уважении к Вам.

Ваш усерднейший слуга
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые полностью по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 22. Оп. 2. № 63. Л. 1—4 об.

В трагическом для Гилярова 1884 г. он лишился почти всей своей недвижимости. И. Ф. Романову-Рцы он писал 13 ноября 1886 г.: «Да, у меня было состояние свыше двухсот тысяч, и все пошло прахом; имущество распродано с аукциона по 5 к<опеек> за рубль» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 280). Особенно болезненной оказалась потеря дачи в Петровском-Разумовском. А. М. Гальперсон рассказывала в некрологе: «Фабрика была продана; он не опечалился. Продана и типография; его это мало тронуло. Но когда с публичного торга за бесценок в чужие руки перешла его дача, в которой каждое бревно было положено по его указанию, в которой каждое деревцо посажено было собственными руками, в которой целые рощи выросли под его нежным попечением, в которой под собственным наблюдением его устроена была образцовая пасека, которая давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже *гиляровскими,* потому что подобных им не было, которая, наконец, в течение двадцати с лишком лет служила ему единственной утехой, — тут только возроптал бедный "каторжник, прикованный к тачке", но ненадолго» (<*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ.* 1887. 21 окт. № 288. С. 1).

Заботы об «образцовой пасеке» ведут начало с конца 1870-х гг. Тогда у Гилярова завязалась переписка с ведущим русским пчеловодом своего времени, одновременно выдающимся химиком и лепидоптеристом (специалистом по бабочкам) Александром Михайловичем Бутлеровым (1828—1886). Знакомство Гилярова с ним, по всей видимости, относится к началу 1854 г., когда Бутлеров приехал в Москву защищать в здешнем университете докторскую диссертацию «Об эфирных маслах». Он с 1851 г. был женат на Н. М. Глумилиной, племяннице С. Т. Аксакова, с семейством которого Гиляров как раз сблизился в этот период (см. об этом: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210). 2 марта 1854 г. Вера Аксакова писала из Абрамцева кузине Марии Карташевской в Петербург о том, что Бутлеров заехал на один только день (28 февраля), но «успел, однако ж, у нас наделать много дела, пересмотрел с сожалением цветы, пересадил некоторые, посадил по моей просьбе [все] тобою присланные корни и луковицы, из которых, впрочем, оказалось многое погибшим. Что делать, плохие мы садоводы, и мне жаль, что ты, мой милый друг, для меня отделила от своих прекрасных луковиц» (ИРЛИ. Сигн. 10621. Л. 28). Впрочем, не исключено, что Гиляров, часто посещавший тогда Абрамцево, все же не смог встретиться с Бутлеровым и их знакомство оставалось заочным.

Увлечение Гилярова пчеловодством, во-первых, отвечало глубоким внутренним потребностям его страстной, азартной натуры — он, несмотря на занятость, легко вошел в круг знатоков этого дела, усердно, с немалым энтузиазмом разбирался в богатой литературе вопроса. Во-вторых, это занятие дополнительно привязывало его к дачной жизни, к пребыванию на лоне природы, куда его с годами тянуло все сильнее. И, наконец, удовлетворяло его стремлению к экономическому эксперименту, имеющему народнохозяйственное значение: ему были близки идеи Бутлерова о «пчеловодстве как источнике народного дохода» и, вместе с тем, как исконно русском промысле, достижениями которого Россия славилась в старину и который из-за небрежения пришел в совершенный упадок.

Впрочем, следует учитывать и свидетельство старшего сына Гилярова, Николая Никитича, писавшего спустя несколько лет после смерти отца, будто его увлечение пчеловодством было мимолетным, несмотря на всю душевную страсть, что он вкладывал в это свое занятие: «В 1881 году летом Н<икита> П<етрович> погрузился в пчел, завел ульи, пчелы дали более 2 пуд<ов> меду, но мед куда-то исчез, а пчелы зимой перемерзли» (наст. изд., с. 513).

В публикуемом письме Гилярова обращает на себя внимание характеристика стиля и языка книги, востребованной в народной среде. Он излагает те принципы, что были выстраданы им в течение 13-летней издательско-редакторской деятельности: «Популярное издание требует не более как *точности* и возможной *краткости* изложения. Всякая применительность к крестьянскому слововыражению положительно вредна; простолюдин не уважает ее, да и хуже понимает. Разжевывать тоже не следует: оно запутывает мысль. Вся применительность выражения должна заключаться в старании избегать *периодической* речи. Простой человек легче всего понимает и усвояет речь отрывистую, ляпидарную» (наст. изд., с. 429).

[1] *Бутлеров А. М.* Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства: Крат. руководство для пчеляков. С рис. в тексте 4-е изд., вновь пересмотр., испр. и пополн. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1880. <2>, VI, 138, 10 с. 1-е изд. вышло там же в 1871 г.; последнее, 11-е, — в Уфе в 1912 г.

[2] *Бутлеров А.* Пчеловодство как источник народного дохода: Письмо в редакцию // *НВр*. 1880. 2 февр. № 1412. С. 1.

[3] См.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 4 февраля // *СИ*. 1880. 5 февр. № 35. С. 2. Это, однако, не перепечатка заметки Бутлерова, а ее комментированный пересказ. Воспроизводим его ниже.

[4] Измайлово — бывшее село, известное с 1389 г., стало дворцовым в 1654 г. (в 1935 г. территория была включена в состав Москвы). «На месте зверинца, где был некогда охотничий домик царя Алексея Михайловича, его ферма и тутовая плантация, построено главное здание *опытной пасеки* Императорского Русского общества акклиматизации. Пасека основана в 1865 году и отличается образцовым устройством» (*Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы: Ист. обзор и полный указ. ее достопамятностей. 2-е изд., стереотип. М.: Цитадель, 1999. С. 543).

[5] Дачный участок Гиляров приобрел к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (РНБ. Ф. 847. № 519. Л. 1) 1 января 1868 г. — в «оброчное содержание» сроком на 24 года — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажен» с ежегодной оплатой в 4 рубля 24 копейки (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 66. <№ 13>. Л. 1—2). Позже здесь был возведен дом.

[6] Буквально: от предшествующего (*лат.*); знание, полученное до опыта и независимо от него.

[7] *Восчина* (*вощина*) — восковой остов пчелиного сота.

[8] В конце 1879 г. о достоинствах кавказских пчел в «*Трудах ИВЭО*» было помещено сразу несколько материалов: 1) *П. Т. <Табусин П. Ф.>*. Пчела и пчеловодство Черноморского побережья Кавказа // Т. III. Вып. 1 (Сент.). С. 58—64; 2) *Алексеев П.* Еще о кавказской пчеле // Т. III. Вып. 3 (Нояб.). С. 337—338; *Бутлеров А. М.* Пчеловодная поездка на Кавказ и за границу // Т. III. Вып. 4 (Дек.). С. 460—471.

[9] *Берлепш А. фон.* Пчела и ее воспитание в ульях с подвижными сотами в странах без позднего осеннего взятка: <В 2 вып.> / Со 2-го перераб. нем. изд. перевел, с некоторыми сокр., Владимир Аленицин; Под ред. <и с предисл.> А. М. Бутлерова. СПб.: Тип. Вольн. экон. о-ва, 1876—1877. Барон Август Фрайхерр фон Берлепш (Berlepsch; 1818—1877) — знаменитый немецкий пчеловод.

[10] *Дзержон И.* Пчеловодство: По методе Дзержона / Пер. с нем. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1864. Иоганн (Ян) Дзержон (Dzierżon; 1811—1906) — выдающийся польский пчеловод, открывший партеногенез у пчел и изобретший рамочный (разборный) улей; католический священник. Любопытно, что в сентябре 1879 г. в Праге Бутлеров встречался с ним, о чем сообщал в своем отчете: «Между прочим, я узнал знаменитого Дзержона, которому в первом же заседании съезда и вручил, к большому удовольствию всех присутствующих, исходатайствованный И. В. Э. Обществом орден св. Анны» (*Бутлеров А. М.* Пчеловодная поездка на Кавказ и за границу. С. 466).

[11] Ср.: «У нас в России в особенной чести стоят ульи Долиновского, сводчаки же гораздо менее распространены. По моему мнению, однако, ульи Долиновского уступают сводчатым ульям. <...> ...не я один держусь не вполне благоприятного мнения об ульях Долиновского...» (О сводчаках и ульях Долиновского: Сообщение, сделанное А. М. Бутлеровым в заседании I-го Отделения И. В. Э. Общества при представлении пресованного соломенного сводчака // *Труды ИВЭО*. 1879. Т. I. Вып. 1 (Янв.). С. 49, 50). Ян (Иоанн) Долиновский (1814—1875) — польский ксендз, известный пчеловод, изобретатель рамочного улья-лежака со смыкающимися рамками, автор книги «Начала пчеловодства, примененные к устройству рамочного улья, увенчанного на Ловической выставке большою серебряною медалью» (1860; рус. пер. Адама Мечинского: СПб., 1861).

[12] См.: «Улей Долиновского хорош там, где сделан весьма аккуратно и где есть хорошее зимнее помещение для пчел, как, напр<имер>, у П. М. Борисовского, омшаник его снабжен водяным отоплением» (Там же. С. 49). См. также полемику по этому вопросу в «*Трудах ИВЭО*» за 1879 г.: *Борисовский П. М.* Новый рамочный стояк и уход в нем за пчелами // Т. II. Вып. 2 (Июнь). С. 168—177; *Пасечник-рамочник.* О новом улье-стояке г. Борисовского // Т. I. Вып. 2 (Февр.). С. 208—210; *П. Т. <Табусин П. Ф.>* 1) Новый улей, рациональный и русский // Т. I. Вып. 3 (Март). С. 311—320; 2) Ответ на вопрос г-на Бутлерова // Т. II. Вып. 1 (Май). С. 88—90; *Ф. М.* Нечто об ульях-стояках // Т. II. Вып. 4 (Авг.). С. 499—501. Петр Мартинианович Борисовский (?—1882) — заведующий Измайловской пасекой, изобретатель. См. его брошюру: Описание улья, выставленного на Парижскую всемирную выставку Петром Борисовским из Москвы. <М.>, 1878. Обл. и текст на фр., нем. и рус. яз.

[13] *Занос* — расположение сотов в улье. *Холодный* занос — при расположении сотов ребром к передней стенке улья, к летку (см. примеч. 14); *теплый* — ребром к боковой стенке улья: он лучше сохраняет тепло, хотя и затрудняет проветривание улья.

[14] *Леток* — отверстие в улье для влета и вылета пчел.

2. *Н. П. Гиляров-Платонов.* Передовая статья о «пчеловодстве как источнике народного дохода» от 5 февраля 1880 г.

Академик Бутлеров в одном из последних №№ «Нового времени»[1] напомнил об одной упавшей отрасли хозяйства и советует «добросовестно взяться за ее оживление».[2] Он был нынешним годом на съезде австрийских и германских пчеловодов в Праге[3] и цифрами доказывает постоянные успехи пчеловодства у наших западных соседей. Цифрами же доказывает он, что развитие сахарной промышленности не мешает пчеловодству и не уменьшает потребности в меде, который Германия, несмотря на сравнительную дороговизну его перед сахаром и несмотря на постоянно усиливающееся развитие внутреннего пчеловодства, не перестает выписывать из Америки.[4] Эти факты лицам, подобно почтенному г. Бутлерову, принимающим к сердцу отечественное пчеловодство, точно так же известны; но не мешало напомнить об них большинству. Напоминание тем более кстати, что свечные торговцы, как мы сообщали, обратились к министру финансов с просьбою о наложении пошлины на церазин, то есть на растительно-ископаемый воск.[5] Оказывается, что тогда как Германия и Австрия усиливают свое пчеловодство, Россия, снабжавшая в былые времена весь свет своим медом и воском, у которой воск, наравне с мехами, был в старину не только важнейшею, но единственною отпускною статьей, фундаментом ее богатства, — Россия для выделки себе восковых свечей покупает у Австрии церазин. Это не только экономический упадок, но позор, — позор тем больший, что соседняя Германия, имеющая нужду в закупке меда, приобретает его даже не из России, с которою она рядом, а из Америки, где пчеловодство идет и еще шибче, нежели на западе Европы; где пчеловоды, как сообщает тот же г. Бутлеров, считают доходы от пчельников десятками тысяч долларов и отправляют с произведениями своих пчельников целые поезды.[6]

Г. Бутлеров высчитывает, что если бы половина Европейской России обзавелась половинною пропорцией ульев, сравнительно с существующею в Германии, то есть имела бы около двух ульев на каждую квадратную версту, и тогда получилось бы дохода три миллиона рублей.[7] Мы находим этот расчет даже слишком умеренным. Примем во внимание, что западные государства далеко не представляют того приволья, какое еще сохранила Россия, менее лесов и лугов и сравнительно более земель под злаками и под строениями; следовательно, выработка меда на том же пространстве тем же количеством ульев достигнется во всяком случае пропорционально выше, при равенстве только, разумеется, искусства и старания в уходе за пчелами. Безошибочно можно утверждать, что небрежением об этой отрасли хозяйства Россия отнимает у себя десятки миллионов, которые вдобавок приходили бы, не требуя ни особого труда, ни лишнего времени. Хлебопашец не отнял бы ни единого часа у земледелия от всего своего досуга, если бы поставил пару, другую колодок у себя пчел. Каким бы драгоценным между тем подспорьем оказались ему эти колодки!

Г. Бутлеров не объясняет, в чем бы могла выразиться «добросовестная» заботливость об оживлении пчеловодства, и об этом нельзя не пожалеть, потому что слово его, как специалиста и любителя, имело бы особенный вес. У нас есть школа пчеловодства (Прокоповича),[8] долженствующая быть рассадником пчеловодов; у нас есть в Москве образцовая пасека; в Трудах Вольного Экономического Общества есть пчеловодственный отдел, редакцией которого заведует едва ли не тот же г. Бутлеров.[9] Это слишком немного в сравнении с какою-нибудь Чехиею даже, где при трех всего миллионах жителей существует множество пчеловодных школ, несколько Обществ и издаются три пчеловодные газеты.[10] — Но как толкнуть наше общество?

Распространение сведений о рациональном пчеловодстве должно приносить свою долю пользы, и в этом отношении мы обязаны благодарить опять того же г. Бутлерова, которого книжка о пчеловодстве, хотя и не лишенная некоторых недостатков, поистине есть клад для каждого начинающего пчеловода. Но нужно, чтобы пробудилась охота к приобретению самих сведений; иначе самые прекрасные руководства бесполезны. Нужно действовать на корысть, на жадность человеческую, раздразнить ее. К сожалению, с этой-то стороны менее всего действовалось на публику, если не считать покойного Прокоповича, воскресителя русского пчеловодства; но и тот писал только в специальных сельскохозяйственных изданиях. Как идет Про<ко>повическая школа? Какие доходы дает Образцовая Пасека? На последний вопрос придется отвечать, пожалуй, отрицательно; а такой ответ не слишком приманит к пчеловодству. Мы читали отчеты Петровской Земледельческой академии за последние годы; у нее есть тоже пчелы и на ней лежало бы преподать образец всей России. Что же мы вычитали? Если не изменяет нам память, в один год убыток, в другой, кажется, *четыре* рубля дохода от пятидесяти ульев, если не более!![11] Само собою разумеется, в этом уже никак не пчелы виноваты.

Должны быть образованы не одна, а множество образцовых пасек. Должно им быть поставлено в обязанность не только содержать себя своим доходом, но и представлять ежегодно избыток. Балансы пасек должны быть ежегодно обнародуемы, с указанием % чистого дохода. Вот одна из тех мер, которая способна оживить отечественное пчеловодство.

Мы говорим: «поставлено в обязанность», «представлять ежегодно избыток». Нам возразят: год на год не приходит, и не одни барыши, — пчелы могут быть приносить и убыток. Не должны и не могут, решительно отвечаем мы, и ссылаемся на Прокоповича и на Дзержона. Год на год может не приходить; но убыток может произойти только от трех причин: 1) неумелости, 2) небрежности и 3) недобросовестности. Вероятно, г. Бутлеров подтвердит то же самое.

Печатается по единственной публикации: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 4 февраля // *СИ*. 1880. 5 февр. № 35. С. 2. Автограф неизвестен.

[1] См.: *Бутлеров А.* Пчеловодство как источник народного дохода. Вых. дан. см. выше в примеч. 2 на с. 432.

[2] Процитировано выражение из последнего абзаца «письма» Бутлерова. Полностью: «Не следует ли всем власть имеющим посерьезнее смотреть на эту “мелкую” (?) отрасль сельского хозяйства и, переставши относиться к ней свысока, добросовестно взяться за ее оживление, т. е. сделать то же самое, о необходимости чего давно уже догадались немцы и чехи?»

[3] Этот ежегодный «передвижной» форум, как заранее сообщал Бутлеров своим читателям в неподписанной заметке «Съезд пчеловодов и всемирная пчеловодная выставка», был запланирован на начало сентября 1879 г. (см.: *Труды ИВЭО*. 1979. Т. I. Вып. 4 (Апр.). С. 463—464). О впечатлениях Бутлерова от пребывания в Праге см.: Там же. 1879. Т. III. Вып. 4 (Дек.). С. 466—470.

[4] См. у Бутлерова в заметке 1880 г.: «Совершенно напрасно думают иногда, что сахароварение убивает производство меда: в Германии мед постоянно дороже сахара, а требование таково, что своего меда недостает, значительную часть его ввозят оттуда из Америки; между тем пчеловодство в Германии развито далеко более нашего».

[5] Гиляров имеет в виду небольшую заметку «Ходатайство торговцев воском», опубликованную под рубрикой «Заметки и известия» со ссылкой на московскую газету «Восток». Приведем ее текст: «“Восток” передает, что московские торговцы воском обратились к министру финансов с просьбою об увеличении пошлин на церазин, с целью не допускать его смешивать с воском при выделке свеч и недозволении московскому епархиальному свечному заводу пользоваться монополиею. Министр финансов обещался удовлетворить просьбу торговцев» (*СИ*. 1880. 26 янв. № 25. С. 2).

[6] Ср. у Бутлерова: «Трудно получать доход от пчеловодства тысячами рублей (хотя в Америке, например, есть ныне пчеловоды, считающие его десятками тысяч долларов и отправляющие на продажу воск и мед по железной дороге целыми поездами)...»

[7] См.: «Возьмем теперь одну Европейскую Россию и предположим — а это едва ли может считаться преувеличением — что на половине ее пространства пчеловодство могло бы достигнуть половины того развития, какое оно, по отношению к пространству, имеет в Германии (4,3 улья на кв. километр). Предположим далее, что на этом половинном пространстве Европейской России существует ныне такое же пчеловодство, как в Калужской губ. (1,5 улья на кв. километр). Развитие этой отрасли, по нашему предположению, могло бы, значит, дойти до 2,25 улья на кв. километр, т. е. количество ульев возросло бы на 0,75 улья на каждый кв. километр, а на половину всего пространства Европейской России с Польшей (5 036 510 кв. километров) это возрастание составило бы цифру приблизительно в 1 875 000 ульев. Такое количество ульев <...> представляет ежегодный доход почти в 3 миллиона рублей...»

[8] Ср., однако, утверждение Бутлерова в его некрологе «наследнику знаменитого русского пчеловода П. И. Прокоповича и преемнику его по школе пчеловодства» С. П. Великдану: «Вместе с этой кончиной прекращается существование и самой школы пчеловодства Прокоповича, которая, правда, пережила свою славу, но которой заслуги пред русским пчеловодством за прежнее время не подлежат сомнению» (*Ред.* <*Бутлеров А. М.*>. Печальные известия // *Труды ИВЭО*. 1879. Т. III. Вып. 3 (Нояб.). С. 320). Петр Иванович Прокопович (1775—1850) — выдающийся российский пчеловод, создатель разборного рамочного улья (1814).

[9] Гиляров прав в своем предположении: хотя в выходивших ежемесячными выпусками «*Трудах ИВЭО*» и не указывались редакторы отделов, но именно Бутлеров в 1871 г. предложил Обществу открыть в журнале отдел «Пчеловодство» и редактировал его до самой кончины, а в последний год своей жизни (1886) основал самостоятельный ежеме-

сячный орган — «Русский пчеловодный листок». См. подробнее материалы октябрьского номера этого издания за 1886 г., целиком посвященного памяти почившего редактора.

[10] Ср. у Бутлерова: «В Богемии, например (а велика ли она сравнительно с Россией), существуют 3 специальные пчеловодные газеты, много пчеловодных школ и пчеловодных обществ, в которых, взятых вместе, считается более 1000 членов». В «*Трудах ИВЭО*» **(**1879. Т. III. Вып. 4 (Дек.). С. 470**)** Бутлеров несколько конкретизировал эти сведения: «В самой Праге существуют теперь три специальные пчеловодные общества, а во всей Чехии находится 18 обществ, занимающихся пчеловодством».

[11] В «Отчете фермы Петровской земледельческой и лесной академии за 1877 год» доход от продажи меда составил 24 руб. 94 коп., при этом «расходов по пасеке, с разрешения Министерства» оказалось на 126 руб. 59 коп. (см.: Известия Петровской земледельческой и лесной академии. 1878. Вып. III. Отд. офиц. С. 83, 87); в «Отчете фермы Петровской земледельческой и лесной академии за 1878 год» доход дошел до 30 руб. (конкретизировалось: «за 12 роёв» и «12 фунтов меду»), о расходах же по пасеке здесь не упоминалось (см.: Там же. 1879. Вып. III. Отд. офиц. С. 87—92).

X. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК ЛИНГВИСТ В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С Я. К. ГРОТОМ ПО ПРОБЛЕМАМ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ (1869—1886)

Знакомство академика Якова Карловича Грота (1812—1893) с Гиляровым относится, по-видимому, ко времени издания журнала «Русская беседа» (1856—1860), авторами которого они оба были, а Гиляров еще его и цензуровал.[1] Однако более тесный контакт и переписка относятся к тому периоду, когда последний стал редактором-издателем первой в Москве ежедневной газеты «Современные известия» (1867—1887) — в ноябре 1869 г. Грот как председатель Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым попросил Гилярова опубликовать объявление о «публичной подписке на образование капитала для учреждения стипендии в память покойного Егора Петровича Ковалевского», первого председателя этого Общества. Тот не только выполнил просьбу, но и пожертвовал свои средства.

В 1884—1885 гг. переписка возобновилась уже на почве лингвистических интересов. Дело в том, что при всем разностороннем универсализме Гилярова (а он снискал известность как историк философии, богослов, экономист, литературный критик, мемуарист) его занятия языковедением, которым он в течение тридцати лет отдавал все свои досуги, были, пожалуй, наиболее сильной его душевной потребностью. Причем он признавался, что это его увлечение лишь средство к познанию отечественной ментальности, ибо его «только в той мере и занимают разыскания в области языка, пока они знакомят с душой народа, со

[1] См.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 158—183. (Славянофил. архив; Кн. I).

складом его ума и его умственною историей».[2] Нельзя не согласиться с суждением Б. Ф. Егорова, что он, «предвещая будущую концепцию Сепира—Уорфа, рассматривал грамматический строй языка в связи с национальным менталитетом (если употребить современный нам термин)» (наст. изд., с. 39).

Полагая, что «русский язык еще не потерял творчества, и творчества непосредственного...»,[3] мыслитель видел в нем особую духовную реальность, наделенную исторической памятью, глубоким нравственным содержанием («совестью») и созидательным бытием («творящей этимологией»). Об этом он подробно высказывался в своих «Экскурсиях в русскую грамматику» (1883) и фундаментальном исследовании о русском глаголе (1858—1887), так и оставшемся неопубликованным.

К сожалению, местонахождение рукописи этого последнего труда нам неизвестно (в архивном фонде Гилярова в ИРЛИ РАН сохранились лишь некоторые черновые наброски: ИРЛИ. Ф. 71. Д. 27, 60), но судить о нем можно из публикуемой переписки с Гротом, а также из письма Гилярова к Ф. Е. Коршу (впоследствии академику) — первому филологу, к которому он обратился, подытоживая сделанное, — 25 декабря 1883 г., за полтора года до начала «лингвистической» переписки с Гротом.

Гиляров сообщал Коршу:

> Труд мой, к которому я прибегаю во время отдыха, по виду неважный. Я занимаюсь русским глаголом, взяв притом русский язык в его живом употреблении, с намерением забыв, выкинув из головы, отправив все готовые объяснения грамматик и лексиконов, все готовые объяснения, сравнительные и исторические. Словом, <хочу> выяснить законы русского глагола из него самого, а затем уже обратиться к внешним данным. Глагол в русском языке есть почти всё, и притом он с виду прихотлив. Понятно, что разработка его потребовала громадного труда: довольно сказать, что я проспрягал все глаголы во всех формах и со всеми сочетаниями приставок. Метод мой был чисто статистический; коробка наполнена этими спряжениями.[4]

Вместе с тем он пояснял, что его оригинальный подход, требовавший «ради чистоты эксперимента» отрешиться от традиционных грамматик (структура которых, по его убеждению, соответствовала больше немецкому языку, а для русского оказывалась прокрустовым ложем), все же не только был чужд дилетантства, но и являлся новым словом в лингвистике:

> Я отрешился от сравнительной и исторической грамматики, но все-таки я ни в той, ни в другой не невежда же, и некоторые выводы, к которым я пришел, поражают меня. <...> Годы уходят, времени мало. Тем не менее или, пожалуй, именно потому хотелось бы переброситься словом с человеком, подобным Вам, с ученым,

[2] *Н. Г—в <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Экскурсии в русскую грамматику. <М., 1883>. С. 21.

[3] Там же. С. 22.

[4] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова // *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М.: Наука, 1989. С. 36.

способным понять и оценить мою задачу. В частности, Вы, может быть, дали бы мне даже совет, как повести мне дело, не остановиться ли, не довольствоваться ли тем, что сделано, и, не гонясь за окончательной систематизацией, поделиться с публикой теми выводами по крайней мере, которые уже добыты.[5]

Судя по всему, едва начавшийся диалог с Коршем не имел продолжения, и Гиляров возобновил прерванную 15 лет назад переписку с Гротом.

Тонкие наблюдения редактора «Современных известий» в области аспектологии, этимологии и акцентологии глагола, а также его дельные суждения по некоторым «спорным» вопросам правописания подвигли Грота на внесение поправок в его знаменитое руководство «Русское правописание» (СПб., 1885). Оборвалась эта эпистолярная беседа, очевидно, именно от того, что Гиляров предвидел еще в письме к Коршу — его заподозрили в недостаточной опоре на достижения сравнительного и исторического языкознания того времени, если не прямо в невежестве. Он объяснялся в письме к Гроту от 17 марта 1885 г., отмежевываясь прежде всего от того, будто бы он следует путем К. С. Аксакова и развивает его идеи:

Я вполне знаю, многоуважаемый Яков Карлович, что многое в моих объяснениях должно Вам казаться более остроумным, чем основательным. Это неизбежно; только в полной системе получают мои объяснения полный свой вид. Задумывая свой труд, я имел в виду противопоставить его обоим видам *сочиненных* грамматик: 1) тому, который от Смотрицкого через Ломоносова дошел до Буслаева, исходившему из общей, сравнительной и исторической (псевдоисторической) грамматики; и 2) тому направлению, которое сказалось в Аксакове и Некрасове, основавшись на *вдохновении* и *догадке*, как выразился я в своем введении. Вдохновение, догадку — в сторону. Должны быть собраны данные, и притом все, и расклассифицированы. Это я и сделал. Надеюсь, труд это небывалый. Выводы получились оригинальные, правда; но я в этом не виноват (наст. изд., с. 461).

За полтора года до своей кончины, в письме к племяннику Н. Д. Тихобразову от 23 февраля 1886 г., Гиляров вспомнит эту переписку с Гротом вот по какому поводу. Тихобразов призывал дядю издать труд о глаголе, обратившись за поддержкой к академикам Гроту и Буслаеву. Тот отвечал, что пока все еще не решил вопрос о жанровой структуре созданной им «громады»:

Ведь это будет не то грамматика глагола, не то словарь, не то исследование <...> я имел терпение записать не только все глаголы, но *все формы*, в каких каждый допускает употребление. А так как в русском языке (и это одна из его особенностей) нет резкой грани между глаголом и прочими частями речи, то пришлось перебрать все слова, соприкасающиеся с глаголами, не только существительные с наречиями, но союзы с предлогами и междометиями. (Сличи *ахать* = *ах* или *падать* = *под*.) Все это пришлось разобрать, расквалифицировать, и притом не только с точки зрения начертания, но выговора, в котором еще существеннейшее значе-

[5] Там же.

ние принадлежит *ударению*. Последнее — совсем нетронутая область, игнорированная исследователями, отнесшимися к русскому языку как иностранец, немец, например, к немецкому. Тогда как русский представляет явление единственное в своем роде: из всех цивилизованных он есть единственный не деланный, не искусственный, естественный.[6]

И далее:

Вы пишете о Гроте и Буслаеве. Они оба трудолюбцы, но оба бездарны, вот их несчастие. Забавно признание Буслаева в предисловии к одной из грамматик, что де до меня грамматики писались на ложном основании, сперва по приему *Готшеда*, а потом *Аделунга*. Он не досказал: а я де буду следовать *Гримму*. Увы, благодаря этому ложному приему, вот уже полстолетия русский язык пребывает в хаотическом состоянии и законы его не выяснены. Ложность приема не в том заключается, что Аделунг устарел, а в том, что и Аделунг, и Гримм имели в виду материал, качественно совсем другой. Между прочим лингвистика для Европы есть своего рода археологическая наука, ибо язык уже перестал жить. Отсюда пошли разборы мифов, древних песен, быта (древнего); образовалась так называемая «историческая» грамматика на основании *записанных* остатков; к новейшему языку обращаются с приемом, с каким к ассирийским надписям или иероглифам. И понятно, делать-то нечего; немецкий язык есть язык Лютеровой Библии, французский — Французской Академии. Законодательство языка идет сверху, внизу он не живет и не творит. Этот-то прием приложен к русскому, и отсюда неразумное правило: «об авторитете писателей». Русскому языку учили (и учат) по писателям. Но писатели-то и требуют поверки. Где-то Буслаев (и даже не раз) сказал, приведя выписку из какого-то писателя: «но это противно *гению* языка». А ведь в этом-то весь вопрос: объясни этот *гений*. Объяснить его и следует не по писателям, а по живому употреблению; а для этого нужно взять *весь материал*, обращающийся в народе, и *все формы*, как они ни причудливы кажутся, перебрать и сличить, и уже вывести законы.[7]

Конечно, в таких умозаключениях, превозносящих родной язык на фоне всех других, легко усмотреть крайности славянофильского мировоззрения. Гиляров, однако, был уверен:

...со временем мои выводы все-таки лягут в основание науки. Ибо отпереться будет невозможно: выводы сопровождены исследованием, а исследование сопровождено таблицами, и притом не примерными, а, напротив, *полным списком* речений в разбираемой форме, какие только открываются в языке.[8]

При этом он снова сетует на своего бывшего корреспондента-академика:

Грот бездарен. По поводу своего «Правописания» он входил со мной в переписку, спрашивал отзывов и советов. Общий отзыв был тот <...> что *нерешительно*. Советы я давал; некоторые он принял, некоторые нет, — последние потому,

[6] РНБ. Ф. 847. № 485. Л. 1—2.
[7] Там же. Л. 2—3.
[8] Там же. С. 3.

что не понял. И не удивительно, потому что точка зрения другая, и на мою он не может подняться, да и мне объяснять ему было бы долго. Например, на вопрос, когда в так называемом многократном *о* на *а* не переменяется, я отвечал, что у меня есть на это полный ответ и что между прочим зависит это от *возраста* глагола. Я привел пример: Вы не можете сказать *приохачивался*, хотя совершенно естественно *расхачивал*. Понятие о *возрасте* и значении его выведено у меня из данных, которых я не мог же передать постороннему ученому, и Грот остался с недоумением.[9]

То, что никак не получалось найти общий язык именно с языковедами, особенно огорчало Гилярова. Он писал Тихобразову:

Но Вы вот что примите во внимание (почему я о Гроте и заговорил). Свои «Экскурсии» Гроту я послал; когда они вышли (еще третьим годом), как и другим ученым. Ну, что же? От некоторых я получил чрезвычайно лестные отзывы, но не от Грота и вообще не от специалистов русского языка и лингвистики. А Гроту между тем я писал еще, что «Экскурсии» есть труд *попутный*, только малое, в форме популярной, извлечение из большого исследования, сущность которого и даже объем я ему объяснил. И что ж. Ничего. А объяснил-то я ему ввиду того, что он есть председательствующий во II Отделении Академии; надеялся я, что он заинтересуется и, может быть, предоставил бы мне тогда печатать свое исследование в Записках II Отделения. Ни слова! <...> ...труд мой может не увидать света и по издержкам, которых потребует. Когда я был со средствами, меня это не беспокоило. А теперь прихожу к предположению, что, вероятнее всего, «Глаголы» и до смерти моей останутся неизданными (а жить-то уж и недолго). А после смерти и тем более; да и что будет вообще тогда с моими рукописями?[10]

Гиляров как в воду глядел. Когда в январе 1896 г. его ученик и биограф кн. Н. В. Шаховской предложил часть труда о глаголе (предположительно — введение к нему) для публикации в сборнике Общества любителей российской словесности «Почин», он получил от председателя Общества Н. И. Стороженко неутешительный ответ:

Данную Вами мне статью покойного Гилярова-Платонова по русской грамматике я передал на рассмотрение специалиста-филолога <В. Ф.> Миллера, который нашел, что она так слаба, что не может быть помещена в «Почине». По его словам, Н<икита> П<етрович> принадлежал к филологии вроде К. Аксакова и Хомякова, которые отрицали сравнительную филологию, не имели понятия об исторической грамматике р<усского> языка и думали возместить эти пробелы своими собственными остроумными гипотезами.[11]

Впрочем, если в будущем труд Гилярова будет найден и обнародован, не исключено, что он может быть оценен иначе и его неприятие специалистами XIX в. объяснится тем, что он опередил свое время. Ведь позиция Гилярова очень интересна. Она не только предвосхищает синхронию XX в., но идет даль-

[9] Там же. С. 3—4.
[10] Там же. Л. 4—5.
[11] РНБ. Ф. 847. № 170. Л. 7—7 об.

ше, туда, куда русисты, в отличие от исследователей индейских языков, еще и не забредали. Это — исследование системы языка с особым интересом к словообразованию (деривации), причем в отвлечении от его истории и родственных связей. Семантика трактуется на основе представлений и ассоциаций образованного носителя языка, при этом уравниваются в правах реальные и народные этимологии, если носитель ощущает живую семантическую связь. Грота такой подход не мог не ужасать, поскольку ему слишком бросались в глаза моменты дилетантства Гилярова, которые, конечно, были неизбежны. Тем не менее изучить его лингвистические опыты сегодня было бы интересно — жаль, что переписка дает немного материала для их реконструкции...

Тогда же, весной 1885 г., общение Грота и Гилярова представляло немалый интерес для них обоих, потому и в их письмах, соединявших две российские столицы, содержатся теплые признания. 13 марта Гиляров извинялся: «Наша переписка грозит сделаться хроническою, на что я, впрочем, не сетую» (наст. изд., с. 455). Грот откликнулся уже 15 марта: «Я очень рад возможности вести филологическую беседу с таким здравомыслящим в этом деле человеком, как Вы, и потому нисколько не тягочусь хроническим характером нашей переписки» (с.457). — «Я отвожу с Вами душу» (с. 461), — ответил Гиляров спустя два дня.

1
Грот — Гилярову-Платонову

26 ноября
1869.

В Редакцию «Современных известий».

Комитет Общества, по выслушании Отношения Редакции и приложенной к оному публикации,[1] поручил мне выразить искреннейшую его признательность как за обязательное участие в сборе приношений, так и за собственное радушное пожертвование, и вместе препроводить прилагаемое при сем объявление, с покорнейшею просьбою дать ему место в «Современных известиях», если можно, более одного раза.[2]

Председатель Общества *Як. Грот*

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 1.

[1] Имеется в виду объявление, помещенное Гиляровым на первой полосе: «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым открывает, с Высочайшего соизволения, и публичную подписку на образование капитала для учреждения стипендии в память покойного Егора Петровича Ковалевского. По желанию Комитета Общества, которое в настоящем случае вполне совпадает с желанием редакции “Современных известий”, контора этой газеты ставит себя в число центральных мест для сбора добровольных приношений. С своей стороны, в дань уважения к честным заслугам покойного достопамятного Егора Петровича вносит от себя Редакция “Современных известий” на означен-

ную стипендию *двадцать* рублей» (*СИ*. 1869. 15 нояб. № 314. С. 1). В дальнейшем это объявление повторялось в № 316, 318, 320, 322, 324, 326, 328 и 340 от 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29 ноября и 11 декабря.

[2] Речь идет о довольно пространном «Объявлении о подписке на стипендию Егора Петровича Ковалевского» (*СИ*. 1869. 10 дек. № 339. С. 1). Оно перепечатывалось Гиляровым трижды: в № 341, 343 и 345 от 12, 14 и 16 декабря.

2
Гиляров-Платонов — Гроту

<Москва, 17 марта 1884 г.>

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Позвольте мне поднести Вам свою безделушку.[1] Она печатана была в журнале «Радуга», который я прошлым годом издавал, а теперь передал другому издателю.[2] Я было думал издать довольно длинную серию «Экскурсий», именно пользуясь журналом; но теперь, должно быть, остановлюсь на том, что посылаю.

Чтобы не оставить Вас в неизвестности о поводах, послуживших к «Экскурсиям», нахожу не лишним прибавить, что я давно уже, очень, очень давно сижу за большим трудом, которому заглавия еще не придумал, но который посвящен самому подробному, самому полному раскрытию *Русского Глагола*.[3] Достаточно сказать, что я проспрягал *все до одного* русские глаголы во всех допускаемых каждым сочетаниях и, положив эту массу материала в основание, классифицирую и вывожу законы, не уклоняясь ни семо ни овамо, а только обобщаю то, что дает мне материал, столь подробно собранный. Попутно мне приходилось сделать много наблюдений, не прямо и не исключительно относящихся к *Глаголам*. Некоторые из них и изложены в прилагаемой брошюре. Благоволите, например, прочесть письмо «О совести в русском языке»;[4] в моих материалах этот пункт выплыл довольно ясно.

Не знаю, приведет ли Бог мне кончить мои Глаголы. При отсутствии досуга мне трудно за это поручиться, хотя остается собственно немногое: не только материалы давным-давно собраны, но и итоги почти все подведены.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить чувства глубокого уважения, каким неизменно воодушевлен

Ваш покорный слуга
Н. Гиляров-Платонов.

17 марта 1884 г.
Москва.

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 9—10.

[1] Гиляров послал Гроту оттиск первопубликации: *Н. Г—в <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Экскурсии в русскую грамматику. <М., 1883>. 26 с. Впервые: Радуга. 1883. № 7. 22 февр.

С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638. Любопытно, что, когда И. Ф. Романов-Рцы сблизился с В. В. Розановым, он послал ему эту брошюру Гилярова (7 октября 1892 г.), а получив вскоре ответ, огорчался: «Поразило меня, что Вы, по-видимому, не поражены “Экскурсией в русскую грамматику” Гилярова! Есть ли подобное произведение во всей всемирной литературе?» (Литературная учеба. 2000. Кн. 4. С. 161). «Экскурсии в русскую грамматику» были републикованы в 1888 г. в газете С. Ф. Шарапова «Русское дело» (5 марта. № 10. С. 15; 12 марта. № 11. С. 12—13; 27 марта. № 13. С. 13—14; 9 апр. № 15. С. 13—14; 16 апр. № 16. С. 11—12), а в 1900 и 1904 гг. текст воспроизвел в Москве ученик Гилярова кн. Н. В. Шаховской на средства К. П. Победоносцева: сначала в составе 2-го тома «Сборника сочинений» (с. 236—270), затем отдельной брошюрой (64 с.).

[2] Первый номер за 1884 г. иллюстрированного еженедельного журнала «Радуга», основанного Гиляровым в январе 1883 г., вышел под редакцией литератора Д. А. Мансфельда, издателем стал Л. М. Мёнцль. Основной причиной передачи журнала в другие руки стали неоправдавшиеся надежды на хорошую подписку — еженедельник приносил убытки. В последнем номере за 1883 г. Гиляров, прощаясь с читателями, напоминал об идейной миссии своего журнала в эпоху общественных неурядиц: «“Радуга” зачата с целию удовлетворения потребности <…> пойти с площади в семью, с политической арены в храм муз. Мы хотели представить издание, в котором бы отец и мать, сын и дочь — каждый нашли бы свое» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. К читателям // Радуга. 1883. № 48. С. 1087—1088).

[3] Над своим так и не опубликованным «капитальным филологическим трудом» о русском глаголе (Письмо Гилярова-Платонова к Романову-Рцы от 15 ноября 1886 г. // *Письма к Романову-Рцы*. С. 289) Гиляров работал с 1858 г. до конца жизни; он сохранился лишь частично (РО ИРЛИ. Ф. 71. № 27, 60). Начал он эти занятия еще в 1842 г., будучи семинаристом. В 1884 г. он вспоминал: «Этимология еврейская движется внутри слов, выражаясь переменой гласных, тогда как согласные остаются постоянно те же. Я поразился существованием подобного явления в некоторых русских глаголах, из которых первым представился мне *губить* и *гибнуть*. Перемена залога, достигаемая переменой внутренних гласных, напоминала еврейское спряжение, и я принялся за составление списка, где повторяется то же явление. Пытался сличением проникнуть даже закон и смысл изменений. Но недостаток лингвистической подготовки остановил работу, и уже долго спустя, через шестнадцать лет, я возобновил ее, но в более широких размерах и на более прочных основаниях, не доведя ее, впрочем, до полного конца даже доселе» (*Из пережитого 2009*. Т. 1. С. 356).

[4] Письмо «О совести в русском языке» — третья «главка» (из четырех) «Экскурсий в русскую грамматику».

3
Грот — Гилярову-Платонову

Милостивый Государь,
Никита Петрович.

Позвольте, хоть поздно, принести Вам мою искреннейшую благодарность за присылку брошюры, которую я прочитал с особенным интересом и где нашел так много здравых и верных мыслей, заслуживающих полного сочувствия.

Известие о большом труде над глаголами, которым Вы заняты, тем более меня заинтересовало, что и я много лет тому назад предпринял такую работу, но за другими трудами и обязанностями оставил ее неконченою.[1] От души желаю Вам досуга и успеха в этом нелегком и немаловажном для русской филологии деле.

Примите уверение в отличном моем почтении и неизменной преданности.

Ваш покорнейший слуга
Я. Грот

18 апреля
1884.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 2.

[1] В архиве Грота сохранились три комплекта подготовительных материалов для исследования о глаголах, первый из которых датирован 1878 г.: «Материалы к Словарю глаголов, среди них алфавитный список русских глаголов, спряжение, вид...», «Алфавитный список русским глаголам» и «Список глаголов в алфавитном порядке по спряжению и форме, видоизменению и т. д.» (СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 1. № 80—82).

4
Грот — Гилярову-Платонову

28 февр<аля> 1885

Милостивый Государь,
Никита Петрович.

Приятнейшим долгом считаю препроводить к Вам для библиотеки Вашей экземпляр изданного мною руководства по правописанию,[1] и очень буду Вам благодарен, если Вы сообщите о нем свои замечания. Вместе с тем позволяю себе покорнейшую просьбу уделить мне, если можно, еще оттиск Ваших филологических брошюр,[2] так как при переделках в моей квартире прошлым летом в моей библиотеке произошел беспорядок и я до сих пор не могу отыскать прежнего экземпляра.

С искренним уважением и душевною преданностью

Ваш покорный слуга
Я. Грот

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 3.

[1] Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом. СПб., 1885. X, 144 с. (далее — *Русское правописание-1*).

[2] «Брошюрами» Грот, конечно, называет четыре «письма», составившие «Экскурсии в русскую грамматику» Гилярова. См. примеч. 1 и 4 на с. 443—444.

5
Гиляров-Платонов — Гроту

Марта 2 дня 1885 г.

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Много благодарен за доставление Ваших правил орфографии (я, впрочем, еще не получал книги). Рад был бы сказать свой отзыв, но не знаю где: в своей газете не у места, и притом если писать, то не три строки.

Препровождаю Вам *три* экземпляра моих «Экскурсий». Рад бы я был, когда бы содержание их стало известным возможно большему числу лиц, занимающихся русским языком.

Мой большой труд о русском *Глаголе* тихонько подвигается; только берет теперь сомнение, как я его напечатаю. У меня теперь нет типографии,[1] и вообще я теперь человек, окончательно разоренный, благодаря покровительству, которое оказано конкурирующим листкам грязного содержания.[2] Жалею, что не бываю и почти не могу бывать в Петербурге: счел бы за долг прочитать Вашему Превосходительству[3] некоторые главы моего *Глагола* и вообще познакомить с остовом моего труда, который есть столько же грамматический, сколько словарный: не оставлено *ни одного* глагольного речения неразобранным.

Я, кажется, имел честь уведомлять Вас, что труд мой есть попытка объяснить русский глагол *из самого себя*. Для этого я постарался устранить всякие предварительные объяснения, из общей ли грамматики, из сравнительной иль исторической. Беру все речения, классифицирую их по звуковому составу. Затем разлагаю; рассматриваю отдельно сначала каждую форму извлачия[4] (предлоги, *ся*, окончания спрягальные, отметы видовые, внутреннюю перегласовку[5] гласных и согласных); затем — каждое речение в связи с сопутствующими другими частями речи и вообще в словопроизводстве; слежу отношение звукового состава к понятиям и систему, в какой качеством звуков, их количеством и напряжением (ударением) означается и достигается известный смысл. Разбираю оригинальное описательное спряжение с оригинальными вспомогательными, и отсюда особенность словосочинения, разного по разным историческим элементам строя речи. Из этого беглого краткого обзора изволите усмотреть, что труд мой не только большой, но оригинальный, небывалый.

Вместе с «Экскурсиями» преподношу Вам два мои письма «О нигилизме»,[6] напечатанные в «Руси».

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорный слуга
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 1—2 об. Написано на бланке «Современных известий».

[1] Типография, принадлежавшая Гилярову, была продана по требованию его кредиторов с торгов в 1884 г.

[2] 13 ноября 1886 г. Гиляров писал об этом же Романову-Рцы: «Разорению подвергся я *главным образом* от неожиданного разрешения двух уличных листков, которые, льстя грязным вкусам публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысяч прихода; а на эту самую сумму я только что купил машин в типографию и бумажную фабрику *в кредит*» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 280). Имеются в виду издававшиеся с 1881 г. ежедневные газеты «Московский листок» (редактор-издатель Н. И. Пастухов) и «Московский телеграф» (редактор-издатель И. И. Родзевич; закрыт в 1883 г.).

[3] Согласно Табели о рангах обращение «Ваше Превосходительство» предусматривали звания III—V классов. Грот имел чин тайного советника (III класс).

[4] От *извлачати* — извлекать, вытаскивать (*церксл.*).

[5] Т. е. чередования.

[6] *Гиляров-Платонов* [*Н. П.*]. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26. Статья, как указывает в редакционном предуведомлении И. С. Аксаков, написана по поводу первой части очерка Н. Я. Данилевского «Происхождение нашего нигилизма» (Там же. 1884. 15 нояб. № 22. С. 12—22).

6
Гиляров-Платонов — Гроту

Москва, 4 марта <1885 г.>

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Вы меня заставили прочитать книгу из такой отрасли знаний, которой я намеренно не касался более двадцати лет. Задавшись объяснить глагол русский *из него самого*, я принудил себя забыть все грамматики, все объяснения, какие делаемы были до того, чтобы быть совершенно свободным, не быть ничем подкупленным, не останавливаться ни пред каким выводом, как бы он ни казался противоречащим тому или другому мнению или закону, по-видимому окончательно утвержденному наукою. Но мои изыскания теперь кончены, и я могу позволить себе уже без стеснения заглядывать в чужие труды.

Ваше «Русское правописание» недостаточно, на мой взгляд, полно. Многих недоумений оно не касается. Не могу сейчас указать, но в факте не сомневаюсь, и учителя гимназий, если Вы к ним обратитесь, зададут Вам много вопросов, не вошедших в книгу. Подобные вопросы собирал и я, то есть поручал собирать корректорам в семнадцатилетнее издание газеты. Составил и некоторые правила, но они сейчас куда-то завалились в бумагах. [1]

Еще недостаток: правила Ваши во многих случаях *нерешительны*. Это большой недостаток, знаете ли? — имеющий государственное значение. Не удивляйтесь. Правописание пахнет аттестатом зрелости. *Отцев* или *Отцов*, [2] — из-за этого могут поставить двойку и толкнуть мальчика в нигилизм. Знаете? Задача Академий, по-моему, не только утвердить правила правописания, но и объявить

своим авторитетом «вольно» для известных случаев, то есть исчислить случаи, в которых, по характерной поговорке, «ошибка в фальшь не ставится». Это будет доброе дело, исполнение гражданского долга помимо всего.

Между прочим внимание мое привлекли в Вашей книге некоторые замечания относительно пунктов, в которых я считаю себя сильным, и не без гордости прибавлю — в которых не дам себя никому оспорить. Вы, по-видимому, воображаете например, что перемена *о* на *а* в многократных видах есть общий закон и находите неправильным, что пишут *озабочивался*; по-вашему надобно «озаб*а*чивался».[3] Это ошибка. Здесь есть глубокий закон. Долго будет здесь излагать его, но ограничусь примером: «охотиться» — ох*о*чивался. Не сказывает ли Вам чутье, что «ох*а*чивался» будет неправильность? * В моем труде о Глаголах, если Бог даст ему узреть свет при нашей жизни, Вы увидите (и надеюсь — убедитесь), что стр*о*ивал и стр*а*ивал — две особенные формы, из которых каждая имеет свой оттенок смысла.

Нечто я нашел у Вас замеченное и мною и изложенное в моих *Глаголах*, хотя несколько в ином виде и с иной точки зрения. Я говорю о фонетике и об азбуке.[4] Мое общее мнение таково, что нет языка, в котором замечалось бы такое равнодушие к гласным и такая неопределенность их произношения, как в русском. И это опять основывается на другом, более общем и более глубоком законе.

Но я боюсь, что далеко забреду в своей беседе с Вами. Заключу ее советом (извините, что осмеливаюсь дать его): следовало бы Вам обратиться именно к учителям гимназий, с просьбою, чтоб они прислали Вам свои замечания и дополнения. Это ввиду того, что Академия *обязана* наконец утвердить правила правописания.

За Академией еще долг: составить общеславянскую азбуку и притом для обоих начертаний — кирилловского и латинского. Труд Гильфердинга[5] я нахожу недостаточно обоснованным, слабым и потому неудобоприемлемым. Вот чем Академия могла бы, между прочим, почтить Славянских Первоучителей.[6] А что, пожалуй, она ничем и не ознаменует юбилея?

С истинным уважением имею честь быть

Вашим покорным слугой
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 3—4 об.

[1] Эти правила опубликованы в наст. изд., на с. 323—328.

[2] На полях Грот пометил это предложение Гилярова вертикальной линией и написал карандашом: «Не заметил».

[3] Напротив этой фразы на полях Грот поставил карандашом отметку: NB. Гиляров имеет в виду суждения, процитированные им в начале следующего письма к Гроту по книге последнего: *Русское правописание-1*. С. 22.

* Состояние упр*о*чивалось; неужели дозволите сказать: упр*а*чивалось? <Примеч. Гилярова на нижнем поле письма.>

[4] Гиляров говорит о разделе «Основные черты русской фонетики и русская азбука» в руководстве Грота (*Русское правописание-1*. С. 1—20), в частности — о его замечании, касающемся неударяемых гласных, которые «артикулируются так слабо и неполно, что произношение их становится неясным, и вместо звуков *а, о* является неопределенный, средний между обоими звук, в котором наполовину слышится *а*, наполовину *о*...» (Там же. С. 7).

[5] *Гильфердинг А. Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб.: Слав. благотвор. ком. на счет суммы, пожертв. И. А. Посоховым, 1871. <6>, 18, CXXIX с.; 2-е изд.: 1892.

[6] В апреле 1885 г. в России с большим размахом отмечалось 1000-летие со дня кончины Св. Мефодия. Современный историк справедливо пишет: «Апрель 1885 года по праву считается кульминационным моментом в истории чествования Солунских братьев в дореволюционной России» (*Огрызко В. В.* Праздник на все времена: Об истории чествований славянского слова и памяти Славянских Первоучителей — Кирилла и Мефодия. М.; София, 1991. С. 25). Гиляров в феврале—апреле 1885 г. посвятил юбилею восемь передовых и «подпередовых» статей «Современных известий». См. подробнее: *Дмитриев А. П.* «Под хоругвию Святых Первоучителей»: (Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия) // Россия и славянский мир: история, язык, культура: Сб. науч. тр. М.: Три квадрата, 2008. С. 105—118.

7
Грот — Гилярову-Платонову

Милостивый Государь,
Никита Петрович.

Премного благодарен Вам за письмо, в котором Вы сообщили мне несколько замечаний на мое «Правописание», а также и за полученные вслед за тем брошюры. Общие Ваши замечания[a] справедливы, т. е., напр<имер>, что мои указания могут быть не совсем полны, что я могу получить полезные дополнения от гимназических учителей и что иногда правила мои не довольно решительны. Относительно обращения к гимназ<ическим> учителям я сознавал это еще до получения Вашего письма и заготовил в этом смысле письмо в редакцию «Нового времени», содержание которого (письма) Вы, конечно, не откажете довести до сведения и Ваших читателей. Впрочем, я должен прибавить, что по выходе моих «Филологических разысканий» (с «Спорными вопросами правописания» во 2-м томе),[1] многие преподаватели издали на их основании орфографические пособия и в них почти ничего не прибавили к моим указаниям; почти все изданное учителями по этой части было в моих руках. Тем не менее я согласен, что никак не излишне было обратиться к этим лицам.

Что касается немногих[b] Ваших частных замечаний, то они возбуждают во мне сомнение, с достаточным ли вниманием Вы просматривали книгу. К случа-

[a] *Далее зачеркнуто*: может быть.

[b] Это слово вписано позднее над строкой.

ям нерешительным Вы, по-видимому, относите вопрос, писать ли: *отцев* и *отцов*; но этот вопрос решается у меня самым положительным образом, как Вы можете видеть на стр. 41, где сказано, что *о* ставится после *ц* всякий раз, когда на этот слог падает ударение, напр<имер> *лицо, кольцом, купцов* и т. д. Далее Вы говорите: «По-видимому, воображаете, что перемена *о* на *а* в многократных видах есть общий закон и находите неправильным, что пишут *озабочивался*; по-Вашему надобно *озабачивался*. Это ошибка». Помилуйте, я говорю совершенно противное: я говорю, что в литер<атурном> языке *озабо́чивать* неупотребительно, и не думал утверждать, что бы последнее было лучше; я замечаю только, что обращение *о* в *а* у нас не установилось и что во многих случаях говорят двояко: это неоспоримо. В сомнительных случаях я отсылаю читателя к указателю, в котором названный глагол имеет форму: *озабочивать.*[2] Едва ли тут можно установить иной закон кроме употребления. *Упрачивалось* не говорится, а *отта́чивать, ка́нчивать* употребительно. Объясните почему.

Касательно надобности в общесл<авянской> азбуке я с Вами не могу согласиться. Когда звуки в каждом языке разные, как же может быть общая азбука? Это я считаю одной из филологических фантазий. Насчет нерешительности некоторых правил замечу, что она произошла от того, что есть случаи, в которых трудно сказать, какое начертание лучше, и к этим-то случаям и относится то, что Вы говорите о задаче Академии объявить своим авторитетом: «вольно» или «ошибка в фальшь не ставится». Еще Французская Академия, в начале своего существования, заметила, что есть много слов, «которые могут быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами» (см. «Фил<ологические> разыс<кания>». II, 178).[3]

Вашими «экскурсиями» я займусь еще раз и, может быть, сообщу Вам о них кое-какие замечания. Если Вы что-нибудь напечатаете о «Правописании» (но надеюсь, не иначе как по внимательном прочтении), то не откажите сообщить мне это, потому что я постоянно не вижу Вашей газеты.

Искренно Вас уважающий
покорный слуга
Я. Грот

8 марта
1885

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 4—5 об.

[1] *Грот Я.* Филологические разыскания. Изд. 2-е, значит. пополн. изд. СПб. 1876. Т. I: Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. VIII, 526 с.; Т. II: Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. XII, 462 с.

[2] См.: *Грот Я.* Справочный указатель // *Русское правописание-1.* С. 131.

[3] В исследовании Грота указан и источник процитированного «замечания, принятого в руководство первыми составителями словаря Французской Академии» — книга потомственного типографщика Академии Фирмена Дидо: *Didot A. F.* Observations sur l'orthographe ou orthografie française. 2 éd. Paris, 1868. P. 24.

8
Гиляров-Платонов — Гроту

Марта 9 дня 1885 г.

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Я перечитал место, где Вы говорите о выражении *озабачивать*. Справочный указатель действительно содержит *озабочивать*; но в тексте выражено так:

«1) *а* ударяемое всегда пишется там, где оно слышится, между прочим и в глагольной форме многократного вида...»

2) «Обращение *о* в *а* при образовании многократного вида у нас еще не вполне установилось. Так, напр<имер>, *озабачивать* в литературном языке вовсе не употребительно».[1]

Из связи речи я заключил (и имел право заключить), что Вы не одобряете уклонения литературы от общего правила; так сказать, упрекаете, что по «не вполне еще[a] установившемуся обращению», *озабачивать* еще не вошло.

Это ответ на один Ваш упрек мне. В другом случае я, должно быть, не ясно выразился. Говоря *отцев — отцов*, я ничуть не имел в виду Вашей книги, а имел в виду гимназии, что за несоблюдение правила могут за это слово поставить двойку, тогда как, может быть, можно было бы оставить правописание в подобных случаях на произвол.

Ваше обращение к учителям я напечатал.[2] Вы говорите, что получали от них материал, но нового мало нашли. Я предполагал, что учительская опытность нужна не для совета, *как* писать, а для полнейшего ознакомления со всеми случаями сомнений, которые трудно предвидеть. Вы или кто другой даете правило, а вам тотчас представят возражение, укажут исключение, над которым задумаетесь. На странице 50 Вы приводите одно исключение *кухонь*.[3] Во-первых, с этим можно еще поспорить, почему *кухонь*, а не *кухон*; а во-вторых, можно найти еще исключения. *Сплетня* как лучше: *сплетень* или *сплетен*? *Пашня — пашень* или *пашен*?[4] Я не даю утвердительного ответа, но указываю только, *чем* могут быть полезны учителя.

Вы пишете (об *а* и *о* в многократных формах): «едва ли можно установить иной закон кроме употребления». *Употребление*, высокоуважаемый Яков Карлович, очень шаткое основание. Бывает употребление бессмысленное, а не то оно имеет само непременно за себя закон. Не ходя далеко, я напомню о слове *озабочиваться* и приведенном мною *охочиваться*. Прибавлю и еще: *уполномочивать*.[5] Здесь вот в чем дело: тема, зерно, ядро глагола не чисто глагольные, а существительные, отпустившие от себя между прочим и глагол. Существительное с своим отличительным звуком не расстается в глаголе, и именно существительные, позволю себе так выразиться, второго возраста, производные, прошедшие известный процесс словообразования. Может быть, я неясно выражаюсь. Под-

---

[a] Это слово вписано позже над строкой.

робнее изъясняться было бы долго; но в моем исследовании это выведено на свет вполне.

Позвольте поспорить с Вами о слове *цыфра.*[6] Почему *цыфра*, когда — *Ziffer*? На этот счет я Вам скажу, что Вы недостаточно обратили внимания на фонетику. Московский выговор произносит *ц* всегда твердо: *медицына, цэлковый, цэль,* и в то же время *чювство, чяша.* Но хотя и акающие, симбирцы и новороссийцы произносят *чувство*, зато: *медицина, цель, цифра.* Ужели Вы этого не замечали? Это — любопытное явление. А в силу того я полагаю, нужно писать *цифра*, предоставляя выговаривать твердо и мягко по произволу.

Кстати, как писать по-Вашему: *цыпленок* или *ципленок*?[7]

Ваши краткие замечания о фонетике превосходны. Но в понятии о смягчении я иду далее даже Вашего.[8] Неопределенность гласных есть одна из существеннейших особенностей нашего[a] языка: произношение не только одного и двух слогов, стоящих рядом, но целого слова[b] стоит в зависимости от того,[c] в каком, выражусь так, *ладе* формируется слово и где у него напряжение голоса (ударение). По-настоящему ни *о*, ни *а*, ни *е*, ни *и* у нас почти нет; каждое из них расширяется и сокращается, переходит одно в другое или иногда остается на середине. Приведу Вам один пример: *мéряет.* Не согласитесь ли Вы, что *яет* здесь почти = долгому *и*, и напишете ли Вы *мéряет*, *мéреет*, *мéриит*, — Вы не передадите истинного звука, который, добавлю, этим своим растяжением несет свое особенное логическое значение.

Вы не согласны с моим мнением о славянской азбуке? Пускай у каждого остается свое, но наука должна определить отношение кириллицы к латинской азбуке и основанное на лингвистических законах отношение звуков к начертаниям той и другой. Чех пишет *ш* иначе, нежели поляк; а мы путаемся, писать ли *Ржонд* или *Жонд*;[9] хохломаны же пишут *віл*, *дывыцця.*[10] Разве нормально это? Для ученого употребления по крайней мере должны быть установлены единообразные, основательные правила.

Душевно уважающий
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 5—6 об. На бланке «Современных известий».

[1] *Русское правописание-1.* С. 22.

[2] См. неподписанную заметку «Обращение за содействием» под рубрикой «Внутренние известия. Местные»: «В “Нов<ом> вр<емени>” помещено следующее письмо академика Я. Грота: “Составленное мною при участии Второго отделения Академии наук руководство к русскому правописанию расходится так быстро, что в самом близком будущем предвидится необходимость нового издания этой книги. Желая придать ей возможную степень полноты и совершенства, позволяю себе чрез посредство вашей уважа-

[a] Это слово вписано сверху над строкой.

[b] *Фрагмент* но целого слова *вписан сверху над строкой.*

[c] *Слова* от того *вписаны сверху над строкой.*

емой газеты обратиться ко всем интересующимся этим делом, и в особенности к гг. преподавателям русского языка, с покорною просьбой сообщить мне свои замечания о могущих показаться им нужными в первом издании улучшениях или пополнениях, и чем скорее они исполнят эту просьбу мою, тем более буду им благодарен. Очень был бы обязан редакциям других газет, если бы они сочли полезным заявить и у себя о содержании этого письма"» (*СИ*. 1885. 11 марта. № 68. С. 2).

[3] См.: «Вопреки общему правилу, что твердое или мягкое окончание сущ<ествительного> имени проходит чрез все падежи его, существительные имена женского рода, оканчивающиеся в именит<ельном> падеже ед. ч. на *ня* с предыдущею согласною или полугласною *й*, оканчиваются в родительном множественного на *н* (когда ударение в этой форме падает на предыдущий слог), напр<имер>: *обедня, обеден; таможня, таможен* <...>. В слове *кухня* предпочтительно окончание на *ь*: *кухонь*» (*Русское правописание-1*. С. 50).

[4] Во 2-м издании книги Грот добавил не предлагавшиеся Гиляровым примеры, а свое исключение: «В слове *бырышня* предпочтительно окончание на *ь*: *барышень*» **(**Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом. 2-е изд. СПб., 1885. С. 50 (всего: XII, 148 с.; далее сокращенно — *Русское правописание-2*)**)**.

[5] *На полях карандашом Грот*: а обрабатывать, замораживать, загораживать, побаливать, облокачиваться, опоражнивать, опростываться, принорав<ливаться>.

[6] Гиляров имеет в виду фрагмент руководства Грота: *Русское правописание-1*. С. 41—42. См. примеч. 4 на с. 455.

[7] Слово *цыпленок*, отсутствовавшее в 1-м изд. книги, Грот внес во 2-е (в раздел «Справочный указатель»): *Русское правописание-2*. С. 144.

[8] Гиляров имеет в виду рассуждения Грота об «уподоблении звуков» «в отношении к твердости и мягкости» (см.: *Русское правописание-1*. С. 12—17).

[9] Имеется в виду ржонд (жонд) народовый (*польск*. rząd — правительство) — революционное правительство в Польше во время восстания 1863—1864 гг.

[10] вол, смотреть (*укр*.)

9
Грот — Гилярову-Платонову

Милостивый Государь,
Никита Петрович.

Согласен, что редакция примечания по поводу глагола *озабочивать* не совсем удовлетворительна и виновата в неверном толковании моей мысли. Она будет изменена. [1]

За напечатание моего обращения к учителям искренно Вам благодарен, равно как и вообще за внимание, оказываемое Вами моему труду.

Употребление, говорите Вы, очень шаткое основание; правда; однако ж приходится иногда ему подчиняться. Недаром же и римляне дошли до замечания, что usus tyrannus. [a] Да и сколько в языке случаев, доказывающих власть этого ти-

[a] обычай — деспот (*лат.*) [2]

рана. Конечно, напр<имер>, Вы сами говорите *окунаться* вм<есто> *окупываться*; но что кроме обычая могло узаконить[a] эту варварскую форму, которая не лучше, как если б мы говорили: *подвинаться* вм<есто> *подвигаться*. Относительно Вашего предположения, почему в некоторых гл<аго>л<ах> многокр<атных> форм *о* не пригоняется в *а,* я сам склонялся к приводимой Вами причине производства глагола от имен[b] сущ<ествительных> и прилаг<ательных>;[c] но должен был отказаться от этой мысли ввиду множества примеров, доказывающих ее несостоятельность, как-то:

обраб*а*тывать от раб*о*та
замор*а*живать от мор*о*з
принор*а*вливать от нор*о*в
загор*а*живать от гор*о*д
облок*а*чиваться от лок*о*ть
опр*а*стывать от пр*о*стой
опор*а*жнивать от пор*о*жний и проч.

Вы спрашиваете, не следует ли, по-моему, писать *ципленок*? Но Вы потеряли из виду, что я на стр. 41—42 говорю исключительно о словах заимствованных; в русских *ы* после *ц* пишется всегда по требованию выговора, так что даже в одном глаголе, не употребляемом в хорошем обществе,[3] окончание 3 лица ед<инственного> ч<исла>[d] принимает форму *ыт* вм<есто> *ит*. Потому ясно, что следует писать *цыпленок*. Если Вы внимательно перечтете конец 41 и начало 42-й стр<аницы>, то увидите, что я не без основания пишу *цыфра*.[4]

Замечание Ваше о произношении неопределенных гласных справедливо. Вот все, что я считаю нужным сказать Вам по поводу обязательного письма Вашего от 9 марта.

С прежним уважением
преданный Вам
Я. Грот

12 марта 85
Москва.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 6—7. На бланке с напечатанным в левом верхнем углу: «Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук. Председательствующий».

[1] Во 2-м издании своего руководства Грот добавил следующую фразу в соответствующее место: «Во многих глаголах изменение *о* на *а* совсем не допускается употреблением, по крайней мере в образованном языке, напр<имер> в глаголах: *озабочивать, рассрочивать, уполномочивать*» (*Русское правописание-2*. С. 22).

[2] Выражение из «Науки поэзии» Горация (стих 71).

---

[a] *Это слово начертано по ранее написанному*: указывать.

[b] Это слово написано позднее над строкой.

[c] *Слова* и прилаг<ательных> *вставлены поверх строки*.

[d] *Далее зачеркнуто*: измен<яет>.

[3] Подразумевается глагол со значением «ходить по малой нужде».

[4] См.: «Когда в словах, заимствованных из других языков, после *ц* следует *и*, то на письме соблюдается различие между словами, удерживающими у нас свой первоначальный вид, и теми, которые издавна переделаны на русский лад или взяты с польского: в первых пишется *ци*, в последних *цы*, напр<имер>:

1) *Ци*линдр, *ци*тадель, меди*ци*на, капу*ци*н, *ци*корий.

2) *Цы*бик, *цы*ган, *цы*нга, *цы*рюльник, *цы*фирь.

Сходно с именем *цыфирь* следует писать и *цыфра*, несмотря на весьма распространенный, но ни на чем не основанный обычай, требующий начертания “цифра”» (*Русское правописание-1*. С. 41—42). Этот фрагмент дословно перешел и во 2-е изд. руководства: *Русское правописание-2*. С. 41—42.

10
Гиляров-Платонов — Гроту

Москва, 13 марта 1885

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Наша переписка грозит сделаться хроническою, на что я, впрочем, не сетую.

Я совершенно соглашаюсь, что *usus — tyrannus*, и я этого не отрицал, когда говорил, что употребление бывает бессмысленно. Но зато, прибавил я, само употребление, при всей кажущейся несообразности, имеет часто за себя основание. Я хотел сказать, что, прежде чем сослаться на употребление, то есть на простую случайность, по неизвестной причине закрепшую, следует внимательно доискаться, нет ли физической, логической или исторической причины.

Я недаром выразил сомнение о том, ясно ли мое объяснение на произношение *озабочивать*. Помнится, я оговорил свое объяснение словами «второго возраста». Я воспользовался собственною терминологиею, которую пришлось мне усвоить при исследовании о глаголе. Дело в том, что другие части речи бывают, так сказать, ровесниками глагола в логическом смысле, а иногда даже прямо исторически. «Звон»: есть ли это существительное — предок глагола *звонить*? Никак, логически они даже нераздельны; это своего рода герундия.[1] Примеры, Вами приведенные, почти все того же рода, за исключением двух, о которых сейчас скажу особо. *Прост-ой* и *’прост-ать* и далее *прост-ить* — это есть одно временное (логически) развитие[a] одного и того же. *Морозить* и *порожнить* точно в том же отношении к *морозу* и *порожнему*; да, кроме того, тут перегласовка из *мраза* и *праздного*, да у одного рядом еще *мерзнуть*. Здесь еще происходит, выражусь так, *внутреннее* спряжение посредством внутренней перегласовки, а не перестановки только оконечностей.

Работать дозволяет оба употребления, и *а* и *о*, каждое с своим оттенком видового смысла. Но вы видите, что здесь в существительном нет предлога, как

[a] Это слово вписано сверху над строкой.

в *о*хота иль *за*бота, тем менее нет такой сложности, как в *полно*мочие. Также и *локоть* есть чистое существительное и, кроме того, оба *о* у него беглые по существу, эвфонические; *локоть* имеет не только *ло*к*тей*, но даже *ла*ктей. В *работа о* опять не так существенно, как в ох*ота* или заб*ота*, потому что есть *раб* и *робить*; *ота* есть флексия.

Я не льщу себя надеждою, чтобы Вы вполне удовлетворились моими объяснениями, потому что нужно было бы распространиться вообще об образовании глагольных видов, как я их понимаю. Но, пользуясь настоящим случаем, я просил бы Вас быть настолько добрыми, чтобы сообщить Ваши догадки о происхождении слова *забота* и еще глагола *уповать*. Эти два речения очень мучительны для меня. Аналогия заставляет меня догадываться, что в *забота за* есть предлог, но где тема, к которой он приставлен? А глагол *уповаю* — совершенно темное пятно, какое-то безродное речение, подозрительное и по своему окончанию (какой вид?) и по своему началу (*у* есть ли предлог). Один ученый лингвист дал мне объяснение, которым я, однако, ничуть не удовлетворяюсь.

О *цыпленке* и *цифре* я писал вам только для уведомления Вас о произношении звука *ц*, то есть что московский выговор произносит[a] *медицына*, а симбирец — *медицина* и что выговор для слов, имеющих в себе *ци* или *цы,* не может служить указом. Он сомнителен, а потому я и не осмелюсь решить, как законнее будет писать: *цыпленок* или *ципленок*. Как москвич, я и *ципленок* произнесу все-таки *цыпленок*.

Глубоко уважающий
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 7—8 об. на незаполненном бланке «Современных известий».

[1] *Герундия* — процесс образования отглагольного существительного или неличной формы глагола, имеющей грамматические особенности как глагола, так и существительного.

11
Грот — Гилярову-Платонову

СПб. 15 марта 1885.

В моих «Филологических разысканиях» (т. I, стр. 476) [1] есть о слове *забота* следующая заметка: «Откуда это слово, неизвестное в других славянских наречиях? Не в родстве ли оно с гл<аголом> *зобать*? Недавно один извозчик, лужский уроженец, жаловался мне на дурной путь. Я заметил шутя, что ведь это дело лошадей. — А об лошадях-то, отвечал он, кто же *зóблется*? Мы же! Это значение

[a] Это слово вписано сверху над строкой.

гл<агола> *зоба́ться* показано и в акад<емическом> словаре (Областном);[2] кроме того, мы находим там, что и глагол *зобать* употребляется иногда в смысле “искать”,[3] и далее *зобачиться*[4] вм<есто> *заботиться*, что как будто бросает свет и на происхождение этого последнего столь загадочного слова».

Там же о глаголе *уповать* сказано (стр. 481): «Павский думал, что это слово в родстве с нем<ецким> hoffen, шв<едским> hopp, англ<ийским> hope, поль<ским> ufać.[5] Но в др<угих> слав<янских> есть *пвати*, *пъвати = полагаться*. След<овательно>, корень нашего гл<агола> — *пв*, а *у* есть предлог. Корень *пв* образовал в чеш<ском> и поль<ском> прила<га>тельное *певный* — верный, надежный». *[6]

Что касается Вашего мнения о словах «первого и второго возраста», то оно, конечно, очень остроумно, но я боюсь, что оно может давать повод к произвольным толкованиям, потому что одному то́ будет казаться словом 1-го возраста, что другой несомненным признает за продукт 2-го, и наоборот.

Наконец, на замечание Ваше о развитом произношении гласных[a] звуков[b] после шипящих смотря по местностям[c] скажу, что письменный язык[d] должен руководствоваться господствующим наречием, иначе в грамматике не будет никакого твердого основания.

Я очень рад[e] возможности вести филологическую беседу с таким здравомыслящим в этом деле человеком, как Вы,[f] и потому нисколько не тягочусь хроническим характером нашей переписки.

Надеюсь, что Вы[g] не посетуете на меня за избежание плеоназмов в заявлениях[h] уже известного Вам глубокого моего уважения.

Я. Грот

Извините, что, дорожа временем, не переписываю этого наскоро написанного и потому обильного помарками письма.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 8—8 об.

[1] Нижеследующая цитата не буквально точна.

[2] См.: «ЗОБА́ТЬСЯ <…>. Заботиться, стараться» (Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852. С. 71). Там же помечено, что это значение зафиксировано во Владимирской, Новгородской, Псковской и Тверской губерниях.

---

* См. в словаре Миклошича[7] *пъвати* и *упъвати*. <Примеч. Я. К. Грота.>

[a] Это слово написано позже над строкой.

[b] Далее зачеркнут союз «и».

[c] *Слова* смотря по местностям *вписаны сверху над строкой.*

[d] Это слово написано позже над строкой.

[e] Это слово написано позже над строкой.

[f] *Слова* как Вы *вписаны сверху над строкой.*

[g] *Это слово написано над зачеркнутым*: уже.

[h] *Далее зачеркнуто*: Вам.

[3] См.: «ЗОБА́ТЬ <...>. Искать» (Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / Издание Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1858. С. 68). Зафиксировано в одной Тверской губернии.

[4] См.: «ЗОБА́ЧИТЬСЯ <...>. Заботиться» (Там же). Зафиксировано только в Псковской губернии.

[5] Грот ссылается на следующее суждение академика протоиерея Герасима Петровича Павского (1787—1863), филолога и богослова: «...*уповать* от нем. hoffen. Из двух нем. букв ff одна преобразилась здесь в *п*, другая — в *в*, и между ними вставлена помогательная гласная *о*. Тот же немецкий глагол hoffen принят в краинский словенский язык в виде ufati (с одною f). В Остромировом Евангелии он пишется *оупъвати*» (*Павский Г. П., прот.* Филологические наблюдения над составом русского языка. 2-е изд. СПб., 1850. Рассуждение 3: О глаголе. С. 45—46).

[6] Цитата не точна.

[7] *Miklošich Fr.* Lexicon palaeoslowenico-graeco-latinum. Windobonae, 1862—1865. С. 756, 1061—1062. Франц (Франьо) фон Миклошич (von Miklošich; 1813—1891) — выдающийся австрийский и словенский языковед, основоположник школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков.

12
Гиляров-Платонов — Гроту

Марта 15 дня 1885 г.

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

Не хочется отстать от беседы с Вами, за что Вы, надеюсь, меня извините. Но я не желаю оставить без ответа укор форме *окупаться*, которую Вы называете «варварскою»: заступаюсь за нее. Обратите внимание, что форма ’*купать* есть *встречная* (опять моя терминология). Два глагола, иногда разного происхождения, иногда того же, но разошедшиеся в своем значении, встречаются, сталкиваются между собою в известных видах. В настоящем случае встретились *покупка* и *купанье*. *Покупка* отказалась от так называемого однократного *нуть*; она имеет *ить* (параллельно *бросать* — бросить). *Купанье* взяло *нуть*, выбросивши *п* по известному закону, по которому охотнее говорят *тонет*, а не *топнет* (опять между прочим во избежание двусмыслия). Между тем значение разошлось даже формы *купать* в смысле *купанья*; *окунуться* значит уже не просто искупаться, а погрузиться; значение специфировалось, а отсюда пошло новое производство, *откидное*, как я выражаюсь в своем исследовании. Представляю Вам пример подобного же, по-видимому варварского, словообразования: *снится*. Здесь, как Вы знаете, *п* тоже выпало; рыба не *со́пнет*, а *снет*. Два значения потребовали двух словообразований. *Соп* остался для означения звука, слышимого при сне, а *сон* для спанья (сличение с *храпит, храп, хрипит, хрип* поясняет эту психологию словообразования). *Снится* остается аномальною, по-видимому, формою, но не случайною же. Не ожидаю возражения, что тут есть *сон*, а там нет *кун*. *Сон*

вовсе не есть родоначальник *'снуть*; скорее наоборот, как *звон, лом, 'пор, 'тор, 'дор*. Три последние, употребляемые только с предлогами, прямо и говорят, что родились они прямо с глаголами, рядом с ними: *упирать — упор, задирать — задор* и проч.

Итак, я нахожу особенность словообразования, но не варварство, и вижу не случайность, а разумную причину. Можно даже употребить форму *окупывался*, но в другом значении. Раз мне окупилось, другой раз окупилось, и всякий раз моя покупка *окупывалась*. Оборот тяжелый, но законный. Но употребить в смысле *окунаться* будет, наоборот, незаконно, и если уже употребить [a] эпитет *варварство*, то будет варварством *окупывался* в смысле купанья.

В словах *окунуться* и *окупаться* есть другая аномалия: не соответствующее, по-видимому, употребление предлога *о*. Но речь об этом поведет далеко. Я желаю только пояснить мысль, вчера сказанную, что употребление, по-видимому противоречащее закону, имеет часто за себя разумное основание. И это особенно относится к словоупотреблению *всенародному*; пройдя чрез сотни миллионов уст, проверяясь сотнями миллионов ушей, слова выходят более правильными, более органическими. Привилегию бессмыслицы и варварства нужно предоставить по преимуществу книжной речи, частным писателям. Указываю для примера: *зави́сит*; вот Вам варварство и по ударению, и по времени, варварски настоящему. Или: *достоин*, когда *пристоен*, *покоен* и проч.

Истинно уважающий
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 11—12 об.; на бланке «Современных известий».

13
Гиляров-Платонов — Гроту

Марта 17 дня 1885 г.

Высокоуважаемый Яков Карлович,

Благодарю Вас за *уповать* и за *заботу*. Как я писал Вам, составляя свое исследование о русском глаголе, я намеренно избегал смотреть в какие-либо руководства, чтобы не сбиться, потому что целию поставил: *объяснить русский глагол* ***из него самого***, насколько он, разумеется, позволяет. С общим положением Вы без сомнения соглашаетесь: прежде чем прибегать к сравнению и истории, нужно законы языка выяснить безотносительно. До меня этого не было сделано: исходили из готовой грамматики и налаживали на нее встречаемые в употреблении формы. Равно не был разложен язык на свои исторические элементы. Говорю не о словаре только, но о грамматике. Для примера я Вам укажу страда-

[a] Это слово написано позже над строкой.

тельный залог, книжное изобретение, усвоенное языком до известной степени, правда, но живому употреблению противный. Это особенная струя, другой элемент. Возьмите глаголы *ять = ивать* (*устроять, устроивать*); опять здесь видите два течения. Как я Вам писал, я составил полнейший список не только всех глаголов, но всех глагольных *форм*, то есть каждого наклонения, залога, времени; сопоставил их и сличил. Отсюда уже вывел законы, какие даются сами собою из этого полного сопоставления. Необъяснимое так и оставлено необъяснимым: здесь дело уже истории и сравнения, дело догадки, более или менее остроумной. Но до времени я постарался забыть даже и то, что знал из лингвистического запаса. На этом-то пути самостоятельного исследования *Уповать* и *Забота* оказались темными, хотя заявляли о своей исконности; в словари я не заглядывал по условленному заранее принципу.

По поводу моей заметки о *возрасте* Вы опасаетесь произвола. Да, опасение основательно, если рассматривать два-три глагола отдельно. Но когда под руками *полный* список (как у меня) *всех* многократных, имеющих в последнем основном слоге *о* и *а*, то произволу нет места. И я не утверждаю, что причина неподатливости *о*, мною указанная, есть единственная. Никак. И затем, то, что я называю *возрастом*, определяется опять *полнейшим* списком всех форм того или другого возраста. Произволу нет места. *Возраст* есть термин условный, я за него не стою; но перебираю карточки, на которые выписаны у меня все глагольные формы, нахожу разряды, которых не могу не отделить один от другого. Представлю Вам опять пример. Форма *чистая* (без предлога) и форма *сложная* (с предлогом). На первый взгляд, какая предшествует? По-видимому, беспредложная, предлог подошел после. А выходит, не совсем. Есть формы, где предлог сам в себе, так сказать, предшествует один не только форме, но даже теме. Из карточек моих вывалились некоторые такие; а потом не некоторые, а уже многие, где глагол является спрягаемым прилагательным (например *у-длиннить*, когда *длиннить* не существует и невозможно). Что касается до тех *некоторых*, где предлог, так сказать, существеннее самой темы, то приведу замечание покойного В. А. Жуковского, что в русском языке «из каждого существительного можно образовать глагол *бить*»;[1] а я прибавлю — и *пить*. «Отстаканил», вот я тебя *отстаканю*; в таком употреблении существеннее *от*, нежели *стакан*, равно как в словах *наклюкался, нахлестался* и во множестве подобных существеннее *на*, нежели самая тема.

Все это, высокоуважаемый Яков Карлович, пишу Вам бегло, не заглядывая в свое исследование. Я хочу только сказать, что, когда я говорил о возрасте, я выражал не догадку. Я расх*а*чивал, между тем я ох*о*чивался; *охочивался* уже забыло о *хотении*, а помнит только *охоту*. С другой стороны, лишь определенное число первородных тем допускает внутреннюю перегласовку (*несет — носит, гремит — громит, душит — дохнет*); из сочетания *этих* и *других* условий образуется потребность расширения гласной *о* в известных многократных и невозможность того же в других; причем, однако, для будущих поколений возможность эта не

совсем закрывается, потому что творчество языка даже в сфере грамматики, не только словаря, все-таки сохраняется, хотя в слабой степени.

Я вполне знаю, многоуважаемый Яков Карлович, что многое в моих объяснениях должно Вам казаться[a] более остроумным, чем основательным. Это неизбежно; только в полной системе получают мои объяснения полный свой вид. Задумывая свой труд, я имел в виду противопоставить его обоим видам *сочиненных* грамматик: 1) тому, который от Смотрицкого через Ломоносова дошел до Буслаева,[2] исходившему из общей, сравнительной и исторической (псевдоисторической) грамматики; и 2) тому направлению, которое сказалось в Аксакове и Некрасове,[3] основавшись на *вдохновении* и *догадке*, как выразился я[b] в своем введении. Вдохновение, догадку — в сторону. Должны быть собраны данные, и притом все, и расклассифицированы. Это я и сделал. Надеюсь, труд это небывалый. Выводы получились оригинальные, правда; но я в этом не виноват.

Я отвожу с Вами душу. Мой труд совершался одиноко. Теперь, по его окончании (вчерне), очень бы хотелось хотя с частию его познакомить, между прочим, Вас, и потому, когда буду в Петербурге, сочту за долг просить Вас выслушать одну главу, другую.

Глубоко уважающий
Н. Гиляров-Платонов

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 13—15 об.; на бланке «Современных известий».

[1] Ошибка памяти: очевидно, имеются в виду слова В. И. Даля: «В значении *самоуправщины* едва ли не из каждого слова можно образовать глагол, означающий *бить*...» (*Даль*. Т. I. Стб. 217). Гиляров дружил с Далем и состоял с ним в переписке; 6 марта 1860 г. в 140-м публичном заседании ОЛРС он прочел статью Даля «О составленном “Словаре русского языка”» (см.: Общество любителей российской словесности при Московском университете: Ист. записка и материалы за сто лет. М., 1911. Прил. С. 104). В «Современных известиях» Даль опубликовал несколько заметок. См. также передовую статью Гилярова, в составе которой напечатано письмо Даля в редакцию о предполагавшемся 2-м издании его Словаря (Москва, 20 мая // *СИ*. 1870. 21 мая. № 137. С. 1—2).

[2] Речь идет о следующих трудах (указываем первые их издания): 1) *Мелетий (Смотрицкий), архиеп.* Грамматики Славенския правилное Синтагма. Евье, 1618—1619; 2) *Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб., 1755; 3) *Буслаев Ф.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858. Ч. I—II.

[3] Имеются в виду исследования К. С. Аксакова «О русских глаголах» (М., 1855) и «Опыт русской грамматики» (М., 1860) и Н. П. Некрасова «О значении форм русского глагола» (СПб., 1865). Николай Петрович Некрасов (1828—1913) — видный славист, член-корреспондент ИАН (1890).

---

[a] Это слово написано позже над строкой.

[b] Это слово написано позже над строкой.

14
Грот — Гилярову-Платонову

Милостивый Государь,
Никита Петрович.

По выходе из печати 2-го издания[a] известной Вам книги[1] спешу препроводить к Вам экземпляр ее в этом новом виде, возобновляя выражение моей глубокой признательности за внимание, оказанное Вами 1-му изданию. Вы увидите, что я по мере возможности воспользовался Вашими разумными замечаниями. Жалею, что время не позволяет мне войти с Вами в дальнейшее объяснение по некоторым из них, тем более, что мне в скором времени предстоит отъезд за границу с семейством,[2] а перед вакациями и без того число спешных дел всегда увеличивается.

С искреннейшим уважением
Ваш покорный слуга
Я. Грот

Спб.
6 мая
1885.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 624. Л. 9—9 об.

[1] *Русское правописание-2.*

[2] Имеются в виду жена Я. К. Грота Наталья Петровна (ур. Семенова; 1825—1899) и, вероятно, его сыновья: философ Николай (1852—1899) и славист Константин (1853—1934).

15
Гиляров-Платонов — Гроту

1887 г. Июля мес<яца> 30 дня.

Милостивый Государь,
Яков Карлович,

На похоронах Каткова[1] и после, с кем ни встречался я из серьезных людей образованного класса,[b] я слышал одно: «Теперь вы одни остались, на вас надежда». Объясняя себе, что дело идет о представителях направления, я не оспоривал, что из публицистов с охранительным,[c] но вместе[d] независимым образом

[a] *Слова* 2-го издания *вписаны сверху над строкой.*

[b] *В черн. (л. 2) далее зачеркнуто*: в разных редакциях.

[c] *В черн. (л. 2) далее зачеркнуто*: направлением.

[d] *В черн. (л. 2) далее зачеркнуто*: и с голосом.

мыслей, остался действительно я один. Но кроме того, очень многие обращались ко мне с советами заместить Каткова[a] не в публицистике вообще, а прямо[b] в издании «Московских ведомостей»; другими словами, чтобы я вступил соискателем, когда кончится настоящий контракт по аренде[c] этой газеты.[2] Доходит до курьеза: некоторые сообщают[d] о предстоящем переходе ко мне «Московских ведомостей» как о решенном[e] деле.

Конечно, я не прочь бы взять на себя издание «Московских ведомостей»; это было бы легчайшим решением альтернативы, открываемой пустотою, образовавшеюся за смертию Каткова: продолжать ли его непосредственно, или преобразовать свою газету («Совр<еменные> изв<естия>») в большой орган. Но дело в том: как отнесутся ко мне власти? Я почувствовал бы себя глубоко (и незаслуженно) оскорбленным, когда бы ходатайство мое получило отказ. Итак, чувство достоинства внушает мне: выступить соискателем только при уверенности в успехе.

А по правде сказать, даже гражданский долг[f] обязывает меня употребить силы, чтобы не допускать столь важного органа в сомнительные руки. Знаете ли, кто между прочим имеет виды? Братья Поляковы, подставляя Мейна в редакторы,[3] — того Мейна, который, помните, на Пушкинском юбилее был виновником известной телеграммы «Голоса» и статьи, позорившей[g] Каткова.[4] Это было бы непростительным оскорблением памяти почившего публициста. Но евреи — сила; пожалуй, им может удаться.

Называют еще: 1) Мещерского, 2) Циона, 3) Цитовича.[5] Не знаю, как Вы смотрите на этих публицистов; но мне приходит в голову остроумное изречение: «Отрицать Бога еще можно, но непозволительно его компрометировать».[6] Назначение таких лиц будет позором правительству. А между тем слышал я, что о Ционе и Цитовиче упоминал, между прочим, даже И. Д. Делянов.[7] Мне передавал[h] это Н. П. Игнатьев,[8] которому (если ему верить) министр назвал меня да этих двух. Меня, по правде, пронимает дрожь, что ставят меня на одну доску с Ционом, например, которого били в Париже[9] (способностей его, хотя не очень бойких, не отрицаю). Впрочем, зятю Малкиеля почему бы и не быть органом тех же Поляковых?[i]

---

[a] *В черн. (л. 2 об.) далее зачеркнуто*: не пером своим только, но и.

[b] *В черн. (л. 2 об.) вместо этих двух слов было*: но [именно].

[c] *В черн. (л. 2 об.) вместо этого слова зачеркнуто*: изданию.

[d] *В черн. (л. 2 об.) далее было*: мне [об этом] как о [совершившем<ся> факте].

[e] *Это слово написано сверху над зачеркнутым*: предстоящем факте.

[f] *В черн. (л. 3) далее было*: подсказывает мне [искать «Московских ведом<остей>»].

[g] *В черн. (л. 3 об.) вместо этого слова зачеркнуто*: оскорбительной для.

[h] *В черн. (л. 5) вместо этого слова зачеркнуто*: говорил.

[i] *В черн. (л. 5 об., 4) это предложение вписано позднее между строк чернилами, а далее следовали зачеркнутые фразы*: [Пишу Вам это] [К Вам одному, многоуважаемый Яков Карлович, из немногих серьезных людей в России].

Пишу Вам настоящие строки с просьбою посоветовать: как мне поступить? Махнуть ли рукой, или ждать, или с своей стороны «предпринять какие-либо шаги», как принято выражаться? Высшие петербургские сферы, и именно те, от которых зависит решение дела,[a] Вам известны, и совет Вы могли бы мне подать благоразумнейший, чего и просит

глубоко уважающий вас
Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. № 246. Л. 17—18 об. На бланке «Современных известий». (Черновик: РНБ. Ф. 847. № 406. Л. 2—5 об.)

[1] Консервативный публицист, издатель, литературный критик Михаил Никифорович Катков скончался 20 июля 1887 г. на 69-м году от рождения.

[2] «Московские ведомости» находились в непосредственном ведении Московского университета, у которого их арендовали редакторы (М. Н. Катков — в 1850—1855, 1863—1887 гг.; в 1863—1875 гг. — совместно с П. М. Леонтьевым).

[3] Братья Поляковы: Яков (1832—1909), Самуил (1837—1888) и Лазарь (1842—1914) Соломоновичи — железнодорожные подрядчики, предприниматели и банкиры; все трое стали потомственными дворянами и тайными советниками. Об А. Д. Мейне см. примеч. 40 на с. 163. О том же Гиляров писал 27 июля 1887 г. своему приятелю, видному чиновнику МНП И. П. Корнилову: «Поляковы хотят взять “Ведомости” в руки, подставив *Мейна*, бывшего Правителя дел канцелярии здешнего генерал-губернатора, недавно уволенного, говорят, по негласному Высочайшему повелению. Отношение Мейна к литературе определяется тем, что он управлял прежде московским отделением “Голоса”» (РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 1—1 об.).

[4] Речь идет о телеграмме «специального корреспондента “Голоса”» о реакции делегатов Пушкинского праздника на речь Каткова, произнесенную им 6 июня 1880 г. на торжественном обеде по поводу открытия памятника поэту, а также о последовавших затем публикациях этой либеральной газеты. В своей корреспонденции Мейн облыжно утверждал, что Каткову была якобы устроена общая обструкция, и так описывал его: «Тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезною речью искупить предательства двадцати лет!» (Голос. 1880. 7 июня. № 157. С. 4). Все русские газеты осудили это лжесвидетельство, поскольку речь Каткова, призывавшего к примирению общественных сил, вызвала одобрение многих слушателей.

[5] Названы консервативные публицисты: князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914), публицист, прозаик, издатель-редактор таких изданий, как «Гражданин» (1872—1877, 1883—1914), «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894) и др.; Илья Фаддеевич Цион (1842—1912), профессор физиологии Медико-хирургической академии; Петр Павлович Цитович (1844—1913), правовед, профессор С.-Петербургского университета, издатель официоза «Берег» (1880). В цитированном выше письме к Корнилову Гиляров расширял круг претендентов на редакторство: «Здесь, помимо Мейна, называют следующих кандидатов: Н. А. Любимова, кн. Мещерского, Цитовича, Циона и Гр. П. Данилевского. В какой мере все это верно и в какой мере могло бы *мое* искательство наде-

[a] *В черн. (л. 4) вместо этого слова зачеркнуто*: вопроса.

яться на успех? Будьте добры, уведомьте меня и научите, а кстати, и посодействуйте с своей стороны в пределах, Вам возможных» (РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 2—2 об.).

[6] Имеется в виду максима французского прозаика и журналиста Виктора Шербюлье (Cherbuliez; 1829—1899): «Господь охотнее терпит тех, кто Его вовсе отрицает, чем тех, кто Его компрометирует». Ее неоднократно приводили в своих статьях того периода И. С. Аксаков и Н. С. Лесков.

[7] Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897) в тот период (1882—1897) был министром народного просвещения.

[8] Дипломат граф Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) был послом в Константинополе (1864—1877) и министром внутренних дел (1881—1882); Гиляров в начале 1870-х гг. арендовал дом в Москве, принадлежавший его супруге.

[9] Цион с 1874 г. жил в Париже, в начале 1880-х гг. он возглавил редакцию французской газеты «Галл» и много способствовал заключению франко-русского союза.

XI. *Н. Н. НОВИКОВ, А. Д. ГАЛАХОВ*
ПИСЬМА К Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ О ВОСПОМИНАНИЯХ «ИЗ ПЕРЕЖИТОГО» И ОЧЕРКЕ «ЭКСКУРСИИ В РУССКУЮ ГРАММАТИКУ» (1884, 1886)

1) Письма Н. Н. Новикова

1

СПб. 26 окт<ября> <18>84.
(Колокольная, 13)

Не знаю, как и извиняться перед Вами, многоуважаемый Никита Петрович, за нарушение правил самой обязательной деликатности по отношению к Вам. Благодарю, очень благодарю за переданную мне И. П. Корниловым[1] «Экскурсию»[2] Вашу и еще больше за отпущение моей вины перед Вами, выразившееся в письме Вашем от 22 с<его> м<есяца>.

Извинившись в неделикатности, скажу о деле. Цензура реклам в медиц<инской> области введена против беззастенчивой эксплуатации нашего общественного невежества заграничными рекламистами чудодейственных врачебных средств. «Пришлите мне 5 долларов, — пишут, напр<имер>, из Америки, — и я вам вышлю лекарство против глухоты», — и наши глухари посылали рубли, а взамен их не получали никакого ответа. Дело нашей цензуры кое-как шло, пока было в распоряжении Медиц<инской> академии и факультетов;[3] но когда эти ученые органы власти, ввиду увеличившегося числа газет, отказались от навязанной им формальной обязанности, поневоле пришлось привлечь к ней мед<ицинские> управы, а с нею чиновника. А эта тля тлит[4] неминуемо. Конфиденциально сообщено будет «quos ego»[5] Медиц<инскому> управлению, допустившему своего чиновника до Геркулесовых столбов лихоимства, а циркуляр-

но — всем мед<ицинским> управлениям и редакциям газет, что следует разуметь под рекламою и по каким признакам отличать тяжу:[6] если бы чиновник заподозрил из видов лихоимения в тяже рекламу, то редакция и без установленного разрешения напечатает не-рекламу. Таков смысл ответа, данного мне Мамоновым[7] с прибавлением благодарности за сообщение позорного для чиновничества факта.

«Рус<ский> вестник» получаю и прежде всего читаю «Из прожитого»,[8] а прочитавши, досадую, что продолжения придется ждать целый месяц. В безутешном содержании описываемой жизни Вы сумели мастерски выставить таившийся в нас спасительный дух, неудержимо творивший и характеры, и светлое миросозерцание в людях с характером. Яркими красками написали Вы и картину печального духовного саморазрушения, которым жили и учителя, и ученики в пройденных Вами училищах; но еще ярче и светлее вышли блики индивидуального самоспасения талантливых людей. Но сердце сжимается при мысли, сколько же гибло ординарных сил. Не пишу я ни литературного разбора, не льщу вам и панегириком. Но мастера литературного слова должны позавидовать русскости Вашего слова. Глубоко же Вы черпнули в родниках родного языка и красоту, и меткость, и пластичность, и силу выражений: ни единого признака побирательства в чужих языках — ни единой черты и намеренного крохоборства в родном: каждое Ваше слово в свою силу стоит на своем месте в Вашем бытовом, столько же философски-мудром, сколько поэтически-увлекательном рассказе и о своем быту, и о бытовом саморастлении окружавшей нас среды. Завидное вышло произведение по форме, манере и приемам литературным. Люди с самомалейшею долею понимания художественных и стилистических красот в словесных произведениях не могут не любоваться Вашим живым и полным, захватывающим душу содержанием очерком. Очень буду польщен, и непременно перечитаю, когда подарите меня отдельною книжкою.

Выдающиеся статьи и сообщения Вашей газеты аккуратно передаются мне пропагандирующим все доброе Иваном Петровичем.[9] Большое Вам спасибо за слово о соборе в Киеве,[10] за похвалы недавние Платону,[11] да и за многое другое. Будите же спящих и поощряйте бодрствующих между иерархами — чем сильнее и чем ярче, тем лучше: авось и спящие уразумеют, что и как им делать, чтобы не спать. Пора поднять вопросы Церкви до подобающего им внимания в слепом и сонном большинстве общества, отравленного ложью и вздором интеллигенции. Дико же винить духовенство, когда все виноваты: оттого и шапка на Сеньке дырявая, что он Сенька. —

Но всего не перескажешь, что думается, — да и Вам думается больше и глубже, чем мне. От души желаю благодатного успеха Вашему слову в жизни общества и прошу верить глубокому уважению Вашего покорного слуги

Н. Новикова

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 665. Л. 1—2 об.

Николай Николаевич Новиков (1827—1898) — член Совета ГУДП. Знакомый Гилярова по Москве, где служил в 1850—1860-х гг.

[1] О видном чиновнике МНП И. П. Корнилове см. примеч. 39 на с. 162—163. В архиве кн. Н. В. Шаховского сохранилось 4 письма Гилярова к Корнилову от 27 июля — 30 сентября 1887 г. (РНБ. Ф. 847. № 592). В 1864—1868 гг. Корнилов был попечителем Виленского учебного округа, где служил и Новиков.

[2] Оттиск «Экскурсий в русскую грамматику» (М., <1883>).

[3] Речь идет о Медико-хирургической академии и врачебных факультетах университетов.

[4] Евангельское выражение (Мф 6: 20).

[5] «Вот я вас» (*лат.*) — гневный окрик, с которым Посейдон обратился к разбушевавшимся ветрам в «Энеиде» Вергилия (песнь I, стих 135).

[6] *Тяжа* — судебный спор, тяжба; здесь, вероятно, имеется в виду публикация в газете исков по суду.

[7] Николай Евграфович Мамонов (1829—1888), директор Медицинского департамента МВД, тайный советник.

[8] Первоначальное название воспоминаний «Из пережитого». В «Русском вестнике» (1884. Т. 171. Май. С. 317—358; Июнь. С. 660—703; Т. 172. Июль. С. 250—300; Авг. С. 665—735; Т. 173. Сент. С. 229—293; Окт. С. 681—741; Т. 174. Нояб. С. 205—261; 1885. Т. 176. Апр. С. 648—674; Т. 178. Июль С. 343—378) были опубликованы первые 53 из 63-х глав книги, где они подверглись некоторой редакторской правке, главным образом «идеологической».

[9] Упомянут И. П. Корнилов. Гиляров дружески посылал ему номера своей газеты.

[10] Речь идет о крайне важной для Гилярова, программной его передовице «Москва, 17 августа: Дневное обозрение» (*СИ*. 1884. 18 авг. № 225. С. 2). Она написана незадолго до открытия (6.IX.1884 г.) Киевского съезда 9 архиереев южнорусских епархий, имевшего официальную программу: «улучшение религиозно-нравственного быта духовенства и народа, а в связи с ним улучшение материального положения духовенства» (*СИ*. 7 сент. № 245. С. 1); важное место занял на нем и вопрос борьбы со штундой. 17-го же августа Гиляров писал: «Наконец мы имеем церковный собор, после того как двести лет с лишком его не было. Слава Богу, и нельзя не воздать благодарности церковному правительству, что оно решилось прибегнуть к апостольскому и святоотеческому пути. <...> Борьба со штундою! Вразуми Бог иерархов! Штунда, как и всякая другая секта, родилась от той же одной причины: неудовлетворения духовной потребности существующею церковною внешностью и главное — богослужением. Отсюда раскол старообрядчества и противостоящее ему духоборчество разных наименований и степеней. <...> Радуемся мы заранее, что грядущий собор рассеет между прочим опасения, гнездящиеся в высших сферах вообще относительно соборов. Как крепко засел вбитый Петром клин! До предшествующего царствования закон очень тщательно оберегал, чтобы между епископами, хотя бы даже двумя, никак не могло произойти никакого личного совещания. Законодательство не пощадило усилий, чтобы обратить и епископа, наравне со всею администрациею, в бумажного жреца. <...> ...трудно теперь даже и придумать предлогов для оппозиции в высшем духовенстве. О, скорее потребно другое: возгреть их ревность, не могшую не ослабнуть под двухвековым искусом; поощрить их к искреннему слову иерарха Божия, не внушенному лестью, человекоугодничеством, мирскою заботою. <...> А более всего не отталкивайте окончательно от церкви полицейским приемом, ограниченными тре-

бованиями дисциплины. Скажите: как же не родиться штунде, если вместе с небрежным, механическим богослужением духовное лицо и во всей жизни своей явится пред пасомыми погруженным исключительно в материальные расчеты! <...> Смотря по тому, к каким решениям придет собор, будет зависеть дальнейшая система действий, и смотря по тому, куда направится она, или можно надеяться на восстановление церковного мира, или же опасаться дальнейших отпадений, которые затем не замедлят организоваться и представят не менее тяжеловесное тело, чем раскол старообрядчества».

[11] Речь идет о митрополите Платоне (в миру Николай Иванович Городецкий; 1803—1891), возглавлявшем Киевскую и Галицкую кафедру в 1882—1891 гг. Его распоряжению, «восстанавливавшему апостольский порядок в избрании пастырей», Гиляров посвятил особую передовицу (№ 292 от 24 октября 1884 г.), которая начиналась так: «Высокопреосвященный Платон, митрополит Киевский, предложил консистории, чтобы лица, которые желают занять священно-церковнослужительские места в приходах или перейти на службу из одного прихода в другой, присоединяли к своим прошениям засвидетельствованные отзывы от *прихожан*, что последние желают иметь их в причте. Поводом к такому предложению послужили неоднократные случаи, что прихожане просят об удалении насланных членов причта, особенно священников, просят дать лучших, даже не допускают нелюбимых священников совершать богослужение, и отсюда возникают следственные дела» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 454).

2

СПб. 31 окт<ября> <18>84.

Вчера тотчас по получении Вашего письма, глубокоуважаемый Никита Петрович, виделся с Н. Е. Мамоновым и прочитал ему это письмо. Он поручил передать Вам и благодарность за память,[1] и выражения своего почтения, а приложенные к письму объявления взял и обещал сделать по ним все, что от него зависит.

Печальные вести сообщаете Вы о Ваших личных делах. Под влиянием весьма возможной и весьма понятной приунылости нетрудно придти к мысли бросить неблагодарное и безмерно-заботливое дело.[2] Но следует ли принять такое намерение за решительное? Казалось бы, да и думать, даже быть уверенным хочется, что при Ваших бесспорных талантах (грубиянить, а не льстить я способен: говорю, в чем убежден) и редакторской опытности не следует Вам останавливаться на последней крайности решения. Крайность — всегда крайность, — ну, и ведет к крайностям. Нет, не складывайте доспехов. «Высокос»,[3] по народным поверьям, всегда тяжелый, скоро канет в вечность, и приближающий<ся> год — почему бы и не надеяться? — подарит, быть может, средним урожаем, а со средним можно перебиться, кое-что поудобрить и дождаться богатой жатвы. Понимаю, что нужна энергия не по летам. Но, Боже мой! Чего же мы в нашем положении и при условиях, из которых вышли, — чего же не переживали мы? Мы ведь народ. А русский народ, глядя, как червь съедает озимь с корнем, или ходя по пожарищу, все истребившему, да и в поле, у соседа тучном, а у себя подвергшемся градобитию, — русский народ говорит почти с эпическим спокойствием:

«Бог посетил!» Все, сейчас сказанное, своими глазами видел и своими ушами слышал, да вчуже и пришел в отчаяние. Шляясь с ружьем, зашел к умному зажиточному старику-крестьянину и под влиянием томившего меня горя расписал ему мое безнадежье самыми яркими красками. Он покойно слушал и, когда я замолк, простыми двумя словами — словно рукой снял мое горе: «Мир прокормит!» Простите грубость обращения к Вам с этим рассказом. Но мне хочется живой водой вспрыснуть богатыря, — мне хочется влить в Вас лекарство душевной бодрости — мне верится, что Вы подниметесь, что Вы встанете, потому что у Вас свои *ноги*, и они еще не отнялись. Не такой Вы человек, чтобы, понуря голову, покойно и покорливо снимать доспехи; да и России никакой Костюшко не станет пророчить finis'a.[4] Не такое время, чтобы умолкало творческое русское слово. Не белиберде петербургской и московской прессы жить, а русской национальной художественной и политической печати. Как же Вам не жить с Вашей газетой?! И верить не хочу, чтобы «мир» не прокормил. Тяжело? — да; а прежде тяжелее не бывало?! Или и впрямь такою тяжестью замело, что и следа не осталось? Или хотите, чтобы Ваш след простыл и зычный голос замолк? Нет, бодрости и бодрости желаю Вам — готов даже потребовать от Вас. Что же Москва-то? Разве у Вас нет там радетелей? Если они оглохли или онемели, приезжайте в Петербург: авось тут что-нибудь надумается и наладится! А бросать проторенную дорогу или садиться за стол с казенным пирогом — нет, — это не решение, а крик уязвленной и наболевшей души. — ...

Ну, простите мне это письмо и мои крики против Вашего решения.

Глубоко Вас уважающий *Н. Новиков*

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 665. Л. 3—4 об.

[1] До переезда в столицу Н. Е. Мамонов жил в Москве, где закончил университет и позднее основал Московское общество врачей. Знакомству с Гиляровым, возможно, способствовал общий род их деятельности: Мамонов в 1870—1873 гг. редактировал «Московскую медицинскую газету».

[2] Гиляров, осаждаемый кредиторами, будучи под угрозой полного разорения, в тот период всерьез было решил передать «Современные известия» в другие руки.

[3] Т. е. високосный 1884 год.

[4] Подразумевается фраза предводителя Польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко (1746—1817) в момент, когда его, раненого, брали в плен казаки. Он бросил саблю и, падая с коня, сказал: «Конец Польше».

3

СПб. 25 нояб<ря> <18>84.

Глубокоуважаемый Никита Петрович,

Н. Е. Мамонов успел расследовать сообщенную Вами жалобу зубного врача Крамера и вчера показал мне полученные по этой жалобе объяснения. Оказы-

вается, что г. Крамер — человек, далеко не безупречный: он украл будто бы со стола канцелярии Врачеб<ного> управления свидетельство, приготовленное последним для выдачи его ученику Иванову, и хотел сорвать за него взятку с этого ученика. Потом он вошел было в соглашение с регистратором Врач<ебного> у<правлен>ия Христофоровым, чтобы за деньги получить от сего последнего подложное засвидетельствование газетной рекламы, составленной несогласно с циркуляром Деп<артамен>та. Далее, он уже напечатал в какой-то газете свою рекламу без всякого разрешения. Наконец, он хотел, чтобы разрешили ему напечатать объявление о вставлении зубов без каучука и металла, тогда как управлению известно, что прежде он вставлял зубы с помощию целлулоида, а теперь вставляет зубы на каучуке и золоте. — Взяточник-регистратор Христофоров давно уволен. — Вот все, что я имею сообщить Вам по интересующему Вас делу.

Если в Вашей газете что-нибудь было напечатано о покойном Б. М. Маркевиче,[1] то не откажите сообщить мне № газеты. — Я не мог быть на панихидах и погребении покойника, потому что хворал, но память о нем дорога мне: мы дружно с ним прожили $36^1/_2$ лет знакомства, и никто, буквально никто другой не отнесся ко мне так сочувственно и деятельно-участливо, как он, во время моей Потаповско-Сергиевской катастрофы по службе.[2]

Свидетельствую вам мое неизменное уважение и готовность на услуги

Н. Новиков

(Колокольная, 13)

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 665. Л. 5—6.

[1] Прозаик, публицист и литературный критик Болеслав Михайлович Маркевич (1822—1884) скончался 18 ноября 1884 г. Он, как и Новиков, состоял членом Совета МНП. Гиляров, вопреки своему обыкновению помещать в «Современных известиях» большую поминальную передовицу о почивших деятелях культуры, не откликнулся на смерть Маркевича.

[2] Очевидно, речь идет о неприятностях по службе у патриотически настроенного Новикова, когда в 1868—1874 гг. генерал-губернатором Северо-Западного края был Александр Львович Потапов (1818—1886), проводивший курс на реабилитацию католическо-польской культуры после подавления Польского восстания (его не случайно обвиняли в потворстве польскому сепаратизму), а попечителем Виленского учебного округа с 1869 по 1899 г. — верный исполнитель его указаний Николай Александрович Сергиевский (1833—1900).

2) Письма А. Д. Галахова

1

14 марта 86. Петербург.
Милостивый Государь
Николай [1] Петрович,

Премного благодарю Вас за нумер «Современных известий», [2] за Ваши мемуары, [3] за «Экскурсии в русскую грамматику» [4] и — особенно за письмо, [5] на которое буду отвечать обстоятельно дня через четыре. Теперь же навязалась работа, хотя неважная, но срочная.

Будьте здоровы. С истинным почтением и преданностью Ваш покорный слуга *А. Галахов*

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 604. Л. 1.

Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892), историк литературы, критик, прозаик, педагог, как следует из публикуемых писем, встречался с Гиляровым в литературных салонах предположительно в 1855—1856 гг., до своего переезда в Петербург; также они могли видеться на заседаниях ОЛРС, членом которого Гиляров был с 1858 г., а Галахов стал в 1867 г. Последний, написавший в молодости ряд лингвистических статей, а начиная с 1847 г. активно работавший в мемуарном жанре, казался Гилярову вполне компетентным критиком, оценка которым его сочинений должна была беспристрастной и полезной — особенно ввиду предпринятого им труда о русском глаголе. Вместе с тем многочисленные очерки Галахова, появлявшиеся на рубеже 1870—1880-х гг., в том числе и мемуарные, Гиляров оценивал довольно скептически. В драматичные дни начала 1884 г., когда Гилярова обступили неуступчивые кредиторы («неотступные волки (и мерзавцы вдобавок)»), он в поисках «приюта на столбцах “Нового времени”» писал в Петербург его издателю А. С. Суворину: «Я в положении критическом; чрез несколько дней могу очутиться *буквально* без куска хлеба и без крова на завтрашний день. <...> В портфеле моем есть наброски экономических статей. Давно думаю писать мемуары. Мог бы писать критические обзоры. Неужели все это, или хотя бы часть, не могло бы найти у Вас места? Вы помещаете какие-нибудь заметки Галахова, довольно слабые, надо признаться; а у меня таковых целая куча. Да мало ли что?» (РГАЛИ. Ф. 459. № 915. Л. 13—14).

[1] Здесь и далее, обращаясь к Гилярову, Галахов ошибается в его имени. Оставляем без исправления.

[2] Предположительно речь идет о № 40 за 10 февраля 1886 г. Здесь, в фельетонном подвале (на с. 1—2), была опубликована статья Гилярова о Л. Толстом «За что гонение?», которую он готовил для аксаковской «Руси» (не напечатана там за прекращением издания) — в защиту «народных рассказов» Толстого от предвзятой критики их членами Общества любителей духовного просвещения.

[3] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания. М.: Т-во М. Г. Кувшинова, 1886. <Ч. I>. 345 с.

[4] Отдельный оттиск философско-лингвистического эссе, опубликованного под криптонимом «Н. Г—в», из издававшегося Гиляровым в 1883 г. иллюстрированного журнала «Радуга»: <М., 1883>. 26 с. Впервые: Радуга. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144;

№ 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638.

[5] Местонахождение этого письма Гилярова нам неизвестно.

2

24 марта 86. Петербург.

Милостивый Государь
Николай Петрович,

Из Автобиографических воспоминаний Ваших я узнал, что Вы родились 1824 г<одом>: след<овательно> Вы моложе меня на 17 лет. Мне, родившемуся 1 января 1807 г., пошел, с 1-го января текущего года, *восьмидесятый*. Это — немало времени. Скольких, в течение семидесяти девяти лет с лишком, пришлось мне похоронить родных и добрых знакомых, пережить и старших и младших! Несмотря на это, я, могущий, с небольшим преувеличением, назвать себя восьмидесятилетним старцем, до сих пор владею чрезвычайно твердою и светлою памятью. Все прошлое стоит передо мною, как живое, будто картина, нарисованная яркими красками. Благодарю за этот дар Господа Бога, хотя приходится не забывать и много печальных, очень печальных событий. Но, как Вам известно, «что́ пройдет, то будет мило». [1] Если я не по-прежнему крепок физически, то внутренно, душевно сохранил прежнюю крепость и бодрость. Да и физически не могу назвать себя плохим. Рука моя дрожит еще мало, что Вы можете видеть и по почерку. Поэтому я никак не мог забыть Вас: помню Вас очень, хотя видался с Вами не так часто, сколько бы хотелось. А факт спасения, во время пожара, [2] единственно моей Христоматии, достигшей уже 20-го издания, [3] обязал меня помнить Вас всегда и везде, если б я даже был беспамятен или малопамятен.

Из присланных Вами трех предметов: нумера «Современных известий», «Экскурсий в русскую грамматику» и Воспоминаний — я прежде всего бросился на последний. Несколько глав уже были прочтены мною в «Русском вестнике». [4] Вы, Николай Петрович, очень скромны, говоря, что я прочитаю их без скуки. Нет, я прочитал их с жадностью, всласть. Они чрезвычайно и двояко для меня интересны, вообще и в частности, по личному ко мне отношению. Хотя Вы моложе меня семнадцатью годами, но время, Вами описываемое, одного колера и свойства с тем, которое и я переживал. Разница, конечно, есть и сословная и учебная: Вы — духовного звания, я — дворянин; Вы получили среднее образование в семинарии, я — в гимназии; но в этом образовании очень много было общего. У меня и репетитором был кончалый [5] семинарист Рязанской семинарии, Захар Петрович Петров, которого я очень любил, тем более что он снабжал меня книгами [a] и богословскими и мистико-религиозными («Божественная философия», [6] «Духовная брань», [7] «Сионский вестник» [8]). Ведь <в> то время господствовало мистическое настроение (с 1817 по 1823 — годы моего ученья:

[a] *Это слово вписано позднее над строкой.*

двухлетнего в уездном училище[9] и четырехлетнего в гимназии[10]).[a] Двадцать четвертая глава (Москва) так приятно и так живо напомнила мне мои ежегодные поездки на каникулы из Москвы[11] в Рязань. Все станции Московско-Коломенского тракта могу перечесть и теперь; в исчисленных вами пропущены Сандыри, Люберцы. — Коломна, где останавливались часа на три или на четыре, казалась мне чрезвычайно скучным городом, несмотря на множество каменных домов. Сидишь, бывало, в жаркой, исполненной мухами комнате постоялого двора и слышишь только на дворе звон колокольчиков, а под окнами разговор ямщиков, сидящих у ворот на лавке. Прилечь на диване или на кровати нельзя — клопы искусают. Выйдешь на улицу (большую, проездную),[12] пройдешь по ней малую толику: окна во всех домах затворены, а если и отворено одно какое-нибудь, то в него высунулась какая-нибудь баба, большею частию кормилица в повойнике. Видно, что купеческий город (думал я) не то, что Рязань: в этой дома хоть большею частию деревянные, но дворянские — окна все подняты. Даже улица, на которой стоит и теперь Гимназия, — называется[b] Дворянскою,[13] или, по крайней мере, называлась.

Большой интерес возбуждали во мне страницы, на которых у Вас является, по какому-нибудь случаю, митрополит Филарет.[14] Я помню, мы с Вами в разговорах иногда касались его. Вот человек, о котором история теперь не может сказать всей правды, но когда-нибудь да скажет же наконец. Я иначе не могу его представить, как в следующем образе: наружный монашеский вид смирения при внутренней гордыне, нетерпимость, бессердечие, непотизм. Я знаю об нем многое от Руднева (автора «Истории ересей и расколов»),[15] от М. В. Соловьева (отца историка)[16] и его сына Сергея Михайловича,[17] от моего духовника, священника небольшой церкви близ Екатерининского института[18] (забыл его фамилию) и от Александра Ивановича Невоструева, бывшего некогда законоучителем в Александровском училище,[19] где я занимал должность помощника инспектора,[20] а потом протоиереем в церкви Казанской Божией Матери на Никольской улице.[21] Вероятно, о нем говорите Вы в Вашей книге.[22] Я очень сошелся с ним и любил его за ум, хотя он, как говорят, был крутенек нравом. Часто хаживал я к нему на квартиру (в Институте) и беседовали мы о многом, особенно о Митрополите. Не знаю, читали ль Вы три статьи Терновского, кажется профессора Киевской духовной академии.[23] Они были помещены, если не ошибаюсь, в «Новом времени».[24] В них я увидел начало той правдивой истории, которую, к сожалению, мы, может статься, будем читать еще нескоро.

Однако ж письмо мое бессовестно длинно, и рука значительно устала. Об «Экскурсии» позвольте отложить до следующего письма, а теперь, свидетельствуя Вам мое душевное почтение, остаюсь Вашим преданным слугою.

А. Галахов.

Прошу Вас кланяться Вашему племяннику.[25]

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Четырнадцатая — *и следующее числительное вписано поверх над строкой.*

[b] *Испр.; в автографе ошибочно*: называлась.

Печатается полностью впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 740. Л. 2—3 об. Ряд фрагментов был опубликован нами в сопроводительной статье к изданию: *Из пережитого. 2009.*

[1] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

[2] Очевидно, упомянут пожар на даче Гилярова в 1858 г.

[3] Речь идет об учебном пособии: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. М., 1843. Ч. I—II; с 10-го изд. (СПб., 1864) назв.: Русская хрестоматия. 20-е изд. вышло в 1886 г. Последнее, 40-е изд., вышло в 1918 г.

[4] См. примеч. 8 на с. 467.

[5] Т. е. окончивший обучение.

[6] Имеется в виду сочинение Марка Филиппа Дютуа де Мамбрини (Dutoit de Membrini; 1721—1793) «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зерцале: вселенной, человека и Священного Писания» (М.: В Унив. тип., 1818—1819. Ч. I—VI).

[7] Речь идет о сочинении Лоренцо Скуполи (Scupoli; 1530—1610), вышедшем в России в двух переводах: 1) Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя / На российской язык перевел И. М. У. с<тудент> Иван Андреевский. М.: Тип. Комп. типогр., 1787; 2) Брань духовная, или Наука побеждать свои страсти и торжествовать над пороками / Пер. с фр. <и предисл. А. М. Лабзина>. СПб.: В Морской типогр., 1816. (Путеводитель к совершенству жизни христианской; Ч. I).

[8] Назван ежемесячный религиозно-нравственный журнал мистического направления, издававшийся А. М. Лабзиным с января по сентябрь 1806 г. и с апреля 1817 г. по июнь 1818 г. (всего вышло 9 частей, или 25 книжек). Был запрещен указом Св. Синода от 14 мая 1825 г.

[9] В 1818 г. в родном для Галахова городе Сапожок Рязанской губ.

[10] В 1822 г. в Рязани, первым учеником.

[11] В 1822—1826 гг. Галахов учился на физико-математическом факультете Московского университета.

[12] Имеется в виду главный коломенский тракт Большая Московская улица. Также называлась и Большой Астраханской (ныне ул. Октябрьской революции).

[13] Вероятно, это название было неофициальным. Губернская гимназия (позже Первая мужская) была основана в Рязани в 1804 г. и в 1815 г. разместилась в величественном здании на главной улице города — Астраханской (ныне Ленина); на Николо-Дворянской улице (с 1919 г. ул. Полонского) позднее располагалась Вторая мужская гимназия.

[14] Земляк Гилярова по Коломне митрополит Филарет (Дроздов) и его родня не раз появляются на страницах «Из пережитого».

[15] Протоиерей Николай Андреевич Руднев (ок. 1812—1876), церковный историк, проф. МДА; тесть И. А. Вениаминова, ученика и преемника Гилярова по МДА. О трудной цензурной истории труда Руднева «Рассуждения о ересях и расколах в Российской Церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного» (М., 1838), в котором были обнаружены «догматические погрешности», прежде всего недооценка значения церковного предания (см.: *Котович Ал.* Духовная цензура в России (1799—1855 гг.). СПб., 1909. С. 175, 256, 269, 452), писал в своих мемуарах Гиляров: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 167, 185—187, 189.

[16] Протоиерей Михаил Васильевич Соловьев (1791—1861), законоучитель Московского коммерческого училища. О нем также упоминал Гиляров: Там же. С. 306.

[17] Историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879), академик ИАН (1872); ректор Московского университета (1871—1877), дал в своих «Записках» весьма неприязненную характеристику митрополита Филарета (Дроздова). См. полемические отклики: 1) *Флоринский Н. И.* Филарет, митрополит Московский и «Записки» о нем С. Соловьева. М., 1896; 2) *Лебедев А. П.* В защиту Филарета от нападок историка С. М. Соловьева. М., 1907.

[18] Московское училище ордена Святой Екатерины, один из институтов благородных девиц для обучения дочерей потомственных дворян. Основан в 1802 г. С 1928 г. в здании училища находится Центральный дом Красной Армии (ныне Центральный дом Российской Армии). Помимо институтской и двух церквей при Мариинской больнице, в районе Екатерининской площади была только одна приходская церковь — Иоанна Воина, иначе именовавшаяся Воздвижения Креста Господня на Старых Убогих домах, документально известная с 1635 г. и разрушенная в 1930-х гг. (на ее месте в 1937—1941 гг. построена гостиница Центрального дома Советской (ныне Российская) Армии.

[19] О протоиерее А. И. Невоструеве см. примеч. 3 на с. 232. Московское Александровское училище, где он преподавал Закон Божий в 1841—1848 гг., было основано в 1804 г. как отделение Екатерининского училища (с 1807 г. автономно; с 1891 г. Александровский женский институт).

[20] В 1837—1856 гг.

[21] В 1848—1872 гг.

[22] См.: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 126—128, 130—134, 137, 150, 154, 155, 215, 221, 454, 455, 464, 465; Т. 2. С. 104.

[23] Профессор Филипп Алексеевич Терновский (1838—1884) читал церковную историю в Киевском университете и Духовной академии, из которой был уволен по указу Св. Синода от 16 ноября 1883 г. «за направление, несогласное с духом православия, и склонность к мнениям протестантским историкам».

[24] *Терновский Ф.* Митрополит Филарет: Его научное и общественное значение // *НВр.* 1883. 9 янв. № 2466. С. 1—2; 10 янв. № 2467. С. 1; 11 янв. № 2468. С. 1. Этот обширный очерк Терновского и послужил причиной репрессий против него со стороны Духовного ведомства. Любопытно, что толчок ему дала передовая статья Гилярова «Москва, 24 декабря» (*СИ.* 1882. 25 дек. № 356. С. 2—3). Совпадения разительны. Гиляров: «...Филарет был совершенно лишен того, что называют “инициативой”. <...> Он веровал во власть, признавал обязанным ей покоряться, не только за страх, но и за совесть...» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 333). Терновский: «Митр<ополит> Филарет правительственной инициативы вовсе не имел и потому не только не тяготился указаниями высшей власти, но всегда робко и послушно искал, на что бы опереться в своих распоряжениях» (*НВр.* 1883. 10 янв. № 2467. С. 1). Порой Терновский спорит с Гиляровым, не называя своего оппонента. К примеру, пишет: «...при раздаче мест владыко <так!> Московский был довольно свободен от нередкого у архиереев *непотизма*, т. е. пристрастия к племянникам и другим родственникам» (Там же), тогда как Гиляров свидетельствовал: «Его обвиняли, что он усиленно выводил своих родственников, раздавая им места по епархии» (*Вопросы веры и Церкви.* Т. II. С. 334). Однако в целом, безусловно, пером последнего двигало стремление разобраться и понять реальную противоречивость великого человека, его статьи всё же исполнены любви и подчас горечи сожаления, например — в связи с излишней осторожностью Филарета: «...при необыкновенных дарованиях и властном положении, до которого никто из иерархов новейшего времени не достигал, он не сделал многого для внешнего положения Церкви, чего именно от него

позволительно было бы ожидать» (Там же. С. 335). В то же время в очерке Терновского слишком чувствуется ожесточение автора, и потому его произведение не лишено пафоса рассчитанной на скандал разоблачительности, переходящей в некоторое даже злорадство. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Филаретовский юбилей 1867 и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Вып. 5. С. 165–186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Т. 1. С. 115–124.

[25] Имеется в виду Ф. А. Гиляров, так же как и Галахов составлявший учебные хрестоматии. См. преамбулу на с. 210.

3

29 марта <18>86. Петербург.

Милостивый Государь
Николай Петрович,

Простите великодушно за медленное окончание моего письма. Петербург такой уж город, что в нем, несмотря на все сердечное желание, иногда невозможно сдержать данное слово.

Вы слишком много думаете, Николай Петрович, о моем языкознании, предлагая прочесть Ваши «Экскурсии в русскую грамматику» и, разумеется, сказать о них мое мнение. Я могу сказать лишь одно:[a] они не только не лишены значения, но чрезвычайно любопытны и прочтены мною с великим вниманием. И чего ж Вы хотите от меня? Ведь я кончил курс университетский по физико-математическому факультету, а не по историко-филологическому. Да если бы мне пришлось поступить и на последний, то все-таки пользы было бы[b] мало. Мое высшее образованием свершилось в то время, когда еще не существовало ни исторической, ни сравнительной грамматики,[1] когда не появлялось еще термина: индоевропейские языки.[2] За русский язык и словесность я принялся уже по окончании (в 1826 году) курса, когда необходимость заставила меня давать уроки. Так как желающих учиться Русской Грамматике оказалось гораздо больше, чем желающих изучать алгебру и геометрию, то я и взялся за нее.[c] Эти уроки требовали небольшого знания — знакомства с Грамматикой Греча и впоследствии с Грамматикой Востокова.[3] Я изучил ту и другую — и пошел даже в ход, как хороший преподаватель, отличавшийся ясностью и точностью изложения, что приписываю влиянию математики. Затем, познакомясь с Н. И. Надеждиным, помещая, в издаваемом им «Телескопе»,[4] разные статейки о тех или других предметах грамматического учения, за что и был от Кетчера[5] прозван «Великим мужем Русской

---

[a] *Это слово вписано позже над строкой.*

[b] *Частица вписана позже над строкой.*

[c] *Слова* то я и взялся за нее *вписаны сверху над строкой.*

грамматики» по имени одной статьи Карамзина.[a] [6] По выходе «Басурмана» Лажечникова, вздумавшего вводить новую орфографию, основанную на произношении,[7] я написал «Мнение», под псевдонимом *Абеседер*. Оно помещено в «Сыне Отечества» 1839 г. (том 7). Издатель его в то время, Н. А. Полевой, отозвался о моей статье с лестной для меня похвалой. Вот все мои экскурсии в Русскую грамматику. Затем я бросил ее и занялся Историей русской литературы, преимущественно новой, которую и считаю моей единственной[b] специальностью.

Однако ж, я все-таки сделаю несколько замечаний или — вернее — вопросительных знаков на Ваши очень умные и любопытные суждения.

1) В 1-м письме Вы приписываете каждой букве особенное значение, даже в одном и том же слове, наприм<ер> учител*и* и учител*я*, на дом*е* и на дом*у*, объясняя различие между этими формами *логической* гармонией языка (стр. 3). — Мне кажется, Вы приписываете слишком много — если не исключительно все — *логическому* элементу языка. Таково было мнение грамматистов-философов, например Беккера,[8] а у нас частию И. И. Давыдова[9] (вовсе не филолога, и даже не *Беккера* — разве только в смысле *пекаря*). Конечно, понятие, обозначаемое словом, есть главное дело; но ведь слово, вместе с этим, есть образ (буде означает предметы видимые) и звук. Многое меняется и творится в языке независимо от смысла его речений, а в угоду их благозвучия, удобства произнесения. Конечно, в приведенном Вами примере: «на доме этом лежит печать», нельзя, по крайней мере не позволено вм<есто>[c] *на доме* сказать *на дому*; но я, с своей стороны, могу привести много примеров, противоположных Вашим,[d] так что[e] Вы не заметите ни малейшего оттенка различия в смысле, и должны объяснить требованиями гармонии. Вот Вам два стиха:

И в *ра́е* этом жив Адам. — В *раю́* блаженствовал Адам.

Оба стиха ямбические, но ударение над словом *рай* в 1-м стихе над слогом *ра́*, а во втором на конце — *ю́*. Есть песня «В ле́се темном, в ле́се темном», и часто говорится: «мы гуляли в лесу́». С переменой ударения смысл не изменяется; эта перемена вызвана единственно стихотворной метрикой. Большею частию с переменою конечных букв предложного падежа изменяется и ударение, но не всегда; можно сказать: палка стоит *в углу́* и палка стоит *в угле́*. —[f] Слова: «въ всем мире» мы заменяем другим: «в*о* всем мире», или вместо «что*бъ бы*ло» — «что*бы бы*ло», меняя *ъ* на *о* и на *ы*[g]. не ради логического побуждения, а для удобства выговора; по той же причине простолюдины, да и мы, образованные, говорим про-

[a] *Далее зачеркнуто*: От.
[b] *Это слово вписано поверх строки.*
[c] *Далее зачеркнуто*: дома.
[d] *Далее зачеркнуто*: т<ак?> где и.
[e] *Слова* так что *написаны над строкой.*
[f] *Далее зачеркнуто*: Мы.
[g] *Далее зачеркнуто*: ныне бы.

*л*убь вместо про*р*убь. — Поэтому я [a] позволю себе выразить сомнение в справедливости заключения (на стр. 7): «язык стремится быть выражением *только* [b] мысли и чувства, почему самые ударения как отдельных слов, так и целых фраз покоряются мысли».

2) За [c] выражение немца: «как часто дождь *ходит*» Вы обвиняете грамматику, называя ее неправильной (стр. 7). — Но ведь грамматика различает определенный и неопределенный подвиды несовершенного вида глаголов (идти — ходить): вольно же немцу употребить неопределенный вместо определенного. — Я сам смеялся над учителем-французом, очень много гулявшим на вакации: «я нынешнее лето четыре пары сапог *изнес*»: [d] здесь, наоборот, определенный вид (*нести*) [e] ошибочно употреблен вм<есто> неопределенного (*носить*).

3) Объяснение слов *шеромыга* и *лебезить* мне кажется сомнительным. «Шеромыгу», пожалуй, можно допустить, но «лебезить» — едва ли. Я слыхал это слово от простых, коренных мужичков, не имевших возможности перенять его ни от бар, ни от дворни.

4) На стр. 25-ой Вы приводите только три глагола (выносит, выходит, выводит), где *вы* оставляет за глагольною формою значение настоящего, перенося ударение на глагольную форму. — Может быть, Вы берете глаголы с определенным окончанием, но есть глаголы других окончаний, имеющие указанное Вами свойство, напр<имер> *выбрасывает, вытаскивает* и т. д.

Вот и всё. Извините за скудость заметок — и количественную (всего 4), и качественную. Вы меня вызвали, и я обязан был что-нибудь сказать.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего лучшего.

Искренно преданный Вам

А. Галахов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 740. Л. 4—7 об.

1 Первый труд с таким названием — фундаментальное сочинение немецкого лингвиста Франца Боппа (Bopp; 1791—1867) «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, лагинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков» (1833—1853).

2 Термин *индоевропейские языки* (*Indo-European languages*) был впервые введен в 1813 г. английским исследователем Томасом Юнгом (иначе: Янг, Young; 1773—1829).

3 Названы: 1) Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827. Т. 1; 2-е изд.: 1830 (вышел только т. I); 2) Русская грамматика Александра Востокова. СПб., 1831; 12-е изд.: 1874.

4 «Телескоп» — литературно-общественный журнал, издаваемый профессором Московского университета Николаем Ивановичем Надеждиным (1804—1856) в Москве в 1831—1836 гг. Поначалу выходил 2 раза в месяц, с 1834 г. — еженедельно.

---

a *Далее зачеркнуто*: со<мневаюсь>.

b *Далее зачеркнуто:* чув<ства>.

c *Предлог написан сверху над зачеркнутым*: В.

d *Далее зачеркнуто*: вместо.

e *Слово в скобках вписано над строкой.*

[5] Николай Христофорович Кетчер (ок. 1806—1886), переводчик, литератор; врач, начальник Московского врачебного управления (1877—1885).

[6] Свою полуироническую статью «Великий муж Русской грамматики» (1803) Н. М. Карамзин посвятил филологу А. А. Барсову, отстаивавшему ломоносовскую теорию «трех штилей» и полемизировавшему со словоупотреблением сентименталистов.

[7] Речь идет о первом издании романа И. И. Лажечникова «Басурман» (М., 1838), в котором автор пытался реформировать русскую орфографию, совершенно отказавшись от буквы ѳ, используя ***о*** после шипящих (*жолтый, чорный, пошол, прельщон*), допуская отступления в написании окончаний прилагательных и местоимений (*ничево*, *старова*, *дальнева*), постоянно употребляя букву ***ё*** и предлагая, в соответствии с произношением, писать «щ» вместо «сч» и «зч», то есть *щёт*, *расскащик* и т. д. Идея не прижилась, и следующие издания соответствовали принятым нормам языка.

[8] Карл Фердинанд Беккер (Becker; 1775—1849) — немецкий врач, педагог, естествоиспытатель, лингвист и филолог, представитель логического направления в языкознании. Автор трудов: «Немецкое словообразование» (1824), «Немецкое языкознание» и «Организм языка» (оба — 1827).

[9] Иван Иванович Давыдов (1792—1863), тайный советник, сенатор, академик; председатель Второго отделения ИАН, заслуженный профессор русской словесности.

XII. *Кн. Н. В. ШАХОВСКОЙ* ПРОЕКТ МАТЕРЬЯЛА, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВОЙТИ В СБОРНИК <ПАМЯТИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА> (1893)

I
Произведения Н<икиты> П<етровича>

1) Отрывок из неизданной рукописи о глаголе
2) О Расколе, IV гл<ава>[1]
3) Записка о цензуре[2]
4) Синодальная записка (?)[3]
6)[a] Личное и общественное
7) Экскурсии в грамматику

II
Письма Н<икиты> П<етровича>

1) к Победоносцеву[4]
2) к Анне Мих<айловне> Гальперсон[5]
3) к Корнилову[6]
4) к Аксакову
5) к Краевскому
6) к Романову[7]
7) — Блудовой (?)[8]

[a] *Так в рукописи.*

8) — Юрьеву[9]
9) — Шаховскому
10) — Ф. Гилярову (?)
11) — Михаилу (?)[10]
12) — Филиппову (?)[11]
13) — Плевако (?)[12]
14) — Лопатину (?)[13]
15) — Павлову (?)[14]

III
Воспоминания. Статьи

1) Смирнова-Платонова[15]
2) Смирнова[16] —
3) Михаила (?)
4) Бартенева
5) Барсова[17]
6) Ф. Гилярова
7) А. Н. Гилярова
8) Анны Мих<айловны> Гальперсон
9) Романова
10) Шаховского
11) Павлова (?)
12) Эфрона[18]
13) Корнилова (?)
14) Т. И. Филиппова (?)
15) Бессонова (?)
16) Сенатова-отца (?)[19]
17) Ф. Плевако (?)
18) Лопатина (?)

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 25. Л. 1—2 об.

[1] Продолжение цикла «Логика раскола», сохранившееся в рукописи. Впервые опубликовано Шаховским: *РО*. 1895. Т. 35. Окт. С. 456—466.

[2] В архиве Гилярова сохранились черновые наброски и две беловые рукописи с разными вариантами предлагавшихся им формулировок статей под названием «Об изменениях в Цензурном уставе» (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 21. 86 л.). Позже одно из своих «мнений», поданных на обсуждение Комиссии для разработки проекта Устава о книгопечатании — о порядке административных взысканий — Гиляров опубликовал в виде передовой статьи: *СИ*. 1867. 7 дек. № 7. С. 1—2. Скорее всего именно эту Записку и имел в виду Шаховской.

[3] Подразумевается Записка об антиминсах, о которой Гиляров 8 ноября 1883 г. писал К. П. Победоносцеву: «Едва только я вступил в Синодальную типографию, как мне пришлось обратить внимание на печатание антиминсов с хульною надписью, дававшею тот смысл, что тайнодействия сила сообщается антиминсу Государем. Я принялся за ра-

зыскания, составил историческую записку и при содействии покойного Филарета (поразившегося моим указанием и не находившего слов благодарить меня) достиг, что редакция надписи была изменена». Записка датирована 17 октября 1863 г.; впервые опубликована, с отзывом свт. Филарета (Дроздова): Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб.: Синодал. тип., 1891. Ч. II. С. 58—65. *Антиминс* (ἀντιμήνσιον — вместопрестолие, от *греч.* ἀντι — вместо и *лат.* mensa — стол) — льняной или шелковый плат с изображением сцены положения Христа во гроб и четырех евангелистов и надписанием епископа, в который вшита частица св. мощей.

[4] Письма опубликованы нами: *Разумевающие верой*.

[5] Письма опубликованы нами: *Письма к Гальперсон*.

[6] О чиновнике МНП И. П. Корнилове см. примеч. 39 на с. 162—163. О его переписке с Гиляровым см. примеч. 1 на с. 467.

[7] Иван Федорович Романов-Рцы (псевд., наст. фам. — Романов, осн. псевд. — Рцы; 1861—1913), публицист славянофильского направления, издатель, прозаик, ученик и корреспондент Гилярова. Письма опубликованы нами: *Письма к Романову-Рцы*.

[8] Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812—1891), камер-фрейлина имп. Марии Александровны, писательница, мемуаристка; хорошая знакомая Гилярова с 1854 г.

[9] Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888), критик, издатель, председатель ОЛРС (с 1878 г.), друг Гилярова.

[10] Митрополит Сербский Михаил (Йованович). См. примеч. 76 на с. 379.

[11] Государственный контролер Т. И. Филиппов. Двусторонняя переписка Гилярова с ним опубликована лишь недавно нами: *Переписка с Филипповым*.

[12] Об адвокате Ф. Н. Плевако и его взаимоотношениях с Гиляровым см. примеч. 72 на с. 378—379. В архиве Шаховского хранится письмо Плевако к Гилярову <1879 г.> (РНБ. Ф. 847. № 674. Л. 1—2 об.).

[13] Михаил Николаевич Лопатин (1824—1900), тайный советник, председатель департамента Московской судебной палаты, отец философа Льва Лопатина.

[14] Иван Васильевич Павлов (псевд. — Л. Оптухин; 1823—1904), врач, прозаик, публицист, издатель; корреспондент Гилярова и Шаховского.

[15] Прот. Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898), магистр МДА (1850), духовный писатель, церковный историк, редактор-издатель журналов «Православное обозрение» и «Детская помощь»; ученик и сослуживец Гилярова. См. его мемуары, в которых неоднократно упоминается Гиляров: *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // Смирнов-Платонов Гр., прот. «Детская помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 19—50.

[16] Прот. Петр Алексеевич Смирнов (1831—1907), магистр МДА (1854), московский священник (с 1858 г.) и законоучитель (с 1860 г.); настоятель петербургского Исаакиевского собора (с 1886 г.), председатель Учебного комитета при Св. Синоде (1897—1905), редактор газеты «Церковные ведомости» (1888—1905); духовный писатель, историк, педагог.

[17] Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917), фольклорист, исследователь древнерусской письменности; хранитель рукописей Румянцевского музея (с 1870 г.); близкий друг Гилярова с 1867 г. См. его показания в защиту Гилярова на с. 386—387.

[18] Савелий Константинович Эфрон (псевд. — С. Литвин; 1849—1925), прозаик, драматург, публицист, сотрудник «Современных известий» в 1880-е гг. Опубликовал воспо-

минания: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // Русский листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[19] Гаврила Васильевич Сенатов, бывший федосеевец, присоединившийся к православию; крестьянин Муромского уезда Владимирской губернии.

XIII. НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О Н. П. ГИЛЯРОВЕ-ПЛАТОНОВЕ

1. <*А. М. Гальперсон*
Н. П. Гиляров-Платонов и М. С. Сковронская (1893?)>

По одному обоим нам известному случаю, когда женщина, достойная лучшей участи, исковеркала себе жизнь неудачным выбором,[1] я сказала Никите Петровичу, что человек должен нести последствия своих действий, потому что стремление исправить свою ошибку может больно отозваться на окружающих, ни в чем не повинных людях.

Ответ Н<икиты> П<етровича> очень характерен:

— Первый долг человека — не погашать своего духа. В этом он ответствен перед Богом. Если окружающие мешают этому, необходимо от них уйти. Брак без любви не может быть освящен Богом: это своего рода прелюбодеяние.

Характерным я считаю этот ответ в смысле света, бросаемого им на историю со Сковронской. *Теоретически* Н<икита> П<етрович> всегда так смотрел на семейные отношения: они не должны мешать исполнению долга, развитию вложенных в человека дарований.

Но по мягкости своей натуры, по пассивности ее он никогда не решился бы провести этот принцип в свою жизнь, если бы не посторонняя помощь.

Ненормальность отношений гиляровской семьи бросалась в глаза и не таким опытным людям, как Сковронская.

Н<икита> П<етрович> женился без любви из благодарности к семье Богдановых, которая пригрела его в последние семинарские годы,[2] окружила его непривычной для него заботливостью, деликатно удовлетворяла его нужды, даже не спрашивая о них, снабжая его бельем, платьем и деньгами почти незаметно для него самого. Вера Алек<сеевна> была маленькая, худенькая, болезненная и раздражительная старая дева (ей было 29 лет к моменту свадьбы). Отец, большой поклонник просвещения, приходил в отчаяние от равнодушия своих детей к наукам: единственный его сын был полуидиот, дочери — самые обыкновенные поповны.[a][3]

Н<икита> П<етрович>, которого детские грезы избирали своей почвой науку, а не собственные похождения, для которого мечты о женщине[b] еще не начинались (да и начинались ли когда-нибудь) после свадьбы старался воспитать

---

[a] *Далее зачеркнуты начинавшие новый абзац слова*: После свадьбы.

[b] *Далее зачеркнуто*: ни.

в своей жене товарища для своего умственного мира. Замкнутость предшествовавшего периода его жизни виновна в том, что он на этот раз и во все последующие разы не понял, с кем имеет дело и чего можно ждать от поповны, едва знающей грамоту и оставшейся в полной неприкосновенности после многолетней пансионской жизни.

Он диктовал ей свои лекции, пытался заниматься с нею языками, вливал в нее свои знания по мере досугов. Нечего и говорить, что усилия были тщетны: результат известен.

Потеряв надежду в этом, он пытался заинтересовать ее хозяйством, воспитанием детей. Первым она скучала, во втором не признавала никаких новшеств. Детей кормили чем ни попало, послушания добивались гостинцами, от учения оберегали как от наказания и прятали их от отца до известного часа, когда они по лености отказывались идти в школу.

Не заинтересовала Веру Алек<сеевну> и постройка собственной дачи,[4] за которую Н<икита> П<етрович> принялся с[a] увлечением со свойственной ему чертой во все вносить известную идею. Поездки на дачу с целью ознакомить В<еру> А<лексеевну> с ходом работ и с общим планом приводили к тому, что в самом интересном месте объяснений она звала чай пить или пускалась в длинные беседы с дворничихой.

Явилась Сковронская. Жажда найти отзвук в какой-либо душе, безразлично в мущине или женщине, а может быть, и просто избыток внутреннего содержания приводил Н<икиту> П<етровича> всегда к излияниям, пусть и не интимным, пред людьми даже мало знакомыми, а интимная сторона жизни сама собою была всякому ясна, потому что Вера Ал<ексеевна> не сдерживалась ни при ком, и особенно перед теми, к кому она справедливо или несправедливо ревновала своего мужа. Сковр<онская> начала с того, что стала работать неутомимо.[b] Никакой труд не казался ей неисполнимым, всякое желание Н<икиты> П<етровича> было для нее законом, его кабинет — святилищем, его писание — священнодействием.

— Как, неужели к вам в кабинет приходят[c] с хозяйственными мелкими запросами, в то время как вы пишете для общества, которое так нуждается в каждом вашем слове!? Как, неужели дети ваши воспитываются не так, чтобы быть впоследствии достойными своего отца!? Неужели окружающие вас не видят, что только избавлением вас от всего мелкого житейского можно дать вашему гению полный[d] простор!

Может быть, не в такой грубой форме и не всё зараз было высказано Сков<ронской>, но принятая ею тактика была именно такова. Шаг за шагом она «не ради себя, а, напротив, принося в жертву собственные интересы, истощая соб-

---

[a] *Слова* увлечением со *вписаны над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: Никакая работа.

[c] *Далее зачеркнуто*: в.

[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: воспар<ить>.

ственные силы ради человека, которого дух парит высоко над землей», забрала в свои руки не только хозяйство газеты и типографии, но и домашнее, поучая Веру Алек<сеевну>, указывая ей, как должно поступать и как бы для примера лишь действуя самолично.

Н<икита> П<етрович> чувствовал только одно: что его умственный мир все более и более освобождается от вторжения житейских мелочей, что дети[a] освободились от безобразных привычек, что нужда не только прекратилась, но явился даже достаток, что хронические[b] прежде запаздывания в выходе газеты прекратились, что беспорядки в типографии исчезли, что чай и обед подаются вовремя и притом не сопровождаются более семейными сценами...

Сколько мне известно, первое время и Вера Алек<сеевна> видела в Сков<ронской> благодетельницу: она тоже подчинилась ее авторитету, и тем разительнее были результаты.

Не знаю, сама ли Сков<ронская> потеряла такт и стала забирать чрезмерную власть или досужие языки указали Вере Алек<сеевне> на ненормальность положения, но сцены возобновились с большею против прежнего силою. Весь новый строй, так радостно принятый, так много давший, грозил рушиться и возвратить к прежнему, который по сравнению с новым казался еще ужаснее и мучительнее.

И здесь Сков<ронская> нашлась. «Вам надо удалить от себя семью. Это можно сделать даже без особенной резкости: семья на даче, вы — в городе, семья в городе — вы остаетесь еще некоторое время на даче, а там можно и затянуть дачную жизнь на более продолжительный срок».

Может быть, опять-таки, и это было сказано не в такой форме и не сразу, но исход указан и притом такой простой, ни для кого не обидный: семья накормлена, напоена, дети направлены в хорошую сторону, с женой давно отношения установились внешние только, а с душевным спокойствием и возможностью работать без помехи так трудно расстаться, раз приобретя их после стольких лет поисков за ними.

Сков<ронская> поспевала всюду: она всегда под рукой, всякое желание понимает с полуслова, о деле заботится, семью не забывает.

Несколько лет — и привычка к ней обратилась во вторую натуру, тем более что для себя она ничего не требовала. Может быть, она умела извлекать и для себя выгоду из дела, которое было у нее в безотчетном заведывании, — не Никите Петровичу было подозревать в подобном кого бы то ни было: до последних дней его жизни я не видела, чтобы он проверял вручаемые ему отчеты.

Характерно в этом отношении следующее обстоятельство: лишившись дачи в Разумовском,[5] он сильно тосковал: каждое деревцо посажено было там им самим, каждое бревно в доме положено по его плану и указанию. Он мечтал о собственном угле и стал тешить себя мыслию о постройке дачи в Черкизове, понимая, что при его материальном положении это немыслимо. Муж мой, заведовавший

[a] Далее зачеркнуто: на.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: неизбежные.

конторой,[a] не говоря ему[b] ни слова, стал из ежедневного дохода газеты[c] откладывать не знаю по скольку, но в течение года или полутора скопил до двух тысяч, а потом только сообщил об этом Никите Петровичу. Хотя ему по-прежнему ежедневно вечером вручались отчеты, он даже не заметил, что ни[d] один отчет не сходился с цифрой дохода. Эти две тысячи послужили началом для[e] дачи, а потом откладывание совершалось уже с[f] ведома Никиты Петровича.

Этот случай и много подобных заставляют меня думать, что Сков<ронская> могла бы, если бы хотела, извлекать выгоду и для себя, но я не хочу утверждать, чтобы она это действительно делала.

Со стороны подобные отношения могли быть объясняемы только в смысле сожития. Сков<ронская>, чтобы укрепить свое положение (это одно внушает мысль, что ей лично было оно выгодно), не стесняясь, предо всеми называла себя любовницей Никиты Петровича. Он об этом не знал, но знали все близкие: трудно было устоять от искушения, чтобы не верить этому. Я допускаю, что с течением времени это стало фактом, хотя опять-таки никаких данных нет для этого и у меня, но думаю, что если это и было, то явилось результатом привычки, а отнюдь не наоборот.

Боязнь лишиться такого энергичного руководителя, с одной стороны, с другой — высота личной нравственности, глубоко религиозный взгляд на кающихся грешников заставляли[g] Никиту Петровича раз за разом прощать Сков<ронской> ее безобразные поступки: она одерживала победу чистосердечностью признания. Для меня нет никакого сомнения, что с первого проступка Сков<ронской>, если ранее и существовали между ними близкие отношения, они должны были прекратиться раз навсегда, но приближенною она оставалась: уверенность в ее[h] приверженности умственному миру не прекращалась, несмотря на ее действия, которые, впрочем, и справедливо приписывались болезненному состоянию.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 1018. Л. 1—11. Архивистами озаглавлено: «Неустановленное лицо. Письмо неустановленному лицу». Автор определяется по почерку, событиям, отраженным в тексте, и его стилистическим особенностям. На деле, судя по содержанию, это воспоминания, написанные для кн. Н. В. Шаховского по его просьбе — скорее всего в 1893 г., когда предполагалось издать Сборник памяти Гилярова. Известно, что А. М. Гальперсон была принята в редакцию «Современных известий» корректором по рекомендации Сковронской в 1875 г. Подробнее о взаимоотношениях Гилярова и Гальперсон см.: *Письма к Гальперсон*.

---

[a] *Слова* заведовавший конторой *вписаны над строкой*.
[b] *Это местоимение вписано сверху над зачеркнутым*: самому.
[c] *Это слово вписано сверху над строкой*.
[d] *Далее зачеркнуто*: одного дня.
[e] *Предлог вписан сверху над строкой*.
[f] *Далее зачеркнуто*: его.
[g] *Испр.; в автографе*: заставляла.
[h] *Далее зачеркнуто*: принадлежности к умственно<му>.

[1] Скорее всего речь идет о сотруднице «Современных известий» (с 1875 г.) переводчице А. Р. Яньковой, которую бросил с тремя малыми детьми на руках муж-пропойца буйного поведения. См. об этом черновик заявления Гилярова «В контору 2<-го> квартала Тверской части» от 2 февраля 1875 г.: РНБ. Ф. 847. № 423. Л. 1, 2.

[2] См. подробно о жизни Гилярова в семье его будущего тестя, протоиерея московской церкви Флора и Лавра на Зацепе Алексея Ивановича Богданова (1786—1860), в книге «Из пережитого» — главы LIII («Новая обстановка»), LIV («Церковное письмоводство») и LV («Ленивый день»).

[3] Упомянуты, помимо Веры, сын Игнатий, впоследствии справщик Московской Синодальной типографии, и дочь Мария (в замужестве Тихобразова).

[4] Речь идет о даче в Петровско-Разумовском. См. примеч. 5 на с. 432.

[5] Эта дача была продана за бесценок в 1884 г. с аукциона за долги. См. подробнее об этом в воспоминаниях Н. Н. Гилярова.

2. <*Н. Н. Гиляров*. Воспоминания об отце (1893)>

II

Фабрика расположена на берегу речки Рузы, в $1^1/_2$ верстах от города того же имени и от станции Шелковка[a] Моск<овско>-Брестской ж<елезной> д<ороги> в 20 верстах и близь села Брынкова.[b] Дорога к станции была еще[c] сносная только в хорошую зимнюю и сухую летнюю погоду, а в иную пору почти непроездной вследствие многочисленных ухабов. Фабрика вырабатывала одну *оберточную* бумагу желтоватого цвета и толстую. Н<икита> П<етрович> победил желтый цвет усиленной отбелкой хлором, но с толщиной, требующей очень[d] много тряпья, справиться было невозможно при истертых валах, и бумага для газеты такой плотности обходилась помимо провоза дороже покупной. Древесной массы прибавлять к тряпью можно было самое незначительное количество из-за плохих валов, настолько тесно прилегавших один к другому, как было нужно для давления на массу из дерева. Н<икита> П<етрович> в своей маленькой лаборатории стал заниматься опытами над суррогатами тряпки: иглами хвойных деревьев, листьями лопуха, конского щавеля, крапивой и проч. Затративши на покупку фабрики наличный капитал 25 тысяч и 30 тысяч взятых взаймы, Н<икита> П<етрович> запутался в делах вскоре: а) пришлось тряпки покупать в кредит; б) или продавать оберточную бумагу себе в убыток, или обменивать на газетную.[e] Цены на[f] обертку громадные фабрики сбили, и тягаться «Брынковской писчебумажной фабрике» с допот<оп>ной конструкцией машинами[g] было не-

[a] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[b] *Слова* и близь села Брынкова *вписаны над строкой.*

[c] *Далее зачеркнуто*: сносной.

[d] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[e] *Далее зачеркнуто*: т<ак> к<ак>.

[f] *Далее зачеркнуто*: оную.

[g] *Далее зачеркнуто*: тягаться.

возможно; в) газетная бумага покупалась в кредит. Фабрика поглощала всю прибыль от газеты. В довершение всех благ[a] Н<икита> П<етрович> задумал переделывать плотину без помощи инженера. Управляющий фабрикой старик, служивший лет 20 у Шумова,[1] отказался от должности; Н<икита> П<етрович> по просьбе одной дальней родственницы принял на фабрику взамен старика — бывшего[b] надзирателем за мальчишками[c] в духовном[d] училище некоего «Михайлу» Маркова, человека, ни бельмеса не понимающего в писчебумажном деле, зато весьма льстивого[e] и понимающего много в коплении на черный день.[f] Чертежи плотины Н<икиты> П<етровича>, как сказал один инженер, составлены совершенно согласно с наукой, а[g] постройка плотины, под наблюдением г-на Маркова, оказалась никуда негодной, и в первое половодье ее разнесло. Маркову, человеку очень плодовитому насчет детей, было неохота «торчать на ветру» с мужичьем, а приятнее возиться с «детишками». Плотина строилась не раз, фабрика работала обертки месяца по два в году, она шла в уплату за газетную бумагу. Рабочих во время бездействия фабрики Н<икита> П<етрович> не распускал. Финалом[h] построек плотины было приглашение инженера Зиберта составить проект.[i] При последней[j] постройке плотины Н<икита> П<етрович> часто ездил на фабрику и проводил там даже иногда[k] по нескольку дней. Плотина под его личным наблюдением была наконец построена прочно, и более не разваливалась, но фабрика опять-таки работала непостоянно, за неимением тряпки[l] с большими антрактами, месяца по 4—5 и более. Рабочие получали жалованье и за антракты, но попадало ли жалованье, выходившее из кармана Н<икиты> П<етровича>, им целиком? В 1882 г. фабрика окончательно стала. Нашелся некий Ненароков,[2] пожелавший арендовать фабрику. Но недолго длилось это арендование. Ненароков прожил[m] лето 82 года вместо дачи на фабрике,[3] в ход ее не пускал и, видя свою[n] ошибку в расчетах, «махнул рукой», а Маркова протурил с фабрики, узнавши, что сей делец[o] купил или арендовал[p]

---

[a] *Слова* всех благ *вписаны сверху над зачеркнутым*: всего.

[b] *Далее зачеркнуто*: смотрит<елем>.

[c] *Слова* за мальчишками *вписаны над строкой.*

[d] *Слова* в духовном *вписаны сверху над зачеркнутым*: в уездном.

[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[f] *Далее зачеркнуто*: Рис<унки>.

[g] *Далее зачеркнуто*: испол<нение>.

[h] *Далее зачеркнуто*: плотины.

[i] *Далее зачеркнуто*: В.

[j] *Далее зачеркнуто*: последнем.

[k] *Слова* даже иногда *вписаны над строкой.*

[l] *Слова* за неимением тряпки *вписаны над строкой.*

[m] *Далее зачеркнуто*: проживши.

[n] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[o] *Слова* сей делец *вписаны сверху над зачеркнутым*: Марков.

[p] *Слова* или арендовал *вписаны над строкой.*

мельницу в Рязанской губ<ернии> «Finis coronat opus»:[4] фабрика с аукциона была куплена присяжным повер<енным> Тростянским[5] за 4000 р<ублей>!

III

Вернемся назад.[a] Н<икита> П<етрович> в 1875 году прожил на даче до ноября. Контракт на помещение в доме Игнатьева,[b] кончился, дом Игнатьева купил Пашков. Н<икита> П<етрович> снял помещение для конторы и типографии в Ваганьковском пер<еулке> в доме Александровского подворья, а сам поселился в номере в доме Навродского[6] на Знаменке. Из женского персонала в редакции осталась Скворонская и конторщица Варвара Васил<ьевна> Тимковская, но первую за это время нечего считать: С<ковронск>ая жила у себя на даче в Перове. В редакции Н<икита> П<етрович> остался с[c] Трескиным[7] и секретарем Лебедевым,[8] кругом в долгах. При таких обстоятельствах другой,[d] как говорится, потерял бы голову, но Н<икита> П<етрович> смог писать фельетоны — и в первый раз в жизни. Фельетоны, написанные легким слогом, не лишены были игривости, и печатались за подписью «Вес. Долгий». Особенный успех имел фельетон о гомеопатии,[9] теория которой изложена была замечательно понятливо. Многие из почитателей Н<икиты> П<етровича>, а их было немало (иначе газета осталась бы в то время почти без вовсе подписчиков при крайне неисправной[e] рассылке: газета моск<овским> подписч<икам> доставлялась к полудню, а иногородним пачками с несколькими №№, напр<имер> по 40 за раз) по большей части из «образованных лавочников» и духовенства интересовались знать настоящую фамилию автора. Н<икита> П<етрович> своими беседами в передовых статьях, можно сказать, образовал лавочников, и они привыкли (факт) к его слогу. Духовенство и лавочники подозревали в подписи «Вес. Долгий» самого редактора; ходили в контору якобы за покупкой №, спрашивали конторщицу с хитростью, напр<имер>: — «Не знаете ли, сударыня, кто писал этот фельетон?» или: — «Настоящая это фамилия или “вседаумонин”». — Аксаков:[10] «Сударыня, вы должны знать, а скрываете».[f] Конторщице было строго-настрого приказано не объяснять[g] загадочной подписи. Подпись *Вес. Долгий* не гармонировала со столь[h] тяжкими обстоятельствами, при коих слабохарактерные люди прибегают к веревкам, острым инструментам и т. п. Одни объясняли сию подпись так: весьма долгий, т. е. *большого роста*, другие *весь в долгу* (лавочники). Пишущему

---

[a] *Далее зачеркнуто*: В ноябре.
[b] *Далее зачеркнуто*: купленный.
[c] *Далее зачеркнуто*: одним.
[d] *Далее зачеркнуто*: бы.
[e] *Далее зачеркнуто*: доставке.
[f] *Это предложение — вставка с нижнего поля рукописи.*
[g] *Слова* приказано не объяснять *вписаны сверху над зачеркнутым*: не открывать.
[h] *Это слово вписано сверху над строкой.*

сии строки пришлось узнать впоследствии, что значила подпись: Вес.(елый) — *hilaris*, а долгий — большого роста.[a]

В том же году П. А. Лебедев предложил Н<иките> П<етровичу> исполнять в типографии посторонние работы и, разумеется, для этого увеличить число наборщиков. Заказы были найдены. В типографии между прочим печатались «Жизнь Иисуса Христа» Ренана,[11] «Восточная агиология» архимандрита Сергия,[12] затем набиралась магистерская диссертация Ф. А. Гилярова.[13] По уходе Лебедева «книжная наборная» существовала недолго, и 1876 г<одом> остались наборщики только для газеты.

Но вот кончилось «политическое затишье», на ясном[b] политическом горизонте показалось облачко, преобразовавшееся далее в тучу: началось «сербское восстание».[14] С Н<икитой> П<етровичем> познакомился Николай Николаевич Дурново, издав<авший> впоследствии газету «Восток».[15] Николай Ник<олаевич>, бывший во время оно богатый помещик, человек образцовой честности, принимавший горячо к сердцу турецкие зверства. Н<иколай> Никол<аевич> часто посещал Н<икиту> П<етровича> и писал статьи по славянскому делу. Статьи Дурново не блистали риторством, но имели успех, действуя на сердца. Газета исподволь шла в гору. Когда же началась Сербско-турецкая война, то подписчиков являлось в контору так много, что одной конторщице было не под силу справляться, помогала ей ее сестра и племянник Н<икиты> П<етровича>, Сергей Дмитр<иевич> Тихобразов,[16] принимавший пожертвования в пользу повстанцев. С<ергей> Д<митриевич>, однако, недолго этим делом занимался, усматривая в приеме пожертвований обузу для Н<икиты> П<етровича>. — «Охота Н<иките> П<етровичу> при таком малом числе служащих вязаться с пожертвованиями, лучше бы исправнее свое[c] дело вести; дойдет дело, пожалуй, до того, что старые портки будут таскать в контору».

Так ли сяк ли, но к концу Сербско-тур<ецкой> войны газета печаталась в числе 14 000 экземпляров, Н<икита> П<етрович> переехал в д<ом> Арманд на Воздвиженке, сняв в меблированных комнатах квартиру из 2 комнат с прихожей, а Скворонская сняла этажом ниже один № с прихожей.[d] Переводами из[e] газет занимался тогда рекомендованный Тихобразовым его знакомый Николай Апполонов[f] Путята (умерший),[17] а переводом телеграмм[g] — Авдотья Ревокатова Янькова, конторщицами были 2 сестры Тимковские, секретарь Павел Лебедев. Скворонская имела прислугой Авдотью Бурову, а Н<икита> П<етрович> — подругу Буровой девчонку Полюшку.[18] В квартире Н<икиты> П<етровича>

---

[a] *Весь следующий абзац написан позднее на другом листе (6 об.) рукописи, место вставки помечено красной галочкой.*

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Далее зачеркнуто*: Иностранным отделом.

[e] *Предлог вписан сверху над зачеркнутым*: телеграмм.

[f] *Так в автографе.*

[g] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: из газет.

был крайний беспорядок, но все-таки удобство: Н<икита> П<етрович> целые дни сидел или лежал, работая за перегородкой в спальне, рядом в комнате часто «дрыхнул» приезжавший с фабрики за деньгами Марков. [a]

За небольшим столиком перед зеркалом сидела Скворонская в кабинете Н<икиты> П<етрович>а; на столике для виду лежала длинная [b] вырезка из иностранной газеты, и вязала чулки; если приходил кто-либо из посторонних, чулки с нитками живо прятались в ящик, вязальные спицы заменялись пером. Вечером часов с 8 в кабинете бывала такая картина: за большим столом сидели два студента и писали адреса подписчиков ночью, [c] А. Р. Янькова, [d] нагнувшись над телеграммами, Путята с коррект<урными> гранками; в углах сидели Авдотья и Пелагея. Маркову лежать в это время [e] на диване не было места, а его полусонный постоянно вид надоел даже С<ковронск>ой. Чтобы как-нибудь «этого Обломова» выкурить, С<ковронск>ая давала ему 15 к<опеек> «попить чайку в трактире»; несмотря на свою хитрость, С<ковронская> воображала, что Марков «без копейки». Такая выдача длилась более 2-х месяцев, пока не произошла оказия: у Маркова выпал из кармана прейскурант трактира Часовикова (у Каменного моста) и счет на 2 р<убля> с чем-то. В счету был поставлен раковый суп.

— Как бы мне хотелось, М<ихаил> Алекс<еевич>, поесть ракового супу, — сказала как-то днем полулежавшему Маркову С<ковронск>ая.

— Так что ж? В трактире Тестова, вероятно, есть этот суп, пошлите, и принесут; [f] и мне дали бы попробовать, я его никогда не едал.

— В самом деле? К Тестову далеко посылать, вероятно, и у Часовикова есть. Впрочем, девочек посылать неловко; не сходите ли вы? — (Картина!)

Марков приезжал с фабрики за деньгами, и их дожидался подолгу. Почему Н<икита> П<етрович> не заставлял Маркова писать адреса, не знаю. К следующему приезду, через месяц приблизительно, Н<икитой> П<етровичем> был снят в нижнем этаже еще №; в эту комнату Н<икита> П<етрович> велел принести старые печатные адреса всех иногородних подписчиков за несколько годов, [g] и заставил Маркова составить из них алфавит. И заниматься в новом № этим делом. Дело кропотливое и для ленивого человека просто должно быть ужасным. М<арков> мечтал поскорее уехать на фабрику; к вящему же неудовольствию деньги для уплаты рабочим вскоре были готовы, но Н<икита> П<етрович> послал с ними Ивана Васил<ьевича> Попова.

К концу 1876 года газета расходилась, по не совсем верным отчетам, в количестве 17 000 (в действительности больше), и Н<икита> П<етрович> переехал

---

[a] *Далее три строки тщательно вымараны.*

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Далее зачеркнуто*: с вырезками.

[e] *Слова* в это время *вписаны над строкой.*

[f] *Далее зачеркнуто*: я бы поп<робовал>.

[g] *Слова* за несколько годов *вписаны сверху над зачеркнутым*: не за один год.

в д<ом> Бетлинга,[19] сняв квартиру в 3 этажа ценою около полутора тысяч р<ублей> в год. В[a] 1877 году Ф. А. Гиляров сделался вторым редактором[20] — занимался газетой очень усердно и сделал для нее очень много полезного, хотя бы, напр<имер>, то, что газета стала выходить гораздо раньше, чем прежде, и настолько, что получались иногда жалобы на слишком ранний приход разносчиков, вместо прежних частых[b] жалоб на позд<н>юю доставку. Кроме того, письма в редакцию не заваливались, а прочитывались своевременно и записывались в книгу. Вместо Лебедева был новый секретарь с помощником Д. А. Покровским;[21] гонорар сотрудникам уплачивался аккуратно. Вообще редакция была похожа на редакцию, а не на что-то эдакое. Опечатки были редкостью, ибо Ф<едор> А<лександрович> внимательно сам читал последнюю корректуру; заведен был отдел[c] «ответов редакции», но в собственно хозяйственной части был кавардак, фабрика пожирала доходы, пожирали и некоторые недобросовестные люди. Когда заключен был мир с Турцией, газета, понятно, должна была бы менее расходиться, но вышло иначе. Однажды Н<икита> П<етрович> получил от совершенно неизвестного ему человека Збруева[22] заметку под заглавием «Генеральское сражение», в которой описывалась драка 2 генералов: одного с зонтиком, а другого с палкой. Заметка очень понравилась Н<иките> П<етровичу>, и он велел написать автору письмо с приглашением к редактору. Автор оказался акцизным чиновн<иком> при табачной фабрике Бостанджогло.[23] Н<икита> П<етрович> предложил Збруеву попробовать писать фельетоны. Первый фельетон очень понравился публике, имели большой успех и последующие. В дни (раз в неделю), когда появлялся фельетон «На лету», газета печаталась[d] до 23 000 экземпляров; кроме того, по 1 разу в неделю печатались фельетоны «[e]В области мрака и наживы» покойного М. В. Дьяконова за подписью «Сирота».[24] Фельетоны Збруева были опереточного характера и за подписью *Берендей*, придуманной Н<икитой> П<етровичем>. Берендей вызывал якобы к себе разных видных в городе лиц и их «распекал». Некоторые простодушные лица даже думали, что за подписью «Берендей» скрывается высокопоставленное лицо... К сожалению, престиж Берендея длился недолго, не более года. Бостанджогло, пронюхав, что Збруев пишет в газету, стал его выживать. Первым шагом к сему было не пускать на фабричный двор гостей к Збруеву. Однажды З<бруев> вступился за гостей, сторож дерзнул З<бруе>ва схватить за рукав. З<бруев> подал на сторожа жалобу мировому судье. За сторожа выступил защитником Шайкевич.[25] Камера была битком набита публикой, мировой судья оправдал сторожа, так как хватание за рукав не было доказано. З<бруев> подал в съезд,[26] но и там проиграл дело. Наконец З<бруев> назвал в фельетоне Бостанджогло

---

[a] *Далее зачеркнуто*: этом.

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: расходилась.

[e] *Далее зачеркнуто*: Из.

самодуром. Б<останджо>гло тогда привлек обоих редакторов к суду, обвиняя их в оскорблении в печати. Со стороны Б<останджо>гло выступил пр<исяжный> пов<еренный> Шайкевич, а редакторов — Плевако. Редакторы были приговорены к штрафу по 100 р<ублей>. Шайкевич на суде сказал между прочим, что он в непродолжительном времени докажет тождество Берендея с Збруевым. Вскоре умер г. Дьяконов, З<бруев> перестал писать.[a] Розничная продажа стала убывать, как говорится, не по дням, а по часам. Из постоянных фельетонистов остался один Пастухов,[27] писавший под заглавием «Наблюдения прохожего», да, кроме того, печаталась в отделе фельетонов история крамолы, которую составлял Ф. А. Гиляров.[28] «15 лет крамолы» не имели особенного влияния на розничную продажу, ибо каждый фельетон таковой не имеет значения в отдельности. Между тем Н<иките> П<етровичу> пришла мысль[b] выписать из Англии ротационную машину, печатавшую газету на «бесконечной бумаге». Ф<едор> А<лександрович> очень возмущался затеей Н<икиты> П<етровича> и некоторым[c] близко стоящим к Н<иките> П<етровичу> лицам говорил: «М<илостивые> господа, если машина будет куплена, работать не стану; у нас газета без разных новшеств и в большем количестве №№ выходила рано». Машина была выписана через контору Блюменберг,[29] разумеется в кредит, за 26 000 р<ублей> вместе с мастером на условиях: жалованье 150 р<ублей> в месяц, завтрак, обед и ужин, причем в завтраке и обеде был обязателен бифштекс и портер,[d] проезд тоже на счет Н<икиты> П<етровича>. Мастер, кроме английского языка, ни на каком не говорил, а потому потребовался переводчик, нанятый за 60 руб<лей> в мес<яц>. Мастер устанавливал машину 3 месяца. Машина работала гораздо быстрее прежней, но не 14 000 экз<емпляров> в час, как обещали,[e] а много 8, и имела крупный недостаток: не было при ней мочильного аппарата. Для сухой бумаги требовалась дорогая краска. Мастер, установив машину, уехал, но стереотипа никто не успел сделать. В Москве такая машина была единственной в типографии, и поучиться стереотипу для нее было негде. Н<икита> П<етрович> послал метранпажа Д. Ф. Кучина, человека весьма честного, но крайне медлительного, в Петербург в типографию Краевского изучить там стереотиперство. «Новшество» обошлось в «копеечку». В первый день пускания машины в ход утром в типографию «Сов<ременных> изв<естий>» пожаловал Ланин,[30] редактор-изд<атель> «Русского курьера». Сей цивилизованный и прогрессивный человек, каким сам себя считает, вскоре купил такую же машину для своих 2000 подписчиков, но гораздо дешевле: Ланин[f] машину выписал прямо с фабрики и с заключением условия с неустойками и проч. После Ланина приобрели «Русск<ие> вед<омос-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Газет <а>.
[b] *Далее зачеркнуто*: купить.
[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[d] *Далее зачеркнуто*: мастер.
[e] *Слова* как обещали *вписаны над строкой.*
[f] *Далее зачеркнуто*: заключил условие в полн<ом?>.

ти>» ротационную машину немецкой фабрикации за 11 000. Хотя машина «Русск<их> вед<омостей>» была размером вдвое больше, пожалуй, английской, но зато конструкцией проще, и имела[a] пароувлажнительный аппарат. Как Н. П. Гиляров, так и Н(иколай)[b] П<етрович> Ланин пытались и к своим машинам приделать или мочильный, или пароувлажнительный аппарат, но без успеха. Если я коснусь «Рус<ского> кур<ьера>», то только потому, что в числе сотрудников была там[c] С<ковронск>ая, и отступлю назад в жизнеописании «Совр<еменных> изв<естий>». Николай Петр<ович> Ланин, «водяной король»[d][31] еще давным-давно мечтал быть литератором и иметь «свой печатный орган»; Ланин охотно принимал к себе писателей. Первый шаг на лит<ературном> поприще было издание книги, написанной Д. А. Покровским, сотрудн<иком> (непостоянным) «С<овременных> и<звестий>», «О взаимном страховании».[32] Надо сказать, что Ланин[e] почитал Н<икиту> П<етровича>, и стать с ним вровень была идея Ланина. 1878 г<одом> Л<анин> стал издавать газету «Русский курьер»,[33] очень мало повредившую «С<овременным> изв<естиям>», Ланин пошел по стопам Н<икиты> Петровича, завел женский труд, в котором играла главную роль М. С<ковронск>ая, т. е. Ланин снял копию с «Сов<ременных> изв<естий>», полезность женского труда выразилась блестящими результатами: Ланин терпел одни убытки и наконец прикрыл газету.[34]

В 1881 году Н<икита> П<етрович> пригласил своего сына Алексея, бывшего тогда преподавателем (в Рыбинске) гимназии, заниматься по иностранному отделу. Алексей Никитич[f] помимо выборок из иностранных газет писал «политическое обозрение» и передовые статьи. В 1882 г. в августе (кажется) стала выходить новая газета «Моск<овский> листок»[35] и «Вестник» Ф. А. Гилярова.[36] «Совр<еменные> изв<естия>» лишились[g] сотрудника Пастухова и 2-го ред<актора> Ф. А. Гилярова. В этом году «С<овременные> изв<естия>» печатались уже около 4000, а в следующем — еще[h] в меньшем количестве. Начался кризис: не хватало денег на покупку бумаги и уплату в Почтамт за рассылку газеты. Газета иногородним сплошь и рядом посылалась разом пачками экземпляров по 40 и даже иногда более.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: мочальный.

[b] *Круглые скобки в автографе.*

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Далее зачеркнуто*: несколько лет.

[e] *Далее зачеркнуто*: уважал.

[f] *Далее зачеркнуто*: между прочим, писал передовые по этой части до.

[g] *Далее зачеркнуто*: двух.

[h] *Далее зачеркнуто*: менее.

1882 г<одом> летом[37] в Москве открылась Промышленно-худ<ожественная> выставка, которая мало помогла газете. В этом же году в секретари газеты был взят репортер Д. А. Мансфельд, писавший заметки и отчеты о судебных процессах. Сей Мансфельд подал совет Н<иките> П<етровичу>, или, вернее, «подбил», издавать иллюстрированный журнал «Радугу». Н<икита> П<етрович> верил словам М<ансфель>да, что «журнал пойдет страшно». Но увы! Рисунки были плохи, сотрудники еще хуже; «Радуга» шла через пень в колоду первый год, а потом «сошла на нет».[38]

Огромный или плотный[a] мозг Н<икиты> П<етровича> (голова его соразмерно с ростом была не особенно велика,[b] но весьма тяжела; про то знают его дети и лица,[c] ходившие за больным Н<икитой> П<етровичем>, когда приходилось поднимать голову… «Дети, подымите мою голову, — говорил им отец малолетним, лежа в полном здравии на кушетке, после прочтения “цензурных” оттисков, — мы будем достраивать дом (из деревянных кирпичиков)». Голову[d] поднять было не под силу детям 6 и 7 лет вдвоем. Неужели Н<икита> П<етрович> подозревал в детях, еще глупых, соображение, что он хвастается умом? Однако: «Моя голова пуста, в голове шум, постучите,[e] — открыв рот, говорил Н<икита> П<етрович>,[f] — и послушайте») был, вероятно, разделен на самостоятельные части, которыми можно объяснить[g] на первый взгляд идиосинкразию в духовном человеке Н<икиты> П<етровича>. —

Н<икита> П<етрович> был человек, безусловно, вполне русский, с головы до пят; все русское, как бы оно ни было мерзко во вкусах вообще общества, нравилось Н<иките> П<етровичу>:[h] а) Н<иките> П<етровичу> нравился ярко[i] красный цвет (мужицкие рубахи); б) портки пестрые у мужиков; в) войлочные шапки форм<ы> усеченного конуса; портянкам[j] отдавал предпочт<ение> перед носками; г) видел какую-то красоту в топорной работе крестьянских лиц и проч. и[k] ужасным пением баб восхищался. Одним словом — славянофил, был в хороших отношениях с противниками вообще русских: евреями, поляками, цыганами, немцами.

---

[a] *Слова* или плотный *вписаны сверху над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: что.

[c] *Далее зачеркнуто*: ухажив<авшие>.

[d] *Далее зачеркнуто*: нам.

[e] *Далее зачеркнуто*: открывши рот.

[f] *Слова* открыв рот, говорил Н<икита> П<етрович> *вписаны сверху над строкой.*

[g] *Далее зачеркнуто сначала*: контраст, *затем*: женств<енность?>.

[h] *Инициалы вписаны сверху над зачеркнутым*: ему.

[i] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[j] *Сначала было*: портянки. *Далее зачеркнуто*: считал.

[k] *Далее зачеркнуто*: в ужасно<м>.

Для Н<икиты> П<етровича> была дорога Россия в общем понятии о ней как государстве, а ее элементы были для него безразличны.

— Почему Аксаков в «Развлечении» был изображен с кружкой кваса, а ваш отец[a] в опорках и халате... [39] А потому, что какой же он славянофил, когда он любит всякую иноплеменную[b] сволочь. [40] — Это[c] говорил один очень видный[d] коммерсант с университетским образованием. — Жаль мне вашего папашу, очень жаль, дал бы ему денег, да все пойдет, извините за выражение, псу под хвост. Что ему за охота тянуть, чинить гнилые веревки. Если бы он плюнул на свою газету, я бы ему 10 т<ысяч> в год платил; пиши он статьи хоть в «Новое время». Вы, пожалуй, этого ему не говорите, я сказал вам по-приятельски, да, впрочем, вас заплевали разные проходимцы.

Другой из весьма крупных (подобных же)[e] финансистов говорил вот что:

— Гиляров-Плат<онов> для нас был бы клад: в голове[f] у нас много, а проводника нет.

— А Катков?

— Катков — богач, это раз, да еще жидовский выкормыш. [41]

— Пустяки.

— Нет-с... у него много жидов в газете: Шульман, [42] Грингмут, [43] да с вами и говорить не стоит.

Случилась на Руси «Кукуевская катастрофа». [44] Для «настоящих» газетчиков была радость велия, и в особенности для корр<еспондентов>.

— Тут, друг мой, дело не в построчной плате, а... понимаешь, на Курской дороге много тузов. От «Моск<овских> вед<омостей>» полетел некий Кочетов, [45] не поделившийся гамзой[46] с гусаром или уланом и за то был выгнан из «М<осковских> в<едомостей>».

— Отчего бы вам, Н<икита> П<етрович>, самим не поехать на Кукуевку? — советовал поляк Пелешевский. [47] (Пауза.)

— Пожалуй, я бы поехал, вам это ничего не будет стоить. Попрошу Н<иколая> Ник<итича> написать на бланке...

— Я, может быть, сам съезжу.

— Посмотрим.

— Ничего, Н<иколай> Никит<ич>, с вашим батюшкой не поделаешь ни на крупину, — сказал Н<иколаю> Н<икитичу> П<елешевск>ий.[g] — Никита бессребреник.

---

[a] Слова ваш отец *вписаны сверху над зачеркнутыми инициалами*: Н. П.

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Местоимение вписано сверху над зачеркнутым*: Так.

[d] *Слова* очень видный *вписаны сверху над строкой.*

[e] *Слова в скобках вписаны сверху над строкой.*

[f] *Слова* в голове *вписаны сверху над зачеркнутым:* соображения.

[g] *Далее зачеркнуто:* Он же бессребряный.

Наступил период «сокращения» в православии. Первым шагом к сему было семейство Гальперсон, а затем — «сталовера» мужика Гаврила Сенатова.[48] Гаврила Сенатов славился в деревне как знахарь, а затем как[a] колдун, почему он опасался за свою жизнь, хитрец принял старообрядческую веру, улизнул за каменные стены обители. Но в сей обители узрели, что Гаврила не правоверующий, а просто проходимец, служащий вашим и нашим. И еще бы: сей муж 5 раз менял как варюшки[b] свою веру — это было известно правоверным,[c] да, кроме того, сын его готовился в «емназию». В «С<овременных> и<звестиях>»[d] участвовал брат *Сироты* (см. выше) Дьяконов,[49] который, служа[e] в одной крупной торговой[f] фирме старооб<рядцев> бухгалтером, знал их жизнь как два пальца свои;[g] рассказы Д<ьяконова>, человека, получив<шего> значительное образование, нравились публике, а редактору не представляли труда исправления. Участие в «С<овременных> и<звестиях>» Дьяк<онова> длилось не очень долго, с год. Д<ьяконов> по расстроенному здоровью уехал в Одессу к сестре. Вскоре (через месяц приблизительно) в редакцию «С<овременных> и<звестий>» был доставлен объемистый пакет с надписью: «Его Превосходит<ельству> Н. П. Г<илярову>-П<латонову> *лично*», и в этом пакете безграмотно[h] написанная статья — продолжение дьяконовского «Из старообрядч<еского> мира»; затем пролез[i] вкрадчивый, бедно одетый молодой человек с выпуклым весьма лбом[50] к редактору, представил статью, написанную полуграмотно. Н<икита> П<етрович> поправлял писания, учил молодого человека... Человек с выпуклым лбом постиг грамматику, долбяся по руководству Ф. Гилярова и А. Кирпичникова,[51] и пробил себе лбом дорогу. Постигши «гуманизм» Н<икиты> П<етровича> и извиваясь как ящерица,[j] льстя, елико возможно, возымел намерение[k] натолкнуть Н<икиту> П<етровича> на невозможное почти: выхлопотать[l] поступление в семинарию без экзамена. Из своекорыстных видов был совершен переход в православие. Если справедлива поговорка: «яблочко от дерева недалеко падает», что можно подумать о сыне отца, менявшего «веру» как лапти или портянки?

Дьяконов не раз говорил Н<иколаю> Ник<итичу>: «Меня калуверы[52] хотят поколотить» — «Знаете ли что: если бы я был человек ловкий, мог бы содрать с них немалую толику за молчание».

---

[a] *Союз вписан сверху над зачеркнутым*: получил.

[b] *Так в автографе.*

[c] *Пять первых букв этого слова вписаны сверху над строкой.*

[d] *Далее сначала зачеркнуто*: был сом, *затем*: писал.

[e] *Далее зачеркнуто*: бухг<алтером>.

[f] *Это слово вписано над строкой.*

[g] *Далее зачеркнуто*: но.

[h] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: находилась — рукопись.

[i] *Слова* пролез [к редакт<ору>] *вписаны сверху над зачеркнутым*: явился.

[j] *Далее зачеркнуто*: дуя.

[k] *Далее зачеркнуто*: заставить Н<икиту> П<етровича>.

[l] *Далее зачеркнуто сначала*: в ду<ховной>, *затем*: допущ<ение>.

— Чего же вы зеваете?

— Поезжайте сами с «гранкой».

Разговор этот происходил, конечно,[a] шутя.

Д<ьяконов> — человек слабого здоровья, но[b] не бедный (20 000 р<ублей> имел) и факт — боялся избиения. За рассказы не брал из редакции гонорара. Д<ьяконов> был предан Н<иките> П<етровичу> по памяти покойного своего[c] брата, честнейшего человека, умершего нищим от чахотки, автора «Из общества мрака и наживы». Отец же Сенатова-рассказчика был побит в Черкизове.

Н<икита> П<етрович> готов был быть крестным отцом любого иноверца.

Почему Н<икита> П<етрович> построил дачу на чужой земле и именно[d] в Черкизове, затратив на нее сумму, достаточную для <постройки> на[e] собственной земле дачи в ином и лучшем месте?

В. Г. Сенатов в 1886 г. ежедневно бывал на даче у Н<икиты> П<етровича> и доставлял своим посещением удовольствие только Н<иките> П<етровичу>, а не другим, как человек, только вызнающий, а о себе ничего не рассказывающий, кроме самых пустяков. Сей услужливый кавалер (кому надо) после дальних[f] прогулок предлагал Н<иките> П<етровичу> почесать пятки, а С. И. Гальперсону во время путешествия в Сергиев Посад — натирал[g] водкой ноги и одевал их в портянки.

Существует в Москве врач Владимир Сергеевич Гиляров, родной племянник Н<икиты> П<етрович>а.

— А что вы скажете на это: я хочу попросить Н<икиту> П<етровича>похлопотать у губернатора (кн. Долгор<укова>[53]) насчет местечка медицинского инспектора, а?

— Попробуйте, спрос не беда.

— Ведь Н<икита> П<етрович> устроил, что недоучки в семинарию без экзамена принимаются. А?

Одною из характерных черт Н<икиты> П<етровича> была неохота спорить, хотя он обладал могучей диалектикой. Некот<орые> говорили так: чувствуют, что на моей стороне правда, а не находимся, что возразить. Однако споры бывали. И очень ярые, напр<имер> с С. А. Юрьевым и особенно с чехом профессо-

[a] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: нисколько.

[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[d] *Слова* и именно *вписаны над строкой.*

[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[f] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[g] *Далее зачеркнуто*: спирто<м>.

ром Иезбером[54] (1868—69 г<оды>) — политическ<ого> характера. Споры с последним были громогласны, так что прислуга всегда[a] думала[b] в этом случае: «Они ругаются и серчают». Кричал Иезбер, доказывая, что Австрия рано или поздно будет губернией России, что поляки — те же славяне, родные даже[c] по языку и т. п., но Н<икита> П<етрович> выражал иное мнение.

В Москве существует гостиница «Славянский базар». В 1865 г. пожелал познакомиться с Н<икитой> П<етровичем> некий о<т>ставной капитан (?) Пороховщиков[55] с целью избегнуть[d] возможного противодействия Н<икиты> П<етровича> насчет уделения земли под гостиницу близ Синод<альной> типогр<афии>. Н<икита> П<етрович> считал сию типографию как бы священным чем-то и *всячески* шел наперекор Пороховщикову. П<ороховщиков>, как говорится, обивал пороги кварт<иры> Н<икиты> П<етровича>. В. Румянцев[56] и прочие синодальные были на стороне Пор<оховщико>ва. Н<икита> П<етрович> был только в своих делах мягок как вазелин, а в чужих — камень. — «Положим, Василий Егоров<ич> (Рум<янцев>), Пороховщиков — хороший человек и дельный, но Синодальная типография, этот истор<ический> памятник, рядом с трактиром...»

Подобная же история была в 1878 г. в Ваганьковском пер<еулке>. Некий Пашков домовладелец (ныне его дом — Н. И. Пастухова) задумал учредить бани на петербург<ский> манер, компаниею. Затея не исполнилась благодаря Н<иките> П<етровичу> и его последователю Ф. А. Гиляр<ову>. Н<икита> П<етрович> негодовал, что бани будут соседями с[e] Каз<енной> палатой, архивом Минист<ерства> иност<ранных> дел, Румянц<евским> муз<еем>, а Ф<едор> А<ександрович> писал громовые статьи, пускал в ход все свое красноречие.[57] Статьи действительно красноречивые. И не ошибаюсь ли я годом: 78 или 77 год?[f]

Н<икита> П<етрович> для новой ротационной машины, как и всю бумагу для газеты, покупал у Г. Н. Воронина, торговца бумагой в Рядах.[g] После покупки рот<ационных> машин Н<икита> П<етрович> особенно нуждался в деньгах, и нередко приходилось «выклянчивать» бумагу у этого купца. «Выклянчивать» посылались Иван Попов и Степан Катц, но Григ<орий> Никол<аевич>

[a] *Далее зачеркнуто*: полагала.
[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[d] *Далее зачеркнуто*: ожидаем<ого> против<одействия>.
[e] *Далее зачеркнуто*: Истор<ическим> муз<еем>.
[f] *Эти два предложения вписаны позже между строк.*
[g] *Далее зачеркнуто*: При.

терпеть не мог сих любимцев Н<икиты> П<етровича>, как воров, и в просьбе их отказывал наотрез. Хитрец Иван бумагу покупал на свои деньги, говоря Н<иките> П<етровичу>, что Воронина он упросил. Н<икита> П<етрович> наконец понял обман и послал за бумагой своего сына. Купец упирался.

— Г<ригорий> Ник<олаевич>, — сказал сын купцу, — Вы ведь отпускаете в долг бумагу по просьбе[a] Катца и Попова, а по моей не хотите?

— Какой вздор. Я раз велел[b] молодцам накласть им[c] по шее. Рази я сумасшедший, буду знаться со всякой сволочью.

Никита Петрович знал теорию музыки, но сомнительно, чтобы обладал музыкальным и тонким слухом, некоторые звуки не были доступны его слуху: напр<имер>, кузнечика,[58] стрекозы, сверчка.

Н<икита> П<етрович> слушал с удовольствием дисгармоническое пение крестьянских баб,[d] нравилось ему также гнуслявое пение «калик перехожих». Однако наверное можно полагать, что Н<икита> П<етрович> был большой любитель русских народных мотивов. Пение Славянского[59] приводило Н<икиту> П<етровича> в восторг.

Однажды один[e] хороший знакомый Н<икиты> П<етровича>, музыкант Кашперов,[60] предложил Н<иките> П<етровичу> послушать у себя на дому пение Додонова,[61] на что Н<икита> П<етрович> охотно согласился. Послушать пение упомянутого певца в квартире Н<икиты> П<етровича> собралось немало гостей. За ужином, после концерта, Н<икита> П<етрович> сказал Додонову: «Я даже не рад, что вы приехали». Д<одонов>, естественно, покраснел, а один из гостей заметил Н<иките> П<етровичу>:[f] — «Какой комплимент вы отпустили Додонову». — «Я хотел[g] выразить свое восхищение», — ответил Н<икита> П<етрович>.

В первом нумере «Радуги» был помещен текст некоторых[h] русских песен, петых Славянским; одна из них начиналась словами *в сентитюровом капоте.*[62] Слова эти заслужили насмешки многих из подписчиков.

Н<икита> П<етрович> был окружен льстецами и хитрецами. Две особы женского пола (остатки прежнего бабского царства): одна переводчица теле-

[a] *Слова* по просьбе *вписаны над строкой.*
[b] *Далее зачеркнуто*: им, *затем*: сво<им>.
[c] *Местоимение вписано сверху над строкой.*
[d] *Далее зачеркнуто*: а равно гнуслявое.
[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[f] *Далее зачеркнуто*: Какую штуку вы отв<етили>.
[g] *Далее зачеркнуто*: эти<м>.
[h] *Далее зачеркнуто*: песен.

грамм, а другая ничего, так себе,[a] по старой памяти проживавшие в д<оме> Бетлинг, в <18>79 г. в своих интересах подговорили Н<икиту> П<етровича> купить фисгармонию:

— Вы такой знаток музыки и т. д.

Желание особ исполнилось. Превосходная фисгармония была поставлена в зал около кабинета. Уж и как же[b] принялись Янькова и Орлова наяривать![c] Инда меха лопнули у 400-р<ублевого> инструмента. Была куплена за 60 р<ублей> и гитара, доставшаяся А<вдотье> Иванов<не> Орловой. Марков, управляющий фабрикой, был великий льстец. Увидав фисгармонию, он понял, «где раки зимуют», и стал намекать Н<иките> П<етровичу>, что ему весьма полезно при сидячей жизни физический труд. Марков, проживая частенько подолгу в квартире Н<икиты> П<етровича>, задумал учиться слесарному мастерству, мечтая открыть слесарное заведение: был куплен за 600 р<ублей> токарный станок для железных и стальных предметов, который был Марковым испорчен.

Во время[d] Турецкой войны начался у Н<икиты> П<етровича> шахматный период, которым заразился и второй редактор; у последнего запой, впрочем, был только летом, а в иное время года Ф<едор> А<лександрович> только выпивал.

В упомянутый период всякий приехавший в гости к Н<иките> П<етровичу> приглашался «сыграть».[e] Ни разу не поигравший с Н<икитой> П<етровичем> гость охотно соглашался поиграть, но затем старался отлынуть, испытав удовольствие наиграться до одури.

Льстивый Марков стал учиться играть, и очень успешно: в полгода уже М<арков> мог сражаться с редакторами без ферезя. Игра Н<икиты> П<етровича> с Марковым нередко кончалась часов в 6 утра. Марков[f] принялся на фабрике изучать гамбиты и партии игроков, и затем[g] не уступал в игре не только редакторам, но приезжавшему из Петербурга И. А. Пашкову,[63] который в редакции считался равным почти Морфи.[64]

Игра[h] с М<арковым>, уже постигшим вполне премудрость шахматной игры, в конце *периода* производилась с Н<икитой> П<етровичем> «не так на так», а на деньги, и однажды Марков выиграл около 4 рублей и боялся, как бы Н<икита> П<етрович> «не осерчал».

---

[a] *Слова* ничего, так себе *вписаны над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: наяривали.

[c] *Далее зачеркнуто*: Меха лопнули!

[d] *Далее зачеркнуто*: Сер<б>ско<й>.

[e] *Далее зачеркнуто*: Сначала.

[f] *Далее зачеркнуто*: наконец.

[g] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[h] *Далее зачеркнуто*: уже.

— Не проиграть ли ему нарочно в следующий раз? Как вы думаете?

— Полноте, Мих<аил> Алексеич, что за холуйство.

Опасение оказалось напрасным.

Обворовывание Н<икиты> П<етровича> интенсивно[a] началось в конце 1868 г., когда поступил на неопределенного наименования должность некий *А*, уволенный с прежнего места за кражу мыла. *А* в «Сов<ременных> изв<естиях>» «присваивал» деньги, получаемые по счетам за объявления от розничной продажи газеты, показывал фиктивных рабочих в отчетах, воровал шрифт, поживлялся от краски и всех хозяйственных[b] покупок для[c] «С<овременных> и<звестий>». *А* прослужил недолго, не «зарвался» в воровстве (до 70 р<ублей>), а заработал на открытие маленькой табачно-галантерейной лавочки на Никитской. На место *А*, по рекомендации одного знакомого Н<икиты> П<етровича> священника, поступил крещеный еврей *Б*, которому *А* продал секрет поживления за 25 р<ублей>. *А* получал 20 р<ублей> в м<есяц>, а *Б* поступил на 8 (!). *Б* в[d] период 1870—85 г<одов>[e] «нажил» 20 000 р<ублей>. *Б* получал[f] maximum 50 р<ублей> в мес<яц>. 1870 г<одом> к Н<иките> П<етровичу> поступил в лакеи цыган *В*, который воровал на почве «домашних расходов» до вступления в[g] должность фактотума[65] Г<илярова>, до 1870—86 г<одов>.

Б жил относительно личной своей ценности широко: платил за квартиру 40 р<ублей> в мес<яц>, проживал вообще р<ублей> 200 в мес<яц>.[h] Для ограбления Н<икиты> П<етровича> составился[i] триумвират: *Б*, *В* и разносчик газет крещеный еврей *Д*. Это[j] трио[k] (цыган и 2 еврея) «работало» заодно, но главою был *Б*. Напр<имер>, газета[l] в отчете значилась печатаемой в количестве 11 000, а на самом деле 16 000. Эти-то незаконные 5000 №№ и продавал крещеный разносчик *Д*, наживший капитал более 100 000 р<ублей> и дававший взаймы Н<иките> П<етровичу> деньги[m] из-за 3% месячных, а под подписчиков (квитанции) 2%.

Из мелких воришек назовем конторщицу *Е*, которой в 1878 г. понадобились деньги на свадьбу (с корректором «С<овременных> и<звестий>» Оглоблиным[n]).

---

a *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: собственно.
b *Далее зачеркнуто*: расхо<дов>.
c *Далее зачеркнуто*: газеты.
d *Далее зачеркнуто*: течение.
e *Далее зачеркнуто*: наворо<вал>.
f *Далее зачеркнуто*: не более.
g *Далее зачеркнуто*: секретари.
h *Далее зачеркнуто*: В.
i *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: участвовал.
j *Далее зачеркнуто*: тайна.
k *Испр., в автографе*: Эта трию.
l *Далее зачеркнуто*: по отчету печаталась.
m *Далее зачеркнуто*: под.
n *Фамилия указана на нижнем поле и снабжена отсылочным символом.*

Жених[a] студент научил писать *обходы* (адре<с>а) для рассылки газеты, а талоны утаивать. При наплыве подписчиков[b] в конце года *Е* смогла украсть более 1000 р<ублей>, но попалась благодаря секретарю *Ж*.

В[c] наворовал тысяч десять,[d] прикупил земли в деревне, построил каменную избу. У *В* было б и теперь 10 000 р<ублей>, если бы он не имел любовниц.

На фабрике «работал» *З* (Марков). Сей муж поступил[e] на фабрику директором в 1875 г.[f] (или как называли в редакции *З* дилехтор) по просьбе одной родственницы Н<икиты> П<етровича>, проживавшей в Коломне. *З* принялся воровать, не сразу сметив «где раки зимуют», так как он, бывший[g] надзиратель над мальчиками в приходской школе, ничего не понимал в писчебумажно-фабр<ичном> деле. Воровать принялся[h] с 1876 г., прогрессируя до 1883 г. и регрессируя до 1885 г., удалившись благоразумно на честным путем (?) приобретенную мельницу. Сей муж мог бы иметь тысяч 15, если бы не находился во власти Приапа и Бахуса.

Воров в «С<овременных> изв<естиях>» было так много, что не[i] в одной[j] Москве, а даже далее очень многим, особенно среди купечества (не говоря о знакомых Н<икиты> П<етровича>) было известно сие. Благодаря этому обстоятельству Н<икита> П<етрович> потерял в банках кредит. Один дисконтер, к которому Н<икита> П<етрович> обращался за деньгами, сказал посланному: «Я бы дал не две тысячи, а двадцать Н<иките> П<етровичу>, если бы не был уверен, что они не пойдут в руки воров». — «Как так?» — «Да так: у вас там вор на воре сидит и вором погоняет. Даже в газете Гатцука[66] напечатано, срамота».

В августе 1880 г. Н<икитой> П<етрови>чем был вызван один из сыновей,[67] живший постоянно по делам редакции летом[k] в городе, и остался там ночевать, а[l] на другой день приехал в Москву вместе с отцом. Н<икита> П<етрович> полез в несгораемый шкаф, стоявший в кабинете, вероятно за деньгами, но увы:[m] в шкафе не оказалось 1500 р<ублей> золотыми, увернутых в бумагу столбиками, и серебряных рублей около 200 шт<ук>, кредитными билетами — около

---

[a] *Далее зачеркнуто*: научил.
[b] *Далее зачеркнуто*: под.
[c] *Далее зачеркнуто*: нажил.
[d] *Далее зачеркнуто*: пост<роил>.
[e] *Далее зачеркнуто*: в.
[f] *Дата вписана над строкой.*
[g] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[h] *Далее зачеркнуто*: в.
[i] *Частица вписана сверху над строкой.*
[j] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[k] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[l] *Далее зачеркнуто*: на утр<о>.
[m] *Далее зачеркнуто*: из шкафа было похищ<ено>.

800 р<ублей>. Шкаф был запираем «секретным» замком и ключом на литеры — секрет, который знал лишь Н<икита> П<етрович>. Чудеса! Сыну понадобилась ложка, и он за ней[a] полез в буфет; увы, и ложек серебряных не оказалось около дюжины. В отсутствие «господ» находилась одна горничная Фиона, родственница любовницы И. В. Попова (*В*); которая (любовница)[b] жила внизу в кухне.

— Удивляюсь, как могли отпереть несгораемый шкаф? — восклицал Н<икита> П<етрович>. Оказалось, что у Н<икиты> П<етровича> было 2 ключа: один на даче, а другой в кабинете в письменном столе, и ключ оный преспокойно лежал на прежнем месте.

Сын, подозревая неких 2 лиц в краже, пошел было заявить полиции, но Н<икита> П<етрович> сказал: «Погоди, я сам заявлю». Тем дело и кончилось.... Раньше этого случая был подобный в сентябре 1879 г. В этом месяце Н<икита> П<етрович> жил в Москве, в д<оме> Бетлинг, и однажды зачем-то приехал на дачу, может быть вспомнив про[c] оставленные 100 р<ублей> в ящике письменного стола, но их не оказалось.

В доме Бетлинг при кухне Гилярова было несколько комнат (в нижнем этаже). Тут проживал «личарда» Ив<ан> Вас<ильевич> Попов с любовницей и четырьмя детьми, имел 2 коровы, получая (тогда еще лакей) 12 р<ублей> в месяц. Летом Попов торговал хозяйскими ягодами[d] на даче и в Москве на рынке, и сеном, скошенным на собственной земле Н<икиты> П<етровича> и на арендованных двух участках в Разумовском, и при с. Деднове.[68]

Н<икита> П<етрович> почему-то опасался более всего похищения денежных пакетов, получаемых из Почтамта, между тем как похищение их возможно было получателем лишь по способу господина Мельницкого.[69] По этой причине в Почтамт за деньгами ездил в течение нескольких лет сын, занимавшийся в редакции совершенно иным делом. Однако пакеты похищались, особенно в «горячее» время (полугодовая и годовая подписка) в[e] конце июня и декабре, несмотря на то, что сын, приехавши с почты, пакеты вручал их[f] только отцу; но Н<икита> П<етрович> нередко, пересчитав пакеты в связке, оставлял их на столе, на диване и проч. Такая же неаккуратность была и относительно денег, приносимых конторщицей из конторы. Деньги вкладывались в листы бумаги, отчеты, вместе с разными документами,[g] подписными карточками и проч.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: пошел.

[b] *Слова* которая (любовница) *вписаны сверху над зачеркнутым*: оба.

[c] *Далее зачеркнуто*: зыбыты<е>.

[d] *Далее зачеркнуто*: как.

[e] *Далее зачеркнуто*: июне.

[f] *Местоимение вписано сверху над строкой.*

[g] *Далее зачеркнуто*: адресными.

Отмечу психологический знак: ни один из самых заядлых воров в «С<овременных> и<звестиях>» не бывал на могиле[a] ограбленного!

1883 г<одом>, когда[b] «С<овременным> и<звестиям>» грозил крах, Марков предложил Н<иките> П<етровичу> свои услуги съездить на фабрику Говарда,[70] якобы для изучения выработки древесной массы и растительного пергамента. На предложение это Н<икита> П<етрович> согласился, но цель поездки на деньги Н<икиты> П<етрович>а у Маркова была иная: он намеревался поступить на службу к Говарду, и от Мансфельда (тогда секрет<арь> в редакции) заручился рекомендательным письмом к одному из влиятельных на оной лиц, инженеру Тимоховичу. Господин «дилехтур» был принят на фабрику Г<овар>да, но, естественно, лишь в качестве простого рабочего и вдобавок ночного, за что вместо 10 р<ублей> полагалось 15. Марков на фабрике Н<икиты> П<етрович>а оставил свое семейство: тещу, жену и 2-х детей. Марков на ф<абрике> Говарда прослужил недолго, около двух недель, и как хронический алкоголик заболел там белой горячкой вследствие внезапного прекращения употр<ебления> спиртн<ых> напитков; разумеется, внове, да еще при ночной трудной работе и пьянствовать *вовсю*, как у Гилярова, было нельзя. В припадке горячки М<арков> кинулся на говардского рабочего с ножом. Маркова связали, и[c] один мужик, бывший рабочий у Гилярова, дал знать теще Маркова о сем. Теща привезла Маркова в д<ом> Бетлинг, и по секрету от Н<икиты> П<етровича> уложила на диван в кабинете «закройщика» из газет. Утром на другой день М<арков> затесался в кабинет к Н<иките> П<етровичу> и слегка потрогал его за бороду, затем спустился в нижний этаж к секретарю редакции и с ним поступил так же. Марков с бессмысленными глазами[d] расхаживал по всей квартире Н<икиты> П<етрович>а, наводя на всех страх. Маркова хотели было отправить в участок, но Н<икита> П<етрович> пожалел М<арко>ва и, признав его за умопомешанного, отправил в карете с тещей в Преображенскую больницу, где его, конечно, не приняли.[e] Вошедши в прежнюю колею, М<арков> оправился и уехал на фабрику к семье. Марков имел наглость[f] уверять Н<икиту> П<етровича>, что он рехнулся от безнадежной любви...

(Расскажу еще подробнее.) Ездить в первых классах и на хозяйских лошадях, как говорится, пурселепетом <?>, с фабрики в Москву с ничтожными, а часто

[a] *Далее зачеркнуто*: Н<икиты> П<етровича>.
[b] *Далее зачеркнуто*: Н<иките> П<етровичу>.
[c] *Далее зачеркнуто*: дали знать.
[d] *Далее зачеркнуто*: шля<лся>.
[e] *Далее зачеркнуто*: Отправившись.
[f] *Далее зачеркнуто*: утвер<ждать>.

вовсе фальшивыми предлогами перед Н<икитой> П<етровичем> обратилось у М<аркова> сначала[a] в привычку. Марков избаловался, вкусив увеселения Москвы, напр<имер> «Салон-де-вариете», «Фоли-Бержер», «Гран плязир»[71] и т. п., и ему было уже скучно на фабрике, а в конце концов «дилехтур», проживая на даче в Разумовском, *врезался*[b] не в шутку в жену Озерецкого (чья теперь уже дача Н<икиты> П<етрович>а, см. выше), и чтобы отогнать «сердечного червяка», задумал махнуть в Киев на хозяйский счет. Но как?

— Н<икита> П<етрович>, у нас развалились сетки.

— Что же вы раньше не сказали об этом?

— Боялся беспокоить, и так расходов много.

— Надо купить.

— Приценялся, очень дорого. А вот, говорили мне, что в Киеве открылась фабрика металлических тканей, там внове очень дешево возьмут.

— Надо списаться с этой фабрикой, — вставил свое замечание присутствующий при разговоре секретарь, понимавший замыслы М<арко>ва.

— И прекрасно. Напиши сейчас же...

Только благодаря секретарю, который всем стоял поперек горла, вояж этот[c] не состоялся.

В этом 79 г., редакторы погрузились в спиритизм. Вертели столы на Знаменке в д<оме> Бетлинг, а иногда и на Поварской в д<оме> Писемского[72] (Ф. А. Гиляров).

У Н<икиты> П<етровича> сеансы были весьма удачны, а при участии[d] Маркова и Авд<отьи> Иван<овны> блестящи: стол даже прыгал, разумеется при участии двух пар ног. Погружение это началось вот по какому поводу. В доме покойного Кошелёва[e][73] была биллиардная. Перед его смертью по вечерам и ночам слышался даже гостям, в том числе и Ф<едору> А<лександровичу>, — шум от катающихся шаров. (Н<икита> П<етрович>, кажется, допускал возможность объяснения вращения стола и т. п. вместе с Юрьевым колебанием эфира и течением[f] воздуха от тепла, издаваемого руками.)

Н<икита> П<етрович> был охотник до культивировки растений. Так, напр<имер>, на своей даче он задумал разводить бруснику и чернику; для этой цели сделано было несколько грядок на влажном наиболее месте. Культура уда-

[a] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[b] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: влюбился.
[c] *Местоимение вписано сверху над строкой.*
[d] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[e] *Далее зачеркнуто*: перед его смертью.
[f] *Это слово вписано сверху над строкой.*

лась. Иное дело с грибами, произрастанием коих Н<икита> П<етрович> давно интересовался: его[a] увлекала таинственность акта произрастания. Н<икита> П<етрович> собирал землю в лесу, на которой росли грибы, на эту землю пересаживал их, сеял кусочки изрезанных грибов и т. д., но все опыты были вовсе неудачны.

Н<икита> П<етрович> думал было завести торговлю вениками,[b] или шутил, говоря об этом, но, однако, доказывал[c] ее прибыльность. Для торговли можно сеять семена березы, которые ничего не стоят, завести плантации маленьких кустиков, которые можно косить и связывать в веники.

Н<икита> П<етрович> неоднократно говорил: «Не лень мать всех пороков, а ложь; кто один раз солгал, тот всегда лжет». Это говорил человек, окруженный льстецами, а ergo[74] лгунами.

Часто встречавшееся в передовых статьях Каткова выражение «общественная ложь» — едва ли не перенятое у Н<икиты> П<етровича>. Н<икита> П<етрович> во время оно писал статьи в «Моск<овские> вед<омости>».

— Вы, кажется, были охотник называть ненормальные проявления общ<ественной> мысли — ложью.

— Я всегда избегал специфических выражений.

— Не совсем понимаю, — заметил[d] доктор С., бывший некогда сам редакт<ором> медиц<инской> газ<еты>.

— Особенных, как не понять, по коим одним[e] можно узнать автора статьи.

— Вроде как по лекарству иного доктора.

— Пожалуй, и так, — засмеялся Н<икита> П<етрович>.

Однажды Н<иките> П<етровичу> случилось виде<ть> тетрадки с сочинениями двух гимназистов одной и той же гимназии и одного класса. Под «сочинениями», написанными кратко, стояли тройки, а под длинными — 4 и 5.

— Какая видна бездарность и глупость[f] учителя: оценивать кратко изложенную мысль ниже, чем пустое многословие.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: занимала.
[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[c] *Далее зачеркнуто*: ее выгодн<ость>.
[d] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: сказал.
[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[f] *Слова* и глупость *вписаны над строкой.*

Детей своих Н<икита> П<етрович> стал учить грамоте[a] раненько: по летам их — 4 и 5 лет, но слегка, заманивая, по совету жены, игрушками с буквами. Но вскоре сей способ обучения[b] был признан негодным: внутренность игрушек была только интересна для них. Отец купил азбуку с картинками и указку, но учил не по складам, а по-новому и без колотушек.[c] Учение шло успешно; через год дети научились читать книгу без складов, разумеется. Полагая, вероятно, что интерес к чтению сам собой придет, детям был дан отдых на год. 1859 г<одом> решено было начать учить по-настоящему, взять гувернантку, пока собственно для писания. «По-настоящему», подслушанные эти слова отца привели детей в ужас: они слыхали[d] рассказы, как учило духовенство своих детей. Священник В. И. Романовский[75] служил молебен и сказал затем детям нравоучение: «Помните, дети, что корень науки… Не бойтесь, будете прилежны, драть вас не станут». —

Недели через две приехал Александр Петр<ович>, священник с Солянки, брат Н<икиты> П<етровича>, и громогласно (он был глух) изрек: «— Покажи, как ты своих олухов». Дети скрылись куда-то.

В. И. Романовский смотрел частенько тетрадки детей[e] с чистописанием и говорил: «Молодцы ребята, старайтесь угодить родителям вашим». А Алек<сандр> Петр<ович> хвалился перед Н<икитой> П<етровичем> тем, что он учил их «бияху аж зубы с кровию выпадаху». Можно себе представить, каково было горько жить у такого грубого человека его брату, автору «Из пережитого»: у человека, колотившего и своих присных чем попадя. В автобиографии много опущено неказистых фактов, характеризующих грубого попа. Из троих братьев Н<икита> П<етрович> был по характеру самый мягкий, и был жесток только на словах, одобрял крутые действия администраторов, даже оправдывал Иоанна IV, а сам, особенно в старости, был просто тряпкой, если можно так выразиться.

Н<икита> П<етрович> никогда не давал воли своим дланям, за исключением единственного случая. Был куплен полный комплект дорогой[f] домашней посуды за 150 р<ублей>[g] (в 1878 г.). Однажды, занимаясь у себя в кабинете, Н<икита> П<етрович> неоднократно слышал звон разбиваемого стекла на лестнице и позвонил в «вечевой колокол». На звон явился мальчишка 17-летн<ий>[h] «Родька», брат Авдотьи Ив<ановны>.

[a] *Далее зачеркнуто*: довольно по мнению.
[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[c] *Слова* и без колотушек *вписаны над строкой.*
[d] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: знали. как.
[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[f] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[g] *Слова* за 150 р<ублей> *вписаны над строкой.*
[h] *Это слово вписано сверху над строкой.*

— [a] Кто там колотит стекла?

— Это к прибыли, Н<икита> П<етрович>! Как понес поднос (наверх) к Покровскому — трах, к Ревокатовне (Яньковой) — трах: всю посуду влоск... У вас будет много подписчиков... [b] За это была дань дланью по щеке и только.

По случаю этого у Авд<отьи> И<вановны>, вошедшей в кабинет, [c] сделалась quasi истерика, и Н<икита> П<етрович> говорил, [d] допивая в 2 часа ночи с Яньковой самовар и 20-й стакан чаю, Яньковой: «Я бы этому сорванцу все волосы бы выдрал».

— Да уж до чего дошел: мне руку изволит протягивать. Здравствуйте, г-жа Янькова, говорил. Положим, нельзя одобрить Сковронскую, что она это отродье била самоварами и клистирными трубками — но согласитесь... Хорошо, что у Н<икиты> П<етровича> такой большой рост, что платье его не впору ни Ивану, ни Родиону, а то бы стали надевать.

— Пожалуй, что и так, — заметил третий, только что вошедший.

— Чему вы смеетесь? Часы ведь брали?

Педагогический этюд (рассказ со слов <Ф. А. Гилярова?>)

...Я только что вернулся домой из семинарии, и кухарка, отворяя дверь, сказала мне, что папаша очень сердит. Мамаша плачет, а сестры и братья разбежались, должно быть, спрятались в беседку. Я, возмущенный проделками отца, пришел в ярость и решился стать лицом к лицу с ним. Вдруг раздался зычный голос: «Кто там?» — «Я», — ответил я, приближаясь к кабинету. Из кабинета вышел батюшка [e] с красным лицом.

— Ты был в семинарии?

— Да.

— Врешь! — и с этими словами отец размахнулся, желая ударить меня кулаком в рожу, но промахнулся, и упал на пол, а я вышел в столовую и остановился среди комнаты в нерешительности. Вдруг я получил сильнейший удар по затылку графином, и водка с кровью смешалась... Я пал ниц. Затем посыпались удары кулаками по голове.

— Отчего же, вы думаете, я так беспамятлив? Отчего моя сестра глуха?

— Не знаю.

— От колотушек.

В 1884 г. Н<икита> П<етрович> был так угнетен [f] безденежьем, что совсем отступился от литературной части газеты, чем воспользовались разные прохо-

[a] *Далее зачеркнуто*: Что там такое.

[b] *Далее зачеркнуто предложение*: За это была дана пощечина.

[c] *Далее зачеркнуто*: якобы.

[d] *Далее зачеркнуто*: вы<пивая?>.

[e] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: отец.

[f] *Далее зачеркнуто*: плохим состоянием.

димцы, как, напр<имер>, Мансфельд, втершийся на место секретаря. В это время газета служила органом личных интересов Мансфельда (еврейского происхожд<ения>). В газете большое место было уделено театральной критике, которой вообще раньше и даже малое место уделял неохотно Н<икита> П<етрович>. Критика была по большей части хулительная и занимала нередко обширный отдел целыми фельетонами. Мансфельд — кропатель пьесок, добивался представления своих переделок с французского в театрах. Кроме сего, критика касалась даже кафе-шантанов, напр<имер> Салона-де-вариетэ и Фоли-Бержера. Была открыта рубрика «Из репортерского портфеля», где помещались пробираптельные заметки о трактирах и полпивных. Так, напр<имер>, корили трактир Тестова за то, что крошечные рюмки водки по дорогой цене 10 к<опеек> за каждую! Был придуман М<ансфельдом> рассказ «Темное дело» для приятелей М<ансфельд>а, желавших заработать копейку в «С<овременных> и<звестиях>». Этот рассказ писался по условию дезосоглашения <?> между собой пяти авторов. Получилась бурда, которая, к счастию, тянулась не более года и[a] оборвалась.

В Петровском-Разумовском на так называемых «выселках» проживал на нанятой[b] даче в 1881 г.[c] некоторый отставной присяжный поверенный, который часто ездил в Москву и, проезжая мимо дачи Н<икиты> П<етрович>а, любовался ею,[76] и частенько говаривал жене своей: «Вот бы нам иметь такую дачку». — «Друг мой, — замечала на это жена, — ты очень завистлив. Мало ли чего хочется, да карман не позволяет. Ты раньше все бредил Монте-Карло, а теперь дачей Гилярова. Дача Гилярова стоит тысяч сто, а у нас всего 30 тысяч, да продаст ли он ее — это еще[d] вопрос. Вообще всё это глупости».

У упомянутого человека (назовем его *N*) был некий[e] приятель, занимающийся маклерством, человек очень пронырливый. Однажды *N* высказал свое вожделение насчет дачи Гилярова. — «Мне до страсти хочется иметь такую дачу на собственной земле, как гиляровская. Пронюхай, голубчик, не продаст ли он ее, узнай цену. Ты на все руки мастер, а за услугу будет “калым”». — «Я все могу сделать».

Комиссионер[f] взялся за дело энергично; пронюхал о плохих денежных делах Н<икиты> П<етровича>,[g] познакомиться с Н<икитой> П<етровичем> решил[h] посредством сотрудничества в газете. Была написана статейка об адвокатуре, отнесена в редакцию и лично вручена секретарю; с секретарем комиссионер (два сапога пара) быстро познакомился и довольно коротко; узнал, что Н<ики-

[a] *Далее зачеркнуто*: окончилась.
[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[c] *Дата вписана над строкой.*
[d] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[e] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[f] *Далее зачеркнуто*: пронюхал.
[g] *Далее зачеркнуто*: и чтобы.
[h] *Далее зачеркнуто*: быть сотрудником.

та> П<етрович> ищет денег и не против занять деньги *под дачу*, разузнал о делах Н<икиты> П<етровича>[a] все подробности. Через секретаря комиссионер[b] добился свидания с Н<икитой> П<етровичем>, результатом коего[c] был залог дачи за 25 000 р<ублей>. «Обстроив дела» в какую-нибудь неделю,[d] комиссионер полетел к *N* на дачу, ожидавшему дельца с нетерпением: «Дела наши,[e] батенька, дрянь: дачи тебе не видать, как своей спины. Гиляров, как я наверное[f] узнал, нуждается в деньгах; прослышал, однако, что под дачу некий господин не прочь дать 70 000 р<ублей>». — «Друг мой, как же быть?» — «Я сделал то, о чем ты меня просил, потратил последние гроши на “подмазку”, угощение, а от тебя, вижу, будет шиш. Делай как знаешь, ты не дурак». — «Пощади!» — «Если дашь сейчас 500 р<ублей>, а потом еще 500 р<ублей>, то...» — «Дам, дам, дам». Получив 500 р<ублей>, ловкач сказал: «Теперь ты станешь между двумя зеркалами и увидишь свою спину. Поедем к Тестову, я там расскажу все подробно».

В трактире маклер сказал, что даже останется наверняк в руках *N*, так как Гиляров никоим образом не сможет заплатить долга в 25 000 и не только в два года, как будет следовать[g] по заключенному условию, а никогда. Дача была заложена из 10% годовых, и в 1885 году была собственностью г. *N* с множеством книг, почему-то не взятых с чужой уже дачи.

В 1882 г. Никита Петрович был жестоко[h] тесним кредиторами. 25 000 р<ублей>, полученные под дачу, скоро[i] пошли на уплату долгов и издание неудавшегося журнала «Радуга», и в 83 г. еле-еле мог выплачивать,[j] и не в срок, процентов 2500 р<ублей>.

В 1880 г. бумажный фабрикант и торговец в Москве, Ключин, предлагал Н<иките> П<етровичу> продать ему фабрику за 80 000 р<ублей> с условием[k] найма помещения для типографии, конторы и квартиры в его доме около Зарядья.[l] Это выгодное предложение было по необъяснимой[m] для практического

[a] *Далее зачеркнуто*: очень.
[b] *Далее зачеркнуто*: пролез.
[c] *Далее зачеркнуто*: была выдача.
[d] *Слова* в какую-нибудь неделю *вписаны над строкой*.
[e] *Это слово вписано сверху над строкой*.
[f] *Это слово вписано сверху над строкой*.
[g] *Это слово вписано сверху над строкой*.
[h] *Это слово вписано сверху над строкой*.
[i] *Далее зачеркнуто*: были.
[j] *Далее зачеркнуто*: даже.
[k] *Далее зачеркнуто*: съема квартир<ы>.
[l] *Далее зачеркнуто*: Предложение.
[m] *Далее зачеркнуто*: причине отвергнуто.

ума причине <отвергнуто>. Можно полагать, что с фабрикой расстаться Н<ики-те> П<етровичу> было[a] тяжко, как доброй матери с своим ребенком. Любовь к фабрике доходила до смешного; напр<имер>, Н<икита> П<етрович> устроил при ней кабинет с камином и уставил его хорошей[b] мебелью, повесил большие круглые часы в 25 р<ублей>, между тем как в конторе газеты красовалась развалющая мебель и часишки с гирями, стоящие рубля полтора.

Разные добавления

Никита Петрович,[c] дав согласие Основскому[77] хлопотать о разрешении издавать газету, начал усиленно придумывать название газеты и сел в вагон, не придумав названия. Придумывая *новое* название[d] будущей газете,[e] просил каждого хорошего[f] гостя в этом смысле; но гости все упоминали[g] названия умерших изданий, и за это сердился. Так, напр<имер>, Алексею Афан<асьевичу> Александрову[78] он сказал: «Какой вы, извините, бестолковый: ведь я вам говорил не раз, что для новой[h] газеты требуется необходимо новое название». — «Я бы назвал просто своим именем: газета Гилярова-Платонова, и баста». — «Приберегите для себя заголовок газеты по фамилии: задумаете сами быть издателем, тогда газету свою и назовите: газета Алексея Афанасьевича Александрова». Н<икита> П<етрович> заставлял придумать название и детей своих; они наконец придумали: «Труба». В вагоне Н<икита> П<етрович> придумал название «Слава», но передумал: самохвальство. «Я под русским[i] словом *слава* разумел латинское *fama*». «Современные известия» придуманы были уже в Петербурге, в гостинице. — «Название хотя[j] длинновато, но надоело уже придумывать. Надоело уже и слышать одно и то же: газета, газета, газета».

Н<икита> П<етрович> терпеть не мог ничего поддельного,[k] искусственного. Однажды один из родственников показал Н<иките> П<етровичу> рукавные запонки, превосходно сделанные: одну пару[l] с изображением 5% выигрышного

[a] *Далее зачеркнуто*: так трудно.
[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[c] *Далее зачеркнуто*: едучи в Петербург хлопотать о разрешении издавать газету.
[d] *Далее зачеркнуто*: прежних нельзя.
[e] *Далее зачеркнуто*: спрашивал.
[f] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[g] *Далее зачеркнуто*: прежние.
[h] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[i] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[j] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[k] *Далее зачеркнуто*: фальшивого, а также.
[l] *Слова* одну пару *вписаны над строкой.*

билета, а другую—двадцатипятирублевой бумажки. Запонки такого рода были тогда модной новостью.

— Эдакая мерзость. Что может быть пошлее носить их? В фабриканте таких запонок нужно видеть коммерческую смекалку, а в покупателе — дурака.

Фигуры из прямых линий, а равно и симметрия были не во вкусе Н<икиты> П<етровича>. Купивши дачу в Петровском-Разумовском, Н<икита> П<етрович> задумал иметь на своей земле пруд. Подрядчик, которому было[a] поручено выкопать пруд, предлагал квадратную форму оного, но Н<икита> П<етрович> признал ее пошлой, и принялся на месте будущего пруда вбивать колышки, отметив ими фигуру, которой не имеется ни в одном учебнике по геометрии. — «Мой пруд будет[b] очертанием похож на болото». Однако Н<икита> П<етрович> был любитель *диагонали*. Примером того может быть путешествие в Троице-Сергиеву Лавру, предпринятое не чрез Крестовскую[c][79] заставу, путь, по коему обыкновенно ходят богомольцы, а с дачи в Разумовском Н<икита> П<етрович> из плана[d] Московского уезда узрел *диагональ*. Компания из 6 человек вышла в 4 часа утра, прибыла в Малые Мытищи, отстоящие от Москвы верстах в одиннадцати, к 9 ч<аса> вечера, уставшая до полусмерти и в грязи: по *диагонали* встречались не означенные в плане «прерогативы» — топкие места, ручьи, канавы, цепкие кусты и т. п.

Никита Петрович не отождествлял философии с математикой и[e] ставил[f] первую в умственности выше, главой математики. «Математика есть часть философии. Математика научает только познавать отношения между величинами, не касаясь сущности».

— Бывает,[g] — заметил злоязычный А. П. Зарин,[80] — я знаю двух пошлых дураков математиков; один редактор, а другой — профессор. Знаю и философа-редактора, который[h] является к обеду в семействе, напялив фрак.

[a] *Далее зачеркнуто*: предложено.
[b] *Далее зачеркнуто*: иметь.
[c] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[d] *Далее зачеркнуто*: Московской губернии.
[e] *Далее зачеркнуто*: считал.
[f] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[g] *Это слово вписано сверху над зачеркнутым*: Это совершенно верно.
[h] *Далее зачеркнуто*: за обедом дома сидит во фраке.

Некие прибавления

При Брынковской фабрике имелся колодезь с железистой водой. Шумов говорил, что он якобы думал устроить *курорт.*[a] Льстецы уверяли Н<икиту> П<етровича>, что колодезь — клад. Н<икита> П<етрович> произвел сам химический анализ воды и убедился, что вода содержит окись железа, и на этом остановился. В 1879 г. Н<икита> П<етрович> задумал паровую машину в типографии топить торфом. Кто-то порекомендовал склад Никитинского на Покровке. Отопление торфом длилось недолго, не привилось. Деньги за торф получал сын Никитинского, бывший студент Технического училища,[81] и как-то познакомился с Н<икитой> П<етровичем>. Н<икита> П<етрович> любил[b] ездить на фабрику в компании, повез и молодого Н<икитинск>ого. Н<икитин>ский узрел торфяные[c] болота около фабрики на земле крестьян. Торф годился для отопления фабричного паровика, а потому Н<икита> П<етрович> задумал арендовать эти болота у мужиков, но толку из аренды не вышло ровно никакого. Никит<инский> очень понравился Н<иките> П<етровичу>. Н<икитин>ский стал[d] бывать у Н<икиты> П<етровича> как гость, и ему как химику поручено было разложить привезенную с фабрики в бутылке воду. Анализ был произведен «курам на смех». Когда Н<икитинск>ий влил в воду раствор цианистого кали (вещества дорогого), то вода сделалась синей. Н<икитин>ский поздравил Н<икиту> П<етровича> с кладом: «В воде содержится дорогая синяя краска!!», поздравила и Авдотья Ив<ановна>, присутствовавшая при анализе. Анализ оказался пуфом.

В том же году содержатель «Ново-Московского» трактира в Охотном ряду Антошин захотел иметь трактир на дороге между Бутырками и Петровско-Разумовским. Так как на всем шоссе этом земли принадлежали Петровской академии и трактира негде было устроить, то Антошин предложил Н<иките> П<етровичу> арендовать у него $^1/_2$ десят<ины> земли на 10 лет под двухэтажный дом за 2000 в год, с тем что после срока дом останется в пользу землевладельца. Н<икита> П<етрович> запросил 3000,[e] слушая льстецов, и дело не состоялось.

В 1881 году летом Н<икита> П<етрович> погрузился в пчел, завел[f] ульи, пчелы дали более 2 пуд<ов> меду, но мед куда-то исчез, а пчелы зимой перемерзли.

Дача

Дача была куплена 1864 г<одом> у помещика Коновалова[82] за 10 000 р<ублей>. Половина этой суммы была взята взаймы у Марии Алексеевны Тихобразовой, родной сестры супруги Н<икиты> П<етровича>. Дача находилась между

[a] *Далее зачеркнуто*: от сего колодца.
[b] *Далее зачеркнуто*: возить.
[c] *Далее зачеркнуто*: залежи.
[d] *Это слово вписано сверху над строкой.*
[e] *Далее зачеркнуто*: и дело расстроилось.
[f] *Далее зачеркнуто*: пчел.

двух дорог к Петровской Академии: одной шоссейной, а другой грунтовой. Дача была обширная, одноэтажная, а земли при ней около 6 десятин с маленьким лесом в $^1/_2$ десятины. На следующий год Н<икита> П<етрович> задумал завести небольшой[a] клубничный огород, для чего выписал от садовода Вагнера из Риги[83] кусты разных сортов клубники; кроме того, были посажены смородина, вишни, сливы, крыжовник, барбарис.[b] Кусты дали превосходные плоды, которые пошли на собственное употребление. Затем ежегодно Н<икита> П<етрович> расширял огород, и в 1872 г. пришла мысль торговать[c] клубникой,[84] для чего был устроен шалаш, в котором заседал «личарда» Иван Вас<ильевич> Попов. Торговля шла бойко, но почему-то Н<икита> П<етрович> был результатами оной не совсем доволен и на следующее лето решил вывозить на рынок уже разные ягоды; торговать с воза поручил Ив<ану> Вас<ильевичу> Попову. Ягоды дорогой мялись и продавались за бесценок в *жом*. Видя, что торговля не к руке, Н<икита> П<етрович> сдал ягоды , кроме барбариса, огороднику в аренду. Приехавши 1875 г<одом> осенью на дачу, Н<икита> П<етрович> увидал кусты барбариса общипанными.

— Куда девался барбарис? — спросил Н<икита> П<етрович> дачного садовника.

— Э, э, э... птица поклевала.

Пришлось и барбарис сдать в аренду.

В 1865 г. была выстроена еще двухэтажная дача, а в 1872 г. надстроен 2-й этаж над старой дачей.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 898. Л. 1—16. Черновик. Отрывки. Чернила и карандаш. Архивисты так озаглавили документ: «*Неустановленное лицо*. Описание внешности, образа жизни, хозяйства и деятельности Никиты Петровича Гилярова-Платонова (на бумажной фабрике, в “Современных известиях”, в период Сербско-турецкой войны». На деле, судя по почерку и содержанию, это незаконченное продолжение воспоминаний старшего сына Гилярова — Николая Никитича — «Краткая история “Современных известий”» (опубликованы и откомментированы нами: Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 353—382, ил.).

Порядок следования фрагментов воспоминаний определен нами в ходе изучения текста воспоминаний, однако он неоднозначен — в силу того, что сочинение не было завершено и отделано.

[1] Николай Иванович Шумов — штабс-ротмистр (в отставке с 1849 г.), помещик с. Брыньково Рузского у. Московской губ., построивший там в 1850-х гг. писчебумажную фабрику; в 1863 г. переселился в Москву. См. также примеч. 82 и 96 на с. 379 и 381.

---

[a] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[b] *Это слово вписано сверху над строкой.*

[c] *Далее зачеркнуто*: ягодой.

[2] Видимо, речь идет о Владимире Федоровиче Ненарокове (1837—1893) — внуке по матери адмирала И. Ф. Крузенштерна, состоятельном дворянине Владимирской губернии, фабриканте, кредиторе Гилярова. Любопытно, что Ненароков был увлечен историческими разысканиями и опубликовал в провинциальной прессе ряд хозяйственно-административных документов XVII в.

[3] Ошибка памяти: Ненароков арендовал Брынковскую фабрику летом 1883 г.: о соответствующих переговорах с ним Гиляров регулярно оповещал А. М. Гальперсон в письмах к ней от 14 января—21 марта 1883 г. (см.: *Письма к Гальперсон*. С. 194—236).

[4] «Конец — делу венец» (*лат.*).

[5] Николай Семенович Тростянский, кандидат прав, адвокат.

[6] Федор Григорьевич Навродский, коллежский секретарь, владел тремя домами на Знаменке.

[7] О В. И. Трескине см. примеч. 22 на с. 406.

[8] О П. А. Лебедеве см. примеч. 1 на с. 332.

[9] *Вас. Долгий <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Что такое гомеопатия и аллопатия? // *СИ*. 1876. 28 янв. № 26. С. 1—2; 2 февр. № 31. С. 1—2; 8 февр. № 37. С. 1—2; 22 февр. № 50. С. 1—2. О гомеопатии Гиляров писал и позднее. См., например, передовую «Москва, 28 октября. Дневное обозрение» (*СИ*. 1886. 29 окт. № 298. С. 2).

[10] Речь идет об И. С. Аксакове.

[11] Ошибка: эта книга Э. Ренана была опубликована в России только в 1906 г. Н. Н. Гиляров подразумевал издание: Жизнь Иисуса Христа: В 2 ч. / <Соч.> Фредерика В. Фаррара, д-ра богословия, чл. Королев. о-ва, б. чл. коллегии св. Троицы в Кембридже, проф. Мальборугской коллегии и ординар. капеллана при королеве Великобританской; Пер. с англ. Ф. Матвеева. М.: Тип. «Соврем. известия», 1876. 230, 273 с. Фредерик Уильям Фаррар (Farrar; 1831—1903) — англиканский теолог.

[12] *Сергий, архим*. Полный месяцеслов Востока. М.: Тип. «Совр. известия», 1875. Т. I: Восточная агиология. <3>, XIV, 330, 198, <4> с. Сергий (в миру Иван Александрович Спасский; 1830—1904), впоследствии архиепископ. Т. II печатался в Типографии ИАН.

[13] *Гиляров Ф*. Предания русской Начальной летописи. М.: Тип. «Совр. известия», 1878. <6>, 325 с.

[14] Подразумевается Боснийско-Герцеговинское восстание 1875—1876 гг.

[15] «Восток: Газета политическая и литературная» издавалась в Москве Н. Н. Дурново еженедельно и поначалу без предварительной цензуры со 2 мая 1879 г. по 31 января 1886 г., с перерывом с 28 марта по 31 июля 1884 г. (всего 338 номеров). Газета избрала себе стратегической задачей «примирить между собой различные народности Балканского полуострова путем единоверия, на котором Россия основывала свою восточную политику во все прежние времена».

[16] О С. Д. Тихобразове см. примеч. 79 на с. 379. Гиляров состоял в переписке с ним и печатал его корреспонденции в своей газете.

[17] Об этом неудачливом литераторе, в ноябре 1890 г. умершем в нищете от чахотки, его приятель А. П. Чехов писал, взывая к его землякам-смолянам (письмо опубликовано 20 декабря 1890 г. в № 150 газеты «Смоленский вестник»): «В Москве проживает смоленский дворянин Николай Аполлонович Путята, сын одного из крупнейших землевладельцев Смоленской губернии. Занимался он до последнего времени исключительно литературою, был известен как отличный переводчик и одно время негласно редактировал московские уже прекратившиеся издания “Мирской толк”, “Свет и тени” и “Европей-

скую библиотеку". Года 2—3 тому назад он заболел хроническим воспалением легких настолько серьезно, что потерял способность к труду».

[18] Имеется в виду П. И. Богуш. См. примеч. 9 на с. 375.

[19] О доме О. И. Бетлинг см. примеч. 31 на с. 406.

[20] Ошибка памяти: Ф. А. Гиляров стал соредактором с № 52 за 1878 г.

[21] Дмитрий Алексеевич Покровский (1845—1894) — хроникер «Современных известий», москвовед; с 1890 г. редактор газеты «Русская жизнь», затем — журнала «Пожарный».

[22] Петр Алексеевич Збруев (вариант фам. Сбруев; ?—1910), журналист, беллетрист.

[23] Николай Михайлович Бостанджогло (1826—1891) — владелец табачной фабрики, основанной в 1820 г. в Басманной слободе. См.: ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 62. Д. 851: Табачная фабрика М. И. Бостанджогло. См. изд.: *Липскеров А.* За «Берендея»: Обвинение редакторов «Современных известий» потомственным почетным гражданином Бостанджогло в злословии. М.: Унив. тип., 1879. 24 с.

[24] См. составленный Ф. А. Гиляровым некролог М. В. Дьяконову: *СИ.* 1880. 11 сент. № 251. С. 2.

[25] Самуил Соломонович Шайкевич (1842—1908) — присяжный поверенный, известный защитник в процессах по уголовным делам; коллекционер, владелец большого собрания старинных гравюр.

[26] Имеется в виду съезд мировых судей — апелляционная инстанция для мирового суда, организованного по реформе 1864 г. в России.

[27] О Н. И. Пастухове см. примеч. 86 на с. 380. В 1870-х гг. он фельетонист «Современных известий», затем, с 1881 г., издатель-редактор газеты «Московский листок» и удачливый конкурент Гилярова.

[28] Статьи эти впоследствии были собраны Ф. А. Гиляровым в книгу «15 лет крамолы (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.)» (М., 1883. Т. 1, ч. 1. [4], XVI, 324, IV с.), подвергшуюся цензурному запрету.

[29] Купец Густав Алексеевич Блюменберг, представитель бумажных фабрик «Рализен».

[30] О Н. П. Ланине см. примеч. 5 на с. 622.

[31] Ланин был основателем завода минеральных и фруктовых шипучих вод.

[32] *Покровский Д. А.* О взаимном страховании от огня и его значении для городского хозяйства. М.: Изд. гласного Моск. думы Н. П. Ланина, 1877. <4>, 119 с.

[33] Ошибка памяти: первый номер «Русского курьера» увидел свет 26 июня 1879 г.

[34] Последний номер «Русского курьера» датируется 5 января 1891 г.

[35] Ошибка памяти: «Московский листок» издавался с 1 августа 1881 г.

[36] Первый номер «Вестника литературного, политического, научного, художественного с афишами» увидел свет 11 января 1883 г.

[37] Точнее: 20 мая.

[38] Гиляров издавал «Радугу» в течение одного 1883 года, затем редакция перешла к драматургу и журналисту Дмитрию Августовичу Мансфельду (1851—1909).

[39] Имеется в виду карикатура, изображающая двух помещиков, один из которых, действительно, похож на Гилярова (Развлечение. 1872. № 21. 3 июня. С. 328). Внизу — следующий диалог: «Не поверишь, мой друг, что за народец! Ни угрозой, ни просьбой ничего не поделаешь». — «Пороть надо!» — «Пороть? Но разве ты не знаешь, что розги запрещены?» — «Ну так лупи арапником» (автор — Н. П. К<ичее>в).

[40] Намек на то, что среди сотрудников редакции и конторы «Современных известий» было несколько евреев.

[41] Подразумевается тот факт, что здание для Императорского в память цесаревича Николая (Катковского) лицея, основанного в январе 1868 г. на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, удалось приобрести благодаря щедрому пожертвованию (400 тыс. рублей) железнодорожного концессионера еврея Самуила Соломоновича Полякова (1837—1888).

[42] Л. Шульман был управляющим конторой «Московских ведомостей», заведовал бухгалтерией и типографией газеты.

[43] Владимир Андреевич Грингмут (1851—1907) — общественный деятель, публицист, филолог, историк, искусствовед. Сотрудничал с «Московскими ведом остями» с 1871 г.; в 1896 г. стал их редактировать.

[44] Так в русской прессе называли крушение почтового поезда, произошедшее в ночь с 29 на 30 июня 1882 г. на 316 км (7 пикет) перегона Чернь — Мценск, близ деревни Кукуевки (сейчас в Чернском р-не Тульской обл.), недалеко от станции Бастыево Московско-Курской железной дороги. Раскопку места катастрофы удалось завершить только 15 июля.

[45] О Е. Л. Кочетове (псевд.: Евгений Львов, Русский странник и др.) см. примеч. 21 на с. 158.

[46] *Гамза* (букв. «кошелек») — деньги.

[47] О В. Ф. Пелешевском см. примеч. 83 на с. 379.

[48] Гавриил Васильевич Сенатов — бывший руководитель федосеевского согласия, разуверившийся в беспоповстве.

[49] Иван Васильевич Дьяконов, публицист, сотрудник «Современных известий»; покинув Москву, жил в Елабуге.

[50] Речь идет о Василии Гавриловиче Сенатове (1868—?), впоследствии историке старообрядчества, кандидате МДА (1898).

[51] *Кирпичников А. И., Гиляров Ф. А.* Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию). М., 1868; 47-е изд.: М.; Пг., 1918.

[52] *Калувер*, или кулугур, — прозвание старообрядцев.

[53] Кн. Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891) — московский генерал-губернатор (с 1865 г.); покровительствовал Гилярову.

[54] Франтишек Ян (Федор Иванович) Иезбера (1829—1901) — этнограф, переводчик, общественный деятель. Окончил Пражский университет; с 1869 г. доцент славянских языков при Варшавском университете.

[55] Об А. А. Пороховщикове см. примеч. 111 на с. 383. О его конфликте с Гиляровым см.: *Разумевающие верой*. С. 50—52, 103—105, 111—115.

[56] Василий Егорович Румянцев (1822—1897), магистр МДА (1846), инспектор Московской Синодальной библиотеки; археограф, историк.

[57] Выявлена поздняя передовица Ф. А. Гилярова о беззаконном устройстве и пожароопасном местоположении бань Пашкова между Главным архивом МИДа, Московским и Румянцевским музеями, Казенной палатой и Губернским казначейством: + <*Гиляров Ф. А.*>. Москва, 10 марта // *СИ*. 1880. 11 марта. № 69. С. 2. Разрешение на строительство бань было дано купцу Пашкову 19 января 1878 г. по ходатайству Комиссии о пользах и нуждах общественных при Московской городской думе.

[58] В этом признавался сам Гиляров в своих воспоминаниях: «*Я не имею понятия о звуке, издаваемом кузнечиками.* Мне в этом не верят, некоторые негодуют даже, когда я об этом объявляю, особенно когда сами они в то же время слышат звук этого насекомого. Раз или два, когда меня подводили к самой траве, где трещал кузнечик, я слышал

действительно нечто похожее на звук пилы, но звук слабый во всяком случае, который без указания и не дошел бы до меня. Меня уверяют, однако, что звук, производимый кузнечиком, очень силен, даже несносен. Счастие это или несчастие, но я лишен его. <...> ...в органе слуха не достает чего-то, чтобы воспринять известное качество звука, — у кузнечика...» (*Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 123).

[59] Дмитрий Александрович Агренев-Славянский (1836—1908) — певец, тенор, дирижер, собиратель народных песен, основатель «Славянской капеллы», друг Гилярова. См.: Значение деятельности Агренева-Славянского: Речь Н. П. Гилярова-Платонова, произнесенная на юбилейном заседании 26 апреля 1887 г. // *СИ*. 1887. 27 апр. № 113. С. 1—2. См. также: Поправки // Там же. 28 апр. № 114. С. 1.

[60] Владимир Никитич Кашперов (1827—1894) — композитор, профессор Московской консерватории; был близок к славянофилам.

[61] Александр Михайлович Додонов (1837—1914) — известный тенор; в 1869—1891 гг. — солист Московского Большого театра.

[62] Точнее: «В сентитюревом капоте». (И далее: «В мериносовой шали, / В море-розовой косынке / И в козлиных башмачках».) Так начинается второй куплет песни «Что под деревом таким», опубликованной вместе с нотами не в первом, а во втором номере «Радуги» (с. 41). Подзаголовок: «Шуточная уличная песня, записана Д. А. Славянским в г. Шуе, Владимирской губ.». Н. Н. Гиляров также ошибается, говоря о публикации текстов «нескольких песен» — в этом номере напечатана лишь один.

[63] Об И. А. Пашкове см. примеч. 75 на с. 379.

[64] Пол Чарльз Морфи (Morphy, 1837—1884) — американский шахматист, в рассматриваемый период считавшийся сильнейшим в мире.

[65] Доверенное лицо, исполняющее разнообразные поручения.

[66] «Газета А. Гатцука», «политико-литературная, художественная и ремесленная», издавалась в Москве с 1875 г. еженедельно вплоть до смерти редактора-издателя Алексея Алексеевича Гатцука (1890). Он был литературным врагом Гилярова, печатал пасквили на него и его газету.

[67] Подразумевается Николай Никитич Гиляров, автор настоящих воспоминаний. См. о нем примеч. 66 на с. 378.

[68] *Еднових* — крупное промысловое селение, расположенное на левом берегу Оки в 27 верстах от Коломны ниже по течению (ныне в составе Луховицкого р-на Московской обл.). В настоящее время Дедново официально называется Дединово.

[69] Казначей Воспитательного дома, 52-летний Федор Илиодорович Мельницкий, в ноябре 1881 г., получив из Московской конторы Государственного банка 339 000 руб. на содержание Воспитательного дома, уложил из них 337 000 рублей в кожаный саквояж и отправился пешком в Купеческий банк, чтобы внести деньги на счет. По дороге передал деньги сыну Борису, а прокурору заявил, что на улице ему неожиданно стало плохо, он упал в обморок, а, очнувшись, обнаружил, что саквояж исчез. Мельницкого судили и приговорили к высылке на четыре года в Томскую губернию. Но, поскольку денег так и не нашли, за его многочисленным семейством (семеро детей) наблюдали агенты. Выяснилось, что оно стало жить не по средствам, ни в чем себе не отказывая. 31 декабря 1882 г. в доме Мельницкого был произведен обыск. На скамью подсудимых сели его родственники, пользовавшиеся похищенными деньгами.

[70] Англичанин Вильямс Оттович (после получения в 1858 г. российского подданства Василий Осипович) Говард, став в 1853 г. владельцем знаменитой Кондровской Троицкой бумажной фабрики, сумел в короткий срок технически перевооружить ее и модер-

низировать производство. Впоследствии он был главой компании «Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики».

[71] «Салон де варьете» («Salon des variétés») — музыкально-увеселительное заведение на Большой Дмитровке. «Фоли-Бержер» («Folies Bergère») — заведение в Москве, названное по знаменитому варьете с кабаре в Париже, так называвшемуся с 1872 г. «Гран Плязир» («Grand Plaisir») — московский ресторан.

[72] Прозаик Алексей Феофилактович Писемский (1821—1881) жил близ Поварской улицы, в смежном Борисоглебском переулке, в доме 11.

[73] Двухэтажный особняк А. И. Кошелёва в Москве сохранился (совр. адрес: Поварская ул., д. 31).

[74] следовательно (*лат.*)

[75] Василий Иванович Романовский (1820—1895), выпускник МДА (1844), учитель словесности Владимирской (с 1844 г.), Вифанской (с 1845 г.) ДС; священник (1847), затем протоиерей московской церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой улице.

[76] Речь идет об адвокате Озерецком (см. упоминание о нем на с. 505), сумевшем завладеть дачей Гилярова. С. И. Уманец, опекуном которого был Гиляров, вспоминал: «Близ Петровского-Разумовского, под Москвой <...> Н. П. Гиляров-Платонов живал обыкновенно летом, на своей красивой оригинальной постройки даче, имевшей со всех четырех сторон совершенно особые стили, с огромным садом и отличным ягодным огородом...» (*С. У.* Мозаика // *ИВ*. 1912. Т. 130. Дек. С. 1059).

[77] Нил Андреевич Основский (1816—1871), литератор и книгоиздатель.

[78] Алексей Афанасьевич Александров (1823—1887), выпускник Московского дворцового архитектурного училиза (1839); титулярный советник.

[79] Крестовская (Троицкая) застава Камер-Коллежского вала находилась в районе нынешней Рижской площади.

[80] Алексей Петрович Зарин — московский правовед, изобретатель.

[81] Химик-технолог Яков Яковлевич Никитинский (1854—1924), с 1908 г. профессор Московского коммерческого института. Его отец, Я. М. Никитинский, занимался торфоразработкой Сукина болота (за московским Симоновым монастырем).

[82] Возможно, коллежский советник Петр Сергеевич Коновалов (1791—1873).

[83] Карл Вагнер, владелец магазина семян в Риге и питомника растений.

[84] А. М. Гальперсон в некрологе Гилярову свидетельствовала, что дача «давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже *гиляровскими*, потому что подобных им не было...» (<*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 1).

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ В СТЕНАХ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (Новые материалы из фондов ЦГИАМа)

Публикация Г. С. Прохорова

Более 10 лет жизни Н. П. Гилярова связаны с учебой (1844—1848), а затем службой (1848—1855) в Московской духовной академии (далее — МДА). Именно там, по рекомендации Академического правления, как первому студенту в курсе ему была назначена стипендия, учрежденная митр. Платоном (Левшиным). По традиции платоновский стипендиат присоединял к своей фамилии имя покойного митрополита Московского.

Необыкновенная важность времени, проведенного Н. П. Гиляровым-Платоновым в Московской духовной академии выражается уже тем, что «итоговая» автобиографическая книга «Из пережитого» заканчивается воспоминанием, по жанру напоминающим гимн Академии:

> Академии же моя вечная признательность, что давала простор моей внутренней жизни. Она мне снисходила, даже баловала меня. <...> Воспоминания об этом не могут меня не трогать и обязывают отнестись к месту окончательного образования моего и начального служения с теми же словами, с какими обращалась библейская песнь к Иерусалиму: «Забудь меня рука моя, я тебя не забуду». [1]

Тем самым Академия в рамках хронотопа книги (имеющего характер, свойственный автобиографическим романам) оказывается той самой «агорой», к которой стремится личность, чтобы с нее обратиться Urbi et Orbi:

> Во всяком случае интерес *бытовой, педагогический и психологический*, который приписываю я своему детству и отрочеству, кончился, потому что *рост* кончился. Дальнейшие события моей жизни, если заслуживают внимания, то не сами по себе, а по тому, что дали видеть и знать людей, прямо или косвенно двигавших судьбами и просвещением России... [2]

Между тем, пребывание в Академии связано с одним из наиболее спорных и драматических моментов в жизни Гилярова-Платонова — отставкой из Академии осенью 1856 г.

Материалы, проливающие свет на пребывание Гилярова в Академии (более того, также и в Московской семинарии и Коломенском духовном училище, поскольку многие документы дублировались и копии посылались «наверх», в надзорное учебное заведение), хранятся ныне в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в фонде 229 (Московская духовная академия). Рассыпанные

---

[1] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 98.

[2] Там же. С. 97.

по отчетам об успеваемости, академическим журналам, отчетам инспекторов и преподавателей о студентах XVI курса, подшивкам программ курсов, конспектов, формулярных списков, служебным запискам и т. д., они позволяют документально воссоздать биографию Гилярова с 1830 по 1856 г. Причем Гиляров в этих документах предстает всегда в контексте своего «естественного» окружения: одноклассников, однокурсников, коллег, как в калейдоскопе преломляясь ими и отражаясь в них. Ценность данных материалов становится особенно заметной при том, что фонд Коломенского духовного училища полностью утрачен, а фонд Московской духовной семинарии (ЦИАМ. Ф. 234) сохранился весьма плохо.

Для данной публикации мы отобрали несколько документов, показывающих:

1) путь Гилярова от Московской семинарии к Академии («целевая», по которой Гиляров был принят в МДА, приказ о зачислении, аттестаты);

2) программы Гилярова-Платонова по герменевтике и учению о вероисповеданиях и расколах, утвержденные руководством МДА, предложение об отставке Гилярова;

3) приложения, иллюстрирующие «дух» Академии (список членов Правления гиляровского времени, наставление о правилах поведения воспитанников, учебный стандарт по дисциплине «Священная герменевтика»).

Номера дел, в рамках которых хранятся публикуемые нами документы, указаны в тексте публикации. В связи с принципами издания архивных материалов, принятыми в «Славянофильском архиве», было частично унифицировано (приближено к современной норме) написание прописных и строчных букв в текстах документов.

1. <ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ПРИНЦИПАХ НАБОРА ВОСПИТАННИКОВ В СОСТАВ XVI КУРСА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ>

Ведомство православного исповедания
Духовно-учебное управление
при Святейшем Синоде
Отделение 1 — Правлению Московской духовной академии
Стол 1
Санкт-Петербург
Июль, 20 дня 1844
№ 6793

По докладу Духовно-учебного управления вследствие представления Академического правления за № 38,[1] о назначении сорока семинарских воспитанни-

ков в состав низшего отделения Академии[2] наступающего учебного курса, разрешено мною:

1. В состав XVI курса Московской д<уховной> академии истребовать к 15 числу наступающего августа воспитанников из нижеследующих семинарий:

Московской[3] — 5

Вифанской — 4

Рязанской — 3 со включением окончившего в 1842 году курс студента Рязанской семинарии Николая Виноградова согласно его желанию.

Калужской — 3

Тульской — 3

Ярославской — 3

Владимирской — 4

Костромской — 3

Вологодской — 3

Тверской[4] — 2

Смоленской — 2, в том числе окончившего в 1843 г. курс студента Александра Троицкого, согласно его прошению.[5]

Могилевской — 2 именно учеников высшего отделения Филиппа Крымского и Михаила Шклярев<ич>а по уважению к засвидетельствованию Могилевского семинарского правления о их хороших успехах и добром поведении.

Литовской[6] — 2

Полоцкой — 2

Орловской[7] — 2 в том числе окончившего в 1843 г. курс студента Григория Георгиевского[8] согласно его прошению.

Полтавской — 1 именно окончившего в 1843 г. курс студента Киприяна Авраамова согласно его прошению.

Воронежской — 2 в том числе учителя Задонского приходского училища Петра Петропольского.

Итого — 46 человек.

Остальных 14 вакансий оставить для волонтеров.[9]

2. Учителю Могилевского приходского училища Беккаревичу, студенту Могилевской семинарии Жудре[10] и ученику Подольской семинарии Кириллу Станкевичу дозволить в будущем августе месяце отправиться в Московскую д<уховную> академию на свой кошт[11] волонтерами.

3. Просивших о назначении в Московскую академию вышеозначенных воспитанников: Виноградова, Троицкого, Георгиевского, Авраамова и учителя Петропольского отправить в Академию на казенный счет тогда токмо, когда семинарские правления примут на себя ответственность совершенной благонадежности их выслушания академического курса по познаниям и поведению, так и состоянию здоровья, в противном случае избрать других по своему усмотрению. <...> ...назначаемым в Академию воспитанникам выдать по три пары белья, одной косынке, паре полусапожек и подтяжек; б) на постройку сюртука, брюк, жилета и шинели выслать в Академическое правление немедленно по отправле-

нию воспитанников по тредцати четыре рубля двадцати восьми коп<еек> сер<ебром>[12] в) воспитанников казеннокоштных снабдить для проезда из Семинарии в Академию казенною одеждою, какую имели они в Семинарии.[13]

Публикуется впервые. Текст хранится в рамках «Дела о направлении учащихся семинарий в состав XVI академического курса» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 677. Л. 7—9).

[1] Первичные предложения по разбивке мест между семинариями вырабатывала Академия. Текст Представления 1844 г. сохранился и находится на л. 1—3 об. того же дела, что и публикуемые материалы. В дальнейшем представление направлялось на утверждение в Синод, где и определялись окончательные цифры.

[2] Академия делилась на два отделения: низшее (I—II курсы) и высшее (III—IV курсы). По утвержденному штату количество бюджетных мест на I курсе низшего отделения было установлено в 40 человек.

[3] Все перечисленные семинарии до Вологодской включительно относились к Московскому духовно-учебному округу и формировали целевой костяк студентов МДА. Перечисленные здесь семинарии находились под организационно-методическим контролем Внешнего правления МДА.

[4] Тверская, Смоленская и Могилевская ДС относились к С.-Петербургскому духовно-учебному округу и к С.-Петербургской ДА. Однако в целях поддержания единого духовного образовательного пространства осуществлялся некоторый обмен студентами.

[5] Окончившие семинарию выпускники имели возможность подать прошение руководству духовно-учебного округа или Синода с просьбой включить их в число абитуриентов следующего года, поступающих по квоте.

[6] Униатские семинарии Западного края (Могилевская, Литовская и Полоцкая) считались слабыми по уровню преподавания, так что зачисление из них производилось в «гуманитарных» и «политических» целях: «По воссоединению униатов <в 1840 г.> видим в Академии воспитанников Греко-униатских Семинарий, которым при приеме оказываемо было особенное снисхождение» (*Смирнов*. С. 152).

[7] Орловская, Полтавская и Воронежская ДС относились к Киевскому духовно-учебному округу и к Киевской ДА.

[8] Провалился на вступительных экзаменах и не был зачислен в число студентов Академии. Правда, предполагая такую возможность, Орловская ДС отказалась вводить его в число направляемых абитуриентов, так что Григорий Георгиевский все-таки поступал как волонтер.

[9] Волонтерами называли абитуриентов, не вошедших в число зачисляемых по квоте. Вступительные экзамены осуществляли отбор только среди волонтеров.

[10] Вероятно, Матфей Иванович Жудро, поступивший на следующий год в С.-Петербургскую ДА, а по ее окончании определенный во Владимирскую ДС «на класс словесности и соединенных с нею предметов»; преподавал здесь эти и другие дисциплины вплоть до 1877 г.; рукоположен священником в 1859 г., с 1873 г. кафедральный протоиерей Владимирского собора. См. подробнее: *Малицкий Н.* История Владимирской духовной семинарии: <В 3 вып.>. М., 1902. Вып. II. С. 265.

[11] Своекоштное обучение в МДА практиковалось в редчайших случаях и было скорее исключением из правил.

[12] В Российской империи XVIII—XIX вв. имели обращение три вида денежных знаков: золотой рубль, рубль серебром и рубль ассигнациями. Золотой и серебряный рубли

имели жесткое номинальное выражение в соответствующих драгоценных металлах, тогда как курс рубля ассигнациями был плавающим и из-за мягкой кредитно-денежной политики постоянно падал. С 1780 г. до реформ С. Ю. Витте 1 рубль серебром обменивался на 18 грамм серебра и в 1830—1840-х гг. официально приравнивался к 3,5 рубля ассигнациями.

[13] В 1844 г. руководству МДА удалось изменить финансовые условия приема абитуриентов. Ранее МДА обязывалась обеспечить всех поступающих одеждой. Выпускники семинарий объявляли себя волонтерами ради шитья костюма за счет Академии, после чего благополучно проваливали экзамены и уезжали. С 1844 г. абитуриентов, поступающих по квоте, обмундировать обязывалась посылающая семинария, тогда как волонтеры давали подписку о готовности самостоятельно оплатить все расходы, связанные с поступлением. Переписку на сей счет см. в рамках этого же дела на л. 1—3 об.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ <О НАПРАВЛЕНИИ ВЫПУСКНИКОВ МОСКОВСКОЙ СЕМИНАРИИ В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМИЮ>

Внешнему правлению Московской духовной академии

Правления Московской семинарии

представление.

Вследствие отношения Духовно-учебного управления при Свят<ейшем> Синоде от 18 минувшего июля за № 6660 об избрании и отправлении в Московскую духовную академию к 15[му] сего августа пятерых воспитанников Московской семинарии Семинарское правление избрало таковых воспитанников, благонадежных как по способностям и благонравию, так и по состоянию здоровья, именно: Никиту Гилярова, Александра Телегина, Петра Клиентова, Андрея Смирнова 1 и Ивана Александровского и отправило их к месту назначения по надлежащему 11го сего августа.[1]

Представляя о сем Академическому правлению, Правление Московской семинарии благопочтеннейше препровождает в оное аттестаты об успехах и поведении означенных воспитанников, с таковым объяснением, что Семинарское правление, согласно упомянутому отношению Духовно-учебного управления, выдало воспитаннику Смирнову три пары белья, одну косынку, пару полусапожек и подтяжки, обязав прочих, как воспитанников небедных,[2] иметь эти вещи свои, и сверх того.

Смирнова, как воспитанника казеннокоштного, снабдило на проезд положенною при Семинарии одеждою; метрические же свидетельства консистории о их рождении и крещении, свидетельство врача о состоянии здоровья их и о бытии у них прививной или натуральной оспы, а также деньги на первоначальную обмундировку их при поступлении в число воспитанников Академии, будут представлены Академическому правлению по первой же почте.

Публикуется впервые. Текст хранится в рамках «Дела о направлении учащихся семинарий в состав XVI академического курса» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 677. Л. 44—44 об.).

[1] Дело о выборе абитуриентов Академии 1844 г., хранившееся в фонде МДС **(**«Об отправлении 5 воспитанников семинарии в МДА и 8-ми волонтеров» // ЦИАМ. 1-я опись. Ф. 234 (Московская семинария). № 1997 по старой нумерации**)**, к сожалению, не сохранилось — оно было утрачено при формировании современного фонда МДС в ЦИАМе после 1917 г.

[2] Все остальные воспитанники относились к числу своекоштных, а соответственно, Семинария не имела перед ними материальных обязательств. Возможно, именно это обстоятельство (стремление сэкономить) продиктовало отправку Василия Сперанского как волонтера, оцененную Гиляровым в «Из пережитом» как явную несправедливость и махинацию: «<Слова ректора> заключали ложь с начала до конца. Все дело состояло в том, чтобы втереть в число пятерых такого, о котором основательно можно было опасаться, что его вернут, когда бы он явился волонтером...» (*Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 83). Опасаться, что волонтеру откажут в приеме, ректору семинарии не приходилось (такая возможность заранее предполагалась). Зато в случае очевидного провала на экзамене абитуриента, идущего по квоте, скандал был неминуем.

3. АТТЕСТАТ (1844)

Объявитель сего Московской духовной семинарии студент Никита Гиляров города Коломны, Никитской церкви священника Петра Матвеева сын, содержавшийся на собственном иждивении,[1] имеющий от рода 20 лет, посвященный в стихарь 6 сентября 1842 года, поступивший в Семинарию в 1838м году,

при способностях весьма хороших
и прилежании очень усердном

обучался в оной Семинарии наукам:

богословским	весьма хорошо[2]
Св. Писанию	
церковной истории	
и археологии	отлично хорошо
патристике	
гомилетике	
логике	
и психологии	
Библейской истории	
герменевтике	весьма хорошо
физике	
математике	
словесности	
всеобщей истории	отлично хорошо

	латинскому	
	греческому	весьма хорошо
языкам	еврейскому	хорошо
	немецкому	
	и французскому	очень хорошо

поведения он доброго и честного.

Ныне, по окончании курса наук семинарских, назначен с утверждения высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского и Коломенского, в Московскую духовную академию для продолжения учения.[3]

Для чего и дан ему Гилярову сей Аттестат из Правления Московской семинарии августа 10 дня 1844 года.

Московской семинарии ректор Архимандрит Алексий
Секретарь Матвей Глаголев.

Фонд МДА содержит в своем составе обособленные личные дела всех студентов. Здесь и далее впервые публикуются фрагменты из «Личного дела студента МДА Н. П. Гилярова-Платонова» (Ф. 229. Оп. 4. № 908). Аттестат от 10 августа 1844 г. печатается по рукописи: Там же. Л. 1.

[1] Гиляров обучался в МДС с 1838 по 1844 г. Все семинаристы разделялись на «казеннокоштных», обучавшихся за государственный счет и проживавших при семинарии, и «своекоштных». Последние обеспечивали себя самостоятельно и проживали отдельно. В годы учебы в семинарии Гиляров большей частью находился на содержании у своего брата, диакона, а затем священника Новодевичьего монастыря Александра Гилярова и проживал в его доме. См. также примеч. 1 на с. 211.

[2] Система оценки знаний в XIX в. понимала двойку как положительную («удовлетворительную») оценку. Соответственно, оценка «хорошо» была примерно равна современной тройке. «Отлично хорошо» соответствует современной пятерке. «Весьма хорошо», «очень хорошо» — различные варианты четверки.

[3] Каждый год (см. предыдущие документы) руководство Академии представляло Синоду предполагаемую разделку мест по семинариям. Семинарии заполняли выделенные им квоты и отбирали, таким образом, будущих студентов Академии. Их последующая экзаменовка лишь определяла местоположение в академическом рейтинге. Гиляров был в числе абитуриентов, зачисленных по квоте МДС.

4. <ПРОЕКТ ПРИКАЗА О ЗАЧИСЛЕНИИ>

Его Высокопреосвященству[1]

По[a] назначению г. исправляющего должность синодального обер-прокурора прислано из семинарий в состав XVI курса[b] Академии 46, и добровольно яви-

[a] *Далее зачеркнуто*: предложению.

[b] *Слово* между *вписано поверх строки*.

лось 25, всего 71 [a] воспитанник. [b] По произведенному им [c] от 17 по 31е месяца августа испытанию [d] в науках богословских, филосо<фски>х, церк<овной> истории, языках: [e] латинском, греческом, евр<ейском>, нем<ецком> и французском и 2х сочинениях на латинск<ом> и русском языках, оказались успевшими

очень хорошо:

Иван Александровский [2] Москов<ская>
Михаил Боголюбский [3] Виф<анская>
Павел Волхонский [4] Виф<анская>
Василий Карелин [5] Рязан<ская>
5. Григорий Успенский [6] Туль<ская>

хорошо:

Семен Вишняков [7] Влад<имирская>
Михаил Германов [8] Воронеж<ская>
Никита Гиляров [9] Моск<овская>
Александр Иванов [10] Туль<ская>
10. Михаил Левитов [11] Рязан<ская>
Василий Озеров [12] Костр<омская>
Григорий Первухин [13] Твер<ская>
Павел Семилиоров [14] Волог<о>д<ская>
Петр Смирнов [15] Яросл<авская>
15. Василий Сперанский [16] Москов<ская>. Вол<онтер>

довольно хорошо:

Киприан Авраамов [17] Полтав<ская>
Алексей Андреевский [18] Полтав<ская>
Николай Барский [19] Яросл<авская>
Александр Беликов [20] Костр<омская>
20. Сергий Богословский [21] Орлов<ская>
Николай Волков [22] Твер<ская>
Димитрий Доброхотов [23] Влад<имирская>
Александр Дроздов [24] Костром<ская>
Петр Клиентов [25] Москов<ская>
25. Филипп Крымский [26] Могил<евская>
Сергий Куняев [27] Вифан<ская>. Во<лонтер>
Василий Нечаев [28] Тульск<ая>
Александр Петрошень [29] Полоц<кая>

[a] *Далее зачеркнуто*: человек.
[b] *В первоначальных вариантах*: 71 <человек>, *затем*: 71 воспитанник<ов>.
[c] *Далее зачеркнуто*: испытанию.
[d] *После* испытанию *стояла вычеркнутая запятая*.
[e] *Первоначально*: церковной истории <и> языках.

Иван Поспелов [30] Костр<омская>
30. Николай Протопопов [31] Виф<анская>. Вол<онтер>
Фавст Ржаницын [32] Вологод<ская>
Иван Салтыков [33] Рязан<ская>
Андрей Смирнов [34] Москов<ская>
Константин Снитко [35] Литов<ская>
35. Яков Соколов [36] Орлов<ская>. Вол<онтер>
Аполлон Сероцинский [37] Литов<ская>
Иван Субботин [38] Влад<имирская>
Александр Телегин [39] Москов<ская>
Александр Троицкий [40] Смолен<ская>
Андрей Холуйский [41] Влад<имирская>. Вол<онтер>
40. Семен Шимкович [42] Полоц<кая>
Димитрий Языков [43] Вифан<ская>

порядочно:

Матвей Архангельский [44] Влад<имирская>
2 Павел Волхонский [45] Москов<ская>. Волон<тер>
Николай Виноградов [46] Рязан<ская>. Волон<тер>
45. Петр Делицын [47] Вифан<ская>. Волон<тер>
Василий Крыжановский [48] Калуж<ская>
Феодор Комаров [49] Калуж<ская>
Николай Леонардов [50] Тульск<ая>. Вол<онтер>
Вадим Лествицын [51] Яросл<авская>
50. Александр Любимов [52] Вифан<ская>
Евлампий Медиоланский [53] Костр<омская>. Волон<тер>
Иван Одров [54] Орлов<ская>
Петр Петропольский [55] Воронеж<ская>
Николай Пухидинский [56] Волог<одская>
55. Арсений Сергиевский [57] Калуж<ская>
Иван Соколов [58] Московский Волон<тер>
Иван Соколов [59] Смоленский
Михаил Шкляревич [60] Могил<евская>
60. Тифл<исской> сем<инарии> Михаил Елизбаров, [61] 59. Давид Тиников. [62]

Менее прочих оказались успешными:

Иван Воздвиженский Моск<овская>. Вол<онтер>
Андрей Смирнов 2й Москов<ская>. Вол<онтер>
Иван Тимковский Москов<ская>. Вол<онтер>
Михаил Знаменский Москов<ская>. Вол<онтер>
Василий Покровский Моск<овская>. Вол<онтер>
Павел Шеметев Костр<омская>. Вол<онтер>
Анемподист Сибилев Костр<омская>. Вол<онтер>
Василий Болотов Твер<ская>. Волон<тер>

Григорий Георгиевский Орлов<ская>. Вол<онтер>
Священник Виктор Петчаев Иркут<ская>. Вол<онтер>
Послушник Николай Горчинский Рязан<ская>. Вол<онтер>
Николай Ярошевский Черниг<овская>. Вол<онтер>

По штату положено[a] казеннокоштных воспитанников Академии *низшего отделения 60 человек*. Правление вследствие сего мнением положило:

1)[b] пять воспитанников, оказавшихся очень хорошими, 10 хорошими, 27 довольно хорошими, 16 порядочными, всего 58[c] человек, принять *в Академию* на полное *казенное* содержание.

2) Воспитанника Петра Делицына[d] принять в число воспитанников[e] Академии,[f] не принимая на казенное содержание, и дозволить ему, *согласно его прошения*, жить в доме *и на содержании* отца, проф<ессора> Академии, прот<оиерея> Петра Делицына.[63]

3) Остающиеся за тем две воспитаннические[g] вакансии[h] предоставить[i] назначенным по определению Св. Синода в состав XVI курса Академии, но доселе еще не явившимся 2м воспитанникам Тифлисской семинарии.[64]

4) Остальным 12 воспитанникам, оказавшимся[j] менее прочих успешными,[k] по неимению штатных вакансий, отказать в принятии в Академию.

5)[l] Сверх сего[m] как[n] при испытании большая часть из[o] вышеозначенных воспитанников[p] показали недостаточные суждения в церковной истории и латинском языке,[q] то правлениям семинарий Моск<овского> округа поставить на вид сие обстоятельство, с тем чтобы на будущее время со стороны их[r] обращае-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: воспи<танников>.

[b] *Далее зачеркнуто*: Как.

[c] *Далее зачеркнуто*: приня<ть>.

[d] *Далее зачеркнуто*: согласно его прошению, допустить к слушанию уроков с.

[e] *Слова* принять в число воспитанников *вписаны поверх строки*.

[f] *Далее зачеркнуто*: дозво<лить>.

[g] *Слово вписано поверх строки*.

[h] *Далее зачеркнуто*: при явл<ении>.

[i] *Далее зачеркнуто*: 2-м воспитанникам.

[j] *Далее зачеркнуто*: не годными.

[k] Менее прочих успешными *вписано поверх строки. Далее зачеркнуто*: пр<инятие?> от<казать>.

[l] *Перед цифрой 5 зачеркнуто ошибочное*: 4.

[m] Сверх сего *первоначально было обособлено*.

[n] *Слово вписано поверх строки*.

[o] Большая часть из *вписано поверх строки*.

[p] *Далее вычеркнуто изначальное продолжение*: Акад<емическим> правлением замечено, что большая часть из них не имеют.

[q] *Исправление* показали недостаточные суждения в церковной истории и латинском языке *вписано поверх строки*.

[r] *Изначальный порядок слов*: со стороны их на будущее время. *Предпочтительный порядок обозначен цифрами (1—4), проставленными поверх слов*.

мо было большее внимание на усиление знания сих предметов между воспитанниками[a] семинарий.[65]

Вашему Высокопреосв<ященст>ву Акад<емическое> правление благопочтеннейше представляет сие мнение на Архипастырское благоусмотрение с таким присовокуплением, что по утверждении оного согласием В<ашего>го В<высокопреосвященст>ва, по первым 4м пунктам[b] Правление войдет[c] представлением к высш<ему> учил<ищному> начальству, а по последнему[d] немедленно предпишет подведомственным ему Семинарск<им> Правлениям.

Сентября 1. 1844 г.
№

Фонд МДА содержит в своем составе материалы оценки преподавателями хода учебного процесса на каждом академическом курсе (Ф. 229. Оп. 4. № 4940). Текст проекта приказа о зачислении студентов XVI курса (л. 4—5) публикуется впервые. Зачисление в Академию производилось по следующему порядку. После проведения вступительных экзаменов Академическое правление оформляло Представление, включавшее в себя разбивку: поименный перечень абитуриентов по разрядам и предложение, кто из них может быть принят. Представление направлялось митр. Филарету (Дроздову) как главе Московской епархии и Московского духовно-учебного округа. После прочтения и возможных согласований составлялось новое Представление уже от имени митрополита, которое шло в Синод. Окончательное решение принималось Синодом, им же подготавливался и выпускался Приказ о зачислении.

[1] Представление адресовано митр. Филарету (Дроздову) (см. преамбулу).

[2] Закончил Академию 9-м магистром (здесь и далее место в списке выпускников указывается в соответствии с изд.: *Смирнов*) и был назначен наставником Вифанской ДС (здесь и далее сведения о распределении взяты из соответствующего дела: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808; в данном случае — л. 7). Преподавал словесность, Св. Писание и латинский язык (см.: Списки начальников, наставников и воспитанников Вифанской духовной семинарии с 1800 по 1897 год. Сергиев Посад, 1898). 24 сентября 1854 г. уволился в епархиальное ведомство, приняв сан священника. Служил в Москве (священник московской Успенской на Малой Дмитровке церкви до 1871 г., затем — протоиерей церкви Бориса и Глеба). Преподавал Закон Божий в Школе живописи и 3-й, 4-й, 6-й мужских гимназиях.

[3] Закончил Академию 5-м магистром и был распределен в наставники МДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7), где занял должность профессора словесности и латинского языка. Впоследствии преподавал греческий язык и катехизическое учение (здесь и далее сведения о службе в МДС берутся из: *Кедров Н. И.* Московская духовная семинария. М., 1889).

[4] Закончил Академию 14-м магистром и был назначен преподавателем Рязанской ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

---

[a] *Вычеркнутый вариант*: в воспитанниках. *Слово* между *вписано поверх строки*.

[b] *Далее было вписано поверх строки, а затем вычеркнуто*: скоро.

[c] *Слово было вычеркнуто, а затем восстановлено*.

[d] *Далее вычеркнуто*: сделает.

[5] Закончил Академию 20-м магистром и был назначен настоятелем церкви на о. Эзеле в Рижской епархии. С 1852 г. — Риге (профессор, затем и инспектор ДС, архимандрит). В 1854 г., после смерти жены, принял монашество под именем Вениамин. С 1859 г. — ректор Астраханской ДС, с 1862 г. — Пермской. С 1866 г. — епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской митрополии. С 1870 г. — епископ Рижский. Умер в 1874 г.

[6] Закончил Академию с правом получить магистра без переэкзаменовки при условии службы в духовно-училищном ведомстве в течение 2-х лет и с одобрения начальства. Был распределен в Рязанскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[7] Закончил Академию 4-м магистром и был назначен бакалавром в Вифанскую ДС (Там же. Л. 7) по классам логики, психологии, патристики и латинского языка. Впоследствии преподавал иврит. 20 августа 1853 г. уволен в епархиальное ведомство, протоиерей Спасской на Сретенке церкви в Москве.

[8] Закончил Академию 7-м магистром и был назначен преподавателем Воронежской ДС (Там же. Л. 7 об.), где преподавал всеобщую и русскую гражданскую историю, православное исповедание и богослужебные книги, греческий язык. С 1851 г. — секретарь Комитета описателей Воронежской епархии при Семинарском правлении (*Никольский П.* История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 1899. Ч. II. С. 116). С конца 1850-х гг. — кафедральный протоиерей в Томске.

[9] Закончил Академию 2-м магистром, но был оставлен в ней на впервые открываемый класс учения о вероисповеданиях как бакалавр (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7).

[10] Закончил 8-м магистром и был назначен в Рязанскую ДС (Там же. Л. 1). Затем — редактор «Тульских епархиальных ведомостей», законоучитель Тульской гимназии. С 1878 г. — кафедральный протоиерей.

[11] Закончил Академию 10-м магистром и был определен в Костромскую ДС на кафедру догматического богословия. С 1850 г. священник. С 1857 г. — протоиерей соборной церкви Ранненбурга. В 1869 г., после смерти жены, принял монашество с именем Василий. С того же года — в Рязани (ректор духовного училища, архимандрит, епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии). См.: *Смирнов*. С. 152.

[12] Закончил Академию 12-м магистром и был назначен преподавателем Черниговской ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[13] Закончил Академию 6-м магистром и был назначен преподавателем Тверской ДС (Там же). Затем — кафедральный протоиерей Тверского собора.

[14] Закончил Академию 10-м кандидатом и был назначен преподавателем в Пензенскую ДС (Там же).

[15] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении выпускников XVI курса МДА не упомянут (см.: Там же. Л. 7—7 об.)

[16] Закончил Академию 1-м магистром и был распределен бакалавром МДС; назначен профессором по классам логики, психологии, патристики и латинского языка. С 1855 г. — протоиерей в Москве.

[17] Закончил Академию 20-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут, что свидетельствует косвенным образом об избрании поприща приходского священника. Священники состояли не в Духовно-учебном ведомстве, а в Духовном ведомстве, а потому в настоящем Представлении о распределении о них не говорилось.

[18] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[19] Закончил Академию 17-м магистром. В Представлении о распределении не упомянут.

[20] Закончил Академию 18-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[21] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[22] Закончил Академию 21-м магистром и назначен преподавателем в Тверскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[23] Закончил Академию 16-м магистром и назначен преподавателем во Владимирскую ДС (Там же).

[24] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[25] Закончил Академию 21-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[26] Закончил Академию 3-м кандидатом и был назначен преподавателем в Могилевскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[27] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[28] Закончил Академию 3-м магистром, готовился к распределению к Рязанскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.). Однако назначен был учителем среднего отделения в 3 класс Тульской ДС, где преподавал логику, психологию, патристику и латинский язык (*Смирнов*). С 1849 г. — профессор церковной истории Вифанской ДС. С 1852 г. — профессор Священного Писания и греческого языка МДС. С 1853 г. — священник, с 1855 г. — настоятель Никольской церкви в Толмачах. С 1860 г. — редактор журнала «Душеполезное чтение», в котором печатал в том числе работы бывших однокурсников, например, 4-го магистра Семена Вишнякова. В 1889 г. пострижен в монахи с именем Виссарион и хиротонисан во епископа Можайского, с 1891 г. — еп. Костромской и Галичский.

[29] Закончил Академию 17-м кандидатом и был назначен преподавателем в Новгородскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[30] Закончил Академию 22-м магистром. В Представлении о распределении не упомянут. Согласно сведениям, приведенным в кн.: *Смирнов*, назначен священником сперва в Вольмар, а затем в Венден (Лифляндия). После — кафедральный протоиерей в Костроме. Известен как духовный писатель.

[31] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[32] Закончил Академию 6-м кандидатом и был назначен преподавателем в Вологодскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[33] Закончил Академию 2-м кандидатом и был назначен преподавателем в Тверскую ДС (Там же).

[34] Закончил Академию 15-м магистром и был назначен преподавателем в Ярославскую ДС (Там же).

[35] Закончил Академию 13-м магистром и был назначен преподавателем в Черниговскую ДС (Там же. Л. 1). Затем служил в Литовской ДС. Преподавал каноническое право, общую, русскую и церковную историю, а также библейскую историю. С 1862 г. — на службе в МНП в должности директора Виленских народных училищ, позднее архивариус Виленского учебного округа; любитель-астроном.

[36] Закончил Академию 7-м кандидатом и был назначен преподавателем в Новгородскую ДС (Там же. Л. 7 об.).

[37] Закончил Академию 11-м кандидатом и был назначен преподавателем в Подольскую ДС (Там же).

[38] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[39] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[40] Закончил Академию 13-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[41] Закончил Академию 27-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[42] Закончил Академию 4-м кандидатом и был назначен преподавателем Смоленской ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.). Позднее — инспектор Витебских народных училищ.

[43] Закончил Академию 11-м магистром и был назначен преподавателем в Тверскую ДС (Там же); позднее — законоучитель 3-й мужской гимназии Москвы, протоиерей Ильинской на Воронцовом поле церкви. Отец литературоведа Д. Д. Языкова.

[44] Закончил Академию 9-м кандидатом и был назначен преподавателем в Курскую ДС (Там же).

[45] Закончил Академию 14-м магистром и был назначен преподавателем в Рязанскую ДС (Там же).

[46] Закончил Академию 15-м кандидатом и был назначен преподавателем в Рязанскую ДС (Там же).

[47] Закончил Академию 18-м магистром и был назначен бакалавром в Вифанскую ДС (Там же. Л. 7), где преподавал гражданскую историю и соединенные с ней предметы. С 1852 г. — профессор физико-математических наук и русской истории. Уволился в 1877 г.

[48] Закончил Академию 16-м кандидатом и был назначен преподавателем в Саратовскую ДС (Там же. Л. 7 об.).

[49] Закончил Академию 14-м кандидатом и был назначен преподавателем в Орловскую ДС (Там же).

[50] Закончил Академию с правом получить магистра без переэкзаменовки при условии службы в Духовно-училищном ведомстве в течение двух лет и с одобрения начальства. Был назначен преподавателем в Харьковскую ДС (Там же).

[51] Закончил Академию 25-м кандидатом и был назначен учителем греческого языка в низшее отделение Варшавского духовного уездного училища (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.; запрос из Варшавы — см. на л. 1 того же дела). Позднее — редактор «Ярославских епархиальных ведомостей», собиратель книг (коллекция приобретена А. И. Вахрамеевым), археолог (стоял у основ археологии на Русском Северо-Востоке).

[52] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут. Александр Иоаннович Любимов (1823—1897) был приходским священником в Москве. Скончался в сане протоиерея настоятелем церкви Девяти мучеников Кизических, что близ Пресни, и благочинным Пречистенского сорока.

[53] Закончил Академию 19-м магистром и был назначен преподавателем в Новгородскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.) по кафедре чтения Священного Писания и герменевтики. В монашестве, которое принял в 1849 г., Григорий (Медиоланский). В 1850-х гг. — ректор Оренбургской ДС. В 1867 г. — епископ Выборгский, викарий С.-Петербургской митрополии, с 1868 г. — епископ Пензенский (*Смирнов*. С. 443).

[54] Закончил Академию 1-м кандидатом и был назначен преподавателем в Орловскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[55] Закончил Академию 26-м кандидатом. В Представлении о распределении не значится.

[56] Закончил Академию 12-м кандидатом и первоначально планировался к назначению преподавателем в Смоленскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.). Однако в соответствии с личным прошением (см. л. 3 того же дела) в связи с тяжелым матери-

альным положением семьи был выведен из Духовно-учебного ведомства и переведен в епархиальное управление по Вологодской епархии на священническое место.

[57] Закончил Академию 23-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[58] В списках выпускников не значится. В Представлении о распределении не упомянут.

[59] Закончил Академию 22-м кандидатом. В Представлении о распределении не упомянут.

[60] Закончил Академию 5-м кандидатом и назначен преподавателем в Черниговскую ДС (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 808. Л. 7 об.).

[61] Закончил Академию 19-м кандидатом и был передан в распоряжение экзарха Грузии для определения на учительское место в Тифлисское или Телавское ДУ. Назначен, по-видимому, в Телавское ДУ (см. след. примеч.).

[62] Закончил Академию 24-м кандидатом и был передан в распоряжение экзарха Грузии. Был направлен в Тифлисское ДУ, в котором в 1860-х гг. исполнял обязанности смотрителя (см.: *Юницкий А., свящ.* Тифлисское духовное училище и его история. Кутаиси, 1887. С. 18).

[63] Протоиерей Петр Делицын был магистром I курса МДА. Оставлен при МДА преподавать французский язык (1818). Впоследствии — бессменный профессор математики. С 1843 г. руководил изданием Творений Св. Отцов. Принятие его сына, П. П. Делицына, как своекоштного воспитанника дало шанс получить академическое образование «лишнему» абитуриенту.

[64] Тифлисская ДС входила в Киевский духовно-учебный округ, однако Синод в 1844 г. принял решение о зачислении в состав XVI курса МДА двух выпускников Тифлисской ДС. Переписку по этому поводу см. в рамках «Дела о направлении учащихся семинарий в состав XVI академического курса» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 677. Л. 10).

[65] Обнаружить подобное предписание в рамках фонда Внешнего правления МДА пока не удалось. Однако результаты вступительных экзаменов традиционно служили поводом к разбирательству о качестве семинарского образования. Ср. предписание следующего года «Предписание правления МДА о выяснении причин слабой преподавательской работы наставников I-й половины учебного года в духовных семинариях» (Там же. № 2132; а также № 2136 и 2152).

5. АТТЕСТАТ (1850)

Объявитель сего Московской духовной академии воспитанник Никита Гиляров-Платонов города Коломны Никитской церкви священника Петра Матвеева сын, имеющий ныне отроду 25 лет, в августе 1844 года, поступив из студентов Московской духовной семинарии в Московскую духовную академию, обучался в ней

при способностях весьма хороших
и прилежании очень усердном
и поведении добром

наукам:

богословским

философским	
всеобщей словесности	отлично хорошо
церковной истории	
церковному красноречию	
гражданской истории	отлично хорошо
математике	довольно хорошо
по истолкованию Св. Писания	отлично хорошо

языкам:

еврейскому хорошо	
греческому	
французскому	весьма хорошо
и немецкому	

По окончании курса с академического учения в июне 1848 г. он, Гиляров, того же года конференцией Московской духовной академии и 3/14 октября 1850 года Святейшим Правительствующим Синодом, согласно представлению Конференции, возведен на степень магистра.

В удостоверение чего и дан ему, Гилярову, сей Аттестат из Академического правления за надлежащим подписанием с приложением казенной академической печати

ноября дня 1850 года.

Аттестат выпускника МДА магистра XVI академического курса Гилярова, сохранившийся в рамках «Личного дела студента МДА Н. П. Гилярова-Платонова», публикуется впервые: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. № 908. Л. 7.

6. ОТЧЕТ <БАКАЛАВРА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ>

В правление Московской духовной академии

Бакалавра по классам герменевтики
и учения о вероисповеданиях
Никиты Гилярова-Платонова

покорнейший отчет.

Во исполнение предписания правления, честь имею покорнейше донести, что в продолжение XVII учебного курса, прочитан мною по классу герменевтики трактат о смысле Священного Писания.[1] Прочие трактаты прочитаны не были, так как я поступил на должность уже в конце первого полугодия,[2] в которое назначено было читать сию науку.

По классу учения о вероисповеданиях прочитано было о ереси несторианской и монофизитской, о исповедании армянском, о русских раскольниках и духоборцах, о римском исповедании и о заблуждениях, общих всем протестантским обществам.[3]

Для повторений в классе сданы были мною трактаты[4] о русских раскольниках и о армянском исповедании. О молоканской секте повторяемо было по печатной книге. О смысле Священного Писания повторяемо по урокам прежних наставников.[5] О прочих прочитанных трактатах повторяемо было по подробному конспекту.

Бакалавр Никита Гиляров-Платонов

Данный отчет сохранился в фонде МДА в рамках дела «Отчет профессоров и бакалавров о преподавании учебных курсов по богословию, философии, математике, церковной археологии» за 1849 г. (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 848. Л. 6—6 об., 19 об.—20).

[1] Содержание этого трактата впоследствии стало одной из причин отстранения Гилярова от преподавания в Академии (см.: публикуемое ниже «Предложение» митр. Филарета).

[2] Гиляров пропустил половину семестра: он был назначен на должность бакалавра Академии 11 октября 1848 г. и приступил к работе предположительно во второй половине октября.

[3] Первая часть программы (до русских раскольников включительно) ныне публикуется; что касается второй части, то найти ее пока не удалось.

[4] Речь идет об авторских статьях, розданных студентам для подготовки к экзаменам. Такая практика была распространена, хотя и вызывала подозрение и критику митр. Филарета: «Желаю видеть записки и узнать настоятельную в них надобность, когда есть учебная книга и когда для студентов много письменной работы по предметам, не имеющим учебных книг» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 848. Л. 18 об.).

[5] Судя по сообщениям прот. С. К. Смирнова (*Смирнов*. С. 29), официальными руководствами по герменевтике до Гилярова были сочинения: 1) *Rambach J. J.* Institutiones hermeneuticae sacrae variis obserationibus copiosissimisque exemplis biblicis illustratae cum praefatione Ioannis Francisci Budolei. Jena, 1723 (по специальному «православному» переизданию: *Rambach J. J.* Delineatio Hermeneuticae sacrae. 1 ed. Petropoli, 1815; 2 ed.: 1832) и 2) *Амвросий (Подобедов), митр.* Краткое руководство к чтению книг Ветхого и Нового Завета... М., 1803; 6-е изд.: 1840. Указанные работы не совпадают с программой Гилярова, композиционно выстроенной в соответствии со стандартом, предложенным архим. Макарием (Булгаковым). См.: *Макарий (Булгаков), архим.* Введение в православное богословие. СПб., 1847. С. 644—649. В то же время для программы Гилярова характерна большая ориентировка на принципы герменевтики Ф. Шлейермахера и новой Тюбингенской школы.

7. ИЗ БИБЛЕЙСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Понятие о Библейской герменевтике; ее долг, пределы; необходимость и польза, метод и общее разделение.[1]

О смысле Священного Писания [a]

Понятие о смысле Св. Писания. [b] {Общая принадлежность смысла Св. Писания. Вразумительность... [2] Различные виды смысла Св. Писания, происходящие от различных форм выражения.

Необходимость при толковании Св. Писания иметь в виду общие принадлежности Библейского смысла: 1. Вразумительность смысла Св. Писания. В чем она состоит? Зависимость сего качества от намерения Духа Божия и от человеческого разумения. Происходящие отсюда различные степени вразумительности. 2. Выраженность смысла Св. Писания. Понятие о выразительности. Разные степени оной. 3. Определенность смысла Св. Писания. Понятие об определенности. Различные степени оной. +}.

1. Понятие о смысле буквальном. [3] Каким книгам и местам Св. Писания более свойственен смысл буквальный? Случаи, которыми определяется необходимость для толкователя отступать от буквального смысла в известных местах Писания. Во всяком месте Св. Писания буквальный смысл всегда один. Впрочем, кроме буквального смысла в одном и том же месте может быть еще смысл таинственный.

2. Понятие о смысле таинственно-иносказательном; формы, в которых он преимущественно выражается в Писании, – притчи и аллегории. [4] Понятие о притче и отличие ее от аполога; [5] бытие таинственного смысла в притчах. Важность притчей как известной формы учения и как самого учения; правила и средства для изъяснения притчей. Понятие об аллегории и отличие ее от притчи. Аллегории чистые и смешанные.

3. Понятие о смысле таинственно-образном и в особенности о символе; какие вообще действия и явления, описанные в Св. Писании, надобно считать символическими {(имеющими таинственное значение)}. [6] О символах, или типах прообразовательных, в частности. [7] Понятие о прообразовании; бытие прообразований в истории мира и Церкви и смысла прообразовательного в Св. Писании; доказательства подлинности сего смысла и происхождение его от Духа Св<ятого>; признаки, по которым можно открывать его в Св. Писании; правила, которые должно наблюдать при подробном изъяснении прообразований. {+ +}

Отделение 2. — Свидетельства о подлинном смысле Св. Писания.

1. Внутренние. Библейский текст как главный указатель подлинного Библейского смысла. [8] Понятие о тексте. Необходимость держаться текста при изъяснении смысла, ограничение сего правила. Критика как средство находить подлинный текст Св. Писания. [9] Долг, пределы и источники Библейской критики.

Частное рассмотрение заключающихся в тексте указаний на подлинный смысл: 1) Словоупотребление. Понятие о словоупотреблении; необходимость

---

[a] *Перед названием раздела написан и зачеркнут его порядковый номер*: 1.

[b] *Далее зачеркнуто*: и различные виды оного, происходящие от различных форм выражения.

при толковании обращаться к оригинальному тексту.[10] Различные средства к познанию Библейского словоупотребления и различные их достоинства. О языке Новозаветном; особенные его свойства; источники, из которых можно почерпать познание словоупотребления Новозаветного: а) чисто греческого; б) еврейского и в) христианского. Как узнать, по которому из сих словоупотреблений понимать надобно какое-либо слово в данном месте.[11]

2) Образ речи. Понятие об образе речи.[12] Стороны, с каких он может быть рассматриваем. Общий характер Библейского образа речи. Видоизменения его от различных обстоятельств, каковы суть: а) состояние лица говорящего; б) состояние лиц, к которым ближайшим образом направлена речь; в) предмет, о котором говорится; г) случай, по которому сказано было что-нибудь или написана какая-нибудь книга; д) частные и случайные цели;[13] е) время и место, когда и где сказано или написано что-нибудь. Важность знания образа речи для толкования.

3) Контекст. Понятие о контексте. Необходимость обращать на него внимание при толковании. Разные виды контекста; понятие о каждом из них. Правила, предостерегающие от злоупотребления контекстом.

4) Параллелизм.[14] Понятие о нем. Необходимость его при толковании. Виды параллелизма и понятие о каждом из них. Степень важности их для толкователя. Правила, предостерегающие от злоупотребления параллелизмом. Понятие об антилогиях в Св. Писании.[15] Происхождение их. Средства соглашать мнимые противоречия в Св. Писании.

5) Аналогия веры.[16] Понятие о ней. Несомненность существования оной в Св. Писании. Способ открывать истинную аналогию. Важность ее для толкователя. Двоякое приложение оной к изъяснению Св. Писания: а) положительное и б) отрицательное. Случаи, в коих полезно то и другое употребление аналогий.

2. Внешние. Недостаточность свидетельств самого текста к точному и основательному выразумению смысла Св. Писания. Восполнение оных свидетельствами внешними. Общее рассмотрение источников, из коих почерпаются сии свидетельства: а) Внутреннее озарение от Св<ятого> Духа. Несомненное существование его в избранных. Необходимость подвергать строгой критике свидетельства, выдаваемые за непосредственные внушения Св. Духа. Неудобство принимать оные за основания при изъяснении Св. Писания. б) Церковное предание. Его достоверность и различные виды; способы отличать подлинное предание от подложных. Важность подлинного предания для толкователя.[17] в) Соображения разума. Ограниченная польза их при изъяснении Св. Писания.[18]

История[19] толкования Св. Писания. Состояние и характер изъяснения Св. Писания в Церкви Вселенской от времен апостольских до Оригена. Состояние и характер толкования Св. Писания в Восточной Церкви:

а) от Оригена до св. Иоанна Златоуста и б) от Златоуста до настоящего времени.

Состояние и характер толкования Св. Писания в Западной Церкви:

а) от Оригена до времени бл<аж>. Иеронима и бл<аж>. Августина; б) от сего времени до Реформации. [20]

Происхождение различных систем толкования со времени Реформации. Критическое рассмотрение [a] герменевтических начал, [b] принятых протестантами.

Печатается впервые: текст 2-го отделения программы Гилярова по герменевтике — по автографу, хранимому в деле: «Конспектами и обзорами учебных программ первой половины 1852/53 учебного года» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 935. Л. 4 об.—5 об.); остальные части программы — по писарской копии, найденной среди «Конспектов и обзоров <...> за 1850/51 и 1851/52 учебные года» (Там же. № 858. Л. 80 об.—81 об., 105, 106 об.—107). Аналогичные документы за 1855/56 год не сохранились. В соответствии с порядком, принятым в духовных академиях, все программы курсов оформлялись преподавателями, а затем вычитывались и заверялись руководством Академии: ректором (архим. Евгением (Сахаровым-Платоновым)) и секретарем (проф. словесности Егором Васильевичем Амфитеатровым). Поверх текста гиляровских программ также наложена официальная правка академического цензора, которая Гилярову не принадлежит, но которую Гиляров, по официальной логике, должен был принять и которой следовало ему придерживаться в его преподавательской деятельности. Фрагменты программы, отчеркнутые на полях рукописи или иным способом выделенные либо помеченные академическим цензором, даются в фигурных скобках. Знак «плюс» в таких скобках — {++} — обозначает благословение, сопровождавшее оконченный, чаще всего цензорский, вариант.

[1] *Герменевтика* — вспомогательная богословская дисциплина, разрабатывающая правила чтения библейского текста. В 1-й половине XIX в. герменевтика в духовных академиях читалась тремя взаимозависимыми курсами: собственно герменевтика, библейская археология (знакомила с историей и культурой Средиземноморья и Ближнего Востока библейских времен) и библиология (введение в Священное Писание с последовательным истолковательным чтением библейских книг). Собственно герменевтика также была разделена на несколько разделов: о смыслах Писания, о приемах для правильного чтения Библии и о правилах комментирования Библии.

[2] Русская богословская мысль XIX в. подчеркивала, что Бог в Своем Откровении не игнорирует человеческий разум, а учитывает его. Поэтому Библия обращена к любому человеку и всегда может быть адекватно понята (*Терновский П., прот.* Богословие догматическое. М., 1844. С. 6—7). Проблема соотнесения Божественной Мысли, живущей вне языка и реалий «малого времени», с человеческим разумом, «плененным» языком и исторической повседневностью, занимала Гилярова в годы его службы в Академии и переживалась им, на наш взгляд, острее, нежели другими богословами-современниками. Сохранилась его «Записка о том, что человеческая речь не может выразить того, что сообщает в Писании Святой Дух»: «Содержание Св. Писания есть положительное откровение всеобъемлющей мысли Божией. Речь человеческая есть орудие мысли ограниченной пределами чувственного постепенного опыта. Из сего выводим заключение [дока<зательство>], что человеческая речь, сама по себе, не может выразить всего [того], что сообщает

[a] *Было*: рассмотрение [принятых] начал.

[b] *Изначальная последовательность*: начал герменевтических.

нам в Писании Дух Святой. Там, где оканчивается полное разумение писаний человеческих, в [представлении] [от] воспроизведении представлений, улавливаемых самою речью [представлений о мире, окружающем Писателя, в значении языка и в сочетании представлений, сообразном с сочетанием речи] — оканчивается только первая степень [, шаг] в разумении предмета и цели Св. Писания, [которая должна] ве[сти]дущей к разумению более полному, ведению высшему и совершеннейшему» (РНБ. Ф. 847. № 305. Л. 1).

[3] Христианская герменевтика строится на сопоставлении двух уровней: буквального и иносказательного, что идет от иудейской экзегетической традиции (подробнее см. статьи «Экзегетика», «Гипертекст» в издании: Литературоведческие термины: Материалы к словарю. Коломна, 2008. Вып. 3: Интерпретация). Иносказательный смысл делится на аллегорический и символический (приоткрывающий реалии духовного мира). В отличие от иудейской, христианская экзегетика не считает обязательным присутствие иносказательного смысла в каждом библейском слове.

[4] Таинственный смысл, с точки зрения герменевтики XIX в., заключается в тех фрагментах Библии, где обнаруживается условность: «Вымышленные вещи или происшествия, приводимые в означение других вещей или происшествий, называются вообще аллегориями и разделяются на длинное иносказание и притчу» (<*Сабинин С. К.*>. В каком смысле должно разуметь книгу Песнь Песней и что она в себе содержит // Христианское чтение. 1821. Ч. III. С. 208).

[5] Библия знает два типа притч: ветхозаветную (нравоучение, свернутое в одну синтагму) и новозаветную (обладает развернутым сюжетом). Терминологически четкого разграничения аполога и притчи не существует. По-видимому, под апологом (короткая притча) здесь понимается ветхозаветная притча, тогда как под собственно притчей — новозаветная. См. фундаментальное исследование библейских притч: *Jeremias J.* Die Gleichnisse Jesu. Zürich, 1947; 8., durchges. Aufl. Göttingen, 1970.

[6] Цензор устраняет возможную путаницу в значениях слова «символический», настаивая на его восприятии как иносказательный, таинственный. Иной вариант прочтения — «стандартный» (ср. символические книги).

[7] Расширительное толкование понятие «прообразование», приписывающее последнему онтологическое значение. В классической трактовке прообразование — сугубо текстовое, семиотическое явление: «Прообразования Ветхого Завета, по самому значению сего слова, суть предварительные образы или знаки, Богом определенные для того, чтобы представлять или лицо Мессии, или обстоятельства Его пришествия» (*Терновский П., прот.* Богословие догматическое. С. 126—127). Событие или объект становятся прообразовательными, будучи воспринятыми как референт события новозаветного. Библейское прообразование само по себе никак не связано с миром Божьим, с вечностью и т. п. Не совпадает прообразование и с аллегорией, поскольку в отличие от нее всегда отсылает к историческому событию: «Прообразовательное значение какого-нибудь события ветхозаветного нимало не отвергает действительности самого события, — историческая истина остается несомненной и удобно совмещается с таинственным ее значением. <...> Но аллегория, как продолженная метафора, состоит только в образе выражения мыслей словами, понимаемыми в переносном смысле, а прообразование состоит в самом действии, по которому один предмет сходен в известном отношении с другим...» (*Смирнов С. К.* Предызображение Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его в Ветхом Завете. М., 1852. С. 5—6).

[8] Согласно церковной экзегезе, библейский текст, будучи богодухновенным, способен сам прояснять верующему свой собственный смысл. См., например, книгу, использовавшуюся, как упоминалось выше, в первой половине XIX в. в качестве учебного пособия по герменевтике в МДА: *Амвросий (Подобедов), митр.* Краткое руководство... С. 1—6.

[9] Школа «библейской критики» возникла в Тюбингене в конце XVIII в. Зародившись в рамках супранатурализма (Г. Х. Шторр), она в то же время сделала Библию объектом рассудочного изучения (в частности, Шторр пришел к мысли о первичности Евангелия от Марка, а не Матфея, как считала традиция). В XIX в. формируется новая Тюбингенская школа (Ф. К. Баур), исходившая из наличия в Библии следов исчезнувших или замаскированных традицией культурных и социальных вариаций, проясняющих природу возникновения ее текста. Подход библейской критики не признавался русской герменевтической традицией того времени: «Что сии книги не повреждены и от всеобщей порчи в важных наипаче вещах предохранены и дошли до нас так, как с начала Духом Святым были преподаны и богодухновенными мужами написаны, и что ни от злобы иудеев, ни от нерадения книжников, ни от дерзости переписчиков какого-либо повреждения не претерпели, то довольно видно...» (*Амвросий (Подобедов), митр.* Краткое руководство... С. 6).

[10] Речь идет о необходимости к обращению к еврейскому тексту (ТаНаХу) и к греческому тексту Нового Завета, что было введено за экзегетическое правило немецким протестантизмом и не признавалось таковым русским православием (см. след. примеч.). Понятие «оригинал Библии» достаточно проблематично, и является во многом экспликацией современного понятия «каноничный текст», отсутствовавшего 2500 лет назад. В христианском мире характер наиболее авторитетного текста выполняла не масоретская редакция, положенная в основу иудейского библейского канона (корректировалась до II в. н. э.), а созданный в среде евреев Александрии перевод — Септуагинта (III—II в. до н. э., однако корректировался и гораздо позднее). Септуагинта опирается на еврейский оригинал, отличавшийся от положенного в основу масоретами. Однако даже неся в себе следы библейской «архаики», Септуагинта является переводом.

[11] Гиляров следует за Ф. К. Бауром (см. примеч. 9). Неприятие митр. Филаретом (Дроздовым) гебраизации и эллинизации Библии имеет исторические корни: русская экзегетическая традиция строилась на отвержении так называемой «трехъязычной ереси», согласно которой смысл Библии может существовать лишь в рамках иврита, греческого и латыни. Предполагалось, что каноничный старославянский вариант, равно как и любой иной, передает все существенные смысловые моменты, свойственные оригиналу, так что Библия полностью переводима на любой язык, поскольку является Словом Божьим, а последнее обращено к любому человеку. Предлагая воспринимать библейские первотексты как абсолютные оригиналы, Гиляров невольно лил воду на мельницу оппонентов митр. Филарета (Дроздова) из числа церковных деятелей, выступавших против русского перевода (прежде всего митр. Филарета (Амфитеатрова)), с одной стороны, а с другой — шел против «государственнического» течения, отстаивавшего «русскую Библию» хотя бы в старославянском варианте (гр. Н. А. Протасов).

[12] Гиляров отчетливо строит филологическую концепцию курса и показывает неразрывность стилистических и смысловых (контекста, жанра) моментов Библии, связанных образами автора и его «творческим хронотопом». Ср. примерно через 100 лет у М. М. Бахтина: «Форма авторства зависит от жанра высказывания. Жанр в свою оче-

редь определяется предметом, целью и ситуацией высказывания. Форма авторства и иерархическое место (положение) говорящего (вождь, царь, судья, воин, жрец, учитель, частный человек, отец, сын, муж, жена, брат и т. д.). <...> Кто говорит и кому говорят. Всем этим определяется жанр, тон и стиль высказывания: слово вождя, слово судьи, слово учителя, слово отца и т. п. Этим определяется форма авторства. Одно и то же реальное лицо может выступать в разных авторских формах» (*Бахтин М. М.* Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов. Тетрадь 1 // Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари; Языки слав. культуры, 2002. Т. 6. С. 371).

[13] Согласно русской экзегезе XIX в., в библейском тексте нет ничего случайного, личного и даже их следов: «Свидетельствуют оных книг писатели, что они писали свыше им ниспосланное и откровенное, и никакой нет причины, которая бы позволяла сомневаться о их свидетельстве. Ибо они не только истину того, что писали, ясно понимали, но и согласны были так писать...» (*Амвросий (Подобедов), митр.* Краткое руководство... С. 2—3). Остальные моменты, направленные на уяснение слушателям исторического контекста библейских событий, достаточно традиционны.

[14] *Параллелизм* — синтаксическая структура, при которой тождественные понятия оказываются сопоставленными в соседних синтагмах («Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его» (Прит 6: 16)). В широком смысле вся Библия, состоящая из Ветхого и Нового Заветов, со времен блаженного Августина признаваемых равными по смыслу, является параллелизмом. Современные представления о библейском параллелизме см. подробно: *Десницкий А.* Поэтика библейского параллелизма. М.: Изд-во Библейско-богосл. ин-та, 2007.

[15] *Антилогия* — фрагменты Библии, на первый взгляд противоречащие один другому. С точки зрения экзегезы, данные противоречия имеют мнимый характер и всегда могут быть сняты при толковании. Антилогии часто возникают в рамках параллелизмов (см. пример выше — шесть или семь?).

[16] *Аналогия веры* (analogia fidei) — в герменевтике принцип интерпретации Библии, исходящий из постулирования ее внутренней непротиворечивости. Смысл каждого библейского фрагмента познается в свете веры, проистекающем из единства Библии, устной традиции и опыта Церкви.

[17] Церковное предание — устная церковная традиция, обладающая авторитетом наравне с Библией и используемая как источник для вероучения и канонической практики. Отказ церковному преданию в авторитете — одна из ключевых черт протестантских движений, отличающих их от православия и католичества.

[18] Возможно, отсылка к «Критике чистого разума» И. Канта. Заключая в себе возможность мыслить, *разум*, будучи в то же время направленным одновременно на объект и на себя, приходит «на пределе» к антиномиям, которые удерживает и между которыми не может выбрать. Поэтому разум не может серьезно помочь в интерпретации Библии, наоборот, библейское Откровение задает разуму определенное направление.

[19] С этого слова и до конца программы текст сохранился в писарской копии.

[20] Упомянуты Отцы Церкви: Ориген (185—254), видный деятель Александрийской богословской школы, основатель христианской герменевтики (центральный труд — «Гекзаплы»), Блаженный Августин (354—430), епископ Гиппонский, основатель теологического течения в Западном христианстве, и Блаженный Иероним (342—420), поэт, экзегет, создатель Вульгаты. Реформация — антикатолическое движение в Европе, зародившееся с появлением «95 тезисов» Мартина Лютера (1517). К Реформации восходят корни большинства протестантских сообществ.

8. ИЗ УЧЕНИЯ О ВЕРОИСПОВЕДАНИИ

Введение. Понятие о вероисповеданиях, ересях и расколах.[1] Польза сравнительного рассмотрения вероисповеданий, существующих в настоящее время.[2] Определение науки о вероисповеданиях. Ея объем, цель, метод, разделение.

Отдел 1. О христианских исповеданиях, существующих на Востоке.

1. О ереси несторианской. Происхождение и история несторианской ереси.[3] Остатки несториан в Азии.[4] Неправильное понятие несториан о Лице Иисуса Христа.[5] Суждение Вселенской Церкви о их заблуждении.

2. О ереси монофизитской.[6] Происхождение и история ереси монофизитской. Остатки монофизитов в Сирии и Африке. Неправильное учение монофизитов о Лице Иисуса Христа. Суждение Вселенской Церкви о их заблуждении.

3. О исповедании армянском. Случайное отделение Армянской церкви от вселенского священноначалия.[7] Неудачные попытки к воссоединению с Вселенскою Церковию.[8] Церковь армянская в настоящем своем состоянии. Суждение о частных заблуждениях Армянской церкви: а) о нерешительности вполне признать законную важность четырех последних Вселенских Соборов; б) о неопределенности, допускаемой в выражении учения о Лице Иисуса Христа;[9] в) о неправильном приготовлении Св. Мира;[10] г) об употреблении бесквасного хлеба и невливании воды в вино при совершении Евхаристии;[11] д) об уклонении от предписанного Церковью правильного единообразия в соблюдении постов и совершении праздников.[12]

4. О расколах русских.[13] Начало частных уклонений в Русской Церкви от однообразно правильного совершения богослужебных обрядов. Церковные меры к исправлению богослужения. Происхождение раскола.[14]

Недостаточность оснований, на коих опираются раскольнические мнения о правильном совершении обрядов.[15] Незаконность определений Стоглавого Собора.[16] Подложность раскольнических учительных книг и в особенности книги Кирилловой.[17] Неисправность старописьменных и старопечатных богослужебных книг.

Неправильность обрядов, удержанных раскольниками. Изменения в Символе веры.[18] Имя Исус.[19] Сугубое аллилуя.[20] Непочитание четвероконечного креста.[21] Седмипросфорие.[22] Уклонение от правильного перстосложения при крестном знамении и при священническом благословении.[23] Хождение посолонь.[24]

Незаконность уклонения раскольников от общения с Церковию вследствие исправления обрядов.[25] Ненарушимость веры при исправлении обрядов. Вечное пребывание благодати в Церкви. Неосновательность мнения о наступлении последнего времени и царствования Антихриста. Отсутствие характера истинной Церкви в уклонившемся от Церкви обществе раскольников.[26]

Собственное сознание раскольников в нестроении своего общества и в необходимости правильного священноначалия. Способы к воссоединению раскольников, предлагаемые Церковью.[27]

Текст программы Гилярова по учению о вероисповеданиях печатается впервые по автографу, сохранившемуся в деле «Конспекты и обзоры учебных программ первой половины 1853/54 учебного года» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 933. Л. 3—3 об.; № 858. Л. 56 об.—57 об.).

[1] *Вероисповедание* — в христианстве исторически сложившаяся конфессия, находящаяся в пределах общего религиозного поля и в то же время опирающаяся на собственный вариант прочтения Символа веры. *Ересь* — сознательно проповедуемая и сознательно принимаемая система взглядов, официально признанная отклонением от утвержденных догматических установлений. Субъектом ереси (еретик, ересиарх) всегда выступает частное лицо, проповедующее и/или принимающее представление, официально и публично осужденное Церковью. В отличие от ереси, *раскол* — это явление общественное, связанное с разрушением территориального принципа епископской юрисдикции и формированием параллельных иерархических структур. В раннем христианстве все христиане, проживающие в какой-либо местности, управлялись епископом той самой местности (с переездом на другое *постоянное место жительство* менялась и юрисдикция).

[2] Курсы по сравнительному изучению вероисповеданий, ересей и расколов вводились в программы духовных семинарий и духовных академий в 1840-х гг. с целью подготовки священников, способных профессионально вести апологетическую и миссионерскую деятельность. Подробнее см.: «Дело о времени открытия в духовных семинариях миссионерских отделений» (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 2276), «Дело о снабжении учебной литературой миссионерских отделений...» (Там же. № 2279).

[3] Несторианство, учение константинопольского патриарха Нестория, возникло около 430 г. на основе положений Антиохийской богословской школы. После осуждения на Эфесском соборе 431 г. и произнесения анафемы несторианам на Халкидонском соборе 451 г. развивалось за пределами Византии, преимущественно в Персии, Индии, Средней Азии и Китае.

[4] Фактически несторианство было ассимилировано Ассирийской церковью Востока, также основывавшейся на положениях Антиохийской школы. Отсюда — несколько одностороннее представление, распространенное в русском богословии XIX — начала XX в., согласно которому общины Ассирийской церкви, располагавшиеся в XIX в. в Сирии, Ливане, Ираке, Иране и Турции, придерживаются ереси несторианства.

[5] Несторий, признавая в Христе две природы, расходился со св. Кириллом Александрийским (и Александрийской школой) в формулировке о воле Христа. Несторий основывался на дохалкидонском представлении о воле как проявлении природы, а не личности. Посему в Христе он признавал две воли, соответствующие Божественной и человеческой природам. В то же время соотношение природ во Христе Несторий радикализировал: человеческая природа признается полностью сотворенной и соединенной с Божественной лишь в самой жизни Христа. Отрицается возможность почитания Девы Марии как Богородицы, поскольку Божественная природа Христа (Бог Слово) предшествует миру, является порожденной лишь Богом-Отцом, а следовательно, не может быть рождена Девой Марией в тварном мире. (Полный список расхождений см. в «Послании к Несторию» Кирилла Александрийского.)

[6] *Монофизитство* — христологическое движение, обратное несторианству. Возникло в V в. и провозгласило наличие одной, Божественной, природы во Христе. Ересь, сформулированная монахом Евтихием, радикализировала представления Кирилла Александрийского и Александрийской теологической школы. В русском богословии XIX—XX вв.

монофизитскими Церквами называли исповедания, не признавшие определения Халкидонского и последующих соборов (Коптская, Эфиопская, Сирийская и Армянская церкви). Сами указанные Церкви считают воззрения Евтихия еретическими, однако отстаивают свое право основываться на формулировках св. Кирилла Александрийского и развивать их.

[7] Армянская церковь традиционно причисляется к дохалкидонским и сохраняет исповедание той же христологической формулировки Кирилла Александрийского, что и перечисленные выше так называемые монофизитские Церкви. Представители Армянской церкви не приняли участие в Халкидонском соборе, состоявшемся спустя всего четыре месяца после Аварайской битвы (26 мая 451 г.), которая закончилась разгромом армянского войска. В тот момент большинство епископов Армении находились в персидском плену. Впоследствии главное внимание Армянской церкви было надолго направлено на защиту от насильственно насаждаемого из Персии зороастризма, так что рефлексия о христологических формулировках оказалась на периферии.

[8] Речь идет о событиях поместного Каринского собора (633), воплотившего в себе предпринимавшиеся в VI—VII вв. попытки воссоединения дохалкидонских и халкидонских Церквей через выработку новой, компромиссной христологической формулировки. На роль таковой была предложена константинопольским патриархом Сергием I монофелитская концепция (две природы при одной Богочеловеческой воле), впоследствии осужденная III Константинопольским собором (681).

[9] Армянская церковь использует сжатую, неразвернутую формулировку Кирилла Александрийского: «Единая из двух природа Бога Слова воплощенного». Между тем, именно она была уточнена в определении Халкидонского собора, установившего признаваемый православием, католицизмом и протестантизмом Символ веры.

[10] В Армянской апостольской церкви приготовление св. мира совершается не в Великий четверг, как в халкидонских Церквях, а в конце сентября — начале октября (до установления свт. Василия Великого единой даты мироосвящения не было). Кроме того, Армянская церковь освящает новое миро каплей предшествующего мира. Таким образом, вновь освящаемое миро освящается не освятительной молитвой, а сохранением «физической» связи с миром, освященным Христом и принесенным в Армению апостолами Варфоломеем и Фаддеем.

[11] Армянская церковь совершает Евхаристию на пресном хлебе, поскольку именно пресный хлеб (мацу) использовал Иисус во время Тайной вечери (прообраза Евхаристии), пришедшейся на иудейский праздник Песах, в который запрещено все, имеющее квасную основу. В православных Церквах выбор евхаристического хлеба обуславливается не исторической точностью, а символическими причинами: квасные просфоры связаны с хлебной жертвой, установленной в Библии: «...кроме лепешек пусть он приносит в приношение свое квасный хлеб, при мирной жертве благодарной...» (Лев 7: 13). Преосуществляемое вино традиционно разбавляется водой, что восходит к словам апостола Иоанна: «...один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин 19: 34) — и символизирует животворность и неразрывную связь с Богом подлинно умершего Христа. Этот обычай введен папой Александром (105—115), постепенно стал повсеместным, однако Армянская церковь его не приняла. Введение обычая в XII в., на сближении с католицизмом, впоследствии было утрачено.

[12] Армянская церковь, следуя раннехристианской традиции (до 336 г.), не признает Рождество отдельным праздником и почитает это событие в рамках Богоявления, или

Крещения (6/19 января). Соответственно, все праздники, связанные с жизнью Христа, отсчитываются не от Рождества (25 декабря), а от Богоявления.

[13] В данной части программы Гиляров в точности следует пунктам разногласий со старообрядцами, выделенными и описанными митрополитом Филаретом в его сочинении: *Филарет (Дроздов), митр.* Беседа к глаголемому старообрядцу. М., 1835. Все главы этой работы («Беседа о сложении перстов...», «Беседа о имени IС...» и т. д. вышли и отдельными изданиями).

[14] Раскол Русской церкви произошел как реакция на решения Московского собора 1654 г., который утвердил исправление богослужебных книг и изменения в обрядовых действах. Тем самым была обеспечена унификация русский богослужебных книг и обычаев с греческими и, через то, с принятыми вообще в Восточной церкви. Частью Русской церкви предложения были категорически отвергнуты. Анафемы, провозглашенные Большим Московским собором (1668) всем, придерживающимся «старых обычаев», юридически оформили разделение Русской поместной церкви на две части: Греко-российскую и Славено-российскую (старообрядческую).

[15] Митрополит Филарет регулярно подчеркивал, что вся текстологическая база старообрядцев или является подделкой, или содержит в себе путаницу и бесчисленный ряд неточностей: «...ссылаются они на святого Феодорита: но и его святым называют без свидетельства Церкви <...> и при том, что он о двуперстном сложении не писал. <...> Проговори сии греческие слова какому-нибудь знающему свой язык греку и спроси, говорили ли так по-гречески во времена Феодорита, в пятом веке по Рождестве Христовом? Всякой тебе скажет: нет, так говорят только на новом греческом наречии. Из сего тебе не трудно понять, что изречение сие выдумано вашими единомышленниками, переведено на греческий язык через какого-нибудь греческого простолюдина новейших времен» **(***Филарет (Дроздов), митр.* Беседа о сложении перстов для крестного знамения и для благословения. СПб., 1836. С. 9**)**.

[16] По мысли митр. Филарета (Дроздова), Стоглавый собор, к которому неизменно апеллируют старообрядцы, не заслужил звания Собора по причине полной некомпетентности большинства его участников (см.: *Филарет (Дроздов), митр.* Беседа к глаголемому старообрядцу. Л. 86 об.).

[17] *Кириллова книга* — сборник, составленный белорусским полемистом Стефаном Зизанием и изданный в Вильно в 1596 г. Изначально был направлен против католиков и протестантов. Однако после раскола старообрядцы стали использовать сочинение как источник для полемики против «никониан».

[18] В 1654 г. на Московском соборе, созванном патриархом Никоном, был принят официальный старославянский текст Символа веры и произведено стилистическое уточнение ранее употреблявшихся вариантов (фраза «рожденна, не сотворенна, Им же вся быша» сменила «рожденна, а не сотворенна»; фраза «Его же Царствию не будет конца» сменила «Его же Царствию несть конца»; фраза «И в Духа Святого, Господа животворящего» сменила «И в Духа Святого, Господа истинного и животворящего»). Корректировка не была принята старообрядцами.

[19] Московским собором был закреплен полногласный вариант имени Христа — Іисус — вместо неполногласного Ісус.

[20] По решениям Московского собора, в литургии вместо «Аллилуйя, Аллилуйя, слава тебе Боже» было решено петь «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе Боже», чтобы подчеркнуть тем догмат о Троице. Исправление было отвергнуто старообрядца-

ми, посчитавшими, что в предложенном варианте догмат о Троице как раз и нарушен, поскольку финальное «слава тебе Боже» становится четвертым («аллилуйя» на иврите — «хвалите Бога»).

[21] Старообрядцы увидели в четвероконечном кресте уступку католицизму, а потому не приняли подобное изображение. Между тем, официальное признание четвероконечного креста было вызвано необходимостью согласовать изобразительный канон с крестным знамением, всегда четвероконечным. Ср. у Филарета: «И чьим крестом крестишься, как не крестом Христовым; следственно, и ты приемлешь и почитаешь четвероконечный крест Христов» (*Филарет (Дроздов), митр.* Беседа к глаголемому старообрядцу. Л. 50).

[22] Служение литургии на семи просфорах, возведенное старообрядчеством в неукоснительное правило, было оформлено лишь в «Номоканоне», напечатанном при патриархе Иоасафе в 1639 г. До того число просфор не закреплялось и, с канонической точки зрения, могло быть любым, поскольку «...все от единого хлеба причащаемся» (1 Кор 10: 17). Современная литургическая практика служить на пяти просфорах восходит к киевскому изданию «Номоканона» (1624) и символизирует насыщение Христом народа пятью хлебами и рыбами.

[23] Гиляров очевидно следует митр. Филарету, предположившему, что участники Стоглавого собора не увидели различие между крестным знамением и священническим благословляющим жестом (именословное крестное знамение), когда ладонь складывается так, чтобы пальцы символизировали имя Иисус Христос (*Филарет (Дроздов), митр.* Беседа о сложении перстов для крестного знамения и для благословения. С. 1—18).

[24] Московский собор отменил требование совершать крестные ходы лишь по движению солнца. Такое установление восходит к требованию царя Ивана IV Грозного, в 1478 г. обвинившего в нарушении каноничных правил митр. Геронтия, который совершил крестный ход при освящении церкви с движением против солнца. Во время расследования (1470—1480-е) не смогли где-либо отыскать указание на посолонь как на правильный порядок движения. Однако впоследствии именно такой вариант попал в Требники (1602, 1623), а также в Устав (1610), на которых базируется старообрядческая традиция.

[25] Мысль высказана митр. Филаретом: «Итак, о чем же спор? — Из сего оказывается, что спор только о большом пальце, присоединить ли его к указательному или среднему или к двум меньшим перстам. Рассуди же беспристрастно, при ненарушимости знаменуемого, при истинном исповедании Божественных таинств веры, составляет ли этот большой палец такое большое дело, за которое надлежало бы уклониться от Святыя Соборныя Церкви, от ея священноначалия, от ея единства, от благословенного мира, от ея блаженныя любви, от ея святаго послушания?» (*Филарет (Дроздов), митр.* Беседа о сложении перстов для крестного знамения и для благословения. С. 4).

[26] Гиляров следует за Филаретом: «Говорить ли о другом расширении Символа веры: именно: должно ли читать в нем Его же царствию не будет конца... или Его ж царствию несть конца <...> представляю сие в пример того, какие суетные и бесполезные для истины и для спасения споры заводят с нами люди, хвалящиеся старою верою» (*Филарет (Дроздов), митр.* Беседа к глаголемому старообрядцу. Л. 44).

[27] Последний абзац программы сохранился исключительно в писарском варианте программы (см.: Обзор за 1850/52 учебные годы // ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 858. Л. 56 об.—57 об.).

9. <*Митрополит Филарет (Дроздов)*> Предложение <об отставке бакалавра Академии Н. П. Гилярова-Платонова>

Сент<ября> 27. Не предложено потому, что Гиляров просит увольнения от Академии, чрез что дело получило положительный вид[1]

Правлению Московской духовной академии
предложение.

По долгу наблюдения за образом преподавания[2] сего сентября 26 дня чрез ректора академии требованы мною уроки бакалавра Гилярова за прошедший учебный и начавшийся год.[3]

Мне представлено несколько отдельных тетрадей и отдельных листов, писанных в разные времена,[4] как показывает состояние бумаги и чернил, разными руками, в отрывках.

1) Статья о смысле Св. Писания.

2) Статья о аллегориях и о притчах.

3) О новозаветном языке, старая рукопись, чужой руки.

В ней к числу гебраизмов причислено слово: *Акелдама.*[5] По такому рассуждению все собственные имена, которые в России даются из церковного месяцеслова, были бы гебраизмы, эллинизмы и пр.

Неуместно приведено неуместное замечание Филона[6] о дне очищения, 10 Тисри,[7] что с сего времени на Средиземном море опасно от бурь. Филон хочет дать сему ветхозаветному празднику значение из натуральной религии.[8]

Слову *ἀληθινὸς* дано без нужды и твердого основания слабое значение: то, *что имеет высшую природу.*[9] Сие может вредить здравому истолкованию важных мест Св. Писания, например, сего: да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе.[10]

4) Отрывок о составлении новых слов и изменении значений.

5) Отрывки о способе находить смысл посредством связи речи.[11]

Сочинитель находит «вообще в пророчествах» связь речи «связь речи, т. е. кажущуюся, мнимую». Невеликая честь пророкам.

Неизвестно, что значит, что заключающие сие замечание строки, как и многие другие, перечеркнутые карандашом. Но естли сочинитель не согласен был с сей мыслью, то не написал бы ее.

В таком виде, малом, отрывочном, неустроенном, не очищенном от погрешностей, оказались уроки герменевтики у наставника, проходящего курс сей науки уже не в первый раз.[12] Недостает не только много, но и важнейшего, например, учения о прообразовательном[a] смысле, которое требует особенного внимания

[a] *Было*: преобразовательном. *Исправление внесено лично Филаретом.*

и по важности предмета, и в защиту истины против перетолкований неверующих. [13]

Представлены были также некоторые записки о расколе и о армянском вероисповедании в таком же неустроенном виде. Рассматривать их неудобно было, между прочим, по мелкому письму бакалавра Гилярова.

К прискорбию, сии уроки служат некоторым подтверждением недавно дошедшего до меня слуха, [14] что в изустных уроках сего бакалавра встречаются сомнительные мысли и что студенты не имеют способа поверить их с точностью, не получая от него письменных уроков, кроме некоторой части пред испытаниями.

Предоставляя себе нужное по сему предмету изъяснить [a] ректору Академии, обязанностью попечения о достоинстве Академии и о пользе наставляемых, убеждаюсь предложить Академическому правлению предоставить ректору рассмотреть вышеозначенные отрывки уроков и дать мнение, можно ли после [b] сего преподавателя почитать благонадежным, и затем рассмотреть, какие меры надлежит принять по сему. [15]

Сентябрь 1855. [16]

Фонд МДА содержит в своем составе обособленные личные дела всех преподавателей, в том числе и преподавателя МДА Н. П. Гилярова-Платонова (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. № 5046. Л. 19—20 об.).

[1] Резолюция наложена ректором МДА (1853—1858) архим. Евгением (Сахаровым-Платоновым). Образец его почерка см., например, среди «Отчетов профессоров и бакалавров о преподавании учебных курсов по богословию, философии, математике, церковной археологии» (Там же. Оп. 2. № 848. Л. 15—16). В годы учебы Гилярова в МДА архим. Евгений (Сахаров-Платонов) исполнял обязанности инспектора (1842—1847) и профессора по классу богословских наук (1844—1847).

[2] Текст анонимен, написан писарским почерком, кроме нескольких поправок в последний абзац. Стилистика и фактические детали позволяют достаточно уверенно говорить об авторстве митр. Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Являясь председателем Академической конференции (ее состав см. в Списке лиц, состоящих в штате Академии за 1849 год. Там же. № 831. Л. 2 об.; а также ниже в *Приложении 1* к наст. публикации), высшего органа управления Академией, митр. Филарет следил за состоянием учебного заведения. Он же давал оценку преподавателям и их работе; определяющей, например, была роль митр. Филарета в процессе удаления из Академии в 1850—1851 гг. бакалавра И. И. Побединского-Платонова (Там же. № 848. Л. 14—19 об.).

[3] Требование явно оказалось несвоевременным. Гиляров служил в МДА по однолетним контрактам, которые ежегодно продлевались. В личном деле сохранились прошения о продлении контрактов «...если начальству сие будет угодно». Реагируя на Предло-

---

[a] *Было*: изъявить.

[b] *Было*: можно ли [способ] сего преподавателя почитать благонадежным. *Исправление внесено лично Филаретом.*

жение, правлению МДА пришлось бы расторгать лишь за месяц до того заключенный на 1855/56 учебный год договор с Гиляровым.

[4] Митр. Филарет предъявлял довольно строгие требования к оформлению лекций и, особенно, к их смысловой целостности. Запрос на выдачу материалов лекций зачастую предшествовал дальнейшему отлучению преподавателя от места. Подобным образом была в 1850—1851 гг. воспринята руководством Академии просьба видеть лекционные материалы бакалавра Ивана Ивановича Побединского-Платонова (уволился в 1852 г.), высказанная Филаретом: «В донесении своем бакалавр Побединский, между прочим, просил Акад<емическое> пр<авление> исходатайствовать у Его В<ысокопреосвященст>ва прощение за прежнее донесение по тому же предмету, написанное им не точно» (Там же. Л. 17—17 об., 18 об.).

[5] *Акелдама* **(**от חקל דמא — земля (поле) крови; иерусалимский топоним**)**. Будучи словом из лексикона арамейского языка, выполнявшего во времена Христа роль лингва-франка по всему Ближнему Востоку, оно, строго говоря, не является гебраизмом. Однако к гебраизмам отнесено в самом библейском тексте: «...он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; но приобрел землю неправедною мздою <...> и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови» (Деян 1: 19). Во времена Христа население Иерусалима и окрестностей, в отличие от остальной Палестины, говорило не на арамейском, а на иврите.

[6] Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) — крупнейший иудейский теолог начала нашей эры, живший в Александрии. Пытался связать библейское Откровение с элинистическими философией и естествознанием. Автор толкований к книгам Ветхого Завета, апологетических сочинений, философских трактатов. Мнение Филона признавалось весьма авторитетным в христианском мире, включая русское православие: «Источники для этой науки <библейской археологии — *Г. П.*> суть: а) главнейший: книги Св. Писания; б) второстепенный: сочинения Иосифа Флавия и Филона; в) третьестепенный: Талмуд и вообще сказания древних восточных и греко-римских писателей об иудеях» **(***Макарий (Булгаков), архим*. Введение в православное богословие. СПб., 1847. С. 647; см. также: <*Монзолевский Г. Ф.*>. Филон Александрийский и его миросозерцание. Харьков, 1865**)**.

[7] 10 Тишри, на который приходится Йом-Кипур (День Искупления, или Судный День), завершает празднование еврейского Новолетия. Один из центральных праздников в иудаизме (Йом-Тов), установленный Пятикнижием (Лев 16: 1—34). В русском компилятивном издании «Филон Иудеянин о субботе и прочих ветхозаветных праздниках» (М., 1783) подобного утверждения нет, хотя «естественное» объяснение праздников неизменно присутствует. Нельзя исключить, что спорное утверждение все-таки содержится, например, в греческом или латинском тексте 2-й части трактата Филона «Об особых законах» (De Specialibus Legibus), в которой автор обращается к Судному дню.

[8] См. примеч. 6 к наст. документу.

[9] Греческое слово ἀληθινὸς (происходящее от ἀλήθεια) обозначает истину. Будучи через отрицательную приставку образовано от греческого же λήθω (скрытый), предполагает истину явленной и очевидной.

[10] Библейский парафраз: «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин 5: 20). Филарет указывает на возможность случай-

ной легализации гностических представлений, представлявших Христа пограничной природой (высшей по отношению к человеку и низшей по отношению к Богу). Христианская догматика неизменно отстаивает понимание Иисуса как истинного Бога и одновременно истинного человека: «...Он не встает (по-ариански) как третий образ между Богом и миром, но выступает как чистое осуществление их встречи. В этом и состоит смысл христологического догмата, окончательно сформулированного на Халкидонском соборе: "природа" Бога, "природа" человека, не сведенные в пределах некоей более широкой природы, а опосредованные текучестью одного Лица» (*Бальтазар Х. У. фон*. Целое во фрагменте: некоторые аспекты теологии истории. М.: Истина и жизнь, 2001. С. 95—96).

[11] О перечисленных пунктах подробнее см. в комментариях к программам курсов Гилярова.

[12] Гиляров читал курс герменевтики с поздней осени 1848 г. Сам он впоследствии (и эта версия стала общепринятой) объяснял свой уход из Академии и конфликт с митр. Филаретом разными подходами к проблеме старообрядчества и к преподаванию миссионерских дисциплин (см.: *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова: Дис. <...> канд. ист. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004. Л. 51—63; *Федоров Д., свящ.* Н. П. Гиляров-Платонов как профессор Московской духовной академии // *Возвращение Гилярова-Платонова*. С. 13—14; *Викторович В. А.* Блаженны отставшие... // Там же. С. 17—19). О взаимоотношениях Гилярова с Филаретом см. также статью А. П. Дмитриева «История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году)» (Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Вып. 4. С. 158—183).

[13] Программа Гилярова по герменевтике учитывала данное понятие, но как частный случай символического прочтения Библии. Прообразовательное богословие развивалось в противовес протестантской новой Тюбингенской школе «библейской критики» (Ф. Х. Бауэр). Постулатам последней о презумпции исторического смысла была противопоставлена концепция Божественного Промысла, предлагающая рассматривать историю как цепь прообразов и образов, ретроспекций и проспекций. Ценностный акцент, таким образом, попадал не на «исторический смысл» (прообраз), а на образ, служащий ключом и открывающий подлинный смысл более раннего события. Прообразовательное богословие в России XIX в. развивал прот. П. М. Терновский, а затем и прот. С. К. Смирнов («Предызображение Господа нашего Иисуса Христа...»). После отставки Гилярова именно С. К. Смирнов стал руководить миссионерским отделением (*Смирнов*. С. 409).

[14] Согласно И. А. Вениаминову и Е. Е. Голубинскому («Воспоминания». Кострома, 1923), источником слуха выступил иеродиакон Анфим (Чалыков), пожаловавшийся будто А. Н. Муравьеву, что якобы Гиляров слишком вольно читает герменевтику. Ср. примеч. 4. <Сам Гиляров в письме от 15 ноября 1886 г. к ученику, однако, утверждал, что Анфим «насказал Филарету» напрямую; о посредстве Муравьева Гиляров, во всяком случае, не говорил. См.: *Письма к Романову-Рцы*. С. 287. — *Ред.*>

[15] Фрагмент содержит в себе филаретовскую правку, ужесточившую заключение. Появилось «личное измерение» (Гиляров должен быть уволен), которое объяснимо в контексте Формулярного списка Гилярова. Составленный писарем документ, по которому Гиляров был принят в Академию, содержит в XII-й графе (Характеристика и поведение) личную запись митр. Филарета (Дроздова): «<Поведения> Хорошего. Исправлен. Надежен». Итоговым абзацем митрополит аннулирует ранее данную характеристику. <Тем

не менее следует оговориться: в официальных документах об увольнении Гилярова из духовно-учебной службы и из духовного звания в светское, поданных Академическим правлением в Св. Синод в 1855 г., конечно же, не без ведома, а напротив, при ближайшем участии митр. Филарета, Гиляров неизменно характеризуется самым наилучшим образом именно в смысле благонадежности. См., например: «Аттестован поведения хорошего, исправен и надежен» (Предложение Св. Синоду № 12656 от 21 декабря 1855 г., подписанное и. д. обер-прокурора А. И. Карасевским и директором Духовно-учебного управления Ив. Домонтовичем, с цитацией Представления Правления МДА № 384 от 13 декабря 1855 г. и формулярного списка Гилярова за 1854/5 год // РГИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 18773. Л. 2 об.). Причем, разумеется, заподазривать свт. Филарета в лукавстве нет никаких оснований. Его резкая эмоциональная реакция на лекции Гилярова, вызванная определенными политическими обстоятельствами 1855 г., очень скоро сменилась противоположными чувствами, мнениями и оценками. — *Ред.*>

[16] Уже с октября 1855 г. преподавателем по дисциплинам, которые вел Гилярова, стал С. К. Смирнов (*Смирнов*. С. 409).

Приложение 1

Список лиц, состоящих в штате Академии (1849)

1) Конференция[1]

Председатель. Высокопреосв<ященный> Филарет, митроп<олит> Моск<ский> и Колом<енский>.

Действительные члены:

а) внутренние:

Рект<ор> Акад<емии> архим<андрит> Алексий. [2] [a]

Инсп<ектор> Акад<емии> архим<андрит> [b] Сергий; [4]

Проф<ессор> прот<оиерей> Феодор Александ<рович> Голубинский, [5]

Проф<ессор> прот<оиерей> Петр Спирид<онович> Делицын, [6]

Проф<ессор> маг<истр> Александр Вас<ильевич> Горский, [7]

Проф<ессор> Егор Вас<ильевич> Амфитеатров. [8]

б) внешние:

Моск<овского> Арханг<ельского> соб<ора> прот<оиерей> Арсений Ив<анович> Тяжелов, [9]

Мос<ковской> Трехсвят<ской> церк<ви> прот<оиерей> Николай Петр<ович> Другов, [10]

Моск<овской> Воскресен<енской> в Бар<ашах> церк<ви> прот<оиерей> Семен Ив<анович> Соколов, [11] [c]

---

[a] *Далее вычеркнута строка*: рект<ор> Виф<анской> семин<арии> архим<андрит> Евгений. [3]

[b] *Следующее слово* — иером<онах> — *вычеркнуто*.

[c] *Следующая строка вычеркнута*: Моск<овского> Каз<анского> собора прот<оиерей> Сергий Алексеев<ич> Владимирский. [12]

Иосиф<о>-Волокол<амского> мон<астыря> архим<андрит> Агапит;[13]

Доктор и проф<ессор> богосл<овия> при Моск<овском> университете прот<оиерей> Петр[a] Матв<еевич> Терновский,[14]

Моск<овской> Предтеч<енской> на Покровке церк<ви> прот<оиерей> Павел Петров<ич> <Ключарев->Платонов,[15]

Моск<овской> Адриан<овской>, что у Сухар<евой> башни, церк<ви> прот[ои]<ерей> Дмитрий Петр<ович> Новский.[16]

Почетные члены:

а) Духовные особы:[b]

Высокопреосвящ<енный> Никанор, м<итрополит> С.-Петерб<ургский>,[18]

Высокопреосвящ<енный> Филарет, митр<ополит> Киев<ский> и Галич<ский>,[19]

Высокопр<еосвященный> Григорий, архиеп<ископ> Казан<ский>,[20]

Высокопреосв<ященный> Евгений, архиеп<ископ> Ярославский,[21]

Высокопреосв<ященный> Иннокентий архиеп<ископ> Херсон<ский>.[22]

б) Светск<ие>:

Обер-прокурор Свят<ейшего> Правит<ельствующего> Син<ода>, генерал-адъютант граф Николай Александр<ович> Протасов;[23]

Князь Сергей Мих<айлович> Голицын;[24]

Князь Петр Хрисанф<ович> Обольянинов;[25]

Князь Андрей Петр<ович> Оболенский;[26]

Князь Петр Сергеев<ич> Мещерский;[27]

Граф Сергей Григ<орьевич> Строганов.[28]

Корреспонденты: С.-Петерб<ургского> Тавр<ического> двор<ца>[29] прот<оиерей> Герасим Петр<ович> Павский.[30]

Секретарь:[c] проф<ессор> Егор Вас<ильевич> Амфитеатров.

2) Внутреннее правление

Члены:

Акад<емии> рект<ор> архим<андрит> Алексий,

Инспек<тор>[d] архим<андрит> Сергий,

проф<ессор> прот<оиерей> Петр Спирид<онович> Делицын.

Секрет<арь> проф<ессор> Егор Вас<ильевич> Амфитеатров.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Андреев<ич>.

[b] *Далее вычеркнуто*: Высокопреосв<ященный> Антоний, митроп<олит> Новгор<одский> и С.-Петерб<ургский>.[17] *Следующая строка (о митр. Антонии) вписанв поверх зачеркнутого.*

[c] *Далее зачеркнуто*: Егор.

[d] *Далее зачеркнуто*: иером<онах>.

3) Внешнее правление

Члены:
Акад<емии> рект<ор> архим<андрит> Алексий,[a]
Акад<емии> инспек<тор> иером<онах> Сергий,
Проф<ессор> прот<оиерей> Петр Спирид<онович> Делицын.
Секрет<арь> проф<ессор> Егор Вас<ильевич> Амфитеатров.

Текст печатается впервые по источнику: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. № 831. Л. 2 об.—3. При публикации сохранена неупорядоченность в постановке знаков препинания в конце строк, где называется то или иное лицо (то запятая, то точка с запятой, то точка). Разнобой в написании должностей, санов, званий и т. п. (то с прописной, то со строчной) устранен: приближен к современной норме. Убрана и непоследовательность в написании буквы, начинающей строку: она сделана прописной, как в большинстве случаев в оригинале.

[1] *Академическая конференция* — высший орган управления Духовной академии, оценивавший работу учебного заведения, вводивший изменения в список предметов, назначавший ректора, объявлявший прием, утверждавший результаты экзаменов и списки экзаменационных вопросов. Конференция состояла из трех групп людей: *действительных членов* — обладали правом голоса и обязаны были участвовать в управлении; *почетных членов* — не обладали правом голоса и привлекались для придания наибольшего авторитета академическим решениям; *корреспондентов* — не обладали правом голоса, не участвовали в совещаниях, привлекались в качестве источников инсайдерской информации.

[2] Алексий (в миру Руфин Иванович Ржаницын; 1812—1877), ректор МДС (с 1843 г.), МДА (с 1847 г.), викарный еп. Дмитровский (с 1853 г.), Тульский и Белевский (с 1857 г.), Таврический и Симферопольский (с 1860 г.), архиеп. Рязанский и Зарайский (с 1867 г.), Тверской и Кашинский (с 1876 г.). Печатался в «Прибавлениях к Творениям Святых Отцов», издаваемых МДА.

[3] Евгений (в миру Макарий Дмитриевич Сахаров-Платонов; 1812—1888) — инспектор МДА (с 1842 г.), ректор Вифанской ДС (с 1847 г.), МДС (с 1849 г.), МДА (с 1853 г.); викарный еп. Дмитровский (с 1857 г.), Симбирский и Сызранский (1858—1874)

[4] Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский; 1820—1898) — духовный писатель; инспектор МДА (с 1848 г.; сначала в сане иеромонаха, с 1850 г. — архимандрита), ректор МДА (с 1857 г.); еп. Курский и Белгородский (с 1861 г.), архиеп. Казанский и Свияжский (с 1880 г.), Кишиневский и Хотинский (с 1882 г.), Херсонский и Одесский (с 1891 г.), митр. Московский и Коломенский (с 1893 г.).

[5] Прот. Ф. А. Голубинский (1798—1854) — 3-й магистр I курса МДА (1818); оставлен при Академии для чтения курса философии; с 1820 г. — один из наиболее уважаемых деятелей Конференции; занимался проблемой философского обоснования теизма (см., например: О конечных причинах: Письмо 1 // Прибавления к Творениям Св. Отцов. 1847. Ч. V).

[a] *Вычеркнута последующая строка*: Виф<анской> сем<инарии> ректор архим<андрит> Евгений.

[6] П. С. Делицын (1795—1863) — 1-й магистр того же I курса МДА; оставлен для чтения физико-математических наук и языков (немецкого и французского); с 1820 г. член Конференции, с 1836 г. — Духовно-цензурного комитета; ответственный редактор серии Творений Святых Отцов, переводчик; переводил также и новых авторов — Гёте, «Эстетику» Бутервека, «Критику чистого разума» Канта, «Историю философии» Таннемана (подробнее см.: <*Смирнов С. К.*> Профессор Московской духовной академии, протоиерей Петр Спиридонович Делицын. М., 1863).

[7] Прот. А. В. Горский (1814—1875) — 3-й магистр VIII курса МДА (1832); оставлен при Академии преподавать гражданскую историю; впервые ввел исторические аспекты в преподавание духовных дисциплин. Редактор Прибавлений к Творениям Святых Отцов. Центральные работы — «История евангельская и церкви апостольской» и фундаментальное (в соавторстве с К. И. Невоструевым) «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки».

[8] Е. В. Амфитеатров (1815—1888) — 2-й магистр XIII курса С.-Петербургской ДА (1839); по ее окончании назначен преподавателем словесности и литературы МДА. Автор сочинений «О священной поэзии евреев» и «О существе и свойствах художественной деятельности», опубликованных в Прибавлениях к Творениям Святых Отцов; посмертно изданы его лекции: Исторический очерк учений о красоте и искусстве: Из акад. чтений Е. В. Амфитеатрова. Харьков, 1890. См. о нем: Памяти Е. В. Амфитеатрова: I. Некролог; II. Слово и речи. М., 1888.

[9] Прот. А. И. Тяжелов (1789—1855) — 24-й магистр I курса С.-Петербургской ДА (1814), некоторое время преподавал еврейский язык в МДА; специализировался в области литургики; автор «Руководства к пасхалии для употребления в духовных училищах» (М., 1820).

[10] Прот. Н. П. Другов (1777—1857) — выпускник Славяно-греко-латинской академии, любимый ученик митр. Платона (Лёвшина), рукоположенный им лично во священники; столь же близок был и к митр. Филарету (Дроздову), который дважды лично соборовал находившегося при смерти Н. П. Другова. Катехизатор, член Московской консистории, цензор духовных книг и проповедей священников; свободно владел основными европейскими языками, исполнял миссионерские обязанности: обращал в православие католиков, лютеран, мусульман, иудеев и старообрядцев (см.: *Г<ригор>ий <(Воинов-Борзецовский)>, архим.* Сведения о жизни протоиерея Николая Петровича Другова // Душеполезное чтение. 1868. Ч. II. Май. С. 125—153).

[11] Прот. С. И. Соколов (1772—1860) был известен своим особым пристрастием к мистической масонской литературе, которую сам переводил и советовал читать прихожанам. Близкий к нему писатель Н. В. Сушков сообщал: «Семен Иванович находился смолоду в приязненных отношениях с членами и питомцами Дружеского общества, которое имело столь важное влияние на новорожденный в России Университет. <...> В Москве он известен был как духовник строгий и назидательный, как осторожный путеводитель смущаемых сомнениями и ропотом в дни скорби и искушений, как глубокомысленный и проникнутый духовностью мистик» (*Сушков Н. В.* Записки о жизни времени святителя Филарета, митрополита Московского. М. 1868. С. 11, 15). Отец Симеон всегда пользовался доверием епархиального начальства и занимал немало должностей: был депутатом при следственных делах, духовником ряда священнослужителей, руководителем подвергшихся отлучению от церкви (епитимии), членом попечительства о бедных духовного звания и др.

[12] Прот. С. А. Владимирский (ок. 1796—1849) — 16-й магистр II курса МДА (1820); автор трех отдельно изданных церковных «слов» и «бесед» (М., 1840—1844); практически исключительно занимался пастырской и приходской деятельностью. Тесть архиеп. Амвросия (Ключарева).

[13] Архим. Агапит (в миру Петр Иванович Введенский; 1800—1877) — духовный писатель, автор «Жития прп. Иосифа Волоколамского».

[14] Прот. П. М. Терновский-Платонов (1798—1874) — 1-й магистр V курса МДА (1826); оставлен преподавателем греческого языка; участвовал в переводе Библии на русский язык, предпринятой Российским библейским обществом вместе с Г. П. Павским и митр. Филаретом (Дроздовым); с 1823 г. — член Академической конференции МДА; с 1827 г. — преподаватель богословия, церковной истории, а затем и философии, психологии и логики Московского университета; автор официального учебника «Богословие догматическое» (М., 1838; 3-е изд., пересм. и доп.: 1844).

[15] Прот. П. П. Ключарев-Платонов (1798—1860) — духовный писатель, выпускник Вифанской ДС (1818), 2-й магистр III курса МДА. (1822), с 1852 г. бакалавр гражданской истории в Академии; был протоиереем церкви Вмч. Никиты в Басманной.

[16] Протопр. Д. М. Новский (1799—1879) — 4-й магистр IV курса МДА (1824); оставлен преподавать логику и психологию; в 1843 г. возведен митр. Филаретом (Дроздовым) в протопресвитеры Большого Успенского собора Кремля, член Московской конторы Св. Синода. Дед лингвиста Д. Н. Ушакова.

[17] Митр. Антоний (в миру Григорий Антонович Рафальский; 1789—1848) — начав обучение в униатском училище при Верховском монастыре, был переведен в православную Волынскую ДС, а по ее окончании оставлен в ней учителем; миссионер (обращал католиков и иудеев); в 1831 г. принял монашество по личной просьбе имп. Александра I, после чего был назначен первым наместником Почаевской лавры по передаче ее в православную юрисдикцию после разгрома Польского восстания; с 1834 г. — первый православный епископ в Варшаве; с 1843 г. по личному настоянию Николая I — митр. С.-Петербургский.

[18] Митр. Никанор (в миру Николай Степанович Клементьевский; 1787—1856) — выпускник Троицкой ДС (1809); оставлен преподавателем греческого и еврейского языков; с 1818 г. — ректор Вифанской ДС; позднее викарный епископ и член С.-Петербургской консистории; с 1840 г. архиеп. Волынский и Житомирский, с 1843 г. — одновременно и Варшавский и Новогеоргиевский. После смерти митр. С.-Петербургского Антония (Рафальского) был назначен на его место.

[19] Митр. Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров; 1779—1857) — выпускник Севской ДС (1798), настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря (с 1813 г.); по настоянию митр. Филарета (Дроздова) стал инспектором С.-Петербургской ДА (1814), в том же году переведен с сохранением должности в только что реформированную МДА; с 1815 г. — ее ректор; автор официального пособия по догматическому богословию. Будучи до Григория (Постникова) архиепископом в Казани, боролся с расколом, занимался миссионерской деятельностью; до конца жизни был категорическим противником перевода Библии на русский язык. Митр. Киевским и Галицким состоял в 1834—1857 гг.

[20] Митр. Григорий (в миру Егор Петрович Постников; 1784—1860) — 3-й магистр I курса С.-Петербургской ДА (1814), один из любимых учеников митр. Филарета (Дроздова); оставлен преподавателем богословия; вице-президент Российского библейского общества, участник перевода Библии на русский язык; автор первых русских пособий по

герменевтике, догматическому богословию, полемическому богословию и апологетике (1819); основатель церковной журналистики («Христианское чтение», 1821; «Православный собеседник», 1855); радикальный и последовательный борец с расколом. Архиеп. Казанским и Свияжским был с 1848 г.; затем, с 1856 г., — митр. Новгородским и С.-Петербургским.

[21] Архиеп. Евгений (в миру Андрей Евфимович Казанцев; 1778—1871) — по окончании Троицкой ДС (1800) был назначен митр. Платоном (Лёвшиным) преподавателем высшей грамматики, а по принятии монашества (1804) – префектом Вифанской ДС. Впоследствии сблизился с Филаретом (Дроздовым) и во вновь открытой С.-Петербургской ДА Евгений стал правой рукой (инспектором) митр. Филарета (ректора). Почетный член Московского университета и Общества любителей древней письменности; блестящий проповедник. Ярославскую и Ростовскую архиепископию возглавлял в 1837—1853 гг. См. о нем: *Головщиков К. Д.* Архиепископ Евгений Казанцев: Биобиблиогр. очерк. Владимир, 1894.

[22] Архиеп. Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов; 1800—1857) — 1-й магистр I курса Киевской ДА (1823); впоследствии ее ректор (с 1830 по 1840 г.; с 1836 г. одновременно викарный еп. Чигиринский). Учредитель журнала «Воскресное чтение»; как проповедник снискал славу «Русского Златоуста»; специализировался в области философии и экзегетики; отстаивал необходимость библейской критики (см.: *Иннокентий, архиеп.* О религии откровенной // Соч.: В 11 т. СПб., 1877. Т. XI). Архиеп. Херсонский и Таврический с 1848 по 1857 г.

[23] Гр. Н. А. Протасов (1798—1855) — обер-прокурор Св. Синода (1836—1855), выступал за тотальный государственный контроль над Русской церковью; проводил последовательную политику изгнания латинского языка из преподавания, был сторонником признания старославянской версии Библии равноценной Вульгате и Септуагинте; с его именем связана реформа духовных учебных заведений, при которой за образец был взят батальон военных кантонистов (см.: *Ростиславов Д. И.* С.-Петербургская духовная академия при графе Протасове // *ВЕ*. 1883. Т. IV. Кн. 7—8; Т. V. Кн. 9).

[24] Кн. С. М. Голицын (1774—1859) — попечитель Московского учебного округа (1830—1835), член Государственного совета (с 1836 г.).

[25] Вероятно, техническая ошибка: П. Х. Обольянинов (1752—1841) — генерал от инфантерии, генерал-прокурор Сената (1800—1801), московский губернский предводитель дворянства (1817—1832) — к тому времени умер.

[26] Кн. А. П. Оболенский (1769—1852) — тайный советник, попечитель Московского учебного округа (1817—1825) — также к 1855 г. скончался.

[27] Кн. П. С. Мещерский (1778—1856) — действительный тайный советник; с 1813 г. — директор С.-Петербургского комитета Библейского общества; с 1817 г. — обер-секретарь Св. Синода, пожизненный член Главного управления училищ. Занимался миссионерской деятельностью в Поволжье и Западном крае, борьбой с раскольниками.

[28] Гр. С. Г. Строганов (1794—1882) — попечитель Московского учебного округа (1835—1847), учредитель публичной рисовальной школы (1825), председатель Московского общества истории и древностей российских; основатель Московского археологического общества (1859). См., однако, нелицеприятную его характеристику у Гилярова: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 218.

[29] В середине XIX в. Таврический дворец — одна из императорских резиденций. Прот. Г. П. Павский (см. ниже) был учителем Закона Божия и Священной истории при будущем императоре Александре II.

[30] Прот. Г. П. Павский (1787—1863) — 1-й магистр I курса С.-Петербургской ДА (1814); оставлен преподавателем еврейского языка и богословия. Один из лучших знатоков иврита своего времени, переводчик Ветхого Завета, автор официального учебника по древнееврейскому языку для духовных учебных заведений; после запрета Российского Библейского общества не отказался от деятельности, начатой под эгидой Общества. С начала 1830-х гг. — в конфликте как с консерваторами (митр. Серафимом (Глаголевским), митр. Филаретом (Амфитеатровым), гр. Н. А. Протасовым), так и с бывшими единомышленниками, сделавшими успешную карьеру (митр. Филаретом (Дроздовым)). В 1835 г. по инициативе митрополитов Серафима (Глаголевского) и Филарета (Дроздова) отстранен от преподавания в С.-Петербургской ДА.

Приложение 2

Наставление Воспитанникам Московской духовной академии <о правилах поведения>

Чтобы усилить внимание Студентов на собственную Артельность и поведение и чтобы сие внимание основано было на правилом и неослабно было принуждаемо, для сего весьма полезным признается и к исполнению советуется.

1) Чтобы каждый Студент Академии, по окончании дня, после вечерней молитвы, уединясь, потребовал от себя отчета в том, как в сей день исполнял обязанности, какие получил новые мысли и внушения из размышлений, чтения, обращения, наблюдения происшествий, не нарушил ли чем мира своей и других совести, и чтобы из сего испытания то, что нужно для воспоминания, для успеха в добре и для остережения себя от зла, крепко и скромно внес в дневную Записку. [1]

2) Старшие каждой комнаты имеют по возможности замечать, исполнялося ли сие студентами, вверенными их смотрению. [2] А начальники от времени до времени, смотря на образ мыслей и поведение каждого, почитают за нужное рассматривать сии дневные Записки, основываясь на 14 правиле св. Василия Вел<икого>, где сказано: «наставники неопустительно должны требовать отчета в расположениях сердца воспитанников и о том, чем заняты их мысли». [3]

3) Поелику сие установление имеет целию то, чтобы чрез правильное и постоянное наблюдение за собою возбудить и утвердить в сердце добрые чувствования и расположения, соответственно оной Апостольской заповеди: *Естьли бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* 1 Кор. 11, 13. [4] И поелику для сего нужно не притворное открытие состояний духа и совести: то надлежит устранить от сего упражнения всякий человеческий страх и недоверчивость, равно как и прельщение человеческой похвалы. Никто не должен опасаться обличения, ни ожидать *за* сие открытого изоб<лич>ения. Плод сего установления должен быть внутренний, а не внешний. Доверит ли Студент прочитать свою дневниковую записку другому Студенту, от которого надеется стяжать <?> Совета;

начальник ли прочитает ее: совет оканчивает дело между дающим и приемлющим оный в духе любви и совершенной скромности. Может быть, сие дело <?>, особенно сначала, покажется трудным: но важность ожидаемого плода труд сей должна делать сладостным и любезным. *Кто хочет идти за Мною, отвергнет себя, и каждой день берет крест свой*. Лук. 9. 23.[5]

Текст публикуется впервые по источнику: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 5. № 731. Л. 1—1 об. Наставление не имеет датировки, однако ряд реалий (использование старославянского перевода Библии, например) и орфографические нормы позволяют датировать его первой половиной XIX в.

[1] Возможно, общехристианская аскетическая практика, однако популярная, требуемая и письменно зафиксированная прежде всего в западном христианстве (ср. с практикой ежевечернего испытания совести в католицизме). Подробнее о практике сочинения св. Игнатия Лойолы в новейших переводах А. Н. Коваля: 1) Духовный дневник // Точки = Puncta. М., 2002. № 1/2 (2) (Янв./июнь). С. 161—238; 2) Духовные упражнения. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. (Bibliotheca Ignatiana: богословие, духовность, наука).

[2] Данная практика — назначение студента старшего отделения (III—IV курсы) в качестве надзирателя над студентами младшего отделения (I—II курсы) — нашла свое отражение в мемуарах Гилярова (см., например: *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 60, 76—77).

[3] Источник не установлен. Среди «Канонических правил» св. Василия Великого ничего подобного не содержится, а 14-е правило звучит: «Вземлющий лихву, если захочет неправедную корысть истощить на нищих и впредь от недуга любостяжания свободен быть, может принят быть в священство».

[4] Сноска неточна. Цитируется фрагмент (1 Кор 11: 31), который в синодальном переводе выглядит так: «Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы».

[5] В синодальном переводе: «Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк 9: 23).

Приложение 3

Архимандрит Макарий (Булгаков)
Введение в православное богословие (СПб., 1847)
<Фрагмент>

Из предварительных наук, относящихся к Св. Писанию, одна предполагает правила, как узнавать и объяснять истинный смысл Св. Писания: это *Герменевтика*; другая сообщает сведения о древностях иудейских, необходимые к удобнейшему уразумению Св. Писания: это *Библейская археология*; третья, наконец, действительно прилагает все это к Св. Писанию и знакомит как с историей, так и с содержанием Свящ. книг: это Введение в Св. Писание вместе с истолковательным чтением его, или *Библиология*.[1]

Герменевтика

I. Об истинном смысле Св. Писания и главном начале Священной герменевтики:
   1. Об истинном смысле Св. Писания:
      а) о смысле буквальном;
      б) о смысле таинственном.
   2. О главном начале Св. герменевтики:
      а) начало истинное — учение православно-кафолической Церкви;
      б) опровержение начал ложных, выдуманных неправомыслящими.

II. О средствах к уразумению истинного смысла св. Писания
   1. Внутренних, каковы:
      а) словоупотребление;
      б) контекст речи;
      в) цель священной книги или известного места ее;
      г) параллелизм.
   2. Внешних, куда относятся сведения:
      а) о писателе книги;
      б) о лицах, вводимых писателем;
      в) о времени написания книги и описываемых в ней событий;
      г) о месте написания книги и событий, в ней упоминаемых;
      д) о случае к написанию книги и прочих обстоятельствах.

III. О способе изъяснения истинного смысла Св. Писания:
   1. Народном, как-то:
      а) о переводе;
      б) парафразе и
      в) гомилитических объяснениях.
   2. Ученом, куда относятся:
      а) примечания (scholia);
      б) комментарии;
      в) рассуждения или исследования.

Преподавание Священной герменевтики непременно должно быть в духе православной Церкви: в противном случае вместо пользы оно принесет только вред. А потому и при выборе и употреблении иностранных руководств по этой науке надобно быть крайне осторожным, — надобно выбирать из них только то, что может иметь место в герменевтике православной. Указание некоторых из этих руководств можно найти в классической книге, употребляющейся в наших Духовных училищах: Delineatio Hermeneuticae sacrae, ed. 2. Petropoli, 1832.

Библиология

Библиология, совмещающая в себе введение в Св. Писание вместе с истолковательным чтением его, может состоять из двух частей: части общей, касающейся всех вообще Священных книг, и части особенной, касающейся каждой Священной книги порознь.

Часть *общая*

1. О существе Св. Писания:
   а) понятие о нем;
   б) разные наименования его;
   в) главный предмет и цель;
   г) разделение.
2. Об оригинальном тексте Св. Писания:
   а) Ветхого Завета;
   б) Нового Завета.
3. О главнейших переводах Св. Писания:
   а) древних;
   б) новых и
   в) в особенности о переводе семидесяти толковников и славянском.
4. О манускриптах и замечательнейших изданиях Св. Писания.
5. О Библиях-полиглоттах (на многих языках).
6. О лучших комментариях на Св. Писание.

Часть *особенная*

1. О книгах Ветхого Завета каждой в особенности:
   а) исторических: Пятикнижии Моисеевом, книге Иисуса Навина, Судей и проч.;
   б) учительных: книге Псалмов и других, каждой порознь;
   в) пророческих: пророков Исайи, Иеремии и прочих.
2. О книгах Нового Завета, каждой в особенности:
   а) исторических: четырех Евангелиях и Деяниях Апостольских;
   б) учительных: Апостольских посланиях и
   в) пророческой: Апокалипсисе.

Говоря о каждой из этих книг, Библиология должна показать: а) наименование книги; б) ее писателя, время и место написания, в) предмет, цель, расположение частей книги; г) лучшие комментарии на нее, и д) наконец, представить изъяснение или на важнейшие места книги или даже на всю книгу.

Богатое пособие для преподавания Библиологии можно находить в книге: «Sacrae Scripturae Cursus completus ex commentariis omnium perfectissimis, ubique habitis..., unice conflatus», изданной аббатом Ла-Минем в 28 томах, Paris 1839—1845. Сюда же относятся вообще так называемые *Введения в Св. Писание*, между которыми, разумеется, надо делать строгий выбор. Главным руководством, собственно, при изъяснении как отдельных мест, так и целых книг Св. Писания, должны служить Толкования Св. Отцов и учителей Церкви. Прекрасный опыт объяснения целой книги Св. Писания на отечественном языке мы имеем в «Записках на Книгу Бытие» [2]...

Печатается по первому изд. труда: *Макарий (Булгаков), архим.* Введение в православное богословие. СПб., 1847. С. 645—646, 648—649.

[1] Принципиально иное видение курса герменевтики (его роли и объема) отстаивал митр. Филарет (Дроздов). Его понимание герменевтики соответствовало тому пропедевтическому курсу, который архим. Макарий (Булгаков) обозначал как Библиология.

[2] «Толкование на Книгу Бытие» — одно из самых значительных сочинений митр. Филарета (Дроздова). Было создано и опубликовано Русским Библейским обществом как пролог к готовившемуся переводу Библии на русский язык. В отличие от большинства изданий Общества, во многом благодаря высокому положению митр. Филарета не было запрещено в 1820—1830-х гг.

«ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ КНЯЗЮ» В НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПЕТЕРБУРГ
(Неизданная переписка К. С. Аксакова с кн. Д. А. Оболенским)

Публикация Т. Ф. Пирожковой

Константин Сергеевич Аксаков не был другом Дмитрия Александровича Оболенского, которому адресованы ниже публикуемые письма. Дружеские отношения связывали Оболенского с младшим братом Константина Иваном Сергеевичем: со времен учения в Училище правоведения и до конца жизни князь для Ивана был просто «Митя», несмотря на занимаемые им высокие посты: директор Комиссариатского департамента Морского министерства, статс-секретарь, товарищ министра государственных имуществ, сенатор и даже член Государственного совета.

После окончания Училища правоведения службе в Петербурге Иван предпочел провинцию и переехавшему в 1845 г. в Северную столицу Оболенскому писал: «Советую тебе перейти в Калугу, жить со мною. Гораздо лучше, чем портиться в Петербурге». [1]

Но и Константин Аксаков, несмотря на соблюдаемую им дистанцию («любезнейший князь Дмитрий Александрович»), имел право на известную короткость и даже обременение Оболенского поручениями — Оболенский приходился двоюродным братом самому близкому другу Константина Юрию Федоровичу Самарину («Если Самарин в Петербурге, покажите ему мое письмо и обнимите его за меня», — писал Константин Аксаков своему петербургскому адресату).

Публикуемый нами материал имеет два сюжета: первый связан с хлопотами получения цензурного разрешения на драму Константина Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» и относится к 1847—1848 гг., второй касается событий начального этапа Восточной (Крымской) войны: декабрь 1853 г. — июнь 1854 г.

1847 год — исключительно плодотворный в творческой биографии Константина Аксакова. 6 марта он успешно защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Через несколько дней, во второй декаде марта, из печати вышел славянофильский «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» с тремя его критическими статьями. Наконец, была завершена работа над драмой «Освобождение Москвы в 1612 году». Константин Аксаков мечтал ее напечатать.

Но к 1847 г. славянофилы уже успели удивить и раздражить московское общество своими необычными речами (об особой исторической миссии России

[1] Письмо от 17.XI.1845 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 14 об.

среди других стран, о необходимости сближения дворянского и крестьянского сословий, об уважении к сельской общине и преданию) и внешним видом (причем первым обрядился в сапоги, косоворотку и мурмолку Константин Аксаков), а Петербург напугать слухами о существовании в Москве якобы политической партии, отчего письма славянофилов вскрывались на почте, полиция следила за ними и посетителями их домов, а попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, считавший представителей этого течения общественной мысли «праздными болтунами», [2] воспрепятствовал попыткам И. В. Киреевского и А. Н. Попова получить кафедры философии и истории русского права в Московском университете. В мае 1847 г. при возвращении из Европы был арестован и препровожден в III Отделение Ф. В. Чижов (по словам острого на язык А. С. Хомякова, «совершил ускоренное путешествие от границы» с провожатыми и «получил квартиру на 12 дней с отоплением, освещением и столом» [3]). Николай I пообещал Чижову (как прежде А. С. Пушкину) быть цензором его произведений, посему вплоть до весны 1856 г. Чижов разводил шелковичных червей на Украине (жить в столицах ему запретили). Вот такая обстановка сложилась к концу 1847 г., когда возникла надобность проводить аксаковскую драму через цензуру.

С.-Петербургский и Московский цензурные комитеты отличались особой строгостью по отношению к славянофилам, которые почувствовали это при выпуске «Москвитянина» в 1845 г. и «Московских сборников» в 1846 и 1847 гг. Обращение в московскую цензуру лично для Константина Аксакова было делом, заранее обреченным на неуспех в связи со скандалом после публикации в «Московских ведомостях» (1846. 23 апр.) его статьи «Семисотлетие Москвы» с недоброжелательными отзывами о Петербурге.

Родившийся в Ново-Аксакове Бугурусланского уезда Уфимской губернии, но в детстве привезенный в Москву, Константин Аксаков считал ее своей родиной, любил до самозабвения, почитал как «самый благочестивый город в России», [4] тогда как Петербург всю жизнь для него оставался только резиденцией «немецкого правительства», воплощением «западного зла», всего официального, вредного душе русского человека.

Свое нерасположение к Петербургу и фанатичное обожание Москвы Константин Аксаков выразил в стихах, например в стихотворении «Петру» (1845), в котором заявил, что названный именем царя город живет, не зная о русской земле, в водевиле «Почтовая карета», где М. С. Щепкин, игравший москвича, пассажира № 10, произносил целый куплет о Первопрестольной, кончавшийся словами:

---

[2] *Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов / Под ред. Т. Ф. Пирожковой. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 38.

[3] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1904. Т. VIII. С. 257.

[4] Письмо И. С. Аксакову <1850 г.> // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 1б. Л. 27.

И старый клич я подымаю:
Да вечно здравствует Москва![5]

Неприязнь к Петербургу проявилась в статьях: «Несколько слов о нашем правописании» в «Московском сборнике» 1846 г. содержала очень неосторожное заявление о словах с окончанием на «бург» как чуждых русскому духу, а также в разговорах, когда Константин Аксаков со всей серьезностью рассуждал о преимуществах московской жены (Е. А. Свербеевой) перед петербургской (А. О. Смирновой), и, конечно же, в письмах, к примеру, брату Ивану, где сообщал, что Петербург «это Содом», «незаконнорожденный город, прижитый с разнузданной Западной Европой»,[6] или Самарину, где Северную столицу аттестовал как «поганый город».[7] Кстати, то же самое читаем в конце III письма Константина Аксакова в нашей публикации — говоря о предстоящем отъезде Самарина из столицы, Аксаков просит: «Не задерживайте его в поганом Петербурге».

При подобной трактовке Петербурга Москва становилась для Аксакова не только олицетворением «русскости», но вырастала в символ всей Русской земли:

> ...великое достоинство Москвы, что она признает всю Россию, что она не есть власть над нею, но ее власть, что она ее выражение, что она Русь одним словом <...>. Нападать на Москву можно только в шутку; или же, как справедливо заметил Хомяков, это значит нападать на Россию. <...> Есть что-нибудь доброе в России, есть оно в Москве. Есть будущее для России, есть будущее для Москвы. Может восторжествовать Русская мысль в России, восторжествует она в Москве.[8]

Когда в одном из писем Оболенскому времен Крымской войны в нашей публикации Аксаков объявил, что не участвует ни в одном петербургском журнале или газете, это была чистая правда. Но и петербуржцев в московские сборники, по его разумению, пускать не должно, потому что между этими городами «бездна», «нет и не может быть никакого соединения».[9] Оскорбившемуся таким ригоризмом Самарину Аксаков написал следующее:

> ...не думай, чтобы я говорил, что в Петербурге нет хороших людей; сделай милость, не смешивай; в Петербурге могут быть москвичи; таким я признаю тебя;

---

5 Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. М.: Огни, 1915. Т. I. С. 334.

6 Письма И. С. Аксакову <от марта 1849 г.>, <от 1851 г.> // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 1б. Л. 7 об., 37 об.

7 Письмо без даты, датируемое нами весной 1847 г. как написанное после магистерского диспута К. С. Аксакова, состоявшегося 6.III.1847 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 49.

8 Письмо Ю. Ф. Самарину без даты, датируемое нами концом 1844-го или началом 1845 г., поскольку в нем идет речь о стихах К. С. Аксакова в ответ на стихотворение Н. М. Языкова «Не нашим» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 26), и письмо И. С. Аксакову без даты, датируемое нами февралем—мартом 1860 г. как написанное после смерти Я. И. Ростовцева // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 1б. Л. 53 об., 56 (порядок листов нарушен).

9 Письмо Ю. Ф. Самарину без даты, датируемое нами концом 1844-го или началом 1845 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 25.

и опять: в Петербурге хорошие люди могут быть только москвичи; они могут существовать только материально, занимать известное пространство земли, ходя, стоя, лежа или сидя, дышать, хотя северным воздухом, пить невскую воду и т. д. Кто говорит против того; но такие люди да почитают себя москвичами, да и смотрят на себя как на отряд, как на колонию... [10]

Как все преувеличенное, любовь к Москве и москвичам приобрела у Аксакова несколько комические формы.

После выхода статьи «Семисотлетие Москвы» Аксаков писал, что поскольку Петербург не выписывает «Московские ведомости», то и не знает, как ему «досталось» в этой публикации. Хотя «досталось» не только Петербургу: «досталось» поместившему эту статью в газете редактору Е. Ф. Коршу, получившему выговор от председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастова, «досталось» попечителю Московского учебного округа Строганову, получившему внушение от министра внутренних дел, да и самому автору — отныне все написанное им не пропускалось в печать без позволения Строганова или Голохвастова. [11]

Вот почему потребовались обходные пути — обращение в петербургскую цензуру и представление драмы «частным образом» [12] А. Н. Очкину. Он имел репутацию снисходительного цензора, хотя поданная ему в 1846 г. рукопись поэтических и драматических произведений Ивана Аксакова [13] вернулась к автору вся испещренная замечаниями.

Исполнение своего поручения Константин Аксаков возложил на москвича Оболенского, в то время товарища председателя 1-го департамента С.-Петербургской гражданской палаты, что обидело другого москвича в Петербурге А. Н. Попова — почему Аксаков не обратился к нему. Попов был членом славянофильского содружества, в отличие от Оболенского, и тоже занимал — как чиновник II Отделения Императорской канцелярии — не последнее место в петербургской служебной иерархии.

Но было одно не учтенное Поповым обстоятельство, которое способствовало обращению именно к Оболенскому: среди действующих лиц аксаковской пьесы был князь Федор Оболенский, предок живших в XIX в. Оболенских, и это, по замыслу Аксакова, должно было заинтересовать Д. А. Оболенского и способствовать скорейшему исполнению поручения.

---

[10] Там же. Л. 25 об.

[11] См. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину 1846 г. // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. II. № 33. Л. 4 об.

[12] См. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину без даты, датируемое нами 1847 г., временем подачи драмы «Освобождение Москвы в 1612 году» цензору А. Н. Очкину // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 55 об.

[13] Письмо И. С. Аксакова родным от 10.V.1846 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844—1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 248. (Лит. памятники).

И вот драма «Освобождение Москвы в 1612 году» отослана в Петербург. Нетерпеливому автору кажется, что «послана давно», и он бомбардирует Оболенского письмами, из которых сохранились не все (второе публикуемое нами письмо уже четвертое, по счету Константина Аксакова): автор, ни одного дня нигде не служивший, не берет в толк ни степень занятости Оболенского, ни распорядка дня цензора, который не сидит целый день в четырех стенах, подобно автору драмы (Оболенский навещал цензора, но не заставал дома), ни специфики Северной столицы, где разводят мосты (в тот период плашкоутные, на баржах), так что с Васильевским островом, где живет Очкин, нет связи. За это нетерпение Аксакову придется извиниться перед Оболенским.

Автор просит Оболенского: «Скажите Очкину, что там все строго исторически, что не пропустить драму значило бы не пропустить историю» (см. письмо III в данной публикации). Однако цензоры нашли, к чему придраться, и вычеркнули два листа о значении Москвы, как сообщил Оболенский автору драмы. Напрасно Оболенский ссылался на то, что «та же самая мысль выражена уже была в Вашей статье о семисотлетии Москвы и даже в еще сильнейшей форме» — именно это и должно было насторожить цензоров, которые «непременно» требовали сокращения. Статья, как помним, была скандальная, но в пьесе никаких чрезмерных, не соответствующих исторической истине, похвал Москве не было, как не было даже замаскированного противопоставления двух столиц. Цензоры просто переусердствовали.

То, что автор драмы внушал подозрение цензорам, ясно из публикуемой переписки: Константин Аксаков сообщил Оболенскому, что подал свою статью, не названную в письме,[14] в московскую цензуру и случилось непредвиденное — ее препроводили в Главное управление цензуры в Петербурге.

«Это может быть учтивость со стороны Голохвастова; может быть, он не хотел запретить, а позволить сам не решился», — размышлял Аксаков.

Ситуация с новой статьей Аксакова грозила Голохвастову, исходя из прежнего опыта с «Семисотлетием Москвы», новыми неприятностями, и он счел за лучшее переложить ответственность на столичную цензуру. А что «учтивость» не относилась к числу добродетелей Голохвастова, показало его поведение на магистерском диспуте Константина Аксакова. Голохвастов приехал на диспут, но попечитель Строганов на него демонстративно не явился: диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» ему не нравилась из-за резких отзывов о Петре I и его реформах, он приостановил ее продажу (по существовавшим в XIX веке правилам диссертации перед защитой печатались отдельной книгой), потребовал от автора переделок, запретил отклики на диссертацию в печати. Голохвастов явился на торжество, не зная, что Строганов не приедет, был растерян и испуган. Несмотря на удачную защиту, прошел мимо новоиспе-

[14] Статья не названа. Возможно, речь идет о статье «О современном литературном споре», запрещенной цензурой в 1848 г. Возможно, о статье о воспитании, которую безуспешно в 1848 г. пытался провести через петербургскую цензуру А. Н. Попов.

ченного магистра, даже не поздравив его, и поспешно уехал из университета.[15] Поступок бестактный и неучтивый.

Сделав купюры, С.-Петербургский цензурный комитет рукопись драмы допустил к печати. Уже весной 1848 г. она вышла в свет в Москве в типографии Николая Степанова и продавалась на Тверской в книжной лавке при конторе журнала «Москвитянин».

Итак, переписка Аксакова с Оболенским о пропуске драмы в печать окончилась, но не окончилась история с Петербургом, с петербургской цензурой относительно постановки драмы на сцене. Ведь пропуск драмы через цензуру и ее печатание — только первый этап сражения за нее. Автор мечтал, чтобы «Освобождение Москвы...» шло в театре. Тут произошла заминка на целых два с половиной года, пока «какой-то немец» (не названный Аксаковыми в письмах), назначенный на должность цензора драматических сочинений, не решился избавиться от старого груза, пропустив несколько ранее не пропущенных пьес, в их числе и «Освобождение Москвы...».

Хомяков поздравил автора с удачей (письмо его от ноября 1850 г. из Богучарова опубликовано нами в журнале «Наше наследие» в 2004 г.[16]). Содержание пьесы он шутливо свел к четырем отделам:

1-й Русь бьют до того, что она из терпения выходит.
2-й Русь сама собирается драться.
3-й Русь дерется и бьет Польшу.
4-й Русь подает в отставку и заваливается на печь.

Предвидя реакцию всегда серьезного Аксакова, добавил:

Не сердитесь! Ведь если бы мы виделись, дело бы не обошлось в разговоре без шутки. Письмо примите за разговор.[17]

Но Аксаков все-таки обиделся и на москвича Хомякова, и на москвича в Петербурге Самарина за то, что они, по его мнению, не отдали справедливости драме. От друзей свои истинные чувства скрыл, но в письме к брату Ивану (неопубликованном) был откровенен:

...никто из них громко не возвестил своего мнения, ни в обществе, ни в печати. Хомяков упомянул мимоходом.[18] Не так бы, кажется, поступил я, если бы драма

[15] См. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину без даты, датируемое нами мартом 1847 г. как содержащее описание магистерского диспута К. С. Аксакова // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 49.

[16] См.: «Крепкая связь единомыслия...» // Наше наследие. 2004. № 71. С. 96—97.

[17] Там же. С. 96.

[18] См. статью А. С. Хомякова «Англия» (1848), где драма названа «прекрасной», а перекличка стрельцов у стен Кремля, которой она заканчивается, «поэтической»: «голос народа, обнимающего своею любовию и уважением весь великий собор своих городов» (*Хомяков А. С.* О старом и новом: Статьи и очерки / Вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 189—190).

была написана не мною. — От друзей своих я не слыхал себе доброго или общественного публичного или печатного слова.[19]

Автору собственная драма, вероятно, казалась пределом совершенства: и тема выигрышная, и концовка эффектная (пьеса заканчивалась перекличкой стрельцов у стен московского Кремля), и народ на сцене (в списке действующих лиц он стоял на первом месте, цензор переставил на последнее), и славянофильские воззрения выразились в полной мере: Ляпунов во втором действии призывал бояр не «выситься» над народом, не разрывать земского союза — «все мы братья и все христиане».

Смеем предположить, что Хомяков и Самарин не разделяли восторги автора по поводу его пьесы. Недаром же в цитированном выше письме 1850 г. Константину Аксакову Хомяков задавался вопросом: «возможна ли она на сцене, сумеют ее разыграть, сумеют ли ее понять».[20] Ведь как только сочинение Константина Аксакова было напечатано, появились сомнения в его драматургичности. М. П. Погодин в рецензии в журнале «Москвитянин» отметил несовершенство композиции: начало и конец могут быть иными, некоторые сцены можно исключить, другие прибавить.[21] Сказано определенно и безжалостно. Известно, что в истинно художественном произведении, как говорится, ни прибавить, ни убавить, в нем есть цельность, завершенность. Отец автора С. Т. Аксаков обратился к суду Н. В. Гоголя, тот ответил не менее резко, чем Погодин: «...зачем, не бывши драматургом, писать драму?»[22] В. А. Соллогуб также уверял, что «это не драма».[23] Даже брат Иван считал, что «драма эта выигрывает при *внимательном* чтении...»[24] А если так, то в театр ходить не обязательно.

Представление драмы состоялось 14 декабря 1850 г. Театр был полон, автора вызывали дважды, обрадованно сообщал Константин Аксаков Самарину в Петербург. Но первые ряды кресел рассердились на речь Ляпунова, когда им напомнили, что крестьянин — их брат, кричали, что это коммунизм, «не понимая, что слова Ляпунова православные, а где православие, там коммунизма быть не

[19] Письмо без даты, датируемое нами концом августа 1849 г., поскольку в нем сообщается о чтении Н. В. Гоголем II тома поэмы «Мертвые души» Аксаковым, о чем известно из письма И. С. Аксакова (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 506. (Лит. памятники); РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 1б. Л. 20).

[20] «Крепкая связь единомыслия...» С. 96.

[21] Москвитянин. 1848. № 5. Ч. III. С. 27.

[22] Письмо от 12.VII.1848 г. // *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 195. (Лит. памятники).

[23] Письмо И. С. Аксакова родным от 25.VI.1848 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844—1849. С. 382.

[24] Письмо родным от 27.XI.1850 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 182.

может», считал Аксаков.[25] Отдельные зрители выкрикивали: «В кандалы бы автора да в Сибирь!»

О шуме на спектакле стало известно в Петербурге, цензор драматических сочинений в С.-Петербургском цензурном комитете А. М. Гедеонов затребовал пьесу для повторного чтения. Первое представление драмы оказалось последним. Таким образом, круг завершился: пьеса была разрешена к печатанию в Петербурге и запрещена к представлению там же, что, надо думать, только укрепило Константина Аксакова в чувстве глубокой неприязни к нелюбезному городу.

* * *

Письма Константина Аксакова Д. А. Оболенскому 1853—1854 гг., как и письма 1847—1848 гг., публикуются впервые. Хотя намерение издать письма, относящиеся к Крымской войне, как наиболее интересные, было: к дневниковой записи В. С. Аксаковой от 6 февраля 1855 г., где речь шла об очередном письме к Оболенскому, комментатор П. Е. Щеголев в подстрочном примечании сообщил, что письма к Оболенскому «будут напечатаны полностью в подготовляемом издании “Сочинений К. С. Аксакова”».[26] Щеголев как коллега Е. А. Ляцкого по книгоиздательству «Огни» был хорошо осведомлен о том, что тот готовил собрание сочинений Константина Аксакова. Но в 1915 г. вышел только первый том, состоявший из художественных произведений и переводов. Появлению последующих помешал уже разгоревшийся пожар Первой мировой войны и последующие за ним события в России, не способствовавшие ни изучению наследия славянофилов, ни изданию их трудов.

С самого начала войны и даже до нее, когда в 1850 г. возник спор, кому должны принадлежать иерусалимские и вифлеемские святыни, Константин Аксаков (как и все в его семействе) пристально следил за текущими событиями. Аксаковы в то время постоянно жили в Абрамцеве, Константин Аксаков изредка выезжал в Москву, новости в основном узнавали из газет, то есть с опозданием. Как только посланный в Сергиев Посад за почтою показывался на дороге к усадьбе, все в доме собирались вместе, чтобы читать газеты. Восточные дела буквально поглотили Аксаковых, потеснив все другие интересы.

В этом отношении московское общество жило более напряженной жизнью, чем петербургское: оно не было развлечено семейными торжествами в императорском доме, переездом двора в Петергоф на летнее время и обратно, умными разговорами в салоне великой княгини Елены Павловны и т. п. Недаром Ф. И. Тютчев осенью 1853 г., когда стало ясно, что тучи сгустились над Россией, возмущался тем, что в жизни петербургских гостиных ничего не изменилось,

---

[25] Письмо Ю. Ф. Самарину без даты, датируемое нами второй половиной декабря 1850 г. как написанное после представления драмы «Освобождение Москвы в 1612 году» // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 97. Л. 91, 91 об.

[26] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854—1855. СПб.: Огни, 1913. С. 49.

«беспечность, равнодушие и тупость умов просто феноменальны».[27] Москвич Хомяков несколько ядовито осведомлялся у графини А. Д. Блудовой, тревожит ли Петербург Восточный вопрос:

> Доходит ли в Петербурге интерес политический до такой страстной напряженности? Или все ваше внимание поглощено верчением столов? Ведь это должно быть делом очень важным для административного центра?[28]

Итак, 12 декабря 1853 г. из Москвы в Петербург отправилось письмо Константина Аксакова Дмитрию Оболенскому, который жил, как свидетельствует надпись на конверте, «у Симеоновского моста, против церкви Св<ятого> Симеона». Удивительно это «странное сближенье» — христианский святой, живший в X в., имел отношение и к аксаковской семье: венчание Сергея Тимофеевича Аксакова и Ольги Семеновны Заплатиной 2 июня 1816 г. состоялось в церкви Симеона Столпника на Поварской, уцелевшей до наших дней.

Сохранились не все письма Оболенскому (как упоминалось выше, второе письмо в нашей публикации уже четвертое по счету Аксакова).

Ответные письма нами не обнаружены, хотя реакция адресата интересовала пишущего: «Любопытно мне, что Вы скажете». Впрочем, по сути Аксаков писал открытые письма: «...написанное мною можете читать кому Вам угодно».

Аксаков понимал, что «печать имеет особую силу», о чем и написал Оболенскому, но в означенные годы его участие в журнальной жизни было затруднено обязательством представлять свои сочинения в Главное управление цензуры в Петербурге вследствие запрещения II тома «Московского сборника» 1852 г. Эта мера была равнозначна запрету на печатание.

И поскольку политика вершилась в столице, Аксакову оставалась одна возможность — обратиться к влиятельным петербуржцам, убедить в своей правоте и повлиять на внешнюю политику правительства (Д. А. Оболенский в эту пору директор Комиссариатского департамента Морского министерства, которым руководил вел. кн. Константин Николаевич).

Ту же цель преследовал и Погодин, сочиняя во время Крымской войны историко-политические письма,[29] адресованные высоким особам и даже царю, хотя не был стеснен, подобно Аксакову, в печатном выражении собственных мыслей. Практически оба пишут письма в конце 1853 г. почти одновременно: Погодин — камерфрейлине А. Д. Блудовой: «К графине Б.....ой о начавшейся войне (1853 года, декабря 7)», Аксаков — Оболенскому спустя пять дней, 12 декабря 1853 г.

Аксаков как человек страстный и как человек «русской», как он аттестует себя в одном из писем, был увлечен сочинением посланий.

«Константин пишет беспрестанно политические письма к Димитрию Оболенскому, — сообщал Иван Аксаков А. О. Смирновой. — Если Вы их не читали,

---

[27] Из писем Ф.И. Тютчева // *РА*. 1898. Кн. III. Вып. 12. С. 566.

[28] Письмо от 23.IV.<1853 г.> // *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. VIII. С. 387.

[29] Опубл.: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны, 1853—1856. М., 1874.

то прочтите».[30] В дневнике Веры Сергеевны Аксаковой от 6 февраля 1855 г. читаем: «Константин написал еще письмо к кн<язю> Оболенскому...»[31]

В Петербурге письма Аксакова вызывали интерес. «...Все обещают и не дают», — жаловалась Смирнова.[32] По-видимому, сфера их распространения была довольно обширной. Большая любительница светских толков, Смирнова пеняла: «Зачем К<онстантин> С<ергеевич> никогда мне не сообщает своих записок? Они даже не доходят до меня...»[33] С. Т. Аксаков отвечал: «Кн<язь> Дмитрий Оболенский виноват, что не доставлял Вам писем Константина».[34]

Письма Аксакова дошли до дворца: когда в сентябре 1855 г. двор приехал в Москву на коронационные торжества, великая княгиня Елена Павловна, чуткая к новым веяниям, изъявила желание познакомиться с Константином Аксаковым, который, по мнению брата Д. А. Оболенского Михаила, «лучше других мог бы объяснить ей все современное положение и все требования русского духа».[35]

Но Константин Аксаков надеялся привлечь внимание более высокого лица, о чем имеется свидетельство в дневнике Веры Сергеевны Аксаковой — излагая содержание февральского письма 1855 г. Константина к Оболенскому о необходимости «взять Константинополь и поднять славян», она записала: «Письмо написано убедительно, ясно и толково, но вряд ли можно ожидать какой-нибудь пользы от каких бы то ни было писем у нас, да и до Государя не доходит ничего».[36]

Первое письмо Оболенскому написано, как уже было сказано, 12 декабря 1853 г., после начала войны с Турцией: манифест о войне объявлен 21 октября, в конце месяца он читался в церквах, но не произвел особенного впечатления ни на народ, ни на большинство русского общества — так он был «бледен и бесцветен», по мнению Тютчева, как и все выходящее из недр Министерства иностранных дел.[37]

Но в значительной части русского общества, особенно в славянофильской среде, он вызвал воодушевление: славянофилы решили, что началась борьба за братьев, за православных славян. А. И. Кошелёв в своих «Записках» совершенно несправедливо заметил, что прозвище, данное представителям славянофиль-

[30] Письмо от 14.XII.1854 г. // *РА*. 1895. Кн. III. Вып. 12. С. 462.

[31] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / Подгот. А. Г. Кузнецовой. М.: Моск. учебники и Картолитография, 2004. С. 50. В настоящее время дневник В. С. Аксаковой подготовлен нами к печати по рукописи: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 173. См. об этом статью, указанную в примеч. 35.

[32] Письмо С.Т. Аксакову от 6.III.1856 г. // *РА*. 1896. Кн. I. Вып. 1. С. 159.

[33] Там же.

[34] Письмо от 8.V.1856 г. // Там же. С. 160.

[35] *Пирожкова Т. Ф.* Переиздание дневника Веры Сергеевны Аксаковой // Из истории русской литературы и журналистики: Ежегодник. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 34.

[36] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. М., 2004. С. 50.

[37] Из писем Ф. И. Тютчева // *РА*. 1898. Кн. III. Вып. 12. С. 567.

ства, якобы не выражает его сущности[38] — напротив, славянский мир, его проблемы, помощь славянам, сочувствие их борьбе за освобождение составляли важнейшую часть славянофильского образа мыслей.

Этот душевный подъем, вера в неустрашимость русского духа, искренний и страстный порыв поддержать славян ощутимы в первом письме Аксакова к Оболенскому.

> Время теперь решительное, — писал Аксаков. — Нам прямо надобно стать за единоверных и единоплеменных, и одно это уже разрушит все пути врагов наших. <...> Пятьдесят миллионов в России станут под знамена, если нужно, и пусть тогда попробует Европа сломать Святую Русь (наст. изд., с. 584).

Автор письма, будучи сугубо гражданским человеком, сам собирался в то время стать под знамя.

В первом письме Аксаков возмущался не столько Турцией, сколько Англией и Францией, христианскими государствами, поддержавшими ее в конфликте с Россией. Войну этим европейским странам Россия еще не объявила, но Аксаков верно почувствовал, что переживаемый момент «великий», а конфликт с Европой будет иметь далеко идущие последствия, ибо столкнулись различные «начала, направления, принципы, дух народный».

Из славянофилов Иван Киреевский тоже трактовал эту войну как схватку Востока и Запада, славянского и романо-германского миров, «столкновение их нравственных и умственных противоположностей».[39] У славянофилов не было и тени сомнения в том, что война будет молниеносной, что «безобразная Турция», как характеризовал ее Аксаков в одном из писем Оболенскому, перестанет существовать, а славяне обретут свободу. Мир ожидает, по словам Ивана Киреевского, «новая эпоха развития человеческого просвещения, под знаменем христианства православного, опирающегося на возрождение племен словенских...»[40] Поэтому, когда Россия объявила войну Англии и Франции, Аксаков радостными криками перебудил всех домашних, не предвидя, разумеется, что «великая минута», переживаемая его страной, обернется не торжеством, а величайшими испытаниями для нее.

Человек исключительной пылкости, Аксаков от письма к письму в Петербург увлекался все более и более: он не только настоятельно советовал властям перейти Дунай, поднять сербов и болгар и идти на Константинополь, но мечтал даже о том, чтобы бросить 20 или более тысяч в Индию, дабы припугнуть англичан. Ясно, что он не думал просчитывать политические, экономические и прочие последствия предлагаемых им походов.

---

[38] Записки Александра Ивановича Кошелёва (1812—1883 годы). С семью приложениями / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. С. 54. (Лит. памятники).

[39] *Киреевский И. В.* Из дневника 1852—1854 годов (запись от 7 марта 1854 г.) // *Киреевский И. В.* Избранные статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984. С. 287. (Б-ка «Любителям рос. словесности»: Из лит. наследия).

[40] Там же.

Победа казалась легкодостижимой не только Константину Аксакову. Его отец был уверен, что в результате войны все славяне освободятся, а Англия и Австрия превратятся в «незначительные государства».[41]

Хомяков в июне 1854 г. горько сожалел о том, что не построена железная дорога Москва — Одесса: почти десять лет назад, в 1845 г., в статье «Письмо в Петербург», напечатанной в «Москвитянине»,[42] он писал о необходимости такой дороги, но граф П. А. Клейнмихель, главноуправляющий путями сообщения, сделал выговор цензору: «...про дороги не смей говорить; вот дороги нет».[43] А если бы дорогу построили, то «армия в 200 000 была бы в ноябре на Дунае, и война кончилась одним громовым ударом».[44]

Нагляднее всего энтузиазм, охвативший обширную часть общества и разделяемый Константином Аксаковым, выразился в стихах, которые сочиняются, как известно, когда есть вдохновение. Брат Константина Аксакова Иван в апреле 1854 г. написал стихотворение с многозначительным названием-призывом «На Дунай!», где уверял, что «славы чистой светит нам звезда»:

На Дунай! что медлишь ты напрасно?
Слыша сил властительный призыв,
Подвигов у Бога ежечасно
Ты просил... Мгновение прекрасно;
Подвиг свят и праведен порыв!

Хомяков, признававшийся, что любит славян, в стихотворении «России» («Тебя призвал на брань святую...», 1854) звал свою страну постоять «за братьев»:

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная —
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Те же, кто поэтами не были и славянофилами тоже, свое горячее одушевление выражали в прозе. Так, Погодин свою статью «Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения» закончил воззванием: «Вперед! за святую веру, за правое дело, за несчастных братий!»[45]

Вопрос религиозный (об обладании ключами от палестинских святынь) и о покровительстве над православными славянами в Турции и Австрии занимал русское правительство только в начале конфликта. Когда столкнулись поли-

---

[41] Письмо И. С. Аксакову от 1.II.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 13.

[42] Москвитянин. 1845. Кн. 2.

[43] Письмо П. М. и П. А. Бестужевым <от июня 1854 г.> // Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. Т. I. С. 128.

[44] Там же.

[45] *МВед*. 1854. 14 авг. № 97. Лит. отд. С. 405.

тические интересы европейских государств, он ушел на периферию внимания, хотя фразы о защите братьев неизменно, но формально повторялись в манифестах. Так, в Высочайшем манифесте от 11 апреля 1854 г. о войне с Англией и Францией сказано, что Россия «сражается за веру христианскую, защиту единоверных своих братий, терзаемых неистовыми врагами».

А общественность все сильнее проникалась сочувствием к страдальцам и все более воспламенялась. 28 июня 1853 г. П. А. Вяземский написал «Песнь русского ратника»:

С гор Балканских наши братья
Простирают к нам объятья
С упованьем и мольбой.
Скорби их нам не чужия:
Им сочувствует Россия,
И за них готова в бой.

С. Т. Аксаков в феврале 1854 г., следя за движением наших войск на Балканах, недоумевал: почему русские войска не переходят границу, как можно освободить терзаемых братьев, ведя оборонительную войну? [46]

Очевидно, настроения в обществе и при дворе в отношении славян шли в расходящихся направлениях. Еще в ноябре 1853 г. фрейлина А. Ф. Тютчева, дочь поэта, задала вопрос великому князю Александру Николаевичу, тогда наследнику, почему мы не призываем к борьбе христиан, терзаемых мусульманами? И получила ответ, что это «ни к чему не приведет». [47] То есть привело бы к неподчинению законной власти, нарушению status quo, к потере международного престижа России, которая создала бы революционную ситуацию в австрийских и турецких землях, чего русский император допустить не мог. Она же в своем дневнике от 27 октября 1854 г. передала разговор между великим князем Александром Николаевичем и его супругой о положении славянских народов, во время которого цесаревна откровенно заявила о «невозможности для России чем-нибудь помочь славянам в настоящую минуту». [48]

Поэтому призыв Константина Аксакова, обращенный в Петербург, о необходимости особого манифеста, где бы Россия объявила о независимости всех славян в Турции, не мог быть исполнен, более того — мог вызвать недовольство руководивших внешней политикой. В этом направлении следовать за Аксаковым власть не собиралась, хотя автору писем к Оболенскому нельзя отказать в логической продуманности рассуждений: если Россия провозгласила своей целью спасение православных, если она сражается «за правду, за веру, за братьев», то цель должна быть «неослабно преследуема», по его словам, и меч нельзя положить, пока она не достигнута.

---

[46] Письмо И. С. Аксакову от 15.II.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 18 об.

[47] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 75.

[48] Там же. С. 108.

Однако из-за недовольства Австрии, боявшейся усиления российского влияния на Балканах, в ночь с 8 на 9 июня 1854 г. пришлось снять осаду крепости Силистрия, и русские войска начали обратное движение, за Дунай, — Аксаков находился в замешательстве, не мог поверить в происходящее, душа его не могла смириться к этим: «Уж лучше, если б нас оттуда выгнали...» Распространившиеся в обществе слухи о мире он назвал в письме Оболенскому «страшными». Тон письма от 21 июня 1854 г. разительным образом отличается от тона предыдущих его писем.

Хомяков, к этому времени догадавшийся о неотвратимости грядущего бедствия, желал не войны, а мира, и пытался успокоить и вразумить Аксакова:

> И охота Вам еще думать о политике, любезный Константин Сергеевич? Бросьте. <...> Желайте одного — мира какого бы то ни было. Лучше срам без кровопролития и разорения, чем больший еще срам с разорением и кровопролитием, а это неизбежно. [49]

Если внимательно прочесть письмо от 21 июня 1854 г., то станет ясно, что впоследствии будет считать Аксаков причиной наших неудач в Крымской войне — предательство братьев; он предупредил, что это оскорбление Христовой веры, Россию ждет расплата за отступничество от славянского дела, гнев Божий.

Вера Сергеевна, сестра Константина, разделяя его убеждения, в своем дневнике очень сожалела о том, что русское правительство отказывалось от покровительства над славянами в Турции и Европе, что таким образом Россия теряла влияние на Востоке, свое значение православной державы:

> Мы заботимся об Австрии, конечно, столько, сколько и она, и боимся сами не менее ее средств, находящихся в наших руках для ее гибели. Конечно, нельзя поверить, чтобы нам была страшна война с нею: вся почти Австрия состоит из племен, готовых быть нам союзниками, и стоит только объявить нам поход на Вену, чтобы венгры, славяне отделились от нее и итальянцы со своей стороны! Чего же мы боимся? Мы, т. е. правительство, боимся разрушения старого порядка вещей. [50]

Это написано в Николаевское время. Но с восшествием нового царя положение, по мнению Веры Сергеевны, не изменилось:

> Забота о славянах, кажется, вовсе исключена из его политики, и знамя святой причины настоящей войны потеряно; его политика все та же, что и его отца... [51]

Понимавший это автор писем в Петербург не мог не испытывать горьких чувств, как и его адресат. Весной 1855 г. Д. А. Оболенский приехал в Москву, где находился и собиравшийся в ополчение Иван Аксаков. Старые друзья встретились.

> Я спрашивал его, — сообщал Иван родным, — не хочет ли он видеть Конст<антина>: он отвечал, что, разумеется, желал бы с ним видеться, как и всегда, но что

[49] Письмо <от конца июня—июля 1854> // Хомяковский сборник. Т. I. С. 68—69.
[50] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. М., 2004. С. 19.
[51] Там же. С. 87.

именно в настоящую минуту особенного сообщить не имеет. Он очень, очень извиняется за свое молчание. Он говорит, что сам в первые дни разделял мысли и чувства, выраженные в наших письмах, и особенно в письме Конст<антина>, которое ему чрезвычайно понравилось, но потом — все это остыло.[52]

Перед отъездом в Петербург Оболенский просил Ивана передать Константину, чтобы он продолжал писать к нему.[53]

Но посылал ли Аксаков свои послания в Петербург после весны 1855 г., нам неизвестно. Как видим, и автор писем, и его адресат поначалу питали надежды на благополучное окончание Крымской войны. Все, что произошло впоследствии, этих надежд не оправдало...

Но — независимо от исхода войны и независимо от того, прислушивалась ли власть к голосу человека общественного, — Аксаков сумел в письмах к Оболенскому выразить чувства значительной части русского общества на начальном этапе войны, в том числе и чувства славянофилов, лишенных в эти годы каких-либо рычагов воздействия на окружающую среду: ни кафедры, ни сборников, ни журнала, ни возможности проповедовать свои идеи в салонах, поскольку из-за запрета носить русскую одежду славянофилы прекратили выезды в свет.

Обращает на себя внимание тематическая близость писем Аксакова и Погодина: их активная антиавстрийская направленность, убежденность в том, что единственные союзники наши в Европе — славяне, боязнь, что из-за нерешительной политики русского правительства Запад может проложить дорогу к славянам.

В феврале 1856 г. Москва чествовала моряков — защитников Севастополя. На одном из обедов у В. А. Кокорева в ответ на тост за его здоровье Погодин сказал: «Почитаю себя счастливым, что мог в прошедшее тягостное и мудреное для отечества время выразить сколько-нибудь Русские чувства».[54] На наш взгляд, Константин Аксаков мог бы подписаться под этими словами.

1. «ДРАМА ПОСЛАНА ДАВНО...»
(Из переписки К. С. Аксакова и кн. Д. А. Оболенского 1847—1848 гг.)

I

<Ноябрь 1847 г. Москва>

Любезный князь Дмитрий Александрович!

Что же это ни слуху, ни духу, ни весточки? Драма послана давно, но подана ли она или нет, мы не знаем. Неужто цензурный комитет так завален произведе-

[52] Письмо от 2.IV.1855 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 337.

[53] Письмо И. С. Аксакова родным от 3.IV.1855 г. // Там же. С. 339.

[54] Застольные речи, произнесенные М. П. Погодиным на обедах, данных в Москве в честь севастопольских моряков. М., 1856. С. 4.

ниями литературы, что до сих пор не прочел моей драмы или Вы так заняты, что не могли еще отдать ее в цензурный комитет? — Во всяком случае, извините, если драма моя Вас обеспокоила. Право, мне казалось бы, что Вы бы всех охотнее взялись оказать мне ту услугу, и потому я подумал Вас своим поручением обеспокоить. Но Ваше молчание и потом неизвестность о моей драме (кроме известия, привезенного Бахметевым, что она получена [1]), заставляют меня думать, что это поручение мое Вам в тягость, в таком случае прошу Вас меня извинить и написать мне об этом прямо. Сделайте же милость, напишите что-нибудь, то или другое.

Преданный Вам *Константин Аксаков*.

Адрес наш: дом Герцена на Сивцевом вражке.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 2—2 об.

[1] А. Н. Бахметев (Бахметьев), с 1842 г. церемониймейстер, служил в Петербурге, но был тесно связан с Москвой и москвичами: воспитанник Московского университета, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе кн. Д. В. Голицыне (1833), чиновник Московской дворцовой конторы (1838); родственник Ю. Ф. Самарина и Д. А. Оболенского, лично знакомый почти со всеми славянофилами.

II

<Конец 1847 — начало 1848 г. Москва>

Любезнейший князь Дмитрий Александрович!

Кажется, я не считаюсь с Вами письмами. Вот уже четвертое. — Не могу придумать, что делается с моею драмою: и Вы так жестоки, что не пишете ни строчки. — Каждый день жду от Вас письма, в полной уверенности, что у Вас есть и бумага и перо и чернила и полчаса свободного времени. — Здесь в Москве подал я в цензуру статью свою, [1] и вчера узнал, что она, по распоряжению здешнего цензурного комитета, посылается в Главное управление цензуры, т. е. в Петербург. — Меня это очень удивило; я думал, что, может быть, ее изменят или разве запретят; но такого распоряжения я не ожидал. Это может быть учтивость со стороны Голохвастова; может быть, он не хотел запретить, а позволить сам не решился. — Где теперь Самарин, не у вас ли? Если Самарин в Петербурге, покажите ему мое письмо и обнимите его за меня.

Прощайте, жду от Вас письма.

Ваш *Константин Аксаков*.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 4—4 об.

[1] Возможно, статью «О современном литературном споре» или статью о воспитании.

III

<24.XI.1847 г. Санкт-Петербург>

Пишу Вам только несколько строк, любезный Константин Сергеевич, для того, чтобы поблагодарить Вас за доверие — будьте уверены, что употреблю все старания. До сих пор не могу ничего еще Вам сказать насчет Вашей драмы, у Очкина был два раза и <не могу> никого застать дома — теперь уже с неделю мосты разведены и с Васильевским островом нет сообщения, а Очкин живет в Академии наук. Обещаю Вам при первой возможности исполнить Ваше желание. По моему мнению, ни один цензор, хотя немного добросовестный, не найдет ничего в Вашей драме подлежащего уничтожению, разве только на заглавном листке имя *Аксакова* приведет его в некоторое замешательство.[1] Не имея время много писать Вам сегодня, я счел необходимым хотя сими строками засвидетельствовать Вам, что я готов с удовольствием исполнить желание Ваше и остановлен теперь только физическою невозможностию.

Истинно от всей души преданный Вам *Дмитрий Оболенский*.
Ноября 24. 1847

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. I. № 90. Л. 1—2.

[1] Поскольку печатающихся Аксаковых было уже трое: С. Т. Аксаков и два его сына — Константин и Иван.

IV

<Конец 1847 г. Москва>

Любезнейший князь Дмитрий Александрович!

Я получил уже и первое Ваше письмо.[1] Не получая было от Вас известий, подумал было я, что поручение мое Вас затруднило; но вижу, что ошибся и с радостью прошу Вас меня простить. Вы с неизменной обязательностью, дружески хлопочете о моем деле. Благодарю Вас. Приятно быть уверенным в искренней приязни, в искреннем участии другого и знать, что хотя и отсутствуешь где, но что там также точно хлопочат за тебя, как бы ты и сам хлопотал.

Попову сказал цензор о моей драме. Попов сердится, что я просил Вас ему не сказывать и удивляется, что я не поручил ему; он пишет мне об этом письмо. Я ему отвечаю в прилагаемом здесь письме,[2] кажется, удовлетворительно. Прочтите письмо мое к нему, если он сам не против этого. — Драму, по-моему, нельзя не пропустить, разве что цензор будет в ней беспрестанно чего-нибудь доискиваться. Сегодня-завтра надеюсь получить от Вас известие. Скажите Очкину, что всё там строго исторически, что не пропустить драму значило бы не пропустить историю. С нетерпением жду от Вас известия о драме.

Брат Гриша женится на прекрасной, премилой девушке.[3] Счастлив как нельзя больше. Соллогуб видал их[4] и Вам расскажет. — Мы думаем издавать новый

«Московский сборник».[5] «М<осковский> сб<орник>» — наше благородное выражение, тогда как «Москвитянин» погодинской никогда не может быть достойным органом нашего направления. — Хотя «Моск<овский> сб<орник>» не очень разошелся, но об нем до сих пор не перестают говорить, и он имеет прочное, долгое влияние. Честно явился он два раза; а этого свойства нельзя признать за «Москвитянином». Мы от него решительно отделяемся, и он от нас хочет отделиться, — и прекрасно.[6] —

Сборник должен быть однако же очень невелик;[7] лучше пусть он выходит чаще. Я пишу уже статьи для сборника и жду от Самарина. Говорят, что он скоро будет. Не задерживайте его в поганом Петербурге.

Прощайте, обнимаю Вас и еще благодарю.

Ваш *Константин Аксаков*.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 5—6 об.

[1] Письмо Д. А. Оболенского от 24.XI.1847 г.

[2] Письмо А. Н. Попову Д. А. Оболенский отдал по назначению, поэтому при письме К. С. Аксакова этого послания в настоящее время нет.

[3] На С. А. Шишковой. Свадьба Г. С. Аксакова и С. А. Шишковой состоялась 8.I.1848 г. в Симбирске. Позднее мнение Аксаковых о суженой Г. С. Аксакова изменилось. Они огорчились, узнав, что Гришина Соничка «решительно никому из родных не нравится», прежде всего Карташевским, у которых гостила в их имении Кобрине (см. письмо С. Т. Аксакова сыну Ивану от 7.IX.<1850 г.> // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 541). Впоследствии Аксаковы заметили, что любящий жену Григорий явно находился под ее влиянием и влиянием ее родственников, «но для его же счастия, — констатировал С. Т. Аксаков, — нельзя дотронуться до этого предмета; для его спокойствия я спускаю ей разные мелочные выходочки, за которые мог бы я порядочно оттаскать ее» (письмо сыну Ивану от 23.XI.1856 // Там же. С. 627).

[4] Имеется в виду гр. В. А. Соллогуб.

[5] Два «Московских сборника» 1846 и 1847 гг. выпустил В. А. Панов. Планам издать сборник в 1848 или 1849 гг. не суждено было сбыться, сначала из-за неожиданной женитьбы Панова в 1847 г. на А. А. Головинской и отъезду на жительство в Симбирск, затем из-за его внезапной смерти в октябре 1849 г. Следующий «Московкий сборник» выйдет только в апреле 1852 г. (издатель — А. И. Кошелев, редактор — И. С. Аксаков).

[6] То, что между славянофилами и М. П. Погодиным не было единства взглядов, подтвердила и история кратковременного издания Иваном Киреевским погодинского «Москвитянина» в 1845 г., и несостоявшаяся передача журнала славянофилам осенью 1847 г., когда число подписчиков упало до 150 человек. Участие славянофилов в журнале всегда было эпизодическим и вынужденным, поскольку печататься в нем было непрестижно: тираж мизерный, выходил журнал нерегулярно. Подробнее об этом см.: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 24—25, 37, 38, 74—75.

[7] «Московский сборник» 1846 г., по замечанию Н. В. Гоголя, был толще погодинского «Москвитянина», а «Московский сборник» 1847 г. насчитывал 855 страниц (и это без двух приложений).

V

<14.I.1848 г. Санкт-Петербург>

Посылаю Вам наконец Вашу драму, почтенный Константин Сергеевич. — Напрасно, право, так обвинять меня в медленности, право, не моя вина. Что делать, что здесь в Петербурге самых пустяков не добьешься скоро. — Не проходило недели без того, чтобы я не наведывался у цензора. — Болезнь попечителя останавливала дело,[1] и Комитет только вчера пропустил Вашу рукопись. — Несмотря на все усилия мои отстоять Вашу драму, два листа в ней цензура вычеркнула, а именно монолог о значении Москвы. — Хотя я и говорил цензору, что та же самая мысль выражена уже была в Вашей статье о семисотлетии Москвы[2] и даже в еще сильнейшей форме. Но он словам моим не внял, а объявил, что Комитет непременно требовал этого сокращения. Сегодня Очкин мне сам принес Вашу рукопись, но не застал меня дома, а потому я и не знаю, что он сделал из приложенных двух листов с предуведомлением. Еще раз прошу Вас, любезный Константин Сергеевич, не сердиться на меня и впредь в случае надобности обращаться ко мне. Обнимаю Вас и Ваню[3] от всего сердца.

Января 14. 1848 *Д. Оболенский.*

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. I. № 90. Л. 3—4.

[1] Болезнь М. Н. Мусина-Пушкина, попечителя С.-Петербургского учебного округа с 1845 г.

[2] В статье «Семисотлетие Москвы» в «Московских ведомостях» (1846. 23 апр. № 49) К. С. Аксаков писал, что именно в Москве раздался голос Русской земли, зовущий подняться против татар, что русский народ в годы Смуты отстоял Москву и спас Русскую землю, что голос народа, голос Божий, признал Москву своею столицею, матерью русских городов (см.: Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. М., 1861. Т. I: Сочинения исторические. С. 601, 602).

[3] Имеется в виду И. С. Аксаков.

VI

<После 14.I.1848 г. Москва>

Любезнейший мой князь Дмитрий Александрович!

Я должен теперь просить у Вас прощения за свое скорое сердце на Вас и делаю это от всей души. Впрочем, заодно Вы можете извинить меня и обвинить себя: это за то, что так долго меня не извещали. — Но оставим всё это; я надеюсь, что Вы извините меня. — Позвольте же мне теперь поблагодарить Вас за исполнение моего поручения; благодарю, благодарю Вас и много раз благодарю. — Жаль, что цензура не все пропустила, но если только вычеркнула она два листа из этого монолога, то это еще неважно. Вы пишете: *посылаю*; но нигде не пишете: в тот же день или скоро. Я надеюсь, что Очкин не затруднился пропустить

два листа, о которых Вы говорите, где только маленькое *Предисловие* и *Примечание*, в них я обращаюсь к публике с самыми необходимыми пояснениями.[1] Нетерпеливо желаю получить объявление о своей драме. С величайшим удовольствием обращусь к Вам с новыми поручениями.

Прощайте, мой любезный князь Дмитрий Александрович, обнимаю Вас; Иван также.[2]

Благодарю Вас еще раз.

Ваш *Константин Аксаков*.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 7—7 об.

[1] К читающей публике, поскольку Константин Аксаков хлопотал о пропуске пьесы в печать. В Предисловии к «Освобождению Москвы в 1612 году» автор заверил читателей, что драма «верна исторически», люди, знающие эпоху междуцарствия, «сами увидят строгость историческую» и верность характеров исторических лиц (Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. СПб., 1915. Т. I. С. 338—339). А в примечаниях, которые шли после драмы, сообщено, что грамота, читаемая в III действии, как и речи Пожарского и Оболенского, подлинная (Там же. С. 498).

[2] Имеется в виду И. С. Аксаков.

VII

Марта 26. 1848. <Санкт-Петербург>

От души поздравляю Вас, почтенный Константин Сергеевич, с днем Вашего Ангела[1] и с выходом в свет Вашей драмы. — По сегодняшней почте посылаю Ваши экземпляры с бланком на выпуск и рукописью. Невозможность переправы чрез Неву и вчерашний праздник[2] замедлили одним днем исполнение Вашего поручения. — Желаю чистосердечно драме Вашей полного успеха — очень кстати выходит она в свет. Настоящие обстоятельства придадут ей большое значение. Ужасная драма, разыгрывающаяся теперь перед глазами нашими,[3] заставит ярко выступить отличительный и величественный характер нашего смутного времени. Нет у меня сегодня достаточно времени, чтобы подробно изложить Вам свое мнение о Вашем новом произведении, я читал его в рукописи и наскоро и желал бы еще прочесть внимательно — еще больше желал бы слышать Ваше чтение. Бог даст, может быть, и с Вами увидимся. Обнимаю Вас и Ваню от всего сердца и прошу извинить, что мало пишу, но, право, нет времени.

От души Вам преданный кн<язь> *Дм<итрий> Оболенский*.

P. S. Сергею Тимофеевичу мое глубочайшее почтение.[4]

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. I. № 90. Л. 5—6.

[1] Д. А. Оболенский перепутал день рождения К. С. Аксакова (29 марта) и день его именин (21 мая).

[2] Праздник Благовещения, отмечаемый 25 марта.

[3] Д. А. Обленский имел в виду Февральскую революцию 1848 г. во Франции, в результате которой установилась буржуазная республика.
[4] Назван С. Т. Аксаков.

VIII

<Апрель 1848 г. Москва>

Любезнейший князь Дмитрий Александрович!

Я писал Вам два письма, одно после получения Вашего письма, другое после получения драмы.[1] Не знаю, получили ли Вы их, ибо Вы мне на них не ответили. Вероятно, Очкин затерял два листа: *Предисловие* и *Примечание*. Поэтому посылаю их к Вам и то и другое. Сделайте одолжение, доставьте их Очкину и попросите процензуровать и подписать, если можно, поскорее. А получа от него, пришлите мне немедленно подписанное им *Предисловие* и *Примечание*, чем много меня одолжите. Я навязываю Вам новые хлопоты, но надеюсь, по словам Вашим, что Вы на меня за это не посетуете.

Преданный Вам душою *Константин Аксаков*.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 9—9 об.

[1] После получения письма Д. А. Оболенского (письмо V в наст. публ.) К. С. Аксаков ответил ему (письмо VI в наст. публ.). Оболенский написал, что драму посылает, однако ее еще не выслал, что удивило Аксакова. Письмо Аксакова, полученное после получения драмы, вероятно, не сохранилось.

2. «РОССИЯ СТОИТ ЗА ПРАВДУ, ЗА ВЕРУ, ЗА БРАТЬЕВ»
(Из писем К. С. Аксакова к кн. Д. А. Оболенскому 1853—1854 гг.)

I

Декабря 12. 1853. <Абрамцево>

Любезнейший мой князь Дмитрий Александрович!

Прежде всего прошу Вас, чтобы Вы доставили прилагаемое письмо Мансурову, самым верным образом, и если это можно, сами. Письмо это нужное.

Теперь поговорим о том, что, наверное, занимает Вас глубоко, как и каждого русского, т. е. о восточных делах. — Вы знаете, что я всегда был противником Запада; в настоящую минуту более, нежели когда-нибудь, выказывает себя Запад с своей бездушной стороны. Каково поступают теперь так называемые образованные нации: Англия и Франция! Заметьте, что, соединяясь с магометанством против христианства, правительства французское и английское подают руку своим революционерам. И против кого образуется такой безобразный союз Запада с Турциею? Против России. Как глубоко, непримиримо ненавидят

они нас, как вспыхнула эта ненависть, так долго таимая! За что такая ненависть? Боятся нашего могущества, скажут нам в ответ. Но отчего же не боятся могущества Англии, которая так нагло дает его чувствовать всем народам? — И потом эту ненависть вместе с правительствами разделяют народы Запада, которые не толкуют, конечно, о политическом равновесии.[1] Следовательно, ненависть лежит глубже: это ненависть начал, направлений, принципов, духа народного. — Запад слышит иной строй в России, слышит ее славянскую, кроткую природу, которую он глубоко ненавидит, но за что опять? За то, за что языческий мир ненавидел христиан, кротких, молящихся за своих мучителей, провозгласивших повиновение властям, их преследовавшим. Эта та ненависть, непримиримая и злобная, которую питает зло к добру. — Все славянские племена пали под игом других народов, и вот одно, русское, стоит самобытно, и еще страшно могущественно. Как бы хотелось им стереть нас с лица земли, но с нами Бог, и люди нам не страшны.

Россия сильна своею верою и сочувствием единоверных и единоплеменных народов. Нам не страшно оружие Запада, но нам опасно его влияние нравственное, которое он успел приобрести у нас. Мы должны победить западный дух у себя дома, должны воротиться к нашим самобытным началам. Потом, страшно нам, чтобы Запад, пользуясь тем, что Россия, следуя непонятным каким-то внушениям, отталкивала от себя славянские народы, не вздумал проложить к ним пути своего западного влияния и сочувствия, не вздумал объявить себя их покровителем, разумеется, из своих расчетов. —

Время теперь решительное. Нам прямо надобно стать за единоверных и единоплеменных, и одно это уже разрушит все пути врагов наших. Что же касается до боя, то пусть пробуют с нами бороться. Народ верующий, боящийся Бога, ничего не боится. Нам следует желать и молиться только о том, чтобы нравственно становились мы чище и чище, чтобы Вера была сильнее и сильнее. Пятьдесят миллионов в России станут под знамена, если нужно, и пусть тогда попробует Европа сломать Святую Русь. Помните стих Хомякова:

Сильна молящихся рука![2]

Но вот и листок к концу. Прощайте, обнимаю Вас.

Ваш *Константин Аксаков*.

Не знаю, зачем отказываться от того, что определяет история: она предлагает уничтожение помощи Турции в Европе, освобождение от ее ига православных и новую славу и величие России.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 21—22 об.

[1] О политическом равновесии толковала западная пресса, обвиняя Россию в намерении завоевать Дунайские княжества (Молдавию, Валахию) и Болгарию и тем самым нарушить политическое равновесие в Европе.

[2] Из стихотворения А. С. Хомякова «России» («“Гордись!” — тебе льстецы сказали...», 1854).

II

<Конец 1853 — начало 1854 г. Абрамцево>

Любезнейший мой князь Дмитрий Александрович!

Посылаю Вам мои мысли о современной великой минуте. Любопытно мне, что Вы скажете. — Вы знаете, что я никогда не делаю секретов из своих мыслей; поэтому и теперь написанное мною можете читать кому Вам угодно. — Русской в настоящую минуту должен, кажется мне, высказать свои мысли искренно и добросовестно, а Вы знаете, что я русской. Я не имею убеждения, чтобы мысли мои могли явиться в печати; я знаю, что печать имеет особую силу; если же я напишу что-нибудь для печати, то буду желать, чтобы напечатано было в Москве; Вы знаете также, что я душою москвич и не участвую ни в одном петербургском журнале и газете. — С следующей почтой надеюсь прислать Вам стихи мои; мне кажется, тон их так скромен, что их цензура пропустить может. Я послал их даже одному приятелю подать в Главное управление цензуры; желаю напечатать их в «Московских ведомостях».

К написанному мною о современной великой минуте нужно мне присовокупить 1) что, может быть, со временем поляки поймут свое отступничество от славянства и откажутся от чувства ненависти к России. — Боже сохрани отказывать в раскаянии кому бы то ни было. — 2) что, так мне кажется, — для нее гораздо менее трудности и опасности, если мы перейдем немедленно через Дунай, ударим на турецкую армию, поднимем сербов и болгар и пойдем на Константинополь, нежели как если мы дождемся, что экспедиционный корпус французов и англичан будет в Турции;[1] тогда трудности удесятерятся на каждом шагу. Нам надобно предупредить этот экспедиционный корпус во что бы то ни стало и занять прежде него константинопольские береговые батареи. Флоты неприятельские будут тогда заперты в Черном море, и вся Турция будет в наших руках. Из славян и греков нетрудно образовать милицию, которая будет предана нам и весьма полезна. Горчаков, слышал я, прекрасный человек, но я желал бы ему побольше суворовского духу.[2]

Прощайте, любезнейший мой Дмитрий Александрович. Не знаю, где Вы живете, но надеюсь, что по означенному адресу Вас отыщет почта.

Искренно Вас любящий и уважающий *Константин Аксаков.*

Получил ли Мансуров мое письмо, которое адресовал я в Министерство юстиции?[3] —

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 15–16.

[1] Так и случилось, в Константинополе находились английские и французские войска, и по условиям Парижского договора (март 1856 г.) был дан шестимесячный срок на очищение города.

[2] Речь идет о М. Д. Горчакове. «Суворовский дух» — воинственный. А. В. Суворов не имел ни одного поражения.

[3] Уже не первое упоминание о Б. П. Мансурове вызвано, вероятно, религиозным конфликтом между православными и католическими церквями. Известно, что в это время Мансуров выбирал участок в Иерусалиме вблизи храма гроба Господня для приобретения на имя российского правительства. В 1857 г. Мансуров возглавил Палестинский комитет. Не совсем ясно, почему письмо К. С. Аксакова адресовано в Министерство юстиции: с 1854 г. Мансуров — чиновник особых поручений Морского министерства.

III

<11.IV.1854 г. Абрамцево>

Христос воскресе!

Любезнейший мой князь Дмитрий Александрович!

Пишу к Вам в первый день праздника, хотя письмо должно пойти отсюда во вторник. Как встретили Вы великий праздник? Мы встретили его в Хотькове монастыре, находящемся близ нашей деревни;[1] я вышел, с ходом, из церкви, и когда перед затворенными дверями запели «Христос воскресе» — и двери растворились, — я вспомнил о наших единоверцах, страдальцах болгарах, за которых Россия пошла на бой и которым, с помощию Божиею, даст она возможность также свободно славословить Бога, как мы Его славословим. Подумал я, что если успели получить болгаре колокола, о которых просили они Лидерса, то и эти колокола подали теперь свой голос в общем громовом хоре колоколов, гудящих по всем православным землям в эту минуту. — Быть может, и Вы вспомнили тоже о братьях, и то же подумали.

Из газет видно, что Австрия хочет занять турецкие провинции Боснию, Герцоговину и даже Сербию и Черногорию. Что это значит? Каким образом Австрия может занять турецкие провинции? Франция и Англия действуют, наконец, открыто против нас, ведут с нами войну,[2] и потому понятно, что они посылают в Турцию свои войска. Но Австрия в силу чего хочет перейти границы Турции?[3] Как враг или как союзник ее? Думает ли она, что мы уже не посмеем вступить в эти провинции?

Конечно, Россия не может допустить этого занятия Австриею турецких провинций, — без протеста, по крайней мере. — В противном случае это могло бы уронить нас в глазах славян: а это значит нанести нам ущерб почти внутри наших собственных сил, ибо славянские силы — родные, дружественные, почти собственные силы наши.

Я боюсь союза с Австрией как страшного поражения. Этот союз был бы для нас великая существенная беда. Наша сила есть сила нравственная, и это сила непреоборимая. Союз с Австрией был бы удар, нанесенный нам нравственно, — а тогда все пропало! Союзники австрийских немцев, угнетателей славян, австрийских немцев, бессовестных предателей своих избавителей,[4] чем станем мы в наших собственных глазах, не говоря уже о славянах? — В настоящую минуту на нас идут сильные враги, — не в первый раз! С Богом, мы одолеем врагов. Но союз с Австрией страшнее для России соединенного оружия хотя бы всей Запад-

ной Европы. Гибельное зло этого союза трудно одолеть; ибо тогда не повернется язык сказать: «С нами Бог»! Не в союзе с Иудой предателем могут говориться эти слова. — Известие войны с Австрией приму я как весть победы, ибо война с Австрией снимет с России всякую тень сомнения в глазах единоплеменных славян, развяжет России руки, обопрет нас, так сказать, на наши собственные и родные нам славянские силы. Я уже говорил, что нам надо бороться целым славянским миром против врага нашего, романо-германского, западного мира. —

Впрочем, я вполне уверен, что опасения мои напрасны. Союз с Австрией — в настоящую минуту чудовищный — без сомнения, невозможен. Но уверенный в его невозможности на деле, я ужасаюсь от одной воображаемой такой возможности. Еще ли мы не знаем Австрии? Что может быть бездушнее ее коварной политики? Чтоб убедиться, достаточно прочесть историю суворовских походов в 1799 году.[5] Австрия, можно сказать, извратила смысл слов евангельских. Вместо: «любите врагов ваших» она сказала себе: «ненавидьте друзей ваших». Вместо: «добро творите ненавидящим вас»[6] она говорит: «зло творите добро дающим вам».

Какова речь архиепископа парижского.[7] Бессовестнее я ничего не читывал. Он прямо проповедует крестовый поход против православных христиан и имеет наглость сознаться, что и прежние крестовые походы направлены были против православной церкви!! Но все эти новые бесстыдства врагов наших только усиливают нас, усиливая нашу правду. На их главу обратится вся ложь и клеветы, возводимые ими на Россию.

Читаю я теперь переписку конфиденциальную Сеймура;[8] из нее видно, для всякого беспристрастного, что Государь наш поступал как честный человек, которого вся ошибка состояла в том, что он и других принимал за честных людей.

Но довольно, любезнейший мой Дмитрий Александрович, я бы написал, может быть, и еще, но уж не утомил ли я Вас своими письмами.

Вас искренно любящий и уважающий *Константин Аксаков.*

Дер<евня> Абрамцево.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 19—20 об.

[1] Абрамцево находилось в 2—3 верстах от Покровского женского монастыря в Хотькове.

[2] 15 и 16 марта 1854 г. Англия и Франция объявили войну России.

[3] Австрия опасалась русского влияния на Балканах.

[4] В 1849 г., во время Венгерской революции, Николай I выручил Австрию, введя в Венгрию 200 тысяч войска.

[5] Император Павел I в 1799 г. помог Австрии: в феврале этого года по настоятельным ходатайствам венского двора последовал высочайший рескрипт, которым А. В. Суворову поручалось начальство над австро-русской армией в войне с Францией. Итальянский и швейцарский походы Суворова увенчали его новою славою.

[6] Из Нагорной проповеди (Мф 5: 44).

[7] По сведениям И.С. Аксакова, напечатана в «L'Indépendance Belge» (см. письмо родным от 29.IV.1854 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 252). Кардинал Сибур, архиепископ парижский, трактовал начавшуюся войну как «войну священную», «новый крестовый поход» (*Казарин В. П.* Битва за Ясли Господни (предисловие) // *Дубровин Н. Ф.* 349-дневная защита Севастополя. СПб.: Рус. симфония, 2005. С. 7).

[8] Переписку английского посла в России Джорджа Гамильтона Сеймура. «18 марта английское правительство было вынуждено опубликовать секретную переписку министров, которую они вели с русским императором в течение первых трех месяцев своего пребывания у власти в 1853 г. ...» (*Кухарский П. Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л.: Изд. ЛГУ, 1941. С. 182). Были напечатаны не только секретные донесения Сеймура английскому правительству о переписке с Николаем I, но и содержание частных разговоров с ним (см.: Конфиденциальная переписка, обнародованная британским министерством // Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 116—117).

IV

<Апрель 1854 г. Абрамцево>

Любезнейший мой князь Дмитрий Александрович!

Брат Ваш писал мне из Москвы,[1] что Вы собирались отвечать мне: хотя я и не получал от Вас письма, но, не дождавшись, пишу к Вам сам.

Итак, война, решительная, открытая война с Англией и Францией![2] Время дипломатических тонкостей, недоразумений, неясности минуло, и положение дел осветилось вполне, и слава Богу! Россия поставлена тем величественно и достойно в той борьбе: Россия стоит за правду, за веру, за братьев. — Она употребила все усилия, чтобы избежать борьбы, она явила полное было терпение, — и наконец, когда все кроткие меры оказались бесполезными, когда ей, после всего этого, предложен бой, Россия выходит на бой и, с помощию Божиею, докажет врагам, что только одна ее кротость удерживала ее могучие силы и что, как скоро уже решено биться, то она умеет биться. — Я прочел декларацию. Декларация мне нравится;[3] она написана с достоинством и твердо, как перед решительным, грозным боем; да, мы теперь с полным правом можем вести самую решительную, самую полную, настоящую войну с врагами нашими. — Почему бы не бросить хоть тысяч двадцать или более в Индию, где туземцы приняли бы нас с радостью как избавителей. —

С каким нетерпением ждем вестей из-за Дуная. Как желал бы я, чтоб войска наши предупредили в Константинополе французов и англичан, по крайней мере, прежде чем соберутся они там в значительных силах. — Как радуется сердце за братьев болгар, отдыхающих по мере приближения русских; болгаре чувствуют, конечно, что Россия несет им избавление, возможность молиться истинному Богу, пребывать в вере православной, что Россия не отдаст их на жертву ни турецким, ни западным угнетателям.

Бесстыдство и наглость Англии и Франции достигли, право, до грандиозных размеров. Прежде борьбы уже обе западные державы покрыли себя позором и стыдом. — Всячески нарушая равновесие Европы, обе кричат о равновесии. — Россия объявляет, что она не хочет увеличения своих владений. — Но это объявление не мешает ей нимало освободить православных и единоплеменных братьев и уничтожить безобразную Турцию. Освободив греков и славян от ига Турции, Россия не увеличит своих владений и будет совершенно права; скажу более, что освобождение от турецкого ига ее долг. Почему Западной Европе кажется лучше видеть магометан, турков, чем христиан — болгар, сербов, греков, на том же полуострове, который сверх того искони был православным и христианским? Западная Европа боится, что ее губительные замыслы будут этим разрушены, что ее жадная, давящая все другие государства политика придет в затруднение. — Пусть же Россия положит пределы своенравию и бессовестности Англии и Франции.

Мне кажется, что нужен еще манифест, в котором было бы сказано, что, уверившись в невозможности успеха мирными путями, Россия объявляет независимость всех православных и всех славян в Турции и идет оружием утвердить эту независимость. — Так мне кажется, по крайней мере. —

Искренно Вас любящий и уважающий *Константин Аксаков.*

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 17—18 об.

[1] Вероятно, Ю. Ф. Самарин.

[2] Манифест о войне с этими государствами обнародован Николаем I 11.IV.1854 г., в день Пасхального воскресенья.

[3] Декларация от 1.IV.1854 г., в которой Николай I заявил, что Россия вступает в бой против собственного желания, что завоевательных замыслов у нее нет, но вражде Франции и Англии против России император противопоставит все дарованные ему Провидением средства для деятельной, твердой защиты чести, прав и безопасности собственной державы.

V

<21.VI.1854 г. Абрамцево>

Любезнейший князь Дмитрий Александрович!

Пишу к Вам, чтобы высказать то, что меня теперь сильно занимает.

Носятся страшные слухи — слухи о мире... Говорят, что мы выступаем из княжеств!..[1] Это невероятно, это был бы неслыханный позор! Уж лучше, если б нас оттуда выгнали: тогда мы бы уступили чужой силе, а не собственной своей слабости. Лучше потерять знамя с боя, чем его бросить, и какое еще знамя!

Повторяю, что я не верю этим слухам: для всякого русского они невероятны; но предположим, хотя оно и невероятно, что это правда: в таком случае вот Вам мои мысли, высказанные со всею откровенностию, которую, при настоящих великих событиях, считаю я долгом каждого истинно русского.

Мир! Да что же может побудить нас к миру? Разве мы разбиты, разве уничтожены наши армии? Нет: мы заключаем мир *в страхе*, что будем разбиты. Мало того: мы выступаем из княжеств, от чего было сперва так решительно отказались. Австрия и Пруссия, принявши роль командиров, требуют от нас этого позорного выступления,[2] — и Россия, этот великан, послушно исполняет приказания иностранных держав. Странно! Боясь, что мы к этому можем быть принуждены неудачною войною, мы заранее, еще до войны, без бою принимаем последствия неудачной войны; это уже позор добровольный, а не вынужденный; это двойной позор, ибо мы не попытались даже померяться еще свежими силами, чтобы избавить себя от этого позора.

Но есть обстоятельство, которое важнее всего. Россия подняла Божие знамя, Россия сказала: «За веру! За братьев!» — Что же? Мы бросим теперь это знамя? — Разве мы с тем его подняли, чтобы бросить? Священным именем Бога играть нельзя; если оно произнесено, так это не должно быть всуе. Оставляя знамя веры и оставляя так легко, в самом начале, не постоявши за него всеми нашими силами, мы навлекаем на себя гнев Божий. Давно ли упрекали мы французов и англичан, что они стоят за Магомета, а сами мы что же делаем? Уступаем торжество Магомету, почти без боя, и сами не стоим за Христа. Бог явил нам милость свою, поручив нам защиту его веры, а мы эту милость отвергаем? Разве мы на словах только христиане? Плохо, видно, мы надеемся на Бога и на его помощь! Иначе как объяснить наше отступление (если оно справедливо)? Одним только, что мы исполнены страха, только не страха Божия. Кто Бога боится, тот ничего не боится; страх Божий избавляет от всякого другого страха. — Единоверные, единоплеменные братья! Ваша кровь поднята на нас; ваши вопли, исторгаемые мучителями, и теперь удвоенные, всходят на небо страшными на нас обвинениями и свидетельствами. Господи! Твой гром грянет над Россиею, всуе призывающею твое имя, забывающей, как ты спасал ее всегда, оставляющей святую брань за твою веру, оставляющей братьев своих под игом неверных.

Что же? Разве русской народ не отвечал на призыв Государя на священную брань? Разве со всех сторон не посылались пожертвования? Разве не готовы мы всё отдать, всё достояние наше и стать под ружье?[3] Что же мешает продолжать войну, когда и армии наши, крепкие, свежие, горят желанием сражаться?.. Мало того: Бог видимым образом сокрушил врагов наших слабыми нашими силами: в Грузии, в Ако мечети, при Одессе, на берегах Ботнических.[4] Не ясно ли Бог нам являл, что силы не во множестве, что победы даются Им и слабому; не явно ли поддерживал Он нашу надежду на Его помощь; не явно ли, что Бог за нас? Что же, мы отвергаем это Божие указание? Если так, — тогда горе России! Наконец: этот общий энтузиазм, вызванный теперь, будет, следовательно, обманут в своих ожиданиях? — Куда же денется эта выступившая сила энтузиазма? Чем же станет она? Во что она обратится?

Боже мой! Неужели мир? Этот мир лег бы позором на Россию, побежденную не оружием врагов, с которыми она настоящим образом и бороться не решилась, — а побежденную собою, своим собственным страхом. Такого позора еще

не бывало для России. Нет! Это неправда! Не может быть мира, не выступим мы из княжеств, не сделаем уступок.

Мы сделали несколько ошибок. Перешед 12 мая за Дунай, мы потеряли три месяца даром,[5] не воспользовались ужасом, наведенным нашим переходом на турок, не пошли к Варне или, что еще было бы лучше, к Софии; — но эти ошибки могут быть поправлены; зачем увеличивать их новыми ошибками? Я не вдаюсь в подробности, о которых, конечно, судить есть дело опытного генерала, — чего лучше, например, Лидерса?[6] — Но есть вещи, доступные всякому. В военном деле много значат материальные условия; но человек здесь, как и везде, главное дело; поэтому первое дело есть дух войска. При одинаковой храбрости, при одинаковом мужестве состояние духа бывает разное и имеет огромное влияние на дело. Поднять дух войска не годится; а едва ли может он быть высоко поднят при медленных действиях, когда мы не двигаемся вперед, несмотря на успехи.

Я не говорю уже о недоумении турецких славян и греков о невольном упадке их духа при незначительности наших действий. Война должна быть ведена энергически. Надобно, чтоб ясно была определена ее цель, твердо высказана и потом неослабно преследуема.

Повторяю: *необходимо объявить независимость всех православных в Турции, необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное дело и будем за него сражаться, как за самих себя, как за наше собственное существование и не положим дотоле меча, пока не освободим от ига магометан православных братьев наших*. Вот это будет значить стоять за веру и за братьев. Такое объявление возвысило бы энергию войска и России и освободило бы всех наших единоверных страдальцев. Кто только русской, тот иначе войны понимать не может. — Всякой иной исход войны, а не *освобождение всех православных от беззаконного турецкого ига*, будет позором для России, оскорблением Христовой веры и предательством наших братьев, — и тогда грянет над Россиею праведный гнев Божий. — Господи! избавь нас от позора и страха, от греха отступничества и предательства!

Вот Вам мои откровенные мысли. Но, еще раз скажу, я не могу верить в справедливость оскорбительных для России слухов.

Искренно Вас уважающий и любящий *Константин Аксаков*.

21 июня.

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 5. Л. 11—13 об.

[1] Осада крепости Силистрия, начавшаяся 5 мая 1854 г., была снята в ночь с 8 на 9 июня, и русские войска начали обратное движение на левый берег Дуная. Официальное сообщение о снятии осады «Московские ведомости» опубликовали только в конце июня.

[2] 20.IV.1854 г. Австрия заключила с Пруссией договор о взаимопомощи и настаивала на выходе России из Дунайских княжеств.

[3] Штатский человек, магистр Московского университета Константин Аксаков в ту пору высказывал желание идти в армию.

[4] Константин Аксаков имел в виду, вероятно, разгром сухопутных турецких сил в Закавказье при Башкадыкларе 19.XI.1853 г., победу над турками 27.V.1854 г., когда был разбит авангардный корпус, вторгшийся в Гурию (подробности этого успеха появились в «Московских ведомостях» 19 июня, за два дня до написания письма Оболенскому). 28.VII.1853 г. русские войска взяли крепость Ак-Мечеть в Кокандском ханстве (Средняя Азия) и завладели нижним течением реки Сыр-Дарья. 10.IV.1854 г. была успешно отражена бомбардировка Одессы англо-французской флотилией. Какие успехи на берегах Ботнических (между Швецией и Финляндией) имел в виду Аксаков, сказать затруднительно, особенными успехами в Балтийском море мы похвалиться не могли: в июле 1854 г. англичане будут бомбардировать Соловецкий монастырь, в августе 1854 г. французы возьмут Аландские острова около Ботнического залива. Возможно, Аксаков подразумевал поведение финнов, оказывавших сопротивление действиям англо-французов. О настроениях финнов имеются рассуждения в одном из писем Ивана Аксакова к родным: «Насчет Финляндии я не беспокоюсь. Финляндия не отторгнется, вовсе не желает шведского владычества и искренно привязана к России: при русском владычестве свободно возник в ней народный финский элемент, подавленный Швециею, стала разроботываться финская литература, финский язык преподаваться в университете. Я знаю многих финляндцев, которые всё мне это искренно подтверждали...» (письмо от 29.IV.1854 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 251).

[5] Слово «май» — описка, имеется в виду март: 11.III.1854 г. русские войска форсировали Дунай. Три месяца — это март, апрель, май (письмо написано К. С. Аксаковым 21 июня).

[6] В 1848 г. А. Н. Лидерс был командующим русскими войсками в Молдавии и Валахии, в 1849 г. — русскими войсками в Венгрии, с 1854 г. командующий Южной армией и морской частью в Николаеве.

К. С. АКСАКОВ И Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ В СЕНТЯБРЕ 1854 г.

Публикация Т. Ф. Пирожковой

Из славянофильского кружка Н. П. Гиляров-Платонов теснее всего был связан с братьями Аксаковыми — Константином и Иваном. Знакомство произошло около 1853 г., по утверждению А. П. Дмитриева.[1] Славянофилов удивила схожесть суждений Гилярова-Платонова с их собственными. Этой «родственности» во мнениях он сам не отрицал, хотя и полной тождественности не видел.[2]

Чисто внешние обстоятельства — близость аксаковского Абрамцева к Троице-Сергиевой лавре, где находилась Московская духовная академия, преподавателем которой был Гиляров-Платонов, — помогли и встрече, и сближению.

Судя по дневнику В. С. Аксаковой 1854—1855 гг., общение в эти годы было очень близким и постоянным: то Константин или Иван едут к Гилярову в Сергиев Посад, то он приезжает в Абрамцево, один или с женой, и в любое время: «К обеду приехал Гиляров»; «Мы сидели вечером за чтением иностранных журналов, когда <...> возвестили нам Гилярова»; «Константин уехал к Троице, чтобы побывать у Гилярова»; «После обеда <...> приехали Гиляров с женой»; «...ездил Иван к Троице, воротился перед обедом и привез с собой Гилярова...»; «Сегодня письмецо от Г<илярова>...»; «Гиляров приехал в то время, когда мы сидели за завтраком...»[3]

Ольга Семеновна Аксакова была крестной матерью сына Гилярова Николая Никитича, родившегося в начале зимы 1854 г.: «Маменька в этот день (6.XII.1854 г. — *Т. П.*) ездила крестить к Гилярову».[4]

Ценя аналитический ум и основательность суждений Гилярова, Константин Аксаков свои статьи посылал ему на предварительный просмотр (еще до того, как Гиляров стал цензором), и его отзывы были порою очень строги и нелицеприятны — их опубликовал ученик Гилярова, биограф и издатель его сочинений кн. Н. В. Шаховской, как и отрывки из писем Гилярова Аксаковым периода Крымской войны. Особенная горесть пронизывает письмо, написанное С. Т. Аксакову 1 сентября 1855 г., когда стало известно об оставлении Южной стороны

---

[1] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе, 1837—1843. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 410.

[2] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова И. Ф. Романову, 1886 г. // *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36. Дек. С. 544.

[3] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. М., 2004. С. 12, 18, 33, 48, 80, 87, 102.

[4] Там же. С. 21.

Севастополя: «И не то прискорбно, что мы отдали, но то досадно, почему не отдали мы несколькими месяцами назад, если предвидели невозможность держаться... Мы тогда не потеряли бы даром десятков, может быть сотен тысяч людей...» [5] Его очень тревожит голод в южных губерниях, зреющее народное недовольство. Как бы после Крымской войны не получить войну народную, поэтому Гилярову припомнились пушкинские строки о «бунте, бессмысленном и беспощадном», свидетелем которого быть не приведи Бог [6]...

На глаза князя Шаховского не попали, а, возможно, были сочтены не заслуживающими внимания два небольших письма, которыми обменялись в конце сентября 1854 г. Константин Аксаков и Гиляров (сохранились в Аксаковском фонде в РГБ [7]). Гиляровское без конца, который, по всей вероятности, затерялся: конверта не было, Гиляров отвечал на аксаковском письме, и в конце второй страницы писать было негде, так как шла надпись — «Никите Петровичу Гилярову от Аксакова» — текст обрывается.

Оба письма пронизывает нестерпимая грусть, остро переживаемое и Аксаковым, и Гиляровым чувство уязвленной национальной гордости от поражений русского оружия в ходе Крымской войны и ясное, четкое осознание грядущих бедствий, которые ждут Отечество.

Оба письма написаны после появления газетного сообщения о сражении на реке Альме 8.IX.1854 г. Впадающая в Черное море небольшая по российским масштабам река (83 км) навсегда вошла в нашу военную историю. И в историю воевавших с Россией стран: именем этой реки французы назвали мост над Сеной и прилегающую к нему площадь в честь первой победы англо-французских войск, несколькими днями ранее высадившихся между Евпаторией и Каптугаем.

Никаких мер для отражения десанта принято не было — главнокомандующий князь А. С. Меншиков не решился атаковать на открытой местности, легко обстреливаемой с флота, и занял позицию на реке Альме. [8] О том, что именно там были разбиты 8 сентября русские войска, россияне узнали с опозданием: «Московские ведомости», к примеру, напечатали донесение Меншикова только 21 сентября.

После чтения газеты Константин Аксаков и написал письмецо Гилярову с просьбой приехать в Абрамцево, хотелось побыть вместе, поговорить, обсудить происшедшее. 16.X.1855 г. И. С. Тургенев писал С. Т. Аксакову:

> ...время, в которое мы живем, принадлежит к числу тех, которые повторяются слишком редко — и все люди мыслящие, любящие свою родину, должны желать сближения и духовного сообщения. [9]

---

[5] Письмо С. Т. Аксакову // *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков. С. 540.

[6] Там же. С. 541.

[7] РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 8. Л. 1—2 об.

[8] См.: *МВед.* 1854. 16 сент. № 111. С. 1390.

[9] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. II. С. 317—318.

Хотя строки эти написаны через год после описываемых нами событий, но они замечательно охарактеризовали настроение и чувства людей, живших в то нелегкое время.

«Хорошего тут нет», — писал Аксаков, прочитав только что опубликованное донесение Меншикова. И Гиляров тщетно пытался вычитать в газетном сообщении что-нибудь, дающее «какую-нибудь надежду», хотя бы намек на нее.

Вот текст донесения, напечатанного 21 сентября «Московскими ведомостями» в разделе «Внутренние известия»: «Генерал-адъютант князь Меншиков донес Государю Императору, что 8-го сего сентября англо-французский корпус, высаженный в Крыму, подступил к позиции, которая была нами занята на р. Альме, у дер. Бурлюка. Войска наши несколько часов отражали упорные атаки неприятеля, но угрожаемые многочисленными его силами с обоих флангов, и в особенности действием его с моря, они отведены были к вечеру за р. Качу, а на другой день расположились впереди Севастополя.

Приняв все меры к обороне, князь Меншиков готовился дать неприятелю сильный отпор, в случае дальнейшего с его стороны нападения».[10] Предельно лаконичные, сухие строки. «...Как жестоко в них каждое слово!» — отметил Гиляров. Не только жестоко — главнокомандующий пытался, насколько возможно, скрыть правду: слова «битва», «сражение» в донесении не фигурируют, число понесенных потерь не уточнено, неизвестна продолжительность атаки — «несколько часов» — понятие неопределенное.

Кажется, что можно «выжать» из этих строк, помимо той сжатой информации, которая в них содержится? Оказывается, можно. Для этого Гиляров внимательно рассмотрел карту Крыма, прочел, по собственному признанию, донесение раз пятьдесят, главное — сделал тщательный текстологический анализ. Его насторожила краткость донесения — свидетельство о неудаче: если бы было чем похвалиться, донесение составили бы пространнее. Из донесения ясно, что силы неприятеля превосходят наши, но главное — главнокомандующий готовится не к нападению на неприятеля, а лишь к отпору, если тот нападет. Битва была продолжительной, если только к вечеру войска отведены за реку Качу. Значит, произошла настоящая катастрофа («мы разбиты наголову»), наше положение критическое, занятие позиции около Севастополя — вынужденное. Вот что откроется, если внимательно, как Гиляров, прочесть скупные строки донесения.

А побеседовав с человеком, бывавшим в Севастополе, Гиляров окончательно убедился, что «нет никакой надежды», и даже появилась мысль, что Севастополь неприятель может взять.

Появилась эта мысль у Гилярова, но не у главнокомандующего, который не только не препятствовал французам соединиться с англичанами, высадившимися в Балаклаве, но проявил поразительную беспечность, отведя через несколько дней войска от Севастополя к Бахчисараю. И Аксакову, и Гилярову еще предсто-

[10] См.: *МВед*. 1854. 21 сент. № 113. С. 1413.

яло узнать об этом 25 сентября из тех же «Московских ведомостей», [11] в субботу, когда Гиляров приглашен в Абрамцево. Можно представить, что они пережили — ведь без защиты был оставлен Севастополь, совершенно не укрепленный с суши.

В начале октября Иван Аксаков, находившийся осенью 1854 г. на Украине, у харьковского губернатора беседовал с офицером, участником боевых действий в Севастополе, только что оттуда вернувшимся: «После битвы при Альме, — сообщал Иван родным, — где у нас выбыло из строя 6000 чел<овек>, если б французы и англичане продолжали преследование, не давая нам опомниться, они, может быть, ворвались на наших плечах в Севастополь...» [12]

Что это не единичное мнение, подтвердил дневник В. С. Аксаковой, где 17 ноября она записала то, что сообщали из Севастополя: «если бы неприятель напал тогда на Севастополь, он был бы взят без бою». [13]

Гиляров в ответном письме Аксакову сетует на то, что «мы не сумели ничего предвидеть», то есть войны в Крыму. Сменивший Меншикова на посту главнокомандующего М. Д. Горчаков рассказывал митрополиту Филарету (Дроздову), что предупреждал Меншикова: будет высадка в Крым, тот ответил: будет высадка в Константинополь.

Эту способность к предвидению событий обнаруживали люди сугубо гражданские, от которых ее, казалось бы, ждать было нельзя. Осенью 1854 г. П. А. Вяземский заносит в «Старую записную книжку»: «По всему видно, что у нас мало сил, — и это непростительно. Россия истощается для содержания войска, а когда и где войско нужно, тогда и там его нет. Вот более года, что журналы толкуют о нападении на Крым, а подмоги наши подходят туда только теперь, когда неприятель уже занял часть Крыма». [14] А вот письмо Ивана Аксакова родным от начала октября 1854 г.: «Не могу понять, почему не было принято сильнейших мер к обороне Крыма, когда с самой весны уже можно было опасаться высадки». [15] Как видим, умные люди сходно мыслят.

«А сколько было хвастовства!» — горевал в письме Гиляров. И снова в письме Ивана Аксакова находим подтверждение справедливости этого мнения:

> Я помню, как прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаем, на сухом пути одного русского солдата на десятерых врагов станет... А теперь оказывается, что для победы нам необходимо иметь чуть ли не вдвое более войска против неприятельского. [16]

Константин Аксаков в письме высказал мысль о том, что для России наступают тяжелые времена, грядет расплата «за отступничество и предательство

---

[11] Там же. 25 сент. № 114. С. 1422.

[12] Письмо от 4—6.X.1854 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 319.

[13] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. М., 2004. С. 12.

[14] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. X. С. 128.

[15] Письмо от 4—6.X.1854 г. // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. С. 319.

[16] Там же.

Веры и братьев» (то есть славян) — неизменная тема его писем к Д. А. Оболенскому (см. публикацию их в данном сборнике). В сохранившейся части ответного письма Гилярова нет рассуждений по данному поводу. Но, учитывая глубокую веру Гилярова в Божественное провидение и то обстоятельство, что война начиналась действительно как религиозная, выскажем предположение, что чуждой эта мысль Гилярову не была. Действительно, в октябре 1854 г. началась 11-месячная осада Севастополя...

К. С. АКСАКОВ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

<После 21 сентября 1854 г. Абрамцево>.

Любезнейший Никита Петрович.

Читали ли Вы донесение Меньшикова:[1] он отступил к Севастополю. Хорошего тут нет. — Но теперь и надо ждать козней на Россию за отступничество и предательство Веры и братьев. —

Сделайте одолжение, пришлите с сим посланным том «Москвитянина», где «Семейная хроника».[2] — Я получил письмо от Новаковича; он бедный жалуется на петербургский холод во всех смыслах.[3] Нота Нессельрода, помещенная в последних I. д. Б.,[4] выше всякого вероятия.

Мы надеемся, что Вы приедете к нам откушать в субботу. Брат вам весьма кланяется.[5]

Искренно ваш Константин Аксаков.

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — К. С. АКСАКОВУ

<После 21 сентября 1854 г. Сергиев Посад>

Да, я читал донесение Меньшикова и писал Вам об этом вчера в другой записке, которую Вы получите. Раз пятьдесят перечитывал я известие об донесении, стараясь открыть в нем хотя один намек, хотя какую-нибудь надежду. Но увы! с последним разом я уверился все более и более, что мы разбиты наголову; что мы не сумели ничего предвидеть; что мы разбиты даже не превосходнейшими, а только *многочисленными* силами; что мы не отступили, а просто бежали, как можно усмотреть из подробной карты Крыма, где расстояние между Альмой и Севастополем означено; наконец... наконец Севастополь мы потеряем, кажется несомненно, ибо мы надеемся *встретить сильным отпором*, — только. О, вчитайтесь Вы в эти краткие строки, Вы увидите, как жестоко в них каждое слово! Вчера ездил я расспросить человека, бывавшего в Севастополе. Он подробно рассказал мне положение этого города; и я увидел, — и он также, — что если мы уже пред Севастополем, — нет никакой надежды. Грустно, грустно, мало того,

смертельно больно такое положение. А сколько было хвастовства! Я уверен, впрочем, что если, к несчастию, возьмут Севастополь, мы [6]

Печатается впервые по автографу: РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 8. Л. 1—2 об.

[1] См.: *МВед*. 1854. 21 сент. № 113. С. 1413.

[2] Отрывок из «Семейной хроники» (подпись: *С. А.*) // Москвитянин. 1854. Т. II. № 5. Кн. 1. С. 17—48. В данной публикации по сути четыре отрывка: Переселение; Оренбургская губерния; Новые места; Добрый день Степана Михайловича. Впоследствии в славянофильском журнале «Русская беседа» Н. П. Гиляров-Платонов опубликует обстоятельную рецензию на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова (Русская беседа. 1856. Кн. 1).

[3] Ответное письмо Новаковичу, который через некоторое время станет профессором семинарии в Белграде, Константин Аксаков адресовал на петербургскую квартиру гр. Д. Н. Блудова (Новакович не сообщил адреса, и Аксаков писал на авось, зная, что Блудов и его дочь Антонина Дмитриевна привечают славянских деятелей). Естественно, что Константин Аксаков поддержал Новаковича в нелюбви к Петербургу: «Я знал, что Петербург Вам не понравится... Столица наша настоящая Москва; другой нет, да и не будет» **(**РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). К. III. № 9. Л. 1**)**. В письме Новаковичу Аксаков выразил свои симпатии к славянам: «Славяне должны стоять за славян: вот это правило, вот эта спасительная нить для народов славянских, вот она, наша истинная народная дипломатия. В ней нет ни интересов германских, ни интересов турецких. Поедете в Сербию, поедете в другие славянские земли, говорите это всем славянам» (Там же. Л. 2).

[4] Имеется в виду выходившая в Брюсселе ежедневная либеральная газета «L'Indépendance Belge».

[5] Речь идет о Г. С. Аксакове, гостившем в это время в Абрамцеве на обратном пути из-за границы, где находился с семьей.

[6] На этом текст письма в данной единице хранения обрывается.

«ВЫ ВЗЯЛИСЬ ЗА СВЯТОЕ ДЕЛО...» (Ф. В. Чижов и А. П. Шипов о развитии отечественной промышленности и торговли)

Публикация И. А. Сурниной

Федор Васильевич Чижов — яркая, выдающаяся личность в истории России XIX в. Имя его гремело при жизни, но в следующем столетии было практически забыто; интерес к нему стал появился совсем недавно.

При жизни Ф. В. Чижов проявил себя в разных сферах деятельности: занимался журналистикой, историей, философией, политикой, переводами, опубликовал ряд статей по религиозной живописи. Он проделал путь от бедного ученого-математика до крупного промышленника и финансиста, обладателя миллионного состояния. В середине 1840-х гг. Чижов стал активным участником славянофильского кружка: его интересовали вопросы единения всех славян под эгидой Православной церкви, принципиальные различия в истории развития России и Западной Европы, в их экономической политике (покровительственная система в отношении промышленности и торговли, защитником которой был Чижов, и распространенное на Западе течение фритредерства — свободной торговли, т. е. устранение экономической опеки государства). В последние годы своей жизни Чижов стал финансистом, строителем русских железных дорог, организатором срочного судоходства на Севере России, учредителем Московского купеческого банка.

В историю русской журналистики Чижов вошел, прежде всего, как редактор ежемесячного журнала «Вестник промышленности» (1858—1861) и еженедельной газеты «Акционер» (1860—1863). Наблюдая в конце 1850-х — начале 1860-х гг. «усиление промышленности», Чижов понимал, что настало то время, когда необходимо постоянно следить за развитием ее как в России, так и за рубежом. Славянофильские убеждения Чижова проявились в эти годы в первую очередь в стремлениях всемерно поддержать отечественную промышленность и торговлю. Именно поэтому, получив от своих земляков, костромских заводчиков братьев А. П. и Д. П. Шиповых, предложение издавать журнал, Чижов, не раздумывая, согласился.

Публикуемые нами выдержки из дневника Чижова являются доказательством его славянофильских убеждений: веры в своеобразие российской истории, осуждения подражания Европе, «противухристианского и противучеловеческого введения принудительного труда».

За ними следуют отрывки из писем А. П. Шипова к Чижову. Александр Павлович Шипов (1800—1878) — помещик, предприниматель, промышленник и заводчик, автор нескольких книг по вопросам финансовым и народного хозяйства, среди которых: «Куда и отчего исчезли наши деньги» (1860), «Замеча-

ния на материалы по пересмотру тарифа» (1867), «Настоящее наше экономическое положение и его последствия» (1871) и другие. По предложению министра государственных имуществ П. Д. Киселева (был министром с 1837 по 1856 г.) А. П. Шипов занял должность управляющего Палатой государственных имуществ Костромской губернии. Здесь вместе с братом Д. П. Шиповым он основал с русскими техниками чугунолитейный механический завод, работавший на отечественных материалах. Братья Шиповы были владельцами и нескольких других промышленных предприятий. Среди них — приобретенный колокололитейный завод И. Д. Поляковой, расширенный ими: на нем был налажен выпуск сельскохозяйственных машин. Со временем Шиповы в Ардатовском уезде Нижегородской губернии приобрели Илевско-Вознесенский чугуно- и железоделательный завод, который вскоре превратился в крупный судостроительный центр. Весной 1857 г. с верфи завода спустили два пассажирских парохода «Алексей» и «Владимир». Помимо этого, А. П. Шипов был председателем Биржевого ярмарочного комитета в Нижнем Новгороде.

Из содержания писем можно сделать вывод, что А. П. Шипов — человек не слишком образованный, иногда пишет коряво, но нельзя не отметить, что он искренен и буквально одержим желанием принести «пользу отечеству».

Чижов активно поддерживал представителей буржуазии, охваченных подобными чувствами (купцов, промышленников, предпринимателей). К их числу принадлежали и братья Шиповы, поэтому неудивительно, что он тесно сошелся с ними: принял их предложение издавать журнал, состоял в переписке, в которой обсуждал с ними злободневные вопросы торговли и промышленности, искал пути решения многих экономических проблем.

Одной из главных задач журнала «Вестник промышленности» Чижов считал отстаивание интересов купеческого сословия: именно «купцы должны выйти на свет общественными деятелями», ведь они «выборные из народа», «первая основа нашей исторической русской жизни, то есть жизни собственно великорусской в лице Новгорода и Пскова». Читателями журнала были люди промышленные (главный управляющий горными заводами в Перми В. Гроссман, инженер-технолог Химического завода П. С. Малютина А. П. Панин и др.), купцы (первой и второй гильдий различных губерний), то есть непосредственно те, кому были небезразличны проблемы промышленности и торговли. Нередко они становились и авторами статей. Сам Чижов активно призывал читательскую аудиторию участвовать в издании журнала: «...только общими дружными усилиями можно двигать вперед общее дело».

В 1867 г. Чижов становится главой Московского купеческого банка (второй по величине акционерный банк в России, был активен в области товарокомиссионных и торговых операций), учрежденного в 1866 г. московскими капиталистами В. А. Кокоревым, И. А. Ляминым и другими, в этом же году при активном содействии Чижова и А. П. Шипова в Петербурге открылось Общество для содействия русской промышленности и торговле, а в 1869 г. Чижов основал Купеческое общество взаимного кредита.

Публикуемые нами материалы относятся ко времени издания журнала «Вестник промышленности» и демонстрируют глубокий интерес Чижова и А. П. Шипова к вопросам промышленности и торговли (отстаивание интересов купцов как двигателей торговли, покровительственной политики со стороны государства, необходимость выработки таможенных тарифов, развития промышленности, вольнонаемного труда и др.), показывают активную роль А. П. Шипова в журнале, а также содержат оценку редакторской работы Чижова.

Необходимо отметить, что проблемы, поднимаемые в письмах Чижова и А. П. Шипова, актуальны и по сей день. Так, размышляя о таможенных тарифах, Чижов делит все товары на разные категории, среди которых выделяет «предметы нужды для большинства народонаселения», относя к ним спиртные напитки. Чижов отмечает, что чем меньше пошлина на подобного рода товары, тем больше их потребление. А это существенно может повредить здоровью. Тем не менее, слишком высокой пошлина на подобную продукцию (как, например, на чай, сахар, кофе и т. п.) быть не может, так как здесь имеет место народная закоренелая привычка. В наши дни подобная проблема также остра: идет ограничение рекламы как слабых, так и крепких спиртных напитков, введен возрастной ценз на продажу алкоголя. Предметы роскоши для богатого населения Чижов предлагает облагать высокой пошлиной, оправдывая ее выгодами, которыми пользуются обеспеченные граждане. Пожелания Чижова были учтены в таможенном тарифе 1868 г., при принятии которого руководствовались принципами свободной торговли.

Следует отметить и тот факт, что все эти экономические проблемы волновали также и приятеля и единомышленника Чижова начиная с конца 1850-х гг. — Н. П. Гилярова-Платонова (одно время и цензора его изданий), в своей газете «Современные известия» регулярно уделявшего самое серьезное внимание вопросам промышленности и торговли.

1. ВЫДЕРЖКИ ИЗ «ДНЕВНИКА ЧИЖОВА ЗА 1857—1862 гг.»

I

25 декабря <1857 г. Аугсбург. Германия>

<...> Наша народность широка, ее призвание велико; но мы, воюющие за нее, далеко не вполне ею пропитаны и не можем быть пропитаны, как потому, что сами ненародно развивались, так и потому, что сама народность без полной народной жизни еще не высказалась во всей полноте; много мы на нее навязывали, поэтому еще более отнимаем. Наконец, и потому мы на нее смотрим, что мы-таки воюем, следовательно, враждебно встречаем часто то, что не только не враждебно, но прямо из нее проистекает или, по крайней мере, совершенно в ее духе. <...> В нашей жизни не земные соборы, не их старый образ важен, а важна

полная независимость; важно то, что мы при полноте развития дадим человеку — тип человека на земле.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 2. № 9. Л. 10.

II

23 января <1858 г. Аугсбург. Германия>

<…> Теперь мне пришло в голову,[1] и я записываю, что говоря о тарифах, надобно <разделять> все произведения на:

1. *Первой необходимости*: хлеб, мясо, соль <…>. Это должны быть вещи беспошлинные, потому что они поддерживают человека одинаково везде, и без них или при их вздорожании бедность переходит в нищету.

<…> Англия, уничтоживши хлебные пошлины,[2] только поступит так, как следовало бы ей поступить 100 лет назад, еще ранее, но прославлять за это не за что.

2. *Предметы нужды <…> для большинства народонаселения*. Хлопчатобумажные произведения, спиртные напитки, пиво. <…> Здесь можно допустить пошлину на тариф чисто фискальный.[3] Здесь дело составления тарифа по соображению и по опыту узнать, на каковые пределы можно более получить пошлины. Разумеется, чем их меньше, то есть чем они слабее, тем более усиливается потребление. В спиртных напитках входит еще защита здоровья, чтоб не покровительствовать пьянству, но чтоб также и не навредить здоровью.

3. *Предметы необходимости для развития народной промышленности*. Все сырые продукты для фабрик и заводов — все или совершенно беспошлинно, или с весьма малой фискальной пошлиной.

4. *Предметы роскоши большинства народонаселения*. Чай, сахар и пр. <…> Здесь пошлина тоже должна быть фискальная. В ней будет заключаться косвенный налог. Она должна быть относительно выше пошлины на предметы 2 разряда, ибо там надобно делать уступку народным привычкам. <…>

5. *Предметы нужд и приволья высших классов*. К пошлине фискальной здесь должно присоединить пошлину покровительственную. Последняя, ободряя развитие народной промышленности, доставляет выгоды народу, взимая косвенные налоги с людей более богатых.

6. *Предметы роскоши*. Непременно высокая пошлина. <…> Косвенный налог здесь оправдывается выгодами, какими пользуются богатые граждане.

Последним или предпоследним § моей статьи должен быть § *Вопрос о свободной торговле и о покровительственной системе не может быть у нас прямо и непременно быть принят в таком виде, в каком он и принимается в Западной Европе.*[4]

Народы Западной Европы росли и развивались одновременно, почти под одними и теми же условиями. Я говорю почти, потому что и там племенные и местные различия ввели многие разнообразия. Там наука политической экономии вышла из самой их жизни. Ее законы извлеклись из законов их развития <…>.

Мы неисповедимыми путями Провидения призваны на деятельность позднейшую. Мы развивались медленнее, шли часто совершенно по другим законам развития <…>. Забыть нам всю историю нашего развития и преобразовать себя вдруг, одним размахом пера хотя бы и науки, было бы бессмысленно.

<…> Горьким опытом можно было бы уже убедиться нам, как вредны скачки в Истории. <…> …противухристианское и противучеловеческое введение *принудительного труда*, убивающего труд и трудящегося, — вот следствия подражательности <…>.

Кто отвергнет, что цель *Петровского преобразования* не была высокая, не была прекрасная, но избравши средством жалкое, мелкое подражание внешности, это преобразование искоренило высоту и истину начал и заставило горько сожалеть о его несчастном существовании и дорого платить за сомнительную непогрешимость. Неужели теперь наука захочет избрать тот же *неудачный путь слепого подражания*!

В Западной Европе, нападая на покровительственную систему, нападают на вопиющую несправедливость, нападают на притеснение слабого впрямую… <…>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 2. № 9. Л. 13 об.—14 об.

[1] Ф. В. Чижов сознавал необходимость выработки таможенного тарифа. Новый тариф был утвержден 3 июня 1868 г. Отвечая в целом принципом свободной торговли, он имел при этом ряд важных особенностей: понижение ввозимых пошлин затронуло в основном сырьевые и потребительские товары с целью поощрения их ввоза, противодействия контрабанде и увеличения таможенного дохода. Достаточно сказать, что в первое пятилетие после 1868 г. таможенный доход государства увеличился более чем на 50% в сравнении с предыдущим пятилетием. Очевидно, что многие из идей Чижова были реализованы в новом тарифе.

[2] Хлебные пошлины были отменены в Англии в 1846 г. Отмена хлебных законов легла в основу новой, еще невиданной в мире хозяйственной политики ограниченной свободы торговли, которая через сто лет стала фундаментом европейской экономической интеграции.

[3] *Фискальный*, т. е. казенный (пошлина, вводимая правительством в целях увеличения поступлений в государственный бюджет, обычно распространяется на импортные потребительские товары).

[4] По убеждению Ф. В. Чижова, Россия в отношении свободы торговли и покровительственной системы должна идти своим путем, не перенимая опыта Западной Европы.

2. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ А. П. ШИПОВА К Ф. В. ЧИЖОВУ 1858 И 1862 гг.

I

1 сентября 1858 г. <Кострома>

От всей души благодарю Вас за присылку двух книжек «Промышленного вестника».[1] <…> Обе я прочел с истинным наслаждением и скажу, что обе книж-

ки драгоценные и должно их иметь как учебник самый наставительный. Лучшим доказательством того, какое на меня сделала влияние первая книжка, служит прилагаемая рукопись,[2] которую, если признаете достойной, то благоволите напечатать в одной из книжек Вашего «Вестника»,[3] я обещаю Вам, если признаете, достойные продолжения.[4] Впрочем, я предоставляю право сокращать, измельчать, прибавлять, уничтожать — словом, делать все, что сочтете нужным, с моими тетрадями.

<...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 61. № 1. Л. 9.

[1] Речь идет о № 1 и № 2 «Вестника промышленности» за 1858 г., издаваемого на средства братьев А. П. и Д. П. Шиповых.

[2] Судьба упомянутой рукописи неизвестна.

[3] Ф. В. Чижов был редактором «Вестника промышленности» (1858—1861).

[4] То есть продолжение присланной Ф. В. Чижову рукописи.

II

15 сентября 1858 г.

Вот еще небольшая тетрадка, заключающая в себе продолжение § 3 моей прежней тетрадки,[1] которую решаюсь послать на благоусмотрение Ваше. <...> Творите из нее все, что хотите, равно как и с предыдущей. Я не литератор, но только патриот в лучшем значении этого слова. Я ищу не известности, а отечеству пользы и страшусь, что эгоизм чуждых наций под видом космополитизма задушит успехи России, в самом их возрождении.

Вы взялись за святое дело и взялись так хорошо, что радует это всех благомыслящих людей. Вторая книжка еще лучше первой.[2] Да поможет Вам Господь <...>.

Пора развязаться этой путанице, которую так искусно запутывает стремление ныне господствующей политики <...>.

Я прошу Вас, обращайтесь с моими тетрадками без церемоний. Я не обижусь никоим Вашим замечаниям, возражениям и даже совершенным браком. Ищу пользы отечеству и потому не хочу пренебречь Вашим взглядом — зная Ваши правила и Ваш образ мыслей и Вашу высокую образованность и Вашу опытность в состязаниях литературных, и особенно в анализе вопросов экономических.[3] <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 61. № 1. Л. 11—11 об.

[1] Прежние материалы, присланные А. П. Шиповым Ф. В. Чижову, содержали сведения о свободном труде, спросе и сбыте, промышленных процессах.

[2] Второй номер «Вестника промышленности» был более содержателен практически по всем отделам. Например, отдел I («Обозрение промышленности и торговли») во второй книжке содержал пять обзоров по разным странам, против четырех в первой.

[3] Ф. В. Чижов ответственно подходил к любому делу: так, прежде чем приступить к редактированию журнала на политэкономические темы, он изучил труды ведущих экономистов того времени: Г. де Молинари, П.-Л.-О. Росси, В. Г. Ф. Рошера, Ж.-А. Бланки, Ч. Бальбо, Т. Фикса.

III

17 сентября 1858 г. Кострома

<...> Поручение Ваше относительно описания завода [1] исполнено аккуратно.

Я полагаю, что нельзя дать посланной Вам статье ту внешнюю форму, в которой она написана. Нельзя ли будет дать ей заглавие: [2] «О различных действиях свободного, обязательного и вообще всякого труда на развитие промышленности как на средства умножения благосостояния народного с приложением этого к России»? <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 61. № 1. Л. 13.

[1] Возможно, речь идет о костромском механическом заводе, который А. П. Шипов основал совместно со своим братом Д. П. Шиповым.

[2] Предложенное А. П. Шиповым название не годилось: оно было слишком длинным. Ф. В. Чижов его сократил: «Влияние на промышленность свободного и обязательного труда». Статья напечатана в «Вестнике промышленности» (1859. № 4).

IV

1 апреля 1861 г. Кострома

Достойнейший и душевноуважаемый Федор Васильевич!

Когда заговорили о министерстве торговли, [1] мы в Москве действительно испугались, чтобы не попало оно в руки злого <...> и мелочного формалиста, и я, а также Дмитрий Павлович [2] переговаривали с Петербургом, откуда нам и прислали то прошение, [3] которое мы послали министру [4] об учреждении <Товарищества> [5] ему по этой части. Когда А. Н. Бутовский [6] узнал, что подписывается такое прошение, он, который ладит для себя это министерство (посудите, как это будет радостно и полезно для торговли), чрезвычайно рассердился, сторожил наше прошение и устроил так, что оно попало в его руки: мы же сделали ту ошибку, что послали прошение по почте, не предупредили тотчас здесь, кого следовало, о том, что посылается оно, дабы министр был предверен [7] о поводе прошения натурально. Бутовский растолковал его по-своему, и министр был недоволен даже. Узнав об этом, я передал все тому лицу, от которого исходило прошение, [8] и это лицо вчера объявилось ответ был: «Очень жалко, что я узнаю это поздно, потому что уже подписал отношение к генерал-губернатору об том, чтоб объявить об отказе на это прошение». Тут же министр узнал, что <я> здесь и потому будет со мной объясняться. — Пожалуйста, достаньте копию об отно-

шении министра к генерал-губернатору. Мне надобно узнать выражения, которые употреблены в отношении. <...> ...Вы скажите купцам, что министр нисколько не сердится, колесо перевернулось, а только между Бутовским и мной завязалась война. Понемногу я выведу этих господ на чистую воду. Но если наши купцы с их боязливостью и <...> будут <отставать> от меня, то я все брошу. К выставке я готов,[9] но надобно, чтоб я не был один, а Бутовского им бояться нечего. Скажите им, что на выставке надобно жаловаться на положение торгующих и выяснить, что должно, а нечего убаюкивать, что все хорошо идет, что ничто не страдает. <...> Передайте, что все это должно быть секретом от Бутовских.[10] Но я думаю нынче же говорить с министром об этом. Напишите мне Ваше мнение. Я не пойду к министру до субботы. Все, что случилось теперь с этим делом, полезно для братьев моих. <...>

<...> надобно усиленно обрабатывать свои коммерческие дела, чтобы не свалиться в общую кашу, в которую уже начали валиться личности весьма почтенные.[11] <...>

Обнимаю Вас от всего сердца. Передайте мой душевный поклон Ивану Кондратьевичу.[12] Возьмите у него мою статью:[13] я ее переделаю, дополню еще фактами и перед выставкой пущу в ход. Надобно непременно показать, что не понимают значения внутренней торговли.

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 61. № 2. Л. 1—2.

[1] Речь идет об образовании Общества для содействия русской промышленности и торговле. В середине XIX в. делами промышленности и торговли ведал Департамент мануфактур и внутренней торговли при Министерстве финансов.

[2] Дмитрий Павлович Шипов — родной брат А. П. Шипова.

[3] Прошение А. П. Шипова об организации Общества для содействия русской промышленности и торговле.

[4] Министром финансов в данное время (с 23.III.1858 г.) был назначен Александр Максимович Княжевич (1792—1872) на место уволенного П. Ф. Брока.

[5] Общество для содействия русской промышленности и торговле.

[6] Александр Иванович Бутовский (1814—1890) — экономист, директор департамента Министерства финансов, сенатор. Противник создания Общества для содействия русской промышленности и торговле. Защищал крепостной строй и помещичью собственность на землю.

[7] Имеется в виду: *предупрежден*.

[8] Упомянутое лицо установить не удалось.

[9] Имеется в виду ярмарка в Нижнем Новгороде, председателем комитета которой состоял А. П. Шипов. Нижегородская ярмарка играла крупную роль в товарообороте России, соединяя волжско-окским водным путем центр страны с Уралом, Сибирью, Закавказьем, Средней Азией и со странами Востока — Ираном, Индией, Афганистаном и Китаем. Судя по письмам и статьям А. П. Шипова, опубликованным в июльской и августовской книжках «Вестника промышленности», в 1861 г. ярмарка проходила в сентябре.

[10] А. П. Шипов не хотел, чтобы расположение министра финансов А. М. Княжевича в отношении открытия Общества для содействия русской промышленности и торговле было известно А. И. Бутовскому и его единомышленникам.

[11] Речь идет о банкротстве многих промышленников, вызванном мировым экономическим кризисом 1857—1858 гг.

[12] Имеется в виду И. К. Бабст (1824—1881), экономист, историк. В журнале «Вестник промышленности» и газете «Акционер» он был соредактором Ф. В. Чижова, вел в журнале отдел «Обзор промышленности и торговли в России».

[13] Очевидно, речь идет о статье А. П. Шипова «О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России», опубликованной в двух книжках «Вестника промышленности» (1861. № 7—8).

V

9 августа 1861 г. Кострома

Прежде всего я должен чрезвычайно благодарить Вас, душевноуважаемый Федор Васильевич. За все то, что Вы прибавили в мою статью, напечатанную в № 7 Вашего журнала,[1] за все то, чем Вы ее украсили <...>.

Вы знаете, что я не лезу в писатели и в ученые, а ищу передать те лица, которые могут, те идеи, которые, как мне сдается, должны на самом деле поправить наши финансовые обстоятельства, я сильно желаю пользы отечеству и считаю себя счастливым, что имею в Вас моего ментора и вместе сотрудника. Я выражаюсь, как умею, с плеча, зная, что Вы все исправите, негодное выкинете и прибавите от себя то, что может еще более уяснить и подкрепить мою мысль. Я желаю иметь влияние на общественное мнение не для славы, не для карьеры, не из видов корыстных, а только для того, чтобы сколько-нибудь помочь отечеству в его бедах, и для того, чтобы парализовать вредное направление. Признаюсь, утешительно для меня то, что наконец я замечаю успехи моих усилий. Но теперь я имею Вам сообщить в этом отношении добрые вести, потому что имею доказательства, что самое влиятельное лицо[2] разделяет наши намерения.

Вчера и сегодня я ехал с министром финансов на пароходе от Нижнего до Казани. <...> Я говорил совершенно откровенно, как с Вами, и наконец дошла речь до моих статей, и я должен был по требованию всей компании читать статьи о значении торговли.[3] Я внутренно тысячу раз благодарил Вас, чувствуя, как сильно действуют на слушающих наши убеждения. Я обещал им всем доставить брошюры, когда Вы напечатаете, как обещали.[4] <...> Потом я должен говорить с большим обществом купцов в Нижнем по поводу вопросов, выводимых из этих брошюр. <...> Не знаю, успели ли Вы напечатать конец моей статьи в августовской книжке,[5] и если успели, то и вся брошюра может быть напечатана. Как бы хорошо было, если бы Вы ее прислали в Нижний поскорее. <...>

Вторая добрая весть: речь зашла об нашем обществе,[6] и министр вынул из портфеля копию с постановления Комитета министерства, которым в конце июля утверждено наше общество с двумя условиями: 1) чтоб общество открылось тогда, когда они соберут 25 000 рублей,[7] 2) чтоб на издание журнала было испрошено разрешение М<инистерст>ва просвещения.[8] <...>

Публикуется впервые по автографу: РГБ. Ф. 332. К. 61. № 2. Л. 3—4.

[1] См. примеч. 13 на с. 607.

[2] Министр финансов А. М. Княжевич.

[3] См. примеч. 13 на с. 607.

[4] Отдельным изданием статья А. П. Шипова вышла в 1861 г.: *Шипов А. П.* О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России. М., 1861.

[5] Окончание той же статьи А. П. Шипова. См. примеч. 13 на с. 607.

[6] Общество для содействия русской промышленности и торговле, созданное в Санкт-Петербурге при содействии А. П. Шипова и Ф. В. Чижова. Общество было открыто лишь спустя несколько лет, в 1867 г., и стало первым всероссийским объединением предпринимателей.

[7] Имеются в виду купцы.

[8] Возможно, речь идет о журнале «Записки Русского технического общества» (1867—1917), ратовавшего за ограничение ввоза заграничных товаров, либо о газете И. Аксакова «Москва» (1867—1868), органе купечества, пропагандировавшем идеи протекционизма.

КАК «ИЗДАВАТЬ ЖУРНАЛ ДЕЛЬНЫЙ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ» (Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова А. В. Головнину о «Журнале Министерства народного просвещения»)

Публикация Д. А. Федорова

11 августа 1862 г. Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения Гиляров был уволен от должности цензора и назначен чиновником особых поручений V класса при министре народного просвещения. Мотивы этого служебного перемещения сам Гиляров отлично сознавал — в письме к гр. А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г. он их сформулировал так: «...неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[1] Чаша начальственного терпения переполнилась, поскольку Гиляров, являясь в течение семи лет правительственным чиновником, тем не менее с каждым годом все более расширял для себя область свободы от обязательных ведомственных инструкций и вел себя все более независимо и демократично, нарушая таким образом неписаный кодекс, предписывавший конфронтацию между литераторами и представителями надзирательных органов с их придирчивой бдительностью и перестраховкой.[2]

Министр народного просвещения А. В. Головнин, по-видимому лично не симпатизировавший своему подчиненному, тем не менее не мог не ценить его знаний и способностей. 14 августа 1862 г. Гиляров получил поручение составить историю Министерства народного просвещения, а 7 февраля 1863 г. он был назначен в Комиссию по пересмотру проекта Устава о книгопечатании и вплоть до 18 мая принимал участие в ее заседаниях в Петербурге. Это последнее поручение сыграло роковую роль: в октябре 1872 г., в письме к А. С. Суворину, Гиляров вспоминал:

> Случилось, однако, что я отвергнул и провалил мнение, поданное одним моим товарищем по поручению министра, при котором я состоял. Дня через три министр мне очень любезно объявил, что место мое, по случаю преобразования, должно остаться *за штатом*.[3]

1 июня 1863 г. он был уволен от службы «в связи с преобразованием центрального управления Министерства народного просвещения».

---

[1] РНБ. Ф. 847. № 378. Л. 10 об.

[2] См. подробнее об этом событии и откликах на него в обществе в статье А. П. Дмитриева «Н. П. Гиляров-Платонов и цензура» в наст. изд., на с. 96—130.

[3] *Из пережитого. 2009.* Т. 2. С. 211.

Публикуемый нами документ относится к периоду, предшествовавшему работе Гилярова над архивными документами Министерства и печатными источниками по его истории, когда он составил обширный план будущего научного труда.[4] В кризисном положении оказался тогда официальный ведомственный орган — «Журнал Министерства народного просвещения» (1803—1917): его материалы отличались слишком узкой специализацией и были скучны и малоинтересны читающей публике, избалованной острозлободневной журналистикой того времени. Несомненно, по прямому поручению Головнина Гиляров изучил состояние дел и составил свою докладную записку. По ее оформлению (отсутствие обращения, сугубо деловой тон, настойчивое требование пойти по самому неприятному для министра пути — изысканию дополнительных финансовых дотаций) видно, что Гиляров и здесь несколько фрондирует.

В свое время, в 1855 г., его сановные покровители уже предлагали ему место соредактора «Журнала Министерства народного просвещения».[5] Есть данные, что теперь, в 1861 г., Головнин снова вернулся к этой идее. Впрочем, параллельно Гилярова уговаривали возглавить редакцию только учреждавшегося тогда официоза Министерства внутренних дел — газеты «Северная почта» (1862—1868), предтечи «Правительственного вестника». 20 октября 1867 г. он писал своему приятелю К. П. Победоносцеву:

> Некогда я отказался от предложения быть редактором даже «Северной почты», журнала официального.[6]

Оба эти варианта были ему не по душе, поскольку превращали его в чиновника, строго следующего указаниям начальства, и закрывали для него возможность творческого участия в обсуждении общественно-политических вопросов. К тому же неизбежен был переезд из Москвы в столь не любимый славянофилами Петербург.

Однако от вторично (в конце 1861 г.) предложенного ему редактирования «Журнала Министерства народного просвещения» Гиляров, судя по всему, поначалу наотрез не отказался. В этом издании был «неофициальный отдел», участвовать в нем можно было пригласить талантливых авторов, которые заполнили бы страницы журнальных книжек «статьями дельными и занимательными». Он пишет докладную записку, где показывает пути, на которых можно было бы возродить ежемесячник. Ответ начальства не замедлил: на тех же листах, где написана Гиляровым его записка, видимо показанная дипломату и востоковеду Егору Петровичу Ковалевскому (1809—1868), брат которого, Евграф, был предшественником в 1858—1861 гг. Головнина, появилось краткое письмо министра, адресованное ходатаю по делам Гилярова. Приводим его целиком:

---

[4] Опубл.: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[5] См. об этом письмо гр. А. Д. Блудовой к Гилярову от 16 октября 1855 г. // РНБ. Ф. 847. № 592. Л. 7.

[6] *Разумевающие верой.* С. 60—61.

18 окт<ября>

Почтеннейший Егор Петрович. Вследствие решительного отзыва м<инист>ра фин<ансов>, что с 1 января не прибавить ни копейки к нашей смете, я нахожусь в весьма затруднительном положении и до 1 января, когда обозначатся остатки от нынешнего года, не могу назначить никакого пособия студентам, издержавшим данные им деньги, и помощникам г. Гилярова. Необходимо ждать.

Предан<ный>
Головнин[7]

Это означало, в сущности, и предварительный отказ министра модернизировать журнал по подсказанной Гиляровым схеме (прежде всего путем увеличения гонораров сотрудникам). Дополнительные обстоятельства и время несостоявшегося назначения Гилярова редактором уясняются из его письма к директору Канцелярии синодального обер-прокурора Н. А. Сергиевскому от 18 января 1862 г. Он писал:

Вы спрашиваете о моем редакторстве. Оно кануло ко дну совершенно; Головнин не счел нужным согласиться с моею запискою, а думает обратить журнал в чисто и досконально официальный.[8]

Важно отметить: содержание докладной записки о «Журнале Министерства народного просвещения» свидетельствует о том, что Гиляров уже внутренне был готов возглавить крупный орган печати, с большим знанием дела он говорит здесь о мерах по увеличению подписки, об улучшении качества публикаций, о гонорарной политике и необходимости сделать издание «дельным и занимательным». Начиная с декабря 1867 г. он начнет применять этот опыт, накопленный в результате цензорского семилетия, на практике — в качестве издателя-редактора частной ежедневной газеты.

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ
<ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА А. В. ГОЛОВНИНУ>

Материальное положение Журнала может быть изображено в следующих немногих словах.

Журнал имеет: а) около семисот обязательных подписчиков, б) с небольшим сто подписчиков необязательных, и сверх того в) постоянного пособия от Министерства по три тысячи рублей в год. Все это, в итоге, составляет около *тринадцати тысяч* рублей.

Из этих средств Журнал должен: а) часть употребить на издержки собственно по напечатанию как официальной, так и неофициальной части; б) часть — на расплату с авторами неофициальных статей, и наконец, в) содержать общую Журнальную обстановку, а именно платить жалованье помощникам редактора, выписывать книги, вести корреспонденцию и пр.

[7] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 26. Л. 2.
[8] РНБ. Ф. 847. № 479. Л. 2.

В дополнение к этому должно прибавить, что подписная цена Журнала — двенадцать рублей, а ежегодное количество листов, им печатаемых, доходит до 225, и из них 200 листов одной неофициальной части.[1]

Для всякого, сколько-нибудь знающего журнальное дело, ясно, что при таком отношении средств к обязательствам, нет возможности издавать журнал дельный и занимательный, и не может быть надежды на его успешный ход. По общему расчету, употребительному в журнальном деле, редакционных расходов, во всей их сложности, полагается обыкновенно до ста рублей на лист. Коль скоро количество собираемой суммы не доходит до этой пропорции, журнал обыкновенно или идет в убыток, как, например, издавалась с огромным убытком «Русская беседа»,[2] или как с убытком издаются «Вестник промышленности»[3] и «Русская речь».[4] Или же журнал принуждается наполнять свои листы статьями даровыми либо ничтожно оплачиваемыми. Но в этом последнем случае окончательный результат всегда бывает тот, что журнал чрез несколько времени необходимо прекращается: ибо дешевое приобретение статей находится в обратном отношении к дельности и занимательности журнала, а следовательно, и к числу подписчиков, иначе — к количеству собираемой за журнал суммы. Помещая дешевые статьи, журнал, именно вследствие того самого, будет все более и более терять и без того немногих подписчиков и дойдет, наконец, до невозможности покрывать даже простые издержки печатания.

Почти в таком положении стоит теперь и Журнал Министерства. Соразмерно с своими средствами, он платит теперь средним счетом по тридцати рублей за лист своим сотрудникам. Эта плата столь незначительна в сравнении с употребительною в других журналах,[5] что, естественно, к Министерскому Журналу могут притекать только статьи ничтожные по своему содержанию и по количеству потраченного на них труда. А при продолжении такого порядка не только нельзя надеяться поднять Журнал, напротив, должно ожидать, что он будет падать все ниже и ниже и поведет Министерство к бóльшим и бóльшим передержкам.

Очевидно, что для поднятия Журнала возможно только одно средство — возвышение платы сотрудникам; и именно должно определить, чтобы гонорарий, средним числом, был не 30, а 50 рублей с листа. Тогда (если притом редактор выбран будет внимательный, энергический и с направлением) Журнал наполнится статьями дельными и занимательными; а с тем вместе будет прибавляться и число подписчиков, которое наконец возрастет до соразмерности получаемой с них суммы с самими издержками на журнал.

Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 26. Л. 1—2.

[1] Выделение в «Журнале Министерства народного просвещения» двух частей: официальной и неофициальной — началось с июльской книжки 1860 г. (ч. 107). При этом издание вплоть до январского номера за 1862 г. (ч. 113) выходило в отдельных обложках с параллельной нумерацией частей. Со следующей, февральской, книжки официальная и неофициальная части журнала объединились и выходили в одной обложке.

[2] О финансовых проблемах, тяготевших над издававшимся А. И. Кошелёвым журналом «Русская беседа» (1856—1860), см. материалы сборника: «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. (Славянофильский архив; Кн. I).

[3] «Вестник промышленности» выходил в Москве ежемесячно с июля 1858 г. по 1861 г. под редакцией Ф. В. Чижова и И. К. Бабста на средства меценатов-промышленников. Гиляров цензуровал этот журнал. См. о нем подробнее в преамбуле к публикации И. А. Сурниной в наст. изд., на с. 599—601.

[4] Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Русская речь» издавался в Москве писательницей Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгенией Тур) с января 1861 г. в течение 13 месяцев, выходил раз в 2 недели. Издание прекратилось в связи с эмиграцией Е. Тур, за которой был установлен негласный полицейский надзор.

[5] Характерный пример: в журнале «Библиотека для чтения» еще в 1834 г., при его основании, была, как известно, установлена полистная плата авторам — 200 руб., а для знаменитых писателей гонорар за лист мог превышать 1000 руб.

«МЫ С ВАМИ — ПОСЛЕДНИЕ МОГИКАНЕ...» (Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г.) *

Публикация Д. А. Бадаляна

С именами двух последних славянофилов, двух издателей и редакторов московских газет И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова связана попытка создания новой крупной универсальной газеты, которую они было предприняли в 1884 г. Историю ее можно отчасти реконструировать по дошедшим до нас письмам и документам.

На рубеже 1883—1884 гг. у газеты Гилярова «Современные известия» возникли серьезные финансовые трудности. Оказавшись в долгах, ее редактор-издатель даже был готов продать свое предприятие. Узнав об этом, Аксаков, редактор-издатель газеты «Русь», писал 21 марта Гилярову:

> Жаль, конечно, газеты, где 18 лет сряду раздавалось всегда умное, оригинальное и всегда искреннее, честное слово, всегда *независимое*, газеты одного знамени с моими изданиями <...> прекращение «Современ<ных> известий» — в известном смысле наше общее поражение и является скверным симптомом современного состояния русского общества. Я ведь и сам еле дышу: у меня расходится не более 2300 экз<емпляров>: это крайний минимум, за чертою которого убыток уже для меня невозможен. [1]

Судя по публикуемому нами ответному письму Гилярова к Аксакову, его автор предлагал приобрести свое издание А. С. Суворину, но тот никак на это не отреагировал. Уже после этого Гиляров предложил себя Суворину в качестве обычного журналиста издаваемой им газеты «Новое время». Суворин сообщал об этом в письме к Аксакову 14 февраля 1884 г.:

> Я получил от Гилярова письмо странное: он говорит, что ему осталось только «искать приюта на столбцах “Нового времени”», и он просит принять его в число сотрудников газеты, определить *род* его участия и гонорар. Бывши в Петербурге недавно, он говорил о возможности остаться не причем, но я не думал, что он говорит серьезно. В этом смысле я ему отвечал и не знаю как мне поступить. «Новое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-04-00206а («Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1860—1886)»).

[1] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 441.

время» так переполнено благодаря закрытию «Голоса»,[2] что это тяжело ложится на бюджет газеты, не принося почти ничего...[3]

Отметив, что в качестве сотрудника Гиляров «может быть тяжел для газеты», Суворин в этом же письме все-таки спросил о нем мнения Аксакова. И тот отвечал ему 17 февраля:

> Как сотрудник срочный или обязанный поставить статью к такому-то часу — Гиляров не годится, слишком для этого нервен и капризен, — но, конечно, его свободное сотрудничество может только украсить всякое издание: его статьи всегда будут выдаваться оригинальностью мысли, умом, дарованием и логичностью изложения.[4]

После этого, 20 февраля, Суворин предложил издателю «Современных известий» такие условия сотрудничества, которые тот счел неприемлемыми.[5]

Примечательно, что еще в письме от 17 февраля Аксаков рассказывал Суворину о купцах, затевающих «издание газеты для специальной защиты интересов русской торговли и промышленности», которым он рекомендовал Гилярова.[6] Однако из слов самого Гилярова можно понять, что первоначально эти купцы предложили возглавить создание новой газеты именно Аксакову, но тот отказался.[7] Уже после этого, по его совету, купцы обратили внимание на гиляровские «Современные известия». Зашла речь о покупке газеты, которая в этом случае превратилась бы в новое издание. Возглавить его должен был Н. В. Васильев, журналист «Московских ведомостей», готовивший в них передовые статьи по финансово-экономическим вопросам. Васильев обсуждал эту возможность с Гиляровым, но договориться они так и не смогли. 17 февраля Аксаков рассказывал Суворину:

> Переговоры еще не кончились, но вряд ли к чему приведут. Со стороны Гилярова велик денежный запрос, чуть ли не свыше 100 тыс<яч> руб<лей> (с типографией), со стороны покупщика требования не лестные для самолюбия: покупается газета с имеющимися подписчиками с тем, чтоб самое название «Современные известия» упразднить и самого Гилярова совсем за борт.[8]

---

[2] Петербургская либеральная газета «Голос» выходила с 1863 г. 13 февраля 1883 г. ее издание было приостановлено цензурой на шесть месяцев. После окончания этого срока в свет вышел единственный номер от 7 февраля 1884 г. Однако министр внутренних дел гр. Д. А. Толстой закрыл газету «вследствие невыхода ее в течение года» (*Сонина Е. С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 124).

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 588. Л. 11.

[4] Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л.: Гос. Публ. б-ка, 1927. С. 16—17.

[5] См. подробнее: *Письма к Романову-Рцы*. С. 281, 284—285.

[6] Письма русских писателей к А. С. Суворину. С. 16.

[7] В письме к Аксакову от 18 сентября 1884 г. Гиляров отметил: «Васильев был намечен уже после того и потому, что Вы отказались» (наст. изд., с. 624).

[8] Письма русских писателей к А. С. Суворину. С. 16.

Более месяца спустя, около 22 марта, и Гиляров в письме к Аксакову признавал, что «с Васильевым решительно ничего нельзя было устроить» (наст. изд., с. 621).

В следующие месяцы переговоры о газете возобновились, но уже не с Васильевым, а непосредственно с купцами. Вопрос о новом предприятии обсуждался на Макарьевской нижегородской ярмарке, так как купечество, судя по рассказу Гилярова нижегородскому генерал-губернатору Н. М. Баранову, желало, чтобы «орган с русским направлением был голосом не Москвы только, а всей России».[9] Среди потенциальных учредителей солидной ежедневной газеты выступал ряд крупных московских финансистов, торговцев и заводчиков. По письмам Гилярова и Аксакова видно, что в их числе были И. А. Лямин,[10] Т. С. Морозов,[11] П. В. Осипов[12] и предприниматели подобного масштаба. Они составили «комиссию по изданию новой газеты» — так называл ее Лямин, который и возглавил ее. Надо заметить, что и здесь, наверняка, не обошлось без посредничества Аксакова, которого с 1860-х гг. связывало тесное знакомство с Морозовым и Ляминым. Они были в числе учредителей возглавляемой в 1867—1868 гг. Аксаковым газеты «Москва», а затем одними из учредителей Московского общества взаимного кредита, в котором Аксаков с 1869 г. являлся членом правления и потом — его председателем.

Новый проект в отличие от того, что рассматривался в феврале-марте 1884 г., подразумевал создание мощной ежедневной газеты во главе с Аксаковым и Гиляровым. Последний так комментировал эту ситуацию в 1887 г. в письме к Баранову:

---

[9] РНБ. Ф. 847. №. 370. Л. 2. В 1884 г. Нижегородская ярмарка проходила с 15 июля по 25 августа.

[10] Иван Артемьевич Лямин (1822—1894), купец 1-й гильдии, основатель и владелец товарищества «Покровская мануфактура»; в 1865—1868 гг. председатель Московского биржевого комитета; учредитель и в 1870—1891 гг. председатель совета Московского купеческого банка; с 1885 г. действительный статский советник. В 1863—1894 гг. гласный Московской городской думы, в 1871—1873 гг. московский городской голова. По словам Б. Н. Чичерина, выступая на общественном поприще, Лямин «говорил наизусть речи, которые писал ему Аксаков» (*Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Земство и Московская дума. М.: Север, 1934. С. 176).

[11] Тимофей Саввич Морозов (1823—1889), купец 1-й гильдии, основной владелец, директор-распорядитель и председатель правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», один из основателей и член совета Московского купеческого банка, в 1868—1876 гг. председатель Московского биржевого комитета; в 1866—1876 гг. гласный Московской городской думы.

[12] Павел Васильевич Осипов (1824—?), инициатор учрежденного в 1872 г. Общества коммерческого кредита (председателем совета которого был Т. С. Морозов); в 1882—1891 гг. председатель ярмарочного комитета Нижегородской ярмарки; совладелец крупной старообрядческой фирмы «Торговый дом “П. Осипов с сыновьями и И. Копанев”»; гласный Московской городской думы.

Предлагали редакцию Аксакову; тот отказался, но потом, уговоренный мною, согласился было издавать совместно со мною.[13]

Будущую газету Гиляров кулуарно называл «русский “Times”» —прежде так порой величали крупнейшую русскую газету «Голос» (максимальный тираж ее составлял 25 тысяч экземпляров). Судя по сохранившемуся в черновике проекту, Гиляров и видел ее аналогом самых солидных столичных газет — «Нового времени» и того же «Голоса». Он даже рассчитывал с помощью потенциальных издателей проложить для газеты собственную телеграфную линию из Петербурга в Москву. Прежде такой линией обладала лишь газета «Московский телеграф», тайно финансировавшаяся «Священной дружиной».

Как полагал Гиляров, новое издание должно было стать таким, чтобы «с ним нашло необходимым считаться правительство, прислушивалось к нему общественное мнение не только России, но и Европы». Этой цели он надеялся добиться, имея опорой московских капиталистов, которых считал «центральной экономической силой России». Однако для задуманного издания одних только мощных учредителей было мало.

Нужна умелая рука, — подчеркивал Гиляров, — чтобы образовать журнальный механизм, и нужно имя, достаточно веское в глазах правительства, достаточно громкое, чтобы свидетельствовать о знамени, наконец, способное привлечь к участию солидные умственные силы. В последнем отношении неизбежны Вы, — писал он Аксакову, — мое имя, положим, в России известно, но этого мало. Ваше имя — Европейское, что и требуется (наст. изд., с. 628—629).

Для Аксакова, к тому времени уже изрядно утомленному напряженным трудом в собственной «Руси», немаловажным аргументом могло служить заверение Гилярова, что в этой газете ему не придется «осуждаться на каторжную работу». Наконец, выдвигались доводы и нравственного порядка.

Мы с Вами — последние могикане, дорогой Иван Сергеевич. Поймите, что после нас поле пусто, — убеждал Гиляров и затем спрашивал: — Когда представляется случай организовать направление, обеспечить его бытие, Ваше уклонение, не будет ли преступлением против долга? (наст. изд., с. 629).

Аксаков, принимая предложение, по собственному его признанию, думал не о выпуске совершенно нового издания, а о превращении его «Руси» (в 1880—1882 гг. выходившей еженедельно, а в 1883—1884 гг. — два раза в месяц) в ежедневную газету, где они с Гиляровым стали бы соредакторами. Однако тот стремился к учреждению совершенно нового издания. Он предлагал:

«Русь» оставить как она есть. Еженедельный или двухнедельный орган при ежедневном не лишний (наст. изд., с. 623).

По сохранившимся документам, можно предположить, что на протяжении сентября Аксаков колебался в принятии решения. Отвечая на письмо Гилярова,

[13] РНБ. Ф. 847. №. 370. Л. 2.

он 19 сентября заявил: «...оставим этот прожект в стороне. Тем более что и собирать, отыскивать людей теперь уже не время» (наст. изд., с. 626). Интересно, что Аксаков объяснял это решение не только внешними обстоятельствами, но и особенностями характеров как самого себя («человек не политический», т. е. не любящий компромиссов), так и Гилярова («мысль ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна»).

> При таких наших с вами свойствах, — рассуждал он, — я сомневаюсь в колоссальном успехе газеты, какой вам мерещится. <...> Да и затевать совершенно новый орган, новую газету — это уже не по нашим летам, по крайней мере, не по моим; обольщаться надеждою на ее успех, после опыта всей жизни, я уже не в состоянии. Во мне поэт и лирик всегда мешали и вечно будут мешать практику и организатору, в вас — отвлеченный мыслитель и диалектик. [14]

Кроме того, редактор «Руси», хоть и не стал говорить об этом в лицо самому Гилярову, знал за своим старинным товарищем склонность увлекаться разными авантюрными проектами. К примеру, Аксаков рассказывал о нем в письме Суворину 17 февраля 1884 г.:

> ...подкосила его главным образом бумажная фабрика, которую он как-то «необыкновенно выгодно» купил, где затеял какую-то «особенную плотину» своего изобретения, и т. д. Вся беда в его притязаниях на *практичность*, на универсальность его дарований, когда он силен только в вопросах отвлеченных, преимущественно в области философии, богословия, филологии и т. п. [15]

Да и Суворин заметил в письме к Аксакову:

> Гиляров кажется невозможный администратор, хотя думает, что он администратор отличный. [16]

Возможно, что после получения ответа от Аксакова, Гиляров снова попытался уговорить его, и тот на некоторое время изменил свою позицию. По крайней мере, обращаясь 28 сентября с письмом к Лямину, Аксаков не отказывался от руководства газетой. Однако 5 октября он уже заявил об этом Лямину. Гиляров позднее писал, что расстроила их общие планы «мелочная случайность». [17] Судя по публикуемому письму Лямина к Аксакову от 6 октября, последний окончательно отказался от участия в газете, когда столкнулся с равнодушием членов

---

[14] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442—443. Характерно, что еще в марте 1870 г., когда Аксаков надеялся начать издание нового еженедельника, Т. И. Филиппов наставлял его в письме: «На успех, вроде Катковского, Вам рассчитывать нельзя; Ваше дело — долг и подвиг! Всякому своя часть» (**«**Иван Аксаков и фанатики-фанариоты». I. Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870—1885) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2006. № 1. С. 127**)**.

[15] Письма русских писателей к А. С. Суворину. С. 16. Писчебумажная фабрика, о которой идет здесь речь, была приобретена Гиляровым в 1873 г. за 50 тысяч рублей. Позднее продана за долги (см.: *Письма к Романову-Рцы*. С. 284).

[16] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. №. 588. Л. 12.

[17] РНБ. Ф. 847. №. 370. Л. 2.

комиссии к «помощи галичанам». Скорее всего, под ней подразумевалось предоставление крупного кредита испытывавшему острый кризис галицкому банку «Рольничо-кредитное заведение», от которого в то время зависела судьба многих галичан.[18] Вероятно, под действием тех же впечатлений Аксаков заметил 2 октября в письме к своей сестре М. С. Томашевской: «...у нас общество, включая сюда и купцов, очень стало равнодушно к интересам внешней политики», а далее, говоря, что Москва переродилась, он добавил: «преобладающий в ней клан — купечество — совсем не литературный».[19] Отказ Аксакова, ключевой фигуры всего проекта, на деле означал крушение этого замысла.[20]

Русская газета, аналог «Times», о которой мечтал Гиляров, так и не увидела свет. Правда, в 1885 г. ряд купцов, среди которых были Т. С. Морозов и его внучатый племянник Д. И. Морозов,[21] начали издание газеты «Голос Москвы», которую поначалу редактировал Васильев. Однако она была гораздо скромнее задуманного Гиляровым прожекта и просуществовала лишь до февраля 1886 г. Ни он, ни Аксаков не имели к ней отношения. Оба они продолжили издавать свои прежние газеты,[22] пока смерть — Аксакова в январе 1886 г., а Гилярова в октябре 1887 г. — не прекратила выход их «Руси» и «Современных известий».

Письма Аксакова, Гилярова и Лямина, а также черновики писем Гилярова публикуются по автографам и копиям, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Автор благодарит заведующего Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН А. П. Дмитриева за дружескую помощь в подготовке этой публикации.

1
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — АКСАКОВУ

<Около 22 марта 1884 г.>[1]

Да, любезнейший Иван Сергеевич, материальное положение мое до того ужасно, что истинно говорю, я боюсь не пережить его; во всяком случае, боюсь

---

[18] См. примеч. 1 на с. 634—635.

[19] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. №. 56. Л. 41 об.—42.

[20] Приведенные здесь документы опровергают утверждения М. Д. Суслова о том, что «в 1884 Аксаков вынашивал план передать “Р<усь>” Н. П. Гилярову-Платонову» и его “сделка” с купцами не состоялась «из-за разногласий по вопросу о степени редакторской свободы» (*Суслов М. Д.* «Русь» // Русский консерватизм середины XVIII — начала XIX века. Энциклопедия / Ред. В. В. Шелохаев и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 441).

[21] Давид Иванович Морозов (1849—1896), председатель правления Компании Богородско-Глуховской мануфактуры, строитель железной дороги Москва-Богородск.

[22] Гиляров все же избежал закрытия своей газеты, хотя в 1884 г. наступил момент, когда он начал было писать статью, сообщающую о приостановке ее «на некоторое время» (*Письма к Романову-Рцы.* С. 283).

потерять рассудок. Много силы воли требуется, чтобы задержать начинающееся расстройство (в виде «страха преследования», известной первой степени сумасшествия). И всего ужаснее то, что дело мое не то что вовсе бы непоправимо. Газета может существовать и при теперешнем скудном числе подписчиков и покупателей; мало того — она должна дать до 20 000 дохода. Но у меня нет кредита: вот та беда, от которой я погибаю и от которой не сегодня, завтра, я буду более нежели нищим, буквально без крова и куска хлеба и с неоплатимым долгом. В 1875 году тоже было, если не хуже, но кредит не был подорван. А это обстоятельство, то есть подорванный кредит, служит между прочим причиной и скудного расхода экземпляров газеты. Одним из фондов в прежние времена служила для меня подписка газетных продавцов. Но помимо успеха «Московского листка», [2] газетные продавцы утратили веру в будущность, то есть в прочность моей [a] газеты; а это отзывается для меня уже десятком и более тысяч рублей. Целый прошлый год и нынешний постоянно слышишь: «Спрашиваем “Современные”, а их у разносчиков нет». Нет, потому что розничные подписчики не [b] подписываются, боятся, а это единственный способ для газетной продажи. [c] Торговцу нет расчета покупать в редакции: он получает прибыль, только покупая у оптового, который ему делает значительную уступку и сверх того отпускает в кредит, чего редакция не может.

По осени один из моих корреспондентов, крестьянин, пишущий «из старообрядческого мира», писал мне приблизительно следующее: известно, что дела «Современных известий» не блестящи, и мы (т. е. старообрядцы) об этом рассуждаем; [d] он [e] советовал мне обратиться к Солдатенкову [3] за долгосрочным кредитом, указывая мне, что по их убеждению (совершенно основательному), «Современные известия» — единственный дельный орган, который берет их (т. е. старообрядцев) сторону, [f] хотя и не кадит им, и что в их интересах поддержать меня. Я отвечал, что не могу исполнить совета, потому что уверен в отказе. Но долгосрочный кредит действительно не только спас бы, но воскресил бы меня, как это было в 1875 году. Но кредита этого не могу найти, почему и отправлялся (безуспешно) к Бунге. [4]

В те времена, то есть девять лет назад, нашелся не благодетель, но до известной степени рассудительный человек, который ссудил меня значительной таки суммой, под обеспечение доходом от публикаций. Это был Ланин, теперешний издатель «Курьера». [5] Теперь я сколько ни метался, не мог ни чрез кого устроить такую сделку: она возможна была бы в Петербурге, но не в Москве, где капита-

---

[a] *Слово вставлено над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: подписчики не.

[c] *Слово вставлено над строкой.*

[d] *Далее зачеркнуто*: и.

[e] *Слово вставлено над строкой.*

[f] *Слова* берет *и* сторону *подчеркнуты* (*вероятно, позднее*) *карандашом, тем же карандашом это место отмечено и на полях.*

листы наших дел не разумеют, хотя помещение денег под такого рода обеспечение и представлялось бы более верным, нежели многие другие.

С Васильевым[6] решительно ничего нельзя было устроить. В конце концов я предлагал по крайней мере типографию; он потребовал счета, который бы показал фонд,[a] получаемый типографиею, при предположении, что редакция и типография два отдельных хозяйства. Счет был ему доставлен, но ответа никакого не последовало.

Меня *совершенно* восстановил бы долгосрочный кредит тысяч на тридцать и даже на двадцать пять, пожалуй (с постепенной уплатой года в четыре или пять): а тысяч пятнадцать, если не восстановили бы вполне, то спасли бы меня, отвратили опасность неизбежной остановки. Остановка неизбежна потому именно, что я существую текущими доходами, покрывая ими все издержки, даже на бумагу, которую покупаю ежедневно на наличные. Хотя это доказывает, что, стало быть, газета может существовать, когда три месяца держится исключительно на текущие доходы, Вы понимаете, составляющие наименьшую часть[b] дохода вообще. Но Вы понимаете также, что случись недобор в доходах, и газета поневоле остановится. Таково положение теперь. Лишний десяток, не говорю сотня, рублей спасает меня на следующий день; недостаток даже лица, и должна последовать остановка.[7] Но наконец нет сил, я измучился. Я ломаю голову, к кому бы обратиться и не нахожу. Я писал между прочим к Суворину: чтобы ему вместо того чтобы иметь предохранительный клапан в виде «Русского дела», не взять мою газету?[8] Я уверен, можно бы тогда сбить и Пастухова.[9] Суворин обошел это предложение молчанием.

Крупные кредиторы мои все согласны ждать, но под условием продолжения дела, конечно, ибо одно оно представляет источник возможного удовлетворения. Но его-то не могу вести без экстренной помощи: следовательно, я должен гибнуть и идти на скандал еще не слыханный, ибо не бывало примера, чтоб столь обдержавшееся издание рухнуло. Бывали и у других положения еще худшие, и у «Русских ведомостей» и у «Новостей» и у «Сына отечества».[10] Они выстаивали, потому что наладили поддержку.

За что меня не любят купцы? Это я слышу не от Вас одних. Как бы старообрядцам действительно не поддержать меня, то есть не меня, а издание, которое я передал бы потом с величайшим удовольствием кому угодно, но которое всетаки есть место насиженное, способное не только существовать, но давать доход.[c] Нет, какое-то роковое несчастие, какое-то словно проклятие висит над моим делом, вдобавок по неволе даже начатом.[11]

Ваш *Н. Гиляров*.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 22—24. На л. 22 поздняя помета карандашом: «1884».

---

[a] *Далее зачеркнуто*: ти<пографии>.

[b] *Слово вставлено над строкой.*

[c] *Возле этой фразы имеется поздняя карандашная помета на полях.*

[1] Датируется на основании того, что это письмо, очевидно, является ответом на послание Аксакова к Гилярову от 21 марта 1884 г., которое начинается словами: «Неужели до того дошло, любезнейший Никита Петрович? <...> Как-то Вы распутаетесь? Личное Ваше положение меня озабочивает, т. е. материальное» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 440—441).

[2] Выходившая с 1881 г. газета «Московский листок» в короткий срок стала крупнейшим бульварным изданием Москвы и серьезным конкурентом другим московским ежедневным газетам, в том числе и «Современным известям». Гиляров утверждал, что «от неожиданного разрешения двух уличных листков» (к которым он, несомненно, относил это издание) его газета потеряла свыше 40 тысяч дохода (*Письма к Романову-Рцы*. С. 280), а в сентябре 1882 г. писал, что из-за «Московского листка» его издание потеряло подписчиков на 30 тысяч рублей (Там же. С. 285).

[3] Козьма Терентьевич Солдатёнков (1818—1901), купец 1-й гильдии, один из основателей и с 1857 г. член правления «Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий», с 1858 г. член правления Московского страхового от огня общества, с 1869 г. член совета Московского учетного банка, один из основателей мануфактурных фирм «Товарищество Гюбнера Альберта» (1871), «Товарищество Эмиль Циндаль» (1874), «Товарищество Даниловской мануфактуры (1876), пайщик Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» (1873); член Коммерческого суда (1854—1858), член и старшина Московского биржевого комитета (1855—1858); в 1863—1873 гг. гласный Московской городской думы. Старообрядец Солдатёнков с начала 1850-х гг. сблизился с московскими западниками, а с 1856 г. занимался издательской деятельностью. В частности, издавал произведения В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, в 1862—1864 гг. финансировал издание А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым газеты «Общее вече». В 1861 г. устроил для старообрядческого епископа Коломенского Пафнутия (Овчинникова) поездку в Лондон и встречу с Герценом.

[4] Николай Христианович Бунге (1823—1895), ученый-экономист, финансист, с 1881 г. министр финансов. Гиляров просил у него о государственном кредите под залог недвижимости, но, как рассказывал он, получил «решительный отказ, основанный на формальностях, которые для всякого были бы обойдены» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 280).

[5] Николай Петрович Ланин (1832—1895), купец 1-й гильдии, основатель и владелец завода искусственных и минеральных вод, магазина «Ланинские воды», выборный Московского биржевого общества (1876—1879), гласный Московской городской думы (1869—1892), публицист, с конца 1880 г. издатель, а затем и редактор либеральной московской газеты «Русский курьер».

[6] Николай Васильевич Васильев. См. о нем в вводной статье. С 1860-х гг. сотрудник «Московских ведомостей»; в 1870-е гг. бухгалтер и библиотекарь Московской практической академии коммерческих наук. В 1885 г. ушел из газеты «Московские ведомости» на должность редактора-издателя газеты «Голос Москвы», однако в 1887 г. М. Н. Катков вновь принял его на работу в «Московские ведомости».

[7] В 1884 г., возможно, после этого письма, Аксаков предоставил в долг Гилярову некую сумму, за которую тот рассчитался публикацией в «Руси» отрывка из своих воспоминаний «Урезанный документ» (Русь. 1884. 1 окт. № 19. С. 33—41). Об этом можно судить по письму Аксакова к Гилярову, датируемому нами: после 16 декабря 1884 г. (см.: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 447). А во второй половине ноября (датировка наша) Аксаков предложил Гилярову публиковать в «Руси» статьи «неудобные для “Современных

известий”» за гонорар, который тот сам себе определит (Там же. С. 446). И, действительно, в 1884—1885 гг. Гиляров сделал в аксаковской газете еще четыре публикации.

[8] В январе 1882 г. Суворин получил разрешение издавать в Москве ежедневную газету «Русское дело», но так и не воспользовался им. См. письмо В. С. Россоловского Аксакову от 25 января 1882 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 524. Л. 18 об.).

[9] О Н. И. Пастухове см. примеч. 86 на с. 380. Во второй половине 1870-х гг. он сотрудничал в газете «Современные известия», откуда ушел, став издателем-редактором «Московского листка».

[10] «Русские ведомости» и «Новости», крупнейшие на тот момент ежедневные либеральные газеты Москвы и Петербурга, издавались с 1863 и 1872 гг. (соответственно); «Сын отечества», ежедневная либеральная газета, выходила в Петербурге с 1862 г.

[11] В 1867 г. издатель и литератор Н. А. Основский попросил Гилярова, как рассказывал позднее последний Суворину «1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трех статей в месяц. Деньги на издание были обещаны. Но случилось — все пуф, и издание все оказалось на моих плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к А. С. Суворину: <Автобиография 1872 г.> // *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 212).

2
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — АКСАКОВУ

18 сентября <1884 г.>

Я не совсем взял в толк, что Вы третьего дня предложили. Я понял только, что Вы готовы были бы преобразить «Русь» в ежедневную газету с моим соредакторством. Но при этом Вы упомянули имя Васильева в связи с именами Воейкова [1] и Морозова. [2] В это я не совсем вник.

1. Если Вы намекали на соредакторство Васильева, то оно совершенно невозможно, как по его бездарности, по отношениям к Каткову, так и по отношениям к нему, могу смело ручаться, большинства капиталистов. Если газета, задуманная ими, и тормозится, то именно потому, что они не знают, как отделаться от Васильева.

2. Я немного затрудняюсь вот чем. Полная независимость Ваша, само собою разумеется, должна предполагаться и быть выговорена. [3] Но две вещи разные: превращение «Руси» в ежедневный орган или основание нового органа. Дело не в названии, а в том, что капиталисты должны приступить к готовой программе, которая не имела в виду специальной цели, которая есть для них главная. Позволяю себе прибавить, что сделка будет иметь и не совсем красивый вид как бы субсидий Вашему журналу. Как прежде я писал, я бы предполагал: «Русь» оставить как она есть. Еженедельный или двухнедельный орган при ежедневном не лишний. За внешнюю организацию редакции не беспокойтесь; ее можно устроить, и Ваши отлучки не помешают.

3. Все вышесказанное я говорю в предположении, что будет основан грандиозный орган. А только такой и может иметь успех; не внешний только, но и успех в смысле влияния и давления. Насчет непобедимости Каткова я с Вами не совсем согласен. Катков берет не столько газетою, сколько личными отношениями.[a] Орган, каким я его предполагаю, упорным долблением сильно ослабит эту монополию влияния, если не сокрушит ее совсем.

Пишу Вам, не говорив еще ни с кем. Но заключаю:

Все дело в Вашем имени. Лишь только бы получить Ваше согласие, все отладится. Всякие предположения кандидатур вроде Васильевских должны быть откинуты. Васильев был намечен уже после того и потому, что Вы отказались. Это условие падает, падает и Васильев.

Меня беспокоит одно: поздно; трудно повернуться в остающееся короткое время.

Ваш *Н. Гиляров-Платонов*.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 28—29 об.

[1] Дмитрий Иванович Воейков (1843—1896), земский деятель, публицист, автор статей в «Руси», а также в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях»; в 1880 г. правитель канцелярии нижегородского генерал-губернатора графа Н. П. Игнатьева, в 1881—1883 гг. правитель канцелярии МВД.

[2] Т. С. Морозов. См. примеч. 11 на с. 616.

[3] Принимая в 1867 г. руководство газетой «Москва», которую финансировали московские предприниматели, Аксаков также поставил условием свою независимость как редактора (см.: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 130, 134—135).

3
АКСАКОВ — ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

<19 сентября 1884 г.>[1]

Да, это совершенно верно, я думал не об основе совершенно нового органа, но о превращении «Руси» в ежедневную газету. Об этом меня часто просили мои подписчики, — многие вообще. Понятное дело, что для ежедневного издания нужны иные средства, чем для еженедельного или двунедельного, — и эти средства заимствуются — под условием, чтоб в газете был постоянный экономический отдел, что вообще желательно и вполне прилично. Такая газета, без сомнения, не могла бы назваться *органом купечества*, *ихним* изданием — и сохранила бы полную независимость. В то же время она бы упраздняла для купцов необходимость в особой купеческой газете, потому что все истинно законные и разумные интересы русской торговли и промышленности имели бы несомненно в «Руси» искреннюю, горячую защиту. На долю же «купеческой газеты», если б

[a] *Вся фраза подчеркнута карандашом, вероятно, позднее.*

таковая, независимо от «Руси», основалась, досталась бы защита лишь самых узких и эгоистических интересов. Но так как я отягощаюсь издательством даже теперешней «Руси», то я и предлагал Вам взять все бремя на себя, предоставляя Вам, пожалуй, и бóльшую часть выгод, если таковые будут; за собой же оставлял право veto и вообще охранения своего имени и т. п., помещения статей, когда вздумаю, и т. д. — Но Вы правы, во-1-х, что теперь уже поздно; во-2-х, хотя это еще надвое — что такая комбинация многим капиталистам будет, пожалуй, не по нутру, так они не будут чувствовать себя хозяевами, да и редактор — не *нанятой*, а такой, с которым нужно соблюдать всякие церемонии вежливости. Впрочем, не все такие капиталисты. Тимоф<ей> Сав<вич> Морозов, например, ничего бы другого и не желал, как *моей* ежедневной газеты, которая бы к своей общей программе присоединила и экономическую. Но он ведь стоит в купечестве почти особняком, в ссоре с Найденовым,[2] не участвует в Биржев<ом> комитете[3] и т. д.

О Васильеве я Вам говорил в том лишь смысле, что о нем разбивается купечество на две партии. По какой бы то ни было причине — он им жалок: «сманили приказчика от хозяина, а место ему не дали»: вот выражение, которое я сам слышал от Петра Ив<ановича> Санина.[4] Как редактор экономич<еского> отдела он несомненно удовлетворил бы купцов.

Вы же не удовлетворите — потому что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, — потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в тоже время радикальна. Вам под стать написать: «новые начала политической экономии» — целый трактат, и его оценят прежде всего германские ученые. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, — что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего — на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он несомненно стоит выше и меня и вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, — слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр<имер>, это — «альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей». Вы говорите о «личных отношениях Каткова». Но откуда же взялись эти личные отношения у сына кастелянши, хотя бы и дворянского происхождения? Он сам себе создал их. Захотел — и создал. Вы же — наделаете тысячу неловкостей, то обругаете лучшего человека в Москве Щербатова,[5] то Сергея Третьякова[6] — очень милого, хотя и ничтожного человека, и обругаете самым неприличным образом, — и т. д. Я тоже с своей стороны «человек неполитический», как выразилось однажды «Новое время». Нужно бы раза три в год съездить в Петерб<ург>, я уже три года в нем не был.[7] У Государя не только аудиенции не просил, но даже с воцарения его ни разу ему не представился, хотя мне по моим связям это было бы более чем легко.[8] Но я считаю всякое личное сближение с верховн<ою> властью опасным для своей независимости, да и в пользу для дела от того не верю. Мне все это и скучно, и противно!

При таких наших с Вами свойствах я сомневаюсь в колоссальном успехе газеты, какой Вам мерещится. Ведь какие мерещились Вам выгоды от бумажной фабрики при новоизобретенной Вами плотине!.. Да и затевать совершенно новый орган, новую газету — это уже не по нашим летам, по крайней мере не <по> моим; и обольщаться надеждою на ее успех, после опыта всей жизни, я уже не в состоянии. Во мне поэт и лирик всегда мешал и вечно будет мешать практику и организатору, в Вас — отвлеченный мыслитель и диалектик.

Итак, оставим этот прожект в стороне. Тем более, что и собирать, отыскивать людей теперь уже не время. Надо сначала их собрать, иметь под руками, а потому уже начинать дело; иначе, выставив вперед свое имя — я вдруг очутюсь один со всем бременем личной нравственной ответственности, — как это уже столько раз со мною бывало. К тому же я не имею ключа к современной действительности. Начались большие, долгие будни, — по всей вероятности, исторически необходимые;[9] совершается какой-то внутренний процесс, которого уловить я еще не могу и который едва ли не требует людей новых, и совсем иного слова, — не людей воинствующих, пламенных борцов, проповедников, памфлетистов, будителей и т. д., а простых рабочих — и слова совсем трезвого, довлеющего дневи,[10] практического.[a] Так кажется, по крайней мере. Нужно бы, кажется, замолчать (мне)[b] и присмотреться.

Вот что. Пожалуйте завтра, <в> четверг, обедать к 5 часам в «Славянский базар»,[11] в особенную комнату вместе с отцами Наумовичем,[12] Площанским,[13] сыном Добрянским[14] и еще одним галичанином. Я угощаю. Непременно пожалуйте.

Ваш *Ив. Акс<аков>*

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 13. Л. 35—36 об. (копия: РНБ. Ф. 847. № 578. Л. 10—12). Опубликовано в не вполне исправном виде: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. IV. С. 285—288; *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 441—443.

[1] Датировано на сопоставлении двух фактов: данное письмо является ответом на послание Гилярова от 18 сентября 1884 г., а ближайший за этим днем четверг (о котором говорится в конце письма) приходился на 20 сентября.

[2] Николай Александрович Найдёнов (1834—1905), один из учредителей и член правления Московского торгового банка и Торгового дома «А. Найдёнова сыновья», в 1877—1905 гг. председатель Московского биржевого комитета; в 1866—1905 гг. гласный Московской городской думы.

[3] Биржевой комитет — орган управления делами Московской биржи.

[4] П. И. Санин (1840—1903), председатель правления Московско-Курской железной дороги, член советов Московского купеческого и Московского торгового банков, действительный статский советник. В 1876—1878 гг. вместе с Т. С. Морозовым, Н. А. Найдёновым и С. М. Третьяковым занимался материальным обеспечением болгарского ополчения.

[a] *Слово вставлено над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто*: отойти.

[5] Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829—1902), действительный статский советник, в 1863—1869 гг. московский городской голова, в 1863—1883 гг. гласный Московской городской думы.

[6] Сергей Михайлович Третьяков (1834—1892), совладелец торгового дома «П. и С. бр. Третьяковы и В. Д. Коншин» и Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, в 1877—1881 гг. московский городской голова, действительный статский советник, брат П. М. Третьякова. Речь идет о критических выступлениях гиляровской газеты по поводу вопросов городского управления.

[7] Последний перед тем раз Аксаков побывал в Петербурге в августе 1882 г. (см. его письмо к кн. М. А. Мещерской от 27 августа 1882 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 25. Л. 11—14).

[8] С Александром III, в бытность его великим князем, Аксаков неоднократно встречался в неофициальной обстановке. Товарищ юности вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерский устраивал для него в 1868—1871 гг. «маленькие беседы за чашкою чая». Подчеркивая, что он приглашал на них людей, которые были великому князю «симпатичны и между которыми живая беседа о вопросах русской жизни могла быть для него занимательна», Мещерский назвал среди таковых Аксакова, иногда посещавшего столицу (*Мещерский В. П., кн.* Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 335). Порой великий князь обменивался письмами с Аксаковым. Из опасения перлюстрации делалось это через посредство К. П. Победоносцева; иногда наследник имел возможность ознакомиться с письмами Аксакова, адресованными Победоносцеву и фрейлине Д. Ф. Тютчевой (*Готье Ю. В.* 1) К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865—1881 // К. П. Победоносцев: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 462—464; 2) Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 248—249). Жена Аксакова Анна Федоровна до замужества провела при дворе 12 лет, начав службу в 1853 г. фрейлиной великой княгини (с 1855 г. — императрицы) Марии Александровны, а в 1858—1865 гг. являлась воспитательницей младших детей Александра II. Ее прежнее положение давало право быть представленной императрице и получать приглашения на придворные церемонии вместе с мужем.

[9] Ср. аналогичное выражение в письме Аксакова к Суворину от 2 октября 1884 г.: «...не подлежит сомнению, что наступили *долгие, долгие будни*, — очень может быть необходимые в смысле исторического развития, — будни, для которых требуются и *будничные* деятели, вовсе не яркие, высоко талантливые деятели, не гении, увлекающие за собою массы, причем массы-то устремляются вперед сослепа, сами-то не подготовленные и не зрелые» (Письма русских писателей к А. С. Суворину. С. 19).

[10] Довлеющий дневи, т. е. достаточный, удовлетворяющий потребностям дня. Ср. в церковнославянском тексте Нагорной проповеди: «Довлеет дневи злоба его» (Мф 6: 34).

[11] «Славянский базар» — один из самых престижных ресторанов Москвы, был открыт в 1873 г. во дворе одноименной гостиницы по адресу Никольская ул., д. 17.

[12] Иоанн (Иван Григорьевич) Наумович (1826—1891), галицко-русский общественный деятель, писатель, издатель, с 1851 г. униатский священник (протоиерей). В 1882 г. австрийское правительство, обвинив о. Иоанна в стремлении к выходу Галиции из состава Австро-Венгрии, предало его суду. Вместе с ним обвинения в государственной измене были предъявлены А. И. Добрянскому, его дочери О. А. Грабарь (матери И. Э. Грабаря, по имени которой судебное разбирательство получило название «Процесс Ольги Грабарь»), В. М. Площанскому, В. И. Наумовичу, сыну о. Иоанна, и др. В ходе процесса

обвинение в государственной измене было снято со всех подсудимых. Однако некоторые из них были приговорены за нарушение общественного спокойствия к нескольким месяцам тюремного заключения. Самый большой срок — 8 месяцев — провел в заключении по приговору суда о. Иоанн. Еще до окончания суда Римский папа Лев XIII отлучил его от Церкви за приверженность к схизме. Освободившись 14 (26) августа 1884 г., Наумович отправился в Россию. В 1885 г. он принял православие и в начале 1886 г. окончательно переселился в Россию. Служил в Киевской епархии: сначала миссионером для борьбы со штундизмом, затем — приходским священником. Аксаковская газета со вниманием следила за событиями, развернувшимися вокруг о. Иоанна и других галичан, а позднее публиковала его произведения.

[13] Венедикт Михайлович Площанский (1832—1902), галицко-русский публицист, историк, в 1871—1887 гг. издатель и редактор выходившей во Львове газеты «Слово». Один из основных обвиняемых на «Процессе Ольги Грабарь», в результате которого был приговорен к 5 месяцам тюремного заключения. В 1887 г., приняв русское подданство, поселился в России.

[14] Мирослав Адольфович Добрянский (1849—1898?), сын галицко-русского общественного деятеля А. И. Добрянского. В 1871 г., при покушении на его отца мадьярских националистов, был тяжело ранен. Эмигрировав в Россию, служил чиновником по особым поручениям МВД.

4
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — АКСАКОВУ

<21 сентября 1884 г.?> [1]

Мысль, только третьего дня пришедшую мне в голову и высказанную вчера, излагаю в принципе несколько подробнее:

1) Сколько я слышал, и даже лично от некоторых, имеется в виду орган не в защиту русской промышленности только, а орган русского направления вообще, в защиту вообще русских интересов. Нечего говорить, что это и вполне разумно. Но когда обратимся к наличным силам, то кроме Вас и меня не может быть никого в виду. Утверждаю это без лести Вам и без ложной скромности о себе.

2) Нам с Вами позволительно желать, чтобы за органом русского направления обеспечено было прочное бытие. Всякий другой кроме нас представляет ту невыгоду, что с ним Петербург не будет церемониться. Прощаемое Каткову, Вам и мне не простят какому-нибудь NN. Можно об этом навести справку в цензуре.

3) Мало отрицательной безопасности: новый орган должен иметь и положительную *силу*; без того не стоит его заводить. Орган должен быть таков, чтобы с ним нашло необходимым считаться правительство, прислушиваться к нему общественное мнение не только России, но и Европы. Силу эту отчасти дает уверенность, что за органом стоят московские капиталисты, другими словами — центральная экономическая сила России, дает силу *дельность*, обладание матерьялами, не с ветра взятыми. Но этого мало. Нужна умелая рука, чтобы образо-

вать журнальный механизм, и нужно имя, достаточно веское в глазах правительства, достаточно громкое, чтобы свидетельствовать о знамени, наконец способное привлечь к участию солидные умственные силы. В последнем отношении неизбежны Вы — мое имя, положим, в России известно, но этого мало. Ваше имя — Европейское, что и требуется. Набрать солидных корреспондентов за границей, найти агентов, которые караулили бы движение Петербургских ведомств (то и другое для будущего органа безусловно находимо) способны опять только Вы, при Ваших уже установившихся связях и знакомствах. Следовательно, самая организация отчасти не может без Вас обойтись.

4) Вы возражаете, что «устали»; пугает Вас суета «ежедневной» газеты и ее относительная все-таки легкость, на которую не хотите размениваться. Сочувствую и понимаю по себе. Но

а) если бы орган осуществился, он был бы не то что «Москва».[2] Не нужно осуждать на каторжную работу. Предоставьте себе, выражусь так, только *дирекцию* дела; при пособии моих знаний, моей опытности, моей энергии, которых Вы не отринете, от Вас не потребуется ежедневного ничего.

б) «Русь» или другой подобный, более тяжеловесный орган, не только может, но должен остаться при ежедневном.

5) Мы с Вами — последние могикане, дорогой Иван Сергеевич. Поймите, что после нас поле пусто. Станете Вы возражать против этого? Не думаю; а потому когда представляется случай организовать направление, обеспечить его бытие, Ваше уклонение не будет ли преступлением против долга? Слепые, хотя доброхотные, люди способны погубить дело, отдав в руки неопытные, подставив имя неизвестное, и лицо, может быть даже бездарное, — погубит навсегда, по крайней мере, на очень долго. После фиаско, раз посеянного, возобновление попытки в том же направлении, даже при более громком имени, может оказаться уже безуспешным.

6) Я полагаю, что не только Вам, но и мне, вовсе не было бы надобности надевать на себя глухую петлю. Лишь бы дело начать и поставить.

Поразмыслите, дорогой Иван Сергеевич.

Печатается впервые по копии, выполненной на листах в клетку, вероятно, кн. Н. В. Шаховским: РНБ. Ф. 847. № 361. Л. 1–2. В деле датировано: <1876 г.?>. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Датируется на том основании, что: 1) письмо продолжает разговор между Гиляровым и Аксаковым, протекавший между ними в письмах 2 и 3 (ср. обсуждение защиты русской промышленности как задачи предполагаемой газеты); 2) данное послание, однако, не является прямым ответом на письмо 3 и отчасти апеллирует к новым аргументам Аксакова, скорее всего, высказанным при их встрече в «Славянском базаре» 20 сентября; 3) эту встречу, вероятно, имеет в виду Гиляров, когда в самом начале письма поясняет «мысль <...> высказанную вчера».

[2] «Москва», ежедневная газета, издававшаяся в 1867–1868 гг. на средства московских предпринимателей, редактором которой являлся Аксаков.

5
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — ЛЯМИНУ

<Последняя декада сентября 1884 г.?> [1]

Многоув<ажаемый> Ив<ан> Артемьевич,

В виду нашей вчерашней беседы препровождаю Вам копию с известного письма, о котором я Вам говорил. К кому оно было писано, Вы знаете. Вы видите отчасти, как я смотрю на дела. Дополню положение подробностями.

Прежде всего и важнее всего организация. Нужно ее устроить заблаговременно; запастись внутренними и заграничными корреспондентами (последних нужно взять из публицистов первоклассных); обзавестись своим телеграфом, своею даже проволокою до Петербурга. [a] Нужно принять все меры, чтобы орган не

Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 441. На л. 1 поздняя помета карандашом «Лямину». В деле документ не датирован, а адресатом его указан «Лялин», в описи и в картотеке адресатом указан «Ляпин». Переработкой этого черновика, возможно, является публикуемое ниже письмо 6.

[1] Датируется как возможный черновик к следующему письму Гилярова.

6
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — ЛЯМИНУ (?) [1]

<Последняя декада сентября 1884 г.> [2]

В виду предстоящего совещания прошу Вас припомнить изложенное мною отчасти словесно, отчасти и письменно.

Чтобы держаться прочно, издание должно быть поставлено на широкую ногу. Иначе же нужно будет идти на ежегодные вечные приплаты.

1) Должно обзавестись своей проволокой от Петербурга.

2) В Петербурге организовать отделение редакции, которое не замедлит сообщать политические, коммерческие, даже городские новости.

3) В иностранных землях должны быть завербованы корреспонденты из первоклассных публицистов.

4) В русских главных центрах деловые основательные корреспонденты (не из борзописцев).

5) Как из иностранных земель, так и из русских городов нужны дополнительные телеграммы, независимо от телеграмм агентства.

6) Исходатайствовать о получении полицейских донесений, как это было в «Москве».

[a] *Далее зачеркнуты 2—3 неразборчивых слова.*

При этих условиях газета будет *полнее* всех существующих и «свежее». Не только совершившееся, но и задуманное в Петербурге должно быть известно редакции; лишь появится статья или известие за границей, имеющее отношение к русским политическим, в особенности коммерческим интересам, телеграф уже должен о них сообщить, и должна быть немедленно дана на них отповедь.

С такою обстановкою газета окажется не только нужной для каждого, но она будет неизбежна; в Петербурге ее будут читать наравне со своими местными известиями, даже прежде, потому что она не будет отставать от них, напротив, будет еще опереживать во многом.

Вышесказанное [a] относится до *фактического* материала газеты, условливающего *полноту* и *свежесть* ее нумеров. Для успеха это есть главное в настоящее время, когда, по счастливому выражению И. С. Аксакова, наступили для России «долгие будни». [3]

Изданию нужны не столько умники, сколько деловые, толковые рабочие. Осветить факты, придать души, ума, остроты — дело редакции, которая этим не затруднится. Впрочем, ошибочно предполагать, чтобы не нашлось достаточно людей, способных также и обсуждать, в духе издания, вопросы политические, общественные и коммерческие. Есть серьезные силы, но они брезгают (и справедливо) участием в *теперешней* газетной литературе.

На вопрос: что должно быть предварительно удостоверено: наличность материальных средств или наличность умственных сил? — отвечаю не колеблясь: наличность средств. Без того трудно начинать переговоры с кем-нибудь из пишущих или способных писать, трудно даже приблизительно начертать организацию редакции. Но устройство редакции и есть самая эластическая вещь: можно иметь в виду большее или меньшее число специалистов по разным отраслям, и притом выдающихся или посредственных и, наконец, с вознаграждением щедрым или умеренным, смотря по тому, какие средства, таков будет и редакционной состав.

Закончу: а) имя И. С. Аксакова должно много содействовать значению издания за границей и в правительственных кругах Петербурга.

б) чем шире, чем крупнее издание будет поставлено, тем несомненнее успех, и при том не относительный только (влияние), но и материальный. В одной из прежних записок я вычислял, что при должной постановке, издание должно дать чистого дохода *сто тысяч* р<ублей>. Это есть самое наименьшее. Достижение полной обеспеченности будет зависеть главным образом от внутреннего содержания газеты. Но могут содействовать тому и сами учредители. Обеспечить газету публикациями в должном количестве, организовать розничную продажу, кроме столиц, по всей России, — то и другое именно коммерческий класс в состоянии совершить и скорее и успешнее, нежели обыкновенные издатели.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: относительно.

Печатается впервые по копии, выполненной на листах в клетку, вероятно, кн. Н. В. Шаховским: РНБ. Ф. 847. № 361. Л. 3—4. В деле помечено как письмо Гилярова к Аксакову (которое, в действительности, занимает лишь л. 1—2 данного дела). Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Адресат определяется как, предположительно, Лямин, на основании ссылки Гилярова в письме к Осипову на отправленное им послание похожего содержания к Лямину, а также на основании сходства содержания данного письма с публикуемым выше черновиком письма Гилярова к Лямину.

[2] Датировано на основании того, что: 1) Гиляров повторяет в этом послании выражение Аксакова о «долгих буднях», приведенное в письме к нему от 19 сентября 1884 г.; 2) письмо подготовлено в разгар обсуждения проекта, до того как Аксаков окончательно отказался от участия в нем.

[3] Ср. выражение Аксакова в п. 3 (наст. изд., с. 626).

7
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — П. В. ОСИПОВУ

<Последняя декада сентября 1884 г.> [1]

Милостивый Государь
Павел Васильевич.

И. А. Лямину я доставил, для соображения, данные, на основании которых будущие издатели новой большой газеты могут определить капитал, нужный для ее основания. Вероятно, эта записка будет у Вас в руках, как у члена комиссии. В отвращение недоразумений я должен объяснить, что упомянутый набросок составлен в предположении того условия, если издатели желают основать не только орган, но и выгодное коммерческое предприятие. Чтобы быть в последнем отношении наверняка, нужно запастись очень, очень большими средствами. Другое дело, если желание ограничивается только тем, чтоб иметь орган. Тогда постановка совсем другая, более скромная, но тогда нужно быть готовым на постоянные пожертвования, в том или другом виде, в виде ли субсидий какому-нибудь уже существующему изданию или в виде периодической приплаты к своей газете. Другими словами, нужно иметь в виду два типа: «Голос» и «Новое время», с одной стороны, [2] и «Петербургские» и «Московские ведомости» — с другой. [3] «Петербургским ведомостям» отданы задаром казенные объявления (тысяч до 40 в год); «Московские» теми же объявлениями пользуются за незначительную плату. Объявления (обязательные) составляют фонд у обоих, и «Московские ведомости», например, не подвергаются опасности от того, что подписка у них в последние два года упала. [4] Иное дело «Новое время» и «Новости», точнее сказать — «Голос», потому что «Новости» ему унаследовали. [5] Из больших газет они одни и стоят на своих ногах; следовательно, их и надо брать для сравнения и с ними состязаться. Но они расходятся более чем в 20 000 экземплярах при громадном количестве объявлений. То же и предполагаемая газета

должна принять, стало быть, за норму. Тогда будет и прочно и выгодно. Иначе газета будет только плестись и повторит собою «Русский мир», [6] «Берег», [7] «Порядок», [8] здешний «Телеграф». [9] Большинство этих газет кончили насильственною смертию, но все равно, они умерли бы и естественною. Или же — быть подобием «С.-Петербургских» и «Московских ведомостей», то есть пользоваться постоянною субсидиею. Можно, конечно, существовать без субсидий и при меньшем числе подписчиков и объявлений, нежели у [a] «Нового врем<ени>»; но тогда вид другой, другое внутреннее содержание, другое впечатление.

Замечание, сейчас мною высказанное, нужно иметь в виду, чтобы не ошибиться в расчетах.

Примите, уверение в мое<м>

P. S. Можно бы добавить и еще много объяснительных сведений, но письмо и без того длинно.

Печатается впервые по автографу черновика: РНБ. Ф. 847. № 568. Л. 1—2. В деле указано как «Письмо неустановленному лицу. Черновик». Местонахождение перебеленного автографа неизвестно.

[1] Датировано на основании того, что это письмо, судя по словам Гилярова, составлено вслед за его посланием к Лямину, которое мы датируем последней декадой сентября 1884 г.

[2] «Голос» и «Новое время» — до 1884 г. крупнейшие частные газеты России.

[3] «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости» — самые известные газеты, находившиеся в собственности государства, но переданные в аренду частным лицам.

[4] «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости» обладали монопольным правом публикации объявлений целого ряда государственных учреждений. За предоставление этого права редактор «Московских ведомостей» Катков выплачивал владельцу издания, Московскому университету, оговоренную в контракте сумму. Основной доход газеты составляли средства, взимаемые за размещение объявлений, которые не зависели от тиража газеты. Поэтому «Московские ведомости», как указывал В. А. Гиляровский, не были заинтересованы в увеличении тиража: «каждый лишний подписчик является убытком: печать и бумага дороже стоили» (*Гиляровский В. А.* Москва газетная // Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 3. С. 5).

[5] После закрытия газеты «Голос» основная масса ее читателей перешла к газете «Новости», ставшей крупнейшим из ежедневных либеральных изданий.

[6] «Русский мир», ежедневная консервативная газета. Издавалась в Петербурге в 1871—1880 гг., сменив за это время несколько издателей и редакторов. В 1880 г., соединившись с «Биржевым вестником», была преобразована в газету «Биржевые ведомости».

[7] «Берег», ежедневная консервативная газета, пользовавшаяся субсидией правительства. Издатель-редактор П. П. Цитович. Выходившая с 15 марта по конец декабря 1880 г. газета не имела заметного успеха и была закрыта. По мнению В. Г. Чернухи, существование «Берега» как официоза стало бессмысленным после укрепления у власти М. Т. Лорис-Меликова, избравшего «путь умеренных либеральных уступок» (*Чернуха В. Г.* Пра-

[a] *Далее зачеркнуто*: меня показано в записке.

вительственная политика в отношении печати, 60—70 годы XIX века. Л.: Наука, 1989. С. 119).

[8] «Порядок», ежедневная либеральная газета, издавалась в Петербурге в 1881—1882 гг. М. М. Стасюлевичем. Газета прекратила издание, после того как была приостановлена цензурой на 1,5 месяца.

[9] «Московский телеграф», ежедневная газета либерального направления, издавалась в Москве в 1881—1883 гг. Издатель-редактор И. И. Родзевич. Тайно финансировалась «Священной дружиной», деятельность которой была официально прекращена 1 января 1883 г. Газета была закрыта по решению совещания четырех министров в марте 1883 г.

8
ЛЯМИН — АКСАКОВУ

<6 октября 1884 г.>

Многоуважаемый
Иван Сергеевич,

Получивши Ваше письмо, 28 сентября, я предположил, в собрании Комиссии по изданию новой газеты, заявить о помощи галичанам,[1] с тою целию, чтобы собрать от членов Комиссии на это денег, но вчерашнее Ваше письмо останавливает мое предположение и дает мне повод думать, что из-за меня Вы осердились на всех и даже на издание газеты, в котором обещали быть главным руководителем.

Я виноват, что немедленно не ответил Вам, — желая сделать лучше, т. е. собрать побольше в пользу галичан, и тем ввел Вас в сомнение даже в *политическую силу предполагаемого к изданию органа*.

На следующей неделе должна будет собраться у меня Комиссия по изданию новой газеты, почему и покорнейше прошу Вас, Иван Сергеевич, дать мне окончательное Ваше разрешение, чем мне руководствоваться в моем заявлении Комиссии: данным ли Вами мне словом о Вашем согласии быть главным руководителем издания или Вашим письмом об отказе в Вашем участии.

Я сам бы пришел к Вам для личных объяснений, но болен и сижу дома.

Глубоко уважающий Вас и преданный Вам
И. Лямин.

Октября 6.
84.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 351.

[1] Вероятно, речь идет о финансовой помощи испытывавшему кризис галицкому банку «Рольничо-кредитное заведение». С целью добиться помощи банку, в сентябре 1884 г., вскоре после выхода из тюрьмы, отправились в Россию Наумович с Площанским. Как разъясняет Н. М. Пашаева, основным капиталом этого банка являлись фонды епархи-

ального духовенства, из которых выплачивались пенсии вдовам и сиротам священников. Кроме того, крах банка грозил разорением нескольким тысячам крестьян Галиции — вкладчиков банка, которые считались его членами и отвечали за его дела всем своим имуществом (см.: *Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001. С. 116). Несколько иную версию изложил Аксаков в письме члену Государственного совета Г. П. Галагану от 20 октября 1884 г. Редактор «Руси» рассказывал: «Галичане приехали между прочим хлопотать о поддержании их Поземельного русского банка, единственного русского учреждения у них, имеющего великое значение для русской народности в том крае. Поляки всячески старались подорвать его кредит и привели Банк на край опасности — с тем чтоб галичане искали помощи у поляков, т. е. у Польского банка. Но это предложение было коварное: Русск<ий> банк скоро сделался бы от него вполне зависимым, и все гипотеки перешли бы в руки поляков. Галичанам надо было добыть 200 т<ысяч> р<ублей>».

Стоит обратить внимание, что спустя месяц после размолвки с купцами Аксаков уже понимал объективный характер проблемы. Он сообщал Галагану: «Я хлопотал в Москве, но ни один частный банк, уже по самому Уставу, не может взять в залог недвижимую собственность в чужом государстве, — да и операция эта, если б даже и была возможна, при нашем курсе обошлась бы галичанам дорого, с уплатою не менее 10%» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 11. Л. 25 об.).

В итоге помощь галичанам оказало русское правительство. В 1884 г. банку был предоставлен заем в 600 000 марок, а в начале 1885 г., после нового визита Наумовича в Петербург, — еще 650 000 рублей. Однако заслуга в предоставлении займов принадлежит не И. А. Вышнеградскому, как указывает Н. М. Пашаева (на с. 116 вышеуказанного исследования), а его предшественнику на посту министра финансов (и антиподу) Н. Х. Бунге. С просьбой о помощи галичанам обратился к министру Аксаков. Когда же он узнал о первом предоставленном займе, написал Галагану: «Дорогой Григорий Павлович, съездите к Бунге и буквально отвесьте ему поклон до земли от меня! Это истинно такая душка, что хочется его расцеловать!». В том же письме Аксаков добавлял: «Думаю, что без Высоч<айшего> разрешения этого сделать было нельзя» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 11. Л. 25—26).

ЗАБЫТЫЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, Вл. С. Соловьеве, К. Н. Леонтьеве, И. С. Никитине, И. С. Аксакове и Ф. И. Тютчеве (1879—1886)

Публикация А. П. Дмитриева

1. <И. С. ТУРГЕНЕВ И МОСКВА>

I

Публичное заседание Общества любителей российской словесности, бывшее в минувшее воскресенье, 18 февраля, отличалось небывалою торжественностию. Оно происходило в обширнейшей аудитории Университета, и на нем присутствовало более тысячи образованных посетителей и посетительниц. Но особенно оно было замечательно появлением на нем дорогого и, к сожалению, редкого гостя Москвы, Ивана Сергеевича Тургенева. Не быв очевидцем, трудно представить себе одушевление, с которым московская публика приветствовала художника-романиста. Восторг выражался так горячо и задушевно, что растрогал гостя до глубины души: в ответ на приветствия он мог только сказать, что «просит пожалеть его, потому что сочувствие, ему выражаемое, тяготит его своею силой». Эта искренность к знаменитому нашему писателю делает большую честь нравственному и эстетическому чувству московской публики. И. С. Тургенев останется навсегда одним из благороднейших образов в нашей литературе: имя его так же чисто, как бела его голова. Не говорим о его таланте: почти четыре десятилетия читали его с неослабевающим художественным наслаждением. Длинный ряд его крупных вещей стал поэтической летописью, в которой тонким чутьем художника угаданы и воспроизведены с глубокой обдуманностью самые сокровенные движения в нашей общественной и нравственной жизни за последние 30—40 лет. Герои его главных романов сделались нарицательными именами. Будущий историк живущих и отживающих теперь поколений нашего общества, разбираясь в своем матерьяле, схватится прежде всего за произведения И. С. Тургенева и не только узнает из них многое, может быть, большее, чем из какого-либо другого источника, но и отдохнет на них нравственно и эстетически.

Перед открытием заседания студенты Московского университета приветствовали дорогого гостя зрело-обдуманною и глубоко-прочувствованною речью. В произведениях И. С. Тургенева они видят завет молодым будущим талантам быть правдивыми к истории и жизни.

Затем читали: *А. Ф. Писемский* две главы из нового своего романа под названием «Масоны» и *Е. В. Барсов* «О рекрутских плачах». То и другое чтение вызвало громкие рукоплескания.

После первого чтения члены «Общества», удалившись в особую комнату, единодушно и единогласно избрали И. С. Тургенева в «почетные члены Общества». До сих пор, почти с самого основания Общества, он состоял лишь «действительным членом».

Не могло представиться случая благоприятнее для торжественного выражения почтения к нему со стороны Общества, как настоящий. Когда было объявлено о том публике, восторгам не было конца. Радуемся, что Москва явила себя столь достойною своей родной, всероссийской знаменитости.

II

Вместо всякой руководящей статьи даем сегодня речь, произнесенную И. С. Тургеневым, в ответ на приветствия, сказанные на обеде, данном ему его почитателями. [1] (Обед происходил в Эрмитаже и считал около 100 участвующих.) Первое приветствие говорил С. А. Юрьев, речь которого мы надеемся воспроизвести в скором времени. [2] За ним говорили гг. Корш, Миллер, профессор Бугаев. [3] <...> [4]

После всех сказал Н. П. Гиляров-Платонов. «Иван Сергеевич, — сказал он, — вам все до сих пор говорили *приветствие*, а я хочу вам сказать *напутствие*. Если кто желает еще сказать что-нибудь Ивану Сергеевичу, я охотно уступаю свое слово...

Вы не в первый раз в Москве, со времени удаления вашего в чужие края, и однако ни один ваш приезд не встречен был такими — выражусь так — овациями. Это заслуживает внимания. Почему так? Вы приехали к нам как раз после того, когда после великого народного движения, обхватившего всех, обещавшего многое, мы стукнулись все лбом об стену. Мы все после этого обратились в один вопросительный знак. И тут-то явились вы, общий наш руководитель-художник. Вы теперь от нас уезжаете. Пребывание за границей имеет свою невыгоду, но представляет свои и выгоды. Вы можете издали смотреть на нас всех свысока, беспристрастно, оценивать каждого лично и каждый кружок с его особыми стремлениями беспристрастно; поезжайте же и присылайте нам оттуда, из вашего далека, новое произведение, в котором изобразите настоящий момент нашей общественной жизни и представите нас всех с той же художественной истиною, сколько изображали прежние моменты в прежних своих творениях».

После этого говорил ректор Университета Н. С. Тихонравов, речь которого воспроизведем на днях. [5]

Печатается по единственной неподписанной публикации. Первая часть статьи — передовица Гилярова о чествовании И. С. Тургенева в ОЛРС: Москва, 19 февраля // *СИ*. 1879. 20 февр. № 50. С. 1—2. Вторая часть — передовица, описывающая прощальный обед, данный в честь писателя перед его отъездом из Москвы: Москва 6 марта: Дневное обозрение // Там же. 7 марта. № 65. С. 2.

[1] Гиляров опубликовал речь Тургенева на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта 1879 г. на день раньше всех других изданий, однако не по авторской рукописи и потому с опечатками и искажениями текста. Рассерженный писатель частично исправил их в письме к Гилярову от 7/19 марта 1879 г. и в приложенной к этому письму газетной вырезке речи из «Современных известий» (ГЛМ. Оф. 2097/1, 2). См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Наука, 1967. Т. XII. Кн. 2. С. 44, № 4782.

[2] Речь С. А. Юрьева не была воспроизведена в «Современных ведомостях».

[3] Названы: Федор Евгеньевич Корш (1843—1915) — филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик; Федор Богданович Миллер (1818—1881) — поэт-переводчик; Николай Васильевич Бугаев (1837—1903) — математик и философ, отец поэта Андрея Белого.

[4] Далее были приведены: речь И. С. Тургенева и Ф. Н. Плевако и стихи Ф. Б. Миллера.

[5] Речь Н. С. Тихонравова не была воспроизведена в «Современных ведомостях».

Приложение

Ф. А. Гиляров
<Передовая статья об И. С. Тургеневе>
<Фрагменты>

Тургенев в Москве!..

С грустью беремся за перо, чтобы приветствовать знаменитейшего из русских писателей, первого нашего руководителя за последние тридцать пять лет, благороднейшего из русских деятелей, давно покинувшего свою родину и навестившего теперь нас, по всей вероятности, на несколько лишь дней, чтобы, к прискорбию нашему, снова вернуться в свое точно как будто изгнание... <...>

...Вы первый в «Записках охотника» изобразили русского крепостного крестьянина как человека, как разумно-свободное существо, достойное той свободы, которая потом и дана была ему потому, как скажет история, что после «Записок охотника» крепостное право стало в той же, если не в большей мере, невозможным, как — и черное невольничество в Южной Америке после Бичер-Стоу. Но не междоусобною бранью, не насилием были разбиты у нас крепостные оковы: их разрешила та же русская любовь, какою проникнуто и бессмертное творение, положившее прямое начало бессмертному историческому событию. И никто после Вас, а писатели, мнящие себя народными, всего меньше, не мог возвыситься до простого, не искаженного карикатурою лишь подражания Вам. <...>

Мы не можем здесь обозревать все славные творения знаменитого русского писателя: ни поэтическую жизнь «Дворянского гнезда», смененную, увы, теперь в Москве пошло-прозаическими коммерческими гнездами; ни последнего из идеалистов «Рудина», сбитого теперь уже с места алчущими одной наживы седыми и безбородыми материалистами; ни *Инсаровых*, так знакомых нам по последним событиям; ни «Отцов и детей», этого камня преткновения русской литературы; ни «Дыма», который и сейчас все еще ест нам глаза: — Тургенева

можно читать, можно им зачитываться, но чтобы разбирать его, нужно сперва народиться критическому анализу (какого у нас не было и нет) такой же силы, какой и творчество разбираемого таланта. А рядовому критику пытаться оценить Ивана Тургенева не то же ли, что деревенщине, скажем прямо, по-московски, таращиться на главу Ивана Великого? <...>

Мы высоко ценим и заграничные Ваши творения, видим в них ту же правду, что и в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Накануне», «Отцах и детях»; но в них, простите, словно — рассказ о вчерашнем, помеченный нынешним числом. Застывшую жизнь прошлого царствования, мертвое, окаменелое царство наших крепостников и крепостных людей, мог Гоголь живописать из *прекрасного далека*. Кому, как не Тургеневу, лучше всех нас известно, как бежит, через край хлещет наша жизнь во второй половине литературной деятельности Тургенева? Наш мировой институт, наша судебная реформа, наше земское и городское самоуправление безвозвратно, пожалуй, ушли от поэтической летописи Тургенева, а будущий историк прибавит к этому: была Сербская война, была война за освобождение многострадальной Болгарии, восстановлено царство, спавшее 500 лет, а творца «Накануне» тут не было...

Грустно, читатель!

Печатается по единственной публикации, помеченной символом «+», что позволяет атрибутировать ее Ф. А. Гилярову: Москва, 2 марта: Дневное обозрение // *СИ*. 1879. 3 марта. № 61. С. 2. По-видимому, Гиляров-Платонов вполне солидаризовался со скептическим взглядом на позднее творчество Тургенева, выраженным в передовой статье его соредактора Ф. А. Гилярова.

2. <Л. Н. ТОЛСТОЙ КАК ПЕДАГОГ>

I

«Московские ведомости», надеемся, не посетуют на нас за то, что мы передаем целиком прекрасное письмо г. Горбова,[1] этого молодого подвижника, этого юноши-миссионера, отправившегося с проповедью в народ, но с целию совершенно противоположною народникам-развратителям, пытавшимся смутить народную совесть и поколебать его веру и гражданский долг. Сын известного капиталиста М. А. Горбова,[2] молодой человек, по окончании университетского курса, зарыл себя в деревенскую глушь, где занялся учением крестьянских ребят на основе православно-религиозной. Некоторые подробности узнает читатель из самого письма, которое помещено ниже. Но дополним для незнающих, что г. Горбов в своем подвиге предшествован был С. А. Рачинским, бывшим профессором Московского университета, который в своей деревне посвятил себя точно так же сельской школе.[3]

Юноша-миссионер отрицает в своем деянии значение подвига; он находит в нем наслаждение и отдохновение от житейской пустельги и лжи. И это само

собою разумеется; но высокое нравственное служение его тем не менее остается подвигом, именно подвигом, а не игрушкою, чем служило некогда то же занятие для одной из наших знаменитостей, Л. Н. Толстого. Более двадцати лет назад знаменитый писатель точно так же поразился этою непочатою почвою, этими неизмятыми душами, этою чистою любознательностью, ничем не засоренною, найденною им в крестьянских детях. Он учредил школу (в Ясной Поляне), начал даже издавать журнал педагогический; но потом остыл, по-видимому, о чем и жалеть, впрочем, не приходится.[4] Как во всем увлекающийся, основатель Яснополянской школы довел до абсурда уважение к детской свободе и веру в любознательность ребят, возлагая все на природу, на манер Жан Жака Руссо, и не считаясь с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности. Дети, хотя и крестьянские, суть не просто человеческие существа, но русские люди, и русские не по физическому только происхождению и окружающей непосредственно природе, а дети народа, прошедшего известную историческую жизнь и дети определенной церкви.

Так и посмотрел на крестьянских детей С. А. Рачинский, полюбив их не менее Л. Н. Толстого; потомство почтит заслугу бывшего профессора, который по справедливости должен быть признан отцом истинной русской народной школы. По его стопам идет г. Горбов, и в письме, которое ниже сего найдут читатели, кличет клич о пособниках: дай Бог ему найти их. Нельзя не согласиться, что правительственная организация школы, как бы хорошо ни была задумана и даже исполнена, не в состоянии сама по себе влить духа в новые начала учреждения. Теперь и полагаются церковно-приходские школы на основаниях именно тех, применение которых совершается С. А. Рачинским; но где люди, в этом вопрос. Где предохранение против мертвой формальности, в которую все у нас скоро обращается? Нужны миссионеры, нужны подвижники, одушевленные своим призванием, и их-то кличет г. Горбов.

II

Не можем оставить без отповеди упрек «Нового времени», что мы позволили себе, как выражается почтенная газета, «глумление» над Л. Н. Толстым по поводу его педагогической деятельности. Газета ссылается <на то>, что мнения Л. Н. Толстого о народном обучении всем известны. Известны они и нам, и знаменитому писателю делает великую честь, что он первый поднял голос против того «развивающего» обучения грамотности, которое на деле бывает скорее отупляющим. Но это — мнение позднейшего времени, а мы говорили об Яснополянской школе начала шестидесятых годов, о журнале «Ясная Поляна», о тогдашней деятельности Л. Н. Толстого и о тогдашних его воззрениях, о тогдашней его экзальтации. Смешивать эти два периода едва ли позволительно, и если знаменитый писатель не остался при тогдашних увлечениях, жалеть об этом, повторим, нечего; напротив, нужно отдать честь Л. Н. Толстому. Рецензент, писавший заметку на нашу статью, сколько мы догадываемся, не имеет точного понятия о педагогической теории, как она вылилась у искреннего и скоропоспеш-

ного мыслителя, каков Л. Н. Толстой, в первый момент по освобождении крестьян в 1862 году (кажется, не ошибаемся в годе). Повторим сказанное в прошлый раз. Л. Н. Толстого, как и С. А. Рачинского, как и Н. М. Горбова, поразила эта неизмятость, непочатость детской души, незасоренность детского ума, эта любознательность, чарующая своей чистотой и своей здравостью, как она способна поразить и всякого мыслящего, кто подойдет с внимательным участием к деревенскому дитяти, вскормившемуся вне городских влияний. Как и во всем, увлекающийся художник-педагог, отдавшись детям с любовию, перешел меру. Нужно было тогда читать «Ясную Поляну», чтобы убедиться в этом. У нас нет теперь этого журнала под рукою, но нам памятен практический вывод, который истекал из всех рассуждений педагога. Он был приблизительно таков: должно учить детей только тогда, когда они хотят, и только тому, чему хотят. Тут была относительная верность, но крылось и колоссальное заблуждение. Применительно к подвижническому служению, которое предприняли С. А. Рачинский и Н. М. Горбов, мы находим существенное заблуждение этой, как мы выразились, Жан-Жаковской теории в том, что чистого человека, человека по себе, хотя бы это был и ребенок, не бывает на свете; каждый есть до известной степени продукт истории, пред которою каждый обязан, как обязан пред современным обществом и окружающею природою. В этом-то смысле служение двух педагогов-подвижников 1884 г. существенно отличается от деятельности педагога 1862 г., хотя последний одушевлен был столь же высокими, столь же честными намерениями и даже отправлялся из той же исходной точки — скажем так — очарования неповрежденною душою крестьянского дитяти.

Мы не все бы сказали, когда бы не обратили внимания и еще на упрек, прочитанный нами уже после того, как написаны были предшествующие строки. Возмутилась нашим отзывом газета «Южный край».[5] Она не находит середины в нем между «злостной недобросовестностью» или «легкомысленным незнанием».[6] Немножко сильно, и мы надеемся, что почтенная газета возьмет назад такой приговор, особенно когда вникнет, что отзыв наш далеко не противоречит ее собственному замечанию. «В отношениях гр. Толстого, говорит она, к крестьянским детям и к народу вообще можно заметить какую-то постоянную черту робкой неуверенности».[7] А тот культ детской свободы, который сквозил в первоначальных педагогических опытах гр. Толстого, что же он был?

Почтенная газета затем пускается в филиппику против нас, которую мы уже никак не можем принять на свой счет. Она видит в нашем отзыве, во-первых, «нападки», чего мы в нем не усматриваем, ибо указать на способность чью-нибудь увлекаться, нам кажется, еще не значит нападать. Во-вторых, «все эти нападки есть не более как отголосок мнений людей окаменелой традиции, формальных взглядов, узкого понимания...»[8] И далее: «людям окаменелой традиции не дают покоя последние произведения Л. Толстого — его “Исповедь” и его Толкования на Евангелие». Отсюда заключаем, что, по мнению автора, отзыв наш о первоначальной педагогической деятельности графа Толстого возбужден последними его произведениями!!! Не можем без улыбки читать эту догадку потому, во-пер-

вых, что одно, по крайней мере, из поименованных последних произведений знаменитого писателя нам даже неизвестно,[9] а во-вторых, автору «Ясной Поляны» лично высказывали мы свое мнение об его педагогических воззрениях еще в самый момент, когда «Ясная Поляна» издавалась, более 20 лет назад,[10] когда, нет сомнения, не появлялось не только «последних произведений», но даже «Войны и мира».

В своем отзыве мы согласны смягчить разве одно слово «игрушка», употребленное нами, впрочем, не в том смысле, в каком, по-видимому, приняли его наши возражатели.[11] Л. Н. Толстой искренен и отдается с пылом всему, но переходчив. Нисколько он не думал играть детьми; напротив, скорее поклонялся им и служил. Но какую долю его деятельности и его души занимала Яснополянская школа сначала и какое после? Придумывайте название, но во всяком случае отношение его было другое, а не тот подвиг, на который обрек себя С. А. Рачинский, на что мы и хотели собственно указать.

Печатается по единственной неподписанной публикации. Первая часть статьи — передовица Гилярова, представляющая собой предисловие к публикации письма о сельской школе педагога Н. М. Горбова, последователя С. А. Рачинского: Москва, 16 мая: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 17 мая. № 132. С. 1. Вторая часть — передовица, вызванная газетной полемикой с суждениями Гилярова о Л. Толстом: Москва 22 мая: Дневное обозрение // Там же. 23 мая. № 138. С. 1—2.

[1] См.: *Горбов Н.* Из села Глухова. Апрель 1884 // *МВед*. 1884. 15 мая. № 133. С. 3. Николай Михайлович Горбов (1859—1921) — педагог, автор учебных пособий по русской истории; библиофил, искусствовед, деятель народного образования, член Новосильского уездного училищного совета, почетный мировой судья, меценат, учредитель школы повышенного типа в с. Петровском Новосильского уезда Тульской губ., народного училища в с. Горки Дмитровского уезда Московской губ., попечитель Московского городского Женского дома трудолюбия им. М. А. и С. Н. Горбовых. М. Н. Катков предпослал публикации корреспонденции Горбова вдохновенную передовую статью, где с большим пиететом рассуждал о педагогической деятельности его и С. А. Рачинского (см. ниже примеч. 3), утверждая: «Безопасным и верным путем в назидании народа пойдет только тот, кто проникнется духом церкви и во всем покорится ей» (Там же. С. 2). Эта обширная корреспонденция полностью перепечатана Гиляровым под назв. «Письмо г. Горбова»: *СИ*. 1884. 17 мая. № 132. С. 1—2.

[2] Михаил Акимович Горбов (1826—1894) — владелец мануфактур, почетный гражданин города Ливны; библиофил, переводчик, общественный деятель.

[3] Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик. Вернувшись в 1872 г. в родовое село Татево Бельского уезда Смоленской губ., построил первую в России сельскую школу с общежитием для крестьянских детей и был в ней учителем; в 1880-х гг. идеолог церковно-приходской школы.

[4] Гиляров состоял цензором журнала «Ясная Поляна» с декабря 1861 г. и, по-видимому, по август 1862 г. (в последних номерах журнала, с апреля по декабрь 1862 г., имя цензора не указывалось). Толстой занимался педагогической деятельностью в 1859—1862 гг., в основе ее было принципиальное отсутствие всякого принуждения по отноше-

нию к учащимся со стороны учителя (см.: *Бурсов Б. И.* Лев Толстой: Идейные искания и творческий метод, 1847—1862. М.: Гослитиздат, 1962. С. 305—335).

[5] В харьковской умеренно-консервативной газете «Южном край» с осуждением слов Гилярова о Л. Толстом выступил Ю. Н. Говоруха-Отрок: *Никто*. Взгляд и нечто // 1884. 20 мая. № 1170. С. 1—2. В этой своей чрезвычайно резкой и даже неприличной по тону статье критик в общем-то справедливо упрекает Гилярова в непризнании «огромных заслуг» Толстого (впрочем, этот разговор о заслугах принципиально оставался за рамками краткой передовицы Гилярова; тем не менее он обвиняется обидной гамлетовской фразой: «Презренных душ презрение к заслугам»). По словам Говорухи-Отрока, в процессе педагогической деятельности «великий мастер» «именно лишь под непосредственным воздействием народной стихии мог воплотить свое огромное дарование в целом ряде колоссальных и глубоких созданий, которые несомненно послужат одним из краеугольных камней для создания русской культуры» (Там же. С. 2). Помимо этой «стороны дела, самой главной и важной», критик указывает и на другие его аспекты: «Яснополянская школа графа Л. Толстого воспитала несколько поколений крестьянских детей — это во-первых; а во-вторых, несмотря ни на какие увлечения, столь свойственные людям даровитым да еще предпринимающим совершенно новое дело, все же эта школа является первою попыткою выработать тип своей, оригинальной школы. И попыткой, предпринятой в какое время? Среди самого разгара различных педагогических неистовств, во имя которых только разве ленивый не глумился тогда над Л. Толстым и его делом. В конце же концов гр. Толстой все же первый указал на необходимость учить крестьянских детей тому и так, чему и как хочет сам народ» (Там же).

[6] Имеются в виду слова Говорухи-Отрока, процитировавшего перед ними передовицу Гилярова, которая публикуется как гл. I наст. статьи («<Л. Н. Толстой как педагог>»): «Не знаем, чему приписать эту выходку “Современных известий” против гр. Л. Н. Толстого — злостной ли недобросовестности или легкомысленному незнанию. Можем только сказать, что во всем только что приведенном выше обвинении против Л. Н. Толстого нет ни слова правды. С этим согласится всякий, внимательно прочитавший IV том сочинений гр. Толстого, где собрано почти все написанное знаменитым автором по вопросам педагогическим» (Там же. С. 2).

[7] Говоруха-Отрок так поясняет эти свои слова, оспаривая ими тезис Гилярова о том, что Толстой-педагог «не считался с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности»: эта «черта робкой неуверенности» является у Толстого «именно вследствие глубокого сознания, что народ имеет свой органически-выработанный тип, свое твердо-сложившееся миросозерцание, свое вековое просвещение, с которым необходимо считаться, которое необходимо понять и усвоить нам, людям, оторванным от почвы, от преданий, от народа. Вся педагогическая деятельность гр. Л. Толстого является рядом опытов и наблюдений именно в этом направлении, так что знаменитый автор “Войны и мира”, столь глубоко постигший самую глубокую сущность души русского человека, в качестве школьного учителя не столько учил, сколько учился сам...» (Там же).

[8] Говоруха-Отрок таким образом безосновательно причислил Гилярова к многочисленным церковным критикам религиозно-философских трактатов Л. Толстого рубежа 1870—1880-х гг., так характеризуя этих критиков: «...они не могут понять и оценить того вечного “искания правды”, так сказать, последней правды, которое наполняло всю жизнь Л. Толстого, которое отразилось во всем, что он писал; они не могут понять, что целая бездна лежит между увлекающимся легкомыслием и этим “правдоисканием”, которое может оправдать, которое может примирить с самыми даже пагубными заблужде-

ниями. <...> ...они не хотят понять, что поучительны и самые заблуждения великого духа; не хотят почувствовать, сколько величавого трагизма заключается в этой обнаженной перед нами борьбе великого духа с самим собой...» (Там же).

[9] Гиляров был в тот период незнаком с сочинением Л. Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880—1881) (названным Говорухой-Отроком «Толкованием на Евангелие»); «Исповедь» же, как известно, он прочел, по просьбе С. А. Юрьева и с ведома Л. Н. Толстого, одним из первых и оценил резко отрицательно. См.: Письмо Гилярова к С. А. Юрьеву об исповеди Л. Н. Толстого, републикуемое в *Приложении* к наст. статье.

[10] О том, что общение Гилярова с Л. Толстым по поводу цензурирования «Ясной Поляны» сопровождалось серьезными разногласиями, свидетельствует, например, упоминание цензора в дневниковой записи писателя от 30 августа 1862 г.: «Утро работал. Помешал Тимирязев. Разозлил Гиляров. Дома обедал, заснул...» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.>. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 48. С. 42). Гиляров задерживал и журнальные книжки, и отдельные статьи Толстого, например «Воспитание и образование» (см.: Там же. С. 465; см. также письмо П. И. Юшковой Толстому от 6 февраля 1862 г. // Там же. М., 1936. Т. 8. С. 595).

[11] Здесь Гиляров отвечает на обвинение Говорухи-Отрока: «...злостная клевета, будто то дело, в которое Л. Толстой клал свою душу, было для него лишь “игрушкою”...» (*Никто <Говоруха-Отрок Ю. Н.>*. Взгляд и нечто. С. 2).

Приложение

Н. П. Гиляров-Платонов
Письмо к С. А. Юрьеву <об исповеди графа Л. Н. Толстого> (апрель 1882 г.)

Тяжелую повинность возложили вы на меня, Сергей Андреевич,[a] и тяжелее всего было для меня *дочитать* эту странную исповедь.[b] В самом деле, для чего автор выступает с ней на свет, что им руководит? Выступает ли он учителем или учеником, желает просветить ближних или ищет от них духовной помощи? Ни то ни другое. Сам он объявляет, что только приступил к изучению жизни, в которой, по его мнению, кроется истина веры, а затем во всех отзывах так категоричен: это бессмысленно, то возмутительно и проч.[c]

Состояние души, свидетельствуемое исповедью, называется у отцов *духовною гордостью.* Духовная гордость сквозит в каждой строке, не говоря о том, что ею только может быть объяснено появление исповеди в целом. «Посмотрите, вот я каков и вот что со мной было», причем подразумевается, что я-то и умнее всех, и лучше всех. Нужды нет, что исповедующий говорит о своих грехах и ошибках: вслушайтесь в тон, каким то и другое говорится.

[a] Имя и отчество отсутствуют в первой публикации (далее: у *Г.*) и даны по второй (по *Ш.*).

[b] У *Г.* повсюду: «Исповедь» — как название произведения; принимаем написание *Ш.*, удерживающее нарицательный смысл этого понятия.

[c] У *Ш.*: *пр.*

После того какая же возможность и какой смысл входить в логическую оценку положительного содержания умствований, рассыпанных по исповеди? Ни одно из них не выдерживает логического прикосновения, не то что разбора. Вся эта цепь размышлений есть факт только психический, и не будь подписано под нею: *«Лев Толстой»*,[a] ничего, кроме глумления, ничего, кроме наименования бредом, не вызвала бы она у человека, привыкшего к строгому мышлению. Между тем в том-то самом и чувствуете вы, что имеете дело с длящеюся горячкою духовной гордости. Не будь гордыни, одушевляющей исповедь, автор сам предварительно углубился бы в себя и спросил: да что же, в самом деле, что ли, я такое необыкновенное, выросшее надо всеми головою существо, что лишь один испытывал все муки внутреннего раздвоения,[b] и настолько мозговой аппарат мой совершен, что я свысока могу тремя словами побивать и Экклезиаста, и Канта, и Шопенгауэра, и буддизм, и христианских богословов? А этот аппарат оказывается флюгером, сидящим на вертящейся оси. Несколько переходов пережила душа, и в каждом повторяется необыкновенная самоуверенность, именно к нему относящаяся: и в период издания «Ясной Поляны», и в период исполнения механических обрядов православия действовал человек, воображавший и там и тут, что он обрел истину, и две истины оказываются противоположными одна другой. Добросовестное самоиспытание должно бы привести человека к выводу о собственном бессилии. Я ошибался вчера, ошибался третьего дня, ошибался третьим годом, каждый раз, однако, уверенный, что обладаю истиною и служу ей. Очень возможно и даже $^{9}/_{10}$[c] вероятностей за то, что и теперь я ошибаюсь также и в положительном содержании своего умствования, и в отрицательной критике воззрений, мною не признаваемых, и существенный порок мой есть страстность и самомнение. Вот добросовестный вывод, к которому должно бы привести автора искреннее самоиспытание. Но тогда, конечно, не появилось бы исповеди; он бы ее запрятал и не стал бы показывать своего белья перед всем светом.[d]

Зачем жить? — Вопрос не новый.

Дар напрасный, дар случайный
Жизнь, зачем ты нам дана?[1]

Какой смысл жизни? — перифразирует свой вопрос автор, воображая, что обоими вопросами спрашивает о том же. Но сперва бы нужно было еще додуматься, что эти два вопроса разные. Смысл жизни — ее существо, законы, которыми она управляется; а *зачем?* — это есть *цель* жизни. Да еще существует ли цель? Спросил ли себя об этом исповедник?

> Есть человечество целое, которое жило и живет, очевидно понимая смысл своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить; а я говорю, что вся жизнь есть бессмыслица.

---

[a] У *Г.*: *под ней: Л. Толстой.*

[b] У *Г.*: *испытываю муки мысленного раздвоения.*

[c] У *Г.*: *девять десятых.*

[d] У *Г.*: *перед светом.*

Утверждать и отрицать можно что угодно, и в том числе, что жизнь есть бессмыслица; пускай это мнение и остается при авторе. Но гораздо бо́льшая бессмыслица обнаружена антитезом, который предшествует этому положению: «Ибо, не понимая смысла, не могло бы жить». Да разве это не бессмыслица? Собака понимает смысл своей жизни? Должно быть, понимает; так выходит по Толстому, иначе она не могла бы жить.

Привожу только образчик; но каждая строка, где только встречается какое-нибудь умствование, совершенно такого же достоинства. А рядом идет постоянное озлобление, направленное, впрочем, в единственную сторону — против церковных формул и церкви. «Возмутительное преподавание бессмысленных изречений катехизиса». За что же, однако, граф, сердиться? Зачем эти эпитеты — «возмутительные», «бессмысленные», показывающие неспокойное состояние сердца? Можно не находить смысла, но не злиться. Вспомните спокойный отзыв: «Не ведят, что творят».[2] Та бессмысленность и возмутительность, которая вас раздражает, есть разве злонамеренный обман? Вам так кажется? Не думаю. А стало быть, нечего и браниться на заблуждение, если оно только заблуждение.

Эпитетами «возмутительный» и «бессмысленный» и другими подобными автор выдает коренной грех своих умствований, и пока этот грех сидит, тщетны будут все искания «смысла жизни».

Не бессмысленно для автора только то, что подтверждается эмпирически и доказывается математически. Под этим, по-видимому, одним условием он согласен признавать за чем-нибудь так называемую им разумность. Воззрению, на этой почве утвердившемуся, жизнь должна представляться химическим процессом, за которым ничего не следует, кроме червей и смрада, по выражению автора.[3] И прекрасно, так и следует быть. Но, чудак, что же он спрашивает о *цели* жизни? Стоя на своей почве, он имеет спрашивать только: *откуда* жизнь, *как* она идет, *что такое* в ней? А он спрашивает: *зачем?* Вопросом *зачем* предполагается *преднамеренность, сознание.* Обращаясь к отдельному человеку, спрашиваете: зачем ты это сделал? Своим вопросом выражаете вы уверенность, что ранее, чем поступок совершен, ему предшествовал в голове образ его и затем ожидаемое последствие совершения. К кому же вы обращаетесь с вопросом: *зачем жизнь?* Вы предполагаете, стало быть, заранее, помимо производящей и производящих причин, элементов[a] и механических законов (в силу которых появляется живое существо человека), какую-то, кем-то предустановленную цель, стало быть, чье-то сознание. Ибо бессознательная предустановленность «есть чепуха, горькая сладость». Какое же, однако, имеете вы право на это предположение, к которому не уполномочивают вас ни эмпирия, ни математика? Спрячьте ваш вопрос в карман: он сам есть бессмыслица, а не жизнь, которую вы обвиняете. Нет, жизнь есть[b] не бессмыслица; она полна смысла и порядка, если остановиться на материалистическом (виноват, на реалистическом) основании. Все идет исправно:

---

[a] У *Г.*: *химических*.

[b] У *Ш.* эта глагольная связка отсутствует.

происходит борьба за существование, эволюция,[a] одни вымирают, другие нарождаются.[b] Вам хочется знать: *как* вам жить? Не праздный ли это вопрос? Живите, как хотите, или, точнее и строже сказать: вы будете жить так, как сложатся ваши клеточки[c] вследствие таких и таких-то[d] климатических и социальных условий, такого-то питания, таких-то впечатлений и таких-то[e] рефлексов. «Хотите» предполагает волю и свободу; но то и другое только самообольщение. А потому и вопрос праздный.

Но вы хотите еще более: вы хотите еще знать,[f] *зачем* вы живете? Вы обращаетесь к свету, теплу, электричеству, магнетизму — словом, к эфиру, обращаетесь к материи, если кроме эфира существует еще самостоятельная материя, обращаетесь к тяжести, упругости, химическому сродству, ко всем физическим деятелям, зачем-де вы дали мне жизнь, зачем вы даете ее бесчисленному множеству, зачем вообще вы ее произвели? К эфиру и материи вы обращаетесь, ровно к сознательным существам, допрашиваете их как прокурор, предполагая в них и волю и совесть? Что вы делаете, не многого ли требуете?

Однако этот вопрос вас мучит. Очень жалко. Однако же вы можете спросить: откуда же[g] этот самый вопрос? Как он взялся в этом столь стройном мире, предъявляя требование, о котором бы не должно было возникать и представления? Это вопрос не шуточный; и с него бы по-настоящему и следовало начать. Но тогда прежде всего надо сойти с почвы, на которой этот вопрос, сам в себе, представляется нелепостью. А тогда слетит и вся самоуверенность, и все категорически презрительные отзывы о явлениях, на которые так гневается автор исповеди.

Впервые напечатано А. М. Гальперсон под назв. «Н. П. Гиляров к *** (Об “Исповеди” графа Л. Н. Толстого)»: *РА*. 1889. Кн. III. Вып. 11. С. 428—432; в 1900 г. вновь опубликовано кн. Н. В. Шаховским под назв. «Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого» (*Сб. соч.* Т. II. С. 287—291) с многочисленными разночтениями, заставляющими предположить, что публикации были сделаны по разным спискам письма Гилярова (известно, что он сам, по крайней мере, трижды переписал свое письмо к С. А. Юрьеву, послав копии Л. Толстому в Ясную Поляну, К. П. Победоносцеву в Петербург и своему московскому приятелю М. Н. Лопатину). Местоположение какого-либо автографа нам неизвестно. В нашем издании воспроизводится первая публикация как более, на наш взгляд, аутентичная. Однако некоторые существенные места, явно неверно прочитанные либо опущенные, поправлены по более поздней публикации и оговорены в текстологических комментариях. См. также: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // Русский листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

---

[a] У *Г.*: *эволюции*.
[b] У *Ш.*: *порождают*.
[c] У *Ш.*: *как сложится ваша клеточка*.
[d] У *Ш.*: *таких*.
[e] У *Ш.* это слово отсутствует.
[f] У *Г.*: *Но вы хотите еще знать*.
[g] У *Ш.* частица отсутствует.

[1] Неточно приведены начальные строки неозаглавленного стихотворения Пушкина (1828; опубл.: 1830). В оригинале: *мне дана*.

[2] Слова Христа на кресте о Его мучителях (Лк 23: 34).

[3] Буквально в «Исповеди» Л. Толстого: «Не нынче-завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей».

3. <Вл. С. СОЛОВЬЕВ И УНИЯ>

С удивлением, близким к негодованию, обращается «Варшавский дневник» к столичной печати: как это она пропустила такое событие, как переговоры между Римскою куриею и Константинопольским патриархатом о соединении Церквей, причем блаженнейший Иоаким IV якобы склоняется к унии.[1] Удивление варшавской газеты напоминает нам о настояниях, с которыми год тому назад и более обращались некоторые письменно к редактору «Современных известий», почему он, и именно он в частности, не выступит со словом против В. С. Соловьева,[2] который явился проповедником своего рода тоже унии. Не отвечая за других, скажем за себя, что ни оригинальное воззрение, с которым выступил В. С. Соловьев, ни склонность к унии, приписываемую Константинопольскому патриарху, мы не считаем достойным не только серьезного спора, но даже серьезного упоминания. Уния! Мысль о ней есть нечто даже забавное, не говоря о том, что к вере она не имеет отношения. В унии весь вопрос о дисциплине, о власти, и тем он возмутительнее, что Рим охотно пожертвует даже догматом, лишь бы сохранить авторитет папской туфли, о которой с таким справедливым омерзением говаривал в своих сочинениях блаженной памяти Платон, митрополит Московский.[3] Придумывая унию новейшей конструкции, и В. С. Соловьев находит ее нужным тоже лишь для внешнего единства, которого, по мнению почтенного ученого, недостает для Церкви. Внешнее единство, то есть — единство власти, которое может быть логически завершено только признанием непогрешимого папы, где бы он ни сидел, в Риме или в другом месте. А духовная непогрешимость в единоличном воплощении — это есть демонизм вместо христианства, перенесенный в Церковь. Лютеранские богословы первых времен не очень были далеки от истины, когда антихристом и вавилонскою блудницею признавали Римского папу.

В стремлениях папизма подчинить себе Восточную церковь не видим никакой новости: и Пий IX обращался к восточным патриархам;[4] отчего же не попытаться и Льву XIII?[5] Если, как уверяет польский «Час», около константинопольского престола есть люди, склонные к соединению (в числе их называют логофета Аристарха-бея[6]), то и это нас не удивит. Возможно, что и патриарх, не этот, так другой, подпишет даже унию; разве это не бывало, разве не было Флорентийского собора[7] и не остался в свое время один Марк Ефесский верным Церкви?[8] Польско-клерикальному «Часу» извинительно предаваться грезам, что вот исчезнет «схизма», и Восток переродится под «живительным влиянием католи-

цизма и западной цивилизации». «Живительное» влияние! Что-то этого не слыхивали мы о католицизме, который, напротив, везде мертвит, душит и порабощает. А западная цивилизация, которую неожиданно сближает польская газета с католицизмом, и народилась именно как протест против католичества. «Час» плохо знает историю или находит нужным притвориться, что забыл ее; клерикальному органу не подобало забывать, по крайней мере, что не против чего, однако, и воюет более всего современная курия, как против цивилизации (то есть внешнего просвещения). Из чего и состоял знаменитый «Syllabus errorum» (Перечень заблуждений) Пия IX.[9] А были слухи, что Лев XIII тоже хочет издать свой Силлабус. Но у ультрамонтанства стратегия всегда такова: в одну сторону одна логика, в обращении к другой — другая. Это также столь обыкновенное явление, что на нем останавливаться не стоит.

Несколько серьезнее то указание, что папистам надежду на успех внушает современная распря болгар с греками.[10] Либо ту, либо другую сторону надеются они уловить, разумеется не наставлением в духовной истине, а приманкою политического господства: «кто наш, за тем и будет Восток». Могут найтись легковерные, которые и перейдут на сторону Рима. «Час» мечтает именно о греках. Только времена-то прошли не только крестовых походов, когда путем завоевания водворился латинский патриарх в Цареграде, но даже времена Флорентийского собора. Кто ж будет крестоносцем Льва XIII? Его апостолическое величество австро-венгерский император? Австрия действительно ищет присвоить себе Восток посредством окатоличивания жителей. Но ведь австрийский же император, а не греческий король. «Час» же развертывает пред независимыми греками перспективу, что они, а не Австрия станут наследниками турецких владений в Европе и Малой Азии, когда обратятся в католичество.

Рознь между греками и болгарами во всяком случае существует, и это есть самая печальная сторона дела. Существует не только рознь, но прямой раскол, который прекратить ни та, ни другая сторона не решается; племенная вражда слишком сильна. К вере опять рознь эта имеет мало отношения; дело в будущем политическом господстве. И в интересах, конечно, Римской курии, с одной стороны, Австро-Венгрии — с другой — поддерживать взаимную неприязнь и раздувать огонь в надежде попользоваться чем-нибудь, когда пожар вспыхнет. Добыча будет вообще невелика, но жалко, что в виду подстрекателей раздора бездействует по-видимому миротворное участие народов и государств, единоверных грекам и болгарам. Если «Час» сулит Востоку счастие от подчинений Риму, то сам Восток должен бы понять, что разделение-то его и есть его несчастие.

Печатается по единственной неподписанной публикации (в качестве подпередовой): Москва, 13 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 14 февр. № 43. С. 2.

[1] Патриарх Иоаким IV (Ἰωακεὶμ Δʹ; в миру, до 1860 г., Николай Крусулудис; 1837—1887) — вселенский патриарх с 1 октября 1884 г. до 14 ноября 1886 г. Его действия на этом посту нередко вызвали крайнее неудовольствие со стороны российского правительства. Проф. И. Е. Троицкий усматривал «папистические тенденции» в его поведении

по отношению к поместным Церквам (см.: «Наша отечественная Церковь занимает первое место между всеми православными церквами»: (Отчет профессора И. Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г.) // Исторический архив. 2001. № 4. С. 160—162).

[2] Прежде всего имеется в виду ученик Гилярова публицист И. Ф. Романов-Рцы. 15 августа 1884 г. Гиляров писал ему: «Вы меня подзываете еще на полемику с Соловьевым. Но извините, у меня не хватает терпения даже прочитывать его. И опровержение его есть дело толстого журнала. Ежедневная газета на двух столбцах разве может сказать многое?» (*Письма к Романову-Рцы*. С. 233).

[3] Митрополит Платон (в миру, до 1758 г., Петр Георгиевич Левшин; 1737—1812) — выдающийся богослов и проповедник, возглавлял Московскую и Коломенскую кафедру с 1799 г. до своей кончины.

[4] Пий IX (Pius PP. IX; в миру Джованни Мария, гр. Мастаи-Ферретти; 1792—1878) — римский папа с 1848 г., основоположник современного учения о правах и привилегиях римского первосвященника. Вошел в историю как папа, провозгласивший догмат о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии и созвавший I Ватиканский собор, утвердивший догматически учение о непогрешимости римского первосвященника. Гиляров упоминает Послание Пия IX к восточным христианам «In suprema Petri apostoli sede», предлагавшее унию и датированное 6 января 1848 г.

[5] Лев XIII (Leo PP. XIII; в миру Винченцо Джоакино Рафаэль Луиджи Печчи, 1810—1903) — римский папа с 1878 г. Его более поздняя энциклика (от 20 июня 1894 г., «Praeclara Gratulationis»), действительно, содержала призыв к христианам Востока, и в отдельности к славянам, к единению под верховной властью «римского понтифика».

[6] Аристарх-бей — великий логофет (хранитель патриаршей печати), влиятельный дипломат.

[7] Ферраро-Флорентийский собор (1438—1445) почитается XVII Вселенским собором в Католической церкви, Православными же церквами его решения отвергаются. 6 июля 1439 г. восточные иерархи подписали резолюцию Собора, предложенную папой, и, таким образом, Восточная церковь воссоединилась с Латинской («Флорентийская уния»). Но вскоре уния была отвергнута большинством Православных церквей.

[8] Марк Эфесский (Μάρκος Ευγενικός, Мануил Евгеник; 1392—1444) — митрополит Эфесский с 1437 г., православный богослов, единственный участник Ферраро-Флорентийского собора, не принявший унию.

[9] Сразу ставший знаменитым «Syllabus Errorum» («Список важнейших заблуждений нашего времени») был издан Пием IX 8 декабря 1864 г. как приложение к энциклике «Quanta Cura». Силлабус анафематствовал пантеизм, натурализм, рационализм, социализм, коммунизм, тайные и библейские общества, принципы свободы совести и отделения Церкви от государства и др.

[10] Речь идет о драматическом моменте в жизни Болгарской православной церкви, добивавшейся автокефалии от Константинопольского патриархата, зависимость от которого возникла в конце XIV в. в связи с потерей Болгарией государственности (без каких-либо церковно-юридических мотивировок) и действия которого в XIX в. во многом диктовались идеологией панэллинизма. В 1870 г. Османское правительство приняло решение прекратить спор, издав фирман об учреждении особого церковного округа — Болгарского экзархата; Константинопольский патриарх объявил этот фирман неканоничным и высказался за созыв Вселенского собора по Болгарскому вопросу, но это предложение было отклонено Русской церковью, советовавшей Константинополю принять фирман.

4. <О ПЕРВОМ ТОМЕ СБОРНИКА СТАТЕЙ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА «ВОСТОК, РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО» (М., 1885)>

Очень умная, чрезвычайно талантливо написанная книга, под заглавием «Восток, Россия и славянство», вышла теперь очень кстати, когда на Востоке заворошилось. Это сборник статей, писанных в разные времена в разных журналах, начиная с 70-х годов, г. К. Леонтьевым.

Автора всякий назовет слишком парадоксальным, многие назовут мистиком (от чего он и сам не отрекается). По нашему мнению, ни то, ни другое не может служить ему в укор, и всего менее первое; быть пошлым не есть ни заслуга, ни достоинство. Своими историческими толкованиями и своими историческими идеалами г. К. Леонтьев резко, до противоположности выделяется от прочих публицистов, и на наш взгляд, в трех четвертях того, что он говорит, глубочайшая истина; но он в своем основном положении увлекается далее пределов. А основное его положение: что России суждено завоевать Царьград, с тем чтобы во главе великого восточного союза основать на *почве восточного православия* новый период всемирно-исторической культуры, своего особенного характера. Принимая посылку, принимая даже заключение, мы отвергаем выставленное условие. Царьград предстоит нам взять, это неизбежно; но на основаниях византийского православия создать что-либо новое и живительное столь же мало возможно, сколь невозможно было обновиться Европе католичеством, по завоевании Рима объединенной Италией. Да простит нам автор: византийское начало (а оно еще не равнозначительно с православием) есть анахронизм, ложь и неправда.

Мы верим в грядущий период всемирной культуры; верим в великое призвание России и вообще Востока (иначе история России и ее существование были бы бессмыслицей). Но если возрождение состоится (а по-видимому, должно бы), то никак не на византийском основании, а против него и с его разрушением.

Автор ошибется, если причислит наш отзыв филетизму и вообразит, что мы стоим на пошлом и узком преклонении пред началом племенной национальности. Напротив, мы вполне того же мнения, как и он, об этом, из ложного начала истекающем, хотя и превознесенном теперь этнографическом начале; славянство как славянство не заключает в себе никаких задатков никакой новой культуры. Ко всему, что он пишет против идеала буржуазной эгалитарности, готовы мы тоже подписаться обеими руками. Но мы не согласны в давно прошедшем искать будущего. Если будущее в православии (с чем мы согласны), то <будет> ошибкою, по нашему мнению, определять православную культуру только независимостью от романо-германских идей или от католичества-протестантства. Возьмите раньше, и нам кажется, нужно уйти очень далеко, до времен Константина.

Чтобы пояснить высказанное положение, обратимся к одной из частностей, которой сам автор отводит очень большое место в книге — к спору болгар с патриархиею. Характеристика самих болгар и греков как национальностей, пред-

ставляемая автором, верна и глубока. Верно и заключение, что болгары канонически неправы: в одном городе не может быть двух епископов.[1] Но само это церковное правило безусловно? И оно останется таким и должно остаться до Второго пришествия? Мы сомневаемся. Сомневаемся, чтоб не наступило время, когда Церковь, собравшись вполне свободно от всех посторонних влияний, от необходимости приспособлять свое устройство к определенному строю определенного государства, — мы сомневаемся, повторим, чтобы Церковь тогда поставила одну *территориальность* верховным началом для своей иерархии. Болгары неправы, нечего и говорить; но неправы и греки, прикрывая собственный фелитизм каноническим правилом. Мы хотим сказать, что искать будущего в сохранении всего того, что выработано во внешнем устройстве Церкви под воздействием византийской, отчасти языческой, государственности, — ошибка.

Поэтому мы не с надеждою, а со страхом смотрим на возможность (кажется — неизбежную, к сожалению) перехода Константинополя в наши руки. Страшит нас именно то, чем ласкает себя в своих мечтах и предсказаниях г. Леонтьев. Он соглашается, правда, что и тогда Россия должна сохранить свою русскую столицу. Ну, что ж, ну и довольно бы. Славяне, повторим слова самого автора, могут составить лишь *союз отдельных государств*, в противоположность немцам, «соединившимся в *одно союзное государство*». «Чисто славянское содержание, — скажем его же словами, — слишком бедно для всемирного духа России».[2] Добавим: итак, Россия должна остаться Россиею; с нее довольно этого и для духовного и для материального будущего. Единоплеменные ее и единоверные могут составлять из себя союз, но он *им* нужен, а не для нее. Она не старшая сестра между ними, каждым в отдельности; она восприемная мать для всего их союза, взятого во всей его совокупности, и присаживаться к кому бы ни было, равно как наследовать кому бы ни было, тоже ей не к лицу. А потому и всякий чужой центр, с определенными преданиями, лишь отклонит ее от ее шествия, лишь повредит ее будущему.

Автор прожил десять лет на Востоке, занимая официальные посты.[3] Это придает его книге определенную занимательность, не говоря об оригинальных мыслях, притом с редкою живостью изложенных. Но интерес, но жизненная правда, художественность оставляют автора, где он переступает далее характеристики местных отношений. Для подтверждения своих мыслей он пускается в философию истории и в теорию развития государств. Это слабейшая часть его книги, исполненная натяжек, односторонностей, противоречий, хотя общее теоретическое основание (сближение общественного организма с обыкновенными физическими) и верно. Пределы газетной статьи не позволяют следовать за промахами (особенно в истолковании истории), из которых некоторые даже забавны и объясняются прямолинейностью автора, доводящею его до мании в пользу любимой идеи. Позволим себе лишь одно замечание.

Все, что говорит автор о значении, какое имеют для русского человека Святые места Востока и тамошнее духовное подвижничество, глубоко верно. Но столь же глубоко ошибается он, когда полагает, что и восточная иерархия со-

хранила свое обаяние для русского человека. Да имела ли она его когда-нибудь, и это вопрос. Но несомненно, что уже в начале XVII века авторитет Востока в церковных делах оказывается подорванным в глазах верующей Руси. С которых это пор? С завоевания ли турками Царьграда?[4] Или еще ранее — с Флорентийского собора?[5] Не разбираем здесь, но указываем факт, которого не заметит в истории разве читающий ее по складам. Вот, стало быть, с которых пор русская душа уже отвратилась от того византийского государственно-церковного идеала, которому преклоняется автор и в подчинении которому для России и всего мира ждет он лучшего будущего.

Печатается по первой неподписанной публикации (в качестве подпередовой): Москва, 23 сентября: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2. О взаимоотношениях Гилярова и Леонтьева см.: *Фетисенко О. Л.* Из московских встреч: Леонтьев и Н. П. Гиляров-Платонов // *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 186—197. Здесь републикуемая нами рецензия частично перепечатана — ради обнародования «примечаний к ней Леонтьева и его помет на газетной вырезке, хранящейся в частном собрании» (Там же. С. 191). Общему с Гиляровым приятелю Т. И. Филиппову Леонтьев писал 1 октября 1885 г.: «...Гиляров-Платонов, который меня 10 лет “игнорировал”, напечатал теперь большую и очень лестную статью: “глубоко одно”, “верно другое” и т. д., хотя и с весьма странными возражениями (напр<имер>, что для настоящего Православия нужно не то, что я зову “Византизмом”, избави Боже! а надо вернуться ко временам *до Константина*, что же это? *Языческого* императора нужно? Гонения? *Политеиста*-государя непременно, мусульмане за веру собственно не гнали, они преследовали политические и даже просто гражданские поползновения христиан. Надо отвергнуть и Никейский Символ веры, ибо до Константина его не было и т. д. — чудно что-то?). А все-таки его статья доставила мне удовольствие» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 296—297). (Как видим, Леонтьев здесь полностью исказил мысль Гилярова, предлагавшего вернуться «до времен Константина», когда христианство стало государственной религией, а никак не «ко временам *до Константина*».) Исследовательница также анализирует незавершенную статью Леонтьева «Кто правее?», в которой Леонтьевым дан «развернутый комментарий на рецензию Гилярова» (см.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты». С. 194—196).

[1] Так гласит 8-е правило Первого (Никейского) Вселенского собора (325).

[2] Цитируется 1-я глава очерка «Панславизм и греки» (1873).

[3] К. Н. Леонтьев 25 октября 1863 г. был назначен драгоманом русского консульства в Кандию, на остров Крит. С 1864 г. служил консулом в Адрианополе, с 1867 г. — вице-консулом в Тульче, с 1869 г. — консулом в албанском городе Янине, затем в Салониках. В 1871 г. тяжело заболел, а по выздоровлении, в 1872—1874 гг., жил в Константинополе и на о. Халки.

[4] Город был взят турками в 1453 г. и провозглашен столицей Османской империи.

[5] См. примеч. 7 на с. 650.

Приложение

Н. П. Гиляров-Платонов
Письмо к К. Н. Леонтьеву <о рассказе Л. Н. Толстого «Чем люди живы»> (август 1882 г.)

Милостивый государь. Мне передали желание (вам ли оно принадлежит или тому только, кто передавал его, не знаю), чтобы в «Современных известиях» была перепечатана рецензия ваша на рассказ Толстого «Чем люди живы». Еще ранее того я обратил внимание на эту рецензию и хотел — не перепечатать ее, а, напротив, отвечать на нее. А еще ранее того хотел самостоятельно писать о сказанной повести и даже всю ее перепечатать. Но то и другое я раздумал: вместо пользы можешь сделать вред. Теперь, после вашей рецензии, может быть, я и возвращусь к прежнему своему намерению иллюстрировать повесть Толстого, с тем чтобы ослабить то охлаждающее, разлагающее действие, которое могла произвести ваша рецензия на тех, кто ее прочитал.

Знаете, кого мне напомнила ваша рецензия? Можете гордиться, если хотите, но я не стал бы гордиться. М<итрополита> Филарета! Филарета с его придирчивостью. От поэтического рассказа вы требуете *обстоятельности,* хотите, чтобы он был докладной запискою, и если какая-нибудь сторона дела упущена, говорите: это не годится, это не свято, это не христиански: черта, которою покойный Филарет засушил многих, загубил дарования, затоптал труды, действие которых на общество было бы самое спасительное; черта, в силу которой покойный, великий ум, с *искренним, добросовестным* презрением и негодованием отзывался, например, об Иннокентии.[1] А что христиански воспитательнее действовало и действует, проповеди ли Иннокентия, безупречные со стороны точности и обстоятельности, или Филарета? Филаретовское слово — пища для мыслителя, а воспитывать и сердце, и жизнь в христианстве способнее бесспорно слово Иннокентия. Я покойному Филарету лично говаривал о неуместности его придирчивых замечаний и указывал на притчу о приставнике,[2] которая, если ее судить с точки зрения обстоятельности, учит мошенничеству. Филарет к старости сделался менее взыскательным, даже перешел пределы, одобряя такие, например, издания, как «Православное обозрение».[3]

Человек бесспорно умный, вы поймете, что я хочу сказать. Ваши замечания на повесть Толстого верны, если судить о повести как о попытке преподать сокращенное учение о христианских обязанностях или об обязанностях человека вообще; ваше суждение верно, поколику вы анализируете и духовный возраст автора. Но вы отправляетесь от ложной точки. Скажу более: все сказанное вами пришло вам в голову именно потому только, что вы уже знаете воззрение Толстого, знаете катехизис, которым он ограничивается, и вы ему читаете лекции. Напрасно! Подумайте о читателях, станьте на их точку, взяв притом сердца непосредственные, не развращенные умом, каковы — детей и народа. Какое действие должен произвести на них рассказ? По моему мнению, в высшей степени

благое, воспитательное. Я видел опыты. А вы подходите с разлагающим ножом и говорите: это не свято, это не так, здесь не достает уяснения необходимости страха, я не вижу влияния Отцов.[4] Вы чуть не говорите, что это вредно. Да нет, вы и говорите: это *Жорж Занд.* Это *сенсимонисты.*[5] Остановитесь! Во-первых, это исторически неверно: не Жорж Занд, не Сен-Симон обучил Толстого: он «своим умом дошел». В этом, если хотите, и главный недостаток Толстого, о котором я ему лично докладывал, — избыток творчества, нежелание принять чей-нибудь авторитет без проверки личной, разумеется, а потому, хотя бы у гениального ума, ограниченной и подверженной ошибкам. А во-вторых, если на то пошло, кого вы предпочтете, Сен-Симона или Юханцова?[6] Пусть лучше не будет никакого воспитателя нравственности, если нравственные книжки будут выходить без цитат из отеческих творений, без ссылок на церковные формулы; нужды нет, что в сознании общества формулы эти обратились в стертый пятиалтынный,[7] утративший «образ и написание».[8] И мы пережили этот период, когда запрещался русский перевод Священного Писания,[9] когда запрещению подвергнуты были духовно-нравственные книжки за то, что они были лютеранского происхождения,[10] хотя учили христианской нравственности вообще, не касаясь различий догматических, лютеранства и православия. Слава Богу, книжки эти, хотя через пятьдесят лет, снова появились, и именно те же самые, которые я читывал в детстве и которые — говорю про свой личный опыт — действовали самым благим образом на нравственное воспитание. Но ведь мы видим, к чему и привела эта неумеренная ревность о форме, о букве православия. Дух отлетел, и мы получили поколение, которого правую сторону представляют Юханцовы разных наименований, другую — нигилисты разных степеней.

Хотите, я вам скажу, как вкратце назвать основание вашего нравственного мировоззрения? Не обидьтесь: фарисейство, фарисейство не в смысле лицемерия, которого, разумеется, я не заподозреваю, а в смысле преувеличенного служения букве и форме. Это общественное начало, которому противостоит другое, столь же одностороннее, рационализм саддукейства. Истинной духовной жизни не дает ни то, ни другое.[11]

Эту самую мысль я и хотел развить в рецензии на вашу рецензию, но, как сказано, остановился. Слово есть серебро, но молчание часто есть не только золото, но бриллиант. В краткое пояснение я вам скажу только, что фарисейство (в том общемировом смысле, в котором я его беру) приводит к ниспровержению самых святейших начал и личной и[a] общественной нравственности, к Лойоле и Торквемаде.[12] «Повинуйся церкви», «ее учение есть истина» — верно; но отсюда выводится, что Галилея сажают в тюрьму, других влекут на костер, третьим ломают члены за неосторожное слово, за добросовестное сомнение; а четвертого учат и воровству, и прелюбодеянию, ad maiorem Dei gloriam[13] и на пользу церкви. Перспектива совсем перестанавливается: внешнее, зависимое, временное заслоняет собой высшие и вечные начала; догмат об иерархическом устройстве становится поверх начал правды и любви.

[a] Здесь союза «и» в публикации нет; подставлен по смыслу.

Рассказ Толстого я признаю высоким во всех отношениях: признаю за ним и самую спасительную, воспитательную силу. Я видел и опыты. Я читал и заставлял читать его в кругу простых слушателей и видел, что производило и какое производило впечатление. Я имею только одно возражение — против текстов, не то, которое вы высказываете, что приведены они односторонне,[14] но что они приведены вообще: это дает ложную окраску рассказу, правда, внешнюю. Это есть стороннее дополнение, умствование самого Толстого, его, так сказать, комментарий на свой рассказ, намек, что это-де есть христианское учение. Но отбросим тексты, отпорем эту пришивку, возьмем один рассказ. Ложное внешнее освещение отпадает, и вы возноситесь истинно на высоту небес; пред вами раскрывается совершенно противоположное мнение вашему — истинно святыня. Рассказ есть легенда. Когда я задумывал писать самостоятельную рецензию, я и хотел начать ее вопросом: нашел ли эту легенду Толстой готовою в народе или создал ее? В том и другом случае это есть высочайшее произведение: до такой степени воспроизвести нравственное мировоззрение народа, начиная с сущности и кончая выражением, выражением в обширном смысле и самых образов и языка!

С последней точки зрения, я нахожу возразить только против *одного* слова: «одиночество». Это деланное, не русское слово. Но все остальное, до последней буквы, каждое слово, каждый оборот, отсутствие синтаксиса (искусственного), потом образы (типы и события), в которых олицетворялась притча, — все это совершенство. Совершенство, помимо внешней художественности, потому еще, что — хотите знать мое мнение? — наш народ если еще остается в христианстве или, точнее, если и насколько вкусил христианства, тем обязан именно подобным легендам и ничему более. Остальное есть идолопоклонство, хотя во внешней христианской форме. Народ верует чрез образы и воспитывает себя в нравственных правилах чрез образы же и воплощенные притом в легендах, подобных переданной Толстым. Кодекс этих легенд пытался издать Афанасьев, но книгу запретили.[15] Да и как-де не запретить?..

Я сказал, что легенды суть пока единственное христианское училище для народа. И когда думаешь, как еще мы живем и откуда выплывают высокие доблести (доблести христианские) народа, пред которыми преклоняешься. Кто его воспитывает? Поп? Но он только отправляет требы... Мать, бабушка? Но она учит только, как сложить персты в крестное знамение, приложиться к образу, снять шапку в церкви или крестном ходу. Быт, пример? Но это есть поучение внешнее и учит внешнему, не потрясая сердца внутри. Верьте, воспитывает и сохраняет христианина в народе легенда, одна легенда, и возблагодарим за это Бога. От легенды вторая ступень — святоотеческие аскетические размышления; но это уже для грамотных. Я говорю о первоначальном воспитании, и только с ужасом можно помышлять о том моменте, к несчастию неизбежном, когда к легенде подступит анализ, фарисейский ли, как сделал это К. Н. Л<еонтьев>, или саддукейский, что исполнит народный учитель и разложит ее, обратит в ни-

что и даже скажет, что она вредна, и даже попрекнет косвенно Общество распространения *полезных* книг, что оно издает подобные книги.

Впервые опубликовано А. М. Гальперсон под назв. «Письмо к ***: (О рассказе “Чем люди живы”)»: *РА*. 1889. Кн. III. Вып. 11. С. 425—428. Адресат атрибутирован по содержанию письма: в нем дается критическая оценка рецензии К. Н. Леонтьева на рассказ Л. Толстого «Чем люди живы?», увидевшей свет в газете «Гражданин» (1882. 8 июля. № 54. С. 7—10; 11 июля. № 55. С. 6—9) и позднее, при включении Леонтьевым этой рецензии в его брошюру «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой» (М., 1882), озаглавленной «Страх Божий и любовь к человечеству». Автограф письма Гилярова неизвестен, печатается по первой публикации.

Его можно датировать второй половиной августа (до 27-го) 1882 г. В вышеупомянутой книге О. Л. Фетисенко «Гептастилисты» (СПб., 2012), со ссылкой на неопубликованную переписку Леонтьева с О. А. Новиковой, упоминается о попытке мыслителя во второй половине августа 1882 г. републиковать свою статью о рассказе Л. Толстого в «Руси» И. Аксакова и в «Современных известиях» Гилярова. Причины отказа оказались одинаковы: и Аксаков, и Гиляров увидели в статье Леонтьева «фарисейскую закваску», не оставляющую места истинной христианской свободе. И. Аксаков писал О. А. Новиковой 21 августа о Леонтьеве: «На днях он у меня был и принес свой разбор повести Толстого: “Чем люди живы” и утвердил меня в моем первоначальном мнении. <...> Он не столько христианин, сколько церковник» (цит. по: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты». С. 288). К сожалению, исследовательнице было неизвестно републикуемое нами письмо Гилярова к Леонтьеву с подробным обоснованием решения Гилярова не печатать его статьи в «Современных известиях».

[1] Об архиепископе Иннокентии (Борисове) см. примеч. 22 на с. 557. В мемуарах Гиляров также противопоставлял «высокоталантливого проповедника-художника Иннокентия» Филарету, с его «худощаво-умным словом» (*Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 363, 175).

[2] Имеется в виду так называемая Притча о неправедном приставнике, или управителе (Лк 16: 1—17).

[3] Ежемесячный московский богословско-философский журнал «Православное обозрение» (1860—1891) был ориентирован на образованного светского читателя. Здесь впервые в истории русской духовной журналистики публиковались историко-критические обозрения атеизма, других вероисповеданий и нехристианских религий; поднимались острые общественно-церковные проблемы; печатались богословские сочинения славянофилов. Митрополит Филарет (Дроздов) в первые годы существования журнала защищал его от цензурных придирок.

[4] Подразумеваются Святые Отцы, древнехристианские духовные писатели.

[5] Имеется в виду следующее место из статьи К. Н. Леонтьева: «...это новоизобретенное “розовое” христианство! Мы его знаем давным-давно... Оно проповедовалось Ж. Сандом, с<ен>-симонистами и множеством других западных европейских писателей, проповедуется и у нас антиправославными органами печати... Это христианство принимает у каждого свой оттенок и переходит иногда (совершенно неожиданно для кротких наставников) в действия злобы и разрушения у тех из их последователей, которые завистливее, решительнее, грубее их или больше их чем-нибудь в жизни обижены».

[6] Константин Николаевич Юханцов (Юханцев; ?—не ранее 1892) — чиновник по особым поручениям Министерства финансов и рядовой кассир С.-Петербургского об-

щества взаимного поземельного кредита. С 22 по 25 января 1879 г. в С.-Петербургском окружном суде слушалось прогремевшее на всю Россию дело о растрате им в течение 12 лет ценных бумаг на 278 000 фунтов стерлингов (2 123 295 рублей).

[7] *Пятиалтынный* — разговорное название монеты номиналом 15 копеек. Любопытно, что «стертый пятиалтынный» — характерная, устойчивая для Достоевского формула (встречается в целом ряде его произведений), высмеивающая утилитарный, уравнительный идеал социалистов.

[8] Слова Христа о динарии, показанном Ему фарисеями (Мф 22: 20; Мк 12: 16; Лк 20: 24).

[9] Русский перевод Священного Писания был запрещен Александром I в конце 1824 г. из опасения, что он будет способствовать распространению ересей, протестантизма и масонства, а в апреле 1826 г. в связи с приостановкой Николаем I деятельности Библейского общества были окончательно прекращены перевод и издание Библии в России. И только в мае 1858 г. был предпринят так называемый Синодальный перевод Священного Писания.

[10] Эта назидательная религиозная литература, на которую церковные приходы обязаны были подписываться вплоть до 1826 г. (см. в примеч. 9 о Библейском обществе), позднее оказалась под запретом.

[11] Интересно, что эти две крайности в духовной жизни (фарисейское и саддукейское направления), сформулированные Гиляровым, соотносятся по смыслу с обоснованием его старшим товарищем по МДА, архимандритом Феодором (в миру, до 1846 г. и с 1863 г., Александр Матвеевич Бухарев; 1822—1871), двух направлений, «усилившихся в недрах христианства»: «одно — *духовно-языческое,* когда началом мысли или деятельности у христиан бывает не Христова истина и благодать, а идолы суемудрия, страстей, расчета житейского, а другое — *духовно-иудейское,* когда и для сердца самих христиан, как некогда для иудеев, завет спасения становится только буквою или формою...» (*Феодор, архим.* Несколько статей о святом Апостоле Павле. СПб., 1860. С. 8). Саддукеи, в противоположность фарисеям, признавали один только писанный закон Моисея, отвергая все народные обычаи и постановления позднейших законоучителей.

[12] Игнатий де Лойола (Loyola; ок. 1491—1556) — основатель Общества Иисуса (монашеского ордена иезуитов, 1540); Томас Торквемада (Torquemada; 1420—1498) — первый великий инквизитор Испании.

[13] Ad maiorem Dei gloriam — к вящей славе Божией (*лат.*) — геральдический девиз Общества Иисуса.

[14] Речь идет о восьми эпиграфах к рассказу, о которых Леонтьев писал: «*Восемь* эпиграфов — и все только о любви, и все из *одного* первого послания св. ап. Иоанна! / “Многая простота!” / Отчего же бы не взять и других *восемь* о наказаниях, о страхе, о покорности властям, родителям, мужу, *господам,* о проклятиях непокорным, гордым, неверующим?.. Все это найдем мы в обилии и у евангелистов, и в посланиях».

[15] Имеется в виду кн.: Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. М., 1859. Издание вызвало протесты духовенства и было запрещено. Повторно книга вышла только в 1913 и 1916 гг. в Москве и в 1914 г. в Казани. Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) — литературовед, представитель «мифологической школы» в фольклористике.

5. ЗА ЧТО ГОНЕНИЕ? *

Чего заслуживают книги, внушающие христианскую нравственность? — Нам отвечают: «Им должно противодействовать». Как ни странен такой совет, но он произнесен, и притом где? В Обществе любителей духовного просвещения. 15 января в его заседание кем-то, «одним из членов», как выражается отчет, [1] внесены 10 книжек, купленных у книгопродавца Сытина; [2] двух разобрано содержание. В чем же оно заключается?

Два старика отправились на поклонение Святым местам, в Иерусалим. Одного ходили только ноги, но душа вся была занята оставленным хозяйством. Он дошел, помолился и воротился, а его товарищ попал в дороге на семью, умирающую с голода, потратил на нее средства, припасенные для богомолья, сам остался ухаживать за спасаемыми от смерти бедняками. Товарищ его дивился, как он затерялся; но в Иерусалиме, в храме Гроба Господня, [3] чудилось ему, что отставший старик стоит в алтаре вместе со священнослужащими близ престола Господня.

Другая книжка. Крестьянин, прочитав в Евангелии о посещении фарисея Господом, [4] возжелал, чтоб Господь пришел к нему в гости. Каждый день, в ожидании, оставляем им был один прибор пустым. Он услышал голос: «Вот Я», и в сочельник введен был незримою рукою к нему дядя, обидевший его некогда и ныне раскаявшийся.

Сдается, что тот и другой рассказы — не авторская фантазия; их создала народная поэзия; мы их слыхали прежде. Но не в том дело. Какое нравоучение извлекается из этих книжек? — Нравоучение евангельское в той и другой, одетое в форму притчи: еще не богомолье, когда одни ноги трудятся, а душа остается прилепленною к земным благам; выше пред Богом братолюбие, делящееся пред ближним последнею рубашкою. [5] Такова мораль первой книжки. А вторая не более как поэтический комментарий на слова Спасителя: если сделали что для братий меньших, то для Меня сделали. [6] Остальные книжки, внесенные в Общество, подобного же содержания и такого же направления: в поэтической форме они проповедуют сострадание, непамятозлобие, нестяжательность и прочие евангельские добродетели. Само Общество или его докладчик соглашаются, что

---

* Настоящая статья трогательно для автора связана с памятью И. С. Аксакова. Она писана 27 января, в день смерти Ивана Сергеевича, и готовлена была для «Руси» по двум причинам: 1) по своему объему; 2) потому что ожидалось от редактора «Руси» удостоверение пред читателями, что статья писана не последователем Толстого, а возражателем (копия рукописного нашего возражения находилась в числе бумаг Аксакова). Писавший торопился кончить, чтобы тем же вечером, и много — следующим утром, отослать статью к редактору, связанному давними узами приязни; но, должно быть, в тот самый момент, когда перо чертило слова (см. далее) «зовет редактора “Руси” присоединить свой голос», редактор «Руси» отходил. По крайней мере, не кончена была статья, как пришло известие: «Аксаков И. С. умер». — Как? Когда? — «С полчаса, с четверть часа назад».

Тяжело было заканчивать статью. Так мы ее и предлагаем читателям, на чем остановились. Впрочем, она достаточно полна и без конца. *Автор*.

каждый из этих рассказов, конечно, не выясняет указанной выше тенденции вполне; отрицательная по отношению к Православной церкви сторона ее затенена. Взятые же все вместе, в массе своей, они не только напоминают те тенденции, а как нельзя лучше — нагляднее, живее, увлекательнее — иллюстрируют их, склоняют к ним.

Что же это, однако, за тенденции, открытые в упомянутых умилительных рассказах, проникнутых евангельским духом?

А вот что:

Мысль о том, что Церковь христианская со всеми ее учреждениями и порядками, с иерархией, храмами, постами и обрядами, догматами веры и таинствами, вовсе не Христово установление, а есть пустая и ненужная выдумка позднейшего времени.

Как так? Из чего это видно? Не из того ли уж, как описывается в «Двух странниках» самая святыня Иерусалима? Не из того ли, что видение, представившееся старцу-богомольцу, приурочивается к алтарю, к престолу, а посещение племянника дядею — к празднику рождественского навечерия, которые притом, и навечерие и алтарь, не только остаются в своем священном характере, но им как бы особенно он усвояется, ибо избираются местом и временем указаний свыше. Обвинение таких-то книжек и в таких-то тенденциях даже нельзя приписать проглядке; позволяем себе прямо выразиться: оно есть голая клевета, и притом злостная, основанная на заведомом лжетолковании.

Несчастие книжек, предложенных на рассмотрение Обществу, заключается в том, что они, по крайней мере некоторые из них, принадлежат Льву Николаевичу Толстому, «который в последнее время волнует большинство нашей светской читающей публики своими тенденциозными, религиозного пошиба произведениями “Исповедь”, “Новое Евангелие”, “В чем моя вера” и т. п.».

Так выражается отчет. Мы советовали бы докладчику, во-первых, употреблять язык более благоговейный, когда идет дело о святейших предметах, нежели эта фельетонная фраза: «религиозного *пошиба*». А во-вторых, то — мудрования графа Толстого, и то — его переложение поэтически-христианских рассказов вроде «Двух странников» или «Христос в гостях у мужика». Мы читали эти книжки и мы, напротив, благодарили мысленно автора, что в своих переложениях он не разрушает детской веры в религиозную внешность, простираемой народом, между нами сказать, даже и далее, чем бы требовалось и допускалось истинным христианством и истинным православием. А неизвестный «один член» находит противоцерковные и противоправославные тенденции! Сидеть бы одному члену не в Москве и не в Обществе любителей духовного просвещения, а в Толедо, среди доминиканского собрания,[7] да и то века три назад.

«А, ты это сказал! Это так, это по-христиански, и против православия тут ничего нет. Но эта сторона у тебя здесь намеренно *затенена* (!). В отдельности каждую книжку взять, тоже ни к чему не придерусь; но “в массе они не только напоминают те тенденции, а как нельзя лучше — нагляднее, живее, увлекательнее — иллюстрируют их, склоняют к ним”. Правда, что и в массе ничего этого

я не умею найти; я вижу только, что это чтение увлекательно, что оно склоняет к христианской жизни, отвращает от порока, возбуждает раскаяние во грехах и преступлениях. Но ты — не правомудрствующий, это я знаю по другим твоим сочинениям, и потому твоя вредная тенденция “религиозного пошиба” должна быть и здесь; она должна быть здесь, и потому она есть».

Это даже ужасно. «В массе» провинились книжки не тем, что они говорят, а тем, о чем они умалчивают. Мы попросили бы о. Соловьева [8] или неизвестного «одного члена», если это не о. Соловьев, взять Четьи Минеи, пробежать в особенности аскетические сочинения, патерики, взять наконец даже Евангелие: не следует ли им противодействовать, не следует ли их запретить, потому что все эти книги тоже *умалчивают*? В числе книжек, тоже подвергшихся инквизиционному (совершенно по рецепту Торквемады) обсуждению Общества, есть рассказ о *Филарете Милостивом*, [9] рассказ прямо Четьи-минейный, и он поименовывается в обвинительном акте! И удивляться этому нечего: целое направление есть, готовое запретить Евангелие. С этим направлением боролся блаженной памяти митрополит Филарет, о чем свидетельствует вышедший на днях III том его «Отзывов и мнений». [10] Направление не умерло; оно воскресло в другом виде и в другом применении.

Мы ничуть не принадлежим к последователям умствований Льва Николаевича Толстого. Настоящие строки принадлежат лицу, которое тем же пером начертало некогда разбор заблуждений, в которые ниспал гениальный писатель, увлекаемый прямолинейною страстностью своей духовной природы и односторонностью самонадеянного ума. [11] Но мы наравне с другими читателями умиляемся его произведениями для народного чтения и полагаем, что многое простится заблудшему писателю за эту службу его меньшей братии!

О. Соловьев ставит в заслугу Обществу любителей духовного просвещения, что по его указаниям запрещены духовно-нравственные брошюры «пашковские», [12] как их называет отчет. Не поздравляем Общества с этою заслугою. «О каждой в отдельности (из этих брошюр) также нельзя было положительно утверждать, что она подрывает основы православной веры и церкви, говорит отчет, но обо всех вместе это можно сказать несомненно». *Основы православной веры и церкви*! Да выражайтесь, г. богослов, достойно православного богослова. Основа православной веры и церкви есть Слово Божие и прежде всего Св. Писание. Ссылаемся опять на приснопамятного великого нашего Московского святителя (см. т. III его «Отзывов и мнений», разбор богословских конспектов и герменевтики Афанасия [13]). А духовно-нравственные брошюры, названные пашковскими, не подрывают Св. Писания, на нем, напротив, основаны, и принадлежат они не Пашкову, а Библейскому обществу; Пашков же или пашковцы, вероятно, только издавали их. Их вина опять в том оказалась, что они умалчивают об обрядности и внешнем богослужении, обучая общехристианской нравственности, насколько она прямо изображена в Новом Завете. Но правила так называемого *аскетического* богословия, которые одни угодно называть православными московским последователям Торквемады, и правила евангельские

общехристианской нравственности исключают ли себя взаимно? Напротив, они поддерживают себя взаимно; и заповеди вроде соблюдения постов и посещения богослужений суть *средства* к воспитанию общехристианской нравственности, а высшая *цель* есть именно нравственное совершенство, заповедуемое Евангелием. «Нет, ты мне долби об этих средствах, а о цели и существе, пожалуй, молчи; иначе — ты еретик, и книга твоя достойна преследования». По рассуждению новых Торквемад, если бы выходил ряд книжек, в которых бы излагалось: «Ходи по праздникам, а если можно и по будням в церковь, соблюдай строго посты, как они предписаны Студийским уставом, [14] не упускай быть у исповеди и причастия», а не было бы ни слова о том, что предписывается молитвою Господней, проповедью о блаженствах, апостольскими посланиями; [15] совершенным молчанием были бы обойдены заповеди милосердия, любви, долготерпения, странноприимства, нестяжательности, прощения обид, душевного сокрушения и исправления во грехах: это было бы найдено православным и церковным. Наоборот, если есть евангельские заповеди, да нет о постах, о внешней молитве, о таинствах (опять о внешней их форме и внешнем к ним отношении): то будут колебаться, нет, не колебаться, а «подрываться» (!) «основы» (!) веры и церкви! Основы веры и церкви во внешней обрядности; больше, пожалуй, и не нужно: вот что говорится этими защитниками веры и церкви. И задумаешься: кто же больше окажет содействия к зарождению и распространению штундизма: [16] книжки ли толстовские или даже пашковские так называемые, т. е. Библейского общества, в которых ничего, однако, не говорится против видимой церкви и ее видимой принадлежности, или же писания, которые будут составляться по рецепту, предписываемому «одним членом» Общества любителей духовного просвещения? Кто глубже укоренит верующего в вере христианской, а потому и православной: такие ли деятели, как фирма «Посредник», [17] издающая «Двух странников» и подобные книги, или Общество, называющее себя любителями духовного просвещения, когда будет гнать фирму «Посредник» и «противодействовать» ее изданиям за то, что автор некоторых из них является не правомудрствующим в других сочинениях, — известных, впрочем, только по рукописям.

Отчет о заседании (он напечатан в № 4 «Московских епархиальных ведомостей») говорит между прочим, что «в том же магазине Сытина, наряду с толстовскими творениями, продаются маленькие (в $^1/_8$ долю листа) брошюрки религиозно-нравственного содержания самого строгого православного направления». Оставляем без разбора, какие это книжки в магазине г. Сытина снискали себе благоприятный отзыв обличителя. Любопытно бы видеть их перечисление; пользуясь методом, употребленным к суждению о толстовских книжках, может быть, мы успели бы, наоборот, заподозрить благополезность этих прославляемых книжек. Но верим на слово. Итак, чего же лучше? Стало быть, «в массе» взятые издания, продающиеся у Сытина, не подрывают основ веры и церкви даже в том их виде, в каком их понимает обличитель. Зачем же выделяете вы одни книги и смотрите только на их совокупность, не причисляя к ним других, распространяемых тою же фирмою?

Кроме того, г. Сытин, — продолжает отчет, — взял, кажется, на себя комиссию по изданию и брошюр Отдела нашего Общества.

Итак, чего же больше? Издания самого Общества любителей духовного просвещения берется распространять тот же г. Сытин, который продает рассказы Л. Н. Толстого!

Но нет, посмотрите, что выводится из этого далее.

Эти-то последние брошюры, заключает докладчик, часть которых по условию комиссии он (г. Сытин) имеет право продавать от себя, и служат таким образом средством для заманки и прикрытия.

Итак, о. Соловьев, или кто бы ни был докладчик, утверждает открыто, что г. Сытин есть народный развратитель, пользующийся строго православными изданиями Общества любителей духовного просвещения для того, чтобы *заманить* народ к чтению других книжек, вредных, поучающих евангельской нравственности, вроде как произведения Толстого «Два странника», «Христос в гостях у мужика» [18] и заимствование из Четиих Миней «Филарет Милостивый». Г. Сытин заманивает к этим вредным книгам полезными книгами, издаваемыми Отделом Общества, и прикрывает тем свою преступную деятельность.

Дальше этого в злостной и заведомо ложной ябеде даже и идти нельзя уже.

Московский ревнитель инквизиционных правил и доводов, очевидно, считает себя одаренным привилегиею читать в душе и на основании этого дара истолковывает побуждения книгопродавца. Мня себя ревнующим об основах веры и церкви, он пренебрегает справедливостью и даже здравым рассудком. Рассудил бы он: по здравому ли смыслу одинаково ведь возможно заключение, что как издания Общества могут служить приманкою к рассказам Толстого, так и наоборот, рассказами Толстого, может быть, приманивается народ к брошюрам «строго православного направления». Или у вас был на исповеди книгопродавец Сытин? Или опытом дознано, что брошюрки, издаваемые Отделом Общества, берутся нарасхват, а рассказы Толстого могут распространяться только при их содействии? По нашему слабому разумению, дело-то стоит совсем наоборот, и вероятно, подтвердит сам книгопродавец, что Толстой своими рассказами помогает распространяться книжкам Отдела, а не он ему.

Бедный, бедный народ! Куда же тебя приведут этими инквизиторскими приемами, особенно если они будут применены во всей своей последовательности? Прощай тогда Евангелие: опасно. И Россия пережила этот период. Молитва Господня потребует исправления: в пятидесятых годах Бутурлин [19] и предлагал исключить из нее несколько слов. Прописи нужно подвергнуть строжайшему пересмотру, запретив их употребление, так как они уже самым несомненным образом в массе своей подрывают основы веры, ибо даже о Христе умалчивают, ограничиваясь одними предписаниями общечеловеческой, языческой нравственности. Нужно, наконец, запретить все книги и всем им «противодействовать», коль скоро они умалчивают о постах, иерархии, таинствах. Если рассказам, посвященным общей христианской нравственности, ставить в обязанность непре-

менное упоминание о частных, в теснейшем смысле *церковных* правилах, почему не требовать того же от всех рассказов, наконец от всех сочинений, какого бы содержания ни были? Путешествие, ученое рассуждение не будет ли знаменовать зловредной тенденции? Автор кухмистерской книги может лично постов не соблюдать и в церковь не ходить, и в книге его нет предписаний о посте, ни правил о богослужении: «противодействовать!».

Вывод смешон, нелеп, невероятен; но таких выводов бывала свидетельницею история и бывала жертвою Россия. Докладчик Общества любителей духовного просвещения стоит на этой дороге, и горе духовному просвещению, народной нравственности и преуспеянию православной веры, когда бы идти по этим инквизиторским следам! Отдадим справедливость самому Обществу: оно не безусловно присоединилось к доминиканцу, одевшемуся в православную рясу. Оно отложило решение до другого, более многолюдного собрания. Говорилось в нем между прочим, по свидетельству отчета, «о печатном разоблачении их (брошюр) вредной тенденциозности». Совет наш: для чести Общества, для обережения веры и благочестия в народе не пускаться в эти разоблачения, точнее — в эти следственные розыски того, чего ничуть нет в пререкаемых книгах. Этими-то розысками вы и придадите им тенденциозность, которой в них нет, и смутите веру читателя силлогизмами, которые жаждущей благочестивого назидания душе без вас не пришли бы в голову. Ведите параллельную деятельность; находя умолчания, односторонний выбор предметов, раскрывайте опущенную сторону в особых брошюрах, давайте их распространять тому же Сытину к вящей и более разносторонней пользе, к более полному христианскому воспитанию темного простонародья. Ожидалось бы от почтенного Общества не противодействие, а, напротив, содействие просветительной миссии фирмы «Посредник», которой своими трудами помогает в числе других граф Толстой. Возвышайте свой голос против другой, действительно развращающей народной литературы, в противодействие которой и направлена деятельность «Посредника». А сам «Посредник» помощи, напротив, заслуживает, ходатайства, подкрепления. Это будет лучшею победою против заподозреваемых тенденций.

Чтоб не быть голословным, обращусь к фактам. На обложке некоторых брошюр изображены красною краскою кресты, на других нет. Мы полюбопытствовали. Отвечают: «Запрещают, цензура не дозволяет». Итак, рассказ, одушевленный верою во Христа — вполне ли правильною и полною в душе автора, об этом Богу судить, а не нам. Но рассказ не только не заключает ничего противохристианского, но ведет ко Христу, и его лишают утешения ознаменоваться знамением Христовой веры!

Другой факт. Изготовлена книжка и едва ли не тем же Львом Толстым.[20] Ее содержание: злой управляющий (из времен крепостного права) велит рабочим в Христов Великий День пахать. Крестьяне возмущаются, подумывают даже наложить руки на злодея, смеющегося их вере, их благоговению к святыне праздника. Считавшийся самым опасным агитатором, напротив, пошел безропотно работать. Но чудно работал и чудно у него вышло. Он прилепил к сохе свечку;

пашет и поет Божественные песни. Свечка горит и не тухнет при поворотах. «Победил ты меня», — вырвалось у прикащика, по докладе ему об этом; затосковал, замучился прикащик и сгиб. Как вам кажется? Вот и почтение к святыне праздника; она, можно сказать, славословится и воспевается в этом рассказе; внешняя принадлежность внешнего богослужения, свечка, и та одевается даже чудотворением. Мораль рассказа: примирение обязанностей послушания начальству с обязанностью богопочтения, без нарушения той и другой. Что может быть выше, чище, «церковнее», «православнее», выражусь словами московского Торквемады? Но говорят, рассказ цензурою не разрешен; оговариваемся — цензурою не духовною, а общею. Какие опасности усмотрела эта охранительница добрых нравов, благочестия и политической безупречности, неизвестно. Не по уговору ли с о. Торквемадою, чтобы более придать основательности обвинениям в злонамеренной тенденции, то есть в умолчании о том, в чем находят нужным видеть основы веры и церкви (ибо здесь, напротив, не умалчивается обрядность, а восхваляется); не заступничества ли во имя веры и церкви заслуживают такие рассказы?

Нижеподписавшийся решается на это заступничество и зовет редактора «Руси» присоединить свой голос. Поднимаем его во имя того благотворного воспитательного действия, которое должны производить такие рассказы, умиляющие, умиротворяющие.

Почтение к святой миссии «Посредника» уполномочивает нас преподать и по его адресу предостерегательный совет. Не против «Филарета Милостивого», не против «Двух стариков», или «Христос в гостях у мужика» выскажемся мы, а против «Франциска д'Ассиза». И выскажемся мы не против злых тенденций, которые может только навязывать им злая же тенденция. Названная сейчас книжка страдает отсутствием такта, за соблюдение которого прочие издания заслуживают живейшей благодарности. Удивляемся, как не на эту книжку преимущественно напал ревнитель основ веры. Взять ли рассказ из поэзии самого народа, или из Четьи-Минеи, или даже из языческих писателей, как биография и учение Сократа, — книга доступна русскому простолюдину. Для первых сам он и дает материал; излагатель, стало быть, стоит на той же почве, что читатель. Недалеко уводит его с привычной почвы и Сократ: его мораль общечеловеческая; хотя языческая, но та, по которой язычники «естеством законное творят» [21] и которою Сократ, в частности, близко подходит к христианству. Обстановка: город, площадь, судья и т. п. — остается понятною русскому читателю. Но жизнь Франциска д'Ассиза говорит о папе, кардинале, крестовом походе, феодальном быте; читатель простолюдин вводится в незнакомый мир, возбуждается в нем недоумение о строе жизни неслыханном, поднимаются вопросы, на которые книжка не отвечает и ответить не в состоянии (для этого она должна бы обратиться в курс истории). Тем-то и заслуживают похвалы рассказы в роде «Двух стариков» или «Чем люди живы», что они не снимают простолюдина с его духовной почвы; только оживленнее, осмысленнее передают они содержание, додуманное самим народом (под влиянием церкви и наитием веры, да будет ве-

домо о. Торквемаде) и поэтически выраженное. Четьи-минейные же рассказы передачею «Посредника», наоборот, популяризуются, снимаются с помоста, на который возвела их народная вера, подсказывая лукавое извинение: «Ну, ведь это было тогда, когда святые жили. Где нынче!» Популяризацией отнимается эта отговорка. А Франциск д'Ассиз, что же он дает? Применима ли его жизнь к прямому нравоучению русского люда?

Печатается по единственной неподписанной публикации: *СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 1—2.

[1] Имеется в виду публикация: <*Рождественский В. П., прот.?*>. Заседание Общества любителей духовного просвещения, 15 января 1886 года // Московские церковные ведомости. 1886. 26 янв. № 4. С. 51—52.

[2] Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — предприниматель, книгоиздатель, просветитель. При его участии было создано издательство «Посредник» (см. ниже примеч. 17).

[3] Иерусалимский храм Воскресения Христова, или Гроба Господня, основан в 325/326 г. на том месте, где, согласно церковному преданию, был распят, погребен, а затем воскрес Христос.

[4] Видимо, имеется в виду эпизод посещения Христом богатого мытаря Закхея в Иерихоне (Лк 19: 1—10). Спаситель тайно встречался и с фарисеем Никодимом, но тот сам посещал Его.

[5] Реминисценция слов Христа: «Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф 5: 40).

[6] Отсылка к пророчеству Спасителя о Его Втором пришествии (Мф 25: 40).

[7] *Доминиканцы* (Орден братьев-проповедников) — католический орден, основанный испанским монахом св. Домиником в 1214 г. Доминиканцем был первый великий инквизитор Испании Томас Торквемада, на которого и намекает здесь Гиляров.

[8] Протоиерей Иоанн Ильич Соловьев (1854—1917) — духовный писатель, публицист, издатель; с 1883 г. служил законоучителем Катковского лицея.

[9] Видимо, имеется в виду брошюра «Житие святого Филарета Милостивого» (М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1886), составленная П. П. Беликовым; в 1887 г. она была напечатана в издательстве «Посредник» (оба раза без указания автора).

[10] Подразумеваются, вероятно, два «мнения» Филарета в защиту подготовленного А. Х. Востоковым к изданию Остромирова Евангелия — от 19 декабря 1840 г. и 3 июля 1841 г., поданные святителем обер-прокурору Св. Синода гр. Н. А. Протасову (Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по ученым и церковно-государственным вопросам / Изд. под ред. преосв. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского. СПб., 1885. Т. III. С. 33—34, 42—46). Духовная цензура главным образом смутилась тем, что «между словенским текстом Остромировым и нынешним есть несходство» (Там же. С. 42). Филарет парировал: «И невозможно было ожидать, чтобы текст XI века был буквально сходен с текстом XVIII века» (Там же). Кроме того, в указанном томе опубликовано «Мнение митрополита Филарета по поводу появления неправильного литографированного перевода на русский язык некоторых книг Ветхого Завета» от 28 февраля 1842 г., адресованное тому же Протасову, в котором предлагалось издавать «Словенскую Библию» с «истолкованием основательным», с приложением краткого содержания каждой главы и «словаря невразумительных слов с истолкованием оных»

(см.: Там же. С. 54—56). Речь шла о скандальной истории с распространением в духовно-академической среде библейских переводов прот. Г. П. Павского.

[11] Имеется в виду анализ Гиляровым «Исповеди» Л. Толстого (см. *Приложение* к статье «<Л. Н. Толстой как педагог>», с. 644—648).

[12] Пашковцы — последователи одного из течений (евангельские христиане) в протестантизме, зародившегося в великосветских кругах в середине 1870-х гг. и близкого к баптизму. Пашковцы признавали авторитет только евангельских текстов, их учение отличалось христоцентризмом. Название происходит от фамилии отставного гвардии полковника Василия Александровича Пашкова (1831—1902), председателя Общества поощрения духовно-нравственного чтения (1876—1884). Насчитывается более двухсот «пашковских» брошюр, позднее, в 1888 г., запрещенных к распространению в России особым Синодальным указом.

[13] См.: Мнение митрополита Филарета о сокращенной герменевтике, составленной архимандритом Афанасием (1842 г., 14 мая); Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову о сокращенной герменевтике // Собрание мнений и отзывов Филарета... Т. III. С. 70—78, 80—90. Архиепископ Афанасий (в миру Александр Васильевич Дроздов; 1800—1876) — архиепископ Астраханский и Енотаевский (с 1858 г.); в 1841—1842 гг. в сане архимандрита состоял ректором С.-Петербургской ДА.

[14] *Студийский богослужебный устав* составлен прп. Феодором Студитом (Θεόδωρος ὁ Στουδίτης; 759—826), настоятелем Студийского монастыря в Константинополе. Устав отличался строгостью: требовал полного общежития и личного труда братии. Был в употреблении Русской церкви в XI—XIV вв., после чего его заменил Иерусалимский устав. См.: *Пентковский А. М.* Студийский устав и уставы студийской традиции // Журнал Московской патриархии. 2001. № 5. С. 69—80.

[15] Перечислены входящие в Новый Завет: Молитва Господня, или «Отче наш» (Мф 6: 9—13; Лк 11: 2—4), Заповеди блаженства. Апостольские послания.

[16] *Штундизм* — вероисповедное течение штунды (от *нем.* die Stunde — час), рационалистической, хотя и не чуждой мистических элементов (в отличие от баптизма) секты, возникшей в 1860-х гг. в южных губерниях России. Штундисты отвергали церковную обрядность, иконопочитание, культ святых и др.

[17] *«Посредник»* — книжное издательство просветительского характера (1884—1935). До 1892 г. работало в Петербурге под руководством В. Г. Черткова, потом — в Москве. Ставило своей целью выпуск доступных для народа книг нравственного и художественного содержания взамен лубочной литературы. Живое участие принимал в издательстве Л. Толстой, по инициативе которого оно и было основано. Он редактировал некоторые издания, написал ряд предисловий и статей.

[18] Ошибка: это «рождественский рассказ» Н. С. Лескова.

[19] Дмитрий Петрович Бутурлин (1790—1849) — русский военный историк, генерал-майор, сенатор, член Государственного совета. В 1848 г. назначен председателем Комитета для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением всех произведений российского книгопечатания («Бутурлинский комитет»; упразднен в 1855 г.), период деятельности которого вошел в историю как «эпоха цензурного террора».

[20] Далее излагается рассказ Л. Толстого «Свечка», увидевший свет в «Книжках Недели» (1886. № 1) и в «Посреднике» (М., 1886) во второй редакции с благополучным кон-

цом, рекомендованным В. Г. Чертковым и под названием «Свечка, или Как добрый мужик пересилил злого приказчика». Вскоре рассказ появился в XII части Полн. собр. соч. Толстого (М., 1886) в своей первоначальной редакции.

[21] Новозаветное выражение (Рим 2: 14).

6. <К ПОЛЕМИКЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ СОЧИНЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО>

Ниже помещаются 1) отчет о заседании Общества любителей духовного просвещения[1] и 2) апология этого Общества, доставленная г. Дмитриевым.[2] Что касается общей оценки Общества, то мы можем только присоединиться к мнению г. Дмитриева; заметка г. Z,[3] против которой г. Дмитриев возражает, грешила действительно преувеличенным порицанием. Особенно несправедливо г. Z. похулил «Московские епархиальные ведомости», которые лучшие из всех епархиальных и далеко не грешат излишней сухостью или официальностью. Но никак не можем согласиться с г. Дмитриевым, чтобы Общество якобы исполняло свой долг, подыскиваясь под книжки, издаваемые «Посредником». Г. Дмитриев не совсем даже выразумел, о чем у нас говорилось, когда приписал заступнику книжек обвинение Общества в «иезуитизме».[4] Иезуитизма ни мы, ни автор статьи, писанной для «Руси», не находим в нападках на рассказы Толстого, а находим «инквизиторство», иначе говоря — отыскивание тайного смысла в явных словах. Судите книгу за то, что она говорит, а не за то, что она умалчивает; судите о ней по ее тексту, а не по тому, каких верований ее автор. Не следует ли запретить книгу «О подражании Христу»?[5] По методе г. Дмитриева следовало бы, ибо «О подражании Христу» составлено не православным христианином; запретить следовало вообще духовно-нравственные книги, коль скоро писаны они лицами, не принадлежащими православному исповеданию. Для здравомыслящего человека должна быть ясною несправедливость, нет, мало — недобросовестность придирок к книге, основываемых на личности автора. Не могут из одного семени произрастать два разные дерева, рассуждает г. Дмитриев.[6] Видите как! Вы заранее уже решаете, стало быть, еще не читая; вам достаточно знать имя автора, чтоб уж произносить приговор о книге. Не слишком ли?

Мы объясняем себе психологически эту погоню, предпринятую за книжками «Посредника», когда стало известным, что главным доезжачим выступил о. Соловьев. О. Соловьев некогда разобрал перевод «Учения 12 апостолов»,[7] принадлежавший, по слухам, Л. Н. Толстому. Разбор был вполне основательный. Автор «Войны и мира», не имея основательных познаний ни в христианской истории, ни в греческом языке вообще и истории его в частности, но с самомнением выше меры, подтасовал понятие греческого подлинника сообразно тому, как его, Л. Н. Толстого, вдохновению угодно представлять себе начала христианства. О. Соловьев раскрыл эту подтасовку. Но, разгоряченный охотою, он погнался далее по следам и, перескочив цель, начал травлю по книжкам, которые совсем не занимаются фальсификацией священных писаний. Рассказы Толстого могут быть

односторонни; но их достоинство как руководств к христианской нравственности чрез это не уменьшается. Художественность же изложения, в которой Толстому нет равного, и отсюда увлекательность, заставляют желать содействия их распространению. От одностороннего их действия, как и было замечено, пусть предохраняет издание других, параллельных рассказов, которые пускай восполняют упущенное в книжках «Посредника».

Иное дело с новым Евангелием или переводом, подобным переводу «Учения 12 апостолов». Здесь ратуйте[8], никто против вас ни слова. Здесь для своих отзывов не будет вам надобности прибегать к инквизиторским приемам; пред вами текст, за вами язык и история, за вами наука, одним словом. Но не вытаскивайте насильственно тайных мыслей оттуда, где их в самом тексте нет.

Печатается по единственной публикации, помеченной символом «*», который в тот период принадлежал Гилярову: Москва, 3 марта: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 4 марта. № 61. С. 1.

[1] *С—в П.* <*Сусоров Петр Ильич?*>. Общество любителей духовного просвещения о книжках Л. Толстого о народе // Там же.

[2] *Дмитриев И.* <*Петропавловский И. Д.. прот.?*>. По поводу статей и брошюр для народа Л. Н. Толстого: (Письмо в редакцию) // Там же. С. 2. «Говорящий» псевдоним известного московского духовного писателя о. Иоанна Дмитриевича Петропавловсокго (1844—1907) раскрыт нами предположительно, но с большой долей уверенности.

[3] *Z.* Два слова о духовно-просветительных задачах // *СИ*. 1886. 24 февр. № 53. С. 1—2.

[4] И. Дмитриев (И. Д. Петропавловский?) писал: «...свое Евангелие, выдаваемое за учение Христа, понадобилось еще и популяризировать в той форме, в которой так силен граф Толстой, — в форме литературной. Никто из читавших брошюры графа Толстого для народа и Евангелия его не решится сказать, что одно от другого далеко, и странно было бы даже предположить, чтобы не было между ними не только сходства, но и прямо причинной связи. Заключение это не иезуитский прием, как злобно замечает автор первой, в фельетоне помещенной статьи, а прямое следствие, которого не может не вывести здравый и искренний ум».

[5] Предполагаемый автор трактата «О подражании Христу» (написан не позже 1427 г.) — немецкий католический монах и священник Фома Кемпийский (Thomas von Kempen; ок. 1379—1471). Весомость аргумента Гилярова обусловлена тем, что в 1816—1886 гг. книга «О подражании Христу» вышла в России 15-ю изданиями, в том числе дважды в переводе К. П. Победоносцева, возглавлявшего Духовное ведомство.

[6] Имеются в виду слова И. Дмитриева (И. Д. Петропавловского?): «“Не может, братия мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду” (Иак 3: 12). Ведь не притворяется же гр. Толстой, ведь не на манер же Мефистофеля у Гёте, из одного стола разливавшего разные вина, — дает он одному безвредное, другому ядовитое?»

[7] *Соловьев И., свящ.* О новом переводе «Учения двенадцати апостолов», помещенном в журнале «Детская помощь» // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Кн. 7 (Июль/авг.). С. 67—92 (паг. 2-я).

[8] *Ратуйте* — сражайтесь, ратоборствуйте (*црксл.*).

7. <«ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА» Л. Н. ТОЛСТОГО>

Сегодня помещается у нас под чертою разбор изданной на днях комедии Л. Н. Толстого. Разбор принадлежит тому же перу, что и статья «За что гонение?»,[1] предназначавшаяся для «Руси», но за смертию И. С. Аксакова помещенная у нас. Там автор ополчался в защиту нравоучительных книжек «Посредника» против инквизиционных суждений, которым они подвергаются; здесь выражает сожаление об отсутствии художественности, которым ознаменовалось выступление Л. Н. Толстого на поприще драматурга, а вместе дает и общую оценку новейшей деятельности Толстого. Знаменитый писатель, по выражению автора, «юродствует». Выражение это должно быть оговорено. В народном словоупотреблении «юродивым» или «блаженным» называют того, кто надевает на себя личину идиота, на деле вполне обладая умственными способностями. Но граф Толстой вполне искренен: он личины не носит. Это есть первое отличие. Другое отличие от настоящих блаженных то, что настоящий блаженный, надевая рубище, отказывается вполне от стяжаний и вообще от благ мира. Граф же Л. Н. Толстой, хотя употребляет полушубок, но не гнушается собольею шубою; ходит пешком исполнять обязанности дровокола (занятие гимнастически полезное), но не отказывается и ездить на дорогих рысаках; кушает на серебре и выстроил себе в Хамовниках дом одновременно с тем, как, участвуя в Московской переписи,[2] уговаривал других состоятельных лиц к раздаче имения нищим. Граф Толстой играет в винт, по крайней мере играл с любовию, и притом в то самое время, когда сочинял новую свою историю этики и толковал по-своему Евангелие. Комментарием же к нестяжательности его служит недавняя продажа сочинений за 56 000 рублей,[3] как повествуется по крайней мере в газетах. Правда, автор «Войны и мира» не сам торгуется и заказывает, а предоставляет это семейству, как ему же предоставляет и пользоваться злом, отсюда приобретаемым, то есть деньгами (деньги, по теории Толстого, есть *зло*). Словом, знаменитый автор новой этической теории и новой веры поступает в данном случае по рецепту злостных банкротов, которые переводят имение на жену и кредиторам добродушно отвечают: «У меня ничего своего нет». Но совершенно несправедливо было бы заподозривать автора новой веры в каком-нибудь лукавстве, в неискренности, в личине. Напротив, такова только особенность его мышления, такова, как выражается автор рецензии, «женская логика», которая, к сожалению, свойственна его уму. По здравому смыслу, свойственному смертным, из таких посылок должно следовать такое-то заключение, а граф Л. Н. Толстой выпаливает другое, совершенно неожиданное.

Два примера достаточны будут в объяснение. Л. Н. Толстой желает познакомиться с городскою беднотою и отправляется в ночлежный дом Ляпиных.[4] Явления нищеты, беспомощности, узренные там, его потрясают, расплавливают его сердце состраданием. Он отдается желанию помочь с своей стороны и недоумевает, какую бы он помощь мог еще прибавить, издержав несколько рублевок, бывших у него в виде карманных денег. Как бы рассудил обыкновенный

смертный, не резонер, а человек от души и действительно сострадательный? Он бы рассудил:

«Вот братья Ляпины устроили для этих несчастных этот ночлежный дом. У меня состояние не меньше, может быть, и больше Ляпинского. Сделаю же и я другой такой дом».

Но сострадающему автору новой веры никак не приходит такого заключения. А он возвращается домой, правда растроганный, и дает себя успокоить и уговорить, что достаточно ограничиться потраченными рублевками, к слову сказать даже оскорбительными для бедности, потому что издержаны они сколько по влечению сострадательности, столько же, если не главным образом, в удовлетворение любопытства. Беднота Ляпинского ночлежного дома была для Льва Николаевича *зрелищем*!

Другой пример. В Москве идет перепись. Измыслитель новой веры берется в ней участвовать [5] и, пользуясь сведениями о бедноте, которые будут ею добыты, образовать, выразимся так, благотворительную ассоциацию. В этом смысле и с этим намерением он печатает воззвание в «Современных известиях»; независимо от того отправляется по гостиным большого света с приглашением к участию. Ничего из этого не вышло; некоторые и изъявляли готовность на словах, но, когда дошло до дела, отступили, и граф удивляется. Удивление свое выразил он в одном из своих сочинений, озаглавленном: «Что ж нам делать?». По логике, свойственной каждому смертному, казалось бы, совсем удивляться было нечему. Предлагавший благотворительную ассоциацию выступал ведь точно также только со словами. «Все мне говорили, с удивленным видом замечает Лев Николаевич, что ничего из этого не выйдет»; то же предсказание слышал он и от редактора газеты, в которой напечатано было воззвание. Эта ссылка имеет в виду прямо нас; так мы поясним почтенному автору воззвания, в силу чего мы признавали его затею бесплодною. Если бы сострадающий о бедноте граф начал тем, что отложил не на словах, а на деле часть своего состояния на задуманное благое дело, тогда и другие не ограничились бы словами. А он ожидал, что пойдут высыпаться сотни рублей на одно резонерство! Из деликатности, конечно, никто не заметил этого лично графу, тем более что в ответ получился бы какой-нибудь софизм в роде того, что у него лично ничего нет, а все принадлежит семейству. Но как же этого было не понять? Но автор новой веры понять не догадался и выражает удивление, даже неудовольствие.

Впрочем, добровольный участник в переписи скоро и успокоился, издержав на бедных 37 рублей, и то не своих, и притом после немалых совещаний о том, кому именно целесообразнее было передать такой капитал. А успокоился он следующим рассуждением. Он открыл, что обитатели Ржановской крепости такие же люди, как и он — граф, и его великосветские знакомые, и с теми же страстями; что помоги им, устрой их судьбу лучше теперешнего, ничего из этого не выйдет: они будут недовольны и захотят еще лучшего. Поэтому помогать совсем не следует ни несчастным, вынужденным обитать в Ржановской крепости, ни другим подобным.

Просим читателя поверить нам; мы не выдумываем, и все это так происходило и все это исповедано самим графом Толстым, очевидно даже не догадывающимся, сколько здесь оскорбления несчастной бедности, в этом резонерстве сытого, даже пресыщенного человека, сколько ругательства над чувством любви, которое, однако, ставится «северным пророком» во главу своего учения. Но таков склад головы, такова логика, таковы мыслительные особенности нашего пророка. Он не ругается над бедностью и не насмехается над читателями, не надевает личины, не выдумывает. Он следит за собой и искренно исповедует, что в нем происходит.

Говорить об этом можно было без конца, и тысячи доказательств привести на способ сцепления понятий, свойственный графу Толстому и несвойственный обыкновенному смертному, рассуждающему по общей всем логике. Он лучше всего поясняется ответом, лично нами слышанным. Льву Николаевичу заметили, что напрасно он, в нарушение художественного единства, ввел историко-философские рассуждения в «Войну и мир». Он с чрезвычайно добродушною улыбкою отвечал: «Напишите лучше; мне все это говорят, и всем я это отвечаю». Это ли не «женская логика»? А ввиду того последние сочинения Л. Н. Толстого должны быть признаны психическими явлениями и только с этой точки достойны обсуждения. Препираться с таким автором на почве логической (или и исторической) невозможно, как невозможно правильно состязаться с человеком, который на вопрос: «Говорите ли вы по-французски?» — отвечает: «Нет, а мой брат играет на скрипке».

Печатается по единственной публикации, помеченной символом «*»: Москва, 4 июля: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 5 июля. № 182. С. 1—2. Опубликовано в качестве подпередовой статьи.

[1] Гиляров здесь подразумевает самого себя.

[2] Упомянута перепись, производившаяся в Москве в начале 1882 г. См. ниже примеч. 5.

[3] Эта сумма получилась благодаря тому, что в начале 1885 г. жена писателя С. А. Толстая взяла в свои руки ведение всех дел по продаже издания «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Она располагала доверенностью мужа и уже в апреле приступила к напечатанию нового, пятого по счету издания.

[4] Упомянут бесплатный ночлежный дом в Трехсвятительском переулке (ныне Б. Вузовский пер., д. 6), выстроенный М. И. и Н. И. Ляпиными, владельцами суконной фабрики. Поселившись с семьей в Москве осенью 1881 г., Толстой уже успел столкнуться с ужасающей жизнью городских бедняков и теперь хотел привлечь к ней внимание всего общества. О страшных картинах нищеты, увиденных в Проточном переулке, Ляпинском ночлежном доме, Ржановской крепости, рассказано в трактате «Так что же нам делать?», начатом в феврале 1882 г.

[5] Перепись населения производилась в Москве 23—25 января 1882 г. Толстой попросил у главного руководителя переписи, профессора-экономиста И. И. Янжула, чтобы ему дали участок с беднейшим населением. Писатель намеревался соединить перепись с делом неотложной помощи несчастным. С этой целью была написана статья-призыв «О пе-

реписи в Москве», опубликованная 20 января в газете Гилярова «Современные известия» (№ 19). Толстой сам побывал в типографии, помогая наборщикам разбирать свою рукопись. На другой день после публикации статьи Толстой взял 200 экземпляров газеты и заказал еще 500 отдельных оттисков, чтобы раздавать их счетчикам и руководителям переписи.

8. ПЕРВЫЙ ВИНОКУР. КОМЕДИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО. Издание фирмы «Посредник»

С жадностью принялись мы за эту новую брошюру нашего знаменитого писателя. Любопытство наше было возбуждено особенно тем, что автор предвозвестил появление своего драматического творения как нечто великое, долженствующее составить эпоху в драматургии. Некоторым покажется, пожалуй, сомнительным факт такого самовеличания; но сомневающийся может справиться в «Дневнике русского актера», где найдет письмо Льва Толстого к издателю [1] и в нем именно те строки, содержание которых выписано. Правду сказать, мы не ожидали, чтобы автор теории о несопротивлении злу, в настоящем своем психическом состоянии, способен был проложить новую дорогу драматическому творчеству; но ожидали, что присущий писателю творческий талант создаст, по крайней мере, что-нибудь оригинальное и, во всяком случае, художественное: обещаемая новая пьеса, думали мы, будет тем же в отношении к прежним творениям Толстого, чем был рассказ «Чем люди живы» по отношению к «Анне Карениие», «Войне и миру», «Детству и отрочеству».

Разочарование наше было полное. «Первый винокур» есть произведение *бездарное*: вот первая его особенность. Ни малейшей блестки таланта, столь нам известного, ни одного художественного штриха, ни одного меткого выражения: растянуто, пошло, реторически, ученически. Прочитывая комедию, мы не раз (а всего-то чтения требует она не более шести минут) возвращались к первой страничке, удостовериться: да Толстой ли уж писал? «Посредник» издает не одного Толстого; в числе печатаемых им брошюр попадаются бездарные хрии в виде рассказов, принадлежащие неизвестным писателям. Но нет, в заголовке сказано прямо, что даже не во всех брошюрах соблюдается: *комедия Льва Толстого*. Сомнение невозможно: «Первый винокур» принадлежит тому же перу, которое начертало: «Чем люди живы», «Анну Каренину», «Войну и мир», «Детство и отрочество». Но вся художественность отлетела: вы читаете книжку не высшего разбора, чем обыкновенные произведения Никольской, [2] даже низшего. Древние произведения Александра Анфимовича Орлова, [3] над которым так много потешались журналисты тридцатых годов, несомненно были остроумнее, живее, самая мысль в них была изобретательнее. Они были пошлы, реторичны, это правда; но содержание было естественно, и темы иногда бывали даже остроумны, не исключая даже такой повести, как «Угнетенная невинность, или Поросенок в мешке». [4] Если «Посредник» считает достойным, в виде народно-воспи-

тательного средства, обнародовать «Первого винокура», то мы советовали бы ему (говорим это совершенно серьезно) обратиться к творениям забытого Орлова и воспроизвести по крайней мере некоторые из них: они все нравоучительного содержания, мораль не ниже толстовской, а по изложению хотя уступают таким произведениям, как «Два странника» или «Чем люди живы», но живее и правдивее «Первого винокура».

Вино изобрел черт: вот содержание «Первого винокура». Чертенок пытался соблазнить мужика, голодом между прочим; это ему не удавалось. Но он достиг своей цели тем, что помог обильному урожаю и из остатков лишнего хлеба научил гнать вино. От вина пошли ссоры, драки, неправды... Но нет, мы рассказываем умнее, нежели говорит сама комедия; из нее не разберешь, водка есть ли необходимое или случайное последствие избытка в хлебе. Добраться смысла можно было бы, когда бы автор сам верил в чертей; но Толстой, как известно, невидимого мира вообще не признает. А откинув черта и чертенят, как подкладку фантастическую, лишенную реальности, читатель или зритель останется с единственною реальностью — избытком хлеба, и отсюда получается мораль, что избыток хлеба и хороший урожай вообще есть зло, ведущее к неправдам, ссорам и дракам, потому что за избытком хлеба должно следовать винокурение.

И старый черт с чертенятами, и люди в «Первом винокуре» за ничтожнейшими исключениями суть ходячие сентенции и потом способные изрекать только общие места. Черти главному черту докладывают цифры совращенных господ и купцов. Да, цифры, читатель, и это — в *комедии*; предполагается, должно быть, *действием*, когда одно действующее «лицо» докладывает, что оно покорило 9643, другое — 3423. Маленькая, маленькая капелька живого указания сверкнула было в докладе Приказного черта с намеком на адвокатов, но опять в форме сентенции, и притом так отвлеченно выраженной, что читатель или зритель едва ли даже доберется до настоящего смысла.

Есть в комедии и Стародум по рецепту реторических комедий XVIII века.[5] Стародумом служит Дед, который отказывается пить новоизобретенную влагу, вкушаемую с удовольствием и Мужиками и Бабою и Старухою. К слову сказать, Мужик и Баба и Старуха — это всё «действующие лица», так они и значатся под этими общими кличками; когда Толстой продолжит свою реформаторскую деятельность в драматургии, он, вероятно, поставит нам и еще живых действующих лиц под названием Мужчина, Женщина или даже Существо; Существо — это будет в самом деле очень живо, образно, конкретно, как Мужик, Баба, Дед, Работник.

Итак, Дед разыгрывает Стародума, то есть олицетворенную мораль. Он отказывается пить; но почему? Это остается неизвестным, хотя все действующие лица объявляют, что изобретенная влага старых людей делает молодыми и самыми действиями доказывают это, пляшут и затягивают песни. Дед, правда, говорит, что «это огонь, сожжет он тебя». Но почему он это говорит, когда еще не отведывал, ибо предполагается, что вино только что изобретено, — это остается тайною автора. Но почему бы то ни было, а Дед не хочет участвовать в попойке;

собравшийся же мир производит раздел между ним и Мужиком, причем отнимает все у Деда и все отдает Мужику, под влиянием угощения.

А здесь мораль какая? — спросит удивленно читатель. Та ли, что воздержание от вина ведет к нищете, а пьянство и угощение ведет к приобретению? Ну, об этом опять спросите у автора, сбирающегося произвести переворот в драматургии *небывало-великими* произведениями, к каким он относит «Первого винокура».

Наш разбор грозит своим объемом перерасти само разбираемое произведение, да едва ли даже не перерос. Поэтому увольняем себя от указания повторяемых в комедии общих фраз, а также фраз пустых, лишенных смысла, вроде «что!», «ну!». Нужно бы предпринять труд учителя над ученической тетрадкой и испестрить ее змейками под строками и замечаниями на полях: «лишнее!», «пошлость!», «не верно!».

А что сказать о том *действии* чертенка, служащего в Работниках, что он хоронит копыта и рога и потому обнажает голову и ноги, только оставшись наедине, а обуви, по свидетельству хозяина, совсем не снимал во все два года, пока служит у него. Это, видите, расчет на *эффект* сценический! Зрители в самом деле должны хохотать, когда чертенок нечаянно обнаруживает рожки. Расчет на внешний эффект так увлек автора, что он даже не заметил полной неестественности действия. Чертенок желает скрыть от хозяина копыта, и для этого никогда не разувается. Остается предположить, что он никогда и не открывал головы из опасения обнаружить рога? Следовательно, два года спал не только в сапогах, но и в шапке? Эта нелепость невдогад автору. Более находчивый заставил бы хозяина промолчать о том, что работник никогда не разувался. Неестественность и прошла бы мимо внимания. Но драматург-неофит до того растерялся в погоне за эффектом рог и копыт, что сам ткнул читателя носом на предлагаемую нелепость.

Не правда ли, читатель, вам, как и пишущему настоящие строки, становится наконец жаль писателя, который был когда-то великим художником и который ниспал до такого детского понятия об эффектах, достойного балаганов. Увы, понятие о внутреннем эффекте, достигаемом развитием действия и психологическою последовательностью, стало для знаменитого писателя тарабарскою грамотою! Настоящим произведением он впал в детство, и даже хуже и печальнее того. На нас лично «Первый винокур» производит такое впечатление, как если бы покойные Щепкин, Садовский или Шумский, к концу своего артистического поприща, объявили бенефис, возвестив, что они покажут «нечто небывало-великое, долженствующее произвести переворот в сценическом искусстве», и по открытии занавеса выбежали бы в бумажных колпаках и запели по-петушиному.

Автор «Войны и мира» способен к юродству и проявлял его и в деятельности своей и в сочинениях. В детских рассуждениях об историческом фатализме, которыми, в нарушение художественного единства, прошпикована «Война и мир», то же юродство, что в журнале «Ясная Поляна»,[6] что в позднейших сочинениях, претендующих на философское и богословское мышление, и во всей тепереш-

ней деятельности. Неугомонная фантазия, порывающаяся во всем к оригинальности и разрешающаяся, разумеется, детским недомыслием в тех случаях, где требуется серьезный труд мысли и основательное изучение науки. Северный Пророк (так величают его в Америке) воображает, что до всего можно дойти «своим умом», не учась, и отсюда его теории, в которых часто не только нет глубины и основательности, но нет даже и новости, и которые иногда тем более бывают смехотворны, что в логическом уме, в способности к правильному сцеплению понятий природа отказала нашему художнику, одарив его только фантазией. Везде, где только начинает рассуждать Лев Толстой, вы находите так называемую «женскую логику», скачки мысли, неспособной к суждению, а увлекающейся представлениями. Но талант творческий по крайней мере в нем оставался. В брошюрках, писанных хотя под влиянием угара фантастических мыслей, внушенных мономаниею, художник еще вывозил мыслителя. Достоинство этих произведений напоминает чертенка в «Первом винокуре»: они хороши, высоки, увлекательны, пока не выставляются рожки. Но настоящее произведение показывает, что и художественный талант пропадает. Юродство мысли не обошлось даром и для творческой фантазии: замысел ложен, сцены растянуты, жизни нет, риторика, и притом ниже, чем у Александра Анфимовича Орлова. И это с претензиею на великость, на реформаторство! Еще шаг, и Льву Николаевичу недалеко будет до Ивана Яковлевича Корейши,[7] к которому он приблизится тем быстрее, что у него, как и у этого юродивого, поклонников уже довольное число и созидаются о нем легенды, возвеличивающие его жизнь, — легенды, извращающие истину, но которых пророк опровергать не считает нужным, благо они его возвеличивают. Поклонники — опасная вещь. Если они восхвалят и настоящее бездарное, даже гимназиста-пятиклассника недостойное произведение, тогда второй экземпляр Ивана Яковлевича вполне готов.

Жаль, читатель, великого таланта, затягиваемого в тину самомнением недомыслия.

Печатается по единственной неподписанной публикации: *СИ*. 1886. 5 июля. № 182. С. 1.

[1] Видимо, имеются в виду следующие слова Толстого из его письма к редактору «Дневника русского актера» Павлу Александровичу Денисенко от 19 февраля 1886 г. (опубл. в составе редакционной статьи «По поводу письма графа Л. Н. Толстого», в № 1 журнала, вышедшем в марте): «...переделывайте, переводите, собирайте (я сейчас напишу) пьесы такие, которые имели бы глубокое, вечное содержание и были понятны всей той публике, которая ходит в балаганы, и ставьте их, и давайте, где можно — в театрах ли, в балаганах ли» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.>. М.: ГИХЛ, 1934. Т. 63. С. 329).

[2] На Никольской улице, в непосредственной близости от Торговых Рядов, в XIX — начале XX в. располагалось большое количество книжных лавок и букинистических развалов, специализировавшихся на лубочных изданиях.

[3] Гиляров и в своих воспоминаниях упоминал «Александра Анфимовича Орлова, известного тогда кропателя по заказу никольских издателей» (*Из пережитого. 2009*. Т. 1.

С. 307). А. А. Орлов (ок. 1790—1840) — лубочный писатель, автор сочинений для читателей из простонародной среды. Его перу принадлежит более 60 брошюр, изданных в Москве в 1827—1840 гг. Не имея возможности издать рукописи за свой счет, Орлов, как правило, продавал их книгопродавцам с Никольской улицы.

[4] Точнее: *Орлов А.* Страждущая невинность, или Поросенок в мешке: Нравоучит. роман. М.: Унив. тип., 1831. 36 с. Гиляров неверно (по памяти) привел название этого произведения, возможно, потому, что у него существовал предшественник — лубочный рассказ Андрея Фроловича Кропотова (1780—1817) «Чрезвычайныя произшествия: угнетенная добродетель, или Поросионок в мешке» (СПб., 1809; в этом сборнике, которому рассказ дал название, он на с. 1—24).

[5] Стародум — добродетельный рационалист, персонаж, в частности, комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782). Любопытно, что эта литературная маска ассоциировалась у Гилярова с деятелями Великой Французской революции. В своем очерке «Откуда нигилизм?» (1884) он так писал о «Декларации прав человека и гражданина» (1789): «Читаю я “великие” начала “великой” революции — “Провозглашения прав человека” (“Declaration des droits de l’homme”) — и думаю про себя: Стародум!» (*Сб. соч.* Т. II. С. 173).

[6] О журнале Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» см. примеч. 4 и 10 на с. 642—643 и 644.

[7] Известному московскому юродивому Ивану Яковлевичу Корейше (ок. 1780—1861), «содержавшемуся в доме умалишенных и служившему дельфийским оракулом для сотен тысяч суеверных» (*«Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 184), Гиляров посвятил окончание главы XXVII («Прозорливица») своих мемуаров.

Приложение

М. Н. Лопатин (?)
Письмо к Н. П. Гилярову-Платонову (<июль 1886 г.>)

Многоуважаемый
Никита Петрович!

Толстой говорил Нефедову,[1] будто он не читает критики на свои произведения. О том же самом говорит Лесков в «Новостях».[2] На этом основании некоторые из моих знакомых высказывали сожаление, что стрелы, пущенные Вами, не долетят по адресу, и вызывались послать № «Совр<еменных> из<вестий>» в Ясную Поляну. Но я успокоил их, говоря, что новый богослов так или иначе, но прочтет Вашу рецензию.

Вы действительно поразили в самое чувствительное место художника-лицемера. Для людей развитых достаточно логического разбора ложной доктрины, но для массы, которая постоянно грешит против 2-ой заповеди,[3] мало одного теоретического исследования: ей нужно[a] указать, насколько у нового пророка согласуются проповеди со делами. Вы блистательно выполнили эту задачу и со-

[a] *Испр.; в автографе*: нужен.

рвали личину с художника-лицемера. Вы скомбинировали в одной картине все неблаговидные поступки Толстого, которые он по недомыслию так смело выставляет в своей исповеди, и вполне заслужено обозвали «северного пророка» злостным банкротом.

...Некоторые до сих пор не могут переварить, каким образом «Совр<еменные> извест<ия>» осмелились при разборе «Первого винокура» сказать, что у Толстого художнический талант исчезает. Он, мол, во всех чудачествах остается великим художником. Но я льщу себя надеждою, что со временем исчезнет холопство, гнездящееся и в этом пункте. Рано или поздно найдутся наконец хладнокровные и бесприст<раст>ные критики, которые, подобно Вам, укажут нашей публике, что искусство, в чьих бы оно руках ни находилось, не может вечно служить ложной доктрине. Фальшь[a] скажется, хотя может быть и не сразу, а незаметно для наблюдателя, одурманенного страстью к поклонению.

Толстой с его новыми произведениями не пройдет бесследно для будущего историка русской литературы, но и Ваша статья по смелости критики будет стоять впереди всех, дерзавших не соглашаться с мнениями «великого художника». Вы долго «кунктаторствовали»,[4] но зато уж хитрый карфагенянин у Вас не вышел из лощины, в которую попал по своей самонадеянности.

Ваш *Лопатин* <?>

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 735. Л. 1—2. Юрист, председатель департамента Московской судебной палаты Михаил Николаевич Лопатин (1824—1900) — один из ближайших друзей Гилярова, отец известного философа Льва Лопатина. Авторство М. Н. Лопатина предполагается нами гипотетически. Сверху над текстом письма кн. Н. В. Шаховской написал: «О Толстом Л. ***Юрьев?***» Однако почерк С. А. Юрьева был другой.

[1] Филипп Диомидович Нефедов (1838—1902) — прозаик-народник, журналист, этнограф, археолог — в тот период (1885—1888) секретарь ОЛРС.

[2] Имеется в виду статья Н. С. Лескова «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (Новости и Биржевая газета. 1886. 4 июня. № 151; 14 июня. № 161). Лесков писал: «...передают, будто граф Л<ев> Н<иколаевич>, совершенно равнодушный нынче ко всему, что о нем самом пишут...» (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 11. С. 139).

[3] Вторая заповедь Десятословия Моисеева: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...» (Втор 5: 8—9).

[4] *«Кунктаторствовать»* — медлить, зд.: не вступать в полемику. Подразумевается прозвище (от глагола cunctare — медлить) римского военачальника Фабия Максима (III в. до н. э.), который в войне с карфагенским полководцем Ганнибалом применял тактику уклонения от решающих битв: не вступая в крупные сражения, он непрерывно тревожил и изводил неприятеля. Его тактика (кунктаторство) вполне себя оправдала.

[a] *Далее зачеркнуто*: сказать.

9. <ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ф. П. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО О КРИТИКАХ Л. Н. ТОЛСТОГО>

Помещаемая сегодня «Странная полемика» пришла к нам как нарочно кстати, тотчас после разбора комедии Л. Н. Толстого. Рецензент присоединил, как помнит читатель, к разбору комедии и общую краткую оценку писаний и действий знаменитого нашего писателя за последнее время. Содержание и тон рецензии выведут, надеемся, о. Соловьева [1] и иже с ним из недоумения. Можем дополнить, что рецензия, как и статья «За что гонение?», не принадлежат духовному лицу, [2] и автор не заражен пашковскими идеями. [3]

Истинно заслуживает благодарности душевно чтимый нами председатель Общества любителей духовного просвещения, о. И. Н. Рождественский, за разумный взгляд на «странную полемику», ведущуюся в Обществе. [4] Ведите полемику против Толстовской теории; следите и за книжками «Посредника», когда мораль, ими проповедуемая, противоречит морали христианской. Но не воздвигайте гонений из-за того одного, что такая-то книжка вышла из рук автора, заведомо еретически или даже безбожно мыслящего. Книжка сама по себе, автор сам по себе; отыскивать тайный смысл не только несправедливо, но и вредно для той самой цели, которой служит Общество. О. Соловьев, как уже замечали мы некогда, увлекся подобно охотнику, сгоряча проскакавшему далее зверя, которого преследует. Он разобрал достойный смеха перевод «Учение двенадцати Апостолов», сделанный Толстым, полный невежественных промахов и грубых подлогов. [5] За это о. Соловьеву честь и хвала. Пускай он и продолжает бить изобретателя новой веры на этой дороге: жатва обильная! Но книжки «Посредника» в тех пределах, где нравоучение их не противоречит христианской морали, не только оставьте в покое, но даже благословите ввиду воспитательного действия, производимого ими, несомненно полезнейшего, нежели способны произвести другие сочинения, распространяемые в народе. Темы этих книжек односторонние; дополните их изданием других, которые раскроют другие стороны, упускаемые «Посредником».

О. Соловьев, вероятно, с нами не согласится, но мы не одобряем и запрещения книжек, изданных пашковцами. В чем же яд их? В их ли библейском содержании? Нет, а в том, что они умалчивают обо всем, чего нет в Библии. Опять это не было бедой само по себе, но пашковцы, распространяя свои книжки, подчеркивают чернилами некоторые избранные строки, призывая на них преимущественное, даже исключительное внимание читателя. Это уже есть злоумышление, этот тайный изворот, с целию религиозного совращения. Но против него-то и надлежало действовать, против этой фабрики, занимавшейся подчеркиваниями, и против книгонош, призывавших внимание к подчеркнутым местам в книжках, которые сами по себе невинны. С самой Библией разве невозможно совершать подобных же злоумышленных операций? Не только возможно, но, мы полагаем, они даже и совершаются пашковцами. Позвольте Л. Н. Толстому заняться распространением Евангелия; он пустит его, похерив много мест, другие,

напротив, подчеркнув. Но ввиду этого должно ли запрещать Евангелие или Библию вообще?

Не знаем, ясно ли, убедительно ли мы говорим. Во всяком случае желаем, чтобы почтенное Общество, самому учреждению которого некогда содействовали мы вместе с покойным преосвященным Иаковом,[6] под благословением незабвенного митрополита Филарета,[7] чтобы это Общество не уклонялось на неблаговидный путь сыска тайных помышлений в писаниях, буквальный текст которых заслуживает только похвалы.

Печатается по единственной публикации (подпередовой), отмеченной редакторским символом («*»): Москва, 6 июля: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 7 июля. № 184. С. 2.

[1] О протоиерее И. И. Соловьеве см. примеч. 8 на с. 666.

[2] Гиляров здесь говорит о самом себе.

[3] О пашковцах (евангельских христианах) см. примеч. 12 на с. 667.

[4] Прот. В. П. Рождественский, однако, возразил на это заявление Гилярова: «И г. П., и редакция упирают также на то, что будто о. председатель осудил полемику против брошюр. К их несчастию, это недоразумение. О. председатель не осуждает полемики, но лишь полагает, что пора приступить к разбору главных произведений, предполагая, что брошюры этим уже будут осуждены» (<*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 13 июля: <Против сочинений графа Л. Н. Толстого> // Московские церковные ведомости. 1886. 13 июля. № 28. С. 418).

[5] См. примеч. 7 на с. 669.

[6] Назван викарный епископ Владимирской епархии Иаков (в миру, до 1838 г., Алексей Иванович Кротков; 1812—1885) — духовный писатель, проповедник. В 1863 г., в сане архимандрита, настоятеля московского Данилова монастыря, он стал председателем Московского Общества любителей духовного просвещения. В 1866 г. вместе с Гиляровым и рядом других духовных и светских лиц был основателем Братства Свт. Николая. С 1884 г. жил на покое настоятелем муромского Благовещенского Боголюбивого монастыря, затем — московского Донского монастыря.

[7] Упомянут митрополит Филарет (Дроздов), возглавлявший Московскую и Коломенскую епархию с 1821 по 1867 г.

Приложение

П. <Ф. П. Преображенский>
Странная полемика

«Habent sua fata libelli!»[1] Это выражение невольно приходит в голову, когда хотя несколько последишь за ожесточенной полемикой, какую завело Общество любителей духовного просвещения против народных книжек, издаваемых фирмою «Посредник»[2] под девизом: «Не в силе Бог, а в правде». Эта полемика нетактична с начала до конца; об этом говорят многие, даже из числа членов Общества. Мало того, эта полемика неприлична, подавая вид, что Общество любителей духовного просвещения есть какое-то сыскное по литературным делам

отделение. В самом деле, г. Соловьев — этот вечный референт Общества — по поводу этих книжек сам признался, что яд этих книжек, из коих некоторые принадлежат перу графа Л. Толстого, трудно усмотреть по его микроскопичности. В чем же дело? Кто же может усмотреть этот яд? Кто одарен таким критическим микроскопом, каким, кажется, обладает о. Соловьев? Не простой ли народ? Но он темен, как признает и о. Соловьев, считающий святым делом Общества любителей духовного просвещения идти навстречу духовным нуждам нашего народа. Стало быть, говорить о вреде этих книжек для народа едва ли уместно, и Общество «убояшеся страха тамо, идеже не бе страх».[3] Но ведь книжки читает и среднее общество, и образованное. Не оно ли соблазнится? Но ведь оно, по часто высказываемому и Обществом, и о. Соловьевым мнению, лишено религиозного образования, индифферентно в делах веры, за исключениями не очень многочисленными. Но, может быть, люди, богословски образованные, также нашли яд в рассматриваемых брошюрах? Увы, нет. В «Православном обозрении» некто А. Ф. Гусев печатает пока наиболее дельный разбор религиозно-философских воззрений графа Л. Толстого.[4] Он, г. Гусев (№ 4), очень сочувственно отнесся к народным брошюрам, написанным Л. Толстым, и в них видит заслугу нашего писателя. Конечно, Общество любителей духовного просвещения может счесть и г. Гусева и «Православное обозрение» «не православными», но от этого авторитет их для нас лично и для многих не уменьшится. Мало того, сами члены не сочувствуют этой полемике Общества: потому-то они и являлись на заседания в таком ничтожном количестве; от этого-то, мы знаем, многие просвещенные чины хотят подать протест против этой полемики.

«Граф Л. Толстой еретик, и надо его ереси усечь в корне, а тогда и ветви отвалятся», — высказано было устами председателя Общества. И благо. Дать разбор религиозно-философских воззрений Л. Толстого, распространяющихся литографированным путем, разбор дельный и беспристрастный, чуждый буквоедства и крючкотворства, — вот задача Общества, разрешение которой желательно и своевременно. Верно сказал о. Рождественский, что тогда не нужно будет рассматривать отдельные брошюрки. Это слишком мелочно, придирчиво. Мы сами узнали о неправославии брошюрок только из уст о. Соловьева и тогда же усумнились... Статья «За что гонение?» (в «Совр<еменных> изв<естиях>») всполошила Общество своим происхождением: не одному ли о. протоиерею,[5] очень просвещенному его члену, принадлежит она? Автор ее «поклонник Пашковских и Толстовских идей» (думает о. Соловьев), но с ним согласны не все, и в этой статье видят голос и светского, и духовного общества. Не случайно же все это?

Один член — критик Общества — заявил, что если бы у него была медная грудь и горло, подобное трубе, то и тогда бы он не перекричал «Совр<еменные> изв<естия>». Мы отвечаем ему: не надо ли ему еще медного лба[6] — не перекричит ли он тогда?

Печатается по единственной публикации: *СИ*. 1886. 7 июля. № 184. С. 2. Авторство Федора Петровича Преображенского (?—1905), впоследствии священника, сотрудни-

чавшего с «Современными известиями» в качестве рецензента духовных изданий, устанавливается по символу, которым помечена статья (растущая Луна). (Тот же символ см., например, перед заметкой, несомненно принадлежащей перу Преображенского: *Ф. П.* Библиография. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. А. Лебедева // *СИ*. 1886. 15 июля. № 192. С. 1.) Впоследствии он издал книги «Граф Л. Н. Толстой как мыслитель-моралист» (М., 1893) и «Учение Л. Н. Толстого о смысле жизни по суду христианства» (М., 1898).

[1] «Книги имеют свою судьбу» (*лат.*). Изречение принадлежит грамматику Теренциану Мавру (Terentianus Maurus; кон. II в.) и представляет собой фрагмент стиха 1286 раздела «О слогах» его дидактической поэмы «О буквах, слогах и о метрах».

[2] Об издательстве «Посредник» см. примеч. 17 на с. 667.

[3] Пс 13: 5.

[4] *Гусев А. Ф.* Лев Николаевич Толстой, его исповедь и мнимо-новая вера // Православное обозрение. 1886. № 1—6, 9, 10; 1889. № 10—12; 1890. № 1, 2, 4. Александр Федорович Гусев (1842—1904) — богослов, с 1889 г. экстраординарный профессор апологетики христианства в Казанской ДА.

[5] Подразумевается протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов (1835—1894), весьма авторитетный духовный писатель, публицист и проповедник, профессор Московского университета по кафедре церковной истории. В свое время он по просьбе жены писателя С. А. Толстой пытался поспособствовать публикации толстовской «Исповеди» в журнале «Русская мысль», с каковой целью написал к ней особое предисловие, что, однако, не помогло.

[6] Ветхозаветное выражение, имеющее в виду идолопоклонников: «Я знал, что ты упорен, и что в шее твоей жилы железные, и лоб твой — медный» (Ис 48: 4).

10. ПАМЯТИ И. С. НИКИТИНА

Сегодня, 15 октября, исполнилось четверть века со дня смерти в Воронеже даровитого русского поэта, писателя Ивана Саввича Никитина, последовавшей 16 октября 1861 года. Имя этого человека, не столичного, неважного, неизвестного, вдруг прогремело в самый разгар Крымской войны, когда наружное уныние и внешняя неуверенность в настоящем соединялось с внутреннею, не вырвавшеюся наружу, глубоко таившеюся верою в будущее, — имя этого безвестного человека вдруг стало известным по его стихотворению «Русь», [1] в котором Никитин искренно говорил про свою родину:

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

Эти сильные звуки, раздавшиеся из глубины русской жизни, обратили общее внимание на человека, вымолвившего их всенародно, вымолвившего их искренно, без ужимок ложного самохвальства, без примеси фальшивой спеси, желавшей только наружно заявить о своей силе, внутренно же признавшей свою слабость. Общество узнало, что голос этот принадлежал еще молодому человеку, сыну простого воронежского мещанина Кириллова, который был собственно духовного звания, но сделался мещанином по оставлению этого звания и принял фамилию Никитина. Творец стихотворения оказался кончившим курс сначала духовного училища, а потом духовной семинарии и притом кончившим учение не по одному названию, а основательно. Словом, Никитин оказался получившим среднее образование того времени, какое мог дать областной город, не чуждый литературных преданий, имевший свои светлые страницы в государственном, церковном и общественном отношениях, каким был Воронеж в сороковых годах.

Автор патриотического в хорошем смысле этого слова стихотворения оказался вообще имеющим наклонность к стихотворству. По месту своей родины в Воронеже, по свежим еще воспоминаниям о Кольцове, по самому размеру стихотворения «Русь» присяжные ценители сначала было усмотрели в Никитине второго Кольцова. Но потом последовало разочарование в таком уподоблении. Никитин был только Никитин, а не подражание кому-либо и не подобие чьелибо. Это был не грубый неотшлифованный драгоценный природный камень; это была натура даровитая, но образованная, образованная не столичными средствами, а провинциальными, и притом исключительно провинциальными. Природа дарования Никитина была положительная, способная в самых отрицательных скромных, убогих проявлениях жизни видеть душу живую, светлые стороны тихой радости и возможности примирения. Поэтому произведения Никитина, черпавшие свое содержание из картин скромной местной природы, из мещанского быта города средней руки, не носят характера горькой безысходности, не дышат ненавистью к жизни, не возбуждают гнетущей печали, не вызывают на затаенную месть. В произведениях Никитина проходит струя, примиряющая с невзгодами жизни как необходимыми явлениями. Из его стихов читатель выносит много впечатлений, чарующих своею трезвостью, простотою картин скромной природы и бедного людского быта. В его изображении внутреннего человека[2] со всеми дурными наклонностями и душевными пороками звучит нота примирения и ощущается потребность в снисхождении к порочному, в прощении падшего. Его творения вызывают не отвращение и ненависть, а любовь и желание оказать помощь. Словом, Никитин был писателем с высокохудожественным смыслом, и притом его творческие силы и по природе и по развитию имели черты и склад русские, глубоко народные. Даже тот кружок об-

разованных людей, под доброе и, конечно, в то же время и худое частию влияние коего подпал прославившийся воронежский содержатель постоялого двора, — даже и этот кружок искренних, но односторонне направленных людей с.-петербургского образования не мог и не имел сил уничтожить в Никитине цельности его народной природы. Если под влиянием книжных воззрений этого кружка, а еще более невзгод своей личной частной жизни Никитин и впал в тон вечно ноющего писателя, человека, постоянно жалующегося на горькую участь окружающего <так!>; то все же его произведения, частию переделанные им самим под влиянием веяний конца пятидесятых годов, далеко не носят исключительно безотрадного отрицательного направления. Истый, прямой поэтический талант Никитина не мог примириться с направлением обличительным, отрицательным. Под напором неблагоприятных временных условий, общих и личных, Никитин стал менее плодовит и из творца мысли превратился в продавца умственного товара, сделался книгопродавцем ради распространения нового просвещения.

Но и последние произведения Никитина, как и первые, остались верны его цельной, вполне русской природе дарования, не позволявшей ему видеть в дурных невеселых условиях жизни безысходного горя: его дух ощущал радость и верил в высокое и святое жизни нашей родины. Он мог с полным правом сказать о себе:

Я пел Святой Руси величие и славу,
Родного Севера высокую судьбу,
И радостей своих минутную забаву
И пламенных страстей печальную борьбу. [3]

Словом, Никитин воспроизводил русскую природу и жизнь в целом ее образе, а не <в> одних отрицательных проявлениях. Пожелаем, чтобы приведенное четверостишие украшало будущий памятник поэту, о сооружении которого земляки Никитина — воронежцы — возбудили вопрос по поводу истечения четверти века со дня его кончины. [4] Пожелаем, чтобы редакторы будущих изданий сочинений Никитина восстановили первоначальный текст его некоторых стихотворений и освободили их от тех безжалостных переделок, которым подверг их сам Никитин в последние годы его жизни под напором временных влияний жизни.

Печатается по единственной неподписанной публикации (подпередовой): Москва, 15 октября: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 16 окт. № 285. С. 1—2.

[1] Стихотворение Никитина «Русь» (1851) увидело свет в «Воронежских губернских ведомостях» 21 ноября 1853 г., во время Крымской войны, а 11 декабря 1853 г. было перепечатано в газете «С.-Петербургские ведомости» с редакторским комментарием: «Не правда ли, что-то знакомое слышится в этом стихотворении, в чувстве, которым оно проникнуто, в приемах, в фактуре стиха? Неужели в г. Никитине суждено воскреснуть Кольцову?» (цит. по: *Никитин И. С.* Сочинения. М.: Худож. лит., 1980. С. 654—655).

[2] *Внутренний человек* — новозаветное выражение, ставшее основополагающим аскетическим термином. См.: «...но если и разрушается в нас внешний человек, то внутренний обновляется» (2 Кор 4: 16).

[3] Приведено четверостишие, приписывавшееся Никитину.

[4] Подписку на создание памятника Никитину в Воронеже было Высочайше дозволено открыть лишь в 1900 г. Его воздвигли на Театральной площади (с 1918 г. пл. Никитина) в октябре 1911 г.; автор проекта — скульптор Иван Андрианович Шуклин (1879—1958).

11. БИОГРАФИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА.
Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. *

Одновременно с продолжающимся изданием Полного собрания сочинений И. С. Аксакова,[1] труд его о Тютчеве издан отдельно, вне счета, подобно тому как вне счета, тотчас после кончины писателя, издана была книжка его стихотворений.[2]

Историко-критическое исследование о Тютчеве, скромно и даже не совсем соответственно названное «Биографиею», безусловно, есть лучшее из всех произведений покойного публициста, глубокое и блестящее. Мы не относим к числу «произведений» отрывочные мысли, высказанные в виде руководящих статей по разным частным вопросам времени, хотя в полном собрании, бесспорно, они и представят из себя нечто цельное. К «произведениям», кроме рассматриваемой книги, мы отнесем «Исследование об украинских ярмарках»,[3] «Исследование об секте странников»[4] и «День уголовной палаты».[5] Но первые два, особенно об ярмарках, слишком специальны; «День уголовной палаты» — это в своем роде небывалое произведение, в котором не более как фотографическим воспроизведением присутственного дня выражен в лицах ужас старого правосудия, — произведение это свидетельствует о высоком художественном таланте автора. Не взяточничество или пристрастие и жестокосердие судей, а, напротив, прямое исполнение закона и притом чиновниками-судьями, из которых каждый и все вместе честны, добродушны (хотя не без примеси сословных пристрастий) и неглупы, приводило к последствиям бесчеловечия и бесправия, вызывающим содрогание. Такова тема этого драматического произведения, можно сказать реалистичнейшего из всех, какие являлись в России, и художественность его состоит именно в этом примирении кажущегося противоречия добрейших людей и бесчеловечнейших действий, — в том, что чрез пьесу проходит своего рода «Судьба» древних, выражающаяся на этот раз в уголовном законе и уголовном судопроизводстве, которые действовали через исполнителей независимо от их душевных качеств и воли. Произведение это необыкновенно заме-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-04-00206а («Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1860—1886)»).

чательно; но в нем И. С. Аксаков является с одной лишь стороны, только как творец-художник; «Биография Тютчева» показывает его не только как художника, но и как мыслителя.

В своем критическом отчете приводя отрывки из разбираемого поэта, он сопровождает их объяснениями, дышащими такою художественностью, что недоумеваешь иногда, прекраснее ли стихотворная поэзия Тютчева или поэтическая проза Аксакова? * Но не одною художественною формою, не стилем, не мастерскими только образами щеголяет биография Тютчева. Автор излагает жизнь поэта и мыслителя и объясняет его творения, причем не ограничивается подстрочным комментарием к тексту. Он рассматривает произведения в связи с внутреннею и внешнею историею личности автора и в связи с характером общества, среди которого он жил и действовал, в связи с характером народа, на котором висело это общество, и с характером исторического периода, который оно проживало.

Надобно удивляться, что «Биография Тютчева», при первоначальном выходе их печати, двенадцать лет назад, [7] прошла почти незамеченною в нашей литературе, разделив таким образом судьбу самого Тютчева, о котором она сообщала. Как сам Тютчев в свое время нечаянно открыт был Некрасовым, несмотря на то что уже давно дарил печать своими грациозными стихотворениями; так и сочинение о Тютчеве не возбудило о себе речи, несмотря на появление свое в «Рус-

---

* В пример можем представить отзыв о стихотворении «Гроза».
Стихотворение гласит:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит;
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит...

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

А вот замечание критика: «Так и видится молодая, смеющаяся вверху Геба, а кругом влажный блеск, веселье природы и вся эта майская *грозовая потеха*» [6] — Не есть ли это поэтическая проза?

ском архиве» и потом в отдельном издании. Долговременного молчания о Тютчеве причиною было полнейшее пренебрежение самого автора и к стихотворениям своим, и к своему авторству вообще. А здесь, наоборот, не слишком ли громкая известность автора была причиной молчания со стороны органов, которым направление, и политическое и литературное, Аксакова было антипатично? А между тем «Биография Тютчева» есть не только лучшее произведение Аксакова, но, без преувеличения сказать, лучший критический труд по истории русской литературы вообще. Мы, по крайней мере, не знаем монографии ни об одном из наших писателей, которая по глубине, тонкости и обстоятельности разбора равнялась бы с произведением Аксакова о Тютчеве.

Указание всех достоинств этой книги не может уместиться в пределах газетной статьи. Ограничивая себя по возможности, мы не будем цитовать страниц, где разбираются политические и исторические воззрения Тютчева. Здесь читатель, знакомый с И. С. Аксаковым по передовым его статьям, найдет немного для себя нового. Не будем следить и за психологическим анализом, которому критик подвергает рассматриваемого писателя и деятеля, хотя тонкость этого анализа с его художественно меткими определениями и искушает на выписки. Опустим и все, касающееся самого Тютчева, сколь ни много интересного представляет судьба этого поэта-импровизатора, который не сочинял стихов, а *ронял* их, по выражению Аксакова; этого удивительного человека, проведшего лучших 22 года жизни на чужбине, [8] между тем не только сохранившего русское чувство, но додумавшегося даже до ультрарусского направления, если можно так выразиться; этого мыслителя-политика, статьи которого (слишком немногие, по отличавшей его рассеянности и беспечности) тревожили внимание Европы и производили гром, подобно упавшей бомбе; этого оригинального дипломатического агента, который отправился на отдых в другой край, заперев двери посольства, на том основании, что при дворе, к которому он аккредитован, не находилось дела. Об этом обо всем читатель пускай ищет в самой книге Аксакова. Но мы не можем удержаться, чтоб не привести выписок, которые дадут понятие об Аксакове как о литературном критике, знакомят с ним с этой стороны, с которой он менее всего известен.

В указание общих эстетических оснований, руководивших Аксакова при оценке поэтических произведений, могут служить следующие строки, для современных и дарований и бездарностей не лишенные поучительности. Дело идет об описаниях природы у Тютчева.

> Нет, конечно, — говорит Аксаков, — *сюжета* более избитого стихотворцами всего мира...
>
> К счастию, сам сюжет, т. е. сама природа, от этого нисколько не опошливается и ее действие на дух человеческий не менее неотразимо. Сколько бы тысяч писателей ни пыталось передать нам ее язык, — всегда и вечно он будет звучать свежо и ново, как только душа поэта станет в прямое общение с душою природы. Оттого и картины Тютчева исполнены такой же бессмертной красоты, как бессмертна красота самой природы. Вообще, верность изображения не только того, что зо-

ется «природой», но и всякого предмета, явления и даже ощущения заключается вовсе не в обилии подробностей, вовсе не в *аккуратной* передаче всякой, даже самой мелкой черты, вовсе не в той фотографической точности, которой так хвалятся *художники-реалисты* позднейшего времени. Многие из наших новейших писателей любят кокетничать наблюдательностью и, думая изобразить чью-либо физиономию, перечисляют углы и изгибы рта, губ, носа, чуть не каждую бородавку на лице; если же рисуют быт, то с неумолимою отчетливостью передают каждую ничтожную частность, иногда совершенно случайную, зыбкую, вовсе не типичную... Они только утомляют читателя и нисколько не уловляют внутренней правды. Истинный художник, напротив того, изо всех подробностей выберет одну, но самую характерную; его взор тотчас угадывает черты, которыми определяется весь внешний и внутренний смысл предмета и определяется так полно, что остальные черты и подробности сами уже собой досказываются в воображении читателя. Воспринимая впечатление от наружности ли человеческой, от иных ли внешних явлений, мы прежде всего воспринимаем это впечатление непосредственно, еще без анализа, не успевая, да иногда и не задаваясь трудом изучить и разобрать все соотношения линий и всю игру мускулов в физиономии или же все формы и движения частей, составляющих, например, картину природы. Следовательно, художественная задача не в том, чтоб сделать рабский снимок с натуры (что даже невозможно), а *в воспроизведении того же именно впечатления*, какое произвела бы на нас сама живая натура. Это уменье передавать несколькими чертами всю целость впечатления, всю реальность образа требует художественного таланта высшей пробы и принадлежит Тютчеву вполне, особенно в изображениях природы. Кроме Пушкина, мы даже не можем и указать кого-либо из прочих наших поэтов, который бы владел этой способностью *в равной мере* с Тютчевым. Описания природы у Жуковского, Баратынского, Хомякова, Языкова иногда прекрасны, звучны и даже верны, — но это именно *описание*, а не *воспроизведение*. У некоторых, впрочем позднейших, поэтов, у Фета и у Полонского, местами попадаются истинно художественные черты в картинах природы, но только местами. Вообще же, в своих описаниях, бо́льшая часть стихотворцев ходит *возле* да *около*; редко-редко удается им схватить самый существенный признак явлений. [9]

Тютчев принадлежит к так называемой пушкинской плеяде русских поэтов. Указав на это, Аксаков замечает, что особенность этого ряда поэтов состояла в «простодушии» их творчества, в «вере в свое искусство». Они исполняли не только «личное», но «историческое» призвание; поэзия их носила характер «бескорыстной, самой для себя, свободной, личной, не обращенной в средство для достижения посторонней цели, — поэзии, не знающей тенденций». [10] Критик приводит в доказательство своей мысли пример из истории живописи. Он говорит:

Вот уже триста пятьдесят лет сряду сотни художников чуть не ежедневно изучают «манеру» Рафаэля; краски усовершенствованы, технические приемы облегчены; но, несмотря на даровитость и горячее усердие этих художников, все их усилия перенять его манеру тщетны и пребудут тщетны: невозможно им усвоить себе ту искренность, то *простодушие* творчества, которыми веет от созданий Рафаэля, подобно тому как невозможно человеку XIX века стать человеком

XVI-го...[a] Это не значит, чтобы мы отвергали всякую будущность для искусства. Бесконечное развитие человеческого духа может явить еще новые, неведомые его стороны; может возникнуть новое, высшее единство духа, обретется новая цельность, аналитический процесс мысли разрешится, быть может, в синтез; наконец, новые народы принесут с собою новые виды художеств. Всего этого мы, конечно, не отрицаем; но мы разумеем здесь известное *историческое* проявление искусства, и никто не станет спорить, что, например, греческое искусство, оставаясь по своему значению бессмертным мировым двигателем в истории человеческого просвещения, тем не менее отжило свой век, как отжила его и сама Эллада. [11]

Уяснив свою мысль примером, критик переходит к определению пушкинской, лермонтовской, а затем и тютчевской поэзии.

Стихотворная форма, — замечает он, — сделавшись впоследствии общим достоянием, явилась и богаче и разнообразнее в техническом отношении.

Можно привести тысячи новейших стихов несравненно сильнее и звучнее, например, стихов «Евгения Онегина»; но преимущество прелести — прелести, неуловимой никаким анализом, независимой от содержания, — вечно пребудет за любыми стихами Пушкина и других некоторых поэтов этого поэтического периода: от них никогда не отымется свежесть формы и искренность творчества как их историческая печать. Пушкин имел полное право сказать в следующих прекрасных стихах, столько осмеянных новейшей петербургскою критикой *позитивистской* школы:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Эти «сладкие звуки» были нужны, были серьезным, *необходимым, историческим*, а потому в высшей степени полезным делом. [12]

На рубеже этого периода искренности нашей поэзии стоит Лермонтов. По непосредственной силе таланта он примыкает ко всему этому блестящему созвездию поэтов, однако же стоит особняком. Его поэзия резко отделяется от них отрицательным характером содержания. Нечто похожее (хотя мы и не думаем их сравнивать) видим мы в Гейне, замкнувшем собою цикл поэтов Германии. От отрицательного направления до тенденциозного, где поэзия обращается в средство и отодвигается на задний план, один только шаг. Едва ли он уже не пройден. На стихотворениях нашего времени уже не лежит, кажется нам, печати этой *исторической необходимости* и искренности, потому что самая историческая миссия стихотворства, как мы думаем, завершилась. Они могут быть, они и действительно более или менее талантливы, но или звучат как отголоски знакомого прошлого, уже лишенные прежнего обаяния, или же преисполнены внешних, чуждых искусству, тенденций. [13]

Далее автор говорит:

---

[a] *Испр. по книге И. Аксакова; в статье*: XIV-го.

Стихи Тютчева представляют тот же характер внутренней искренности и необходимости, в котором мы видим исторический признак прежней поэтической эпохи. Вот почему [14] десятками лет пережил Тютчев и Пушкина, и весь его поэтический период, но оставался верен себе и своему таланту. Не переставая быть «современнейшим из современников» по своему горячему сочувствию к совершающейся кругом его жизни, он среди диссонансов новейшей поэзии продолжал дарить нас гармонией старинного, но никогда не стареющего, поэтического строя. Он был среди нас подобно мастеру какой-либо старой живописной школы, еще живущей и творящей в его лице, но не допускающей ни повторения, ни подражания. [15]

Стихи Тютчева отличаются такою *непосредственностью творчества*, которая, в равной степени по крайней мере, едва ли встречается у кого-либо из поэтов. Поэзия не была для него сознанною специальностью, своего рода литературным Fach, [16] как выражаются немцы, общественным, официальным положением или же такою обязанностью, которую и сам поэт невольно признает за собой, признают и другие за ним; напротив, [17] он был поэт по призванию, которое было могущественнее его самого, но не по *профессии*. Он священнодействовал, как поэт, но, не замечая, не сознавая сам своего священнодействия, не облекаясь в жреческую хламиду, не исполняясь некоторого благоговения к себе и своему жречеству. Его ум и его сердце были, по-видимому, постоянно заняты: ум витал в области отвлеченных, философских или исторических помыслов; сердце искало живых ощущений и треволнений; но прежде всего и во всем он был поэт, хотя собственно стихов он оставил по себе, сравнительно, и не очень много. Стихи у него не были плодом *труда*, хотя бы и вдохновенного, но все же труда, подчас даже усидчивого у иных поэтов. Когда он их писал, то писал невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что он не мог их не написать: вернее сказать, он их не писал, а только *записывал*. Они не *сочинялись*, а *творились*. Они сами собой складывались в его голове, и он только *ронял* их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток. Если же некому было припрятать к месту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нередко и пропадали. [18]

История нашего стихотворства, как и прозы, но стихотворства в особенности, связана с историей языка, который в качестве письменного литературного орудия выработался под разнородными влияниями, а не <под> одним народным. В XVIII веке и начале XIX господствовала в высшем обществе (оттуда и выплывали поэты) французская речь. Аксаков говорит:

Это господство французской речи не исключало, однако, у Екатерины Львовны (матери Тютчева) [19] приверженности к русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтырей, часословов, молитвенников у себя, в спальной, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта. Явление, впрочем, очень нередкое в то время, в конце XVIII и в самом начале XIX века, когда русский литературный язык был еще делом довольно новым, еще только достоянием «любителей словесности», да и действительно не был еще достаточно приспособлен и выработан для выражения всех потребностей перенятого у Европы общежития и знания. [20]

Как объяснить этот недостаток популярности при несомненном общественном значении? Эту несоразмерность внешнего объема литературной деятельности с обнаруженной автором силой дарований?.. Но и здесь еще не конец недоумениям, нередко возбуждаемым именем Тютчева. Ко всем единодушным отзывам нашей периодической печати об его уме и таланте, раздавшимся вслед за его кончиной вместе с выражениями искренней скорби, мы позволим себе прибавить еще и свой: Тютчев был не только самобытный, глубокий мыслитель, не только своеобразный, истинный художник-поэт, но и один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского, народного самосознания.

> Вместе с готовою западною цивилизацией заимствовалось и готовое, чужое орудие обмена мыслей. Многие русские государственные люди, превосходно излагавшие свои мнения по-французски, *писали* по-русски самым неуклюжим, варварским образом, точно съезжали с торной дорогой на жесткие глыбы только что поднятой нивы. Но часто, одновременно с чистейшим французским жаргоном, словно перенесенным бурею революции из Сен-Жерменского предместья в петербургские и московские салоны, — из одних и тех же уст можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую речь, более народную во всяком случае, чем наша настоящая книжная или разговорная. Разумеется, такая *устная* речь служила чаще для сношений с крепостною прислугою и с низшими слоями общества, — но тем не менее эта грубая противоположность, эта резкая бытовая черта, рядом с верностью бытовым православным преданиям, объясняет многое, и очень многое, в истории нашей литературы и нашего народного самосознания. [21]

Знаменитой няне Пушкина и вообще няням и дядькам русский литературный язык обязан настоящею своею формою, как и русское чувство вообще своим сохранением. Эту мысль И. С. Аксаков, помнится, развивал в речи своей на Пушкинском празднике; [22] но еще ранее того он высказал ее в «Биографии Тютчева»: Тютчева в Мюнхен на службу сопровождал старик-дядька, не захотевший расстаться с «дитятею», которое «взлелеял с 4-летнего возраста».

> В Мюнхене, — говорит далее жизнеописатель, — старик остался верен всем русским обычаям и в немецкой квартире Тютчева устроил себе уютный русский уголок с иконами и лампадой, словно перенесенный из какого-нибудь московского прихода Николы на Курьих Ножках или в Сапожках. [23]

Упомянув о теплых, дружеских отношениях, связывавших молодого барина со старым слугою, Аксаков далее пишет:

> Как ни мелочна по-видимому эта биографическая подробность, но она не лишена значения. Она характеризует и самого Тютчева, которого слуга, бывший крепостной, его дядька и повар, называет своим *другом*, и ту эпоху, когда типы, подобные Хлопову, были нередки. Благодаря им, этим высоким нравственным личностям, возникавшим среди и вопреки безнравственности исторического социального строя, — даже в чудовищную область крепостных отношений проступали, порою, кроткие лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условия зависимости и неравенства согревались человечностью, даже окрашивались каким-то мягким, поэтическим колоритом. — Николай Афанасьевич вполне на-

поминает знаменитую няню Пушкина, воспетую и самим поэтом, и Дельвигом и Языковым. Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности. В их нравственном воздействии на своих питомцев следует, по крайней мере отчасти, искать объяснение: каким образом в конце прошлого и в первой половине нынешнего столетия в наше оторванное от народа общество, — в эту его среду, хвастливо отрекавшуюся от русских исторических и духовных преданий, пробирались иногда, неслышно и незаметно, струи чистейшего народного духа? Откуда и чем питалось и поддерживалось в наших, по-видимому вполне офранцуженных, поэтах и деятелях проявлявшееся в них порою истинно русское чувство и русская мысль? Да и вообще, кажется нам, история умственного общественного развития в России едва ли может быть вполне понята без частной истории семей, без оценки той степени участия, по-видимому неразумного, самовольного, непрошенного, но тем не менее часто спасительного, которое в нашей личной и общественной судьбе приходится на долю семье и быту, — непосредственному действию предания и обычая... Конечно, не Хлопову собственно был обязан Тютчев сохранением своей духовной самостоятельности на чужбине; но не могла же, однако, восприимчивая душа поэта не испытывать особенного благотворного ощущения, когда там, в Баварии, вдалеке от России, по возвращении иной раз поздней ночью на свою немецкую квартиру с какого-нибудь придворного немецкого бала или раута, — его встречала ласковая русская журьба и осеняла тихим своим светом лампада, неугасимо теплившаяся пред иконами старого дядьки. [24]

Укажем, как критик-биограф понимает моменты в развитии русского общества, дававшего поэзии и литературе вообще и идеалы и материал для искусства. Вот как он изображает состояние общества, современного Тютчеву.

Высокий жребий умиротворения Европы выпавший на долю Александра I-го, превозмог в нем власть народных инстинктов. Верховного вождя русского народа перевешивал бескорыстный европеец, устроитель европейских судеб, непричастный национальному эгоизму... В обществе возбужденное войною патриотическое чувство, защитившее внешнюю независимость Русской земли, еще не доросло до притязаний на ее духовную независимость. Русская мысль еще не начинала [a] подвига народного самосознания. Вслед за отраженным нами «нашествием двунадесяти язык», сильнее чем когда-либо повторилось на Россию нашествие с Запада: идей, теорий, доктрин — политических, философских и нравственных. Живое сближение с Европой в лице образованного слоя нашей победоносной армии дало в свою очередь победу над русскими умами обаятельным формам европейской гражданственности. В то время как наша внешняя государственная политика приносила в жертву интересам европейского равновесия и покоя политические интересы России, отказывая в поддержке грекам и сербам, — русское общество, расколыхавшись, как море, от разразившейся над Россией великой исторической бури, представляло зрелище необычайного умственного брожения. Смутно чувствуя ложь своего исторического пути и всего общественного строя, оно не умело еще додуматься до настоящей причины этой лжи и, обходя или не ведая про свой

[a] *Испр.; в статье*: вчинила.

народ и свою народность, искало разрешения томившим его задачам в чужой исторической жизни. Под влиянием иностранных образцов это брожение принимало формы то тугендбундов,[25] то иных подобных союзов, пока наконец не превратилось в политической заговор. Событие 14-го декабря снесло с Русской земли цвет высшего образованного общества. Началось новое царствование и с ним новый период внутреннего развития. Русский кабинет по-прежнему пекся об Европе, но уже без «галантерейного обращения» Александровской эпохи: новый царь держал имя России грозно. Мятеж декабристов обличил историческую несостоятельность политических иностранных идеалов, насильственно переносимых на русскую почву; фальшивые призраки будущего переустройства России на европейский фасон, которыми тешилось незрелое, порвавшее с народными преданиями русское общество, были разбиты. Давление сверху, стеснив всякую внешнюю общественную деятельность, вогнало русскую мысль внутрь...

Действительно, мы видим, что русская словесность, в которой при отъезде Тютчева за границу еще господствовали французские литературные авторитеты вместе с самыми жалкими и детскими эстетическими теориями, — мало-помалу пробует освобождаться и наконец освобождается совсем из оков псевдоклассицизма и подражательности. Гений Пушкина ищет содержания в народной жизни. Настает Гоголь: неумолимо разоблачена духовная скудость и нравственная пошлость нашего общественного строя; все лживо-важное, ходульное, напыщенное в литературном изображении и разумении нашей русской действительности исчезает, как снег весною, от одного явления этого громадного таланта. В художественном воспроизведении жизни водворяется требование простоты и правды (переходящее впоследствии у большинства писателей в голое обличение и отрицание). Критика в лице Белинского (в лучшую пору его деятельности) окончательно сокрушает фальшивые литературные кумиры и остатки старых эстетических теорий.

В 1826 году выходит последний том «Истории государства Российского» Карамзина. Его монументальный, хотя и неоконченный труд, при всем своем несовершенстве, пролагает путь к ближайшему знакомству с историческим ростом России, к внимательнейшему исследованию ее прошлых судеб. Обнародование актов, грамот, летописей и других памятников древней русской письменности, вообще издания Археографической комиссии[a] создают новую эпоху в изучении русской истории и самым могущественным образом движут вперед наше историческое сознание. В области отвлеченного умственного движения, совершающегося преимущественно в Москве, влияние французских мыслителей и вообще философии XVIII века сменяется более благотворным, хотя иногда и очень поверхностным воздействием на русские умы германской науки и философии. Русская мысль трезвеет и крепнет в строгой школе приемов немецкого мышления и также пытается стать в сознательное, философское отношение к русской народности. С одной стороны, вырабатывается целая стройная доктрина как продукт высших просвещенных соображений, — что спасение для России заключается в полнейшем отречении от всех народных, исторических, бытовых и религиозных преданий; во главе этого направления стоит Чаадаев. С другой, сначала одиноко и большею частью еще в стихах, раздается протест Хомякова; к нему примыкает постепенно целая дружина молодых людей из последователей Гегелевой философии, а потом

[a] *Испр., в статье*: экспедиции.

и несколько самостоятельных мыслителей, как Киреевские и другие. Общество распадается на два стана: «западников» и «восточников»; за последними утверждается прозвище «славянофилов», данное им в насмешку петербургскою журналистикою. Завязывается сильная, запальчивая борьба в печати, в рукописи, в устных беседах, в частных домах, на общественных сборищах и университетских кафедрах. Славянофилы устремляются к изучению русской народности во всех ее проявлениях, к раскрытию ее внутреннего содержания, к наследованию ее коренных духовных и гражданских стихий. Они, по выражению Хомякова, «допрашивают духа жизни»,[26] сокрытого в нашем былом и хранящегося еще в настоящем, т. е. в простом русском народе.[27]

И далее:

События 12 года встрясли несколько общественный дух, но и после 12 года, и гораздо позднее состояние мысли философско-отвлеченной, направление литературное и эстетические воззрения представляются в виде истинно жалком. Еще в 1819 году можно было в торжественных речах на торжественных литературных собраниях, из уст ученых авторитетов, слышать такие рассуждения: «Почтенные мужи! Пусть на цветущем поле нашей словесности резвятся, в разновидных группах, Амуры, Зефиры и *Фавны*... Птичка, свивающая гнездо на ближнем дереве, научила человека строить скромные сени из ветвей, она же научила его радоваться и воспевать свою радость. Отсюда происхождение — Музыки и Поэзии».[28] Правда, в то время уже началась реакция, и «господин Боало, честный Лафонтен, гений Корнеля и Сида, сии вечные образцы искусства»,[29] как выражались еще тогда с кафедры ученые наши авторитеты, одним словом, вся эта псевдоклассическая теория поэзии не тяготела более над умами наших юных поэтов, которые все были пылкими приверженцами так называемой «романтической школы». Но взамен господина Боало с компанией образцами для молодых певцов служили все же французские писатели: отчасти только Шенье, но предпочтительно Парни, пресловутый Парни, и другие представители эротической поэзии. Впоследствии Парни уступил было место Байрону, но Байрон был понят только с внешней своей стороны; да и мудрено было этому своеобразному историческому продукту английской нравственной, общественной почвы акклиматизироваться на русской.[30] Можно было бы, кажется, задохнуться в этой гнилой атмосфере, если б ее несколько не освежали своим присутствием: Карамзин — этот «целомудренно-свободный дух», по выражению Тютчева, и Жуковский с «голубиной чистотой» своей поэзии. Какие-то нанесенные ветром обрывки чужих, преимущественно французских доктрин, вкусов и нравов, при недостатке сколько-нибудь строгой науки, при отсутствии воспитательного начала гражданской общественной жизни, при разрыве с своими собственными народными и бытовыми преданиями: ни убеждений твердых, ни крепких нравственных основ — вот чем была, по крайней мере в значительной части, русская общественная среда. Велика заслуга наших поэтов уже в том, что они не только не погибли в этой растлевающей обстановке, но еще умели и сами вознестись над нею, — даровать и обществу силу подъема, и орудие воспитания в художественной красоте своих произведений. Конечно, при этом немало было растрачено даром богатства души, свежести чувства, времени... Нелегко было из «питомцев Эпикура», «певцов пиров и сладострастья» — как они сами себя величали — выбраться целым на путь высшего поэтического творче-

ства: для этого надобно было родиться Пушкиным. Приходится поистине изумляться упругости и мощи этого гения, который — не благодаря, а вопреки всем внешним условиям — успел в короткий срок своего поприща дойти до той художественной трезвости и полноты, какую явил он в позднейших своих творениях. [31]

В этой характеристике общества достойно замечания между прочим объективное отношение критика к направлению, которого в последние годы он сам служил главным представителем.

Славянофильство, — говорит он между прочим, — не есть учение, воспринимаемое в полном объеме послушными адептами, а направление, освобождающее русскую мысль из духовного рабства перед Западом и призывающее русскую народность стать на степень самостоятельного просветительного органа в человечестве. [32]

Самое прозвище «славянофильство» может быть покинуто и забыто; может потеряться из виду преемственная духовная связь между первыми деятелями и новейшими; многое, совершающееся под общим воздействием славянофильских мнений, но совершающееся в данную, известную пору, при известных исторических условиях, будет даже уклоняться, по-видимому, от чистоты и строгости некоторых славянофильских идеалов. Без сомнения, отжиты также те крайние увлечения, которые органически, так сказать, были связаны с личным характером первых проповедников или вызывались страстностью борьбы; некоторые слишком поспешно определенные формулы, в которых представлялось иным славянофилам будущее историческое осуществление их любимых мыслей и надежд, оказались или окажутся ошибочными, и история осуществит, может быть, те же начала, но совсем в иных формах и совсем иными, неисповедимыми своими путями... Но тем не менее раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы, и оправдает, конечно, со временем многие высказанные славянофильством положения, кажущиеся теперь мечтательными. [33]

Замечательна скромность этого отзыва тем именно, что сам Иван Сергеевич как публицист оставался свято верен всем формулам, которые высказаны были родоначальниками славянофильства (К. С. Аксаковым между прочим). Но здесь, как критик целого периода литературы, он поднимается беспристрастием выше собственных личных мнений.

Место не позволяет распространиться о критической чуткости Аксакова, обнаруженной в разборе отдельных стихотворений, отдельных картин, даже эпитетов. Скажем коротко: замечания его всегда тонки и глубоки, сопровождаясь иногда сравнениями с однородными картинами других поэтов. Отсылаем читателя к самой книге.

В заключение скажем, что в бумагах редактора «Современных известий» нашлось письмо к нему автора «Биографии Тютчева», современное этому сочинению и посвященное разбору нескольких (не напечатанных) стихотворений, причем Аксаков высказывает и общие замечания о русском стихотворстве, его

прошлой, настоящей и грядущей судьбе.[34] Взгляд, понятно, тот же, что и в «Биографии»; отдельные замечания так же чутки и тонки; письмо стоило бы даже привести здесь как вариант к высказанному в рецензии Тютчева. Но отлагаем обнародование этого любопытного документа до другого времени.

Печатается по единственной неподписанной публикации: *СИ*. 1886. 30 окт. № 299. С. 1—2.

Гиляров ознакомился с книгой И. Аксакова о Тютчеве (М., 1874) только летом 1875 г., о чем сообщал ему в письме от 15 января 1876 г. Там же он писал: «...я пожалел глубоко, что столько художественного чутья и тонкого разбора, можно сказать, убито в книге. Неизмеримо более силы и практического плода имели бы все наши замечания, если бы они явились вне биографии Тютчева: одно другим заслонено, и то и другое пропало» (*РО*. 1896. Т. 42. Дек. С. 1005).

[1] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1886—1887 (на обл. со 2-го т.: Полн. собр. соч.). Первые четыре тома вышли в 1886 г.

[2] Сборник стихотворений И. С. Аксакова († 27-го янв., 1886 г.): С портр. авт. / <Предисл.: От А. Ф. Аксаковой>. М.: тип. Т. И. Гаген, 1886. <8>, 176, IV с.

[3] Точнее: *Аксаков И.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. <10>, 384, IV с.: табл. (Труды Имп. Рус. геогр. о-ва).

[4] Правильно: *Аксаков И.* Краткая записка о странниках, или бегунах // *РА*. 1866. Вып. 4. С. 627—644.

[5] Пьеса, написанная в 1853 г., поначалу публиковалась анонимно за границей: <*Аксаков И. С.*>. Присутственный день уголовной палаты: Судеб. сцены из записок чиновника очевидца. Лейпциг, 1874. 120 с. (Междунар. б-ка; Т. V).

[6] Цитируется рецензируемая работа: *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 99. (Далее: *Биография*.)

[7] Впервые опубликовано под названием «Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк)», причем произведение заняло всю октябрьскую книжку журнала «Русский архив» за 1874 г. (Г. 12. Кн. II. Вып. 10), было издано и отдельно: М.: Тип. В. Готье, 1874. 406 стб. Но эта книга подверглась цензурному запрещению.

[8] Поступив на службу в Государственную коллегию иностранных дел, Тютчев в 1821 г. отправился в Мюнхен в качестве внештатного атташе Российской дипломатической миссии. В 1839 г. эта деятельность Тютчева внезапно прервалась, но до 1844 г. он продолжал жить за границей: Николай I одобрил его самостоятельное выступление в зарубежной печати по политическим проблемам взаимоотношений между Европой и Россией.

[9] *Биография*. С. 89—91.

[10] Там же. С. 80.

[11] Там же.

[12] Далее в выписке пропущено: «Вот чего, в своей близорукости, и не понимает эта критика, неспособная стать на историческую точку зрения, прилагающая к нашим великим поэтам прошлой эпохи мерило злобы нынешнего дня и осуждающая их именно за то, что они были только поэты, художники, а не политические и социальные деятели в духе новейших, быстро меняющихся доктрин и теорий».

[13] Там же. С. 80—82.

[14] Далее пропущено, возможно, по оплошности: «...он и должен быть причислен к пушкинскому периоду, хотя, по особенной случайности, его стихи проникли в русскую печать уже тогда, когда почти отзвучали песни Пушкина и прочих наших поэтов, когда время властительства поэзии над умами уже миновало».

[15] Далее пропущено: «Отметив эту общую историческую черту его поэзии, перейдем теперь к особенностям его таланта».

[16] специальность, профессия, область занятий (*нем.*)

[17] Далее пропущено: «...до 1836 года, как уже было сказано, никто в нем и не признает поэта, то есть до той поры, как служивший в Мюнхене князь Иван Гагарин, собрав целую тетрадь его стихотворений, привез ее к Пушкину, и Пушкин дал им место в своем "Современнике", хотя и без подписи полного имени Тютчева. С 1840 года его стихи снова перестают появляться в печати, и такое воздержание от печатной гласности продолжается четырнадцать лет, в течение которых Тютчев не напечатал ни строчки, хотя и не переставал писать. Но как писать? На вопрос: "Над чем вы теперь работаете?" — он не мог бы отвечать, подобно другим: "Пишу стихи: вчера кончил стихотворение к Аглае, сегодня доделаю Огнедышащую гору; имею намерение обработать в стихах такой-то сюжет"».

[18] *Биография*. С. 82—83.

[19] Пояснение в скобках принадлежит Гилярову.

[20] *Биография*. С. 10.

[21] Там же.

[22] *Аксаков И. С.* Речь об А. С. Пушкине: Произнесена в заседании ОЛРС 7-го июня 1880 года по поводу открытия Пушкину памятника в Москве // Полн. собр. соч. Т. VII. С. 813—833.

[23] *Биография*. С. 17, 18.

[24] Там же. С. 19—20.

[25] *Тугендбунд* («Tugendbund» — буквально: «Союз доблести», *нем.*) — патриотическое общество в Кёнигсберге (1808—1810), задачей которого было возродить патриотический дух нации после поражения от войск Наполеона, а тайной целью — восстановить независимость Пруссии.

[26] Отсылка к строке «Ты духа жизни допроси!» из стихотворения А. С. Хомякова «России» («"Гордись!" — льстецы тебе сказали...», 1839).

[27] *Биография*. С. 57—60.

[28] Пропущена ссылка: «См. "Труды Общества любителей российской словесности", 1819 г. Речь на торжественном публичном заседании Мерзлякова». Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) — поэт, литературный критик, переводчик, профессор Московского университета. Упомянута его «Речь о начале, ходе и успехах Словесности», опубликованная в ч. XIII «Трудов ОЛРС» за 1819 г.

[29] Пропущена ссылка: «Там же, статья одного из членов».

[30] Далее выпущено: «Нельзя не скорбеть душой при мысли, какова была та духовно-нравственная атмосфера, в которой приходилось распускаться и творить нашим поэтическим дарованиям. Стоит только заглянуть в новейшие биографические труды и исследования о детстве и молодости Пушкина...»

[31] *Биография*. С. 101—103.

[32] Там же. С. 62. Цитата не буквально точна.

[33] Там же. С. 62—63.

[34] Письмо публикуется ниже в *Приложении* к наст. статье.

Приложение

И. С. Аксаков
Письмо к Н. П. Гилярову-Платонову от 3 февраля 1874 г.

3 февраля 1874
с. Турово

Ваше письмо сильно заинтересовало меня, любезнейший Никита Петрович. Очень жалею, что в бытность мою в Москве я не затащил Вас и Вашего сына,[1] 20 января, на чтение в Общ<ест>ве любителей р<оссийской> слов<есности>, именно на мое чтение о поэзии Тютчева. Я излагал тут целый трактат о судьбе русской поэзии, или русского стихотворчества, и гадал о его будущем, — но все эти трактаты, конечно, могут быть разом опровергнуты появлением нового, могучего и *оригинального* таланта. Об этом распространяться было бы слишком долго. Я думаю, что поэзия в стихотворной форме (заметьте притом: чужой и заемной) у нас — момент отжитой. Поэзия пушкинского периода носит на себе *исторический признак* — именно признак исторической *необходимости*, — искренности, не только личной, авторской, но и исторической. Она запечатлена *свежестью* формы,[a] на самой форме слышна *победа* над материалом искусства (словом), — чувствуется радость художнического обладания. — Она была «священнодействием»; отношение к искусству походило на *веру* в искусство. Во всех искусствах были такие моменты, и они не повторяются. — В техническом отношении живопись, например, ушла безмерно далеко после Рафаэля, — но триста лет после Рафаэля представляют только ряд бесплодных усилий усвоить себе его манеру, приблизиться к нему. — То же и в русской поэзии в тесном смысле, т. е. в смысле искусства в слове, выражающегося в данной стихотворной форме. Никаким анализом не определите и не уловите Вы прелесть стихов Пушкина, Тютчева и проч., — независимо от содержания. Можно указать сотни тысяч стихов, несравненно блестящее, искуснее в техническом отношении, но преимущество прелести, свежести, искренности всегда останется за ними. Эта историческая печать свежести не сотрется. — В поэзии нашего, времени недостает искренности, а главное нет raison d’être;[2][b] стихи новейшие как-то не нужны. — Конечно, русская поэзия несколько в иных условиях: не все струны народной души прозвучали, — самое просвещение, давшее бытие нашей литературной поэзии, не есть[c] продукт народного духа; наконец, форма стихотворная, с ее рифмами и пр., чужая. Очень может быть, для нашей поэзии настанет период возрождения, новый период искренности, в новой, более *оригинальной*, более *народной* форме. — Цикл поэтов Германии замкнулся Гейне, — поэтом уже отрицательного направления. — У нас также на рубеже исторического периода

[a] *Далее зачеркнуто недописанное*: вся вед.
[b] *Далее зачеркнуто*: он<и>.
[c] *Далее зачеркнуто*: выражение.

поэзии стоит Лермонтов. — От отрицательного до тенденциозного направления (где поэзия обращается в средство, отодвигается на задний план) — один только шаг. У нас он был пройден. Конечно, Майков, Фет, Полонский — люди с талантом, но они лишены внутренней силы, — им уже не дано властительство над умами. —

Стихотворная форма, в наше время, — это проститутка, публичная женщина, которую только ленивый не употребляет. Я знаю мальчиков лет 12-ти, отлично владеющих стихом, но в этом стихе нет оригинальности, — это все только отзвуки.

Но, как я Вам говорю, все мои рассуждения легко могут быть опрокинуты разом — появлением какого-нибудь Алеши Гилярова или кого другого.

Нужна особенная осторожность, как и Вы пишете, в обращении с его дарованием. Его дарование несомненно, но надобно, чтоб [a] из [b] этого дарования не вышло пустоцвета. Стихом и языком он владеет мастерски, хозяином, но это только внешняя сторона дарования, на которой остановиться нельзя. Выйдет ли из него замечательный *поэт*-художник, я еще не берусь сказать. Все будет зависеть от того содержания, которое он привнесет в послушную ему вещественную форму, от тех запросов, которые в нем самом выработаются.

Прежде всего, мне кажется, вовсе не нужно *поощрять* его к писанию *оригинальных* стихов, т. е. к сочинению стихов. Коли *сами напишутся* — другое дело, *по внутренней потребности*; — а в эти годы сформировать из себя виртуоза с дешевою властью над вдохновением — было бы гибельно для таланта. Образуется преждевременная зрелость; отцветет — не дозрев. Печатать оригинальных стихотворений вовсе не нужно. Это значило бы придавать им особенную важность, — а в том все и дело, чтоб он не относился с важностью к своему 17-летнему поэтическому [c] авторству. Вы прислали мне только одно оригинальное стихотворение: оно очень мило и грациозно, — но одно мне не нравится: *оно немолодо*; в нем не слыхать 17-летнего юноши. [3] Ах, если б можно было поддержать его немножко, чтоб он не *исписался* преждевременно, — если б можно было ему годика на два заговеться!.. Другая статья — переводы. Вы хорошо сделали, что налегли на них. Конечно, жаль, что Гейне он предпочитает прочим германским поэтам; авось этот дурной вкус пройдет с годами. [4] Переводить Гейне так вредно: слишком легко. Изо всех присланных Вами переводов мне больше всего нравится перевод из Катулла. [5] Это прелесть, [d] от него веет оригинальностью подлинника, — да и самый размер — античный. Анакреона я в подлиннике не читал, но неужели *размер* перевода, уже вовсе не античный, схож с размером подлинника? [6] Настойте на переводе Гомерова Ахиллесова щита [7] непременно. Во всяком случае предъявляйте ему строгие художнические требования, — чего

---

[a] *Далее зачеркнуто*: он.

[b] *Далее зачеркнуто*: него.

[c] *Далее зачеркнуто*: творчеству.

[d] *Далее зачеркнуто*: но.

Вы, мой дорогой, кажется мне, не делаете. Вот Вам обращик подобных требований. Например — Вы привели мне перевод из Гёте.[8] Я бы сказал на Вашем месте молодому человеку, даже несколько утрируя, следующее: «Перевод нехорош, неверен. Эти восемь стихов у Гёте образцовое художественное произведение по простоте и точности выражений. Во-первых: “Тишина *парит над* морем” — нехорошо. У Гёте: тишина царит *в* водах: образ реальнее и проще». — Далее:

Ветры стихнули *опять*.

Вы сейчас чувствуете, что это *опять* прибавка переводчика, и дурная прибавка: разве ветры уже стихали прежде? Разве о том говорилось? Разве это перевод стиха: Ohne Regung ruht das Meer?[9] «Ветры стихнули», а через два стиха:

Нет ни *ветра*, ни дыханья.

Два раза повторяется слово *ветр*, два раза один и тот же штрих картины. В подлиннике, конечно, этого нет. Далее

И *моряк* глядит печально
На синеющую гладь.

Моряк — не то что Schiffer,[10] а вы чувствуете, что здесь *озабоченно* глядит (bekümmert) именно корабельщик, которого интерес в том, чтоб корабль не останавливался.

Синеющая гладь: эпитет, которого нет в подлиннике и который здесь вовсе не нужен. Дело могло быть и ночью, и при тумане. Это лишнее. Далее:

Нет ни ветра, ни дыханья.

Об этом стихе уже сказано. —

Todesstille fürchterlich![11]

Слабо переведено стихом: «гробовая тишина»; надо было бы передать самое fürchterlich.

Море спит. В *прозрачной дали*
Не колышется волна.

В прозрачной дали — никуда не годится. Не говоря о том, что это выражение само по себе обратилось уже в общее место, — оно вовсе не передает мысли подлинника. Не в том дело, что[a] даль *прозрачна*, — совсем не в том, а в том, что это *ungeheure Weite*, необъятный простор, на котором не колышется волна. — Требуйте, ради Бога, от Вашего юноши именно *точности* всех качественных определений, строгой меткости эпитетов, — чем отличаются Пушкин и Тютчев. — Есть перевод этого же стихотворения, если не ошибаюсь, у Лермонтова,[12] но и его нельзя назвать хорошим. Всего лучше перевод моего брата, Конст<антина> Серг<еевича>, напечатанный в «Моск<овском> наблюдателе» <18>39 года, кажется.[13] Вот он, — почти буквально верен:

---

[a] *Далее зачеркнуто*: она прозр<ачна>.

Тишина легла на воды,
Без движенья море спит,
И с досадой корабельщик
На поверхность вод глядит.
Ветр не веет благодатный,
Тишина как смерть страшна,
На пространстве необъятном
Не подымется волна.

Tiefe Stille herrscht im Wasser,
Ohne Regung ruht das Meer,
Und bekümmert sieht der Schiffer
Glatte Flache rings umher.
Keine Luft von keener Seite,
Todesstille fürchterlich!
In der ungeheuern Weite
Reget keine Welle sieh.

Сличите-ка этот перевод с подлинником. [14]

Вы хотели издать книгу под названием «Учебный досуг». [15] Издать можно, но, во-первых: не с этим заглавием. Это заглавие как бы говорит: я еще учусь, подивитесь-ка, как я молод, а уж как много знаю и проч. и проч., будьте ко мне снисходительными и т. д. Если учиться, так погоди пускаться в *авторство*. Нет ничего вреднее *авторства* для юноши, — Вы это понимаете очень хорошо. Во-вторых, печатать можно только *переводы*, но не оригинальные стихотворения: пусть погодит, позреет немножко.

Я пишу для Вас, надеясь, что Вы моего письма не покажете сыну. Уверен также, что Ваше родительское самолюбие не оскорбится моими замечаниями.[16] Повторяю: талант из ряду вон, но нужно его уберечь, нужно сохранить в нем свежесть и оригинальность, нужно развить в [a] юноше требования художнической строгости. Желательно было бы выкурить из него вкус к Гейне и к эротической поэзии. Откликнитесь.

«Соврем<енные> известия» получаю теперь аккуратно. [17] До свидания. Как буду в Москве, повидаюсь с Вами непременно.

Весь Ваш *Ив. Аксаков.*

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 13. Л. 13—15 об. (копия кн. Н. В. Шаховского: РНБ. Ф. 847. № 577. Л. 10—16). Впервые опубликовано, с ошибками и не полностью: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 429—433.

[1] Речь идет о младшем сыне Гилярова, 17-летнем Алексее, стихи которого втайне от него Гиляров переслал Аксакову для рецензии в своем письме от 31 января 1874 г. (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 5—8). Гиляров с увлечением писал: «У меня оказалось в доме замечательное поэтическое дарование. <…> Его стихи переписываются; к нему пишут незнакомые с просьбою сообщить стихотворения; некоторые с доставлением ему своих стихов на рецензию; журнал (“Отеч<ественные> зап<иски>”) просит его стихов для печати. Я узнал это позднее других, и когда узнал, порадовался, подивился и увидел в этом перст. Явление — общественное» (Там же. Л. 5—5 об.).

[2] разумного основания (*фр.*)

[3] Приведем первое четверостишье: «Пусть апрель распускается дольше, — / Нам отраднее первой весной! / Не расти, моя девочка, больше, — / Ты чаруешь незрелой красой» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 6). Всего в стихотворении 16 строк.

[a] *Далее зачеркнуто*: нем.

[4] В ответном письме Аксакову от 7 февраля 1874 г. Гиляров писал, что он сам говорил сыну, «что, конечно, лучше, если бы он взял кого-нибудь, а не Гейне, что эти *Liebchen'ы* <милые (*нем.*)> препротивны и проч., и проч.» (*РО*. 1896. Т. 42. Дек. С. 1001).

[5] Приведем первую (из шести) строфу стихотворения «Из *Катулла* (гимн)»: «Мы хранимы Дианою, / Девы, юноши чистые, / Будем петь, непорочные, / Громким хором Диану!» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 6 об.).

[6] Первые четыре строки (из 13-ти) стихотворения «Из *Анакреона*»: «Посмотри, весна вернулась, / И Хариты сыплют розы. / Посмотри: морские волны / В тишине спокойно дремлют» (Там же. Л. 7).

[7] Отклик на сообщение Гилярова о сыне в его письме от 31 января: «Гомера очень любит, но пока не переводил; гимназические занятия мешают исполнить желание перевести описание Ахиллесова щита» (Там же. Л. 6). Имеется в виду подробное изображение Ахиллесова щита в песни XVIII «Илиады» Гомера («Изготовление оружия», ст. 459—617).

[8] Об этом переводе сыном стихотворения Гёте «Meeresstille» (1795) из цикла «Kleine Gedichte» («Маленькие стихотворения») Гиляров писал 7 февраля: «Гёте не нравился сыну; Юрьев подстрекнул. <...> Гётево стихотвореньице более вытянуто, нежели вдохновлено. Я настаивал, чтоб было что-нибудь из Гёте (клин против Гейне)» (*РО*. 1896. Т. 42. Дек. С. 1004).

[9] без движенья море спит (*нем.*)

[10] корабельщик (*нем.*)

[11] Тишина, как смерть, страшна! (*нем.*)

[12] И. Аксаков ошибается: стихотворение Гёте «Meeresstille» перевел не Лермонтов, а А. Н. Плещеев — под названием «Тишь на море» (Современник. 1844. № 12. С. 371. Подпись: *А. П—в*).

[13] К. С. Аксаков перевел стихотворение Гёте в 1838 г. и под названием «Тишина на море» опубликовал, действительно, в 1839 г. в журнале «Московский наблюдатель» (Ч. I. С. 32).

[14] Гиляров отвечал Аксакову 11 февраля 1874 г.: «Я передавал сыну ваши замечания на его перевод Гётева “Штиля” (не говоря, чьи они); предложил перевод Вашего брата (не поясняя чей). Из замечаний он согласился только с одним, — что слово *опять* действительно есть лишнее. От прочих подробно отбивается и доказывает, что так надо, что между прочим самого Гёте надо поправить и выключить из него нелогический плеоназм *ohne Regung*. Переводом Конст<антина> Серг<еевича> недоволен; стал разбирать. Я попросил его записать рецензию. Она прилагается» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 13).

[15] Гиляров писал 31 января: «У нас есть мысль: издать книжку, под заглавием “Учебный досуг”; поместить в ней все стихотворения, с подлинниками en regard <рядом, параллельно (*фр.*)> (у переводных) и с перепечаткою тех же переводов, сделанных другими поэтами. К ней прибавлены будут ученые примечания молодого автора о греческих подлинниках (по поводу переводов *Сафо* и *Феокрита*); о размерах греческих и латинских; и примечания реального содержания» (Там же. Л. 7—7 об.).

[16] Гиляров на это отвечал в письме от 7 февраля: «Я пишу Вам слишком откровенное письмо, Иван Сергеевич. Прошу извинить, если в моих опасениях послышится Вам более родительской, нежели гражданской заботливости: но только руководит, поверьте, более последнее, нежели первое побуждение. Если Вы меня просили не передавать Вашего письма сыну (что само собою разумеется), то и я прошу Вас мои строки принять

как исповедь, которую не совсем удобно передавать третьему. Не очень нужно знать сыну, что я с Вами даже о нем переписываюсь» (*РО*. 1896. Т. 42. Дек. С. 1004).

[17] Здесь Аксаков отвечает на беспокойство Гилярова к его письме от 31 января: «Без сомнения, “Современные известия” Вы получаете, любезнейший Иван Сергеевич. Барсов передавал мне о Вашем недоумении. Причина очень простая. Вы у меня числитесь *городским* получателем; перевод в Серпухов был сделан Вами, и притом через контору, отсюда и вышла путаница при наступлении Нового Года, которая, впрочем, давно устранена. Разве не вышло что еще на почте?» (РНБ. Ф. 847. № 359. Л. 5).

12. <Л. Н. ТОЛСТОЙ КАК ФИЛОСОФ И БОГОСЛОВ>

Описанные сегодня под чертою «Два свидания с Л. Н. Толстым» напоминают нам об отзывах, которыми встречено было наше определение деятельности Толстого, высказанное по поводу бездарной его комедии «Первый винокур». [1] Большинство нашли наш отзыв о великом писателе слишком грубым; многие смутились «вторжением в частную жизнь»; а одна газета (церковная) усмотрела даже противоречие между похвалами, которых мы находили достойными рассказы, изданные Толстым чрез фирму «Посредник», [2] и презрением, с которым мы отозвались о диалектике знаменитого романиста. [3]

Великий мыслитель всегда ли есть великий художник, и наоборот, знаменитый художник всегда ли есть великий философ? К несчастию, Гёте был только один в истории; да и о нем подлежит еще исследованию вопрос: его художественным творениям не вредит ли до известной степени дидактический, вообще философский элемент, которым они иногда проникнуты? Не так рассуждает толпа, особенно наша русская. Толстой — великий романист; его пластический талант действительно колоссален. Для толпы этого достаточно: она готова усмотреть чуть не гениальность и в диссертации романиста, как ни мало в ней ученого достоинства и как ни слабо в ней мышление. С Толстым это и случилось: разглагольствиями своими о философских и богословских материях он сбирает проценты с своей славы романиста. Представим, что на его комментариях к Евангелию, на его «Исповеди», на его «Как нам жить» [4] не стояло бы: *Л. Н. Толстой*, — каким гомерическим хохотом встретила бы те же самые произведения та же самая толпа, которая теперь признает в них нечто даже великое. Но это «великое» даже серьезной критики недостойно, и мы истинно соболезнуем о почтенном профессоре Гусеве, [5] что он посвятил себя на ученый разбор толстовских мнений, доводя добродушие свое до того, что в некоторых пунктах толстовского учения находит заимствования у предшествовавших *философов*, умышленно-де, но несправедливо выдаваемое Толстым за свое. Комизм этого предположения заключается в том, что в Толстом критик предполагает действительного ученого, который выступил не ранее, как изучив движение мысли в человечестве, совершенное умами предшествовавших поколений. Это напраслина; напротив, как мы выразились некогда, Толстой до всего «своим умом дошел». [6] В этом и вся сущность. Говорит ли Толстой в «Войне и мире» «все историки», утверж-

дает ли в своем изъяснении Евангелия «все толкователи», — это есть риторическая фраза. Хотя бы на малость обладающий эрудициею человек не может не видеть, что новый философ-историк и библейский экзегет историков и толкователей не читал, точно так же как не ведает по-гречески (хотя и обращается к греческому тексту), ограничивая свое знание справкою с лексиконом (!).

Толстой — великий художник; скажем, даже величайший (из современных писателей он стоит неизмеримо выше всех своею *пластикою*), но никуда негодный мыслитель. Его достоинство и его несчастие — *избыток творчества*. Оно оказывает ему услугу в замысле художественных произведений, в вымысле; но оно же низвергает его, когда он начинает рассуждать отвлеченно. Здесь овладевает им, как выразились мы, «женская логика»,[7] то есть движение мысли не по ее собственным законам, а по страсти; мысли чередуются, влекомые воображением, водимые не понятиями, а образами: прием, естественный художнику, но противоестественный для философа. Неугомонная творческая природа не соглашается ничего заимствовать, ничему поучиться, против всего чужого протестует, ищет создать *свое*, особое. В применении к тому, над чем не бесплодно работало человечество, такая затея оказывается, разумеется, жалкою. Поверят ли читатели, а это факт: Лев Николаевич несколько недель, а может, месяцев носился с мнением, что Коперникова система — вздор. Каким чудом случилось, но некоторые из друзей успели урезонить его; а не то публика вероятно осчастливлена была бы и по астрономии такими же открытиями Льва Николаевича, какими он подарил по богословию, политической экономии и науке права. Нашлись бы, вероятно, и последователи в силу того же умозаключения (несознаваемого): ведь это великий писатель, следовательно... Впрочем, было бы и полезно, когда бы друзья не остановили астрономических полетов романиста; пришли бы многие и к другому, более основательному умозаключению: «А пожалуй, и евангелистов Лев Николаевич поправляет по тому же методу, как Коперника с Ньютоном и Кеплером, и богословские открытия его того же достоинства, что астрономические».

Итак, надеемся, нет противоречия, когда мы восторгаемся рассказами Толстого и смеемся над его смелостью философствовать и богословствовать. Но мы вторглись, говорят, в частную жизнь, сообщив, что Лев Николаевич играл в винт и строил дом, когда писал воодушевленную статью о благотворительности, что носит он не полушубок только, а и шубу, разъезжая на рысаках, и проч. Поставлять это и даже упоминать об этом было бы действительно непозволительно; но только о ком угодно, а не о Толстом. Сам Толстой начал свой философско-богословский поход с «Исповеди»;[8] собственная жизнь, им описанная, есть фундамент, на котором он возводит свою теорию. С добросовестностью ученого он цитует «источник» своего исследования; этот «источник», этот первоначальный документ есть его собственная жизнь, которую он с полным к себе беспристрастием и даже, пожалуй, лишним пристрастием *против* себя предлагает читателям. Читатель уполномочивается этим, не только уполномочивается, но обязывается: *проверить* этот документ, не ошибочна ли редакция, не упущено ли что-ни-

будь, нет ли вообще пропусков и односторонностей. При оценке богословских и философских выводов, особенно за границей, бралась именно жизнь писателя; всю заграничную печать облетело кем-то сочиненное известие, что Толстой якобы указал своему сыну назначение «мести улицы», [9] — известие совершенно ложное, ибо, как известно, Лев Николаевич пустил своих сыновей обыкновенною дорогою чрез университет и даже чрез классическую гимназию, которая приготовляет юношество не к метению улиц. А односторонние и даже прямо ложные представления о жизни писателя ведут к ложной оценке и его писаний, когда сам писатель притом выдает свои теории именно как вывод из собственной жизни, им описанной и предложенной на общественное поучение.

Удивительно, как это ни поклонники Льва Николаевича, ни его критики не обратили внимания на одно место из его сочинений, которое дает ключ к уразумению колобродств его мысли. Вот что пишет он в своем «Отрочестве»:

> Слабый ум мой не мог проникнуть непроницаемого, а в непосильном труде терял одно за другим убеждения, которые для счастья моей жизни я никогда бы не должен был сметь затрогивать. Из всего этого тяжелого морального труда я не вынес ничего, кроме изворотливости ума, ослабившей во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка...
>
> Склонность моя к отвлеченным размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей; я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чем я думал. Спрашивая себя, о чем я думаю, я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю... и т. д. Ум за разум заходил...
>
> Я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием смотрел на остальных смертных... [10]

И далее чрез несколько страниц:

> Вообще я начинаю понемногу отделяться от моих отроческих недостатков, исключая, впрочем, *главного, которому суждено наделать мне еще много вреда в жизни — склонности к умствованию.* [11]

Формального права мы не имеем относить сказанное к самому автору. «Отрочество» есть вымысел, а не автобиография. Однако если сличим литературную деятельность автора с этим мастерским очерком подразумеваемой духовной личности, как он совпадает с нею во всех точках! Стоило бы каждому пишущему о Толстом и брать за эпиграф процитированное место и, из него глядя, оценивать все выезды знаменитого художника на почву философии и богословия.

Печатается по единственной публикации, помеченной редакторским символом (*): Москва, 11 ноября: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 12 нояб. № 312. С. 2. Статья представляет собой предуведомление к мемуарному очерку сотрудницы «Современных изве-

стий», переводчицы А. Р. Я<нько>вой «Два свидания с Л. Н. Толстым». В нем рассказывается, как, оставшись с тремя мальчиками на руках, отчаявшаяся молодая женщина просила писателя помочь ей с устройством на работу, причем обратилась к нему, прочтя в январе 1882 г. в его статье «О переписи в Москве» императивное требование благотворительствовать не денежной милостыней, а более действенным способом: «Подай добрый совет, найди нуждающемуся работу, помоги в работе, по хозяйству, в уходе за ребятишками и т. п., — словом, поработай на ближнего». Янькова вспоминала: «Мне, знавшей уже цену рисующейся общественной благотворительности, статья эта показалась обличительной проповедью вдохновенного пророка. Я перекрестилась в умилении...» Толстой пообещал дать рекомендацию, но постоянно забывал об этом, несмотря на настойчивые напоминания. Мемуаристка отмечала психологическую особенность писателя: «Но мне все-таки кажется, что он не обманывал меня, когда обещал помочь; он совершенно искренно имел намерение что-нибудь сделать, пока я была у него на глазах; потом, через час же, конечно, совсем забывал о моем существовании».

[1] См. в наст. изд. статью Гилярова «Первый винокур. Комедия Льва Толстого. Издание фирмы “Посредник”» на с. 673—678.

[2] Об издательстве «Посредник» см. примеч. 17 на с. 667.

[3] Речь идет о редакционной статье «Московских церковных ведомостей» под названием «Против сочинений графа Л. Н. Толстого» (1886. 13 июля. № 28. С. 417—419). Ее автор иронизировал по поводу гиляровской рецензии на «Первого винокура»: «Страстный защитник брошюр, а следовательно, и новой деятельности гр. Толстого вдруг превратился в ожесточенного его порицателя. Такой внезапный переворот и прозрение в авторе совершила комедия “Первый винокур” <...>. За это он обрушивает на гр. Толстого всю горечь своего негодования и обвиняет своего недавнего кумира, — в чем думаете вы, — не меньше как в — *недомыслии и юродстве*» (Там же. С. 417).

[4] Вероятно, имеется в виду трактат Толстого «Так что же нам делать?» (1882).

[5] О профессоре А. Ф. Гусеве см. примеч. 4 на с. 682.

[6] Так Гиляров высказался о Толстом в рецензии на комедию «Первый винокур». См. выше примеч. 1.

[7] См. в наст. изд. статью Гилярова «<“Женская логика” Л. Н. Толстого>» на с. 670—673.

[8] В «Исповеди» Толстого Гиляров осудил пафос, как ему показалось, неумеренной гордыни. См. примеч. 9 на с. 644.

[9] Об этом свидетельствовал сын писателя Сергей Львович: «Когда я его <отца> спросил, каким делом он посоветовал бы мне заняться, он был в раздраженном настроении и ответил: “Дела нечего искать, полезных дел на свете сколько угодно. Мести улицу — также полезное дело”» (*Толстой С. Л.* Очерки былого. 3-е изд., испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1965. С. 167).

[10] Цитируется глава XIX («Отрочество»).

[11] Неточно цитируется глава XXIV («Я»): у Толстого не «отделяться», а «исцеляться»; курсив Гилярова.

БИБЛИОГРАФИЯ
РЕЦЕНЗИИ

«СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ» Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Ф. А. ГИЛЯРОВА В ПЕРИОД «ДИКТАТУРЫ СЕРДЦА» М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА (14 февраля 1880 г. — 4 мая 1881 г.)

ВЫБОРОЧНАЯ ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ ГАЗЕТЫ

Вступление А. П. Дмитриева.
Составление Л. О. Цандер
и А. П. Дмитриева

В свое время известный исследователь А. Л. Осповат с горечью констатировал: «Внимание исследователей и библиографов до сих пор не привлекала газета “Современные известия”, издателем которой был московский публицист (в прошлом — цензор) Никита Петрович *Гиляров-Платонов* (1824—1887), хорошо знакомый с И. С. Аксаковым».[1] За минувшую без малого четверть века положение не улучшилось. Настоящая публикация призвана несколько поправить ситуацию.

Избранный нами период в бытии как «Современных известий», так и всей русской печати характеризуется, как известно, режимом наибольшего благоприятствования журналистской деятельности, объясняемой невиданной ни до этого, ни впоследствии в XIX в. цензорской лояльностью и, соответственно, значительным расширением до тех пор дозволенных пределов свободы слова. Поэтому именно в этот небольшой временной промежуток, продолжительностью чуть более года, в какой-то мере и удалось редакторам газеты, Н. П. Гилярову-Платонову и его племяннику Ф. А. Гилярову (официально, правда, первый значился только «издателем», а второй — «редактором»), делать свою газету без оглядки на «независящие обстоятельства», а так, как требовали их убеждения, их понимание гражданского долга.

Впрочем, смелости в постановке острейших вопросов из области как внутренней, так и внешней политики Гилярову-Платонову было не занимать с самого дня основания газеты. Поэтому отличие материалов «Лорис-Меликовской эпохи» от предшествующих, пожалуй, только в более резких и отточенных формулировках, которыми он диагностирует состояние русской жизни, в прогнозах на будущее, подаваемых с большей убедительностью, и всегда — с куда более настойчивым предложением конкретных мер по разрешению назревших проблем и оздоровлению ситуации. Оригинальность этих мер обычно вышучивалась в печати, и совершенно напрасно: обладавший творческой административ-

[1] *Осповат А. Л.* Несколько заметок к литературной биографии Тютчева // Литературное наследство. М.: Наука, 1989. Т. 97: Ф. И. Тютчев. Кн. II. С. 501.

ной стрункой, мыслитель вместе с тем опирался на глубинные, архетипические свойства русской натуры, которые редко принимались во внимание европеизированной чиновничьей машиной России. Чего, например, стоит предложение — в видах борьбы с крамолой — отказаться от постановки провинившейся молодежи под полицейский надзор, весьма неэффективный и создающий ей к тому же ореол некоего «мученичества», и отдавать юных социалистов на поруки благонадежным частным лицам! [2]

Единственное, что могло омрачать и стеснять эту творческую свободу, была, пожалуй, вынужденная конкуренция с дозволенными в то время изданиями бульварного характера. С начала 1881 г. издавалась ежедневная газета «Московский телеграф» (редактор-издатель И. И. Родзевич; закрыта в марте 1883 г.), с 1 августа того же года — «Московский листок» (редактор-издатель Н. И. Пастухов), о которых Гиляров писал И. Ф. Романову-Рцы 13 ноября 1886 г.: «Разорению подвергся я *главным образом* от неожиданного разрешения двух уличных листков, которые, льстя грязным вкусам публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысяч прихода; а на эту самую сумму я только что купил машин в типографию и бумажную фабрику *в кредит*». [3] Газета, оказавшаяся у черты разорения, была поставлена перед необходимостью не только просвещать и нравственно воспитывать, но и развлекать, каким-то образом потрафлять тем же вкусам буржуазной толпы. Например, с 21 октября 1880 г., когда люди начинали задумываться о подписке на следующий год, в газете начинается публикация авантюрного романа Шарля Мерувеля «Крестница герцогини», растянувшаяся более чем на два месяца.

Начинался же этот период для Гилярова в личном плане довольно счастливо — наконец, после двух с лишним лет мытарств, 10 января 1880 г., было официально закрыто уголовное дело «О статском советнике Н. П. Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян»...

При библиографировании отбирались не только наиболее значимые статьи: передовицы (прежде всего принадлежащие перу Гилярова-Платонова, они выделены более крупным шрифтом, и Ф. А. Гилярова, отмеченные астронимом «+» [4]), материалы фельетонного «подвала», оригинальные (не перепечатанные

---

[2] См.: *СИ*. 1880. 22 февр. № 51. С. 2.

[3] *Письма к Романову-Рцы*. С. 280.

[4] Атрибутируется на основании тематики его материалов (библиографическая, славянская, педагогическая, общекультурная и др.), а также благодаря тому, что очерки из цикла «15 лет крамолы», также помеченные «+», Ф. А. Гиляров пытался издать отдельной книгой под своим именем. См. также рецензии за подписью «Ф. Г—в», сверху также снабженные астронимом «+», например — на книгу воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет» (СПб., 1878—1879. Т. I—II): *СИ*. 1880. 12 янв. № 11. С. 1—2; 18 янв. № 17. С. 1—2. Некоторые из его газетных материалов, особенно поданных в качестве передовых, а не напечатанных в фельетонном подвале (например, печатавшаяся в майских и июньских номерах биография Пушкина) или под рубриками «Театр и музыка» либо «Заметки и известия», скорее всего были существенно отредактированы Гиляровым-Платоновым.

из других изданий) корреспонденции и письма в редакцию, — но также и мелкие заметки, посвященные важным событиям общественно-политической и, особенно, религиозно-культурной жизни, связанные с творчеством деятелей литературы и искусства,[5] рецензии на новые книги и, выборочно, очерки просветительского характера (например, об изобретениях Т. Эдисона, «свадебных обрядах на Волхове» или о «завоевании Мидии и Вавилона Киром»). Аннотировались, по необходимости кратко, лишь те материалы, название которых не содержит никаких указаний на их содержание. Источник атрибуции указывается, только если им оказываются архивные и иные материалы, не вошедшие в научный оборот, а не, к примеру, Словарь И. Ф. Масанова.

В росписи, помимо указанных в Списке для всего наст. изд., применяются сокращения для указания на авторство Гилярова-Платонова (Г.-П.), по обычаю тех лет не подписывавшего своих статей, и для названий *газетных рубрик*:

ВИ — Внутренние известия;
ЗиИ — Заметки и известия;
ИИ — Иностранные известия;
ИСМ — Из старообрядческого мира;
ЛГУ — Летопись городского управления.
ЛЛ — Литературная летопись;
ЛС — Литературные собрания;
НХ — Научная хроника;
О — Опера;
ОиС — Общества и съезды;
ОН — Отрывочные новости;
ПИ — Последние известия;
ПП — Периодическая печать;
ПЧ — Публичные чтения;
РИ — Разные известия;
С — Случаи;
СЛ — Судебная летопись;
ТиМ — Театр и музыка;
<Ф> — <Фельетон>;
ХЛ — Художественная летопись;
ЧТ — Частные театры.

Основные заголовки статей, как правило, приводятся полностью, за исключением очень пространных (которые урезаются с использованием отточия в угло-

---

Очевидно, что соредакторы не желали вводить в недоумение читателей газеты относительно своего авторства.

[5] Практическая польза подобных росписей больших газет, между прочим, состоит и в возможности уточнить некоторые факты, пока неизвестные науке. Например, некролог скончавшегося художника-иконописца Ивана Матвеевича Малышева, опубликованный в № 125 от 8 мая 1880 г., позволяет иначе датировать его рождение. До сей поры в авторитетных справочниках указывался 1810 г., в некрологе же — 1800-й.

вых скобках), а также типовых названий корреспонденций с мест; в подзаголовках применяются традиционные библиографические сокращения. Устаревшие написания имен (Зилотти, Эдиссон, Моммсен и др.) и географических названий (Сергиев Посад, Ростов на Дону и т. д.), как правило, не унифицировались.

1880

14 февр. № 44

С. 1: Платоническая любовь: (Из «Famili Herald» <лондон. еженедельник (1843—1940)>). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 февраля: <Рус. газеты о политике Англии. Проблема княжества Герат. Персия> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Киева. *9 февр.*: По поводу последних событий. Пожар в Лавре. Погода. (ВИ).

15 февр. № 45

С. 1: Осенняя картинка: <Рассказ> / С. Прохоров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 февраля: <Некролог проф. С.-Петербургского ун-та, акад. И. И. Срезневскому> / + <Ф. А. Гиляров>; По делу об аресте <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: Россия, Англия и Персия. По поводу взрыва в Зимнем дворце. Русское общество и революционеры. Приходские попечительства. (ПП); **С. 3**: Большой театр. Бенефис г. <А. П.> Ленского: «Испанский дворянин», комедия <Ф. Дюмануара и А. Деннери> в 5 действиях. Переделка с французского гг. <К. А.> Тарновского и <М. Н.> Лонгинова / Аде <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); Измаил, Бессарабской губ.: (Еврейская эксплуатация); Из Одессы. *7 февр.*: Известие о покушении на жизнь Государя. Молебен. Предполагаемое чествование юбилея. Суровость зимы. (ВИ); Из Софии. *1 февр.*: Результаты выборов. Отъезд болгарского князя <Александра I Иосифа фон Баттенберга>. Школьное дело. Стипендии. Заступничество за македонских болгар французского консула. Солунская комиссия. (ИИ).

16 февр. № 46

С. 1: Вчера и сегодня: Всеобщий интерес к событиям во Франции. Законопроект о составе высшего учебного совета. Смерть <И. А.> Кремьё и Ж. Фавра. Прения в палате об амнистии. Дефициты и безденежье. Столкновение между Портой и английским послом. Английские дипломаты. Слухи о новых вооружениях / Домино. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 февраля: <О Гор. кредит. о-ве> / <Г.-П.>; По делу о взрыве и аресте <Л. Н.> Гартмана; Monsieur Франсуа, рассказ И. С. Тургенева / Р—ий. (ЛЛ); **С. 3**: «Игрушечка», детский журнал, издаваемый Т. П. Пассек. (НК); Россия, Персия и Англия: (Ист. обзор <из газ. *«СПбВед»*>). (РИ).

17 февр. № 47

С. 1—2: Чудовище — сват: Истинное происшествие: (Рассказ молодой женщины) / В. Гр. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 февраля: <Предисл. к публ. нижеследующих двух документов> / <Г.-П.>; Высочайшее повеление об учреждении Верховной распорядительной комиссии; Воззвание Главного начальника Верховной комиссии <гр. М. Т. Лорис-Меликова>; По делу о взрыве и аресте <Л. Н.> Гартмана; **С. 3**: «Тысяча и одна ночь» на сцене Солодовниковского театра. Панихида по И. И. Срезневскому. (ЗиИ); Из Симбирска. *2 февр.*: Волки. Правда о средствах духовенства. Из жизни цивилизованного купчика. (ВИ).

18 февр. № 48

С. 1: Платоническая любовь: (Оконч.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 февраля: <Коммент. к Воззванию Верховной комиссии. О полит. злоумышленниках> / <Г.-П.>; По делу о взрыве и об аресте <Л. Н.> Гартмана; **С. 3**: «Опричник», опера <П. И.> Чайковского / Аде <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); Из Уфы. *2 февр.*: Морозы. Ярмарка. Банки. Взаимный кредит. Вспомогательные учреждения для учителей и гимназистов. Увеселения. (ВИ).

19 февр. № 49

С. 1—2: 19 февраля 1861 года: <Ист. очерк>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 февраля: <Воспоминания о политических событиях царствования Александра II> / <Г.-П.>; По делу о взрыве и об аресте <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: Откуда идут тревожные слухи. Чего хотят наши либералы. (ПП); **С. 3**: Из Тифлиса. *11 февр.*: Крупная несостоятельность / <А. Калманлидзе?>.[6] (ВИ); **С. 3—4**: Русский путешественник по Азии <натуралист д-р Альбрехт Регель; из газ. *«НВр»*>. (РИ).

21 февр. № 50

С. 1: Батюшка: (Очерк). I / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 февраля: <О «шайке» полит. злоумышленников> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Указ Правительствующему Сенату об облегчении в уплате недоимок, пеней и начетов <от 19 февр. 1880 г.>.

22 февр. № 51

С. 1: Батюшка: (Очерк). II / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 февраля: <Предложение нового способа борьбы с полит. преступниками — определять их не под надзор полиции, а на поруки благонадеж. частного лица> / <Г.-П.>; Подробности о покушении на убийство графа Лорис-Меликова; **С. 3**: Из Рязани. *16 февр.*: Встреча и проводы праха покойного академика Изм. Ив. Срезневского; Из Одессы. *14 февр.*: Вечер в пользу недостаточных студентов Новороссийского университета. Анонимное письмо-пасквиль. Греческое коммерческое училище и предположения о преобразовании его в реальное. Оговорка. Крах. Курьез / Гэта. (ВИ).

23 февр. № 52

С. 1: Батюшка: (Очерк). III: (Оконч.) / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 февраля: <Рус.-англ. отношения. Походы России на Мерв и Англии на Герат> / <Г.-П.>; По делу о покушении на жизнь графа Лорис-Меликова; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 3**: Рижские письма. III / Коренной Рижанин; Из Иванова-Вознесенска. *18 февр.*: Думское постановление. Фабричные судебные разбирательства. Дороговизна. Цены / S. S. (ВИ); **С. 3—4**: Список покушений на цареубийства <от Наполеона I до Александра II, 24.XII.1800—5.II.1880 гг.; из берлин. газ. «Germania»>. (РИ).

24 февр. № 53

С. 1: Праздник царского юбилея: <25 лет царствования Александра II> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 февраля: <О полит. крамоле. Воспоминания о подозрениях относительно «опасного общества» славянофилов в 1852 г.

[6] Ист. атриб.: Письмо А. Калманлидзе к Г.-П. от 16 июня 1885 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 45. <№ 10>. Л. 1—2 об.

Уп. С. А. Маслов, М. П. Погодин> / <Г.-П.>; По делу о покушении на жизнь графа Лорис-Меликова; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: По поводу царского юбилея. (ПП).

25 февр. № 54

С. 1: Русская опера: Опера «Опричник» <П. И.> Чайковского и представление её на сцене здешнего Большого театра / ⁂ (<Ф>); **С. 2**: Поиски за корреспондентом: <Сатирич. очерк> / Аякс. (<Ф>); Москва, 24 февраля: <О несовершенстве организации обществ. отношений. Еврей-революционер Ипполит Осипович Млодецкий> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: По поводу письма германского императора <Вильгельма I>. Планы Биконсфильда и Персия. Можно ли признать наших революционеров политических партий. По поводу революционной смуты. (ПП); **С. 3**: <Рец. на кн.: Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божией Матери, принесенной в Россию в 1648 г. / Изд. Комис. печатания грамот и договоров. М.: Синод. тип., 1879>; Петербург: (Подробности о Млодецком); Из Старого Оскола. *11 февр.*: Прежняя общественная жизнь и настоящая. Любительские спектакли с участием местного исправника. Люди, ничем недовольные. Почтовые лошади с произвольными прогонами. Школы и кабаки. (ВИ); Восточные земли. Из Рущука. *8 февр.*: Вести из Добруджи. Спектакли. Драма Климента Браницкого <«Иванку убиеца на ясеня»>. Театральные дружества. Драма «Стефан Караджа» <Т. Станчева (Хаджистанчева)>. Бал генерала Штрекера <*иначе*: Решид-паша>. Маска английского консула. Новый болгарский журнал <«Болгарская иллюстрация»>. (ИИ).

26 февр. № 55

С. 1: Пленники: (Эпизод из последнего польского восстания) / —н. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 февраля: <«По поводу нашего нигилистического заговора в иностранной печати сообщают дополнительные обстоятельства...»> / <Г.-П.>; По делу о покушении на жизнь графа <М. Т.> Лорис-Меликова; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 3**: Из Симбирска. *20 февр.*: Празднование 19 февраля. Открытие богадельни. (ВИ); Продолжение «Дон-Жуана» <шуточное, в лондонском Друрилендском театре; источник не указан>. (РИ).

27 февр. № 56

С. 1—2: Пленники: (Эпизод из последнего польского восстания): (Оконч.) / —н. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 февраля: <О пожаре на спиртодрожжевой фабрике Б. А. Гивартовского в Лефортовской части; более 120 жертв> / + <Ф. А. Гиляров>; Подробности о вчерашнем пожаре; **С. 3**: По делу <Л. Н.> Гартмана / <Париж. корреспондент *«НВр»*>; Из Ростова, Ярославской губ. *19 февр.*: Празднование двадцатипятилетия царствования Государя Императора <с публ. стихотв. «ученика 3 класса городского училища» — 20 строк>; Из Одессы. *20 февр.*: Празднование юбилея нынешнего царствования. (ВИ); **С. 4**: <Объявление:> «Поступила в продажу новая книга без предварительной цензуры во всех книжных магазинах: Еврейство перед судом критики и здравого смысла в назидание христианам и евреям. <...> Москва, 1880 года».

29 февр. № 58

С. 1—2: Лекарка Варвара Васильевна: (Из биографии маленьких людей) / В. Сысоев. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 февраля: <Л. Н. Гартман выпущен — из-за «нерасположения к России вообще» во Франции> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана (ПП); **С. 3**: Из

Тифлиса. *19 февр.*: Празднование 19 февраля. Пожертвования на Кавказский университет / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

1 марта. № 59

С. 1: Образок святой Елены: (Из недавнего прошлого): Рассказ. I—III / <Н. Е. Добронравов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 февраля: <«Что можем ожидать от будущей Палаты общин?» О рус.-англ. отношениях> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана; Ученический концерт здешней консерватории. Последнее симфоническое собрание Музыкального общества. Концерт скрипача Леопольда Ауэра / ⁂. (ТиМ); **С. 3**: Русские пианистки за границей. Русская опера в будущем сезоне. Новая пьеса <«Эсфирь, дочь Израиля»>. Верещагинская выставка. (ЗиИ); Местные: Запрещенная опера <А. Г. Рубинштейна «Купец Калашников»>. Варшава: (Памятник Шопену); Еврейская уловка. (С); Из Симбирска. *23 февр.*: Девятнадцатое февраля; Киев. *21 февр.*: Празднование 19 февраля. Благотворительность. Пожертвование г. <Н. А.> Терещенко. Необходимость чтений для народа. (ВИ).

2 марта. № 60

С. 1: О том и о другом: Еще об артельной гостинице. Подрядчик Логунов и его жертвы. Сравнение предыдущих пожарных несчастий с катастрофой <Б. А.> Гивартовского. Заблудившаяся духовная особа. Загадочный арестант. Два слова о Масленице / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 марта: <О так называемых «специальных телеграммах» Междунар. агентства, на которые оно имеет «исключительную собственность», на деле же являющихся перепечатками давно известных новостей> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана; По поводу болгарского адреса: <Из газ. «Голос»>. (ПП); **С. 3**: Из Самары. *22 февр.*: Из железнодорожного мира; Из с. Майны, Самарской губ. *23 февр.*: Торговое дело. История с базаров; Харьков. *24 февр.*: Диспут <Н. О. Куплевасского> с импровизированным оппонентом <студентом Сумским>; Из Яренска, Вологодской губ. *15 февр.*: Эпидемия; С берегов Тихого Дона. *20 февр.*: Голод и деятельность областной управы; Из Иванова-Вознесенска. *20 февр.*: О капиталах купца <А. Н.> Шодчина. Известия об Ирбитской ярмарке. День 19 февраля. Реальное училище. (ВИ); **С. 4**: Новые картины <Я. А.> Матейко <на ист. сюжеты>. (РИ).

3 марта. № 61

С. 1: Вчера и сегодня: Наш «гнойный нарыв». Как отнеслась Европа к покушению 5 февраля. Кое-что о деле <Л. Н.> Гартмана. Нигилисты в Париже. Сент-Готардский туннель / Домино. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 марта: <О «всесторонней выгоде удешевленного, и притом однообразного на все расстояния почтового тарифа»> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: Из Ветлужского края. *22 февр.*: По поводу учреждения волостных ссудных касс. (ВИ); **С. 3**: Из Переяславля-Залесского. *20 февр.*: Жизнь пригородных крестьян. (ВИ); Из Филиппополя. *18 февр.* (ИИ).

5 марта. № 63

С. 1: Образок святой Елены: (Из недавнего прошлого): Рассказ. IV / <Н. Е. Добронравов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 марта: <Об истинном пастырстве в свете проблемы обеспечения духовенства: «...противоположение трагическое — даже эти кровью пропитанные проповедники атеистической анархии в материальных ли средствах почерпают свою на-

стойчивую дерзость, свое самозабвение <...>?»> / <Г.-П.>; Кто сеет скупо, скупо и пожнет / Прихожанин; По делу <Л. Н.> Гартмана; **С. 2—3**: Из области открытий и изобретений: Переворот в плавильном искусстве. Эдиссон не дремлет; **С. 3**: Отзыв французской газеты <«Telegraph»> об А. Ф. Писемском <в предварение публ. его романа «В водовороте» в пер. Виктора Дерели>. (ЛЛ); Великолепный театральный сезон <в Большом театре>. (ЗиИ); Петербург: (Болгарский адрес); Из Самары. *25 февр.*: Празднование 19 февраля. Заносы. Почтовый беспорядок. (ВИ).

6 марта. № 64

С. 1—2: Образок святой Елены: (Из недавнего прошлого): (Окончание) / Н. Добронравов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 марта: <Еще о пожаре на фабрике Б. А. Гивартовского: недоумение по поводу того, что он причислен к «несчастным случаям», а не к преступно-халатным просчетам архитектора сгоревших зданий> / <Г.-П.>; **С. 3**: Местные: Псков: (Реставрация стен. Приготовление к раскопкам); Из Орла. *23 февр.*: Празднество 19 февраля, общественное и частное. (ВИ).

7 марта. № 65

С. 1: Брак в высшем свете: (Из «Family Herald»). Гл. I—II. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 марта: <Увольнение ген.-адъютанта А. Р. Дрентельна и подчинение III отделения гр. М. Т. Лорис-Меликову — «повод к предположениям и надеждам»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Конкурс Общества драматических писателей; Еще о Верещагинской выставке; Приезд г-жи <Н. А.> Енгалычевой <певицы-контральто>; Концерт г. <В. В.> Безекирского <скрипача>. (ЗиИ); Из Курска. *1 марта*: Всеобщее возбуждение и распускаемые крамолою слухи. Мнение на сей счет народа и чем оно питается / <А. А. Танков>;[7] Из Вяземского у., Смоленской губ. *1 марта*: Проделки кулаков. (ВИ).

8 марта. № 66

С. 1: Брак в высшем свете: (Из «Family Herald»). Главы III—IV. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 марта. <О предполагаемой войне Китая с Россией> / <Г.-П.>; Дело о злостном банкротстве купцов <отца и сына С. А. и Н. С.> Игнатовых. (СЛ);

9 марта. № 67

С. 1: О том и о другом: Обманутые купцы. Доверенный закладчика Чистякова с фальшивой квитанцией. Пропавший казак. Свадьба скопца <Дм. Ив. К—на> с каскадной певицей. Еще о Мещеринской катастрофе: <Разрушение пяти потолков на фабрике В. Е. Мещерина>. Две смерти от падения с лестницы. Пост и говельщики. На грибном рынке / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 <*надо*: 8> марта: <Об анализе М. Н. Катковым в передовой *«МВед»* «элементов современной крамолы» на примере Нечаевского процесса> / <Г.-П.>; Музыкальные заметки. По поводу приезда г-жи <Е. А.> Лавровской <оперная певица>. Юбилейный праздник композитора и виртуоза <Б.> Сметаны. Театральные новости. Пианистка Софья Ментер. (ЗиИ); Дело о злостном банкротстве купцов Игнатовых. (СЛ); **С. 3**: Из Одессы. *1 марта*: По поводу краха в городском Кредитном обществе. Русская драматическая труппа. Занавес-реклама. Еврейская труппа <А.> Гольдфадена. (ВИ).

---

[7] Ист. атриб.: Письмо А. А. Танкова к Г.-П. от 1 марта неуказанного года // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 48. <№ 19>. Л. 1.

10 марта. № 68

С. 1—2: У подъезда Малого театра: (Отголоски Масленицы): <Рассказ> / —ский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 марта: <Балканский вопрос и Россия. Дунайское княжество в планах Австрии и Германии> / <Г.-П.>; Общее собрание членов Артистического кружка. Концерт г-жи <А. Д.> Александровой <(Кочетовой), оперной певицы>. (ЗиИ); Дело о злостном банкротстве купцов Игнатовых (СЛ); **С. 3**: Из Нижнего Новгорода. *5 марта*: Самоубийство гимназиста <Цитаринского, 19 лет; «надоела жизнь»>. Беспорядки в театре; Из Ельца. *3 февр.*: Выборы. Пожарная команда. Общественная жизнь. Молебствие / <И. В. Никитин>;[8] С берегов Камы. *1 марта*: Известие о покушении 5 февраля. Деятельность мировых посредников. Некролог г. Ивановского <пред. Оханской уездной земской управы>. (ВИ).

11 марта. № 69

С. 1: Брак в высшем свете: (Из «Family Herald»): (Оконч.) / —ва. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 марта: <О беззаконном устройстве и пожароопасном местоположении бань П. Е. Пашкова между Гл. архивом МИДа, Моск. и Румянцевским музеями, Казен. палатой и Губерн. казначейством> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Одессы. *4 марта*: Обвинение следователя <Г. М. Ульгрена> в клевете. Следствие о подложности метрической записи. Великопостная служба. Состав редакции «Берега» <по слухам: П. П. Цитович, Р. В. Орбинский, Г. П. Данилевский и Незлобин (А. А. Дьяков)>; Из Ростова, Ярославской губ. *5 февр.* <так!>: Начало ярмарки. Открытие семенной выставки с отделами по кустарной промышленности. Финифтяное производство. По поводу звона колоколов храма Христа Спасителя, что в Москве. (ВИ); **С. 3—4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. февр. книжек журн.: «Мысль», *«ОЗ»*, «Дело», *«РВ»*; март. книжек журн.: *«ИВ», «РС», «ЮВ»*>.

12 марта. № 70

С. 1—2: Земляки: (Очерк) / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 марта: <«О русско-китайских делах рассуждает сегодня в “Голосе” знаток дела, г. <В. П.> Васильев <...> читающий в подлиннике “Пекинскую газету”»> / <Г.-П>; По делу <Л. Н.> Гартмана: <Из газ. *«МВед»*> (ПП); **С. 3**: Из Саратова. *4 марта*: Перерыв сообщений; Из Самары. *4 марта*: Бураны. Снежные заносы. Несчастия вследствие заносов. (ВИ).

13 марта. № 71

С. 1: Граждане Уральских гор: Бегуны-мстители. <У. Я.> Кармелюк / -н. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 марта: <Об истории Сарат. желез. дороги и ее нынеш. состоянии> / <Г.-П>; **С. 3**: Местные: Петербург: (Чтение И. С. Тургенева <«9 марта в здешней женской Коломенской гимназии»>; Варшава: (Угроза еврея-социалиста <анонима в адрес редакции газ. «Варшав. дневник»>). (ВИ); Из биографии <Л. Н.> Гартмана: <Из газ. «Рус. правда»>. (РИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. март. книжки журн.: *«ВЕ», «РР»*>.

14 марта. № 72

С. 1: Граждане Уральских гор: Лис <повстанец из Люблинской губ., убит в 1864 г.> / —н. (<Ф>); С. 2: Москва, 13 марта: <О несправедливости оплаты труда на желез. дороге> /

---

[8] Ист. атриб.: Письмо И. В. Никитина к Г.-П. от 28 марта 1885 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 45. <№ 10>. Л. 1—2.

<Г.-П.>; Письмо <Л. Н.> Гартмана <опубл. в лондон. газетах, с подробностями всех обстоятельств моск. покушения 19 нояб.>; К известиям о выставке картин <В. В.> Верещагина. Отчет Артистического кружка. (ЗиИ); **С. 3**: Одесса: (По устройству еврейской земледельч. колонии). (ВИ); Распродажа картин П. П. Демидова <его Флорентийской галереи; из *«НВр»*> (РИ).

15 марта. № 73

С. 1: По поводу фабричного вопроса / В. К. <В. Д. Колосовский?>.[9] (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 марта: <Коммент. к письму из Самары о содействии граждан правительству «в борьбе с вражьей силой»> / <Г.-П.>. <Письмо из Самары> / ***; **С. 3**: Из Сенгилея. *8 марта*: Чем ознаменовано 19 февраля. Городской собор. Настоятельная нужда в улучшении города и его патриархальные порядки. Погода. Свадьбы. Пророк <«вроде знаменитого Ив<ана> Яков<левича> Корейши»>. (ВИ); К истории анафемы: <О фельетоне Н. С. Лескова в *«НВр»*>. (РИ); **С. 4**: <Рисунок с изображением «каменного храма во имя преподобного и Богоносного отца нашего Варлама Хутынского Новгородского чудотворца в Косином Свято-Николаевском упраздненном монастыре близ г. Старой Руссы, Новгородской губернии», с просьбой о пожертвованиях на него>.

16 марта. № 74

С. 1—2: О том и о другом: Два слова о посте. Птичий базар и старина Пресненских прудов. Что делать с постоялыми дворами. О весе гласного Думы на думских весах. Несколько слов об общественном призрении детей, просящих милостыню. Человек, висевший на набережной <кузнец Вас. Иванов>. Извинение немецкого человека <дамского портного Новока>. Два слова о выставке картин <М. Ф.> Грановского: <Виды Иерусалима> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 марта. <Эпизоотия — хроническое бедствие России> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Одессы. *9 марта*: Процесс кассира бывшего Одесского Коммерческого банка потомственного почетного гражданина Эдуарда Шейнса. (ВИ); Восточные земли: Из Филиппополя. *27 февр.*: Разбойничество. Его причина. Протест Порты против намерения воспользоваться гимнастами. Английский консул <Митчель> на костюмированном бале. (ИИ); **С. 4**: Забывчивость Бетховена; Некролог А. М. Каратыгиной: <Из газ. «Голос»>; Раскопки близ Каира <проф. Гэтера Льюиса>. (РИ).

17 марта. № 75

С. 1: На Волге: <Рассказ>. I—II / Юноша-дебютант <Ф. А. Желтов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 марта: <О хищениях в банках, по поводу дел Э. Э. Шейнса, К. Н. Юханцева и др.> / <Г.-П.>; Вопрос о выдаче <Л. Н.> Гартмана / Русский патриот; Ангажементы артисток М. Г. Савиной и Г. Н. Федотовой. (ЗиИ).

18 марта. № 76

С. 1: На Волге. III: (Оконч.) / Юноша-дебютант <Ф. А. Желтов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 марта: <Восточный вопрос. О проекте «Балтийско-Средиземноморской империи». «Теперь уже вошла в общее сознание истина, что у нас нет друзей»> / <Г.-П.>; Театральные заметки. Музыкальные новости. Концерт Н. Г. Рубинштейна. Ангажемент г-жи

---

[9] Ист. атриб.: *Гальперсон А. М.* <Список сотрудников газ. *«СИ»*> // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 65. <№ 25>. Л. 1 об.

<Е. К.> Верни <в Итальянской опере в Лондоне>. Постановка оперы <Ц. А.> Кюи <«Сын мандарина»>) / ⁂; **С. 3**: Из Иванова-Вознесенска. *15 марта*: Наша торговля с Средней Азиею. Состояние городской библиотеки. Собрание Благотворительного общества. Больница для рабочих и богадельня. Оранжереи. Ожидаемые постройки. Плотники. Картежная игра и масляничные удовольствия / S. S.; Рижские письма. IV / Коренной Рижанин. (ВИ).

19 марта. № 77

С. 1: Дозорные и переписные книги древнего города Ростова: <Книга, изд. А. А. Титовым, напечат. в типографии М. Н. Лаврова в Москве> / <Z.> (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 марта: <О рус.-япон. отношениях, по поводу корреспонденции из Нагасаки в *«НВр»*> / <Г.-П.>; <Рец. на соч.: 1) *Thurston R. H.* Histoire de la machine a vapeur / Revue par J. Hirch, prof. à l'Ecole des ponts et chaussée, à Paris. Paris, 1879—1880. Vol. I—II. (Пер. назв.: История паровой машины); 2) *Latham R. D.* The Russians and the Turks. London, 1879; 3) *Allen G.* A problem in human evolution // Eclectic Magazine. 1879. N 30 (July). P. 57—62>. (НК); **С. 3**. Из Орска, Оренбургской губ. *27 февр.*: Тюремное заключение. Покушение на жизнь. Голод. *19 февр.* (ВИ); Вести о г. <Н. М.> Пржевальском. (РИ).

20 марта. № 78

С. 1—2: Дозорные и переписные книги древнего города Ростова / Z. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 марта: <Балканский вопрос по планам Англии> / <Г.-П.>; Литературный процесс <15 марта в Моск. окруж. суде, по делу ред. журн. «Будильник» Н. П. Кичеева>. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Древнее евангелие <XII или XIII в., на армян. яз., преподнесенное Александру II; из *«ПВ»*>. Чтение И. А. Гончарова <16 марта в Педагог. курсах на лит.-муз. вечере; из *«НВр»*>); Из Орла. *13 марта*: Грабеж и истязание. Поразительное самопожертвование. Плохой курс на человеческую жизнь. Самоубийство горячечного / И. П. В—в; Из Одессы. *15 марта*: Приговор по делу <женоубийцы К. С.> Маевского. (ВИ).

21 марта. № 79

С. 1—2: Женоубийство: (Заседание Одес. окруж. суда 14 марта). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 марта: <О необходимости создания рабочих артелей, защищающих свои права> / <Г.-П.>; По делу <Л. Н.> Гартмана; Некролог <скрипачу Генриху Венявскому (1835—1880)>. Второй и последний концерт Антона Рубинштейна. Театральная новость. Экстренное музыкальное собрание Русского музыкального общества. (ЗиИ).

22 марта. № 80

С. 1—2: Фабрики в Северной Америке / С. Смирнов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 марта: <Благоприятные для России изменения в междунар. отношениях> / <Г.-П.>; Подробности о стычке с тэкинцами при Дузолуме / <Из газ. «Кавказ»>; **С. 3**: Из Тамбова. *16 марта*: Попечительное о бедных Общество. Собрание статистического и миссионерского комитетов. Публичные чтения. Убийство и самоубийство. Сведения из прошлого. (ВИ).

23 марта. № 81

С. 1—2: О том и о другом: Комиссия о пользах и нуждах судоходства по Москве-реке. Состояние нашего туэрного пароходства. Порядки в Андреевской богадельне. Предположение выворотить думский «крытый рынок». Скандал у старообрядцев. Побоище

в «Славянской» гостинице. Два слова о духовном пении / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 марта: <Критич. разбор размышлений П. П. Цитовича о нигилизме и буржуазии в газ. «Берег»> / <Г.-П.>.

24 марта. № 82

С. 1: Женоубийство: (Заседание Одес. окруж. суда 14 марта): (Продолж.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 марта: <В продолжение темы о рус. буржуазии в газ. «Берег»> / <Г.-П.>; Генрих Венявский <(1835—1880), скрипач>: (Некролог) / ⁂; Театральные заметки. Концерт г-жи <А. Д.> Александровой. Последнее представление «Демона». Первый концерт Антона Рубинштейна. Фотографические снимки сцен из «Демона». Приезд г-жи <С. О.> Ментер / ⁂. (ЗиИ); **С. 3**: Дело <Л. Н.> Гартмана и французские нигилисты. Как уничтожить нигилизм. За незаконных детей. Задача для монашествующих. По вопросу об уравнении прав евреев. О Кавказском университете. (ПП); Восточные земли. Из Филиппополя. *29 февр.*: Созвание областного собрания. Тревожное ожидание результатов выборов. Вопросы, подлежащие обсуждению областного собрания. Народное образование в Восточной Румелии. Вести из Кержелыка. Празднование 19 и 26 февраля. (ИИ).

25 марта. № 83

С. 1: Женоубийство: (Заседание Одес. окруж. суда 14 марта): (Оконч.). (<Ф>); С. 2: Москва, 24 марта: <Слухи о возобновлении Тройственного союза с Австрией и Германией> / <Г.-П.>; Духовный концерт <Чудовского хора А. А. Скворцова>; Просьбы и жалобы прикащиков / + <Ф. А. Гиляров>; (ЗиИ); Концерт г-жи <М. А.> Папендик-Эйхенвальд / ⁂. (ТиМ); **С. 3**: Из Ельца. *17 марта*: Церковный вопрос. Депутация к графу <М. Т.> Лорис-Меликову / <И. В. Никитин>; Из Ростова, Ярославской губ. *16 марта*: Выставка и ярмарка. Скотоводство. (ВИ).

26 марта. № 84

С. 1—2: По делу <Л. Н.> Гартмана. (Правительств. сообщение: <Из газ. «*ПВ*»>). (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 25 марта: <О церк. проповеди о. В. Васильева 19 февраля на местном празднике в Орле и ее освещении корреспондентом «*СИ*». Свящ. И. С. Беллюстин об «улучшении быта духовенства»> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Отъезд А. Рубинштейна. По поводу оперы «Купец Калашников». (ЗиИ); Россия и Англия. Союз славянских революционеров с романскими. (ПП); Из станицы Архангельской, Кубанской обл. *12 марта*: Тщетные ожидания весны и беды от ее замедления. (ВИ).

27 марта. № 85

С. 1—2: По делу <Л. Н.> Гартмана: (Правительств. сообщение): <Из газ. «*ПВ*»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 марта: <Об отмене высоких пошлин на заграничн. паспорта; о недостатках загранич. образования, «лишенного нац. основы»> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Торговое святотатство: <О подделках и обмане в изготовлении церк. утвари, вина, ладана, масла и др.> / Н. М.; **С. 3**: <Рец. на кн.: *Пантюхов И.* Кому будет принадлежать Балканский полуостров? СПб., 1880> / + <Ф. А. Гиляров>.

28 марта. № 86

С. 1—2: По делу <Л. Н.> Гартмана: (Правительств. сообщение): <Из газ. «*ПВ*»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 марта: <По поводу «рассуждений» греч. газ. «Неологос» о предположе-

нии пригласить в Москву 26 авг. вост. патриархов; доводы против восстановления патриаршества в России и в пользу уничтожения патриаршеств вообще> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Саратова. *16 марта*: Вопрос о пожертвовании по случаю 19 февраля и его разрешение. (ВИ); Классификация русских революционеров <по подсчетам автора *«НВр»*>. (РИ).

29 марта. № 87

С. 1—2: Патриот. Гл. I / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 марта: <Политика нового англ. кабинета (У. Ю. Гладстона) в отношении славян Балкан. полуострова> / <Г.-П.>. Предстоящий духовный концерт <под управлением Н. А. Смирнова>. Предстоящие концерты <певицы Е. А. Лавровской и виолончелиста Лудвига Амбрехта>. Бенефис г. <Э. Н.> Мертена <капельмейстера>. Последнее представление оперы «Русалка» <А. С. Даргомыжского>. Последнее представление оперы «Русалка». Музыкальные вечера в Дворянском клубе. Струнный квартет г. <В. Ф.> Фитценгагена. Второе квартетное утро Русского музыкального общества. (ЗиИ); Концерт г. <В. В.> Безекирского и экстренное собрание Музыкального общества в пользу фонда. Два слова о квартетном собрании 16 числа. Музыкальные и театральные новости. Дебютантки в русской опере. (ТиМ); **С. 3**: Из с. Кимры, Корчевского у., Тверской губ. *17 марта*: Новый завод. Влияние кулаков на местную промышленность. Пожар. Оспа. Погода; Из Ставропольской губ. *20 марта*: Зима. Гибель скота. (ВИ).

30 марта. № 88

С. 1—2: О том и о другом: Несчастие в Измайловской богадельне. Подрядчики. Кутилы. Умерший <портной В. В. Орлов> в трактире и причина его кончины. Покойник <чл. Судеб. палаты М. А. Матвеев> в доме городского головы <С. М. Третьякова> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 марта: <О необходимости увеличения пароходных маршрутов на Москве-реке> / <Г.-П.>; <Недоумения по поводу письма Ф. Н. Плевако в «Рус. вед.», полемизирующего с корреспонденцией в *«СИ»* о процессе Прасковьи Качки>; **С. 3**: Восточные земли. Из Филиппополя. *11 марта*: Открытие областного собрания. Беспорядки при выборах и их причины. Несправедливые обвинения болгарского духовенства. Ожидание открытия народного собрания в княжестве. Слабость настоящего министерства. Ложное понятие о партиях в Болгарии. (ИИ); **С. 4**: Новая пьеса Виктора де Борнье <«Les noces d'Attila»>. (РИ).

31 марта. № 89

С. 1: Уральцы / <В.> (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 марта: <Внутреннее родство издателей газ. «Берег» П. П. Цитовича и газ. «Набат» П. Н. Ткачева> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Одессы. *26 марта*: Политический процесс: <О 19-ти лицах, расклеивавших рев. воззвания на улицах Кишинева 2 апр. 1879 г.>; Из Новочеркасска. *19 марта*: Зима. Бескормица. Гибельное влияние погоды на скот. Убытки коннозаводчиков. (ВИ); **С. 4**: Еще об анафеме: <Статья Н. С. Лескова в *«НВр»*>. (РИ).

1 апр. № 90

С. 1: Уральцы: (Оконч.) / В. <Внизу: «Уральск»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 31 марта: <«Против злоупотребления понятием умоисступления» — в связи с оправдательным приговором по делу П. П. Качки> / <Г.-П.>; Опера «Фиделио» Бетховена / ***. (ТиМ); **С. 3**: Из Киева. *16 марта*: По поводу отчета Археологического общества и бюджета

г. Киева на 1880 г.; Из Одессы. *27 марта*: «Берег» в Одессе. Несколько слов о «фиктивных профессорах», открытых г. <П. П.> Цитовичем; Из Саратова. *23 марта*: Возвышение цен. Есть ли к тому основание? (ВИ); **С. 3—4**: Рукопись апостола Петра: <Найдена в Иерусалиме у скончавшегося в возрасте 108 лет нищего Коре; из газ. «Сабоат»>. (РИ).

2 апр. № 91

С. 1: Патриот. Гл. II / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 апреля: <Слух о закрытии Петров. земледельч. и лесной академии> / <Г.-П.>; Большой театр. Бенефис г. <Э. Н.> Мертена. Дебют г-жи Клари Лысенковой в «Гугенотах» <Дж. Мейербера>. Дебюты гг. <Д. А.> Усатова, <А. М.> Абрамова и <Г. Л.> Каминского в «Фаусте» <Ш. Гуно>. Г-жа <Е. А.> Массини в роли Маргариты. Новая опера в театре г. <М. В.> Лентовского. (ТиМ).

3 апр. № 92

С. 2: Москва, 2 апреля: <О подготовке ко дню рождения Пушкина; предложения по организации праздника> / + <Ф. А. Гиляров>; Отказ А. Н. Островского от должности <председателя «Общества русских драматических писателей», по болезни>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Уфы. *17 марта*: Погода и дороговизна. Гимназист-самоубийца <Ар—в, 19-ти лет>. Скандал на похоронах. Развлечение папиросой в церкви. Взаимный кредит. (ВИ); **С. 4**: Указ. журн.: <Роспись содерж. март. книжек журн.: *«ОЗ», «РВ»,* «Дело»>.

4 апр. № 93

С. 1—2: Воспоминания любителя. I / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 апр.: <Об оправдат. приговорах в Одес. окруж. суде по делам о взяточничестве с вымогательством против полиц. надзирателя Дубинского и урядника Лаврова> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Одессы. *30 марта*: Весна. Приморский бульвар. Вопрос об электрическом освещении <П. Н.> Яблочкова. Мнение одного гласного об этом. (ВИ); Обычай первого апреля. (РИ).

5 апр. № 94

С. 1: Патриот / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 апреля. <Английская политика по отношению к Средней Азии и Россия> / <Г.-П.>; Опровержение <статьи Н. И. Пастухова в *«СИ»* о происшествии в Измайловской богадельне> / Врач <П. С.> Изумрудов. (ЗиИ); По делу <Л. Н.> Гартмана. Английские либералы и положение дел на Балканском полуострове. Новое болгарское министерство. О привлечении церкви к народному образованию. (ПП).

6 апр. № 95

С. 1—2: О том и о другом: Весна и ее прелести / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 апреля: <По поводу слухов о даровании льгот старообрядцам — призыв «давать права <...> без стеснения»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Орел: (Высылка евреев). (ВИ).

7 апр. № 96

С. 1: Шахматное пари: <О «Шахмат. отделении Моск. артистич. кружка»> / Ф. Бовыкин. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 апреля: <Еще о неуместности восстановления в России патриаршества и об анахронизме патриаршеств вообще — в ответ на полемич. статьи газ. *«ЦОВ»* и «Восток»> / <Г.-П.>; Генеральная репетиция оперы «Фиделио» <Л. ван Бетхо-

вена>. Предстоящие концерты. Предполагаемый дебют г-жи <М. Н.> Климентовой. Концерт г-жи <Е. А.> Лавровской. Некролог <скрипачу И. Г. Валькову>. (ЗиИ); По поводу выбора военного министра Болгарии <К. Г. Эрнрота>. Наша отпускная торговля. Наши самоуправление, печать и наука. (ПП); **С. 3**: Из Сергиева Посада. *3 апр.*: Годовщина по митрополите Иннокентии <(Попове-Вениаминове)> и диспуты. (ВИ).

8 апр. № 97

С. 1: Ремесленные школы / В. К. <В. Д. Колосовский?>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 апреля: <По поводу правительств. сообщения «об облегчении участи учащейся молодежи, завлеченной в так называемые “студенческие истории”»; о сущности нигилизма> / + <Ф. А. Гиляров>; Общее собрание Общества драматических писателей 5 апреля: Доклад комитета. Суммы сборов за представление пьес членов Общества. Процессы Общества. Судьба конкурса драматических писателей. Грибоедовская премия. Выборы в ревизионную комиссию. Заявление петербургских членов Общества; результаты его. (ОиС); **С. 3**: Из Венева, Тульской губ. *30 марта*: Земледелие. Отхожие промыслы. Бражничество. Образование. Отсутствие школ. Бедность крестьян. Сельская почта. Урожай. Болезни. Кражи. Местные обряды: выкуривание, относ. Татары-колдуны. (ВИ).

9 апр. № 98

С. 1: Из Сергиево-Посадской жизни / Лякримозов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 апреля: <О прошлом, настоящем и будущем угро-русского народа; в связи с корреспонденцией «Голос из Угорской Руси» в газ. «Голос»> / + <Ф. А. Гиляров>; Картины <В. В.> Верещагина в Москве. Передвижная выставка <8-я, СПб.; М.>. (ЗиИ).

10 апр. № 99

С. 1: Патриот: (Продолж.) / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 апреля: <По поводу намерения нового англ. кабинета «не допустить усиления России» на Балканах> / <Г.-П.>; Будущая труппа Артистического кружка. Предполагаемые дебюты г. <В. А.> Александрова-Крылова. (ЗиИ); Почему не оказалось желающих дебютировать на Малом театре. Нет вакансий, нет оклада. Актрисы-родственницы: г-жа <П. В.> Федорова и <С. А.> Бельская. Заблуждения провинциала. Наш совет публике. Дебютанты театров: Солодовниковского и Артистического кружка. (ТиМ); **С. 3**: Из Одессы. *4 апр.*: Слухи о преобразовании Следственной комиссии по расследованию злоупотреблений полевого интендантства и товарищества, продовольствовавшего армию в минувшую войну. (ВИ).

11 апр. № 100

С. 1–2: Московские стрелки: (Очерки с натуры): <О профессиональных попрошайках> / М. С. П–ов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 апреля: <Висленевское дело о мошенничестве в контексте многих процессов о разграблении общественных касс> / <Г.-П.>; Дар Румянцевскому музею <б-ки рус. посланника в Берлине А. Ф. Гамбургера>. Летнее помещение Артистического кружка. (ЗиИ).

12 апр. № 101

С. 1: Патриот: (Продолж.) / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 апреля. <Международное положение Германии в связи с победой вигов в Англии> / <Г.-П.>; К открытию памятника Пушкину / + <Ф. А. Гиляров>. Предстоящие дебюты на сцене Большо-

го театра. Университетские диспуты: Диспут В. С. Соловьева: <защита диссертации «Критика отвлеч. начал»>; «Жизнь за Царя» <М. И. Глинки> с новыми Сусаниными. Г-жа <Л. Н.> Люценко в роли Антониды. Два слова г. <Э. Н.> Мертену. Будет ли дирижировать г. <П. А.> Щуровский? (ТиМ); **С. 3**: Тамбов: (Высылка евреев); Из Курска. *26 марта*: Полая вода, дифтерит и безнадежное положение городского управления / <А. А. Танков>; Из Одессы. <*Число не пропечаталось*> *апр.*: По поводу сообщений корреспондента «Голоса» о деятельности комиссии по производству окончательного расчета с товариществом. (ВИ).

13 апр. № 102

С. 1—2: На вербах / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 апреля: <Сомнения по поводу целесообразности замещения законоучит. мест гражданскими лицами; о жажде в народе христианской «живой проповеди»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Уральска. *18 марта*: Небывалая зима. Голод и бескормица. Концертная блажь. Рабочие руки / Верненский гражданин <Б. А. Карпов>. (ВИ).

14 апр. № 103

С. 1: Патриот. Гл. IV / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 апреля: <Об обвинительном приговоре по делу А. П. Булюбаша, оклеветавшего трех лиц в расклейке рев. прокламаций в Кременчуге; об опасности «полит. изветов»> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2**: Проявление еврейского фанатизма. (С); **С. 2—3**: Рижские письма. V / Коренной Рижанин. (ВИ).

15 апр. № 104

С. 1: Патриот / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 апреля. <О подготовке к открытию памятника Пушкину и дню рождения; призыв к изданию его сочинений — академическому и для народа> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Самары. *6 апр.*: Ожидаемый голос. Горячка хлебной торговли. Ее последствия. Евреи. (ВИ).

16 апр. № 105

С. 1—2: Патриот / Люди-Мыслете. (<Ф>); С. 2: Москва, 15 апреля: <О новой программе экзаменов для поступающих в воен. училище; несогласие с мнением, что М. Н. Катков — «Булгарин нашего времени»; против запрета гласного обсуждения учеб. реформы> / <Г.-П.>; Ожидаемый приезд Н. А. Римского-Корсакова в Москву. (ЗиИ); **С. 3**: Из с. Старая Майна, Ставропольского у., Самарской губ. *17 марта*: Цены. Особенность торговых сделок; Из с. Белая Глина, Ставропольской губ. *22 марта*: Голод в крестьянстве. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. апр. книжек журн.: *«ИВ», «ЮВ», «ВЕ», «РР»*, «Собр. романов», *«РС»*>.

17 апр. № 106

С. 1—2: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 апреля: <«Дневник Познанский» о «переговорах» рус. правительства с поляками, требующими от него «гарантий»; их «поползновения на возвращение преобладания в краях, им этнографически не принадлежащих» (Литве, Белоруссии, Украине)> / <Г.-П.>; Концерт Н. А. Калиновской. По поводу открытия «Эрмитажа» <увеселит. сада>. (ЗиИ).

18 апр. № 107

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 3**: Москва, 17 апреля: <О Японской правосл. церкви> / <Г.-П.>. Боголюбивым гражданам Москвы / Начальник духовной миссии в Японии Николай <(Касаткин)>, епископ Ревельский.

19 апр. № 108

С. 1: О том и о другом: Несколько слов о нашем купечестве. Вспоминание о старине. Разбитый дровяной плот и его сгонщики. Два слова о наших мостовых. Наши безобразники / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 апреля: <О причинах многих неуместных оправдат. приговоров в судах присяжных, по поводу мнений Д. И. Иловайского на сей счет, высказанных в *«СПбВед»*> / <Г.-П.>; Восьмая выставка картин товарищества передвижных художественных выставок. I: Два слова о прошлогодней выставке. Отсутствующие. «Амазонка» г. <Н. К.> Бодаревского. «Рубка леса» и «Хата в лесу» г. <А. А.> Киселева. «Ставка проиграна» г. <А. Д.> Литовченко. «Закат» г. <Е. Е.> Волкова. «В своих владениях» г. <Н. Г.> Богданова. «После побоища» и «Ковер-самолет» г. <В. М.> Васнецова. «Канун праздника» г. <Р. С.> Левицкого. «Проводы новобранца» г. <И. Е.> Репина. «Толкучка», «Сени у мирового судьи» и «Ночное» г. <В. Е.> Маковского / Аде <А. М. Дмитриев>; **С. 3**: Рижские письма: (Оконч.) / <Коренной Рижанин>. (ВИ); Вести из Сербии: Религиозность сербок-женщин. Обычай плакать над покойником. Новый год. Рождество Христово. Пасха. Печение калачев. Визиты. Семейные празднества / D. R. (ИИ).

20 апр. № 109

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 апреля: <О православной миссии в Японии> / <Г.-П.>; Предстоящее открытие памятника Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: Из Самары. *27 марта*: Дело о 3000 р<ублях>; Из Саратова. *11 апр.*: Погода и ее влияние. Железная дорога. Биржа. (ВИ).

23 апр. № 110

С. 1: Присяжный поверенный: (Очерк) / Молодой человек. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 апреля: <О нарушениях пасхальных церк. обрядов (благовест раньше времени, освящение пасок в Великую субботу> / + <Ф. А. Гиляров>; Прогулка под Парижем: (Очерк париж. канализации); Новый портрет А. Ф. Писемского. И. С. Тургенев в Москве. К открытию памятника Пушкина / + <Ф. А. Гиляров>. (ЗиИ); За малороссийскую литературу о воссоединении униатов с Православной церковью. Еще о преподавании Закона Божьего светскими лицами. (ПП); **С. 3**: Из Одессы. *17 апр.*: Вербная и отсутствие вербы. Самоубийства. Смерть кн. <Е. К.> Воронцовой. Благотворительность ее. Добрые дела ее супруга <кн. М. С. Воронцова>. Предполагаемые похороны княгини. (ВИ).

24 апр. № 111

С. 1—2: Заграничная жизнь: Наступление весны. Масленица. Комедия. Мистерия. Билль о воде. Предпасхальные празднества. Беатификация Пия IX. Доступ в Ватикан. Путешествие ex-имп. Евгении <де Монтихо> к зулусам. Открытие памятника королеве Луизе. Французские коронные бриллианты. Кн. <П. П.> Демидов Сан-Донато. Новая книга г-жи О. К<иреевой (Новиковой) «Russia and England from 1876 to 1880. A protest

and an appeal» (London, 1880)> / Форкини. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 апреля: <1) Об оставлении гр. Д. А. Толстым занимавшихся им постов министра нар. просвещения и обер-прокурора Св. Синода и назначении на них А. А. Сабурова и К. П. Победоносцева; 2) Об опасности распространения «полит. изветов»> / + <Ф. А. Гиляров>.

25 апр. № 112

С. 1: Воспоминания любителя. II / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 апреля: <О беспорядках на желез. дороге и о «несчастиях» на реках, с публ. корреспонденции из Ниж. Новгорода> / + <Ф. А. Гиляров>; Предстоящий приезд В. В. Самойлова. Предстоящий дебют г-жи <М. Н.> Климентовой. Концерт пианиста г. <П. А.> Шостаковского. Ангажемент г. <М. И.> Писарева. Несколько слов об артистке г-же <А. А.> Немировой-Ральф. (ЗиИ); Политическая реакция. Юристы и юридическое образование. Еще о преподавании Закона Божия. Любовь к народу и патриотизм. (ПП); **С. 3**: Из Самары. *13 апр.*: Конец снежному царству. Приключение с поездом. Положение Оренбургской железной дороги; Из Иваново-Вознесенска. *17 апр.*: Погода и ее влияние. Цены. Даровая раздача проповедей. Деятельность Благотворительного общества. Вступление полка. Несостоявшиеся думские заседания. Остановка работ на фабриках. Необходимость распоряжений о правильной постройке фабричных зданий. Слух об устройстве технического училища. О Шуйско-Ивановской железной дороге. Дела городского банка. Спектакль / <В. Белов?>;[10] Из Тамбова. *20 апр.*: О положении приказчиков; Из Одессы. *19 апр.*: Похороны светлейшей княгини Е. К. Воронцовой. (ВИ).

26 апр. № 113

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 апреля: <Где быть (не в Тифлисе, а во Владикавказе) и как называться «Кавказскому университету»> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: С берегов Камы. *1 апр.*: Лесной вопрос. Заводское дело. Климат. Покойница свинья. (ВИ); **С. 3**: Из Саратова. *19 апр.*: Наступившая весна. Ледоход. Жалкое положение рабочих. Открытие навигации. Цены на скот. Количество потребляемого мяса. (ВИ); Посмертная статья С. А. Гедеонова «О варягах и Руси». (РИ).

27 апр. № 114

С. 1—2: О том и о другом: Прошлое и настоящее недели Пасхи. Стена дома С. И. Алексеева. Зрелище в Охотном ряду. Как хорошо теперь за городом / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 апреля: <Обвинительный приговор по делу Замайского, полицейского чиновника, разыскавшего еврея И. Г. Зельцера, который похитил деньги у железнодорожного инженера Дм. Неронова> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Архиепископ <Гавриил> Айвазовский <(1812—1880), издатель академического Армян. словаря и карты Армении, переводчик И. А. Крылова и писем Януса (И. Ж. И. фон Делингера) против папы Римского Пия IX>: (Некролог) / Л. Хан-Агов; И. З. Суриков: (Некролог) / <Г. Г.> Урусов; Похороны И. З. Сурикова. (ЗиИ); Из Тифлиса. *12 апр.*: Приезд <М. Д.> Скобелева. Борьба с голодом и саранчою / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

---

[10] Ист. атриб.: Письмо Вл. Белова к Г.-П., 1886 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 44-б. <№ 20>. Л. 1—6.

28 апр. № 115

С. 1: Канун Пасхи в Троице-Сергиевой лавре / Z. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 апреля: <Еще об учеб. деле> / <Г.-П.>; К открытию Пушкинского памятника / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Егорьевска: *<12 апр.>*. Гроза; Из Виленской губ. *12 апр.*: Выборы; Из Темников. *25 марта*: Об ограждении интереса казны мировыми учреждениями / Почетный мировой судья; Из Шуи, Влад<имирской> губ. *25 апр.*: Библиотека. (ВИ); Повесть графа Л. Н. Толстого на немецком языке <«Семейное счастье»>. (РИ).

29 апр. № 116

С. 1: Канун Пасхи: (Деревен. сценки) / А. Смирнов (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 апреля: <О претензии Англии на покровительство «народам, жаждущим освобождения»> / <Г.-П.>; К открытию Пушкинского памятника / + <Ф. А. Гиляров>; Похороны И. З. Сурикова / <Г. Г.> Урусов; Дебют г-жи <М. Н.> Климентовой. (ЗиИ); **С. 3**: Из Тихвинского у. *15 апр.*: Нуждается ли сельское духовенство? Притеснения крестьян / <А. П. Шамшев>;[11] Из Одессы. *24 апр.*: Как у нас проводят праздники. (ВИ); Из Лондона. 19 апр. (1 мая). Новый кабинет. Лекция <А.> Вамбери, <путешественника-«руссофоба»>. Некролог <д-ру Владисл. Кучеровскому-Поиману> / H. J. W. (ИИ.); Куликово поле и летний театр г. <В. Л.> Форкати. Русская опера. Странный обычай и его происхождение. Церковное торжество. (ВИ); **С. 4**: Вести о <Н. М.> Пржевальском. (РИ).

30 апр. № 117

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 апреля: <О необходимости более либерального контроля над учебными книгами для ученических библиотек со стороны МНП> / + <Ф. А. Гиляров>; К открытию Пушкинского памятника. (ЗиИ); Дар Русской церкви Японской. По поводу отставки графа <Д. А.> Толстого. (ПП); **С. 3**: Из Романова-Борисоглебска, Яросл<авской> губ. *22 апр.*: Ремесленная школа. Особый вид торговли детьми. Результаты отхожих промыслов. Не нормальное направление труда / Алексей Аронов. (ВИ).

1 мая. № 118

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 апреля: <О засилье педагогов-славян в системе российского образования в свете борьбы М. В. Ломоносова за национальную науку> / + <Ф. А. Гиляров>; Место и время рождения Пушкина. Выборы в Обществе драматических писателей. (ЗиИ); По устройству Балканского полуострова. По поводу отставки графа <Д. А.> Толстого. (ПП); **С. 3**: Из Одессы. *26 апр.*: Варварское истязание под звуки бубна. Еще о поимке «инженера Сашки» <Ф. Н. Юрковского, совершившего кражу в Херсонском казначействе>. Актер Васютинский. Погребение кн. <Е. К.> Воронцовой. (ВИ).

2 мая. № 119

С. 1—2: Провинциальные картинки: Страдная встреча с двумя редкими бессребрениками. Поражение молодого генерала старым. Приезд и деяния новейшего Хлестакова. Образцовая солдатская школа / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 мая: <Ал-

[11] Ист. атриб.: Письмо А. П. Шамшева к Г.-П. от 2 декабря 1883 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 47. <№ 9>. Л. 1—2 об.

банский вопрос> / <Г.-П.>; **С. 3**: Тифлис: (Дело об употреблении евреями христианской крови); С берегов Камы. *15 апр.*: Погода и умение барышников выгодно пользоваться ею. Торговые дела. Дороговизна дров. По вопросу об обеспечении духовенства; Из Рижской губ. *24 апр.*: Феодальная закваска. (ВИ).

3 мая. № 120

С. 1: А. С. Пушкин: (Жизнеописание). <I>: Рождение. Предки. Няня Родионова. Сельцо Захарово. Литературная среда. Младенчество. Бабушка <М. А. Ганнибал>. Учителя. Первые книги. Первые авторские попытки. Поступление в Лицей. Лицейские аттестации. Стихотворения. Литературная игра. Лицейский портрет. Выпуск. Михайловское. Удовольствия молодости. Болезнь. Предсказания гадальщицы <Ш. Кирхгоф>. Самообразование / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 мая: <Оценка деятельности гр. Д. А. Толстого по управлению Духовным ведомством> / <Г.-П.>; К предстоящему открытию памятника Пушкина. (ЗиИ); **С. 3**: Новочеркасск: (Ограничение прав евреев); Из Уральска. *19 апр.*: Падеж скота. Дороговизна. Рыболовство / Верненский Гражданин <Б. А. Карпов>. (ВИ).

4 мая. № 121

С. 1—2: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 мая: <Об осуществлении «равноправия раскола» с «господствующей» Церковью «преобразованием внешнего положения Церкви и освобождением религ. мысли вообще»> / <Г.-П.>; **С. 3**: С низовья Волги. *<Без даты>*: Тяжелое положение. Ожидание худшего. Падеж. Голодуха; Из Кимры. *23 апр.*: Открытие навигации. Слухи о проведении железнодорожной линии; Из Павловского посада, Московской губ. *27 апр.*: Пожар. Бедствие погорельцев. Пожертвование. (ВИ).

5 мая. № 122

С. 1—2: О том и о другом: Первое мая в Сокольниках. Сад «Тиволи». «Эрмитаж» <М. В.> Лентовского. «Альгамбра» <летний театр в Петровском парке> с директором в юбке <Нидии де Блейкен>. Стрельня и арфистки. «Яр» <Ф. И.> Аксенова. Зарезанный извозчик. Бродяги / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 мая: <О жизни и творчестве О. А. Новиковой (Киреевой), по статье пражской газ. «Политик». С публ. хвалеб. отзывов Д. А. Фруда и У. Ю. Гладстона о книге: «Russia and England from 1876 to 1880. A protest and an appeal by O<lga> K<iryeyeva>, author “Is Russia wrong”, with a preface J. A. Froude» (2nd. ed. London, 1880)> / + <Ф. А. Гиляров>.

6 мая. № 123

С. 1—2: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 мая: <О необходимости уравнения прав печати провинциальной со столичной> / <Г.-П.>; Пушкинский альбом. (ЗиИ); **С. 3**: Закрытие Большого театра. Концерт г. <П. А.> Шостаковского. Дебют г-жи Трачевской <провинц. певицы-контральто>. «Кобзарские песни» <А. С. Размадзе>. Увертюры г. <Н. А.> Римского-Корсакова к опере «Майская ночь» и на «Русские темы». Исполнение их. Дебют г-жи <М. Н.> Климентовой в «Фаусте» <Ш. Гуно>. Обязательные овации. Наше мнение о дебютантках / Аде <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); Из Харькова. *30 апр.*: Недоумки. Университетские экзамены. Предстоящий судебный процесс. Дороговизна. Погода. Самоубийство. Новая по-

эма: <«Разрушение Иерусалима» (Харьков, 1880) свящ. Петра Тихомирова>; Из Уральска. *27 апр.*: Убийства <казачьего офицера М—ова с женой>. (ВИ); **С. 3—4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. апр. книжек журн.: *«ОЗ»*, «Дело», «Слово», *«РВ»*>.

7 мая. № 124

С. 1—2: А. С. Пушкин: (Жизнеописание). II: Арзамас. Литературные общества. «Руслан и Людмила». <П. А.> Катенин. «Увы! Зачем она блистает?». «Художник-варвар кистью сонной». «Вестник Европы» о «Руслане и Людмиле». Ссылка. Кавказ и Крым. Лирика. «Погасло дневное светило». Посещение Бахчисарая. «Редеет облаков летучая гряда». «Наполеон». «К Овидию». «Песнь о вещем Олеге». Скитальчество с цыганами. «К морю». Отзыв Пушкина о «Кавказском пленнике». «Братья-разбойники» / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2**: Москва, 6 мая: <Размышления о значении патриаршеств вообще и, в частности, патриархов восточных, по поводу новой, полемизирующей с Г.-П., статьи в греч. газ. «Неологос», переведенной в газ. «Восток»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Одессы. *2 мая*: Похороны подполковника <М. Э.> Куммерау. Погода и растительность. Несчастный случай в Летнем театре. Новые слухи о преобразовании Следственной комиссии. Вызов офицеров в Восточную Сибирь. Предстоящие уголовные процессы. (ВИ).

8 мая. № 125

С. 1: Фабричные болезни / В. К. <В. Д. Колосовский?>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 мая: <О необходимости скорейшей отмены налога на соль, в поддержку мнений редакции *«НВр»*>; Художник Малышев <Ив. Матв. (1800—30.IV.1880), иконописец, потомств. поч. гражданин Сергиева Посада>: (Некролог); По поводу назначения К. П. Победоносцева. По пересмотру таможенного тарифа. Ответ «Берегу». Об издании писем и записок русских ученых и государственных людей. (ПП); **С. 3**: Из Харькова. *6 мая*: Снабжение болгар книгами. Статья профессора <И. В.> Платонова; Из Саратова. *4 мая*: Чрезвычайное собрание Биржевого общества. (ВИ).

9 мая. № 126

С. 1—2: Провинциальные картинки: Времена рыцарства и мир искусства на губернской почве и в подлежащей переделке: дуэль, театр, литература и музыка. Мое возвращение на постоянное местожительство и беседа с первейшим оригиналом / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 мая: <Почему преосв. Николай (Касаткин) носит титул еп. Ревельского в Японии; о проблеме автокефальности Японской церкви; с публ. письма читателя из Астрахани> / <Г.-П.>; Из записной тетради: Апостазия г. <У. Ю.> Гладстона / О. К<иреева>; **С. 2—3**: Дело <О. Э.> Веймара; **С. 4**: Из Пешта. *30 апр. (12 мая)*: Перемена в международных отношениях. Примирение с <У. Ю.> Гладстоном. Борьба народностей за свои права. Успех славян. (ИИ).

10 мая. № 127

С. 1: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Продолж.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 мая: <Внутренняя и внешняя политика России в иностранной печати в статьях русских корреспондентов: традиция «честно и прямо высказываться в положительном смысле»> /+ <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Дело <О. Э.> Веймара; **С. 3**: Петербург: (Приготовления к открытию памятника Пушкину). (ВИ).

11 мая. № 128

С. 1—2: Заживо погребенный: (Из недавнего прошлого): (Оконч.) / Петр Сахаров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 мая: <Полемика с неназванным чешским публицистом о достоинстве и уровне образования русских педагогов> / + <Ф. А. Гиляров>; По делу г. <В. М.> Фриша <управляющего Рязанской желез. дорогой> / О—в; **С. 3**: Из Гуслиц, Богородского у. *6 мая*: Школы и их влияние. (ВИ); **С. 3—4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. майской книжки журн. *«ВЕ»*>.

12 мая. № 129

С. 1—2: О том и о другом: Два слова о погоде. Пятнушки сада «Эрмитаж». Козел смоленской костоломки. Как строит г. <А. Е.> Струве чугунные мосты. Наши пути сообщения. Спектакль и сгоревшее помещение земской управы. Почему иные силятся попасть в гласные. Неурядица в Мещанской управе. Горькая доля женщины. Еще о трактирщике Григорьеве / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 мая: <О вреде правительств. запрещении полемики по учеб. вопросу в прессе, в частности о новом университетском уставе> / <Г.-П.>; Пушкинский поезд. (ЗиИ); По восточным делам. По поводу отставки графа <Д. А.> Толстого. Еще о преподавании Закона Божия. (ПП); **С. 3**: Из Одессы. *7 мая*: Опровержение. Слух о перемещении генерал-губернаторов. Русская опера в Одессе. «Жизнь за Царя» <М. И. Глинки>. Подписка на стипендию; Из Пензы. *3 мая*: По устройству набережной и водопроводов; Из Новороссийска. *1 мая*: По поводу статьи «Голоса» <«Новороссийск как естественный порт юго-восточной России и северного Кавказа» (№ 108)>. (ВИ).

13 мая. № 130

С. 1—2: Никольские помрачители: <О «*серой* книжной торговле»> / А. К. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 мая: <Черногорско-албанские проблемы во взаимоотношениях Англии с Турцией> / <Г.-П.>; По открытию памятника Пушкину <в Москве 26 мая; планируемые на 26—28 мая мероприятия>; **С. 3**: Одесса: (Покупка лошадей для болгарской армии); Из Самары. *5—6 мая*: Перемена погоды. Общее оживление. Разлив Урала. Посевы. Машины. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. майских книжек журн.: *«РС»*, *«РР»*, *«ЮВ»*>.

14 мая. № 131

С. 1—2: А. С. Пушкин. (Жизнеописание). III: Возвращение в Михайловское. Внутренний переворот. <Н. М.> Языков. Жизнь в деревне. Семейство П. А. О<сипово>й. «Подражание Корану». «К А. П. Керн». 1-я глава «Онегина». «Жив, жив Курилка!» Отзыв о <А. С.> Грибоедове. «Борис Годунов». Процесс творчества / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 13 мая: <Об «открытом пренебрежении» к праздникам со стороны причтов, по поводу совершения в Троице-Сергиевой лавре заупокойной обедни и панихиды» по П. Н. Шабельскому в Великую пятницу> / <Г.-П.>; Нарушения церковного устава: Письмо к редактору / N.; По поводу Пушкинского праздника; **С. 2—3**: По делу Веймара; **С. 3**: Пушкинский альбом. Дело редактора «Будильника» <Н. П. Кичеева>. (ЗиИ); По поводу положения нашей печати. Еще о старообрядческом вопросе. По поводу отставки графа <Д. А.> Толстого. О свободе совести. (ПП); Из посада Дубовки, Саратовской губ. *5 мая*: <Цены на продукты питания>; **С. 3—4**: Письмо Наполеона I <к его отцу Карло Буонапарте от 5 апр. 1781 г.>. Эпизод из биографии И. С. Тургенева <об аре-

сте на месяц И. С. Тургенева за статью о Н. В. Гоголе, по воспоминаниям П. В. Анненкова>. (РИ).

15 мая. № 132

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове; народном советнике Оресте Эдуардове Веймаре, именуемом себя сыном надворного советника Владимиром Васильевым Сабуровым, технологе Леонтии Федорове Бердникове, студенте Императорского Московского университета Лейбе Левентале, студенте Императорской Медико-хирургической академии Леониде Петрове Буланове; дворянине Василии Филиппове Трощанском, мещанке Марии Александровой Коленкиной, дочери поручика Александре Николаевой Малиновской, жене бывшего студента Ольге Александровой Натансон и именующей себя вдовою губернского секретаря Ольгою Владимировой Витаньевой <М. Ф. Ковалик>, преданных военному суду главным начальником Верховной распорядительной комиссии: (Обвинит. акт): 1. Об Адриане Михайлове: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 мая: <О необходимости отмены иностранной цензуры, в связи с запрещением ею в подлиннике романа Э. Золя «Нана», печатающегося в *«НВр»* «с значительными сокращениями»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Классические языки и пришельцы учителя. Кто виноват в упадке религиозности в обществе. Еще о старообрядцах. (ПП); Арест еврея-революционера. (С); Из Симбирской губ. *7 мая*: Очистка площади мелким местным начальством. Уличное освещение. (ВИ).

16 мая. № 133

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 мая: <О статье проф. К. Э. Линдемана в «Известиях Петров. земледельч. и лесной академии» о кузьке — жучке, вредителе полей юга России> / <Г.-П.>; Доклад по канализации Москвы / М—в; К юбилею Пушкина. Школы для гармоники. (ЗиИ); **С. 2—3**: Заседание Думы 13 мая: Письмо в Думу «Общества любителей российской словесности». Поводы, почему в Москве именно предполагается чествовать память Пушкина. Программа празднования. Вопрос о переименовании Тверского бульвара в Пушкинский. Речи гласных <Н. А.> Найденова, <В. Д.> Аксенова, <Н. М.> Щепкина. Речь г-на <М. А.> Горбова. Его предложения. Первое предостережение гласного <прот. П. А.> Преображенского. Предложение гласных. Постановление Думы. Избрание комиссии. Третье и последнее предостережение гласного <прот. П. А.> Преображенского / Аде <А. М. Дмитриев>. (ЛГУ); **С. 3**: Из Рязани. *12 мая*: Отъезд Н. С. Абазы. Женоубийство. Скоропостижно умерший от тесноты и давки в церкви <А. А. Шеин, нач. отд-ния Рязан. казен. палаты>. Юный рыцарь в западне. Проект, потерпевший фиаско. Нечто к коллекции несостоятельности нашего закона о пенсиях. Погода и пароходство. (ВИ); **С. 3—4**: Русский путешественник по Китаю <д-р А. Регель>. (РИ).

17 мая. № 134

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): <2. Об О. Э. Веймаре: Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 мая: <Полемика с соображениями гласного Думы, ред. журн. *«ПО»* прот. П. А. Пре-

ображенского о «тенденциозности» программы Пушкинского праздника; «*СИ*» как инициатор идеи чествования поэта (в передовице № 92 от 3 апр.)> / + <Ф. А. Гиляров>; К открытию памятника Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Пушкинский праздник); Из Царицына. *10 мая*: Выборы в Царицыне и в Балашове. Настроение; Из Верного. *5 апр.*: Падеж скота. Дороговизна. Запаздывание почт. Известие о походе в Кульджу. (ВИ).

18 мая. № 135

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): <2. Об О. Э. Веймаре: Из газ. «*ПВ*»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 мая: <О выборах в духовенстве> / <Г.-П.>; По поводу открытия памятника Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: Из Дорогобужа. *9 мая*: Налог на перевоз. (ВИ).

19 мая. № 136

С. 1—2: О том и о другом: Несколько слов по поводу торговли крепкими напитками. Евреи и торговля табаком. Подмосковный <А. С.> Викторсон и цеховой Лиснер. Доморощенные иностранцы. Оригинальный коммерсант Козьма Копытыч. Порядки на Смоленской костоломке. Роща в осадном положении. Погода / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 мая: <Православие в Японии — «свет веры во всей ее внутр. силе апостольских времен»> / <Г.-П.>; Речь преосвященного Николая <(Касаткина)> в Миссионерском обществе <11 мая>; Деятельность городской Пушкинской комиссии по устройству Пушкинского праздника; **С. 3**: Из Уфы. *26 апр.*: Погода. Отъезд губернатора <В. Д. Левшина>. Доброе дело учителя <словака Паскало>. Административная и криминальная хроника. Цены. Сообщение. Неаккуратность почты. (ВИ).

20 мая. № 137

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): <3. О Л. П. Буланове;> 4. Об именующем себя Владимиром Сабуровым; 5. О Василии Трощанском: <Из газ. «*ПВ*»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 мая: <Об «утке» газ. «Берег», корреспондент которой исказил историю процесса о столкновении пред. Моск. окруж. суда Д. Е. Рынкевича с присяж. поверенным Д. М. Никольским> / + <Ф. А. Гиляров>; По поводу Пушкинской выставки / Скульптор <И. Ф.> Ковшенков; Народное издание стихотворений Пушкина. Предполагаемое чтение А. Ф. Писемского / + <Ф. А. Гиляров>; К Пушкинскому празднику. (ЗиИ); **С. 3**: Из Самары. *8 мая*: Адвокаты-кулаки. Судьи-миротворцы. Злополучный ростовщик; Из Киева. *7 мая*: Погода. Дороговизна на дрова и жизненные припасы. Высокие цены на квартиры. (ВИ).

21 мая. № 138

С. 1—2: А. С. Пушкин: (Жизнеописание). IV: Собирание памятников народного творчества. Взгляд на литературных предшественников и современников: <Г. Р.> Державина, <М. В.> Ломоносова и других. Взгляд на критику и литературу. Взгляд на <В. А.> Жуковского, <К. Н.> Батюшкова, <А. А.> Дельвига, <Е. А.> Баратынского, <Н. М.> Языкова. Заступничество за <Н. В.> Гоголя. Встреча с <А. В.> Кольцовым. Отношение к <С. П.> Шевыреву, <М. С.> Щепкину, <П. П.> Ершову, <Э. И.> Губеру. Труд. «Граф Нулин». «Египетские ночи». Библиотека Пушкина. Чтение Тацита. Мысль об основании

журнала. Прощание с молодостью. Конец опалы. «Стансы». О воспитании юношества. «Московский вестник». Взгляд на поэзию и на поэта / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 мая: <1) Об интересах Австрии, Англии и России в Восточном вопросе; 2) О необходимости послаблений в установл. порядке перепечатывания правительств. сообщений, в связи с приостановкой газ. «Берег»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Битва еврейских педагогов. (С); Из Самары. *12 мая*: Засуха. Дождь. Заносы на пути железной дороги и очистка оного. Пожар в селении Сорочинском. (ВИ).

22 мая. № 139

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда, 6 мая, по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): 6. О Леонтии Бердникове; 7. О Лейбе Левентале: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 мая: <О Пушкинском празднике в Москве и Петербурге> / <Г.-П.>; Программа торжественного открытия, воздвигнутого в Москве, с Высочайшего соизволения, памятника Пушкину; В виду Пушкинского праздника. Пушкинская стипендия. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Проект Пушкинской школы <Вл. А. Висковатого>); Из Ельца. *13 мая*: Настоятели и старосты. Погода и болезни. Виды на урожай. Исчезновение земли / <И. В. Никитин>; Из Курска. *16 мая*: Неблагоприятная весна для урожая фруктов. Краткие сведения о вновь прибывшем в нашу епархию епископе <Ефреме (Рязанове)> / <А. А. Танков>. (ВИ).

23 мая. № 140

С. 1—2: А. С. Пушкин: (Жизнеописание). V: Период наиболее напряженной деятельности. Развитие книжной торговли. «Полтава». «Рифма». Сахарный Пушкин. «Путешествие в Арзрум». Отзывы газет. «Олегов щит». Недовольство на газетные воззвания. «Ответ анониму». «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Эпиграммы / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 мая: <Обзор 1-го вып. подготовит. трудов Комиссии, учрежденной моск. ген.-губернатором кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве> / + <Ф. А. Гиляров>; Расходы Думы по открытию памятника Пушкина. К открытию памятника Пушкина: <Ожидание приезда В. Гюго>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Дмитровского у. *19 мая*: Град и холод; Из Саратова. *16 мая*: По изданию Сборника к юбилею <100-летию губернии>; С берегов Камы. *10 мая*: Оживление Камского края. Торговля хлебом. Пожары. Упразднение мировых посредников. Что делают с ампутированными членами. (ВИ); **С. 4**: Некролог (Густава Флобера). (РИ).

24 мая. № 141

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда 6 мая по делу о сыне титулярного советника Адриане Федорове Михайлове <и др.; см. полное назв. выше, в № 132>: (Обвинит. акт): 8 и 9. О Марии Коленкиной и Александре Малиновской; 10. Об Ольге Натансон; 11. Об Ольге Витаньевой: <Из газ. *«ПВ»*>: (Оконч.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 мая: <О лесоистреблении на Юге России и мерах по его предотвращению> / <Г.-П.>; Открытый вопрос: <Как попасть на открытие памятника Пушкину жертвователям на него?>; Отсрочка освещения храма Спасителя. Памятник Пушкину. Замечательное совпадение: <26 мая — день рождения Пушкина и смерти В. Г. Белинского; 29 янв. — день смерти Пушкина и рождения В. А. Жуковского>. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Дума о чествовании А. С. Пушкина). (ВИ).

25 мая. № 142

С. 1—2: О том и о другом: Москва в глубоком трауре. Сокольники. Подмосковные селения, обитаемые дачниками; их диковинки, приключения и несчастия. Еще о порядках Смоленской костоломки / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 мая: <Новый бандерольный сбор «совершенно убивает два отечественных производства: садоводство и приготовление ягодных и травных водок»> / + <Ф. А. Гиляров>; Памятник А. С. Пушкину. Приезд Ф. М. Достоевского <в Москву>. (ЗиИ); **С. 2—3**: Сад «Эрмитаж». Первое представление оперы <Ф. М. В.> Массе «Поль и Виржини». По сезону ли? Парижские исполнители оперы; здешние. Партия Меалы. Г-жи <Н. А.> Енгалычева и Запольская. Гг. <Д. А.> Усатов, Фюпароп[12] и <А. Н.> Николаев. Г-жа Эльтон. Новый капельмейстер <Эмануэль>. Обстановка оперы, костюмы и декорации. Нескромность либретто / Аде <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 3**: Из Иваново-Вознесенска. *17 мая*: Апатия думских гласных. Пожары и криминальные случаи за истекший год. Обилие питейных заведений. Усовершенствования в фабричных производствах. Победа асфальта над деревом. Засаривание реки Уводи и неудобства, происходящие от этого. Недостаток куриных яиц для заводов. Результаты лесоистреблений. Частые нападения волков. Влияние железной дороги на торговлю. Настоятельная необходимость проведения Сибирской железной дороги / S. S. <В. Белов?>. (ВИ); **С. 3—4**: Беспорядки в Амстердаме <в еврейском квартале>. (ОН).

26 мая. № 143

С. 1: Бездонное окно: Повесть. I / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 мая: <О поездке по России министра внутр. дел Л. С. Макова> / <Г.-П.>; Могила Пушкина. Проект Общества любителей пения. (ЗиИ); <Рец. на кн.: 1) *Фриман Э.* Общий очерк истории Европы / Пер. под ред. Я. Г. Гуревича. СПб., 1880; 2) *Реклю Э.* Земля и люди: Всеобщая география. СПб., 1880. Т. IV; 3) *Полидоров П.* Почтовая справочная книжка для корреспондентов. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Цадик в беде. (С); Из Одессы. *20 мая*: Процесс отставного прапорщика Житомирского пехотного полка Степана Федоровича Трешатного, обвиняемого в предумышленном убийстве. (ВИ); Восточные земли: Вести из Сербии: Празднование «Славы» / D. R.

27 мая. № 144

С. 1: Коломенский пожар: Пожар. Равнодушный начальник станции. Оригинальный телеграфист и телеграмма, шедшая на волах по почте / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 мая: <О последнем полит. процессе, «бессилие правосудия открыть» имена преступников, выступающих под вымышл. именами> / <Г.-П.>; Четыре эпохи в жизни Пушкина: (Из документов и записок современников) / В. Т. <В. И. Трескин>; Прогулка под Парижем: Очерк канализации города Парижа: (Оконч.) / Р—ий; Участие князя <А. М.> Горчакова в Пушкинском празднике. По открытию памятника Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: Из Лондона. 29 мая: Дело <Ч.> Брадло. Отношение торийской печати к г. <У. Ю.> Гладстону. (ИИ).

[12] В тексте статьи этот же оперный певец почему-то называется по-разному: Рерюфов, Пемперюф, Рюрюуф, Фюрер.

28 мая. № 145

С. 1—2: Воспоминания любителя. III / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 мая: <Рус.-китайские отношения, ввиду предполагаемой войны с Китаем> / <Г.-П.>; **С. 3**: Местные. Одесса: (Памяти А. С. Пушкина); Из Зубцовского у., Тверской губ. *20 мая*: Дороги. (ВИ); Восточные земли: Из Пешта. *16 (28) мая*: Нравственность в государственной и частной жизни. Бесправность славян. Неудовольствие венгров. Действие письма <У. Ю.> Гладстона. Албанская лига. (ИИ); Петиция болгар Монастырского округа. (ОН).

29 мая. № 146

С. 1: Бездонное окно: Повесть. II / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 мая: <Обзор Отчета Мед. деп-та министру внутр. дел Л. С. Макову за 1878 г.> / + <Ф. А. Гиляров>; В Петропавловском соборе: <О церемонии похорон императрицы>; Автографы, картина и жилет А. С. Пушкина <из собрания кн. П. А. Вяземского>. (ЗиМ); **С. 3**: Из Одессы. *18 мая*: Загадочное самоубийство и последующее разъяснение мотивов его. Погода. Смертность; Из Перми. *13 мая*: Железнодорожные случаи. Домашний спектакль. Гуляние 1 мая. Открытие навигации. Лесные пожары. (ВИ); **С. 4**: И. А. Гончаров о Пушкине: <Републ. из газ. «Страна» письма И. А. Гончарова от 20 мая к издателю с воспоминаниями о Пушкине к распорядителям праздника в честь поэта>. (РИ).

30 мая. № 147

С. 1: Бездонное окно. Повесть. III / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 мая: <О необходимости гос. внимания к торфяному промыслу> / <Г.-П.>; Будущность торфяного дела / А. Никитинский; В Петропавловском соборе: <О церемонии похорон Императрицы>; Открытие сада «Эрмитаж». (ЗиИ); **С. 3**: Из Орла. *25 мая*: Весть о кончине Государыни. Приезд генерал-губернатора <харьковского кн. А. М. Дондукова-Корсакова>. Кулачная расправа. Самоубийства. Погода. Виды на урожай. (ВИ); К биографии А. С. Пушкина: <К истории отношений Пушкина, гречанки Калипсо <Полихрони> и К. Негруцци. Молдавия, 1821 г.>. (РИ).

31 мая. № 148

С. 1—2: Приключение двух путешественников. Гл. I / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 мая: <О «до глубины души русской царице» Марии Александровне, с републ. из газ. «Берег» некролога ей, составленного кн. В. П. Мещерским> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Пушкинский праздник: <Открытие памятника>. Зайдите в кабак: <О деревянном флигеле на углу Собачьей площади в Москве, где жил Пушкин>. К Пушкинскому празднику: <Известия из Саратова, Кишинева, Киева>. Бегство от еврея-эксплуататора <торфопромышленника около ст. Кубинки>. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Пушкинская библиотека <в Александровском лицее>. Мебель А. С. Пушкина <на даче С. А. Орлова на Черной речке>); Одесса: (Памяти А. С. Пушкина). (ВИ); **С. 3—4**: А. С. Пушкин и <А.> Мицкевич: <Первое знакомство, импровизация А. Мицкевича в честь Пушкина за обедом, устроенным литераторами, в сообщении Ф. К. Неслуховского в майской книжке *«ИВ»*>. А. С. Пушкин на академической выставке: <О знакомстве Пушкина со скульптором Н. С. Пименовым осенью 1836 г.>. (РИ).

1 июня. № 149

С. 1: А. С. Пушкин: (Жизнеописание). VI: Семейное счастье. «Мадона». Основание «Литературной газеты». Эпиграмма на критику. Подготовительные работы к «Годунову».

Взгляд на русскую историю. Оценка «Истории русского народа», соч. <Н. А.> Полевого. Знакомство с Н. Н. Гончаровой. Первая холера. Пребывание в Болдине. «Герой». Письма к <П. А.> Плетневу и <А. А.> Дельвигу. «Скупой рыцарь». Отношение к <М. П.> Погодину / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 31 мая: <О налаживании взаимоотношений между фабричными и фабрикантами; англ. законодательство как пример для подражания> / + <Ф. А. Гиляров>; Памяти С. М. Соловьева: <Науч. чтения в Загребе>. Подлинное письмо А. С. Пушкина <к бар. Л. Б. Геккерну де Беверваарду накануне дуэли из архива бар. А. К. Мейендорфа>. К Пушкинскому празднику. (ЗиИ); **С. 3**: Из Вязников. *23 мая*: Покража на почте. Подвиг аблаката. Навязчивость урядника; Из Одессы. *23 мая*: Весть о смерти Императрицы. Приостановка спектаклей. Панихида. Отсрочка празднования юбилея арх<иепископа> Платона <(Городецкого)>. Настроение; Из Самары. *23 мая*: Весть о кончине Императрицы; Из Пензы. *23 мая*: Весть о кончине Императрицы. Омнибусы. (ВИ); **С. 3–4**: Пушкин и Людмила И<нгле>зи: <К истории создания образа Земфиры в «Цыганах». К биографии Пушкина: Южная ссылка, Кишинев; по газ. «Одес. вестн.»>. Драма из жизни А. С. Пушкина: <О малоизвестной итальянской трехактной драме Валентино Каррера, героем которой выведен Пушкин, на сцене театра Гербино в Турине в 1865 г.; со ссылкой на газ. *«ПЛ»*>. Несостоявшаяся дуэль <в конце 1835 г. с гр. В. А. Соллогубом>. (РИ).

2 июня. № 150

С. 1–2: Фабриканты фальшивых купонов / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 июня: <1) О настоят. нужде в издании законов, регулирующих отношения рабочих и предпринимателей, по примеру англ. законодательства; 2) По поводу запрета торговли в Пушкинский праздник, — предложение устроить «особый книжный базар» на Страстном бульваре> / + <Ф. А. Гиляров>; Пробел в программе Пушкинского праздника. (ЗиИ); По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Петербург: (Пушкинский праздник. Место дуэли А. С. Пушкина <запечатленное на картине А. М. Волкова>); Из Одессы. *27 мая*: Панихида по Императрице. Юбилей архиепископа Платона (<Городецкого>) и его curriculum vitae <жизнеописание (*лат*)>. Годовщина смерти архиепископа Иннокентия <(Борисова)> и равнодушие к ней. К Пушкинскому празднику. Следственная комиссия; Из Венева, Тульской губ. *16 мая*: Дороги. Болезни. Град и снег. Надежды на урожай. Покушение на детоубийство; Из Брянска, Орловской губ. *22 мая*: Местоположение. Общество. Цены. Весна. Пожары. Священник, обвиняемый в истязательстве. Священник-шутник / <В. Николаев?>.[13] (ВИ); От Каира до Афин. *8 мая*: Вид Каира и его жителей. Вид Афин. Древности. (ИИ); **С. 3–4**: Последняя дуэль А. С. Пушкина: <Из газ. *«ПЛ»*>. А. С. Пушкин в кружке офицеров: <Могилев, 1824 г. Воспоминания А. П. Распопова, племянника Е. А. Энгельгардта, знакомого Пушкина по лицею>. Остроумный ответ <Пушкина на вопрос: «Где вы теперь служите?» — «Я числюсь по России»>. Критическое замечание <о поэзии В. Г. Бенедиктова>. Удачный выход из затруднения: <Пушкин и гр. А. Ф. Ланжерон>. Экспромт А. С. Пушкина: <Одесса, девицы Зинаида, Елизавета и Наталья Бларамберг; из газ. «Новорос. телеграф»>; Поездки Пушкина к П. С. Пущину <из Михайловского в дер. Жадрицы Порховского у.; из газ. «Новорос. телеграф»>. (РИ).

---

[13] Ист. атриб.: Недатированное письмо В. Николаева к Г.-П. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 45. <№ 11>. Л. 1.

3 июня. № 151

С. 1: Мимоходом: Канун Пушкинского праздника. Наши пожелания. Чествование Пушкина в увеселительных садах. Пушкинская цыганка <Таня, т. е. Т. Д. Демьянова> и гости ее. Последняя встреча с нею Пушкина. Наше слово отцу <П. А.> Преображенскому. С больной головы на здоровую. «Альгамбра», певицы: Илька Огай и Гаппе. Француженки. «Прекрасная Елена» <Ж. Оффенбаха> в Эрмитаже. Дебютантка <Каралли> / Аде <А. М. Дмитриев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 июня: <Настоящее положение Восточного вопроса> / <Г.-П.>; А. С. Пушкин в Москве: <Из воспоминаний современников>; Писатели — уроженцы Москвы. Отсрочка открытия Пушкинского праздника. (ЗиИ); **С. 3**: Из Рязани. *29 мая*: Впечатление. Известие о кончине Императрицы. (ВИ); Император Николай I и А. С. Пушкин: <Из газ. «*ПЛ*»>. Село Михайловское. (РИ).

4 июня. № 152

С. 1: Болгарская роза на севере. I—II / Начинающий. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 июня: <О предстоящих Пушкинских торжествах, отклики в газ. «Берег» и «*МВед*» на скандал в связи с неприглашением на праздник М. Н. Каткова как ред. «*МВед*»; «лично мы в числе распорядителей праздника не участвуем; отклонили от себя и честь произнесения речи на празднике, между прочим предложенную нам председателем Общества словесности, находя, что есть лица, более нас имеющие право на это»> / <Г.-П.>; Заметки А. С. Пушкина: <Обзор статьи П. В. Анненкова «Общественные идеалы А. С. Пушкина» в «*ВЕ*»>; Пушкинский праздник. (ЗиИ); **С. 3**: Из Самары. *26 мая*: Весть о кончине Императрицы и «Пушкинский» день рождения и памяти поэта; Из Ставропольского у. *28 мая*: Несколько слов об обязанности урядника. Глумление купцов над урядником <унтерофицером Фефеловым>; Из Пензы. *29 мая*: Засухи. Пожары. Пожар в селе Мокшалях. (ВИ); **С. 3—4**: Кончина А. С. Пушкина: <Подробности последних предсмертных часов, по «мемуарному» письму В. А. Жуковского>. (РИ).

5 июня. № 153

С. 1—2: А. С. Пушкин. (Жизнеописание). VII: Стихотворения, написанные в Болдине. «Подражание Данте». «Я здесь, Инезилья». Смерть <А. А.> Дельвига. Свадьба Пушкина. Переезд в Петербург. Поступление вновь на службу. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». «О рыбаке и рыбке». Окончание «Евгения Онегина» и мысль о продолжении его. Попытка к основанию газеты. Избрание в Академию наук и в «Общество любителей российской словесности». «История Пугачевского бунта». «Капитанская дочка». Просьба об отпуске. «Русалка». «Дубровский» / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 4 июня: <О домах для умалишенных, числе душевнобольных и общих причинах душев. болезней, из Отчета Мед. деп-та министру внутр. дел Л. С. Макову> / + <Ф. А. Гиляров>; Программа торжественного открытия воздвигнутого в Москве с Высочайшего соизволения памятника поэту Пушкину; **С. 2—3**: Порядок депутации при открытии памятника: <Из газ. «Рус. курьер»>; **С. 3**: Чтения о Пушкине. (ЗиИ); Псков: (Памяти А. С. Пушкина). (ВИ); **С. 3—4**: Письмо А. С. Пушкина к графу <А. Х.> Бенкендорфу <от 21 нояб. 1836 г.; републ. из газ. «*НВр*»>; Стихи на смерть А. С. Пушкина <авт.: В. А. Жуковский, А. С. Норов, Ф. И. Тютчев, Э. И. Губер, А. Н. Креницын, А. И. Подолинский, А. В. Кольцов, А. И. Полежаев, Е. М. Хитрово, Ф. И. Глинка, кн. П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов>. Похороны А. С. Пушкина <по воспоминаниям современников; републ. из газ. «*НВр*»>. (РИ).

6 июня. № 154

С. 1—2: А. С. Пушкин. (Жизнеописание). VIII: Влияние Пушкина на <Н. В.> Гоголя. Первая их встреча. Путешествие на Восток. «Песни западных славян». Религиозное настроение. «Молитва». «Подражание итальянскому». Высочайшие награды. «История Пугачевского бунта». «Мицкевич». Новая Высочайшая милость. Кончина Надежды Осиповны <Пушкиной>. Семейная жизнь. Сотрудничество в «Библиотеке для чтения». Разносторонние занятия. Собирание материалов для «Истории Петра Великого». «Художнику». Издание «Современника». Рецензии. Поэт-журналист. Направление журнала. Клевета. Последняя лицейская годовщина. «Памятник»: (Оконч.) / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 июня: <«Как всесторонний выразитель народного духа, Пушкин — гений первой величины»> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Пушкинский праздник: <Хроника событий>; **С. 3**: Пушкинский вечер: <Программа первого Пушкинского вечера 6 июня в Благородном собрании>. (ЗиИ); Из Тамбова. *24 мая*: Новый парк. Положение театра. Клады. Отравление. Операции банка. Умыкание невест. (ВИ); **С. 3—4**: На память Пушкина: Горькая правда А. С. Пушкина: <По статье П. В. Анненкова в «*ВЕ*»>; Чтение «Бориса Годунова»: <Из записок М. П. Погодина>. Спор с <М. Т.> Каченовским. Поэтам свойственно увлечение. А. С. Пушкин и великий князь Михаил Павлович: <Из журн. «*ВЕ*»>. Неудачная выходка. И. С. Тургенев о Пушкине; Два поэта (А. Пушкин и А. Мицкевич). А. С. Пушкин и <Э. И.> Губер. И. А. Крылов и А. С. Пушкин. <А. В.> Кольцов и А. С. Пушкин. Дурные приметы. Экспромт. Меткое уподобление. Любезность за любезность: <И. И. Дмитриев и юный Пушкин>. Справедливое опасение: <Почитатели актрисы В. Н. Асенковой и Пушкин>. Оригинальный покупатель. Не в бровь, а в глаз. (РИ).

7 июня. № 155

С. 1: Пушкинский праздник / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 6 июня: <Предложение к Я. К. Гроту издать Пушкинское собр. соч. наподобие его Державинского> / + <Ф. А. Гиляров>; Исторический очерк сооружения памятника Пушкину: (Читано акад. Я. К. Гротом в публич. заседании Высочайше утвержденного Комитета по сооружению памятника Пушкину, 5 июня в зале Моск. гор. Думы); Торжество открытия памятника; Университетское торжество: <О чтениях Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевского, Н. И. Стороженко> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Городской обед: <О речах И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, гр. А. А. Бобринского, прот. П. А. Преображенского>; **С. 3**: Поздравительные телеграммы; Пушкинская выставка / Рудниковский <М. Н. Былов>; Из письма Царскосельского лицеиста; Домик, в котором родился Пушкин. (ЗиИ); Памяти А. С. Пушкина. (ПП); Пребывание А. С. Пушкина в Одессе: <Из газ. «Новорос. телеграф»>. (РИ).

8 июня. № 156

С. 1—2: Болгарская роза на севере: (Оконч.). III / Начинающий. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 июня: <Впечатления от Пушкинского праздника: «и публика, и представители всех направлений словесности слились на сей раз действительно в одном идеале, чистом и бессмертном»> / <Г.-П.>; Пушкинский праздник в Обществе любителей российской словесности / + <Ф. А. Гиляров>; Из письма Царскосельского лицеиста; Перед памятником А. С. Пушкина (6 июня 1880 г.): <Стихотв.> / А. К.; Первый Пушкинский вечер. Программа Пушкинского вечера <8 июня в Благор. собрании>. (ЗиИ); **С. 2—3**: По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Петербург: (Пушкинский праздник); Из Брян-

ска. *25 мая*: Пожарный сезон. Покушение на поджог. Карты. Труппа. Ненамеренное убийство / <В. Николаев?>; Из города Суджи, Курской губ. *1 июня*: Два-три слова о положении корреспондента вообще. Казарменное помещение местной уездной команды; Из Царицына. *1 июня*: Засуха. Недостаток хлеба. Саранча. Заживо сгоревшая старуха. (ВИ); **С. 4**: Пушкин и его жена <Н. Н. Гончарова>: <О семейном быте поэта из газ. «Неделя»>. (РИ).

9 июня. № 157

С. 1: Подробности о городском обеде: <Републ. из газ. *«МВед»* речей И. С. Аксакова и М. Н. Каткова>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 июня: <О речи Ф. М. Достоевского в ОЛРС: «Это была молния, прорезавшая небо»> / <Г.-П.>; <Поздравительные адреса, прочитанные на заседании Общества>; **С. 2—3**: Петербург: (Пушкинский праздник: <6 июня на Пушкинском обеде Е. А. Погожев, внук лубоч. писателя А. А. Орлова, прочел неизв. письмо Пушкина к деду от 9 янв. 1832 г.>); Одесса: (Пушкинский праздник); Тифлис: (Памяти А. С. Пушкина). (ВИ); **С. 3**: Из Одессы. *2 июня*: Два слова об упраздненных комиссиях. Перевод всех дел комиссии в Петербург и новая комиссия Е. П. Старицкого; Из Саратова. *1 июня*: История земской железной дороги. (ВИ); **С. 4**: Место дуэли А. С. Пушкина: <По заметке книгопродавца Я. А. Исакова в газ. «Голос»>. Н. В. Гоголь о Пушкине. К пребыванию А. С. Пушкина в Одессе: <Из газ. «Одес. вестн.»>. Костюм и палка А. С. Пушкина. Сердечные увлечения А. С. Пушкина: <Мар. Ив. Родеус как прототип стихотв. «Гречанке»; по газ. «Одес. вестн.»>. Юбилей Яна Длугоша: <Из газ. *«СПбВед»*>. (РИ).

10 июня. № 158

С. 1—2: К Пушкинскому празднику. В дополнение к сообщенным подробностям о чествовании А. С. Пушкина приводим речи, адресы и стихи, прочитанные на празднике поэта: Слово, произнес. митр. Макарием <(Булгаковым)>; Речь С. А. Юрьева в Обществе любителей рос. словесности; Речь проф. г. Луи Леже; Адресы (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 июня: <О речах на Пушкинском празднике: Я. К. Грота, П. В. Анненкова, П. И. Бартенева. Пушкин и Н. М. Карамзин. М. П. Погодин о Пушкине> / <Г.-П.>; 2-е заседание в Обществе словесности; **С. 3**: Второй Пушкинский вечер. Украденный сюртук А. С. Пушкина. Речь И. С. Тургенева. (ЗиИ); Петербург: (Пушкинские увеселительные вечера); Царское Село, Петербургской губ.: (Памяти А. С. Пушкина); Варшава: (Пушкинский праздник); Псков: (Памяти А. С. Пушкина). (ВИ); Памяти А. С. Пушкина: <Републ. из газет стихотв. Я. П. Полонского, Н. С. Курочкина, Д. Д. Минаева>. (РИ); **С. 3—4**: Указ. журн.: <Роспись содерж. майских книжек журн.: *«ОЗ»*, «Дело», *«РВ»*>.

11 июня. № 159

С. 1—2: Приключение двух путешественников: Гл. II. Путешествие не произвольное: (Оконч.) / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 июня: <Пушкинский праздник — «первый наш литературный конгресс»> / <Г.-П.>; Заздравный тост С. А. Юрьева на обеде 7 июня; Подписка на памятник Н. В. Гоголю. Речь Ф. М. Достоевского. (ЗиИ); **С. 2—3**: По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Из Владимирской губ. *3 июня*: Фабричные порядки. (ВИ); **С. 4**: Памяти А. С. Пушкина: <Стихотв. из *«МВед»* и петерб. газет: 1) Перед памятником / М.; 2) Пред памятником Пушкина / Федор Миллер; 3) «В расцвете сил ума и вдохновенья...» / Гр. А. Голенищев-Кутузов; 4) «От ранней юности, когда едва, едва...» / Д. Аверкиев; «Поэт, безвременно скончавший путь земной» / {Авт. не указан}>. (РИ).

12 июня. № 160

С. 1: Бездонное окно: Повесть. IV / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 июня: <Проект издания «Пушкинского сборника» по итогам праздника> / + <Ф. А. Гиляров>; Адрес князя Н. П. Мещерского; Адрес Архива Министерства иностранных дел; Речь И. С. Тургенева; Речь А. Н. Островского; <Стихотворение гр. В. А. Соллогуба «на памятник Пушкину» («В столице Пушкину любезной...»); из газ. *«МВед»*>; Отзывы воспитателей об А. С. Пушкине-лицеисте. К биографии А. С. Пушкина <из письма бар. Н. Л. Радена со слов Леонтьевой, горничной Н. Н. Пушкиной, о причинах дуэли Пушкина и Дантеса>. (ЗиИ); **С. 2—3**: К характеристике князя <О. фон> Бисмарка. Как улучшить положение нашей печати. О колонизации Сибири. Оценка деятельности графа <Д. А.> Толстого. (ПП).

13 июня. № 161

С. 1: Одесса: (Очерк города и его окрестностей) / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 июня: <О последнем полит. процессе: «подпольное направление сильно линяет»>; Речь преосвященного Амвросия <(Ключарёва)>, епископа Дмитровского, при выпуске воспитанниц Московского Николаевского института: Об истинном достоинстве женщин; **С. 2—3**: Памяти А. С. Пушкина. По вопросу о войне с Китаем. По железнодорожному делу. О благотворительных обществах. Из истории раскола. (ПП); **С. 3**: Из Пензы. *6 июня*: Урожай. Празднование памяти Пушкина. (ВИ); Из Лондона. *15 июня*: Парламентский случай. Добавочный бюджет. Эпидемия убийства / Н. О. W. (ИИ); **С. 4**: Указ. журн.: <Роспись содерж. июньских книжек журн.: *«ЮВ», «ВЕ»*>.

14 июня. № 162

С. 1—2: Речь Ф. М. Достоевского / Ф. Достоевский: (Из «Московских ведомостей»). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 июня: <Об отказе атеиста Ч. Брадло присягать в Англ. парламенте> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Где был дворец Петра I. Еще о Пушкинском слуге <камердинере Н. Е. Федорове>. (ЗиИ); **С. 3**: О терпимости к расколу. (ПП).

15 июня. № 163

С. 1: Одесса: (Очерк города и его окрестностей) / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 июня: <Об мошенничестве продовольствовавшего армию «Товарищества Грегер, Горвиц и Коган»> / + <Ф. А. Гиляров>; Наше духовенство: <Обзор одноимен. статьи А. А. Навроцкого из июньской книжки журн. *«РР»*> / В. Т. <В. И. Трескин>; **С. 3**: Из Уфы. *1 мая*: Приезд г. министра <Л. С. Макова> и следствие его. Прием служащих. Упадок нравов. Убийство и покушение к убийству. Отбытие казаков. Чума. Почтовые порядки. (ВИ).

16 июня. № 164

С. 1: О том и о другом: По поводу Пушкинских праздников. Наше заявление городской Думе о переименовании Немецкой улицы в Пушкинскую. Жизнь и похороны <купца> И. Д. Кохтева. Два слова о <В. Е.> Мещерине. «Царская дочь». Наши увеселительные сады. Вести из села Кунцева / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 июня: <Албанский вопрос> / <Г.-П.>; Очевидец о Пушкине. <В конце: «Ростов, 10 июня»> / Н. А. Кайдалов; «Скоморох» «Будильника»: <Крат. обзор альманаха>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Минска. *8 июня*: Население. Наружный вид. Постройки. Сквер. Обще-

ственный сад. Общественные постройки; Из Иваново-Вознесенска. *11 июня*: Думские дела. Комиссии. Выбор в Сиротском суде. Пожар. Ситцевое дело. Засаривание реки. Положение фабричных. Больница. Виды на урожай и цены / S. S. <В. Белов?>; Из Кузнецка, Саратовской губ. *10 июня*: Дороговизна. Благодетельное распоряжение г. исправника. Городские дела. Виды на урожай. (ВИ); Пред памятником Пушкина: <Стихотв.> / Алексей Иваницкий. Кавказский пленник: (Из воспоминаний Сибирского казака). (РИ).

17 июня. № 165

С. 1: Бездонное окно: Повесть. V / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 июня: <О надвигающейся войне с Китаем> / <Г.-П.>; По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *14 июня*: О преобразовании Медико-хирургической академии; От Оханска до Москвы. *6 июня*: Выборы в Оханске. О пермских пожарах. Известие о смерти Государыни. Дороговизна. Безобразия пароходства. Рекомендуемые газеты. Печальный эпизод; Из Самары. *7 июня*: Погода в Самарском крае. Памяти Пушкина; Из Ефремовского у. *12 июня*: Бедствия крестьян. (ВИ).

18 июня. № 166

С. 1—2: Бездонное окно: Повесть. VI / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 июня: <Еще о хищничестве «Товарищества Грегер, Горвиц и Коган» — в связи со слухами о предполагаемом полном расчете казны с ним> / + <Ф. А. Гиляров>; Забытый писатель <А. С. Грибоедов>. По русской опере. Народное чествование памятника А. С. Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Успех г. <А. П.> Ленского <в роли Дон-Жуана>). (ВИ).

19 июня. № 167

С. 1: Киев и его святыни / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 июня: <Об административно-судебных «стеснениях печати» — на материале брошюры П. А. Зарубина «Современный суд над редакторами» (СПб., 1880)> / + <Ф. А. Гиляров>; Дебют г-жи <Н. А.> Енгалычевой: Сад «Эрмитаж». «Жизнь за Царя» <М. И. Глинки> / Аде <А. М. Дмитриев>; <Рец. на кн.: *Есипов Г. В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображен. приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880>. (НК); По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Из Рязани. *14 июня*: Сильный пожар; Из Ставропольской губ. *14 июня*: Дифтерит. Вооруженное противодействие санитаров / Кавказский священник. (ВИ); **С. 4**: Народные прибаутки: <Из собрания В. И. Кельсиева>. (РИ).

20 июня. № 168

С. 1—2: Как сберечь остатки лесов? / Ф. Т. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 июня: <Предложение применить к «воровским порубкам» законов о контрабанде> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Саратова. *9 июня*: Акт в городских училищах. (ВИ); Рукопись А. С. Пушкина <«Моя родословная, или Русский мещанин», републ. по «Известиям Киев. ун-та»>. Картина <П.> Перуджино <с изображением Богородицы с Младенцем Спасителем, окруженную свв. Иеронимом и Франциском>. (РИ).

21 июня. № 169

С. 1: Киев и его святыни: (Продолж.) / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 июня: <Еще о мерах по сбережению лесов> / <Г.-П.>; По поводу Пушкинского праздника. (ПП); **С. 3**: Из Ельца. *13 июня*: Посещение города князем <А. М.> Дондуковым-Корса-

ковым. Прощальный обед директору банка. Пожары. Погода. Цены на хлеба / <И. В. Никитин>; Из Орла. *15 июня*: Как прошел Пушкинский праздник. Пушкинские жамки. Разумное распоряжение. Погода. К характеристике купеческих сынков. Несчастные случаи. (ВИ); **С. 3—4**: Народные суеверия и предрассудки: <Из газ. «Минские *ЕВ*»>. (РИ).

22 июня. № 170

С. 1: Из заграничных наблюдений / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 июня: <Еще «о бесправности нашей печати пред судом»> / + <Ф. А. Гиляров>; Отчего переэкзаменовки?: <О недостатках системы образования> / Л.; <Рец. на кн.: Сельский сборник: Настол. книга для сельских жителей / Сост. и издал Д. А. Соколовский. 2-е изд., испр. и знач. доп. Казань, 1880. Вып. 1>. (НК); **С. 3**: Из Корчевы (Тверской губ.). *15 июня*: Избирательные съезды. Состояние посевов. Град. Обилие незасеянных полей. Пожары. (ВИ); **С. 3—4**: Женщина о женщинах: <Из газ. «Новости» републ. выдержки из изданной в Париже книги «Типы молодых женщин» (автор предположительно женщина)>. (РИ).

23 июня. № 171

С. 1—2: О том и о другом: Лето и его прелести. Думская поливная команда. Заплатки мостовых. О новых постройках. Новая конка и что говорят о ней извозчики. «Саратовские» лихачи. Гостиница «Московская». Что творится в Мещанской управе. Сельские выборы гласных земства. Прибыль на праздник Пушкина / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 июня: <О значении бумажных денег и вексельного курса> / <Г.-П.>; Древний резной крест в Никольском погосте Ростовского уезда Ярославской губ.: <Сообщ. А. А. Титова в Археол. о-ве>; **С. 3**: Из Кирсанова. *8 июня*: Пожары; Из Моздока, Ставропольской губ. *12 июня*: Моздокские богомольцы. Принесение животных в жертву. Священный дуб. (ВИ).

24 июня. № 172

С. 1—2: Надежда: <Рассказ> / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 июня: <Об ошибочном толковании юристами ст. 1039 «Уложения о наказании» о так называемой «диффамации»> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Саратова. *18 июня*: Потеря города. Доклад железнодорожного правления. (ВИ).

25 июня. № 173

С. 1: Из заграничных наблюдений: Венеция. Падуа / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 июня: <О чуме рогатого скота — по Отчету Мед. деп-та министру внутр. дел Л. С. Макову> / + <Ф. А. Гиляров>; Еще о народном театре. Новые оперы <кн. Г. Н. Вяземского: «Басурман», «Кирибеевич», «Княгиня Островская»>. Электрическое освещение в театрах. К характеристике театрального управления. Чем промышляют театральные барышники. (ЗиИ); **С. 3**: Из Каневского у., Киевской губ. *5 июня*: Виды на урожай. Кузька, овражки, бабочки. Отсутствие пастбищ. Помехи в перевозе скота; Из Ефремовского у. *15 июня*: Дороговизна хлеба. Бедствия крестьян. Бездеятельность земства. Погода. Плохие виды на урожай. (ВИ).

26 июня. № 174

С. 1—2: Воспоминание любителя. IV / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 июня: <1) Итоги междунар. конф. по Вост. вопросу> / <Г.-П.>; <2) Бедствие в южных губерниях: наше-

ствие хлебного жучка; о непродуманном запрете в борьбе с ним использовать канат> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Троице-Сергиева посада. *20 июня*: Наблюдения богомольца; Из Егорьевска, Рязанской губ. *23 июня*: Хлебный жучок. Прочие насекомые. (ВИ).

27 июня. № 175

С. 1: Киев и его святыни: (Оконч.) / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 июня: <Намерения отказаться от преимуществ в торговле, разжигающих конфликт с Китаем> / <Г.-П.>; По поводу войны с Китаем. Г<-н А.> Леруа-Больё о России. Смысл примирения. Еще о Пушкинском празднике. По поводу толков о дороговизне хлеба. По поводу уничтожения хлебного жука. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *23 июня*: Отчет о деятельности С.-Петербургского Воспитательного дома; Из Царицына. *22 июня*: Грядущее бедствие. (ВИ); **С. 3—4**: Общественная жизнь в Китае: <Из газ. *«ПГ»*>. Письмо А. С. Пушкина <о бесполезности утрачен. записок Дж. Байрона; републ. в выдержках>. Отзыв крестьян об А. С. Пушкине. Экспромт Д. Т. Ленского: <Из газ. *«НВр»*>. (РИ).

28 июня. № 176

С. 1—2: Из заграничных наблюдений. IV: Рим / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 июня: <О предотвращении лесоистребления и развитии лесного хозяйства> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Минска. *22 июня*: Обилие храмов и религиозность населения; Из Пензы. *21 июня*: Городское кладбище. (ВИ).

29 июня. № 177

С. 1—2: Бездонное окно: Повесть. VII—VIII / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 июня: <О взаимоотношениях России и Китая> / + <Ф. А. Гиляров>; Пушкинская библиотека / Л.; **С. 3**: По поводу речи Ф. М. Достоевского: <Из газ. «Голос» о социальном христианстве> (ПП); Современный Хлестаков: <Из газ. «Голос»>. (С); Из Петербурга. *25 июня*: Трехмиллионный проигрыш. Новая комиссия. Деятельность г. <К. П.> Победоносцева. Погода и гроза. Дороговизна. (ВИ).

30 июня. № 178

С. 1: О том и о другом: Два слова о предстоящей Макарьевской ярмарке. Отказ городской Думы в водопроводе для четырех торговых бань. Утопленники и потребность в купальнях. Как исполняются приказы г. обер-полицмейстера <А. А. Козлова>. Вниманию управы по поводу герба на винном дворе. Г<-н Е. Е.> Поваровский и бандероль на водке. Подпольное письмо с угрозами. Духота и пыль в городе. На дачах / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 июня: <Роль Англии в русско-китайском конфликте> / <Г.-П.>; Средства против пожаров / Сосновский. <Внизу: «Светлое озеро»>; **С. 3**: Из Самары. *19 июня*: Корреспонденции. Порядки в двух губерниях. Засуха и урожай. Оренбургская железная дорога. Погода и увеселение; Из Макарьева, Костромской губ. *20 июня*: Силы земства. Выборы. (ВИ); **С. 4**: Как воспитываются дети китайских императоров; Потомство Конфуция; Потребление шелковых материй при китайском дворе; Способ приготовления древней китайской эмали; Театр в Японии. (РИ).

1 июля. № 179

С. 1: Бездонное окно: Повесть. IX / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 июня: <О циркуляре министра внутр. дел Л. С. Макова по искоренению конокрадства> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Из Петербурга. *28 июня*: Дворники-безобразники и их приви-

легированное положение. Смертность. Финал гражданского дела г-жи <А. И.> Дубельт <(ур. Базилевская)>; **С. 3**: Из Романова-Борисоглебска. *20 июня*: Растрата в банке. Выбор городского головы и кассация этого выбора. Бегство от службы в банке. Предстоящие выборы в гласные. Необходимость переоценки недвижимых имуществ и привлечения к платежу налога дворянских городских имуществ. (ВИ); Из Лондона. *3 июля*. Дело <Ч.> Брадло. Разочарование руссофобов. Положение дел в Афганистане. Толки о Восточном вопросе / Н. О. W. (ИИ); **С. 4**: Острота Фридриха Великого. Находчивость в затруднительном положении: <Экспромт Д. Т. Ленского>. (РИ).

2 июля. № 180

С. 1—2: Бездонное окно: Повесть. X / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 июля: <По поводу новых тарифов, которыми облагаются железо и изделия из него — о непродуманности тариф. политики, наносящей ущерб отеч. промышленности> / <Г.-П.>; Средства против пожаров: (Оконч.) / Сосновский. <Внизу: «Светлое озеро»>; **С. 3**: Из Курска. *25 июня*: Конец Коренной ярмарки. Появление новых водоводов. Дожди / <А. А. Танков>. (ВИ); **С. 4**: А. С. Пушкин в русской музыке: <Републ. «перечня опер и муз. пьес» рус. композиторов из газ. *«МВед»*>. Пребывание А. С. Пушкина в Новочеркасске: <Из газ. «Дон. обл. вед.»>. Ответ на вопрос: <С републ. стихотв. свт. Филарета (Дроздова) «Не напрасно, не случайно…»>. Немецкий критик <Оскар Пауль> об издании Ю. Н. Мельгунова <«Русские народные песни, непосредственно с голосов народа записанные» (М., 1879—1885)>. Экспромт Д. Т. Ленского. (РИ).

3 июля. № 181

С. 1—2: Бездонное окно: Повесть. XI—XII / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 июля: <Разъяснение указа «Об отмене личного задержания за долги как способа взыскания с неисправных должников»> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Польза переэкзаменовок / Л.; **С. 3**: Из Симбирска. *24 июня*: Неурожай. Вздорожание. Неправильное пароходное сообщение. Недостаток развлечений; Из Костромы. *20 июня*: Безучастие к Пушкинскому празднику. Анекдот о Пушкине. Посещение Костромы гг. <С. В.> Максимовым и <А. С.> Сувориным. Неуважение к памятникам старины. Ропот на раннее служение в соборе. Дороговизна. Жара. Побоища. (ВИ); Наполеон I об императоре Александре I. (РИ).

4 июля. № 182

С. 1—2: До сознания: <Рассказ>. I / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 июля: <О «незнакомстве нашем с Востоком» и необходимости учреждения особого Азиат. о-ва> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Сад «Эрмитаж». «Драгуны», комическая опера в 3 действиях <Л.> Мальяра. «Фатиница», оперетка <Ф. фон> Зуппе / Аде <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 3**: Из Венева, Тульской губ. *19 июня*: Погода. Засуха. Цены на хлеб и мясо. Пожары. Пьянство. Нежелание крестьян обучать грамоте детей. Кража. Явление на небе. (ВИ); **С. 4**: Учиться никогда не поздно: <Примеры из жизни великих людей>; Сожигание трупов в Древнем Риме; Из биографии Т. Бокля: <Из газ. «Страна»>. (РИ).

5 июля. № 183

С. 1—2: Воспоминания любителя. V / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 июля: <О подготовке «особого фабрич. законодательства»> / + <Ф. А. Гиляров>; Народное бедствие: <Плохие виды на урожай хлеба> / Дисненский; **С. 2—3**: По устройству судебного ведомства.

Что нужно нашей печати. Путь для борьбы с расколом. По поводу знака женщинам-врачам. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *30 июня*: Расходы по содержанию С.-Петербургского Воспитательного дома. Обучение грамоте. Школы, семинария и женское училище; Из Костромы. *27 июня*: Приезд г. <К. П.> Победоносцева. Погода. Шалости на бульваре. Местничество в соборе. Телеграфный столб. Газеты. Ярмарка; Из Саратова. *27 июня*: Общее возвышение цены и сокращение потребления. Увеличение смертности. Дожди и виды на урожай. (ВИ); **С. 3—4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. июн. книжек журн.: *«РВ»,* «Дело», «Слово»; июл. книжек журн.: *«ВЕ», «РР», «ИВ», «РС»*>.

6 июля. № 184

С. 1—2: Из заграничных наблюдений. V: Неаполь и Помпея / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 июля: <О зарождении «новых судов» и их недостатках, о пороках адвокат. практики; с публ. письма анонимного присяжного поверенного> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: По поводу Пушкинского праздника: <Из газ. «Слово»> (ПП); Из Петербурга. *2 июля*: Устройство вновь образованных Расчетной и Следственной комиссий. Хлопоты спиритов. Завещание профессора <М. Я.> Киттары; Из Кузнецка, Саратовской губ. *30 июня*: Разъяснение г. городского головы / Кузнецкий городской голова *Иван Васильевич Патрикеев*. (ВИ); **С. 3—4**: Вести о г. <Н. Н.> Миклухе-Маклае. Эпизод из жизни А. С. Пушкина: <Рассказ Н. Г. Хонренкова, Кавказ. 1829 г.; из газ. «Берег»>. <Л. Ф.> Клервиль и <П. Ж.> Прудон. Из мемуаров <Дж.> Верди. (РИ).

7 июля. № 185

С. 1—2: Голубинский барин: (Рассказ Старого Знакомого <Н. И. Пастухова>). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 июля: <Об институте фабрич. инспекторов, созданном английским «Актом о фабриках и мастерских 1878 г.»> / + <Ф. А. Гиляров>; Проделка витебских евреев с московскими фабрикантами. Артистические поездки: <Моск. артисты А. П. Ленский, О. А. Правдин, Г. Н. Федотова проводят лето в Петербурге>. (ЗиИ); По поводу Пушкинского праздника: <Из журн. *«ВЕ»*>. (ПП); **С. 3**: Из Самары. *28 июня*: Дороговизна на ржаную муку. Вести о засухе; Из Саратова. *26 июня*: Дожди и зной. Последствия дождей. Торговля ягодами. Смета на 1880 год и мостовые. Обновление церквей. Пожар тюрьмы. Убыль воды в реке. (ВИ); **С. 4**: Взятие Бастилии <по фр. историку И. Тэну; из газ. «Молва»>. Первое стихотворение А. С. Пушкина <«К другу стихотворцу» (1814), с публ.>. Памяти А. С. Пушкина: <Стихотв.: 1) «Мы чтить тебя привыкли с детских лет...» / А. Н. Плещеев; 2) «Ты в сердце родины увидел Божий свет...» / А. Н. Яхонтов; републ. из журн. *«РМ»* и *«ОЗ»*>. (РИ).

8 июля. № 186

С. 1—2: Бездонное окно: Повесть. XIV / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 июля: <Полемич. отклик на опубл. в журн. «Revue Nouvelle» воспоминания о Рус.-турец. войне 1877—1878 гг. автора-очевидца перехода через Дунай, утверждающего — на основании каких-то «неизд. документов» — о подготовке Россией этой войны с 1866 г.> / <Г.-П.>; Пашковский кружок <в Москве; из газ. «Рус. вед.»>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Ростова, Ярославской губ. *28 июня*: Думские дела. (ВИ); **С. 4**: Из истории Бельгии: <Из газ. «Голос»>; К характеристике синодального управления при графе <Д. А.> Толстом: <Проволочки в бракоразвод. процессе; из газ. *«НВр»*>. Взыскание с М. Ю. Лермонтова <за стихотв. на смерть Пушкина; с републ. отношения гр. А. И. Чернышёва к А. Х. Бенкендорфу от 25 февр. 1837 г.>. (РИ).

9 июля. № 187

С. 1: До сознания. III / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 июля: <О конфликте европ. дипломатии с Портой> / <Г.-П.>; Европа и Турция. Реформы и общество. По поводу нашей печати. Характеристика положения народных учителей. (ПП); **С. 3**: Из с. Кимры, Корчевского у., Тверской губ. *1 июля*: Результаты ярмарки. Цены. Кожевенные заводы. Отсутствие врачебной помощи. Предположение об устройстве железнодорожной линии. (ВИ); **С. 3—4**: Из неизданных записок А. С. Пушкина <1833—1834; републ. из журн. «*РМ*»>. К биографии А. С. Пушкина: <О публикации А. А. Краевским некролога Пушкину>. (РИ).

10 июля. № 188

С. 1—2: До сознания. IV / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 июля: <Памятные места в Москве, связанные с Куликовской битвой> / + <Ф. А. Гиляров>; 8 сентября 1380 года: <Летописное сказание> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Царицына, Московского у. *8 июля*: Царицыно как место дачной жизни; Из Саратова. *2 июля*: Думские и земские дела; Из Зарайска, Рязанской губ. *3 июля*: Дождь, гроза и ее последствия. Самоубийство. Урожаи. (ВИ).

11 июля. № 189

С. 1: Мертвое тело: (Рассказ урядника) / Молодой человек. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 июля: <Справедливое разрешение дела о нарушении заводчиком М. С. Кузнецовым Пожарного устава, — в свете обычного подобострастия судей пред «тузами»-фабрикантами> / <Г.-П.>; О. Н. Скобелева и ее убийцы; **С. 3**: Из Курска. *8 июля*: Последствия взрыва в артиллерийской лаборатории. Пропажа железнодорожного чина и ее причины / <А. А. Танков>. (ВИ); **С. 4**: Храм славы: <О проекте храма в Петербурге на стрелке Васильевского острова; из газ. «Новости»>. (РИ).

12 июля. № 190

С. 1—2: Провинциальные картинки: Жидовско-мещанское царство. Переход с квартиры на квартиру. Проделка с папирусами и подмена сукна. Добродетельная купчиха. Мучная площадь. Чиновничество под стать купечеству. Проявление чувства справедливости / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 июля: <О фр. празднике («политическом балете»): 14 июля — Взятие Бастилии> / β; О. Н. Скобелева и ее убийцы; **С. 3**: Из Ставрополя Кавказского. *1 июля*: Скука, отсутствие удовольствий и карты. Экзамены в гимназиях. Пощечина, данная учеником учителю. (ВИ); Из Парижа. *15 июля*: Праздник 14 июля / β. (ИИ).

13 июля. № 191

С. 1—2: Из заграничных наблюдений. VI: Северные города Италии / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 июля: <О назначении Н. Х. Бунге на пост тов. министра финансов> / <Г.-П.>; О. Н. Скобелева и ее убийца <А. А. Узатис>; Успешность преподавания в гимназиях / Л.; **С. 3**: Из Петербурга. *8 июля*: Деятельность профессора М. Я. Киттары как ученого технолога. (ВИ).

14 июля. № 192

С. 1: О том и о другом: По вопросу о кизлярском виноградном вине. Наши заграничные виночерпии. Какому спиртомеру верить. Для чего у нас кабаки. Исключительные ренс-

ковые погреба. Сельтерская вода и лимонад с коньяком. Как мостят у нас улицы. Иордан храма Христа Спасителя. Лак на иконах. Карл Мора и его приказчик / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 июля: <Поручик А. А. Узатис, убийца О. Н. Скобелевой, в ряду подобных же «зверских» преступников> / + <Ф. А. Гиляров>; Несостоятельности и конкурсы: <О неисправных должниках> / N.; **С. 3**: Из Саратова. *5 июля*: Земские дела; Из Переяславля-Залесского. *5 июля*: День Аграфены-купальницы. Торговля полотнами. Лакомство медом. Мысли по поводу ожидания приезда преосвященного <еп. Феогноста (Лебедева)>; Из Данкова. *3 июля*: Гессенская муха. Урожай хлебов. Ярмарка. Пример, заслуживающий подражания. Действия, вызывающие порицания. Дорожные сооружения. (ВИ).

15 июля. № 193

С. 1: Арест по ошибке: (Московский эпизод) / В. П. <В. Ф. Пелешевский?>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 июля: <Назревшие проблемы в области законодательства о старообрядцах> / <Г.-П.>; <Рец. на: 1) *Бензенгр В. Н.* К антропологии женского населения Москвы и Центральной России: Статист. материал. М., 1879; 2) *Kaltbrunner D.* Manuel du voyageur. Zürich, 1880. <Пер. назв.: Справочная книжка для путешествующих>; 3) *Du Moncel Th., comte.* L'Eclairage Electrique. 2 ème éd. Paris, 1880. <Пер. назв.: Электрическое освещение>; 4) *Scheff I.* Lehrbuch der Zahnheilkunde für praktische Aerzte und Studierende. Wien 1880. <Пер. назв.: Учебник зубных болезней для практикующих врачей и студентов>. (НК); **С. 4**: Происхождение балета. Забава Средних веков. Как обучались римляне арифметике. Упадок эстетического вкуса у римлян. Римские зеркала. Аккуратность до конца жизни: <О композиторе Л. Херубини>. (РИ).

16 июля. № 194

С. 1—2: На Угрешах / Богомолец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 июля: <«Согласие Англии с Россией существует ли и надежно ли оно?»> / <Г.-П.>; О. Н. Скобелева и ее убийца <А. А. Узатис>; **С. 2—3**: По поводу слухов о финансовых проектах Н. Х. Бунге. По аренде казенных земель крестьянами. Мнение социалистов о графе <М. Т.> Лорис-Меликове. Общество и реформы. По устройству Балканского полуострова. (ПП); **С. 3**: Из Переславля-Залесского. *12 июля*: Постановление Думы о постройке дома для училища. Продажа амбаров. Нескончаемый вопрос о воде. (ВИ).

17 июля. № 195

С. 1—2: Два дня в Петербурге: Мои впечатления. По железной дороге в Ораниенбаум. Его улицы, дворец и парк. Театр. Вечер в «Ливадии». В «Яхт-клубе». Министерский поезд. Матинский и Веребинский мосты. Убитый кондуктор <Архипов> и скоропостижно умерший контролер <бар. Штотенберг> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 июля: <О клевете в печати на примере дела П. А. Зарубина, редактора «*ПЛ*»; англ. «закон о пасквилях»> / + <Ф. А. Гиляров>; О. Н. Скобелева и ее убийца <А. А. Узатис>; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *15 июля*: День открытия ярмарки 15 июля. Ее настоящее положение. Ожидание генерал-губернатора <гр. Н. П. Игнатьева>. Казаки; Из Царицына, Сарат<овской> губ. *12 июля*: Пожар. Городские дела. (ВИ).

18 июля. № 196

С. 1—2: До сознания. V—VI / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 июля: <Балкан. вопрос> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Петербурга. *15 июля*: Тариф на Царскосельской железной

дороге. Два слова о Павловске. Просьба о помощи. Ошибка и ее исправление. Варварское истязание отцом своей беременной дочери. (ВИ).

19 июля. № 197

С. 1: О том и о другом: Жертва водосточной бандероли А. Ф. Гревсмюль. Обворованные контористы. Оригинальная парочка новобрачных. Развод купца с женою. Бег в Сокольниках. Наши увеселительные сады. Безобразники в Косине. Из дачных мест. Бунт в с. Ивантеевке / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 июля: <О назначении на гос. должности К. П. Победоносцева и Н. Х. Бунге, не только чиновников, но и «публичных деятелей»> / <Г.-П.>; Подробности об убийстве О. Н. Скобелевой; Незрелые купоны: <Незаконное обращение купонов, по которым срок уплаты не наступил> / Ф—ий; Литературный процесс по обвинению сотрудника и редактора «Петербургского листка» <П. А. Зарубина> в клевете. (СЛ); По поводу убийства О. Н. Скобелевой. (ПП); **С. 3**: Из Златоуста. *16 июля*: Общественная жизнь и удовольствия. Школы и кабаки. Братство Св. Троицы; Из Ростова, Ярославской губ. *10 июля*: Общественные казармы / J. (ВИ).

20 июля. № 198

С. 1—2: Воспоминания любителя. VI / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 июля: <Рус.-китайские переговоры> / <Г.-П.>; Ответ революционерам. Наша либеральная и консервативная печать. По учебному делу. (ПП); **С. 3**: Из Самары. *5 июля*: Засуха и предстоящий голод. Кумысо-лечебные заведения в Богдановке и другие. Брошюра А. Зарудного <«По поводу опровержения, напечатанного в № 1415 газеты “Новое время” Правлением Оренбургской железной дороги» (М., 1880)> и порядки на Оренбургской железной дороге. (ВИ); **С. 4**: Беглянка из гарема. Парижские грешницы. Женщина, пережившая семерых мужей. (РИ).

21 июля. № 199

С. 1: С Нижегородской ярмарки: Отъезд на ярмарку. В ярмарочном соборе и при поднятии ярмарочных флагов. Завтрак у Никиты Егорова. Арфистки. Картина с плашкоутного моста. Отсутствие купален. У главного дома. Ресторан Мишеля. Бульвар. Духовенство. Встреча графа <Н. П.> Игнатьева. Просьба к нему. Кухня «Коммерческого» трактира / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 июля: <О политике фр. правительства Л. М. Гамбетты и отношении Франции к России> / <Г.-П.>; Из воспоминаний о Китае / Сибирский казак; <Рец. на: *Токмаков И.* Указатель материалов для изучения истории, археологии, этнографии и статистики Москвы с ее достопримечательностями (как-то: монастырями, церквами, урочищами и проч.). М., 1880. Вып. I—IV>. (НК); **С. 3**: Из Самары. *5 июля*: Засуха. Пререкание о молебствии. Цена на хлеб. Казанская ярмарка. Земское собрание о семенах. Погода / Р—в; Из Саратова. *14 июля*: Оскудение деревни. Откуда оно? Съемка земли. Арендаторы-эвакуаторы. Исполнительные листы. Крестьянское хозяйство Саратовского уезда. (ВИ).

22 июля. № 200

С. 1—2: Из заграничных наблюдений: VII: Чрез Швейцарию; VIII: Мюнхен / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 июля: <О новом сербском правительстве> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Череповецкого у., Новгородской губ. *20 июля*: Иоанно-Предтеченская женская община; Из с. Кимр, Корчевского у., Тверской губ. *19 июля*:

Виды на торговлю. Обилие кабаков. Пожар. Погода; Из Коломны. *10 июля*: Освящение мельницы / У. (ВИ); **С. 4**: Шутка князя <П. А.> Вяземского и Пушкина: <Послание к В. А. Жуковскому от 27 марта 1833 г., с публ.; из газ. «Берег»>. Анекдот об А. С. Пушкине: <Из газ. «Берег»>. (РИ).

23 июля. № 201

С. 1—2: Из заграничных наблюдений: (Оконч.) / Михаил М. Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 июля: <О «смешанных судах» для печати> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Ржева. *18 июля*: Пожар. Эпизоотия и отношение к ней местных администраторов. Продовольствие жителей мясом сомнительного качества. Клубный скандал; Из Шуи, Владимирской губ. <*Без даты*>: Постановка учебного дела. Ходатайство о преобразовании мужской прогимназии. Преобразование женской прогимназии. (ВИ); **С. 4**: Русские иезуиты: <Подробности о рус. отцах-иезуитах, основавших в Париже славян. б-ку с рус. отделением: И. С. Гагарине, И. М. Мартынове, П. О. Пирлинге, Е. П. Балабине; из газ. «Голос»>. (РИ).

24 июля. № 202

С. 1—2: Сокольники / Дачник. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 июля: <О евреях — фигурантах политических и уголовных (о мошенничествах) процессов> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Петербурга. *20 июля*: Слухи о перемене в Министерстве <финансов>. На могиле Императрицы <Марии Александровны>. Злоба дня. Жук и гессенская муха в Тамбовском уезде. Предложение <проф. К. Э.> Линдемана и неприменимость его на практике. Статистика преступлений по Петербургской губ; Театральные новости: оперы «Тарас Бульба» <В. В. Кюнера>, «Евгений Онегин» и «Опричник» <П. И. Чайковского»>. Новый оперный певец <В. Я.> Майборода в роли Сусанина. Успех г-жи <Г. Н.> Федотовой / Дисненский. (ВИ); **С. 4**: Еврейское царство в Аравийской пустыне. (РИ).

25 июля. № 203

С. 1: До сознания. VII—VIII / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 июля: <Роль Англии в урегулировании Восточного вопроса> / <Г.-П.>; Помеха политике английского премьера. Любопытный вопрос. Русский революционный листок. Американец <публицист Стоутон> о России. Отрывок из речи И. С. Аксакова <на заседании ОЛРС 7 июля>. (ПП); **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *23 июля*: Пожар близ ярмарки; Из Иваново-Вознесенска. *19 июля*: Урожай. Дороговизна и быт фабричных. Устройство новых белилен и понижение заработной платы. Виды на торговые обороты в ярмарку. Городские дела. Потребность в железнодорожном училище / S. S. <В. Белов?>; Из Суздаля, Владимирской губ. *20 июля*: Гласные — охранители общественной нравственности. Своеобразное понимание ими педагогии. (ВИ); **С. 3—4**: Храм славы России: <Продолж. дискуссии. См. № 180>. (РИ).

26 июля. № 204

С. 1—2: По Волге: (От Сенгелея до Сызрани) / Путешественник. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 июля: <О необходимости защитить печать от произвола, несправедл. наказаний и неосноват. исков> / <Г.-П.>; Новое политическое дело <в Киев. воен.-окруж. суде>; **С. 3**: Из Нового Иерусалима. *5 июля*: Осушивание собора дымом; Из Вязьмы. *20 июля*: Выигрыш в 200 000 р. с. (ВИ); **С. 4**: Из биографии Моцарта: <О биогр. исследовании Виктора Вильдера>. (РИ).

27 июля. № 205

С. 1: До сознания. IX / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 июля: <По поводу судебного дела об избиении в Одессе городового Дурнева> / <Авт. не установлен>; Какие бывают журналы / Л.; Телеграфная служба при железных дорогах / Z.; **С. 3**: Из Пензенской губ. *22 июля*: Раскрытие подкупа присяжных заседателей; Из Владимирской губ. *21 июля*: Поражение молниею. Пожар. Наводнения. (ВИ); **С. 4**: Письмо Н. В. Гоголя: <Републ. из *«РА»* извлечения лит. содерж. из его недатир. письма к Пушкину>. (РИ).

28 июля. № 206

С. 1—2: С Нижегородской ярмарки: Настоящая ярмарка. Ее обитатели. Рабочий класс. Бурлаки. Арфистки и их антрепренеры. Барон фон Клод, певец трактирный. Ярмарочный театр Медведева. Слухи о снятии деревенского театра кн. Оболенским <антрепренером «Семейного сада» в Москве>. Панорамы и комедии. Новый нижегородский губернатор <Н. А. Безак>. Воспоминание о бывшем губернаторе графе <П. И.> Кутайсове. История по поводу 60-коп<еечной> марки. Заботы графа <Н. П.> Игнатьева о порядках на ярмарке. Безобразия лавочников. По делу купца Попова с трактирщиком Стригулиным о лавке. Почему нет на ярмарке купален. Торжество в день тезоименитства Государыни Цесаревны <Марии Федоровны>. Старообрядцы. Вот так крышка. День преподобного Макария <Желтоводского> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 июля: <Свобода печати как основа «самодеятельности общества»> / <Г.-П.>; Политический процесс <по делу Ф. Н. Юрковского, М. Р. Попова и др. в Киев. воен.-окруж. суде>; **С. 3**: Из Вильно. *20 июля*: Было ли обрусение? Православные церкви. Прочие святыни. Гр. <М. Н.> Муравьев. Евреи. Внешний вид города. Учебные заведения. Окрестности. Архиепископ Александр <(Добрынин)> / <Ю. Ф. Кричковский>;[14] Из Царицына, Саратовской губ. *22 июля*: Пожары и неприятия предосторожности против них. Подозрительные случаи скоропостижной смерти. Холера. Плохие гигиенические условия города. (ВИ).

29 июля. № 207

С. 1: Самосуд: <Рассказ> / Матвей Кирсанов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 июля: <Несколько вопросов по воен. воспитанию и образованию> / <Г.-П.>; Ответ официозной берлинской газете. Значение Сербии в среде народностей Балканского полуострова. Самоуправление духовенства. По еврейскому вопросу. Еще о наших реалистах. (ПП); **С. 3**: Из Белого, Смоленск<ой> губ. *8 июля*: Распоряжение съезда отложить ожидания до августа. Взыскание с председателя съезда по векселю; Из Александрова, Владим<ирской> губ. *22 июля*: Торговля процентными бумагами / <П. И. Дмитриев>.[15] (ВИ); Из Лондона. *30 (18) июля*: Борьба партий по поводу билля о покровительстве ирландских фермеров. Впечатление, произведенное на общество положением дел в Афганистане. Участие Англии в разрешении Восточного вопроса / Н. О. W. (И. И.); **С. 4**: Китайское войско. Китайский язык и письменность. Китайская школа. Земледелие в Китае. Мануфактурное производство в Китае. Семейный строй в Китае. (РИ).

[14] Ист. атриб.: Письмо Ю. Ф. Кричковского к Г.-П. от 27 января 1881 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 41. <№ 1>. Л. 1—1 об.

[15] Ист. атриб.: Недатированное письмо П. И. Дмитриева к Г.-П. // Там же. Д. 50. <№ 12>. Л. 1—2 об.

30 июля. № 208

С. 1—2: До сознания. X—XI / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 июля: <О территор. претензиях европ. держав к Порте, «чтоб и насолить России»> / <Г.-П.>; Политическое дело <в Киев. воен.-окруж. суде>; **С. 2—3**: По восточным делам. Еще об образовании. По поводу последнего политического процесса. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *26 июля*: Деятельность присяжных поверенных вообще и адвоката <Е. И.> Утина в частности. По делу <Е. В.> Корша. Погода. Смертность и болезни; Из Василь-Сурска, Нижегор<одской> губ. *21 июля*: Приезд губернатора <Н. А. Безака>. Полицейский надзиратель <З—н>. Погода. Цены. Новый настоятель. Церковная ограда, превратившаяся в пастбище коров и свиней / <Н. И. Коробкин>.[16] (ВИ); **С. 3—4**: Китай и китайцы. Тюрьмы в Китае. Китайские алмазы. (РИ).

31 июля. № 209

С. 1—2: До сознания. XII—XIII: (Оконч.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 июля: <Составляет ли введение ускорителя стрельбы Л. Лёве в прусской армии шаг вперед в вооружении> / <Авт. не установлен>; **С. 3**: Из с. Старолетова, Рязанской губ. *24 июля*: Процесс графа <Д. А.> Толстого, бывшего министра народного просвещения; С Нижегородской ярмарки. *29 июля*: Пожар в городе; Из Царицына, Саратовской губ. *22 июля*: Погода. Неустройства на Грязе-Царицынской дороге. Отправка груза другим путем; С русско-китайской границы. *22 июля*: Слухи из Владивостока. Два слова о китайском флоте. (ВИ); **С. 3—4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. июл. книжек журн.: «Дело», «Слово», *«РВ»*>.

1 авг. № 210

С. 1: Гамлет-Невзоров: Рассказ. I / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 31 июля: <О рус.-китайских переговорах по предотвращению возможной войны> / <Г.-П.>; К вопросу о «несчастиях» на фабриках; **С. 3**: Из Петербурга. *29 июля*: Народное гулянье. Случай на Царскосельской железной дороге. Катастрофа на Знаменской улице; Из Симбирска. *20 июля*: Слух о ревизии приемной комиссии интендантского склада. Погода, урожай. Хлопоты о Сибирской дороге. Опаздывание газет. Смутные известия. (ВИ); **С. 4**: Песня бурсаков <с публ.>; Наказание в духовной семинарии <до 1850 г.; обе заметки из газ. *«ЦОВ»*>. (РИ).

2 авг. № 211

С. 1—2: Гамлет-Невзоров: Рассказ. II—III / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 августа: <Об обязат. обучении> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Орла. *29 июля*: Пожар. Плохой пожарный инструмент. Убытки. Неудавшееся самоубийство. Нищенство / Г. Нетрогай; Из Курска. *26 июля*: Запущение церковных скверов и мысль о городских бульварах / <А. А. Танков>; Из Ставрополя Кавказского. *19 июля*: Стачка торговцев. Ликвидация дел Общества «Кавказ». Минувшие и настоящие бедствия. Доктора. Благотворительный спектакль; Из посада Дубовки, Сар<атовской> губ. *25 июля*: Возвышение цен на хлеб. Высокие цены на рабочие руки. Прилив рабочих. Урожай. (ВИ); **С. 3—4**: Вести о г. <Н. Н.> Миклухе-Маклае. Рукописи академика Ф. Ф. Бранда. Как называют китай-

---

[16] Ист. атриб.: Письмо Н. И. Коробкина к Г.-П. от 12 июня 1882 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 41. <№ 3>. Л. 1—1 об.

цы свое государство. Женщина в китайской семье. Китайские церемонии. Песня писателей <с публ. песни болгарского поэта Петко Словейкова в пер. Вас. И. Немировича-Данченко в его кн. «После войны» (СПб., 1880)>; Шутка А. С. Пушкина: <Из газ. «Берег»>. (РИ).

3 авг. № 212

С. 1—2: Провинциальные картинки: Человек, который за словом в карман не полезет. Самомнение провинциала вообще и последствия этого. История одной сплетни и деятельная роль в ней представителей городской интеллигенции. Краткая характеристика последних / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 августа: <Настроенность фр. кабинета на «нац. отмщение» за воен. поражения> / <Г.-П.>; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *28 июля*: Застой в делах. Цены на пушной товар; Из Вильны. *30 июля*: Пожертвование графа Тизенгауза. Цирк. Недостаток в русских силах / <Ю. Ф. Кричковский>; Из Пензы. *25 июля*: Купеческие приемы. Потребность в образовании. Посещение г. <В. И.> Вешнякова. Обыватели в пожарной команде; Моршанск, Тамбовской губ. *20 июля*: Несколько слов о городе и жителях. О дифтерите. Наше земство; Из Переяславля-Залесского. *25 июля*: История Горицкого монастыря за последнее время. Об общежитии; Из Каширы, Тульской губ. *25 июля*: Успокоительные вести об урожае. Эксплуатация арендаторов. Запущенность имений. Цены. Дерзкая кража. (ВИ); **С. 4**: Рассказ столяра <Гр. Петрова> о взрыве в Зимнем дворце: <Из газ. «Kölnische Zeitung»>. (РИ).

4 авг. № 213

С. 1—2: Гамлет-Невзоров: Рассказ: (Оконч.). IV / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 августа: <О системе военно-учебных заведений> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Отчего евреи уклоняются от воинской повинности? / В. К. <В. Д. Колосовский?>; **С. 3**: Из Белева, Тульской губ. *1 августа*: Прогимназия; ее неудобства. Слух о гимназии; Из Гороховецкого у., Владимирской губ. *30 июля*: Занятия жителей. Общественные здания. Администрация. Флорищева пустынь; Из Зарайска, Рязанской губ. *26 июля*: Занятия мещан. Что делают мещанки. Игра в карты. (ВИ); Письмо эмигранта <А. М.> Коробова <издателя «Вестн. правды» в Женеве; с публ. выдержки из письма в газ. «Берег»>. (РИ).

5 авг. № 214

С. 1—2: Из истории одного сердца. Гл. I / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 августа: <Изменится ли направление внутр. политики с назначением гр. М. Т. Лорис-Меликова нач. Верхов. распорядит. комиссии?> / <Г.-П.>; Политическое дело <в Киев. воен.-окруж. суде>; **С. 2—3**: Миссия графа <М. Т.> Лорис-Меликова и его обращение к новым людям. Наши политические партии. (ПП); **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. <*Без даты*>: Два слова о ярмарке. Что думают нотариусы. Пожары в Нижнем Новгороде и посаде Пучеже. (ВИ); **С. 4**: Православные школы в Японии: <Из журн. *«ЦВ»*>. Смертная казнь в Китае: <Из газ. *«ПГ»*>. (РИ).

6 авг. № 215

С. 1—2: Воспоминания любителя. VII: <О нар. театре. Н. В. Гоголь и театр> / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 августа: <Кому должен принадлежать Балканский полуостров> / <Г.-П.>; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *2 авг.*: Пожар в Гордеевке. Отсутствие пожар-

ных случаев на ярмарке. Карманники. Цирк. Из Уральска. *28 июля*: Состояние лесов / Верненский гражданин <Б. А. Карпов>. (ВИ).

7 авг. № 216

С. 1—2: Из истории одного сердца. Гл. II / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 августа: <О программах воен. гимназий и реал. училищ Мин-ва нар. просвещения> / + <Ф. А. Гиляров>; Приговор по политическому делу <Ф. Н. Юрковского, М. Р. Попова и др. в Киев. воен.-окруж. суде>; **С. 3**: Из Нижнего Новгорода. *1 авг.*: Печерский монастырь; Из Саратова. *1 авг.*: Биржевое общество. Общественный банк. Оскуднение края. Необходимость сборных складов. Условия возникновения болезней. Чума рогатого скота. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. авг. книжек журн.: *«ЮВ», «ВЕ», «РР», «РС»*>.

8 авг. № 217

С. 1—2: Из истории одного сердца. Гл. III / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 августа: <Англия и Россия в Афганском вопросе> / <Г.-П.>; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *5 авг.*: Оживление ярмарки. Сибирская железная дорога; Из Твери. *4 авг.*: Взрыв на фабрике; Из Владимира. *1 авг.*: Общество вспомоществования гимназистам; Из Чугуева, Змиевского у. *30 июля*: Цены. Опасность голода. Лесоистребление. (ВИ); **С. 3—4**: Петиции о евреях: <Антисемитское возбуждение в Германии>. (ОН).

9 авг. № 218

С. 1—2: Из истории одного сердца: (Оконч.). Гл. IV / Люди-Мыслете. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 августа: <«Подчинение учеб. части солдатской дрессировке» в воен. училищах> / + <Ф. А. Гиляров>; <Рец. на кн.:> *Barral D., Le Comte de.* Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe de 1648 à 1791. Paris, 1880>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *4 авг.*: Прогулка в Петергоф. Парк и фонтаны. Пароходная прислуга. (ВИ); Из Лондона. *29 июля*: Празднование субботы и воскресенья. (ИИ); **С. 3—4**: Антисемитическая лига в Венгрии. (ОН); **С. 4**: Письмо г. <Т.> Моммсена <по поводу подписки, открытой в Англии в связи с возмещением погибшей б-ки историка Т. Моммзена, с публ. письма>. Нравы и обычаи корейцев. Тараканы как народное лекарство. Охладительные одеяла. (РИ).

10 авг. № 219

С. 1—2: С Нижегородской ярмарки: Настоящее ярмарки. Ее удовольствия. Наглость перса и его сподвижники-собраты. Арестованный Заславский и его благоприятель еврей Лахман. Прошлое и настоящее вертепа Кузнецова. Запрещение уличной игры в рулетку. Шулера и разоренные их «мельницы». Козьма Копытыч. Как охранялась прежде и как охраняется теперь ярмарка. Народные кухни. Где и как производится печение хлеба. Еще по поводу мостовой на песках. Ярмарочная колокольня без креста / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 августа: <«Еще новый прекрасный алмаз в венце нашего Государя» — упразднение Верхов. распорядит. комиссии и Третьего отделения> / <Г.-П.>; Упразднение Третьего отделения: <Из газ. *«НВр»*>; **С. 2—3**: <Рец. на: *Гольцев В.* Очерк развития педагогических идей в Новое время (XVI и XVII вв.). М., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Вязников, Владимирской губ. *5 авг.*: Пожар. Дело адвоката. Падение рабочего <И. И. Стразова с купола церкви и его быстрое выздоровление>. Расширение богадельни для слепых; Из Симбирска. *5 авг.*: Бедственное положение бывшего сотрудника «Симбир<ских> губ<ернских> вед<омостей>» <В. П. Орлова>. (ВИ); **С. 3—4**:

Выборы во французском Литературном фонде: <Из газ. «Голос»>. Постановка на сцене приговора Марии Стюарт <в Лондоне>. Из истории древней и средневековой медицины. Из истории обыденной жизни во Франции. (РИ).

11 авг. № 220

С. 1—2: Опека-кормилица: <Рассказ>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 августа: <О последствиях упразднения Третьего отделения> / + <Ф. А. Гиляров>; Инородцы-оленеводы / <М.> Рунин; **С. 3**: Коллекции грузинских монастырей. (ПП); Нижегородская ярмарка. *8 авг.*: Пребывание трех старообрядческих архиереев; Из Саратова. *8 авг.*: Пожертвования профессора живописи <А. П.> Боголюбова. Пожертвования г. <Ф. И.> Курбатова и г-жи Зевакиной. Обмеление Волги. Заем города. Болезненность. Погода; Из Иваново-Вознесенска. *7 авг.*: Жизнь фабриканта и обращение его с рабочими / <В. Белов?>. (ВИ); **С. 3—4**: Выводы из статистики самоубийств: <Из журн. «Мысль»>. Как праздновалась в старину Пасха в Англии. К истории брачной церемонии. (РИ).

12 авг. № 221

С. 1: У няни / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 августа: <Об издержках налоговой системы> / <Г.-П.>; Инородцы-оленеводы: (Оконч.) / <М.> Рунин; **С. 4**: Из истории Медико-хирургической академии: <Из газ. *«НВр»*>. Из истории зонтиков. Продажа автографов. Женщины-цирюльники. Похождения русского эмигранта <Алексея Щербакова>. (РИ).

13 авг. № 222

С. 2: Москва, 12 августа: <Об упразднении Третьего отделения> / <Авт. не установлен>; Хлебный жучок / М. Орд—ий; По поводу упразднения III отделения с<обственной> Е. И. В. канцелярии. Отголосок провинциальной печати. Земские врачи. (ПП); **С. 3**: Из Тамбова. *8 авг.*: О водопроводе. Эпизоотия. Народная перепись. Случаи. (ВИ); Германия: По Восточному вопросу. Меры против евреев. (ИИ); **С. 4**: Дядя Том <Иос. Генсон, прототип героя романа Г. Бичер-Стоу>. Из мемуаров Дидро. Союз еврейских общин. Материя из крапивы. (РИ).

14 авг. № 223

С. 1: Провинциальные картинки: Беззащитное положение экспертов и свидетелей на судебных состязаниях. Выборы на губернском земском собрании. Невольное объяснение с моими натурщиками / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 августа: <О взяточничестве в правительственных сферах> / <Г.-П.>; Литургия свв. Кирилла и Мефодия в латинском храме <в Вене> / Прот. Гр. Покровский; **С. 2—3**: В защиту Общества гувернанток / Л.; **С. 4**: В стране наживы: <О США; из чикагской газ.> / С......цей. (РИ).

15 авг. № 224

С. 1—2: Что способствовало социалистической пропаганде в семинариях? / Бывший семинарист. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 августа: <О жертвах при больших пожарах на фабриках и предотвращении этих бедствий> / + <Ф. А. Гиляров>; По приему семинаристов в университет. По консерватории. По народному театру. (ЗиИ); **С. 3**: Из Гороховецкого уезда, Владимирской губ.: 10 авг.: Скотский падеж и способ его лечения. Случай сибирской язвы. Смерть от драки. Задержание бежавшего <вора Нестора>. Урожай. (ВИ); **С. 4**: Африканские муравьи. Птица-почтальон. Обезьяны-работники. Вино из апельсин. (РИ).

16 авг. № 225

С. 1—2: Что способствовало социалистической пропаганде в семинариях?: (Оконч.) / Бывший семинарист. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 августа: <По поводу статьи Бывшего семинариста — о «традиционном протесте семинаристов против своего начальства»> / + <Ф. А. Гиляров>; Памятник Н. В. Гоголю. (ЗиИ); <Рец. на: 1) *Немирович-Данченко Вас. И.* Святые горы: Очерки. СПб., 1880; 2) *Магаффи Дж. П., проф.* Древнегреческая жизнь / Пер. с англ. М. А. Стратилатова. СПб., 1879; 3) Туркестанский край: Опыт воен.-статист. обозрения Туркестан. воен. округа / Сост. А. Ф. Костенко. СПб., 1880. Т. I—III; 4) *Миллер Н. Ф., д-р.* Беседа о гнилой жабе: Книжка для народа. М., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *13 авг.*: Катастрофа на табачной фабрике бр. Шапшал; Из Белева, Тульской губ. *9 авг.*: Упадок торговли: причины упадка. Разрушение общественных построек. Учебные заведения. Неудобство мужской прогимназии. Недостаток единодушия. (ВИ).

17 авг. № 226

С. 1—2: С Нижегородской ярмарки: Торговые дела ярмарки. Ярмарочное купечество в гостях у генерал-губернатора <гр. Н. П. Игнатьева>. Уполномоченные ярмарочного купечества. Список опальных купцов как историческая находка. Бывший казначей Смирнов, ходатайствующий для себя о новом полавочном налоге. К истории г. Стригулина с Смирновым. Еврей с гешефтом. Хороши ярмарочные с надзирателями. Тревога в китайских рядах. Облава на нищих. Мазурик. Удавившийся купец <Г. П. Зезерин>. Два слова о торговле в трактирах. Содержатель «Стрельни» <И. Ф.> Натрускин / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 августа: <Иностр. газеты о политике России по отношению к Балканам> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Петербурга. *14 авг.*: Японская миссия. Служба, совершенная преосв. Николаем <(Касаткиным)>. Воскресенский Новодевичий монастырь. Пожертвования; Из Иваново-Вознесенска. *11 авг.*: Крестный ход. Воровство. Слухи о Нижегородской ярмарке. Случаи заболевания рабочих. Плохие гигиенические условия на фабриках. Александровский приют. Ожидаемое прибытие Псковского полка. Смертность детей. Погода. Дороговизна. Урожай. Цены. Скотоводство / <В. Белов?>; Из Данкова. *10 авг.*: Политический извет на священника <М—ва>; Из Макарьева на Унже, Костромской губ. *12 авг.*: Лесные жуки-лесопромышленники. Предложение съезда лесопромышленников; Из Уральска. *8 авг.*: Воловая косьба. (ВИ); **С. 4**: Девятилетний стихотвор-обличитель: <Из газ. «Неделя»>. (РИ).

18 авг. № 227

С. 1: От Москвы до Пятигорска / Кодр. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 августа: <Об «улучшении денеж. обращения» и преобразовании Гос. банка> / <Г.-П.>; Необходимые реформы. Взгляд назад. Наши партии. Земское ходатайство. По поводу упразднения III отделения собственной Е. И. В. канцелярии. Причины самоубийств. Ответ Ф. М. Достоевского <А. Д. Градовскому по поводу речи писателя на Пушкин. празднике>. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *14 авг.*: Похороны <убитого А. К. Пресняковым швейцара> Степанова. Общие квартиры для студентов; С Северо-Востока. *1 авг.*: Старые места. Наши слабые стороны. Наплыв евреев и что может возникнуть из этого. Нечто о <К. Н.> Юханцеве. (ВИ); Восточные земли. Болгария: Народное образование. (ИИ); **С. 3—4**: Подробности об убийстве О. Н. Скобелевой: <Из филиппопольской газ. «Нар. глас»>. Свадебные обряды на Болхове: <Из газ. «Орлов. вестн.»>. (РИ).

19 авг. № 228

С. 1: Деревенские картинки. I: В селе Крутцах / Нинов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 августа: <О предполагаемой губерн. реформе: «поменьше начальства, зато побольше личной ответственности»> / <Г.-П.>; Вечный вопрос <брачный> / Пров; **С. 3**: Из Зарайска. <*Без даты*>: Урожаи. Дороговизна жизненных продуктов. Печальный случай. Дожди; Из Егорьевска, Рязанской губ. <*Без даты*>: Неуваженное ходатайство. (ВИ); Восточные земли. Из Софии. *3 авг.*: Поездка князя <Александра I Иосифа фон Баттенберга> в Варну. Предполагаемая поездка министра финансов <Н. Х. Бунге> в Петербург и Москву. По поводу ходячих мнений о либералах. К характеристике болгарских партий. Славянское благотворительное общество Софии / Г. О—в. (ИИ); **С. 3—4**: Из записок <Л.> Кошута: <Из газ. «Голос»>. (РИ).

20 авг. № 229

С. 1—2: У няни: (Продолж.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 августа: <О произволе полиции и нарушении ею прав частных лиц> / <Авт. не установлен>; **С. 2—3**: Действующие правила о печати. По поводу речи Ф. М. Достоевского. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *12 авг.*: Пьянство и меры к его уменьшению. Два слова об архиепископе Александре <(Добрынине)>. Консисторские порядки; Из Уфы. *12 авг.*: Прежняя дешевая жизнь. Бесконечность думы. Несостоявшееся попечительство. Гибель каравана с оружием из Златоуста; Из Царицына. *14 авг.*: Взрыв керосина. (ВИ); **С. 3—4**: Сведения о распространении грамотности в России: <Из журн. «Рус. начал. учитель»>. Яблоня Евы. Курьезные дуэли. (РИ).

21 авг. № 230

С. 2: Москва, 20 августа: <Новое обострение во взаимоотношениях России с Китаем> / <Г.-П.>; Неприсяжные адвокаты и помощники присяжных поверенных / А. С—н; **С. 3**: Из Суздаля, Владимирской губ. *15 авг.*: Неудобное помещение школы. Несостоявшаяся покупка дома для школы. Убийства; Из Саратова. *16 авг.*: Постановление Хвалынского земства о татарах; их быт. Просьба о ссуде на обсеменении и продовольствие. Плохой урожай. Гроза. (ВИ); **С. 3—4**: Череп <И.> Канта. Как воспитывают детей американские индейцы. (РИ).

22 авг. № 231

С. 1—2: Деревенские картинки: (Оконч.) / Нинов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 августа: <О судебных процессах над состоятельными лицами, занимающими важные выборные посты> / + <Ф. А. Гиляров>; Московское мещанское училище / —в; **С. 3**: По поводу переговоров с Китаем. Стеснение печати и его результаты. Перемена принципа. Что такое народническое направление <в литературе>. (ПП); **С. 4**: Применение телефона к газетному делу. К характеристике туркмен: <Из газ. «Кавказ»>. (РИ).

23 авг. № 232

С. 1: Воздушное путешествие / Юноша. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 августа: <О необходимости облегчить семинаристам доступ в университеты> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Петербурга. *19 авг.*: Деятельность Следственной комиссии. Положение состоящих при ней кандидатов на судебные должности; Из Симбирска. *17 авг.*: Впечатление упраздне-

ния III отделения. Пожары. Выдача ссуд на покупку хлеба. Обмеление Волги; Из Егорьевска, Рязанской губ. *19 авг.*: Железнодорожные рабочие, избитые фабричными фабрики бр. <А. И. и Г. И.> Хлудовых. (ВИ).

24 авг. № 233

С. 1—2: У няни: (Продолж.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 августа: <По поводу статьи В. А. Кокорева «Мысли о дороговизне мяса и хлеба» в газ. *«НВр»*> / <Г.-П.>; Указ 20 марта: (Из письма семинариста) / Бывший семинарист; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *21 авг.*: Перед окончанием ярмарки. Переполох между торговцами восковыми свечами, произведенный местным духовенством. Кража 46 цибиков чая / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (ВИ); **С. 3—4**: Завоевание Мидии и Вавилона Киром: <Из газ. *«ЦОВ»*>. Еще о туркменах: <Из газ. «Кавказ»>. Сектантский псалом: <Из газ. *«НВр»*, с републ.>. (РИ).

25 авг. № 234

С. 1—2: Воспоминания любителя. VIII: (Оконч.) / М. С. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 августа: <О необходимости упорядочить строительство в Москве> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: С Нижегородской ярмарки. *21 авг.*: Действия шайки мазуриков. Награда солдат за бдительность / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (ВИ); Восточные земли. Из Софии. *10 авг.*: Рапорт о восстании в Айтошском окружении. Поведение румын. Положение Македонии. Слова болгарского экзарха <Иосифа I (Иовчева)> по поводу положения дел в Македонии. Албанистан и Мухтар-паша. Русские офицеры в Филиппополе / Гав. Ор—ов. (ИИ); **С. 4**: Наблюдения над нервными больными <в Париже д-ром Ж. М. Шарко>. <А. А.> Аракчеев и гадалка: <Из газ. «Перм. губерн. вед.»>. (РИ).

26 авг. № 235

С. 1: У няни: (Оконч.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 августа: <По поводу заметки С. Васильева «Есть ли у нас коммерческие музеи?» в газ. *«МВед»* — о необходимости их основания и издания в России сборников консульских донесений> / <Г.-П.>; Причины голодухи / А. Н.; **С. 3**: Из Саратова. *18 авг.*: Два пожара в одном доме. Из-за женщин. Мостовые. Неудачный ремонт. Предстоящая выставка. Урожай плодов. Погода. (ВИ); **С. 3—4**: Малороссийские поверья: <Из газ. «Киев. *ЕВ*»>. Китайская монета. Египетский ибис. Миллионная взятка: <Из газ. *«ПЛ»*>. (РИ).

27 авг. № 236

С. 1: Провинциальные картинки: Век нынешний и век минувший. Их сходство и различие в губерниях и уездах, выражающихся в мелочах жизни людей гражданского, духовного и военного ведомства / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 августа: <В Австрии «весь центр тяжести современных событий» в Европе> / <Г.-П.>; Из Петербурга. *23 авг.*: Дело по обвинению портным Бартельсом редакции «Петербургского листка» и г-жи Петровой; **С. 2—3**: Из Тамбова. *20 авг.*: Состояние вопроса о гессенской мухе в Тамбовской губернии. Из прошлого; **С. 3**: Из Самары. *17 авг.*: Невежество и ученость в подкупе. Деревенский знахарь. Погода и урожай. Новая деятельность санитарного врача г. <В. О.> Португалова; Из Саратова. *19 авг.*: Пожар в доме, занятом винным заводом и складом. (ВИ); **С. 3—4**: Французский год. Мясной хлеб. (РИ).

28 авг. № 237

С. 2: Москва, 27 августа: <О судеб. процессе, возбужденном портным Бартельсом против ред. *«ПЛ»* П. А. Зарубина, обвиняемого в диффамации> / <Авт. не установлен>; Хлебный вопрос / Пров; По наклонной плоскости: <Об экзаменах в женских гимназиях> / Л.; **С. 3**: Из Ялты. *18 авг.*: Представители городского хозяйства под следствием; Из Пинеги, Архангельской губ. *16 авг.*: Столетний юбилей города. Ярмарка. Семейная драма. Отсутствие промышленности. Гг. В<олодин>ы, поставщики всех товаров / S. <Л. И. Сахаров> (ВИ); **С. 3—4**: Некролог: (А. П. Керн): <Из газ. «Неделя»>. Геологическое исследование Сахары. Электрические поезды. Самый богатый человек вселенной <У. Вандербильт из Невады> (РИ).

29 авг. № 238

С. 1—2: Из жизни золоторотцев: (Физиол. очерк). I: «Отцы и дети» / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 августа: <О программе нового министра нар. просвещения А. А. Сабурова> / + <Ф. А. Гиляров>; Речь А. А. Сабурова <перед преподавателями Яросл. классич. гимназии>; Кантата <А. Г. Рубинштейна>. Новая пьеса <И. В. Самарина «Молдавина»>. По театру. Приглашение г-жи <А. Д. Александровой->Кочетовой. Улучшение в Артистическом кружке. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *25 авг.*: Осень на дворе. По камерам. Русский Таннер <купец С. Крынков>. У страха глаза велики; Из Пятигорска. *20 авг.*: Грот <М. Ю.> Лермонтова в Пятигорске и стихи тамбовского помещика. Провал. Горячеводск и его обитатели. (ВИ); **С. 3—4**: Из истории политической полиции в России: <Из газ. «Отголоски»>. Странности придворного этикета <в Испании XVII в.>. Нравы и обычаи в Сиаме. (РИ).

30 авг. № 239

С. 1—2: Из жизни золоторотцев: (Физиол. очерк). II: Подмосковные Робинзоны; III: Набег / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 августа: <По поводу закладки в Томске Сибир. ун-та — о гос. заботе по распространению просвещения> / + <Ф. А. Гиляров>; О Сибирской железной дороге / Сибирский казак; **С. 3**: Из Курска. *25 авг.*: Состояние погоды и ход дифтерита в нашей губернии / <А. А. Танков>; Из Богородского у. *23 авг.*: Посещение преосвященного Алексея (<Лаврова-Платонова>); Из слободы Мстеры, Вязниковского у., Владимирской губ. *23 авг.*: Занятия местных жителей и внешний вид слободы. Болезнь рогатого скота и ее причины. Урожай. (ВИ); **С. 3—4**: Землетрясение в Сирии. Скелет мамонта. Нашествие лягушек. Заговор злого сердца: <Г. И. Успенский о нар. лечебниках в журн. *«ОЗ»*>. Неравный брак. Дом о 99 бараньих головах <в Берлине>. (РИ).

31 авг. № 240

С. 1—2: Из жизни золоторотцев: (Физиол. очерк). IV: Вразброд / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 августа: <О состоянии нар. образования — по поводу речи министра нар. просвещения А. А. Сабурова к преподавателям Яросл. классич. гимназии> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Из истории Тамбовского края / Х.; **С. 3**: Театральные новости. Театр-Буфф. Увеличение поспектаклыной платы. (ЗиИ).

1 сент. № 241

С. 1: По подозрению / А. Кал—вский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 31 августа: <О необходимости преобразований в полицейском ведомстве — по поводу судеб. дела офицера-буяна

Нахрапа против городового Иващенко> / <Г.-П.>; **С. 3**: Мальчики-грабители. Арест евреев. (С); Из Петербурга. *29 авг.*: Возвращение обер-прокурора Св. Синода <К. П. Победоносцева>. Предстоящее 25-летие высокопреосвященного Исидора <(Никольского)> в сане митрополита. Запретительные меры Управления по делам печати в 1879 г. Статистика дворников в Петербурге; Из Рязани. *29 авг.*: Наши городские дела. Увеселения. (ВИ); **С. 3—4**: Дар университетской библиотеке в Амстердаме <раввина Георга Розенталя>. Археолог и крестьянин. Оратория <Ш.> Гуно <«Искупление»>. (РИ).

2 сент. № 242

С. 1: С Нижегородской ярмарки: Снятие ярмарочных флагов. Речь преосвященного <еп. Макария (Миролюбова)>, помещенная в «Биржевом листке». Результат ярмарки. Заседания Биржевого комитета и уполномоченных купечества. О несгораемых балаганах. Новые уполномоченные. Комиссия по выборке новых ярмарочных правил. Упразднение ярмарочной конторы. Татары. По делу Попова с Стригулиным. Клуб. Шулера. Нижегородский ипподром. Театр и спектакль в пользу детских приютов / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 сентября: <О необходимости «согласования преобразований» в обществе и гос. управлении> / <Г.-П.>; За неприсяжных поверенных / Р.; **С. 3**: Бегство молодой еврейки с учителем. (С); Из Владимира на Клязьме. *29 авг.*: Пребывание г. министра народного просвещения <А. А. Сабурова>. Отъезд кокандского хана <Наср-Эддина>. Театр; Из Нижнего Новгорода. *28 авг.*: Конец ярмарки. Наплыв адвокатов. Процветание Кунавинской школы. Дело <С. М.> Рукав<ишник>ова; Из Самары. *26 авг.*: Погода. Волжский железнодорожный мост; Из Киева. *21 авг.*: Погода. Киево-Печерская лавра. Дороговизна; Из Самарканда. *25 июля*: Наши ученые доктора. (ВИ); **С. 4**: Александро-Невская лавра: <Из газ. *«НВр»*>. Бывший хан кокандский Наср-Эддин. Врачи-женщины: <Из газ. «Врач»>. (РИ).

3 сент. № 243

С. 1—2: По подозрению. III—IV / А. Кал—вский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 сентября: <О необходимости реформы в кабинете министров — по поводу публикаций в *«НВр»* и *«МВед»*> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Волжско-Камского бассейна. *28 авг.*: Как умеют доедать в захолустье. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. сент. книжек журн.: «Журн. гражд. и угол. права», «Слово», «Дело», *«РВ»*>.

4 сент. № 244

С. 1: По подозрению. V / А. Кал—вский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 сентября: <О распоряжении МНП о запрещении студенч. браков, разрешенных в 1863 г.> / <Авт. не установлен>; Несколько слов о г-же <А. В.> Светловской. Дебюты г-жи <М.> Винчи. Музыкальные и театральные новости. (ТиМ); **С. 3**: Из Суздаля, Владимирской губ. *28 авг.*: Заседание Думы. Местный праздник. Дороговизна. Цены; Из Ставрополя, Самарской губ. <*Без даты*>: Наши целебные места и богатства / И. Р—в. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. сент. книжек журн.: *«ВЕ», «РС», «РР», «ИВ»*>.

5 сент. № 245

С. 1—2: По подозрению: (Оконч.). VI—VIII / А. Кал—вский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 сентября: <Балканский вопрос и Австрия> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Сенгелей, Симбирской губ. *24 авг.*: Перестройка храма. Фонари без ламп. Обещанный телеграф. Предполагаемое

осушение улиц. Урожай. Дифтерит. (ВИ); По делу об убийстве О. Н. Скобелевой: <Из газ. «Берег»>. (РИ).

6 сент. № 246

С. 1: Еврейское дитя: (Рассказ офицера) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 сентября: <О будущем кабинета министров в России — по поводу публикаций в газ. *«НВр»* и *«Голос»*> / <Г.-П.>; Изучение литературных «образцов»: <О книгах «Очерк развития педагогических идей в Новое время (XVI и XVII вв.)» (М., 1880) В. А. Гольцева и «О преподавании русской словесности» (СПб., 1880) А. И. Незеленова> / Л.; **С. 2—3**: Ванька-ключник, драматический эскиз <Л. Н. Антропова> / Г—ва. (ТиМ); **С. 3**: Из Самары. *31 авг.*: Открытие Александровского волжского моста; Из Курска. *1 сент.*: Результат сбора пожертвований в пользу пострадавших при взрыве лаборатории. Ожидаемая выставка / <А. А. Танков>. (ВИ); **С. 4**: К биографии А. С. Пушкина: <Сообщение Ф. М. Деларю из сент. книжки *«РС»*>. (РИ).

7 сент. № 247

С. 1: Открытие Александровского моста через Волгу: (Письмо очевидца) / ⁂ <Внизу: «г. Самара, 31 августа 1880 г.»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 сентября: <По поводу речи министра нар. просвещения А. А. Сабурова — о судьбах рус. языка> / + <Ф. А. Гиляров>; Преподавание медицины в духовных семинариях / Н. И. Б.; <Рец. на кн.: *Никулин А.* Сборник песен. 2-е изд. Гродна. 1880>. (НК); Русская опера. Дебют г-жи Тауберт <певица-сопрано>. Театральные новости. Певица М. Цембрих. (ТиМ); **С. 3**: Из Зарайска, Рязанской губ. *2 сент.*: Открытие женской прогимназии. Дерзкое святотатство. Уличные картинки; Из Владимира на Клязьме. *3 сент.*: Несколько черт характера хана Наср-Эддина. (ВИ).

8 сент. № 248

С. 2: Москва, 7 сентября: <О допущении специалистов к разработке архивных дел министерств и управлений> / + <Ф. А. Гиляров>; Еврейский язык в духовных семинариях: (Из письма к редактору) / Quidam; <Рец. на: 1) *Люис Д. Г.* Изучение психологии: Ее предмет, область и метод. М., 1880; 2) *Карнович Е.* Мальтийские рыцари в России: Ист. повесть из времен Императора Павла I. СПб., 1880; 3) Физика в простых уроках Джона Тиндаля / Пер. с англ., под ред. проф. А. И. Шишкова с 89 рисунками. СПб., 1881>. (НК); **С. 3**: Из Киевской губ. *3 сент.*: Знахари и знахарки. Пропасница. Пристрит. Переляк. Данния / Н. Б—р—с—в. (ВИ); **С. 4**: Возвращение на родину праха А. Мицкевича. Открытие памятника <Б.> Паскалю. Логика иезуитов: <Анекдот в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского>. (РИ).

9 сент. № 249

С. 1: О том и о другом: Два слова по обыденной жизни и о дачном сезоне. Курьезы дачной жизни. Церковный староста <Николай Александрович>. Вести из Скопинского уезда. Барыни, каких мало / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 сентября: <О необходимости для России обустройства шоссейных дорог> / <Г.-П.>; За частную адвокатуру: (В ответ г. А. С—ну, автору статьи, помещенной в № 230 *«СИ»* под заглавием: «Неприсяжные адвокаты и помощники присяжных поверенных») / Частный

поверенный; **С. 3**: Из Петербурга. *5 сент.*: Результат деятельности Расчетной комиссии с Товариществом Грегер, Коган, Горвиц. Убийство с целью ограбления; Из Белева. *31 авг.*: Празднование 30 августа; Из Самары. *5 сент.*: Жажда образования. Книжные лавки. Аптеки. Зубоврачи и евреи-цепочники. Торги на бани, евреи и адвокаты; Из Самарканда. *16 июля*: Вести о генерале <К. П. фон> Кауфмане. Слухи. (ВИ); **С. 3—4**: Замечательное Евангелие <кон. V — нач. VI в.>; Вместимость храмов. Новости парижских театров. Фортепиано <Л. ван> Бетховена. (РИ).

10 сент. № 250

С. 1: Еврейское дитя: (Рассказ офицера): (Продолж.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 сентября: <О богосл. соч. А. С. Хомякова и диссертации Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Петербурга. *9 сент.*: Д. М. Перевощиков. Отсрочка преобразования Медико-хирургической академии. Слух о газете г. <В. Ф.> Корша <«Печать»>; Из с. Ильинского, Корчевского у., Тверской губ. *5 сент.*: Итог урожаев. Упадок башмачного производства. Мечты кулаков. Освящение школьного дома. Болезнь на скоте. Дожди / Я. К—в. (ВИ); Болгария: Годичный бюджет. Образование народного ополчения и несходство мнений князя с кабинетом. Схватки на границах. (ИИ); **С. 4**: Из письма Н. М. Пржевальского: <С републ. отр. из «Туркест. губерн. вед.»>. Новое издание Библии и Евангелия <в Лондоне>. Литовское литературное общество. (РИ).

11 сент. № 251

С. 1: Еврейское дитя: (Рассказ офицера): (Продолж.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 сентября: <Еще о богосл. соч. А. С. Хомякова и диссертации Ю. Ф. Самарина, которые правильнее называть «философскими»> / <Г.-П.>; <Некролог М. В. Дьяконову, известному за подписью «Сирота»> / + <Ф. А. Гиляров>; Вести из православной миссии в Японии / И. А. <Анатолий (Тихай), иером.>; **С. 3**: Из Петербурга. *8 сент.*: 500-летний юбилей Куликовской битвы. Как отнесся официальный Петербург к этому великому и знаменательному дню; Из Саратова. *8 сент.*: Придет сухота — растворяй ворота. (ВИ).

12 сент. № 252

С. 1—2: Еврейское дитя: (Рассказ офицера): (Оконч.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 сентября: <Об открытии в Киеве памятника Богдану Хмельницкому; с публ. его речи на Переяславской раде о воссоединении Малороссии (1654)> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Петербург: (Заседание Славянского комитета <в честь 500-летия Куликовской битвы>); Из Череповца, Новгородской губ. *7 сент.*: Благотворительное общество. Дороговизна. Больница / П.; Из Тихвина. *6 сент.*: Два самоубийства и женоубийство / <А. П. Шамшев>; Из Симбирска. *5 сент.*: Освящение моста и открытие исправительной колонии. Два слова о почтовых порядках на пароходах Самолетского общества. Погода. Урожай. (ВИ); **С. 4**: Война против евреев в Германии. Священные останки Магомета. (РИ).

13 сент. № 253

С. 1: На перевале: <Путевой очерк> / Пров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 сентября: <Обострение Греко-турецкого вопроса> / + <Ф. А. Гиляров>; Комедия г. <И. В.> Шпажинского «Фофан» / Г. (ТиМ); **С. 3**: Из Петербурга. *11 сент.*: Литературные новости. (ВИ).

14 сент. № 254

С. 1–2: На перевале: (Продолж.) / Пров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 сентября: <О речи министра нар. просвещения А. А. Сабурова во Владимире, Калуге, Туле, Орле> / + <Ф. А. Гиляров>; Речь А. А. Сабурова в Калужской гимназии; **С. 3**: Из Коломны, Московской губ. *10 сент.*: Празднование 500-летия Куликовской битвы; Из Владимира на Клязьме. *10 сент.*: Неурожаи. Зола как удобрение. Ожидаемое открытие Муромской железной дороги. (ВИ); **С. 3–4**: Юбилей Копитара: <100-летие со дня рождения слависта; из газ. *«МВед»*>. (РИ).

15 сент. № 255

С. 1–2: На перевале. (Оконч.) / Пров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 сентября: <О положении учителя гимназии> / + <Ф. А. Гиляров>; Речь г. министра просвещения <А. А. Сабурова> в Орловской гимназии: <Из газ. *«НВр»*>; **С. 3**: Из Саратова. *6 сент.*: Предположение об улучшении судоходства. Проблески деятельности инженеров, Думы и местной печати. Предложение <В. В.> Гудкова. Состояние Волги и значение технических работ; Из Белева, Тульской губ. *9 сент.*: Увеселение. Предстоящие концерты в пользу учеников прогимназии. Перестройка прогимназии. Ярмарка. (ВИ); **С. 4**: Бычачий вальс: <О В. А. Моцарте>. (РИ).

16 сент. № 256

С. 1–2: Порченые: (Рассказ Старого Знакомого <Н. И. Пастухова>). I. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 сентября: <О вероятной войне Германии и Франции; «отсутствие человечности» в политике О. фон Бисмарка> / <Г.-П.>; Речь г. министра народного просвещения <А. А. Сабурова> в Тамбовской гимназии; **С. 2–3**: Око закона прежде и теперь. I: <Об объединении администр. власти в провинции> / <Дисненский>; **С. 3**: Русская опера; Дебют г-жи <А. П.> Крутиковой. Театральные известия. (ТиМ); Историческая справка. По поводу речи графа <М. Т.> Лорис-Меликова. Печать и административная терпимость как улучшение положения духовенства. (ПП); Из Киева. *10 сент.*: Библиотеки и музеи / Б. Э.; Из Саратова. *6 сент.*: Учебные потребности. Открытие выставки. Театр. (ВИ).

17 сент. № 257

С. 1: Жертва людской прихоти: (Очерк) / Молодой человек. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 сентября: <О положении Белорус. края в России и судьбах Правосл. церкви в нем> / + <Ф. А. Гиляров>; Неоправдывающиеся ожидания: <О женской классич. гимназии г-жи С. Н. Фишер> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Тамбова. *13 сент.*: Посещение Тамбова г. министром народного просвещения <А. А. Сабуровым>; Из Казани. *12 сент.*: Дело коллежского секретаря <Н. Л.> Снигирева / Сибирский казак. (ВИ); **С. 3–4**: Проект положения о Православной церкви в Болгарии: <Из газ. «Новости»>. (РИ).

18 сент. № 258

С. 1: Жертва людской прихоти: (Очерк): (Оконч.) / Молодой человек. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 сентября: <О реформировании государственного устройства России — по поводу публикации в газ. *«НВр»*> / <Г.-П.>; Око закона прежде и теперь. II: Период первый (1711–1857) / <Дисненский>; Михаил Васильевич Дьяконов: (Некролог); **С. 3**: Из Киева. *12 сент.*: Высшие женские курсы; Из Гурьева, Уральской обл. *10 сент.*: Мореходные классы. (ВИ).

19 сент. № 259

С. 1—2: В чужом пиру похмелье: (Эпизод из истории польского восстания) / —н. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 сентября: <Гос. власть и «свобода обществ. жизни»> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Италия и Австро-германский союз. По Греко-болгарскому вопросу. (ПП); **С. 3**: Из Курска. *14 сент.*: Безнаказанная доселе афера признана судом за мошенничество / <А. А. Танков>. (ВИ).

20 сент. № 260

С. 1: Любовные драмы во Франции: Париж, 22 сентября н. ст. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 сентября: <Почему следует объявить «варварское государство» Турцию стоящей «вне европ. права»?> / <Г.-П.>; Око закона прежде и теперь. Второй период (1857—1864 г<г>.) / Дисненский; К улучшению крестьянского быта / М. Белобородов; Право поступления в духовные академии / Б—р—ъ; **С. 3**: Из Суздаля, Владимирской губ. *12 сент.*: Заседание Думы по перемещению училища; Из Киева. *15 сент.*: Сельскохозяйственная выставка; Из Самары. *10 сент.*: Открытие реального училища. Гражданский и уголовный суды. (ВИ); **С. 3—4**: Этнографический музей Петербургской Академии наук о фотографических снимках с инородцев. Болгарская монета. (РИ).

21 сент. № 261

С. 1: Путешествие по Востоку. I: Афон и Солун / П. Воейков. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 сентября: <О духовной консистории> / <Авт. не установлен>; Представление «Демона» <А. Г. Рубинштейна>. Предстоящий бенефис г. <А. М.> Абрамова. (ТиМ); **С. 3**: Из Петербурга. *19 сент.*: Книжные новости: <Новые учеб. пособия>; Из Иваново-Вознесенска. *15 сент.*: Посещение г. <А. А.> Сабурова. Несчастие на фабрике. Вступление полка. Несостоявшиеся думские заседания. Ярмарка. Результаты Нижегородской ярмарки. Дороговизна. Торговля дегтем. Освещение. Грязь около лавок. Дороги. Училища / <В. Белов?>; Из Ростова, Ярославской губ. *16 сент.*: Урожаи. Цены / Z.; Из Ахтырки, Харьковской губ. *17 сент.*: Основание города. Учебные заведения: торговые. Цены. Дифтерит. Ночные сторожа. (ВИ).

22 сент. № 262

С. 1—2: Начальники и подчиненные / Пров. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 сентября: <О праве избрания духовенством членов консистории> / <Авт. не установлен>; Обманутые надежды: <Об открытии в Москве постоян. нар. театра> / Один из театралов; **С. 3**: Из Владимирской губ. *16 сент.*: Убийства помешанным. Несчастные случаи. Кража; Из Нижнего Новгорода. *15 сент.*: Нижегородские магазины и жизнь приказчиков; Из Суздаля. *16 сент.*: Престольный праздник. Подкинутый младенец. Случаи. Погода; Из Саратова. *16 сент.*: Неудачное представление. Краткий очерк хозяйственной части здешнего театра. Отношение к нему городской управы. (ВИ); **С. 4**: Библиотека Русского Географического общества. Людовик XIV и Мольер. (РИ).

23 сент. № 263

С. 1—2: Порченые: (Рассказ Старого Знакомого <Н. И. Пастухова>). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 сентября: <О положении нар. школ; роль гр. Д. А. Толстого в развитии нар. образования> / <Авт. не установлен>; **С. 3**: Из Егорьевска, Рязанской губ. <*Без даты*>: Фабричные правила. (ВИ).

24 сент. № 264

С. 1: Переезд на дачу / Дачница. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 сентября: <О благих намерениях нового министра нар. просвещения А. А. Сабурова> / <А. Н. Гиляров[17] под ред. Г.-П.>; Библиотеки при сельских школах / Н. Нит—ов; По выставке. Путешествие г. <А. Г.> Рубинштейна. Театр <С. М.> Малкиеля. Г-жа <В. В.> Тиманова в Лондоне. Библиографическая заметка: <Очерк жизни М. И. Глинки, изд. в Париже>. (ЗиИ); **С. 2—3**: Дело о еврейке Зельде Юзефович, обвиняемой в краже денег на сумму более 300 рублей. (СЛ); **С. 3**: Петербург: (Лит. процессы); Киев: (Предстоящее открытие памятника Богдану Хмельницкому); Из Ростова на Дону. *17 сент.*: Разрушение дома / Р—в. (ВИ); **С. 4**: Подлинный Фауст. (РИ).

25 сент. № 265

С. 1—2: Красный Крест в тылу действующей армии в 1877—78 гг.: (Отчет Н. Абаза) / Л. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 сентября: <Еще о преобразовании консистории> / <Авт. не установлен>; Новый журнал <«Русь» И. С. Аксакова>. Памятник <Н. В.> Гоголю. Две пьесы одного названия: <«Дочь века» А. И. Пальма и кн. А. И. Сумбатова-Южина; «Карьерист» Г. Г. Ге и П. М. Невежина>. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Юбилей Н. И. Пирогова); Из Петербурга. *20 сент.*: Ложный донос и его результат. Игривая барышня <Г-нова>. Два слова о г-же Фукс. (ВИ); **С. 3—4**: Пребывание графа <М. М.> Сперанского в Перми: <Из газ. «Перм. губерн. вед.»>. (РИ).

26 сент. № 266

С. 1—2: Порченые: (Рассказ Старого Знакомого <Н. И. Пастухова>): (Оконч.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 сентября: <Сходство «программы» министра внутр. дел гр. М. Т. Лорис-Меликова с программой газ. *«СИ»*> / <Г.-П.>; Око закона прежде и теперь. Третий период (с 1864 г.): (Оконч.) / Дисненский; **С. 2—3**: Сочинение г. <И. Ф.> Циона <1-й том

[17] Атрибутируется на основании письма младшего сына Г.-П. А. Н. Гилярова к отцу от 17 сентября 1880 г. из Рыбинска, где автор служил в гимназии. Он, в частности, писал: «Посылаю Вам статью. В ней нового ничего нет, и написана она жидко и бессвязно, потому что я торопился. Впрочем, я написал ее не для того, чтобы печатать; мне просто хотелось высказать те впечатления, которые навеваются речами министра. Министр призывает учителей к свободной деятельности; но возможна ли свободная деятельность для человека, подчиненного произволу отдельного лица в виде директора? Министр обращается к педагогическим советам с просьбою дать совет и указание для его дальнейшей деятельности; но ведь в гимназиях нет педагогических советов и есть один только директор, полновластный хозяин и владыка во всей гимназии: может ли он подать мнение за ограничение своей власти? Начинания нового министра должны заглохнуть, если он не умалит власти директора и не поставит его наравне с учителями в деле преподавания. Поэтому и от своего лица, и от лица всех учителей нашей гимназии (за исключением, конечно, чеха и директора) я Вас прошу поговорить об этом в газете. Время теперь горячее и надо спешить. Прошу об этом не ввиду личных благ и выгод: в гимназии мне служить не век и пробыть в строгой школе некоторое время даже полезно для меня: я приучусь к большей аккуратности» (РНБ. Ф. 847. № 609. Л. 16 об.—17). А в следующем письме, от 27 октября 1880 г., А. Н. Гиляров, высылая новую статью, писал: «Благодарю Вас за напечатание прежней статьи» (Там же. Л. 18 об.).

«Науч. бесед»>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Рязани. *22 сент.*: Наплыв войск. Вздорожание квартир; Из Киева. *17 сент.*: Студенческая касса и бюро. Отставка инспектора университета. Потери в педагогическом мире. Диспуты. Слухи. (ВИ); **С. 4**: Новая брошюра Александра Дюма<-сына> по женскому вопросу: <«Les femmes qui tuent et les femmes qui votent» («Женщины-убийцы и женщины-избирательницы»); из газ. *«НВр»*>. Церемониал парадных обедов у австрийского императора. (РИ).

27 сент. № 267

С. 1: Об издании в Москве без предварительной цензуры еженедельной газеты «Русь» / Редактор-издатель Ив. Аксаков; **С. 1—2**: Красный Крест в тылу действующей армии в 1877—78 гг.: (Отчет Н. Абаза): (Оконч.) / Л. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 сентября: <1) О бедственном состоянии сельского хозяйства> / <Г.-П.>; <2) О неинформированности киевлян о предстоящем открытии памятника Богдану Хмельницкому> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: По поводу открытия памятника Богдану Хмельницкому / X. Y. Z.; **С. 3**: Из Харькова. *23 сент.*: Банковая растрата. Дифтерит. Выставка. Насильственная смерть 120-летней старухи <под поездом>. Книжная торговля. (ВИ).

28 сент. № 268

С. 1—2: Переезд на дачу: (Оконч.) / Дачница. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 сентября: <О судеб. деле моск. мирового судьи И. В. Волкова> / <Авт. не установлен>; Литературные процессы / Дисненский; «Дело Плеянова»: <Драма В. А. Александрова (Крылова) в бенефис артиста М. А. Дурново>. (ТиМ); **С. 3**: Из Сергиева посада. *20 сент.*: Диспут <магистерский в МДА П. В. Знаменского на тему «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I». Оппоненты — В. О. Ключевский и Е. Е. Голубинский>. Открытие братства; Из Борисоглебских слобод, Ярославской губ. *18 сент.*: Ревизия почтовых контор. Прибытие епископа <Ионафана (Руднева)>. Цены; Из Саратова. *17 сент.*: Сельскохозяйственная выставка. (ВИ).

29 сент. № 269

С. 1: Владыка едет!: (Из давнего прошлого) / Знакомец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 сентября: <О недостатке должного внимания министра нар. просвещения А. А. Сабурова к женским курсам в Москве и др. городах> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Ростова на Дону. *16 сент.*: Положение города: его население. Преобразование таможни. Постройки. Учебные заведения. Развлечения. Ярмарка. Основание Общества вспомоществования учащимся / Р—в; Из Ставрополя Кавказского. *15 сент.*: Покушение на убийство. Разбирательство об оскорблении. Погода. Обряд погребения. Любовь к музыке. (ВИ); **С. 4**: Содержание генерал-губернаторам: <Из газ. «Новости»>. Оклады <О. фон> Бисмарка. Из истории вина. (РИ).

30 сент. № 270

С. 1: Ревизор: (С натуры) / А. См—ъ <А. Смирнов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 сентября: <Об агрессивной внешней политике Германии> / <Г.-П.>; Ходатайство старообрядцев о свободе книгопечатания. (ЗиИ); Присоединение к православию. (ИСМ); Бенефис гг. <Д. В.> Живокини <2-го> и <А. М.> Абрамова. (ТиМ); **С. 3**: Из Саратова. *15 сент.*: Нужда края. Доклад о ссуде на народное продовольствие; Из Самары. *17 сент.*: Ярмарка. Цены / Р. (ВИ); Болгария: Движение в пользу соединения с Восточной Румелией. (ИИ).

1 окт. № 271

С. 1—2: Памяти Д. Н. Лебедева, <бывшего пред. Учен. отдела О-ва распространения технич. знаний: Некролог> / <С. Н. Лямин?>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 сентября: <«Представительство в европ. смысле» невнятно рус. простолюдину> / <Г.-П.>; Новое покушение на жизнь Государя Императора <Александра II>; **С. 2—3**: По восточным делам. <О. И.> Сенковский о свободе печати: <Из посмерт. записок Барона Брамбеуса, в газ. «Современность»>. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *28 сент.*: Близорукость г. <П. П.> Цитовича. Погода. Театры; Из Харькова. *28 сент.*: Об Обществе взаимного кредита. Сочинение г. Щелкова об истории Харькова: <*Щелков К. П.* Харьков: Ист.-стат. опыт. Харьков, 1880 (обл.: 1881)>. Выборы в Историко-филологическом обществе; Из Одессы. *22 сент.*: Улучшение Одессы. Конно-железная дорога. Дороговизна квартир и продуктов. Отсутствие итальянской оперы. Не совсем обыкновенный труд женщин. (ВИ).

2 окт. № 272

С. 1—2: О том и о другом: Выходка Данилыча перед выборами. Что творится в управленческом строительном отделении. Поднятие креста на купол храма. Осень и дороговизна продуктов. <А. И. и Г. И.> Хлудовы в Ярцеве. Бунт в Измайловской мануфактуре. Разъяснение происшествия на Ивантеевской фабрике. Банкротство фабриканта <П. В.> Осипова. Москвичи цивилизуются. Наши места увеселения / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 октября: <Дороговизна хлеба — следствие обесценивания денег> / <Г.-П.>; Новый журнал <«Переводные романы Н. Л. Пушкарева>. Проделки Лже-Берендея <мошенника, выдающего себя за фельетониста Берендея (П. А. Сбруева)>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Василь-Сурска, Нижегородской губ. *24 сент.*: Гибель парохода «Депеша» / <Н. И. Коробкин>; Из Воронежа. *23 сент.*: Дороговизна. Уголовная хроника. Посещение высокопоставленных лиц; Из Киева. *23 сент.*: Акт в Киевской семинарии. Выпуск в классических гимназиях. Число студентов в университете и академии; Из Казани. *25 сент.*: Конец дела лесничего <А. К.> Вержбицкого. К делу <Н. Л.> Снигирева; Из Пинска, Минской губ. *26 сент.*: Население. Урожай. Почва. Евреи-кулаки. Их проделки. Условия найма квартир. Еврейские праздники. Сообщение с городом. Православные храмы / А. М—в; Из Самарканда. *7 авг.*: Лотерея. Наши развлечения. (ВИ); **С. 4**: Некролог (М. Р. Шидловского). Опперетки <Ж.> Оффенбаха. (РИ).

3 окт. № 273

С. 1—2: Неудачники: (Рассказ). I—III / Д. Дмитриев. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 октября: <О недостаточности предложенных правительством способов уяснения действ. потребностей общества> / <Г.-П.>; Находчивость евреев. (ЗиИ); **С. 2—3**: Из Саратова. *23 сент.*: Дело о волжской пристани; **С. 3**: Из Харькова. *1 окт.*: Съезд углепромышленников. (ВИ); Восточные земли. Болгария: Отношение Болгарии к Дунайскому вопросу. Отношение ее к Румынии. (ИИ); **С. 4**: Сочинения патриарха Фотия: <Находка в б-ке Иверского мон-ря на Афоне рукописей, считавшихся утраченными>. Анекдот о <Г.> Берлиозе. Китайская ножка. (РИ); Указ. журналов: <Роспись содерж. сент. книжек журн.: «Слово», «Дело», *«РВ»*>.

4 окт. № 274

С. 1—2: Новый Иерусалим: Местоположение. Патриарх Никон. Его биография. Основание монастыря. Арсений Суханов. Падение Никона. Запустение монастыря. Дальнейшая история обители. Главный храм. Падение свода. Темница Спасителя. Горница Бого-

матери. Приделы храма Воскресения. Камень Спасителя. Авраамова палатка. Скорбный путь. Темница Иоанна Крестителя. Гробница Никона. Голгофа. Прочие храмы. Ризница. Святыни. Дворец. Келлии. Доходы монастыря. Скит. Историческое воспоминание / Богомолец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 октября: <О несовершенстве обеспечения народонаселения продовольствием> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Череповца. *1 окт.*: Дороговизна. Меры против нее. Кулаки; Из Киева. *24 сент.*: У нас нечего читать. Новый орган в Киеве. Программа газеты; Из Саратова. *27 сент.*: Погода. Пожары. Воровство. Дороговизна. (ВИ); **С. 4**: Новый роман И. Крашевского <«Графиня Козель»>. Л. В. Дубельт. Статья Веры Засулич. (РИ); Указ. журналов: <Роспись содерж. окт. книжек журн.: *«ВЕ»,* «Лит. обозрение», *«ИВ»,* «Собр. романов», *«РР», «РС»*>.

5 окт. № 275

С. 1—2: Из голодного края: (Ярмарка в Самаре) / И. —ов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 октября: <О Своде статист. сведений по делам уголовным, производившимся в 1877 г., извлечения из которого печатаются в газ. *«ПВ»*> / + <Ф. А. Гиляров>; Капитал для вознаграждения присяжных поверенных за даровые защиты / X. Y. Z.; **С. 3**: Сметливый раввин. (С); Из Саратова. *25 сент.*: Вздорожание картофеля. Думское заседание. Литературный процесс. Суд по недоразумению. (ВИ); **С. 4**: Диспут г. <П. О.> Морозова: <Защита диссертации «Феофан Прокопович как писатель» в С.-Петерб. ун-те>. Постановка на сцене второй части «Фауста» <И. В. Гёте>. Моды зимнего сезона. (РИ).

6 окт. № 276

С. 1—2: Неудачники: (Рассказ): (Оконч.). IV—IX / Д. Дмитриев. (<Ф>); Москва, 5 октября: <Продолж. обзора Свода статист. сведений по делам уголовным; см. № 275> / + <Ф. А. Гиляров>; Памятник Хмельницкому / Киевлянин; За учителей / М. Б—в <М. Белобородов?>; **С. 3**: Из Корчевы, Тверской губ. *19 сент.*: Ярмарка. Пьянство. Выбор. Франтовство. Пожары; Из Белева. *10 сент.*: Торговые обороты. Плетение кружев. Купцы-землевладельцы. Внешний вид города. Оживленность базаров. Цены. Ярмарка; Из Курска. *28 сент.*: Съезд духовенства. Рассказы о заседаниях и архипастыре <еп. Ефреме (Рязанове)> / <А. А. Танков>. (ВИ); Из Парижа. *24 сент.*: Вероятная недолговечность министерства Жюля Ферри. Настроение парижан. Петиция радикалов. (ИИ); **С. 4**: Русские артисты при Александре I: <Из журн. *«РС»*>. Замечательное долголетие <112-летней Жюдики Зингер>. (РИ).

7 окт. № 277

С. 1—2: Леший: Истинное происшествие / Верненский гражданин <Б. А. Карпов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 октября: <Памяти Т. Н. Грановского, к 25-летию его кончины; отзывы современников о нем> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Симбирска. *2 окт.*: Крупная кража. Погода. Цены на хлеб. Крушение суконных фабрик; Из Венева, Тульской губ. *18 сент.*: Бедствия крестьян. Кражи. (ВИ); **С. 4**: Вести о г. <Н. Н.> Миклухе-Маклае: <Из журн. «Изв. Рус. Геогр. о-ва»>. Международная преступница. (РИ).

8 окт. № 278

С. 1: Взрывы пароходных котлов / Инженер-технолог <А. Н. Быков>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 октября. Как улучшить адвокатуру / Частный поверенный; Новая газета <«Земство»>. Бенефис в Малом театре. А. П. Грубин. Артистический кружок. «Дело

Плеянова» <драма В. А. Александрова (Крылова)>. Театр <С. М.> Малкиеля. (ЗиИ); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / Собр. и издал Л. Н. Куломзин. СПб., 1880. (Сб. Имп. Рус. ист. о-ва; Т. I); 2) Русские песни Мерзлякова и Цыганова: С очерками жизни обоих поэтов. СПб., 1880; 3) Песни и романсы Мерзлякова: С очерком жизни поэта. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Еще об иноземцах педагогах. Деятельность г. <В. И.> Ламанского. Памяти А. С. Хомякова. Печать и ее надежды. (ПП); Из Моршанска, Тамбовской губ. *21 сент.*: О лесоистреблении. (ВИ); Восточные земли. Болгария: По поводу отъезда князя Александра. Состояние армии. (ИИ).

9 окт. № 279

С. 1: Самоубийца. Гл. I / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 октября: <О «рассмотрении производства дел в прокурор. надзоре окруж. судов и судеб. палат»> / + <Ф. А. Гиляров>; Опера «Фауст» <Ш. Гуно>. Г<-н П. А.> Хохлов в роли Валентина. Театральные и музыкальные новости. (ТиМ); **С. 3**: Из Петербурга. *7 окт.*: Поздравление студентов Медико-хирургической академии Н. И. Пирогова и его ответ. Ошибка «С.-Петербур. вед.». Освещающая краска. (ВИ); Восточные земли. Болгария: Разговор с князем Болгарским <Александром I Иосифом фон Баттенбергом>. Об отношениях к Румынии. (ИИ); **С. 4**: К истории цензуры: <О «Посмертных записках» О. И. Сенковского; из газ. «Современность»>. Голубки-контрабандисты. (РИ).

10 окт. № 280

С. 1: О том и о другом: Чем радует нас високосный год. Как заботятся наше земство и городская Дума о бедном населении. Уменьшение фабричного производства. Застой торговли последствия того. По поводу городских выборов. Покойники, записанные в избиратели. Хаос в казначействе управы. Потешились и угодили в «Титовку». Купеческая расправа с крестьянами. Интересный церковный староста. Вот так закуска / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 октября: <О преимуществах «смыковской молотилки», изобретенной Т. Хохловым, крестьянином с. Смыкова, и необходимости гос. поощрения талантов> / <Г.-П.>; Заседание городской Думы <по вопр. о расходах по содержанию состоящего при управе Статист. отдела и редакции «Известий Моск. гор. Думы»> / <Г.-П.>; Фотофон: Новый аппарат для передачи человеческого голоса и звуков на большие расстояния при посредстве одних световых лучей / Д-р В. Г.; **С. 2—3**: Новая повесть Г. П. Данилевского <«На Индию при Петре»>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Киева. *1 окт.*: Богдан Хмельницкий. Женские курсы. Юго-западный музей сельского хозяйства и промышленности. Приват-доцент г. <М. Э.> Мандельштам. Погода в Киеве. Выход газеты «Зори». (ВИ); Восточные земли. Восточная Румелия: По вопросу о соединении с Болгарией. Цель поездки Кессякова <«дир. юстиции»> в Болгарию. Финансовое положение страны. О назначении Митчелля <«англ. гл. консул»>. (ИИ).

11 окт. № 281

С. 1—2: Московская правда: Вместо предисловия / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 октября: <О преобразовании духов. цензуры> / <Г.-П.>; «Демон» <А. Г. Рубинштейна> за границею. Г<-н Э.> Нейперт (ТиМ); **С. 3**: Не время ли изменить систему по отношению нашей печати. Печать и общественная деятельность. (ПП).

12 окт. № 282

С. 1—2: Новая глава из «Капитанской дочки» <Пушкина; републ. из журн. *«РА»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 октября: <О возникновении нигилизма — по поводу публикаций в газ. *«СПбВед»*; уп. А. С. Хомяков, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. И. Аскоченский, Л. Бюхнер, Л. Фейербах> / + <Ф. А. Гиляров>; Как улучшить адвокатуру?: (Оконч.) / Частный поверенный; «Нана»: <Э. Золя на сцене>. История с Петровским театром. (ЗиИ); **С. 3**: Дело о наследстве профессора <М. Я.> Киттары. (СЛ); Закон о колонизации Боснии. По поводу нового назначения графа <М. Т.> Лорис-Меликова. Еще о сенаторской ревизии. Правосудие и институт присяжных заседателей. (ПП); Из Ярославля. *3 окт.*: Дело <В.> Шихановой. Профессор <В. В.> Марковников и земское собрание. (ВИ).

13 окт. № 283

С. 1—2: Письма с дороги. XXII: Из Московской губернии / L.; Горькая доля: <Стихотв.> / Александр Колосов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 октября: <О преобразовании губерн. управления — по поводу публикаций в газ. *«СПбВед»*> / <Г.-П.>; Шайка торговцев рекрутскими квитанциями: (Письмо к редактору) / А. К. Лаврентьев; **С. 3**: Петербург: (Разборка библиотеки Государыни Императрицы <Марии Александровны>. Пушкинское утро); Из Суздаля. *6 окт.*: Виды на урожай. Выдача пособия; Из Воронежа. *5 окт.*: Злоба дня. Погода. Дороговизна хлебов; Из Одессы. *8 окт.*: Отсутствие отпуска хлеба за границу. Дороговизна предметов первой необходимости. Пожар квартиры. Смертность. Конка. Русское общество пароходства; Из Никольска, Вологодской губ. *21 сент.*: Поднадзорные. (ВИ); **С. 4**: Замечательное Евангелие: <Из журн. *«ЦВ»*>. Письмо А. С. Пушкина к Д. Давыдову: <Из журн. *«РА»*>. Финикийские надписи. (РИ).

14 окт. № 284

С. 1: Провинциальные картинки: Составные элементы нашего общества в губернских и уездных городах. Последние могикане и люди новых порядков / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 октября: <О планах администр. преобразований — по поводу публикаций в газ. *«СПбВед»*> / <Г.-П.>; О сохранении и возобновлении березок по грунтовым дорогам / В. Ш.; Петербург: (Собрание книгопродавцев и издателей); **С. 3**: Из Рязани. *8 окт.*: Постановление собрания уездного земства. Грабеж. Исчезновение служащего на железной дороге. Дороговизна; Из Воронежа. *8 окт.*: Пребывание сенатора <В. П.> Мордвинова. Ревизия. Дороговизна. Червь. Заседание в гимназии. Потеря денег; Из Покрова, Владимирской губ. *2 окт.*: По разработке торфа и краткий очерк внешнего вида и прав рабочих. Об открытии телеграфного действия между Покровом и Киржачем. Корреспондент, пишущий рекламы волостному старшине. Цены; Из Иваново-Вознесенска. *8 окт.*: Думские дела. Банк. Цены. Съезд судей. Ярмарка. Взрыв котла. Фабричное «несчастье». Земство / <В. Белов?>; Из Саратова. *2 окт.*: Годовщины исторических событий Приволжского края <Куликовской битвы и 400-летия низложения Золотой Орды>. (ВИ).

15 окт. № 285

С. 2: Москва, 14 октября: <О необходимости вагонов-ледников для перевозки продуктов> / <Г.-П.>; Больницы Ведомства опекунских советов / Врач; Дмитрий Павлович Боголепов (некролог) / Бывший ученик; <Рец. на кн.: 1) *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. II; 2) *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и за-

падноевропейских государств. СПб., 1880. Т. II>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *12 окт.*: Зима. Несколько слов о П. Г. Редкине. Выходка «Литовских епархиальных ведомостей»; Из Зарайска. *6 окт.*: Зловредный червь. Падеж рогатого скота. Пожары; Из Курска. *8 окт.*: Недостаток и дороговизна жизненных продуктов / <А. А. Танков>; Из Муромского у., Владимир<ской> губ. *12 окт.*: Неурожаи. Почва. Женщины-пахари. (ВИ).

16 окт. № 286

С. 1—2: Поездка на кумыс: <Очерк> / К. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 октября: <Об обязат. обустройстве спальных мест для рабочих на фабриках> / <Авт. не установлен>; Слухи о предстоящем политическом процессе / Х.; Новое сочинение И. С. Тургенева <на фр. языке «Пушкин на юге России»>. (ЗиИ); **С. 2—3**: Обвинительный акт по делу кражи бриллиантов на сумму 15 000 рублей в доме терпимости. (СЛ); Конфискованный альманах: <«Славян. альм. на 1880 г.» в Вене за публ. малорос. песен Мих. Драгомановым>. (ОН).

17 окт. № 287

С. 1—2: Самоубийца. II / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 октября: <О судебной системе в России> / + <Ф. А. Гиляров>; Похороны настоятеля Сербского подворья <архим. Саввы>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Саратова. *9 окт.*: Вопрос о продовольствии. Ссудо-сберегательное товарищество. Железнодорожные случаи. Решение иска в пользу изувеченного машиниста. Банкротство. Даровые обеды. Цены. (ВИ); **С. 3—4**: Из Иерусалима. *24 сент.*: Иерусалимский патриарх Прокопий II: (Некролог). (ИИ).

18 окт. № 288

С. 1—2: Московская правда: Я именинник. Мое волнение и милость фортуны. Железные дороги и телеграфы. Куда пойдут мои благодарности и мои строгости. Моя радость. Буря на Волге и все, что во время ее приключилось. Повесть о сердитом барине. Фабрикант, изображающий из себя шлагбаум. Как легко городничему пройти, так не легко выйти. Г. Златоуст. Образцовая фабрика. Лабиринт, в котором можно ум повредить. Дайте нам науку. Великие люди из кабака. О. игумен, или Школа без учителя. Бес в образе московского купца. Любовь к архитектуре. Мои добрые советы земству и монастырю. Я отправляюсь по железной дороге / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 октября: <1) О предстоящих городских выборах> / <Г.-П.>; <2) Опровержение слуха, будто кн. В. А. Долгоруков покидает пост моск. ген.-губернатора> / + <Ф. А. Гиляров>; Копия с картины г. <В. Е.> Маковского. (ЗиИ).

19 окт. № 289

С. 1: Самоубийца. III / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 октября: <О «сохранении здоровья и жизни фабричного люда»> / <Авт. не установлен>; По делу о краже бриллиантов у витебского купца <И.> Кашедина / К. Д. (СЛ); <Рец. на кн.: Календарь для врачей всех ведомств на 1881 год / Изд. Н. И. Торопова и К. Л. Риккера. Пг., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *15 окт.*: Собрание петербургских книгопродавцев и издателей; Из Владимирской губ. *10 окт.*: Открытие женской гимназии и народного училища. Пожары. Святотатство; Из Ярославля. *12 окт.*: Пожары. Буря. Городские порядки. Дороговизна. Спектакли; С брегов Камы. *1 окт.*: Наступление зимы. Причины дороговизны хлеба и др. продуктов. По вопросу о передаче права открытия кабаков земству. Лесной вопрос. Земские собрания. Наступающая зимовка пароходов. В защиту мирового судьи. (ВИ).

20 окт. № 290

С. 1—2: О том и о другом: Наклейка городской управе. Кто ее управители. Что делать с злосчастными нечистотами. Два слова о деятельности гласных. Несколько слов об управских комиссиях. Застой торговли и наши фабрики с их тружениками. Странное явление в фабричной сфере. Ловкий коллежский секретарь <Н. П.> Сосипатов. Зимняя дорожка / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); Москва, 19 октября: <О необходимости увеличения крестьянских наделов; об улучшении продовольствования населения> / <Г.-П.>; **С. 2**: Два слова о представлении «Трубадура» <Дж. Верди>. Театральные новости. (ТиМ) / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Тамбова. *9 окт.*: Дороговизна хлебных продуктов. Меры к их удешевлению. Неудавшиеся кражи. Несчастный случай на железной дороге. Лекарь от всех болезней. Театр; Из Старого Оскола, Курской губ. *10 окт.*: Город. Народное образование. Дифтерит. Хлебный червь. Жучок; Из Харькова. *16 окт.*: Местная печать. Некролог А. В. Попова; Из Царицына. *10 окт.*: Вопросы, разрешенные земским собранием. (ВИ).

21 окт. № 291

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла <*надо*: Шарля> Мерувеля / <С предисл. пер.> О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 октября: <Полемика с ред. газ. «Берег» П. П. Цитовичем о переживаемом периоде> / + <Ф. А. Гиляров>; Комитет Общества русских драматических писателей. 19 октября у памятника Пушкину. (ЗиИ); **С. 3**: По отбыванию евреями воинской повинности. (ВИ).

22 окт. № 292

С. 1—2: Поездка на кумыс: (Оконч.) / К. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 октября: <О вывозе хлеба за границу в исслед. проф. Ю. Э. Янсона «Статистика сельского хозяйства»> / <Г.-П.>; Новая комедия А. Н. Островского <«По гроб одолжил»>. (ЗиИ); Сцена Немецкого клуба: <Об исполнителях драмы В. А. Александрова (Крылова) «Дело Плеянова»>. (ТиМ); **С. 3**: Из Петербурга. *17 окт.*: Университетская студенческая читальня. Дело об игривой барышне <Грязновой>; Из Харькова. *14 окт.*: Наша опера. (ВИ).

23 окт. № 293

С. 1—2: Московская правда: Я не погиб и на железной дороге. Мое спасибо и представление к наградам. Городской голова, не желающий идти под суд. Училище как подоходная статья. Спуск для архиерея вместо пожарной команды. Почему тесно в июле. Думские заседания. Моя проповедь к гласным. Московское техническое училище. Злой умысел, но негодное средство для преступления. Похвала вместо порицания. Мои советы корреспондентам. Если правда, то ужасные доктора. Я возмущен / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 октября: <Об «иностранной цензуре», родоначальнице нигилизма, воспитанного на рус. печати кон. 1850-х — нач. 1860-х гг.> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Гимназия графа <Д. А.> Толстого: <Об изучении древних языков в классич. гимназиях> / Л.; **С. 3**: «Разбойники». Трагедия <Фр.> Шиллера. <ТиМ>; <Рец. на кн.: *Модестов В. И.* Школьный вопрос: Письма к ред. «Голоса». Пятнадцать статей. 2-е изд., доп. СПб., 1880>. (НК); Из Киева. *11 окт.*: Пребывание министра финансов <С. А. Грейга>. Учебное дело. Самоубийство; Из Ярославля. *15 окт.*: Самоубийство. Невзгоды на учителей. (ВИ).

24 окт. № 294

С. 1: Самоубийца. IV—V / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 октября: <О системе помощи нар. земледелию и нар. продовольствию; «общественные продовольств. фермы»> / <Г.-П.>; Нужды высшего образования / Л.; О сохранении и возобновлении березок по грунтовым дорогам / С. О.; Заседание юридического общества. Общее собрание Общества русских драматических писателей в Москве. (ОиС); **С. 3**: Из Петербурга. *23 окт.*: Предстоящий диспут <О. Д. Хвольсона>. Пушкинское чтение и выставка; Из с. Кимры, Корчевского у., Тверской губ. *20 окт.*: Сокращение производства обуви. Цены. Кражи. Пожары; Из Тулы. <*Без даты*>: Доклад учителей гимназии г. <А. А.> Сабурову; Из Киева. *18 окт.*: Прибытие сенатора <А. А.> Половцева и обер-прокурора К. П. Победоносцева. Доклад студентов г. <А. А.> Сабурову. Состояние попечительства о недостаточных студентах; Из Самары. *12 окт.*: Верный признак недостатка ржи. Помещичьи хозяйства у крупных посевщиков / Р. (ВИ).

25 окт. № 295

С. 1: Самоубийца. VI—VII / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 октября: <О необходимости ревизии церковного хозяйства; с публ. письма священника церкви Николая Мокрого> / <Г.-П.>; Драматический театр: Театр б<лиз> п<амятника> Пушкина. «Как ни быть, лишь бы жить» <пьеса И. В. Шпажинского>; «Жизнь за Царя» <М. И. Глинки>. (О); **С. 3**: Из Петербурга. *23 окт.*: Еще о политических процессах. Слухи о переменах в министерствах. Деятельность Следственной комиссии. (ВИ).

26 окт. № 296

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 октября: <Совместимо ли практич. технич. воспитание с общим теоретич. обучением? Школы-мастерские Н. Х. Весселя, П. А. Овчинникова, А. М. Постникова> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Коломны. *20 окт.*: Общественный приют; Из Киева. *21 окт.*: Сообщения учителей мужской гимназии. (ВИ).

27 окт. № 297

С. 1—2: Курдская лига: (Из армян. газ. «Мшак») / Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 октября: <О курьезах в Своде статистических сведений по делам уголовным> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Железные дороги: Прибавка жалования служащим. Сострадательный начальник / Маленький Сирота; **С. 3**: Из Киева. *19 окт.*: Прибытие сенатора <А. А.> Половцева. Посещение К. П. Победоносцевым академии, семинарии, духовной консистории и мужских и женских духовных училищ. (ВИ).

28 окт. № 298

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: Дело о дворянине Александре Квятковском, крестьянине Степане Ширяеве, мещанине Аароне Зунделевиче, дворянине Людвиге Кобылянском, крестьянине Якове Тихонове, мещанине Иване Окладском, мещанине Андрее Преснякове, сыне тайного советника Николае Бухе, купеческом племяннике Лейзере Цукермане, канцелярском служителе Сергее Мартыновском, сыне священника Афанасии Зубковском, земском враче Александре Буличе, дворянине Владимире Дриго, дочери майора Софье Ивановой, крестьян-

ке Марье Грязновой и дворянке Евгении Фигнер, преданных военному суду временно-командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа по обвинению их в государственных преступлениях. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 октября: <О церк. старостах и приходской собственности> / <Г.-П.>; Первое симфоническое собрание. (ЗиИ); **С. 3**: С берегов Немана. <*Без даты*>: Голос белорусских крестьян / Крестьянин М. Даяцюк. (ВИ).

29 окт. № 299

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.). II: Покушение на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенное 2-го апреля 1879 года. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 октября: <О необходимости изменений в системе классич. образования> / <Г.-П.>; Некролог <Н. Г. Энде (Дервиз)>. 2-е симфоническое собрание. Новая опера <В. В. Кюнера «Тарас Бульба»>. (ЗиИ); **С. 2—3**: Первое симфоническое собрание русского музыкального общества. Г-жа <Е. А.> Лавровская и г. <И. М.> Зилотти. Музыкальные новости. (ТиМ); Еще о программе графа <М. Т.> Лорис-Меликова. (ПП).

30 окт. № 300

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.). III: Преступный съезд фракции «террористов» в городе Липецк, Тамбовской губернии; IV: Покушение на жизнь Священной Особы Государя Императора 18 ноября 1879 года под городом Александровском и приготовления ко взрыву Императорского поезда под Одессою. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 октября: <Об обвинениях в адрес гор. самоуправления, выдвинутых А. А. Пороховщиковым> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Нужны ли конкурсы <для учительниц в женских гимназиях> / Л.; **С. 3**: <Рец. на кн.: *Шмейдлер К.* Железнодорожное дело: Руководство к подготовлению служащих при поступлении на железные дороги / Перевел с нем., дополнил и применил к употреблению в России инженер В. А. Лестушевский. СПб., 1880>. (НК); Из Ельца. *17 окт.*: Червяк-ночник. Разногласие слова с делом в борьбе с гессенской мухой. Единогласие в земских делах. Безмолвие гласных из граждан и крестьян / <И. В. Никитин>. (ВИ).

31 окт. № 301

С. 1—2: О том и о другом: Москва, опять без воды. О дороговизне хлеба. Запас муки и у кого она имеется. Наплыв нищих. Думская комиссия по удешевлению хлеба. Заботы генерал-губернатора <кн. В. А. Долгорукова> о бедных. Мирские благодетели: кн. <В. В.> Оболенский и <П. И.> Губонин. Два слова о новых казармах. По вопросу о банях. Состояние Сокольнической рощи. Вырубка ее. Опять о постоялых дворах. Контракты <Г. Г.> Солодовникова. Новый магазин на Тверской. Мануфактура в мучных лабазах / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 октября: <В чем причина дороговизны хлеба> / <Г.-П.>; Предстоящие бенефисы. Представление оперы «Демон» <А. Г. Рубинштейна> в Гамбурге. Предполагаемый студенческий концерт. Выставка. Библиотека для армии. (ЗиИ); **С. 3**: Из Юрьевца-Поволжского, Костромской губ. *21 окт.*: Банкротства. Заседания окружного суда. Цены; Из Пронска. *25 окт.*: Печальные последствия неурожая. (ВИ).

1 нояб. № 302

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях. (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>. V: Покушение 19 ноября 1879 года на жизнь Государя Императора, посредством взрыва полотна Московско-Курской железной дороги; VI: О взрыве 5 февраля 1880 года в Зимнем Его Императорского Величества дворце. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 31 октября: <О необходимости пересмотра законов о печати, в которых немало противоречий, — по поводу образования Комиссии под председательством П. А. Валуева> / <Авт. не установлен>; **С. 3**: Ташкент: (До сведения евреев: <Ферганская обл. причислена к местам их постоянной оседлости>); Из Самары. *26 окт.*: Приближение к Москве. Пользование голодом. Положение уезда. Столовые. Бешеный волк. Погода. (ВИ); Вести с турецко-персидской границы. <*Без даты*>; Восстание курдов. (ИИ).

2 нояб. № 303

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>. VII: Выпуск трех номеров органа фракции террористов «Народная воля» и обнаружение с.-петербургской вольной типографии в Саперном переулке в ночь с 17 на 18 января текущего года. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 ноября: <О проекте законодательных преобразований в области книгопечатания, выдвинутом газ. «Берег»> / <Г.-П.>; Приговор по политическому делу; Петербургские письма. I: 30 октября: <О необходимости изменения Закона о печати> / Влад-ов <И. А. Пашков>; **С. 3**: Из Ярославля. *19 окт.*: Прекращение навигации. Дороговизна жизни. Совет городской Думе. Открытие студенческой читальни при Лицее; Из Белева. *23 окт.*: Цены на скот и продукты. Сельское хозяйство. Лесоистребление. Меры против этого. Увеселения. Открытие собрания; Из Ставрополя Кавказского. *21 окт.*: Годичное празднество гимназии. Юные стихотворцы. Ярмарка. Цены на продукты. (ВИ).

3 нояб. № 304

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.). (<Ф>); С. 2: Москва, 2 ноября: <Газ «Голос» о желаемых преобразованиях в законодательстве о печати> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Мурома, Влад<имирской> губ. *27 окт.*: Освящение реального училища. Найденные остатки мамонта; Из Котельнича. *20 окт.*: Земское собрание. Умное постановление. Доклад по народному образованию. Дохлый производитель; Из Саратова. *22 окт.*: Вопрос о продовольствии. Способ хлебопечения. Чума рогатого скота. Предполагаемые дежурства при съезде мировых судей. Ярмарка. Прекращение пароходного движения. (ВИ); Из Парижа. *5 нояб.*: Речь <Ж.> Клемансо. Отзывы печати. Эмиль Жирарден и генерал <Э. Л. О. де> Сиссэ. Биографические черты Э. Жирардена. <А.> Лефор. Покупка <ружей А. А.> Шаспо. Предстоящие процессы по делам печати. Декрет о конгрегациях. Беспорядки. (ИИ).

4 нояб. № 305

С. 1—2: Московская правда: Беспорядок при порядке. Гимнастика урядника. Злые языки против почтмейстера, или Не всегда голова, но и руки. Мелкое чиновничество. Виленская консистория. Светлые надежды. Народные чтения в Москве. Удивительный пастырь. Керосин что динамит. Предостережение конкам. Московское техническое училище /

Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 ноября: <О продовольствовании хлебом моск. бедняков> / <Г.-П.>; Реферат Н. В. Калачева: Заседание Моск. Юрид. общества <по вопросу: были ли в древней России волостные суды>; **С. 2—3**: Опера «Юдифь» А. Н. Серова. (О); **С. 3**: Из Никольска, Вологодской губ. *21 окт.*: Поднадзорные; Из слободы Кукарки, Вятской губ., Яранского у. *19 окт.* Местоположение. Население. Торговля. Погода. Торговля хлебом. Цены. (ВИ); **С. 4**: Указ. журналов: <Роспись содерж. нояб. книжек журн.: *«ВЕ», «ИВ», «РР», «РС», «ЮВ»*>.

5 нояб. № 306

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 ноября: <О пересмотре законов о печати, в частности статьи 1039 «О диффамации»> / + <Ф. А. Гиляров>; Из Петербурга. *1 нояб.*: Последние новости; **С. 2—3**: Из Владимира на Клязме. *1 нояб.*: Акт в женской гимназии. Чтение для народа. Концерт. Театр. Несчастные случаи. Дороговизна. (ВИ).

6 нояб. № 307

С. 1—2: Крестница герцогини: (Роман Мерувеля). VI—VII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 ноября: <О сложном цензур. процессе разрешения к печати учеб. литературы> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: «Борис Годунов» <М. П. Мусоргского> на московской сцене. (ТиМ); Из Петербурга. *2 нояб.*: Опять осень. Наводнение. Бедствие. Хлебный вопрос и частная благотворительность; Из Харькова. *23 окт.*: Ярмарка. Предполагаемый перевод ярмарок. (ВИ); Болгария: Законопроекты, внесенные в народное собрание. Содержание Синей Книги; Германия: Петиция против евреев (ИИ).

7 нояб. № 308

С. 1: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях. (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.). VIII: О вооруженном сопротивлении, оказанном чинам полиции при производстве обыска в квартире № 9 дома № 10 по Саперному переулку; IX: О вооруженном сопротивлении власти 24 июля сего года на Васильевском по Среднему проспекту у реформатской церкви и о нанесении сопротивлявшимся ран: швейцару <А.> Степанову и дворнику <С.> Китову. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 ноября: <Об имуществ. цензе при выборах в органы самоуправления> / <Авт. не установлен>; Акт в Московской духовной семинарии / Х.; **С. 3**: Из Самары. *15 окт.*: Денежная несостоятельность земских управ. Камера мирового судьи; Из Саратова. *26 окт.*: Ранние холода. Нищие дети. Отощание. Вопрос о продовольствии. Юбилей семинарии. Железнодорожное несчастие; Из Уфы. *16 окт.*: Пожары. Цены. (ВИ).

8 нояб. № 309

С. 1—2: Заседание С.-Петербургского военно-окружного суда по делу о 16 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях: (Заседание 25 октября): <Из газ. *«ПВ»*>: (Оконч.) X: Доставление денежных средств членам социал-революционной партии. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 ноября: <Суждения Г.-П. о необходимых преобразованиях Закона о печати, высказанные им по предложению Комиссии> / <Г.-П.>; Первое представление «Юдифи» <А. Н. Серова>. (О); **С. 3**: Из Вязников. *16 окт.*: «Бегомания». Несчастные

случаи. Меры по благоустройству города. (ВИ); Восточные земли. Из Филиппополя. *9 окт.*: Открытие областного собрания. Наше больное место. О мерах к улучшению финансов провинции. Суд над убийцами <О. Н.> Скобелевой. Курьезное заявление старшин Рупченского округа. (ИИ).

9 нояб. № 310

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. IX—XII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 ноября: <«Полезны ли нар. чтения?» О моск. читальнях> / <Авт. не установлен>; Петербург: (Дар обществу древней письменности <гр. А. Д. Шереметева: серб. рукописи XV и XVI вв., отд. листы из пергаментных рукописей XIII—XV вв.>); **С. 3**: Из Воронежа. *28 окт.*: Материальное богатство. Недостаток школы. Процветание медицинского персонала. Нужды города. Банкротства; Из Тихвина. *19 окт.*: Дороговизна. Случаи во время ярмарки / <А. П. Шамшев>; Из Курска. *6 нояб.*: Верное средство к понижению цены на хлеб / <А. А. Танков>; Из Одессы. *27 окт.*: Итальянская опера. Просьба студентов Новороссийского университета. Запрещение газеты «Правда». Выборы в университет. Сборник статей <Ф. К. Бруна> «Черномор<ье>» <(Одесса, 1879—1880. Ч. I—II)>. Строгие наказания. Погода. (ВИ).

10 нояб. № 311

С. 1: Самоубийца. VIII—IX / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 ноября: <О доступе семинаристов в ун-т и «аттестате зрелости»>/ <Г.-П.>; Из писем в редакцию <о хлебе>: I / Л.; II / Х.; **С. 2—3**: Из Ярославля. *15 окт.*: Состояние погоды. Закрытие навигации. Крестьяне, застигнутые врасплох зимой. Буря. Учителя-скептики. Каток. Казармы. Дороговизна; **С. 3**: Из Тамбова. *1 нояб.*: О правах для реалистов. Выписка периодических изданий; Из Киева. *30 окт.*: Общества вспомоществования недостаточным учащимся; Из Тифлиса. *31 окт.*: Драматический грабеж. Объявления о пропаже супругов. Курьез в думском заседании / Пров. (ВИ).

11 нояб. № 312

С. 1—2: Московская правда: Москва, перед избранием. Нужно сойтиться — прислушаться. Образчик беседы избирателя с обывателем. Невзгоды в Бронницком уезде. Суздаль. Школа под водою. Дикие люди. Обед лесничих в Туле. Образцовый спич. Письмо юнкера. Школьные порядки. Совпадение жизни с приказом. Великие истины. 2-е предостережение конкам / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 ноября: <«Хлебный капитал» — источник удешевления хлеба> / <Г.-П.>; <О заседании ОЛРС для организации подписки на сооружение памятника Гоголю>; **С. 3**: Из Петербурга. *7 окт.*: Диспут г. <О. Д.> Хвольсона <докт. дис. «О магнитных успокоителях»> и новое его сочинение; Из Гродно. *5 нояб*: Дороговизна. Жиды-землевладельцы. (ВИ).

12 нояб. № 313

С. 1: О том и о другом: Погода и болезни. Сетующее Замоскворечье и Таганская Палестина о мытищинской воде. Еще о прудах Патрикеевских. Башкировские бараки. По поводу дешевого хлеба. Калашниковская комиссия. Есть ли у нас хлеб или нет. Кое-что по делам торговли вином и по выделке водок. Издания г. <В. И.> Грацианского. Цеховой, погребенный за мещанина. Ошпаренные паром Хлудовской водокачки / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 ноября: <О необходимости введения из-

менений в преподавание классич. языков> / <А. Н. Гиляров[18] под ред. Г.-П.>; Мысль о гимназической программе / Г. К—ин; **С. 2—3**: «Светит, да не греет». Драма в 5 действиях <А. Н.> Островского и <Н. Я.> Соловьева (ТиМ); **С. 3**: Из Киева. *30 окт.*: Замедление открытия училища. Некрологи А. В. Иванова и Dr. <В. К.> Картамышева. (ВИ).

13 нояб. № 314

С. 1: Самоубийца. X / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 ноября: <По поводу начала экспорта изделий рус. кружевниц> / <Г.-П.>; Из Ростова, Ярославской губ. *8 нояб.*: История школы. (ВИ); **С. 2—3**: Из Парижа. *12 нояб. (30 окт.)*: Декларация Жюль Ферри. Заседание палаты. Смерть и воскресение министерства. Новое заседание палаты. Речь Жюль Ферри. Речь <Ж.> Клемансо. (ИИ).

14 нояб. № 315

С. 1: <Вступ. заметка ред.> / + *Ред.* <Ф. А. Гиляров>; Без места: <Рассказ> / Голодающий самочитец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 ноября: <О непомерности синодального делопроизводства и вреде гражданских наград (орденов) для духовенства — по поводу публикаций в газ. «Восток»> / <Г.-П.>; Вопрос о свободе печати в историческом его развитии / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Симфонические собрания музыкального общества. Солисты: гг. Бутини, <В. Ф.> Фитценгаген и <Э.> Нейперт. Композитор Э. Григ. (ТиМ).

15 нояб. № 316

С. 1: Бездомное студенчество. I—II / Копник-Вантеев. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 ноября: <Впечатления от пребывания в качестве присяж. заседателя в Моск. окруж. суде по уголовному делу> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: С берегов реки Камы. *30 окт.*: Неимение воды в реке Каме. Несплавленные суда. Несчастье через водополье. Погода. (ВИ); Из Софии. *24 окт.*: Открытие народного собрания. Чем ознаменовались его первые два заседания. Безнадежность чорбаджийской партии. Источник недовольства правительственными лицами. Новости литературы. Предстоящий приезд князя <Александра I Иосифа фон Баттенберга>. (ИИ).

16 нояб. № 317

С. 1—2: Церковь Всех Святых в Ростове (Ярославск<ой> губ.) и поп Георгий Скриница: Событие XV столетия / Александр Артынов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 ноября: <О предполагаемом проекте перехода к минеральному топливу> / <Г.-П.>; Белорусские письма. I: Дело крестьян Виленской губернии, Дисненского уезда, Чересской волости, сельского общества / Белорусский крестьянин; Опера «Юдифь» <А. Н. Серова> на сцене Большого московского театра. (О); **С. 3**: Из Харькова. *11 нояб.*: Наш театр. «Гроза», опера В. Н. Кашперова. (ВИ); Германия. Прения прусской палаты депутатов о еврейском вопросе на заседании 22 (10) ноября. Случаи антисемитской пропаганды. (ИИ).

---

[18] Атрибутируется предположительно на основании письма А. Н. Гилярова к Г.-П. от 1 ноября 1880 г., где говорится: «Желание Ваше — написать статью об изменении гимназической программы — постараюсь исполнить в возможно скором времени. Я уже начинал писать ее (еще до Вашего письма), но остановился: надо подумать» (РНБ. Ф. 847. № 609. Л. 19).

17 нояб. № 318

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 ноября: <О несовершенстве судеб. системы и воен. поселениях для колонистов> / + <Ф. А. Гиляров>; Артель трубочистного мастерства: (Письмо редактору) / О. Н. Б.; **С. 3**: Из Симбирска. *2 нояб.*: Погода в продолжение года. Цены. Самоубийство. Пожары; Из Царицына. *10 нояб.*: Адрес И. В. Мельникову <бывш. гор. голове>. (ВИ).

18 нояб. № 319

С. 1: Московская правда: Письмо в редакцию и объяснение редакции. Мелочи жизни. От чего жид не пропал. Сила Израиля. Жид мешает фельетону. Жид и немец. Коломенский диакон-бас. Что наделал Пушкин в московском земстве. Слон и муха. Микроскоп жизни. Намек на Кредитное общество. Земство с кирпичами. Ревизоры Иван Иванович и Иван Никифорович. Погода в богадельне. Богадельня под арестом. О хлебе. Топор за поясом. Слова, но не дело / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 ноября: <О необходимости оздоровления финансовой системы> / <Г.-П.>; Противоеврейское общество. Предстоящий бенефис г. <Б. Б.> Корсова. Г-жа <А. В.> Лентовская. Новый кружок любителей драматического искусства. (ЗиИ); Русская опера. Представление «Демона» <А. Г. Рубинштейна> в бенефисе г-жи <Е. А.> Массини; Частные театры: «Иудушка» на театре б. п. Пушкина (ТиМ); **С. 3**: Из Киева. *6 нояб.*: Пожар. «Заря» <газ. М. И. Кулишер и П. А. Андреевского>. Литературный процесс. Цены. Дума. (ВИ).

19 нояб. № 320

С. 1: Самоубийца. XI / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 ноября: <О необходимости реформ в Академии наук — в связи с засильем немцев в ней, по поводу забаллотировки Д. И. Менделеева> / <Г.-П.>; Вопрос о свободе печати в историческом его развитии / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; **С. 3**: Из Петербурга. *14 нояб.*: Картина <А. И.> Куинджи <«Лунная ночь на Днепре»>. Забаллотировка г. <Д. И.> Менделеева в Академии наук. «Слово о спиритизме» о. <прот. И. Н.> Полисадова. Воровской притон; Из Венева, Тульской губ. *25 окт.*: Буря. Неурожай и следствие его. Цены. Лихорадка; Из Ростова на Дону. *6 нояб.*: Больничный налог. Продовольственный комитет; Из Одессы. *12 нояб.*: О консерватории в Одессе. Русский театр. Техническая школа. Передвижная выставка. Студенческая читальня. Призыв к воинской повинности. Евреи и другие иностранцы в учебных заведениях. Погода. (ВИ).

20 нояб. № 321

С. 1: Речь <А.> Штеккера <главы полит. фракции «христиан. социализма» в Германии> о евреях. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 ноября: <О предстоящих выборах в уездное земство: запрет на «избирател. сходки» и публич. обсуждение программ превращает выборы в фальшь и интригу> / <Г.-П.>; Вопрос о свободе печати в историческом развитии. III / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; **С. 3**: «Гугеноты» <Дж. Мейербера> на сцене московского Большого театра. Симфонические собрания. Последний симфонический концерт. (О); <Рец. на кн.: Календарь на 1881 год иллюстрированный / Под ред. А. Гатцука>. (НК); По поводу забаллотировки г. <Д. И.> Менделеева Академией наук. (ПП); Из Нижнего Новгорода. *17 нояб.*: Несчастие от половодья; Из Самары. *5 нояб.*: Неудобное расписание железной дороги. Буран. Прибытие железнодорожного инспектора <Клевецкого>. (ВИ).

21 нояб. № 322

С. 1—2: Обыск в деревне: (Рассказ Старого Знакомого <Н. И. Пастухова>). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 ноября. <О петициях студентов университетов и др. высших учебных заведений> / + <Ф. А. Гиляров>; По поводу забаллотировки г. <Д. И.> Менделеева. (ПП).

22 нояб. № 323

С. 1—2: Из суеты житейской: Мое объяснение к читателю. У мирового судьи Рогожского участка. Дело послушника. Прием новобранцев. В клубе у купцов. Встреча с П. М. Калашниковым / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 ноября: <О предложении гр. М. Т. Лорис-Меликова, направленном в Комиссию для пересмотра законов о печати, — об отмене нынешней системы административных взысканий и о составлении новых правил о печати> / + <Ф. А. Гиляров>; Хлеб и пекари / Испекшийся хлебник; **С. 3**: Петербург: (Подписка на премию г. <Д. И.> Менделеева); Из Петербурга. *19 нояб.*: Кража или самоуправство? (ВИ).

23 нояб. № 324

С. 1—2: Парижские письма. I: Французские экстравагантности / Хар—ов. <Внизу: «Париж, 18 ноября»>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 ноября: <О путях удешевления хлеба> / <Г.-П.>; Хлебопеки и хлебные цены / П. Осипов; Хоругви для храма Христа Спасителя. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Проект Пушкинского общества); Из Петербурга. *21 нояб.*: Возвращение Государя Императора <Александра II>. Погода. Проект об отмене административной ссылки. Смертность в Петербурге. (ВИ).

24 нояб. № 325

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XV—XVIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 ноября: <О прощании с князем Н. П. Мещерским, попечителем Моск. учеб. округа, о письме к изд. газ. *«МВед»* окружного инспектора Я. И. Вейнберга и кн. В. П. Мещерского> / + <Ф. А. Гиляров>; Вопрос о свободе печати в историческом его развитии. IV / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>.

25 нояб. № 326

С. 2: Москва, 24 ноября: <Об отмене соляного акциза> / <Г.-П.>; Новая алхимия. II / А. Н.; Противоеврейский кружок. (ЗиИ); **С. 3**: Из Нижнего Новгорода. *18 нояб.*: Катастрофа на Волге. (ВИ).

26 нояб. № 327

С. 1: Музыкальная хроника: Симфонические собрания и судьба русской национальной музыки. Московская консерватория в роли руководительницы. Русские композиторы. Оркестровые вещи первых трех симфонических собраний. Оркестр и г. <Н. Г.> Рубинштейн. Хор Русского музыкального общества. «Jeanne d'Arc» <Ф.> Листа, «Ариозо» <Ж.> Массне, романс <Д. В.> Давыдова. Г-жа <Е. А.> Лавровская и г. Буттини. Концерт <В. Ф.> Фитценгагена. Квартетные собрания / Старый музыкант <С. Н. Кругликов>. (<Ф>); **С. 1—2**: Москва, 25 ноября: <Д. И. Менделеев и Академия наук; о необходимости преобразований в Академии, стоящей «вне живой связи с просвещением в России»> / <Г.-П.>; **С. 2**: Японские письма. I: Нико, место погребения двух сёогунов из фамилии Токугава; II: Успехи христианской проповеди / И. А. <Анатолий (Тихай), иером.>;

Телеграмма Д. И. Менделееву. Театрально-музыкальные новости. По поводу представления оперы «Фауст» <Ш. Гуно> 20 числа в Пушкинском театре. Бенефисы. Дебют виолончелиста <З.> Бюргера в Пятом симфоническом собрании Русского музыкального общества. Певица <М.> Зембрих-Коханская. Новые музыкальные произведения П. Чайковского. (ЗиИ); Чтение <Н. Ф. Ярцева> о Петре Великом. Волга и ее значение. (ПЧ); **С. 3**: Из Киева. *16 нояб.*: Продовольственный вопрос. Вспомоществование недостаточным студентам. (ВИ).

27 нояб. № 328

С. 1: Мытищинские колодцы / <М. Т.> Селезнев. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 ноября: <Бесполезность «Бюллетеней», изд. Академией наук; «Академия должна быть русскою по своему составу и по своим трудам»> / <Г.-П.>; «Господа избиратели», комедия в 5 действиях, соч. А. И. Пальма. (ТиМ); **С. 3**: Из Суздаля, Владимирской губ. *16 нояб.*: Пожертвование. Позабытое постановление городской Думы об открытии ремесленного класса. Открытие 2<-го> приходского училища; Из Могилевской губ. *16 нояб.*: Страшная дороговизна. Холерина. Экономическое положение; Из Воронежа. *14 нояб.*: Последняя сессия окружного суда. Заседание Думы о помощи горожанам. Ревизия сенатора <В. П.> Мордвинова; Из Саратова. *15 нояб.*: Истощение средств. Бедственное положение крестьян. Дифтерит и скарлатина. Образцовое состояние пожарной команды; Из Тифлиса. *17 нояб.*: 5 000 за погребение / <А. Калманлидзе?>; С берегов Камы. *1 нояб.*: Последствие внезапно наступившей зимы. Колебания цен на хлеб и установление пути. Земские дела. (ВИ).

28 нояб. № 329

С. 1: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XIX—XX / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 ноября: <О письме А. А. Пороховщикова к моск. избирателям о смертности в Москве и об истории постройки серпуховских казарм> / <Г.-П.>; Годовщина падения Плевны / Русский; Шестое симфоническое собрание. Второе квартетное собрание. Бенефис г. <С. А.> Черневского. Дебют г-жи <А. В.> Живокини. Спектакль и бал. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *26 нояб.*: По поводу выборов в Академию наук. Противник гласности. Самоубийство А. И. Бубнова; Из Иваново-Вознесенска. *5 нояб.*: Торговля. Цены. Местная промышленность. Предстоящие выборы. Составление проекта об открытии Технического училища. Криминальная хроника. Увеселения. Погода. Некролог В. С. Каретникова / <В. Белов?>. (ВИ); Из Парижа. <*Без даты*>: Процесс <А. де> Рошфора и <М.> Лезана <обвинявших Э. Л. О. де Сиссэ в любовной связи со шпионкой бар. Кауль> / Хар—ов; Восточные земли. Болгария: По поводу всеобщей воинской повинности. (ИИ).

29 нояб. № 330

С. 1—2: Из суеты житейской: На поминках купеческой фирмы. На кладбище И. А. Кобылина. Встреча с <П. П.> Петуховым. Купец <Т. П.> Прозорливый и новый салон деВарьете. Разговор с Никитой Феоктистычем. Становой пристав. Самоубийца / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 ноября: <О письме И. С. Тургенева к фельетонисту «Рус. ведомостей» П. Д. Боборыкину с обращением к моск. обществу жертвовать на памятник Г. Флоберу на одной из площадей Руана; «галломания» и «рабство духа» у Тургенева> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Из Киева. 22 *нояб.*: Впечатление известия о забаллотировке <Д. И.> Менделеева; Из Дерпта. *21 нояб.*: Представление труппы гимнастов. Музыка. Увеселение. Состояние погоды / Л. Л. Л. (ВИ).

30 нояб. № 331

С. 2: Москва, 29 ноября: <По поводу толков о стипендии имени кн. Н. П. Мещерского> / + <Ф. А. Гиляров>; Вопрос о свободе печати в историческом его развитии. V / Ф. С—ч <Серно-Соловьевич Ф. Ф.>; Всемогущество евреев-портных в юнкерских училищах. (ЗиИ); **С. 3**: Сцена Немецкого клуба. (ЧТ); Из г. Никольска, Вологодской губ. *10 нояб.*: Поднадзорные. Земское собрание; Из Курска. *24 нояб.*: Неприятная история в общественном клубе. Ограбление одного из городских храмов / <А. А. Танков>; Из Тифлиса. *12 нояб.*: Характеристика горцев. Русское общество пароходства и торговли / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

1 дек. № 332

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XXI—XXII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 ноября: <А. А. Пороховщиков о действиях городского управления — по поводу неумелой постройки серпуховских казарм> / <Г.-П.>; Практика «обложений», заслуживающая теорий / В. П. <В. Ф. Пелешевский>; Общественное положение женщин: (Лекция проф. И. Т. Тарасова в Ярославле) / Одна из слушательниц. (ПЧ).

2 дек. № 333

С. 1—2: О том и о другом: Мое пожелание городским выборам. Почему не все домовладельцы будут в них участвовать. Два слова г. <П. М.> Калашникову о казармах. Неравномерная раскладка трактирного акциза. Истязание детей. Из жизни нашего купечества. Недоразумения с телеграфистами. О кредитном обществе. Снова откупа / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 декабря: <Накануне выборов в Думу новых гласных> / + <Ф. А. Гиляров>; Перевод сочинения д-ра <Г.> Шлимана <«Илиас, город и страна троянцев»>. По делам общества русских драматических писателей. Бенефис г-жи <А. Г.> Ильинской. Предполагаемые дебюты в Большом театре. Бенефис г. <П. А.> Хохлова. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *27 нояб.*: Базар в пользу недостаточных курсисток. Закрытие женских медицинских курсов. Публичная лекция г. <О. Д.> Хвольсона. Общество воздухоплавания. Предстоящий концерт. «Бесплатная библиотека»; Из Нижнего Новгорода. *18 нояб.*: Обвинение в политическом извете. (ВИ).

3 дек. № 334

С. 1: По городским выборам / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 декабря: <1) По поводу предложения А. А. Пороховщикова не соединять в одном лице пред. Думы и гор. голову> / <Г.-П.>; <2) О необходимости гласного обсуждения программ кандидатов до выборов> / + <Ф. А. Гиляров>; А. Ф. Писемский. Новая перемена картин. Бенефис г. <Б. Б.> Корсова. Детский журнал <«Детский отдых» Н. А. Истоминой>. (ЗиИ); Скрипач Роберт Гекман. (ТиМ); **С. 3**: Из Тамбова. *12 нояб.*: Участие Думы в хлебной торговле. Вопрос о сокращении кабаков. Музыкальные вечера и классы. Статистика происшествий. Из прошлого; С берегов Камы. *10 нояб.*: Погода. Дороговизна. Проделки купцов. Новобранцы. Выборы. Торговля тряпкой. (ВИ); Из Софии. *8 нояб.*: Законопроекты, представленные народному собранию. Закон об устройстве духовенства г. <Д.> Цанкова и протест против него экзарха <Иосифа I (Иовчева)>. Отпор притязаниям консулов иностранных держав. Несостоявшаяся дуэль. (ИИ); **С. 4**: <Ж.> Бабине о конце мира / С. (РИ).

4 дек. № 335

С. 1: На выборах / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Музыкальная хроника: Педагогические результаты Московской консерватории. Г<-н> <А. И.> Зилотти. Пианисты: гг. <Э.> Нейперт, <П. А.> Пабст, <А. И.> Галли, братья <А. Г. и Н. Г.> Рубинштейн и <П. А.> Шостаковский. Оркестровая пьеса последних симфонических собраний. Симфонии <К.> Сен-Санса, <Й.> Гайдна и А. Рубинштейна. «Танцы» <А.> Дворжака. Рапсодия <Ю.> Свендсена. Увертюра к «Мессинской невесте» и реквием <Р.> Шумана. «Иоанн Дамаскин» <Б. А. Фитингофа>-Шеля. Романсы <М. А.> Балакирева в исполнении г. <Б. Б.> Корсова. Гг. <Р.> Гекман и <З.> Бюргер. Г-жа Веревкина. Исполнительное собрание Общества любителей музыкального и драматического искусств в концерте г. <П. А.> Щуровского / Старый музыкант <С. Н. Кругликов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 декабря: <О внутреннем положении северо-западных губерний — по поводу корреспонденции «Из Минска»> / <Авт. не установлен>; **С. 3**: Проделки евреев. (ЗиИ); <*Крашевский И.* Король и Бондаривна: Повесть / Пер. с пол. М., 1881>. (НК); О преобразовании духовной цензуры. (ПП); Из Минска. *30 нояб.*: Отсутствие известий из северо-западных губерний. Слухи о введении судебного преобразования. Где будет палата: в Минске или Вильне? Случай с конокрадами. (ВИ).

5 дек. № 336

С. 1—2: Благодетели нашей армии. По поводу окончательного расчета с Товариществом Грегер, Горвиц, Коган и К° / Дисненский. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 декабря: <Россия и католические происки — по поводу переговоров с папским двором; уп. Н. А. Милютин, кн. В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин> / <Г.-П.>; Вопрос о свободе печати в историческом его развитии: (Оконч.). VI / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Аукцион картин русских художников. Наши просветители, сбывающие дрянные произведения западных якобы художников. (ЗиИ); **С. 3**: Чтение о святителе Николае. Защита русскими «Зеленых Гор» под Плевной. (ПЧ); <Рец. на кн.: *Павловский П.* Общедоступная ветеринарная школа: (Домашний скотолечебник). М., 1880>. (НК); Из Ельца. *25 нояб.* Пожертвование хлеба / <И. В. Никитин>. (ВИ).

6 дек. № 337

С. 1: Из суеты житейской: Мое возвращение с выборов. Знакомство с корнетом Закаталовым. Его рассказ о дрессировке нового гласного Петра Петровича Милейшего / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 декабря: <По поводу «Объяснения» в газ. *«МВед»,* направленного против передовых статей о кн. Н. П. Мещерском в газ. *«СИ»,* № 325, 331> / + <Ф. А. Гиляров>; Письма к редактору Н. О. Эмину <о кн. Н. П. Мещерском>; **С. 3**: Сцена Немецкого клуба. (ЧТ); Из Петербурга. *2 дек.*: Вечер в пользу студентов университета. Подробности о самоубийстве подполковника <А. И.> Бубнова; Из Самары. *20 нояб.*: Санитарное положение Самары. Вопрос о продовольствии бедных и местные скупщики хлеба. Дороговизна и ожидаемое понижение цен на хлеб. Результаты октябрьского чрезвычайного губернского земского собрания. (ВИ); Германия: Объяснения <А.> Штеккера <по поводу критики им лиц, протестовавших против «антисемитического движения»>. (ИИ).

7 дек. № 338

С. 1: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XXIV—XXV / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 декабря: <Недостатки в деятельности учрежденного в 1871 г. Комитета по

установке памятника М. И. Глинке в Смоленске > / <Г.-П.>; Крестьянская промышленность на Всероссийской выставке в Москве в 1881 году / Н.; «Неуловимый многоженец»: <Крат. содерж. очерка Н. С. Лескова о педагоге К. О. Малине>; К кому обратиться, кого просить?: <О помощи душевнобольным> / Т.; Беспоповщинские секты: покрещеванцы, нетовцы и отрицанты. (ИСМ); **С. 2—3**: «Игрушечка», журнал для детей. 1880 г. / О. Ш. (НК); **С. 3**: Из Смоленска. *3 дек.*: Пробуждение общества после долгой спячки. Местный комитет по сооружению памятника М. И. Глинке. Его последняя деятельность; Из Киева. *20 нояб.*: Студенческое бюро. Хор. Музыкальный кружок. Тиф в тюрьме; Из Воронежа. *2 дек.*: Продажа удешевленного леса. Субсидия театру. Дело директора театра; Из Самары. *30 нояб.*: Военно-окружной суд. Зима; Из Саратова. *23 нояб.*: Местная благотворительность. (ВИ); Восточные земли. Болгария: Документы «Зеленой книги». Внесение разных законопроектов в Народное собрание. Предстоящая поездка русского дипломатического агента <А. М. Кумани>. (ИИ).

8 дек. № 339

С. 1—2: Самоубийца. XII / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 декабря: <О беспорядках в студенч. среде и путях ее умиротворения> / <Г.-П.>; Единоверческая типография. Скрипач <И.> Гржимали. По поводу последнего представления «Демона» <А. Г. Рубинштейна>. Опера «Нерон» <А. Г. Рубинштейна> на берлинской сцене. (ЗиИ); **С. 3**: «Шалость», комедия в 3 действиях, соч. Виктора Александрова. (ТиМ); Из Котельнича. *28 нояб.*: Доклад земскому собранию <по народному образованию> / Константин Иванов Сенников; Из Ярославля. *3 дек.*: Цирк. Публичная лекция <И. Т. Тарасова «Обществ. положение женщины»>. Спектакли. Студенческий вечер. (ВИ).

9 дек. № 340

С. 1: На выборах / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 декабря: <О «Студенческой истории» 5 дек.> / + <Ф. А. Гиляров>; Голос бывшего студента / Бывший студент; **С. 3**: Из Одессы. *1 дек.*: Погода. Домашние обеды. Каботажный вопрос. Новые газеты <«Черноморье» и «Маяк»>. Квартиры. Конка. Проект памятника Пушкину. Выставка. Диспут в университете <магист. дис. В. М. Репяхова «О морфологии мшанок»>. Дело доктора <М. В.> Липмана; Из Казани. *1 дек.*: Междуадминистраторство. Оригинальная кража. Клад для монастыря. О сенаторской ревизии. Забаллотировки. Скоропостижные смерти / Сибирский казак. (ВИ).

10 дек. № 341

С. 1: На выборах / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 декабря: <О статье Н. П. Колюпанова «Уездные крестьянские присутствия» в дек. книжке журн. «*РМ*»> / <Г.-П.>; По бракоразводному вопросу / Н. М—в; Спектакль в консерватории. Приезд скрипача г. <Э.> Сорэ. Квартетное собрание. (ЗиИ).

11 дек. № 342

С. 1: На выборах / Это он <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 декабря: <Размышления на тему: «Что делать с университетами?» — по поводу публикаций газ. «*НВр*» и «*МВед*»> / <Г.-П.>; 5-е декабря в Московском университете; Похороны В. П. Маслова <преподавателя Моск. уч-ща живописи, ваяния и зодчества> / П.; **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки». I. (СЛ); **С. 3**: Преследование драматурга <приказ-

чика из Томска, сочинителя>. (С); Из Зарайска, Рязанской губ. *30 нояб.*: Криминальная хроника. Поднадзорные. (ВИ).

12 дек. № 343

С. 1—2: Московский окружной суд: Дело «Золотой Ручки»: (Продолж. обвинит. акта). II (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 декабря: <О результатах гор. выборов> / <Г.-П.>; **С. 3**: Предстоящий духовный концерт. Бенефис <К. Ф. Берга в Малом театре> / + <Ф. А. Гиляров>. Дебют г-жи Саджини <в Большом театре>. Евреи обокрали еврея. (ЗиИ); Чтения об Екатерине II. Чтение о полезных и вредных для человека насекомых (ПЧ); Из Одессы. *6 дек.*: Заявление г. министру народного просвещения <А. А. Сабурову>. (ВИ).

13 дек. № 344

С. 1: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 декабря: <Еще о выборах гласных> / <Г.-П.>; К известиям о студенческих беспорядках. (ЗиИ); Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); Несколько слов о представлениях «Опричника» <П. И. Чайковского>. Дебют г-жи <П. Н.> Веревкиной. Последние новости. (ТиМ); <Рец. на кн.: Записки Императорского Русского Географического общества. По отделению этнографии / Под ред. Н. И. Веселовского и П. И. Лерха. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Сергиевского посада, Московской губ. *8 дек.*: Спектакль в пользу недостаточных студентов Академии. Открытие студенческой библиотеки; Из Воронежа. *4 дек.*: Погода. Продовольственный вопрос. Губернское земское собрание. Сенаторская ревизия. Конная ярмарка / Р.; Из Саратова. *4 дек.*: Затмение луны. Впечатление отмены соляного акциза. Всеподданнейший адрес. Падение цен. Настроение общества. (ВИ).

14 дек. № 345

С. 1—2: Московская правда: Герои и типы общества. Их устав и заповеди. Порода Неподвиженских. Судья Немец Иванович. Фабрикант с курицей. Игуменья — бухгалтер. История с молью. Шуба наизнанку. Общий знаменатель. Маэстро-настройщик. Артистические экипажи Аполлона и Музы / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 декабря: <К 300-летию первого печат. издания полной славянской Библии (Острожской)> / + <Ф. А. Гиляров>; Рабы торговли / Л.; **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Из Юрьевецкого у., Костромской губ. *5 дек.*: Народное образование в уезде. Питейное дело. Отхожие промыслы. Фабрики и фабричные. Раскол. (ВИ).

15 дек. № 346

С. 1—2: Самоубийца. XIII—XV / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 декабря: <Об ожидаемом дефиците в гос. смете министра финансов А. А. Абазы> / <Г.-П.>; Заседание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 4 декабря: Реферат г. <А. С.> Пругавина <«О значении сектантства в нар. быте и нашем знакомстве с ним»>. (ОиС); **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки». (СЛ); **С. 3**: Из Владимира. *7 дек.*: Судебная хроника. Цены. Спектакль. Трагическое происшествие. Несчастный случай; Из Тифлиса. *2 дек.*: Ростовщичество под фирмою торговых домов / Пров. (ВИ); Германия: Резолюция, принятая на антисемитической сходке 17 (5) декабря. Резолюция еврейской сходки. Образчик внушений прогрессистской партии. (ИИ).

16 дек. № 347

С. 1—2: Самоубийца. XVI—XVII: (Оконч.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 декабря: <Еще о студенч. беспорядках и о средствах против них> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Бенефис г. <К. Ф.> Берга: «Одним грехом более», драма в 4 действиях А. Лаврова. «Виновна, но заслуживает снисхождения», комедия в 2 действиях М. В. Карнеева. «Сама себя раба бьет», комедия в 1 действии И. П. З<азулина>. Театр г. <С. М.> Малкиеля / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); Из Петербурга. *12 дек.*: Раздельность имущества супругов и вытекающие отсюда последствия. Отставка попечителя г. <М. С.> Волконского. Благотворительность; Из Тифлиса. *1 дек.*: Живьем сожженная <девица Дьячкова>. Убитый <Н. Евемгулов> / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

17 дек. № 348

С. 1: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XXVIII: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 декабря: <О сведениях из Отчета Гос. контроля за 1879 г.> / <Г.-П.>; Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 2—3**: Из Владимира на Клязьме. *11 дек.*: Погода. Живой мост. Дамба. Такса. Акт в епархиальном женском училище. Братство Александра Невского. Епархиальная библиотека. Библиография. Нищие. Концерт / А. Б—ов <А. П. Бессонов>; **С. 3**: Из Киева. *6 дек.*: Высшие женские курсы. Литературный процесс. Дума. <Д. И.> Менделеев. Периодические издания в Киеве. <М. Т.> Иванов-Козельский. Сельскохозяйственный съезд; Из Царицына. *6 дек.*: Прежде и теперь. Откуда ждать помощи? Меры к уменьшению бедствия / В. В. (ВИ).

18 дек. № 349

С. 1: Крестница герцогини: Роман Карла Мерувеля. XXX—XXXI / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 декабря: <«Бестолковость» моск. гор. самоуправления> / <Г.-П.>; Старопоморская община / А. (ИСМ); Публичное заседание Общества любителей российской словесности. (ЛС); **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Из Ярославля. *14 дек.*: Печальное событие в ярославском губернском земстве и вопрос о банке. (ВИ).

19 дек. № 350

С. 1: Музыкальная хроника: Г<-н П. И.> Бларамберг и его сочинения. Два квартетные собрания Русского музыкального общества второй серии. <Й> Гайдн, <В. А.> Моцарт, <Л. ван> Бетховен и <Р.> Шуман как квартетисты. A-moll-ный квартет Шумана, b-dur-ный Моцарта и трио Бетховена. C-dur-ный квартет Бетховена, d-moll-ный <Ф.> Шуберта и соната А. Рубинштейна. Гг. <З.> Бюргер и <Р.> Гекман. Бессильная борьба г. <Р.> Гекмана с г. Н. Рубинштейном. Г<-н В. И.> Вильборг <пианист>. Седьмое симфоническое собрание и чествование именинника. H-moll-ная симфония <Ф.> Шуберта. «La fée d'amour» <И.> Раффа. Г<-н И. В.> Гржимали «Всемогущество Божие» <Ф.> Шуберта. Г<-н Д. А.> Усатов. Г<-н П. И.> Чайковский и его итальянское каприччио / Старый музыкант <С. Н. Кругликов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 декабря: <Необходимость перспективного плана развития Москвы> / <Г.-П.>; Вердикт по делу «Золотой ручки»; Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); Духовный

концерт Чудовского хора. (ТиМ); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) *Гончаров И. А.* Четыре очерка. СПб., 1881; 2) Живописный обиходный календарь на 1881 год. СПб., 1880>. (НК).

20 дек. № 351

С. 1: Невольник: <Очерк>: (Пер.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 декабря: <В связи с окончанием процесса по делу «Соньки, Золотой ручки» — о «еврейской шайке профессиональных воров»> / + <Ф. А. Гиляров>; Смерть главы федосеевцев <Е. Г. Гаврилова> / + <Ф. А. Гиляров>. Приговор по делу «Золотой ручки». (ЗиИ); Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); Русская опера: «Бал-маскарад», опера в 5 действиях, соч. <Дж.> Верди. (ТиМ); Петербург: (Спиритические сеансы). (ВИ).

21 дек. № 352

С. 1: О том и о другом: По городским делам. Касьян и его деяния. Приготовления к праздникам. Наши капиталисты / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 декабря: <О докладе Д. Ф. Самарина губерн. земству и о принятии земством ходатайства об организации обществ. благотворительности при приходах> / <Г.-П.>; <Рец. на кн.: Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М.: Изд. Комис. печатания грамот и договоров, 1880. Вып. I>. (НК); **С. 2—3**: Московский окружной суд: Дело «Золотой ручки» / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Из Эривани. *3 дек.*: Мусульманский праздник «Мугаррем». (ВИ).

22 дек. № 353

С. 1: Крестница герцогини: Роман Мерувеля. XXXII—XXXIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: О том и о другом: Поездка в Коломну / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); Москва, 1 декабря: <Дело о бунте бывших крепостных крестьян гр. А. А. Бобринского, занимавшегося ростовщической эксплуатацией; уп. Ф. Н. Плевако> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: К вопросу об организации русского студенчества / ⁂; **С. 3**: Московская судебная палата: Дело «О бунте крестьян». (СЛ); «Игрушечка», журнал для детей, еженедельное иллюстрированное издание, издаваемое в Петербурге Т. П. Пассек. II / С. У. <С. И. Уманец?>. (НК); **С. 3—4**: Из с. Кимры, Корчевского у., Тверской губ. 17 дек.: Призыв к воинской повинности. Трудное время. Лесоистребление. Поимка арестанта. (ВИ).

23 дек. № 354

С. 1—2: Московская правда: Сны Угадая: 1) Рыбье царство; 2) Разговор студента с гражданином; 3) Петухи; 4) Прогрессисты; 5) Опера и балет жизни; 6) Избиратели и Мефистофель; 7) Ассенизация; 8) Угадай и Истина. Кошмар и пробуждение / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 декабря: <О преобразовании земских учреждений — по поводу публикаций в газ. «Земство» и *«НВр»*> / <Г.-П.>; Комедия Д. В. Аверкиева «Сидоркино дело» на сцене театра <С. М.> Малкиеля. Летнее помещение этого театра. Гастроли М. Г. Савиной. Новая пьеса А. Н. Островского и <П. М.> Невежина <«Блажь»>. Приезд А. А. Потехина в Москву. По поводу разрешения цензурой комедии А. Ф. Писемского «Подкопы». Предстоящие новинки драматической сцены. Дебют <в Большом театре балерины> г-жи <М. Н.> Горшенковой. Новый балет. Г-жа Бекка <танцовщица> / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 3**: Программа графа <М. Т.> Лорис-Меликова и надежды русского общества. (ПП); Из Темникова. *10 дек.*: Саровская пустынь и земство. (ВИ).

24 дек. № 355

С. 1: Рождественские подарки в Лондонском почтамте: Из рассказов А. Форбс: (С англ.) / В. Р. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 декабря: <«Несоответствие закона»: запрет на березовые ветви в Семик вопреки нар. традиции и разрешение елок на Рождество в угоду барской прихоти> / <Г.-П.>; О рождественской елке / Бух—в; Выборы в Общество любителей российской словесности / + <Ф. А. Гиляров>; Письмо к основателям противоеврейского кружка / М. З—ский; **С. 2—3**: Из Вязников, Владимирской губ. *12 дек.*: Богомания. Бракоразводный вопрос. Народные бедствия. Кража в почтовой конторе. Пожар на фабрике; **С. 3**: Из Самары. *14 дек.*: Земское собрание. Доклад комиссии о продовольствии; Из Одессы. *16 дек.*: Землетрясение. Мыши на полях. 2 студенческих вечера. Выборы в университет. Диспут. Музыкомания. «Общество любителей музыки». Дело в окружном суде; Из Ялты. *2 дек.*: Конец сезона. Перемена погоды и дороговизна жизненных условий. Разница положений при этих условиях русского и жида. Жидовская предусмотрительность. Размер виноградных плантаций, зараженных филлоксерой, и меры, принимаемые для ее уничтожения. (ВИ).

25 дек. № 356

С. 1—2: Крестница герцогини: Роман Мерувеля. XXXIV—XXXVIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 декабря: <Из истории построения храма Христа Спасителя в Москве> / + <Ф. А. Гиляров>; Религиозное движение среди старообрядцев / Диакон М. Пятикрестовский; М. В. Ломоносов. О Малороссии и малороссах. (ПЧ); **С. 3**: Из Симбирска. *16 дек.*: Панихида о Карамзине. Празднование юбилея принца <П. Г.> Ольденбурского. Недоумение; Из Дерпта: (Письмо третье). *8 дек.*: Студенческие дуэли. (ВИ).

28 дек. № 357

С. 1—2: На праздниках. I—III / А—ва. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 27 декабря: <Еще о деле крестьян, попавших в кабалу к гр. А. А. Бобринскому — в связи с защитой последнего кн. Д. Д. Оболенским в газ. *«МВед»*; уп. М. Е. Салтыков-Щедрин как бытописатель пореформ. дворянства> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Прием и браковка в Московском городском по воинской повинности присутствии / П. Шр—р; Новый настоятель Сербского подворья <архим. Никифор (Дучич)>. Пианистка г-жа Коппе-Шпиндлер. (ЗиИ).

29 дек. № 358

С. 1: Крестница герцогини: Роман Мерувеля. XXXIX—XLIII: (Оконч.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 декабря: <О залогах промышленников в казну> / + <Ф. А. Гиляров>; Выборы профессора в Московском университете. Ученые записки Московского университета. Фотографические снимки с Бахчисарайского дворца для мануфактурной выставки. По театру. Премия от Общества любителей художеств. Общество книгопечатного дела. Альбом «Баян» <(М., 1880)>. (ЗиИ); <Рец. на кн.: *Щербаков Н. В.* О необходимости некоторых изменений в законоположениях о пограничной страже. СПб., 1880>. (НК); **С. 2—3**: Из Уфы. *5 дек.*: История церкви Св. Троицы; **С. 3**: Из Нижнего Новгорода. *25 дек.*: Даровая раздача книг. Водоснабжение. Недостаток дров; Из Переславля-Залесского. *23 дек.*: Новые распоряжения полиции. Цены; Из Самары. *20 дек.*: XVI губернское земское очередное собрание / Р. (ВИ).

30 дек. № 359

С. 1: Рассказ святочной елки: (Посвящ. малым и старым) / К—ов. (<Ф>); С. 2: Москва, 29 декабря: <О ненужности России трех официозов: «Journal de St.-Pétersbourg», «Agence Générale Russe» и «Nord» — в поддержку мнения на сей счет И. С. Аксакова в газ. «Русь»> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Речь Ф. Н. Плевако по делу крестьян села Люторич: <Из газ. «Рус. вед.»>; **С. 3**: Ялта. *18 дек.*: Отношение земства к городу. Город без больницы. Непроизводительная трата земских денег на оклады. Падеж скота в деревне Кижильтам. Деятельность городской Думы. Любительские спектакли. (ВИ); Франция: Некролог <Л.-О.> Бланки. (ИИ).

31 дек. № 360

С. 1: О том и о другом: Рождественские праздники. Святки. Предания о святках и масках. Ряженые. Святочные удовольствия. Загородные рестораны и цыгане. Предсказания Епинета Епинетовича / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 декабря: <Итоги новой правительств. программы и ее практического осуществления> / + <Ф. А. Гиляров>; Г-жа <Л. Н.> Гейтен в роли Жизели в балете Теофиля Готье того же названия. «Старый барин» и дебют артиста г. <Н. П.> Киреева на сцене театра <С. М.> Малкиеля. Два слова о комедии <П. М.> Невежина и А. Н. Островского «Блажь». Новая комедия г. <И. В.> Шпажинского <«Кручинушка»> / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 2—3**: Из Иваново-Вознесенска. *23 дек.*: Городской бюджет. Цены. Аресты воров и уменьшение случаев мошенничества. Открытие больницы и школы. Село Тейково. Неимение запасов хлеба в земстве / S. S. <В. Белов?>; **С. 3**: Из Одессы. *24 дек.*: Тиф. Постройка дома для умалишенных. Умалишенные. Бал студенческий. Землетрясение. Дела в окружном суде. (ВИ); Из Афин. *20 дек.*: Греческий вопрос. (ИИ).

1881

2 янв. № 1

С. 1: Поезд: I-й класс: <Очерк> / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 января: <1) Итоги «изнеможенного» 1880 г. в сравнении с 1856—1857 гг.; 2) И. Е. Забелин как «историограф Москвы» с ежегодным жалованием от Думы> / <Г.-П.>; Об устройстве в Москве ночных врачебных дежурств / <М.> Рунин; **С. 2—3**: Художественная выставка в Училище живописи, ваяния и зодчества / Ур—в <кн. А. И. Урусов>; **С. 3**: Обвинения против Православной церкви. Окружное послание. Антоний Шутов. Распадение австрийской иерархии. Проклятие на противоокружников. Собор. Победа над Антонием. Антоний и Сильвестр. (ИСМ); Из Тихвина. *<Без даты>*. Сгоревший завод / <А. П. Шамшев>. (ВИ).

3 янв. № 2

С. 1—2: Поезд: II-й класс: <Очерк> / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 января: <О Текинской экспедиции и необходимости ограждения южных границ за Каспием> / <Г.-П.>; Действия русских войск против текинцев; **С. 3**: По поводу статьи Н. Х. Бунге об устройстве нашей денежной системы. (ПП); Петербург: (Опыты магнетизера Ганзена): <Из газ. *«СПбВед»*>. (ВИ).

4 янв. № 3

С. 1: Поезд: III-й класс: <Очерк> / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 января: <Бюджетный дефицит и пути его преодоления> / <Г.-П.>; Об устройстве в Москве ночных врачебных дежурств / М. Рунин; Предполагаемое издание всеобщей истории. Театральные известия. Шайка ереев-карманников. (ЗиИ); Петербург: (Комиссия для исследования опытов Ганзена. Собрание Академии наук); **С. 3**: Из Юрьевского у. *1 янв.*: Отцеубийство и женоубийство; Из Тульской губ. *20 дек.*: Бешеные волки; Из Самары. *22 дек.*: XVI губернское земское собрание. Расходы самарского губернского земства. Даровая народная кухня; Из Немирова, Подольской губ. *19 дек.*: Учебный характер местечка. Пожар. Землетрясение. Погода и ее влияние. Нравы. Исключительное положение края. (ВИ).

5 янв. № 4

С. 1: Последний день осужденного в Америке: <Очерк>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 января: <О пожароопасном расположении бань П. Е. Пашкова в Ваганьковском пер.> / + <Ф. А. Гиляров>; По поводу организации земских учреждений / Z.; Русские льнопрядильни / Хр—н; Театральная субсидия. По мануфактурно-художественной выставке. Выставка охотничьих собак и лошадей. (ЗиИ); **С. 3**: Беспричинная ссылка. (С); Из Владимира на Клязьме. *30 дек.*: Губернское земское собрание. Вечер в пользу бедных. Епархиальная библиотека. Падение цен; Из Казани. *1 янв*. По поводу отмены акциза на соль. О других акцизах. Акциз с кабаков в пользу пройдох. Дело у мирового судьи о пощечине. Невыяснимый факт / Сибирский казак; Из Самары. *26 дек.*: Загадочное исчезновение судебного пристава. Маскарад в клубе; С берегов Камы. *15 дек.*: Несчастия чрез осеннее водополье / Т—ий; С Урала. *15 дек.*: Деятельность земства на Урале. Школы. Медицина. Гоньба. Волостной суд. Миссионер, жертва раскольников <изуверски убитый молодой свящ. Илия Суворов>. (ВИ); **С. 4**: Из воспоминаний о Н. В. Гоголе <Т. Г. Пащенко; из газ. «Берег»>. Иезуитская проповедь: <Из газ. *«ЦОВ»*>. Легенды Северо-Западной Монголии. Некролог Жоржа Эллиота <т. е. Дж. Элиота (наст. имя Мэри Анн Эванс)>. Видение А. П. Ермолова: <Из газ. *«НВр»*>. (РИ).

6 янв. № 5

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 января: <«Ирландскими делами ставится человечеству вопрос социальный...»> / <Г.-П.>; Письмо к редактору <о порядке приема новобранцев в Москве> / П. Шр—р. (ЗиИ); Жизнь <Е.> Гаврилова, вождя беспоповцев. (ИСМ); Русская опера. Несколько слов о репертуаре ее. Слухи о приезде итальянской оперы. (ТиМ); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) Всеобщая история литературы / Сост. по источникам и новейшим исслед., при участии рус. ученых и литераторов: В 3 т. / Под ред. В. Ф. Корша. СПб.: Изд. К. Риккера, 1880. Т. I; 2) *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.: Изд. Д. Ф. Самарина, 1880. Т. V: Стефан Яворский и Феофан Прокопович; 3) Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861) / С примеч. Нила Попова. М., 1880. Вып. II: Письма П. И. Шафарика; Вып. III (и последний); 4) Собр. соч. Гёте, в переводах русских писателей / Изд. под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1879—1880. Т. IX—X; 5) *Вяземский П. А., кн.* Полн. собр. соч. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1880. Т. III: 1808—1827 гг.; 6) *Schuyler E.* Peter the Great. I—II // Scribner's Monthly illustrated Magarine for the people, conducted by J. G. Holland. New York, 1880. № 4—5; 7) Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка 1806—1856 гг. / С факсимиле и 12 гравюрами. СПб.: Изд. М. Боткина, 1880; 8) Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благо-

получного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855—1880 гг.) / Сост. под ред. ген.-лейтенанта М. И. Богдановича. СПб., 1879—1880. Т. I—IV; 9) Курс истории русской литературы: (До Пушкина включительно) / Сост. по программе духов. семинарий М. А. Орлов. 4-е изд. СПб., 1880. Вып. I; 10) *Де-Роберти Е.* Социология основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *2 янв.*: Два слова о Святках. Горвиц и Коган. Интендантские чиновники; Из Белева. *26 дек.*: Благотворительность попечительства при Воскресенской церкви. Безучастное отношение Думы к бедным города. Погода. Стремление торговцев дровами к наживе. Увеселения на Святках. (ВИ); Из Афин. *26 дек.*: Греческая конституция. Народное образование. Промышленность. Флот. Отзыв французского корреспондента / Г. Д—фи. (ИИ); **С. 4**: Император Павел I и злоумышленник: <В *«ИВ»* А. В. Фигнер со слов А. П. Ермолова передает случай с Павлом>; Челобитные И. Ф. Горбунова. (РИ).

7 янв. № 6

С. 2: Москва, 6 января: <Слухи об отмене окруж. съездов духовенства; об организации духовно-учебного воспитания> / <Г.-П.>; <Заявление о городском голове и самоуправлении — в качестве возражения газ. «Русь»> / А. А. Пороховщиков; Подробности о бое под Геок-Тепе; Новое освещение г. Хотинского. Электрофотография. Новости телефонии / Ребровский. (Из мира открытий и изобретений); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) *Боголюбов Н. П.* История корабля: Общедоступ. изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен до наших включительно. М., 1879—1880. Т. I—II; 2) *Радонежский А. А.* Солнышко: Кн. для чтения в нар. училищах. СПб., 1880; 3) *Субботин А. П.* Обзор литературы по вопросу о прямом обложении и пошлинах: Библиогр. указ. / С предисл. кн. А. И. Васильчикова. СПб., 1879 (обл.: 1880); 4) *Янжул И. И.* Ливерпульская ассоциация финансовых реформ: Опыт критики гос. расходов. М., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Тамбова. *2 янв.* Предметы продовольствия и цены на них. Съезд представителей Кредитного общества. Посещение Тамбова попечителем учебного округа <М. С. Максимовским>. Заграничные лотереи. Случаи; Из Самары. *2 янв.*: Расходы земства. Потребность в пособии агрономам. (ВИ); **С. 4**: Некролог (Л. А. Серякова). Новый роман <Г.> Эберса <«Император»>. Открытие статуи Минервы <в Афинах>. (РИ).

8 янв. № 7

С. 1: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. I / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 января: <О введении русского языка в католическое богослужение и реакции папы на это> / <Г.-П.>; Чтение о дедушке <И. А.> Крылове. Чтение о <А. В.> Суворове. (ПЧ); **С. 2—3**: Искусственные драгоценные камни / Ребровский. (Из области открытий и изобретений); **С. 3**: Из Епифани, Тульской губ. *28 дек.*: Народное обучение. Бедственное положение крестьян. Цены. Кражи; Из Киева. *28 дек.*: Каникулы. Число учащихся. Киевская периодическая печать. Новые газеты <«Заря» и «Труд»>. Отклонение ходатайства высших женских курсов. Совет университета о правах студента. (ВИ); Вопросы <Д.> Дидро и ответы Екатерины II <о внутреннем состоянии России в 1773 г., из журн. *«РА»*>. (РИ).

9 янв. № 8

С. 1—2: Кондуктор: (Наброски из быта железнодорожной голодьбы) / Чурило. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 января: <Накануне думских выборов в Москве> / + <Ф. А. Гиляров>;

Общество военных врачей в Москве / М.; Древняя икона <Владимирской Божией Матери, реставрированная И. С. Сушкиным>. (ЗиИ); **С. 3**: Неудавшийся собор. Пафнутий <(Овчинников)>. Конференция. Сильвестр. Алексий <(Середкин)>. (ИСМ); Волчанск, Харьковской губ.: (Некролог <писательнице бар.> А. П. Крюденер <ур. Любовникова>). (ВИ); **С. 4**: Неизданные стихотворения А. С. Пушкина: <«Молитва», сатирические строфы на кишинев. дам, эпиграмма к неизв. лицу; «Памятник» (подлин. текст) — републ. из кн. I журн. *«РА»*)>. Статистика библиотек. Сколько начальства у крестьян. Похоронная церемония у древних греков. (РИ).

10 янв. № 9

С. 1: Кондуктор. (Оконч.) / Чурило; **С. 2**: Провинциальные картинки: Различные категории лукавых людей. Аферисты-аристократы, аферисты-чиновники, аферисты-разночинцы или подонки интеллигентного общества / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); Москва, 9 января: <О войне с текинцами> / + <Ф. А. Гиляров>; Выбор городского головы <баллотировался и Г.-П.>. (ЗиИ); **С. 3**: Реакция и прогрессивное направление. Россия и Персия. Пропаганда еврейской интеллигенции и наши либеральные газеты. О выдаче правительственных пособий нуждающимся крестьянам. (ПП); Из Саратова. *6 янв*. Общественная жизнь и ее невзгоды. Надежды на лучшее будущее. Слух о новой газете. (ВИ); Русские в болгарском войске. (ОН).

11 янв. № 10

С. 1—2: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. III—V: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 января: <О необходимости укрепления рус. народности в составе простолюдинов Западного края — по поводу публикаций в газ. «Русь»> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Троице-Сергиева посада. *6 янв*.: Вифанская семинария / Бывший Вифанец. (ВИ); **С. 4**: Забытые книгохранилища: <Из газ. «Орлов. вестн.»>. Ответ М. С. Щепкина: <Анекдот; из газ. «Порядок»>. (РИ).

12 янв. № 11

С. 1: Убийство в Марьиной слободке / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>; **С. 2**: Провинциальные картинки: Сливки нашего общества, или Губернские и уездные политиканы. Образцовые из них экземпляры в миниатюре. Всем сестрам по серьгам. Воззвание ко всеобщей помощи / В. С—в <В. М. Сысоев>. (<Ф>); Москва, 11 января: <О возможной войне между Грецией и Турцией> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Генуи. *2 янв*.: Италия и Тунис. Эмиграция. Новая книга «В Средние века» <свящ. Пасквале Адинольфи>. (ИИ); **С. 3—4**: Автобиография Ганзена: <Из газ. *«НВр»*>. (РИ).

13 янв. № 12

С. 1: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. II / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 января: <О движении «христианский социализм» в Германии и его связях с антисемитизмом> / <Г.-П.>; Речь г. московского генерал-губернатора при открытии <Дворянского> собрания / <Кн. В. А. Долгоруков>; Московский Немецкий клуб. (ЧТ); <Рец. на кн.: *Блок А*. Государственная власть в европейском обществе: Взгляд на полит. теорию Лоренца Штейна и на фр. полит. порядки. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *10 янв*.: Спиритомания и гипнозомания. «Сказки Кота Мурлыки» <Н. П. Вагнера>. Слухи о сокращении наличного состава нашей армии; Из Самары. *8 янв*.: Буран;

Из Эривани. *2 янв.*: Санитарное состояние города. Постоянные болезни и их причины. (ВИ); **С. 4**: <Ф. В.> Булгарин и <Л. В.> Дубельт. Дамские моды. (РИ).

14 янв. № 13

С. 1: Свадебный пирог мисс Прист: Из рассказов А. Форбса: (С англ.) / В. Р. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 января: <О реформе губерн. учреждений — по поводу публикации в газ. «Страна»> / <Г.-П.>; Университетский акт. По обществу драматических писателей. Процесс г. <М. Н.> Каткова с университетом. (ЗиИ); <Рец. на кн.: 1) *Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. СПб., 1880; 2) *Галахов А.* История русской словесности древней и новой: (Учеб. для сред. учеб. заведений). 2-е изд., без перемен. СПб., 1881; 3) *Градовский А. Д.* Трудные годы (1876—1880): Очерки и опыты. СПб., 1880; 4) Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1880. Т. VIII: Биография поэта>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *11 янв.*: Похороненная газета <«Россия»>. Крапивное семя и его преступная деятельность; Из Киева. *9 янв.*: Торжественный акт в университете Св. Владимира. Слухи об отставке генерал-губернатора <М. И.> Черткова. (ВИ); Из Филиппополя. 23 дек.: Законопроекты, рассмотренные в настоящую сессию палатою. Закрытие областного собрания. По поводу отставки кн. <А.> Богориди. Новое доказательство нерасположения Порты к болгарам. Безотрадное положение Македонии; Из Афин. <*Без даты*>: Греческий вопрос. Воззвание. Вооружения / Д. (ИИ); **С. 3—4**: Третейский суд <между Телегр. междунар. агентством и О. К. Нотовичем>. Празднество в Тегеране. Наблюдения над муравьями. (РИ).

15 янв. № 14

С. 1—2: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. III / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 января: <О проекте губерн. реформы> / <Г.-П.>; Премия журнала «Свет и тени». Музыкальный вечер. (ЗиИ); **С. 3**: Из Киева. *8 янв.*: Городской дефицит. Такса на белый хлеб. Действия Санитарной комиссии / А. (ВИ).

16 янв. № 15

С. 1—2: О том и о другом: Что принес нам Новый год. Продавец человеческого мяса. Обманутый сват. Встреча с *Севостьяном Микитичем* <Казачковым, изд. «Нижегор. листка»> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 января: <М. Д. Скобелев, взявший Геок-Тепе, — «народный герой»> / <Г.-П.>; Приращения Московского главного архива Министерства иностранных дел. (ЗиИ); **С. 2—3**: Московский окружной суд: (Подлог). (СЛ); **С. 4**: Археологическая находка <в Вавилоне>. Дешевая поездка. Клад. Пастор и пьяница. (РИ).

17 янв. № 16

С. 1—2: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. IV / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 января: <О разоблачениях бывш. сотрудника газ. «Берег» А. А. Дьякова-Незлобина, опубл. в газ. *«НВр»*> / <Г.-П.>; Школа покойного профессора <М. Я.> Киттары. Детские утра. Музыкальные новости. Популярность оперы «Тангейзер» <Р. Вагнера>. (ЗиИ); **С. 3**: <Рец. на кн.: 1) *Грот К.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове: Ист.-этногр. исслед. СПб., 1880; 2) *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. 2-е изд., вновь перераб. и доп. СПб., 1881. Т. II>. (НК); Из с. Старолетова, Зарайского у. *12 янв.*: Продолжение процесса гр. Д. А. Толстого с крестьянами; Из Нижнего Новгоро-

да. *12 янв.*: Убийство. (ВИ); Французская «Желтая книга». (ОН); **С. 4**: Фабрика ликера. Заколдованный дом. Усыновленные зайчата. Допотопный крокодил. Женщины-лакеи. Кровавая месть в Египте. Где гнев, там и милость: <Павел I и Д. Н. Дятлов>. (РИ).

18 янв. № 17

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. VI—VIII: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Московская правда: С новым годом / Угадай <В. А. Скрипицын>. (<Ф>); Москва, 17 января: <Об инциденте в городской Думе с бывшим гласным М. П. Щепкиным, предложившим ей в дар свою библиотеку> / <Г.-П.>; **С. 3**: Петербург: (Чествование г. <Н. М.> Пржевальского); Из Дерпта. *8 янв.* (ВИ); **С. 4**: Английская «Синяя книга». (ОН); Библия <П. П.> Рубенса: <Об издании в Брюсселе альбома эстампов с изображениями библ. сцен, исполненных знаменитыми граверами школы П. П. Рубенса с коммент. Эдуарда Фетиса>. Быстрота речи <Л. М.> Гамбетты и <Т. Б.> Маколея. Пари фокусника. (РИ).

19 янв. № 18

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. IX—X / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 января: <О взятии Геок-Тепе М. Д. Скобелевым — в связи со взаимоотношениями с Англией> / <Г.-П.>; Старообрядческий съезд. Старообрядческое братство. (ИСМ); Чтение об императоре Александре I. Чтение об А. В. Кольцове. (ПЧ); **С. 2—3**: Вопросы и ответы провинциальным любителям драматического искусства / М. С. (ЧТ); <Рец. на кн.: 1) *Фортунатов С.* История политических учений в Соединенных Штатах: Исслед. М., 1880. Ч. I: Федералист и трактаты Кальгуна; 2) *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1880. Т. II, отд. I>. (НК); Из Владимира на Клязьме. *12 янв.*: Несколько слов о погоде. Спектакль в пользу студентов. Цены; Из Венева, Тульской губ. *12 янв.*: Снежные заносы. Самоубийство священника. Нечаянное убийство; Из Тифлиса. *10 янв.* Армянский театр в Тифлисе. Деятельность комитета. Перевод русских писателей <Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, Д. И. Фонвизина> / <А. Калманлидзе?>. (ВИ); **С. 4**: Международная выставка электричества. Корова-защитница. Из жизни рыб. (РИ).

20 янв. № 19

С. 1—2: Среди признанной цивилизации на Кавказе. V / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 января: <О Берлинском трактате «во втором издании, „ухудшенном и сокращенном“, — по Кульджинскому вопросу> / <Г.-П.>; Московский окружной суд: Детоубийство. (СЛ); **С. 3**: Из Задонского у. 16 янв.: Убийство и самоубийство. (ВИ); Вести из Афин. <*Без даты*>: Французский циркуляр. Силы противников. Отзыв француза. (ИИ).

21 янв. № 20

С. 1—2: А. А. Потехин: По поводу постановки его комедии «Вакантное место» на сцене Малого театра: (Из записной книжки Заурядного зрителя). I / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 января: <По поводу происшествия 5 дек. в Моск. ун-те — о вреде излишней подозрительности> / <Г.-П.>; **С. 3**: Театральные и музыкальные новости. По итальянской опере. Театр г. <М. В.> Лентовского. Грибоедовский праздник. Во что нам обходится балет. (ЗиИ); У мирового судьи Лефортовского

участка: (13 янв. 1881 г.). (Мировой суд); Из Рязани. *15 янв.*: Дворянские выборы. Вечер-базар. Лотерея-аллегри. Бал. (ВИ).

22 янв. № 21

С. 1—2: «Литургия» <П. И.> Чайковского: (Духов. концерт) / Re, si, sol. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 января: <Дипломатические усилия по примирению Турции и Греции> / <Г.-П.>; <Сообщение о кончине А. Ф. Писемского> / + <Ф. А. Гиляров>; Первая периодическая выставка картин Общества любителей художеств в Москве; **С. 2—3**: Бенефис <М. А.> Решимова. Пьеса <А. А.> Потехина «Вакантное место». Бенефис <В. В.> Зориной. Пятидесятилетие «Горе от ума». Исполнение комедии «Лес» <А. Н. Островского> труппой театра б. п. Пушкину. Поднесения и подарки. Бенефис <М. И.> Писарева. (ТиМ); **С. 3**: Из Саратова. *14 янв.*: Заносы и состояние погоды. Пожар. По изданию сборника <к столетию Сарат. губ.>. Ревизия. (ВИ); **С. 4**: Во что обошелся казне «Берег»: <Републ. письма А. А. Дьякова-Незлобина из газ. *«НВр»*>. Как иногда можно действовать на толпу: <О Наполеоне I>. Свадьба <Л.> Ротшильда. К истории бумажных денег. (РИ).

23 янв. № 22

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XI / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 января: <Проявление рус. обществ. духа в связи с приездом Н. М. Пржевальского> / <Г.-П.>; Подробности о взятии Геок-Тепе; У мирового судьи Басманного участка: (15 янв. 1881 г.); Летопись городского управления / Д. М. <Д. А. Мансфельд>; **С. 2—3**: Русская опера. Исполнение оперы «Евгений Онегин» Чайковского. (ТиМ); **С. 3**: Из Нижнего Новгорода. *18 янв.*: Жизнь прикащиков; Из Киева. *11 янв.*: Свято-Владимирское братство по вопросу о штундизме; Из Екатеринбурга. *5 янв.*: Золотопромышленность. Цены. Грабежи и убийства. Увеселения. Умственная жизнь города. Надежды на железную дорогу. (ВИ).

24 янв. № 23

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XIII—XIV: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 января: <О проекте страхования рабочих, предложенном О. фон Бисмарком> / <Г.-П.>; А. Ф. Писемский: (Некролог) / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>; Проект Духовной академии. Солдатский спектакль. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *19 янв.*: Магистерский диспут в Духовной академии <дис. Д. Н. Дубакина «О влиянии христианства на семейный быт русского общества в период времени до появления Домостроя»>; Из Самары. *15 янв.*: Известие о взятии Геок-Тепе и о разгроме текинцев; Из Камышина, Саратовской губ. *16 янв.*: Погода. Утверждение сметы расходов; Из Тамбова. *12 янв.*: Спектакли и концерты. (ВИ); **С. 4**: Неизданное стихотворение М. Ю. Лермонтова <«Кто в утро зимнее, когда валит...»; републ. из газ. «Русь»>. Разговор с г. <П. П.> Цитовичем: <Из газ. «Заря»>. Электрические будильники. (РИ).

25 янв. № 24

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XVI—XVII: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 января: <Христиан. начало любви — высший нравств. идеал России; о междунар. положении в свете изречения А. С. Хомякова: «Рим осуществил начало воли, германские народы — разума; России, со славянскими народами, предназна-

чено осуществить начало любви!»> / <Г.-П.>; Похороны А. Ф. Писемского / + <Ф. А. Гилдяров>; Объяснение <Н. И. Пастухова о приписываемой ему статье>. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *16 янв.*: Новые издания. Несостоявшееся годичное заседание Географического общества. Надежды на «Порядок». Наблюдения в обсерватории; Из Костромы. *15 янв.*: Земское собрание; Из Симбирска. *15 янв.*: Предки генерала <М. Д.> Скобелева; Из Эривани. *5 янв.*: Урок, данный бедствиями прошлого года. Деятельность местной власти. Амбары. (ВИ).

26 янв. № 25

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XVIII—XX: (Продолж.) / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 января: <О голоде в Самарской губ. и продовольств. капитале> / <Г.-П.>; Чтение Н. И. Прозоровского. Духовные собеседования в епархиальной библиотеке. (ПЧ); **С. 2—3**: Из Нижнего Новгорода. *17 янв.*: О солдатском продовольствии; **С. 3**: Из Орла. *10 янв.*: Мифический клуб рабочих. Наш Купеческий клуб и его последствия. Мое заключение о клубе вообще. Спиритизм в Орле; Из Воронежа. *16 янв.*: Наш театр; Из Тамбова. *18 янв.*: Проводы ректора семинарии <архим. Димитрия (Самбикина)> и черты его бывшей деятельности. (ВИ); Из Софии. *28 дек.*: Закрытие болгарского Народного собрания. Новый состав кабинета и причины падения прежних министров. Впечатление, произведенное переменами в министерстве. Новая партия в Палате и непопулярность консерваторов. Проект сооружения храма в память освобождения Болгарии. Попытки к сближению болгар с Константинопольской патриархией / Г. О. (ИИ); **С. 4**: Посмертный труд профессора М. А. Колосова <«Загадочные звуки в истории русского языка»>. (РИ).

27 янв. № 26

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXI—XXIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 января: <О задачах генерал-губернаторской власти в России> / + <Ф. А. Гиляров>; Ф. Б. Миллер: (Био- и библиографические сведения) / А. Сми—в <А. Смирнов>; **С. 3**: Из Орла. *24 янв.*: Грабеж и убийство; Из Юрьевского у. *18 янв.*: Грабеж. Самоубийство. (ВИ).

28 янв. № 27

С. 1—2: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. VI / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 января: <О намерениях Японии устроить на Кавказе чайные плантации> / <Г.-П.>; **С. 3**: Еще о необходимости преобразования Св. Синода: <Из газ. «Восток»>; Из Киева. *21 янв.*: Подробности об аресте политических преступников. (ВИ).

29 янв. № 28

С. 1—2: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. VII / Михаил Щ—й. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 января: <О приговоре С.-Петерб. окруж. суда над И. А. Баталиным, В. П. Бурениным, Поликарповым и ред. газ. *«НВр»* М. П. Федоровым> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2—3**: Московский окружной суд: Убийство жены в вагоне. (СЛ); **С. 3**: Петербург: (Пятидесятилетний юбилей «Горя от ума» <А. С. Грибоедова в Александринском театре>); Из Венева, Тульской губ. *16 янв.* (ВИ).

30 янв. № 29

С. 1—2: Среди призрачной цивилизации на Кавказе. VIII / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 января: <О преувеличениях в жалобах на цензурные стеснения в отношении малороссийской словесности> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Ф. М. Достоевский: (Некролог) / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>; **С. 3**: Князь Д. А. Оболенский: (Некролог): <Из газ. «Голос»>; Спектакль телеграфистов. (ЗиИ); Московский окружной суд: Кража шубы дворянином. (СЛ); Из Курска. *15 янв.*: Антиеврейское движение в нашей городской Думе. Дворянские выборы / <А. А. Танков>. (ВИ).

31 янв. № 304

С. 1—2: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXIV—XXV / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 января: <Ход делопроизводства в Св. Синоде — по публикации в газ. *«ЦОВ»*> / <Г.-П.>; Памятник <М. Ю.> Лермонтову. Новый роман И. Крашевского <о Польском восстании 1863 г.>. Концерт профессора Московской консерватории <И. В. Гржимали>. Ученический концерт здешней консерватории. (ЗиИ); **С. 2—3**: Московский окружной суд: Убийство жены в вагоне> / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Из Торжка, Тверской губ. *20 янв.*: Религиозные споры старообрядцев. (ВИ).

1 февр. № 31

С. 2: Москва, 31 января: <О ходатайствах земств по упразднению института урядников> / <Г.-П.>; На панихиде по Ф. М. Достоевскому / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Грибоедовский праздник <в честь 50-летнего юбилея постановки «Горя от ума»> / М. С.; Первая периодическая выставка Общества художеств в Москве; **С. 3**: Петербург: (Памяти Ф. М. Достоевского); Из Рязани. *20 янв.*: Елки. Бал. Закрытие клуба. (ВИ).

2 февр. № 32

С. 1: В море / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 февраля: <Значение Ф. М. Достоевского для рус. культуры; его поиски внутр. нравств. идеала; уп. славянофилы, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и др.> / <Г.-П.>; Перенесение тела Ф. М. Достоевского; У гроба Ф. М. Достоевского / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; К открытию храма Христа Спасителя. (ЗиИ); **С. 3**: <Рец. на кн.: 1) *Поленов А. Д.* К вопросу о податной системе: Обзор систем земского поземел. обложения (1865—1879). СПб., 1880; 2) *Грот Н. Я.* Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879—1880; 3) Льюис Дж. Г. Изучение психологии, ее предмет, область и метод / Ред. пер. и этюд «Льюис как психолог» П. Д. Боборыкина. М., 1880>. (НК); Петербург: (Венок на гроб Ф. М. Достоевского <от Думы>); Из Переславля-Залесского. *15 янв.*: Опасность от тифа. Быть или не быть буфету при клубе. Отмена визитов. Замерзшие. Женская прогимназия. Новое благотворительное общество; Из с. Лутянина, Рязанской губ. *23 янв.*: Переполох по поводу новых 25-руб<левых> билетов. Цены; Из Иванова-Вознесенска. *27 янв.*: Выборы в городской Думе. Сокращение производства. Цены. Водочная торговля. Влияние уничтожения соляного налога. Медики; Из Харькова. *21 янв.*: Голод и расточительность; Из Самары *26 янв.*: Вспомогательная мера к покупке крестьянами земель. (ВИ).

3 февр. № 33

С. 1: В море: (Продолж.) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 2 февраля: <О полит. влиянии польских писарей в Ковне> / <Г.-П.>; Проводы тела Ф. М. Достоевского / Ф. С—ч

<Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Письмо О. Ф. Миллера <о памятнике Ф. М. Достоевскому>. Театр <С. М.> Малкиеля. (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Похороны Ф. М. Достоевского); С Оренбургской железной дороги. *24 янв.*: Тип, оспа и голодуха. Отношение местной среды к бедствиям. Погода / <Н. Г. Киселев>;[19] Из Ковна. *26 янв.*: Ополячивающийся город. (ВИ).

4 февр. № 34

С. 1—2: А. Ф. Писемский: (Био- и библиогр. сведения) / А. Сми—в <А. Смирнов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 3 февраля: <О необходимости восстановления прав церковного прихода> / <Г.-П.>; Погребение Ф. М. Достоевского / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Телеграмма студентов Московской духовной академии <А. Г. Достоевской; републ. из газ. *«НВр»*>. Венок на могилу Ф. М. Достоевского <от Моск. думы>. Письмо к редактору <о Ф. М. Достоевском от «униженных, оскорбленных, бедных людей»>. (ЗиИ); **С. 3**: Г-жа <Н. А.> Никулина и ее бенефис. Комедия А. Потехина «Новейший оракул» на сцене Малого театра. Ее исполнение. О комедии того же автора «Отрезанный ломоть». Новый режиссер театра б. п. Пушкину <Н. П. Киреев> / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); Памяти Ф. М. Достоевского. (ПП); Из Петербурга. *31 янв.*: Общества и съезды. Литературные новости. Выставка картин <И. К.> Айвазовского. (ВИ); **С. 4**: Роковой день и зловещее число <пятница, 13; уп. Т. Готье>. «Нана» на сцене: <О постановке в Париже драмы «Нана» по роману Э. Золя>. (РИ).

5 февр. № 35

С. 1—2: В море: (Оконч.) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 февраля: <О ходатайствах о запрещении администр. ссылок для дворян> / <Авт. не установлен>; Выборы на беспоповском кладбище. (ЗиИ); **С. 3**: По преобразованию высшего церковного управления: <Из газ. «Восток»>; Петербург: (Капитал Ф. М. Достоевского). (ВИ).

6 февр. № 36

С. 1: Отец Роман Ропацкий: (Из времен польской смуты): Быль / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 февраля: <Об упадке земледелия в Моск. губ.> / <Г.-П.>; Выход г-жи <М. Н.> Климентовой в роли Маргариты в опере «Фауст» <Ш. Гуно>. Приезд певицы <М.> Зембрих-Коханской. Новая опера «Арифа». «Дочь Фараона» <балет Ц. Пуни>. (ЗиИ); Несколько слов об обязанности режиссера вообще. Афиша Малого театра в день пятидесятилетия комедии Грибоедова. Небрежное отношение к постановке «Горя от ума». Страничка из истории театра Петровского парка / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 3**: Из Вязников, Влад<имирской> губ. *21 янв.*: Празднование взятия Геок-Тепе. Благотворительная лотерея. Богадельня; Из Нижнего Новгорода. *24 янв.*: Положение армейских офицеров. Из Уральска. *20 янв.*: Голод. Разбои; Из Стерлитамака. *12 янв.*: Покушение на убийство, совершенное ссыльным нечаевцем <Г. П. Енишерловым>. (ВИ).

7 февр. № 37

С. 1: Отец Роман Ропацкий: (Из времен польской смуты): Быль. (Оконч.) / Е. Некрасова. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 февраля: <Об административных высылках> / <Г.-П.>; Пани-

---

[19] Ист. атриб.: Письмо Н. Г. Киселева к Г.-П. от 29 июня 1887 г. // ИРЛИ. Ф. 71. Д. 44-а. <№ 18>. Л. 1—1 об.

хида по Достоевском и Писемском. Певческая касса. Постройка ледяного дома. (ЗиИ); Симфонические собрания: Девятое симфоническое собрание Русского музыкального общества. Г-жа <М. А.> Юневич. Скрипач Г<-н> Лудовик Виардо; **С. 3**: Из Твери. *25 янв.*: Семинария. Тиф. Цены; Из Романова-Борисоглебска, Яросл<авской> губ. *23 янв.*: Своеобразный отчет общественного банка; Из Воронежа. *29 янв.*: Епархиальный съезд и его решения. Отъезд сенатора <В. П.> Мордвинова; Из Саратова. *23 янв.*: Хлебный вопрос. Нищие. Текущие дела; **С. 3—4**: Реклама за границей. (РИ).

8 февр. № 38

С. 1—2: Скорбные страницы из жизни забытой школы. I—II / Веник. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 февраля: <О предстоящей войне Турции с Грецией> / <Г.-П.>; Фотографические портреты <Ф. М.> Достоевского. (ЗиИ); **С. 2—3**: Новый балет г. <Й.> Гансена: «Арифа, жемчужина Адена», музыка г. Ю. Гербера / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>. (ТиМ); **С. 3**: Свобода печати и диффамация; С берегов Камы. *21 янв.*: Понижение цен. Погода. Пароходные новинки. Толки о железной дороге. Покушение на убийство священника. Печать. (ВИ); **С. 4**: Обед у Виктора Гюго. (ОН).

9 февр. № 39

С. 1: О том и о другом: Пирамиды снега. Засорение нечистотами Москвы-реки. Наши бассейны. Вырубка Сокольнической рощи. По дешевому хлебу. Детский бал г. Титова <артиста Имп. театров>. Новая игра в «Стрекозу». Подмененная невеста. Оригинальная парочка. Нашествие «тарлеланок» <т. е. девушек легкого поведения> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 февраля: <Об «интенсивном хозяйстве» — в связи с выступлениями С. Ф. Шарапова, кн. А. И. Васильчикова и др.> / <Г.-П.>; Годовщина рождения <А. Х.> Востокова / + <Ф. А. Гиляров> (ЗиИ); <Рец. на кн.: *Лесков Н. С.* Мелочи архиерейской жизни: Картинка с натуры. 2-е изд., вновь автором пересмотр., испр. и значит. доп., с тремя прил. СПб., 1881>. (НК); **С. 3**: Из Козельска, Калужской губ. *5 февр.*: Памяти Ф. М. Достоевского; Из Зарайского у. *4 февр.*: Положение крестьян, бывших гр. <Д. А.> Толстого; Из Молодечны. *27 янв.*: Положение православных. Собор. Скобелевская победа и концерт польской артистки <Ранушевич>. Спектакль в пользу инвалидов / Русский; Из Дерпта. *23 янв.*: Ярмарка. Местная печать. Общественная жизнь / Л. Л. Л. (ВИ); **С. 4**: Отчет Комитета по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии. (РИ).

10 февр. № 40

С. 1: Скорбные страницы из жизни забытой школы. IV—VII: (Оконч.) / Веник. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 февраля: <О скандале на университетском празднике в Петербурге, с распространением прокламаций «центрального университетского кружка»> / + <Ф. А. Гиляров>; По поводу чествования Ф. М. Достоевского: <Из передовой статьи И. С. Аксакова в газ. «Русь»>. (ПП); **С. 2—3**: Из Одессы. *2 февр.*: Пожертвование коллекции картин в университет. Кость мамонта. Студенческая читальня. Диспут <магист. дис. А. К. Кононовича «Способы вычисления орбит двойных звезд и вычисления орбиты двойной звезды Virginis»>. Похороны швейцара. Публичные лекции. (ВИ).

11 февр. № 41

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXVI—XXVII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 февраля: <О педагогич. съезде и необходимости изменений гимназич.

правил> / <Авт. не установлен>; Беспорядки в Петербургском университете / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Болезнь г. <М. А.> Решимова. Бенефис г. <Й.> Гансена. Результат бенефиса кордебалета. (ЗиИ);

12 февр. № 42

С. 1—2: Ф. М. Достоевский: (Биогр. сведения) / А. Сми—в <А. Смирнов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 февраля: <О перегруженности гимназистов и «непомерной трудности программ»> / <Авт. не установлен>; **С. 2—3**: Беспорядки в Петербургском университете / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; **С. 3**: Стипендия Ф. М. Достоевского: <Из газ. «Голос»>. Спектакли Немецкого клуба. Сцена Артистического кружка; Из Нижнего Новгорода. *8 февр.*: Панихида по Ф. М. Достоевском <в кафедр. соборе: «архиерей отказался служить», интеллигенция и власти проигнорировали>; Из Симбирска. *3 февр.*: Одновременная отставка трех администраторов <губернатора Н. П. Долгово-Сабурова, упр. его канцелярией А. И. Карташева и полицеймейстера В. А. Арапова>. Самоубийство; Из Тифлиса. *28 янв.*: Бедственное положение издателей армянских периодических органов / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

13 февр. № 43

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXVIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 февраля: <Усачевско-Черняевское училище как образцовое учеб. заведение своего рода> / + <Ф. А. Гиляров>; Усачевско-Черняевское женское училище / + <Ф. А. Гиляров>; К известиям от беспорядках в Петербургском университете; **С. 2—3**: Обращение <Л. Т. и И. Л.> Погодиных в православие. (ИСМ); **С. 3**: Из Саратова. *28 янв.*: Предстоящий юбилей <100 лет Сарат. губ.>; Затруднение с продовольственным капиталом. Ревизия. Отчеты о городских суммах; Из Тифлиса. *30 янв.*: Снеговые заносы / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

14 февр. № 44

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXIX—XXX / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 февраля: <«Греко-турецкий спор»: Европа накануне войны> / <Авт. не установлен>; Некролог К. Ф. Берга. Финский концерт. Сколько крестьяне Московской губернии выпивают водки. Ученический концерт здешней консерватории / ⁂. (ТиМ); <Рец. на кн.: *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай): Из дневника члена экспедиции: В 2 т. / С 12 рис. СПб., 1880>. (НК); **С. 3**: Из Кронштадта. *10 февр.*: Открытие первой железной дороги; Из Раненбургского у., Рязанской губ. *8 февр.*: Добывание крови; Из Каменец-Подольска. *5 февр.*: Эксплуатирование края евреями. Дороговизна. Новая газета <«Подольский листок»>. Сведения из педагогического мира / Чисто русский человек. (ВИ); Из Парижа. *1 февр.*: <Ф.> Лессенс. Его жизнь. Случай с ним в Одессе. (ИИ); Юбилей Кальдерона. (ОН).

15 февр. № 45

С. 1: Игральные карты: <Очерк>: (С нем.) / Л. Л. Л. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 февраля: <О статье иерея из «Киев. *ЕВ*» о недопустимости «самоправности приходов»> / <Г.-П.>; Следствие об университетских беспорядках; Старообрядцы старо-поморского согласия. (ИСМ); **С. 3**: Артистический кружок. Бенефис Н. А. Кузьминой. Драма «Две сиротки» <А. Деннери и Э. Кормона>. «Жена на прокат», водевиль С. Ф. Рассохина / В. П. (ЧТ);

Из Одессы. *11 февр.*: Студенческий бал. Панихида <по Ф. М. Достоевском 8 февр. в университ. церкви>. (ВИ).

16 февр. С. 46

С. 1—2: Из области мрака и наживы: Кому принадлежит русская железная дорога. Кассианов год на Московско-Рязанской железной дороге и мои о деятелях ее воспоминания и размышления. Приход Сергея Николаевича. Новое начальство Рязанской дороги. Корреспонденции / Горемыка. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 февраля: <О скандалах в Петербургском университете и ожидаемых преобразованиях в системе образования — по поводу публикаций М. Н. Каткова> / <Г.-П.>; <Рец. на кн.: 1) *Dohm R.* Kunst und Künstler des Mittelalters und der Neuheit Herausgegeben. Lfg. 78 <Пер. назв.: Биографии и характеристики художников Средних веков и Нового времени>; 2) Переход через Балканы отряда генерал-адъютанта Гурко зимою 1877 г. / Сост. Ген. штаба полк. Пузыревский. СПб., 1881>. (НК); **С. 3**: Из с. Деднова, Рязанск<ой> губ. *10 февр.*: Цены. Решение сельского общества; Из Бузулукского у. *4 февр.*: Пожар. Цены; Из Саратова. *6 февр.*: Юбилей города. Воспоминание о <А. Ф.> Писемском и <Ф. М.> Достоевском. Контракты с крестьянами. Продовольственный вопрос. Сенаторская ревизия; Из Курска. *3 февр.*: Воспоминание о Ф. М. Достоевском <1872 г. В редакции «Гражданина» с провинц. корреспондентом>. Недоразумение печати по поводу одного предложения на бывшем у нас дворянском собрании / <А. А. Танков>. (ВИ).

17 февр. № 47

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXXI—XXXII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 февраля: <О причинах будущей войны между Турцией и Грецией> / <Г.-П.>; По русской опере. Летние театры. Концерт в пользу еврейского благотворительного общества. По поводу приезда певицы г-жи <М.> Сембрих<-Коханской>. (ЗиИ); Заседание Юридического общества. Рефераты В. А. Гольцева и К. Д. Анциферова. (ОиС); Петербург: (Собрание Славянского общества <памяти Ф. М. Достоевского>); **С. 2—3**: Из Самары. *8 февр.*: Кто нынче рабовладельцы и подушники? Новости о голодовке. Сердоболие самарских хлеботорговцев / И. Р.; Из Одессы. *6 февр.*: Некролог <филолога М. А.> Колосова <(1839—1881)>. Появление духов. Скандал в театре. Третий студенческий бал. Обед г. <А. Р.> Дрентельну. (ВИ).

18 февр. № 48

С. 2: Москва, 17 февраля: <Газетная полемика об антиправительств. подоплеке студенческих волнений> / <Г.-П.>; **С. 3**: Жюль де Сверт <виолончелист>. (ТиМ); Из Немирова. *2 февр.*: Погода. Отсутствие принадлежностей цивилизованной жизни. Развлечения. (ВИ).

19 февр. № 49

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXXIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 февраля: <О новых изменениях в проекте податной реформы — по поводу публикации в газ. «Порядок»> / <Г.-П.>; Похороны артиста Императорских Московских театров К. Ф. Берга / М. С.; Письмо к редактору / Врач Лев Карлович Эйсымонт. (ЗиИ); **С. 3**: Из Орла. *8 февр.*: Последствия неурожая. Дифтерит. Побег арестантов; Из Молодечны. *11 февр.*: Равнодушие при известии о смерти Ф. М. Достоевского / Русский. (ВИ); Болгария: Вооружения. (ВИ).

20 февр. № 50

С. 1: О том и о другом: Не в ту церковь попали. Приготовления к Масленице. Масленица в старину и теперь. Вообще о гуляньях / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 февраля: <Об отсутствии гласного обсуждения новых законов о печати> / <Г.-П.>; Аптекарский вопрос / И. С. Бр—ин; **С. 2—3**: Из Сергиевского посада, Московской губ. *2 февр.*: Спектакль в пользу недостаточных прогимназистов. Посадские учебные заведения. Нищенство; **С. 3**: Из Ярославля. *12 февр.*: Панихида по <Ф. М.> Достоевском <8 февр. в лицейской церкви>. Концерт П. А. Шостаковского; Из Казани. *1 февр.*: Сенаторские ревизии, прежние и нынешние. Казанские сюрпризы ревизии. Событие, требующее серьезного разъяснения. Миссионер православия / Сибирский казак. (ВИ).

21 февр. № 51.

С. 1—2: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXXIV—XXXVI / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 февраля: <О прокламации «университетского центрального кружка» и письмах гимназиста-самоубийцы и его отца> / <Г.-П.>; **С. 3**: По поводу похорон Ф. М. Достоевского: <Из журн. «Дело»>. (ПП); Из Пинска, Минской губ. *14 февр.*: Еврейская система сколачивания грошей. Цены. Благотворительность евреев. Удобство зимнего пути. Болезнь «колтун». Современная еврейская «манна». Царство животных. (ВИ); Памяти Ф. М. Достоевского: <Поминал. вечер в Праге>. (ОН).

22 февр. № 52

С. 1—2: Очерк истории промышленности в бывшем селе Иванове / П. Р. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 февраля: <К 100-летию со дня рождения А. Х. Востокова> / + <Ф. А. Гиляров>; Новый балет Арифа. Костюмированный бал в Артистическом кружке. (ЗиИ); Вращательная нутация растений: По поводу нового сочинения Чарльса Дарвина: (The Power movement in plants by Charles Darwin assisted by Francis Darwin. London, 1880) / А. К.; **С. 3**: Русская опера. Бенефис г. <Д. А.> Усатова. (ТиМ); **С. 3**: Из Саратова. *12 февр.*: Неудавшееся издание «Сборника материалов Саратовской губернии». Необходимость подобных изданий и затруднения в собирании материалов. Пренебрежение к памятникам старины. (ВИ).

23 февр. № 53

С. 1: На первый раз: Ношение иконы против холеры в Можайске. Отказ в последнем напутствии в Меринске. Отказ командировать врача к умирающему. Обобранный полицией пьяный. Нижегородский лоскуток. Двое мировых судей. Истязание младенца в Горбатове. Реальное училище в Белуге. Умные бобры. Мургасовское народное училище. Школы и приюты в Нижнем. 13 классов московских воров. Новость в Москве. Сомнения Первого и Второго / Третий. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 февраля: <Из истории моск. гуляний на Масленицу и нар. игрищ вообще в связи с их современным упадком> / <Г.-П.>; Бенефис г-жи <Г. Н.> Федотовой. Театральные известия. Предстоящие бенефисы. (ЗиИ); **С. 3**: Из Владимира на Клязьме. *10 февр.*: Братство св. Александра Невского. Епархиальная библиотека. Средства братства. Студенческий спектакль. Дело городского театра. Любительский спектакль. Статистический комитет; Из с. Старолетова Зарайск<ого> у. *20 февр.*: По поводу бедственного положения крестьян временно обязанных графини <С. Д.> Толстой / Крестьянин; Из Болховского у., Орловской губ. *20 февр.*: Уничтоже-

ние конокрадства; Из Пензы. *12 февр.*: Беспорядки. Причины успеха раскола / А. Б.; Из Воронежа. *10 февр.*: Вопрос о назначении таксы для духовенства. Панихида о Ф. М. Достоевском <6 февр. в Митрофановском монастыре>. Предполагаемое издание <лит. сб. «Второй шаг»>; Из Киева. *16 янв.*: Юго-западный отдел Императорского Географического общества. Два слова киевским ученым; Из Карса. *2 февр.*: Две партии в русском обществе; Из Камышина. *7 февр.*: Курьезное дело. (ВИ); **С. 4**: Неизданное стихотворение А. С. Пушкина <«На наводнение 1824 г.»; републ. из кн. I журн. «Поляр. звезда»>. За что был сослан Ф. М. Достоевский: <Из газ. «Голос»>. Неаполитанская трагедия. (РИ).

24 февр. № 54

С. 1—2: Православное братство и епархиальная библиотека в Владимире: I: Братство. Его деятельность. Цель. Устав. Публичные чтения и беседы. Распространение полезных изданий. Училища. Иконописная мастерская; II: Библиотека. Ее помещение. Формирование. Сочувственное отношение общества. Пожертвование. Правила пользования библиотекою. Ее значение, ценности и достопримечательности. Сведения о читающих / Михаил Щ—й <М. М. Щуцкой>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 февраля: <«Предстоящею весною избегнет ли Европа большой войны?»> / <Г.-П.>; Болезнь доктора <Г. А.> Захарьина. Бенефис г. <А. Ф.> Смирнова. Бенефис г. <К. С.> Шиловского, управляющего драматическим обществом «Заря». (ЗиИ); **С. 3**: Петербург: (Некролог Ф. М. Толстого); Из Клина. *17 февр.*: Волки. Городское освещение. Общественная жизнь. Любительские спектакли. Обед предводителю / Валерий С. <В. М. Сысоев>; Из Казани. *15 февр.*: Смерть в соборе. Испуг казанцев. Благотворитель. Клевета из зависти. Вежливый ответ. Погода и болезни; Из Нухи, Елисаветопольской губ. *4 февр.*: Частые пожары и причина их. (ВИ).

25 февр. № 55

С. 1—2: Дело Корольковых: (Из записок следователя) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 февраля: <О брошюре С. А. Смирнова «Два контрагентства Кавказских минеральных вод»> / <Г.-П.>; По русской опере. Закрытие Театра Буфф. (ЗиИ); Русская опера. Бенефис г. <А. И.> Барцала. (ТиМ); **С. 3**: Петербург: (Заявление г. <Д. И.> Менделеева). (ВИ). Из Сум, Харьковской губ. *22 февр.*: Исторический очерк города и настоящий его быт; Из Тифлиса. *11 февр.*: Заседание Думы. Поведение некоторых гласных. Драматическая труппа / <А. Калманлидзе?>. (ВИ).

26 февр. № 56

С. 1—2: Праздник в честь Виктора Гюго / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 февраля: <О Думе и новоизбранных гласных; с публ. письма гласного Ефима Смирнова> / <Г.-П.>; Коллекция исторических портретов. Новая картина <В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни»>. Ходатайство Общества драматических писателей. (ЗиИ); **С. 3**: Несколько слов о последнем симфоническом собрании Русского музыкального общества / ⁂. (ТиМ); **С. 4**: Исполнение приговора над петрашевцами: <Из газ. *«ПЛ»*>. Что может наделать американец и западный европеец в 25 лет своей жизни / Z. Добрый пример: (Из воспоминаний *Сибир<ского> казака*). (РИ).

27 февр. № 57

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля. XXXVII—XXXVIII / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 февраля: <Полемика с газ. «Порядок» на ее замечания к газ. *«СИ»* — о законодательной власти и податной реформе> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Звезды не-

ба / С. (НХ); **С. 3**: Из Киева. *22 февр.*: Студенческий бал; **С. 3—4**: Письма к Пушкину <М. Я.> Ф<он->Фока и <О. И.> Сеньковского: <Републ. письмо М. Я. Фон-Фока от 8 июня 1831 г. и недатир. письмо О. И. Сенковского; из кн. II журн. *«РА»*> / Я. О. <Я. О. Орел-Ошмянцев>. (РИ).

28 февр. № 58

С. 1—2: В третьем номере: №№ 1 и 2. Первый и Второй. Их наружность. Рукопожатия. Вести из Нового Орлеана. Графиня Приор и спиритизм. Разговор с Первым и Вторым. О их прежней беседе. Автор «Слова о полку Игореве». Ледяной дом. Мое признание. Настоящие имена Первого и Второго. Согласие Первого и Второго сообщать мне разные сведения. Признание их. Странные их речи и поступки. Их исчезновение / Третий. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 27 февраля: <История Польского вопроса и пути его разрешения> / <Авт. не установлен>; **С. 3**: Венок Ф. М. Достоевскому от московских студентов. К известию о г. Г. А. Захарьине. Бенефис г-жи <М. А.> Юневич. Музыкально-танцевальный вечер в пользу фельдшериц. Театральные и музыкальные известия. Болезнь г. <М. П.> Мусоргского. Новая музыкальная драма Р. Вагнера <«Парцифаль»>. (ЗиИ).

1 марта. № 59

С. 1: Дело Корольковых: (Из записок следователя) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 февраля: <Неуместность выдачи рус. паспортов изгнанным из Франции иезуитам И. М. Мартынову и кн. И. С. Гагарину> / <Г.-П.>; Джутовые мешки / И. Ржанов; Оперные представления с г-жею <М.> Зембрих<-Коханской>. Несостоявшийся перевод старообрядческой типографии <в Москву>. (ЗиИ); **С. 3**: Рязань: (Доклад А. И. Кошелева); Из Одессы. *23 февр.*: Веселая зима. Опера. Концерты. Пеццано Гвалтьери. Тяжелые четыре года. (ВИ); **С. 4**: Финляндский закон о литературе и художественной словесности: <Из газ. *«НВр»*>. Мусульманский праздник. (РИ).

2 марта. № 60

С. 1—2: Скиталец: Повесть. I / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 марта: <Крат. впечатление от первых слухов об убийстве Александра II> / <Авт. не установлен>; Новое пожертвование на памятник Н. В. Гоголю. Подписка на памятник С. А. Маслову. Восстановленная пьеса <«Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского>. (ЗиИ); Железные дороги: Еще страница летописи о несчастиях на Московско-Рязанской железной дороге / Горемыка; Петербург: (Юбилей М. Е. Салтыкова-Щедрина); **С. 3**: Из Котельнича, Вятской губ. *20 февр.*: Зверское убийство; Из Тамбова. *14 февр.*: Благотворительные учреждения. Заседания Общества сельских хозяев. Думские вопросы. Из прошлого; Из Дерпта. *12 февр.* Студенческие корпорации / Л. Л. Л. (ВИ); **С. 4**: Поправка Библии. Пещера первых христиан. Индийская легенда: <Из соч. Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана»>. (РИ).

3 марта. № 61

С. 1—2: Подробности о кончине в Бозе почившего Императора <Александра II>: <Из газ. *«ПВ», МВед»,* «Рус. вед.», «Голос», от собств. корреспондента *«СИ»* и др. газет>; **С. 2**: Москва, 2 марта: <Царь-Освободитель в узах смерти> / + <Ф. А. Гиляров и 4 сотрудника газ. *«СИ»* под астронимами>; **С. 3**: Из Петербурга. *26 февр.*: Московские издатели народных книг и Комитет грамотности. Петиция студентов юридического Демидовского лицея. Годичный акт С.-Петербургской духовной академии. Празднование

столетия первого народного училища. Московский художник XVI века. Исторический очерк преподавания арифметики / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>; Из Солигалича. *19 февр.*: Общественная жизнь. Положение духовных учителей. (ВИ); **С. 4**: К характеристике балтийских порядков. Переделка комедии И. С. Тургенева <«Нахлебник» на нем. язык Л. Пичем>. (РИ).

4 марта. № 62

С. 1—2: Москва, 3 марта: <Подробности убийства Александра II: от собств. корреспондента; из рус. и иностр. газет>; **С. 2—3**: <Александр II — царь-«мученик»; «нигилизм есть наше исчадие»> / <Г.-П.>; **С. 3**: По поводу кончины Государя Императора. (ПП); **С. 3—4**: Стеклянный человек / Z. (РИ).

5 марта. № 63

С. 1: Первое и второе марта в столицах: <Из петерб. газет>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 4 марта: <В связи с убийством Александра II — как искоренить зло> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Подробности о кончине в Бозе почившего Государя Императора; **С. 3**: Кто виноват. По поводу восшествия на престол Государя Императора. (ПП); Из Петербурга. *2 марта*: Преступление 1 марта / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>. (ВИ); **С. 4**: Русская история в народном сказании <в записях Е. В. Барсова; из газ. «Земство»>. (РИ).

6 марта. № 64

С. 1—2: Подробности о злодействе: <Из петерб. газет>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 5 марта: <Как «истребить крамолу»; об А. И. Желябове> / <Г.-П.>; К известиям о злодеянии 1 марта; **С. 3**: Ответ на статью в № 45 <о «Братском дворе»> / Сурогина. (ИСМ); По поводу кончины Государя Императора. (ПП); Из Петербурга. *2 марта*: Преступление 1-го марта / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Из Твери. *2 марта*: По поводу кончины Государя. Панихида. Присяга; Из Ярославля. *2 марта*: Ужасная весть. (ВИ).

7 марта. № 65

С. 1: Подробности о злодействе: <Из петерб. газет>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 6 марта: <О халатном обследовании техником «сырного погреба», из которого террористами готовился подкоп> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Подробности о подкопе и событии 1 марта; **С. 3**: Чья рука. Царский завет. Нашим недовольным. (ПП); Церемония перенесения тела в Бозе почившего Государя Императора; Порядок ношения траура. (ВИ); Весть о злодействе 1 марта за границей. (ИИ).

8 марта. № 66

С. 1: Тяжелые дни: Предвестие кончины Государя. Первые минуты его смерти. Присяга и молебствие в Кремле и во всех церквах города. Панихиды на фабриках / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 7 марта: <1) Первое марта как «финал» Петерб. периода рус. истории; 2) Моск. земство о памятнике Александру II в Московском Кремле> / <Г.-П.>; Подробности о злодействе и арестах: <Из петерб. газет>; **С. 3**: Церемония перенесения тела в Бозе почившего Государя Императора. Приготовления к печальной церемонии; Провинция о кончине Государя: Из Владимира. *3 марта*; Из Мурома. *3 марта* / А. Р.; Из Нижнего Новгорода. *3 марта*. (ВИ).

9 марта. № 67

С. 1: Тяжелые дни: Сцена на Дмитровке. Приключение с мозольным оператором. Венок на гробе Государя от крестьян. Молебствие на Рогожском кладбище. Заключение / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 1—2**: Москва, 8 марта: <1) О «миролюбивой» циркулярной депеше Александра III; 2) О церкви на месте убиения царя> / <Г.-П.>; Подробности о злодействе и арестах: <Из петерб. газет>; **С. 3**: Перенесение тела почившего Государя Императора; Из Петербурга. *6 марта*: Вынос тела Государя Императора. Место преступления / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; Из с. Кимры, Корчевского у., Тверск<ой> губ. *27 февр.*: Состояние торговли. Цены. Освящение храма. Ветхость храмов. Скоропостижная смерть священника <села Ильинского о. Алфеевского>; Из Одессы. *28 февр.*: Земский съезд по вопросу о хлебном жучке. (ВИ); Иностранная печать о преступлении 1 марта. (ИИ).

10 марта. № 68

С. 1: Голос русского сердца / Русский гражданин. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 9 марта: <Параллели между освободит. деятельностью Александра II, Генриха IV и А. Линкольна (ист. справка)> / + <Ф. А. Гиляров>; Подробности о злодействе; Концерт г. <В. В.> Безекирского. Г-жа <М.> Зембрих<-Коханская>. Два слова об остальных участниках концерта. (ТиМ); **С. 3**: Петербург: (Слухи об отставке графа <М. Т.> Лорис-Меликова). (ВИ).

11 марта. № 69

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 марта: <Политич. и духов. значение Москвы и Петербурга — по поводу газет. полемики о двух периодах рус. истории> / <Г.-П.>; Подробности о злодействе; Перенесение тела в Бозе почившего Великого Монарха-мученика / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>; **С. 3**: Духовная цензура и стремления современной эпохи: <Из газ. *«ЦОВ»*>. (ПП); Провинция о злодействе 1 марта: Из Вильны / Русский <Ю. Ф. Кричковский>; Из Сызранского уезда / Л. Викторов; Из Покрова, Владимирской губ.; Из Курска. *5 марта*: Скорбь, уныние и угнетенное состояние духа всех граждан. Мнения и разговоры / <А. А. Танков>. (ВИ); Английский парламент о преступлении 1 марта. (ИИ); **С. 4**: Рассказ Ф. М. Достоевского об аресте <записанный А. П. Милюковым в 1860 г.; из март. книжки *«РС»*>. Новая опера <Дж. Верди «Яго»>. Памфлет <Т.> Карлейля. (РИ).

12 марта. № 70

С. 1: Дело Корольковых: (Из записок следователя) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 марта: <Всеобщая ответственность как средство для предотвращения терроризма; проблема доносительства> / <Г.-П.>; I. Розыск преступников; II. К известиям о подкопе; Приезд генерала <М. Г.> Черняева. Известия о Н. Г. Рубинштейне. Духовные беседы. Отъезд г. <П. А.> Хохлова. Сцена Немецкого клуба. (ЗиИ); **С. 3**: Из Петербурга. *8 марта*: Скорбные дни. Бдительность полиции; Из Вильны. *27 февр.*: Проложение нового русла Вилейки. Празднование 19 февраля. Неуместный бал. Книжный магазин. Возбужденный сенатором <А. А.> Половцевым вопрос / Русский <Ю. Ф. Кричковский>; Из Ростова на Дону. *28 февр.*: Критическое положение торговых фирм. Слух об учреждении Волжско-Камского банка. Положение рабочих / Р—в; Из Одессы. *2 марта*: Земский съезд по вопросу о хлебном жучке. (ВИ).

13 марта. № 71

С. 1: Дело Корольковых: (Из записок следователя) / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 12 марта: <О коллектив. ответственности членов корпораций за полит. благонадежность своих членов> / <Г.-П.>; I. К преступлению 1 марта; II. Розыск преступников; **С. 2—3**: Николай Григорьевич Рубинштейн: (Некролог) / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>; **С. 3**: 1-е марта 1881 г: <Стихотв. А. Колесова>. (ЗиИ); По поводу кончины Государя Императора. Можно ли винить общество. Задача нашей дипломатии. В чем коренится недостаток нашей образовательной системы. Как устроить наше самоуправление. Долгий путь. (ПП); Из Петербурга. *11 марта*: У гроба в Бозе почившего Государя Императора / Ф. С—ч <Ф. Ф. Серно-Соловьевич>. (ВИ); «Кельнская газета» о нигилистах: Прокламации парижских социалистов; Американская печать о петербургском злодействе; Банкет коммунаров. (ИИ); **С. 4**: Траур в старину. К характеристике Л. В. Дубельта: <Из журн. «*РС*»>; Перевод «Мертвого дома» <Ф. М. Достоевского> на английский язык <Марией фон Тило>. (РИ).

14 марта. № 72

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 13 марта: <О корнях политических преступлений> / + <Ф. А. Гиляров>; I. Социалистическая организация; II. Розыск преступников; III. К известиям о подкопе; Из писем редактору: I: <О судеб. реформе> / Частный поверенный; II: <О необходимости всенар. панихиды на Красной площади> / Москвич; **С. 3**: Новые театры. Петербургские артисты в Москве. Приезд Гвальтиери Пеццана. (ЗиИ); Присяга на Рогожском и Преображенском кладбищах. (ИСМ); Москва и Петербург: <Из газ. «Русь» и «*НВр*»>. (ПП); Из Саратова. *5 марта*: Впечатление вести о цареубийстве. Присяга. (ВИ); **С. 4**: Покупка картины Рубенса <«Нептун и Амфитрита» в Вене прусским наследным принцем>. (РИ).

15 марта. № 73

С. 1: Завидная женитьба: Ром<ан> Виктора Персеваля: <Оконч.> / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 марта: <Новые сведения о С. Л. Перовской, А. И. Желябове и др. участниках убийства Александра II> / + <Ф. А. Гиляров>; Страшная весть: (Письмо с дороги) / Русский человек; Храм креста: (Голос русского сердца) / Русский гражданин; I. К известиям о катастрофе 1 марта; **С. 2—3**: II. Розыски и аресты; **С. 3**: Погоня за либерализмом. Что нам нужно. Москва и Петербург. Крупная несообразность. Чем объясняется бессилие европейских правительств в борьбе с революционным социализмом. Школьное дело в Америке и у нас. По поводу предположенного уменьшения выкупных платежей. (ПП); **С. 4**: Убийство в припадке любовной страсти. (РИ).

16 марта. № 74

С. 1—2: А. Х. Востоков: (В память столетнего юбилея) / А. Сми—ов <А. Смирнов>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 15 марта: <Униатский вопрос> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Панихида по Н. Г. Рубинштейне. Представление «Демона» <А. Г. Рубинштейна> в Лондоне. (ЗиИ); Политические убийцы и право убежища. Современная цивилизация и цареубийство. По поводу циркуляра Министерства иностранных дел. Свобода и церковная проповедь. Где кроется источник зла. Пора отрезвиться. (ПП); Из Эривани. *26 февр.*: Способ привлечь гласных на заседания Думы. (ВИ).

17 марта. № 75

С. 1: Голландцы в Южной Африке / О. Ш. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 16 марта: <О «печати и школе» как причинах убийства Александра II — по поводу газет. толков> / + <Ф. А. Гиляров>; Антисоциалистическое общество в Москве. (ЗиИ); Туман псевдолиберализма. О международном соглашении против революционной пропаганды. Анархия и полиция. Квартирный налог и комиссия. (ПП); **С. 2—3**: Подробности отпевания и погребения тела Государя Императора; **С. 3**: Из Одессы. *5 марта*: Земский съезд в Одессе по вопросу о хлебном жучке. (ВИ); Русские нигилисты в Швейцарии. (ИИ).

18 марта. № 76

С. 1: Из пережитого вчера. I: Железнодорожные впечатления в юго-западных губерниях в 1877 году с 4 на 5 мая. По пути из Вилейки / <А. Д. Блудова>.[20] (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 марта: <О чрезмерных тратах на обмундирование для гвард. офицеров> / + <Ф. А. Гиляров>; Диспут г. <П. Г.> Виноградова: <Защита магист. дис. «Происхождение федеральных отношений в Лангобардской Италии»; оппоненты В. И. Герье и Н. А. Попов>; **С. 2—3**: Девятая подвижная выставка в Петербурге. «Березовый лес» А. И. Куинджи / А. П—в. (ХЛ); **С. 3**: Чего желает русский народ. Ложные уверения. Цель злоумышленников и их неудача. Ответ «Московским ведомостям». (ПП); Из Одессы. *8 марта*: Земский съезд по вопросу о хлебном жучке. (ВИ); Весть о кончине Императора в Болгарии; Конференция революционеров; Празднование Коммуны в Бельгии; Празднование юбилея Парижской коммуны в Лионе. (ИИ); Чиновник-нигилист. (ОН).

19 марта. № 77

С. 1—2: Из пережитого вчера: (Оконч.) / А. Б. <А. Д. Блудова>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 18 марта: <О процессе 193-х (4 апр. 1866 г.) и прямой связи его с событием 1 марта 1881 г.> / + <Ф. А. Гиляров>; Потери русского искусства: Модест Петрович Мусорский: (Некролог) / Заурядный зритель <А. М. Дмитриев>; Похороны Н. Г. Рубинштейна; Памяти Н. Г. Рубинштейна: <Стихотв.> / А. Колесов; **С. 2—3**: Как улучшить форму синодального управления: <Из газ. «Голос»>. (ПП); **С. 3**: Из Филиппополя. *9 марта*: Отношение Порты к болгарам. Военное положение Восточной Румелии. Отношение к Греко-турецкой распре / Г. О.; Нигилисты в Вене; Проделки нигилистов в Мадриде; Арест нигилиста <Николаса> Руселя. (ИИ).

20 марта. № 78

С. 1: Тяжелые дни / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 марта: <О праве полит. преступника на убежище> / <Г.-П.>; **С. 3**: Из Богородска. *15 марта*: Весть о злодействе 1 марта и присяга. Положение банка. Городское управление. Приближающиеся выборы / Богородский житель; Из Дерпта. *9 марта*: Скорбная весть / Л. Л. Л.; Из Одессы. *12 марта*: Земский съезд по вопросу о хлебном жучке. (ВИ).

21 марта. № 79

С. 1: Сила человека и сила насекомых. I / Zut. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 марта: <О связи рус. революц. пропаганды с «польской справой» — по поводу публикаций в газ. «*МВед*»> /

[20] Атрибутируется нами по содержанию, насыщенному биографическими подробностями. Гр. А. Д. Блудова — приятельница Г.-П. с 1854 г.

<Г.-П.>; Письма из деревни. I / П. Б.; **С. 2—3**: По поводу письма маркиза <А.> Велёпольского. Чего желают либералы. (ПП); **С. 3**: Из Одессы. *7 марта*: Депутация от Думы. Сооружение колонны и церкви с богадельней. Беспокойство по поводу манифеста. Нигилистка. Жучковый съезд; Из Немирова, Подольской губ. *10 марта*: Дифтерит. Отсутствие больниц. Городские тягости без городских прав; Из Ирбита. *2 марта*: Ярмарка; Из Северного края. *5 марта*: Впечатление от злодейства 1 марта / Священник Шужболенской церкви Михаил Соколов. (ВИ).

22 марта. № 80

С. 1: Сила человека и сила насекомых. II: (Оконч.) / Zut. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 марта: <О сокращении расходов Придвор. ведомства и упразднении Мин-ва двора> / <Г.-П.>; Первое заседание муниципального совета в Петербурге; Сведения о преступниках <С. Л. Перовская и др.>; Письма из деревни. II / П. Б.; **С. 3**: Петербург: (Просьба об отставке графа <М. Т.> Лорис-Меликова); Из Тихвинского у. *14 марта*: Общее горе. Кто такой <Н. И.> Рысаков / <А. П. Шамшев>. (ВИ); **С. 4**: Общество изучения русского языка в Праге. (ОН).

23 марта. № 81

С. 1—2: Скиталец: Повесть. II / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); Москва, 22 марта: <Заслуживают ли полит. преступники междунар. гостеприимства и покровительства законов> / <Г.-П.>; **С. 2**: Памяти Н. Г. Рубинштейна / О. Ш.; <Рец. на кн.: 1) Полярная звезда: Ежемес. лит.-ист. журн. / Ред. гр. Е. А. Салиас-де-Турнемир. СПб., 1881. № 1; 2) Сборник государственных знаний / Под ред. акад. В. П. Безобразова. СПб., 1880. Вып. VIII>. (НК); **С. 3**: Из Петербурга. *21 марта*: Выборы в члены Городского совета; Из Одессы. *17 марта*: Приезд генерал-губернатора <кн. А. М. Дондукова-Корсакова>. Выбор ректора. «Педагогический вестник».

24 марта. № 82

С. 1—2: Спиритический сеанс: Встреча Первого и Второго. Бал в Симбирске. Булочник из Егорьевска. Пушкинский театр. Доктора в Самарканде. Доктор <В. Н.> Проценко. «Некто» из Малого театра. Квартальный и купец на Волге. Воинственный жених. Убиение больного. Доктора в Муромских лесах. Девица Татьяна. Управляющий «Домом Христовым». Жалобы покойников с Пятницкого кладбища. Мщение крестьян кабачнику. Эпизоотия между купцами. Интрига настоятеля. Распоряжение Думы в Нижнем. Пьянство и убийство в селе Мысах. Продажа детей в Уральске. Торговля апельсинами в церквах. Кабинет смеха. Празднование свадеб в Старом Осколе. Клуб на Клязьме. Профессор профессоршу в тюрьму посадил. Окончание спиритического сеанса. Графиня Приор. Коридорный / Третий. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 марта: <О связи преступления 1 марта (А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Саблин) с делом 193-х «О революц. пропаганде в империи» и дела 1874 г. И. И. Долгушина, Л. А. Дмоховского и др. по составлению, печатанию и распространению прокламаций преступного содержания> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 3**: Петербург и Москва: <Из газ. «Русь»>. (ПП).

25 марта. № 83

С. 1: Раскопки в Сарае / С. Попов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 марта: <По поводу введения именных билетов для подгородных жителей Петербурга с целью предотвращения терактов> / <Г.-П.>; Заседание Петербургского Славянского общества <22 марта в Петер-

бурге, посвящ. памяти Александра II; выступали И. С. Аксаков, К. К. Случевский, В. А. Кокорев, О. Ф. Миллер>; Признаки одичания / Русский гражданин; **С. 2—3**: Лазаревский институт восточных языков / П.; **С. 3**: Панихида и сбор на памятник почившему Государю. Портреты Государя Императора. Письмо вдовы Ф. М. Достоевского <Анны Григорьевны к С. М. Третьякову>. Общество любителей художеств. Билеты на похороны Н. Г. Рубинштейна. Просьба евреев. (ЗиИ).

26 марта. № 84

С. 1: Раскопки в Сарае. <Внизу: «Царев, 11 февр.»>: (Оконч.) / С. Попов. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 марта: <1) В связи с отставкой министра А. А. Сабурова — об усилении дисциплины в высших учебных заведениях> / <Г.-П.>; <2) О положении Онежского края и экономич. экспансии Англии на Севере России> / <Авт. не установлен>; Вынос тела Н. Г. Рубинштейна; **С. 3**: Из Дерпта. *20 марта*: Студенческий суд / Л. Л. Л.; Из Воронежа. *17 марта*: Памяти Государя Императора. Угоревшие заключенники. Шайка подделователей. Цены / Р.; Из Самары. *18 марта*: Обезземелившиеся крестьяне; Из с. Старолетова, Зарайского у. *18 марта*: По поводу пожертвования крестьянам гр. Д. А. Толстого, дер. Шушпановой / Обыватель села Старолетова; С Уральской Горно-Заводской железной дороги. *2 марта*: Путевые впечатления / Л...ъ Б...г. (ВИ).

27 марта. № 85

С. 1: На память об Урале. 12 марта / Свиньин. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 марта: <О необходимости особого наказания за цареубийство> / <Г.-П.>; Похороны Н. Г. Рубинштейна <с публ. надгробного стихотв. Ф. С. Гурина, ученика консерватории> / Д. М. <Д. А. Мансфельд>; **С. 3**: С Уральской Горно-Заводской железной дороги. *3 марта*: Путевые впечатления / Л...ъ Б...г; Из Эривани. *11 марта*: Весть о кончине Государя. Убийства. Арест секретаря суда. (ВИ); Французская и швейцарская печать о праве убежища. (ИИ); **С. 3—4**: Насекомые и животные как преступники перед уголовным судом. Ряд покушений на жизнь монархов. Аппетит в XV веке. 10 000 долларов за красивое лицо. (РИ).

28 марта. № 86

С. 1: Катастрофа в Тушине / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 марта: <О скандале в Англии: два члена правительства финансировали радикальную газету> / <Г.-П.>; Суд над цареубийцами / Русский гражданин; **С. 2—3**: Письма из деревни. III. <Внизу: «8 марта 1881 г.»> / П. Б.; **С. 3—4**: Пожар театра в Ницце; А. С. Пушкин о графе <Д. И.> Хвостове. (РИ).

29 марта. № 87

С. 1—5: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 26 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>; **С. 5**: Предложение реформы. Предстоящий путь к вопросу о передаче Кульджинского края китайцам. По вероисповедному вопросу. (ПП).

30 марта. № 88

С. 1—2: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич: Заседание 26 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 марта: <Нигилизм — нравственное перерождение общества; о профессионалах «революц. дела» и женщинах-нигилистках> / <Г.-П.>;

С. 2—3: Суд над цареубийцами: <Из петерб. и моск. газет>; **С. 3**: Наш грех / В. И. Полтавцев; Письма из деревни. IV / П. Б.; Церковная проповедь и условия ее успеха: <Из газ. *«ЦОВ»*>. (ПП).

31 марта. № 89

С. 1—2: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 26 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 30 марта: <О похоронах Н. Г. Рубинштейна за счет города; нелицепр. характеристика покойного> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Предполагаемое открытие нового православного миссионерского стана в Японии / Архимандрит Анатолий; **С. 3**: Забытые памятники русской старины <при церкви Свт. Николая в Столпах>; Письма из деревни. V / Б. Б. <*надо*: П. Б.>; Московская судебная палата: Два дела о вооруженном сопротивлении властям / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); Еще об условиях успеха церковной проповеди: <Из газ. *«ЦОВ»*>. (ПП).

1 апр. № 90

С. 1—2: Москва, 31 марта: <1) О сближении Германии и России в связи с цареубийством; 2) О маркизе А. Велёпольском> / <Г.-П.>; Открытый ответ маркизу Велёпольскому на обращение его к людям из среды русского народа, сделанного в открытом письме к редактору «Московских ведомостей» / Русский; Подмосковный раскол. Бухаровцы. (ИСМ); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) *Орбинский Р.* О хлебной торговле Соединенных Штатов Северной Америки. СПб., 1880; 2) *Васильчиков А., кн.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881; 3) *Оуэн Р.* Об образовании человеческого характера: (Новый взгляд на общество) / Пер. с англ. 2-е, полн. изд. СПб., 1881>. (НК); **С. 3**: Брест: (Похищение еврейкой христианского ребенка); Из Киева. *21 марта*: Прокламации. (ВИ); Значение загибов визитной карточки. (РИ).

2 апр. № 91

С. 1—2: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 26 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 3**: Москва, 1 апреля: <Петровская земледельч. и лесная академия и полит. процессы> / <Г.-П.>; Студенческие беспорядки; Из Самары. *23 марта*: Казус в гражданском деле. Продажа имения. Поимка пристава См—ского в Смоленске; **С. 4**: Воспитание Императора Александра II: <Отрывки из плана воспитания Цесаревича Александра Николаевича, составленного В. А. Жуковским>. Житье и язык цыган. (РИ).

3 апр. № 92

С. 1—3: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 26 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 2 апреля: <О вероятной войне между Францией и Тунисом> / <Г.-П.>; Во что обошлись городу похороны Н. Г. Рубинштейна. (ЗиИ).

4 апр. № 93

С. 1: Москва, 3 апреля: <О речи нового министра нар. просвещения бар. А. П. Николаи в С.-Петерб. ун-те: ответственность преподавателей и их нравств. влияние на студентов> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою ко-

его пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 27 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>; **С. 3—4**: Университетские известия / С—в; **С. 4**: Выставка Общества любителей художеств / П—в. (ХЛ); Московский окружной суд: Лжесвидетельствование под присягой / Д. М. <Д. А. Мансфельд>; Чиминцы, Особняки и Бабушкина вера. (ИСМ); **С. 4—5**: Чего хочет Германия. Ответ немецкой газете <Берлинская «Нац. газета» «обрушилась с резкой бранью на И. С. Аксакова» за его речь в С.-Петерб. славян. обществе>. Разброд. Об умственном пролетариате. (ПП); **С. 5**: Петербург: (Прощальная речь профессора Ф. Ф. Мартенса. Арест революционеров. Заседание Общества любителей древней письменности). (ВИ); Профессор <И. К.> Блунчли о праве убежища. (ИИ).

5 апр. № 94

С. 1: Москва, 4 апреля: <О необходимости усиления роли полиции в полит. устройстве; уп. С. Л. Перовская, А. И. Желябов, Л. Н. Гартман>; **С. 1—3**: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 28 марта 1881 года: <Из газ. *«ПВ»*>; **С. 3**: Подробности о смертной казни; Революционеры и легальная печать: <Из газ. *«МВед»*>. (ПП).

6 апр. № 95

С. 1: Москва, 5 апреля: <Аграрный билль У. Ю. Гладстона и крестьян. реформа в России> / <Г.-П.>; **С. 1—2**: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 28 марта: <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.); **С. 2**: Подробности о смертной казни; **С. 3**: Голос за учащуюся молодежь. Чего желают славянофилы. Причины печальных явлений. По вопросу о праве убежища. (ПП); Из Петербурга. *3 марта*: Казнь цареубийц. Аресты. (ВИ).

7 апр. № 96

С. 1: Москва, 6 апреля: <1) Об исключит. временных мерах дисциплинирования студентов в связи с беспорядками в университете; 2) О пожаре на Тушинской фабрике> / <Г.-П.>; **С. 1—4**: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Заседание 29 марта: <Из газ. *«ПВ»*>: (Продолж.); **С. 4**: Казнь цареубийц: (Рассказ очевидца): 3 апреля.

8 апр. № 97

С. 1: Москва, 7 апреля: <Преступления цареубийц — «месть за личную неудачу, за внутр. развенчание»> / <Г.-П.>; **С. 1—3**: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич: Заседание 29 марта: <Из газ. *«ПВ»*>: (Оконч.); **С. 3**: Источник нигилизма. По поводу сенаторских ревизий. По народному образованию. Об аптекарской монополии. (ПП); Из Ставрополя-Кавказского. *27 марта*: Известия о преступлении 1 марта. Подписки. Погода. (ВИ).

9 апр. № 98

С. 1: Слезы народа: 1861 и 1881 гг. / Освобожденный. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 8 апреля: <О преемственности революционных деятелей 1862 и 1881 гг.> / + <Ф. А. Гиляров>; Петербургские письма. I / В.; Славянофилы и западники: <Из газ. *«НВр»*>. Необходи-

мость реформ. Чего желают либералы. О техническом и реальном образовании. (ПП); **С. 3**: Киев: (Сооружение памятника Б. Хмельницкому). (ВИ).

10 апр. № 99

С. 1—2: 15 лет крамолы: (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): (По обнародованным документам). Каракозовщина: 4 апреля 1866 г. Официальное известие. Биографические сведения о <Д. В.> Каракозове. Прием депутаций. Речь Государя Императора. Сведения о следствии и суде. Данные, добытые следствием. «Земля и воля». <Н. А.> Ишутин. «Организация». Приемы и средства «Организации». Источники направления «Организации». Зачатки террора. <И. А.> Худяков. «Ад». <Н. Д.> Ножин. Мысль об освобождении <Н. Г.> Чернышевского. <Я.> Домбровский. «Друзьям-рабочим». Противодействие Каракозову. Зародыши народничества. Польское участие. Narodowa opieka. Кто виноват? / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); Москва, 9 апреля: <Политические дела 1866 и 1881 гг.> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 2**: Отчет Общества добровольного флота. (ЗиИ); **С. 2—3**: По поводу университетских беспорядков: <Из газ. *«МВед»*>. (ПП); **С. 3**: Из Филиппополя. *17 марта*: Траурные дни в Болгарии. Весть о кончине Царя-Освободителя в Филиппополе. Воззвание князя Александра / Г. О. (ИИ).

11 апр. № 100

С. 1—2: О том и о другом: Два слова по поводу Тушинской катастрофы. Нищие из богадельни <Ф. Я.> Ермакова. Флаги и венки в похоронной процессии <Н. Г.> Рубинштейна. Нелепый слух о подкопе. Прелести весны. Гулянье на вербах. Приготовление к празднику. Великий химик <француз Дупле>. Будут ли разрешены частные театры. Странствующая пианистка <О. Дюбуан> / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 10 апреля: <По поводу откликов на очерк «Каракозовщина» — о нигилистах 1860-х гг.> / + <Ф. А. Гиляров>; <К кончине Виссариона, старообрядч. архиеп. Измаильского>. (ИСМ); **С. 2—3**: <Рец. на кн.: 1) *Пуцыкович Ф.* Рисование по сетке: Пособие для самостоят. занятий дома и в школе. СПб., 1881. Вып. I—II; 2) Месяцеслов Православной кафолической церкви / Сост. Ив. Косолапов. 2-е изд., испр. и доп. Симбирск, 1880; 3) *Сорокин В. М.* О делах житейских: Рассказы старого учителя. СПб., 1881; 4) *<Неплюев Н. Н.>*. Совесть: Стимул, забытый проф. Иванюковым, при перечислении стимулов, обусловливающих человеческие деяния: Страница из жизни помещика. М., 1881>. (НК); **С. 3**: По вопросу об убежище. Еще о славянофилах и западниках. Наша печать и ее враги. По Греко-турецкому вопросу. Причина неудовлетворительности нашей полиции. (ПП); Из Воронежа. *3 апр.*: Дело об уряднике. Погода; Из Одессы. *31 марта*: Выставка картин. Коллекция типов России. Путешествие на Восток и Алжир. Карикатура на жучковый съезд. Новая газета <«Пчелка»>. Нигилист. Кража ребенка. (ВИ); Из Уфы. *16 марта*: Дороговизна и бедственное положение чиновников. Местная печать. Гимназия; Из Сибири. *4 марта*: Торговые дела. Дороговизна. Звериный промысел. Железная промышленность. Прочие металлы. Графит. Уровень заработков. (ВИ).

12 апр. № 101

С. 1—2: 15 лет крамолы: (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): По обнародованным документам: Каракозовщина. II: Пояснение и дополнение следствия «Московскими ведомостями». Источник крамолы. Литографии. «Колокол». Журналистика. Студенческая история. Поляки-студенты. Пензенский кружок. «Петровцы». Горыгорецкий институт. «Выпивки». «Юлия Пастрана». <И. А.> Худяков. Предвестия 4 апреля в петербургских

административных сферах и в иностранной журналистике. Сумасшедшая полька. Польская революция как источник социальной революции. Заговор на цареубийство. Дрезденский съезд. Письмо «Топора». <И. П.> Огрызко и «Земля и воля». «Секретная царская воля»; III: Приговор над <Д. В.> Каракозовым. Казнь преступника. Описание «Русского инвалида» и «Голоса». Приговор над 34. Общественное положение подсудимых. «Петровцы». 16 групп подсудимых. Исполнение приговора. Описание «Голоса» и «С.-Петербургских ведомостей». Помилование <Н. А.> Ишутина / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 11 апреля: <По поводу отставки Н. С. Абазы, либерального начальника Главного управления по делам печати> / <Г.-П.>; <Рец. на кн.: *Петропавловский И., свящ.* Общедоступные статьи в защиту христианской веры против неверия. М., 1881>. (НК); **С. 3**: Из Клина. *28 марта*: Дороговизна сена. Истребление лесов. Городской бульвар. Библиотека. Летние развлечения; Из Юрьевца. *22 марта*: Старая колонизаторская дорога; Из Саратова. *31 марта*: Погода. Болезни. Упадок хозяйства. Вспомогательное общество; Из Стерлитамака. *26 марта*: Сенаторская ревизия. (ВИ).

15 апр. № 102

С. 1: Скиталец: Повесть. III / Скиталец. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 14 апреля: <О необходимости особого закона для политических «Иванов, не помнящих родства»: они должны быть «вне закона»> / <Г.-П.>; <Указ Св. Синода по поводу 1 марта: Из газ. «Новости»>; Новое общество любителей церковного пения. (ЗиИ); **С. 3**: Из Сергиевского посада, Москов<ской> губ. *8 апр.*: По поводу преобразования Вифанской семинарии / Бывший Вифанец; Из Суздаля. *10 апр.*: Утопленник-священник <Н. Е. Семеновский>. (ВИ).

16 апр. № 103

С. 1: На Святой: Ночь в Кремле. Разбрасывание прокламаций крамольниками. «Волк» из Хрустального ряда / Старый Знакомый <Н. И. Пастухов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 15 апреля: <Греко-турецкий вопрос> / <Авт. не установлен>; Петербургские письма. II / Влад—ов <И. А. Пашков>; **С. 3**: Прощальное слово С. А. Абаза: <Из газ. «Голос»>. Славянофилы и западники: <Из газ. «Неделя»>. (ПП); Из Одессы. *7 апр.*: Университетские новости; Из Эривани. *2 апр.*: Жизнь татарских ханов и беков; Из Дерпта. *4 апр.*: Синдикатский суд в университете. Университетский суд / Л. Л. Л. (ВИ); **С. 4**: Любопытные примеры рассеянности. (РИ).

17 апр. № 104

С. 1—2: 15 лет крамолы: (По обнародованным документам): (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): Нечаевщина. I: Затишье. Нечаевщина. 12 групп подсудимых. Студенческие беспорядки. Сторонние лица на сходках. «К обществу». Обыск у <П. Г.> Успенского и в магазине <А. А.> Черкесова. <С. Г.> Нечаев. Революционный узел в Петровской академии. Убийство <И. И.> Иванова. Причина злодейства. Отъезд <С. Г.> Нечаева. Возвращение. Основание кружков и отделение. «Полунинская история». «От сплотившихся к разрозненным». Рассказ <П. Г.> Успенского. Роль <А. К.> Кузнецова. Каракозовец князь <В. Н.> Черкезов. Стихотворение «Студент». <И. Г.> Прыжов. «До громады». <Н. П.> Огарев и <М. А.> Бакунин. Уволенные студенты. <Н. Н.> Николаев. Фиктивный брак <А. Д.> Дементьевой / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 16 апреля: <Нигилизм и система образования в России, воспитывающая «отвлеч. человека», — по поводу публикаций газ. «Голос»> / <Г.-П.>; **С. 3**: По преобразованию полиции / П.; Что делать: <Из газ. «Русь»>. Нужды народной школы. По сокращению государственных расходов.

Европа и Россия: <Из журн. «Дело»>. (ПП); **С. 4**: Литературная плодовитость: <Плиний Старший>. Анекдот о графе <А. А.> Закревском. (РИ).

18 апр. № 105

С. 1—2: 15 лет крамолы: (По обнародованным документам): (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): Нечаевщина. II: <В. Ф.> Орлов. Записки для <Е. Х.> Томиловой. <Ф. В.> Волховской. <П. Н.> Ткачев. Их запирательство. Обыск у <П. Н.> Ткачева. Еще связь с каракозовщиною. Девица Евреинова. <А. Д.> Дементьева. Ее типография. Печатание воззвания. <С. Ф.> Чубаров. <Е. Х.> Томилова. Ее знакомство с <С. Г.> Нечаевым. В. И. Засулич. <И. И.> Флоринский. <М. П.> Коринфский. Суд над первой группой. Как формулировано обвинение / + <Г.-П>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 17 апреля: <О сенаторской ревизии в Уфимской губ. и «служебной безответственности» как «самом коренном зле, которым земля Русская страдает»> / <Г.-П.>; **С. 2—3**: Письма из деревни. VI—VII / П. Б.; **С. 3**: Японские магические зеркала / К. (НХ); Неизданная партитура <В. А.> Моцарта. (ТиМ); **С. 4**: История динамита. Американская эксцентричность. Количество журналов в Финляндии. Испанская забава / М. (РИ).

19 апр. № 106

С. 1—2: Москва, 18 апреля: <О родословном древе рус. революц. движения 1861—1881 гг.> / <Ф. А. Гиляров>; **С. 2**: Родословие русской крамолы: <Схема> / + <Ф. А. Гиляров>; **С. 4**: Из биографии вожаков русских социалистов <М. П. Драгоманова, С. А. Подолинского и М. И. Павлика, проживающих в Женеве>. Книга «Мерв, царица мира» <Ч. Марвина>; Перевод <У.> Шекспира на малороссийский язык <П. А. Кулишом>; Постановка новой оперы <Ш.> Гуно <«Дань Заморы» в Париже>. (РИ).

20 апр. № 107

С. 1—2: Описание события 1 марта 1881 года, составленное на основании показаний ста тридцати восьми свидетелей-очевидцев: <Из газ. *«ПВ»*>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 19 апреля: <Еще о сенаторской ревизии Уфимской губ. и возвращении башкир. земель в казну> / <Г.-П.>; Письма из деревни. VIII / П. Б.; **С. 2—3**: Из области открытий и изобретений: Небесные тела / Ленгвист; Интеллигенция и народ. Ответ на ответ. По университетскому вопросу. Нужды наших духовных училищ. (ПП); **С. 4**: Юбилей книгопечатания: <400 лет>; <Ф.> Шиллер в переводе Наполеона III. (РИ).

21 апр. № 108

С. 1—2: 15 лет крамолы: (По обнародованным документам): (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): Нечаевщина. III: Судебное следствие по 1-й группе. Объяснение <А. К.> Кузнецова. Софизм <С. Г.> Нечаева. Революционная организация. Шифрованные протоколы. Ложные отчеты. Подробности о каракозовце кн. <В. Н.> Черкезове. Пререкания <С. Г.> Нечаева с <И. И.> Ивановым. Подробности убийства <И. И.> Иванова. Предания Каракозовщины. «Абрамовская история». Показания <Н. Н.> Николаева. Опять князь <В. Н.> Черкезов. <И. Г.> Прыжов. Девица <А. Д.> Дементьева. Объяснение <П. Г.> Успенского. Значение среды. Покаяние <И. И.> Флоринского. Роль <В. Ф.> Орлова. <Ф. В.> Волховской. «Лопатинская история». Фиктивные браки. Как вырабатывались отщепенцы / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 20 апреля: <Урегулирование Греческого вопроса и обострение Тунисского в междунар. политике> / <Г.-П.>; Столкновение христиан с евреями <15 апреля в Елизаветграде>; По делам печати. О Добро-

вольном флоте. (ПП); **С. 3**: Из Орла. *12 апр.*: Разлитие рек. Прокламация. Думское заседание. Отсутствие праздничных увеселений. Болезни. Дороговизна / XVI. З.; Из Одессы. *16 апр.*: Несовершившееся побоище. Прокламация. Погода. Крестный ход. Одессит <проф. В. Н. Лигин> — президент на ученом съезде в Алжире. (ВИ).

22 апр. № 109

С. 1: Скиталец: Повесть: (Продолж.) / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 21 апреля: <О необходимости перемен в учеб. деле, «разбросанном у нас по всем ведомствам»> / <Г.-П.>; Подробности о столкновении христиан с евреями: <Из газ. «Моск. телеграф» и «Голос»>; **С. 3**: По поводу переговоров с Ватиканом: <Из газ. *«МВед»*>. Земельные приобретения России в царствование Императора Александра II. По устройству земледельческой промышленности. Современные задачи казенного хозяйства. (ПП); Хиосское землетрясение / А. К.; Сословия у японцев: (Четыре класса: кувазоку, куге, сизоку и хеимин; эта́) / А. А. (ИИ); **С. 3—4**: Томас Карлейль: <Два некролога англ. историку: из газ. *«МВед»* и «Русь»> / О. К. <О. А. Киреева> (РИ).

23 апр. № 110

С. 1—2: Обрусение и объединение / Русский из Молодечны. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 22 апреля: <Польский вопрос и революц. движение в России> / <Г.-П.>; Письма из деревни. IX / П. Б.; Самоубийство книгопродавца <И. Г. Соловьева>. (ЗиИ); **С. 3**: О посланиях пастырей Церкви к пасомым: <Из газ. *«ЦОВ»*>. Задача русской интеллигенции: <Из газ. *«СПбВед»*>. (ПП); **С. 4**: Картина, изображающая катастрофу 1 марта <художника Дж. Бера (John Beer)>: <Из газ. «Голос»>. (РИ).

24 апр. № 111

С. 1—2: Скиталец. Повесть. VI: (Продолж.) / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 23 апреля. <О связи Каракозовщины с польскими мятежниками> / + <Ф. А. Гиляров>; Театральные реформы. К биографии И. Г. Соловьева. (ЗиИ); **С. 3**: Как переустроить университеты: <Из газ. *«МВед»*>. По поводу столкновения христиан с евреями: <Из газ. «Голос»>. По устройству крестьянского быта. (ПП); Выставка картин <И. К.> Айвазовского в Лондоне. (ПИ).

25 апр. № 112

С. 1—2: Заметки праздношатающегося: В гостях у свата Картошкина. Рассказ извозчика о «специалистах». Освящение пасхи в церкви Спаса, что на Сретенке. Встреча с г. <И. В.> Тейсером. Разговор с маркером Яковом Савельичем. На куриной выставке. Встреча с управским чиновником. На Москворецком мосту во время ледохода / Праздношатающийся. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 24 апреля: <Террорист поляк А. И. Березовский и его сообщники в деятельности революц. партии 1866—1869 гг.> / + <Ф. А. Гиляров>; Вокально-инструментальный концерт 19 апреля (под управлением г. Эмануэля). (ТиМ); С. 3: Кишинев: (Беспорядки <между евреями и христианами>). **С. 3—4**: Частные театры в Москве в XVIII столетии: <Из «Изв. Моск. гор. Думы»>. (РИ).

26 апр. № 113

С. 1: 15 лет крамолы: (По обнародованным документам): (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): Нечаевщина. IV: Как можно попасть в политическое дело. Беседа на железной дороге. Радушная сестра ученика <Е. Х. Томилова>. Диспуты. Работа на машине. Сестра

<С. Г.> Нечаева <Анна>. Сватовство <В. Ф.> Орлова. Взаимное обучение. Сходка. «Арест» <С. Г.> Нечаева. Хлопоты <Е. Х.> Томиловой, <А. Г.> Нечаевой и <В. И.> Засулич. Визиты <В. Ф.> Орлова. Письмо и телеграмма <С. Г.> Нечаева. Мысль собирать деньги в с. Иванове. Еще письмо. Жандарм / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 25 апреля: <О необходимости нар. переписи> / + <Ф. А. Гиляров>; Московский окружной суд. Дело издателя «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. (СЛ); <Об Артистическом кружке>. (ЧТ); Университетское самоуправление. По поводу объединения управления учебными заведениями. Забытый край <Остзейский; из газ. «Порядок»>. (ПП); **С. 3**: Из Петербурга. *22 апр.*: Открытие навигации. Святая неделя. Благолепие церковное. Придворная церковь Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего. Литературное дело <против газ. *«НВр»*>; Из Троице-Сергиевского посада. *22 апр.*: Убийство сторожа. Кража банкового билета. Кражи в городе; Из Выксы, Нижегор<одской> губ., Ардатов<ского> у. *15 апр.*: Катастрофа; Из Одессы. *21 апр.*: Беспорядки <против евреев> в Елизаветграде. Пеццано Гвальтери; Из Самары. *17 апр.*: Памятник <Александру II> в городе. Бедный гимназист с дурной подкладкой. Погода и цены на продукты. (РИ).

27 апр. № 114

С. 1—2: Обрусение и объединение: (Оконч.) / Русский из Молодечны. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 26 апреля: <По поводу споров о переносе столицы из Петербурга в Москву> / <Г.-П.>; Московское Ваганьковское кладбище / В. Ка—цев; **С. 3**: Из Токио. *5 марта*: Из японских обычаев в случаях рождения и брака. (ИИ); **С. 4**: Парижское Общество друзей науки. (РИ).

28 апр. № 115

С. 1: Скиталец: Повесть: (Продолж.). V / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 27 апреля: <О воспитательном значении деятельности Общества любителей церковного пения; уп. М. И. Глинка, кн. В. Ф. Одоевский. И. С. Бах> / <Г.-П.>; Общества любителей церковного пения / У. <Г. Г. Урусов>; Певческий турнир / Бас; Вывороченные гербы / Z.; **С. 2—3**: Современные нужды. По устройству земского самоуправления. Условия, при которых печать может иметь воспитательное значение для общества. О смертной казни. (ПП); **С. 3**: Петербург: (Заседание Общества любителей древней письменности); Из Одессы. *23 апр.*: Надежды на урожай. Театр. (ВИ); Письма г. <Н. Н.> Миклухи-Маклая <из Сиднея, 1879 г.>. (РИ).

29 апр. № 116

С. 1—2: 15 лет крамолы: (По обнародованным документам): (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.): Нечаевщина. V: <Г. П.> Енишерлов. Эксплуататоры студенческих историй. Характеристика <С. Г.> Нечаева. <А. А.> Кадьян. Показание Кундушева. Трое каракозовцев. Разговоры о 4 апреля. Замысел освободить <Н. Г.> Чернышевского за 9 рублей. Прошлое <П. Н.> Ткачева и <Ф. В.> Волховского. Прокламации <Л.> Ольшевского. «Малороссийская община» 1863—1866 гг. «Рублевое общество». «Вопрос молодого поколения». «Общие правила организации». Катехизис революционера. «От сплотившихся к разрозненным». «К обществу». Прокламация <М. А.> Бакунина. Прокламация <С. Г.> Нечаева / + <Ф. А. Гиляров>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 28 апреля: <Тунисский вопрос и его связь с политикой на Балканах> / <Г.-П.>; Юбилей Н. И. Пирогова. (ЗиИ) **С. 3**: По поводу польского меморандума. Царский путь. По устройству крестьян. Операции для восстановления нашей валюты. (ПП); Кременчуг, Полтавской губ.: (Переселе-

ние евреев); Из Корчевы, Тверской губ. *25 апр.*: Вскрытие Волги. Навигация / Я. К—в. (ВИ); **С. 3—4**: Юбилей князя <А. М.> Горчакова. Заказ Морского музея <картин маслом с изображением всех типов судов>. Воспоминания о Генрихе Гейне. (РИ).

30 апр. № 117

С. 1—2: Скиталец: Повесть. VI: (Продолж.) / Рудниковский <М. Н. Былов>. (<Ф>); **С. 2**: Москва, 29 апреля: <О «дележе североафрикан. побережья» европ. державами> / <Г.-П.>; По театру. Еврейская проделка. (ЗиИ); **С. 2—3**: Московская судебная палата: Мировой посредник, секший крестьян / Д. М. <Д. А. Мансфельд>. (СЛ); **С. 3**: Мелкая общественная единица. О правовом порядке. О народных чтениях. Обвинителям патриотической печати. Полезный почин. (ПП); Киев: (Подробности о беспорядках: <Из газ. *«НВр»*>); Ольвиополь, Херсонской губ.: (Подробности о беспорядках: <Из газ. «Голос»>). (ВИ); Успехи либерализма в Японии <по К. А. Скальковскому>. Завещание <Т.> Карлейля. (РИ).

1 мая. № 118

С. 2: Москва, 30 апреля: <1) Об облегчении выкупных платежей> / <Г.-П.>; <2) Извинения за неверные данные в таблице (*СИ*. № 106): вместо фамилии Кобылянский — ошибочно Кадьян, с публ. письма А. А. Кадьяна от 26 апр. из Симбирска> / + <Ф. А. Гиляров>; Подробности о беспорядках в Киеве; Реферат К. Д. Анциферова; возражения. (ОиС); **С. 2—3**: Совет министров. Сомнительные предложения. О публичных лекциях. По устройству крестьян. По поводу столкновения христиан с евреями: <Из газ. «Порядок»>. (ПП); **С. 3**: Кишинев: (Подробности о беспорядках); Из слободы Мстеры, Вязниковского у., Владимирской губ. *25 апр.*: Население. Занятия жителей. Слобода. Торговля / N. N. (ВИ); Речь профессора <Ф. Ф.> Мартенса о правилах войны. Новые оперы. Автограф <П.> Корнеля. (РИ).

2 мая. № 119

С. 1—2: Что она станет делать?: Повесть К. Ринхарта: (Пер. с нем.). (<Ф>); **С. 2**: Москва, 1 мая: <О связи нечаевщины с каракозовщиной; из истории газ. «Весть»> / + <Ф. А. Гиляров>; Письма из деревни. X / П. Б.; По построению храма во имя Александра Невского. (ЗиИ); **С. 3**: Печать и запрещения: <Из газ. *«СПбВед»*>. (ПП); Киев: (Подробности о беспорядках: <Из газ *«МВед»*>); Из Петербурга. *28 апр.*: Слухи о программе и результате совещания общего Совета министров. Перемены в высшей администрации; Из Киева. *26 апр.*: Беспорядки. (ВИ); **С. 3—4**: Сравнительное богатство наций. В серале африканского короля <по А. Бурдо>. (РИ).

3 мая. № 120

С. 1—2: Из дневника праздношатающегося: Весна пришла. Пирамиды навоза у городского Манежа. Прелести Солянской площади. Наши мостовые. Рассказ почетного гражданина <Ив. Попова>. Драма в спальне. Образцовая часовня. Куда богач хотел от золота ключ спрятать / Праздношатающийся. (<Ф>); **С. 2—3**: Москва, 2 мая: <По поводу прошения казан. старообрядцев «оградить их от стеснений», поданного сенатору М. Е. Ковалевскому> / <Г.-П.>; Письма из деревни. XI / П. Б.; Музыкальные известия. Будущее московской русской оперы. Новая опера Рихарда Вагнера <«Парцифаль»>. Франц Лист. Летние театры. (ЗиИ); **С. 2—3**: Общественные надежды и потребности. Ответ «Московским ведомостям». О паспортной реформе. Виды на урожай и предполагаемое сокраще-

ние бюджета. По еврейскому вопросу: <Из газ. «Голос»>. (ПП); Высочайший манифест <от 29 апр.>; Из Царева. *22 апр.*: Услуги телеграфа. Гнилой хлеб для посева. (ВИ); **С. 3—4**: Записка старообрядцев: <Из газ. *«НВр»*>. Вступление новичка в Дом предварительного заключения: <Из газ. «Неделя»>. (РИ).

4 мая. № 121

С. 1: Что она станет делать?: Повесть К. Ринхарта: (Пер. с нем.): (Продолж.). (<Ф>); Москва, 3 мая: <Какие училища и на чьи средства должны содержаться и в чьем состоять ведении> / <Г.-П.>; **С. 2**: Подробности о киевских беспорядках; Рогожские богдыханы / Чин-чин-по-чи-тай; **С. 3**: Концерт г. <П. А.> Щуровского (30 апреля в Доме московского кредитного Общества). (ТиМ); Петербург: (Приезд И. С. Тургенева <29 апреля из Берлина>); Канев, Киев. губ.: (Беспорядки); Харьков: (Слухи о предстоящем избиении евреев); Из Саратова. *28 апр.*: Виды на урожай. Кражи. Работы Комиссии по улучшению судоходства по р. Волге. (ВИ); Положение Болгарии. (ИИ); **С. 4**: Император Александр I и <Ш. М. де> Талейран: <Републ. рассказа Ш. М. де Талейрана о свидании с Александром I 4 окт. 1814 г. из «Переписки Талейрана с Людовиком XVIII в период Венского конгресса» из архива МИДа Франции>. (РИ).

Л. Ю. Гусман

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТКЛИК ЭМИГРАНТА-КОНСТИТУЦИОНАЛИСТА Л. П. БЛЮММЕРА НА ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ИДЕЙ В ГЕРМАНИИ (1863)

В первой книге «Славянофильского архива» была помещена подробная и чрезвычайно интересная публикация А. П. Дмитриева, посвященная изданию в 1862 г. в Германии славянофильской антологии «Русские фрагменты», содержавшей переводы на немецкий язык наиболее характерных статей «Русской беседы».[1] Нам представляется весьма важным для понимания общественной реакции на сборник осуществить републикацию малоизвестной, затерявшейся на страницах эмигрантского издания, рецензии на «Русские фрагменты». Она была помещена в 1-м и единственном выпуске журнала «Свободное слово» на 1863 г., издававшемся в брюссельской типографии кн. П. В. Долгорукова и редактировавшемся публицистом Леонидом Петровичем Блюммером (1840—1888), перу которого, несомненно, и принадлежит публикуемый текст. Политическая биография этого деятеля Вольной русской печати изучена весьма недостаточно.[2] Его литературное наследие, по существу, никогда не собиралось воедино. Между тем, в течение двух лет (1862—1864) он выпускал в Берлине, Брюсселе и Дрездене журналы и газеты — «Свободное слово» (1862—1863); «Весть» (1862) и «Европеец» (1864), в которых откликался на практически все злободневные проблемы русской жизни.

Убежденный сторонник введения конституции и, в то же время, решительный противник революционного террора, Блюммер занимал особое место в литературе русского зарубежья, часто расходясь во взглядах даже с наиболее близким к нему по убеждениям Долгоруковым. Особенности его поведения — некоторая легковесность и несдержанность, породившие устойчивые, хотя и неубедитель-

---

[1] «Русская беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. Фон Боденштедтом / Предисл., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 278—343. (Славянофил. архив; Кн. I).

[2] Подробнее о недолгой, но активной публицистической деятельности Л. П. Блюммера в эмиграции см.: *Гусман Л. Ю.* Л. П. Блюммер — редактор эмигрантского журнала «Свободное слово» (эпизод из истории русской общественной мысли 1860-х гг.) // *Гусман Л. Ю.* Страницы истории русского либерализма. СПб.: ГУАП, 2010. С. 23—50.

ные подозрения в связях литератора с III Отделением, не снижают значение публицистики Блюммера, являющейся характерным примером эклектического сочетания либеральных и социалистических идей, носившихся в раскаленном воздухе пореформенной России и Европы в целом.

Может показаться несколько неожиданным: почему убежденный конституционалист, атеист и последователь Л. Фейербаха, каковым был Блюммер, проявил пламенное сочувствие к славянофильству, выразившееся в публикуемой рецензии, написанной им до того, как он «покаялся» и вернулся в Россию (1865 г.). Чтобы дать читателю некоторый материал к ответу на этот вопрос, проследим основные вехи взаимоотношений публициста со славянофильской идеологией.

Еще до своей эмиграции, совсем юный, но весьма активный и начитанный Блюммер публиковал в 1860—1862 гг. многочисленные литературные обзоры в отказавшейся от булгаринского наследия «Северной пчеле», журнале «Книжный вестник» и др.

Для нашей же темы необходимо особенно отметить его активное сотрудничество в журнале «Светоч», малоизученном и достаточно оригинальном памятнике общественного и литературного движения того времени. Целью редакции журнала, в которую входили известные публицисты и писатели А. П. Милюков, Н. Н. Страхов, Д. Д. Минаев, было примирение западничества со славянофильством на общей реформаторской платформе. Характерно, что к этому же призывал и А. И. Герцен, так обращавшийся к своим друзьям: «Усобица ваша со славянофилами не улеглась; это жаль. Увлеченные полемикой, вы не замечаете, как скучны ваши споры и как они надоели. Борьба ваша со славянофилами потеряла интерес».[3] Со стороны славянофилов также наметилось стремление к сближению с западниками. В 1856 г. один из ведущих публицистов-славянофилов — И. С. Аксаков — заявлял (в письме к родителям от 27 сентября):

> И мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность.[4]

Разногласия западников со славянофилами стали восприниматься как достояние истории.

Блюммер намеревался разработать новую идеологию — синтез западничества со славянофильством, который своими политическими выводами обосновывал бы программу конституционных преобразований. В начале 1861 г. он опубликовал, по сути, программную статью, посвященную мировоззрению В. Г. Белинского.[5] Мнения знаменитого критика являлись образцом для тог-

[3] *Герцен А. И.* Еще вариация на старую тему: (Письмо к <И. С. Тургеневу>) // Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XII. С. 423.

[4] *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. М.: Наука, 1994. С. 454. (Лит. памятники).

[5] *Блюммер Л. П.* Белинский перед лицом западников и славянофилов // Светоч. 1861. Кн. 1. С. 26—38.

дашней «прогрессистской» интеллигенции, и Блюммер стремился найти в них опору для утверждения общественных взглядов журнала «Светоч». На основании тщательного анализа поздних сочинений Белинского молодой публицист пришел к небезосновательному выводу:

> Наш великий мыслитель в последние годы своей деятельности отказался от воззрений крайней западнической партии и, сближаясь с мнениями их противников, стремился к примирению обоих литературных взглядов в той истине, которая теперь начинает становиться понятною для всех мыслящих людей. [6]

Для интересующего нас вопроса о формировании политических воззрений Блюммера перед эмиграцией чрезвычайно важны его отрицательные отзывы о Петровской реформе, необычайно смелые для подцензурной печати. Следует отметить, что вопрос об отношении к реформам Петра I отнюдь не являлся академическим в период «Великих реформ». Он оказался неразрывно связанным со степенью веры в реформаторские возможности «просвещенного абсолютизма». Чем сильнее была эта вера, тем позитивнее становилась оценка Петровских преобразований. Если в начале «Великих реформ» большинство русских либералов верило в реформаторский потенциал самодержавия и ретроспективно идеализировало «царя-плотника», то к 1861 г. значительное распространение получили конституционалистские, или «земско-соборные», настроения. Соответственно, и первый Император, уничтожавший «народосоветие» и действовавший вопреки народным воззрениям, подвергался подчас уничтожающей критике. Блюммер задавал риторические вопросы:

> Кроме изменений формальных — что можно найти в так называемой Петровской реформе? Может статься свободу личности, свободу труда, сознание человеческих нужд? Изменилось ли при ней состояние корня русского государственного организма? Может, крепостное право уничтожено? Дан праведный суд? Отменены дубинка, кнут? <...> Действительно, существенным изменением было бы сближение России с Европою; но ведь, к несчастью, особенного сближения мы и не видим. Разве сближением называются попойки со шкиперами? Но ведь с самого начала русской истории мы замечаем у нас дружеский прием всех иноземцев кроме одних евреев. Это делал и Петр, т. е. относился к последним так же несправедливо, как и его предшественники. <...> Где же содержание для спора о продолжении Петровской реформы, когда и реформы-то не было. [7]

Очевидно, что пафос этих заявлений заключался в призыве к проведению радикальных, а не показных (каковыми Блюммер, несколько утрируя, считал Петровские реформы) преобразований, таких перемен, которые затронут «корень русского государственного организма», т. е. самодержавие, и приведут к подлинному сближению с Европой. В этой статье уже прослеживаются основные темы эмигрантской публицистики Блюммера, несмотря на цензуру, которой

[6] Там же. С. 38.
[7] Там же. С. 28—30.

подвергалось сочинение 20-летнего студента. Необходимо вновь указать на влияние Герцена на исторические взгляды Блюммера. Достаточно назвать инвективу Искандера, вероятно послужившую одним из источников статьи в «Светоче»:

> Переворот Петра I заменил устарелое, помещичье управление Русью — европейским канцелярским порядком; все что можно было переписать из шведских и немецких законодательств, все что можно было перенести из муниципально-свободной Голландии в страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но неписанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктуальное уважение прав лица, прав мысли, истины не могло перейти и не перешло. Рабство у нас увеличилось с образованием.[8]

Параллели между двумя цитатами нам кажутся неслучайными и несомненными.

Представляется весьма вероятным, что перу Блюммера принадлежат и некоторые важные анонимные статьи журнала, определявшие его направление. В пользу подобного предположения говорит и то, что, редакция «Светоча» высоко ценила сотрудничество молодого публициста, называя Блюммера в числе своих основных сотрудников.[9] Статья молодого литератора в «Светоче», принесла ее автору определенную известность. Даже такой взыскательный и оригинально мыслящий писатель, как А. А. Григорьев (знаменитый Аполлон Григорьев — сам сотрудник «Светоча»), назвал эту публикацию «очень умной»,[10] хотя и не согласился с некоторыми ее положениями, упрекнув Блюммера в излишнем сближении взглядов позднего Белинского со славянофильскими.

Эмиграция в начале 1862 г. не устранила из блюммеровских взглядов элементов славянофильства. В первом же номере вышедшего в Берлине в 1862 г. «Свободного слова» он писал:«Цивилизация <...> должна будет перейти в свое время с берегов Сены, Темзы и Рейна. <...> Куда? Конечно, на почву уже подготовленную, на Восток Европы, на почву славянского семейства».[11] Такая вера в будущее России связывалась в сознании Блюммера с верой в скорый крах западного буржуазно-капиталистического правопорядка. Именно этот аспект воззрений публициста, родственный воззрениям Герцена и славянофилов, и разъединял его от позиции другого конституционалиста-эмигранта, Долгорукова, первое время активно помогавшего своему младшему товарищу по изгнанию.

Долгоруков — убежденный противник социализма, считавший образцом для России конституционные Италию и Бельгию, воплощавшие его веру в «демократическую монархию», — неизбежно воспринимался Блюммером с некоторым скепсисом, как политический анахронизм. В одной из своих итоговых статей редактор «Свободного слова» подверг вежливой, но открытой критике Долго-

---

[8] *Герцен А. И.* С того берега // Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 15.

[9] Об издании журнала «Светоч» на 1861 г. // Светоч. 1860. № 12. С. ненум.

[10] *Григорьев Ап.* Белинский и отрицательный взгляд в литературе // *Григорьев Ап.* Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 265. (История эстетики в памятниках и документах).

[11] *Блюммер Л. П.* Русско-польский вопрос // Свободное слово. 1862. Вып. 1. С. 8.

рукова за то, что тот «верит в незыблемость теперешних основ общежития, выработанных государствами Западной Европы».[12] В противовес этой умеренной точке зрения Блюммер подробно изложил собственную позицию, ставшую манифестом левого крыла русского конституционализма:

> Есть в конституционно-монархической партии отдел, который, признавая конституцию необходимою, не верит ни в вечность этой формы, ни в вечность современных оснований современной общественной жизни. Не имея права хвалиться знанием народных потребностей и желаний во все времена и при всех обстоятельствах, деятели этого отдела конституционной партии не стараются окончательно уничтожить современные порядки и вводить новые в народную жизнь, добиваются только возможности высказа народом своих желаний и возможности привести эти желания в необходимое исполнение. Конституцию они не считают самостоятельной формой общежития. Для этого отдела конституционной партии нет идеала, а есть только жизнь и способы ее выражения.[13]

Однако Блюммер отнюдь не желал разрыва с Долгоруковым и потому поспешно оговаривался:

> Впрочем, конституционная партия, насколько она выражается и кн. Долгоруковым, приходит почти к тому же, и будучи партией за народ <...> может принести с лишком много пользы нашему крестьянству, хотя, может статься, из большей осторожности умедляет факты очень близкие.[14]

Блюммер тем самым намекал, что приближается переход Европы к социализму, а конституция должна стать для России лишь переходной ступенью развития к новому, своеобразному экономическому порядку. Для Долгорукова такая постановка вопроса была неприемлемой, но до поры до времени эти расхождения между двумя либеральными эмигрантами решались компромиссом.

В конце 1862 г. Долгоруков основал в Брюсселе собственную типографию и пригласил к себе Блюммера. Князь предложил ему переезд издания «Свободного слова» в Бельгию и сотрудничество в своем новом журнале «Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым». Долгоруков выдвинул весьма амбициозный план пропаганды конституционных идей. Предполагалось, что в «Листке» будут печататься небольшие статьи, разоблачавшие деятельность самодержавия, а в «Свободном слове» станут публиковаться объемные сочинения, посвященные идейному обоснованию русского конституционализма.[15] Первоначально этот план реализовывался весьма удачно. Блюммер активно сотрудничал в «Листке», полемизируя со славянофилами — противниками конституции (А. И. Ко-

---

[12] *<Блюммер> Л. П.* Кто народ и кто не народ: (Отношение политических партий к нашему крестьянству) // Свободное слово. 1862. Вып. 7/8. С. 472.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Долгоруков П. В.* Об издании Листка и о моей типографии // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1862. № 1 (Нояб.). С. 1—2.

шелевым, в частности)[16] — и призывая соотечественников к гражданской активности, но отнюдь не к революции.[17] Долгоруков был удовлетворен деятельностью соратника и писал своему другу, католическому публицисту кн. И. С. Гагарину о Блюммере:

> Он весьма умный и способный малый, плохо знает по-немецки <...> еще хуже по-французски, неотлично пишет по-русски, но умен и имеет хорошие юридические познания. Ему всего 22 года от роду, и потому из него может выйти замечательный писатель.[18]

Наконец, в конце февраля 1863 г. вышла первая и, как выяснилось затем, последняя книжка брюссельского «Свободного слова», в котором и была напечатана рецензия на «Русские фрагменты». Примечателен положительный отклик Герцена, назвавшего этот № «очень хорошим» и предрекавшего этому органу «большой успех».[19] Особенное внимание «Колокола» заслужила полемика по Польскому вопросу, помещенная в «Свободном слове». С одной стороны, в ней под псевдонимом «Литвин» участвовал польский националист,[20] с другой — «Русский», отстаивавший союз русского и польского народов.[21] Сам Блюммер не дал ясного комментария к этой публикации, хотя его симпатии, очевидно, во многом находились на стороне «Русского».

Обращаясь к тексту самой рецензии, отметим несколько важных, на наш взгляд, особенностей отношения Блюммера к славянофильству. Прежде всего, в полемике между немецким юридическим бюрократизмом и славянофильством симпатии рецензента явно находятся на стороне И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова. Заметим, что И.-К. Блюнчли, столь обличаемый эмигрантом, подвергался резкой критике и в «Современнике»,[22] являясь мишенью для радикальной журналистики. Вероятно, важную роль здесь сыграл донос Блюнчли на М. А. Бакунина в тогда уже далеких, но все еще хорошо памятных 1840-х гг.

Важным нам представляется и стремление Блюммера «отмежевать» славянофилов от С. П. Шевырева, символизировавшего в глазах эмигранта течение, которое вскоре, верно или неверно, назовут «официальной народностью». По нашему мнению, хорошим комментарием, проясняющим отзыв публициста о Шевыреве, является следующий отрывок из написанной в 1862 г. статьи на-

---

[16] *Блюммер Л. П.* Письма к верноподданному болярину А. И. Кошелеву по поводу невинных мечтаний его о самодержавии // Листок... 1862. № 2 (Дек.). С. 9—11; Листок... 1862. № 3 (Дек.). С. 19—21.

[17] *Блюммер Л. П.* Страх и подлость. // Листок... 1863. № 5 (Янв.). С. 33—34.

[18] Переписка И. С. Гагарина с П. В. Долгоруковым: П. В. Долгоруков — И. С. Гагарину, 31 октября 1862 // Символ. 1985. № 13. С. 237.

[19] *Герцен А. И.* <Свободное слово> // Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. XVII. С. 309.

[20] К Бакунину от Литвина // Свободное слово. 1863. № 1. С. 30—56.

[21] Ответ Русского Литвину // Там же. С. 57—72.

[22] См.: *Жуковский Ю. Г.* Что такое право?: Наша ученая простота и немец Блунчли // Современник. 1860. № 11. С. 83—102.

борщика Вольной Русской типографии, уже сидевшего к тому времени в Петропавловской крепости, М. С. Бейдемана «Славянофильство как принцип»:

> Славянофильство как школа, как направление разделяется на два отдела, которые, несмотря на все отличие личных убеждений людей, составляющих ряды их, вследствие чисто русских условий, ратуют под одним знаменем. Я настаиваю на том, что таких деятелей, как Шевырев, Погодин и <Н. И.> Крылов, нельзя смешивать с Хомяковым, Аксаковым, Киреевским и Самариным.[23]

Блюммер, как и Бейдеман, разделял славянофильство на «хорошее», антибюрократическое, защищающее свободу печати и выборное начало, и «плохое», поддерживающее политику властей и основывающееся на «триаде» С. С. Уварова. Разумеется, это была мифологическая конструкция, однако она многое объясняет в резком различии отзывов Блюммера об авторах «Русских фрагментов» и о Шевыреве.

Последнее эмигрантское литературное предприятие эмигранта — выпускавшаяся в 1864 г. газета «Европеец» — отличалось значительно бóльшим западничеством, чем прежние сочинения Блюммера. Однако и это издание оказалось косвенно связанным с «отцами» славянофильства. Газета была демонстративно названа в честь знаменитого журнала И. В. Киреевского, быстро закрытого в 1832 г. николаевской цензурой.

На наш взгляд, публикация данной рецензии свидетельствует о необходимости расширить круг источников по изучению славянофильства. «Русские идеи» вызывали сочувственный отклик даже там, где этого трудно было бы ожидать, — в печати российской либерально-конституционалистской эмиграции начала 1860-х гг.

<Л. П. Блюммер>

RUSSISCHE FRAGMENTE. BEITRÄGE ZUR KENNTNISSE DES STAATS UND VOLKS LEBENS IN SEINER HISTORISCHEN ENTWICKELUNG. ФРИДРИХА БОДЕНШТЕДТА. 2 т. 1862

Г-ну Фридриху Боденштедту пришла счастливая мысль передать немцам плоды «русского воззрения» и на русскую историю в частности, и вообще на отношения государственные, экономические, философские и пр. и пр. С своим обычным тактом он обратился за этим к источнику наиболее верному, — к органу, к сожалению, усопшему, нашей славянофильской партии.[1] Этот такт г. Фридриха Боденштедта мы решительно хвалим, услугу переводчика мы признаем вполне. Однако мы не понимаем: зачем г. Боденштедт к сочинениям Константина и Ивана Аксаковых, Беляева, Гилярова-Платонова и др. — прибавил приме-

[23] *Бейдеман М. С.* Славянофильство как принцип: (Дорогой памяти Алексея Степановича Хомякова и Константина Сергеевича Аксакова) // Алексеевский равелин: Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л.: Лениздат, 1990. С. 80.

чания, анмеркунги [2] д-ра Блунчли?! Имя этого ученого доктора так же небезынтересно для русских, как и для немцев. Этот комментатор Константина Аксакова, этот философ известен — и как профессор, пошлости которого удивляются сами немцы, и как первый человек, обративший на Бакунина «попечительное внимание» императора Николая. [3] Просто непонятно, почему этого ультра-австрийца г. Боденштедт ставит как компетентного судью русских славянофилов, иногда заблуждавшихся — но всегда честных, даровитых и умных исследователей духовной и материальной жизни русского народа. И нужно отдать полную справедливость: анмеркунги гейдельбергского профессора в тысячу раз курьезнее всех промахов славянофилов. В его немногих строчках драгоценные перлы нижут цельный тип той доктрины, с высоты которой смотрит обыкновенно немецкий гелертер на сплетения русской жизни, на своеобразие и своеличность русского понимания. Staatsorganismus [4] — это вещь; без которой немыслим никакой немецкий ум — и, Боже мой, как же казнит «маленький умиско <sic!>» немцев писателя, общество, целый народ, если они по каким-нибудь обстоятельствам представляют отношения, не подводимые под теорию государственного организма! Всякая неисключительно государственная сила (напр<имер>, общественная) ему кажется не имеющею в основании нравственного сознания, и только государству «nicht Gewalt sondern das sittlichen Bewußtsein des Rechts» [5] дает «macht Ordnung». [6] Д-р Блунчли по преимуществу наделен таким умом, и нельзя не удивиться г. Боденштедту, призывающему этого господина в сан комментатора русских славянофилов. Если бы мы следовали примеру переводчика, то, перетащив на российскую почву Фейербаха, должны были бы обязанность комментатора поручить г. Степану Шевыреву, которого, если поместить на одни весы с Блунчли, то ошибки в предположении их равенства не будет. Но эта «выходка» г. Боденштедта нисколько не уничтожает собственную заслугу переводчика, и мы обращаем внимание наших читателей на его полезный труд.

Рецензия печатается по единственной публикации под рубрикой «Библиография»: Свободное слово. Брюссель: Тип. кн. Петра Долгорукова, 1863. Г. 2. № 1. С. 95–96.

[1] Имеется в виду журнал «Русская беседа».

[2] примечания (*нем.*)

[3] См. свидетельство самого М. А. Бакунина: «Для того чтобы придать себе важность в глазах правителей Европы, отчасти же в тщетной надежде скомпрометировать цюрихских радикалов, Блюнчли составил фантастического страшилу <...>. Блюнчли, не довольствуясь обвинением меня в коммунизме, утверждал еще ложно, что будто бы я писал или сбирался писать против русского правительства книгу о России и Польше» (*Бакунин М. А.* Исповедь. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 37–38).

[4] государственный организм (*нем.*)

[5] «не сила, а моральное сознание права» (*нем.*)

[6] «устойчивый порядок» (*нем.*)

М. И. Щербакова

КНИГА «ИЗ ПЕРЕЖИТОГО» Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» *

Под грифом Российской академии наук в серии «Литературные памятники» вышло очередное издание — автобиографические воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого». Непросто стать событием в столь известном, продолжающемся более шестидесяти лет и общепризнанном издании. Между тем два тома, подготовленные А. П. Дмитриевым, И. Г. Птушкиной и Л. В. Дмитриевой под общей редакцией Б. Ф. Егорова, уже заняли в истории «Литературных памятников» достойное место.

Имя Н. П. Гилярова-Платонова в XX в. лишь изредка (с годами все реже и реже) упоминалось в трудах исследователей, как правило, в связи с изучением славянофильства; хотя в годы первой русской революции его книги «Университетский вопрос», «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?», а также два двухтомника — «Сборник сочинений» и «Вопросы веры и Церкви» — имели широкий читательский отклик. Так В. В. Розанов увидел в Гилярове «глубокого мыслителя, которого Россия не умела заметить у себя», «философа и вместе поэта, аналитика и вместе синтетика русского духа, русской стихии». Сегодня мы оказываемся свидетелями его возвращения. Весомым и достойным добавлением к серьезным работам Б. В. Межуева, Б. Ф. Егорова и др., посвященным религиозно-этическим, философским и эстетическим воззрениям Гилярова, является настоящее издание автобиографических воспоминаний Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого».

Воспоминания Гилярова заслуженно поставлены А. П. Дмитриевым, автором обширной творческой истории литературного памятника, в один ряд с «Былым и думами» А. И. Герцена, с «Семейной хроникой» и «Воспоминаниями» С. Т. Аксакова... Действительно, как и названные книги, «Из пережитого» являет собой масштабную панораму эпохи. Только пласт русской жизни здесь своеобычный, по преимуществу потаенный: русское православное духовенство XIX в. И хронологические границы созданной Гиляровым панорамы существенно расширены за счет художественного повествования о «вневременном континууме» жизни провинциального коломенского духовенства, погружающего читателя в век XVIII, и в XVII...

Главы (их 63) проводят читателя, вслед за героем повествования, по страницам истории русской священнической семьи, многодетной, чадолюбивой, ду-

---

* *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания: В 2 т. / Отв. ред. Б. Ф. Егоров; Изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 714 с.; Т. 2. 612 с. (Лит. памятники).

ховно целомудренной и чистой. Перерастая рамки семейной хроники, воспоминания воскрешают сцены жизни Коломенского духовного училища, затем Московской семинарии, Духовной академии. Дореформенная семинарская система образования воссоздана Гиляровым в тех деталях, которые могли быть известны лишь изнутри, из первых рук. Тем ценнее фактография и колорит воспоминаний.

«Из пережитого» — уникальный мемуарный источник с достоверно переданными подробностями событий, происходивших не только на авансцене отечественной истории, но и в глубине кулис. Страницы автобиографических воспоминаний Гилярова сохранили портреты исторических лиц — выдающихся, известных, мало или вовсе не знакомых прежде читателю. Ярко переданы живые детали характеров и облика митрополита Филарета (Дроздова) и его личного секретаря А. П. Святославского, А. С. Хомякова, опального богослова архимандрита Феодора (Бухарева), юродивого И. Я. Корейши, профессоров Московской духовной академии Ф. А. Голубинского, П. С. Делицына, А. В. Горского и др.

Задача научного коллектива в деле подготовки аппарата издания столь самобытного литературного памятника была непростой. И она оказалась выполненной на самом высоком уровне.

Во-первых, собраны и представлены обширные Дополнения к корпусу автобиографических воспоминаний. Они составляют 150 страниц и включают ранние юношеские опыты («Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы» (Дневники 1837—1843 гг.), «Беспечный семинарист», «Честолюбец», «Случай, каких немного», «Я еще молод», «Летняя ночь», «Леонид при Термопилах», «Последние дни Помпеи. Картина нравов первого века», Записка Сперанскому), два мемуарных очерка «Урезанный документ» и «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году», дневниковые записи 1859 г. Здесь же три письма Гилярова к А. С. Суворину 1872 г. с автобиографией — ответ на просьбу издателя «Русского словаря» кратко изложить обстоятельства своей жизни и дать сведения о литературных трудах. В блок воспоминаний об И. С. Аксакове объединены речь Гилярова на Первом заседании Славянского благотворительного общества (2 мая 1877 г.), некролог и статья о похоронах, напечатанные в «Современных известиях». И, наконец, завершают дополнительный раздел последние, предельно исповедальные письма Гилярова к А. М. Гальперсон, написанные им в августе и октябре 1887 г. из Петербурга.

Приложение к двум томам воспоминаний занимает половину (700 страниц!) объема всего издания. В него включены творческая история воспоминаний Н. П. Гилярова, развернутые научные примечания к главам, летопись жизни и творчества, словарь диалектных, редких и устаревших слов и выражений, списки условных сокращений и тщательно подобранных иллюстраций, указатели — именной, географических названий и периодических изданий.

Творческая история памятника «Н. П. Гиляров-Платонов и его “Автобиографические воспоминания”» написана А. П. Дмитриевым широко, с использова-

нием и учетом внушительных пластов редких и архивных материалов, существенно проясняющих и дополняющих рассказ о духовном, личностном становлении выдающегося русского философа. Это исследование жизненного и творческого пути Гилярова составляет достойную параллель его автобиографическим воспоминаниям. Создан портрет писателя в полный рост, с его громадным в кругу современников авторитетом как мыслителя, богослова, ученого, с достойной оценкой его издательской деятельности.

Научный комментарий — текстологический, лингвистический, реальный — содержит сведения о первых публикациях в периодике отдельных глав воспоминаний Гилярова, выявленных в текстах разночтениях, вскрывает созданную автором густую сеть аллюзий и реминисценций, что особенно полезно для современного читателя, учитывая его недостаточную осведомленность в вопросах церковной истории, в богословских трудах и богослужебных книгах.

«Основные даты жизни и творчества Н. П. Гилярова-Платонова» (составитель А. П. Дмитриев) являются в издании уместной хронологической канвой. Безусловное практическое значение имеет и «Словарь диалектных, редких и устаревших слов и выражений» (составитель Л. В. Дмитриева). Здесь же, как во многом облегчающие работу с материалами двухтомника, следует упомянуть аннотированный Указатель имен, а также Указатели географических названий и периодических изданий.

Самостоятельную ценность изданию придают 73 иллюстрации. Это редкие виды XVIII в. старой Коломны, села Черкизово из фондов РГВИА, Москвы, Свято-Троицкой Сергиевой лавры из фондов ГИМ, ГРМ, ИРЛИ РАН, ГТГ, Петербурга XIX в. из фондов ГЭ. Портретную галерею в издании составляют редкие фотографии близких писателя из архива А. М. Гилярова и музея ИРЛИ, рисованные изображения и фотографии его современников из фондов ИРЛИ, ГИМ, РГИАМЗ. Представление об истории текста мемуаров дают помещенные в виде иллюстраций фрагменты рукописей Гилярова, хранящиеся в РО ИРЛИ РАН.

Подводя итог, следует повторить, что автобиографические воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого» в серии «Литературные памятники» достойно продолжили отечественные научные традиции историко-литературной и текстологической подготовки академических изданий, являются образцом комментаторской работы, превосходны по полноте сосредоточенных в издании редких историко-архивных материалов.

А. А. Тесля

ГАЗЕТНАЯ ИСТОРИЯ *

Впервые публикуемая полностью выявленная на данный момент переписка Гилярова-Платонова с Победоносцевым[1] — уникальна среди прочих источников по целому ряду причин. Во-первых, это длительность отношений, связывающих двух корреспондентов: они познакомились в 1860 г., когда Гиляров оказался цензором переведенной Победоносцевым брошюры Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» и продолжалась вплоть до смерти Гилярова в 1887 г. Такая длительность позволяет увидеть воочию, как менялись отношения корреспондентов по мере возвышения Победоносцева и как менялись взгляды последнего в зависимости от того, какое положение в империи ему доводилось занимать, будучи воспитателем наследника престола, сенатором, членом Государственного совета, а с 1880 г. — обер-прокурором Святейшего Синода.

Аристотель утверждал, что дружба возможна только между равными — т. е. между теми, кто заинтересован друг в друге как в таковом. Подобные отношения между корреспондентами так и не сложились — их переписка остается перепиской хорошо знакомых людей, всегда имеющая некий практический интерес. Эта взаимная заинтересованность поддерживает общение, и она же обеспечивает легкость возобновления переписки после долгих перерывов, накладывая свой неизбежный отпечаток на письма обоих корреспондентов: они пишутся с «оглядкой», расчетом возможной реакции собеседника — в особенности такая характеристика применима к Гилярову, раздумывающего над тем, как лучше адресоваться Победоносцеву, пишущего, по крайней мере иногда, черновые вари-

---

* Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2011. 480 с.

[1] Всего выявлено и опубликовано 88 писем (33 Гилярова и 55 Победоносцева), подавляющая часть из которых ранее не публиковалась или публиковалась в незначительных фрагментах. Ранее опубликованные письма в новом издании сверены по оригиналам, исправлены имевшиеся ошибки прочтения (некоторые из которых весьма существенны). К сожалению, в обстоятельной вступительной статье А. П. Дмитриева оказалась упущена из виду первая публикация фрагментов писем: С. Ф. Шарапов в статье «† Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года)» (Русское дело. 1888. 8 окт. № 41. С. 1—5) приводит шесть небольших выдержек из писем Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву за 1867—1875 гг. Вероятно (по предположению, любезно сообщенному А. П. Дмитриевым), С. Ф. Шарапов ознакомился с ними через посредничество кн. Н. В. Шаховского.

анты писем и затем тщательного их правящего. Победоносцеву, чья статусная позиция относительно Гилярова постепенно, но неуклонно повышается, меньше необходимости заботиться о возможном восприятии его слов собеседником — но, соответственно, и куда и меньше обязательности в переписке, ответом на длинное письмо вполне может оказаться записка с обещанием (так никогда и не исполненным) последующего письма.

Пожалуй, период наибольшей близости и открытости двух корреспондентов — 1867—1868 гг., когда Константин Петрович окончательно перебирается в Петербург, приняв в 1866 г. приглашение стать преподавателем юридических дисциплин новому наследнику престола — великому князю Александру Александровичу, а с 1868 г. назначенный в Сенат. Гиляров в это время бьется в тисках службы по управлению Синодальной типографии, встречая активное недоброжелательство как со стороны синодального начальства, так и московских противников. В целом служба у Гилярова не задавалась — долго быть на одном месте, в одном ведомстве у него не получалось — не хватало служебного рвения, безразличного к делу, преданности ведомству и начальству. Была в нем и внутренняя «расхлистанность», некоторая «неряшливость», по выражению К. П. Победоносцева, — дела он предпочитал делать «домашним образом», причем, будучи «энтузиастом» в том смысле, в каком это слово употреблялось в XIX в., охладев к делу, был неспособен его продолжать механически. Свой неудобный характер проявил он и в типографском деле, в частности ввязавшись в историю об аренде синодального типографского здания А. А. Пороховщиковым, в котором тот откроет затем знаменитый «Славянский базар» (Гиляров попытался помешать сделке, в которой оказались заинтересованы частным образом как московские, так и петербургские синодалы, нажив тем самым новых и опасных врагов).

Гиляров обращается к Победоносцеву (апрель 1867 г.) одновременно с вопросом о вакантных профессорских местах, интересуясь кафедрами церковной истории и философии, и в то же время прося разузнать о мнениях в Петербурге о нем — чего ему следует опасаться, защищаясь от обвинений перед Победоносцевым, рассчитывая, что тот пожелает и сможет передать его оправдания дальше: «...прошу Вас не полениться меня уведомить. Признаюсь, нервы мои теперь весьма не в порядке, и желалось бы выйти поскорее из крайне неприятного теперешнего положения» (с. 32). Константин Петрович, выполняя поручение и взявшись за дело обстоятельно, не жалея собственного времени, как это и было ему свойственно, в то же время стремится остаться «над» конфликтом, и успокаивая собеседника, и в то же время защищая тех, кто для Гилярова был несомненными противниками. Поддержка, полученная со стороны Победоносцева, позволила Гилярову не торопиться с отставкой, неизбежность которой в сложившейся ситуации он осознавал (письма от апреля и 9 мая 1867 г.), и тем самым получить время для обустройства своей дальнейшей судьбы.

Уже осенью того же года, все еще оставаясь управляющим Синодальной типографией, Гиляров начинает дело, ставшее для него главным вплоть до самой

смерти — издание газеты «Современные известия». Свое газетное начинание он воспринимает по аналогии со священническим служением:

> ...честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественников послужит тот, кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и ученое, совлечет с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ним о том, что им знать желательно, но что растолковать им отчасти не хотят, отчасти не умеют. Молю Бога, чтобы Он дал мне успех, не потому только, что это выгодно, а и потому, что это общеполезно. Скромная, общенародная газета, это — мысль моя с юных лет (с. 61).

В этих словах много самоободрения, стремления найти и утвердить высокий смысл того дела, за которое он принимался; по крайней мере многие годы спустя, в резком и грустном письме, вызванном незаслуженной обидой со стороны Победоносцева, Гиляров напишет (15 ноября 1883 г.):

> ...я вынужден был искать себе места, куда отступить; оставаться в Типографии было уже невозможно <...>. Я взялся за газету как за предохранительный клапан. Неужели Вы думаете, что мне радость себя разменивать? (с. 219)

Сюжеты, связанные с изданием газеты, занимают центральное место в переписке, позволяя рассмотреть неофициальную сторону цензурных дрязг, понять значение сейчас слабо ощутимых стилистических различий в передовицах. Будучи на протяжении более чем десятилетия единственной общедоступной ежедневной московской газетой, «Современные известия» были одним из создателей типа «ежедневной газеты для широкого читателя»: письма Гилярова, «нащупывающего» своего читателя и часто недовольного им, позволяют представить и понять того обывателя (по крайней мере — каким он представлялся глазами редактора), к которому адресуется русская журналистика 1870—1880-х гг. Так, в письме от 12 октября 1867 г. Гиляров, весь захваченный своими газетными планами, делится с корреспондентом своим пониманием газетного рынка и тем, на чем он рассчитывает основать свой успех:

> За интеллигенцию, кажется, ручаться можно: надеюсь, что я человек все-таки не бездарный и кое-что понимаю: стало быть, издание не будет совершенною дрянью. Вопрос: найду ли сотрудников и как отнесется к изданию масса? А это взаимно связано: сотрудников найти можно, если хорошо платить; платить хорошо можно, когда газету полюбит масса (на интеллигенцию нечего рассчитывать; не ею держатся издания). <...> В дешевой ежедневной газете у нас нуждаются, и нуждаются страшно. Доказательство: «Русские ведомости» (что может быть их ничтожнее?) имеют 16 000 подписчиков и получают, сверх того, с одних объявлений 6 000 рублей. «Сын отечества» имел некогда 20 000 подписчиков; теперь подупал, но остается все еще больше чем с 10 000. Самые паскудные петербургские дешевые газеты имеют 4,5 тысяч подписчиков (с. 54).

20 октября 1867 г. Гиляров отвечает Победоносцеву (письмо которого не сохранилось):

Вы говорите, что петербургские газеты ведут дело шаромыжнически. Совершенно верно многолюбезнейший Конст<антин> Петрович. Но выведите отсюда совершенно противоположное заключение. Ужели Вы думаете, что эти газеты имеют успех, потому что шаромыжничают? Ужели в России находятся десятки тысяч человек, которые выписывают газеты собственно потому, что надеются видеть в них скандалы? Допустить этого нельзя. В *разносной* продаже успевает № со скандалами: платит тот, другой 5 копеек, чтобы прочитать скандал. Но Вы допустите такое умозаключение в целой массе: будем подписываться на полгода, на год, ибо там будут скандалы? Нет, подписываются, потому что развилась уже жажда политического чтения и проникла в массу даже до извозчиков. Дешевизна облегчает удовлетворение этой жажды; а издатели, да и Вы-то вместе с ними, воображаете, что для этого надобны фортели. По моему мнению, это ошибка. Шаромыжники могли бы иметь успех еще больший, если бы откинули шаромыжничество и имели в виду не жажду к скандалам, а жажду к чтению вообще (с. 61).

Пять лет спустя позиции корреспондентов поменяются с точностью до наоборот, и Гиляров, обремененный тяжелым и грустным редакторским опытом, будет вынужден объяснять и доказывать Победоносцеву невозможность ведения массовой серьезной газеты (письмо от 6 декабря 1872 г.):

Что же делать, вообразите: публика, то есть подписчики, изъявляют мне только одного рода неудовольствие — за сухость и серьезность, выражая свои требования разными видами, то сожалея, что нет фельетона, как в других газетах, то советуя дать повестушки, как «Сын отечества», то упрекая, почему слабее газета происшествиями, которыми занимаются «Русские ведомости». <...> Однако нельзя и давать молитвенник вместо ежедневной газеты, не погубив ее. <...> Краевский мне говорил третьего года, с уверенностью испытавшего человека: «Поверьте, передовые статьи и разные там этакие рассуждения — публике этого совсем не нужно». Он говорил правду, и я сам очень хорошо знаю это. Прошлого года осенью или началом нынешнего, не помню, меня позабавил отзыв кн. Черкасской: «Вероятно, у вас теперь подписка поднимается». Она разумела обилие серьезных статей, тогда как подписка, и именно вследствие этого, падала. Серьезные статьи нужны только для славы журнала, а не для успеха (с. 122).

Однако стоит отметить, что и в 1867 г. особых иллюзий Гиляров не питал, успокаивая и уговаривая одобрительно отнестись к своему начинанию и обеспечить его возможной поддержкой, оговариваясь о трудности «соблюсти известную меру *пошлости,* необходимой для дешевого издания» (с. 62).

Со временем для Гилярова определится и облик его читателя. В 1867 г. он будет обижен «услугой немного медвежьей», оказанной объявлением о начале издания «Современных известий», сделанным в «Москве» И. С. Аксакова (21 ноября 1867 г.): «...образованный человек легко может прийти к мысли, что мое издание предназначено исключительно для мещан, будет излагаться маленько-мужицким слогом, и в конце концов — есть такое издание, которому в порядочной гостиной нет места», впрочем, успокаивая себя тем, что «“Москву” читают не очень многие» (с. 68). После шести лет издания газеты он напишет Победоносцеву (16 сентября 1873 г.):

> Небольшая надбавка, которую я сделал третьим годом (60 к<опеек> в год) отняла у меня несколько сотен подписчиков; 12 прямо объявили, что не могут дать этой цены (судите, между прочим, о публике) (с. 143).

Газета имела сложную цензурную историю, чему существуют вполне прозрачные объяснения — строгость цензурного надзора и кары, налагавшиеся на газету, о несоразмерности которых многократно жаловался Гиляров, связаны, помимо прочего, с тем, что допустимое в газетах, адресованных к читателям обеспеченных сословий, оказывалось неприемлемым в газете, распространявшейся среди низших слоев: та «жажда политического чтения», которую, видимо, несколько преждевременно обнаруживал в массах Гиляров, отнюдь не соответствовала чаяниям цензуры, не говоря уже о стремлении редактора к самостоятельности в выражении политических идей.

Если в 1872—1873 гг. Победоносцев много и старательно помогает Гилярову, стремясь облегчить его цензурное положение (в то же время всячески взывая к осторожности и осмотрительности в выражениях), то в дальнейшем он становится все менее склонен к заступничеству за старого знакомого. Это нарастающее отдаление, разницу во взглядах, все возрастающую по мере расхождения жизненных позиций и ситуаций, с которых собеседники смотрят на жизнь, проявляется уже в письме Гилярова от 6 декабря 1872 г.:

> Я Вам глубоко благодарен за предостережения и буду иметь их в виду, насколько хватит сил умственных и нравственных. Прошу Вас об одном только: не судите слишком строго. Вы живете в мире, откуда многое представляется <в>верх ногами. Очень многое даже совсем не видно; со многим столица примиряет, что здесь ощущается во всей болезненной живости (с. 123).

Конфликт станет очевидным с того момента, как Победоносцев займет должность обер-прокурора Св. Синода: суждения самого Гилярова и публикуемых им корреспондентов о церковных делах, будут вызывать все более раздраженную реакцию со стороны «главы духовного ведомства», как если не личные выпады, то нападки на «вверенное ему учреждение». Надежды, связанные с назначением Победоносцева, широко распространенные в Москве (И. С. Аксаков, например, писал сестре, Софье Сергеевне, 21 апреля 1880 г.: «...назначение наилучшее, потому что Победоносцев глубоко-верующий и церковный человек, *Командиром* Церкви не будет»), вскоре развеялись: возрождения внутрицерковной жизни не только не произошло, но и не оказалось и подвижек в данном направлении. Победоносцев изменил, разумеется, политику в отношении церкви, но и при новом обер-прокуроре она оказалась крайне далека от взглядов Гилярова или Аксакова: Победоносцев не отличался от Толстого в том отношении, что как и последний, равно как и его более ранние предшественники, смотрел на церковь с государственных позиций — она оставалась инструментом политическим и государственным, а для «народа церковного» отводилось строго ограниченное место. Тот же И. С. Аксаков, с которым советовался и которому показывал свои и ответные письма Победоносцева Гиляров в конфликте 1883 г., когда был глубо-

ко оскорблен переданными ему словами обер-прокурора, отмечал (16 ноября 1883 г.):

> Со всеми своими дарованиями и высокими нравственными качествами, К<онстантин> П<етрович> не в состоянии ввести нового духа, где он служил (Сенат, Синод), ни в одну область, куда его вводила судьба и где он занимал важное и властное положение (с. 220).

Сам Гиляров уже в ноябре 1881 г. противопоставлял своих читателей (и тем самым, подразумеваемым образом, и самого себя), тем москвичам,

> которые сносятся с Вами посредством бумаг за №. <...> Вы сетуете, почему я не обратился к Вам. Но Вы ответили бы, что Вам говорит занумерованная бумага или известное Вам патентованное лицо (с. 204).

Серьезность этих слов, то, насколько они должны были задеть Победоносцева, можно понять, только если вспомнить излюбленное им противопоставление людей учреждениям и призыв к непосредственному общению с людьми — Гиляров здесь возвращает Победоносцеву его собственные слова; Победоносцев же ответит не только охлаждением личных отношений — так, начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову он посоветует объявить «Современным известиям» предостережение либо запретить им розничную продажу. Если в 1870-е, при всем различии стилей и оттенков политической позиции, Победоносцева и Гилярова объединяло критическое отношение к существующей власти и желание перемен в государственной и церковной жизни, то в 1880-е они окажутся по разные стороны: и консервативная журналистика, осмеливающаяся на самостоятельную позицию, будет казаться уже неприемлемой. Это не был разрыв — но со стороны Победоносцева все меньше было желания помогать Гилярову выпутаться из трудных ситуаций, связанных с цензурными и финансовыми проблемами. То, что их связывало, все больше относилось к общему прошлому, к памяти о нем — и показательно, что последнее теплое письмо от Победоносцева, в котором звучат мотивы, родственные письмам десяти — пятнадцатилетней давности, связано с кончиной уважаемого ими обоими И. С. Аксакова (24 февраля 1886 г.):

> Очень рад, достопочтенный Никита Петрович, что моя статейка об Аксаковых, от души написанная, пришлась Вам по душе. Рад и тому, что Вы ее перепечатываете, ради больше распространения. Люди эти достойны, чтобы память об них жила, ибо, в сущности, были они люди не партии, а люди правды, и притом русской правды (с. 229).

Оказавшийся фактически банкротом, в безвыходной ситуации Гиляров в 1887 г., после смерти Каткова, освободившей место редактора «Московских ведомостей», обращается в последней надежде к Победоносцеву с просьбой об этом назначении. Кн. Н. В. Шаховской, передавая рассказ М. Г. Черняева, записал в своем дневнике, «что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнованный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>,

который на него будто накричал и отказал в поддержке» (с. 21); несколько часов спустя Гиляров скончался от разрыва сердца. Как отмечает публикатор и комментатор переписки А. П. Дмитриев, «полное духовное примирение Победоносцева с покойным приятелем произошло уже спустя 10 лет после кончины последнего, когда Победоносцев (с помощью кн. Н. В. Шаховского) приступил к переизданию его сочинений...» (с. 24), в рамках которого вышли и два тома передовых статей из «Современных известий», озаглавленные «Вопросы веры и Церкви» (СПб., 1905—1906): Константин Петрович за собственный счет переиздал статьи покойного, в том числе и те, которые в момент публикации вызывали серьезные и подчас резкие нарекания с его стороны.

Сюжеты, затрагиваемые в переписке, чрезвычайно многообразны — от цензурной политики до церковных дел и внешней политики. Подобное изобилие, идущее вразнобой, могло бы сделать текст нечитабельным, если бы не филигранный комментарий, подготовленный Андреем Петровичем Дмитриевым, продолжающий традицию добротного, вдумчивого комментирования, погружающего текст в контекст эпохи, останавливающего зачастую на мелких и внешне незначительных деталях, подробное комментирование которых можно было бы счесть излишним — если бы не ценность детальной реконструкции ситуации, необходимой для понимания героев, в особенности таких, как Константин Петрович Победоносцев и Никита Петрович Гиляров — людей, постоянно погруженных в повседневное, живо откликающихся на текущие события и происшествия, тех, для кого наиболее читаемым газетным разделом была «Хроника и корреспонденции». Комментарий адекватен комментируемым письмам — а это, пожалуй, лучшее, что можно сказать о комментарии.

А. П. Дмитриев

К ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву. 1866—1867)

Шесть неизданных писем Гилярова к Победоносцеву оказались недоступны, когда нами подготавливался к печати комплекс их двусторонней переписки (он составил вторую книгу «Славянофильского архива» — «Разумевающие верой»), поскольку как раз в этот период Российский государственный исторический архив переезжал с Исаакиевской площади на Заневский проспект, а затем его сотрудники постепенно, в течение нескольких лет, открывали фонд за фондом, опись за описью для исследователей. Письма Гилярова отложились в небольшом личном фонде Победоносцева (№ 1574). Они посвящены главным образом деятельности Братства Св. Николая. С этим же связан и целый ряд других материалов (записки и дневниковые записи Победоносцева, письма к нему распорядителей братской казны, жертвователей и др.). По-видимому, когда Победоносцев передавал кн. Н. В. Шаховскому, биографу Гилярова, письма последнего (их беловые и черновые автографы и копии многих из них ныне находятся в РНБ в фонде князя, № 847), эти шесть не были обнаружены. Судя по всему, они оказались не в том месте, где находилась основная часть корреспонденции Победоносцева, а были приложены в его домашнем архиве к бумагам Братства, впоследствии и поступившим в фонды РГИА.

Публикуемые письма в уже изданном эпистолярном комплексе хронологически находятся между первым и вторым письмами. Они добавляют новые данные к деятельности Гилярова и Победоносцева как членов Братства и позволяют судить о том, с какой душевной самоотдачей они занимались благотворительностью. Отдельные затрагиваемые в письмах сюжеты свидетельствуют о том, что Победоносцев по просьбе приятеля помогал в прохождении казусных дел в Сенате, проявлял интерес к перипетиям еврейского вопроса в западных губерниях, к положению дел в Синодальной типографии; Гиляров дорожил его мнением о своих передовицах в аксаковской газете «Москва» и др.

В качестве приложения публикуются письма к Победоносцеву в Петербург других трех распорядителей Братской казны, проживавших в Москве: архимандрита Иакова (Кроткова),[1] протоиереев А. О. Ключарева (будущего архиеписко-

---

[1] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. № 80. 28 л. (13 писем от 14 мая 1865 г. по 15 декабря 1868 г.).

па Амвросия)[2] и С. И. Зернова,[3] но не все сохранившиеся, а лишь те, которые были написаны в тот же период, к которому относится публикуемая переписка Победоносцева с Гиляровым. Помимо того, что последний регулярно упоминается на их страницах, эти письма в своей совокупности обладают тем взаимообъяснительным потенциалом, благодаря которому роль Гилярова в Братстве Св. Николая в его начальный период (1865—1867) становится особенно наглядной.

Напомним кратко основные сведения о знаменитом Братстве, возникшем по инициативе вел. кн. Елены Павловны. § 1 его Устава, утвержденный резолюцией митр. Филарета (Дроздова) № 3831 от 29 сентября 1865 г., гласил: «В память почившего в Бозе Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича учреждается в Москве, при церкви Св. Николая Чудотворца, именуемого Явленным, что на Арбатской улице, Братство во имя Св. Николая»; § 2: «Целью сего Братства будет попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской, а буде представится возможность, то и других епархий».[4] Для этого в качестве руководящего органа Братства был учрежден Московский комитет по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, о котором в Уставе говорилось: «Комитет сей, открывшийся 9 мая 1865 года и располагающий средствами, дарованными от Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны и представленными от некоторых частных благотворителей, будет избирать беднейших учеников для содержания их в качестве стипендиатов или пансионеров под своим надзором и попечением. Комитет состоит из четырех членов; двое из них назначены по выбору Ее Высочества и двое — по выбору Высокопреосвященного митрополита Московского. В настоящее время членами Комитета состоят: Московского Данилова монастыря архимандрит Иаков и протоиерей Казанской, у Калужских ворот, церкви Ключарев, д<ействительный> ст<атский> сов<етник> Победоносцев и ст<атский> с<оветник> Гиляров-Платонов».[5]

ПИСЬМА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА К К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

1 (1а)

<3 марта 1866 г.>

Благодарю Вас за письмо, добрейший Константин Петрович: оно послужило мне некоторым утешением в теперешних дрязгах.[1]

Спешу Вас уведомить, что Братство наше окончательно разваливается. О себе я писал уже, что я не крепок, и вероятно, выйду. То, что Вы писали о Толстом,[2]

[2] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. № 83. 30 л. (13 писем от 16 февр. 1866 г. по 22 нояб. 1870 г.).

[3] Там же. № 78. 191 л. (78 писем от 5 сент. 1865 г. по 27 янв. 1886 г.).

[4] Устав Братства Святителя Николая. М.: В Синодал. тип., 1865. С. 2.

[5] Там же. С. 5.

совершенно верно, и я уже имел случай оскорбить его мелкое самолюбие.[3] Но, впрочем, это в сторону. Кроме меня, некрепкого, некрепки и прочие, а именно. Сергиевский выходит в Петербург, его вызывал Толстой, с тем чтоб предложить место директора своей канцелярии, которое тот, разумеется, и принял.[4] Назначение, должно быть, уже состоялось. Верно то, что постом[5] Сергиевский уже переселится в Питер.

Затем, о. Иаков также отходит. О нем хлопочут, чтоб назначить его викарием Костромской епархии.[6] Это должно состояться также в непродолжительном времени. Итак, считайте, кто остался!

Извольте подумать и решить, кого выбрать на место Сергиевского. По Вашем приезде можно будет назначить собрание братчиков.

Гастев,[7] соглашавшийся было на прием стипендиатов, теперь отказывается наотрез. Почему? Говорит, что это оскорбительно для училищного начальства, и советует, чтоб Братство передало все свои дела самим училищам; замечает даже, что мальчики Братства, несомненно, будут встречать от училища прижимки. Во всем этом слышна правда. Несомненно, что училищам Братство стоит колом в горле, и оно <т. е. училище> из-под руки старается ему противодействовать, чем может. Замечательно, что к нам даже перестали совсем поступать просьбы от отцев.

Спрашивается: с чем мы явимся пред собранием братчиков? Что сделано братством лишнего против того, что устроено было уже Комитетом? — Ничего.

Признаюсь, я все это предвидел, и даже отчасти намекнул об этом в письме к Великой Княгине,[8] если Вы помните. Я писал об изолированном положении духовенства, писал, что духовенство привыкло к этому положению его; что не очень-то охотно отзовется оно на помощь, которая соединена с некоторою долею чужого вмешательства.

Недельки через полторы я надеюсь быть в Питере и лично с Вами видеться. Затем желаю вам всех благополучий. Душевно преданный

Н. Гиляров

3 Марта 1866.[9]

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—2 об.

[1] Упомянутое письмо Победоносцева (как и другие его письма, на которые в данной подборке отвечают Гиляров, а также архим. Иаков, протоиереи А. О. Ключарев и С. И. Зернов) неизвестно. Речь идет о претензиях, как правило надуманных, по отношению к Гилярову, в тот период управляющему Московской Синодальной библиотекой, со стороны его петербургского начальства. Эти претензии усугублялись «дрязгами», инспирированными конфликтом Гилярова с его бывшим подчиненным (советником Типографии), филологом и фольклористом Петром Алексеевичем Бессоновым (1827—1898), поддержанным П. И. Бартеневым (см. примеч. 62 на с. 169). Оба они ранее были приятелями Гилярова.

[2] Имеется в виду гр. Юрий Васильевич Толстой (1824—1878), историк и архивист, в 1866—1878 гг. занимавший пост товарища обер-прокурора Св. Синода.

[3] Здесь подразумевается какой-то эпизод из личного общения, испортивший отношения начальника, большого поклонника жесткой субординации, и его подчиненного, склонного к братской короткости человеческих взаимоотношений. Кн. Н. В. Шаховской, собиравший мемуарные свидетельства о Гилярове, 13 апреля 1893 г. записал, думается, сходный случай — о служебной встрече последнего с Василием Алексеевичем Лавровым, директором Хозяйственного управления при Св. Синоде в 1863—1875 гг. и, таким образом, непосредственным начальником Гилярова. Шаховской зафиксировал такое свидетельство современника: «А. И. Остроумов рассказывал, что когда Гиляров был начальником Синодальной типографии, то к нему явился представляться директор Хозяйственной части Лавров, которого Н<икита> П<етрович> принял в халате, причем ноги положил либо на стол, либо на стул, а ноги были обуты в чулки и туфли. Лавров же был в форменном вицмундире и при звез<д>е — отсюда и месть. Неудовольствие же это в Петербурге. — Затем представленная Н<икитою> П<етровичем> записка о преобразованиях в Типографии была снабжена, испещрена ядовитейшими примечаниями Лаврова, лишившими ее всякой силы» (цит. по: *Разумевающие верой*. С. 39).

[4] Николай Александрович Сергиевский (1833—1900), с 1858 г. чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; затем директор Канцелярии обер-прокурора (1866—1869), попечитель Виленского учебного округа (1869—1899), тайный советник; двоюродный внук свт. Филарета (Дроздова). Сохранились автографы 14 писем и официальных отношений Гилярова к Сергиевскому за 1862—1864 гг. (РНБ. Ф. 847. № 478, 479) и копии (выполненные разными лицами) восьми ответных писем (Там же. № 691). В этот период они дружили, и Сергиевский много способствовал утверждению кандидатуры Гилярова на должность управляющего Синодальной типографией. Но впоследствии между ними случилась серьезная ссора, и, например, в письме к И. С. Аксакову от 18 ноября 1883 г. Гиляров давал бывшему приятелю следующую характеристику (имея в виду его репутацию в Синодальном ведомстве): «...Н. А. Сергиевский, высокопробный негодяй, а пользующийся у *них*, там, доверием и сочувствием» (цит. по: *Разумевающие верой*. С. 33).

[5] Подразумевается Великий пост. В 1866 г. он приходился на период с 7 февраля по 27 марта.

[6] Об архимандрите Иакове (Кроткове) см. примеч. 6 на с. 680. Он в тот период (1855—1870) был настоятелем московского Данилова монастыря. Архиерейскую хиротонию принял только 18 января 1870 г., став епископом Муромским, викарием Владимирской епархии; 28 января 1884 г. был уволен на покой с назначением настоятелем муромского Благовещенского Боголюбивого монастыря, а затем московского Донского монастыря. Слухи о назначении о. Иакова викарием Костромской епархии возникли в связи с учреждением здесь Кинешемского викариатства, но первым его главой 4 сентября 1866 г. был назначен ректор Олонецкой ДС архимандрит Ионафан (Руднев).

[7] О том же 4 марта 1866 г. писал Победоносцеву и прот. А. О. Ключарев: «Свящ. Гастев отказался от своего намерения принять к себе стипендиатов от Братства Св. Николая» (наст. изд., с. 864). Речь идет о московском священнике Владимире Александровиче Гастеве (ок. 1825—1881), члене Братства с его основания. См.: *Годичный отчет. 1866.* С. 30, паг. 1-я.

[8] Подразумевается письмо Гилярова к вел. кн. Елене Павловне от 22 марта 1865 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 50. <№ 1>. Л. 1—2). Елена Павловна (до принятия православия в 1823 г. принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская; 1806—1873) — жена вел. кн. Михаила Павловича (1824—1849), общественная деятельница, благотворительница.

[9] Далее на автографе — карандашные записи рукой Екатерины Александровны Победоносцевой (ур. Энгельгардт; 1848—1932), дочери помещика Могилевской губернии, жены Победоносцева (с 9 января 1866 г.), не вполне поддающиеся расшифровке: «М. / Т. б. / д. К. [у] Д. / А. А. Э<нгельгардту>. / Милый папаша, поздравляем [тебя и мамашу]. Цалуем нежно тебя с мамашею, до свидания, Катя». Упомянуты тесть Победоносцева Александр Андреевич Энгельгардт (1822—1887), надворный советник, штабс-ротмистр в отставке, и его теща, Софья Никаноровна (ур. Огонь-Догановская; 1822—1874). Предположительно, это черновой набросок пасхального поздравления.

2 (1б)

Москва, 25 сент<ября> 1866.

Помню, знаю и вполне согласен с Вами, душевно и многоуважаемый Константин Петрович. Не отвечал я Вам именно потому, что, несмотря на поручение Ваше писать Вам по петербургскому адресу, я уверен был, что это значило бы писать попусту. Однако, получив Вашу записку, попросил я и от прочих наших сочленов материала для Отчета.[1] Не все они еще покуда доставлены; но мы условились, чтобы на днях было доставлено все остальное и чтоб я, просмотрев, доложил затем, в каком виде составить Отчет, необходимый к годовщине.[2]

Вообще говоря, дело идет вяленько, но не окончательно худо. Точка зрения, кажется, должна у нас несколько измениться. Стипендиатство, как Вы знаете, не удается, зато открывается новая форма вспоможения, в данных обстоятельствах, может быть, самая нужная и практичная: иному сшить сапоги, за другого заплатить в бурсу или содержателю квартиры и т. д.

Приютские наши мальчики, которые оказались весьма плохо успевшими в ученьи: мое мнение — выключить их от нас, чтобы не производить затрат, которые не окупаются нравственными плодами.[3]

Бердников, инспектор синодальных певчих,[4] о котором я говорил Вам некогда как об образцовом педагоге, сообщил мне, что один из его учеников, теперь кончивший курс в Дух<овной> академии и назначаемый в профессора Тульской семинарии, был бы, по его мнению, кладом для нас в должности инспектора.[5] Словам Бердникова я совершенно верю, потому что знаю его просто за святого человека. На вопрос, пойдет ли рекомендуемый и не дорог ли он, Бердников выразил предположение, что, вероятно, даже за 300 рублей можно было б его получить.[6] Этот рекомендуемый в продолжение лета и осени поучивал в пансионах, и, по словам Бердникова, все им не нахвалятся. Как Вы об этом думаете? Ответьте поскорее, дабы не потерять человека, буде решимся его взять, а он уже успеет уехать в Тулу. Что касается моего мнения, оно Вам известно: с самого начала я выражал мнение, что необходим инспектор образцовый, и жалеть на это денег не надобно; что в противном случае все учреждение теряет смысл, и необходимо было бы довольствоваться простым вручением денег училищному начальству.

Что Вам сказать о себе? Сказать нечего, кроме того, что боюсь одуреть. Что-то притупляющее есть в постоянной трате сил на пустые расчеты или на официальную переписку о том, о чем много сказать и два слова; доказывать, напри-

мер, целыми трактатами о смехотворности, бесполезности и т. п. существования в наших продажных каталогах какого-нибудь Целляриева лексикона.[7] А однако, надобно об этом писать, толковать, доказывать, и вдобавок — вероятно, попусту. Нет, это просто скучно, утомительно, несносно. Сколько времени пропадает даром, времени дорогого и невозвратного.

Между прочим, у меня давным-давно есть к Вам просьба. Из 7-го департамента Сената[8] препровождено к министру юстиции представление от 18 прошлого января за № 193 по делу Башарина.[9] Дело идет об отмене Сенатского решения за уничтожением условий, под которыми оно состоялось. Не знаю, может быть, теперь это уже и сделано, но во всяком случае обращаюсь к Вам: не справитесь ли Вы и не двинете ли дела, если оно в застое? Пред одним очень хорошим и почтительным знакомым мне очень совестно, что я давно обещаю ему навести справку об этом деле, но, увы! — ничего до сих пор не сделал.

Ваш от всей души

Н. Гиляров

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 3—4 об.

[1] Речь идет об изд.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Годичный отчет по Братству Святителя Николая. М.: В Синодал. тип., 1866 (ц. р.: 10 окт. 1866 г.). 61 с. разн. паг. Далее ссылки даются сокращенно: *Годичный отчет. 1866.*

[2] 12 октября 1865 г. Братство Св. Николая было официально открыто. Поэтому и все годовщины приурочивались к этой дате. См., например: Слово в память открытия Братства Св. Николая, произнесенное 12 октября 1867 года в Московской Николо-Явленской на Арбате церкви свящ. А. Иванцовым-Платоновым. М.: Унив. тип., 1867.

[3] Речь идет о Ризположенском приюте, в котором на средства Братства к октябрю 1866 г. содержались 12 учеников Донского ДУ: пятеро 10—12 лет из 3-го класса и семеро 9—12 лет из 2-го класса (см.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Список воспитанников, призреваемых в Ризположенском доме и обучающихся в Донском училище // *Годичный отчет. 1866.* С. 42—42, паг. 1-я). По мысли Гилярова, озвученной в этом Отчете (с ним, однако, был не вполне согласен прот. А. О. Ключарев, судя по ниже публикуемому его письму к Победоносцеву от 28 октября 1866 г.), Братство должно было брать нравственные обязательства не перед всеми недостаточными учащимися (тогда бы его средства быстро истощились), а прежде всего перед подающими серьезные надежды в учебе и восприимчивыми к благим педагогическим воздействиям. Безусловно, вспоминая свое, во многом неприкаянное, семинарское детство, когда он был нахлебником в чужих семьях, Гиляров писал: «...Братство должно оказывать беднейшим ученикам не просто помощь материальную, но с тем вместе и помощь нравственную, которая еще важнее материальной и в которой бедные ученики очень часто нуждаются столько же, сколько в пище и одежде. Для дитяти, живущего за несколько верст от училища и за несколько верст от крова родительского на харчах у какого-нибудь постороннего человека, который совершенно чужд интересам его развития и для которого его жилец есть не более как доходная статья, не нужнее ли всего надзор — надзор, которым заменилось бы по возможности незаменимое семейное участие и которым бы облегчался бы и споспешествовался надзор училищного начальства, во многих случаях затруднительный и часто

недостаточный? При вспомоществовании материальном такому дитяте не должно ли Братство позаботиться и о более еще, может быть, потребном при сем вспомоществовании нравственном?» (Там же. С. 8—9). И далее Гиляров прямо говорит о тех, кого сегодня принято называть «трудными подростками»: «Принимая на себя вспомоществование нравственное, не берет ли, однако, Братство при сем и некоторую ответственность за развитие дитяти? А ответственность такого рода может ли быть принята и дана с некоторою уверенностию, когда дитя, уже давно оторванное от родительского крова, успело подвергнуться сотне влияний, более или менее сомнительных? Педагогические же эксперименты — исправление того, что испорчено, или, так сказать, нравственная ортопедия, — вовсе не входят и по существу самого дела не должны входить в программу Братства» (Там же. С. 9). Поэтому распорядители братской казны вынуждены были отказывать в помощи «ученикам весьма посредственных успехов и дарований» (Там же. С. 10). Впоследствии в Приюте содержалось одновременно по 16—17 учеников; в 1878 г. у него появилось собственное помещение (см.: <*Без подписи*>. Двадцатилетие Братства Св. Николая // *МЦВед*. 1890. № 42. 14 окт. С. 510).

[4] Иван Дмитриевич Бердников (1827—1880) — ученик Гилярова в МДА (1848—1852), инспектор московской Школы синодальных певчих, помощник хранителя Румянцевской библиотеки. Позднее Гиляров давал высокую оценку Бердникову в своей передовой статье «Москва, 14 января» (*СИ*. 1876. 15 янв. № 14. С. 2) и хлопотал за него перед Победоносцевым в письме к последнему от 23 января 1876 г. (см.: *Разумевающие верой*. С. 177—179).

[5] Неустановленное лицо. Судя по назначению именно в Тульскую ДС, не исключено, что это один из туляков, окончивших МДА в 1866 г.: Николай Лебедев или Стефан Раевский.

[6] До конца 1866 г. надзирателю за детьми в Приюте платили 120 рублей — поэтому их сменилось трое за год: Ив. Нарский, П. Н. Широкогоров, О. Д. Колоколов (последний служил не менее трех лет). На надзирателе за детьми лежала «по преимуществу обязанность следить за приготовлением уроков к классам» (*Годичный отчет. 1866*. С. 14, паг. 1-я).

[7] Упомянуто изд.: Христофора Целлярия Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом. М.: В Синодальной типографии, 1819. (Первоначально этот лексикон был выпущен с пометой «для употребления Санкт-Петербургской гимназией»: СПб., 1746.) Христофор Целлярий (Cellarius; наст. имя и фам. Кристоф Мартин Келлер, Keller; 1638—1707) — немецкий историк и филолог, автор труда «Всеобщая история» («Historia universalis», 1702); профессор элоквенции и истории в Галльском университете.

[8] В 7-м департаменте Сената разбирались дела: о жестоком обращении помещиков с крестьянами, о продаже крепостных, об отыскании крестьянами свободы из крепостной зависимости; о пожаловании разным лицам земель и крестьян; о земельных спорах между крестьянами и помещиками, крестьянами и церковью; по спорам о праве владения фабриками и заводами.

[9] Официально дело называлось так: «О завещанном имуществе Башариной»; оно поступило в 7-й департамент еще 4 мая 1865 г. (РГИА. Ф. 1583. Оп. 16: 1838—1866 гг. Д. 825/858. 41 л.).

3 (1в)[1]

Москва, 4 октября 1866.

Сейчас я кончил Отчет,[2] драгоценнейший Константин Петрович, и спешу Вас уведомить, для того чтобы Вы были спокойны. Бо́льшая часть Отчета уже в наборе, к 12 октября он будет напечатан, прочитан в Собрании и роздан вместе со списком братчиков и с отрывком из моего мнения о надзирателе. Это последнее я сделал для того, чтобы вопрос о жалованье и служебных правах надзирателя решен был собранием Братства. Оно будет гораздо благовиднее, а с другой стороны, и для нас извинительнее, почему мы этого вопроса давно сами не решили. Ведь немного и стыдно писать цифры нашего расхода чересчур экономные; постарался оправдать это в Отчете разными соображениями, умолчав, разумеется, об апатичности самих распорядителей.[3] Впрочем, и то сказать — не то чтобы апатия, а дело не поставлено как следует. Поставлено оно слишком патриархально. Кто что ни говори, а, пожалуй, не мешало бы немножко и педантизма Сергиевского, а то что вышло? Ничего не соберешь, ничего не выяснишь. Протоколов нет, ничто путем не записано. Верите ли, что до сих пор цифры даже не сведены! Отчет мой набирается пока с пробелами, которые надобно будет дополнить завтра или послезавтра в Комитетском собрании.

Список братчиков печатается без означения количества взноса, — отчасти по деликатности, отчасти все-таки потому, что цифр никак не соберешь. Да и на Вас позвольте пожаловаться. Есть лица, которых нельзя писать в числе братчиков, и Строгонова[4] я помню очень хорошо. Но еще кто из Ваших *не* братчик? Искали по Вашей книге, но не нашли.

Отчет предлагает Братству несколько вопросов: 1) о надзирателе,[5] 2) о выборе на место Сергиевского, 3) предположение об устройстве бурсы, 4) об увеличении состава распорядителей и о секретаре, 5) о постоянных сотрудниках по городам. Все эти вопросы Вы, надеюсь, одобрите. Состав распорядителей необходимо увеличить. Почему в самом деле не привлечь, по мысли А<лексея> Осиповича,[6] какого-нибудь купца? Да и, кроме того, будет больше рук у дела. Лето, например, почти стояло без дела. Вас нет, Сергиевского тоже, меня почти тоже, ибо жил за четыре версты,[7] у Зернова[8] уроки, А<лексей> Осипович занят своим и т. д. Секретарь тоже необходим. Если вопрос о надзирателе будет решен, то[а] решен будет с тем вместе и о секретаре (ибо это вполне совместно).

Предположение о бурсе необходимо Вам объяснить: как писал я Вам, при неудаче системы стипендиатства опыт указывает нам форму единовременных благотворений как самую практическую. Но это не все. Важнее всего в нашем деле стоять на *действительной* почве. За двугривенный в неделю обеспечивается возможность мальчику учиться.[9] Такие и, при некотором улучшении содержания, даже вдвое большие издержки нас не разорят. А сколько мы можем сделать! Итак, примем за исходную точку то, что уже есть, что существует в обычае.

[а] *Далее зачеркнуто*: он.

Обычай таков: отдают ученика на квартиру, платят за него малость и добавляют натуральными произведениями. Станем на этом, несколько видоизменив обычай, не уничтожая его сущности. Почему не устроить готового помещения с умеренным содержанием и еще более умеренною платою с достаточных и без платы для недостаточных. Приставить к этой бурсе нашего надзирателя. ([b] В устроенной на таких основаниях бурсе в Донском училище [10] приходится рубля по 3—4 и менее с человека в месяц. Боюсь, впрочем, ошибиться: кажется, еще менее.) Надзор, удаление от сомнительного сообщества, выведение из вольных квартир, еще более сомнительных, — да это благословение Божие. Вам, вероятно, писал Ст<епан> Иванович, [11] как один кондуктор, ci-devant * дьякон, предлагал плату, лишь бы только поместить сына его в приют, подобный нашему. Мне кажется, это было бы очень хорошо, и хорошо между прочим потому еще, что оно приучило бы мало-помалу самих отцев действовать *vivibus unitis*, ** чего теперь нет. Платят за квартиру сравнительно дорого, оттого именно, что нет центра, где бы они сошлись между собою и посудили, не лучше ли и не выгоднее ли им сделать складчину, артель, как хотите назовите.

Сотрудники в городах также необходимы. Положим, помогаем мы в Коломне или Звенигороде. Кто наш орган? Само училище? Какой бы золотой смотритель ни был, лучше, если бы он был в стороне. В том весь и смысл, вся и суть, чтобы притекали к этому делу новые, свежие силы, чтобы пробудились от апатии.

Кстати, продолжится ли Комитет после 9 мая? [12] Вопрос этот довольно важен по причине предстоящих выборов. Как ни плохи все мы, члены Комитета, но разом вынуть их из нашего дела неблагоразумно — теряется традиция, что, как Вы хорошо знаете, слишком важное дело. Утратится дух, утратится и все; дело может совсем разрушиться. С другой стороны, кажется мне, и существо<ва>вший Комитет теперь почти *nonsense*. Что такое Братство при нем и он при Братстве? Не оставьте меня своими соображениями по этой части.

Кого выбрать на место Сергиевского? Вы говорили о С. М. Соловьеве. [13] Очень его уважаю, но не сух ли он очень? На мой взгляд: да, и потому в начале дела едва ли он не оттолкнет от себя прочих сочленов. Говорят, не прочь Шахов. [14] Его не знаю, но слышу, что формалист, педант и т. п. Вы его знаете хорошо, и потому предоставляю Вам судить. Просится Ипполит Богословский. [15] А<лексей> Осипович против него. Я, напротив, скорее *за*. Недостатки в нем есть разные, но он человек дельный, разумный; беда, что слишком занятый. Хорошо, если бы найти кого посвободнее.

Что выйдет, кого выберут, не знаю. Вероятно, станут нас же спрашивать, но на кого указать и как сделать, не обидевши других?

Вероятно, Вам уже надоело читать мое длинное письмо. Но не взыщите и прочитайте еще, — ну хоть бы известие о том, что желательно было бы и нуж-

[b] *Далее зачеркнуто*: NB.

* бывший (*фр.*)

** соединенными усилиями (*лат.*)

но мне побывать в октябре в Богоспасаемом Питере. Нужно по делам Типографии, устраивать новые штаты, да кстати и поискать, нет ли куда приютиться в другое место службы.[16] Надоело. Все отрицательное, кажется, я сделал для Типографии, и кирпичи для будущей работы приготовил. Пускай другой тектон[17] явится сложить из изготовленных материалов стройное здание.

Ваш *Н. Гиляров*

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 7—9 об.

[1] На верхнем поле письма — пометка рукой Победоносцева (слова подчеркнуты): *получ<ено> 10 окт<ября>.*

[2] Об изд.: *Годичный отчет. 1866* — см. примеч. 1 на с. 842.

[3] Подразумеваются трое первых «распорядителей братской казны»: прот. С. И. Зернов, К. П. Победоносцев и Н. А. Сергиевский (см.: *Годичный отчет. 1866.* С. 25, 40, паг. 1-я).

[4] Граф Сергей Григорьевич Строганов (Строгонов; 1794—1882) — генерал-адъютант; рижский и минский военный губернатор (с 1831 г.), попечитель Московского учебного округа (1835—1847); московский генерал-губернатор (1859—1860); археолог, издатель, нумизмат. См. о нем в мемуарах Гилярова: *Из пережитого. 2009.* Т. 1. С. 369; Т. 2. С. 57, 194, 198, 218, 375, 463, 466, 495. Строганов указан в числе братчиков. См.: *Годичный отчет. 1866.* С. 38, паг. 1-я.

[5] Гиляров составил по этому вопросу подробную справку. Опубл. под назв.: Мнение одного из членов Комитета относительно должности надзирателя в приюте // Там же. С. 44—47, паг. 1-я.

[6] Протоиерей Алексей Осипович (Иосифович) Ключарев (в монашестве, с 1877 г., Амвросий; 1820—1901) — проповедник, миссионер, издатель; московский протоиерей (с 1864 г.), архимандрит (1877), еп. Можайский, викарий Московской епархии (в 1878 г.), еп. Дмитровский, викарий той же епархии (с 1878 г.), еп. Харьковский и Ахтырский (с 1882 г.; архиеп. с 1886 г.). В Дневнике Победоносцева записано: «*1865 г.* <...> 5 мая. <...> Открыт Комитет для вспомож<ения> восп<итанникам> Дух<овных> училищ. Образование Братства Св. Николая. Знакомство с А. И. Ключаревым» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

[7] Гиляров летом жил на своей даче в Петровском-Разумовском.

[8] О прот. С. И. Зернове см. примеч. 48 на с. 377.

[9] Подробнее об этом Гиляров писал в Отчете: «Отец-причетник высказывает, что недостаточность лишает его средств содержать сына в училище. Сколько, однако, стоит содержание? “Я плачу, — отвечает он, — по двугривенному в неделю; хозяин дает за это квартиру и стол” (т. е. прихлебку, — хлеб доставляется самими родителями). Двугривенный в неделю! За вычетом вакационных недель это составляет всего 10 рублей в год, и этими 10 рублями обеспечивается для мальчика возможность образования! Факт поразительный, показывающий, на сколь скудные средства можно еще обеспечивать духовным ученикам возможность учиться, и показывающий с тем вместе, насколько недостаточны многие из духовенства, что не в состоянии вносить и этой скудной платы, считаемой притом не по годам (10 рублей все бы еще составляло что-то), но по неделям и равняющейся 20 копейкам! Разумеется, пособие было оказано...» (*Годичный отчет. 1866.* С. 20, паг. 1-я). *Двугривенный* — разговорное название русской монеты номиналом 20 копеек; выпускалась в России из серебра с 1764 г.

[10] Речь идет о Донском ДУ, помещавшемся в Донском монастыре в 1835—1917 гг. в том здании, где с 1799 по 1827 г. находился Духовно-цензурный комитет, впоследствии переведенный в Троице-Сергиеву лавру.

[11] Назван прот. С. И. Зернов (см. выше примеч. 8).

[12] 9 мая 1867 г. исполнялось два года с момента избрания четырех членов Московского комитета по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, в том числе Гилярова с Победоносцевым, однако их полномочия впоследствии были продлены.

[13] Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — историк, академик С.-Петербургской Академии наук (1872); ректор Московского университета (1871—1877). Он указан в числе братчиков (см.: *Годичный отчет. 1866*. С. 37, паг. 1-я).

[14] Братчик Александр Николаевич Шахов (1821—1889) — петербургский совестный судья (1858—1860), председатель департамента (с 1866 г.) и старший председатель (с 1868 г.) Московской судебной палаты; позднее первоприсутствующий в III Департаменте Сената, действительный тайный советник (1889).

[15] Ипполит Михайлович Богословский-Платонов (1820—1870) — магистр МДА (1844); бакалавр на кафедре логики и истории философии МДА (1844—1850); священник московской Успенской церкви на Могильцах (с 1851 г.), протоиерей Троицкой церкви на Арбате (с 1866 г.); законоучитель, духовный писатель и проповедник. Гиляров посвятил своему учителю, которого всегда чтил, прочувствованную поминальную передовицу: *СИ*. 1870. 21 дек. № 351. С. 2. См. также его мемуары: *Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 573; Т. 2. С. 26, 264, 265, 383, 397. Богословский-Платонов вскоре, 12 октября 1866 г., был избран одним из распорядителей братской казной.

[16] В частности, Гиляров примеривался к кафедре церковной истории в столичном университете. См. об этом в его письме к Победоносцеву от апреля 1867 г. (*Разумевающие верой*. С. 31—36).

[17] Зд.: зодчий (*цркcл.*); буквально — плотник (от *греч.* τέκτων).

4 (1г)

М<осква>, 27 октября 1866.

Из Вашего письма вижу, многоуважаемый К<онстантин> Петрович, что Вас никто не уведомлял о результатах нашего собрания. Удивляюсь этому. Что касается до меня, я не уведомлял Вас по следующей причине. В Отчете необходимо было перепечатать страницу, где говорится о *рескрипте*, так как экземпляр, Вам посланный, был не корректурный, а чистый, и лишь обрезанный, во избежание лишних[a] почтовых расходов. Потом надобно было припечатать Слово А<лексея> Осиповича[1] да еще Устав; затем — отброшюровать. Полагал я писать Вам, уже когда все это будет готово для отсылки к Вам. Но это не готово и до сих пор. Вчера отброшюровано 50 экземпляров и послано о. Иакову;[2] сегодня принесено мне 200 экз<емпляров>, но увы! — посмотрел я и увидал, что негодяй переплетчик перепутал листы, и Вам придется еще денек-другой подождать.

Что Вам сказать о нашем собрании? Худо, так худо, что я предлагаю как-нибудь сызнова ухитриться переделать, что сделано.

Предположения Отчета о сотрудниках и секретаре приняты с одобрением. (Кстати, о секретаре: удивляюсь, что Вам вздумалось предостерегать против из-

[a] *Далее зачеркнуто*: типографских.

держек на секретаря; секретарь предполагался и найден из братчиков совершенно даровой.) Предположение о порядочном инспекторе отвергнуто.

Доселе, впрочем, все еще сносно. Но худо то, что выборы состоялись самые бестолковые. Я предложил увеличить число распорядителей, и притом так, чтобы духовных и светских было по меньшей мере поровну. Это одобрено. Стал затем Ст<епан> Иванович предлагать, чтобы члены Комитета состояли непременными распорядителями братской казны. Принято. Предлагает потом Ипполита Мих<айловича> Богословского.[3] Принято и это. Когда же необходимо было затем выбрать еще кого-нибудь светского, присутствующим пришло на мысль, вероятно, в благодарность за гостеприимство, предположить звание распорядителя хозяину дома, т. е. князю Оболенскому![4] Тот сначала стал отнекиваться, и я так было обрадовался этому, что поспешил ему сказать, что вполне понимаю его нежелание, но что мы во всяком случае упомянем в протоколе о сделанном предложении. Куда! Все так стали умолять хозяина, что он (а ему до смерти этого хотелось) согласился. А затем пошло, по правде сказать, такое безобразие, что гадко вспомнить: понабирали, кто только приходил на мысль. Признаюсь, в настоящую минуту я затрудняюсь даже пересчитать всех избранных.[5]

Когда уже это сделалось, все наши сочлены сами сообразили, что толку из этого не выйдет. Решились снова об этом потолковать, но еще не собирались. Ближайшее собрание должно состояться, когда вполне будут готовы приходо-расходные книги. Должно быть, однако, они еще не готовы, потому что никого не видно и ни от кого не получаю уведомления; а самому справляться не до того.

Вообще, если и прежде смотрел я на дело Братства невеселыми глазами, то теперь и подавно мрачными.

Надеюсь, до скорого свидания.

Ваш *Н. Гиляров*

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 5—6.

[1] Речь идет о проповеди прот. А. О. Ключарева «Слово в день празднования первой годовщины Братства Святителя Николая», произнесенной в церкви Николы Явленного на Арбате 12 октября 1866 г.; опубл.: *Годичный отчет. 1866.* С. 1—10, паг. 3-я. См. об авторе примеч. 8 на с. 846.

[2] Подразумевается архим. Иаков (Кротков). См. примеч. 6 на с. 840.

[3] Назван прот. И. М. Богословский-Платонов. См. примеч. 15 на с. 847.

[4] Князь Михаил Андреевич Оболенский (1805—1873) — историк-архивист; директор московского Главного архива МИДа. Собрание проходило в его знаменитом особняке на Арбате, д. 14, позднее ставшем известным как «дом с привидениями» (ныне на его месте станция метро «Арбатская»).

[5] Всего было избрано 12 «распорядителей братской казны»: помимо Гилярова, Победоносцева, архим. Иакова (Кроткова) и прот. А. О. Ключарева, автоматически включенных в их число как члены Комитета, — протоиереи С. И. Зернов и И. М. Богословский-Платонов, свящ. А. М. Иванцов-Платонов, кн. М. А. Оболенский, Н. И. Козловский, А. В. Симанский, И. И. Четвериков и С. Г. Котов.

5 (1д)

Москва, 21 декабря 1866.

Многоуважаемый
Константин Петрович,

Жена выдает мужу[1] векселей на сумму, превышающую стоимость имущества, которым она располагает; а пред смертью делает завещание, которым между прочим отказывает некоторую сумму монастырям. По смерти завещательницы, она же и должница, муж продает векселя третьему лицу, а против завещания воздвигают спор наследники по закону на том основании, что имущество, оставшееся после завещательницы, есть родовое.

Третье лицо предъявляет векселя; завещательница объявляется несостоятельною; над имуществом учреждается конкурс, но к аукционной продаже не приступается на том основании, что существует завещание и что в этом завещании замешаны интересы духовных мест, и, следственно, дело должно быть ведено следственным порядком, а не вотчинным.[2]

Интерес третьего лица требует возможно скорейшего удовлетворения его претензий. Чтобы устранить препятствия к этому, третье лицо вносит от себя сумму, завещанную монастырям, и просит, чтобы на этом основании делу дан был вотчинный порядок. Обер-прокурор Св. Синода двукратно изъявляет на это согласие; министр юстиции не соглашается; в общем собрании Сената разногласие, и дело опять из Москвы отправляется в консультацию от 3 декабря 1866 за № 745.

Это то же самое дело, о котором я уже Вам писал и которое теперь вторично пошло на консультацию; третье лице, купец Глинский,[3] весьма хороший мой знакомый и очень почтенный старичок. На деле оказывается, что то самое, чем он думал ускорить решение дела, только волочит его еще более. Но признаюсь, прочитав печатную записку, я решительно не понимаю умозаключений консультации, якобы внесением денег, завещанных монастырям, не прибавляется никакого нового обстоятельства к делу, и это последнее должно идти следственным порядком.

Умозаключение совершенно правильное кажется таково:

Делу дан следственный ход потому, что в нем замешаны интересы монастырей.

Но интересы монастырей заранее удовлетворены тем лицом, от которого мог бы произойти их ущерб.

Следовательно, следственному порядку основание исчезает.

Оставалось бы возразить, почему интересы духовного лица удовлетворяются не Петром, а Иваном, удовлетворяются сейчас, а не чрез полтора года или более? Но едва ли это не будет нелепостью, особенно когда само заинтересованное лицо или его представитель (обер-прокурор Св. Синода) прямо объявляет, что ему безразлично, непосредственно ли от завещательницы или чрез какое посредство удовлетворяются его интересы.

Наконец, можно сказать, что известное дело должно быть ведено следственным порядком во что бы то ни стало потому только, что стоит в бумаге слово монастырь, без всякого внимания к тому, имеет ли дело какие-либо отношения к интересам монастыря или перестало иметь. Но это значило бы предполагать нелепость в законе.

Пишу, впрочем, это из любознательности, почтеннейший Константин Петрович, ибо дело начинает меня занимать именно с этой точки зрения. А Вас покорнейше прошу: 1) оказать содействие к скорейшему ходу дела; 2) если же Вы лично будете иметь к нему причастие, вникнуть в дело Вашим опытным и более других просвещенным взглядом.

Дозде[4] о деле Башарина и Глинского. Ныне прейду[5] к себе лично и к делам Братства. Приехав в Москву, я тотчас простудился, к великому своему удивлению (ибо даже в Петербурге здравствовал); а на третий день был в собрании старых распорядителей. Оле[6] неповоротливости! Собрались только старые распорядители, затем что новых еще нельзя доселе собрать; а нельзя доселе собрать, потому что еще не все приведено в порядок. Сосчитали деньги, посмотрели на просьбы, поговорили о надзирательнице. Алексей Осипович[7] предлагает Анну Ивановну Лебедеву, жену бывшего моего товарища, потом священника и редактора «Душеполезного чтения».[8] Разумеется, найти подобную Катерине Ивановне[9] нельзя; но эта дама по крайней мере известная; опасение одно, — что она заскучает своим подвигом. Алексей Осипович ее уговаривает и надеется убедить ее, что тоску свою по умершем муже она лучше всего успокоит и досуг свой скучный полезнее всего наполнит именно принятием предлагаемой должности. Убеждать Алексей Осипович мастер; посмотрим, удастся ли ему это. Я Анну Ивановну давно знаю; муж ее был очень почтенный человек; отец — член Консистории,[10] также достойный полного уважения. Будем надеяться, что убеждения А<лексея> Осиповича подействуют, а Анна Ивановна не поскучает представляющимся ей хлопотным делом.

Ваш *Н. Гиляров*

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 11—12 об.

[1] Гиляров, видимо по просьбе Победоносцева, излагает суть дела о наследстве купчихи Башариной. См. о нем примеч. 9 на с. 843.

[2] Гиляров отсылает к термину «вотчинное право», введенному Победоносцевым в 1864 г. и закрепленному в его «Курсе гражданского права»; оно означало «право на вещь», в отличие от личного права — «права на действия личности». Часть первая «Курса...» (М., 1868) так и называлась — «Вотчинные права».

[3] Борис Васильевич Глинский (1788—1871) — московский купец 1-й гильдии, почетный гражданин, благотворитель.

[4] *Дозде* — до сего места, доселе (*церксл.*).

[5] *Прейду* — перейду (*церксл.*). Ср. в Каноне благодарном Кириллу Философу: «во Свет Невечерний ныне прейде» (песнь 3).

[6] *Оле* — о (*церксл.*) — междометие удивления или скорби.

[7] Прот. А. О. Ключарев. См. о нем примеч. 6 на с. 846.

[8] Священник Василий Иванович Лебедев (1825—1863) — богослов, церковный деятель, соредактор журнала «Душеполезное чтение» (1860—1863); был учеником Гилярова в МДА (1848—1850), а затем его коллегой — преподавателем логики и истории философии там же. Его вдова Анна Ивановна — урожденная Благовещенская.

[9] Екатерина Ивановна Короткова, скончавшаяся от холеры 29 ноября 1866 г. Гиляров писал в Отчете: «По редкому счастию, которым мы обязаны о. протоиерею Ключареву, Приют имеет надзирательницу в лице Екатерины Ивановны Коротковой. Приняв на свое попечение Приют с самого его основания, она служит ему с редким бескорыстием, с истинно христианскою и вполне материнскою попечительностию. Деятельность ее относительно призреваемых детей постоянно возбуждала полную благодарность распорядителей» (*Годичный отчет. 1866.* С. 15, паг. 1-я). См. о ней подробнее в письмах прот. А. О. Ключарева к Победоносцеву.

[10] Речь идет о братчике протоиерее Иоанне Алексеевиче Благовещенском (1797—1876), настоятеле Спасо-Преображенской церкви в Наливках.

6 (1е)

25 янв<аря> 1867, Москва.

Податель письма есть Алексей Иванович Забелин, экс-редактор «Виленского вестника»,[1] изгнанный из Западного края за свое несочувствие к евреям. Из разговора с ним можете, многоуважаемый Константин Петрович, узнать довольно интересного.

Вчера было у нас первое полное собрание новых распорядителей. Шло дело чинно и даже чиннее прежнего; и не удивительно, — не было и не могло быть халатности, по причине присутствия посторонних лиц. Кн. Оболенского[2] и Симанского,[3] впрочем, не было. Самое приятное изо всего было принесенное Ал<ексеем> Осиповичем[4] известие, что предлагает себя в надзирательницы одна старушка-помещица,[5] желающая так же, как и покойная Катерина Ивановна,[6] послужить Богу какою-нибудь жертвою. Это опять клад. Подробности весьма интересные Вы, вероятно, получили или получите в скорейшем времени от А<лексея> Осиповича, которого, по правде сказать, нельзя довольно благодарить за отыскивание таких кладов.

Что Вы скажете о новой московской газете, и в особенности о тех из передовых статей, которые принадлежат Вашему покорному слуге,[7] именно о монастырях и о вероисповедном вопросе в Зап<адном> крае? Любопытно бы слышать Ваше мнение и Ваш совет.

Искренно уважающий Вас
Н. Гиляров

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 73. Л. 13—13 об.

[1] Алексей Иванович Забелин (1822—1900) — врач, педагог, журналист; редактор неофициальной части «Тверских губернских ведомостей» (1863), затем мировой посредник в Слонимском у. Гродненской губ.; с 1864 г. член Комиссии по крестьянским делам в Вильне и редактор «Виленского вестника», позднее директор Молодечненской учительской семинарии. В 1867—1868 гг. — товарищ прокурора Владимирского окружного

суда. В 1869 г. — сверхштатный чиновник канцелярии обер-прокурора Синода, затем помощник столоначальника Канцелярии. С 1872 г. обер-секретарь Синода; цензор СПбЦК (1881—1882), затем — главный инспектор училищ Туркестанского края.

[2] Кн. М. А. Оболенский. См. примеч. 4 на с. 848.

[3] Андрей Владимирович Симанский (1822—1897) — чиновник (с 1840 г.), «состоял за обер-прокурорским столом в Правительствующем Сенате сверх комплекта» (т. е. служил без жалования), действительный статский советник (1876); дед патриарха Алексия (Симанского).

[4] Прот. А. О. Ключарев. См. о нем примеч. 6 на с. 846.

[5] Речь идет о Елизавете Дмитриевне Лельковской, которая с 1 марта 1867 г. вступила в должность надзирательницы в Ризположенском приюте Братства. Сообщая об этом Победоносцеву в письме от 31 марта 1867 г., архим. Иаков (Кротков) упоминал, что она не нуждается в средствах, поскольку «с имения имеет 500 р.» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 80. Л. 11). См. также два письма Е. Д. Лельковской к Победоносцеву (от 19 марта и 20 мая 1873 г.) о делах Приюта (Там же. Д. 91).

[6] Е. И. Короткова. См. о ней примеч. 9 на с. 851.

[7] Подразумевается ежедневная газета «Москва», издававшаяся И. С. Аксаковым (1867—1868). Гиляров написал для нее ряд передовиц (их полный список пока не составлен).

Приложение 1

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ИАКОВА (КРОТКОВА) К К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

1 (7)

21 февр<аля> 1866 г.

Милостивый Государь
Константин Петрович!

Благодарю Ваше Превосходительство за внимание к моему сыну и за милостивое письмо Ваше ко мне. Князь Оболенский[1] хорошо принял А<ндрея> Ал<ексееви>ча,[2] но в просимом месте отказал, предложив, однако же, место кассира, и дозволил подать прошение о перемещении под его покровительство. Прошение подано 15 февр<аля>; я 17 числа сам поехал к Князю и узнаю, что место кассира займет какой-то Голубков,[3] а Кроткову надобно подождать месяца два, пока откроется вакансия. Делать нечего. Будем ждать и надеяться. По уважению к Вам, Князь сделает, что обещал.

Теперь обращаюсь к Вам с словом о действиях Николаевского Братства. Я просил Алексея Осиповича[4] написать к Вам 14 февр<аля>, и Вы из его письма знаете почти все. Я, впрочем, повторю, если угодно. Начинаю с заведения нашего. Из принятых в него мальчиков один оказался дурен по поведению, худо и учился; мы его отдали на руки отцу. Это Ладожин, сын лишенного сана священника. Его место заступил другой бедняк.

Уволили, по прошению, и г. Нарского,[5] которому трудно показалось и в класс ходить, и дома заниматься с детьми, находясь при них без отлучки. Это уволь-

нение получить ему было нетрудно. В нем не нашли мы того, чего желалось. К счастию, наши дети недолго оставались без руководителя. Место Нарского согласился занять г. Широкогоров, один из отличных студентов Виф<анской> сем<инарии>.[6] Я упросил его поступить в наше заведение по крайней мере до июля; тогда, если ему не слюбится, мы можем найти достойного ему преемника из студентов даже Академии. Теперь Бог милостив. Наше заведение не сиротствует, и можно быть уверену, что Павел Николаевич поведет дело не так, как г. Нарский...

О. Гастев[7] изменил своему слову. Сперва он был болен и не давал нам ответа, а теперь начистую отказался. Степан Иванович[8] полагает, что этому отказу причиной жена Гастева, которой, кажется, не по сердцу возиться с чужими детьми. Бог с нею! О. Беляев[9] не прочь взять до 8 чел<овек>. Затруднение только в том, что он все смотрит во священники... Как бы не разорилось гнездо, которое совьем у него. И то сказать надо, что в Андроньевск<ом> училище,[10] по соседству коего живет Беляев, учится немного детей, потому что только два класса в нем — третий и четвертый; следов<ательно>, истинно бедных найдется тут немного и не из первых классов. Но на днях этот вопрос решим неотложно.

Из Дмитровского училища[11] я получил сведения чрез братчика, соборного свящ<енника> Богоявленского,[12] о трех бедных учениках. Им можно будет послать денежное пособие, как делаем мы это одному из учеников, живущих в бурсе Донского училища. На выдачу денежных пособий позволили мы отчислить до полутораста рубл<ей> сер<ебром>.

Сыну запрещенного свящ<енника> Малиновского сшили мы сапоги. Это временное пособие.

Не сетуйте, Бога ради, на нашу медленность в делах Братства. С быстротою действовать неудобно, главным образом потому, что наши доходы в будущем не обеспечены. Дайте нам прожить первый год. Тогда обнаружится, насколько твердо стоит наше Братство и чем располагать мы в состоянии. Мы, между тем, постараемся к тому времени подготовить все нужное. Кто думает о жатве во время сеяния?

По указанию Ник<олая> Ал<ександрови>ча[13] я улаживаю очень серьезное дело. Г<-жа> Баташова, имеющая два дома с большою землею близ церкви Спаса во Спасской,[14] сделала было завещание отдать эти дома и землю под Богадельню и на содержание богаделенных назначила 40 т<ыс>. р<ублей>. Я отнесся к тамошнему свящ<енни>ку Александру Сергеичу,[15] духовнику Баташовой, с просьбой расположить старушку переменить завещание в пользу Братства на устройство училища; старушка и ее душеприказчик с удовольствием приняли предложение, находя, что полезнее воспитывать детей для духовного звания, чем кормить ропотливых старух. Чем кончится эта история, о сем можно только гадать. Духовник надеется на верный успех.

В след<ующее> воскресенье[16] у нас будет заседание в д<оме> о. Зернова. Не угодно ли Вам прислать нам свое слово?

Вчера схоронили мы Троице-Арбатского протоиерея Сергия Тихомирова, 77-л<етнего> старца.[17] Его место занял Могильцевский протоиерей Ипполит Богословский.[18]

Никита Петрович[19] сердится, что Пороховщиков[20] добивается сломать Типогр<афские> здания[21] и выстроить по новому плану. Не жаль ему того корпуса, который идет по улице, а хотелось бы сберечь дом царя Феодора Алексеевича[22] на дворе и в нем поместить библиотеку Типографскую, патриаршую и епархиальную. Гр. Толстой[23] не отвечает на его записку...

Простите. От души желаю Вам здравия и спасения и во всем благопоспешения.

Ваш искренний слуга Д<аниловский> А<рхимандрит> *Иаков*.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 80. Л. 4—5 об.

[1] Видимо, братчик кн. М. А. Оболенский, в доме которого происходили общие собрания Братства Св. Николая. См. примеч. 4 на с. 848.

[2] Андрей Алексеевич Кротков (ок. 1836—?) — сын архим. Иакова (Кроткова), окончил МДС в 1856 г. во 2-м разряде 86-м по общему списку; служил чиновником в Москве.

[3] Речь идет об одном из двух кассиров Московского губернского казначейства: Алексее либо Николае Семеновичах Голубковых (см.: Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы, на 1869 год. М.: В тип. Ив. Смирнова, 1869. Ч. I. С. 203). Отсюда понятно, о месте в каком учреждении хлопотал для сына архим. Иаков (Кротков).

[4] Прот. А. О. Ключарев. См. о нем примеч. 6 на с. 846.

[5] Иван Нарский, в 1866 г. окончивший курс МДС в 1-м разряде (8-м по общему списку), впоследствии служил диаконом в Москве.

[6] Павел Николаевич Широкогоров (ок. 1844 — не ранее 1917) закончил Вифанскую ДС в 1864 г. в первом разряде (24-м по списку). Позднее, в 1897—1917 гг., служил диаконом московского Филипповского храма в Мещанской слободе. Вифанская ДС (1797—1918) находилась в Сергиевом Посаде при Спасо-Вифанском монастыре.

[7] Свящ. В. А. Гастев. См. примеч. 7 на с. 840.

[8] Прот. С. И. Зернов. См. примеч. 48 на с. 377.

[9] Беляев (имя не установлено) — диакон московской церкви Мартына Исповедника, что в Алексеевской Новой слободе. Выпускник Вифанской ДС.

[10] Спасо-Андроньевское ДУ находилось при Андрониковом Нерукотворного Спаса мужском монастыре.

[11] Дмитровское ДУ — старейшее в России: основано в 1702 г. (закрыто в 1918 г.).

[12] Священник Павел Федорович Богоявленский (1827—1886) — выпускник Перервинского ДУ и Вифанской ДС. С 1852 г. иерей Успенского собор в г. Дмитрове, с 1877 г. протоиерей. Информированность о. Павла в вопросе о бедных учениках основывалась на том, что с 1855 г. он непрерывно состоял законоучителем в Дмитровском уездном ДУ; кроме того, с 1865 г. он постоянно избирался гласным Дмитровского уезда и членом училищного совета.

[13] Н. А. Сергиевский. См. примеч. 4 на с. 840.

[14] Церковь Спаса Преображения на Большой Спасской (д. 15), возведенная в 1698 г., была разрушена в 1937 г.

[15] Назван священник Александр Сергеевич Вишняков (см.: Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы, на 1869 год. Ч. I. С. 369).

[16] Упомянутое воскресенье приходилось на 27 февраля 1866 г.

[17] Прот. Сергий Иоаннович Тихомиров-Платонов (1788—1866) скончался 16 февраля, в среду второй седмицы Великого поста. Он был настоятелем церкви Живоначальной Троицы на Арбате с 1816 г. Этот храм, стоявший на углу Арбата (д. 47—49) и Денежного переулка, был разрушен в 1930 г. См. подробнее: *Страхов В. И., диак.* Летопись Троицкой, на Арбате, церкви, в Москве, в Пречистенском сороке, с 1650 по 1881 год. М.: Тип. Н. И. Пастухова, 1883. 134 с.

[18] Прот. И. М. Богословский-Платонов. См. примеч. 15 на с. 847. *Могильцевским* он назван по прежнему месту своего служения в 1851—1866 гг. — Успенской церкви на Могильцах (топоним объясняется неровными всхолмленными местами, которые назывались «могилистыми» или «могилицами»), известной с 1560 г.; современное здание возведено в 1806 г., адрес: Большой Власьевский пер., д. 2/2. Интересно, что здесь по воле Л. Толстого венчались Левин и Китти из его романа «Анна Каренина».

[19] Н. П. Гиляров-Платонов.

[20] Об А. А. Пороховщикове см. примеч. 111 на с. 383.

[21] См. об этом в дальнейшей переписке Гилярова и Победоносцева: *Разумевающие верой*. С. 49—52, 103—105, 111—115.

[22] Тут, очевидно, ошибка, поскольку Гиляров хлопотал за дом не царя Феодора Алексеевича, а за более древнее строение. Он так его описывает в 1868 г. в представлении митр. Иннокентию (Попову-Вениаминову): «Эта часть зданий — самая древняя. Построение ее относится ко времени Михаила Федоровича; с некоторыми комнатами и связаны прямые предания о книжном исправлении, которое в них производилось. Обратить этот дом в арендную статью значило бы оказать неуважение к древности, оскорбительное для памяти иерархов, трудившихся над исправлением книг и над духовным просвещением России вообще, уничижительное для Св. Синода, постыдное для нашего времени. По-надлежащему не ломать этот дом для выстройки какого-нибудь магазина и даже не переламывать его (как с сокрушенным сердцем вынуждено это делать иногда для нужд Типографии типографское начальство), а если бы были средства, восстановить следовало бы в первоначальном его виде, загладить и те перемены, которые в нем уже сделаны, и затем обратить его на употребление, которое, с одной стороны, было бы близкое к его древнему назначению, с другой — не допускало бы возможности [новых] дальнейших перемен и искажений» (цит. по: *Разумевающие верой*. С. 52).

[23] Речь идет о графе Дмитрии Андреевиче Толстом (1823—1889) — обер-прокуроре Св. Синода (1865—1880), министре народного просвещения (1866—1880); министре внутренних дел (с 1882 г.); историке. Вероятно, Гиляров отправил на имя гр. Д. А. Толстого служебную записку, по содержанию сходную с тем представлением, с которым он позднее вышел к митр. Иннокентию (Попову-Вениаминову). См. выше примеч. 22.

2 (8)

†

17 маия 1866 г.

Возлюбленный о Господе и приснопамятный
Константин Петрович!

Простите — Бога ради — за молчание пред Вами. С 14 апр<еля> Ваше любвеобильное письмо у меня на душе и перед глазами. Но отвечать было нечего.

Собраний у нас не было, поездок в города также. Теперь, после Вашего требования отчета по заведению за истекшее время, неотложно ответствую...

Что не встречались мы на Пасхе друг с другом, это еще не беда. Винить Вас не смею, хотя и себя оправдать не могу. Каждый день лично отправляя соборне все службы: утреню, литургию и вечерню, вдобавок с крестным ходом в понедельник, среду и пяток, я очень мало имел свободного времени для визитов, особенно когда самого задерживали посетители. Слух был, что у нас будет собрание на празднике: это меня некот<орым> образом успокаивало. В пятницу,[1] впрочем, я вырвался и поспешил к Вам, но не застал Вас. Вы уже были на желез<ной> дороге. Наше Христосованье совершилось заочно. Мысленное — молитвенное — общение с Вами я положительно имею за проскомидиею[2] каждый день. Спаси Вас Отец небесный!

Сын мой,[3] по Вашей рекомендации, перемещен в Палату и теперь сдает деньги — 150 т<ыс>. меди — в Варшавском казначействе, по поручению Казенной палаты. Полагаю, что он совершенно оправдает доверие начальства. Благодарю Вас за рекомендацию.

Но пора к общему нашему делу. 25 апр<еля> получил я из Дмитрова, от тамошнего инспектора училищ, нашего братчика г. Крылова,[4] подробную ведомость о бедных учениках в числе 26 чел<овек> (из них 9 высш<его> отдел<ения>, 8 низш<его>, 5 второго кл<асса>, 5 первого) и о 3-х учен<иках> от другого братчика, соб<орного> свящ<енника> Богоявленского.[5] Как всех удовлетворить неудобно, да и заочно сделать назначение пособия тому или другому дов<ольно> трудно, между тем в Дмитрове есть несколько человек братчиков, людей обстоятельных: то вчера, в нашем собрании, положено предоставить тамошним братчикам, совместно с училищным начальством, в общем собрании рассмотреть ведомость о бедных и сделать, по их усмотрению, назначение пособия взносом денег за содержание или пошитием одежды и обуви, кому что нужнее, и на этот предмет разрешено употребить сто рубл<ей>... В Николин день[6] я утащил Никиту Петровича в Коломну. Там, на другой день, мы посетили кладбищ<енского> свящ<енника> Ив<ана> Никиф<оровича> Фоминцева,[7] почтенного братчика, с ним побеседовали об училище, в коем он состоит учителем, нашли в нем оч<ень> способного и готового к услугам человека, затем отправились в училище, проэкзаменовали 8 избранных мальчиков. Один из первых учен<иков> высшего отдел<ения> Петр Некрасов,[8] по бедности отца, пономаря с. Северского, должен был исключиться из училища за невозможностию отцу содержать его в семинарии: у него две дочери и 2 сына, вдобавок два раза горел. Мы объявили ему, чтобы он не думал выходить из училища, а переходил бы в семинарию, заказали ему сапоги и обещали пособие к содержанию в семинарии. Другому, учен<ику> низш<его> отд<еления> Алексею Лебедеву, сыну дьякона с. Лысцова, который живет за 5 верст от города, заказали также сапоги. С прочими, как все они в июне перейдут в семинарию, мы встретимся в семинарии. Многие из учеников нуждаются в учебных книгах. Книги обещали выслать. В училище есть обширное помещение, остающееся незанятым. Ректор предлага-

ет нам воспользоваться им.[9] Мы поручили о. Фоминцеву войти в соображение и сказать нам, удобно ли воспользоваться этою квартирою или найти по соседству с училищем у одного из членов причта. У него есть в виду человек. В училищной квартире некому вверить хозяйство. Если бы нашлось благонад<ежное> лицо, то училищная квартира была бы оч<ень> выгодна. Не нужно платить за нее, не нужно и отапливать. Ее отапливает казна. К 8 сент<ября> выяснится вопрос по Колом<енскому> училищу. — Выдается денежное пособие еще 2 уч<еникам>: Заиконосп<асского> уч<илища> 2 кл<асса> Вас<илию> Орлову (10 р.) и 2 кл<асса> Донск<ого> уч<илища> Павлу Смирнову 4 р. 20 к. за янв<арскую> треть. Этот живет в Донском и платит что выйдет за содержание. В Звениго-р<одское> учил<ище> Ал<ексей> Осип<ович> и Ник<ита> П<етрович>[10] скоро отправятся. В устроивающееся училище в Волоколамске я послал от монастыря 100 р. на мебель и 200 р. на наем дома для училища, настояв, чтоб училище открыли в августе, а не откладывали, пока выстроится здание, которое строить начнут нынешним летом. По настоящим нашим средствам мы в состоянии будем отделять, не стесняя себя, 500 р. в пособие училищам: Дмитровскому, Звенигородскому, Коломенскому, Волоколамскому и Заиконоспасскому вместе с Андроньевским — примерно по сту рубл<ей>. В уездных училищах можно нанимать домы для помещения бедняков и этим ограничивать им пособие от Братства. Когда я спрашивал у Владыки[11] благословение отправиться в Коломну, он заметил, что напрасно мы спешим расширяться; лучше бы, говорит, устроить как надо одно заведение. По средствам ли будет шириться? — Я сказал, что Вы денежные средства ставите на втором месте, не боитесь несостоятельности, лишь бы дело постановлено было как следует. Это главное. Он, по-видимому, согласился.

В *приходе* нашем значится *9500 р*. Они составились из взносов: 1) В<еликой> К<нягини> Ел<ены> П<авловны>: 1100 р.; 2) от В<еликих> Князей 900 р.; от Государыни Императрицы 2000 р. и 4) от 270 братчиков 5500 р. От братчиков еще не от всех получены деньги. По крайней мере до 150 рубл<ей>. Из числа собранной суммы находится в билетах: 1350 р. 5%, 2000 р. в сериях и еще 4000 р. в сериях, кои идут в размен на др<угие> бумаги. В *расходе* по 11 мая, за 7 мес<яцев>, значится около *1500 р.*, именно: на обзаведение 140 р. $79^{1}/_{4}$ к. (устройство столов<ой> и постельного белья 56 р. 63 к., чайный прибор 7 р. $66^{1}/_{4}$ к., умывальные принадл<ежности>: 18 р. $63^{3}/_{4}$, кухонную посуду, также столовую 52 р. 30 к. и разн<ые> мелочи 5 р. 56 к.); за квартиру с августа: 316 р. 66 к. Учителю 70 р., служителю и кухарке 60 р. 5 к.; на пищу, чай и сахар 242 р. $42^{1}/_{2}$ к., на одежду и обувь: 373 р. 6 к., на дрова и уголья: 90 р. 70 к., на свечи: 17 р. 24 к., на письмен<ные> принадлежности: 11 р. 21 к., на баню: 14 р. 35 к., на мытье белья: 19 р. 23 к., на извощиков: 3 р. 70 к.; в пособие ученикам других учил<ищ>: 22 р. 50 к. На типографские расходы 70 р. 20 к. и на расходы в день открытия Братства: 25 р. Следует выслать в Дмитров: 100 р. Это еще не в расходе. Что выйдет на ученика в месяц и в год, теперь нельзя с точностью определить. Некоторые вещи пожертвованы и, след<овательно>, в расход не взошли, напр<имер>: кро-

вати желез<ные> с прибором, мебель, сукно на сюртуки и брюки, 30 р. на одежду нанковую, капуста, дров 5 саж<еней>, самовар. Как все это высчитать, когда еще год не прошел, да год первый, примерный? Платья станет на год: у каждого мальчика пара суконная, две пары нанковых пал<ь>то летних, из коих одна уже не будет скоро годна к ношению, одна пара пальто на вате, по 1 жилету и по 1 картузу, да по 2 пары сапог, из коих к иным шьются головы...[12]

Заметно, что содержание 12 мальчиков и при них надзирательницы, учителя, кухарки и служителя обойдется недешево, если взять в сравнение, что стоит ученик в бурсе, где не считаются расходы на наем дома и отопление. Легче бы было нам, если б деньги выдавали бедным в руки с условием, что лишены будут пособия, когда не окажут должных успехов в ученьи и хорошего поведения. Это значило бы свалить нам всю заботу на других, нам неведомых деятелей. Но дело не в том. Надо достигнуть желанной цели... Обращусь к расходам. У нас определенные пока расходы: на наем квартиры 300 р., на жалованье учителю 150 р., кухарке и служителю по 48 р., всего 546 р. Остальное все еще не выяснилось. Я гадал, что на каждого мальчика выйдет в месяц не менее 10 р., след<овательно>, в год до 120 р. Тут будут в счете и ухаживающие за ним.

Мысль взять Донск<ое> училище не Ст<епана> Ив<анови>ча[13] и не моя, а я передал ее Вам и Ст<епану> Ив<анови>чу от П. С. Казанского, профес<сора> Моск<овской> акад<емии>,[14] который ее высказал по поводу моих рассуждений о постановке нашего дела. Действительно это было бы лучше, чем метаться в разные стороны. Но теперь, как Вы справедливо замечаете, это неблаговременно. Пождем реформы в семинариях.[15] Остается делать, что под силу.

Не смущайтесь нашим бездействием. Наполеон, как сказал кто-то, действует, когда, по-видимому, ни во что не вмешивается. То же сказать нельзя ли и о нас? Но извините. Сейчас повестку подали. Зовут ко Владыке. И устал что-то. Простите, если мои сведения окажутся неудовлетворительны. Quod potui feci: Meliora faciant alii. *[16]

Забыл сказать, что П. М. Хрущов[17] пожертвовал в нашу детскую библиотеку почти все вышедшие до Пасхи книги, изданные Обществом распространения полезн<ых> книг. Кое-что читает учитель с детьми; иные сами читают.

Скажите мое почтение Екатерине Александровне.[18]

Сын на пути из Варшавы непременно будет у Вас с личною благодарностию за Ваше о нем попечение.

С истинным моим высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
Д<аниловский> А<рхимандрит> *Иаков*

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 80. Л. 6—8 об.

* То, что я смог, я сделал: пусть другие, если смогут, сделают получше (*лат.*).

[1] Упомянутая пятница (на Пасхальной неделе) приходилась на 2 апреля 1866 г.

[2] *Проскомидия* (*греч.* προσκομιδή — принесение, подношение) — первая часть литургии, на которой из хлеба и вина приготовляется вещество для евхаристии и совершается поминовение всех членов Церкви, как живых, так и усопших.

[3] А. А. Кротков. См. примеч. 2 на с. 854.

[4] Иван Дмитриевич Крылов (ок. 1838—?), выпускник Вифанской ДС (1858), инспектор Дмитровских духовных училищ. См.: *Годичный отчет. 1866.* С. 33, паг. 1-я.

[5] Прот. П. Ф. Богоявленский. См. примеч. 12 на с. 854.

[6] Имеется в виду 9 мая — день прибытия мощей в итальянский город Бари (в народной традиции «Никола вешний»).

[7] Т. е. священник Иоанн Никифорович Фоминцев (Фаминцев; 1844 — не ранее 1890). Был настоятелем кладбищенской Петропавловской церкви в Коломне (построена в 1779 г.). Его Гиляров упоминает в Отчете: «В память радостного для всех нас спасения Царя от руки убийцы священник из Коломны И. Н. Фаминцев изъявил готовность ежегодно жертвовать Братству по 30 рублей — сумму, которая, по его расчислению, равняется издержкам, потребным на содержание одного ученика в Коломенском училище» (*Годичный отчет. 1866.* С. 24, паг. 1-я).

[8] Этот Петр Некрасов, сын пономаря, окончил МДС в 1872 г. по 2-му разряду (40-м по списку), а затем обучался в Московском университете. Краткий рассказ о нем Гиляров включил в Отчет, упомянув, что ему было выделено пособие в 16 рублей (см.: Там же. С. 19—20, паг. 1-я).

[9] Гиляров писал об этом в Отчете: «...в Звенигородском училище помещены на содержании Братства 12 учеников, в самом училищном корпусе; причем на счет Братства устроены ученикам и постели. В Коломенском училище о. протоиерей Волхонский также предлагает комнаты училищного корпуса для братских стипендиатов; в будущем году, вероятно, можно будет и здесь организовать нечто подобное тому, что в Звенигородском училище» (*Годичный отчет. 1866.* С. 21, паг. 1-я). Упомянут ректор Коломенского ДУ (1857—1867), протоиерей Павел Михайлович Волхонский (ок. 1824 — не ранее 1890), выпускник Вифанской ДС, однокурсник Гилярова по МДА.

[10] Названы прот. А. О. Ключарев и Гиляров.

[11] Митр. Филарет (Дроздов).

[12] Очевидно, это выражение синонимично известному фразеологизму «приделываются ноги». См. также сходную лексически и семантически идиому «пришить к ногтю», означающую: «забрать чужое, присвоить» (*Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопед. словарь. 2-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель; Рус. словари; Транзиткнига, 2004. С. 487).

[13] Прот. С. И. Зернов. См. примеч. 48 на с. 377.

[14] Петр Симонович Казанский (1819—1878) — магистр МДА (1842), доктор богословия, профессор гражданской истории МДА (с 1850 г.).

[15] Новый Устав духовных семинарий был принят 14 мая 1867 г. Общеобразовательные предметы приобрели самостоятельное научное значение, что позволило семинаристам поступать в университеты.

[16] Вольная передача известного выражения римских консулов, отчитывавшихся о своей деятельности за определенный период: Feci quod potui faciant meliora potentes — Я сделал <все>, что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше (*лат.*).

[17] Павел Михайлович Хрущов (?—1896), чиновник при обер-прокуроре; впоследствии камергер, действительный статский советник.

[18] Общество распространения полезных книг, учрежденное в Москве в 1861 г., ставило своей задачей издание нравственно-религиозных книг «для народного и детского чтения».

[19] Е. А. Победоносцева. См. примеч. 9 на с. 841.

3 (9)

†

<24 декабря 1866 г.>

Достопочтеннейший Константин Петрович!

С праздниками Рождества Христова и Нового года имею честь поздравить Ваше Превосходительство. Это приветствие я откладывал было до личного свидания с Вами на Святках, но сего дня вечером получаю от А<лексея> Осиповича[1] Ваше письмо к нему и поручение вместо него написать Вам несколько строк. Он сам серьезно болен с прошлого воскресенья[2] и писать не может. Скорбя о нем, пишу, однако ж, к Вам с удовольствием, потому что давно сбирался с Вами беседовать. Другие предупреждали меня в потребных случаях.

Печальное известие о кончине незабвенной Ек<атерины> Ив<ановны>[3] Вы уже имеете. Мы с Ал<ексеем> О<сипови>чем и с детьми поплакали о нашей верной помощнице; но утешит ли нас Господь в преемнице ее, не знаем. Ал<ексей> О<сипови>ч предложил заступить ее место Анне Ив<анов>не Лебедевой, жене покойного сотрудника по редакции «Душ<еполезного> чт<ения>», свящ<енника> Вас<илия> Ивановича.[4] Соглашается. Она славная, образованная женщина, лет 30 от рода, живет в доме отца, Наливковского протоиерея Благовещенского,[5] и скучает от пустоты в жизни. Ее имели в виду при выборе начальницы в Филаретовское девичье училище,[6] открытое в прошлом году. Тогда забал<л>отировали ее потому, что она не имела детей и не может будто бы иметь чувств материнских. Вот увидим на деле, справедливо ли забраковали ее. Надобно, кажется, ей назначить жалованье, хотя на первый раз она обойдется и без нашего пособия: ей обещает отец 120 р., да своих у нее найдется до 250 р. После Святок посадим ее в наш Приют.

Вас озабочивает мысль о последствиях выборов: я не сниму с Вас этой заботы, потому что у нас было одно только собрание 13 дек<абря>, в коем участвовали только четверо нас, старых распорядителей. Я передал Ст<епану> Ив<анови>чу[7] 5950 р. на хранение в крепком сундуке за 3-мя замками; решили несколько прошений о выдаче пособий бедным ученикам; решили хлопотать о постройке дома при Моск<овской> семинарии. Ал<ексей> О<сипови>ч взялся склонить на это г. Спиридонова,[8] блюстителя семинарии, но с тем, чтоб ему за постройку дома т<ысяч> в 10-ть исходатайствовать орден. Возможное ли это дело? В своем Приюте решились прибавить четыре кровати и т<аким> обр<азом> поместить 16 мальчиков. — Думали собраться пред праздником, но не собрались. На празднике постараемся собраться и покончить старые дела. Новые распорядители Четвериков[9] и Котов[10] — ждут санкции; но, кажется, нет надоб-

ности представлять об этих выборах Владыке.[11] Устав уполномочивает Братство увеличивать число распорядителей, по усмотрению надобности.

Деньги, собранные в прошлом году, внесены в алфавитную книгу по списку, который я составлял к годовщине[12] с означением цифр взноса; при печатании списка решились цифры отбросить и, кажется, ошибки не сделали. Расходы за прошлый год внесены мною в особую книгу, и статьи расхода очищены расписками. Не сделал я только записи прихода сумм в этой книге; но это сделаем без промедления. При сведении расчетов в приеме сумм я немного сбиваюсь, не зная, сколько именно внес я Вам в свое время денег; из Ваших бумаг, переданных Ст<епану> Ив<анови>чу, не видно, получали ль Вы от меня несколько; в книге, Вами заведенной, отмечено Вашей рукой взносов на 102 р. Мне помнится, что я давал Вам, а что и когда, нигде не записал. Не разрешите ли этот вопрос? Деньги несколько раз переходили из рук в руки, от Вас ко мне, от меня к Ст<епану> Ив<анови>чу и опять ко мне. И вышла маленькая путаница. Впрочем, тут беды немного; придется мне поплатиться немножко за свою неаккуратность.

Сборов с 8 сент<ября> по 14 дек<абря> у меня значится: деньгами 208 р., вещами: от Розанова[13] 5 саж<еней> дров, от Патаповых[14] 80 ведер капусты, от Боткина[15] 3 ф<унта> и от Кулешовой[16] 2 ф<унта> чаю. У Алекс<ея> Ос<ипови>ча собрано тоже рубл<ей> 200; у Ст<епана> Ив<анови>ча, кажется, 2000 р.

Сделаем или не сделаем отметки в списке, кто постоянно будет взносить, это все равно. Никого не приневолишь вносить, наше дело напоминать, как и делаю я. Иные прямо отказываются, а другие взносят более прежнего, напр<имер>, Новоспасский архим<андрит>[17] вместо 10 внес 25 р. Я полагаю, что нынешний год не будет беднее прежнего. Бог милостив.

Мальчики учатся хорошо и на экзамене все отличились. Надзиратель дов<ольно> ретив. Просит прибавки к <своему>[18] жалованью, и надобно ему вм<есто> 120 р. давать <140 ил>и 150 р., если не более.

Не пора ли <сказать> Вам: простите. Я устал от дневных <хлопот> и завтра должен встать к утрени в <? часов>ъ.

В радости праздник проводить и новый год встретить желаю Вам и супруге Вашей. Господь с Вами да будет выну,[19] чего от души желаю

искренно преданный вам
Данил<овский> Архим<андрит> *Иаков*

24 дек<абря> 1866 г.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 80. Л. 9—10.

[1] Прот. А. О. Ключарев. См. о нем примеч. 6 на с. 846.

[2] Упомянутое воскресенье приходилось на 18 декабря 1866 г.

[3] Е. И. Короткова. См. о ней примеч. 9 на с. 851.

[4] О свящ. В. И. Лебедеве и его вдове Анне Ивановне см. примеч. 8 на с. 851.

[5] Прот. И. А. Благовещенский. См. примеч. 10 на с. 851. *Наливковский* — по настоятельству в церкви Спаса Преображения в Наливках. Разрушенное в 1930 г. здание было возведено в 1751 г. Оно стояло на месте домов № 17, корп. 2 и № 17/1, корп. 1 по Первому Спасоналивковскому переулку.

[6] О Филаретовском девичьем училище см. примеч. 35 на с. 376. Поначалу это женское училище (первое епархиальное) официально называлось «Домом воспитания девиц духовного звания», впоследствии — просто Филаретовским.

[7] Прот. С. И. Зернов. См. примеч. 48 на с. 377.

[8] Владимир Христофорович Спиридонов — потомственный почетный гражданин, московский купец, коммерции советник; грек по национальности.

[9] Иван Иванович Четвериков (1817—1871) — потомственный дворянин, действительный статский советник, московский 1-й гильдии купец; владелец (вместе с младшим братом) Городищенской фабрики; почетный мировой судья в Москве (с 1862 г.), гласный Думы первых трех сроков (1863—1871); храмоздатель и благотворитель. Покончил с собой («умер от аневризма») из-за кризиса фабрики.

[10] Семен Григорьевич Котов (1832—1886) — московский купец, благотворитель.

[11] Митр. Филарет (Дроздов).

[12] Т. е. к 12 октября 1866 г. См. примеч. 2 на с. 842.

[13] Братчик Иван Васильевич Розанов, московский купец 1-й гильдии, торговец мясом. См.: *Годичный отчет. 1866*. С. 36, паг. 1-я.

[14] Братчики С. П. и Г. П. Потаповы. См.: Там же. Они же и в последующие годы снабжали приют овощами. См., например: «...бр<атчики> С. и П. Потаповы в течение осени и всей зимы присылали капусты и огурцов». См.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Годичный отчет по Братству Святителя Николая (12 окт. 1868—16 окт. 1869 г.). М.: В тип. «Совр. известий», на Москворец. ул., № 8, 1869 (ц. р.: 16 окт. 1869 г.). С. 8. Далее ссылки даются сокращенно: *Годичный отчет. 1869*.

[15] Братчик Петр Петрович Боткин (1831—1907) — московский чаеторговец. *Годичный отчет. 1866*. С. 29, паг. 1-я.

[16] Член Братства С. М. Кулешова. См.: Там же. С. 33.

[17] Настоятелем Новоспасского монастыря в этот период (1852—1877) был архимандрит Агапит (в миру Петр Иванович Введенский; 1799—1877).

[18] Здесь и ниже на ближайших строках слова, заключенные в угловые скобки, даны предположительно, поскольку тут вырваны клочки автографа, попавшие под штемпель.

[19] всегда, во всякое время, непрестанно (*црксл.*)

Приложение 2

ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ А. О. КЛЮЧАРЕВА К К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

1 (10)

†

<4 марта 1866 г.>

Милостивый Государь
Константин Петрович!

Что-то Вы не отвечаете на мое болтливое послание — ни мне, и никому из других членов нашего кагала...

Между тем я считаю нужным сообщить Вам один новый факт, довольно неприятный, и поправить свою ошибку. Если Вы еще не были у Ее Величества,[1] — новое сведение Вам пригодится; а если уже были, то побываете еще.

Свящ. Гастев[2] отказался от своего намерения принять к себе стипендиатов от Братства Св. Николая. Довольно странные отговорки представил он Степану Ивановичу.[3] Как бы, говорил он, не обидеть училищного начальства вмешательством в его дела; и то оно жалуется, что «Братство отбирает себе лучших учеников, чтобы присвоить себе, в ущерб нам, — цвет наших заведений»; не лучше ли, продолжал он, деньги, собираемые Братством, просто отдать в руки училищному начальству; оно само найдется, что на них сделать, — и *прочие безумные глаголы.*[4] Ст<епан> Иванович видит в этой перемене мыслей Гастева влияние недоброжелательной для нас молвы, бродящей в московском духовенстве. Диакон Беляев не отказывается взять наших стипендиатов,[5] но беда в том, что он живет близ Андроньевского училища, а в этом училище нет двух первых приходских классов, из которых исключительно мы принимаем на свое попечение мальчиков. Вот Вам и стипендиаты! Нелегко нам будет найти еще охотников, да нелегко будет ладить и с теми, которые найдутся. Иной неожиданно переместится с места на место, у другого прибудет новый ребенок или явится бедная родственница и понадобится комната, уступленная нам, и нас неожиданно погонят на улицу. Третьего дня мы много рассуждали об этом втроем с Степаном Ив<ановичем> и Никитою Петровичем и пришли к мысли — отправиться в Звенигород и Дмитров или расширить наш приют при Донском училище. В уездных городах легче найти квартиру для бедных мальчиков, а в одном приюте и еще легче наблюдать хотя бы за 30 или 40 мальчиками. Сообщаю Вам все это к сведению; а мы на днях еще соберемся и потолкуем.

И новый инспектор нашего училища утекает.[6] Он нашел уже невесту и после Пасхи[7] женится и выходит в дьяконы. А малый попал было очень хороший. Это утверждает меня еще больше в мысли — искать воспитанника Академии,[8] эти господа все понадежнее; по крайней мере, они в первые четыре года не оставляют училищной службы. Но и тут беда: во всех семинариях ныне прибавляют наставникам жалованье. Не оказались бы для нас воспитанники Академии очень дорогими. Что прикажете делать? Пишу все это не с тем, чтобы Вас огорчить или озаботить, а только для того, чтобы поправить мысли, изложенные в моем первом письме[9] и теперь оказывающиеся уже неприложимыми к практике. Какая разница между проэктом и делом!

Кланяется вам Екатерина Ивановна.[10] Она сейчас была у меня; повезла мальчика с больными глазами к окулисту Брауну.[11]

Будьте здоровы и скажите нам с своей стороны что-нибудь получше, чем я сообщил Вам.

Искренне вас почитающий
Прот. *А. Ключарев*

Марта 4
1866 г.

P. S. Мы получили 2 т<ыс>. р., пожалованные Государыней Императрицей, и думали купить на них билеты нового 5% займа.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 7—8 об.

[1] Подразумевается вел. кн. Елена Павловна. См. примеч. 8 на с. 840.

[2] Свящ. В. А. Гастев. См. примеч. 7 на с. 840.

[3] Прот. С. И. Зернов. См. примеч. 48 на с. 377.

[4] Выражение из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского, где дается такая оценка словам евангельского фарисея: «Благодарю Тебя, Боже, и прочие безумные глаголы». Фарисей, как известно, самовосхвалял себя перед Господом: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди...» (Лк 18: 11).

[5] См. примеч. 9 на с. 854. В предыдущем письме, от 16 февраля 1866 г., Ключарев писал: «Вы спрашиваете, что сделано с Гастевым? — Ничего. Степан Ив<анович> Зернов нашел еще охотника принять к себе несколько стипендиатов, — диакона Мартыновской церкви Беляева, близ Андроньевского училища. Этот диакон мой ученик по семинарии и человек умный» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 1 об.).

[6] О П. Н. Широкогорове см. примеч. 6 на с. 854. В том же предыдущем письме, от 16 февраля 1866 г., Ключарев сообщал: «Я рад, что ушел бестолковый Нарский. Вчера явился новый инспектор из перворазрядных воспитанников Моск<овской> семинарии — Широкогоров. Малый, кажется, неглупый. Но он не обещает оставаться у нас дальше вакации» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 3). Ключарев ошибается: Широкогоров — выпускник не МДС, а Вифанской ДС.

[7] Пасха в 1866 г. приходилась на 28 марта.

[8] Ключарев, очевидно, имел в виду Александра Ключарева (ок. 1842—?), выпускника МДС, как раз в 1866 г. заканчивавшего МДА. Степень их родства не выяснена. В том же письме от 16 февраля 1866 г. он писал: «Мне все хочется взять инспектора из воспитанников Академии, моего ли родственника, о котором я говорил Вам, или другого, — мне все равно, лишь бы Бог послал порядочного человека» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 3).

[9] В письме от 16 февраля 1866 г. Ключарев писал: «Во-первых, нужно ловить воспитанников Академии Московской, из которой только мы и можем взять человека на знании <?>, тотчас по окончании курса, пока они не разобрались по казенным местам (настоящий год выпускной в Моск<овской> Академии). Во-вторых, такому инспектору заранее надобно выхлопотать особые права, которые бы равняли его службу в нашем Приюте с семинарскою, наприм<ер>, хоть в должности субинспектора в семинарии. Мы бы заранее от имени Братства подали прошение Обер-Прокурору» (Там же. Л. 3).

[10] Е. И. Короткова. См. о ней примеч. 9 на с. 851.

[11] Густав Иванович Браун (1827—1897) — известный окулист, профессор по кафедре офтальмологии медицинского факультета Московского университета (1863—1892), член совета и главный врач Московской глазной больницы (1864—1897).

1 (10)

†

<17 мая 1866 г.>

Добрейший и возлюбленнейший
Константин Петрович!

Посылаю Вам сведения о приюте и его обитателях. Тут нет хозяйственной, или счетной, части; ее доставит вам о. Иаков. Он, вероятно, теперь же пишет

к вам. Вчера мы собирались у Никиты Петровича[1] и толковали о пособиях ученикам Дмитровского и Коломенского училищ. На днях с Н<икитой> Петр<овичем> я еду в Звенигород.

Третьего дня Екатер<ина> Ивановна[2] намекнула мне о каких-то непредвиденных обстоятельствах, которые могут вынудить ее оставить службу при Приюте. Как я ни приступал к ней, не мог от нее добиться откровенного признания. Не расстройство ли ее финансов, так как у нее пропадает в процессе капитал, оставленный ей мужем? Не хочет ли она поместиться где-нибудь у своих родных? Признаюсь Вам, — для нашего Приюта и для нас самих ее удаление будет просто беда. Кем ее заменить? — Похлопочите за нее у Вел<икой> Княгини, чтобы чем-нибудь нам прикрепить ее к приюту.

Благодарю Вас и супругу Вашу за угощенье. Поклонитесь от меня Вашей доброй хозяйке. Впрочем, и Вам советую придержаться правила одного московского старинного купца, который всем, поручавшим ему кланяться его жене, обыкновенно отвечал: «Сказать — скажу, а *кланяться* не буду».

Искренне вас любящий и почитающий
Прот. *А. Ключарев*

Мая 17
1866 г.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 5—5 об.

[1] Н. П. Гиляров-Платонов.

[2] Е. И. Короткова. См. о ней примеч. 9 на с. 851. В одном из предыдущих писем, от 16 февраля 1866 г., Ключарев писал: «Наша Екатерина Ивановна — истинное золото. Инспектор мальчиков Нарский вдруг перед Масляницею отказался от должности и ушел из Приюта. Она опять осталась единственною директрисою и дело вела отлично. С какою любовию она ходит за больными мальчиками, как неутомима в своей заботливости о всем и всегда благодушна, — просто не налюбуешься. Мне бы очень хотелось, если бы Великая Княгиня оказала ей какой-нибудь, хоть маленький, знак внимания. Это поощрило бы Екат<ерину> Ивановну и, что особенно для нее важно, подняло бы ее службу в глазах ее родных, которые до сих пор косо смотрят на ее занятия и иногда смущают ее» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 2 об.—3). Упомянуты Ив. Нарский и вел. кн. Елена Павловна. См. примеч. 5 на с. 854 и примеч. 8 на с. 840.

3 (12)
†

<2 августа 1866 г.>[1]

Спешу ответить Вам, достопочтеннейший и возлюбленнейший Константин Петрович, чтобы письмо мое застало Вас в Петербурге. Оно придет к вам не так скоро, как бы мне хотелось, потому что пишу Вам из Волынского,[2] где живу теперь почти постоянно, по случаю отъезда в Нижний гувернера моих воспитанников.

Хвала и благодарение Вам за Ваши заботы и хлопоты по делу нашего Братства! Я лично благодарен Вам особенно за Екат<ерину> Ивановну.[3] Вел<икая> Княгиня[4] прекрасно сделала, что назначила ей подарок, и еще при письме. Это очень утешит Ек<атерину> Ив<ановну>, а главное, поднимет ее службу в глазах ее родных и знакомых и прекратит глупые возгласы и сплетни.

Что в письме Вашем относится ко всему нашему кагалу, о том мы и рассудим на кагале; а что касается лично меня, об том сейчас скажу Вам. В Звенигороде я был около 10 июня, — один, без Ник<иты> Петр<овича>,[5] которого задерживало в Москве присутствие Обер-Прокурора.[6] Рассмотрел я в подробности тамошнее училище. Здание прекрасное и хорошо содержится. Смотритель, о. Тихон, мне чрезвычайно понравился, но к великому моему горю, только что я с ним познакомился и расположил его послужить нашему делу, — его назначили в инспекторы Тульской семинарии. Преемник его человек, кажется, вялый, — монах же из тамошних учителей.[7] Не поверите, как нас, попов московских, бесят эти назначения воспитателей без выбора, по старшинству. Это в скобках. Впрочем, о. Тихон еще успеет положить начало нашей деятельности в Звенигороде и оставить готовым своему преемнику предположенное нами учреждение.

Дело вот в чем. Часть учеников из Звенигорода переводится в новоустроенное Волоколамское училище. О. Тихон надеется всех остающихся поместить в казенном корпусе и прекратить бедственные постои на квартире в отдаленной и грязной слободке. Бедным мальчикам, которых мы примем на попечение Братства, он обещает дать лучшую комнату в корпусе и содержать их с платою за каждого по 20 р. сер. в год. Одежда остается на попечении родителей, а на нас единовременно возлагается устройство коек и постелей. Мне это понравилось, и, по возвращении моем в Москву, мы в трехчленном собрании (о. Иаков, Степ<ан> Ив<анович>[8] и я) положили поместить таким образом в Звенигор<одское> училище 12 же мальчиков. Обзаведение будет стоить около 200 р., а ежегодная плата за содержание — 240 р. С этим нам нетрудно будет сладить. Что Вы на это скажете? — Помещение сухое и теплое; кормят мальчиков порядочно; надзор нам ничего не будет стоить. При училище есть даже своя церковь,[9] в связи с училищным зданием, чего нет в большей части наших семинарий и даже академий! Я хотел было уже приступить к заготовлению коек и матрасов, но меня остановил о. Иаков, который надеется приобресть все это где-нибудь на даровщинку. Я боюсь только, что ему это не удастся, и мы напрасно потеряем время.

Приехал я в Звенигород во время экзаменов и был на экзамене учеников высшего отделения по латинскому языку и географии. И здесь, как везде в наших училищах, преобладает несчастная система долбления; розвязи и свободы мысли и слова у мальчиков нет. А если б видели Вы, какие там ландкарты для географии! Какие-то старые клочки из старинного атласа. Не худо бы Братству со временем пожертвовать в это училище хорошие ландкарты.

Был я также на публичном экзамене в Донском училище. Воспитанники нашего приюта отличались перед сверстниками громким, свободным чтением

и толковостию в ответах. Особенно хорошо отвечал Саввинский;[10] и я, в восторге, тотчас же после экзамена дал Саввинскому с товарищами 1 р. сер. на гостинцы. К несчастию, один между нашими воспитанниками оказывается большим шалуном. Я хотел было в собрании заявить об этом, чтобы исключить его из Приюта, но Екат<ерина> Ив<ановна> и инспектор стали умолять меня, чтобы я помолчал до времени и дал им испытать над учеником еще меры увещания и исправления. И Вам говорю это пока по секрету.

Посещение Государя Наследника[11] было бы истинным счастием для нашего братства. Напомните Ему, что ведь Он сам братчик, что хоть раз надобно Ему в память брата[12] заявить свое сочувствие к делу посещением братского Приюта. Если будет на это надежда, упредите нас. Распорядители делами Братства должны тут быть. Мы хоть посмотрим тут Наследника всероссийского престола. Я радрадехонек, что приезжал в Звенигород, *в первый раз* увидел Императора во время Его прогулки в Ильинском.[13]

Что еще сказать Вам? Вы скучаете без жены?[14] — Поделом Вам. Забыли апостольскую заповедь: *повелеваю жене от мужа не отлучаться...*[15] Рано разлучились.

Я сомневаюсь, чтобы в проезд Ваш через Москву с Наследником мне удалось видеться с Вами. Поэтому заочно от искреннего сердца братски обнимаю Вас и желаю Вам мира и благословения Божия на всех путях Ваших.

Искренно Вас почитающий и любящий
Прот. *А. Ключарев.*

Августа 2
1866 г.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 9—10 об.

[1] На верхнем поле рукой прот. А. О. Ключарева помечено: «пол<учено> 4 августа».

[2] *Волынское* — бывшее село к западу от Москвы (с 1960 г. в черте города); ныне часть района «Очаково-Матвеевское» и «Фили-Давыдково». Названо по фамилии первого владельца боярина Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского (? — после 1389).

[3] Е. И. Короткова. См. о ней примеч. 9 на с. 851.

[4] Вел. кн. Елена Павловна. См. примеч. 8 на с. 840.

[5] Н. П. Гиляров-Платонов.

[6] Гр. Д. А. Толстой. См. примеч. 23 на с. 855.

[7] Имеется в виду соборный иеромонах Иннокентий. См.: *Годичный отчет. 1869.* С. 14.

[8] Прот. С. И. Зернов. См. примеч. 48 на с. 377.

[9] Звенигородскому ДУ принадлежала церковь Преображения Господня, содержавшаяся на его средства.

[10] Алексей Иванович Саввинский (1856—?) — один из троих детей дьячка «Московской округи, села Аксиньина» (*Годичный отчет. 1866.* С. 42, паг. 1-я), выпускник МДС (1876), впоследствии земский врач в Подольском у. Московской губ., коллежский советник.

[11] Вел. кн. Александр Александрович (будущий Александр III), как известно, был учеником Победоносцева. См. запись в Дневнике Победоносцева: «*1865 г.* <...> 2 ноября. Первое знакомство с новым Цесаревичем» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

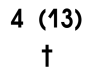
[12] Подразумевается покойный цесаревич Николай Александрович (1843—1865), в память которого и было основано Братство Св. Николая.

[13] Село Ильинское Звенигородского у. Московской губ., принадлежавшее императрице Марии Александровне (она здесь основала мужское училище в 1865 г. и женское — в 1880-м), а позднее вел. кн. Сергею Александровичу. Тут находился загородный дворец.

[14] Речь идет об отъезде Победоносцева через семь месяцев после женитьбы в путешествие с Наследником по Волге, о чем в Дневнике Победоносцева записано: «*1866 г.* 9 января. Свадьба наша <...> в д<оме> Шипова. Венчал А. И. Соколов. <...> *9 августа.* Путешествие по Волге с В<еликими> Князьями Александром и Владимиром Алекс<андровичами>, из Петергофа. Тверь. Рыбинск. Ярославль. Кострома. Нижний Новгород. Казань. Спасский Затон. Возвращение 28 авг<уста>, в Ломже с Катей» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

[15] В Новом Завете это требование апостола Павла к супругам выражено так: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор 7: 5).

4 (13)



<28 октября 1866 г.>

Поистине добрый Вы человек, достопочтеннейший Константин Петрович. Невзирая на то, что я по невежеству своему не отвечал Вам на два письма, Вы пишете третье — и такое прекрасное, сердечное. Почитаю Ваше доброе расположение ко мне даром Божиим. Я и сам люблю Вас.

Очень рад, что мое словесное приношение в пользу Братства доставило Вам некоторое утешение душевное. Это для меня истинная награда. Никита Петр<ович>[1] нашел, что мы несколько разошлись с ним в воззрениях на отношения Братства к духовенству: он предлагает Братству заботу о детях духовного звания и преимущественно подающих надежды Церкви, а я стараюсь возбудить сочувствие сначала к их отцам; но это не беда. Я счел праздник Братства удобным случаем поговорить вообще об отношениях нашего духовенства к мирянам, чего давно мне хотелось. Кто пожалеет отцев, тому не будут чужды и дети, тем более даровитые.

Выборы на общем, впрочем не многочисленном, собрании братчиков у князя Оболенского[2] отличались неопределенностию и неоконченностию. По мнению Н<икиты> Петр<овича>, надобно для этой цели устроить новое собрание. Экземпляров отчета с приложениями в виде сборника он хотел напечатать большое количество. Я думаю, печатание уже окончено, и он скоро пошлет Вам значительное количество, если уже не послал. О напечатании в газетах приглашения к взносам доложу в нашем первом собрании, которое будет на днях. Все, что Вы писали мне в первых письмах, я сообщал о. Иакову, и все будет обсуждено всею

нашею братиею. Не отвечал же я Вам сначала потому, что был занят хлопотами по случаю нашего праздника,[3] а потом по причине крайнего беспокойства и огорчения от предложения Гр. Толстого,[4] о котором Вы пишете.

Мне предложили должность ректора не семинарии Петерб<ургской>, а Академии.[5] Сначала думал решительно отказаться от этого предложения, но наш Митрополит[6] связал мою совесть своим желанием, чтобы я принял это назначение. Вы знаете, как мы в него верим и как смотрим на его советы. Он посоветовал мне изложить затруднения, с которыми сопряжена для меня перемена службы и места жительства, но решительного отказа не писать. Я изложил дело так, что, по всей вероятности, в Петербурге обидятся моим упирательством и оставят меня как неблагодарного замоскворецкого неуча. Но все жду со страхом окончания дела; потерял совершенно спокойствие; нигде не найду себе места и ни за что не могу приняться. Воздыхните и вы за меня к Богу, да мимо идет от меня чаша сия.[7] Не хочется, ужасно не хочется. Все это прошу оставить только в доброй душе Вашей.

Еще раз благодарю Вас за доброе расположение ко мне, прошу передать мое почтение супруге Вашей и желаю Всему Вашему дому мира и благоденствия.

Искренно Вас почитающий
и от души любящий
Прот. *А. Ключарев.*

Окт<ября> 28
1866 г.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 11—12 об.

[1] Н. П. Гиляров-Платонов.
[2] Кн. М. А. Оболенский. См. примеч. 4 на с. 848.
[3] Годовщина открытия Братства 12 октября. См. примеч. 2 на с. 842.
[4] Обер-прокурор Св. Синода гр. Д. А. Толстой. См. примеч. 23 на с. 855.
[5] 9 ноября 1866 г. прежний ректор С.-Петербургской духовной академии еп. Иоанн (Соколов) был переведен на Смоленскую кафедру. На его место из-за несогласия А. О. Ключарева был назначен прот. И. Л. Янышев.
[6] Митр. Филарет (Дроздов).
[7] Евангельская реминисценция (Мф 26: 39; Мк 14: 36; Лк 22: 42).

5 (14)

†

<1 декабря 1866 г.>

Сообщаю Вам, возлюбленнейший Константин Петрович, печальную новость. На 29 число ноября в 2 часа ночи скончалась наша добрая Екатерина Ивановна Короткова от холеры. В имянины ее 24-го я был у нее с поздравлением. Она жаловалась на немощь и говорила, что ей надобно полечиться. 25-го она ходила пешком на могилу мужа своего на Даниловское кладбище в бурную погоду и еще простудилась. 27-го в понедельник инспектор нашего Приюта

приходил ко мне и сказал, что она в постеле. Во вторник я пошел навестить ее и попал неожиданно к соборованию. К утру ее уже не стало. Какой рев подняли наши дети! И инспектор Колоколов[1] плачет вместе с ними. Мы с о. Иаковом тоже готовы реветь, как дети. Ужасно жаль ее.

Завтра в пятницу погребение. Хотим от Братства устроить ей приличную и заслуженную духовную почесть.

Вы подумаете: кем заменить ее?.. И мы об этом уже думаем и недоумеваем. Людей с таким стремлением к духовному подвижничеству и с таким призванием к делу воспитания и притом с нравственным тактом — очень мало. Будем искать и просить у Господа подобную ей.

Пишу к Вам только для того, чтобы поделиться скорбию и попросить Вас помянуть пред Богом нашу добрую сотрудницу. Она делала больше всех нас.

От искреннего сердца почитающий и любящий Вас
Прот. *А. Ключарев*

Дек<абря> 1. 1866 г.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 13—14.

[1] О. Д. Колоколов. См.: *Годичный отчет. 1866.* С. 41, паг. 1-я.

6 (15)

†

<20 января 1867 г.>

Возлюбленнейший и добрейший
Константин Петрович!

Приношу Вам искреннюю, сердечную благодарность за Ваше желание утешить меня в моих невзгодах, выраженное в последнем письме Вашем (30 дек<абря>), и за действительное утешение, которое доставило мне это письмо. Кроме замечаний, — верных психологически и христиански, — оно дышит таким добрым, теплым чувством участия и благожелательства, что, если бы не было богато содержанием, по одному духу своему было бы утешительно. Но так как оно дважды хорошо, то и обязывает меня к сугубой благодарности. Я не допытываюсь и не размышляю о том, чем я заслужил такое живое расположение Ваше ко мне, а только радуюсь и утешаюсь этим. Это дар благодати Божией в Вашем сердце, и я молю Бога, чтобы он возрастал в Вас на утешение всем, кто входит в более или менее близкие отношения с Вами. И я почитаю милостью Божией ко мне, что Он посылает мне на скучном пути жизни такие счастливые встречи, как с Вами. Окончим объяснения и возблагодарим за все Источника *всякия утехи.*[1]

Извините меня, что я так долго не отвечал Вам. После болезни, очень острой и мучительной, я поправлялся очень медленно. И теперь выхожу только в церковь и ближайшие ко мне приходские дома. Заниматься серьезною умственной

работою нет еще достаточных сил. Пока уплачиваю только долги по корреспонденции.

Должен признаться, что я жалею о петербургском месте, но не потому, чтобы оно представляло для меня какие-либо внешние выводы и отличия, а потому, что, по совести, я не нашел в себе достаточно сил, чтоб с пользою послужить делу почтенному и в настоящее время особенно важному. Совесть упрекает меня в том, что в молодости я мало учился, много ленился и потратил даром много золотого времени. Жалею и о разрыве с Малютиными,[2] но потому, что много желал им добра, привязался к детям и должен был отдать их на жертву людям пустым и положительно вредным. У людей, власть имеющих, не хватило духу устоять в борьбе с развращенным миллионщиком[3] и поддержать меня. О большом жалованье я не жалею. Было время, когда я жил с огромною семьею сирот.[4] На все Господь посылал, и находились люди, которые поддерживали меня в трудную пору; найдутся они, да уже находятся и теперь. Вот Вам образчик: случился пожар в доме сестры моей, вдовы, живущей во Владимирской губернии и существующей единственно моими пособиями; убытку в сгоревшем строении понесла на 500 р. Один из друзей моих неожиданно предложил мне на возобновление поврежденного дома сестры 300 р. Я спрашиваю его: «Скажите, пожалоста <sic!>, дали ли бы Вы мне это пособие, если бы я доселе получал малютинское жалование?» Он прямодушно отвечал: — никак; тогда это было бы лишнее. — Скажите, о чем же тут жалеть? Дело вырвали из рук — вот что жалко. При уменьшении средств отказаться от прихотей — дело законное. Вот, например, своих рыженьких лошадок я уже продал. А на необходимое Бог пошлет. — Извините, что я пустился в такие подробности. Эти факты сами по себе неважны, но они питают в сердце веру в Промысл Божий сильнее всяких слов.

По Братству нового ничего у нас нет, кроме некоторых новых пособий, назначенных бедным мальчикам. В Приют новых воспитанников еще не принимали. Без надежной надзирательницы как-то невесело расширять заведение. Анна Ивановна Лебедева заколебалась и едва ли решится пойти к нам; ей не хочется расстаться с родителями. Впрочем, третьего дня она ездила с отцом[5] в наш Приют. Смотритель говорит, что ей все там понравилось; мож<ет> быть, еще и надумается. Во всяком случае, на этих днях я отберу от нее решительный ответ. Есть у меня в виду другая женщина из дворян, но мало я ее знаю.[6] О. Иаков хотел на этой неделе собрать нас с новыми членами нашего кагала — купцами Четвериковым и Котовым,[7] но почему-то приглашения не присылает. Видно, боится холоду; у нас ныне мороз в 30 градусов.

Простите, любезнейший Константин Петрович! Да хранит Вас Господь со всем домом Вашим. Супруге Вашей прошу передать мое почтение. Не забудьте и Вы меня в своих молитвах.

От души Вам преданного и благодарного
Прот. *А. Ключарева*

Января 20
1867 г.

P. S. Не знакомы ли Вы с здешним прокурором Судебной палаты Раввинским?[8] Если Вы хороши с ним, я попросил бы Вас подкрепить Вашим авторитетом одну мою просьбу к нему. Черкните об этом при случае, если будете писать хотя не ко мне, а кому-нибудь из наших сочленов; мне передадут.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 83. Л. 15—16 об.

[1] Выражение из апостольского послания: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи...» (2 Кор 1: 3). *Утеха* — зд.: утешение (*црксл.*).

[2] Видимо, Ключарев преподавал Закон Божий в знаменитой школе для малолетних рабочих, основанной в 1859 г. при бумагопрядильной фабрике купцов Малютиных, находившейся при с. Раменском Бронницкого у. Московской губ.

[3] Речь идет о новом (с 1866 г.) хозяине раменской фабрики, московском купце 1-й гильдии Семене Павловиче Малютине, с которым, судя по всему, у Ключарева произошел конфликт.

[4] В 1848 г. Ключарев женился на Евдокии Сергеевне Владимирской, дочери московского протоиерея Сергия Алексеевича Владимирского (см. примеч. 12 к публ. Г. С. Прохорова «Список лиц, состоящих в штате Академии (1849)»; наст. изд., с. 556), после смерти которого в 1849 г. заботился о его многочисленном семействе. В июне 1860 г. скончались жена Ключарева и его пятилетний сын.

[5] Об А. И. Лебедевой и ее отце прот. И. А. Благовещенском см. примеч. 8 и 10 на с. 851.

[6] Подразумевается Е. Д. Лельковская. См. примеч. 5 на с. 852.

[7] И. И. Четвериков и С. Д. Котов. См. примеч. 9 и 10 на с. 862.

[8] Имеется в виду юрист и историк искусства Дмитрий Александрович Ровинский (1824—1895), занимавший пост прокурора Московского учебного округа с 4 февраля 1866 г. по 1 марта 1868 г. Ключарев, как можно судить, только слышал фамилию Ровинского, но не видел ее написанной — отсюда его ошибка.

Приложение 3

ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ С. И. ЗЕРНОВА К К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

1 (16)

†

<30 сентября 1866 г.>[1]

Ваше Превосходительство
Достоуважаемый Константин Петрович!

Я получил Ваше письмо от 29 сент<ября> или, вернее, нашел его у себя на столе по возвращении из заседания, бывшего у нас по делам Братства в квартире Никиты Петровича.[2] Мы сами очень хорошо помним 12-е октября[3] и понимаем свое положение. Работа у нас уже началась. Никита Петрович с нынешнего же дня (30 сент<ября>) обещался писать статью о деятельности Братства в течение года и о наших думах, планах и заботах в будущем; в статью будет введен и отчет, по возможности и удобности, подробный. Книги будут налицо. Касса приве-

дена в известность. Список всех участников братства будет напечатан. А<лексей> Осипович готовит красноречивое слово.[4] Служение предполагается Архиерейское; — пред обеднею будет совершена панихида по Царевиче.[5] После обедни следует, конечно, совершить благодарственное молебствие. Затем братчики будут приглашены в общее собрание, которое предположено в доме братчика Князя М. А. Оболенского, изъявившего полную готовность принять почтенное собрание в своем доме. Обо всем этом два или три раза будет объявлено в «Моск<ских> ведомостях» заблаговременно.

Усердно все мы просим Вас пожаловать к этому важному в жизни Братства дню в Москву и принять участие в нашем празднике (дай Бог, чтобы этот день был всегда праздничный для церкви и духовенства, да и Братства!) — празднике, на котором больше всех должна праздновать Ваша душа! Непременно приезжайте, Константин Петрович! Нечего говорить, что без Вас не полон будет праздник Братства. Употребите все меры, чтобы быть в этот день с нами. И хорошо бы Вам приехать за день по крайней мере, чтобы мы имели возможность переговорить с Вами, передать Вам все и, может быть, по Вашему указанию что-нибудь изменить, поправить, дополнить. Мы, разумеется, чем ближе будет подходить день такой решительный, тем более можем терять ясность спокойного рассуждения — по крайней мере, я — всегда в подобных обстоятельствах чего-нибудь не досмотрю или что забуду. А Вы приедете чуждые наших волнений (а пожалуй, что и нет) — и взглянете на все приготовленное нами спокойным взором — конечно, заметите то, что у нас в торопях-то последних <sic!> и мимо глаз пройдет.

Завтра у нас праздник храмовой.[6] Я буду занят по приходу дня два или три. Поэтому погожу получать от Вашей матушки[7] присылаемые деньги. Пусть у ней пока хранятся.

Не нужно ли особого чего-нибудь написать от Братства Великой Государыне — благодетельнице бедствующим нашим мальчикам Елене Павловне?[8] Скажу прямо: я вот теперь плачу, имея в мыслях священное и дорогое имя Ея. Конечно, в статье своей Никита Петрович сумеет сказать об Ней что подобает. Мы и ребятишкам внушаем, чтобы помнили пред Господом имена, дорогие нашему Братству.

Сундук мы еще не покупали для братской казны — на днях это устроим. Пока главная касса хранится в Данилов<ом> монастыре.[9] А денег, слава Богу, для начала жизни Братства довольно набралось — больше десяти тысяч — сверх присланных Вами 1100 рублей. Правду Вы говорили — что деньги будут. Издержано же не более, кажется, 2300 или 2400 р. В точности теперь не могу Вам сказать, потому что все сведения о наших суммах передал для соображения о. Иакову. У нас в Москве — про срок взноса вспомнило не более человек пяти. Понятно — как нужен отчет, и вообще 12 октября, как мы его сервируем.

Вместо Н. А. Сергиевского мы предполагаем, я сказывал Вам в последнее свидание с Вами, — выбрать в распорядители Ипполита Михайловича.[10] Что Вы скажете об этом? И если Вы согласны — (я помню, Вы не против этого): то

как поставить это дело в собрании? А<лексей> Осипович заявил мысль, тоже нехудую, по моему мнению, чтобы в число распорядителей ввели лице купеческого звания — которое бы в своем кругу действовало в нашу пользу, да и само имело бы как охоту, так и средства быть хорошим вкладчиком. Разве, по отыскании такого лица, впоследствии особым представлением к Митрополиту [11] просить о присоединении его к персоналу распорядителей?

Но всего не переговоришь на письме. К Вашему приезду — (я — щитаю его не подлежащим сомнению) накопятся и уяснятся какие-нибудь и еще вопросы — поэтому — мы и будем ждать Вас, чтобы сообща обсудить их.

Екатерине Александровне [12] усерднейший мой поклон скажите. Верьте, Константин Петрович, что я от всего сердца моего воспоминаю Вас пред Господом. Да исполнит Он — всеблагий — все по благому о Вас своему совету! И если исполнение желания Вашего послужит к увеличению Вашего щастия — да совершится оно! Если же нет: то молю Бога, чтобы не исполнялось оно. Призываю на Вас Божие благословение, равно как и на всю Вашу разнообразную деятельность! Многая Вам лета!

Искренно уважающий Вас
Николоявленский [13] Протоиерей *С. Зернов*.

Запоздал вчера послать письмо это, и приходится ему ехать в Петербург в праздник. Да будет над Вами простерт покров Богородицы!

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 78. Л. 185—187 об.

[1] Датировка установлена по содержанию.

[2] Гиляров как управляющий Московской Синодальной типографией занимал с семьей обширную служебную квартиру. Профессор МДА П. С. Казанский передавал услышанное от него в письме к брату архиепископу Платону (Фивейскому) от 16 июля 1868 г.: «Гиляров давно собирался оставить место директора. Жалованье было 2000 р<ублей>, но квартира в 16-ть комнат. Он говорил, что только богатый или вор могут тут жить» (*Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1916. Вып. II. С. 234).

[3] Речь идет о годовщине образования Братства. См. примеч. 2 на с. 842.

[4] Прот. А. О. Ключарев. См. о нем и об упомянутой его проповеди примеч. 6 на с. 846 и примеч. 1 на с. 848.

[5] Подразумевается покойный цесаревич Николай Александрович. См. примеч. 12 на с. 868.

[6] 1 (14) октября отмечается «недвунадесятый великий» праздник Покрова Божией Матери. В церкви Николы Явленного на Арбате (см. ниже примеч. 13) с начала XVII в. был устроен Покровский придел.

[7] Елена Михайловна Победоносцева (ур. Левашева; 1786—1867), вторая жена отца Победоносцева.

[8] Вел. кн. Елена Павловна. См. примеч. 8 на с. 840.

[9] Кассу Братства удобно было хранить в Даниловском монастыре, поскольку им управлял один из распорядителей казны архим. Иаков (Кротков).

[10] Прот. И. М. Богословский-Платонов. См. примеч. 15 на с. 847.

[11] Митр. Филарет (Дроздов).

[12] Е. А. Победоносцева. См. примеч. 9 на с. 841.

[13] *Николоявленский* — по настоятельству прот. С. И. Зернова (1865—1886) в церкви Николы Явленного на Арбате (церкви Николая Чудотворца), с 1593 г. находившейся на углу Арбата и Серебряного переулка (снесенное в 1933 г. здание было возведено в 1860 г.; ныне здесь школа № 73).

2 (17)

†

26 октября 1866.

Ваше Превосходительство,
Высокоуважаемый Константин Петрович!

Прежде всего имею честь уведомить Вас, что деньги 1100 рублей получены мною от Елисаветы Петровны,[1] в самый день нашего братского праздника, 12 числа октября.

Наконец и 12 число прошло. Для полноты празднества только Вас недоставало. Я собственно — глубоко чувствовал Ваше отсутствие: праздник не имел руководителя.

Вы, конечно, уже знаете, что происходило в собрании. Когда кончилось чтение Отчета, я предложил собранию просить членов Комитета, так много сделавших и доселе делающих для Братства и вполне знакомых с ходом дела, чтобы все они продолжили свою полезную для Братства деятельность в звании распорядителей братской казны. Предложение, как и следовало ожидать, принято было единогласно. Затем, не знаю как, заговорили об увеличении личного состава нашего распорядительного (так сказать) Совета. Тут произошло избрание, которое, кажется, превзошло меру потребности. Из находившихся налицо выбраны были: протоиерей Ипполит Михайлович,[2] священник Александр<овского> военного училища А. М. Иванцов,[3] Князь М. А. Оболенский, кол<лежский> сов<етник> Андрей Владимирович Симанский; заочно выбраны — наш староста церковный,[4] почетный гражданин Ив<ан> Ив<анович> Четвериков и поч<етный> гражданин С. Г. Котов да статский сов<етник> Николай И<льич> Козловский[5] — порядочный Ареопаг! Ипполит Михайл<ович>, свящ<енник> Иванцов, Князь М. А. Оболенский и г. Симанский тут же согласие свое изъявили. Наш староста, которого я известил частным образом об собрании, отказался наотрез, и даже с сердцем. Его примеру, хотя не во всем, последует, я думаю, и Козловский Н<иколай> Ильич, архитектор. О Котове тоже сомнительно, чтобы принял избрание.[6] Четвериков согласился. Итак, если не щитать старосту, Козловского и Котова, окажется у Братства 10 члк распорядителей, пятеро духовных и пятеро светских. Кажется, уж очень довольно. Сверх того избран один диакон моего ведомства — хороший писец, для ведения письменных дел братства.[7] Диакон изъявил полное согласие.

Ладно или нет все это: надобно избранию дать какую-нибудь санкцию. Но как это сделать? 12 § Устава дает собранию братчиков право производить потребные изменения в назначении распорядителей. Не следует ли на основании этого § щитать состоявшееся собрание делом утвержденным, так как оно совершилось по силе предоставленного братству права? В таком случае просто мне или кому другому (да, впрочем, кроме меня, некому. Вас налицо не было в собрании) от лица Братства известить избранных о состоявшемся в собрании 12 числа выборе? Ужели надобно представлять избрание на утверждение Владыке?[8] Дайте нам совет и скажите, как поступить с избранием этим.

Мы еще не видались после 12 числа. На днях надобно будет собраться. У нас в Москве взносы идут туго. Мне кажется, надобно бы в «Москов<ских> вед<омостях>» напечатать часть Устава[a] или весь. А то многие, я думаю, просто не знают, как войти в наше Братство.

Молю всегда Бога о Вас с Екатериной Александровной.[9]

Искренно уважающий Вас
Прот. *С. Зернов*.

Печатается впервые по автографу: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 78. Л. 2—3 об.

[1] Елизавета Петровна Победоносцева (1819—1874) — старшая сестра Победоносцева. Возможно, что упомянутая сумма (1100 рублей) — взнос в братскую казну вел. кн. Елены Павловны, переданный через Победоносцева и его близких. Именно столько она пожертвовала в 1866 г. См. п. 2 (8) и *Годичный отчет. 1866*. С. 23, паг. 1-я.

[2] Прот. И. М. Богословский-Платонов. См. примеч. 15 на с. 847.

[3] О свящ. А. М. Иванцове-Платонове см. примеч. 5 к публ. статьи П. <Ф. П. Преображенского> «Странная полемика» (наст. изд., с. 682).

[4] Старостой Николоявленной церкви в тот период был московский купец 2-й гильдии Егор Федорович Шехобалов (см.: Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы, на 1869 год. Ч. I. С. 357).

[5] Николай Ильич Козловский (1791—1878) — московский архитектор, автор многих церковных строений, в том числе нового здания храма Николы Явленного на Арбате (1846—1860).

[6] Прогнозы прот. С. И. Зернова не вполне оправдались: Н. И. Козловский и С. Г. Котов согласились быть распорядителями братской казны и только Е. Ф. Шехобалов отказался.

[7] Речь идет об Иоанне Матвеевиче Лебедеве (?—1907), вскоре, в 1867 г., ставшем священником церкви Илии Пророка Обыденного. Его должность называлась: «занимающийся письмоводством по делам Братства» (*Годичный отчет. 1869*. С. 20).

[8] Митр. Филарет (Дроздов).

[9] Е. А. Победоносцева. См. примеч. 9 на с. 841.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: а то и.

Е. И. Анненкова

НОВЫЙ СБОРНИК «АКСАКОВСКИХ ЧТЕНИЙ» *

Вышел из печати сборник «Аксаковские чтения», содержащий материалы Всероссийской научной конференции, которая традиционно проходит в Уфе. Это уже XI конференция, собравшая достаточно широкий круг участников. Литературоведам и историкам русской общественной мысли хорошо известны уфимские сборники (с 1991 по 2008 г. их вышло восемь), они создаются людьми, тесно, почти кровно связанными с миром С. Т. Аксакова и его семьи. Научным конференциям, проходящим в музеях, свойственна особая атмосфера, объединяющая докладчиков и слушателей, — атмосфера доверительного, личного отношения к культурным явлениям прошлого. Эта атмосфера не исключает строго научного подхода к наследию писателя, но не ограничивается им. Создавая музей, сохраняя и модифицируя его, сотрудники являются одновременно и филологами, и краеведами, и, в известном смысле, любителями, почитателями писателя.

XI Аксаковские чтения впервые проходили на базе филологического факультета Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, и редакционная коллегия сборника, как можно понять, видела свою задачу в том, чтобы придать и конференции, и подготовленным к изданию материалам бóльшую академическую направленность, вывести изучение творчества С. Т. Аксакова на новый уровень. Это и оправданная, и своевременная задача. Однако деятельность аксаковской семьи, разных ее поколений была столь разнородна, что изучение ее не может располагаться в какой-то одной плоскости. Поэтому собственно литературоведческие, краеведческие, а также — методические труды вполне могут сосуществовать в рамках одного сборника, свидетельствуя о равном интересе к Аксаковым представителей различных гуманитарных наук.

Рецензируемый сборник, в самом деле, может дать представление о современном состоянии аксаковедения. В нем либо представлены, либо заявлены те аспекты литературоведческого изучения, которые актуальны для науки последнего десятилетия. Заслуживает безусловной поддержки намерение создать летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова. Пока творчество далеко не всех писателей находит выражение в данном жанре литературоведческого труда. Это сложная и объемная работа, целесообразность которой нет надобности доказы-

* Аксаковские чтения: Материалы XI Всероссийской научной конференции (Уфа, 2 октября 2009 г.): 100-летию Аксаковского народного дома посвящается / Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы; Аксаковский фонд, Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова. Уфа: Вагант, 2009. 264 с. <Рецензия была передана нам еще весной 2010 г. — *Ред.*>

вать. Составление летописи может стать хорошей фактографической базой для последующих интерпретаций тех или иных произведений, а также для уяснения литературного и общественного контекста. Подобная работа должна бы охватить и деятельность детей С. Т. Аксакова, во всяком случае, наиболее известных — Константина и Ивана. Отрадно, что последний уже нашел своего обстоятельного и дотошного биографа: под редакцией С. В. Мотина выходит чрезвычайно ценное издание: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. 1848—1851 (Уфа, 2009); Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1. В 2 частях. 1823—1848 (Уфа, 2010). Очередная статья С. В. Мотина, вводящая в научный обиход новые архивные документа, вошла и в состав рецензируемого сборника.

Также и идея создания конкорданса произведений С. Т. Аксакова, предложенная Р. О. Зиянгировым и уже осуществляемая им, может придать изучению писателя одновременно и системность, и углубленность. Выполненная работа будет интересна и исследователям, занимающимся творчеством других писателей: С. Т. Аксаков в контексте современной ему литературы — это проблема, которая давно поставлена, но далеко не всегда рассматривается на уровне поэтики.

Активно осуществляемая в последние годы систематизация библиографических данных также свидетельствует о том, что изучение аксаковских материалов выходит на новый уровень. Библиографической работой давно и основательно занимается П. И. Федоров, выпустивший в 2004 г. библиографический указатель за 1980—2004 гг. (Литература о С. Т. Аксакове, его семье и родине). Им же в настоящем сборнике представлена библиография литературы о семье Аксаковых за 2006—2009 гг.

Все это свидетельствует о том, что в Уфе уже сложился общероссийский научный центр по изучению семьи Аксаковых. Можно лишь пожалеть, что в силу объективных причин не удается объединять усилия исследователей, живущих достаточно далеко друг от друга. Творчество Аксаковых было предметом рассмотрения на научных конференциях в Абрамцево, Ульяновске, Оренбурге. Думается, более тесное содружество сотрудников научных, учебных, краеведческих организаций Уфы и музейных работников аксаковской усадьбы «Абрамцево» могли бы интенсифицировать этот процесс. В подмосковном музее (при наличии единого оргкомитета) возможны были бы конференции, посвященные более локальной проблематике и собирающие специалистов (литературоведов и историков) — например, — «Эпистолярное наследие семьи Аксаковых», «Аксаковы и славянофильская мысль 1840—1880-х годов», «Аксаковы и литературный процесс XIX в. (жанровый и стилевой аспекты)» и др. При наличии перспективного тематического плана подобных конференций возможна была бы и постоянная публикация аксаковских и около-аксаковских материалов, хранящихся в рукописных отделах различных архивохранилищ.

Эти размышления-предложения вызваны знакомством со сборником «Аксаковские чтения». Претендующий на обновление подходов к творчеству С. Т. Ак-

сакова научный и методический сборник в значительной мере оправдывает эту претензию. Читатель найдет в нем статьи, в которых по-новому ставятся те или иные проблемы, актуальные не только для аксаковедения, но и для истории русской общественной мысли в целом. Заслуживает внимания статья Р. Р. Вахитова «Аморализм власти в концепциях Н. Макиавелли и К. С. Аксакова», в которой исследуются непростые вопросы соотношения государственности и свободы, свободы политической и духовной, либерально-демократического государства и монархического — вопросы, актуальные для славянофильского контекста. Отмечая определенные тематические сближения в концепциях мыслителей, отделенных друг от друга несколькими столетиями, автор статьи не ведет речь о тождестве позиций и в последних абзацах работы отмечает именно отличия. Может быть, и в ходе последовательных рассуждений эти отличия стоило обозначить более определенно. Когда речь идет о том, что в соответствии с учением Макиавелли и «философией политики» К. Аксакова управлять людьми и «достигать элементарного необходимого порядка можно только при помощи власти-насилия, сопряженного с неизбежными нарушениями нравственности» (с. 100), это является констатацией определенных высказываний, после которых Макиавелли ставил точку, в то время как Аксаков побуждал к последующим вопросам. Будучи убежден (как сказано в одной его из заметок), что «нравственный вопрос неотразимо предстоит человеку», по какому бы пути он ни шел, Аксаков не мог лишь констатировать неизбежное нарушение нравственности в государственной и общественной жизни.

В содержательной статье С. А. Саловой «“Мнимые ошибки” в повести С. Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”» привлекает стремление автора рассмотреть «литературно-художественную природу» произведений С. Т. Аксакова и предостеречь от абсолютизации мемуарно-биографического характера его сочинений. Природа литературного дарования писателя, конечно, позволяет и даже побуждает более последовательно, чем это делалось прежде, анализировать повествовательную структуру произведений и нарративную стратегию автора. Исследовательница сосредоточивает свое внимание на тех «неточностях» и «погрешностях» в книге С. Т. Аксакова, которые могли интерпретироваться как «досадная оплошность автора». В данной статье «неточности» квалифицируются иначе — как художественный прием, сознательно используемый автором и являющийся достаточно «выразительным с эстетической точки зрения» (с. 16). Аргументы, приведенные в ходе анализа двух «ошибок», не вызывают возражений. В одном случае рассматривается «нравственное противостояние» Алексея Багрова и Прасковьи Куролесовой и описание Сережей двух картин, которые он видит в чурасовском имении. С. А. Салова обращает внимание на то, что описание первой картины представляет «наивно пересказанный мальчиком сюжет “Кимон (или Цимон) и Перо”, достаточно широко представленный в традиционном репертуаре европейской живописи. Она убедительно ведет речь о том, что текст восходит к полотну Петера Пауля Рубенса “Отцелюбие римлянки”, которое Аксакову могло быть известно по эрмитажной коллекции Рубенса,

замечая при этом, что “герой-рассказчик” осуществил перекодировку живописного источника, допустив знаменательную подмену фоновых персонажей: стражников — монахами» (с. 21), хотя такой картины не было и не могло быть в его культурном кругозоре.

В другом случае обращается внимание на описание Сережей поминального обеда на девятый день после смерти старого Багрова. Обрядовая практика предполагала, что блинами начинался поминальный обед, в аксаковском же тексте он завершается ими. По мнению исследовательницы, Аксаков совершил некую подмену, зная, что блины употреблялись и на свадьбе, что связано с символическими «похоронами» невесты. Следовательно, в «Детских годах...», убежден автор статьи, символически-знаковая сущность спроецирована не столько на умершего старика Багрова, сколько на «похороны» и «воскресение» в принципиально новом качестве его сына Алексея Степановича.

Итак, если с этими истолкованиями «ошибок» можно согласиться, то пояснение самой первой вызывает немалое сомнение. Сереже Багрову подарено «полное собрание в двенадцати томах сочинений Сумарокова». Но собрание сочинений Сумарокова, — указывает исследовательница, — состоит из десяти, а не из двенадцати частей. Не считая возможным видеть «ошибку» писателя, она развертывает насыщенную многочисленными культурологическими деталями аргументацию, призванную доказать, что Аксаков не случайно, а вполне сознательно десять томов Сумарокова превратил в двенадцать. По мнению С. А. Саловой, «имеет место активизация Аксаковым семантического потенциала числа 12 с его богатейшим ореолом культурных смыслов» (с. 17). Вызывают сомнение не столько конкретные доводы (пожалуй, в любом тексте можно отыскать самые разнородные историко-культурные ассоциации, рождающиеся в сознании читателя), сколько сама установка на выявление в произведении тех претекстов, тех пластов мифопоэтической культуры, которые, якобы, вполне сознательно были активизированы писателем. Уязвимость исследовательской позиции можно увидеть в том, что в определенный момент происходит неразграничение автора и рассказчика. «В сознании пятилетнего Сережи Багрова, — сказано в работе, — сочинения Сумарокова — в полном соответствии с предписаниями классицистической эстетики — воспринимаются как образцовые творения новой русской литературы, в результате чего писательская личность “русского Расина” наделяется своеобычным сакрально-символическим статусом» (с. 18). Так кто же совершил сознательную подмену: С. Т. Аксаков или маленький Сережа Багров? Привлечение сумароковской трагедии «Синав и Трувор» в качестве некой аналогии представляется все-таки несколько натянутым, но главное — по меньшей мере спорным является тезис о том, что «на всем протяжении своего недолгого творческого пути» Аксаков творил «авторский миф». Чем же это подтверждается, кроме «мнимых ошибок» в тексте? Так и тезис о «затеянной Аксаковым занимательной культурологической игре» (с. 22) принять трудно, хотя он и способен приблизить писателя к современному читателю, который любит в литературном произведении видеть прежде всего игру. Мемуарно-автобиографическое начало

не следует абсолютизировать, но также не стоит и считать его знаком недостаточности литературного дара. «Детские годы Багрова-внука», конечно, можно назвать повестью, но не повлечет ли все это за собою нивелирование особого характера прозы Аксакова?

Высказанные соображения свидетельствуют о том, что статьи, содержащиеся в сборнике, вызывают научную полемику и, следовательно, не оставляют читателя равнодушным.

Выделю статью А. П. Дмитриева и С. Г. Журавского «Неизвестные письма Н. Т. Карташевской к С. Т. и О. С. Аксаковым»: она интересна и по материалу (публикация писем сестры писателя), и по его истолкованию: союз филолога и доктора медицинских наук оказался очень плодотворен. Можно отметить также статьи Т. В. Гусейновой («Ритмический строй прозы С. Т. Аксакова»), С. С. Шаулова («Аксаковский контекст речи Ф. М. Достоевского»), А. Г. Михайловой («“История моего знакомства с Гоголем” С. Т. Аксакова и “Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года” П. В. Анненкова»). Чрезвычайно ценные сведения содержатся в статье Я. С. Свице («Семья и окружение С. Т. Аксакова в период жизни в селе Надеждино Белебеевского уезда в 1821—1826 гг.: по материалам приходских документов Димитриевской церкви»). Раздел «Изучение жизни и творчества С. Т. Аксакова в школе и вузе» также привлекает внимание, особенно статья Л. Г. Хамидовой («Урок сопоставительного анализа стихотворного и прозаического вариантов произведения “Буран” С. Т. Аксакова»).

Тем более досадно, что в сборнике имеют место опечатки. Вероятно, не следовало бы публиковать статьи в авторской редакции, а лучше — подвергнуть их редакционной проверке. В этом случае не остались бы указания на те номера сносок, которых нет в списках литературы (с. 123—124), не произошла бы утрата или нарушение в последовательности строк (с. 177), СССР не превратился бы в ССР (с. 105), а Анненкова Е. И. не защитила бы свою кандидатскую диссертацию в 1957 г. (вместо 1974), в возрасте 11 лет (с. 254).

Упомянутых погрешностей легко избежать в последующих выпусках «Аксаковских чтений», которые — в этом нет сомнения — будут так же, как нынешний сборник, содержательны и полезны как специалистам, так и широкому кругу читателей.

С. В. Мотин

СЛАВЯНОФИЛЫ, СЛАВЯНОВЕДЫ, ПАНСЛАВИСТЫ, НЕОСЛАВЯНОФИЛЫ, СЛАВЯНОФИЛОВЕДЫ... (К истории периодизации славянофильства)

Славянофилы могут все умереть до одного, но направление, данное ими, не умрет... [1]

И. С. Аксаков — Н. Н. Страхову

Как *символ* славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания... [2]

П. А. Флоренский — Ф. Д. Самарину

Сначала — несколько слов о самом понятии «славянофильство». Славянофильство — это учение или даже национальная идеология, где представляется возможным выделить два крыла: левое (либеральное, если не анархистское) и правое (консервативное, если не реакционное). Также в учении славянофилов следует отметить внешнеполитическую программу, получившую выражение в панславизме (культурном, политическом и т. д.), и внутриполитическую программу (левую, центристскую, правую).

Кроме того, учение славянофилов можно рассмотреть как своеобразную «матрешку»: самая большая «матрешка» — это в целом «славянофильство» (то же понятие в узком смысле есть внешнеполитическая, панславистская программа славянофилов); вторая по размеру «матрешка» — это «русофильство» (внутриполитическая славянофильская программа); наконец, третья «матрешка» — «москвофильство» (это традиционный, православный, семейно-родственный уклад жизни). Соответственно: 1) крона (внешняя политика Государства), 2) ствол (внутренняя политика Государства) и 3) корни (Земля) славянофильства.

Славянофильство можно рассмотреть и как своеобразное соборнофильство, т. е. как гармонию Православия, Самодержавия и Народности, или, в более широком смысле, — как гармонию Идеологии (религия + право + культура), Власти (государство, политическая система) и Гражданского общества (структурированный народ).

---

[1] И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова / Группа славян. исследований при Оттавском ун-те; ИМЛИ РАН. <Оттава>, 2007. С. 24. (Письмо от 6 июля 1863 г.)

[2] *Флоренский П., свящ.* Переписка Ф. Д. Самарина и свящ. П. А Флоренского // Вестник РХД. 1978. № II (125). С. 258.

Теперь обратимся к различным периодизациям славянофильства и рассмотрим их в хронологическом порядке в жанре краткого библиографического обзора, удерживаясь при этом от оценок и не вступая в полемику.

Одна из первых таких периодизаций принадлежит М. П. Погодину, который, отвечая на статью А. Н. Пыпина о славянофильстве,[3] выделил в его развитии несколько этапов-десятилетий: «Славянофилы — это был сначала кружок молодых людей (ныне давно состарившихся или сошедших в могилу), знакомых между собою с детства или учебной скамьи и начавших заявляться с двадцатых и тридцатых годов (Хомяков, Языков, Киреевские, Шевырев, Кошелев и пр.). К сороковым годам подготовилось их новое поколение (Константин Аксаков, потом Самарин, Попов, Елагин, Стахович, Панов, Валуев, кн. Черкасский). К пятидесятым годам относится третье поколение (Гильфердинг, Иван Аксаков, Ламанский). С шестидесятых годов началось четвертое (сотрудники “Зари”, “Беседы” и проч.)».[4]

П. Н. Милюков в развитии славянофильства выделил три периода: период подготовительный (с первой половины 1820-х гг. до середины 1840-х); период расцвета (с середины 1840-х до начала 1860-х); период разложения (с начала 1860-х до 1880-х и даже 1890-х гг.), включив в число славянофилов этого этапа Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и Вл. С. Соловьева.[5]

Г. В. Флоровский следует концепции П. Н. Милюкова и относит к представителям «позднейшего “вырождающегося” славянофильства» К. Н. Леонтьева, А. А. Киреева, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. В. Васильева; при этом он, правда, выделил Ф. М. Достоевского и Вл. С. Соловьева как «продолжателей классических славянофильских традиций».[6] Отметим, что и Н. Л. Рубинштейн подчеркивает, что «на пути к окончательной ликвидации славянофильство дает два всплеска — в 1869 году в лице Данилевского и в 1880-х гг. в лице Леонтьева».[7]

---

[3] См.: *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки: V. Славянофильство // *ВЕ.* 1872. Т. 6 (38). Нояб. С. 47—97; Дек. С. 618—678.

[4] *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 397—398. Полностью см.: Гражданин. 1873. 12 марта. № 11. С. 347—352; 26 марта. № 13. С. 415—420.

[5] См.: *Милюков П. Н.* 1) Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3 (18). Май. С. 46—96; 2) Славянофильство // Энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXX. С. 307—314.

[6] *Флоровский Г. В.* Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 45, 50.

[7] *Рубинштейн Н. Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст.: В 2 т. М.: Изд-во Коммунист. академии, 1927. Т. 1. С. 106.

Заметным явлением в изучении славянофильства стали диссертация С. С. Дмитриева и его доклад в Институте истории АН СССР (1940). Автор назвал «исходную дату становления славянофильства как направления» — 1839 г.[8] и выделил три его периода: первый (1839—1857) — «период становления и расцвета славянофильства», когда оно носит «по преимуществу теоретический характер»; второй (1858—1864) — «период практического приложения к действительности теоретических взглядов славянофилов»; третий (1865—1880) — «период заката и распада славянофильства, период превращения его в исключительно реакционное направление».[9]

Диссертация А. Валицкого «В кругу консервативной утопии» была опубликована в Варшаве (1964), а затем переведена и издана в Лондоне (1975).[10] Славянофильство автор определял как «патриархально-дворянский либерализм». При этом он полагал, что в своем классическом виде оно просуществовало до 1861 г. (западничество, по его мнению, «изжило себя» еще в 1848 г.). А. Валицкий рассматривает конец XIX в. как время «дезинтеграции» и «дезутопизации» славянофильства.[11]

Н. И. Цимбаев предлагает следующую периодизацию истории славянофильства: первый (зима 1838/1839—1848) — «период становления славянофильства»; второй (1848—1855) — «период утверждения славянофильства, превращения его в цельное мировоззрение»; третий (1855—1861) — «период действенного славянофильства», этот период «завершил историю раннего славянофильства»; четвертый период (1861—1875) — «был последним в истории славянофильства», «в середине 1860-х годов распался славянофильский кружок, углубились серьезные идейные разногласия среди славянофилов, наступил кризис славянофильской идеологии».[12]

Он же отмечает, что исследователи славянофильства «обращаются в первую очередь к проблемам раннего, дореформенного славянофильства. Пореформен-

---

[8] По поводу этой даты приведу следующую цитату: «До самого последнего времени считалось, что именно зимой 1838/39 года Хомяков представил сюда <в салоны А. П. Елагиной, Свербеевых и др.> для рассмотрения статью “О старом и новом”, которой суждено было войти в историографическую традицию в качестве одного из первых программных заявлений славянофильства. <...> В последнее время найдены архивные свидетельства о том, что статья Хомякова была написана двумя годами раньше, как ответ на “Философическое письмо” П. Я. Чаадаева» (*Каплин А.* Хомяков Алексей Степанович // Славянофилы: Ист. энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 580).

[9] См.: *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство: (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 87—89.

[10] См.: Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: Рефератив. сб. М.: ИНИОН, 1991—1992. Вып. 1—2.

[11] Там же. М., 1991. Вып. 1. С. 21.

[12] *Цимбаев Н. И.* Историософия на развалинах империи. М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. С. 233—235.

ное славянофильство остается практически неизученным».[13] И добавляет: «У нас нет оснований отрицать существование позднего славянофильства», «позднее славянофильство — это славянофильство пореформенного времени», которое в «исторической литературе <...> почти не изучено», и «отсутствие специальных исследований делает преждевременными прямолинейные оценки». При этом он утверждает, что «к середине 1870-х годов славянофильство изжило себя и перестало существовать как направление русского общественного движения».[14]

Е. А. Дудзинская пишет: «Направление, сыгравшее известную роль при совершении социально-экономического переворота такого гигантского масштаба, как переход от феодализма к капитализму, не только не свернуло своих знамен, но и после его свершения приложило максимум усилий в решении многих важнейших проблем пореформенного двадцатилетия». И далее продолжает, что «классическое славянофильство ушло с исторической сцены со смертью всех его видных представителей...». Далее она в сноске к процитированному отрывку перечисляет: «Самарин Ю. Ф. умер в 1876 г., Чижов Ф. В. и Попов А. Н. — в 1877 г., кн. Черкасский В. А. — в 1878 г., Кошелев А. И. — в 1883 г., Аксаков И. С. — в 1886 г.».[15]

А. А. Тесля предлагает следующую периодизацию славянофильства «в контексте исследований национализма»: первый этап (кон. 1830-х — 1845); второй этап (1845—1855); третий этап (1856—1862); четвертый этап (1863—1866); пятый этап (1867—1878); шестой этап (1879—1886). И подводит итог: «...славянофильский проект, оформившийся к 60-м годам XIX века, к середине 80-х оказался утратившим свой конститутивный принцип — и этим моментом можно датировать, на наш взгляд, прекращение собственно славянофильства».[16]

По замечанию Н. И. Цимбаева, славянофильская терминология в конце 1880-х гг. звучит уже как анахронизм и читателем воспринимается как пародия.[17] В 1889 г. выходит из печати статья Вл. С. Соловьева «Славянофильство и его вырождение» (гл. I—III).[18] А. Н. Пыпин в 1890 г. заметит, что «со смертию И. С. Аксакова отошел в историю последний, младший представитель старого славянофильского кружка. История начинается для этого замечательного на-

---

[13] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 16—17.

[14] *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественной мысли XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 74—75, 88.

[15] *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 15.

[16] См.: *Тесля А. А.* Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Л. Е. Бляхера. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. С. 24—32.

[17] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 255.

[18] *ВЕ.* 1889. Т. 3 (137). Июнь. С. 734—746 (в составе «Очерков из истории русского сознания»); перепеч.: *Соловьев Вл. С.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 433—444.

правления...».[19] А в 1893 г. П. Н. Милюков обосновывает разложение славянофильства.[20]

* * *

В. А. Дьяков относил трансформацию славянофильских доктрин и появление неославистской идеологии к рубежу XIX—XX вв.[21] В. М. Хевролина, вслед за В. А. Дьяковым, подчеркивает, что «хотя период 80—90-х годов XIX в. в истории славянофильства является наименее изученным, но не подлежит сомнению, что и в это время славянофилы достаточно активно действовали». Она употребляет применительно к 1870—1890-м гг. термин «поздние славянофилы» и причисляет к последним И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского, А. А. Киреева, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. В. Васильева, Н. Н. Дурново.[22]

Отдельные исследователи обозначают продолжателей классического славянофильства в конце XIX в. как «неославянофилов». Обычно к ним относят Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова.[23] Для М. Ю. Конягина «неославянофильство как течение русской общественной мысли конца XIX — начала XX века», как «особое явление» представлено прежде всего фигурой С. Ф. Шарапова.[24]

---

[19] *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки. Изд. 3-е, доп. приложением, примеч. и указ. личных имен. СПб., 1906. С. 245.

[20] *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев (вых. дан. см. в примеч. 5). Впрочем, даже А. Н. Пыпин не согласился с явно тенденциозным суждением историка: «Автор, может быть, слишком поторопился хоронить славянофильство» (*Пыпин А. Н.* Из истории панславизма // *ВЕ.* 1893. Т. 5 (163). Сент. С. 310). Также см.: *Соловьев Вл. С.* Замечания на лекцию П. Н. Милюкова // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3 (18). Май. С. 149—154.

[21] *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. С. 147—148.

[22] *Хевролина В. М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 — середина 90-х гг. XIX в.) // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 90, 92, 99, 100. Также см.: *Золотарев Д. П.* Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х — 90-х гг. XIX века: Автореф. дис. <...> канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2004. 24 с.

[23] См.: *Пеунова М. Н.* Неославянофильство // История философии в СССР. М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 323—341; *Голосенко И. А.* Социальная философия неославянофильства: Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России: Очерки немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1978. С. 227—254.

[24] *Конягин М. Ю.* С. Ф. Шарапов: Критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX — начало XX века: Автореф. дис. <...> канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН. М., 1995. С. 1, 2, 6.

В статье В. А. Фатеева можно прочесть следующее: «К группе “поздних” славянофилов обычно относят, прежде всего <…> Н. Я. Данилевского, а также К. Н. Леонтьева и даже Вл. С. Соловьева. <…> Близкие к славянофильским воззрения высказывали и многие церковные деятели. <…> Ф. К. Андреев в обзорной работе “Московская Духовная Академия и славянофилы” (1916) убедительно показал идейные связи славянофилов — от их предшественника Г. Сковороды до А. А. Киреева — с московским академическим богословием. <…> Достаточно большой, хотя и не снискавший известности славянофильский кружок сформировался в 1890-х годах в Петербурге под крылом <…> Т. И. Филиппова в Государственном контроле (А. В. Васильев, И. Ф. Романов-Рцы, С. Ф. Шарапов, Н. П. Аксаков и другие). Нередко именно этих публицистов, сотрудничавших главным образом в непопулярном “Благовесте”, пренебрежительно называют “эпигонами” славянофильства… <…> Основными печатными органами консервативно-православного направления в 1890-е годы были, помимо “Русского труда” и других шараповских изданий, журналы “Русское обозрение” <…> и “Русский вестник”, а также газеты “Московские ведомости” и “Русское слово”. <…> Однако, несмотря на очевидный кризис, славянофильское течение отнюдь не “выродилось” в 1890-е годы, как утверждали П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский, Вл. С. Соловьев и многие другие либеральные публицисты».[25]

«Благовест» А. В. Васильева и «Русское дело» С. Ф. Шарапова продолжают традицию славянофильства в 1890-е гг. — однако в этот период оно действительно переживает деградацию. А написанная А. А. Киреевым брошюра «Краткое изложение славянофильского учения» (СПб., 1896) стала своего рода подведением итогов «развития мысли славянофильской».[26]

Получив 5 июля 1895 г. аудиенцию у Николая II, А. А. Киреев говорил о себе молодому государю: «Я воспитывался и рос среди славянофилов, и теперь обстоятельства поставили меня за неимением достойнейшего во главе славянофильской мысли <…> я в этом служении вижу свой долг, всей своей жизни».[27] А спустя 14 лет, 3 июля 1909 г., в газете «Новое время» выходит статья А. А. Киреева под названием «Неославянофильство (Письмо в редакцию)». Здесь сопоставляются старославянофильство, к которому причисляет себя Киреев, и «неославянофильство», и, естественно, не в пользу последнего. При этом он замечает, что «г. Милюков давно нас хоронит, к счастью — неудачно».[28]

И вновь предоставим слово В. А. Фатееву: «В 1900-е годы в отечественной философской литературе наблюдался постепенный рост славянофильских

---

[25] См.: *Фатеев В. А.* В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. С. 29, 32—34.

[26] См.: *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870—1890 годов: Опыт ведения общественной дискуссии: Монография. СПб.: СПбИГО; ООО «Книжный Дом», 2010. С. 90.

[27] Дневник А. А. Киреева, 1894—1899 гг. // РГБ. Ф. 126. Карт. 12. Л. 24 об. Цит. по: *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика… С. 82.

[28] См.: *Киреев А. А.* Сочинения. СПб., 1912. Ч. I. С. 297—300.

тенденций. Либеральная ветвь славянофильства была представлена, в частности, именами тяготевших к соловьевскому “универсализму” Е. Н. Трубецкого и Н. А. Бердяева. <...> Более явно тяготели к славянофильству С. Н. Булгаков и особенно В. Ф. Эрн... <...> Православное ответвление неославянофильства представляли члены Кружка ищущих православного просвещения (или “новоселовского”), идейным вождем которого считали П. А. Флоренского. <...> В предреволюционные годы круг сторонников славянофильских идей заметно расширился. В умеренно-славянофильском духе выдерживались заседания Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева... <...> Патриотический подъем, связанный с началом войны, привел к росту интереса к полузабытым славянофилам. “Время славянофильствует” <(М., 1915)> — так В. Ф. Эрн отразил в названии своей брошюры преобладающее настроение общества».[29]

В 1916 г. В. В. Розанов вспоминал: «В Москве в самые первые годы XX века зародилось исключительной ценности и значения славянофильское движение, которое по перерыву в нем в конце XIX века стало именоваться “молодым славянофильством”. <...> Центр кружка этого составляли первоначально три окончившие Университет студента: Флоренский, Свенцицкий и Эрн».[30] В том же году П. А. Флоренский писал: «Живое предание славянофильства являлось нам в лице Феодора Дмитриевича <Самарина>. Из рук его мы, внуки, получали нить, связующую с славянофилами-дедами, с славянофильством золотого века».[31]

* * *

Еще раз вернемся к монографии Н. И. Цимбаева — к тексту главы, посвященной эволюции понятий «славянофилы» и «славянофильство». В этой главе представлена своеобразная периодизация славянофильства на протяжении всего XIX века, но только не как учения, а как понятия. В этой периодизации можно выделить, по крайней мере, четыре значения понятия «славянофильство» и, соответственно, четыре этапа: в начале XIX в. речь идет о «славянофилах-шишковистах», в 1840—1850-е гг. — об «истинных славянофилах», в 1870—1880-е гг. — о «славянофилах-славянолюбах», а в конце XIX и начале XX в. — о «славянофилах-националистах».[32] Как видим, с каждым этапом значение понятия «славянофильство» расширяется.

В структуре антологии «Славянофильство: pro et contra» можно рассмотреть трехэтапную периодизацию славянофильства: 1. Идейные споры периода возникновения и расцвета «раннего славянофильства» <(1845—1860)>. 2. Поле-

[29] См.: *Фатеев В. А.* В спорах о самобытном пути России. С. 34, 35.

[30] *Петроградский старожил <Розанов В. В.>*. Бердяев о молодом московском славянофильстве // *МВед*. 1916. 17 авг. № 189. С. 2.

[31] *Флоренский П., свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина: Сообщ. в заседании Братства святителей московских 1-го декабря 1916 г. в сороковой день кончины (23 окт. 1916 г.) / С прил. нескольких писем Ф. Д. Самарина. Сергиев Посад, 1917. С. 6.

[32] См.: *Цимбаев Н. И.* Историософия на развалинах империи. С. 139—200, 193.

мика и исследования периода «почвенничества» и «позднего славянофильства» <(1861—1895)>. 3. Споры и мнения периода «неославянофильства» <(1905—1916)>.[33] В частности, В. А. Фатеев во вступительной статье замечает: «Наиболее значительными фигурами “второй волны” раннего славянофильства были Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков, пронесшие заветы основоположников учения о самобытности русской культуры через десятилетия и ставшие живым связующим звеном между первыми славянофилами и их последователями почти до рубежа веков».[34]

Более подробно остановимся на периодизации славянофильства, предложенной С. М. Сергеевым, который пишет: «*Первый* этап (1839—1857 гг.) мы, вслед за С. С. Дмитриевым, считаем временем “теоретического” славянофильства, когда в дискуссиях с западниками и внутри самого кружка вырабатывались основные идеологемы “московских славян”. *Второй* (1858—1882 гг.) — можно условно назвать “практическим”. Он связан с активными попытками славянофилов претворить свои идеалы в общественной жизни. Здесь и участие в подготовке и проведении крестьянской реформы, и организация земского движения, и создание славянских комитетов, и активное воздействие на внешнюю политику во второй половине 1870-х гг. Крайняя дата — 1882 г. — выбрана не случайно: именно тогда проваливается аксаковский проект созыва Земского Собора, уходит в отставку “славянофильский” министр внутренних дел Н. П. Игнатьев и умирает близкий к славянофилам, популярный в стране генерал М. Д. Скобелев. Эти события, по сути, подвели черту под эпохой ощутимого влияния славянофилов на власть и общественность. <…> *третий* этап истории движения (1883—1910-е гг.) — есть время “позднего” славянофильства, период его “угасания”, маргинализации, и, в конце концов, можно согласиться с Вл. С. Соловьевым, — “вырождения” (правда, сам Соловьев понимал сей “термин” в совершенно ином смысле)». «В 1880—1890-х гг. статус славянофильства как особого направления в русской общественной мысли значительно понизился. После кончины И. С. Аксакова у него не осталось (и не появилось позже) ни одного по-настоящему авторитетного лидера, после прекращения “Руси” — ни одного влиятельного печатного органа». «Славянофильство, несмотря на попытки обновления, постепенно превращается в замкнутую идеологическую секту с влачащими жалкое существование малотиражными и нечитаемыми газетами и журналами. Какую-то одну конкретную дату завершения славянофильства назвать затруднительно. Оно умирало вместе со своими “последними могиканами”: Н. П. Аксаковым (1909 г.), А. А. Киреевым (1910 г.), С. Ф. Шараповым (1911 г.), В. И. Ламанским (1914 г.), Ф. Д. Самариным (1916 г.), Д. А. Хомяковым (1918 г.), А. В. Васильевым (после 1917 г. <1929 г.>)…»[35]

[33] См.: Содержание // Славянофильство: pro et contra. С. 1052—1053.

[34] *Фатеев В. А.* В спорах о самобытном пути России. С. 25.

[35] *Сергеев С. М.* Творческий традиционализм поздних славянофилов. Статья первая: Проблема позднего славянофильства (http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php?sphrase_id=10028). Статья размещена в Сети 3 октября 2009 г.

И, наконец, наша версия периодизации славянофильства: 1-й этап — 1820—1830-е гг. — первоначальное (или подготовительное); 2-й этап — 1839—1860 гг. — раннее (или старшее); 3-й этап — 1860—1870-е гг. — срединное («панславистское»); 4-й этап — 1880—1890-е гг. — позднее (младшее); 5-й этап — 1900—1910-е гг. — неославянофильское («младославянофильское»). Следует выделить переходные, т. е. межэтапные, годы: 1838/1839, 1860/1861, возможно, 1878-й (год окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и закрытия Московского славянского благотворительного общества), и, наконец, рубеж веков (здесь определенной даты мы, к сожалению, пока указать не можем).

Итак, если было *раннее* (старшее, живое, ортодоксальное, коренное, первоначальное, дореформенное, классическое, истинное, теоретическое, хомяковское учение первых славянофилов) и *позднее* (младшее, угасающее, вырождающееся, националистическое) славянофильство, то кажется вполне разумным выделить и *срединное* (пореформенное, практическое, панславистское, иван-аксаковское) славянофильство, или панславянофильство.

Если лидером славянофильства на раннем этапе, несомненно, был А. С. Хомяков, то лидером срединного этапа большинство исследователей считает И. С. Аксакова, который в 1861 г. сильно сомневался в том — сможет ли достойно удержать в своих руках знамя, выпавшее из рук Хомякова. Аксаковское лидерство по сравнению с хомяковским — не столь очевидно. На последующих этапах явного славянофильского лидера не было: Н. П. Гиляров-Платонов скончался в 1887 г., С. Ф. Шарапов до этой роли явно не дотягивал... Кто же еще мог перехватить знамя из рук Ивана Сергеевича — А. А. Киреев, В. И. Ламанский, А. В. Васильев? Они, наверное, это и пытались делать...

К сожалению, «неославянофильство» в начале XX в. сформироваться не успело, а события 1917 г. надолго закрыли путь к попыткам возрождения славянофильского учения и идеологии...

P. S. «Несмотря на строжайшую цензуру, отзвуки славянофильских настроений все же пробивались время от времени и в советский период. <...> В противовес интернационализму официальной идеологии в литературу подспудно просачивались славянофильские настроения, одним из проявлений которых стала проза писателей-“деревенщиков”. <...> В обобщающих трудах о. Г. Флоровского, прот. В. Зеньковского, С. А. Левицкого, Г. П. Федотова и других авторов немало внимания уделялось и славянофильству. Заметным явлением эмигрантской литературы стало так называемое “евразийское движение”, в котором отчетливо прослеживалось влияние славянофильства... <...> В западных странах, в отличие от СССР, славянофильству посвящалось немало работ, в том числе монографии на иностранных языках, посвященные Хомякову, Киреевскому, Аксакову, Самарину, Данилевскому... <...> Начиная с 1960-х годов исследования, посвященные славянофильству, стали все же чаще появляться и в советской России». [36]

---

[36] См.: *Фатеев В. А.* В спорах о самобытном пути России. С. 36, 37, 50, 51.

Обозначим лишь некоторые вехи отечественного славянофиловедения за последние 45 лет. В 1969 г. журнал «Вопросы литературы» провел дискуссию на тему «Литературная критика ранних славянофилов», ставшую важным событием в духовной жизни страны. В 1978 г., а затем в 1994-м выходят в свет сборники статей, посвященные славянофильству.[37]

В октябре 2003 г. создается Институт русской цивилизации, целью которого является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа. Приоритетным направлением деятельности Института стало издание 30-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация в серии «Русская цивилизация» наиболее значимых книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения. В этой серии активно переиздается и наследие славянофилов.[38] Кроме того, Институтом были опубликованы две книги А. Д. Каплина о славянофилах.[39]

В 2006 и 2009 гг. увидели свет два фундаментальных издания: антология текстов славянофилов и их критиков «Славянофильство: pro et contra» и историческая энциклопедия «Славянофилы».[40] В конце 2008 г. при отделе Новой русской литературы Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН) был создан Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени, который осуществляет системное изучение наследия таких литераторов, как А. С. Шишков, П. А. Вяземский, С. П. Шевырев, славянофилы (от братьев И. В. и П. В. Киреевских и А. С. Хомякова до И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова), Ф. И. Тютчев, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев; из позднейших — К. П. Победоносцев, В. В. Розанов, П. П. Перцов, И. Ф. Романов-Рцы, С. Ф. Шарапов, С. Н. Дурылин, М. М. Пришвин, Б. К. Зайцев — вплоть до А. И. Солженицына.[41] На базе Центра издается серия «Славянофильский архив», в которой на данный момент опубликовано две книги.[42]

Наконец, посмотрим, как издается и как изучается наследие славянофилов на примере одного из них — Ивана Сергеевича Аксакова. За последние тридцать лет в советской и постсоветской России (а также в Белоруссии) увидело

[37] Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830—1850-е годы) / ИМЛИ; Отв. ред. К. Н. Ломунов. М.: Наука, 1978; Славянофильство и современность: Сб. ст. / ИРЛИ; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 1994.

[38] См. Интернет-сайт Института русской цивилизации: http://rusinst.ru/default.asp

[39] *Каплин А. Д.* 1) Мировоззрение славянофилов: История и будущее России / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008; 2) Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011.

[40] Выходные данные см. в примеч. 4 и 8.

[41] Страничку Центра см. на Интернет-сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8626).

[42] 1) «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011; 2) *Разумевающие верой.*

свет 14 его книг (в две из них включены и произведения его брата Константина).[43] Начиная с 1972 г. о деятельности, трудах и взглядах Ивана Сергеевича защищены 9 кандидатских диссертаций (4 исторических, 4 филологических и одна политологическая),[44] опубликованы 3 монографии.[45] В 2009—2012 гг. под на-

[43] *Аксаков И. С., Аксаков К. С.* Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981; *Аксаков И. С.* 1) И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки / Предисл., сост. и коммент. М. А. Чванова. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1986; 2) Письма к родным, 1844—1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988; 3) Письма из провинции; Присутственный день в уголовной палате / Авт. предисл. Т. Ф. Пирожкова. М.: Правда, 1990; 4) Письма к родным, 1849—1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994; 5) Биография Федора Ивановича Тютчева / Репр. воспр. изд. 1886 г. М.: АО «Кн. и бизнес», 1997; 6) Еврейский вопрос. М.: Изд. дом «Социздат», 2001; 7) Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. статья, примеч. В. Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002; 8) Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003—2004; 9) У России одна-единственная столица...: Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И. С. Аксакове. Венок И. С. Аксакову. Москва И. С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г. В. Чагина. М.: Русскiй мiръ, 2006; 10) И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. <Оттава>, 2007; 11) Наше знамя — русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008; 12) О державности и вере. Минск: Белорус. правосл. церковь, 2010; *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010.

[44] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов: Дис. <...> канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1972; *Порох В. И.* Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И. С. Аксакова в годы первой революционной ситуации: Дис. <...> канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1974; *Греков В. Н.* И. С. Аксаков — журналист, 40—60-е годы XIX века: Дис. <...> канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1988; *Вихрова Н. Н.* И. С. Аксаков и «Пушкинский вопрос» в русской литературе: Дис. <...> канд. филол. наук / Новгород. гос. ун-т. В. Новгород, 1999; *Валитов А. Р.* Федор Тютчев и Иван Аксаков: Поэт и его биограф: Дис. <...> канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. Ярославль, 2002; *Фурсова Е. Б.* Политические принципы консерватизма в творчестве И. С. Аксакова (1823—1886): Дис. <...> канд. полит. наук / Моск. гос. ун-т. М., 2006; *Бадалян Д. А.* И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: Дис. <...> канд. ист. наук / С.-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2010; *Сташнева М. А.* Социально-политическая программа газеты И. С. Аксакова «Русь» (1880—1886 гг.): Дис. <...> канд. ист. наук / Нижегор. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2011; *Кунильский Д. А.* Ф. М. Достоевский и братья К. С. и И. С. Аксаковы: Проблема восприятия русской литературы: Дис. <...> канд. филол. наук / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 2011.

[45] *Китаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И. С. Аксаков в обществ. движении нач. 60-х гг. XIX в.). Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974; *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; *Фурсова Е. Б.* И. С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М., 2006. См.

шей редакцией изданы 4 выпуска, составивших 8 книг, материалов для летописи жизни и творчества И. С. Аксакова.[46]

P. P. S. В историческую энциклопедию «Славянофилы» вместе «с данными о “классических” славянофилах вошли сведения о русских мыслителях и общественных деятелях, близких к славянофилам по своим взглядам и устремлениям».[47] По этому поводу О. А. Платонов в предисловии разъясняет: «Рядом со славянофилами и вслед за ними развивались близкие им по мировоззрению (но не во всем согласные с ними) “почвенники”, “охранители”, “панслависты”, православные националисты, объединенные в единое духовное поле. Поэтому при составлении словаря “Славянофилы” мы сочли необходимым включить в него не только те персоналии, которых прежняя научная традиция именовала славянофилами (“классическими”, “истинными” славянофилами, неославянофилами), но более широкий круг русских мыслителей, писателей, публицистов, деятелей культуры, государственных и общественных деятелей, близких к славянофилам по своим взглядам и устремлениям... <...> Таким образом, в энциклопедию вошли не только собственно славянофилы, но их идейные предшественники и последователи, а также те, на кого так или иначе оказало влияние мировоззрение славянофилов, включая скончавшихся на сегодняшний день мыслителей XX—XXI вв.».[48] Так, в энциклопедии представлены сведения о жизненном пути и взглядах около 140 лиц, умерших после 1917 г.

Таким образом, история славянофильства продолжалась, по крайней мере, на протяжении почти целого столетия — от 1820-х до 1910-х гг. Но завершилась ли она с гибелью царской России? Не продлилась ли, пусть не явно, а потаенно, в трудах национально ориентированных мыслителей и исследователей, живших как в Советском Союзе, так и за его пределами? И не свидетельство ли тому — все возрастающий интерес к славянофильству в современной России? Эти вопросы, как нам кажется, остаются открытыми для будущих дискуссий.

также брошюру: *Пирожкова Т. Ф.* И. С. Аксаков-журналист (1850—1860 гг.): Учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студентов 4-го курса дневного, вечер. и заоч. отд-ний. М.: Фак. журналистики МГУ, 2002.

[46] Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества / Сост.: С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; Под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2009—2012. Вып. 1—4. (Издание доведено до 1869 г.)

[47] Славянофилы: Ист. энциклопедия. С. 4.

[48] Там же. С. 13—14.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия учреждений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (М.).
ГЛМ — Государственный литературный музей (М.).
ГУДП — Главное управление по делам печати.
ГУЦ — Главное управление цензуры.
ДА — духовная академия.
ДС — духовная семинария.
ДУ — духовное училище.
ИАН — Императорская Академия наук.
ИВЭО — Императорское Вольное экономическое общество.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (СПб.).
МВД — Министерство внутренних дел.
МДА — Московская духовная академия.
МДС — Московская духовная семинария.
МИД — Министерство иностранных дел.
МНП — Министерство народного просвещения.
МЦК — Московский цензурный комитет.
ОЛРС — Общество любителей российской словесности.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (М.).
ОР — Отдел рукописей.
РАН — Российская Академия наук.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (М.).
РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (М.).
РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.).
РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.).
РО — Рукописный отдел.
СПбФ АРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
СПбЦК — С.-Петербургский цензурный комитет.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

Произведения печати

Аксаков в письмах — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М.: Рус. книга, 2003—2004. Т. I—III. (Рус. мемуары).

БВ — «Богословский вестник».

ВЕ — «Вестник Европы».

Возвращение Гилярова — Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; Отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007. 440 с.; ил.

Вопросы веры и Церкви — *Гиляров-Платонов Н. П.* Вопросы веры и Церкви: Сб. ст. 1868—1887 гг. / Под ред. <и с предисл.> кн. Н. В. Шаховского. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1905—1906. Т. I—II.

Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и значит. доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903—1909. Т. I—IV.

ЕВ — епархиальные ведомости.

Из пережитого. 2009 — *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания: В 2 т. / Изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2009. (Лит. памятники).

ИВ — «Исторический вестник».

МВед — «Московские ведомости».

НВр — «Новое время».

Переписка с Филипповым — «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым / Введение, сост., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Историко-философский ежегодник'2008 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. О. В. Голова. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

Письма к Гальперсон — «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы / ИРЛИ РАН; Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 171—251.

Письма к Романову-Рцы — «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // *Возвращение Гилярова.* С. 209—364.

РА — «Русский архив».

Разумевающие верой — Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2011. 548 с.; ил.

РВ — «Русский вестник».

РО — «Русское обозрение».

РР — «Русская речь».

РС — «Русская старина».

Сб. соч. — *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899—1900. Т. I—II.

СИ — «Современные известия».

Смирнов — *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814—1870). М.: Унив. тип., 1879. 655 с.

Собрание мнений и отзывов Филарета — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М.: Синодал. тип., 1885—1887. Т. I—VI.

СПбВед — «С.-Петербургские ведомости».

ЦВ — «Церковный вестник».

ЦОВ — «Церковно-общественный вестник».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Научное издание

НИКИТА ПЕТРОВИЧ ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ

**Исследования. Материалы.
Библиография. Рецензии**

Под общей редакцией *А. П. Дмитриева*

Корректор *А. П. Дмитриев*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *С. А. Гавриловой*
Подписано в печать 14.03.2013. Формат $70 \times 100\ ^1/_{16}$.
Гарнитура Октава. Уч.-изд. л. 59,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 800 экз. Заказ № 3729

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12